U 327/167

6. 2

ИЗЪ КНИГЪ ГРАФА СЕРГѢЯ ДМИТРІЕВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА
DEUS CONSERVAT OMNIA

ШКАФЪ 18 ПОЛКА 6 №: 13

И 327/167

ЛѢТОПИСНЫЙ РАЗСКАЗЪ

СОБЫТІЙ

КІЕВСКОЙ, ВОЛЫНСКОЙ и ГАЛИЦКОЙ

РУСИ

ОТЪ ЕЯ НАЧАЛА ДО ПОЛОВИНЫ XIV ВѢКА.

ИЗДАЛЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ:

о значеніи Русской Лѣтописи въ духовномъ развитіи Русскаго народа
и о феодализмѣ на Руси

Александръ Клевановъ.

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, № 7.
1871.

ЭБ

2007110041

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

29036-Ч

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Силою обстоятельствъ, валею-неволею устраненный, можетъ-быть и не безъ моей вины, отъ всякой дѣятельности служебной и общественной, стараюсь хотъ изданіемъ книгъ приносить посильную пользу. Кромѣ римскихъ классиковъ любимымъ предметомъ моего изученія съ молодыхъ лѣтъ были памятники отечественной исторіи и между ними на первомъ планѣ лѣтописи. Мнѣ пришло на мысль передать нѣкоторыя изъ нихъ языкомъ современнымъ, въ особенности лѣтопись Нестора, которая и по внутреннему достоинству и по изложенію лучше другихъ и служила образцомъ всѣмъ послѣдующимъ его продолжателямъ. Простой, безъискусственный разсказъ лѣтописца право несравненно интереснѣе и можетъ быть прочитанъ съ большими удовольствіемъ и пользою, чѣмъ любыя изслѣдованія ученыхъ, гдѣ данныя подчиняются извѣстному и не всегда вѣрному воззрѣнію. Признаюсь по крайней мѣрѣ за себя, что я нѣсколько разъ не безъ наслажденія прочиталъ наши лѣтописи; но, несмотря на все свое желаніе прочесть *Исторію Россіи* г-на С., не могъ одолѣть и десятка страницъ; или она выше моего пониманія, или она дѣйствительно, будучи богата содержаніемъ, изложеніемъ вовсе не отличается. Лучше же, кто имѣетъ возможность, черпать воду свѣдѣній изъ источника, а не изъ мутнаго водопровода, къ которому обращаться можетъ заставить только необходимость.

Въ предлагаемомъ здѣсь изданіи читатель найдетъ полный переводъ двухъ лѣтописей, напечатанныхъ Археографическою коммиссіею подъ названіемъ: древній текстъ лѣтописи Нестора (въ первомъ томѣ собранія лѣтописей) и Ипатьевскую лѣтопись (во 2 томѣ того же собранія). То, что напечатано подъ названіемъ *Древняго текста лѣтописи Нестора*, вовсе не принадлежитъ все Нестору. Не говоря уже объ окончаніи, гдѣ священникъ Сильвестръ поручаетъ себя вниманію читателя не какъ переписчикъ просто, но какъ составитель лѣтописи, въ ней есть еще вставки; такъ разсказъ объ ослѣпленіи Василька и послѣдующихъ событіяхъ сдѣланъ отъ лица какого-то священника Василія. Поученіе Владиміра Мономаха, лишенное начала, также вставка. По словамъ Нестора (въ лѣтописи), онъ писалъ еще при жизни полоцкаго князя Всеслава, а между тѣмъ въ лѣтописи, напечатанной подъ именемъ Нестора, излагаются не только смерть Всеслава, но и послѣдуюшія событія. Вообще вѣрно то, что изложеніе лѣтописи, дошедшее до насъ подъ именемъ Нестора, не только вполнѣ въ имѣющихся у насъ спискахъ не принадлежитъ ему, но искажено позднѣйшими вставками изъ другихъ лѣтописцевъ и составляетъ лѣтописный сборникъ разныхъ авторовъ; такъ договоры Олега и Игоря, изложенные въ лѣтописцѣ кратко, внесены подлинникомъ изъ другаго источника, если даже—на что есть не мало основаній — не вовсе вымышленные.—Могъ ли Несторъ, разсказывая сказку о богатырѣ, убившемъ Печенѣга, событіи подавшемъ будто бы поводъ Владиміру построить Переяславль (на томъ основаніи что нашъ *переялъ славу* у чужеземца) забыть, что онъ же, Несторъ, упоминаетъ не разъ о существованіи Переяславля еще при Олегѣ, дѣдѣ Владиміра? Какъ бы то ни было, но лѣтопись извѣстная намъ какъ принадлежащая преподобному Нестору, отличается простымъ, яснымъ, хотя и крайне наивнымъ, свойственнымъ тому времени, изложеніемъ. Ипатьевская лѣтопись также

читается легко и пріятно; но Волынская лѣтопись уже носитъ на себѣ характеръ испорченности; еслибы не для полноты изложенія событій Юго-Западной Руси, то ее не стоило бы и передавать здѣсь; напыщенностью выраженій, безсмысленностью изложенія она приводитъ въ отчаяніе читающаго, и не разъ готовъ былъ я ее бросить. Волынская лѣтопись, это—какой-то межеумокъ; она уже утратила характеръ лѣтописи, но не достигла еще правильнаго историческаго изложенія. Хотя какой-то досужій переписчикъ и расположилъ событія по годамъ, но это вовсе не идетъ, потому что составитель лѣтописи постоянно на много лѣтъ то уходитъ впередъ, то возвращается назадъ. Притомъ Волынская лѣтопись отличается хвастливостью и напыщенностью изложенія, смахивающею на польскія лѣтописи. Знаніе Гомера (или Омира, какъ онъ его называетъ) нисколько не помогло составителю Волынской лѣтописи, и она есть уже искаженіе нашихъ лѣтописей, послѣднее ея явленіе въ краю, задавленномъ чуждыми ему религіею и народностью. Я счелъ кстати напечатать здѣсь два мои историческія изслѣдованія, появившіяся въ свѣтъ въ *Чтеніяхъ* Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ въ 1848 году, такъ какъ этотъ годъ изданій общества сдѣлался библіографическою рѣдкостью. Изслѣдованія эти носятъ названіе. первое: «о значеніи русской лѣтописи въ духовномъ развитіи Рускаго народа» и второе: «о Феодализмѣ на Руси». Поручая ихъ, какъ относящіяся до предмета, вниманію читателя, считаю неизлишнимъ замѣтить, что оба они писаны мною на двадцатомъ году жизни; что съ того времени опытъ дѣйствительности во многомъ измѣнилъ мой взглядъ на предметы и уже не съ такою восторженностью смотрю я на народность и на народъ вообще. Люди порядка, стоящіе за сохраненіе общества и государства, должны быть также солидарны между собою, несмотря на народности, къ которымъ принадлежатъ, какъ и члены пагубной международ-

ной ассоціаціи, врага всякаго порядка, религіи и просвѣщенія. Поэтому, я признаюсь, гораздо болѣе лежу сердцемъ къ здравомыслящему Нѣмцу, чуждому несбыточныхъ и пагубныхъ теорій, чѣмъ коммунисту, хотя бы и русскому, топоромъ грозящему всему, что есть развитаго, образованнаго. Въ виду опасностей, грозящихъ въ корнѣ существованію общественнаго порядка, вопросъ національности отходитъ на второй планъ и дѣло людей порядка у всѣхъ народовъ должно быть общее для защиты себя и цивилизаціи отъ петролеума и топоровъ. — Впрочемъ любопытно было мнѣ и самому черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ прочесть эти строки, полныя такой горячей любви ко всему народному, ко всему славянскому, хотя опытъ жизни учитъ, что легко можно Славянину у Славянина бѣдствовать, а Славянину у Нѣмца благоденствовать, и наоборотъ. Но это завело бы насъ далеко и потому остановимся на этомъ.

Въ 1849 году издано мною еще изслѣдованіе отдѣльною книгою, подъ названіемъ: «Исторія Югозападной Руси, отъ ея начала до половины XIV вѣка». Оно было написано какъ разсужденіе на степень магистра русской исторіи, но взято мною обратно вслѣдствіе непріятности, въ которой и я не совсѣмъ былъ правъ, съ покойнымъ профессоромъ С. П. Шевыревымъ, въ то время деканомъ историко-филологическаго факультета. Хотя это изслѣдованіе и прошло кажется совершенно незамѣченнымъ въ нашемъ ученомъ мірѣ, но напечатанное въ количествѣ только 600 экземпляровъ, оно въ настоящее время въ продажѣ почти не находится. Перепечатывать означенное изслѣдованіе не нахожу основаній, но считаю не лишнимъ выписать только нѣкоторые главные тезисы или выводы этой неудавшейся диссертаціи и представляю ихъ на судъ безпристрастнаго читателя: 1) *Русь* первоначально была воинскою дружиною, составленною изъ различныхъ народностей, но съ преобладаніемъ Славянской. 2) Держава, основанная Рюрикомъ, Олегомъ и Игоремъ, не

была государствомъ въ собственномъ смыслѣ, а соединеніемъ племенъ, изъ коихъ каждое удержало нѣкоторую степень самобытности. 3) Принятіе православной вѣры отъ Грековъ дало нравственную физіономію, духовное единство собранію разнородныхъ племенъ, Славянскихъ и другихъ, покоренныхъ Русью. 4) Впрочемъ народности и по принятіи христіанства сохранили стремленіе къ разобщенію и самостоятельности. 5) Первоначальное дѣленіе Руси на княжества соотвѣтствовало главнымъ племенамъ, вошедшимъ въ составъ, такъ что каждое изъ нихъ и хотѣло и должно было имѣть особаго князя. 6) Главнымъ отличительнымъ правомъ князя великаго или старѣйшины княжескаго рода было: *надѣлять волостями младшихъ князей, его родичей*. 7) Стремленіе младшихъ князей въ ихъ борьбѣ со старѣйшиною рода состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы отданное имъ во временное владѣніе (волости) обратить въ потомственное въ своемъ родѣ (вотчины). 8) Когда младшимъ князьямъ удалось обратить ихъ волости въ вотчины, то вся Юго-западная Русь распалась на множество мелкихъ владѣній, которыя съ каждымъ поколѣніемъ дробились все болѣе и болѣе. Тотъ князь сдѣлался сильнѣе другихъ, у кого вотчина была обширнѣе и богаче, а именно Галицкій. 9) Съ раздѣленіемъ Руси, составлявшей прежде общее, нераздѣльное достояніе всего княжескаго рода, на множество наслѣдственныхъ участковъ или вотчинъ, начались между князьями безконечныя распри и войны о томъ, какъ бы свои частныя владѣнія увеличить на счетъ другихъ. 10) Великій князь Кіевскій утратилъ свое значеніе старѣйшины рода съ ослабленіемъ родственныхъ воспоминаній во множествѣ возникшихъ отраслей и съ раздачею всего, что имѣлъ, въ собственность младшимъ князьямъ. 11) Младшіе князья, обративъ свои временныя волости въ вотчины и опасаясь за ихъ сохраненіе, стали сажать на престолъ Кіевскій одного изъ среды себя, обязавъ его не только не отнимать у нихъ даннаго

или захваченнаго имъ прежде, но и роздать остатки общаго родоваго наслѣдія. 14) Югозападная Русь утратила силу, а вслѣдъ за тѣмъ и самостоятельность, когда начало подчиненіе всѣхъ князей одному, старшему въ родѣ, потеряло силу, а другое, высшее, начало законности, юридическихъ отношеній и государственной жизни не развилось. Вся Югозападная Русь, находясь въ переходномъ положеніи отъ семейно-родоваго къ государственному, распалась на множество независимыхъ одно отъ другаго владѣній, истощившихъ послѣднія свои силы въ борьбѣ междуусобной и сдѣлавшихся вслѣдствіе этого легкою добычею сначала Татаръ, потомъ Литвы и Польши.

Замѣчателенъ фактъ, относящійся до исторіи Галицкаго княженія въ особенности: это усиленіе *боярства* на счетъ княжеской власти. Къ сожалѣнію, въ лѣтописяхъ очень мало свѣдѣній о томъ, какъ развилось и усилилось боярство; но вѣрно то, что усиленіе или преобладаніе этого сословія возникло по примѣру сосѣдственной Польши, и оно-то облегчило скорое и незамѣтное сліяніе этого края съ Польскимъ королевствомъ.

Сколько мнѣ извѣстно, у насъ до сихъ поръ изслѣдователи нашей исторіи очень мало обращали вниманія на важный элементъ жизни Югозападнаго края, а именно на такъназываемыхъ *Черныхъ Клобуковъ*. Вѣрно то, что въ нихъ преобладалъ элементъ не Славянскій, а они усилились до того, что располагали Кіевскимъ престоломъ и по волѣ своей сожали на него князей. Не въ Черныхъ ли Клобукахъ надобно искать начала *казаковъ*, которымъ суждено было явиться представителями демократическаго элемента въ коренной аристократической славянской державѣ-Польшѣ. Вообще *казачество*—элементъ вовсе не славянскій, а пришлый, восточный.

О значеніи Русской Лѣтописи въ духовномъ развитіи Русскаго народа.

Есть нѣсколько видовъ критики литературныхъ произведеній, весьма различныхъ между собою и дающихъ очень несходное понятіе о самыхъ произведеніяхъ. Литературныя произведенія разсматриваются или сообразно съ законами того частнаго рода, къ которому они принадлежатъ, или сообразно съ своимъ внутреннимъ значеніемъ. Критика есть высокое исскуство, и тотъ, кто въ состояніи оцѣнить произведеніе великаго ума и понять вполнѣ его достоинство, заслуживаетъ почти стать наравнѣ съ творцемъ этого произведенія. Критика, какъ исскуство чувствовать живыя красоты произведеній ума человѣческаго, есть исскуство творческое: для него потребно много свѣдѣній, много ума практическаго и много чувствительности. Чья душа мягче, воспріимчивѣе и чувствительнѣе къ изящному, та уже носитъ въ себѣ зародышъ творчества: а творчество такъ рѣдко въ наше время, когда и самый идеалъ изящнаго готовы сдѣлать копіею міра дѣйствительнаго. Да! Въ нашъ вѣкъ уже нѣкоторые умы упиваются надеждою возможности примиренія двухъ несовмѣстимыхъ началъ, души и тѣла, внутренняго и внѣшняго развитія, думаютъ составить идеалъ душевно-тѣлесный, идеалъ, гдѣ душа и тѣло равно видѣли бы высшее совершенство, какое только доступно на землѣ. Пустая и обманчивая надежда! Духъ и матерія вѣчно борятся и будутъ бороться на землѣ: ущербъ одного есть торжество другой, и надобно опасаться (что уже отчасти и случается дѣйствительно), чтобы, льстя себя обманчивой надеждой, что мы такъ, мимоходомъ, рѣшили великій вопросъ, надъ которымъ трудились тысячелѣтія, что мы равно воспитываемъ

и духъ и вещество, не впасть непримѣтно въ состояніе, въ которомъ вещество будетъ преобладать надъ духомъ и приметъ самое крайнее, гибельное для человѣчества и народа развитіе. Духовное прекрасное всегда и вездѣ прекрасно, и оно не подлежитъ условіямъ времени и мѣстности: оно вѣчно, какъ духъ, его произведшій. Прекрасное вещественное условно и зависитъ отъ вкуса каждаго, и единственное мѣрило здѣсь есть сужденіе большинства. Обоготвореніе *дѣйствительности*, будто бы представляющее желаемое соединеніе духовнаго и вещественнаго, и возвышеніе вѣрной копіи дѣйствительнаго до высшаго идеала изящнаго, есть одно изъ самыхъ вредныхъ заблужденій человѣчества, могущихъ имѣть самыя опасныя вліянія на его развитіе. Дѣйствительность всегда представляла борьбу духовнаго съ вещественнымъ, и измѣненіе то того, то другаго составляло главный интересъ ея. Дѣйствительность не всегда одно и то же, но она развивается съ развитіемъ человѣчества, и опытъ чисто умственной дѣятельности служитъ къ украшенію и облагороженію дѣйствительности. Но если дѣйствительность не облагорожена духовнымъ вліяніемъ, то она становится вовсе ничтожною; такова дѣйствительность существъ неразумныхъ, которая по стольку изящна, по скольку возвышенны и превосходны законы высшаго разума, въ ней проявившіеся; сама же по себѣ эта дѣйствительность изящною никогда быть не можетъ: она безпрестанно измѣняется, не постоитъ ни на минуту, а потому и самое изящное, если бы оно въ ней заключалось, было бы подвержено безпрерывнымъ измѣненіямъ. Гдѣ же неистощимый источникъ всего изящнаго? Безспорно, въ самомъ духѣ, который есть совершеннѣйшій предметъ, существующій на землѣ. Если принять за постоянный идеалъ дѣйствительность въ самой лучшей ея порѣ, когда она наиболѣе насыщена идеями, этими вѣчными созданіями безконечнаго духа, оживляющими всякую внѣшнюю форму, то съ теченіемъ времени, съ развитіемъ идей, дѣйстви-

тельность останется позади нихъ, и, вмѣсто живой и прекрасной формы, станетъ сухимъ остовомъ. Такъ идеаломъ красоты человѣческой нельзя избрать ни одно изъ дѣйствительно существующихъ лицъ, потому что какъ бы оно ни было превосходно, но оно подвержено измѣненіямъ и съ годами приметъ совершенно иной видъ. Слѣдовательно, идеала прекраснаго надобно искать въ духѣ, нестарѣющемся и неизмѣнномъ. Нашъ вѣкъ—и въ лучшихъ дѣятеляхъ своихъ—жестоко ошибается, стараясь уравновѣсить вещественное съ духовнымъ, какъ бы опасаясь излишняго развитія этого послѣдняго. Странное и тщетное опасеніе! Если въ здѣшнемъ мірѣ чисто матеріальныя богатства никогда не могутъ быть излишними, какъ бы они велики ни были, то можемъ ли мы думать, чтобы избытокъ духовнаго развитія могъ быть намъ когда-нибудь въ тягость? Современный образованный человѣкъ, старающійся соединить несоединимое, духовное, совершенство съ совершенствомъ вещественнымъ, забылъ изреченіе Спасителя, что невозможно служить вмѣстѣ Богу и мамонѣ (богатству), что невозможно съ равнымъ усердіемъ служить двумъ господамъ, потому что, угождая одному, легко пренебречь другимъ. Современное человѣчество мыслило соединить развитіе вещества и духа, но не повредило ли оно послѣднему, не парализовало ли оно иныя жизненныя его силы? Къ несчастію, опытъ дѣйствительности учитъ насъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно.

Духъ не можетъ оставаться въ бездѣйствіи: онъ созерцаетъ самъ себя, и отъ этого созерцанія происходятъ идеи, какъ непосредственныя созданія творческаго духа. Духъ у всѣхъ разумныхъ существъ, безъ различія ихъ степеней, состоитъ изъ одной и той же сущности, но онъ видоизмѣняется чрезвычайно по степени разумнаго сознанія. «Богъ есть Духъ» сказалъ Спаситель; Онъ есть Духъ, имѣющій полное и совершеннѣйшее сознаніе Своей природы, и потому Верховное начало всего духовнаго и вещественнаго. Блѣдиѣе

и блѣднѣе становится сознаніе на низшей степени существъ духовныхъ: существа разумныя безтѣлесныя имѣютъ постоянно сознаніе своего бытія, но не бытія всего сущаго, которое принадлежитъ одной Божественной природѣ. Сознаніе человѣческаго духа весьма различно; но главный признакъ его слабости въ земномъ его пребываніи есть тотъ, что онъ не всегда и непостоянно сознаетъ себя. Главная причина, конечно, та, что онъ поставленъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ веществу, съ которымъ онъ долженъ постоянно бороться: чѣмъ упорнѣе духъ силится покорить себѣ внѣшнюю природу, особенно свои собственныя вещественныя стремленія, тѣмъ сильнѣе сознаетъ онъ свою духовную природу. Есть люди (и таково-то значительное большинство), которые прожили весь свой вѣкъ безъ внутренняго сознанія, духъ которыхъ довольствовался тѣмъ, что оживлялъ ихъ внѣшними силами. Но за то есть и избранники Неба, особенно одаренные великимъ геніемъ люди, духъ которыхъ доходитъ до высшей степени сознанія. Эта высшая степень сознанія, какая только доступна на землѣ духу, есть вдохновеніе, состояніе, въ которомъ онъ сознаетъ не только себя и все свое духовное величіе, но и приподымаетъ завѣсу инаго міра, отчизны духа, гдѣ все ему родное. Въ такихъ-то людяхъ, если только ихъ можно назвать людьми, узнается особенно и величіе духовной природы человѣка и несовмѣстимость ея съ вещественною. Доколѣ не сознаютъ себя, они смѣшаны съ толпою другихъ людей и повидимому ничѣмъ отъ нихъ не отличаются; но приходитъ минута сознанія или вдохновеніе, и тогда-то вполнѣ высказывается и обнаруживается неистощимая полнота духа; пройдетъ она—и человѣкъ становится тѣмъ же слабымъ существомъ, какъ и всякой другой. Есть немногіе люди, величайшіе геніи, жизнь которыхъ — непрерывное сознаніе, которые съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаруживаютъ высшія потребности; они непосредственно посланы Провидѣніемъ, чтобы просвѣтить человѣчество и

открыть ему великія и полезныя для него истины *). Однако, духовная природа въ сущности своей всегда одинакова, и степень сознанія можетъ быть всегда усвоена духомъ, если только онъ напрягнетъ всѣ свои силы. Потому духовная природа нисколько не возвышеннѣе у такого-то образованнаго человѣка, чѣмъ у такого-то крестьянина; но различная степень ея условлена созваніемъ, вызваннымъ образованіемъ; такъ что очень можетъ быть, что крестьянинъ, перенесенный въ сословіе образованное и воспитанный духовнымъ образомъ, получилъ бы высокую степень духовнаго сознанія; но, по недостатку образованія, въ обыкновенномъ положеніи крестьянина, сознаніе его духа не всегда можетъ пробиться наружу. Впрочемъ, было множество примѣровъ, что люди самые простые и лишенные, по видимому, средствъ пріобрѣсть образованіе, однимъ размышленіемъ и наблюденіемъ за всѣми движеніями своего духа доходили до высокой степени духовнаго сознанія. Вещество же тѣмъ существенно отличается отъ духа, что себя сознавать не можетъ, но между тѣмъ и другимъ непримѣтнаго будто бы перехода, который пригрезился нѣкоторымъ мечтателямъ, вовсе нѣтъ и быть не можетъ. Съ каждымъ духомъ неразлучно творчество, но оно видоизмѣняется по степени духовнаго сознанія: неограниченное творчество свойственно только тому, кто пользуется совершеннѣйшимъ сознаніемъ своего собственнаго существа. Степени дальнѣйшаго творчества соразмѣрны съ степенью духовнаго сознанія, и, чѣмъ кто лучше сознаетъ свою духовную природу, тѣмъ тотъ способнѣе къ творчеству.

Да и что такое самое творчество? Творить не существующаго человѣка невозможно; для него творить есть воспоминать или вызывать изъ сокровищницы духа его произведенія, идеи. Духъ, въ естественномъ своемъ положеніи, не свя-

*) Таковы были всѣ великія историческія лица; и они ошибались, какъ люди, но вмѣстѣ были творцами новаго порядка вещей.

занный ни какими внѣшними отношеніями, никогда не остается праздень: онъ живетъ, и эта жизнь сказывается въ его произведеніяхъ или идеяхъ. Духовное всемогущество Господне таково, что каждая Его идея немедленно принимаетъ форму дѣйствительно существующаго; такимъ образомъ, каждая Божія идея етть уже вѣчно существующій образъ и даже предметъ (субъектъ). Въ процессѣ Божественнаго творчества мысль есть уже дѣйствіе. Существа чисто духовныя, въ которыхъ духъ не поставленъ въ зависимости ни отъ какой ему враждебной силы, хотя и въ меньшей етепени, однако также вмѣстѣ мыслятъ и дѣйствуютъ, такъ что для нихъ самое дѣйствіе состоитъ въ мысли. Возможность существа чисто духовнаго объсняется возможностью существа чисто мыслящаго. Духъ человѣческій, по существу своему раздѣляющій всѣ главныя свойства духа вообще, долженъ соразмѣрять свою внутреннюю жизнь съ условіями внѣшняго міра, въ которомъ онъ заключенъ. Ничто не доказываетъ лучше безконечности стремленій духа и искуственной слабости, въ которую онъ поставленъ внѣшними условіями, какъ собственный опытъ каждаго, пришедшаго въ сознаніе человѣка, а не такого, который живетъ безъ внутреннихъ потребностей. Какъ могучъ человѣкъ мыслью! Для нея не существуетъ ни условій времени и мѣста, никакихъ внутреннихъ и внѣшнихъ препятствій: она—полная властительница міра и всего окружающаго, что, по видимому, ожидаетъ только ея повелѣній. Но для человѣка мысль не есть еще дѣйствіе, и, чтобы осуществить малѣйшую изъ его идей, тѣснящихся въ умѣ его, сколько усилій и напряженія необходимо, и годы, десятки лѣтъ протекутъ, прежде нежели мысль, мгновенно зародившаяся въ головѣ, получитъ хотя самое неполное проявленіе! Кто изъ людей мыслящихъ не испытывалъ того душевнаго состоянія, когда какая нибудь важная мысль занимаетъ все существо наше: тогда для насъ нечувствительно время, мѣсто и самое общество

людское; мысль разрываетъ всѣ эти условія. И дѣйствительно, человѣку, мыслящему, и въ здѣшнемъ состояніи легко понять возможность вѣчности, ибо для мысли не существуетъ времени съ его раздѣленіями: оно улетаетъ непримѣтно, нечувствительно, и только житейская дѣятельность напоминаетъ намъ объ немъ. Мысль человѣческаго духа не можетъ немедленно, какъ мысль безтѣлеснаго духа, перейдти въ дѣйствіе: она должна сначала найдти себѣ проявленіе во внѣшности, пробиться сквозь ея условія; иначе, она не будетъ доступна сознанію другихъ людей, и потому останется навсегда одинокою и безплодною. Идеи суть, такъ сказать, признаки духовной жизни, и по нимъ узнается степень самаго развитія духа. Подъ идеею разумѣемъ здѣсь не одни философскія идеи, но всѣ идеи вообще, какія только могутъ имѣть мѣсто въ духѣ человѣческомъ.

Но человѣкъ часто принужденъ бываетъ дѣйствовать, соображаясь болѣе съ внѣшними обстоятельствами, чѣмъ съ внутренними своими идеями; тѣмъ не менѣе, только тѣ дѣйствія человѣка сознательны и заслуживаютъ вниманія другихъ людей, которыя произведены развитіемъ идеи, а не условлены причинами, чисто случайными. Изучая жизнь человѣка замѣчательнаго въ какомъ нибудь отношеніи, мы обращаемъ вниманіе только на тѣ событія его жизни, которыя представляютъ намъ, такъ сказать, лѣтопись духовнаго развитія его, по которымъ мы можемъ узнать, какую идею онъ призванъ былъ осуществить своею жизнью и дѣятельностью; на прочія, чисто случайныя, обстоятельства его жизни мы не обращаемъ вниманія, потому что они представляютъ совершенное отсутствіе всякаго духовнаго интереса. Въ этомъ смыслѣ и самое литературное произведеніе должно быть разсматриваемо преимущественно со стороны своей идеи, а не со стороны внѣшнихъ условій, болѣе или менѣе произвольныхъ. Притомъ, самыя разбираемыя сочиненія могутъ быть важными или сами по себѣ, или потому,

что ими знаменуется извѣстная ступень умственнаго развитія цѣлаго народа и даже всего человѣчества. Многія произведенія литературныя и даже большая часть ихъ, не смотря на минутный успѣхъ, хотя и довольно замѣчательны сами по себѣ, но не представляютъ собою никакой полезной и важной идеи, и потому съ теченіемъ времени не имѣютъ никакого достоинства. Въ человѣчествѣ и народѣ повторяются рѣшительно тѣ же явленія, которыя свойственны душѣ каждаго человѣка: такъ наша память не удерживаетъ въ себѣ рѣшительно всего, что только доходитъ къ ней, не сохраняетъ всего сдѣланнаго и сказаннаго, но только то, что важнѣе, а особенно то, что имѣетъ связь съ другими, подобными воспоминаніями, что представляетъ, такъ сказать, звено неразрывной цѣпи. Извѣстно, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ удержать въ памяти явленіе, одинокое въ своемъ родѣ и не имѣющее себѣ соотвѣтствующихъ. Если мы обратимъ вниманіе на исторію собственнаго нашего духа, то мы, конечно, не станемъ останавливаться на мелочныхъ и малозначительныхъ его дѣйствіяхъ, но на тѣхъ, которыя служатъ, такъ сказать, точками поворота, отъ которыхъ измѣняется направленіе его развитія. Въ литературной дѣятельности извѣстнаго писателя дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы исчислить все, что онъ написалъ до послѣдней печатной строки, но чтобы показать, какую идею призванъ былъ извѣстный писатель осуществить своею дѣятельностью, и опредѣлить, по скольку онъ исполнилъ свое назначеніе и по скольку эта основная идея высказывается въ его главныхъ произведеніяхъ.

Но неужели, спросятъ, каждый писатель призванъ осуществить какую-нибудь идею? Есть идеи возвышенныя и плодотворныя въ высшей степени, идеи, которыя равно полезны всему человѣчеству и совершаютъ въ немъ всемъ коренную перемѣну къ лучшему; но такія идеи, чтобы быть полезными и совершить вполнѣ свое предназначеніе, должны

раздробиться на частныя идеи. Такъ, возмемъ для объясненія образъ изъ природы вещественной: огромная рѣка, назначенная для питанія цѣлой страны, только тогда вполнѣ осуществляетъ свое назначеніе, когда, раздробленная на мелкіе каналы и протоки, наполяетъ живительною влажностью не только берега свои, но и всю внутренность страны. Самая великая и полезная истина не вдругъ можетъ быть понята всѣмъ человѣчествомъ, и какъ бы ни былъ великъ геній носителя этой истины, все таки ему никогда не удастся самому видѣть полное торжество ея: много и много времени, трудовъ и дѣятелей потребно бываетъ, чтобы плоды этой истины превратить въ сокъ и кровь человѣчества, утвердить ее навсегда за нимъ. Какъ въ внѣшнемъ мірѣ, чѣмъ огромнѣе и великолѣпнѣе зданіе, тѣмъ болѣе нужно бываетъ работниковъ, и тѣмъ долговременнѣе продолжается его строеніе: такъ и въ мірѣ духовномъ, чѣмъ величественнѣе и важнѣе идея, тѣмъ труднѣе бываетъ усвоить ее человѣчеству, тѣмъ болѣе бываетъ нужно самихъ дѣятелей, изъ которыхъ каждый, сообразно съ своимъ частнымъ призваніемъ станетъ осуществлять ту или иную сторону идеи, ту или иную второстепенную, въ ней, главной, заключающуюся идею. Есть люди, исключительно призванные къ высказыванію идей, а другіе, и несравненно большее число, назначено на ихъ осуществленіе. Идея, какъ порожденіе безсмертнаго духа, однажды высказавшись, погибнуть не можетъ: она не есть простое представленіе или образъ безъ опредѣленной формы, но есть *что-то*, духовное существо. Каждая идея Божества есть духъ, разумное существо. Идеи ума или духа человѣческаго суть непосредственное произведеніе самой сущности Духа, и въ философѣ она (да простятъ намъ это странное сравненіе!) походитъ на паутину, которая, не истощая паука, безпрестанно вьется изъ его тѣла; и это тѣмъ справедливѣе, чѣмъ возвышеннѣе духъ человѣка, чѣмъ онъ образованнѣе, но не школьною, мертвою, образованностью,

а живою, вѣчною, которая возникаетъ изъ собственнаго размышленія и наблюденія окружающей насъ природы. Каждая идея, однажды высказавшись въ опредѣленной формѣ, есть уже существо духовное, отъ духа человѣческаго независимое; даже идея, не получившая полнаго проявленія, вышедъ изъ ума человѣка, ее пустившаго на свѣтъ Божій, ищетъ, прежде всего, наиболѣе сообразной съ своею сущностью, формы, чтобы соединиться съ нею: когда это совершится, тогда идея уже живетъ жизнью, совершенно самостоятельною, и тогда она доступна равно всѣмъ людямъ.

Идеи можно раздѣлить на личныя, народныя и общечеловѣческія. Народъ есть духовное цѣлое, живущее своею особенною внутреннею жизнью, которая высказывается въ идеяхъ, осуществляемыхъ внѣшними дѣйствіями народа. Нѣтъ ни одного человѣка, который жилъ бы безъ идей, которыя въ немъ высказываются иногда вовсе безсознательно; совокупность лицъ составляетъ народъ, а совокупность идей личныхъ составляетъ идеи народныя. Чѣмъ какое лице возвышается надъ своими частными идеями и яснѣе высказываетъ идеи народныя, тѣмъ оно важнѣе въ самой исторіи народа или совокупности его дѣйствій и мыслей. По тому то истинная исторія есть наука о развитіи идей народныхъ, по скольку оно выражается въ дѣйствіяхъ народныхъ или событіяхъ. Изъ этого видно, какъ ложно и неосновательно мнѣніе тѣхъ, которые дѣлаютъ исторію наукою чисто повѣствовательною, содержащею связный разсказъ о происшествіяхъ, болѣе или менѣе занимающихъ своею странностью и случайностью. Конечно, нѣтъ ни одного малѣйшаго и, по видимому, самаго незначительнаго событія, которое не способствовало бы къ постиженію тайны народной жизни, и потому исторія не должна пренебрегать ни какимъ средствомъ узнать истину. Въ этомъ случаѣ никакое, самое блестящее, воображеніе не можетъ замѣнить для историка недостатка основательныхъ свѣдѣній. Соображенія историка-философа,

относительно внутренняго смысла событій, должны непремѣнно быть основаны на самихъ данныхъ жизни народной, и только въ такомъ случаѣ они имѣютъ въ глазахъ всего человѣчества великую важность. Какъ неуловимо для человѣка развитіе его чисто физическихъ силъ въ его собственномъ тѣлѣ; такъ точно и умственное развитіе познается изъ дѣйствій человѣка, изъ его мыслей и сужденій. Что можетъ быть превосходнѣе и возвышеннѣе картины развитія духа человѣческаго въ лицахъ, въ народахъ, и особенно въ высшемъ цѣломъ, человѣчествѣ! Если вниманіе человѣка, внутренне развитаго и чувствительнаго, останавливается невольно надъ растеніемъ и съ любовью слѣдитъ за его произрастаніемъ, удивляясь чудному согласію всѣхъ его частей и дивному порядку, съ которымъ законы внѣшней природы осуществляются и въ малѣйшемъ существѣ, то во сколько разъ превосходнѣе картина разумнаго развитія, по которой во внѣшнихъ дѣйствіяхъ человѣка и народа мы уловляемъ черты, обличающія въ томъ и въ другомъ присутствіе безсмертнаго духа!

Господство человѣка надъ всѣмъ, его окружающимъ, основывается не на правѣ сильнаго, а на правѣ духа, разума, надъ веществомъ. Вся внѣшняя природа есть только проявленіе духовныхъ идей, отъ Божества происшедшихъ, но проявленіе, чисто страдательное и безсознательное. Идея никогда не можетъ вполнѣ вылиться во внѣшней природѣ, и красоту явленій этой природы и ея значеніе для духа человѣческаго составляетъ степень приближенія къ той идеѣ, которая въ нихъ высказывается. Человѣкъ сочувствуетъ внѣшней природѣ не потому, что онъ подчиненъ одною своею частью тѣмъ же внѣшнимъ законамъ, какимъ и она, но потому, что онъ въ явленіяхъ природы не останавливается на ихъ внѣшности, доступной его чувствамъ и пріятно или непріятно ихъ поражающей, но потому, что онъ сквозь эту внѣшность видитъ идею, себѣ родную, идею одного съ нимъ происхожденія. Такимъ обра-

зомъ вся природа проникнута идеями, этими внѣшними изліяніями Божества. Но, такъ какъ идея чисто духовная не можетъ никогда высказаться вполнѣ въ веществѣ, то, отсюда, борьба духа и вещества неизбѣжна. Идеи предметовъ, какъ происшедшія отъ Духа, представляющаго собою безусловное благо, могутъ быть только совершенны и благи. Зло же происходитъ вовсе не отъ сущности идей, которыя всегда и во всѣхъ случаяхъ благи, но отъ столкновеній этихъ идей съ веществомъ. Идеи не могутъ быть злы, но при осуществленіи ихъ на дѣлѣ люди уклоняются иногда отъ цѣлей, къ которымъ назначены своимъ Творцомъ, и въ этомъ случаѣ происходитъ зло. Отъ чего происходитъ зло въ обществѣ человѣческомъ? Не отъ того ли, что люди недовольны своимъ назначеніемъ, не хотятъ покориться ему, и по этому нарушаютъ единство и гармонію законовъ общества, и производятъ зло? Богъ такъ премудро устроилъ міръ, что въ немъ нашлось бы мѣсто для каждаго существа, для каждой вещи, и порядокъ былъ бы совершеннѣйшій, если бы и существо и вещь оставались каждое на своемъ мѣстѣ. Если бы каждый человѣкъ понялъ вполнѣ свое назначеніе и осуществлялъ бы только ту идею, для которой онъ живетъ, то зла не было бы въ мірѣ, каждый находился бы въ совершенномъ мирѣ и единствѣ со всѣмъ, его окружающимъ. Но такого равновѣсія не можетъ быть въ здѣшнемъ мірѣ, не отъ несовершенства человѣческаго духа, а отъ того, что онъ не вполнѣ и не совершенно высказывается въ внѣшней природѣ. Самое трудное дѣло для каждаго, и вполнѣ сознавшаго себя, человѣка не есть ли то, чтобы опредѣлить, къ чему назначило его Провидѣніе, чтобы не обмануться на счетъ своего мѣста въ этомъ несмѣтномъ числѣ лицъ, составляющихъ человѣчество, чтобы найдти свою идею и осуществить ее своею жизнью? И дѣйствительно, опытъ достаточно показываетъ намъ, сколько людей, безспорно одаренныхъ великимъ умомъ и талантами, погиб-

ли, не совершивъ своего назначенія, отъ одного перваго ложнаго шага въ жизни, отъ того только, что не умѣли сознать своего положенія по отношенію къ себѣ и другимъ. Мы, люди въ мірѣ, представляемъ огромное собраніе, гдѣ каждому назначено его мѣсто, на которомъ онъ совершенно можетъ быть доволенъ; но горе тому, кто отстанетъ отъ другихъ, потеряетъ свое мѣсто, или будетъ искать его въ толпѣ: сколько толчковъ и оскорбленій получитъ тотъ, можетъ-быть даже никогда не достигнетъ своего мѣста, и, истомленный, падетъ, не пришедши къ цѣли! Главнымъ источникомъ зла въ человѣческомъ обществѣ бываетъ именно то, что люди никакъ не могутъ примириться съ скромностью своего положенія. И таково-то внѣшнее обольщеніе, которое влечетъ человѣка все выше, таково именно отъ великаго вліянія примѣра другихъ, что и люди, которые сознаютъ, что они вовсе не къ тому назначены, увлеченные толпою, идутъ вовсе къ чуждой имъ цѣли, безъ всякаго внутренняго влеченія!... Итакъ зло происходитъ отъ того, что благія цѣли, къ осуществленію которыхъ назначены идеи, не достигаются отъ несовершенства естества, въ которомъ выражены идеи, или, другими словами, зло есть уклоненіе отъ добра. Безусловнаго зла быть не можетъ, потомучто и самое отрицаніе добра, возможное только на словахъ, на дѣлѣ существовать не можетъ. Отсюда совершенно объяснимо временное существованіе зла, совмѣстное съ благостью Божіею: зло не могло бы быть, еслибы все въ мірѣ было на своемъ мѣстѣ; но уклоненіе идей есть зло относительное, которое легко можетъ окончиться тогда, когда и самыя идеи будутъ обращены къ своимъ истиннымъ цѣлямъ.

Зло еще происходитъ и отъ того, что идеи, въ сущности своей благія, вполнѣ не могутъ, осуществиться въ веществѣ, по самому существенному отъ него отличію. Вещество или матерія есть только оболочка духа. Человѣкъ представляетъ въ себѣ соединеніе вещественной и духовной

природы самое совершеннѣйшее; духъ проникъ вещество въ самой высшей степени, какая только возможна для него въ соединеніи съ веществомъ, и самъ, въ свою очередь, подчинился отчасти его законамъ. То, что въ другихъ явленіяхъ міра. вещественнаго существуетъ только отчасти, въ человѣкѣ проявляется вполнѣ. Ни въ чемъ идея не соединилась такъ хорошо съ веществомъ, какъ въ человѣкѣ, высшемъ проявленія духа въ веществѣ. Потому человѣкъ никогда не долженъ быть разсматриваемъ какъ чисто духовное существо, ибо въ немъ духъ соединенъ съ веществомъ, а потому находится вовсе въ иномъ положеніи, нежели духъ совершенно свободный отъ всѣхъ внѣшнихъ условій. Отсюда и все человѣческое представляетъ соединеніе духовнаго, внутренняго, съ внѣшнимъ, физическимъ. Стало-быть, жестоко ошибаются тѣ, которые поступаютъ съ человѣкомъ какъ будто съ чисто-духовнымъ существомъ и не принимаютъ въ соображеніе внѣшней, физической, которая потому иногда ужасно мститъ за свое пренебреженіе. Человѣкъ всегда долженъ быть разсматриваемъ и подъ условіями внѣшней природы, потому что духъ его пока на землѣ совершенно отъ нихъ освободиться не можетъ. И даже онъ такъ тѣсно отъ нихъ зависитъ, что и свободное отправленіе его чисто-духовныхъ дѣйствій невозможно при пренебреженіи внѣшнихъ условій. Кто не испытывалъ на себѣ этой нѣкотораго рода зависимости человѣка отъ законовъ природы? Но совершенное примиреніе духа и тѣла невозможно. Если, съ одной стороны, въ человѣкѣ видимъ совершеннѣйшее проникновеніе вещества духомъ, то, съ другой стороны, нельзя не примѣтить того, что въ человѣкѣ совершается самая упорная борьба этихъ враждебныхъ началъ, начинающаяся и продолжающаяся отъ первыхъ дней рожденія до той минуты, когда тѣло, оставленное духомъ, подпадаетъ условіямъ чисто-вещественной природы. Не было, нѣтъ и никогда не будетъ человѣка, который про-

жилъ бы всю жизнь безъ всякой духовной потребности, подъ условіями внѣшней природы. Вѣчная природа духа всегда одинакова, но въ человѣкѣ она непремѣнно требуетъ сильнаго развитія и перевѣса надъ внѣшними условіями, чтобы высказаться, и потому, при отсутствіи благопріятныхъ условій для своего проявленія, она не будетъ обнаруживаться и предоставитъ всего человѣка условіямъ внѣшней природы; но и тутъ она не можетъ оставаться въ бездѣйствіи, а непремѣнно выскажется непроизвольнымъ образомъ. Развитіе способностей и образованіе необходимы для того, чтобы духъ могъ вполнѣ высказаться: при отсутствіи этихъ условій проявленія его будутъ рѣдки, случайны. Если человѣкъ съ величайшими дарованіями не имѣлъ случая и возможности развить свои духовныя силы, то онъ всегда останется человѣкомъ чисто внѣшнимъ; такъ, напр., много говорятъ о томъ, что наше Кавказское поколѣніе болѣе другихъ одарено умственными способностями. Едва ли! оно поставлено было всегда въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели другія; но придетъ пора, когда признано будетъ равное право всѣхъ народовъ на духовное развитіе, и когда всѣ они не будутъ подчинены чисто-внѣшнимъ условіямъ. Дитя европейца, воспитанное среди дикарей, будетъ нисколько не даровитѣе и умнѣе этихъ послѣднихъ. Да и самый образованный человѣкъ, съ душею наиболѣе развитою, значительно измѣнится, если его перенести въ общество людей дикихъ: живя между ними, онъ невольно загрубѣетъ и умомъ и чувствами. Но это происходитъ отъ недостатка внѣшнихъ условій, необходимыхъ для проявленія духа, котораго внутренняя природа всегда и вездѣ одинакова. Внѣшность еще ничего не значитъ, и можетъ-быть въ томъ или иномъ дикомъ скрывается великій духъ. Намъ могутъ замѣтить, что наше мнѣніе слишкомъ странно, и могутъ привести намъ въ доказательство примѣры людей, даже цѣлыхъ народовъ, неспособныхъ къ высшему образо-

ванію. Конечно, бываютъ исключенія; но всякая здравая, хотя даже и грубая, природа человѣческая способа къ духовному развитію, и нашъ крестьянинъ въ своемъ простомъ, естественномъ, состояніи обнаруживаетъ глубокій умъ и неиспорченное чувство. Образованіе истинное не состоитъ ни въ внѣшнемъ лоскѣ просвѣщенія, ни въ накопленіи массы свѣдѣній, остающихся безъ приложенія, но въ самостоятельномъ, собственнымъ размышленіемъ достигнутомъ, развитіи силъ нашего духа, т. е. ума и чувства. Такое образованіе не покупается деньгами; средства къ нему Богъ разсѣялъ повсюду на землѣ, въ природѣ и въ духѣ, всѣмъ доступныя. Правда, люди, по свойству природы своей, всегда недовольные своимъ положеніемъ, нерѣдко воображаютъ, находясь иногда подъ тяжкимъ гнетомъ физическихъ трудовъ и лишеній, что будто и они бы имѣли право, какъ и другіе, на пользованіе благами міра, на равное участіе въ ученомъ образованіи, и потому даже насильственно стараются выйдти изъ своего положенія. Но общество человѣческое перестало бы существовать, еслибы такія нелѣпыя требованія могли имѣть какую-нибудь надежду на осуществленіе. Человѣкъ можетъ быть добрымъ христіаниномъ и хорошимъ членомъ общества на всякомъ мѣстѣ и при всякой степени образованія. Въ настоящее время, при видѣ гибельныхъ плодовъ ложнаго образованія, съ горестью чувствуешь болѣе, нежели когда-нибудь, справедливость изреченія Байрона: «Древо познанія не есть древо жизни (The tree of knowledge is not that of life).»

Что можетъ быть возвышеннѣе и важнѣе назначенія исторіи, какъ науки о проявленіи безсмертнаго духа человѣка въ внѣшнихъ явленіяхъ; но какъ не многіе понимаютъ вполнѣ это назначеніе исторіи, и какъ, напротивъ, большая часть считаетъ складный разсказъ о томъ или иномъ происшествіи достаточнымъ для того, чтобы носить имя историка! Исторія, въ смыслѣ науки о воспитаніи духа чело-

вѣческаго, народнаго и общечеловѣческаго, не ограничивается однимъ кругомъ всемірной исторіи или рядомъ всемірно-историческихъ происшествій, но содержитъ въ себѣ всѣ проявленія безсмертнаго духа въ веществѣ; такимъ образомъ нѣтъ ни одного человѣка, который не принадлежалъ бы къ области исторіи. Духъ человѣческій вездѣ одинъ и тотъ же, его сущность равно вездѣ превосходна; потому проявленія его и въ самомъ ничтожномъ и слабомъ существѣ такъ же должны быть цѣнимы, какъ и проявленія въ лицахъ высокихъ и важныхъ. Потому что кто поручится намъ, что и подъ самою малозначительною, даже презрѣнною, наружностью не скрывается великій духъ, достойный лучшаго положенія? Кто можетъ проникнуть въ глубину души и наблюдать явленія, тамъ происходящія? Какъ много такихъ людей, которые никогда не жили наединѣ съ своимъ духомъ? Въ этомъ отношеніи чрезвычайно трудно, даже невозможно, бываетъ человѣку вполнѣ оцѣнить нравственное состояніе другаго человѣка: иногда тамъ, гдѣ вовсе не ожидаете, вы найдете душу чувствительную и воспріимчивую ко всему доброму,—душу пылкую и способную къ самой высокой дѣятельности; и, съ другой стороны, обрѣтете подъ заманчивою наружностью, подъ блестящею внѣшностью, совершенное отсутствіе духовнаго развитія. Духъ можетъ имѣть сочувствіе только къ духу же, и, сознавая себя, сознаетъ явленіе и духа, къ которому чувствуетъ влеченіе: такъ, очень часто случается видѣть людей, совершенно сочувствующихъ душевно другъ другу и раздѣляющихъ до того одинъ и тотъ же образъ мыслей и чувствъ, что самыя внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ на нихъ одинаково. Но, безъ всякой наклонности къ жалобѣ на время, въ которое мы живемъ,—жалобѣ, дошедшей уже, отъ частаго повторенія, до безсмысленнаго общаго мѣста, замѣтимъ явленіе, въ справедливости котораго не могутъ не сознаться люди мыслящіе и наблюдательные,—о вредѣ, происшедшемъ для ду-

ховнаго развитія отъ излишней заботливости о матеріальномъ благосостояніи. Каждый изъ людей, отъ величайшаго генія до совершеннаго дикаря, имѣетъ безсмертный духъ, въ сущности своей одинъ и тотъ же, но имѣющій различные частные дары, непосредственно отъ Бога проистекающіе; духъ же способенъ къ безконечному развитію, которое, при всей самостоятельности своей, подчинено здѣсь, на землѣ, внѣшнимъ условіямъ и законамъ чисто-внѣшней природы. Сущность безсмертнаго духа никогда не можетъ быть унижена никакими внѣшними условіями, ни даже недостаткомъ внутренняго образованія, потому что онъ, духъ, всегда и вѣчно остается одинъ и тотъ же, такъ что духъ, отходя въ вѣчность изъ тѣла, въ которомъ онъ жилъ, не уноситъ съ собою ничего болѣе того, что онъ принесъ съ собою въ міръ. Духъ, какъ царь внѣшней природы, хотя временно и подчиненъ ея условіямъ, не нуждается ни въ какомъ образованіи, которое все въ немъ самомъ содержится и развивается только внѣшнимъ ученіемъ: все, что узнаетъ духъ, онъ узнаетъ изъ самого себя и изъ своей возвышенной природы; наше, человѣческое, ученіе было бы для него ненужно, еслибы онъ не состоялъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Сущность духа человѣческаго одна и та же и въ самомъ образованномъ Европейцѣ и въ какомъ-нибудь Самоѣдѣ, или Якутѣ, но она можетъ обнаруживаться только при пособіи внѣшняго образованія, которое ничего духу дать не можетъ, но дѣйствуетъ на него развивательно, вызывая изъ него явленія духовныя. При отсутствіи благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, самый богато одаренный и благородный духъ высказаться не можетъ; но онъ отъ того ничего не потеряетъ изъ своей возвышенной природы. Сокровище духа и въ человѣкѣ, и въ народѣ, и въ человѣчествѣ, подобно всякому минеральному сокровищу, требуетъ благопріятныхъ условій и великихъ трудовъ, чтобы обнаружиться во внѣшнихъ явленіяхъ; впрочемъ, лишен-

ное ихъ и оставаясь въ нѣдрахъ земли, золото всегда останется золотомъ и не утратитъ своей благородной природы.

Отсюда, для истиннаго философа, развитіе человѣческаго духа вездѣ драгоцѣнно, въ какой бы оболочкѣ ни заключался онъ; случай рожденія рѣшительно ничего не значитъ въ духовномъ развитіи, и, при высокомъ общественномъ положеніи, при всѣхъ богатствахъ матеріальныхъ, при всѣхъ внѣшнихъ наслажденіяхъ, можно очень быть бѣдну духовнымъ развитіемъ, и обратно. Конечно, случай рожденія важенъ потому, что съ нимъ соединены бываютъ средства къ образованію, и, слѣдственно, къ развитію духа; но не можемъ не замѣтить здѣсь, что не всякое ученіе ведетъ къ образованію человѣка, пролагаетъ путь его самостоятельной духовной дѣятельности. Есть родъ ученія, который не только-что не ускоряетъ естественнаго развитія разума, но притупляетъ его и не даетъ ему развиться; это ученіе—дѣло принужденія и памяти. Почти всѣ согласны въ томъ (и это доказано множествомъ примѣровъ), что дѣти, которыхъ насильно понуждали къ ученію, которымъ принужденно, такъ сказать, влагали науку въ душу, бывали и бываютъ всегда люди очень ограниченные, даже тупоумные. Истинное ученіе не столько должно состоять въ томъ, чтобы наполнить память человѣка наибольшимъ числомъ положительныхъ свѣдѣній, чтобы заранѣе заковать его раждающуюся мысль въ заранѣе же приготовленныя формы и тѣмъ сдавить естественное развитіе, но въ томъ, чтобы пробуждать въ немъ самостоятельную умственную дѣятельность, чтобы, не давая ему учить безсознательно на память, возбуждать въ немъ охоту къ свѣдѣніямъ, и потомъ уже удовлетворять ее; а если нѣтъ этой внутренней жажды къ знанію, то оно навсегда останется безполезнымъ. Ученіе, какъ дѣло памяти, повторяемъ, не только не вызываетъ духовнаго развитія, но скорѣе убиваетъ его; чаще случается встрѣтить въ простолюдинѣ, въ которомъ умственная дѣятельность развилась сама собою и

отъ обращенія съ людьми, и который совершенно лишенъ былъ внѣшняго образованія, несравненно болѣе простаго здраваго смысла и правильнаго взгляда на вещи, чѣмъ у того или инаго, мнимо образованнаго, человѣка, мыслящаго и чувствующаго не самостоятельно, не вслѣдствіе внутренней потребности, а въ мысляхъ и чувствахъ рабски подражающаго другимъ. Ученое образованіе только тогда полезно, когда оно пробуждаетъ самостоятельное внутреннее развитіе, пріучаетъ насъ употреблять свои собственныя духовныя силы, дарованныя Богомъ, а не полагаться всегда на слова другихъ, кто бы они ни были; и только такое воспитаніе можетъ образовать человѣка, способнаго къ самобытной дѣятельности, который не будетъ нуждаться въ мнѣніи другаго, какъ въ опорѣ своихъ слабыхъ духовныхъ силъ. Собственное размышленіе есть главный и наилучшій источникъ духовнаго развитія, несравненно болѣе богатый, чѣмъ ученіе, какъ дѣло памяти. Свѣдѣнія, сами по себѣ взятыя, т. е. каждое отдѣльно, безъ отношенія одно къ другому, часто совершенно безполезны и ненужны. Какую пользу могутъ принести человѣку отрывочныя свѣдѣнія изъ всѣхъ наукъ въ мірѣ? Мы думаемъ, рѣшительно никакой. Каждый фактъ, каждое свѣдѣніе имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, на которомъ оно важно въ высшей степени: фактъ, въ ряду другихъ фактовъ и по отношенію къ развитію идеи, свѣдѣніе въ ряду другихъ свѣдѣній въ цѣломъ составѣ науки. Можно ли почесть того человѣка истинно умнымъ, котораго свѣдѣнія ограничиваются тѣмъ, что онъ знаетъ наизусть любой нѣмецкій конверсаціонсъ-лексиконъ? Конечно, на этого человѣка, еслибы онъ былъ возможенъ, смотрѣли бы какъ на диковинку, но онъ никогда бы не пріобрѣлъ извѣстности самостоятельною дѣятельностью. Знать факты и свѣдѣнія, другими добытыя, недостаточно; надобно, чтобы и тѣ и другіе прошли сквозь наше сознаніе, и тогда уже, проникнутые идеею, они будутъ стоять каждое на своемъ опре-

дѣленномъ мѣстѣ. Масса свѣдѣній, не связанныхъ идеею, будетъ только въ тягость тому, кто ею обладаетъ. Развитіе духа совершается не одною наукою, которой совершенно недостаточно для полноты развитія; она условливается равнымъ и постепеннымъ развитіемъ трехъ главныхъ дѣятельностей духа: дѣятельности умственной, нравственной и чувственной. Особенно важна, при полномъ, соразмѣрномъ, развитіи духа, дѣятельность нравственная, которою, впрочемъ, не всегда тщательно занимаются. Развитіе ума, какъ бы оно ни было превосходно, никогда не произведетъ полнаго духовнаго человѣка, для котораго необходима соразмѣрность между развитіями всѣхъ силъ его духа. Русскій простолюдинъ, если онъ не совершенно загрубѣлъ въ невѣжествѣ, или не заражень чуждыми его природѣ элементами, представляетъ намъ вполнѣ соотвѣтственное, соразмѣрное развитіе всѣхъ силъ духа, — развитіе слишкомъ ограниченное, но такое, какое, скажемъ откровенно, встрѣчается только между не многими изъ людей учено-образованныхъ. Въ русскомъ простомъ человѣкѣ видимъ немного положительныхъ свѣдѣній, но за то эти свѣдѣнія совершенно соотвѣтствуютъ тому положенію, въ которое его поставило Провидѣніе, и у него нѣтъ свѣдѣній лишнихъ, ненужныхъ, которыя не могутъ принести ему никакой пользы. Три главныя дѣятельности духа: дѣятельность умственная, нравственная и чувственная, у русскаго простолюдина находятся на первой степени развитія, но онѣ представляютъ удивительное согласіе и соразмѣрность между собою; чувство вѣры сливаетъ эти дѣятельности воедино и ведетъ ихъ къ одной общей цѣли. А чувство вѣры именно таково, что ему только принадлежитъ вносить миръ въ нашъ духъ и всю нашу дѣятельность очищать и облагораживать; въ чувствѣ вѣры мирятся всѣ способности нашего духа и всѣ онѣ получаютъ изъ него новую пищу. Безъ истиннаго чувства вѣры человѣку невозможна внутренняя гармонія силъ его духа, которыя, при отсутствіи

живаго чувства вѣры, будутъ развиваться дробно; борьбы между различными способностями духа быть не можетъ, по тому что онѣ всѣ проистекаютъ изъ одного и того же источника, но между ними есть борьба видимая. Если человѣкъ, занявшись исключительно развитіемъ одной особенной дѣятельности духа, пренебрежетъ прочими, то все-таки уничтожить, вырвать ихъ изъ своего духа онъ не можетъ, и, при отсутствіи благопріятныхъ условій, онѣ непремѣнно будутъ развиваться, хотя ихъ развитіе, сдавленное излишнимъ преобладаніемъ одной силы, будетъ неправильное, уродливое.

Въ самой сущности духовной природы лежитъ развитіе, равно необходимое и въ человѣкѣ, и въ народѣ, и въ человѣчествѣ. Но духъ можетъ только развиваться изъ самого себя, изъ своей сущности, а не отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ условій, которыя могутъ способствовать, или препятствовать внѣшнему движенію развитія, но сущности, или направленія, его измѣнить не могутъ. Все развитіе человѣчества—и прошедшее, и настоящее, и будущее—лежитъ въ немъ, въ самомъ духѣ. Если состояніе безтѣлеснаго и блаженнаго духа есть сознаніе, т. е. полное понятіе о своей духовной природѣ и постоянное созерцаніе ея, то состояніе человѣка, представляющаго соединеніе тѣла и духа, двухъ различныхъ природъ, таково быть не можетъ; тѣлесная природа несовмѣстна съ полнымъ сознаніемъ духовной природы, и въ стремленіи-то къ этому сознанію лежитъ начало развитія всего человѣческаго духа и самый процессъ его. Все, что можетъ знать духъ,—все, что можетъ онъ чувствовать,—все, что можетъ онъ дѣлать въ области своей духовной природы, лежитъ въ немъ самомъ, въ духѣ человѣческомъ, и привести въ сознаніе то, что скрывается въ духѣ, вотъ та цѣль, къ которой стремятся, сознательно и безсознательно, человѣчество, народы и каждый изъ насъ.

Отсюда теперь понятно, что развитіе духа въ здѣшнемъ мірѣ безконечно, потому что духъ исчерпать своей духовной

природы не можетъ. Полное сознаніе можетъ получить духъ, если будетъ того достоинъ, только за предѣлами гроба. Но, поставленный въ соединеніи и отчасти въ зависимости тѣлесной природы, человѣкъ не можетъ вполнѣ сознать своего духа и можетъ остаться во всей своей жизни человѣкомъ чисто-чувственнымъ, между тѣмъ какъ у него таится неистощимое богатство духовной природы. Духъ ничего не теряетъ изъ своей сущности отъ соединенія съ веществомъ, но онъ не сознаетъ себя, и человѣкъ остается, наравнѣ съ прочими животными, рабомъ законовъ и условій внѣшней природы. Однако, то несомнѣнно, что въ каждомъ человѣкѣ есть духовное начало или сознательное, или безсознательное; отличительное стремленіе человѣка, пробудившагося къ сознанію, есть стремленіе развить свою духовную природу, узнать, что въ ней содержится. Духъ не есть складочное мѣсто, гдѣ собираются свѣдѣнія, взятыя изъ внѣшней природы, и впечатлѣнія ея, какъ думала школа философовъ французскихъ XVIII столѣтія. Все, что узнаетъ, чувствуетъ или дѣлаетъ духъ, узнаетъ, чувствуетъ и дѣлаетъ изъ неистощимой сущности своей, и внѣшняя природа дать ему рѣшительно ничего не можетъ. Внѣшняя природа, разсматриваемая въ цѣломъ ея составѣ и во всѣхъ ея явленіяхъ, есть подобіе человѣка, т. е. низшая ступень духовныхъ существъ. Божеству, какъ Духу совершеннѣйшему, принадлежитъ полное творческое сознаніе; безтѣлеснымъ духамъ — относительное сознаніе по отношенію къ Божеству, и полное по отношенію къ духамъ овеществленнымъ; духу, поставленному въ соединеніе съ веществомъ, соединеніе, какое мы видимъ въ человѣкѣ, возможно стремленіе къ сознанію по стольку, по сколько духовная природа преобладаетъ въ человѣкѣ. И природа также имѣетъ духъ и вещество, но вещество постоянно господствуетъ надъ духомъ, и потому природѣ даже стремленіе къ сознанію невозможно; но и для нея есть будущность: идеи природы внѣшней, соотвѣтствующія явленіямъ внѣшней

природы, возвратятся къ своему Вѣчному Источнику. . . . . Внѣшняя природа, слѣдственно, только въ такой мѣрѣ способствуетъ стремленію къ сознанію, въ какой человѣкъ сочувствуетъ въ ней ея духовной сторонѣ, любуется въ ней отраженіемъ своего собственнаго духа. Отсюда видно, что безразсудно было бы ставить высшимъ предметомъ человѣческаго стремленія равновѣсіе началъ духовнаго и тѣлеснаго; напротивъ, цѣль стремленія человѣческаго есть сознать свою духовную природу, сколько то возможно въ веществѣ, и, слѣдственно, дать перевѣсъ своей духовной природѣ. И къ чему вести человѣчество назадъ, къ невозможному соединенію и равновѣсію тѣла и духа, когда человѣчество давно уже пережило то время своего развитія, когда въ немъ, какъ въ совокупности лицъ, духовная природа только въ такой степени сознала себя, въ какой она же находится и въ природѣ? Въ древнемъ мірѣ высшимъ стремленіемъ человѣка было жить по законамъ простой, безъискуственной природы; но съ того времени человѣчество сдѣлало безконечный шагъ впередъ, и ничто теперь его назадъ возвратить не можетъ. Изученіе человѣка въ разныхъ его состояніяхъ и возрастахъ представляетъ странныя и еще, можетъ-быть, не вполнѣ замѣченныя, явленія. Человѣкъ есть воплощеніе духа въ веществѣ, и дѣятельность человѣка заключается въ стремленіи сознать духовную природу, сколько то возможно въ веществѣ.

Но обратимся къ явленіямъ, представляемымъ намъ опытомъ. Человѣкъ въ дикомъ состояніи несравненно менѣе сознаетъ свою духовную природу, нежели сколько она высказывается даже во многихъ явленіяхъ внѣшней природы: во многихъ животныхъ, повидимому, болѣе разумнаго начала, чѣмъ у младенца, и даже у взрослаго, но дикаго, человѣка. Какое торжество для матеріалиста! Какое, по его мнѣнію, неопровержимое доказательство того, что все развитіе человѣка происходитъ отъ внѣшней природы. Но теперь ничего не стоитъ опровергнуть это доказательство, надъ ко-

торымъ такъ трудились многіе философы XVIII столѣтія. Тутъ и узнается все торжество духовной природы, и все богатство развитія человѣчества, если мы сравнимъ дикаго, взятаго съ острововъ Великаго океана, и поставимъ его на ряду съ Платономъ, или Ньютономъ. Какое безконечное различіе, скажетъ всякой! Но замѣтимъ, что духовная природа и въ дикомъ, и въ великомъ философѣ—одна и та же. И Платонъ, и Ньютонъ, и другіе великіе наставники человѣчества высказывали не свои собственныя мечты, но то, что лежитъ въ сущности каждаго человѣческаго духа. Человѣкъ дѣйствительно бываетъ въ извѣстныхъ положеніяхъ ниже внѣшней природы, т. е. онъ менѣе сознаетъ и осуществляетъ свою духовную природу, нежели сколько духовное начало выражается въ явленіяхъ внѣшней природы. Младенецъ и дикій человѣкъ вовсе не сознаютъ своей духовной природы, и все стремленіе ихъ тогда ограничивается чисто животными потребностями. Была пора въ человѣческомъ развитіи, и даже теперь она еще существуетъ, хотя не вездѣ, что высшимъ предметомъ стремленія самихъ образованныхъ народовъ было стремленіе сравняться съ внѣшнею природою и ея явленіями въ сознаніи своей духовной природы. Человѣкъ достигъ высшей степени равновѣсія началъ духовнаго и тѣлеснаго, достигъ высшей точки единенія съ внѣшнею природою въ древнемъ мірѣ, когда стремленіе подражать природѣ внѣшней было отличительнымъ характеромъ тогдашняго стремленія человѣка. Христіанство принесло съ собою завѣтъ будущаго совершеннаго торжества духа и возможности его полнаго сознанія, и хотя потомъ случались уклоненія назадъ къ языческому равновѣсію духа и тѣла, но великій шагъ сдѣланъ, и человѣчество, несмотря на усилія нѣкоторыхъ своихъ дѣятелей, никогда не возвратится назадъ, а пойдетъ все далѣе и далѣе въ раскрытіи неистощимыхъ сокровищъ духовной природы человѣка.

Слѣдственно, при изученіи жизни человѣка (лица), наро-

да и человѣчества, должно преимущественно обращать вниманіе на развитіе духа и опредѣлять направленіе, ходъ и проявленія его въ внѣшней, случайной формѣ. Потому и исторія невозможна, какъ наука, представляющая намъ развитіе духа человѣческаго въ различныхъ явленіяхъ, прежде нежели народъ созналъ себя. Невозможно писать исторіи младенца, ни младенчествующаго народа, потому что явленія жизни и того и другаго еще подчинены условіямъ чисто-случайнымъ и подъ опредѣленные законы подведены быть не могутъ. Къ сожалѣнію, изученіе явленій міра духовнаго находитъ очень мало охотниковъ, а напротивъ на внѣшнюю, чисто-случайную сторону явленій обращаютъ нерѣдко излишнее вниманіе. Какъ мы уже выше замѣтили, духу человѣческому въ его соединеніи съ тѣломъ недоступно даже относительное сознаніе безъ большихъ усилій, великаго и постояннаго стремленія. Самый великій геній, какого только можетъ вмѣстить природа человѣка, въ младенчествѣ ничѣмъ не отличается отъ толпы другихъ дѣтей, и анекдоты, разсказываемые, обыкновенно, изъ этой поры возраста великихъ людей придуманы, или пришли на память разскащику уже позднѣе, когда люди, къ которымъ эти анекдоты относятся, пріобрѣли отчасти извѣстность и потому обратили вниманіе другихъ на свою жизнь. Очень немногіе люди, и то болѣе какъ исключенія нравственнаго міра, представили необыкновенное развитіе духовныхъ силъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Несмотря, впрочемъ, на столь долговременное развитіе человѣчества и его великіе духовные успѣхи, явленія міра духовнаго доселѣ чрезвычайно мало изслѣдованы, а потому и самые законы ихъ доселѣ не открыты. Если-бы каждый человѣкъ наблюдалъ за движеніями своего духа и велъ дневникъ своей духовной жизни, тогда возможно было бы съ большею достовѣрностью пускаться въ изученіе духовныхъ явленій, изъ которыхъ значительнѣйшая часть для насъ теперь еще загадка; можно сказать безъ большаго заб-

лужденія, что среди явленій собственнаго, личнаго, нашего духа мы ходимъ ощупью. Если человѣкъ обращаетъ вниманіе на явленія своего духа, и если онъ достигъ, посредствомъ размышленія и образованія, довольно высокой степени сознанія, то ему, конечно, не безъизвѣстно, что вполнѣ изучить движенія своего собственнаго духа невозможно даже въ теченіе самой долговременной жизни: всегда найдется мысль и ощущеніе, еще неизвѣстныя, которыя пробьются и въ самыхъ позднихъ лѣтахъ, при разслабленіи тѣлесныхъ силъ, лѣтами причиненномъ, будутъ свидѣтельствовать о вѣчно юной природѣ духа. Извѣстно, что всѣ истинно великіе люди, т. е. достигшіе высшей степени духовнаго сознанія, принесшіе откровеніе высшихъ идей человѣчеству, никогда не могли высказаться вполнѣ, никогда не могли истощить всего своего духовнаго запаса идей, чувствъ и дѣйствій. Какой великій человѣкъ, наиболѣе совершившій для человѣчества, не умиралъ съ грустнымъ убѣжденіемъ, что онъ осуществилъ только часть того, что ему назначено было, что онъ не совершенно высказалъ свою духовную природу? А это не новое ли доказательство въ пользу того, что духъ не есть чистая доска, на которой опытъ пишетъ свои наблюденія, но что онъ (духъ)—неистощимый источникъ всякаго развитія, и что всѣ, имъ пріобрѣтаемыя, свѣдѣнія суть только воспоминаніе того, что уже находится въ сущности духа? Изучая явленія природы человѣческой въ ея постепенномъ развитіи, замѣчаемъ взаимную зависимость явленій духовныхъ и тѣлесныхъ. Человѣкъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе онъ умѣетъ подчинить самыя животныя потребности высшимъ духовнымъ цѣлямъ, и чѣмъ сильнѣе и яснѣе умѣетъ развить свои духовныя силы; но въ немъ такъ тѣсно соединены духовное и тѣлесное начала, что самый духъ только тогда и можетъ правильно совершать свое развитіе, когда организмъ тѣла совершенно здоровъ. Изъ этого, однако же, не слѣдуетъ, чтобы явленія міра духовнаго и тѣлес-

наго или вещественнаго происходили изъ одного источника; по сущности своей духовное начало всегда борется съ вещественнымъ и стремится обогнать его; но въ человѣкѣ Богу угодно было соединить духъ и вещество, изъ которыхъ ни одно совершенно побѣдить другаго не можетъ: въ здѣшнемъ земномъ существованіи человѣка духъ и вещество сопоставлены рядомъ одно съ другимъ и предназначены къ великой борьбѣ, полная разгадка которой совершается только за предѣлами гроба, гдѣ побѣда духа несомнѣнна. Человѣку предназначено не совершенное уничтоженіе вещества духомъ,—уничтоженіе, невозможное при тѣсныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ поставлены оба враждебныя начала,—но ему предназначено достигнуть высшей степени сознанія, какая только возможна духу, подчиненному и связанному узами вещества. — ему суждено проявить духъ въ веществѣ полнѣйшимъ, какой только возможенъ, образомъ. Человѣкъ не состоитъ, въ здѣшнемъ его положеніи, изъ одного духа и потому совершенно пренебречь не можетъ веществомъ. Впрочемъ, онъ долженъ самое вещество одухотворять, если намъ позволятъ такъ выразиться, дать случайнымъ его явленіямъ правильность и смыслъ.

Между тѣмъ какъ человѣкъ въ дикомъ, или полудикомъ, состояніи живетъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ перваго внѣшняго впечатлѣнія, инстинктивно и на удачу,—человѣкъ духовно развитый и воспитанный дѣйствуетъ сознательно въ малѣйшихъ своихъ поступкахъ и въ нихъ въ состояніи отдать полной, разумной отчетъ. При естественномъ состояніи человѣка, вещество имѣетъ сильное вліяніе на духъ. Мы уже видѣли, что этотъ послѣдній можетъ быть осужденъ на вѣчное бездѣйствіе и праздность (доколѣ онъ будетъ вмѣстѣ съ тѣломъ), въ томъ случаѣ, когда недостатокъ образованія внутренняго и внѣшняго не позволяетъ духу придти въ сознаніе. Но духъ иногда, и при всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ средствахъ образованія, можетъ, оживляя только тѣло,

не проявлять, или проявлять превратно, свои духовныя дѣйствія, и это именно въ томъ случаѣ, когда тѣ органы, которыми душа дѣйствуетъ въ тѣлѣ, и которыя суть, такъ сказать, проводники ея дѣятельности, неисправны, или повреждены вдругъ нечаяннымъ потрясеніемъ. Такимъ образомъ помѣшательство въ самомъ началѣ своемъ не есть болѣзнь духовная, но тѣлесная: духъ остается присущь тѣлу и послѣ того, какъ онь уже не можетъ правильно дѣйствовать своими тѣлесными органами, и онъ никогда не въ силахъ потерять ничего изъ духовной своей сущности. Жизнь духа для насъ самихъ, во все продолженіе здѣшней жизни нашей,— загадка. Конечно, главная причина тому—собственное небреженіе наше, недостатокъ наблюдательности относительно самого себя и другихъ. Одно, по нашему мнѣнію, можно сказать съ увѣренностью, что духовное начало во всѣхъ людяхъ, какого бы цвѣта кожи, пола, возраста, состоянія они ни были, равно возвышено, хотя различается большей или меньшей степенью особенныхъ дарованій; что духовное начало во всѣхъ людяхъ есть и нисколько не зависитъ отъ внѣшняго и внутренняго образованія. Духъ можетъ развиться и не развиться въ здѣшней жизни, сознать и не сознать себя: но онъ всегда останется одинъ и тотъ же, и духовная сущность его ни отъ какой причины умалиться не можетъ. Духъ ничего не можетъ воспринять въ себя, чего бы въ немъ уже не было, такъ что всякое, здѣсь получаемое, знаніе можно назвать болѣе воспоминаніемъ духа, нежели чѣмъ-то извнѣ пріобрѣтеннымъ. Духъ, оставляя тѣло, не уноситъ съ собою ничего того, что онъ *зналъ* въ здѣшней жизни, но только то, что онъ *чувствовалъ*, и воспоминаніе о своихъ дѣйствіяхъ, которое служитъ для него или вѣчнымъ, неистощимымъ источникомъ удовольствія и радости, или неизсякаемымъ источникомъ мученій. Потому совершенно безразсудно мнѣніе, что научныя свѣдѣнія можно вложить въ душу:—никогда! Ихъ можно только привести въ ея со-

знаніе. Начало развитія, какъ стремленія къ сознанію, лежитъ въ духѣ, и оно извнѣ придти къ нему никогда не можетъ. Одинъ и тотъ же въ сущности, духъ развивается и въ отдѣльныхъ дѣятеляхъ, и въ народахъ или племенахъ, и въ человѣчествѣ. Развитіе вещества ограничено и имѣетъ предѣлъ: изъ небольшаго, иногда едва примѣтнаго, зародыша, по законамъ, установленнымъ для вещества, развивается величественное явленіе; но, достигнувъ высшей степени своего развитія, оно уже далѣе идти не можетъ, и идетъ обратнымъ путемъ къ разложенію въ тѣ же начала, изъ которыхъ оно произошло. Не таково развитіе духовное. Явленія вещества сознавать себя не могутъ, и въ каждомъ изъ нихъ, даже въ лучшей порѣ его, есть начало разрушенія. Духъ вѣченъ, т. е. сущность его состоитъ изъ начала, разрушенію не подлежащаго. Духа даже самъ духъ истребить или разрушить не можетъ; объяснимъ это примѣромъ, заимствованнымъ изъ нашей области міра духовнаго. Идея, какъ произведеніе, порожденіе духа человѣческаго, погибнуть никогда не можетъ, и тотъ человѣкъ, который своею самостоятельною дѣятельностью дошелъ до какой-нибудь идеи, которая ясно и вполнѣ опредѣлилась въ его сознаніи, уничтожить этой идеи не можетъ: она уже не его, она всего человѣчества. И если человѣкъ тотъ не присоединитъ имъ добытой идеи къ сокровищу человѣчества, то другой человѣкъ, по единству сущности духа, во всѣхъ насъ заключающагося, непремѣнно отъищетъ эту идею и приведетъ ее къ сознанію всѣхъ. Ничто лучше не доказываетъ единства сущности духа въ разныхъ людяхъ, какъ исторія философскихъ ученій и мнѣній. Одна и та же идея можетъ посѣтить нѣсколько лицъ, весьма различныхъ по всѣмъ внѣшнимъ отношеніямъ, и спора о томъ, кто первый *нашелъ* ту или иную идею, быть не можетъ. Не менѣе странно то, что люди, которые сами никогда не углублялись въ мышленіе, готовы утверждать и доказывать, что такой-то заимствовалъ идею у такого-то, и

т. п. Идея, замѣтимъ, какъ общее произведеніе и достояніе духа, никому отдѣльно принадлежать не можетъ; она есть общая собственность человѣчества, т. е. каждаго, духовно развитаго, человѣка. Но недостаточно изъ неистощимаго запаса идей, таящагося въ человѣческомъ духѣ, вынести которую-нибудь изъ нихъ; нѣтъ, должно понять ее, развить и приложить къ дѣлу. Идея отличается отъ того, что мы собственно называемъ мыслью. Идея есть мысль творческая и, какъ такая, она можетъ быть развиваема до безконечности мыслью, но уже не творческою, а второстепенною. Идея есть мать мысли; мыслить можно по готовымъ уже идеямъ,-по идеямъ, уже присущимъ каждому достаточно развитому человѣческому сознанію. Идея первоначально является не въ формѣ мысли, но въ формѣ неуловимаго духовнаго представленія, и уже послѣ, когда мало-по-малу оно сознается болѣе и болѣе, она разлагается на мысли и слова. Какъ не всегда слово достаточно для выраженія мысли, такъ и мысль не тотчасъ можетъ облечь идею. Нѣкоторые физіологи утверждаютъ, что низшая степень мышленія есть и у животныхъ, что иныя породы животныхъ имѣютъ понятія и сужденія, и что такая умственная ихъ дѣятельность происходитъ просто отъ дѣйствія жизненной силы; слѣдовательно... но не выскажемъ ихъ, унизительнаго для человѣчества, вывода. Во всякомъ случаѣ, если и животныя имѣютъ, или могутъ имѣть, мысли, то у человѣка всегда останется его собственная и неотъемлемая область идей. Притомъ, по нашему пониманію всего существующаго, человѣкъ слишкомъ возвышенъ надъ всѣми прочими тварями, чтобы ему опасаться, наравнѣ съ ними, уничтоженія. Все, что находится въ природѣ, существуетъ по извѣстнымъ непреложнымъ законамъ и представляетъ непрерывную цѣпь, которая вызвана изъ ничтожества творческою мыслью Создателя, какъ главнаго и верховнаго источника всего и на лоно котораго все возвратится. Все въ природѣ равно прекрасно и возвышенно, все заслуживаетъ

нашей теплой любви къ Причинѣ, его создавшей; съ такимъ взглядомъ на природу передъ вами удивительно проясняется все, все становится на своемъ мѣстѣ, въ стройномъ, гармоническомъ порядкѣ. Духъ, по преимуществу, Духъ и Высочайшее Сознаніе есть вѣчный источникъ идей, которыя, какъ идеи Высочайшаго Сознанія, сознаютъ сами себя. Но Высочайшее Сознаніе безпрестанно сознаетъ себя, и безпрестанно новыя идеи выходятъ изъ его вѣчной сущности. Эти идеи могли бы оставаться, какъ существа самостоятельно-духовныя, т. е. какъ непосредственныя проявленія Создателя. По неисповѣдимому и необъяснимому для насъ Его совѣту, Ему угодно было создать вещество и послать въ него свои идеи, для того, чтобы онѣ одухотворили вещество и стремились бы достигнуть высшей степени духовнаго сознанія, какая только имъ доступна при соединеніи съ формою. Два отдѣльные міра возникли тогда: міръ природы внѣшней, какъ безсознательнаго проявленія идеи Создателя, и міръ природы человѣческой, какъ сознательное проявленіе идеи Создателя. Душа каждаго человѣка есть идея Создателя, которая уже сама по себѣ имѣетъ вѣчность; полное сознаніе въ соединеніи съ веществомъ ей недостижимо по самой природѣ вещества: но главное назначеніе ея — и въ несовершенной ея формѣ достигнуть высшей степени духовнаго сознанія. Тутъ уже и вещество получаетъ свою цѣну и освящается, какъ сосудъ души. Но какой строгій отвѣтъ дадутъ Богу тѣ, которые ставятъ вещество выше души и ему посвящаютъ главное вниманіе! Человѣку, какъ соединенію духа и вещества, предоставлено два пути: путь приближенія къ Создателю, потому что человѣкъ тѣмъ достойнѣе становится своего Создателя, чѣмъ болѣе развитія, простора даетъ онъ своему духу; чѣмъ человѣкъ болѣе порабощаетъ вещество духу и сильнѣе высказываетъ свою духовную природу и въ самыхъ вещественныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ ближе становится онъ къ своему Создателю. И другой путь не закрытъ для человѣка,—путь,

по которому идетъ большее число,—путь, лишенный будущности, но который привлекаетъ многихъ временными очарованіями и наслажденіями, которыя онъ представляетъ: это путь вещества, когда наслажденія и удовольствія міра ставятъ высшею цѣлью жизни. Для духовнаго человѣка жизнь здѣшняя имѣетъ прелесть только какъ прообразованіе иной; не изъ безчувственнаго стоицизма пренебрегаетъ онъ наслажденіями и удовольствіями жизни, но потому, что онъ имѣетъ въ виду цѣль высокую—приближеніе къ своему Создателю. Это приближеніе пріобрѣтается духовнымъ развитіемъ, для котораго годы и лѣта здѣшней жизни ничего не значатъ и которое не знаетъ времени. Есть особенное состояніе духа, оно дается только немногимъ, и то послѣ великихъ трудовъ и усилій,—состояніе, въ которомъ человѣкъ погружается въ духъ и, полный духовнаго сознанія и самодовольствія, для выраженія котораго каждое слово слабо, онъ не связывается никакими условіями внѣшними; время, мѣсто, обстоятельства и лица, его окружающія,—все это забывается и, въ такую минуту, лучшую, какую только духъ можетъ имѣть на землѣ, человѣкъ понимаетъ, какъ для него возможно его особенное бытіе, въ которомъ все заключается въ словѣ *вѣчность*. Кто имѣлъ хотя одну такую минуту духовнаго восторга, предвкушенія того, что ожидаетъ человѣка за гробомъ, для того человѣка внѣшняя жизнь не можетъ имѣть никакой прелести, и тотъ уже примирился съ мыслью о смерти, въ которой онъ видитъ вовсе не враждебную силу, пришедшую оторвать его отъ спокойной и роскошной жизни и послать въ міръ ему невѣдомый, но гостью-вѣстницу лучшаго міра, пришедшую звать его туда, куда давно улетали его мысли и надежды. Но горе человѣку, если, испытавъ такую минуту, онъ дастъ себя увлечь очарованіямъ жизни и, измѣнивъ своему духовному призванію, останется въ праздномъ бездѣйствіи, забудетъ свое назначеніе—указывать другимъ путь къ посильному совершенству въ мірѣ!

О такомъ-то человѣкѣ сказано въ Евангеліи: лучше ему было бы не родиться въ міръ. И дѣйствительно, вещественныя лишенія и мученія ничтожны тому, кто испыталъ муки неудовлетвореннаго призванія, съ силою которыхъ ничто сравниться не можетъ. Душа, посланная въ здѣшній міръ для полезной дѣятельности и утратившая свои силы въ безплодной борьбѣ съ дѣйствительностью, ноетъ, тоскуетъ и заставляетъ человѣка терпѣть несказанныя внутреннія мученія, которыми она старается заплатить ему за то, что онъ погубилъ ее. Есть люди, которые совершенно погрязли въ жизненныхъ заботахъ и чувственныхъ наслажденіяхъ, которые не имѣли времени оставаться наединѣ съ своимъ духомъ и живутъ не по своему собственному влеченію, но чувственно, потому что другіе такъ это дѣлаютъ,—а примѣръ увлекаетъ очень многихъ. У такихъ людей душа если можно такъ выразиться, сжимается, заключается въ самой себѣ, и такіе люди не могутъ стерпѣть тѣхъ мученій, которыя происходятъ отъ сознанія того, что не исполнено духовное назначеніе, что предпочтено зло, тогда какъ завѣтъ вѣчнаго добра былъ уже въ виду. Для человѣка, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, невозможно, какъ Спаситель сказалъ,—служить Богу и мамонѣ, т. е. духу и тѣлу; непремѣнно, или духъ совершенно поработитъ и тѣло своимъ высшимъ духовнымъ цѣлямъ, или тѣло заставитъ духъ сосредоточиться въ самомъ себѣ. Невозможно равновѣсіе между духомъ и веществомъ по различію сущности того и другаго.

Но уже самое назначеніе человѣка на землѣ, состоящее въ томъ, чтобы онъ достигъ высшей степени духовнаго сознанія, какая только совмѣстна съ веществомъ, чтобы онъ самое вещество облагородилъ и одухотворилъ, не исключаетъ и вещества и предполагаетъ его существованіе, но не какъ силы главной, а какъ силы подчиненной духу. Въ дѣятельности нравственной или волѣ лежитъ связь между духомъ и тѣломъ, и она (эта дѣятельность нравственная)

высказывается вполнѣ въ жизни, которая, и какъ жизнь человѣка лица, и какъ жизнь народа, и какъ жизнь человѣчества, должна представлять осуществленіе или проявленіе идей духа во внѣшности, въ веществѣ. Здѣсь лежитъ возможность и начало исторіи. Внѣшнія дѣйствія человѣка, народа и человѣчества важны только по стольку, по сколько въ нихъ проявляется духовное начало.

Изъ выше высказанныхъ мыслей понятно, что духовное начало есть въ каждомъ человѣкѣ, что форма непремѣнно предполагаетъ идею, и что потому не должно пренебрегать ни чѣмъ внѣшнимъ: ибо духъ можетъ найдти себѣ величественное проявленіе и тамъ, гдѣ мы подобнаго не ожидали. Духу, овеществленному въ здѣшнемъ его состояніи, иначе нельзя высказаться, какъ въ веществѣ, и потому самое вещество достойно въ высшей степени изученія; духа иначе узнать не можемъ, какъ изъ вещества, въ которомъ онъ проявляется. Но такъ какъ въ человѣкѣ именно духъ и вещество сопроникаютъ себя до такой степени, что можно всѣ, самыя крайнія, чувственныя, матеріальныя дѣйствія подчинить разумнымъ цѣлямъ, и представляютъ наилучшее соединеніе двухъ, столь различныхъ, началъ, какое только существуетъ въ природѣ, то всѣ дѣйствія человѣка могутъ служить къ узнанію сущности духа и началъ его, и въ этомъ отношеніи получаютъ высокую цѣну. Если сознаніе духа въ веществѣ есть цѣль каждой человѣческой дѣятельности, то очевидно, что дѣйствія человѣка тѣмъ важнѣе, чѣмъ въ нихъ сильнѣе сказывается это сознаніе. Въ человѣкѣ, когда онъ находится наравнѣ съ прочими явленіями природы и безсознательно осуществляетъ высшія идеи Божескія, его собственный духъ, поставленный въ непривычное для него положеніе, еще вовсе не сознаетъ себя: только мало по малу и неприметно начинаетъ онъ дѣйствовать, и цѣлыя поколѣнія, цѣлые народы, прожили и умерли совершенно безсознательно. Два главные пути предстоятъ духу къ

раскрытію своихъ дѣятельностей: въ человѣкѣ естественномъ, т. е., свободномъ отъ всякихъ свѣдѣній, заранѣе отъ другихъ людей воспринятыхъ, размышленіе и наблюденіе внѣшней природы; развитіе и человѣка, и цѣлыхъ народовъ отправлялось отъ наблюденія и дошло до величественныхъ явленій. Наблюденіе проявленій внѣшней природы, по скольку они выражаютъ вѣчную сущность духа, его законовъ, и въ нихъ, хотя безъ ихъ собственнаго вѣдома, осуществляющихся, наводило и наводитъ человѣка на размышленіе и познаніе его собственнаго духа. Явленія природы понятны только духовной сторонѣ человѣка, а сами себя они не сознаютъ и сознать не могутъ. Человѣкъ, въ естественномъ состояніи своемъ, есть также безсознательное явленіе природы. Наблюдая явленія внѣшней природы и сравнивая ихъ между собою, человѣкъ мало по малу упражняетъ свои умственныя силы: взглядъ его на себя и на природу просвѣтляется, и онъ уже живетъ не только тѣлесно, вещественно, но и разумно, духовно. Съ начала духъ достигаетъ въ немъ только малой степени сознанія, и на этой-то степени остается онъ во всю здѣшнюю жизнь, до тѣхъ поръ, пока вѣчность не откроетъ ему своихъ тайнъ. Исторія развитія духа человѣческаго еще совершенно загадочна, но, наблюдательно слѣдя за явленіями собственнаго духа, мы, по естественному единству явленій и законовъ духа, можемъ основательно судить объ явленіяхъ духовной жизни вообще. Общество играетъ важную роль въ развитіи духа, и свѣдѣнія людей, насъ окружающихъ, служатъ орудіемъ нашего собственнаго образованія, которое безъ того было бы весьма затруднительно. Что могло бы быть несомнѣннаго и вѣчнаго въ развитіи каждаго человѣка, еслибы все его образованіе ограничивалось частнымъ опытомъ, въ немъ имѣло и начало и конецъ? Каждый человѣкъ долженъ былъ бы начинать снова развитіе и оставлять его едва начатымъ, безъ надежды, что другіе поведутъ его далѣе. Проявленія духа, высказавшіяся то въ томъ, то -

въ иномъ человѣкѣ, были бы такъ дробны, такъ разъединены, что изъ нихъ общихъ и для всѣхъ полезныхъ слѣдствій вовсе нельзя было бы вывести. Образованіе семьи, общества и государства, основанное на одномъ и томъ же началѣ, на взаимности и въ внутреннемъ и внѣшнемъ мірѣ человѣка, обозначило великій шагъ впередъ на пути къ сознанію, какъ высшей цѣли развитія. Полное образованіе духа возможно только при дружномъ стремленіи людей къ сознанію и при устраненіи всѣхъ противудѣйствующихъ условій. Образованіе достигаетъ высшей степени тамъ, гдѣ всѣ члены общества, для общаго блага, развиваютъ свои частныя дѣятельности. Христіанство принесло намъ завѣтъ возможности этого явленія и здѣсь на землѣ, гдѣ все зло происходитъ отъ того, что люди не умѣютъ сознать своего положенія и потому нарушаютъ законы духа, вѣчные, неотъемлемые. Истинное общество, не то, гдѣ бы вовсе не было зла, потому что такое общество не можетъ существовать на землѣ, пока люди—люди, не то, гдѣ нѣтъ бѣдныхъ и богатыхъ, гдѣ нѣтъ праздныхъ, безполезныхъ гражданъ, но то, гдѣ каждый старается исполнить свое назначеніе, развиваетъ свою дѣятельность для общаго блага, дѣятельность, ему только принадлежащую, гдѣ всѣ частныя силы, силы личныя, сходятся въ одну, общественную. Такое общество, гдѣ дѣятельность распредѣлена между его членами не случайно, но по ихъ внутреннему призванію, или наклонностямъ, и гдѣ, слѣдственно, каждый имѣетъ свое особенное назначеніе,—есть то, гдѣ каждый исполняетъ Христовы заповѣди. Человѣку, какъ члену духовнаго цѣлаго,—Христіанскаго человѣчества, главная цѣль котораго сознаніе духа, невозможно, какія бы великія способности онъ ни имѣлъ, отдѣлиться совершенно отъ другихъ, какъ бы не чувствуя въ нихъ нужды и надѣясь быть самому себѣ всѣмъ обязаннымъ: никогда своею особенною частною дѣятельностью, если она разобщена съ другими человѣческими дѣятельностями, если она не дѣйствуетъ въ кругу ихъ,

человѣкъ не совершитъ ничего великаго, ничего полезнаго, ничего замѣчательнаго. Дробность развитій, эгоизмъ ихъ, никуда не годится: внесите его всюду, куда хотите, и вездѣ онъ будетъ источникомъ зла; духъ, взятый отдѣльно отъ внѣшнихъ условій, эгоизма знать не можетъ. Да и по-истинѣ, чѣмъ дорожитъ духу, что ему сберегать исключительно для себя? Духовныя блага суть блага всего человѣчества, всякому духу доступныя. Эгоизмъ можетъ быть во внѣшнихъ благахъ жизни, даже въ наукѣ, по-скольку она становится чисто формальною, прикладною, но въ философіи, какъ въ наукѣ всеобъемлющей, необходима любовь ко всему живому, сочувствіе ко всему духовному, гдѣ бы оно ни выражалось; только чувство этой высокой любви способно вознести человѣка надъ всѣми внѣшними условіями міра и дать ему правильный взглядъ на все развитіе духа. Частныя цѣли тутъ уже ничего не значатъ, и онѣ должны молчать предъ откровеніемъ высшихъ тайнъ духа, которыя дороги для каждаго человѣка, какого бы племени, или народа онъ ни былъ. Дробность развитій была главною причиною ихъ неуспѣха и затруднила путь къ сознанію. Христіанство совершило великій переворотъ въ духѣ человѣческомъ и указало ему вѣрную цѣль—приближеніе къ Богу; но заповѣди Христіанства и доселѣ не всѣми и не вполнѣ соблюдаются. Пользуясь этимъ, нѣкоторые мечтатели употребляютъ его святыя истины для особенныхъ видовъ; такъ, напр., Христіанство учитъ насъ, что всѣ люди братья: конечно, всѣ согласились съ этимъ и приняли; но какъ далеко еще до этого на дѣлѣ! Можетъ ли человѣкъ, сознательный и образованіемъ возвышенный, пользоваться одинакими общественными правами съ человѣкомъ, загрубѣвшимъ въ невѣжествѣ и животной жизни? Правда, во всякомъ человѣкѣ, не смотря на полъ, возрастъ, состояніе, умственныя способности, находится одинъ и тотъ же безсмертный духъ, но различная степень его сознанія условливаетъ всѣ различія и въ мірѣ духовномъ, и въ мірѣ внѣш-

немъ. Отсюда каждое, самое ничтожное, дѣйствіе человѣка сознательнаго получаетъ въ глазахъ человѣка мыслящаго великую цѣну, какъ проявленіе духа, и можетъ потому вести къ весьма важнымъ нравственнымъ выводамъ.

Наука философіи, столь великая и полезная, столь необходимая для развитія человѣческаго духа, для его самопознанія, именно потому и была задержана въ своемъ чистомъ стремленіи къ истинѣ, что она слишкомъ удалялась отъ дѣйствительности и рѣшала всѣ вопросы вѣдѣнія «a priori»; отъ того-то и враждебное отношеніе, въ которомъ философія стояла почти всегда къ наукамъ природы или наукамъ естественнымъ; а между тѣмъ эти послѣднія, равно какъ и всѣ иныя науки, только готовятъ матеріалъ для истиннаго философа, который вездѣ, во всѣхъ явленіяхъ природы и дѣятельности человѣческой, долженъ отыскивать черты безсмертнаго духа и изъ нихъ, по возможности, воссоздать полное, стройное цѣлое. Исторія прежде всего представляетъ богатый и, въ этомъ отношеніи, мало изслѣдованный, рудникъ для мыслителя. Разсмотрѣть всѣ историческія лица и явленія съ философской точки зрѣнія, вотъ великое и прекрасное дѣло, для котораго потребно много дѣятелей. Истинный философскій взглядъ миритъ со всѣми крайностями личности человѣческой: *дѣло славянскаго писателя есть отдавать каждому дѣятелю и событію должную честь, сообразную съ его значеніемъ, и не унижать одного на счетъ другаго.* Уваженіе и честь мыслителю, который съумѣетъ открыть идею въ мертвыхъ данныхъ, внутреннимъ чувствомъ генія отгадать высокую духовную тайну движенія человѣчества въ ту или иную эпоху; но тѣмъ не менѣе почтеніе и къ добросовѣстному труду историческаго труженика, который занимается одною матеріальною стороною событій. Каждый въ области науки имѣетъ свое мѣсто, не смотря на степень своихъ способностей, образованіе и развитіе, и каждый, если онъ будетъ дѣ-

ствовать сообразно своему призванію въ пути, для него назначенномъ, честно и безкорыстно, имѣетъ право на полную память потомства. Не одни великіе геніи, носители Божественнаго откровенія, какъ въ дѣлѣ религіи, такъ и въ дѣлѣ науки и искуства, имѣютъ исключительное право на наше уваженіе и вниманіе, но и скромныя трудолюбивыя личности. Природа образованнаго человѣка, рѣшительно безъ исключенія, кто бы онъ ни былъ и на какой бы степени сознанія ни стоялъ, такъ возвышенна уже потому одному, что онъ сосудъ духа, что она выше всего, что существуетъ въ вещественной природѣ, и потому явленія жизни человѣческой, достигшей хоть какой-нибудь степени сознанія, въ нашихъ глазахъ заслуживаютъ большаго уваженія и пристальнѣйшаго изученія, чѣмъ прекрасныя явленія природы, гдѣ проявленія духа такъ подчинены внѣшнимъ условіямъ. Въ каждомъ человѣкѣ мы должны смотрѣть не столько на его настоящее состояніе, сколько на высокую цѣль, къ которой онъ призванъ, и на то, чѣмъ бы онъ могъ быть и чѣмъ онъ будетъ.

Непомѣрная крайность мистической и схоластической средневѣковой философіи вызвала противоположное, чисто практическое, направленіе: духъ, какъ бы соскучивъ безплодностью изысканій своихъ въ созерцательной сферѣ, предпочелъ болѣе существенные предметы внѣшней природы. Отсюда непомѣрное развитіе наукъ естественныхъ, которыя произвели было противодѣйствіе на самую философію, дѣлая ее то одною логикою или наукою о формахъ мышленія, то внося въ нее сухое, матеріальное направленіе. Такъ развилась школа философовъ-матеріалистовъ, которая и доселѣ имѣетъ отдѣльныхъ представителей; но самое дальнѣйшее развитіе наукъ естественныхъ уличило во лжи философовъ-матеріалистовъ и послужило и служитъ къ торжеству истины. Число данныхъ, накопленныхъ естественными науками, до крайности велико; но оно было бы безплодно, если бы не служило

инымъ цѣлямъ; отчасти они служатъ къ увеличенію внѣшняго благосостоянія человѣка и умноженію числа средствъ, которыми онъ можетъ располагать для приращенія своихъ внѣшнихъ выгодъ и удобствъ. Но есть цѣль болѣе высокая, въ отдѣльныхъ данныхъ естественныхъ наукъ видѣть разбросанныя черты духа человѣческаго, которыя необходимы для полнаго его узнанія: такъ въ наше время обнаруживается яснѣе и яснѣе потребность привести эти данныя къ единству и подчинить одному высшему философскому взгляду. Гумбольдтъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи. «Космосъ», особенно хорошо умѣлъ опредѣлить отношеніе естественныхъ наукъ къ философіи. Но, если для человѣка мыслящаго драгоцѣнны и тѣ указанія, намеки, на міръ духовный, которые могутъ возникнуть изъ наблюденія однихъ явленій внѣшней природы, то тѣмъ большаго вниманія и изученія заслуживаютъ всѣ дѣйствія человѣка, въ которомъ духъ поставленъ къ веществу въ самое выгоднѣйшее отношеніе, въ какомъ только онъ можетъ находиться здѣсь, на землѣ; потому всѣ явленія человѣческой природы должны быть свято сохраняемы, и на нихъ-то, а не на пустыхъ и a priori сдѣланныхъ сужденіяхъ долженъ философъ основывать свои воззрѣнія. Какъ облегчилось бы дѣло творческаго философа, котораго увидятъ еще будущіе вѣка и который приведетъ, или, по крайней мѣрѣ, попытается возстановить единство между разрозненными дѣятельностями духа человѣческаго, если бы предъидущіе мыслители и дѣятели не созидали каждый своей отдѣльной системы, недовольные таковою своего предшественника, а собирали бы, какъ матеріалъ для будущихъ изслѣдованій, одни данныя человѣческаго духа, явленія его дѣятельностей на всѣхъ, имъ доступныхъ, путяхъ: тогда мы имѣли бы неоцѣненное сокровище готовыхъ данныхъ и не были бы принуждены къ тяжкой необходимости прибѣгать иногда къ личнымъ догадкамъ и соображеніямъ, которыя какого бы достоинства они ни были,

во всякомъ случаѣ суть только наши личныя. *Главнымъ источникомъ при практическомъ изученіи дѣятельностей духа, въ ихъ приложеніи къ дѣйствительной жизни человѣка, служатъ простыя и безхитростныя повѣствованія лѣтописцевъ.* Наша *Русская лѣтопись* доселѣ, сколько намъ извѣстно, не была разсматриваема въ томъ отношеніи, по скольку она способствуетъ, какъ матеріалъ, къ познанію духа человѣческаго, и потому мы постараемся разсмотрѣть ее съ трехъ сторонъ: а) относительно личности (если она есть) самаго лѣтописца; б) относительно чертъ народнаго славянскаго духа, которыя отражаются въ нашей лѣтописи, и в) относительно чертъ, служащихъ къ познанію общечеловѣческаго духа, и того значенія, которое должна имѣть наша лѣтопись, какъ матеріалъ для историка-философа, какъ руководство къ познанію человѣка вообще въ его естественномъ, такъ сказать, первобытномъ состояніи.

Эгоизмъ, вездѣ и всегда вредный общему благу, въ дѣлѣ науки и вообще умственнаго развитія человѣка пагубенъ и приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Можно сказать, что главною помѣхою къ обобщенію всему человѣчеству плодовъ его развитія и, такимъ образомъ, къ внѣшнему и внутреннему благосостоянію человѣчества вообще, было стремленіе нѣкоторыхъ лицъ и народовъ сдѣлать общечеловѣческое образованіе своею благопріобрѣтенною собственностью, сберечь его исключительно для себя и пользованіе всѣми его плодами предоставить преимущественно себѣ и своимъ, а другихъ или вовсе устранить, или давать имъ только то, что заблагоразсудится. Исторія образованія человѣчества показываетъ намъ весь вредъ, который терпѣло человѣчество отъ этихъ исключительныхъ стремленій нѣкоторыхъ изъ его членовъ присвоить себѣ то, что должно быть общею и нераздѣльною собственностью человѣчества. Сколько полезныхъ открытій, сколько важныхъ практическихъ идей было утаено своекорыстіемъ тѣхъ людей, кото-

рые владѣли ими! Обращаясь къ ключамъ, источникамъ общечеловѣческаго образованія, которое течетъ теперь широкою рѣкою, мы видимъ, что почти каждый народъ, каждый человѣкъ, каждое сословіе имѣли свою сферу образованія и скупо оберегали для себя тѣ немногія данныя какой-либо науки, которыя они добыли великимъ трудомъ. Что могло бы явиться прочнаго и прекраснаго въ общечеловѣческомъ образованіи, если бы каждый человѣкъ, и даже каждое поколѣніе, оставались только при своихъ идеяхъ, при своемъ *опытѣ*, если бы каждый человѣкъ долженъ былъ вырабатывать своею собственною духовною дѣятельностью то, что уже было извѣстно другимъ, но затаено ими изъ свое корыстныхъ цѣлей? Тогда все образованіе человѣческое было бы отрывочно, и ни какой, самый великій, умъ не могъ бы создать ничего цѣлаго изъ этихъ дробныхъ частей; тогда было бы образованіе личное, даже, можетъ статься, народное, но никогда не могло бы явиться образованіе общечеловѣческое. Только мало-по-малу ослабѣло въ частныхъ лицахъ и народахъ это стремленіе къ скупому, завистливому сбереженію образованія. Съ самаго перваго начала образованія что замѣчаемъ мы? То, что оно становится частною собственностью сословія людей или касты, которая одна имѣетъ право имъ заниматься: если такой порядокъ вещей былъ отчасти полезенъ въ томъ отношеніи, что сѣмена образованія были еще такъ немногочисленны и нѣжны, что они требовали особенныхъ предосторожностей для сбереженія и сохраненія ихъ отъ вредныхъ, даже пагубныхъ, вліяній окружавшаго ихъ со всѣхъ сторонъ варварства, то, какъ всегда случается, нашлись люди, которые видѣли свою выгоду въ продолженіи такого неестественнаго порядка вещей, именно потому, что они пользовались плодами его въ ущербъ другимъ. Извѣстна роль, которую играли у всѣхъ, болѣе или менѣе образованныхъ народовъ Востока жреческія касты; онѣ постоянно были сначала средоточіями и ключами, изъ которыхъ распростра-

нялось образованіе, но потомъ изъ нихъ же развилось упорное и непобѣдимое стремленіе подавить всякое развитіе внѣ своей касты, которой думали навсегда предоставить монополію духовнаго образованія; такое стремленіе не удалось, но оно противуставило много и много препятствій правильному, послѣдовательному, развитію человѣчества. Греки первые сознали весь вредъ дробнаго развитія и своекорыстія въ дѣлѣ науки, но и открывая сокровищницу своего образованія всякому, кто только приходилъ черпать въ ней—Греки смотрѣли съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ на всѣ народы инаго племени, и считали ихъ гораздо ниже себя и менѣе способными къ высшему образованію; отсюда ихъ твердое вѣрованіе въ то, что образованіе было ихъ неотъемлемою собственностью и что оно преуспѣвать и развиваться внѣ Греціи не можетъ. Христіанство, впервые высказало разумно и ясно мысль о совершенномъ духовномъ единствѣ всѣхъ лицъ и народовъ передъ Богомъ и о способности ихъ къ внѣшнему и внутреннему развитію; но необходимы цѣлыя тысячелѣтія, чтобы осуществить вполнѣ эту высокую идею, которая находитъ упорное сопротивленіе со стороны людскаго эгоизма. Если бы всѣ люди соблюдали строго правила, предписанныя Евангеліемъ, то тогда на землѣ господствовали бы миръ и благоволеніе, возвѣщенныя при рожденіи Христа Спасителя; но въ природѣ человѣка есть два противоположныя стремленія, борьба которыхъ условливаетъ всѣ дѣйствія внутренней жизни человѣка: это стремленіе сблизиться съ другими людьми, чтобы пользоваться выгодами, отъ обращенія съ ними происходящими, и другое стремленіе, враждебное первому, состоящее въ желаніи пріобрѣсть для себя только наиболѣе выгодъ и удобствъ жизни, увеличить объемъ своей частной собственности, не только вещественной, но и духовной, на счетъ другаго. Предъ глазами внимательнаго наблюдателя, привыкшаго вникать въ свойства дѣйствій современнаго намъ человѣчества, на Западѣ совершается,

не только въ области внѣшней, но и въ области духовной, то явленіе, которое замѣчено путешественниками въ пустыняхъ Персіи: плодоносная тамошняя почва требуетъ искуственнаго орошенія, которое только при помощи палящихъ лучей солнца даетъ обильную жатву, потому жители должны проводить каналами воду на свои поля изъ близъ лежащихъ рѣкъ и прудовъ. Каждая капля воды драгоцѣнна для тамошняго селянина, и потому не можетъ быть куплена ни какимъ золотомъ. Обыкновенно случается, замѣчаютъ путешественники, что нѣкоторые люди стараются привлечь на свои поля какъ можно болѣе воды, даже болѣе, нежели сколько ее нужно въ строгомъ смыслѣ, и чрезъ то лишаютъ цѣлыя сотни людей возможности обработать свои поля; такимъ образомъ, чрезъ скопленіе воды на поляхъ немногихъ, нивы прочихъ обречены на безплодіе и запустѣніе. Не то ли самое явленіе, но несравненно въ большемъ объемѣ и съ болѣе важными послѣдствіями, замѣчаемъ во всей Европѣ, особенно въ ея Западныхъ частяхъ? Истинное образованіе не можетъ повлечь за собою ни какихъ дурныхъ послѣдствій; но то ли встрѣчаемъ мы относительно образованія западнаго? Не видимъ ли мы, рядомъ съ его колоссальнымъ развитіемъ, пропасть, которая рано или поздно, поглотитъ его? Западъ гордится своею, столь поздно сознанною и столь неудачно примѣненною къ дѣлу, идеею свободы; но существуетъ ли эта свобода внутреннихъ духовныхъ правъ человѣка, свобода, такъ превосходно возвѣщенная христіанствомъ? Нѣтъ! Всматриваясь въ то, что совершается на Западѣ, видимъ, что и въ самыхъ, наиболѣе свободныхъ, странахъ слово *свобода* прикрываетъ глубокое и непримиримое неравенство стихій общества. Бѣдный — это человѣкъ, силою обстоятельствъ и духомъ общества устраненный отъ покровительства законовъ. Ни какія, самыя страшныя, жестокости дикихъ народовъ не могутъ быть грустнѣе тѣхъ законовъ странъ, по видимому, свободныхъ, которыя изданы съ цѣлью

защитить общество отъ голодной черни. Итакъ, названіе «свобода», которымъ столь гордится Западъ, упрекая другихъ недостаткомъ образованія, есть пустое слово, которое прикрываетъ борьбу двухъ противоположныхъ слоевъ общества. Дѣйствительно, если Западъ можетъ гордиться людьми и цѣлыми сословіями, въ которымъ образованіе человѣческое имѣетъ наилучшихъ представителей, то нигдѣ человѣкъ не достигъ такой низкой степени нравственнаго униженія, нигдѣ онъ не палъ до такой загрубѣлости и окаменѣнія, нигдѣ не потонулъ до такой степени въ грязи самихъ животныхъ потребностей, какъ на томъ же Западѣ. Если кто, не обманываясь блестящею внѣшностью и пышными торжественными рѣчами Запада, вникнетъ въ сущность гражданственныхъ его отношеній по матеріаламъ, самимъ Западомъ изданнымъ, тотъ ужаснется, и не безъ причины; непомѣрное развитіе личности, враждебное всякому понятію о цѣльности народной и государственной, обнаруживается сильно въ низшихъ массахъ народа. Правительства и высшія сословія чуятъ бѣду, несравненно опаснѣйшую, нежели самое вторженіе варваровъ въ Западную Римскую Имперію со всѣми его слѣдствіями, но они не въ состояніи побѣдить ее; неосторожныя, неполитическія дѣйствія высшихъ сословій на западѣ клонятся къ тому, чтобы вызвать на сцену разрушительную и противообщественную силу массъ; только мудрыя учрежденія и великіе характеры многихъ западныхъ государей и государственныхъ мужей доселѣ предупреждали взрывъ массъ и поддерживали перевѣсъ на сторонѣ слабѣйшихъ. Въ двухъ странахъ, наиболѣе гордящихся просвѣщеніемъ Англіи и Франціи, стоятъ другъ противъ друга два враждебные народа, которые не имѣютъ между собою никакого единства интересовъ; вся мудрость теперешнихъ политиковъ направлена къ тому, чтобы стать посредниками между обоими народонаселеніями; отсюда, особенно въ Франціи, истинное или мнимое (это одному Богу извѣстно) воз-

вращеніе къ христіанству, возвращеніе, слишкомъ позднее, которое уже не въ состояніи залѣчить закоренѣлыхъ язвъ общества, произведенныхъ безвѣріемъ. Это не однѣ догадки, не одни вымыслы, какъ подумаютъ нѣкоторые, а размышленія, пробужденныя наблюденіемъ того, что въ нашихъ глазахъ совершается на западѣ. Чтобы найдти объяснительный примѣръ къ нашему, выше высказанному, мнѣнію, намъ не нужно уже обращаться ко временамъ ужасовъ Французской революціи, а внимательно вникнуть въ явленія, возникшія въ Швейцаріи въ 1844 и 1845 годахъ, слѣдствія и развитіе которыхъ продолжаются теперь. Не замѣчаемъ ли мы въ теперешнемъ западномъ человѣкѣ стремленіе развить свою личность въ самыхъ крайнихъ ея предѣлахъ, не подчиняя ее ни какимъ высшимъ народнымъ и общечеловѣческимъ идеямъ? Но та минута, когда личность восторжествуетъ надъ тѣмъ, что она называетъ излишними и тяжкими нравственными и матеріальными узами, поставитъ себя выше всякаго государственнаго и умственнаго авторитета, тогда пробьетъ послѣдній часъ существованія историческаго Запада; мѣсто высокихъ народныхъ и общечеловѣческихъ отношеній заступитъ совершенный произволъ личности, и, въ хаосѣ новыхъ личныхъ отношеній, общество западно-европейское впадетъ въ умственное и физическое дѣтство. То напряженіе, въ которомъ видимъ мы теперь силы Запада, не естественно, и именно, по своей быстротѣ, очень подозрительно: не походитъ ли оно на возвращеніе силъ больнаго, при смерти лежащаго, возвращеніе, которое сдѣлаетъ еще ужаснѣе контрастъ смерти и условливается послѣднимъ усиліемъ жизненной силы? Напряженное состояніе Запада, непомѣрное и исполинское развитіе вещественныхъ силъ, долго продолжаться не можетъ... за нимъ послѣдуетъ полная и совершенная, умственная и вещественная, несостоятельность, банкротство. Такимъ образомъ кельтское и отчасти нѣмецкое племя уже приближаются къ концу

своего историческаго поприща и должны передать дальнѣйшее развитіе человѣчества, дальнѣйшее продолженіе усовершенствованія человѣка, какое только доступно на землѣ, иному племени.*).

Если излишняя привязанность къ отдѣльнымъ интересамъ и перевѣсъ ихъ идеею народнаго единства былъ главною причиною всѣхъ несчастій славянъ и того второстепеннаго положенія, которое они доселѣ занимали, то именно теперь, когда въ сосѣднихъ племенахъ означилось стремленіе къ разложенію стихій народной жизни, къ исключительному господству личности, въ многочисленныхъ вѣтвяхъ племени славянскаго обнаружилось стремленіе, дѣйствительнаго существованія котораго не могутъ отрицать даже противники его, стремленіе, отмѣченное печатью отвращенія къ эгоистической личности, къ сознанію своихъ общихъ духовныхъ началъ и интересовъ. И, такимъ образомъ, въ то самое время, когда люди нѣмецкаго и кельтскаго племени собираются выставить столько же государственныхъ и вѣроисповѣдныхъ формъ, сколько ихъ самихъ, славяне готовы пожертвовать всѣмъ въ пользу идеи народнаго согласія. Но отдѣльныя черты внутренняго Славянскаго характера такъ еще живы и тверды въ каждомъ отдѣльномъ племени, что остается обратиться къ нимъ, чтобы привести ихъ въ сознаніе всякому, у кого не замерло славянское чувство. Впрочемъ, какъ бы ни было сильно это духовное единство славянскихъ племенъ, это ихъ взаимное народное сочувствіе, одного развитія и приложенія его къ дѣлу недостаточно. Для того, чтобы славянское племя по справедливости могло занять въ умственномъ отношеніи то положеніе, которое

---

*) Просимъ читателя вспомнить, что это писано въ 1848 году, слѣдовательно, за 20 слишкомъ лѣтъ, а вполнѣ оправдывается современными событіями относительно по крайней мѣрѣ кельтскаго племени (Франціи).

теперь принадлежитъ племени кельто-нѣмецкому, могло, идти впереди всѣхъ иныхъ племенъ на пути общечеловѣческаго развитія, для того необходимы великія нравственныя усилія, которыя могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ стремленіямъ. Съ одной стороны, искренно принимающимъ участіе въ образованіи славянскаго племени, необходимо изучить *духъ славянскаго племени вообще* и тѣ психологическія явленія, которыя свойственны *каждому* изъ его членовъ *въ особенности*, а съ другой нужно, по скольку возможно, воспринять въ себя плоды *общечеловѣческаго образованія*, представленные предшествующимъ развитіемъ человѣчества. Если славянское племя напрягнетъ всѣ свои усилія, чтобы сознать свои общія, племенныя и частныя, народныя начала и презрѣть всѣ пришлыя, навязанныя извнѣ нуждой, безсознательно, формы жизни, замѣнить ихъ своими коренными, и с ь другой стороны усвоитъ себѣ все предшествующее образованіе человѣчества, то превосходно и величественно будетъ его развитіе, котораго отличительною чертою увидимъ удивительное единство и согласіе всѣхъ частей по отношенію къ органическому цѣлому.

Можетъ быть, ни одна идея не подвергалась такому искаженію, такому превратному и ложному толкованію, какъ идея общечеловѣчности, которая составляетъ главную задачу всѣхъ современныхъ философскихъ воззрѣній. Иные смѣло утверждали и утверждаютъ, что всякое личное и народное развитіе враждебно общечеловѣческому, т. е., другими словами: для того, чтобы быть образованнымъ человѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова, должно отказаться отъ привязанности и особеннаго сочувствія къ своему, народному. Такое идолопоклонство предъ непонятнымъ понятіемъ человѣчности обыкновенно прикрываетъ совершенно иное, нежели что примѣчаемъ въ немъ съ перваго взгляда. Тѣ проповѣдуютъ самоотверженіе отъ всякой личности и народности, которые ищутъ исключительнаго торжества своей частной личности и народ-

ности, потому что понятіе человѣчности, будучи отвлечено отъ второстепенныхъ и въ немъ заключающихся понятій личности и народности, такъ неопредѣленно и пусто, что не можетъ дѣйствовать на убѣжденіе ни одного разумнаго человѣка, который не увлекается блестящими и пышными словоизвитіями, а вникаетъ въ сущность предмета. *Только тотъ можетъ питать благородное и возвышенное сочувствіе ко всему человѣческому, кто остался вѣренъ своему личному характеру и убѣжденіямъ, кто вникалъ въ душу своего народа и старался узнать его свойства; чувство человѣчности, не основанное на твердыхъ личныхъ убѣжденіяхъ и сознаніи характера своего народа, лишено всякой сущности и ничего продолжительнаго и прочнаго произвести не можетъ.* Случается видѣть, что лице, а иногда и цѣлый народъ, проповѣдуетъ уничтоженіе народныхъ различій, братское соединеніе всѣхъ въ одно цѣлое; но здѣсь-то онъ именно ищетъ навязать свою національность другимъ, *обезличивъ* ихъ. Такъ Французы въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, проповѣдуя для каждаго неопытнаго человѣка соблазнительныя, идеи свободы, подъ личиною ихъ успѣли, хотя на короткое время, доставить верховное господство своей народности надъ всѣми иными и подчинить всѣхъ игу своей ложной образованности. Не менѣе вкоренилось въ умахъ мнѣніе, сражаться съ которымъ обязанность каждаго, умѣющаго владѣть перомъ, человѣка,—мнѣніе, которое имѣло, и отчасти доселѣ имѣетъ, наибольшое вліяніе на оцѣнку историческихъ явленій жизни народной,—мнѣніе о томъ, будто бы образованіе западно-нѣмецкое есть «исключительно» образованіе человѣческое, которое всѣ народы должны какъ можно скорѣе перенять и усвоить себѣ, подавивъ всякое самостоятельное, личное развитіе стихій своей частной жизни. Проповѣдники нѣмецкаго духа смѣло утверждаютъ, что единственный источникъ внутренняго духовнаго образованія, какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для народа,—это образованіе народа нѣмецкаго. Но наше

время, время *разумнаго*, *сознательнаго*, *народнаго* образованія не должно признавать никакихъ избранныхъ народовъ, не должно оставлять только нѣкоторымъ пользованіе плодами просвѣщенія, которое въ здоровомъ обществѣ распространено на всѣхъ поровну. Совершенствованіе духовной человѣческой природы, которая вездѣ и всегда равно возвышенна и доступна образованію, не можетъ быть стѣснено предѣлами одной какой-нибудь народности, сколько бы она, въ свое время, ни сдѣлала много для человѣчества. И кто же осмѣлится сказать, что образованіе нѣмецкое, несмотря на свое превосходство, есть послѣднее, крайнее явленіе развитія духовной природы человѣка, которая, нашедъ себѣ возможно полное проявленіе въ народѣ нѣмецкомъ, впередъ идти уже не въ состояніи? Всѣ личности и всѣ народы призваны къ развитію духовной природы человѣка сообразно съ своими частными характеристическими чертами, съ своею духовною физіогноміею; но отъ нихъ не требуется отреченія отъ личнаго и народнаго чувства въ пользу чисто-отвлеченнаго понятія человѣчности, а посильной работы для общаго блага. Истинное человѣческое воззрѣніе выходитъ только изъ совокупности личностей и народностей, и общечеловѣческое развитіе не по имени, а на дѣлѣ совершится тогда, когда духовныя права всякой личности и народности будутъ признаны и получатъ свой участокъ въ общемъ дѣлѣ образованія. Тѣ совершенно не понимаютъ ни сущности христіанства, ни отношенія его къ природѣ человѣка, которые утверждаютъ, что христіанство враждебно народности и личности и что главная цѣль его—подавить ихъ въ пользу идеи общечеловѣческой. Христіанство, уничтоживъ разнообразіе въ мірѣ внѣшнемъ, способствовало разнообразію явленій духа. Дотолѣ мы не видимъ постепеннаго и правильнаго духовнаго развитія; философы древности, въ порывѣ вдохновенія, высказывали много возвышеннаго и прекраснаго, но все это было отрывочно, не связано общимъ единствомъ идеи, тогда какъ въ

христіанствѣ человѣчество получило духовное начало—пищу всякой личности и народности. Идея христіанства, а не формы, которыхъ было и будетъ множество, сообразно съ потребностями людей и народовъ, никогда не стѣсняла свободнаго развитія духа, получившаго въ ней наставницу и руководительницу къ цѣли своего стремленія. Сѣтуютъ, что народныя различія исчезаютъ мало-по-малу, уступая мѣсто одной условной формѣ жизни; но если мало-по-малу уничтожаются различія въ правахъ и обычаяхъ между народами, то изъ того нельзя еще заключать о духовномъ единствѣ этихъ народовъ, потому что разнообразіе явленій духа не зависитъ вовсе отъ разнообразія внѣшнихъ привычекъ жизни. При единствѣ формы человѣка, какое разнообразіе явленій его духа! Область духовной дѣятельности человѣка такъ обширна, что для воздѣлыванія ея недостаточно части рода человѣческаго, но необходимо, чтобы каждое лице и народъ въ ней участвовалъ соразмѣрно съ своими силами, средствами, условіями природы, исторической жизни, и потому совершенно несправедливо, чтобы одинъ народъ выставлялъ себя исключительнымъ источникомъ образованія. Каждое лице, а слѣдственно и каждый народъ, какъ духовное единство, назначены къ развитію и приложенію извѣстной стороны духа человѣческаго и къ обработыванію извѣстной его части. Конечно, чѣмъ образованнѣе народъ, чѣмъ личность болѣе сознаетъ себя, тѣмъ обширнѣе сфера ея дѣйствія; но нѣтъ ни одного лица и народа, который бы въ какомъ-нибудь отношеніи не былъ назначенъ къ духовному развитію человѣчества. Духовная природа человѣка безконечна, и хотя она вполнѣ заключается въ каждомъ лицѣ, однако, стѣсненная условіями внѣшними, проявляется отчасти въ лицѣ, народѣ и человѣчествѣ. Одинъ и тотъ же въ сущности духъ содержится во всѣхъ трехъ выше приведенныхъ личностяхъ, но въ каждой изъ нихъ высказывается извѣстная его сторона, извѣстная его черта. Дѣло историка-философа—въ явленіяхъ историческихъ уловить это

развитіе духа и показать, какъ духовныя начала высказались въ извѣстномъ лицѣ (человѣкѣ), народѣ и совокупности народовъ—человѣчествѣ, какую идею призвано было осуществить извѣстное лице историческое, какая идея выражалась въ жизни извѣстнаго народа и т. д. Такимъ образомъ, истинно-философское воззрѣніе историческое приноситъ съ собою не исключительное предубѣжденіе въ пользу извѣстныхъ личностей и народностей, но уваженіе ко всякой, самой, повидимому, ничтожнѣйшей личности и народности. Но если предубѣжденіе въ пользу извѣстной народности и ограниченнаго круга идей можетъ повести къ великимъ и важнымъ заблужденіямъ, то и воззрѣніе, которое принесетъ съ собою совершенное хладнокровіе и равнодушіе къ идеѣ, въ какой бы формѣ она ни выражалась и въ какихъ бы лицахъ и въ какомъ народѣ ни осуществлялась, совершенно безплодно и безполезно. Связь, которая существуетъ и должна существовать между членами одного народа, кромѣ родственныхъ связей и единства физическаго происхожденія, основывается на единствѣ болѣе важномъ, духовномъ, единствѣ идеи, къ осуществленію которой призваны вмѣстѣ и заодно должны дѣйствовать. Эта духовная связь между лицами, составляющими народъ, такъ сильна, что она нисколько не терпитъ отъ уничтоженія внѣшнихъ народныхъ особенностей, хотя и эти особенности, повидимому, малозначительныя, вытекая изо всего историческаго прошедшаго народа, составляютъ форму, измѣнять которую совершенно не зависитъ отъ произвола народа. Но если между его членами обнаружится духовный расколъ началъ, или если народъ останется невѣренъ идеѣ, осуществлять которую онъ призванъ, то ничто не защититъ его отъ разложенія: мало-по-малу онъ войдетъ въ составъ другаго народа, который остался вѣренъ своему назначенію. *Священнѣйшая обязанность каждаго гражданина есть сознать въ себѣ основную идею своего народа*, и посильно, сообразно съ своими свойствами и способностями, дѣйствовать въ пользу

ея и осуществлять ее, а всякое прошлое начало, насильно вторгшееся въ святыню народной жизни, ослаблять и удалять, какъ чуждое. Идея, которую какой-нибудь народъ призванъ осуществить, ему только и свойственна, и потому отъ инаго народа заимствована быть не можетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она ни съ какою другою идеей жизни инаго народа столкновеній имѣть не можетъ, ибо каждая изъ нихъ есть самостоятельное произведеніе духа человѣческаго, извѣстная его сторона, и только изъ совокупности жизненныхъ идей народовъ можетъ возникнуть полная общечеловѣческая идея. Духовное единство идеи, дружное стремленіе къ ея осуществленію—вотъ крѣпкія и нерасторжимыя узы, которыми личности соединяются въ «народъ». Но не легко сознается эта идея въ живомъ ея развитіи, потому что при разсматриваніи частныхъ моментовъ ея теряется изъ виду понятіе цѣлаго. Личности, составляющія народъ, вовсе безсознательно стремятся къ осуществленію идеи, имъ всѣмъ общей, на которой основывается ихъ духовное благосостояніе; онѣ иногда уклоняются отъ нея, но потомъ возвращаются къ ней съ новыми силами, наученныя опытомъ, потому что *пренебреженіе идеею народной жизни*, произшедшее изъ самаго народа, *было всегда для него причиною бѣдствій* не только внутренней, но и внѣшней жизни. Исторія показываетъ намъ, какъ *жестоко наказаны были судьбою* (въ смыслѣ историческомъ) *тѣ граждане, которые*, въ минуту бѣдствій народныхъ, *считали вовсе неважнымъ сохраненіе народности*, надѣясь и безъ нея пользоваться всѣми удобствами и прихотями жизни. Для гражданина, добровольно отрѣшившагося отъ своей народности, предпочетшаго общей пользѣ свое личное благосостояніе, невозможно благополучіе внѣ его народа.

Но, спросятъ, откуда узнать идею жизни народной? Въ отвѣтъ на это замѣтимъ прежде всего, какъ несправедливо мнѣніе тѣхъ пишущихъ людей, которые нерѣдко свои личныя воззрѣнія выдаютъ за вопросы жизни народной, и по тому,

непризванные, готовы сдѣлать себя органами духовной дѣятельности народа. Жалкая участь грозитъ каждому, самому даровитому, писателю, если онъ, не изучая, или изучая недобросовѣстно, явленія народной жизни, станетъ «a priori» судить объ основной идеи жизни народа и догадки своего воображенія выдавать за дѣйствительность. Ни одно лице, ни одинъ писатель, какъ бы онъ ни былъ образованъ, не вправѣ ставить се я верховнымъ судьею въ дѣлѣ столь важномъ, каковъ вопросъ объ основной идеѣ жизни народной, которая никогда «a priori» угадана быть не можетъ, но должна быть опредѣлена изъ живыхъ явленій жизни народа. Потому, изучая изъ явленій жизни народной ея идею, необходимо обращать вниманіе не на нѣкоторыя, особенно выдающіяся личности, но на массу народа и на всѣ личности вообще, въ совокупности которыхъ скорѣе можно уловить тайну народной жизни, нежели въ самихъ возвышенныхъ твореніяхъ одного какого нибудь писателя. Въ дѣлѣ идеи народа не должно вѣрить на слово ни одному писателю, а непремѣнно требовать сильныхъ и неопровержимыхъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ области явленій историческихъ. Относительно явленій жизни народной, изъ которыхъ такъ важно опредѣлить основную идею народной жизни, самое обыкновенное заблужденіе состоитъ въ томъ, что думаютъ узнать ее преимущественно изъ важныхъ обстоятельствъ исторіи народа, богатыхъ послѣдствіями, не обращая вниманія на второстепенныя обстоятельства; но и первыя именно потому важны, что они составляютъ совокупность мелкихъ явленій, связанныхъ обыкновенною цѣпью причинъ и послѣдствій, такъ что, желая узнать смыслъ великаго, поворотнаго мгновенія жизни народной, необходимо разложить его на всѣ обстоятельства, изъ которыхъ онъ слагается, и опредѣлить смыслъ каждаго изъ нихъ, безъ чего взглядъ самый геніальный будетъ поверхностный и неосновательный. Хотя давно уже вошло въ обычай го-

ворить о ничтожествѣ славы исторической, хотя неоспоримо доказано, что многія достойныя памяти личности исключены изъ нея, тогда какъ другія, не заслуживающія памяти, сохранены ею, однако рѣдкій историкъ философъ избѣгаетъ этого пристрастія въ пользу нѣкоторыхъ народовъ и нѣкоторыхъ событій. Истинный историкъ-философъ или и тотъ, кто чувствуетъ призваніе быть имъ, приступая къ изслѣдованію жизни человѣчества въ ея явленіяхъ, долженъ отречься отъ всякаго предубѣжденія въ пользу того, или инаго произшествія и народа, съ равною любовью ко всему человѣческому, гдѣ бы оно ни высказывалось, съ равнымъ вниманіемъ и уваженіемъ и къ великимъ даннымъ и къ второстепеннымъ, но которыя иногда чрезвычайно важны,—къ великимъ, геніальнымъ личностямъ и къ самымъ низкимъ и пренебреженнымъ, потому что и въ нихъ тотъ же великій человѣческій духъ. Отъ историка-философа не требуется, чтобы онъ подавилъ всякое человѣческое чувство, чтобы онъ сдѣлался холоднымъ и безчувственнымъ зеркаломъ изображаемой имъ дѣйствительности, но требуется безконечная любовь ко всему человѣческому; онъ долженъ далеко отвергнуть отъ себя всѣ свои любимыя мысли, всѣ предпочтенія и долженъ быть готовъ воспринимать въ себя безъ замедленія всѣ итоги своихъ изслѣдованій, какъ бы они ни противорѣчили его любимымъ идеямъ. При изслѣдованіи явленій жизни своего народа должно прежде всего принести съ собою любовь къ народу, т. е. готовность подчинять свои личныя воззрѣнія его требованіямъ, *мыслить и думать заодно съ народомъ*, отказаться навсегда отъ своихъ личныхъ мнѣній и быть послушнымъ органомъ мыслей всего народа. Народъ дотолѣ и живетъ исторически, доколѣ онъ не осуществилъ окончательно идеи, составляющей основу его жизни, доколѣ не исполнилъ своего назначенія; но отсюда не слѣдуетъ еще заключать, что необходимо дожидаться, пока народъ совершитъ свое историческое поприще, чтобы

опредѣлить тайну его народной жизни, смыслъ его дѣйствій, то *необходимо въ самихъ насъ и въ другихъ нашихъ соотечественникахъ подстерегать и уловлять черты народнаго характера и сохранять ихъ въ видѣ матеріала для позднѣйшихъ изслѣдованій.* Изъ однихъ наблюденій характера народа въ его современномъ состояніи не всегда можно съ достовѣрностью опредѣлить даже одну извѣстную черту его постояннаго и неизмѣннаго характера, его исторической нравственной физіогноміи, потому что народъ безпрестанно развивается. Чтобы съ полною достовѣрностью судить объ образѣ мыслей народа и не обмануться внѣшними признаками, *необходимо сличать прошедшее съ настоящимъ;* только въ такомъ случаѣ можно избѣгнуть очень обыкновеннаго заблужденія, по которому пришлыя и несущественныя черты народнаго характера считаютъ его существенною принадлежностью, и несчастныя свойства, временемъ и обстоятельствами вызванныя въ народѣ, величаютъ особенностями его духа. Наблюденіе и безпристрастное изученіе явленій прошедшей жизни народа весьма важно, особенно, если мы будемъ дорожить каждымъ явленіемъ, не брезгая ничѣмъ, *зная, что все, нашимъ народомъ принятое и освященное, должно быть для насъ свято;* тутъ мы должны *смотрѣть глазами своего народа*, а не глазами западнаго европейца, *должны чтить и уважать все народное*, какъ бы оно незначительно ни казалось, и только при такомъ трудолюбивомъ изслѣдованіи народной жизни въ ея явленіяхъ можемъ проникнуть въ тайну народной жизни.

Проповѣдь, пѣсня и лѣтопись—вотъ три главные источника, изъ которыхъ мы можемъ узнать духовную жизнь нашего народа. Наше духовенство никогда не отдѣляло своихъ интересовъ отъ интересовъ народа, и составляло лучшую, мыслящую его часть. Духовенство поставлено было въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ народу и имѣло на него самое благотворное вліяніе. Русской народъ никогда не имѣлъ

непріязненныхъ столкновеній съ духовенствомъ и составлялъ одно цѣлое съ нимъ. Честь и слава нашимъ древнимъ проповѣдникамъ и Учителямъ Церкви за то, что они не увлеклись обольщеніями свѣтскаго образованія, имъ доступнаго, а были наставниками народа въ дѣлѣ религіи, его защитниками и утѣшителями въ бѣдственныя минуты. Наше духовенство не принимало той механической, корыстной науки, которою вооружился католицизмъ на западѣ; оно никогда не старалось обратиться въ сомкнутую касту, отдѣлить себя искуственными преградами отъ народа, сдѣлать образованіе предметомъ своей, весьма выгодной, монополіи. Образованіе нашего духовенства и образованіе народа было одно и тоже; и какъ послѣдній получалъ отъ перваго свѣтлыя религіозныя понятія, такъ онъ же давалъ ему въ замѣнъ свои народныя свойства и чувства. Если мы духовное развитіе народа нашего различимъ по тремъ главнымъ дѣятельностямъ духа человѣческаго, то увидимъ, что развитіе дѣятельности познавательной произвело—проповѣдь, развитіе дѣятельности художественной—пѣснь, а развитіе дѣятельности нравственной—лѣтопись, какъ сборникъ дѣяній народа въ его прошедшемъ; хотя ни одно изъ этихъ безъискуственныхъ явленій нашей жизни не опредѣлено такими рѣзкими гранями, чтобы оно не входило въ составъ другаго, какъ обыкновенно бываетъ во всякомъ естественномъ развитіи духа, когда не даютъ одной изъ его дѣятельностей непомѣрнаго развитія въ ущербъ другимъ. Многія изъ проповѣдей нашихъ суть матеріалъ для историка, равно какъ и нѣкоторыя пѣсни имѣютъ весьма важное историческое значеніе.

Наша *Русская лѣтопись есть отраженіе жизни народной во всей ея полнотѣ;* въ этомъ отношеніи она существенно отличается, какъ ниже увидимъ, отъ лѣтописи Западной и, къ сожалѣнію, не была разсматриваема съ этой точки зрѣнія; въ ней видѣли доселѣ одинъ перечень событій, не обращая вниманія на то, что именно въ способѣ, какимъ

онъ переданъ, обнаруживается много важныхъ отличительныхъ черть, свойственныхъ только нашему народу, такъ какъ Французъ, или Нѣмецъ, изложилъ бы тоже самое инымъ образомъ. Способъ изложенія у различныхъ народовъ бываетъ существенно различенъ, и его не должно опускать изъ виду при изслѣдованіи характера народа. Какъ человѣкъ съ твердыми правилами дѣйствуетъ во всемъ сообразно съ своею личностью, совершенно самостоятельно, и, по видимому, въ самихъ маловажныхъ случаяхъ не измѣняетъ своимъ правиламъ, такъ точно и народъ, если онъ, подобно народу Русскому, соединенъ живымъ единствомъ идеи глубокой и важной, остается вѣренъ своему характеру въ важныхъ и неважныхъ случаяхъ своей жизни, потому что *цѣлый народъ увлеченъ въ рабское подражаніе быть не можетъ*. Если, изучая личность геніальнаго человѣка, мы тщательно собираемъ все, что относится къ ней не только внутреннимъ, но и внѣшнимъ образомъ, дорожимъ каждымъ извѣстіемъ изъ его частной жизни и изъ самаго почерка руки его стараемся найдти объясненіе явленіямъ его духовной жизни, то не въ тысячу ли разъ болѣе должны мы обращать вниманіе на все, что только можетъ уяснить намъ основныя черты народнаго характера, эту почву геніевъ, безъ которой они никогда явиться не могутъ, потому что ни одинъ, даже самый геніальный человѣкъ, *не могъ бы быть такимъ вне своего народа*, потому что тѣ дарованія, которыми онъ пріобрѣтаетъ славу, находятся и въ народѣ, но они въ немъ разсѣяны и не ясно высказываются? Въ самихъ ничтожныхъ, по видимому, особенностяхъ изложенія нашей народной лѣтописи узнаемъ черты нашего народнаго характера. Такая лѣтопись, какъ *лѣтопись Нестора* и его продолжателей, какъ можно назвать всѣхъ нашихъ лѣтописцевъ до временъ Царя Алексѣя Михайловича, могла только явиться у насъ, на Руси.

Наши лѣтописцы были почти всѣ лица духовнаго сана

и преимущественно монахи: намъ неизвѣстно ни одной лѣтописи, сочиненной лицомъ свѣтскимъ; и, не оспоривая мнѣнія, что сокровища нашей древней словесности дошли къ намъ далеко не вполнѣ, съ увѣренностью можемъ сказать, что едва ли какое нибудь свѣтское лице оставило послѣ себя лѣтопись. Относительно Волынской лѣтописи можно замѣтить, впрочемъ, что упоминаніе языческихъ Божествъ свѣдѣтельствуетъ противъ мнѣнія, что ее могъ сочинить монахъ. На Западѣ Европы первые лѣтописцы были лица духовнаго сана и монахи; одни изъ нихъ старались написать что нибудь въ родѣ прагматической исторіи древнихъ, и по тому не ограничивались строго изложеніемъ только того, что видѣли и слышали, но старались составить историческое цѣлое; таковы были: Григорій Турскій, Просперъ Аквитанскій, Сигебертъ изъ Гемблака, Павелъ Діаконъ и нѣкоторые другіе. Отъ этихъ лѣтописцевъ-историковъ существенно отличаются другіе лѣтописцы, собственно тѣ, которые вели дневники или хроники; это были монахи, не оставившіе даже именъ своихъ, записывавшіе одинъ за другимъ, событія, извѣстіе о которыхъ доходило до ихъ слуха, безъ всякаго притязанія на извѣстность; таковы: лѣтопись Фульдская (Annales Fuldenses), Корбейская, Мецкая, Франкфуртская и другія, которыя отличаются совершенною простотою и безъискуственностью. Оба выше приведенные вида Западной лѣтописи существенно отличаются между собою и происходятъ изъ двухъ, весьма различныхъ, источниковъ. Сличая тѣ и другіе, мы, увлекаясь наглядностью, живымъ изображеніемъ событій историками-лѣтописцами, готовы отдать имъ преимущество, но, вникнувъ въ сущность того и другаго рода лѣтописи, и принявъ въ расчетъ то, что первый есть неудачное подражаніе произведеніямъ историческимъ древнихъ, тогда какъ второй носитъ въ себѣ зародышъ критическаго воззрѣнія на событія историческія, мы, конечно, отдадимъ преимущество второму; первый родъ дѣйствительно остался

безплоденъ и уступилъ мѣсто второму, чтобы потомъ снова, пользуясь испорченнымъ вкусомъ нѣкоторыхъ поколѣній, взять на время перевѣсъ. Если живой и прекрасный разсказъ Григорія Турскаго читается очень пріятно, то, съ другой стороны, рѣшительно должно отказать ему въ критицизмѣ и уличить въ умышленномъ стараніи похвастать событіями, хотя бы то было и на счетъ истины; совершенно лишенные средствъ повѣрить истину показаній Григорія Турскаго какъ относительно одного его времени, такъ равно и относительно древней исторіи Франціи, мы не можемъ ему вѣрить вполнѣ: онъ внесъ въ свое твореніе множество данныхъ не только что сомнительныхъ, но и просто ложныхъ. Напротивъ, во второмъ родѣ лѣтописи находимъ, правда, въ нѣсколькихъ словахъ описаніе самаго важнаго событія, но за то самое вѣрное; лѣтописецъ, по видимому, выбираетъ критически то, что должно ему писать, потому что, какъ свидѣтель, онъ могъ бы записать несравненно болѣе изъ того, что видѣлъ и слышалъ. Ошибки его въ лѣтосчисленіи и именахъ лицъ дѣйствующихъ происходятъ отъ невѣдѣнія, или забывчивости, но онъ никогда не старается изукрасить разсказъ вымышленными подробностями, или представить его въ иномъ видѣ, нежели онъ есть. Эта сухая монастырская хроника добросовѣстна до крайности и носитъ въ себѣ зародышъ сухаго критическаго взгляда Нѣмцевъ на исторію. Такимъ образомъ изъ двухъ видовъ лѣтописи Западной одинъ произошелъ какъ подражаніе историческимъ твореніямъ древности, а другой, самостоятельный, носитъ на себѣ отпечатокъ народнаго характера. Потому совершенно несправедливо былобы укорять нашу Русскую лѣтопись сравненіемъ съ первымъ видомъ западной лѣтописи и ставить въ вину первой то, зачѣмъ она не такъ искуственна, не такъ художественна, какъ вторая, которая впрочемъ, въ глазахъ изслѣдователя, привыкшаго не останавливаться на одной внѣшности, есть не болѣе, какъ уродливое подражаніе историческимъ трудамъ древнихъ. Если мы

дѣйствительно желаемъ узнать степень развитія нашего племени сравнительно съ племенемъ нѣмецкимъ изъ лѣтописи, какъ выраженія извѣстной стороны духа того и другаго, то мы должны сравнивать нашу лѣтопись не съ искуственною лѣтописью Григорія Турскаго, но съ простою монастырскою хроникою, которая одна осталась чужда подражанія древнимъ, а съ него то началось повсюду образованіе племенъ романскихъ и нѣмецкихъ. Что касается до нашихъ лѣтописей, то мы имѣемъ ихъ неопредѣленное число, и, если обратимъ вниманіе на количество списковъ, будемъ удивлены обиліемъ историческихъ матеріаловъ жизни нашего народа; но, къ сожалѣнію, многочисленность и разнообразіе списковъ приводится къ весьма немногимъ, дѣйствительно другъ отъ друга отличеннымъ, лѣтописямъ. Вообще въ нихъ различаемъ два главныхъ разряда: а) лѣтопись народа Русскаго вообще, или лѣтопись, обнимающую наибольшее число событій его жизни: сюда принадлежитъ лѣтопись Кіевская (Несторъ и его продолжатели), Новгородская, Волынская, Суздальская, Московская и различные лѣтописцы Московскаго Княженія; б) лѣтопись областную, записавшую событія жизни одного какого-нибудь города; таковы лѣтопись Псковская, Смоленская и т. п. Кромѣ того имѣемъ нѣсколько списковъ, уже выше приведенныхъ, обще-русскихъ лѣтописей, въ которыхъ переписчикъ прибавилъ отъ себя мѣстныя подробности, ему только извѣстныя. Вообще нѣтъ, кажется, ни одного старинаго списка, совершенно похожаго на другой; каждый изъ нихъ, сверхъ обыкновенныхъ разнословій, заключаетъ нѣсколько новыхъ подробностей; потому каждый, вновь найденный, списокъ есть драгоцѣнная находка для Русскаго историка. Но въ сущности всѣ наши лѣтописи, не смотря на различія личныя и мѣстныя, внутренно совершенно сходны, и тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ въ пользу единства свойствъ русскаго народа, которое подвело подъ свой уровень всѣ разнообразія. Большая часть извѣстныхъ лѣ-

тописей принадлежитъ безъименнымъ составителямъ; четыре имени извѣстны только намъ изъ именъ лицъ, оставившихъ лѣтописи: Несторъ, Симонъ, Поликарпъ, Василій. Мы здѣсь не будемъ заниматься рѣшеніемъ вопроса, дѣйствительно ли преподобный Несторъ былъ первымъ Русскимъ лѣтописцемъ: дѣло тутъ вовсе не въ именахъ, а въ самой сущности и внутреннемъ смыслѣ лѣтописи. Были ли у насъ до Нестора *письменные* памятники нашей исторіи—не знаемъ, но съ достовѣрностью можемъ сказать, что были *устные*. Послѣдующія явленія жизни нашего народа, а особенно *явленія жизни племенъ, намъ родственныхъ*, ведутъ насъ къ заключенію, что и до Нестора у насъ были историческіе памятники устные, т. е., сказанія историческаго содержанія на всѣ важнѣйшіе случаи, которыми жизнь нашего народа и тогда была весьма обильна: связь съ Норманнами, походы на Грецію, войны съ азіатскими варварами — событія, вокругъ которыхъ сосредоточивался цѣлый кругъ (циклъ) чисто славянскихъ эпическихъ сказаній, въ родѣ Любушина Суда, Честмира и Забоя и т. п. чешскихъ эпопей. Обращаясь ко времени еще древнѣйшему, встрѣчаемся съ пѣснями о Траянѣ, намекающими на его войну съ Даками.... Здѣсь зародышъ нашей исторіи и переходъ этихъ эпическихъ повѣствованій въ скромную лѣтопись соотвѣтствуетъ тому перелому, который произведенъ въ жизни нашего народа и вообще племени славянскаго христіанствомъ. Язычникъ-воинъ любилъ разгульную и хвастливую пѣснь о подвигахъ своихъ собственныхъ и подвигахъ своихъ товарищей предковъ; христіанинъ-монахъ предпочелъ ей скромную лѣтопись. Христіанство принято было племенемъ славянскимъ совершенно при иныхъ обстоятельствахъ, нежели племенемъ нѣмецкимъ: оно было *добровольно* избрано народомъ, оно передавалось ему на *языкѣ родномъ* и совершенно понятномъ, и потому оно *проникло во всѣ стихіи народной жизни*, освятило ихъ и дало имъ великую силу. Принятіе христіанства произвело рѣшитель-

ную перемѣну въ жизни нашихъ предковъ, между тѣмъ какъ у племенъ Нѣмецкихъ оно дѣйствовало не вдругъ, а мало по-малу, и то преимущественно на высшія сословія, такъ что народъ (т. е., масса его) оставалась совершенно таже до и послѣ принятія Христіанства; потому христіанство у племени нѣмецкаго, живущаго на материкѣ Европы, было только *формою,* имѣвшею чрезвычайно мало вліянія на народное развитіе. Была минута въ XI столѣтіи, когда вся Германія была покрыта сѣтью еретическихъ манихейскихъ ученій, совершенно враждебныхъ сущности христіанства, когда самое нелѣпое ученіе народъ предпочиталъ суровому католицизму, который являлъ ему Божество въ ужасающемъ и карающемъ видѣ. Что зналъ простой народъ въ Германіи изъ христіанства? Одинъ только обрядный законъ, и реформаціонное стремленіе XVI столѣтія можно назвать истиннымъ обращеніемъ нѣмецкаго народа къ христіанству; только при Лютерѣ христіанство возъимѣло вліяніе на умственное развитіе Нѣмцевъ, развитіе, начавшееся съ изученія древности, и дотолѣ совершенно полуязыческое. *У насъ Христіанство проникло въ сокъ и кровь народа и стало основою народнаго характера:* отнимите у Русскаго человѣка основу Христіанскую, и вы получите уже не Русскаго дѣйствительно, но человѣка безъ собственной личности, способнаго только рабски копировать всѣ народы міра; такъ что *Русское пониманіе христіанства есть источникъ Русскаго развитія, безъ котораго Русской человѣкъ бываетъ способенъ только безразсудно перенимать чужое.* Конечно, и до принятія христіанства нашъ народъ не былъ чуждъ духовнаго развитія и стоялъ безконечно выше (уже тогда, въ VIII ст.) въ гражданственномъ отношеніи, нежели многіе милліоны дикарей теперь, въ XIX столѣтіи. То, что намъ извѣстно относительно памятниковъ внутренняго развитія племенъ славянскихъ до принятія христіанства, показываетъ, что они имъ превосходили всѣхъ своихъ сверстниковъ, и

даже Нѣмцевъ; видно, что *они были народъ много мысливший и много дѣлавшій.* Доселѣ неопредѣленны еще отношенія племени славянскаго къ другимъ народамъ историческаго значенія: удивительное сходство родоваго быта нашихъ племенъ съ родовымъ бытомъ, лежавшимъ въ основѣ римскаго государства, не свидѣтельствуетъ ли чего то тутъ въ пользу Славянъ?... Многія иныя причины, которыя излагать здѣсь было бы не у мѣста, заставляютъ насъ думать, что сбродное народонаселеніе Рима имѣло въ себѣ много элементовъ, чудно сходныхъ съ славянскими *). Но, оставивъ до другаго времени разсмотрѣніе этого, безконечной важности, предмета, замѣтимъ, что вообще народъ славянскій былъ вовсе не новичокъ въ дѣлѣ умственнаго развитія, что онъ принялъ идею христіанства съ полнымъ сознаніемъ и притомъ на готовую почву.... Племена славянскія, вошедшія въ составъ Русскаго народа, были самыя юныя, нетронутыя исторіею, съ незапамятныхъ временъ жившія на плодоносныхъ равнинахъ между Карпатами и Каспійскимъ моремъ; но и они не были лишены прошедшаго, которое и для нихъ было славно. Несправедливо было бы думать, будто христіанство вторглось раздѣляющимъ началомъ въ жизнь Русскаго народа, что оно разорвало связь съ его прошедшимъ. Доказательствъ этому нѣтъ никакихъ; напротивъ, все свидѣтельствуетъ въ пользу того мнѣнія, что языческое прошедшее не могло противуставить сплошнаго сопротивленія христіанству, что его возстанія и противоборство были слабы до крайности, что всѣ усилія его были тщетны. Съ другой стороны и отъ христіанства мы не видимъ фанатическаго преслѣдованія всего, чтобы напоминало народу его прошедшее; мы не имѣемъ на этотъ счетъ

*) *Прим.* Венеція безспорно заключала въ себѣ много славянскихъ элементовъ и исторія ея, разслѣдованная по памятникамъ, непремѣнно откроетъ, что Венеція была латино-славянскимъ государствомъ.

никакихъ данныхъ, но мы съ достовѣрностью можемъ судить объ этомъ, опираясь на то миролюбивое положеніе, въ которомъ стояла наша церковь по отношенію къ азіатскимъ варварамъ, съ коими наши князья никогда не вели войнъ религіозныхъ, съ цѣлью навязать насильственно имъ свои убѣжденія, какъ-то дѣлали на западѣ Нѣмцы съ нашими Полабскими братьями. Наши лѣтописцы были монахи: лѣтописцы западные также были монахи, но между тѣми и другими было большое различіе. Русь всегда сильна своимъ безпримѣрнымъ *духовнымъ единствомъ*, которое и теперь еще, не смотря на излишнее пристрастіе немногихъ къ западному образованію, составляетъ *основу могущества* нашего отечества. У насъ видимъ только *одинъ* народъ, съ *однимъ* самодержавнымъ главою, съ *одною* вѣрою, съ *одними* свѣтскими интересами. Ссоры нашихъ князей не находили отголоска въ народѣ, который никогда не распадался на враждебныя партіи, и если сражался съ своими соотечественниками *), то изъ чувства военной чести, а не изъ мщенія, или духа партій; явленія жизни Новогородской представляютъ исключеніе, условленное чисто мѣстнымъ характеромъ. Духовенство наше, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, никогда не принимало характера касты или сословія; оно безпрестанно было открыто для народнаго начала, которое, такъ сказать, его обновляло и поддерживало. Потому съ перваго проникновенія христіанства въ Россію проповѣдники его и учителя народа не составляли сплошнаго цѣлаго, съ одними собственными интересами, съ однимъ главою, какъ-то было на западѣ, но каждый изъ нихъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно въ духѣ Христова ученія и безъ нарушенія церковныхъ іерархическихъ отношеній. Наши проповѣдники приходили къ народу во имя идеи христіанской,

*) Сражались дружины княжескія, но не одно населеніе съ другимъ, оно играло роль чисто-страдательную въ усобицахъ князей.

а не во имя папы. Совершенно противуположное замѣчаемъ мы въ дѣйствіяхъ западной церкви и ея служителей; при распространеніи вѣры Христовой они были проникнуты духомъ гордости, который заставлялъ ихъ смотрѣть на новообращенныхъ не какъ на братьевъ своихъ, но какъ на подданныхъ. Духовенство и монашество на западѣ принимаютъ съ самаго начала, еще до раздѣленія церквей, по отношенію къ народу, характеръ аристократическій, и потому-то духовенство такъ легко вошло, какъ могущественный членъ, въ составъ феодальной системы. *Мы не коримъ западъ сравненіемъ явленій его жизни съ нашими;* тѣ и другія, какъ основанныя *на народныхъ началахъ* двухъ великихъ племенъ, братьевъ въ семьѣ человѣчества, были необходимы на своемъ мѣстѣ и въ своемъ родѣ; мы только замѣчаемъ эти явленія, какъ данныя. Духовныя лица на Западѣ недовольствовались быть учителями новообращенныхъ христіанъ, но были ихъ свѣтскими главами, требовали отъ нихъ повиновенія. Всѣ подвижники христіанства на западѣ среди языческихъ племенъ исполнены самаго живаго и сильнаго чувства вѣры, но не любви къ ближнему, и они нерѣдко поступаютъ съ язычниками, и даже новообращенными христіанами, самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Монастыри на западѣ дѣйствительно были оазисами гражданственности среди варварскихъ племенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они становились и средой обширныхъ свѣтскихъ владѣній, и новообращенные христіане не рѣдко были подданными монаховъ; такимъ образомъ изъ аббатствъ мало-помалу образовались обширныя владѣнія ленныя, предметъ зависти членовъ феодальной дружины. Тѣсно связаны были лица духовныя единствомъ своихъ собственныхъ сословныхъ интересовъ, которые не имѣли ничего общаго съ интересами народонаселенія. Лица духовныя составляли совершенно сплошное сословіе, которое имѣло свое управленіе и свой языкъ; отсюда и языкъ западной лѣтописи до самаго XIV вѣка былъ языкъ латинскій, между тѣмъ какъ у насъ лѣтопись

говорила языкомъ, совершенно понятнымъ народу; потому лѣтопись западная писана съ точки зрѣнія *аристократической*, исполнена презрѣнія къ народу, записывая съ большимъ стараніемъ мелочныя событія жизни монастырской, чѣмъ важные моменты жизни народной; съ особеннымъ стараніемъ внесены въ лѣтописи тѣ событія, которыя важны для свѣтскихъ выгодъ духовенства. Вообще *лѣтопись западная*, до появленія лѣтописи на языкѣ народномъ, не *есть лѣтопись* народа, но лѣтопись *духовенства*, которое записывало событія жизни народной только съ своей точки зрѣнія. Совершенно въ иномъ духѣ писана наша лѣтопись; вся дѣятельность нашего духовенства обращена была на народъ: монахи наши были самыми образованными людьми (за исключеніемъ, можетъ быть, князей) изо всего народа; кромѣ того, и по принятіи монашескаго сана, они не были совершенно чужды дѣятельности практической. Монастыри были мѣстомъ *любимымъ* человѣка русскаго, куда онъ приходилъ и въ свѣтлыя, и въ горестныя минуты; въ монастыри стекались странники со всей Руси и потому монастыри были средоточіями практической дѣятельности духовенства съ одной стороны, и съ другой воздѣйствія народа на духовенство; между тѣмъ и другимъ была безпрестанная мѣна думъ и мыслей. *Въ нашей лѣтописи говоритъ не лице, и не одно сословіе, но народъ Русскій.*

Главнымъ и важнѣйшимъ *источникомъ нашей лѣтописи была жизнь народная* во всемъ ея объемѣ; были и другіе менѣе важные и оставившіе потому мало слѣдовъ; такъ въ лѣтописи Волынской замѣтно вліяніе греческаго образованія. Обыкновенная и общепринятая истина: если два народа, стоящіе на неравной степени образованія, приходятъ въ столкновеніе между собою, то народъ, менѣе образованный, заимствуетъ образованіе у народа, болѣе просвѣщеннаго. По видимому, эта истина не оправдалась касательно нашихъ предковъ, которые остались при своемъ скудномъ народномъ обра-

зованіи, предпоставивъ его даже всѣмъ сокровищамъ древняго греческаго образованія. Разсматривая сущность дѣла, видимъ, что они поступили *прекрасно* и имѣли на то весьма основательныя причины. Образованіе Греціи было мертво; все что было прекраснаго въ трудахъ древнихъ и новыхъ Грековъ, оставалось совершенно безплодно и безъ приложенія. Что пользы было Греціи X столѣтія отъ глубокихъ идей Платона и Аристотеля объ внутреннемъ управленіи государствъ, когда она находилась подъ гнетомъ системы азіатскаго управленія? Ученіе древнихъ образцевъ, лучшихъ геніевъ Греціи, оставалось совершенно безплодно для жизни. Византія IX вѣка не имѣла ничего общаго съ великими и славными воспоминаніями древней Греціи. Можно ли было ожидать, чтобы плоды Греческаго образованія, уже тогда совершенно безполезные для самихъ Грековъ, могли прельстить нашихъ предковъ, отличавшихся, какъ *народною чертою*, особеннымъ развитіемъ *здраваго смысла?* Русской человѣкъ (къ добру, или къ худу, это другое дѣло) *не постигаетъ науки безъ практическаго приложенія;* *) онъ судилъ за IX вѣковъ предъ симъ греческое образованіе, и осудилъ его, какъ совершенно безплодное для самихъ Грековъ, а тѣмъ болѣе для Русскихъ, рѣшительно инаго характера и образа мыслей людей. Нашъ первый лѣтописецъ упрекаетъ Грековъ въ хитрости и коварствѣ. Всѣ усилія Греціи, присвоить себѣ, съ помощью религіознаго единства, нѣкоторое вліяніе свѣтское и духовное надъ Русью, сокрушились о твердость князей и народа: они, превосходно понимая положеніе Греціи, не хотѣли заразить своего молодаго и здороваго государства язвами, которыя уже тогда предвѣщали несчастный конецъ Греціи. Вся познавательная дѣятельность народа русскаго устремилась и сосредоточилась главнымъ образомъ на *Св. Писаніи*

*) Къ сожалѣнію нехотѣли замѣтить этого тѣ, которые видятъ все спасеніе въ преобладаніи изученія юношествомъ мертвыхъ, древнихъ языковъ.

и твореніяхъ Св. Отцевъ, любимомъ чтеніи русскаго народа во всѣхъ періодахъ его бытія: *вотъ источникъ нашего образованія*, вотъ ручная книга русскаго человѣка, вотъ основаніе его духовнаго развитія! Въ лѣтописцахъ нашихъ замѣтна большая начитанность Св. Писанія и твореній Св. Отцевъ, и въ этомъ отношеніи лѣтопись наша уже приближается къ проповѣди, соотвѣтствующей, впрочемъ, другой дѣятельности, а именно, познавательной нашего народа. Лѣтопись русскую упрекаютъ преимущественно въ краткости и сухости, но этотъ недостатокъ она дѣлитъ съ средневѣковою лѣтописью вообще, хотя и здѣсь она сохраняетъ черту особенную, черту нашего народа, который всегда ставилъ дѣло религіи выше событій своей личной жизни, а потому и самые предметы религіозные ставилъ выше всего; такъ въ нашей лѣтописи церкви и монастыри являются на первомъ планѣ, и тщетно стали бы мы искать частностей современной жизни и подробностей быта народнаго въ нашей лѣтописи. Такъ называемая Новогородская лѣтопись—самая краткая, но Кіевская и Волынская довольно полны, особенно послѣдняя, замѣчательная самою округленностью и изяществомъ выраженія, во многихъ мѣстахъ почти поэтическаго. Изъ того временника, который принадлежитъ Нестору, узнаемъ, что разсказы и преданія народныя входили въ лѣтопись, и что нашъ первый лѣтописецъ почерпалъ свѣдѣнія о событіяхъ не изъ мертвыхъ хартій только, но и изъ живыхъ рѣчей народа.

Весьма любопытно то явленіе, что Несторъ, нашъ первый лѣтописецъ, есть вмѣстѣ и первый лѣтописецъ, писавшій на языкѣ, народу понятномъ, во всей Европѣ. По видимому, у насъ лѣтопись явилась не только позднѣе, нежели у племенъ нѣмецкихъ, но и гораздо позднѣе, нежели у западныхъ Славянъ. О лѣтописцахъ Нѣмецкихъ мы выше упоминали; о вторыхъ же замѣтимъ, что Чехи уже въ X столѣтіи имѣли полуисторика, полулѣтописца, Криштана или Страхквасa, оставившаго описаніе жизни Св. Войтѣха, и въ слѣдующемъ

XI стол. Козьму Пражскаго, настоящаго лѣтописца. Впрочемъ, и тотъ и другой писали на латинскомъ языкѣ, равно какъ и нѣкоторые иные лѣтописцы чешскіе XI стол., напр., неизвѣстный монахъ Сазавскій, многіе продолжатели Козьмы и др. На западѣ первая лѣтопись, писанная на народномъ языкѣ,—Вильардоана; онъ написалъ на французскомъ языкѣ описаніе осады и взятія Константинополя Французами и Венеціанцами въ XIII стол., чего былъ очевидцемъ; всѣ иныя лѣтописи мы имѣемъ на языкѣ латинскомъ. Это показываетъ, какъ подавлена была на западѣ народность въ пользу личности не многихъ, какое малое имѣла она участіе во всѣхъ явленіяхъ внутренней и внѣшней жизни, и какъ, съ другой стороны, *у насъ народное начало постоянно было главнымъ основаніемъ письменности*, и даже рукою монаха писало лѣтопись. У насъ князь, бояре, духовенство, народъ были совершенно одно и тоже цѣлое, гдѣ первый занималъ самую большую часть, между тѣмъ какъ на западѣ, между феодальнымъ владѣтелемъ и его вассаломъ, между духовенствомъ и массою народа не было ничего общаго. Превосходство нашей лѣтописи неоспоримо: кто съ любовью, уваженіемъ и съ истиннымъ желаніемъ узнать истину смотритъ на нашу лѣтопись, тотъ откроетъ и въ этомъ, для иныхъ голомъ, перечнѣ событій важныя истины. Такъ войны и распри между князьями волновали только *поверхность* русскаго народа, а внутри его духа все было тихо и спокойно: раздоры дѣтей Ярослава и потомъ борьба Ольговичей съ Мономаховичами были *домашними дѣлами князей*, въ которыхъ народъ ревностнаго участія не принималъ. У насъ нѣтъ лѣтописи, написанной исключительно въ духѣ Мономаховичей, ни такой, которая защищала бы интересы Ольговичей, но каждая наша лѣтопись, писана ли она въ Кіевѣ, Суздалѣ, или Новгородѣ, составлена совершенно въ одномъ русскомъ духѣ. Краткость лѣтописи можетъ имѣть начало свое и въ чертѣ русскаго человѣка, который любитъ лаконизмъ выраженія въ высшей

степени, и у котораго что слово, то мысль. Лѣтопись, необходимый источникъ для изученія событій нашей исторіи, гораздо болѣе важна еще для изученія внутренняго характера нашего народа и для изысканія смысла отдѣльныхъ явленій нашей исторіи: для этого не должно только останавливаться на одной буквѣ, но вникать въ самый смыслъ нашей лѣтописи. Подробное изслѣдованіе съ русской точки зрѣнія если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, большей части важнѣйшихъ памятниковъ нашей словесности яснѣе и яснѣе раскроетъ намъ пружины дѣйствій нашихъ князей и народа, и мы увидимъ, что тамъ, гдѣ недобросовѣстность, или недоброжелательство, или невѣжество видятъ только грубость и какую-то упрямую привязанность къ своему, народъ русскій дѣйствовалъ совершенно сознательно и послѣдовательно. Открывъ однажды навсегда основную идею, легко бываетъ подчинить ей и всѣ явленія жизни дѣйствительной и, признавъ основою русскаго народнаго характера *религіозное* начало, какъ стройно и прекрасно вы видите предъ собою всѣ событія нашей исторіи, которые такимъ образомъ получаютъ смыслъ и значеніе!

Личности и народы, естественно развиваясь и дѣйствуя, каждая въ своемъ кругу, направлены для блага человѣчества; но подъ человѣчествомъ не разумѣемъ чисто логическаго отвлеченнаго понятія, въ дѣйствительности не существующаго, а *соединеніе личностей и народовъ*. Только въ неразрывной цѣпи ихъ можетъ заключаться человѣчество. Выше мы сказали, что странствованіе человѣчества на землѣ имѣетъ цѣлью сознаніе духа, по скольку оно возможно въ веществѣ: къ этому сознанію должны стремиться всѣ личности и народы, и каждый изъ нихъ имѣетъ опредѣленную идею, которую осуществить ему назначено. Есть идеи, приложеніе которыхъ къ дѣлу требуетъ соединенныхъ усилій нѣсколькихъ, наиболѣе образованныхъ, народовъ, но есть и такія, которыя назначены одному только человѣку. Нѣтъ ни одного

человѣка, котораго дѣйствія не имѣли бы смысла, но каждый долженъ исполнить свое назначеніе. Великіе геніи, носители откровенія Божественнаго, облегчающіе человѣку путь къ сознанію, разомъ раскрываютъ неистощимое сокровище истинъ, которыя развить и приложить къ дѣлу должны тысячи рукъ болѣе многочисленныхъ дѣятелей. Человѣчество и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи было бы несравненно выше и, слѣдственно, ближе къ совершенству, если бы всѣ тѣ истины, которыя затронутыя лежатъ въ числѣ его безцѣнныхъ нравственныхъ сокровищъ, были непосредственно приложены къ дѣлу. Отчаяніе невольно закрадывается въ душу, когда посмотришь на тѣ бѣдствія, которымъ несчастное человѣчество подвергается теперь, и вспомнишь, что у него есть всѣ средства избѣгнуть ихъ. Неужели участь человѣка мыслить превосходно, а дѣлать самымъ дурнымъ образомъ? Эта противуположность между идеальнымъ совершенствомъ и дѣйствительностью, между мыслями человѣка и его дѣйствіями, истинно поразительна. Можно ли вѣрить въ эту образованность, которая создала страданія, доселѣ не извѣстныя, которая выдвинула это страшное *нищенство (пауперизмъ)*, грозящее мало-по-малу поглотить все, что есть лучшаго и прекраснаго на землѣ? Не уже ли это совершенная образованность, самое совершеннѣйшее произведеніе духа? Въ нынѣшнихъ плодахъ ея мы не узнаемъ истинной образованности. Есть въ самой основѣ западно-европейскаго просвѣщенія коренной недостатокъ, который испортилъ самыя лучшія созданія ума и чувства человѣческаго и въ которыхъ лежитъ зародышъ паденія этого просвѣщенія; этотъ недостатокъ любви—*уклоненіе отъ христіанскаго начала и отъ природы*. Простая, естественная жизнь, которая была бы расположена по тремъ истиннымъ наставникамъ и руководителямъ человѣка, по *христіанскому закону* любви, по *разуму* и по *природѣ*, избавила бы человѣчество отъ многихъ бѣдствій. Что это за образованіе, которое создало тысячи искуственныхъ потреб-

ностей, увеличившихъ страданія человѣчества, принесшихъ очень мало пользы даже тѣмъ софистамъ, которые ими пользуются?

Точно такъ какъ узнаемъ характеръ людей въ томъ, что они имѣютъ въ себѣ каждый особеннаго, наблюдая ихъ образъ дѣйствій при одномъ и томъ же стеченіи обстоятельствъ и сличая ихъ поступки одинъ съ другимъ, такъ и въ жизни народовъ чрезвычайно любопытно и поучительно бываетъ наблюдать, какъ въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ каждый народъ дѣйствовалъ; потому что здѣсь скорѣе всего подмѣчаемъ существенное отличіе характера того, или инаго народа; въ этомъ отношеніи особенно важно сравненіе тѣхъ мгновеній жизни двухъ различныхъ народовъ между собою, въ которыхъ эти народы дѣйствуя сами, вполнѣ высказываютъ задушевныя свои мысли и свойства. Идея жизни народа возникаетъ также изъ сличенія явленій ея съ явленіями жизни другаго народа, хотя и здѣсь не должно никогда произносить судъ «a priori», но только взвѣсивъ хорошенько данныя и сущность ихъ. При опредѣленіи идеи народной жизни бываетъ, обыкновенно, необходимо основываться не на одномъ какомъ-нибудь данномъ, и не на нѣсколькихъ, какъ бы они ни были важны, но на всѣхъ извѣстныхъ, и провести сквозь нихъ кажущуюся идею народной жизни, которая, если будетъ оправдана и согласована съ каждымъ даннымъ, есть дѣйствительная и несомнѣнная истина. При изслѣдованіи тайны жизни великаго народа и смысла явленій его дѣятельности важно бываетъ сообщать, въ видѣ матеріала, каждое новое воззрѣніе, основанное на данныхъ, которое если само по себѣ, не безусловно истинно, то, по по крайней мѣрѣ, въ соединеніи съ другими данными, можетъ повесть къ истинѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ далѣе въ древность мы будемъ обращаться, тѣмъ болѣе замѣтимъ сходства въ характерѣ, правахъ и обычаяхъ двухъ великихъ племенъ, нѣмецкаго и славянскаго. Хотя святая истина, что различныя истори-

ческія обстоятельства, условленныя необходимостью, много способствовали къ тому, чтобы возбудить и питать въ обоихъ племенахъ взаимное недоброжелательство, однако, вѣрно и то, что, съ развитіемъ новыхъ отношеній, высказывались яснѣе и яснѣе, дотолѣ скрывавшіяся въ глубинѣ духа, народныя особенности, которыя потомъ мало-по-малу соединялись въ народный характеръ. Свидѣтельства древнихъ писателей говорятъ, что бытъ Германцевъ и Славянъ былъ чисто семейный, патріархальный; особенно Тацитъ въ этомъ случаѣ сообщаетъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній; послѣдующіе за нимъ писатели еще яснѣе высказываютъ эту истину. Впрочемъ, уже рано обнаружилось различіе въ свойствахъ обоихъ племенъ; исподоволь нѣмецкіе народы, съ переходомъ въ дружинную форму, пожертвовали частью своего первоначальнаго общиннаго быта, который Славяне хотѣли сохранить весь и вполнѣ. Съ того времени началось, въ послѣдствіи еще рѣзче высказавшееся, различіе обоихъ племенъ въ ихъ внутренней жизни, въ которой Нѣмцы дѣйствуютъ болѣе великими личностями, сословіями, между тѣмъ какъ въ исторіи Славянъ дѣйствуютъ монархи, великіе государи, которые всегда умѣютъ понимать потребности народа и дѣйствовать сообразно съ ними: а потому, въ нѣкоторомъ смыслѣ явленія жизни нѣмецкой можно назвать *сословными*, а явленія жизни славянской *народными*. Самый характеръ образованія племени славянскаго существенно отличенъ отъ образованія племени нѣмецкаго; послѣднее всегда было удѣломъ немногихъ и совершенно несовмѣстно съ простыми потребностями народа, который отъ того смотрѣлъ на него враждебно; отсюда на западѣ большинство народонаселенія стояло внѣ образованія, и если бы во Франціи, или въ другой странѣ западной, предводители простаго народа восторжествовали, то первымъ дѣломъ ихъ будетъ (какъ мы уже видимъ на дѣлѣ) ниспровергнуть весь настоящій порядокъ вещей, и все дѣйствительно великое образованіе запада они будутъ

умѣть цѣнить также мало, какъ варвары IV и V го вѣка образованность древняго міра *). Относительно образованія племени славянскаго можемъ съ достовѣрностью сказать, что съ той самой поры, какъ оно впервые ясно обозначилось съ особенностями своего характера, до настоящаго мгновенія, оно было всегда *народное*; меньше плодовъ можетъ представить племя славянское въ сокровищницу образованія общечеловѣческаго, но за то у него нѣтъ той языческой образованности, которая составляетъ, такъ сказать, роскошь жизни человѣческой, той отрицательной образованности, которая не переходитъ въ жизнь, не дѣйствуетъ благодѣтельно на умноженіе благосостоянія всего общества. Примѣняя къ нашей идеѣ образъ, нами уже выше употребленный, мы можемъ сказать, что если образованіе Славянъ скуднѣе образованія Нѣмцевъ и представляетъ менѣе высокихъ личностей, то, съ другой стороны, первое разливается по всему составу народнаго тѣла, разнося довольство и счастіе, и не сосредоточивается, какъ второе, въ нѣкоторыхъ только каналахъ. Нѣтъ ни одного народа съ болѣе любящимъ *человѣческимъ* характеромъ, какъ народъ славянскій. Въ духѣ нѣмецкаго племени, въ томъ увлеченіи, которое приковываетъ Нѣмца къ слѣдамъ человѣка великихъ подвиговъ, физическихъ и нравственныхъ, и которое, по словамъ Тацита, составляло главную основу нѣмецкой дружины, лежалъ уже зародышъ исключительнаго преобладанія личности и въ дѣлѣ науки и въ дѣлѣ жизни. Напротивъ, племя славянское несравненно *общительнѣе, человѣчнѣе.* Несмотря на совершенное различіе формъ жизни внѣшней, не смотря на многія другія, природою и обстоятельствами воздвигнутыя, препятствія къ внѣшнимъ и внутреннимъ соотношеніямъ, несмотря даже на условленную историческими обстоятельствами вражду и

*) Это исполнилось на дѣлѣ при господствѣ коммуны въ Парижѣ въ нынѣшнемъ 1871 году.

отвращеніе между нѣкоторыми племенами славянскими, они сохранили главныя черты народнаго характера, тѣ самыя, съ которыми выступили на историческое поприще. Занимаясь исторіею того, или инаго, племени Славянъ, вы невольно чувствуете *влеченіе* (симпатію) къ нимъ; въ дѣйствіяхъ, мысляхъ и рѣчахъ историческихъ лицъ слышится что-то родное, что-то понятное сердцу, что-то болѣе природнаго сочувствія ко всему человѣческому. У каждаго изъ племенъ славянскихъ народное начало условливаетъ всѣ явленія исторической жизни; въ немъ мало по малу созрѣваютъ новыя потребности, являются государи, которыя удовлетворяютъ имъ, и переворотъ въ жизни народа совершается *тихо*, незамѣтно, безъ губительныхъ потрясеній *). *Отсюда малое значеніе личности въ славянской исторіи, въ которой является личность только по стольку, по сколько въ ней выражается народность.* Ни одна исторія славянскаго племени не можетъ быть только исторіею нѣсколькихъ великихъ личностей, если она хочетъ удовлетворительно исполнить свое назначеніе, но должна быть непремѣнно исторіею духа народнаго, который всегда остается тотъ же, и не увлекается тою подражательностью, склонность къ которой есть природная черта нѣкоторыхъ личностей славянскаго народа. Чѣмъ ближе племя славянское живетъ къ племени нѣмецкому, и чѣмъ болѣе оно заимствовало у него формъ жизни внѣшней, тѣмъ болѣе народность отдвигается въ глубину сцены исторической, а на первомъ планѣ дѣйствуютъ извѣстныя лица и сословія безъ видимой связи съ духомъ народнымъ, который, благодаря своей живучести, рано, или поздно высказывался на зло всѣмъ препятствіямъ и давалъ исторіи характеръ народный. Образованіе славянское именно потому растетъ такъ медленно и

*) Просимъ читателя замѣтить, что это писано въ 1848 году, а вполнѣ выразило дѣйствія нынѣ царствующаго благодушнаго Монарха.

непримѣтно, именно потому и не бросается съ перваго разу въ глаза, что оно совершается тихо и спокойно во глубинѣ духа народнаго, что оно не спѣшитъ высказываться, что оно не тщеславится каждымъ новымъ явленіемъ жизни, что оно не превозносится каждою новою идеею, но за то обнаруживаетъ вліяніе свое на самыя явленія жизни исторической; отсюда эта дивная *ровность* славянскаго образованія, которое потому самому долговѣчно и твердо. То не есть истинное образованіе, которое умножаетъ и безъ того уже великія бѣдствія человѣчества, которое именно своими софизмами ясиѣе вызываетъ грубую чувственность низшихъ его членовъ, которое къ другимъ недостаткамъ человѣчества приноситъ еще чувство недовольства своимъ положеніемъ. Образованіе римлянъ, классическіе памятники котораго дошли до насъ, никогда не было образованіемъ народнымъ. Совершенное отсутствіе связи между жизнью историческою и литературою древнихъ римлянъ было, съ одной стороны, причиною подражательнаго характера послѣдней, а съ другой быстраго паденія ея. И такая же участь грозитъ каждому образованію, которое *не будетъ стремиться сдѣлаться народнымъ*. Подъ истиннымъ образованіемъ мы вовсе не разумѣемъ исключительно плодовъ умственной дѣятельности человѣка, или его художественной дѣятельности, взятыхъ совершенно отвлеченно отъ жизни дѣйствительной, но именно то отношеніе, въ которомъ ученое и художественное образованіе стоятъ къ жизни, ихъ приложеніе къ дѣйствительности; и такое образованіе тогда лишь твердо, когда оно основано на народныхъ началахъ, т. е., когда оно основано на *идеѣ, составляющей задачу народной жизни*. Таково образованіе славянскихъ народовъ, которые *и изъ чуждаго образованія принимаютъ только то, что свойственно ихъ природѣ*. Народъ не назоветъ того образованія своимъ, которое есть подражаніе чужому; оно рѣшительно какъ бы не существуетъ для него. Если народъ такъ живо проникнутъ идеею своей

жизни, какъ народъ русскій, то она должна высказываться во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и *обязанность пишущихъ лицъ безпрестанно приводить ее въ его сознаніе.* Этого недостаточно; *надобно свой русскій народный взглядъ внести въ самую ученую дѣятельность и въ ней упражняться, не измѣняя русской народной основъ,* но именно съ цѣлью найдти ей оправданіе, доставить ей полное торжество и противодѣйствовать мнѣнію тѣхъ, которые, простирая *самоотверженіе до нелѣпости*, считаютъ народы Запада своими учителями, готовы низойдти до рабскаго копированія ихъ жизни, и, мало того, полагаютъ, что истинное просвѣщеніе именно начинается *совлеченіемъ съ себя вида и образа мыслей русскаго.* Тѣ чрезвычайно заблуждаются, которые полагаютъ, что въ *области науки народныя начала ничего не значатъ;* въ самихъ чисто ученыхъ изслѣдованіяхъ должно дѣйствовать *сообразно съ воззрѣніемъ своего народа* и искать особенно того, что можетъ быть ему полезно, *можно и должно обращать преимущественно вниманіе на то что наше.* Природа Руси изучена очень мало, и то въ послѣднее время; но что сказать о природѣ Русскаго человѣка? Это безконечный новый міръ, который требуетъ дѣятелей и который обѣщаетъ наградить за трудъ самыми важными послѣдствіями.

Нѣтъ ни одного лица, а тѣмъ болѣе народа, который не имѣлъ бы чертъ особенныхъ, составляющихъ его нравственную физіогномію; тотъ, кого интересуютъ явленія духа человѣческаго, долженъ преимущественно обращать вниманіе на этѣ разсѣянныя черты, изъ которыхъ въ каждой выражается извѣстная сторона общечеловѣческаго духа. Безконечному разнообразію внѣшнихъ формъ, физіогномій человѣческихъ, соотвѣтствуетъ еще большее разнообразіе явленій духовной дѣятельности, которыя рѣшительно въ каждой личности, не говоря уже о народѣ, имѣютъ свой особенный видъ. Каждая личность, какъ бы она ни была малозначительна, назначена къ извѣстной дѣятельно-

сти, и на своемъ мѣстѣ, въ своемъ кругу дѣйствія она необходима и содѣйствуетъ общему благосостоянію. Тотъ же чудный порядокъ и та же соразмѣрность, которой мы удивляемся въ явленіяхъ природы вещественной, существуютъ, если взгляпемъ пристальнѣе, и въ явленіяхъ духовной человѣческой природы. И здѣсь главный источникъ, изъ котораго мы почерпаемъ наши наблюденія — разсматриваніе движеній собственнаго духа и духа другихъ. Ничего не можетъ быть любопытнѣе и поучительнѣе, какъ слѣдить за движеніями духа человѣческаго; ихъ очень трудно бываетъ уловить, но за то, какую пищу доставляютъ они духу, до какой степени они полезны для его образованія! Наблюденія за развитіемъ духа человѣческаго въ личностяхъ затрудняются большею, или меньшею скрытностью и принужденіемъ, но, и при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, ихъ бываетъ слишкомъ недостаточно для общихъ положеній. Въ исторіи народовъ и въ памятникахъ ихъ развитія преслѣдуемъ тѣ же явленія духа человѣческаго, что и въ личностяхъ, но въ большемъ размѣрѣ, въ формахъ, болѣе ощутительныхъ; личности вокругъ одной идеи, составляющей задачу жизни народа, сосредоточиваются, какъ лучи солнца около фокуса зажигательнаго стекла, и здѣсь наблюдаемъ мы ихъ самое сильное дѣйствіе. Превосходный матеріалъ психологическихъ наблюденій можетъ представить намъ развитіе древней Греціи, гдѣ весь человѣкъ сказался такъ ясно и откровенно, гдѣ онъ раскрылъ весьма важныя тайны своего духа. Отдавъ всю справедливость превосходству греческаго образованія, замѣтимъ, впрочемъ, что нѣтъ ни одного народа, который бы не заслуживалъ изученія и который не представилъ бы внимательному изслѣдователю новыхъ матеріаловъ для исторіи человѣческаго духа. Такимъ образомъ не должно пренебрегать ни однимъ явленіемъ историческимъ, ни одною личностью и ни одною народностью, потому что, какъ мы твердо убѣждены, въ нихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ,

высказывается какая ни будь черта общечеловѣческаго духа, которая также назначена къ развитію. Каждый долженъ ту искру общечеловѣческаго духа, которая дана ему, какъ-бы она ни была мала сравнительно съ другими, свято сохранять, поддерживать и *не мънять* ее ни на какую иную, ему чуждую. Внутренній образъ человѣка, его духовныя начала, конечно, должны быть для него дороже, нежели его внѣшній образъ; но какъ никто своего внѣшняго образа измѣнить не можетъ, такъ и неизмѣнно долженъ сохранять то, что составляетъ именно его духовную сущность и проявленіе, вѣрный отпечатокъ ея.

Главныя средства къ воспитанію и образованію своей личности, которая также отлична отъ личности въ нѣмецкомъ смыслѣ, какъ сочувствіе ко всему человѣческому отлично отъ равнодушія къ своему народу (космополитизма), это — *размышленіе*, на которое, въ обыкновенномъ образѣ воспитанія, такъ мало обращаютъ вниманія, и уже за размышленіемъ слѣдуетъ воспринятіе образованія, или лучше плодовъ его. Матеріалъ образованія можетъ быть воспринятъ и изъ чуждаго источника и не повредитъ народнымъ началамъ, а напротивъ послужитъ къ ихъ уясненію и утвержденію. Выше мы сообщили нашу мысль, которую повторяемъ и здѣсь, что духу человѣческому пріобрѣтеніе познаній извнѣ необходимо только потому, что онъ не вполнѣ сознаетъ себя; и что чрезъ него къ сознанію идетъ онъ; всѣ свѣдѣнія, какія только мы можемъ воспринять въ себя, уже находятся въ нашемъ духѣ; только они приходятъ въ ясность по мѣрѣ того, какъ духъ привыкаетъ дѣйствовать въ формѣ, наиболѣе совмѣстной съ его сущностью. Въ каждомъ человѣческомъ духѣ ученіе есть воспоминаніе того, что уже намъ извѣстно, что составляетъ часть его сущности. Если ученіе чисто механическое, если самостоятельному сужденію учащагося нѣтъ мѣста, то и свѣдѣнія не ложатся въ душу; напротивъ, если, не налагая на духъ насиль-

ственныхъ и готовыхъ формъ знанія, вызывать его на самостоятельную дѣятельность, манить его впередъ, и, пробудивъ въ немъ стремленіе къ знанію, удовлетворять, тогда съ полною увѣренностью можно ожидать, что такой образъ дѣйствія принесетъ плодъ. Самостоятельность мышленія начинается съ усвоенія мыслей другихъ; разсуждая объ нихъ мы мало-по-малу привыкаемъ судить самостоятельно: всѣ мысли наши начинаются съ мыслей другихъ и ими вызваны. Ученіе въ этомъ отношеніи, какъ дѣйствіе, вызывающее человѣка на самостоятельное мышленіе, существенно отлично отъ ученія, какъ дѣйствія, чисто механическаго. Что касается до образованія цѣлыхъ народовъ, то здѣсь то же самое, что замѣтили мы и при образованіи одного человѣка. Для удобнѣйшаго разсмотрѣнія этого предмета различимъ два случая: народъ или не имѣетъ вовсе своего самостоятельнаго образованія, или имѣетъ его. Въ первомъ случаѣ, т. е., если народъ находится еще на самой низшей степени духовнаго развитія, онъ не только не имѣетъ своего образованія и самихъ началъ духовныхъ стремленій, но даже совершенно сдѣлался неспособенъ къ образованію отъ стеченія самыхъ тягостныхъ и неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій; такова большая часть Негровъ африканскихъ и другихъ дикихъ племенъ. Во второмъ же случаѣ—но зачѣмъ слишкомъ извѣстное всѣмъ доказывать? Обратитесь лицемъ къ западу!... Къ сожалѣнію, иностранцы по исключеніямъ дѣлаютъ иногда сужденія о всемъ народѣ. Было время, когда думали, а можетъ статься и теперь еще нѣкоторые держатся той мысли, что есть народы и лица, неспособные къ высшему духовному образованію; но такое мнѣніе унижаетъ только того, кто такъ думаетъ: опытъ показываетъ совершенно противное. Нѣтъ ни одной личности, нѣтъ ни одного народа, который, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, не показалъ бы, что и онъ, не смотря на долговременное невѣжество и нравственное униженіе, способенъ къ образо-

ванію. Другіе народы, хотя также сравнительно называются необразованными, и даже дикими, имѣютъ уже начала всякаго человѣческаго развитія, примѣненныя къ мѣстнымъ условіямъ. Эти народы, не имѣя своего собственнаго образованія, которое бы носило ихъ народный характеръ, а только начала того образованія, которыя находятся у каждаго человѣка въ естественномъ состояніи, могутъ и должны получить готовымъ образованіе народовъ, болѣе развитыхъ, со всѣми его особенностями. Особенности же того народа, который воспринимаетъ образованіе, скажутся уже въ послѣдствіи въ самомъ образѣ, какимъ онъ усвоитъ это себѣ образованіе. Распространеніе образованія народа просвѣщеннаго между непросвѣщенными благодѣтельно и во всякомъ случаѣ есть пріобрѣтеніе для человѣчества. Совершенно не таково то дѣйствіе, когда личность народа, будто бы болѣе образованнаго, вытѣсняетъ личность народа, уже развившаго свои собственныя начала. Сокровища образованія необходимы каждому человѣку и народу, и каждому изъ нихъ необходимо бываетъ учиться многому отъ другихъ людей и народовъ, болѣе опытныхъ; но *ничѣмъ нельзя оправдать, если народъ отказывается отъ своихъ народныхъ началъ въ пользу чуждаго образованія*. Исторія не представляетъ, сколько намъ извѣстно, ни одного примѣра, чтобы народъ добровольно отрекся отъ своего образованія, какъ бы оно скудно ни было; нѣкоторыя лица, часть народа, могутъ прельститься лоскомъ чуждаго образованія, но *народъ всегда останется вѣренъ идеѣ своей жизни*. Чѣмъ сильнѣе народъ сознаетъ свою идею, чѣмъ яснѣе будетъ представляться ему цѣль его стремленія, тѣмъ способнѣе онъ вести впередъ дѣло науки общечеловѣческой. Образованіе западной Европы произошло отъ соединенія стихій духа кельто-нѣмецкаго съ образованностью древнихъ; но доколѣ первыя не были развиты и сознаны, дотолѣ не могло произойдти, и не произошло ничего творческаго.

Древняя Русь крѣпла и развивалась въ основной идеѣ всей своей жизни, и чрезъ то пріобрѣла исполинскую силу; богатая идеями жизненными, она не щеголяла содержаніемъ образованія, она переполнена была своими силами. Явился Петръ Великій: онъ воспользовался средствами, которыя предлагала ему Русь, и удивилъ весь образованный свѣтъ, который не постигалъ, на чемъ опирается могущество Руси, этой новой державы, тогда впервые явившейся среди державъ европейскихъ, и приписалъ все это чудо—*одному* Петру Великому. Да! Петръ дѣйствительно *великъ* въ томъ, что онъ созналъ новыя потребности своего народа, что онъ положился на него, что онъ постигъ его силу, далъ ей всестороннее приложеніе; но онъ не могъ бы создать этой силы, если бы ея не было. Внѣшнее государственное могущество Руси опирается на *единствѣ народныхъ началъ*, на ихъ превосходствѣ. Но духовныя силы русскаго народа, произведшія уже и теперь много великаго, развились только отчасти. Чего не въ состояніи будутъ они произвести, когда воспримутъ въ себя все богатое содержаніемъ образованіе классическихъ народовъ древности, и *самостоятѣльно*, на твердо и ясно сознанномъ *христіанскомъ началѣ*, разработаютъ неистощимую сокровищницу явленій духа человѣческаго и внѣшней природы? Величественны, громадны основанія, брошенныя новому *Славяно-Русскому* образованію древнею русскою жизнью, матеріалъ готовъ во всемірно-человѣческомъ образованіи. Какое то дивное зданіе воздвигнутъ на немъ и изъ него вѣка позднѣйшіе!....

О феодализмѣ на Руси.

Ничто такъ не вредитъ успѣшному развитію историческихъ наукъ и вообще наукъ, основанныхъ болѣе на умозрѣніи, нежели на опытѣ, какъ то, что система, повидимому, приз-

нная совершенно ложною, находитъ защитниковъ. Такъ, на примѣръ, кто послѣ изслѣдованій новѣйшаго времени, произведенныхъ въ области исторіи Русской, сталъ бы утверждать, что феодализмъ былъ внесенъ въ Русь и имѣлъ вліяніе на ея историческую жизнь? Ея явленія нерѣдко у различныхъ народовъ представляютъ сходство, но сходство чисто человѣческое, условленное единствомъ происхожденія, а болѣе всего единствомъ историческихъ условій, которое не даетъ никакого права думать, что одинъ народъ заимствовалъ у другаго. Внимательное изученіе Несторовой лѣтописи показываетъ, что феодальное начало и право не имѣло и не могло имѣть вліянія на первыя времена исторической жизни отечества уже потому, что оно (т. е., феод. право) еще не существовало и въ западной Европѣ въ полномъ своемъ развитіи во время пришествія Рюрика на Русь, что только три вѣка спустя выработался тамъ феодализмъ вполнѣ. [1]) Но вотъ вышло сочиненіе «О вотчинахъ и помѣстьяхъ» (*А. Лакьера*. Спб. 1848), въ которомъ читаемъ: «Сперва военачальникъ, «какъ предводитель дружины, потомъ родоначальникъ, нако«нецъ государь-вотчинникъ соединяли въ себѣ, строго гово«ря, обладаніе всею землею русскою и удѣляли ее во вре«менное владѣніе первоначально «своимъ мужамъ» членамъ «дружины, потомъ родичамъ князьямъ, связаннымъ съ сво«имъ старшимъ братомъ, в. княземъ, кровнымъ родствомъ, «и, наконецъ, людямъ служилымъ за ихъ храбрость, за про«литіе ими крови на войнѣ и въ послѣдствіи за службу граж«данскую». (Стр. 3—4).—«Бѣглый взглядъ на исторію раз«витія у насъ государственнаго воззрѣнія на Россію, какъ «вотчину и дѣдину государя, убѣждаетъ насъ въ справедли«вости мысли, высказанной прежде, и именно, что право пол«ной частной собственности развилось у насъ поздно и могло «развиться, какъ это было вездѣ, тогда только, когда граж-

[1]) Это было именно въ XII-мъ и XIII в. по Р. Хр.

«данинъ созналъ свою личность при помощи средствъ, дан-«ныхъ ему правительствомъ, при помощи образованія (Стр. «35)».—«Правъ полной собственности, принадлежавшихъ въ «древней Россіи (т. е., до 1714 г.) исключительно государю «и церкви надъ ихъ землями, не имѣли частныя лица надъ «своими вотчинами и помѣстьями. Кромѣ государственнаго «характера, преобладавшаго у насъ въ древней частной соб-«ственности, полному развитію ея мѣшалъ родовой элементъ, «возникшій первоначально изъ духа народнаго и образованія «государства чрезъ нарожденіе и поддерживаемый въ послѣд-«ствіи, особенно со времени Петра Великаго, для государст-«венныхъ цѣлей. (Стр. 131)».

Юридическія понятія *вотчина* и *помѣстье* находимъ во время составленія уложенія уже совершенно образовавшимися. И до того встрѣчаются въ актахъ слова «вотчины и помѣстья», но самое юридическое понятіе еще не созрѣло. Законодатель обращаетъ на этотъ предметъ особенное вниманіе: 69 статей посвящено изложенію всѣхъ юридическихъ условій, которымъ подлежали помѣстья. Тѣ же условія, касающіяся *вотчинъ*, изложены въ особыхъ 55 статьяхъ [2]). Различіе юридическихъ понятій, соединенныхъ въ XVII вѣкѣ со словами *помѣстье* и *вотчина*, для не изучавшихъ этого предмета, достаточно открывается изъ слѣдующей статьи Уложенія (XVI. 2.): «а которые помѣщики всякихъ чиновъ похо-«тятъ межь себе помѣстьи своими менятися, и имъ о роспи-«скѣ тѣхъ своихъ меновныхъ помѣстій бити челомъ государю, и челобитные о томъ подавати въ Помѣстномъ прика-«зѣ, за руками». Отсюда и изъ другихъ статей Уложенія явствуетъ, что помѣщикъ или владѣлецъ помѣстья, не былъ его владѣлецъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, а только то, что по французски называется usufruitier, что-то въ родѣ арендатора, только съ тою разницею, что повинность съ земли от-

[2]) См. уложеніе Ц. А. М. изд., 1804 г., стр. 98—115 и 115—131.

правлялась натурою, а не выплачивалась деньгами. Владѣлецъ *вотчины* былъ въ полномъ смыслѣ владѣлецъ, но съ тою разницею (весьма важною, впрочемъ), что владѣльцемъ вотчины было не одно лице, т. е., не одинъ человѣкъ, но родъ, юридически разсматриваемый, какъ одно лицо. Что касается до вопроса, что были помѣстья и вотчины въ Московской Руси и до Уложенія, то это лучше всего показываетъ слѣдующее мѣсто Никонов. лѣтописи (Т. 8-й стр. 258 и слѣд.) и Исторіи Татищева подъ 1556, гдѣ говорится, что 1) въ то время *помѣстья* еще не были строго различены отъ *вотчинъ;* 2) что ни тѣ, ни другія не носили еще того исключительно военнаго характера, какой они имѣютъ въ *Уложеньи*. «Лѣта 7064,—1556 г. приговорилъ царь и великій «князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи, съ братьею и съ «боляры, о кормленіяхъ и о службѣ всѣмъ людемъ, какъ имъ «впредь служити; а по сіе время бояра, и князи, и дѣти «боярскіе сидѣли по кормленіямъ по городомъ, и по воло«стемъ *для расправы людемъ и всякаю устроенія землямъ*, «*и себѣ отъ службъ для покою и прекормленія;* на кото«рыхъ городѣхъ и волостѣхъ были, въ кои лѣта намѣстни«ки и волостели (волостели были и у сербовъ; въ сербскомъ «законникѣ царя Душана безпрестанно о нихъ говорится, на «пр.: «и *властель* и иніи людіи, кои имаю црькевне баш«тине» и т. д.; «каде умрѣ *властелинъ*, конь добрь»., и «проч.), и тѣмъ городомъ и волостемъ расправу и устрои «дѣлали, и отъ всякаго лиха отвращали на благое, а сами «были довольны оброки своими и пошлинами указными, что «имъ государь уложилъ. И вниде въ слухъ благочестивому «царю, что многіе грады и волости пусты учинили намѣст«ники и волостели..... Такожь тѣхъ городовъ и волостей «мужичія многія коварства содѣяша и убійства ихъ людемъ; «и какъ съѣдутъ съ кормленій, мужики многими иски оты«скиваютъ, и многое въ томъ множество кровопролитья и «осквернія душамъ содѣяша.... Посемъ же государь сія

«разсмотри, которые вельможи и всякіе воины многими зем-«лями завладѣли, службою оскудѣша, не противъ государева «жалованія и своихъ вотчинъ служба ихъ. Государь же имъ «уравненіе творяше въ помѣстьяхъ, землемѣріе учиниша, ко-«му же что достойно, тако устроиша, преизлишкижь раз-«дѣлиша неимущимъ, а съ вотчинъ и съ помѣстья уложен-«ную службу учиниша, со 100 четвертей добрыя угожія зем-«ли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ полномъ, а въ дальной «походъ отъ дву конь; и кто послужитъ по земли, и госу-«дарь ихъ жалуетъ своимъ жалованіемъ, кормленіемъ» и пр. (см. «Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс.» Годъ 3-й, № 9 й, Отд. II., стр. 439 и слѣд.).

При томъ не должно забывать, что Московская Русь того времени еще не была всею Русью, и что, потому, было еще много учрежденій мѣстныхъ, отличныхъ отъ общаго Государственнаго; эти мѣстныя учрежденія существуютъ отчасти и въ нынѣ дѣйствующихъ законахъ [3]). Что жь было тогда? Правда, при царѣ Иванѣ III Новгородъ слился съ Московскою Русью, а при сынѣ его и Псковъ; но до Ивана III не ужели и къ Новгороду можно примѣнить слѣдующія слова: «Сперва военачальникъ, какъ предводитель дружины, потомъ «родоначальникъ, наконецъ государь вотчинникъ *соединялъ «въ себѣ, строго говоря, обладаніе всею землею Русскою и «удѣлялъ ее во временное владѣніе своимъ мужамъ*»? Будь такъ, не говорили бы Новогородцы князю: «Новгородъ ти «держати въ старинѣ по пошлинѣ; что волостій всѣхъ нов-«городскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, но «держати мужи новогородскими.... а безъ посадника тебѣ «волостій не раздавати; а кому роздаялъ волости братъ твой, «Александръ, или Дмитрій съ новгородцы, тобѣ тѣхъ воло-

---

[3]) См. Сводъ Законовъ, изд. 1842. т. IX. стр. 67, 159 и 160; т. X. стр. 245, 267, 279 и мн. др.

«стій безъ вины не лишати;.... а въ Бѣжицахъ, княже, тобѣ, «ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ «селъ не держати, ни купити, ни даромъ пріимати и по всей «волости новгородьской...» [4]) и великій князь Ярославъ Ярославичъ не утвердилъ бы клятвою этихъ условій (1264 г.). Карамзинъ [5]) приписываетъ Ивану III учрежденіе раздачи помѣстьевъ за службу воинскую, и говоритъ, что онъ на такомъ основаніи роздалъ въ 1500 году земли новгородскія *въ помѣстья* дѣтямъ боярскимъ. Въ Псковѣ были до 1509 г. также совершенно другія отношенія, чѣмъ въ Московской Руси, и лѣтописецъ Псковскій говоритъ: «а Псковичи *бѣдныя не вѣдаша правды московскія*». Но когда и Новгородъ и Псковъ слились съ Моск. Русью все таки она еще не составляла всей Руси. На Югѣ, въ Литовской Руси, владѣніе поземельной собственностью было основано совершенно на другихъ началахъ, чѣмъ въ Моск. Руси, на началахъ, которыя могутъ быть уяснены только *сравнительнымъ изученіемъ законодательствъ народовъ славянскихъ*. Литовскаго Статута, Права земли Чешской, Законника земли Сербской, Винодольскаго Закона, и многихъ другихъ; *это изученіе, по настоящему, должно быть положено въ основаніе изученія нашего отечественнаго законодательства* [6]). Жители Малороссіи не снесли тяжкаго бремени, какое положили на нихъ поземельныя отношенія, усвоенныя польскимъ законодательствомъ, ниспровергли ихъ и создали свои собственныя, составлявшія середину между тѣми, какія были въ

---

[4]) См. Карамзина Ист. Гос. Росс. 1819. т. IV. стр. 93. прим. 114.

[5]) См. Кар. И. Г. Р. т. VI, стр. 344.

[6]) Что касается до Литовскаго Статута, то Сводъ Зак. въ ст. о Панцырныхъ боярахъ на него ссылается, смотр. т. IX, ст. 836—840. Объ узаконеніяхъ Западнаго края, подтвержденныхъ различными указами смотри т. IX, ст. 338.

Московской Руси и въ Литвѣ [7]). Изучить эти-то отношенія необходимо каждому отечественному юристу [8]).

Но, не вдаваясь въ чисто юридическіе вопросы, я утверждаю, что *феодализма у насъ и слѣда не было.*

Сочинитель книги «о вотчинахъ и помѣстьяхъ» слѣдующими словами, по Эйхгорну, изображаетъ германскую дружину: «Толпа свободныхъ Германцевъ (Mannschaft), незнающихъ надъ собою начальника, избирала изъ своей среды «вождя (dux), человѣка, превосходившаго другихъ отвагою, «смѣтливостью, честностью, знатностью происхожденія, и «ввѣряла этому «первому между равными» свою судьбу съ «тѣмъ, чтобы онъ съ мечемъ въ рукахъ досталъ имъ земли «и хлѣба, которыхъ эти бездомные искатели приключеній не «имѣли въ своемъ суровомъ и раздѣленномъ между старши«ми сыновьями отечествѣ. Главный вождь избиралъ себѣ «помощниковъ (comites) изъ самой же дружины. Начало «вѣрности, слѣпаго повиновенія вождю—вотъ что должно «было сплотить эту, повидимому, разнохарактерную массу «людей. Дружинники давали своему ленному господину клят-

---

[7]) Губерніи Черниговская и Полтавская донынѣ сохраняютъ нѣкоторыя изъ этихъ законовъ (см. т. X. Св. Зак. стр. 398, 561 и мн. др.. т. IX. стр. 821 и др.

[8]) Съ такимъ изученіемъ никто не позволилъ бы себѣ сказать: «Безполезно было бы доказывать, что въ Русскомъ наслѣдственномъ правѣ былъ исключительно родовой элементъ, хотя, съ другой стороны, нельзя отвергать его существованія. Доказательствомъ тому служитъ не судъ Любуши, не установленіе другихъ славянскихъ народовъ, но древніе наши законы», и тутъ же ссылка на нѣмецкій переводъ Исторіи славянскихъ законодательствъ (Historya Slow. prawod). *В. А. Мацѣевскаго* (см. О вотчинахъ и помѣстьяхъ. стр. 154, прим. 81). Или принимать подобныя слѣдующему выводы другихъ: «Самое названіе въ древнихъ памятникахъ завѣщанія *рядомъ*, означавшимъ также договоръ (по польски рада, совѣтъ) (?!), указываетъ, какъ замѣтилъ Поповъ (Сборникъ истор. и статист. свѣд. о Россіи и пр. I. стр. 110) на вліяніе членовъ семейства на волю завѣщателя (Тамъ же, прим. 84)».

«ву въ вѣрности и вступали съ вождемъ въ нравственное «единеніе. Образовавшаяся такимъ образомъ дружина напа«дала или на римскую провинцію, или на поселившееся на «римской границѣ также германское племя и овладѣвала «землею. Каждый изъ несшихъ тяжесть похода считалъ се«бя въ правѣ получить участокъ покоренной земли, и вождь, «оставивъ туземцамъ извѣстную, обыкновенно, третью часть «территоріума и отдѣливъ для себя относительно большій «участокъ, прочее раздавалъ дружинѣ въ награду за ея тру«ды. И тутъ продолжалось тоже начало вѣрности и военна«го подчиненія. При первомъ знакѣ вассалы являлись къ «условному мѣсту сбора на конѣ со свитою слугъ, стано«вились въ ряды воиновъ и защищали себя, своего госпо«дина и свою новую отчизну. Неисполненіе одного изъ этихъ «условій лишало лице земли и политическаго значенія.... (Стр. 4—5). «Первый періодъ историческаго существованія «Россіи заключаетъ въ себѣ феодальный элементъ. *Странно, «какъ до сихъ поръ многіе не хотятъ видѣть леннаго на«чала въ дружинной системѣ, господствовавшей у насъ «до Ярослава I-го.* Чтобы доказать справедливость против«наго такому мнѣнію, мы обозначимъ вкратцѣ существо «(авторъ хотѣлъ вѣрно сказать: сущность) феодализма (она «и указана выше) и посмотримъ, подходятъ ли подъ него «сохранившіяся въ нашихъ лѣтописяхъ, хотя и отрывоч«ныя, свѣдѣнія о русской дружинѣ. (Стр. 4).» Тутъ авторъ выбираетъ изъ лѣтописи только тѣ событія, которыя хоть сколько-нибудь соотвѣтствуютъ его взгляду; если бы онъ послѣдовалъ тому историческому методу, по которому одно явленіе выводится изъ другаго, методу, которому онъ съ такимъ полнымъ успѣхомъ слѣдовалъ въ изложеніи исторіи *собственно* вотчинъ и помѣстій, то онъ никогда не высказалъ бы такого страннаго взгляда на событія древней исторіи Руси. Пусть эти событія сами прямо говорятъ противъ него.

*

Прежде нежели особенныя обстоятельства заставили Новгородцевъ прибѣгнуть къ покровительству своихъ заморскихъ сосѣдовъ (слово Варягъ въ то время имѣло столь же обширное значеніе, какъ нынѣ Нѣмецъ), славянскія племена жили разсѣянно по огромному пространству земли отъ Дуная и Лабы до Днѣпра и далѣе, каждый родъ отдѣльно подъ властью своихъ Князей. О Полянахъ Кіевскихъ Несторъ прямо говоритъ «и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ;» и далѣе: «*Кій* (мнимый, или истинный основатель Кіева) *княжаше* «въ родѣ своемъ.» Вотъ ясное и неоспоримое свидѣтельство, что наши русскіе Славяне и до пришествія Рюрика имѣли своихъ *Князей*. Греческіе историки въ своихъ сочиненіяхъ дополняютъ недостаточность извѣстій нашего лѣтописца, и изъ ихъ словъ можно составить себѣ довольно приблизительно вѣрное понятіе объ общественномъ бытѣ и характерѣ русскихъ Славянъ IX вѣка; мы воспользуемся только извѣстіями, сообщаемыми Прокопіемъ (VI вѣка), Императоромъ Маврикіемъ (VI вѣка), Львомъ Мудрымъ (IX вѣка) и Константиномъ Багрянороднымъ (X вѣка); противъ авторитета такихъ мужей спорить нечего. Прокопій говоритъ: «Славяне и «Анты не находятся подъ властью одного владѣтеля, но жи«вутъ, не признавая надъ собою властей: о всякомъ, какъ «благопріятномъ событіи, такъ и неблагопріятномъ разсуждаю«тъ въ собраніяхъ.... Жилища ихъ непрочны, далеко от«стоятъ одно отъ другаго и часто бываютъ переносимы съ «мѣста на мѣсто.... Какъ Славяне, такъ и Анты, происхо«дятъ отъ одного корня; древнее ихъ названіе было Споры, «какъ думаю отъ σποράδην; оно имъ и идетъ, потому что они «живутъ въ разсыпную и жилища ихъ далеко находятся одно «отъ другаго. По этой-то причинѣ они занимаютъ такое «огромное пространство [9].» Кто въ этихъ послѣднихъ чер-

[9] Procopii de Bello Gothico. L. IV въ Proc. Op. Paris, 1663. F. 2. voll. p. I. 498.

тахъ не узнаетъ нашихъ русскихъ Славянъ? Извѣстія, сообщаемыя Маврикіемъ, еще точнѣе: «Образъ жизни и правовъ «у всѣхъ племенъ Антовъ и Славянъ одинъ и тотъ же; они «выше всего ставятъ свою независимость.... терпѣливо сно- «сятъ перемѣны погоды.... гостепріимны до крайности къ «иноземцамъ и обиду иноземцу-гостю мстятъ какъ свою соб- «ственную.... Общаго у нихъ начальника нѣтъ, но одно пле- «мя находится въ отношеніи къ другому въ постоянно враж- «дебномъ положеніи.... Да и въ одномъ племени о каждомъ «вопросѣ бываетъ множество самыхъ разнообразныхъ мнѣній, «и его члены или расходятся, ни въ чемъ не согласившись, «или, если нѣкоторые и согласятся на чемъ-нибудь одномъ, «прочіе не слушаютъ и дѣйствуютъ по произволу, ибо у «нихъ никто не хочетъ повиноваться [10].»

Левъ VI или Мудрый говоритъ о Славянахъ, жившихъ по Дунаю, что въ первыя времена знакомства Римлянъ съ ними, они (Славяне) занимались болѣе скотоводствомъ, что теперь (т. е., въ его время) сѣютъ просо, что они весьма умѣренны въ пищѣ, готовы по возможности ограничивать свои жизненныя потребности и сносить всѣ лишенія. Левъ VI говоритъ то же, что и Маврикій, о любви Славянъ къ свободѣ, но прибавляетъ слѣдующія важныя подробности: «Они «(Славяне) жили у себя дома совсѣмъ безъ начальниковъ; «но, будучи выведены на греческій берегъ Дуная и постав- «ленные въ необходимость повиноваться, избрали начальни- «ковъ изъ среды себя, разсуждая, что, коли ужь нужно «терпѣть, такъ лучше терпѣть отъ своего, чѣмъ повино- «ваться римскимъ законамъ и римскимъ начальникамъ [11].»

[10] Mauricii Strategicon. I. IX. c. 5 въ Jo. Schefferi Arriani Tactic. et. Mauricii Art. Milit. L. XII. graec. et lat. Upsaliae. 1664. 8. p. 272—290.

[11] Leonis Imp. Tactica sive de re Militari Liber въ Jo. Meursii Operibus, ex recensione Jo. Lami. Vol. VI. Florentiæ, 1745. Fol. p. 528 sqq.

Отъ Константина Багрянороднаго узнаемъ, что Славяне, «платящіе Руссамъ дань, называемые Кривитанны (Кривичи) «и Ленцанины, а также и всѣ прочіе Славяне, зимою въ «своихъ горахъ дѣлаютъ лодки однодеревки, веспою въ по«ловодье спускаютъ на воду... Образъ жизни Руссовъ край«не суровъ и дикъ. Въ началѣ ноября мѣсяца *вожди* Рус«совъ отправляются изъ Кіева или по городамъ, называе«мымъ *Гиры*, или къ славянскимъ племенамъ Вервіянъ (Сѣ«верянъ), Дреговичей, Кривичей, Сербовъ (*конечно не юж*«*ныхъ*) и къ прочимъ славянскимъ племенамъ, платящимъ «дань; у нихъ князья Руссовъ проводятъ зиму и въ апрѣ«лѣ возвращаются въ Кіевъ [12].»

Эти свидѣтельства, столь важныя и многозначительныя, всѣ, за исключеніемъ послѣдняго, относятся къ Славянамъ до пришествія Варяговъ и до внесенія Норманскаго элемента (если только это внесеніе было). Слѣдовательно, *прежде всего необходимо каждому разсуждающему о древне-славянскомъ бытѣ, обратить вниманіе на эти свидѣтельства.*

Таково-то по греческимъ историкамъ и Нестору было состояніе Славянъ, жившихъ въ Россіи до Рюрика: одно племя жило въ постоянной враждѣ съ другимъ, будучи раздроблено на множество родовъ, изъ которыхъ каждый управлялся старшимъ или *Княземъ*, имѣвшимъ истинно-патріархальное значеніе, т. е., бывшимъ вмѣстѣ и государемъ и жрецомъ. Только внѣшняя опасность соединяла эти *роды въ племена*, и то не очень крѣпкою нитью, такъ жители Искоростѣня и ихъ князь убили Игоря и воевали съ Ольгою; другіе Древляне весьма мало принимали участія въ дѣлѣ и мирно пахали свои нивы, когда Ольга стояла подъ Искоростѣнемъ. Естественно, что такой народъ, какъ бы ни было велико его числительное множество, мало представлялъ ру-

---

[12] Constantini Porphyrogennetæ De Administrando Imperio, въ Anselmi Banduri Imperium Orientale. Paris, 1711. Fol. T. I.

чательствъ для сохраненія политической независимости; ему, для его спасенія, надобно было слиться въ одно. Подъ 859 годомъ лѣтописецъ Несторъ говоритъ, что Варяги изъ заморья *брали дань* на Чуди, и на Словѣнѣхъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ». Замѣчательно «*брали дань*», а не требовали земли во владѣніе, слѣд., не имѣли въ ней нужды. И для кого могла быть привлекательной скудная почва нынѣшней новгородской губерніи? Словѣне, здѣсь жившіе, и ихъ сосѣди вовсе не занимались земледѣліемъ, а хлѣбъ получали или изъ Ростовской земли и Низовья, или изъ-за моря отъ Варяговъ. Доказательства тому на каждой страницѣ новгородскихъ лѣтописей. Сердитъ ли былъ на новгородцевъ князь Ростовской и Владимірской земли, онъ не могъ чувствительнѣе отмстить новгородцамъ, какъ не пуская къ нимъ низовскаго хлѣба. Отъ того-то такъ часто и случались голода, и при томъ самые страшные въ Новгородѣ, что противные вѣтры и расположеніе низовскихъ жителей (Болгарская земля, въ послѣдствіи почва казанскаго царства, была *житницею* Новгорода) могли оголодить весь Новгородъ. Торговля, особенно пушнымъ товаромъ, и скотоводство— вотъ главное занятіе новгородскихъ Словѣнъ и ихъ инородныхъ сосѣдей. Отъ того-то Варяги вовсе не искали земли для поселенія, а довольствовались *данью*. Отсюда ясно, что авторъ сочиненія «о вотчинахъ и помѣстьяхъ» весьма ошибается, полагая, что Варяги, или, по его словамъ, Норманы (что вовсе не одно и тоже) искали въ Россіи земель для поселенія. Если Варяги были довольно сильны, чтобы положить на Словѣнъ дань, то, будь это сообразно съ ихъ цѣлями, ужели они не потребовали бы земли, въ которой, конечно, у Словѣнъ въ то время былъ чрезвычайный избытокъ при относительно маломъ народонаселеніи? А если они не требовали земли, слѣд., не имѣли въ ней нужды. Поляне, Сѣверяне и Вятичи платили дань Козарамъ, отъ дыма, по бѣлкѣ и вѣвѣрицѣ. Подъ 862 годомъ Несторъ говоритъ:

Изгнали (т. е., вѣроятно, Чудь и Словѣне, Меря и всѣ Кривичи) Варяговъ за море и не дали имъ дани; они стали управляться сами собою, по *правды*, т. е., закона, у нихъ не было (господствовало кулачное право); родъ возсталъ на родъ, произошли между ними раздоры и несогласія, которыя скоро перешли въ открытую междоусобную войну.... (Сравните тутъ то, что говорятъ Прокопій, Маврикій и Левъ VI о взаимныхъ отношеніяхъ Славянъ, и одно объяснится другимъ). Поразмысливъ, они сказали другъ другу: «Поищемъ себя *князя*, который бы нами управлялъ по закону.» Слѣд., если слово *князь* было, то и понятіе, съ нимъ соединенное, было и у новгородскихъ Словѣнъ; тутъ дѣло не въ томъ, что Словѣне вздумали имѣть *князя*. Это не могло быть нововведеніемъ. Охотниковъ на это званіе, безъ сомнѣнія, нашлось бы и между ними очень много, но нужно было князя, который былъ бы совершенно чуждъ интересамъ родовъ и, что всего важнѣе, чтобы онъ управлялъ по закону. Отсюда первый и важнѣйшій характеръ вновь призваннаго князя быть миротворцемъ, судьею, а не военачальникомъ, не вождемъ дружины, какъ угодно утверждать нѣкоторымъ. Дружина образовалась въ послѣдствіи, на югѣ, въ Кіевѣ, и притомъ, большею частью, изъ самихъ же Славянъ, подъ вліяніемъ совершенно другихъ обстоятельствъ, которыхъ не было на сѣверѣ, у новгородскихъ Словѣнъ. Сказано—сдѣлано. «Пошли за море къ Варягамъ, къ Руси», слѣд., здѣсь *Варяги*—понятіе общее, а *Русь*—частное; Русь составляла только одинъ изъ многихъ народовъ, носившихъ у Словѣнъ общее названіе Варяговъ (какъ у Турковъ и Арабовъ всякой Европеецъ—*Франкъ*, какъ и у нашего простонародія прежде—*Фрягъ*, а нынѣ—*Нѣмецъ*). Несторъ самъ подтверждаетъ это далѣе: «Эти (т. е., къ которымъ пошли Словѣне) Варяги назывались *Русь*, а были и другіе *Варяги*: одни назывались *Свое* (т. е., Шведы), другіе *Урмане* (т. е., Мурмане или Норвежцы), третьи *Англяне*, четвертые *Готы*.» Отсюда, кажется,

ясно, что Варягами новогородскіе Словѣне называли всѣхъ своихъ западныхъ заморскихъ сосѣдей, съ которыми только случалось имъ имѣть сношенія. «Чудь, Словѣне и Кривичи сказали Руси: земля наша обширна пространствомъ и богата произведеніями, а *порядку* въ ней нѣтъ; идите и владѣйте нами!» И тутъ Чудь, Словѣне и Кривичи ищутъ не земле-владѣльца, а *судью*; владѣть-то землею у нихъ у самихъ есть кому, а нѣтъ порядка, правды, закона—вотъ чего искали Чудь, Словѣне и Кривичи. Не только что объ уступкѣ третьей части поземельной собственности не могло быть здѣсь рѣчи, но даже ничего не сказано о *дани*, что весьма замѣчательно. «На предложеніе Чуди, Словѣнъ и Кривичей согласились три «брата, каждый съ своимъ родомъ; они взяли съ собою всю «Русь и пришли. Старшій братъ, Рюрикъ, поселился (сѣлъ) «въ Новѣгородѣ; одинъ братъ его, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а «другой братъ Рюрика, Труворъ, въ Изборскѣ.» Нѣкоторые говорятъ, что эти три брата были приглашены для защиты призвавшихъ ихъ народовъ: Чуди, Словѣнъ и Кривичей, и что они именно потому-то и избрали (будто бы) пограничные города, т. е., другими словами, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ играютъ у насъ ту же роль, что на западѣ около этого же времени *Маркграфы*. Все это—чистая гипотеза; если вы желаете оставаться вѣрными одному факту, тому, что говоритъ Несторъ, то должны согласиться, что Чюдь, Словѣне и Кривичи, призывая къ себѣ Русь, ищутъ не защитниковъ отъ враговъ внѣшнихъ, а людей, которые управляли бы ими *по закону*. Отсюда мы вправѣ сказать, что Рюрикъ былъ *судья* для Новгородскихъ Словѣнъ, Синеусъ *судья* для Чуди, а Труворъ *судья* для Кривичей. Если мы примемъ въ соображеніе законодательство западныхъ Славянъ, Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и друг., то увидимъ, что съ словомъ *Князь* они соединяли именно понятіе о судебной власти и, слѣд., о власти государственной, ибо въ первоначальной формѣ общества всѣ законы имѣютъ форму приговоровъ на

извѣстный случай. Для понятія начальника дружины, для выраженія власти воинской, есть у западныхъ Славянъ слово *Воевода*, которымъ и переводится слово *Маркграфъ*. Сказавъ о пришествіи Руси, Несторъ прибавляетъ: «Съ того-то времени область Новогородцевъ назвалась Русскою землею; *эти* (т. е., должно предполагать, современные лѣтописцу) Новгородцы происходятъ отъ роду Варяжскаго, а *прежде* они были *Словѣне*.» По прошествіи двухъ лѣтъ *Синеусъ* и, братъ его, *Труворъ* померли, «и пріялъ власть Рюрикъ, *и раздая «мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, «овому Бѣлоозеро*.» Отсюда не слѣдуетъ, чтобы Рюрикъ отдавалъ въ полное владѣніе своимъ мужамъ города; естественно, что онъ не могъ дать *своимъ мужамъ* власти болѣе той, какую самъ имѣлъ. Такъ какъ *князь* (т. е., Рюрикъ) не могъ вездѣ самъ присутствовать и на своемъ княжескомъ дворѣ судить распри, то онъ и послалъ во всѣ города довѣренныхъ мужей, которые вмѣсто него должны были давать судъ и расправу. Ничего подобнаго ленамъ здѣсь не было и быть не могло. Каждый можетъ изъ первой статьи Русской Правды увидѣть, что *мужъ княжій* лѣтописца вовсе не былъ вассалъ феодальный; вотъ что въ этой статьѣ читаемъ: «Аще убіетъ кто мужа, то мьстити брату брата, лю«бо отець, или сыну, любо братъ-чаду ли братию сынови; «оже не будетъ кто его мьстяй, то положить за голову 80 «гривенъ аще ли будетъ *княжь мужь* или *тиунъ княжь*; «аще ли будетъ Русинъ, горожанинъ, или гридъ, или купецъ, «или *тиунъ боярьскій*, или мечникъ, любо изгой, ли *Сло«вѣнинъ*, 40 гривенъ положити зань.» Эта одна статья Руской Правды совершенно опровергаетъ всякую тѣнь сомнѣнія на счетъ несуществованія чего-либо подобнаго феодальному быту у насъ, въ Руси. Изъ этой статьи слѣдуетъ: 1) что жизнь Словѣнина оцѣнена совершенно въ одну и ту же цѣну, что и жизнь Русина; а извѣстно, что въ законодательствахъ народовъ нѣмецкихъ, Лангобардовъ, Бургундцевъ,

Франковъ, Саксовъ жизнь *Германца* оцѣнена всегда вдвое, въ иныхъ законодательствахъ *втрое* выше, чѣмъ жизнь Римлянина, т. е., вообще жителя завоеванной области; такъ, если за убійство Римлянина, по Лангобардскимъ законамъ, платилось 40 солидовъ, то за убійство Лангобарда платилось 80. А въ нашей Руской Правдѣ жизнь Словѣнина оцѣнена въ 40 гривенъ, и во столько же жизнь *Русина*. Фактъ многозначительный! 2) Во всѣхъ вышеупомянутыхъ нѣмецкихъ феодальныхъ законодательствахъ находимъ различіе *сословій:* жизнь свободнаго Германца оцѣнена вдвое и втрое выше противъ жизни Римлянина; но и тутъ не всѣ Римляне подведены подъ одинъ уровень, а за жизнь холопа платится меньше, чѣмъ за жизнь свободнаго (т. е., отноеительно) Римлянина, а за жизнь раба еще меньше. Притомъ, не всѣ и Германцы пользовались одинакимъ покровительствомъ законовъ; такъ называемые *литы,* левды (liti leudes), занимавшіеся, обыкновенно, земледѣліемъ, были поставлены гораздо ниже Германцевъ, носившихъ оружіе, т. е. непосредственныхъ членовъ дружины, въ послѣдствіи и вассалы непосредственныхъ вассаловъ короля не пользовались уже одинакими правами въ сравненіи съ первыми. О купцахъ и говорить нечего, ихъ участь во всѣхъ феодальныхъ законодательствахъ—самая жалкая. Познакомившись съ смысломъ феодальныхъ законовъ, бѣдственное послѣдствіе которыхъ и въ *настоящую минуту* отзывается въ западной Европѣ, вникнемъ въ смыслъ Руской Правды, и увидимъ: а) что *Русинъ* и *Словѣнинъ* совершенно равны, б) всѣ свободные люди раздѣлены на два разряда: 1) княжихъ мужей или княжихъ тіуновъ, безразлично, будутъ ли они Словѣне, или Русь, 2) всѣхъ прочихъ, в) Жизнь купца оцѣнена совершенно равно съ жизнью мечника, гридни и тіуна боярскаго. Спрашиваю, гдѣ же преимущества дружины? Гдѣ феодальный характеръ ея? II) Изъ вышеприведенной статьи, въ сличеніи съ другими статьями Руской Правды и законодательствами западныхъ

славянскихъ народовъ, слѣдуетъ, что не какіе-то тамъ дружинники были владѣльцами поземельной собственности, а *бояре* или *боляре*, что они сидѣли на своей землѣ и до Рюрика и, слѣдственно, не отъ него получили свое право, что они имѣли *своихъ мужей боярскихъ*, какъ князь имѣлъ своихъ *княжихъ*, что они имѣли своихъ *тіуновъ*, какъ князь имѣлъ своихъ, что вообще названіе *боляринa* или *боярина* значитъ у насъ, Булгаръ, южныхъ Сербовъ и, смѣшенныхъ съ Славянами и Римлянина, Румуновъ, поземельнаго владѣльца, какъ названіе въ старину *леха*, а потомъ *Земана*, *пана* у Чеховъ, Словаковъ, Лужичанъ и Поляковъ соединено съ тѣмъ же понятіемъ. *Мужи*, которыхъ посадилъ Рюрикъ въ Полоцкѣ, Бѣлоозерѣ, Ростовѣ и иныхъ городахъ не были его вассалы (въ такомъ случаѣ имъ отдана была бы цѣлая область, гдѣ лежитъ городъ), а просто *посадники* (градоначальники, или намѣстники, говоря словами нынѣшняго времени), т. е., люди, которые посажены были въ города отъ лица *князя* давать его жителямъ судъ и расправу, а въ послѣдствіи и собирать дань на *князя*.

Естественно, что въ тѣ времена и при тогдашнихъ отношеніяхъ смѣшно было бы искать той опредѣленности общественныхъ и частныхъ отношеній, какая существуетъ, напр., нынѣ. Не только взаимныя отношенія подданныхъ къ Князю не были опредѣлены, но Князь хорошенько не зналъ и числа своихъ подданныхъ; житель извѣстной области зналъ, что у него есть *Князь;* онъ обращался къ нему только въ томъ случаѣ, когда онъ имѣлъ распрю съ сосѣдомъ; въ такомъ случаѣ онъ шелъ судиться на дворъ Княжескій, или на дворъ ближайшаго Княжескаго тіуна. Войско или дружина Князя состояла изъ охотниковъ; всякой, будь онъ Словѣнинъ, Печенѣгъ, Варягъ приходилъ къ Князю, предлагалъ ему свои услуги, а Князь кормилъ его и давалъ оружіе. Исключительнаго характера Германской дружины наша дружина не принимала и не могла принять; входъ и выходъ

изъ нея былъ всегда свободенъ. Богатъ ли былъ Князь и торовать—къ нему собирались со всѣхъ концевъ люди вольные, готовые ему служить; противное слѣдствіе было слѣдствіемъ противной причины. Содержалъ дружину Князь вирами или взыскными деньгами, а въ послѣдствіи и данями. Епископы и старцы именно сказали В. Кн. Владиміру: «рать многа; оже вира, то на оружьи и коних буди;» и рече Володимеръ «тако буди (Замѣчательна форма этого совѣщанія: Князь утверждалъ или отвергалъ Боярскій приговоръ; это совершенно такъ, какъ въ послѣдствіи въ Московской Руси)!» Спрашиваю: если бы дружина Княжеская владѣла землею; если бы она состояла изъ вассаловъ, обязанныхъ по первому призыву своего ленного главы явиться въ полномъ вооруженіи; если бы она не состояла изъ бездомныхъ людей, которыхъ все имущество было здоровье физическое, а конечно вмѣстѣ и нравственное, то на что было бы содержать ее вирами? Напротивъ, внимательное чтеніе лѣтописи показываетъ намъ, что наши Князья именно по тому и совершали такъ скоро и такимъ твердымъ образомъ обширныя завоеванія, что они не были стѣснены никакими условіями къ дружинѣ; что къ храброму, доблестному и торовату Князю собиралось множество охотниковъ, искавшихъ только содержанія на Княжескій счетъ и воинской чести и воинской добычи. Оканчивалась ли война, дружинникъ возвращался домой и принимался за свое прежнее занятіе. То ли при феодальномъ порядкѣ вещей? Членъ дружины тамъ дотолѣ и былъ дѣятеленъ, дотолѣ и служилъ усердно ленному главѣ, пока не получалъ отъ него земли. Получалъ ли онъ въ свое владѣніе участокъ земли съ условіемъ отправлять извѣстныя повинности, онъ садился на этой землѣ, а до отправленія повинности ему и нужды нѣтъ. Ленной глава лишенъ средствъ принудить его къ исполненію обязанностей, потому что всѣ члены дружины за одно. Остается только привлекать къ себѣ раздачею остальныхъ коронныхъ имѣ-

ній. Когда ленному главѣ раздавать уже ничего не оставалось, то члены дружины каждый въ своемъ владѣніи присвоивалъ себѣ права ленпаго главы: примѣръ вся Западная Европа. Была ли у насъ хоть тѣнь этихъ ленныхъ взаимныхъ обязанностей ленпаго главы къ дружинѣ, и на оборотъ! Нѣтъ! Ни въ Руской Правдѣ, древнѣйшемъ памятникѣ нашего законодательства. Авторъ сочиненія о вотчинахъ и помѣстьяхъ остановился на сходствѣ, которое находится между отношеніями помѣщиковъ къ Государю, какими они являются по Уложенію, и между отношеніями феодальныхъ вассаловъ къ леннымъ главамъ, и, въ слѣдствіе этого, вздумалъ провелъ чрезъ всю жизнь Руси вліяніе феодальнаго быта, котораго не было. Сходство, о которомъ мы говоримъ, чисто случайное, вызванное одинаковыми обстоятельствами, сходство общечеловѣчесвое. Иначе и у Турковъ, въ отношеніяхъ Беевъ къ Султану, найдете феодальный элементъ.

Рюрика и его братьевъ призвали княжить Чюдь, Словѣни и Кривичи; Чюдь не принадлежитъ, какъ извѣстно, къ народамъ племени Славянскаго; но кромѣ Словѣнъ (Новогородскихъ) и Кривичей въ Руси жили тогда еще слѣдующіе народы племени Славянскаго: Поляне, Деревляне, Полочане, Дреговичи, Сѣверяне, Бужане (они же Велыняне, въ послѣдствіи Волыняне). Конечно, всѣ эти народы имѣли одни и же условія общественнаго устройства, что и Кривичи и Новгородскіе Словѣне, т. е., что и они были жертвою внутреннихъ нестроеній и раздоровъ. Такъ вражда Деревлянъ и Полянъ засвидѣтельствована исторіею. Эти неустройства способствовали Козарамъ, какому-то народу племени Турковъ Восточныхъ въ обширномъ смыслѣ, подчинить себѣ Полянъ, Деревлянъ и Сѣверянъ. Мы вправѣ заключить, что Полочане, Дреговичи и Бужане были до временъ Рюрика совершенно самостоятельны; по крайней мѣрѣ молчаніе лѣтописца этому заключенію не противорѣчитъ. Въ лѣтописи говорится, что Рюрикъ между прочими городами имѣлъ намѣст-

ника и въ Полоцкѣ (около 6370 году). А такъ какъ въ спискѣ народовъ, призвавшихъ Рюрика, имени Полочанъ не встрѣчаемъ, то думаемъ, что или Полоцкъ былъ примысломъ Рюрика, или Полочане, видя перемѣну къ лучшему въ быту своихъ Новгородскихъ сосѣдей съ призывомъ Князя, и сами захотѣли пользоваться плодами этого призыва и добровольно поддались Рюрику. Какъ шатка была еще связь, скрѣплявшая въ одно народы Сѣверной Руси тяготѣвшіе къ Новгороду (какъ народы Южной Руси тяготѣли къ Кіеву), видно изъ того, что подъ 6488 годомъ Полочане имѣли уже особаго, пришедшаго къ нимъ изъ заморья Князя, по имени Рогволода (замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ имени слышны Литовскіе звуки. Былъ ли онъ Пруссъ, или, быть можетъ, даже Литвинъ, этого съ достовѣрностью никакъ нельзя сказать; но крайней мѣрѣ имя едва ли Скандинавское). Кромѣ выше исчисленныхъ народовъ, лѣтописецъ упоминаетъ въ числѣ народовъ Славянской крови, жившихъ на почвѣ нынѣшней Русской имперіи: Хорватовъ—обитавшихъ, по всей вѣроятности, въ нынѣшней Галиціи,—Вятичей и Радимичей. Объ этихъ двухъ послѣднихъ народахъ лѣтописецъ сказываетъ, что они происходятъ отъ Ляховъ, что, когда-то (за долго до призванія Рюрика, Радимъ и Вятко отдѣлились отъ своихъ соотечественниковъ, Ляховъ. О Ляхахъ лѣтописецъ говоритъ, что древнѣйшія ихъ жилища были по Вислѣ и что племя Ляховъ обнимало въ то время четыре народа (или колѣна): Полянъ, Лутичей, Поморянъ и Мазовшанъ. Какъ бы то ни было, Радимъ и Вятко, по словамъ лѣтописца, оставили берега Вислы и пошли на Востокъ: Радимъ поселился на берегахъ Сожи; (въ нынѣшней Могилевской губерніи); тутъ, во время Нестора, жили потомки Радима подъ именемъ Радимичей. Въ 6393 году Князь Олегъ, по словамъ лѣтописца (называть *Великими* Князьями Рюрика Олега, Святослава, Владиміра—анахронизмъ; по лѣтописцу, первымъ *Великимъ* Княземъ, если не ошибаемся, названъ Ярославъ), именно

подъ 6562 годомъ, послалъ къ Радимичамъ спросить, кому они платятъ дань, или, другими словами, у кого они находятся въ зависимости? Радимичи отвѣчали: Козарамъ. Олегъ сказалъ Радимичамъ: Платите лучше мнѣ! на что Радимичи изъявили свое согласіе и стали отдавать Олегу ту же дань, какую они прежде платили Козарамъ, т. е., по *щьлягу*, какой-то тогдашней монетѣ. Съ того времени ими владѣлъ Олегъ. За тѣмъ лѣтопись молчитъ о Радимичахъ до 6492 году; а въ этомъ году, по словамъ лѣтописца, Князь Владиміръ пошелъ на Радимичей и воевода его, прозваніемъ Волчій Хвостъ, на р. Пищанѣ побѣдилъ Радимичей. По этому случаю лѣтописецъ опять повторяетъ о Радимичахъ, что были они роду Ляшскаго, что въ его (лѣтописца Нестора) время они платили дань—*везли повозъ* (юридическій технический терминъ того времени для выраженія подданства). Съ этого времени имя Радимичей въ лѣтописи не встрѣчается; на ихъ землѣ знаемъ города Черниговскаго Княженія. Въ одно время съ Радимомъ вышелъ отъ береговъ Вислы *Вятко*, онъ пришелъ не одинъ, но вмѣстѣ *съ родомъ;* точно также и Рюрикъ вышелъ съ родомъ своимъ. Вятко съ родомъ своимъ поселился на берегахъ Оки. Потомки его въ послѣдствіи были извѣстны подъ именемъ *Вятичей;* о нихъ часто упоминается въ лѣтописяхъ до XIV вѣка.

И до призванія Рюрика различныя славянскія племена въ Руси имѣли своихъ *князей*. Несторъ именно говоритъ о Полянахъ: «И по сихъ братьи (послѣ Кія, Щека и Хорива) почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Отсюда ясно, что Поляне, Деревляне, Дреговичи, Новгородскіе Словѣне и Полочане имѣли и до Рюрика своихъ *князей*, т. е., свои собственныя власти; о степени и характерѣ этой власти не знаемъ ничего. А имѣли ли *князей* Сѣверъ, Вельняне, Хорваты, Радимичи и Вятичи, лѣтопись умалчиваетъ; но по аналогіи съ другими

однородными имъ, выше поименованными, племенами, думаемъ, что имѣли. Ни власть Варяговъ на Сѣверѣ, ни власть Козаровъ на Югѣ Руси не исключали этого домашняго начальства; ибо и тѣ и другія довольствовались данью. Съ призваніемъ Руси и ея князей, съ усиленіемъ Кіева и Полянъ, эти отношенія измѣнились. О Полянахъ Несторъ говоритъ, что они и до Кія имѣли князей:» Поляномъ же живущимъ особѣ и *володѣющимъ роды своими*, иже и до сее братьѣ бяху Поляне и живяху кождо своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, *владѣюще кождо родомъ своимъ*». О Кіѣ Несторъ именно говоритъ: «Сей Кій *княжаше* въ родѣ своемъ». О *князьяхъ* Деревлянскихъ лѣтописецъ упоминаетъ, говоря объ обстоятельствахъ смерти Игоря по случаю мести его жены. Такъ, когда Игорь не удовольствовался обыкновенною данью, Деревляне совѣтуются съ своимъ княземъ, *Маломъ*, и тотъ отвѣчаетъ имъ пословицею: «Аще ся въ вадить волкъ въ овцѣ, то выноситъ все стадо, аще не убьютъ его». Этого-то князя, Мала, предлагаютъ Деревляне въ мужья Ольгѣ, вдовѣ Игоря. Притомъ, по словамъ лѣтописи, Деревляне имѣли не одного князя, а нѣсколько въ одно время; такъ лучшіе мужи Деревлянскіе говорятъ Ольгѣ: «А наши князи добри суть (т. е., не таковы, какъ твой покойникъ), иже распасли суть Деревьску землю». Далѣе, изъ словъ лѣтописца явствуетъ, не всѣ Деревляне участвовали въ убійствѣ Игоря, а именно жители Искоростѣня, слѣд., Малъ былъ князь не всѣхъ Деревлянъ, а Искоростѣнскихъ только. А такъ какъ лѣтописецъ говоритъ о нѣсколькихъ городахъ въ Деревлянской землѣ: «Деревляне же побѣгоша и затворишася въ *градѣхъ своихъ*;» и въ другомъ мѣстѣ Ольга, убѣждая Искоростѣнянъ сдаться, говоритъ имъ: «Что хочете досѣдѣти? А *вси гради ваши* предашася мнѣ»—то очень можетъ быть, что разные *роды* Деревлянскіе и разные города ихъ имѣли особыхъ *князей*. Полочане въ 6488 году имѣли *княземъ* Рогволода; въ тоже самое время

какой-то Туръ пришелъ изъ заморья, основалъ Туровъ (нынѣ мѣстечко Минской губ., на р. Припети) и отъ него прозвались *Туровцы*. Отсюда ясно, что князья наши не безсознательно сажали, иногда еще и при жизни своей, сыновей надъ различными племенами, имъ подчиненными, что различіе народностей было тогда еще очень сильно, что сосредоточивающая власть не могла еще тогда утвердиться, что князья не давали сыновьямъ своимъ удѣловъ, а наоборотъ, главныя племена Руси брали себѣ князей, что Русь до Татаръ и до усиленія Москвы была *союзъ племенъ* (федерація). Единственный крѣпкій союзъ этихъ племенъ была Христіанская вѣра, принятая отъ Грековъ Отсюда *Православіе съ первыхъ временъ есть въ Исторіи Руси вопросъ политическій и краеугольный камень государства*.

Новогородскіе Словѣне, Чюдь и Кривичи призвали Рюрика, но не имъ суждено было воспользоваться всѣми плодами этого событія; они въ этомъ случаѣ работали на другихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Поляне имѣли княземъ Кія, и что Кій съ братьями построилъ городъ *Кіевъ*, что Поляне были люди мудрые и смышленые, что они жили въ лѣсахъ и питались главнымъ образомъ произведеніями охоты, что жители Кіева временъ Нестора суть ихъ прямые потомки. По смерти Кія и его братьевъ, по словамъ лѣтописца, Поляне подверглись обидамъ Деревлянъ и другихъ сосѣдей. Козары по Нестору (и чуть ли многословныя разсужденія о томъ, кто были Козари, не совершенно лишни при ясномъ свидѣтельствѣ Нестора!) Скиѳы, одного племени съ Болгарами, требовали отъ Полянъ дани. Въ 6367 году Поляне уже платили Козарамъ дань, вмѣстѣ съ Сѣверянами и Вятичами. Конечно, Поляне очень неохотно были данниками Монгольскаго племени, и потому услышали не безъ радости, что Сѣверные Словѣне изгнали своихъ Козаровъ, т. е., Варяговъ, потомъ что у Сѣверныхъ Словѣнъ образовалась сильная власть, способная защитить отъ внѣшнихъ враговъ.

Лѣтописецъ говоритъ, у Рюрика было два мужа, не изъ его племени, но боярскаго, именемъ Аскольдъ и Диръ. Что значатъ слова «не *племени* его?» Это значитъ, или что Аскольдъ и Диръ не были родня Рюрику, или что они не принадлежали къ Руси, т. е., къ тому *роду*, съ которымъ пришелъ Рюрикъ. Первое вѣроятнѣе; какъ бы то ни было, эти два боярина, Аскольдъ и Диръ, выпросились у Рюрика идти къ Царюграду, куда ходали ихъ соотечественники на службу царю Греческому; они и пошли, и притомъ не одни, но съ *родомъ* своимъ. Замѣчательно, какую важную роль слово и понятіе *родъ* играетъ на первыхъ страницахъ нашей исторіи. Аскольдъ и Диръ съ родомъ своимъ пошли по Днѣпру; эту рѣка была нитью, связующею Сѣверную, Новгородскую, Русь съ Южною, Кіевскою. Далѣе лѣтописецъ говоритъ: «и идучи мимо, увидѣли на горѣ городъ, и спросили, чей этотъ городокъ? Жители городка отвѣчали: жили тутъ когда-то Кій, Щекъ и Хоривъ. Они-то построили этотъ городокъ, и померли, а мы, потомки ихъ, живемъ тутъ и платимъ дань Козарамъ». *Дань* была, слѣдственно, знакомъ покорности, подданства; и Козары брали ее, а Козары не были Германская дружина. Слѣдственно, сочинитель книги о вотчинахъ и помѣстьяхъ ошибался, говоря, что дань раздавалась дружинѣ князей, что она была необходима для содержанія этой дружины (стр. 10 и 11). Аскольдъ и Диръ, по словамъ лѣтописи, остановились въ Кіевѣ, къ нимъ собралось много Варяговъ «и начаста, — слова Лѣтописи, — *владѣти* польскою землею;» тѣже выраженія употребилъ Несторъ, говоря о собственныхъ князьяхъ Полянъ и другихъ Словѣнъ на Руси; слѣдственно, Аскольдъ и Диръ вступили въ права собственныхъ князей Полянскихъ, заступили ихъ мѣсто. Такимъ образомъ уже тогда (около 6368 года) обозначались, такъ сказать, два сердца жизни Руси, вокругъ которыхъ въ послѣдствіи должна была закипѣть историческая дѣятельность. Почти въ одно и тоже время въ Новѣ-

городѣ образовалось средоточіе народовъ Сѣверной Руси, въ Кіевѣ же Южной Руси. Много времени пройдетъ, пока они сольются въ одно! Отсюда ясно, что жестокимъ анахронизмомъ, насилованіемъ историческаго факта, было бы сказать: «сперва *военачальникъ, какъ предводитель дружины*, потомъ «родоначальникъ, наконецъ государь-вотчинникъ *соединяли «въ себѣ*, строго (!) говоря, *обладаніе всею* (!) землею русскою» и т. д. Что бы прійти къ такому выводу, нужно было почти 1000 лѣтъ, и неосновательно видѣть въ самомъ зародышѣ государства то, что было только плодомъ *долгаго историческаго развитія*. Въ 1374 году Аскольдъ и Диръ ходили съ силою въ 2000 кораблей на Царьгородъ; возвратились немногіе, остальные были истреблены, по словамъ Грековъ, бурею и заступничествомъ Божіей Матери. Въ 6387 году умеръ Рюрикъ. О его смерти лѣтописецъ пишетъ такъ. «Умершю Рюрикови, предасть княженье свое «Олгови, отъ рода ему суща, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ «Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми». Отсюда слѣдуетъ: 1) что *княженье* значитъ не достоинство княжеское или санъ, понятіе о которомъ еще не выработалось, а область, на которую простиралась власть его, какъ князя, т. е., какъ судьи, законодателя и военачальника; 2) не должно судить по нашимъ понятіямъ о тѣхъ, которыя существовали за 1000 лѣтъ: понятіе «законности» тогда, конечно, еще не существовало, и всякая самая, законная власть, была такою только тогда, когда сила была на сторонѣ ея, когда она была властью de facto. Отсюда совершенно неосновательно говорить, что Олегъ былъ не законный князь, что будто бы онъ былъ опекунъ Игоря (опекунъ за 1000 лѣтъ!!). Олегъ былъ такой же князь, какъ и Рюрикъ, и нисколько не совѣстился о томъ передъ Игоремъ. Точно также Аскольдъ и Диръ, конечно, не посовѣстились бы отъ упрека Олега, что они не княжескаго рода, будь они довольно сильны. Понятія права созрѣваютъ очень медленно и неиначе, какъ пу-

темъ историческаго развитія; въ противномъ случаѣ, оставаясь на бумагѣ, на дѣлѣ онѣ существовать не будутъ.

Въ 6390 году Олегъ оставилъ Новгородъ. Почему? Лѣтописецъ ничего не говоритъ объ этомъ, потому и мы ничего не знаемъ объ этомъ и остановимся лучше на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это событіе. Лѣтописецъ говоритъ просто подъ 6390 г.: «пошелъ Олегъ (даже не сказано откуда, но большей ошибки не будетъ сказать изъ Новагорода); онъ взялъ съ собою много воиновъ: Варяговъ, Чюдь, Словѣнъ, Мерю, Весь, Кривичей». И такъ, вотъ *дружина* Олегова. Варяжскій элементъ составлялъ въ ней едва ли и $^1/_6$-ю; даже на половину она состояла изъ племени, нынѣ называемаго Финнами (ими, Нестору неизвѣстное, заимствованное у Римлянъ). Слѣдовательно, мы вправѣ сказать, что дружина Олега состояла изъ охотниковъ, которые узнавши, что храбрый Князь отправляется на завоеваніе, сами предложили ему услуги, и притомъ сошлись со всѣхъ концовъ Руси. Какое разнообразіе народностей въ дружинѣ Олега! Рядомъ стояли тутъ и Словѣнинъ, и Варягъ, и Чюдь. Такъ уже тогда были разнообразны стихіи дружины, имѣвшей главою *Русскаго* Князя. Не тоже ли разнообразіе, но, конечно, въ несравненно большихъ размѣрахъ, видимъ и нынѣ въ нашихъ войскахъ? Такъ какъ Олегъ былъ князь храбрый и, безъ сомнѣнія, щедрый, когда, одолѣвъ Царьградъ, онъ позволилъ Руси, какъ говоритъ преданіе, сшить паруса *паволочиты*, а Словѣномъ *кропійныя*, то къ нему и сошлось много воиновъ. Игорь былъ трусъ и корыстолюбивъ, и потому у него было мало дружины. Такъ дружина нашихъ Князей была далека отъ того, чтобы имѣть характеръ *исключительной* народности, каковой господствовалъ въ дружинѣ Феодальнаго Нѣмецкаго владѣтеля.

Несторъ, въ исчисленіи Славянскихъ на Руси народовъ, сказавъ о Полочанахъ, говоритъ: «отъ нихъ же (разумѣется Полочанъ) Кривичи, иже сѣдятъ наверхъ Волги, и на верхъ

Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть *Смоленьскъ*». Отсюда слѣдуетъ: 1) что Кривичи одного корня съ Полочанами; 2) что Кривичи жили по верховьямъ Днѣпра, Двины и Волги; 3) что у нихъ городъ былъ Смоленскъ, имя котораго показываетъ главное занятіе или промыселъ жителей, жившихъ въ лѣсахъ (гнать *смолу*). *Кривичи*, какъ мы видѣли, были въ войскѣ *Олега;* о занятіи Олегомъ Смоленска пишетъ лѣтописецъ: «и приде къ Смоленьску съ Кривичи, и прія градъ и посади мужъ свой». Потомъ говорится о занятіи Любеча: «Оттуда поиде внизъ и взя *Любець*, и посади мужь свой». Замѣчательно положеніе древнѣйшихъ городовъ нынѣшней Руси, о коихъ упоминаетъ лѣтопись; это — Новгородъ (о немъ говорится прежде всѣхъ: «Словѣне же сѣдоша около озера Ильменя, «прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и *Новгородъ*»), Кіевъ, Смоленьскъ, Бѣлоозеро, Изборскъ, Полотьскъ, Ростовъ, Муромъ, Любечь. Всѣ они лежатъ на большихъ торговыхъ путяхъ, а эти пути были очень хороши извѣстны Нестору, который говоритъ: «Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти внити въ Ильмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и вътечеть въ озеро великое Нево, того озера внидетъ устье въ море Варяжьское, и потому морю ити до Рима, а отъ Рима прійти потому же морю ко царюгороду, а отъ царягорода прити въ Понтъ море, въ не же втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечеть на полъдне: а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идеть наполунощье и внидеть въ море Варяжьское; изъ того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалысьское. Тѣмъ же и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы, на въстокъ дойти въ жребій Симовъ; а по Двинѣ въ Варягъ, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть въ Понетьское море жереломъ, еже

море словеть Русское». Константинъ Багрянородный подробно говоритъ о Волхово-Днѣпрьскомъ торговомъ пути и о дѣятельности торговой, по немъ производившейся (П. Г Р т. I. стр. 241). Замѣтимъ, что Новгородъ стоялъ именно на перекресткѣ, на распутіи двухъ торговыхъ путей, Волжскаго и Днѣпровскаго; отсюда его значеніе, отчасти доставшееся теперь Петербургу. Къ Югу древнѣйшіе города лежатъ все по Днѣпровскому торговому пути, напередъ *Торопецъ*, о которомъ говоритъ Несторъ, именно по случаю богатства его купцевъ (вотъ это мѣсто: «яко се бысть другый черноризець, именемъ Исакій; «яко же и еще сущу ему въ мірѣ въ житьи мирьстѣмъ *и богату сущу сму*, бѣ бо купець родомъ Торопчанинъ, и помысли быти мнихъ, и раздавая *имѣніе свое* требующимъ и монастыремъ и пр П. С. Лѣт. т. I. стр. 82. Слѣдовательно, Торопецъ существовалъ уже въ началѣ XI вѣка.); потомъ *Плесковъ* (о немъ упоминается впервые подъ 6411 годомъ), Полотьскъ, Смоленьскъ, Любечь, Кіевъ, котораго мѣстоположеніе, пониже сліянія двухъ великихъ рѣкъ, верхняго Днѣпра и Десны (имя ея значитъ *правый* отъ Кіева притокъ Днѣпра), въ высшей степени важно было въ торговомъ отношеніи, особенно тогда, когда рѣки были гораздо обильнѣе водою, о чемъ свидѣтельствуетъ лѣтопись (именно: «бѣ бо тогда, т. е., при Ольгѣ, вода текущи вздолѣ горы Кіевскія, и на подолы не сѣдяху людье, но на горѣ»; — слѣд., уже во время Нестора замѣтна была убыль воды въ Днѣпрѣ). Точно также другіе значительнѣйшіе древніе города лежали по Волгѣ и по ея бассейну, именно: Ростовъ, Муромъ, Бѣлоозеро. Низовье снабжало Новгородъ хлѣбомъ. И въ послѣдствіи одинъ за другимъ вставали города на Волжскомъ пути: Тверь, Волокъ Ламскій, имя коего указываетъ на его торговое значеніе (точно также, какъ и *Вышній* Волочокъ предполагаетъ Нижній). Ламскій Волокъ былъ въ рѣку Москву, посредствомъ которой и рѣки Оки Новгородцы сокращали путь, чѣмъ бы имъ идти по Волгѣ, которая у

Ярославля загибается очень на Сѣверъ. Такимъ образомъ городъ Москва является сначала торговою пристанью Новогородцевъ. Въ послѣдствіи эта торговая пристань мало по малу становилась, благодаря своему срединному положенію, средоточіемъ торговли, и, ставъ на самомъ пути Волжской торговли, задолго еще до паденія Новагорода подорвала его торговое значеніе и сама мало по малу сдѣлалась средоточіемъ всей внутренней торговли, какъ Петербургъ послѣ долженъ былъ замѣнить прежнее значеніе Новагорода въ торговлѣ заграничной. Великій князь Георгій, строя городъ у сліянія Оки и Волги, не даромъ назвалъ его Нижнимъ Новгородомъ; онъ сознавалъ, что этимъ онъ наноситъ жесточайшій ударъ Великому Новугороду. Ясенъ отсюда торговый характеръ государства, происшедшій отъ мирныхъ свойствъ характера господствующаго племени. Не укоряемъ Нѣмцевъ и ихъ Феодализма, но, по долгу справедливости, замѣтимъ, что ихъ драчливый характеръ вредилъ въ высшей степени торговлѣ. Въ этомъ отношеніи она у насъ была въ несравненно благопріятнѣйшемъ состояніи: конечно, она не была въ такой безопасности и обезпеченности, какую можетъ ей дать только благоустроенное государство, но за то она у насъ не должна была имѣть дѣла ни съ предразсудками о стыдѣ ею заниматься (купцы въ Руской правдѣ поставлены на одну доску съ гридами, боярскими тивунами, мечниками, и выше ихъ только княжіе мужи и тіуны), ни съ Феодалами, ни съ пошлинами на каждомъ шагу. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ она стала однимъ изъ самихъ существенныхъ элементовъ жизни Государственной. Разумѣется, эти *люди труда* рѣдко являются на первомъ планѣ, но позади вредныхъ усобицъ княжескихъ внимательный взоръ примѣтитъ дѣятельность торговую, тихую, много страдавшую, но созидавшую основный элементъ благосостоянія Государства. Кромѣ вышеупомянутыхъ городовъ, лѣтописецъ говоритъ слѣдующее о Словѣнахъ, жившихъ по Днѣстру:

«Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунае-«ви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, «*суть гради ихъ до сего дне* (т. е., до времени Нестора.) Да то ся звахуотъ Грекъ великая Скуѳь.»

Сказавъ о занятіи Любеча Олегомъ лѣтописецъ говоритъ такъ о занятіи Кіева: «Придоста (Олегъ и его разнохарак-«терная дружина) къ горамъ къ Кіевскимъ, и увидѣ Олегъ, «яко Оскольдъ и Диръ княжиша, похорони вои въ лодьяхъ, «а другія назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтьска. «И приплу подъ Угорьскос, (Отъ чего это урочище прозва-«лось *Угорскимъ*? Несторъ пишетъ подъ 6406 г.: Идоша «*Угри* мимо Кіевъ горою, еже ся зоветь нынѣ (т. е., во «время Нестора), Угорьское, пришедъше къ Днѣпру и сташа «вежами, бѣша бо ходяще яко се Половцы... Этихъ *Угровъ* Несторъ въ другомъ мѣстѣ называетъ *Черными*), похоронивъ «вои своя, и присла къ Осколду и Дирови, глаголя, «яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ, къ родомъ своимъ.» Осколдъ же и Диръ придоста; выскакавъ же вси прочіи изъ лодья, и рече Олегъ Осколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа;» вынесоша Игоря, «и се есть сынъ Рюриковъ. «И убиша Осколда и Дира, несоша на гору, и погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, гдѣ нынѣ Олминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ Олъма церковь Святаго Николу, а Дирова могила за Святою Ориною.» Между Новымгородомъ и Кіевомъ жили, по Нестору, Кривичи, Полочане, Дреговичи, Вятячи, Радимичи; слѣд., ихъ должно было завоевать Олегу, но, по словамъ лѣтописца, все завоеваніе состояло въ томъ, что Олегъ занималъ главный городъ племени и ставилъ въ немъ своего мужа, который его именемъ долженъ былъ чинить судъ и расправу, а въ послѣдствіи и собирать дани. Тутъ завоеванія не было, тутъ была федерація, соединеніе родственныхъ племенъ въ народъ, но притомъ такъ, что каждый изъ нихъ сохранялъ свою на-

родную самобытность. Какое племя должно было превзойти другія, возвыситься надъ ними и свою народность положить въ основу будущему Государству?—въ то время было еще вопросомъ нерѣшеннымъ. То обстоятельство, что Олегъ назвался *гостемъ*, показываетъ, что *гости* не были въ диковинку въ Кіевѣ, и потому указываетъ на важное его торговое значеніе уже и въ тѣ отдаленныя времена. Странно, что, призывая къ себѣ Аскольда и Дира, Олегъ проситъ ихъ прійдти къ нему, какъ къ соотечественнику, а потомъ самъ себѣ противорѣчитъ.... но, конечно, дѣло здѣсь шло не о правѣ, а о силѣ. Почему дружина Аскольда и Дира, которая у нихъ долженствовала же быть (ибо лѣтописецъ говоритъ, что они пошли съ родомъ своимъ и что они собрали вокругъ себя много Варяговъ), почему дружина ихъ не отмстила Олегу? Это объясняется характеромъ дружины того времени, которая служила князю, пока онъ силенъ, а когда Князь погибалъ, то его дружинники наперерывъ спѣшили на выгоднѣйшихъ условіяхъ къ князю-побѣдителю; ктобъ ни былъ князь, ей было все равно; были, безъ сомнѣнія, исключенія, но они касались очень немногихъ, и тѣ были привержены къ князю, какъ къ лицу, а не какъ къ князю. Такой характеръ дружины, естественно условился тѣмъ, что она была *сбродъ* разныхъ людей разнаго племени. Кромѣ того, довольно основательно можно заключить, что Аскольдъ былъ христіанинъ, а можетъ быть и Диръ также; а если такъ, и дружина ихъ не была съ ними одной Вѣры, то до этого одного обстоятельства достаточно, чтобы дружинѣ Аскольда и Дира соединиться съ Олеговою и выдать своихъ князей. Но противъ этого говоритъ то, что, будь Олегъ въ состояніи безъ кровопролитія своей дружины занять Кіевъ, не сталъ бы онъ прибѣгать къ хитрости. Какъ бы то ни было, быстрое и стоившее мало крови занятіе столь важнаго города, каковъ былъ и въ то время Кіевъ, уже достаточно свидѣ-

тельствуетъ объ умѣ Олега, который дѣйствовалъ не одною силою, а хитростію.

У лѣтописца, за разсказомъ о взятіи Кіева, слѣдуетъ особенно важное мѣсто: «Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ Русскимъ. Бѣша у него Ва«рязи и Словѣни и прочи прозващася Русью. Се же Олегъ нача «городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и «Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гри«венъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ «даяша Варягомъ.» И такъ, безспорно первыя дѣйствія Олега по занятіи Кіева суть дѣйствія законодателя, а не начальника, или главы дружины въ Феодальномъ смыслѣ. Власть Олега простиралась на Словѣнъ Новогородскихъ, Кривичей, Чюдь, Мерю, и въ послѣднее время на Полянъ, эти-то всѣ народы, какъ свидѣтельствуетъ Несторъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ, съ того времени прозвались *Русью;* тутъ Несторъ различаетъ: 1) Варяговъ, 2) Словѣнъ, и 3) прочихъ, т. е., не Словѣнъ, какъ-то: Чудь, Мерю и др. «*Прозвашася Русью*» можно, по неопредѣленности выраженія лѣтописца, отнести равно и ко всѣмъ тремъ видамъ, и къ одному только третьему, но первое, безъ сомнѣнія, сообразнѣе съ истиною. Мѣста Несторовой лѣтописи, гдѣ онъ прежде всего говоритъ о Руси, суть единственный источникъ, который можетъ дать намъ истинное понятіе о томъ, что онъ разумѣлъ подъ этимъ именемъ; вотъ эти мѣста: 1) «Море Понетьское, еже море словетъ *Руское*. 2) Тѣмже и изъ *Руси* можетъ ити въ Болгары и въ Хвалисы; а по Двинѣ въ Варяги. 3) Се бо токмо Словѣнескъ языкъ въ *Руси*: Поляне, Деревляне, Поугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане.... послѣ же Велыняне. А се суть инїи языци, иже дань даютъ *Руси* (т. е. главѣ всѣхъ выше исчисленныхъ народовъ Словѣньской крови, В. Князю и мѣстнымъ Князьямъ): Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва,

Зимигола, Корсь, Норова, Либь, си суть свой языкъ имуще отъ колѣна Афетова, иже живутъ въ странахъ полунощныхъ. 4) Есть притьча въ *Руси* и до сего дне: погибоша аки Обрѣ, ихъ же нѣсть племени, ни наслѣдъка. 5) Тако и си (Козары) владѣша (Полянами), а послѣ же самѣми владѣютъ; яко же бысть, володѣють Козары *Русьскые* и до днешняго дне. 6) Подъ 6360: г. Наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати *Руска* земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходиша *Русь* на Царьгородъ. 7) Подъ 6370 г.: Идоша за море къ Варягомъ къ *Руси*; сице бо ся зваху тьи Варязи *Русь*.. . рѣша *Руси* Чюдь, Словѣни, и Кривичи.... изъ-брашася 3 братья.... пояша по собѣ всю *Русь*.... отъ тѣхъ прозвася *Руская земля*. Новугородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни. 8) Подъ 6390 г. Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ и рече Олегъ: Се буди мати *градомъ Рускимъ*.... Бѣша у него Варязи и Словѣни, и прочи прозвашася *Русью*. 9) Подъ 6406 г. Поляне, яже нынѣ зовомая *Русь*.... Грамота Словѣньская, яже грамота есть въ *Руси* и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.» Изъ вышеприведенныхъ мѣстъ всякій волент составить себѣ какое угодно понятіе о *Руси* (и какое бы онъ ни составилъ, все, оно будетъ ближе къ истинѣ, чѣмъ основанное на свидѣтельствѣ Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ источниковъ, которые въ этомъ случаѣ второстепенной важности); но мы принимаемъ троякое значеніе *Руси*: 1) какъ названіе того Варяжскаго рода, къ которому принадлежали Рюрикъ, два его брата и другіе, съ нимъ пришедшіе, люди. 2) какъ названіе, противоположное названію *Словѣнинъ*; въ такомъ случаѣ оно означаетъ и Чюдь, и Мерю и всѣ вообще народы, подчиненные *Руси*, но не одного языка со *Словѣнами*; въ этомъ смыслѣ слово *Русинъ* встрѣчается въ первой статьѣ Руской Правды; 3) какъ названіе всѣхъ, и Славянскихъ и не Славянскихъ народовъ, состоявшихъ въ большей или меньшей зависимости, сначала отъ Князя Новогородскаго, а

потомъ отъ Князя Кіевскаго. Ясно, что третье значеніе образовалось изъ втораго, а второе изъ перваго, которое и есть истинное, коренное. Изъ приведеннаго выше мѣста лѣтописи о дѣйствіяхъ Олега по взятіи Кіева узнаемъ: 1) «Кіевъ, —сказалъ Олегъ, — будетъ матерью городовъ «Рускихъ». Конечно, никто не записалъ за Олегомъ этихъ словъ, но во всякомъ случаѣ они показываютъ, что Кіевляне смотрѣли на Олега, какъ на истиннаго основателя Кіева, т. е. должно предполагать, что Олегъ очень много сдѣлалъ для Кіева. Смѣшно было бы съ нѣкоторыми говорить, что Олегъ перенесъ *столицу* изъ Новагорода въ Кіевъ. Вождь сбродной дружины, Олегъ имѣлъ столицу тамъ, гдѣ была эта дружина и гдѣ обстоятельства требовали его присутствія. Разумѣется, Кіевъ представлялъ въ стратегическомъ отношеніи много выгодъ Олегу, которыми онъ и воспользовался: Кіевъ находился на горѣ, и самое мѣстоположеніе его, укрѣпленное природою, представляло естественную крѣпость; къ тому же Кіевъ лежалъ въ срединѣ Славянскихъ племенъ, и потому изъ него легко было дѣлать походы во всѣ стороны; наконецъ, не должно забывать его торговаго значенія. 2) Олегъ уставилъ, чтобы Словѣне, Кривичи и Меря платили ему дань. и 3) чтобы Новогородцы платили ежегодно Варягамъ 300 гривенъ, *мира дѣля*, т. е., для того, чтобы Варяги оставили ихъ въ покоѣ; это должна быть тажа дань, о которой говоритъ лѣтописецъ подъ 6367 г. На что употреблялъ Олегъ этѣ дани? На содержаніе дружины, скажутъ намъ. Очень можетъ быть, но и еще на другое, о чемъ говоритъ лѣтописецъ: «и нача городы ставити;» а построеніе городовъ, конечно, не могло быть безъ издержекъ. Руская Правда подробно говоритъ объ этомъ (статья 90). Слѣд., дани, собираемыя Олегомъ, шли на построеніе городовъ и, можетъ быть, на содержаніе дружины. Но, спросятъ, кѣмъ населялъ свои города Олегъ? Мы знаемъ, что мѣста вокругъ Кіева не имѣли большаго народонаселенія, и что Ярославъ,

построивъ города по рѣкѣ Роси, населилъ ихъ плѣнными. Точно такъ же и Олегъ могъ населить выстроенные имъ города плѣнными; но, думаемъ, что онъ населялъ ихъ дружиною, т. е., тѣми изъ членовъ дружины, которые хотѣли отдохнуть отъ своей дѣятельной жизни. Наши былины даютъ понятіе о томъ, какъ составлялась дружина: витязи идутъ въ нихъ предлагать свои услуги Владиміру; что было при Владимірѣ, то могло быть и при Олегѣ. Вообще, дружина не была чѣмъ-то сомкнутымъ, но одни члены ея приходили, другіе уходили....

Далѣе, лѣтописецъ сообщаетъ намъ извѣстія о походахъ Олега на окрестные Славянскіе народы: въ 6391 г. Олегъ пошелъ на Деревлянъ, примучилъ ихъ, т. е., поступилъ съ ними какъ завоеватель, и съ того времени бралъ съ нихъ дань *по черной куницѣ*. Чѣмъ платили Олегу дань Словѣне, Кривичи и Меря, лѣтописецъ умолчалъ. Выше мы видѣли, что Варяги брали дань отъ тѣхъ же народовъ, и еще Чюди, но чѣмъ — не извѣстно. Что не монетою, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, а вѣроятно кунами, ногатами и шкурками. О Козарахъ лѣтописецъ говоритъ, что брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ и Вятичей по бѣлкѣ и по вѣвѣрицѣ отъ каждаго дома. Одни Новогородцы платили гривнами, и именно 300,— весьма значительная по нынѣшнему сумма денегъ, если принять въ соображеніе то, что при Ярославѣ, слѣд., слишкомъ сто лѣтъ спустя, платилась за жизнь *средняго* человѣка пеня въ 40 гривенъ. Подъ 6393 г. лѣтописецъ упоминаетъ еще *щьлягъ*, который платили Радимичи въ видѣ дани сначала Козарамъ, а потомъ Олегу. Слѣд., дань въ то время платилась бѣлками, вѣвѣрицами, черными куницами, гривнами и щьлягомъ. Замѣчательно то обстоятельство, что лѣтописецъ умалчиваетъ, платили ли *поляне Кіевскіе* дань Олегу, или нѣтъ; послѣднее—вѣроятнѣе и, кажется, эта-то существенная льгота и сказывается въ неопредѣленныхъ словахъ Олега: «Се буди мати градомъ Рускимъ!» Почему

Олегъ пошелъ напередъ именно противъ Деревлянъ? Ставъ княземъ Полянъ, онъ взялъ на себя и вражду ихъ противъ Деревлянъ, вражду, о которой лѣтописецъ говоритъ: «Поляне быша обидимы Древлями;» слѣдующія слова «*инѣми окольными*» показываютъ, что не одни Деревляне утѣсняли Полянъ, которые пользовались, благодаря выгодному, въ торговомъ отношеніи, положенію своего главнаго города, можетъ быть, относительно большимъ противъ сосѣдей благосостояніемъ, и потому возбуждали въ нихъ зависть. Подъ 6392 г. лѣтописецъ говоритъ: «Иде Олегъ на Сѣверянъ, и «побѣди Сѣверяны, и възложи нань дань легъку, и не дастъ «имъ Козаромъ дани платити, ребъ: Азъ имъ противенъ, а «вамъ нечему.» Сѣверяне были Восточными сосѣдями Полянъ, какъ Деревляне Западными: ихъ жилища лѣтописецъ ближе опредѣляетъ слѣдующими словами: «а друзіи сѣдоша по Деснѣ, по Семи и по Сулѣ, и нарекошася *Сьверъ*.» Сѣверяне, какъ видно изъ словъ лѣтописца, оказали было сопротивленіе Олегу, тотъ побѣдилъ ихъ, но не *примучилъ*, какъ Деревлянъ, а напротивъ, обложилъ ихъ самою легкою данью, запретивъ впредь платить дань Козарамъ. Лѣтописецъ по этому случаю влагаетъ въ уста Олега слова: «Я противенъ (врагъ) Козарамъ, а не вамъ.» Не такъ говорилъ Феодальный вождь съ побѣжденными!

Всѣ этѣ подробности, въ которыя мы нарочно вдались, и которыя можно бы, съ равнымъ успѣхомъ, держась разсказа нашего древнѣйшаго лѣтописца, продолжить до того самаго времени, до коего сочинитель книги: О вотчинахъ и помѣстьяхъ доводитъ свой Феодализмъ въ древней Руси, что, однако же, оставляемъ, полагая, что и сказаннаго достаточно уже,—прямо и ясно говорятъ намъ, что историческая жизнь Руси *всегда* шла своимъ особеннымъ, ей свойственнымъ, путемъ; что о *Феодализмѣ* у насъ не можетъ быть и рѣчи, что рѣшенія важныхъ вопросовъ нашей Государственной жизни надобно искать прежде всего въ изученіи членовъ

одного великаго Славянскаго семейства, которое, не смотря ни на какія враждебныя усилія и вліяніе другихъ племенъ, всегда жило одною съ Русью жизнію, развивавшеюся совсѣмъ подъ другими условіями, чѣмъ Романскіе и Нѣмецкіе народы; что, послѣ уясненія себѣ своего родственнымъ, можно и должно обращаться къ другимъ инороднымъ источникамъ, какъ вспомогательнымъ, а въ заключеніе, для повѣрки всего, обращать вниманіе и на общечеловѣческое, а не на оборотъ. Тогда только событія отечественной Исторіи получатъ для насъ и надлежащую ясность, и чистоту, и *естественность*, и опредѣленность; для того, повторяемъ, нужно смотрѣть на нихъ своими глазами, а не сквозь очки Нѣмецкихъ и другихъ теорій, къ которыхъ, на перекоръ истинѣ, мы готовы примѣнять не одно лишь прошедшее, но и настоящее, забывая, что законы, управляющіе явленіями народной жизни тогда только получаютъ надлежащую силу и прочность, когда они вытекаютъ изъ минувшаго.

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА.

Вотъ разсказъ событій по годамъ (монаха Ѳеодосіева монастыря Печерскаго), откуда пошла земля Русская, кто первый началъ княжить въ Кіевѣ и откуда возъимѣла начало Русская земля.

Начнемъ же этотъ разсказъ: послѣ всемірнаго потопа Ноевы сыновья, Симъ, Хамъ и Іафетъ, раздѣлили землю. Востокъ достался Симу: Персія, Бактріана и въ длину до Индіи, а въ ширину до *Иракуріи*)— такъ какъ бы сказать отъ Востока и до полудня (Юга)—Сирія, Мидія по рѣку Евфратъ, Вавилонъ, Кордуна, Ассирія, Мессопотамія, Аравія-та, что древнѣе, Елманъ, Индія, Аравія сильная, Килія, Комагена и вся Финикія.—Хаму досталась страна Южная: Египетъ, Ефіопія, примыкающая къ Индіи и другая Ефіопія, изъ которой исходитъ рѣка Ефіопская — Красная, текущая на Востокъ, Ѳива, Ливія, сумежная съ Киринеею, Мармарія, Сурите, Ливія другая, Нумидія, Мусурія, Мавританія та, что лежитъ напротивъ Гадеса (нынѣшній Кадикъ.), А изъ тѣхъ странъ, что на Востокъ, достались Хаму: Киликія, Писидія, Памфилія, Мезія, Ликаонія, Фригія, Камалія, Ликія, Карія, Медія, Мезія другая, Троада, Виѳинія, Эолида, Виѳинія, старая Фригія и нѣкоторые острова ему же достались: Сардинія, Критъ, Кипръ и рѣка Гіонъ, иначе называемая Нилъ. — Іафету достались страны на Сѣверъ и Западъ: Мидія, Албанія, Арменія малая и большая, Каппадокія, Пафлагонія, Галатія, Колхида, Боспорія, Меотида, Деребія, Сарматія, земля Тавровъ, Скиѳія, Ѳракія, Македонія, Далматія, Молоссида, Ѳессалія, Пеленія, она же и Пелопонесомъ называется, Аркадія, Эпиръ, Иллирикъ, земля Славинъ, Лухитія, Андріакія, Адріатическое море. Ему же —Іафету—достались острова: Британія, Сицилія, *Евія*, Родосъ, Хіосъ, Лесбосъ, Цитера, Закинѳъ, Кефалонія, Итака, Коркира, часть *Азіи*, называемая Іоніею, рѣка

Тигръ, та что течетъ между Мидіею и Вавилономъ, до Чернаго моря на Сѣверъ и Дунай, Днѣстръ и Кавказскія горы, прозванныя Венгерскими, и оттуда до самаго Днѣпра, да и другія рѣки: Десна, Припеть, Двина, Волховъ, Волга; она впрочемъ идетъ дальше на Востокъ во владѣнія Сима.—Въ достояніи Іафета живутъ: Русь, Чудь и всѣ ея отрасли Меря, Мурома, Весь. Мордва, Чудь, которая живетъ за Волокомъ, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Зимигола, Корсь, Сѣтьгола, Любь. А Поляки (Ляхи) и Прусаки Чудскаго племени живутъ на берегахъ Варяжскаго (Балтійскаго) моря. Вокругъ этого же моря живутъ Варяги по направленію на Востокъ до границъ владѣній Сима, а на Западъ, по тому же морю, жилища ихъ простираются до земли Англовъ и до Италіи. Къ потомству Іафета принадлежатъ: Варяги, Шведы, Норвежцы, Русь, Англичане, Галичане (Галлы?), Волохи (Итальянцы), Римляне, Нѣмцы, Карлози (Курляндцы?), Венды, Фряги и другіе. Ихъ мѣста жительства, идя отъ Запада на Югъ, подходятъ тамъ къ границамъ странъ, населенныхъ Хамовымъ племенемъ.

Симъ, Хамъ, Іафетъ раздѣлили про между себя землю метаніемъ жеребья, давъ слово не изъявлять притязаній на долю, которая достанется кому изъ братьевъ и жили каждый въ своемъ участкѣ. Языкъ у нихъ былъ одинъ; но когда людей умножилось на земли, вздумали они, во времена Нектана и Фалека, создать столбъ до неба (вѣроятно, чтобы на него вскарабкаться), Господь Богъ сошелъ посмотрѣть на ихъ постройку и столбъ и сказалъ: «это у нихъ одинъ родъ и одинъ у нихъ языкъ». И произвелъ Богъ замѣшательство въ языкахъ; сдѣлалось ихъ изъ одного семьдесятъ два, и разошлись люди по всей земли. Послѣ этого замѣшательства въ языкахъ, Богъ разрушилъ столбъ сильною бурею. Остатокъ его и теперь существуетъ между Ассиріи и Вавилона; имѣетъ онъ и въ ширину и въ вышину 3133 аршина (локтей); на много лѣтъ останутся эти развалины. Когда столбъ былъ разрушенъ и подѣлились языки, то потомки Сима заняли Восточныя страны, а Хамовы Южныя; Іафетовымъ же достались земли на Западъ и Сѣверъ. Тутъ-то въ числѣ семидесяти двухъ языковъ образовался и Славянскій, отъ племени Іафетова и *Норци*, это то есть Славяне.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Славяне пришли и поселились по берегамъ Дуная, гдѣ теперь земли Венгровъ и Болгаровъ. Отъ этихъ-то Славянъ разошлись по землямъ и получили особыя наименованія смотря по мѣсту, гдѣ поселились: одни заняли берега рѣки Моравы и получили прозваніе Моравцевъ, другіе

же — ихъ сосѣди-назвались Чехами. Изъ тѣхъ же Славянъ Хорваты бѣлые и Сербы, и Хорутане. А когда Римляне (Волохи) сдѣлали нашествіе на Дунайскихъ Славянъ, основались у нихъ и стали ихъ тѣснить, то Славяне ушли оттуда: одни изъ нихъ поселились по теченію Вислы и назвались Ляхами; отрасль тѣхъ Ляховъ получила названіе Полянъ и отъ корня Ляховъ же и Лутичи, и Мазовшане, и Поморяне. Изъ тѣхъ же (ушедшихъ съ Дуная) Славянъ — одни расположились жилищами по рѣкѣ Днѣпру и получили названіе Полянъ, а другіе, такъ какъ поселились въ лѣсахъ, то получили названіе Древлянъ. Иные заняли мѣста между Припетью и Двиною и назвались Дреговичами. Нѣкоторые заняли берега Двины и получили наименованіе Полочанъ отъ рѣчьки, называемой Полота, впадающей въ Двину. А тѣ Славяне, что поселились около озера Ильмеря, остались при своемъ прежнемъ наименованіи (Славянъ), построили городъ и назвали его *Новгородъ*. Славяне же поселились по рѣкамъ Деснѣ, Сейму и Сулѣ и получили названіе *Сѣверянъ*. Такъ-то разошлись народы Славянскаго племени, и самый языкъ получилъ названіе Славянскаго.

Между тѣмъ какъ Поляне жили себѣ особнякомъ по горамъ этимъ т. е. должно быть *Кіевскимъ*), былъ въ ходу торговый путь изъ земли Варяговъ въ Грецію, а именно: изъ Греціи по Днѣпру до его верховьевъ, оттуда волокомъ (перетаскивали суда) до рѣки Ловоти и по ней входили въ большое озеро Ильмерь, изъ котораго выходитъ рѣка Волховъ; она впадаетъ въ большое озеро Нево нынѣ Ладожское), устье котораго входитъ въ море Варяжское; по этому морю можно идти до Рима, а отъ Рима по немъ же и до Царя-города (Константинополя), у котораго входъ въ море Понтъ (Черное), въ которое впадаетъ рѣка Днѣпръ. — Днѣпръ выходитъ изъ Оковьскаго лѣса и течетъ на Югъ; изъ того же лѣса выходитъ и Двина, идетъ на Сѣверъ и впадаетъ въ море Варяжское. Изъ того же лѣса возъимѣла теченіе на Востокъ рѣка Волга, которая семидесятью рукавами впала въ Хвалынское море. А потому изъ Руси можно свободно пройдти въ землю Болгаровъ и Хвалисовъ, и идя на Востокъ, достигнуть участка Симова, а по Двинѣ въ землю Варяговъ, оттуда до Рима, а изъ Рима до земель населенныхъ Хамовымъ племенемъ. Днѣпръ втекаетъ устьемъ въ море Понтское; оно же слыветъ Русскимъ, и по его берегамъ училъ святый Андрей, братъ Петровъ.

Разсказываютъ, что когда Андрей проповѣдывалъ Евангеліе въ Синопѣ, то пришелъ въ Корсунь: увидалъ, что недалеко отъ Кор-

суши устье Днѣпра, задумалъ Днѣпромъ пріидти въ Римъ и вошелъ въ устье Днѣпра; потомъ по этой рѣкѣ поднялся вверхъ и случайно остановился на берегу подъ горами. Вставъ на другой день, сказалъ бывшимъ съ нимъ ученикамъ: «видите-ли эти горы? На нихъ явится свѣтло благодать Божія, построится огромный городъ и въ немъ будетъ воздвигнуто много храмовъ Божіихъ». Андрей взошелъ на эти горы, благословилъ ихъ, поставилъ крестъ и, помолясь Богу, сошелъ съ той горы, на которой впослѣдствіи возникъ городъ Кіевъ, и отправился вверхъ по Днѣпру. Онъ пришелъ въ землю Славянъ, гдѣ теперь Новгородъ; онъ обратилъ вниманіе на ихъ обычаи, какъ они моются и при этомъ бьютъ сами себя, чему не мало дивился. И когда черезъ землю Варяговъ достигъ Рима, то разсказалъ, гдѣ онъ проповѣдывалъ и что видѣлъ. Онъ сказалъ: «странное пришлось мнѣ видѣть въ Славянской землѣ, по дорогѣ сюда: видѣлъ я деревянныя бани; ихъ натопятъ сильно, раздѣнутся до нага, обольются квасомъ, возьмутъ молодыхъ прутьевъ, бьютъ сами себя до того, что выйдутъ чуть живые, обольются холодною водою и какъ бы вновь оживутъ. Такимъ образомъ они дѣлаютъ себѣ не омовеніе, но пытку, мученіе. Съ удивленіемъ слушали разсказъ Андрея, а онъ, побывавъ въ Римѣ, пришолъ въ Синопъ. Поляне жили особо; каждый родъ еще прежде этихъ братьевъ жилъ на своемъ мѣстѣ и управлялъ самъ собою. Было у нихъ три брата: одного звали Кій, другаго Щекъ, третьяго Хоривъ, а сестра у нихъ Лыбедь. Кій жилъ на горѣ, гдѣ нынѣ Боричевъ въѣздъ; Щекъ на горѣ, называемой нынѣ Щековицею, а Хоривъ же на третьей горѣ, отъ него же получившей названіе Хоревицы. Эти-то братья построили городъ и по имени старшаго брата назвали его Кіевомъ. Около города были огромный лѣсъ и боръ (сосновый лѣсъ). Жители занимались охотою за звѣрями; то были люди умные и смышленные и назывались Поляне; ихъ потомки—Поляне, живущіе въ Кіевѣ и по нынѣ. Нѣкоторые, не зная основательно, утверждали, будто бы Кій занимался перевозомъ черезъ Днѣпръ, такъ какъ въ то время былъ у Кіева перевозъ съ той стороны Днѣпра, а потому будто бы и говорили: (пойдемъ) *на Кiевъ перевозъ*. Занимайся Кій перевозомъ, не ходилъ бы онъ въ Царь-Городъ; но этотъ Кій княжилъ надъ своимъ родомъ, и разсказываютъ, что онъ встрѣченъ былъ большою честью отъ царя, при которомъ онъ приходилъ (въ Константинополь). На обратномъ пути Кій пришелъ къ Дунаю, понравилась ему мѣстность и онъ построилъ изъ дерева небольшой городокъ, имѣя

намѣреніе поселиться тутъ съ своимъ родомъ; но не допустили его сосѣди. И понынѣ прибрежные жители Дуная называютъ это урочище — городище Кіевецъ. Кій вернулся въ свой городъ Кіевъ и тутъ скончался; братья его Щекъ, Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь тутъ же скончались.

По смерти этихъ братьевъ ихъ потомки стали княжить въ *Полях* (землѣ Полянъ). У Древлянъ было свое княжество, и у Дреговичей свое, и у Словенъ въ Новѣ-Городѣ свое; было особое и на Полотѣ, гдѣ Полочане. Подлѣ нихъ Кривичи; они живутъ у верховьевъ рѣкъ Волги, Двины и Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ; въ той то сторонѣ находятся Кривичи и подлѣ нихъ Сѣверъ. Около Бѣлоозера живутъ Весь, около Ростовскаго озера Меря и около Клещина Меря же, а по рѣкѣ Окѣ, гдѣ она впадаетъ въ Волгу, живутъ народы Мурома, Черемисы и Мордва, каждый говоритъ особымъ языкомъ. На Руси Славянскаго племени только: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане — такъ названные потому, что поселились по рѣкѣ Бугу, впослѣдствіи Волыняне. Перечислимъ и народы инородческіе, которые платятъ дань Руси, это: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нарова, Либь; эти потомки Іафета, имѣющіе свой особый языкъ, живутъ въ странахъ сѣверныхъ.

Когда, какъ мы уже говорили, Славяне жили на берегахъ Дуная, то пришелъ изъ земли Скиѳовъ, иначе Козаръ, народъ Болгарскій, поселился по Дунаю и водворился у Славянъ. Затѣмъ пришли Бѣлые Угры и присвоили землю Словенскую. Эти Угры появились при царѣ Ираклiѣ, и они-то дѣлали нашествія на Персидскаго царя Хозроя. Въ это же время были и Обры (Авары); они ходили противъ царя Ираклія и чуть-чуть было не захватили его въ плѣнъ. Эти Обры вели войну съ Словенами; они притѣснили Дулѣбовъ, народъ Славянскаго кореня, и дѣлали насиліе Словенскимъ женщинамъ: если нужно бывало ѣхать куда-нибудь Обрину, то онъ не позволялъ запрягать ни коня, ни вола, но приказывалъ впрягать въ телѣгу три ли, четыре ли или пять женщинъ и везти Обрина; вотъ такъ-то они мучили Дулѣбовъ. Обры были громадны тѣломъ и горды умомъ. Богъ истребилъ ихъ, не осталось ни одного Обрина, а сохранилась на Руси и до сихъ поръ поговорка о тѣхъ, у кого нѣтъ ни потомства, ни наслѣдниковъ: «исчезли какъ Обры». Послѣ нихъ явились Печенѣги, а потомъ шли мимо Кіева Черные Угры, но это впослѣдствіи уже при Олегѣ.

Мы уже сказали, что Поляне жили особнякомъ, что происходили они отъ роду Словенскаго, а получили названіе Полянъ. И Древляне отъ Славянъ, а назвались такъ Древляне; а Радимичи и Вятичи происходятъ отъ Ляховъ. Было два брата въ землѣ Ляховъ—одинъ Радимъ, а другой Вятко; они пришли и поселились: Радимъ на рѣкѣ Сожѣ и отъ него прозвались Радимичи, а Вятко съ своимъ родомъ поселился на Окѣ и отъ него получили наименованіе Вятичи. Жили въ мирѣ Поляне, Древляне, Сѣверъ, Радимичи, Вятичи и Хорваты. Дулѣбы жили по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне; а Улучи, Тиверцы жили по Днѣстру до самаго моря; города ихъ существуютъ и по нынѣ: эти-то мѣста и назывались у Грековъ *великою Скиѳіею*.

Они имѣли свои обычаи, законъ ихъ отцовъ, отъ нихъ дошедшій по преданію, и свои нравы. Поляне имѣютъ обычай своихъ отцовъ—кроткой и тихой, стыдливы въ отношеніи къ снохамъ своимъ, сестрамъ, матерямъ и родителямъ; большое уваженіе имѣютъ они къ свекровямъ и деверьямъ. Имѣли они и брачный обычай: зять не ходитъ за невѣстою, но приводили ее вечеромъ, а на другой день утромъ приносили ея приданое. А Деревляне жили скотски какъ животные; убивали другъ друга, употребляли въ пищу все нечистое. Брака у нихъ не было, но они похищали дѣвицъ, когда тѣ приходили за водою. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ имѣли одинъ съ ними обычай: жили по лѣсамъ, какъ и вообще звѣри. ѣли все нечистое, сквернословили въ присутствіи отцовъ и снохъ. Брака у нихъ не было, но собирались на игры между селъ. Тутъ они играли, плясали, занимались вообще бѣсовскими потѣхами и отсюда уводили себѣ въ жены съ какою кто сладился; было у нихъ по двѣ и по три жены. Когда кто умиралъ, то справляли надъ нимъ поминки; потомъ складывали большой костеръ, на него клали мертвое тѣло и сожигали, потомъ собирали кости въ небольшой сосудъ и ставили его на столбѣ при дорогахъ. Это дѣлаютъ Вятичи и по нынѣ. Таковы же были обычаи Кривичей и другихъ язычниковъ: не знали они закона Божія, а были сами себѣ законъ.

Георгій разсказываетъ въ лѣтописи: у каждаго народа у однихъ есть писанный законъ, а у другихъ обычаи, и тѣ, которые закона не имѣютъ, руководствуются завѣтомъ отцовъ: не распутничать, не красть, не клеветать, не убивать, и вообще не дѣлать ничего дурнаго. Законъ у Нуктиріанъ—ихъ же называютъ и Брахманами и Островитянами- полученный ими въ завѣтъ отъ благочестивыхъ

прародителей: не ѣсть мяса, не пить вина, не заниматься распутствомъ и не дѣлать ничего злаго подъ страхомъ строжайшаго наказанія. А ихъ сосѣди — Инды занимаются убійствами, всякаго рода скверностями, предаются гнѣву безъ мѣры; внутри страны они и людей ѣдятъ, убиваютъ проѣзжающихъ и ѣдятъ все какъ собаки.

Иной законъ у Халдеевъ Вавилоняпъ: женются на матеряхъ, соединяются съ дѣтьми братьевъ и убиваютъ и всякое постыдное дѣло совершаютъ какъ бы доброе, хотя бы и вдали находились отъ своей стороны. Не таковъ законъ у Гиліевъ: у нихъ женщины занимаются хлѣбопашествомъ, строютъ дома, исполняютъ всякую мужскую работу, но и любовью занимаются сколько хотятъ — и сами стыда въ томъ не видятъ, и мужья ихъ не останавливаютъ. У нихъ женщины храбры и любимое ихъ занятіе—охота; они управляютъ своими мужами и господствуютъ надъ ними. Въ Британіи много мущинъ спятъ съ одною женщиною и женщины удовлетворяютъ свое желаніе съ однимъ мущиною. Независимо и безпрепятственно исполняютъ они беззаконное, по служившее закономъ ихъ отцамъ. Амазонки не имѣютъ мужей, по на подобіе безсловеснаго скота разъ въ годъ, около весны, они уходятъ и ищатъ сообщества сосѣднихъ мущинъ; и это время бываетъ для нихъ какое-то торжество и вмѣсто большаго праздника. Какъ только почувствуютъ, что забременѣли, то расходятся всѣ, а когда прійдетъ время родить, то если родится мальчикъ, умерщвляютъ, а если дѣвочка, то вскармливаютъ и воспитываютъ старательно. Да вотъ и въ нашихъ глазахъ Половцы исполняютъ законъ ихъ отцовъ: проливаютъ кровь — да еще тѣмъ похваляются — ѣдятъ мертвечину и всякую вообще нечистоту, хомяковъ и сусликовъ, берутъ въ замужство мачихъ и золовокъ и исполняютъ другіе обычаи своихъ отцовъ. А мы Христіане сколько земель ни есть гдѣ вѣруютъ въ Св. Троицу, въ одно Крещеніе, въ одну вѣру—мы всѣ законъ имѣемъ одинъ: мы во Христа крестились и во Христа облеклись.

Много лѣтъ прошло послѣ смерти этихъ братьевъ. Поляне сдѣлались жертвою обидъ Древлянъ и другихъ сосѣдей, и Козары нашли Полянъ живущими на этихъ горахъ, въ лѣсахъ, и сказали Козары: платите намъ дань. Подумали Поляне и дали съ жилья по мечу. Понесли Козары къ князю своему и старѣйшинамъ и сказали имъ: «вотъ пріобрѣли мы невиданную до сихъ поръ дань.—Откуда? спросили тѣ; они сказали: «въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпромъ».— Тѣ сказали: «а что вамъ дали?»—Они показали мечь. На это ска-

зали старики Козарскіе: «не хороша дань эта, князь. Снискали мы ее оружіемъ объ одномъ лезвіи или лучше сказать саблею, а оружіе этихъ людей остро съ двухъ сторонъ или мечъ. Они-то будутъ брать дань съ насъ и съ нашихъ земель». Все это и сбылось, потому что высказано было ими не по ихъ волѣ, но по повелѣнію Божію. Такъ и при Фараонѣ, царѣ Египетскомъ, когда привели Моисея къ Фараону, сказали старѣйшины Фараона: вотъ этотъ унизитъ землю Египетскую. Такъ и случилось. Погубилъ Моисей Египтянъ, а до того его соотечественники работали на нихъ. Такъ и Козары когда-то у насъ господствовали, а впослѣдствіи сами порабощены, что и случилось. Козары—подданные Русскихъ и до теперешняго времяни.

852 г. отъ Р. Хр.

Въ 6360 году отъ сотворенія міра, въ началѣ царствованія Михаила начала прозываться земля Русская. Мы узнаемъ, что при этомъ царѣ Русь приходила на Царь-Городъ, какъ написано въ Греческомъ лѣтописцѣ; вслѣдствіе этого начнемъ изложеніе по порядку лѣтъ. Отъ Адама до потопа 2242 года; отъ потопа до Авраама 1082 года, отъ Авраама до исхода Евреевъ 430 лѣтъ; отъ исхода Евреевъ до Давида 601 г.; отъ Давида и начала царствованія Соломона до взятія Іерусалима 448 лѣтъ; отъ взятія Іерусалима до Александра Македонскаго 318 лѣтъ; отъ Александра до Рождества Христова 333 года; отъ Рождества Христова до царя Константина Равноапостольнаго 318 лѣтъ, а отъ царя Константина до этого царя Михаила 542 года. Отъ перваго года правленія царя Михаила до перваго года правленія Олега, Русскаго князя, 29 лѣтъ; а отъ перваго года правленія Олега, съ того времени, какъ онъ остался въ Кіевѣ до перваго года правленія Игоря, 31 годъ. Отъ перваго года правленія Игоря до перваго года правленія Святослава 33 года; отъ перваго года правленія Святослава до перваго года правленія Ярополка 28 лѣтъ. Ярополкъ княжилъ 8 лѣтъ, Владиміръ 37, а Ярославъ 40 лѣтъ. Такимъ образомъ отъ смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лѣтъ, а отъ смерти Ярослава до смерти Святополка 60 лѣтъ. Но мы возвратимся назадъ и разскажемъ, что сдѣлалось за эти года, какъ мы уже начали о первомъ годѣ правленія царя Михаила, и по порядку положимъ числа (лѣтъ).

853 — 858 по Р. Хр.

Царь Михаилъ пошелъ на Болгаръ съ войскомъ, повелъ его и

берегомъ и моремъ. Болгары, увидя его, не могли оказать сопротивленія, просили креститься и покорились Грекамъ. Греческій царь крестилъ Болгарскаго князя и всѣхъ бояръ и заключилъ миръ съ Болгарами.

859 г. по Р. Хр.

Варяги, пришедшіе изъ-за моря, брали дань съ Чуди, Словенъ, Мери и всѣхъ Кривичей; а Козары брали дань съ Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей—по шкурѣ бѣлки и *вѣверицы* съ каждаго дома.

860. 861. 862.

Прогнали Варяговъ за море, не дали имъ дани и начали управлять сами собою. Но не было въ нихъ правды, родъ возсталъ на родъ, возникли среди нихъ усобицы и начали воевать другъ съ другомъ. Они сказали сами въ себѣ: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по справедливости». Отправились они за море къ Варягамъ къ Руси—эти Варяги назывались Русь, а другіе изъ нихъ называются Шведами, иные Норвежцами, и Готоами, а эти Русью.—Сказали Руси—Чудь, Словены и Кривичи: «земля наша обширна и изобилуетъ всѣмъ, но порядку въ ней нѣтъ; поидите княжить и владѣть нами». — Вызвались три брата съ семьями (родичами) своими, взяли съ собою всю Русь и пришли: старшій Рюрикъ поселился въ Новѣ-Городѣ, другой братъ его Синеусъ на Бѣлоозерѣ и третій Труворъ въ Изборскѣ. Отъ нихъ-то прозвались Русскою землею Новгородцы: они теперь уже происходятъ отъ роду Варяжскаго, а прежде были Словены. Два года спустя Синеусъ умеръ, а за нимъ и братъ его Труворъ, и земли ихъ взялъ себѣ Рюрикъ. Онъ роздалъ города своимъ приближеннымъ: одному Полоцкъ, другому Ростовъ, а третьему Бѣлоозеро. И по тѣмъ города Варяги пришельцы, а коренными жителями были въ Новѣ-Городѣ Словены, въ Полоцкѣ—Кривичи, въ Ростовѣ—Меря, въ Бѣлѣозерѣ—Весь, въ Муромѣ,—Мурома, и тѣми всѣми обладалъ Рюрикъ. У него находились два Варяга — они не были ни его родственники, ни бояре; тѣ выпросились въ Царь-Градъ (Константинополь) съ своими родичами. Отправились они по Днѣпру и идя мимо увидали на горѣ городокъ и спросили: «чей это городокъ?»—Имъ отвѣтили: были тутъ три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они построили этотъ городокъ и померли, а мы, ихъ потомки, живемъ здѣсь и платимъ дань Козарамъ. Аскольдъ и Диръ остались въ этомъ городкѣ, собрали множество Варяговъ и начали владѣть Польскою землею (т. е. землею Полянъ).

863. 864. 865. 866. гг.

Во время княженія Рюрика въ Новѣ-Городѣ, Аскольдъ и Диръ пошли войною на Грековъ и пришли въ четырнадцатый годъ правленія царя Михаила. Царь находился въ отлучкѣ, въ походѣ противъ сыновъ Агари, дошелъ онъ до Черной рѣки. Тутъ намѣстникъ прислалъ къ нему вѣсть о томъ, что Русь идетъ на Царь-Городъ, и царь возвратился. А Русскіе, проникнувъ внутрь залива, перебили много Христіанъ, и съ двумя стами судовъ обступили Царь-Градъ. Съ трудомъ царь могъ пройдти въ городъ. Цѣлую ночь провелъ онъ съ митрополитомъ Фотіемъ въ молитвѣ, въ церкви Влахернской Божіей Матери. Вынесли съ пѣснями божественную ризу Святой Богородицы и опустили ее въ воду. Была тишина, море совершенно улеглось; вдругъ поднялась гроза съ вѣтромъ, расходились громадныя волны, суда безбожныхъ Русскихъ пришли въ замѣшательство; суда выбрасывало на берегъ, гдѣ воиновъ избили и только небольшому числу ихъ удалось избѣгнуть такого бѣдствія и возвратиться домой.

867. 868.

Вступилъ на царство (Греческое) Василій.

869.

Крещена вся земля Болгарская.

870 — 879.

Умеръ Рюрикъ; княженіе передалъ онъ Олегу своему родственнику, и ему на руки отдалъ сына своего Игоря; а тотъ находился еще въ младенчествѣ.

880. 881. 882.

Пошелъ въ походъ Олегъ: взялъ съ собою множество воиновъ: Варяговъ, Чюди, Словенъ, Мери, Веси, Кривичей и пришелъ къ Смоленску съ Кривичами: онъ взялъ городъ и посадилъ своего намѣстника. Оттуда пошелъ внизъ по Днѣпру, взялъ Любечь и посадилъ своего намѣстника. Пришли къ Кіевскимъ горамъ: узналъ Олегъ, что тутъ князья Аскольдъ и Диръ: онъ спряталъ воиновъ въ лодкахъ, другихъ же оставилъ позади, а самъ пришелъ, неся на рукахъ младенца Игоря. Онъ приплылъ подъ урочище Угорьское, попряталъ своихъ воиновъ и прислалъ къ Аскольду и Диру сказать: мы купцы, идемъ въ Грецію отъ Олега и молодаго князя Игоря: придите къ намъ, своимъ родичамъ. Аскольдъ и Диръ при-

шли. Тутъ-то показались и прочіе воины изъ лодки и Олегъ сказалъ Аскольду и Диру: вы не князья и не княжескаго роду, а я роду княжескаго, а вотъ—тутъ принесли Игоря—сынъ Рюриковъ». Убили Аскольда и Дира, отнесли на гору; и похоронили ихъ на горѣ, въ мѣстѣ, которое теперь называется Угорскимъ, гдѣ нынѣ Ольминъ дворъ. На той могилѣ Ольма поставилъ церковь Св. Николая, а Дирова могила за церковью Св. Ирины. Поселился Олегъ княжитъ въ Кіевѣ и сказалъ Олегъ: «пусть Кіевъ будетъ матерью городовъ Русскихъ».—При Олегѣ находились Варяги и Словены и другіе; всѣ они носили уже названіе Руси. Этотъ Олегъ началъ ставить города, обложилъ извѣстною данью Словенъ, Кривичей и Мерю. Нову-Городу велѣлъ онъ платить Варягамъ дани въ годъ по триста гривенъ, ради мира, и дань эту платили Новгородцы до смерти Ярослава.

883 г.

Началъ Олегъ воевать съ Древлянами, постѣснлъ ихъ и бралъ съ нихъ дань по шкуркѣ черной куницы.

884 г.

Пошелъ Олегъ на Сѣверянъ, побѣдилъ ихъ, обложилъ ихъ легкою данью, не дозволилъ имъ платить дань Козарамъ, сказалъ имъ: «тѣмъ я врагъ, а не вамъ».

885 г.

Олегъ послалъ къ Радимичамъ спросить: «кому платятъ дань?»—Тѣ отвѣчали: «Козарамъ».—Олегъ имъ сказалъ: «не платите Козарамъ, а мнѣ платите».—И отдали Олегу по *шелягу*, какъ и Казарамъ давали. И владѣлъ Олегъ Полянами, Древлянами, Сѣверянами и Радимичами, а съ Уличами и Тиверцами была у него война.

886. 887.

Воцарились (въ Константинополѣ Леонъ, сынъ Васильевъ (его же и Львомъ называютъ) и братъ его Александръ; царствовали 26 лѣтъ.

888—898 гг.

Шли Угры (Венгры, мимо Кіева горою, которая и теперь называется Угорскою; они пришли къ Днѣпру и расположились кочевьемъ; движеніе ихъ совершенно походило на движеніе Половцевъ. Пришли они съ Востока и устремясь черезъ большія горы Карпаты, начали воевать съ жившими тамъ Волохами (Итальян-

скими поселенцами) и Словенами. Въ старину жили тутъ Словене, а Волхвы (Римляне) заняли землю Словенскую. Угры (Венгры) прогнали Волоховъ, присвоили ихъ владѣнія и поселились вмѣстѣ съ Словенами, покоривъ ихъ подъ свою власть; съ того-то времени пошло въ ходъ названіе (Венгерской) Угорской земли. И Угры начали тревожить войною Грековъ, опустошили Оракію и Македонію до Селуни, дѣлали набѣги на Моравію и Чехію. Вѣдь это одно и то же словенское племя: Словены, жившіе по Дунаю, которыхъ покорили Угры, и Морава, Чехи, Ляхи и Поляне, которыхъ нынѣ зовутъ Русью. Тутъ въ первый разъ переведены въ Моравіи книги Священнаго Писанія и получила свое начало письменность словенская, а она-то существуетъ и на Руси и у Болгаровъ дунайскихъ.

Словене и князья ихъ жили уже крещеные. Эти-то князья Ростиславъ, и Святополкъ и Коцелъ послали къ царю Михаилу сказать: земля наша просвѣщена крещеніемъ, но нѣтъ у насъ учителя, который далъ бы намъ наставленіе и поучилъ бы насъ и объяснилъ бы намъ книги Св. Писанія; а мы сами не понимаемъ ни греческаго языка, ни латинскаго; одни насъ учатъ такъ, а другіе иначе, а мы сами остаемся въ невѣдѣніи относительно истиннаго смысла и значенія Св. книгъ. Пошлите къ намъ наставниковъ, которые были бы въ состояніи объяснить намъ то, что написано въ книгахъ, и истолковать смыслъ ихъ. Услыхавъ это, царь Михаилъ созвалъ всѣхъ ученыхъ людей и передалъ имъ просьбу словенскихъ князей. Мудрецы сказали: «въ Селуни есть одинъ человѣкъ по имени Левъ и у него два сына, люди хорошо знающіе словенскій языкъ и притомъ очень ученые». Царь, услыхавъ это, послалъ за ними въ Селунь къ Льву сказать: «Пришли къ намъ скорѣе сыновей твоихъ Меѳодія и Константина». Левъ, выслушавъ это приказаніе, немедленно послалъ ихъ. Они пришли къ царю и тотъ сказалъ имъ: «вотъ Словенская земля прислала ко мнѣ, просятъ себѣ учителя, который могъ бы имъ объяснить священныя книги; именно того они желаютъ».—Внявши братья просьбѣ царя и посланы были въ Словенскую землю къ Ростиславу, Святополку и Коцелу. По прибытіи туда, братья начали составлять писанную азбуку (азбуку на письменахъ) словенскую, и перевели Апостолъ и Евангеліе. Ради были Словены, слыша величіе Божіе прославляемое на ихъ языкѣ. Потомъ перевели братья Псалтырь, Октоихъ и другія книги. Нѣкоторые начали порицать словенскій переводъ писаній, говоря: «ни одному народу не слѣдуетъ

имѣть своихъ буквъ (своей азбуки) кромѣ Евреевъ, Грековъ и Латинянъ по написанію Пилатову, сдѣланному имъ на крестѣ Господнемъ». Когда эти толки дошли до слуха папы Римскаго, то онъ осудилъ тѣхъ, которые дурно отзывались о словенской письменности и выразился такъ: «пусть исполнится слово Св. Писанія, что восхвалять Бога всѣ народы, и другое, что всѣ языки возглаголють величіе Божіе, по мѣрѣ того какъ имъ дастъ Святой Духъ выразить его. Если кто порицаетъ славянскую письменность, пусть будетъ отлученъ отъ церкви, пока исправится. То волки, а не овцы, и узнавая ихъ по ихъ плоду, нужно ихъ остерегаться: а вы, дѣти Божіи, послушайте ученія и не отвергайте церковнаго наставленія, какое преподалъ вамъ Меѳодій, вашъ учитель». Константинъ вернулся назадъ и сталъ учить народъ болгарскій, а Меѳодій остался въ Моравіи. Потомъ князь Коцелъ поставилъ Меѳодія епископомъ въ Панніи на престолѣ Св. Андроника апостола, одного изъ 70 учениковъ Св. апостола Павла. Меѳодій посадилъ двухъ священниковъ, умѣвшихъ скоро и хорошо писать. Онъ перевелъ сполна всѣ книги Св. Писанія съ Греческаго языка на словенскій въ теченіе шести мѣсяцевъ, начавъ съ марта мѣсяца до 26 октября. По окончаніи Меѳодій выразилъ достойно хвалу и славу Господу Богу, оказавшему такую благодать ему—епископу Меѳодію, преемнику Андроника. Наставникъ словенскаго народа—апостолъ Андроникъ; онъ ходилъ въ Моравію и тутъ же училъ апостолъ Павелъ. Вѣдь это именно и есть Иллирикъ, до котораго доходилъ сначала апостолъ Павелъ, такъ какъ тутъ сначала жили Славяне. Такимъ образомъ наставникомъ словенскаго народа былъ Павелъ; а отъ Славянъ и мы, Русь, а вслѣдствіе этого и намъ, Руси, учителемъ (наставникомъ) былъ все тотъ же апостолъ Павелъ такъ какъ онъ училъ народъ славянскій и поставилъ славянскому народу епископомъ и намѣстникомъ вмѣсто себя Андроника. Народъ славянскій и русскій одинъ и тотъ же; отъ Варягъ получили прозваніе Руси, а сначала были Славяне. Хотя они и Поляпами назывались, но говорили они Славянскимъ языкомъ, а Полянами они прозваны были потому, что жили въ полѣ, а языкъ славянскій былъ у нихъ одинъ.

899—902 гг. по Р. Хр.

Царь Леонъ призвалъ Угровъ на Болгаръ. Угры сдѣлали нашествіе и опустошили всю землю Болгарскую. Симеонъ, узнавъ о томъ, выступилъ противъ Угровъ. Угры пошли къ нему на встрѣчу

и побѣдили Болгаръ, такъ что царь Симеонъ съ трудомъ убѣжалъ въ Дерстеръ.

903 г. по Р. Хр.

Выросъ Игорь, но ходилъ за Олегомъ и слушался его; ему привели жену изъ Пскова, именемъ Ольгу.

904—907 гг.

Олегъ пошелъ на Грековъ, а Игоря оставилъ въ Кіевѣ. Онъ взялъ съ собою множество Варяговъ, Словенъ, Чюди, Кривичей, Мерю, Полянъ, Сѣверянъ, Деревлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ—они же Велыняне; всѣ эти народы извѣстны были подъ общимъ названіемъ *Великой Скиѳіи*. Съ ними со всѣми отправился Олегъ на коняхъ и на судахъ, а судовъ всѣхъ было двѣ тысячи. Онъ подошелъ въ Царю-Городу и Греки заперли гавань, а городъ затворили. Олегъ, вышедъ на берегъ, приказалъ воинамъ вытащить суда на берегъ, опустошилъ окрестности города, множество Грековъ пало отъ мечей, строенія были разрушены и церкви сожжены. Плѣнниковъ, какихъ брали, однихъ убивали на мѣстѣ, другихъ мучили, иныхъ растрѣливали, другихъ бросали въ море и вообще Русскіе много зла причинили Грекамъ, какъ то обыкновенно бываетъ со стороны непріятелей. И приказалъ Олегъ своимъ воинамъ подѣлать колеса и поставить корабли на колеса. Вѣтеръ дулъ съ боку, и распустивъ паруса, Олегъ шелъ къ городу. Видя это, Греки пришли въ ужасъ и сказали выславъ къ Олегу: «не губи города, заплатимъ тебѣ дань, какую только ты хочешь». Олегъ остановилъ наступательное движеніе своихъ воиновъ; Греки ему вынесли съѣстные припасы и вино и онъ не взялъ ничего, такъ какъ все было съ примѣсью яда. Ужасъ Грековъ еще усилился; они стали говорить: «не Олегъ это, а Святой Димитрій, котораго Богъ послалъ за грѣхи наши противъ насъ». Олегъ приказалъ Грекамъ дать дань на двѣ тысячи судовъ, по двѣнадцати гривенъ на человѣка, а въ каждомъ суднѣ было 40 человѣкъ. Греки согласились на то, и начали просить мира, чтобы Олегъ не ходилъ войною на ихъ землю. Олегъ отступилъ на небольшое разстояніе отъ города и началъ переговоры о мирѣ съ греческими царями Львомъ и Александромъ; онъ послалъ къ нимъ въ городъ Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемида сказать: «платите мнѣ дань».—Греки сказали: «чего вы хотите, мы вамъ дадимъ». и предписалъ Олегъ дать воинамъ на двѣ тысячи судовъ по двѣнадцати гривенъ на человѣка, и кромѣ того заплатить извѣстныя

суммы на русскіе города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечь и иные города. Ими—этими городами—завѣдывали князья, признававшіе верховную власть Олега. Олегъ предложилъ еще условіе: «во всякое время Русскіе могутъ приходить въ Царь-Градъ, брать тамъ пищу сколько хотятъ, а которые придутъ торговать, пусть берутъ мѣсячное на шесть мѣсяцевъ хлѣбъ, вино, мясо, рыбу, и овощи; пусть для нихъ готовятъ бани, сколько тѣ захотятъ; а когда они пойдутъ домой на Русь, то пусть берутъ у царя вашего на дорогу хлѣба, якорей, веревокъ, парусовъ и все, въ чемъ будутъ имѣть надобность».—Греки обязались на все это и сказали цари и вельможи: «Русскіе, которые придутъ не для торговли, пусть не берутъ мѣсячнаго. Пусть князь строго накажетъ Русскимъ, которые будутъ приходить въ Грецію, чтобы они не дѣлали вреда по селамъ земли нашей. Русскіе, которые будутъ приходить въ Царь-Градъ, пусть живутъ около храма Св. Мамы. Цари наши пошлютъ составить имъ списокъ по именамъ и тогда возьмутъ они свое мѣсячное содержаніе по порядку, сначала тѣ, которые пришли изъ Кіева, потомъ изъ Чернигова, Переяславля и другихъ городовъ. Въ городъ Русскіе должны входить одними воротами, въ сопровожденіи пристава царскаго, безъ оружія, по пятидесяти человѣкъ, и тутъ пусть они занимаются себѣ торговлею, не платя никакихъ пошлинъ». Цари Левъ и Александръ заключили миръ съ Олегомъ, обязались выплатить дань и скрѣпили договоръ клятвою: цари цѣловали крестъ, а Олегъ и его люди клялись оружіемъ своимъ и именами своихъ божествъ: Перуна, божества людей, и Волоса, божества животныхъ. Такъ-то утвержденъ былъ миръ.

Олегъ сказалъ: «сшейте Руси паруса парчевые, а Славянамъ шелковые» *). Это было исполнено. Русскіе въ знакъ побѣды повѣсили свои щиты на вратахъ Царь-Города и Олегъ отправился домой. Подняли Русскіе парчевые паруса, а Словены шелковые, и вѣтеръ ихъ разорвалъ. Словены сказали: «возьмемся за свою холстину; не годятся намъ шелковые паруса». Олегъ пришелъ въ Кіевъ, привезъ множество золота, парчевыхъ тканей, овощей, вина и всякихъ дорогихъ вещей. Его прозвали *вѣщимъ* (вѣщимъ : люди въ то время были язычниками и невѣждами

* Карамзинъ перевелъ паволочитые просто шелковые, а крапивные—полотняные, какъ изъ особаго рода полотна изъ крапивы. Но разница между полотномъ и холстиною? И вѣтеръ врядъ ли могъ легко порвать полотно. Паволока не просто шелковая матерія а парча, т. е. шелкъ протканный золотомъ и серебромъ.

908—911 г.

На западѣ явилась большая звѣзда въ видѣ копья.

912 г.

Олегъ послалъ отъ себя людей установить миръ между Русью и Греками и изложить всѣ его условія согласно прежняго предварительнаго соглашенія, послѣдовавшаго при тѣхъ же царяхъ Львѣ и Александрѣ.

Мы отъ племени русскаго Карлы Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемидъ—посланные отъ Олега, великаго князя русскаго и отъ всѣхъ свѣтлыхъ бояръ, находящихся подъ его властью, къ вамъ Льву, Александру и Константину великимъ, по милости Божіей, самодержцамъ, греческимъ царямъ, для того, чтобы упрочить и еще болѣе выяснить дружественныя отношенія, существующія уже много лѣтъ между христіанами (Греками, и Русью. Такъ пожелали князья наши и такъ захотѣли они и вся подвластная имъ Русь. При такомъ усиленномъ желаніи во имя Божіе сохранить и развить пріязненныя отношенія, существовавшія между христіанами и Русью, не разъ излагали мы справедливыя условія этихъ отношеній, но только словесно, теперь же хотимъ на письмѣ и клятвою по закону нашему, на нашемъ оружіи, таковыя дружественныя отношенія привесть въ общую извѣстность, утвердивъ ихъ по вѣрѣ и по закону нашему. Вотъ тѣ условія, при написаніи которыхъ руководствовались мы Божіими вѣрою и любовію: первое слово то: помирились мы съ вами, Греками, полюбимъ же другъ друга отъ всей души искренно и, не допустимъ, насколько въ нашей власти будетъ, и никого изъ находящихся подъ нашею властью свѣтлыхъ князей до какой-либо вины или соблазна; но постараемся, сколько достанетъ нашихъ силъ, сохранять и на все будущее время съ вами, Греками, вѣрно, непарушимо, дружбу, выраженную здѣсь на письмѣ и скрѣпленную клятвою. И вы, Греки, имѣйте такую же пріязнь къ нашимъ свѣтлымъ русскимъ князьямъ и ко всѣмъ его подвластнымъ навсегда, на будущее время, безо всякаго обмана и хитрости.

Относительно посягательства на жизнь, если бѣда такая случится, условимся такъ: то, что докажется ясными свидѣтельскими показаніями, считать за вѣрное. Если кто станетъ отводить другаго, какъ не заслуживающаго, чтобы ему вѣрить, то та сторона, которая усиливается доказать негодность свидѣтеля, не должна

быть приводима къ присягѣ, потому что если онъ дастъ клятву и послѣдствіемъ этого будетъ наказаніе, то явная будетъ ошибка. Если Русскій убьетъ христіанина или христіанинъ Русскаго, то пусть умретъ на мѣстѣ совершенія убійства. А если убійца уйдетъ, то если у него есть имущество, все, что ему по закону принадлежать будетъ, пусть возьметъ себѣ ближайшій родственникъ убитаго, при чемъ и законная жена его пусть получитъ свою часть. А если совершившій убійство не имѣетъ имущества и убѣжитъ, то преслѣдовать его до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ пойманъ, и казнить. — Если кто ударитъ мечемъ или будетъ бить какимъ-либо сосудомъ, то за ударъ или побои пусть отдастъ пять *литръ* *, серебра по русскому закону. А не будетъ имущества у поступившаго такъ, то пусть отдастъ все сколько можетъ и пусть даже сниметъ съ себя то самое платье, въ которомъ ходитъ, и сверхъ того пусть присягнетъ по своей вѣрѣ, что ему больше взять рѣшительно не откуда, и затѣмъ взысканіе съ него оставляется.

Если Русскій украдетъ что-либо у христіанина или съ другой стороны христіанинъ у Русскаго, и воръ будетъ пойманъ во время кражи тѣмъ, кого онъ обокралъ или готовился обокрасть и будетъ имъ убитъ на дѣлѣ воровства, то смерть его останется безъ взысканія, будетъ ли то со стороны христіанъ или Руси, и пусть тотъ, кто потерялъ свое, получитъ обратно.—Если же воръ безъ сопротивленія отдастся тому, у кого воровалъ, и будетъ имъ связанъ, то пусть отдастъ краденое и заплатитъ втрое противъ цѣны украденаго.—Если Русскій у христіанина, или христіанинъ у Русскаго или въ видѣ пробы, чтобы его помучить, или явнымъ насиліемъ возьметъ что-либо одинъ у другаго, то пусть отдастъ втрое.—Если сильная буря выброситъ судно на чужую землю и тамъ найдется кто-либо изъ насъ Русскихъ, то они должны сберечь судно со всѣмъ его грузомъ и отослать назадъ въ землю христіанскую, проводивъ его черезо-всѣ опасныя мѣста, пока придетъ въ безопасныя. Если же это судно, вслѣдствіе ли бури или какого-либо препятствія на землѣ, не будетъ въ состояніи добраться до мѣста назначенія, то мы, Русскіе, должны оказать всякаго рода содѣйствіе гребцамъ того судна и, если это близко случится отъ земли Греческой, проводить ихъ туда благополучно и съ ихъ товаромъ. А если такая же бѣда постигнетъ судно русское, то мы, Греки, должны проводить его въ Русскую землю. Пусть будетъ проданъ грузъ этого

* Въ греческой литрѣ было 72 золотника, а литра серебра равнялась пяти солидамъ или червонцамъ.

судна и все что возможно будетъ отъ самого судна, и мы, Русскіе, когда отправимся въ Грецію или по дѣламъ торговымъ, или посольствомъ къ царю вашему, честно должны доставить вырученное отъ продажи ихъ (Грековъ судна. А если кто изъ находившихся въ суднѣ будетъ убитъ или потерпитъ побои отъ кого-либо изъ насъ, Русскихъ, или у него что-либо будетъ отнято, то виновники всего этого должны подвергнуться вышеписанному наказанію. Если окажется плѣнникъ которой либо стороны, изъ Русскихъ или изъ Грековъ, то если только найдется тамъ Русскій или Грекъ, пусть купитъ его и выкупленнаго плѣнника возвратитъ въ отечество, а самъ получитъ истраченныя деньги или обыкновенную продажную цѣну раба. И если кто на войнѣ взятъ въ плѣнъ, то пусть будетъ возвращенъ въ свою сторону и цѣна его возвращена, какъ сказано выше, примѣнительно къ продажной цѣнѣ раба. А когда вамъ, Грекамъ, нужно будетъ идти на войну и вы выскажете надобность въ людяхъ, а наши захотятъ уважить царя вашего, то сколько бы ихъ ни пришло къ царю вашему и ни пожелало у него остаться, вольны они то сдѣлать.—О Русскихъ, находящихся въ плѣну, а также и о тѣхъ, которые изъ разныхъ странъ приходятъ въ Русь и бываютъ продаваемы въ христіанскую землю, вмѣстѣ и относительно плѣнныхъ христіанъ, которые приходятъ въ Русь изъ разныхъ странъ,—они должны быть выкупаемы по 20 золотыхъ и возвращаемы въ Грецію. Въ случаѣ если Русскій рабъ будетъ украденъ, или убѣжитъ, или кто насильно будетъ проданъ, и Русскій принесетъ жалобу, и если все это будетъ подтверждено показаніемъ раба, то пусть его возьмутъ въ Русь. Если и купецъ потеряетъ раба, то пусть жалуется, ищетъ его, если найдетъ, пусть возьметъ его себѣ; а если кто не дастъ у себя сдѣлать обыска, тотъ самъ уличитъ себя въ винѣ.—Относительно Русскихъ, состоящихъ на службѣ въ Греціи у христіанскаго царя, если кто изъ нихъ умретъ, не распорядясь своимъ имѣніемъ и не имѣя при себѣ никого близкихъ, имѣніе его должно поступить къ его родственникамъ на Русь. Если же онъ сдѣлаетъ распоряженіе, то тотъ, кому онъ записалъ—взять его имѣніе, пусть и возьметъ завѣщанное черезъ посредство Русскихъ, отправляющихся по торговымъ дѣламъ въ Грецію. Если изъ Руси уйдетъ кто-либо, надѣлавъ зла, то Русскіе пусть принесутъ жалобу христіанскому царю, и таковой человѣкъ, и противъ воли, долженъ быть возвращенъ въ Русь. Такъ должны поступать во всѣхъ случаяхъ Русскіе въ отношеніи къ Грекамъ. Для большей твердости и закрѣпленія этого

мира, заключеннаго между христіанами и Русскими, написали его киноварью на двухъ хартіяхъ: одна подписанная рукою царя вашего, а другая нами. Первая скрѣплена словомъ царскимъ, честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею единаго Бога нашего. А мы клялись царю вашему по закону, какъ твореніе Божіе, и по обычаямъ народа нашего, не нарушать этого договора ни намъ и никому изъ нашихъ соотечественниковъ и не разрывать тѣмъ установленныхъ мира и пріязни. И все это дали на письмѣ на утвержденіе царства вашего и въ извѣщеніе заключеннаго между нами мира, мѣсяца сентября 2-го, въ недѣлю пятнадцатую, въ 6420 году отъ сотворенія міра.

Царь Левъ почтилъ пословъ Русскихъ дарами: золотомъ, дорогими тканями и одеждами; приставилъ онъ къ нимъ людей своихъ показать имъ украшенія храмовъ и золотые дворцы, съ богатствами въ нихъ находящимися, множествомъ золота, матерій и драгоцѣнныхъ камней, страсти Господни—вѣнецъ, гвозди и красную хламиду, а также и мощи святыхъ, склоняя ихъ къ своей вѣрѣ и показывая имъ истинную вѣру. За тѣмъ съ большою честью отпущены они въ свою землю. Отправленные Олегомъ, послы вернулись къ нему и передали ему слова обоихъ царей—какъ они заключили миръ и опредѣлили отношенія между Греческой землею и Русской, и клятвы не нарушать ни Грекамъ, ни Русскимъ. И жилъ Олегъ, княжа въ Кіевѣ въ отношеніяхъ мирныхъ ко всѣмъ странамъ. Наступила осень и Олегъ вспомнилъ про своего коня, котораго онъ поставилъ кормить, а на него не садился. Прежде онъ спрашивалъ гадателей (волхвовъ, кудесниковъ): «отчего я умру?» И отвѣтилъ ему одинъ гадатель: «Князь! У тебя есть любимый конь, на которомъ ты ѣздишь; отъ него-то ты помрешь». Олегъ принялъ это къ свѣдѣнію и сказалъ: «не сяду болѣе на этого коня и съ глазъ его долой»! Онъ отдалъ приказаніе кормить его, но къ нему не водить. Нѣсколько лѣтъ прошло такъ, Олегъ и забылъ про него и отправился въ походъ на Грецію. По возвращеніи въ Кіевъ провелъ онъ тамъ четыре года, а на пятый вспомнилъ о конѣ, отъ котораго гадатели сулили ему смерть: онъ призвалъ старшаго конюха и сказалъ: «гдѣ мой конь, котораго я поставилъ кормить и велѣлъ беречь?» Тотъ отвѣтилъ: «онъ умеръ.» Олегъ засмѣялся и ругнулъ гадателя, сказавъ: «лгутъ все эти гадатели; однѣ пустыя выдумки: вотъ конь умеръ, а я живъ». Онъ велѣлъ осѣдлать коня съ словами: «хочу взглянуть на его кости». Онъ пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали обнаженныя его кости и го-

лый черепъ, слѣзъ съ коня, засмѣялся и сказалъ: «не этотъ ли черепъ причинитъ мнѣ смерть?» Съ этими словами наступилъ онъ ногою на черепъ. Выглянула оттуда змѣя и укусила его въ ногу. Заболѣлъ вслѣдствіе этого Олегъ и умеръ. Плакали о немъ всѣ люди горькими слезами, отнесли его и похоронили на горѣ, называемой Щековица; могила его существуетъ и по нынѣ и называется Ольгова. Олегъ правилъ всего тридцать три года.

Удивительно, какъ чудесно сбываются пророчанія. Такъ, въ царство Домиціана, былъ извѣстенъ одинъ гадатель, именемъ Аполонитянинъ; онъ ходилъ по городамъ и селамъ и вездѣ творилъ съ помощью злаго духа чудеса. Изъ Рима пришелъ онъ въ Византію (Константинополь, Царь Городъ) и по усиленной просьбѣ тамошнихъ жителей прогналъ изъ города находившихся тамъ во множествѣ змѣй и скорпіоновъ и сдѣлалъ ихъ безвредными для людей. Онъ же обуздалъ неистовство коней, когда собирались вельможи *). Также пришелъ онъ въ Антіохію и по усиленной просьбѣ жителей, которые страдали отъ скорпіоновъ и комарей, сдѣлалъ мѣднаго скорпіона, зарылъ его въ землю и надъ нимъ поставилъ небольшой мраморный столбъ; а людямъ приказалъ, держа трость и потрясая ею, кричать: «долой изъ города комары»!—Такимъ образомъ исчезли изъ города и скорпіоны и комары. Когда его спросили относительно угрожавшаго городу землетрясенія, то онъ вздохнувъ написалъ на дощечкѣ слѣдующее: «увы тебѣ, проклятый городъ, много будешь страдать отъ землетрясенія и сдѣлаешься жертвою огня; оплачутъ тебя берега Орептія». Объ этомъ-то Аполлонитянинѣ великій Анастасій изъ Божіяго города выразился такъ: «даже и по нынѣ оставленные имъ памятники производятъ свое дѣйствіе—прогоняя и четвероногихъ и птицъ, могущихъ вредить людямъ, удерживая напоръ рѣчныхъ водъ, которыя текли не зная мѣры; но есть и ждущіе разрушенія, поставленные на гибель и вредъ людямъ. Не только во время его жизни злые духи для него дѣлали это и въ этомъ родѣ, но и по его смерти, оставаясь у его гроба, творили чудеса во имя его, для прельщенія (соблазна) осужденныхъ на гибель людей, легко подававшихся на эту удочку злаго духа. А кто что-либо скажетъ о совершающихъ дѣла волшебства, что они увлекаются волшебнымъ прельщеніемъ; но въ дѣйствительности какъ не стыдился знавшій все Аполлоній, когда онъ какъ бы въ неистовствѣ на себя же обращалъ свое философское знаніе?

*) Прим. Тутъ безсмыслица какъ видитъ читатель.

Слѣдовало бы ему, какъ я думаю, словомъ только творить-то, что онъ хотѣлъ, а не на дѣлѣ совершать-то, что ему повелѣвалъ (злой духъ *). Все это случается допущеніемъ Божіимъ и дѣйствіемъ злаго духа и тѣмъ дѣлается испытаніе нашей преславной вѣры, до какой степени она тверда и крѣпка, и Господь показуетъ, какъ ничтожны и суетны ложныя чудеса и обольстительныя дѣла, совершаемыя духомъ злобы и его служителями. Вѣдь именемъ Господнимъ нѣкоторые и пророчествовали, какъ-то: Валаамъ, Саулъ и Каіафа, и даже злыхъ духовъ изгоняли, какъ напримѣръ Іуда и сыновья Скеовы. Во свидѣтельство другимъ благодать сходитъ много разъ и на недостойныхъ. Такъ Валаамъ чуждъ былъ и добрыхъ дѣлъ и вѣры, но благодать высказалась и въ немъ въ видѣ заботы о другихъ. Таковъ же былъ и Фараонъ, но и тому Господь показалъ-то, что случится въ будущемъ. И Навуходоносоръ былъ нарушителемъ закона, но и тому онъ открылъ то, что будетъ черезъ много поколѣній впередъ. И тѣмъ объясняется, что многіе, имѣющіе превратный (не на добро направленный) умъ, образомъ Христовымъ (т. е. принявъ на себя личину его послѣдователей) совершаютъ чудеса, какимъ-то коварствомъ, на прельщеніе (соблазнъ) людей, не имѣющихъ истиннаго понятія о добрѣ; таковы напримѣръ были Симонъ волхвъ и Менандръ и другіе. Для такихъ-то по-истинѣ сказаны слова «не прельщайте (не вводите въ заблужденіе, не обманывайте) чудесами».

913 г.

Послѣ Олега началъ княжить Игорь. Въ это же время воцарился Константинъ, сынъ Льва, зять Романа. По смерти Олега Деревляне начали войну съ Игоремъ.

914 г.

Игорь пошелъ походомъ противъ Деревлянъ и наложилъ на нихъ дань болѣе значительную, чѣмъ какую платили они Олегу. Въ этомъ же году пришелъ Симеонъ Болгарскій непріятелемъ къ Царю-Городу, и заключивъ миръ, вернулся домой.

915 г.

Печенѣги въ первый разъ пришли на земли Русскихъ, и заключивъ миръ съ Олегомъ, пошли къ Дунаю. Въ это же время пришелъ и Симеонъ, опустошая Ѳракію. Греки послали за Печенѣ-

*) Довольно не ясно, но въ подлинникѣ совершенная безсмыслица.

гами. Печенѣги пришли и хотѣли было ударить на Симеона; но полководцы греческіе перессорились. Печенѣги, видя, что они между собою дерутся, вернулись восвояси, а Болгаре сразились съ Греками и побѣдили Грековъ. Симеонъ взялъ городъ Адріана (Адріанополь), прежде называвшійся Орестовымъ по Оресту, сыну Агамемнона, который тутъ только, искупавшись въ трехъ рѣкахъ, избавился отъ болѣзни; вслѣдствіе чего и городъ назвалъ своимъ именемъ. Впослѣдствіи императоръ Адріанъ возобновилъ его и по своему имени назвалъ Адріановымъ, и мы его называемъ Андріановымъ городомъ.

916—920 гг.

У Грековъ слѣлался царемъ Романъ, а Игорь велъ войну съ Печенѣгами.

921—929 гг.

Царь Болгарскій Симеонъ пришелъ на Царьградъ, опустошилъ Ѳракію и Македонію и надменно, съ громадными силами, подступилъ къ самому Царь-Городу; онъ заключилъ миръ съ царемъ Романомъ и возвратился домой.

930—934 гг.

Въ первый разъ пришли Венгры на Царь-Городъ, по всей Ѳракіи чинили они опустошенія. Романъ заключилъ съ ними миръ.

934—941 гг.

Игорь двинулся противъ Грековъ. Болгаре дали знать царю, что Русскіе идутъ на Царьгородъ въ 10.000 ладьяхъ. Они приплыли и начали опустошать Виѳинскую страну; разгромили они берега Понта (Чернаго моря) до Гераклеи и Пафлагоніи, разграбили всю землю Никомидскую и даже окрестности внутренняго залива предали огню. Взятыхъ въ плѣнъ,—однихъ распинали, другихъ ставили цѣлью и мѣтили стрѣлами въ нихъ; иныхъ, связавъ руки, вбивали въ середину головы желѣзные гвозди. Много святыхъ церквей предали огню, много селъ и монастырей пожгли и не мало со всѣхъ сторонъ пограбили пожитковъ. Но потомъ пришли войска съ востока, *доместикъ* *) Памфиръ съ сорока тысячами человѣкъ и патрицій Фока съ Македонянами, стратилатъ Ѳедоръ съ Ѳракійцами; они-то и съ ними вельможи царскіе окружили Русскихъ. Русскіе совѣщались между собою и, взявъ оружіе, выступили противъ Грековъ. Про-

*) Начальникъ сухопутныхъ войскъ.

изошелъ упорный бой и съ трудомъ Греки одержали верхъ. Къ вечеру уже Русскіе вернулись къ своимъ сотоварищамъ, ночью забрались на лодки и бѣжали. Ѳеофанъ встрѣтилъ ихъ на судахъ съ огнемъ и началъ трубами пускать огонь на лодки Русскихъ. Страшно было смотрѣть на такое чудо! Русскіе, видя пламень, бросались въ волны морскія, думая уйдти и такимъ образомъ остальные вернулись въ свою сторону. А когда пришли въ свою землю, то разсказывали каждый своимъ о томъ, что случилось, и о сильномъ огнѣ. «Въ родѣ молніи, что на небесахъ, имѣютъ у себя Греки и ее-то пуская жгли насъ, а потому мы и не совладали съ ними». Возвратясь, Игорь началъ собирать большое войско; онъ послалъ за море къ Варягамъ и звалъ ихъ въ большомъ числѣ идти вмѣстѣ на Грековъ, на которыхъ идти войною онъ снова собирался.

942 г.

Симеонъ пошелъ на Хорватовъ, и побѣжденъ ими. Онъ умеръ, оставивъ Болгарамъ княземъ сына своего Петра. Въ этомъ же году у Игоря родился сынъ Святославъ.

943 г.

Снова пришли Угры на Царь-Городъ и, заключивъ миръ съ Романомъ, вернулись домой.

944 г.

Игорь собралъ множество воиновъ: Варяговъ, Русскихъ, Полянъ, Славянъ, Кривичей, Тиверцевъ и Печенѣговъ; взявъ у нихъ заложниковъ, онъ съ ними пошелъ на Грековъ въ лодкахъ и на коняхъ, съ тѣмъ чтобы отомстить за себя (за прежнее пораженіе). Услыхавъ объ этомъ, Корсуняне послали къ Роману сказать: «вотъ идутъ Русскіе; нѣтъ числа ихъ судамъ,—все море покрыли кораблями». И Болгаре также прислали извѣстіе; они говорили: «идутъ Русскіе и наняли себѣ Печенѣговъ». Услыхавъ объ этомъ, царь послалъ къ Игорю знатнѣйшихъ вельможъ просить его и сказать: «не ходи, возьми дань, какую бралъ Олегъ, и прибавлю еще къ той дани». Также и къ Печенѣгамъ послалъ много золота и дорогихъ матерій. Игорь, дойдя до Дуная, созвалъ дружину и началъ совѣтоваться, передавъ ей слова царя. Дружина Игоря дала такой отвѣтъ: «если такъ говоритъ царь, то чего же намъ еще нужно,—безъ боя будемъ имѣть золото, серебро и дорогія матеріи. А развѣ кто знаетъ, чей верхъ будетъ въ борьбѣ—нашъ ли, ихъ ли? Или кто въ состояніи спра-

виться съ моремъ: не по землѣ мы ходимъ, но по морской глубинѣ, гдѣ смерть каждую минуту ожидаетъ человѣка». Игорь послушалъ совѣта дружины; онъ отдалъ приказаніе Печенѣгамъ опустошать Болгарскую землю, а самъ, взявъ у Грековъ золото и матеріи на всѣхъ своихъ воиновъ, вернулся назадъ и пришелъ домой въ Кіевъ.

945.

Цари греческіе Романъ, Константинъ и Стефанъ прислали къ Игорю пословъ, возстановить прежній миръ. Игорь послалъ своихъ людей къ Роману; тотъ созвалъ вельможъ и сановниковъ. Привели русскихъ пословъ и приказали съ ихъ словъ писать на бумагѣ согласно прежняго соглашенія, бывшаго при царяхъ Романѣ, Константинѣ и Стефанѣ:

«Мы послы и торговые люди русскаго рода: Иворъ, посолъ Игоря великаго князя русскаго, и послы общіе: Вуефастъ Святослава Игорева сына, Искусеви, посолъ княгини Ольги, Слуды, Игоревъ посолъ и его племянникъ, Улѣбъ Володиславовъ, Каницаръ Передславинъ, Шихбернъ, Сфандръ, жены Улѣбовой, Простѣнъ, Турдуви, Либіаръ, Фастовъ, Гримъ, Сфирковъ, Простѣнъ, Акунъ, племянникъ Игоревъ, Кары, Тудковъ, Каршевъ, Турдовъ, Егріевливсковъ, Волковъ, Истръ, Аминодавъ, Простѣнъ Берновъ, Явтягъ, Гунаревъ, Шибридъ, Алданъ, Колоклековъ, Стеггіетоповъ, Сфирка, Альвадъ Гудовъ, Фудри Туадовъ, Монотуръ Утинъ, купецъ Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Улѣбъ Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ, Фурстѣнъ, Бруны, Роальдъ, Гунастръ, Фрастѣнъ, Игельдъ, Турбернъ, Моны, Руальдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилепа, Пубоксарь, Вузлѣвъ, Синко, Боричь, присланные Игоремъ великимъ княземъ русскимъ и ото всѣхъ князей и ото всѣхъ людей Русской земли. Они приказали намъ возобновить прежній (старинный) миръ, на много лѣтъ впередъ отнять у злаго духа, ненавистника добра и любителя распрей, возможность вредить *) и утвердить пріязнь и доброе согласіе между Греками и Русскими. Великій князь Игорь, его вельможи и всѣ русскіе люди прислали насъ къ великимъ царямъ греческимъ Роману, Константину и Стефану—заключить союзъ дружбы съ самими царями, со всѣми ихъ боярами и со всѣми Греками на все будущее время, пока сіяетъ солнце и міръ будетъ существовать. А кто со стороны Русскихъ подумаетъ нарушить эту пріязнь, то сколько ихъ приняло святое крещеніе—пусть примутъ казнь осуж-

* Оба договора и съ Олегомъ и съ Игоремъ поддѣлка позднѣйшая и очень неудачная. Съ какой на пр. стати русскіе язычники говорятъ о діаволѣ и бранятъ его!

денія отъ Бога Вседержителя на весь будущій вѣкъ; а сколько ихъ Русскихъ не крещено, пусть не имѣютъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна, пусть щиты не служатъ имъ покровомъ и пусть и въ будущей жизни сдѣлаются они рабами.

Великій князь Русскій и его вельможи пусть посылаютъ въ Грецію къ великимъ царямъ Греческимъ судовъ сколько ходятъ съ послами и съ торговыми людьми по заведенному обычаю. Прежде послы отличались золотыми печатями, а торговые люди серебряными, а теперь заблагоразсудилъ нашъ князь посылать грамоту къ царямъ. Посылаемые отъ него послы и торговые люди должны приносить грамоту, гдѣ написано—сколько отправлено судовъ. Потому то намъ Грекамъ извѣстно будетъ, что они съ миромъ приходятъ. Если же придутъ неимѣя грамоты, то мы, Греки, ихъ задержимъ, пока не дадимъ знать Князю вашему; а если они, Русскіе, не захотятъ отдаться и будутъ противиться, то пусть лишатся жизни и князь вашъ Русскій не долженъ взыскивать за ихъ смерть. А если убѣгутъ и вернутся въ Русь, то напишемъ вашему князю чтобы онъ поступилъ съ ними какъ ему разблагоразсудится. Если Русскіе придутъ не для торговли, то недолжны брать мѣсячнаго содержанія. Князь Русскій долженъ строго запретить какъ присылаемымъ отъ него Русскимъ, такъ и вообще сюда приходящимъ, чтобы они не производили безпорядковъ ни въ селахъ, ни въ землѣ нашей. Русскіе, пріѣзжающіе въ Царьгородъ, должны жить у Храма св. Мамы. Царь Греческій долженъ послать—составить имъ поименной списокъ и тогда возьмутъ свое содержаніе мѣсячное или какое слѣдуетъ посламъ, сначала пришедшіе изъ Кіева, потомъ изъ Чернигова и Переславля.—Въ Царьградъ должны входить Русскіе одними воротами съ приставомъ царскимъ не болѣе какъ по 50 человѣкъ и безъ оружія. Закупивъ все, что имъ нужно, такимъ же порядкомъ они должны уходить. При нихъ долженъ находиться царскій чиновникъ для разбирательства кто сдѣлаетъ дурно или Русскій Греку или Грекъ Русскому. Русскіе, входя въ городъ, не должны покупать парчевыхъ тканей болѣе чѣмъ на 50 золотыхъ монетъ: да и таковые если кто купитъ, долженъ показать царскому чиновнику, тотъ приложитъ свою печать и отдастъ купившему. Русскіе, уходя изъ Царьграда, могутъ брать у Грековъ хлѣба сколько будетъ нужно и если что потребуется для ихъ судовъ, такъ какъ объ этомъ было установлено выше и пусть возвращаются по добру по здорову въ свою сторону, а зимовать имъ у св. Мамы не дозволяется.—Если у Русскаго, ко-

гда онъ прійдетъ въ нашу землю, убѣжитъ рабъ, то онъ можетъ его взять, хотя бы тотъ ушелъ въ храмъ св. Мамы; но если его не найдутъ, то должны Русскимъ дать клятву Христіане по своей вѣрѣ; а не Христіане по своему закону и за тѣмъ взять установленную цѣну по двѣ паволоки за раба. А если кто отъ подданныхъ Греческаго царя или изъ жителей этого города (Византіи) или другихъ городовъ или нашъ рабъ убѣжитъ къ вамъ и что либо принесетъ съ собою, то должны возвратить его назадъ и если все, что принесъ рабъ окажется цѣло, то пусть возьметъ себѣ (тотъ кто приведетъ раба два *золотника* (двѣ золотыхъ монеты). Если кто изъ Рускихъ попытается взять что либо отъ людей нашего царства, то кто такъ поступитъ, будетъ строго наказанъ, а за взятое долженъ заплатить вдвое. Если Грекъ возьметъ что либо у Русскаго, то подвергнется тому же наказанію.—Если случится Русскому украсть что либо у Грека или Греку у Русскаго, то долженъ возвратить не только украденную вещь, но и цѣну ея; а если окажется что украденное продано, то пусть возвратитъ цѣну его вдвое и будетъ казненъ по закону Греческому и по уставу и по закону Рускому. Сколько бы христіанъ изъ нашей земли ни привели плѣнниками въ Русь, то если то будетъ молодой человѣкъ или совершеннолѣтняя дѣвушка, то дать за каждаго десять золотыхъ монетъ и взять его; а если подростокъ (отрокъ) то пусть дадутъ золотыхъ монетъ восемь и возьмутъ его; а если будетъ старикъ или ребенокъ, то дать золотыхъ монетъ пять. А если найдутся Рускіе работающими у Грековъ, то если это плѣнники, Рускіе ихъ могутъ выкупать по десяти золотыхъ монетъ. Если же Грекъ купилъ раба, то долженъ присягнуть сколько за него заплатилъ и тогда пусть возьметъ свои деньги назадъ, сколько за него заплатилъ.—Относительно земли Корсунской—сколько городовъ въ той области, пусть Русскій князь не имѣетъ права воевать съ тѣми странами и онѣ вамъ покориться не должны. И тогда если Князь Рускій станетъ просить у насъ воиновъ въ случаѣ войны, то мы дадимъ ему сколько понадобится. Въ случаѣ, если Рускіе найдутъ Греческое судно выброшеннымъ въ какомъ либо мѣстѣ, то недолжны дѣлать ему вреда; а если кто возьметъ что нибудь изъ судна или изъ находившихся тамъ людей кого либо въ рабство обратитъ, либо убьетъ, подвергается наказанію по законамъ Рускому и Греческому. Если Рускіе встрѣчаютъ въ устьѣ Днѣпра жителей Корсуна (Херсона) ловящими рыбу, то недолжны имъ ни въ чемъ вредить.—Неимѣютъ права Рускіе зимовать въ устьѣ Днѣпра, ни въ Бѣлобережьи, ни у св. Елевферія, а какъ наступитъ осень должны возвращаться до-

мой въ Русь — Въ случаѣ, если Черные Болгаре придутъ и начнутъ опустошать область Корсунскую, то, понашему царей приказанію, князь Рускій не долженъ допускать ихъ дѣлать вредъ тѣмъ мѣстамъ. Если кто либо изъ Грековъ, находящихся подъ властью царскою, напроказничаетъ что нибудь, (на Руси), то Рускій князь не имѣетъ права наказать его, но по распоряженію царя онъ подвергнется наказанію, какое заслужилъ. Если Русскій убьетъ христіанина или христіанинъ Рускаго, и убійца попадется въ руки родственниковъ убитаго, то они могутъ мстить за его жизнь безнаказанно. Но если сдѣлавшій убійство убѣжитъ, то весь его достатокъ, какой онъ имѣетъ, пусть возьмутъ себѣ родственники убитаго; а если у него не окажется никакого имѣнія, то искать его пока онъ найдется и, какъ найдется, умертвить его. Если или Рускій Грека или Грекъ Рускаго ударитъ мечемъ или копьемъ или инымъ какимъ либо оружіемъ, то за такой проступокъ долженъ заплатить пять литръ серебра по закону Рускому.

Въ случаѣ его несостоятельности, все, что возможно, должно быть продано; самое платье, въ которомъ ходитъ, снято и затѣмъ онъ долженъ присягнуть по своей вѣрѣ, что у него больше нѣтъ ничего и тогда его можно пустить.—Если намъ, царямъ, понадобится войско на нашихъ непріятелей, то мы напишемъ великому князю вашему и онъ пришлетъ намъ сколько потребуется. И это будетъ служить передъ всѣми народами доказательствомъ, какъ велика пріязнь и дружба между Греками и Русскими.—Все условленное написали мы на двухъ бумагахъ; одна останется у насъ, царей: на ней—крестъ и имена наши написаны, а на другой послы ваши и торговые люди. Они, уѣзжая отсюда съ посломъ нашимъ царскимъ, должны его проводить къ великому князю русскому Игорю и его людямъ; а тѣ, принявъ бумагу, должны присягнуть вѣрно соблюдать то, въ чемъ здѣсь условились, написавъ эту бумагу, въ которой переписали имена наши. Мы, Русскіе, сколько насъ принявшихъ крещеніе, клялись церковью Св. Иліи въ соборной церквѣ, на святомъ крестѣ Господнемъ и этой бумагѣ соблюдать все, что въ ней написано, не нарушая ни одного условія. А кто нарушитъ съ нашей стороны—князь ли другой ли кто, принявшій ли крещеніе, или не принявшій—пусть не имѣетъ помощи отъ Бога и пусть будетъ рабомъ въ этотъ вѣкъ и въ будущій и пусть погибнетъ отъ своего оружія. Русскіе, не принявшіе крещенія, кладутъ щиты свои и мечи обнаженные, наручники свои и прочее оружіе и должны дать клятву во всемъ написанномъ на этой бумагѣ, что

оно будетъ соблюдено Игоремъ, всѣми его вельможами и всѣми людьми земли Русской на всѣ предбудущія времена. А если кто или отъ князей или отъ людей, русскихъ, какъ христіанъ, такъ и нехристіанъ нарушитъ то, что написано въ этой бумагѣ, заслужитъ умретъ отъ своего оружія, навлечетъ на себя проклятіе Бога и Перуна тѣмъ, что нарушитъ эту клятву. Пусть будетъ все хорошо, и великій князь Игорь пусть сохранитъ искреннюю пріязнь и она останется не нарушенною, пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ, и въ нынѣшній вѣкъ и въ будущій.

Послы Игоревы, имъ отправленные въ Греческую землю, вернулись вмѣстѣ съ послами греческими и передали все, что говорилъ царь Романъ. Игорь позвалъ Греческихъ пословъ и сказалъ имъ: «говорите, что вамъ наказалъ царь»? Послы царя отвѣтили: «царь насъ прислалъ къ тебѣ, радъ онъ миру, хочетъ жить въ дружбѣ и пріязни съ княземъ Русскимъ. Твои послы были свидѣтелями клятвы нашихъ царей, а насъ прислали взять клятву съ тебя и людей твоихъ». Игорь далъ слово это сдѣлать; на другой день, призвавъ пословъ, пошелъ онъ съ ними на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ. Тутъ онъ и его сопровождавшіе положили оружіе свое, щиты, всѣ золотыя вещи, какія на нихъ были. Игорь и люди его, сколько ихъ было язычниковъ, дали клятву по своему обряду. Русскихъ, принявшихъ Св. Крещеніе, приводили къ присягѣ въ церквѣ Св. Иліи, что надъ ручьемъ, въ концѣ улицы Пасынковой и Козарской. То была соборная церковь; между Варягами было уже очень много Христіанъ.—Игорь, утвердивъ мирный договоръ съ Греками, отпустилъ ихъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, воскомъ и рабами. Послы, возвратясь къ царямъ, передали всѣ, что говорилъ Игорь, и засвидѣтельствовали о его дружественномъ расположеніи къ Грекамъ. — Игорь началъ княжить въ Кіевѣ, живя въ мирѣ со всѣми окрестными странами. Наступила осень; Игорь началъ подумывать о походѣ на Деревлянъ, какъ бы съ нихъ собрать дани побольше.

945 г.

Въ этомъ году дружина Игоря сказала ему: «вотъ Свѣнельдовы люди запаслись и оружіемъ и одеждами; а у насъ нѣтъ ничего: князь, пойдемъ съ тобою за данью: и ты что-нибудь себѣ добудешь, и мы». Игорь ихъ послушалъ, отправился въ землю Деревлянъ за данью; онъ прибавилъ къ той, что была прежде, да и дѣлалъ насиліе и самъ и люди его. Собравъ дань, пошелъ было въ

свой городъ. На обратномъ пути передумалъ онъ и сказалъ своей дружинѣ: «идите съ данью домой, а я вернусь, похожу еще». Отпустивъ дружину въ Кіевъ, Игорь съ небольшимъ числомъ людей, отправился назадъ въ землю Деревлянъ, жадничая побольше награбить. Деревляне, услыхавъ, что онъ идетъ назадъ, на совѣтѣ съ княземъ своимъ Маломъ порѣшили такъ: «повадится волкъ къ овцамъ, все стадо перетаскаетъ, если его не убьютъ. Такъ и Игорь; всѣхъ насъ онъ погубитъ, если мы не убьемъ его самого». Деревляне послали сказать Игорю: «зачѣмъ идешь ты къ намъ снова. Вѣдь ты всю дань уже забралъ»? На ихъ слова Игорь не обратилъ никакого вниманія и Деревляне, выйдя изъ города Коростѣня, убили его и людей, какіе были съ нимъ; ихъ было немного. Похоронили Игоря; могила его существуетъ и понынѣ въ землѣ Деревлянъ у города Коростѣня.—Ольга находилась въ то время въ Кіевѣ съ малолѣтнымъ сыномъ своимъ Святославомъ. Воспитателемъ его былъ Асмудъ, а начальникомъ войска Свѣнельдъ; онъ же отецъ Мистишинъ. Деревляне сказали сами себѣ: «Вотъ убили мы русскаго князя; теперь вдову его Ольгу возьмемъ за нашего князя Мала; Святославъ не минуетъ нашихъ рукъ и мы съ нимъ что захотимъ, то и сдѣлаемъ».—Выбравъ изъ среды своей лучшихъ 20 человѣкъ, Деревляне послали ихъ къ Ольгѣ въ лодкѣ; они приплыли и стали въ лодкѣ подъ Боричевымъ. Въ то время Днѣпръ текъ подлѣ самой горы Кіевской и на Подолѣ жилья не было вовсе, а по горѣ—городъ и Кіевъ (т. е. обгороженное, укрѣпленное его мѣсто) находился тамъ, гдѣ теперь дворы Гордятинъ и Никифоровъ. Домъ князя находился въ городѣ, гдѣ теперь дворы Воротиславовъ и Чюдинъ. Перевозъ былъ внѣ города, и за городомъ былъ еще другой княжескій домъ, гдѣ теперь дворъ Доместиковъ за храмомъ Св. Богородицы; надъ горою дворъ теремный и тутъ былъ каменный теремъ (дворецъ). Ольгѣ сказали, что пришли Деревляне и она позвала ихъ къ себѣ сказавъ, «въ добрый часъ пожаловали гости». Деревляне отвѣтили: «да, мы пришли княгиня.»

Ольга сказала: «скажите, зачѣмъ вы пришли сюда»? Древляне отвѣтили: «насъ послала земля Деревьская съ такимъ наказомъ: мы убили твоего мужа за то, что онъ, какъ волкъ хищный, хваталъ и грабилъ, а наши князья добрые; при нихъ благоденствуетъ земля Деревьская. Иди замужъ за нашего князя Мала»—такъ звали деревлянскаго князя.—Ольга сказала имъ: «слова ваши мнѣ пріятны; вѣдь мнѣ мужа уже не воскресить, но я хочу на завтрешнее утро оказать вамъ почесть передъ людьми моими. Теперь иди-

те въ лодку вашу и ляжьте въ ней, величаясь; а когда я завтра утромъ пришлю за вами, то вы скажите: ни на коняхъ не поѣдемъ, ни пѣши не пойдемъ, а понесите насъ въ лодкѣ—и васъ понесутъ въ лодкѣ».—Ольга велѣла выкопать большую и глубокую яму на дворѣ терема или загороднаго дворца. На другой день Ольга, сидя въ теремѣ, послала за Деревлянами и люди ея, прійдя, сказали имъ: «Ольга зоветъ васъ на великую почесть». Тѣ отвѣтили: «ни на коняхъ не ѣдемъ, ни пѣши не идемъ, а понесите насъ въ лодкѣ». Кіевляне отвѣтили на это: «намъ пришла крайность; князя нашего убили, а княгиня наша хочетъ идти замужъ за вашего князя»,—и понесли Деревлянъ въ лодкѣ. Тѣ сидѣли и всячески гордились и важничали. Принеся на дворъ къ Ольгѣ, бросили лодку со всѣми сидѣвшими въ ней въ яму. Заглянула туда Ольга и спросила: «ну что, хороша вамъ почесть?»—«Нѣтъ, отвѣтили тѣ,—нашъ конецъ похуже Игорева». Такъ живыми Ольга и велѣла ихъ засыпать, что и было исполнено.—Затѣмъ Ольга послала къ Деревлянамъ сказать имъ: «коли взаправду просите вы меня замужъ за вашего князя, то пришлите людей по значительнѣе; пусть съ большею честью прійду я къ вашему князю, а иначе не пустятъ меня Кіевляне». Услыхавъ это, Деревляне выбрали лучшихъ людей, которые заправляли Древлянскою землею и послали за Ольгою. Когда Деревляне пришли, то Ольга приказала имъ прежде сходить въ баню; она сказала такъ: «вымывшись приходите ко мнѣ». Баню истопили жарко-прежарко. Деревляне вошли въ нее и начали мыться. Двери бани за ними заперли снаружи и ее, по приказанію княгини, зажгли отъ дверей, и Деревляне всѣ тутъ сгорѣли.—Затѣмъ Ольга послала къ Деревлянамъ сказать такъ: «вотъ я уже иду къ вамъ; приготовьте много меду въ городѣ, гдѣ убили моего мужа; я поплачу надъ гробомъ его и сдѣлаю ему поминки». Деревляне, слыша это, свезли большое количество меду и сварили. Ольга, взявъ съ собою немного воиновъ, идя на-легкѣ, пришла къ гробу Игоря и плакала по бывшемъ мужѣ. Она приказала своимъ людямъ насыпать высокій могильный холмъ. Когда его насыпали, то она отдала приказаніе дѣлать поминки. Затѣмъ Деревляне сѣли пить и Ольга приказала своимъ людямъ служить имъ. Деревляне сказали Ольгѣ: «гдѣ наши товарищи, которыхъ мы послали за тобою»?—Она отвѣтила: «Идутъ за мною съ войскомъ бывшимъ мужа моего». Когда Деревляне сдѣлались пьяны, Ольга приказала своимъ людямъ броситься на нихъ, а сама отошла въ сторону, отдавъ приказаніе войску истреблять Деревлянъ.

Ихъ тутъ избили 5000 человѣкъ. Ольга возвратилась въ Кіевъ и воиновъ распредѣлила по мѣстамъ для прокорма.

946.

Начало княженія Святослава. Ольга съ своимъ сыномъ Святославомъ собрала много храбрыхъ воиновъ и двинулась на землю Деревлянъ. Тѣ вышли навстрѣчу. Когда сошлись оба войска, Святославъ бросилъ свое копье въ ряды Деревлянъ, но оно, пролетѣвъ мимо ушей коня, упало у его ногъ,—Святославъ былъ еще ребенкомъ. Тутъ Свѣнельдъ и Асмольдъ сказали: «князь намъ уже сдѣлалъ начало; друзья, не отстанемъ отъ него». Побѣдили они Деревлянъ и тѣ бѣжали и заперлись по своимъ городамъ. Ольга съ своимъ сыномъ устремилась на городъ Коростѣнъ, жители котораго умертвили ея мужа. Она съ своимъ сыномъ стала около города, а Деревляне затворились въ городѣ и упорно бились оттуда; они знали, что они убили князя Игоря и что отдаться значитъ идти на вѣрную гибель.—Все лѣто простояла подъ городомъ Ольга и не могла его взять. Она задумала такъ: послала къ городу сказать: «чего дождаться хотите вы? Всѣ ваши города уже покорились мнѣ и взялись платить дань; спокойно теперь обрабатываютъ они свои нивы и земли, а вы хотите помереть голодомъ лишь бы не платить дани». Деревляне на это отвѣтили: «съ радостью обязались бы мы платить дань, но вѣдь ты хочешь отмстить за мужа своего».—На это имъ Ольга сказала: «я уже отомстила за обиду моего мужа, когда вы приходили къ Кіеву разъ и два, когда дѣлала поминки по мужѣ моемъ, а теперь не хочу болѣе мстить, но хочу брать съ васъ небольшую дань и, помирившись съ вами, вернусь домой».—Деревляне отвѣтили: «чего ты хочешь отъ насъ? Съ радостью дадимъ мы тебѣ мѣховъ и меду». На это имъ Ольга сказала: «теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, но я попрошу у васъ бездѣлицы: дайте мнѣ отъ двора по три голубя и по три воробья. Я не намѣрена подражать моему мужу и обременять васъ тяжелою данью; но беру съ васъ бездѣлицу, потому что средства ваши истощились въ осадѣ и потому-то требую съ васъ малости». Деревляне были рады: они собрали со двора по три голубя и по три воробья и послали къ Ольгѣ съ благодарностью. Ольга имъ велѣла сказать: «вотъ вы теперь изъявили уже покорность мнѣ и сыну моему; идите назадъ въ городъ, а завтра отступлю отъ города и вернусь въ свой городъ». Деревляне съ радостью пришли домой, передали своимъ согражданамъ слова

Ольги, и тѣ раздѣлили ихъ радость. Ольга раздала воинамъ кому по голубю, а кому по воробью и приказала каждому привязать на нитку къ птичкѣ кусокъ сѣры, завернутый въ небольшой платокъ; а когда смерклось, Ольга велѣла своимъ воинамъ пустить голубей и воробьевъ. Тѣ полетѣли въ свои гнѣзда: голуби въ голубятники, а воробьи подъ крыши. Такимъ образомъ загорѣлись голубятники, и дома, и сараи и амбары и не было двора, гдѣ бы не горѣло: не возможно было гасить, такъ какъ всѣ дворы загорѣлись; побѣжали жители изъ города и Ольга приказала своимъ воинамъ брать ихъ. Такимъ образомъ она взяла городъ и сожгла его; старѣйшинъ городскихъ отвели въ плѣнъ, а изъ остальныхъ жителей одни были избиты, другихъ раздала Ольга своимъ людямъ въ работники, а остальныхъ обложила данью, и дань та была тяжелая: двѣ ея части шли въ пользу Кіева, а третья часть Вышегорода, составлявшаго собственность Ольги. Она съ своимъ сыномъ, въ сопровожденіи войска, отправилась по землѣ Деревлянъ, опредѣляя обязанности жителей и платимую ими дань; показываютъ и теперь мѣста, гдѣ она стояла лагеремъ и занималась охотою. Она вернулась въ Кіевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ и, пробывъ тамъ годъ,

въ 947 году

отправилась въ Новгородъ, установила по Мстѣ округа и повинности и по Лугѣ оброки и дани. По всей области показываютъ мѣста, гдѣ она занималась охотою; она оставила повсюду слѣды своего пребыванія; а въ Псковѣ и по это время стоятъ ея сани; она установила перевозы по Днѣстру и Десне и село ея Ольжичи существуетъ и понынѣ. Устроивъ все, она вернулась къ своему сыну и жила съ нимъ душа въ душу.

948—955 гг.

Ольга отправилась въ Грецію и пришла къ Царь-Городу. Тогдашняго царя греческаго звали Цимисхій. Ольга явилась къ нему. Царь замѣтилъ красоту ея и умъ, не скрывалъ своего удивленія къ ея достоинствамъ и послѣ долгаго съ нею разговора сказалъ ей: «заслуживаешь ты быть царицею въ этомъ городѣ вмѣстѣ со мною». Она, поняв въ чемъ дѣло, сказала: «я вѣдь язычница; если хочешь, чтобы окрестилась, то крести меня самъ; а если ты откажешься, то и я не крещусь».—Крестили ее царь съ патріархомъ. Осѣненная благодатью христіанства, Ольга радовалась душою и

тѣломъ. Патріархъ сдѣлалъ ей наставленіе въ вѣрѣ и сказалъ ей: «благословенна ты въ женщинахъ русскихъ за то, что ты полюбила свѣтъ, а тьму оставила. Сыны русскіе будутъ благословлять тебя въ самомъ отдаленномъ родѣ твоихъ внуковъ». Преподалъ онъ ей уставы Церкви, относительно молитвы и поста, милостыни и сохраненія чистоты тѣлесной. Она, наклонивъ голову, стояла какъ губка, впитывающая влагу,—такъ она принимала въ себя поученіе. Затѣмъ она поклонилась патріарху и сказала: «молитвы твои, владыка, пусть сохранятъ меня отъ козней лукаваго». Ольга въ крещеніи наименована Еленою по имени древней царицы, матери Константина Великаго. Патріархъ благословилъ ее и отпустилъ. Послѣ крещенія царь ее позвалъ и сказалъ ей: «хочу взять тебя женой». Она ему сказала: «какъ же ты хочешь жениться на мнѣ, окрестивъ меня самъ и назвавъ меня дочерью, а у христіанъ нѣтъ такого закона,—ты самъ то знаешь». Царь на это замѣтилъ: «ну перехитрила ты меня, Ольга». Онъ далъ ей много даровъ, золота и серебра, дорогихъ тканей и различныхъ сосудовъ и отпустилъ ее, наименовавъ своею дочерью.—Ольга, отправляясь домой, пришла къ патріарху; она просила благословить ея въ путь и сказала ему: «сынъ мой и мои подданные—язычники. Какъ бы Господь соблюлъ меня ото всякаго зла». Патріархъ ей отвѣтилъ: «дочь моя вѣрная! Ты крестилась во Христа и во Христа облеклась и Онъ тебя сохранитъ, какъ сохранилъ когда-то Эноха изъ числа прародителей, потомъ Ноя въ ковчегѣ, Авраама отъ Авимелеха, Лота отъ жителей Содома, Моисея отъ Фараона, Давида отъ Саула, трехъ отроковъ отъ огня печнаго, Даніила отъ звѣрей хищныхъ; такъ и тебя избавитъ отъ происковъ лукаваго».—Патріархъ благословилъ ее и она отправилась съ миромъ въ свою землю и пришла въ Кіевъ. Случилось это точно также, какъ при царѣ Соломонѣ приходила Эѳіопская царица къ нему, хотя слышать мудрую его бесѣду, и она на дѣлѣ видѣла доказательства великой мудрости. Такъ и эта блаженная Ольга искала истинной мудрости Божіей; та (царица еѳіопская) человѣческой, а эта (Ольга)—Божіей. А кто ищетъ мудрости, тотъ ее и находитъ. Премудрость воспѣвается при всѣхъ выходахъ, она смѣло сопровождаетъ на пути, проповѣдуетъ съ крайнихъ зубцовъ стѣнныхъ, смѣло говоритъ въ городскихъ воротахъ. Не имѣющіе злобы—во все время, пока держатся за правду, не получатъ стыда. А эта блаженная Ольга съ малыхъ лѣтъ на этомъ свѣтѣ искала мудрости и нашла неоцѣнимое сокровище: оно-то и есть Христосъ. Соломонъ сказалъ: «помыслы

людей добрыхъ составляютъ ихъ высшее наслажденіе; движенія сердца твоего управляй разумомъ. Премудрость любитъ тѣхъ, кто ее любитъ и ищущіе ее—находятъ. Господь сказалъ: приходящихъ ко мнѣ отгонять не стану».

Ольга вернулась въ Кіевъ и царь греческій прислалъ къ ней сказать: «ты получила отъ меня много подарковъ и говорила ты мнѣ: вотъ, когда вернусь я на Русь, то пришлю тебѣ большіе дары: рабовъ, воску и мѣховъ и воиновъ на помощь». Ольга такой дала отвѣтъ посламъ: «скажите царю, если онъ постоитъ у меня въ Почайнѣ столько же, сколько я стояла у него въ гавани, то тогда дамъ то что проситъ». Съ такими словами отпустила она пословъ Ольга жила съ сыномъ своимъ Святославомъ и внушала ему креститься; но тотъ и слышать не хотѣлъ; а если кто хотѣлъ креститься, то ему не мѣшали, но издѣвались надъ нимъ. Для невѣрныхъ христіанская вѣра есть юродство; не понимаютъ они ее и находясь во тмѣ, не обнимаютъ ее разумомъ, не вѣдаютъ они славы Господней; огрубѣли ихъ сердца, тяжело проникаютъ слова истины въ ихъ слухъ и глаза закрываются для ея свѣта. Соломонъ сказалъ: «далеки отъ смысла дѣла нечестивыхъ: призывалъ я васъ, и вы меня не послушали, обращалъ я къ вамъ слово мое, и вы ему не вняли, совѣты мои отвергли, на мои обличенія не обратили вниманія. Возненавидѣли вы премудрость, удалились отъ страха Господня, моихъ совѣтовъ не захотѣли слушать и надъ моими внушеніями издѣвались».—Ольга часто говорила: «сынъ мой, я узнала Бога и радуюсь и ты, какъ Его узнаешь, начнешь радоваться». Святославъ, не внималъ этому и говорилъ: «ну какъ мнѣ одному принять чужой законъ; моя же дружина станетъ надо мною смѣяться».—Ольга на это ему возразила: «если ты крестишься, то и всѣ послѣдуютъ твоему примѣру». Но Святославъ не слушалъ матери, слѣдовалъ языческимъ обычаямъ, не зная, что кто матери не слушаетъ, въ бѣду впадетъ. И сказано: «если кто отца или мать не послушаетъ, тотъ приметъ смерть». А Святославъ кромѣ того и сердился на мать. Соломонъ сказалъ: «кто захочетъ научить людей дурныхъ (злыхъ) только себѣ навлечетъ непріятность. Кто станетъ обличать нечестиваго, повредитъ себѣ. Для нечестивыхъ оскорбительно обличеніе; не обличай злыхъ, чтобы они не возненавидѣли тебя».—Ольга не переставала любить сына своего Святослава и говорила: «да будетъ воля Божія! Захочетъ Господь помиловать родъ мой и Русскую землю, то самъ положитъ ему на сердце обратиться къ Богу, какъ и меня удостоилъ этого по Своей благо-

дати». Говоря это, она проводила и дни и ночи, молясь за сына и людей своихъ, а о сынѣ заботилась до его совершеннолѣтія.

955—964 гг.

Выросъ и возмужалъ князь Святославъ. Онъ началъ собирать въ большомъ числѣ храбрыхъ воиновъ. Какъ леопардъ, живой и быстрый въ движеніяхъ, онъ все время проводилъ въ воинскихъ походахъ. Тутъ не бралъ съ собою обозовъ, ни котловъ, мяса не варилъ, но, разрѣзавъ на тонкія куски лошадиное мясо, или звѣриное, или говяжее, пекъ его на угольяхъ и потомъ ѣлъ; не было у него шатра, но подстилалъ чепракъ (подкладь), а въ голову клалъ сѣдло. Каковъ былъ вождь, таковы всѣ и его воины. Святославъ послалъ по всѣмъ сосѣднимъ странамъ сказать: «иду на васъ войною». Пошелъ онъ на рѣки Оку и Волгу, нашелъ тамъ Вятичей и сказалъ имъ: «кому вы платите дань»?—Тѣ отвѣтили: «платимъ Козарамъ по шелягу отъ сохи».

963 г.

Святославъ пошелъ противъ Козаровъ. Услыхавъ о томъ, Козары вышли къ нему навстрѣчу съ своимъ княземъ Каганомъ. Схватились биться и въ происшедшемъ сраженіи Святославъ побѣдилъ Козаровъ и взялъ ихъ городъ Бѣлую Вежу. Затѣмъ Святославъ побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ.

966 г.

Святославъ побѣдилъ Вятичей и наложилъ на нихъ дань.

967.

Святославъ пошелъ къ берегамъ Дуная на Болгаръ. Сразились обѣ стороны. Святославъ побѣдилъ Болгаръ и занялъ восемьдесятъ городовъ по Дунаю. Онъ поселился въ Переяславцѣ и сталъ тутъ княжить, а съ Грековъ бралъ дань.

968.

Въ первый разъ пришли Печенѣги на землю Русскую. Святославъ въ то время находился въ Переяславлѣ, а Ольга заперлась въ городѣ Кіевѣ съ своими внуками: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги окружили городъ громадными полчищами; безчисленное множество ихъ было около города; не было возможности ни выйдти изъ него, ни послать извѣстія; жители изнемогали отъ голода и жажды. На той сторонѣ Днѣпра собрались люди въ лодкахъ

и стояли тамъ и не возможно было ни имъ войдти въ городъ, ни изъ города прійдти кому-либо къ нимъ. Вотъ жители города засуетились; они говорили: не найдется ли кого, кто бы могъ перейдти на ту сторону и дать туда знать: если намъ не помогутъ до утра, то мы отдадимся Печенѣгамъ». Одинъ молодой человѣкъ сказалъ: «я перейду (на ту сторону). Ему сказали: «иди». Онъ вышелъ изъ города, держа узду въ рукахъ и бѣжалъ мимо Печенѣговъ, спрашивая: «не видалъ ли кто моего коня». Онъ умѣлъ говорить какъ Печенѣги и потому тѣ сочли его за своего. Дойдя до берега Днѣпра, онъ сбросилъ платье, бросился въ рѣку и поплылъ. Печенѣги видѣли это и бросились къ берегу, стрѣляя въ него, но ничего не могли сдѣлать. А Русскіе, бывшіе на томъ берегу, увидали его, выплыли навстрѣчу ему въ лодкѣ и перевезли его къ товарищамъ. Онъ имъ сказалъ. «если вы завтра не подойдете къ городу, то жители его хотятъ отдаться Печенѣгамъ». Тогда начальникъ войска Претичъ высказался такъ: «завтра мы подойдемъ въ лодкахъ и, схвативъ княгиню и дѣтей княжескихъ, утащимъ ихъ на эту сторону Днѣпра; если же мы этого не сдѣлаемъ, то погубитъ насъ Святославъ». На другой день на разсвѣтѣ Русскіе сѣли въ лодки и стали громко играть въ трубы; жители города отвѣтили имъ криками. Печенѣги, полагая, что то пришелъ Святославъ, побѣжали отъ города въ разныя стороны, а Ольга со внуками и приближенными вышла къ судамъ. Видя это, князь печенѣжскій воротился одинъ къ воеводѣ Претичю и сказалъ: «кто это пришелъ»?— Ему отвѣчали: суда съ той стороны Днѣпра.—И сказалъ Претичю князь печенѣжскій: «а ты князь»? Претичъ отвѣчалъ: «нѣтъ, я только его слуга и пришелъ съ передовымъ отрядомъ, а за мною идетъ князь съ главнымъ войскомъ и людей съ нимъ многое множество». Такъ Претичъ говорилъ, желая напугать Печенѣговъ.— Тогда князь Печенѣжскій сказалъ Претичю: «будь мнѣ другъ». Тотъ отвѣтилъ: «я такъ сдѣлаю». Подали они другъ другу руки. Князь Печенѣжскій подарилъ Претичю коня, саблю, стрѣлы, а тотъ далъ ему: броню, щитъ и мечь. Печенѣги отступили отъ Кіева, но невозможно было коня напоить, потому что они стояли на Лыбеди.—Кіевляне послали сказать Святославу: «ты, князь, домогаешься чужой земли и владѣешь ею, а своею пренебрегъ; чуть было Печенѣги не взяли насъ и мать твою и дѣтей. Если же ты не придешь и не станешь намъ оборонною, то Печенѣги въ другой разъ насъ возьмутъ. Неужели не жаль тебѣ отцовскаго наслѣдія, ни матери твоей, уже старухи, ни дѣтей твоихъ»? Услыхавъ такую

рѣчь, Святославъ поспѣшно сѣлъ на коней съ войскомъ своимъ, пришелъ къ Кіеву, привѣтствовалъ мать и дѣтей своихъ. Съ негодованіемъ и жалостью услыхалъ онъ о томъ, что было отъ Печенѣговъ, собралъ воиновъ, прогналъ Печенѣговъ въ степь и затѣмъ былъ миръ.

969 г.

Святославъ сказалъ своей матери и знатнѣйшимъ людямъ (боярамъ): «не нравится мнѣ быть въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Тамъ-то средина земли моей; туда сходится все лучшее: отъ грековъ идутъ туда: золото, дорогія ткани, вина, овощи и плоды разнаго рода; изъ Чехіи и Венгріи серебро и кони, изъ Россіи мѣха, воскъ, медъ и рабы». Ольга на это ему отвѣтила: «ты видишь, что я больна, какъ же ты хочешь меня оставить? (а она уже захворала) Похоронивъ меня, иди куда хочешь». Черезъ три дня умерла Ольга; ее оплакали и сынъ и внуки и всѣ люди горькими слезами, отнесли и похоронили ее на мѣстѣ ею назначенномъ. Она приказала не дѣлать надъ нею поминковъ по языческому обычаю; а при ней находился христіанской священникъ: онъ ее и хоронилъ —Блаженная Ольга была предвѣстницею крещенія земли нашей, какъ заря передъ солнцемъ. Она свѣтила какъ луна ночью, и середи непросвѣщенныхъ крещеніемъ людей она была какъ бисеръ въ сору. Нечисты были люди не омытые святымъ крещеніемъ. А Ольга омылась святою купелью, совлекла съ себя грѣховную одежду стараго человѣка Адама и облеклась въ Новаго Адама, а онъ есть Христосъ. Обращаясь къ ней, станемъ говорить: радуйся русское познаніе Бога; въ тебѣ залогъ примиренія нашего съ Богомъ. Первая изъ Русскихъ вошла она въ царство небесное, а потому сыны русскіе пусть хвалятъ ее какъ начальницу; по смерть свою молила она Бога за Русь. Праведныя души не умираютъ и Соломонъ сказалъ: слыша хвалу праведнаго, веселятся люди; его память безсмертна; незабвенна она и Богомъ и людьми. Такъ и Ольгу прославляютъ всѣ люди, видя ее тѣло невредимымъ столько лѣтъ. И пророкъ сказалъ: «прославлю прославляющихъ меня». О такихъ-то людяхъ Давидъ сказалъ: «Праведникъ будетъ вѣчно памятенъ; дурнаго слуха не устрашится онъ; его сердце готово возлагать свою надежду на Господа; онъ твердъ и измѣнить себѣ не можетъ».—А Соломонъ сказалъ: праведники живутъ всегда; награда имъ и устройство судьбы ихъ отъ Вышняго, а потому-то примутъ они отъ руки Господа награду за свои достоинства, вѣнецъ истиннаго царства и Господь рукою своею

покроетъ ихъ и силою своею защититъ, какъ и эту нашу блаженную Ольгу защитилъ отъ врага и противника всего добраго—діавола.

970 г.

Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега въ землѣ Деревлянъ. Въ это же время пришли жители Нова-Города, прося себѣ князя: «если же вы къ намъ не пойдете, то мы сыщемъ себѣ князя»—такъ они говорили. Святославъ на это имъ отвѣчалъ: «пойдетъ ли еще кто къ вамъ»?—Ярополкъ и Олегъ отказались, а Добрыня сказалъ: «просите Владиміра». Владиміръ былъ сыномъ Святослава отъ Малуши, ключницы Ольгиной, а та была сестрою Добрыни. Отецъ ихъ былъ Малкъ, изъ города Любеча. Такимъ образомъ Добрыня приходился Владиміру дядею по матери. Новгородцы сказали Святославу: «дай намъ Владиміра». Святославъ отвѣтилъ: «вотъ онъ вамъ готовъ». Новгородцы взяли къ себѣ Владиміра и тотъ, съ дядею своимъ Добрынею, пошелъ въ Новгородъ, а Святославъ отправился въ Переяславецъ.

971 г.

Святославъ пришелъ къ Переяславцу, но Болгаре заперлись въ городѣ. Они вышли на бой противъ Святослава, и одолѣвали уже Болгаре. Тогда Святославъ сказалъ воинамъ: «здѣсь намъ должно пасть, умремъ же какъ мужи, братья и дружина»! Къ вечеру побѣдилъ Святославъ и взялъ городъ приступомъ.—Затѣмъ послалъ онъ къ Грекамъ сказать: «хочу идти на васъ и взять Царь-Городъ какъ и взялъ Переяславецъ». Греки отвѣтили: «мы не въ силахъ тебѣ сопротивляться, но возьми дань на людей твоихъ и скажи намъ, сколько васъ, чтобы намъ изготовить сколько нужно по разсчету. —Святославъ сказалъ имъ: «насъ двадцать тысячъ»; десять тысячъ онъ прибавилъ, такъ какъ Русскихъ было всего 10 тысячъ. Греки приготовили противъ Святослава сто тысячъ человѣкъ и не дали обѣщанной дани. Святославъ пошелъ на Грековъ и тѣ вышли навстрѣчу. Видя ихъ, Русскіе устрашились было несмѣтнаго ихъ числа; но Святославъ имъ сказалъ: «теперь ужь намъ дѣться некуда: волею-неволею, а сражаться надобно. Не покроемъ же стыдомъ земли Русской, но положимъ здѣсь наши кости. Мертвымъ стыда уже нѣтъ, а если побѣжимъ, то стыдно будетъ намъ и все-таки не уйдемъ отъ врага. Станемъ же храбро: я пойду впередъ васъ, а когда меня убьютъ, то ужь какъ хотите, такъ о себѣ и заботьтесь».—Воины еще отвѣтили: «гдѣ ты сложишь свою

голову, тамъ и мы сложимъ». Русскіе двинулись на бой; онъ былъ упорный. Святославъ одержалъ побѣду и Греки бѣжали. Святославъ пошелъ къ Константинополю, опустошая страну и разрушая города, которые и по нынѣ стоятъ пустыми. Царь созвалъ вельможъ во дворецъ и сказалъ имъ: «какъ намъ поступить? Не можемъ мы бороться съ Святославомъ». Вельможи дали такой совѣтъ: «пошли къ нему дары, попробуемъ — охотникъ ли онъ до золота и дорогихъ матерій»?—Царь послалъ къ Святославу золото и дорогія матеріи съ человѣкомъ умнымъ, сказавъ ему: «наблюдай все—и выраженіе лица его, и слова». Тотъ, взявъ дары, пришелъ къ Святославу. Сказали Святославу, что Греки пришли съ поклономъ. Онъ отвѣтилъ: «приведите ихъ сюда».—Греки вошли и поклонились; они положили передъ Святославомъ золото и матеріи. Святославъ, взглянувъ съ пренебреженіемъ, сказалъ своимъ людямъ: «уберите». Послы вернулись къ царю; тотъ позвалъ вельможъ, и тѣ, что были посылаемы, сказали: «когда мы пришли и отдали дары, то онъ и не взглянулъ, велѣлъ убрать». Тогда одинъ изъ вельможъ сказалъ: «попробуй еще, пошли Святославу оружіе».—Послушали его и послали Святославу мечь и другое оружіе. Когда принесли его къ нему, то онъ началъ хвалить, благодарить и отослалъ привѣтствіе царю. Послы вернулись къ царю, передали ему чего были свидѣтелями. Тогда совѣтники царскіе сказали: «ну, бѣдовый это человѣкъ: о деньгахъ и богатствѣ не заботится, а беретъ оружіе; соглашайся же скорѣе платить дань». Царь послалъ къ Святославу сказать: «не ходи къ Византіи, а возьми дань, какую хочешь». А уже недалеко былъ Святославъ отъ Царь-Города.—Дали Греки дань Святославу; онъ бралъ и на убитыхъ, говоря: «родственники его возьмутъ». Святославъ получилъ тутъ много подарковъ и возвратился съ большою честью въ Переяславецъ. Видя, что у него осталось мало войска, сказалъ самъ себѣ Святославъ: «какъ бы эти хитрые Греки обманомъ не избили и дружину и меня». Много воиновъ погибло у него въ борьбѣ съ Греками, а потому Святославъ рѣшилъ: «идти на Русь и привесть по-больше войска». Онъ отправилъ къ царюословъ въ Деревстръ, гдѣ въ то время находился царь, сказать ему: «хочу съ тобою имѣть твердый миръ и пріязнь». Слыша это, царь былъ радъ и послалъ къ нему дары значительнѣе прежнихъ. Святославъ взялъ дары и началъ совѣтоваться съ своими приближенными; онъ говорилъ: «если мы не заключимъ мира съ царемъ и царь узнаетъ, что насъ мало, то Греки придутъ и осадятъ насъ въ городѣ.

Земля Русская далеко, а Печенѣги намъ враги; откуда намъ ждать помощи? Лучше заключимъ миръ съ царемъ; Греки обязались платить намъ дани: довольно съ насъ этого. Если же царь не выполнитъ взятаго имъ на себя обязательства, тогда мы изъ Руси, снова собравъ большое число воиновъ, пойдемъ къ Царь-Городу».— Понравились дружинѣ эти рѣчи Святослава; послали они лучшихъ людей къ царю; они пришли въ Деревстръ и передали царю слова Святослава. На другой день царь призвалъ пословъ и велѣлъ имъ говорить. Тѣ сказали: «нашъ князь такъ выразился: хочетъ имѣть твердую и непарушимую дружбу съ царемъ греческимъ на все будущее время». Царь обрадовался и велѣлъ письмоводителю всѣ рѣчи пословъ Святославовыхъ записать на бумагѣ. Посолъ началъ говорить, а письмоводитель началъ писать, и вышло такъ:

«Согласно прежняго соглашенія, бывшаго при великомъ князѣ Святославѣ и при Свѣнельдѣ, писано при синкелѣ Θеофилѣ къ царю греческому Іоанну, называемому Цимисхію въ Деревстрѣ, іюля мѣсяца въ 14 индиктъ 6479 г. отъ сотворенія міра.

«Я, князь русскій Святославъ, какъ клялся, такъ на этомъ совѣщаніи подтверждаю клятву мою. Хочу имѣть миръ и прочную дружбу съ царями греческими—съ нимъ Іоанномъ и съ Василіемъ, Константиномъ, и со всѣми вашими людьми—я со всею подвластною мнѣ Русью, вельможами и другими до конца вѣковъ. Никогда не задумаю идти войною на вашу область и воиновъ собирать не буду подговаривать ни на вашу землю, ни на одну изъ тѣхъ, которыя состоятъ подъ владѣніемъ Грековъ, ни на область Корсунскую и сколько тамъ есть городовъ, ни на страну Болгарскую. А если же кто другой задумаетъ идти на ваши земли, то я долженъ ему сопротивляться и бороться съ нимъ. Какъ я клялся царямъ греческимъ и со мною вельможи и вся Русь, да сохранимъ непарушимо то, въ чемъ условились. Если же мы не соблюдемъ чего-либо изъ вышеписаннаго, я и всѣ мои подвластные, то да будемъ прокляты богомъ, въ котораго вѣруемъ—Перуномъ и Волосомъ, богомъ животныхъ; пусть пожелтѣемъ какъ золото и будемъ изрублены нашимъ же оружіемъ. Вѣрьте же тому, что мы сдѣлали въ отношеніи къ вамъ, написали на этой бумагѣ и запечатали своими печатями».

Святославъ, заключивъ миръ съ Греками, отправился въ ладьяхъ къ порогамъ Днѣпровскимъ, и отцовъ воевода начальникъ войска) Свѣнельдъ сказалъ ему: «князь, обойди пороги на коняхъ, такъ какъ тамъ засѣли Печенѣги». Святославъ не послушалъ его, пошолъ

на судахъ. Между тѣмъ, жители Переяславца дали знать Печенѣгамъ: «Святославъ идетъ на Русь; онъ везетъ несмѣтныя сокровища и много плѣнныхъ, а воиновъ съ нимъ немного». Услыхавъ это, Печенѣги заняли пороги; Святославъ пришелъ къ порогамъ и не было ему возможности пройдти черезъ нихъ. Онъ остановился зимовать въ Бѣлобережьи; въ его войскѣ открылся недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и вслѣдствіе этого сильный голодъ, такъ что голову коня продавали по полугривнѣ. Святославъ тутъ зимовалъ, а съ наступленіемъ весны, въ

972 году.

Святославъ двинулся къ порогамъ; на него напалъ Куря, князь Печенѣжскій. Тутъ Святославъ убитъ. Печенѣги взяли голову его и изъ черепа, обдѣлавъ его, сдѣлали чашу и пили изъ нея. А Свѣнельду удалось уйдти въ Кіевъ къ Ярополку; всего княженія Святославова было 28 лѣтъ.

973 г.

Началъ княжить Ярополкъ.

974. 975 г.

Сынъ Свѣнельда, именемъ Лютъ, отправился на охоту и, выйдя изъ Кіева, гнался по лѣсамъ за звѣрями, Олегъ увидалъ его и спросилъ: «кто это такой»? Ему отвѣтили: «Свѣнельдовъ сынъ». Тогда Олегъ, который и самъ занимался охотою, бросился на него и убилъ. Вслѣдствіе этого возникла сильная вражда у Ярополка съ Олегомъ. Свѣнельдъ постоянно твердилъ Ярополку: «иди противъ твоего брата и займи его владѣнія».—И весьма понятно: онъ искалъ отмстить за смерть сына.

976. 977 г.

Ярополкъ выступилъ на Олега, своего брата, въ Древлянскую землю. Олегъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Произошло сраженіе и послѣ упорной битвы Ярополкъ побѣдилъ Олега. Тотъ бросился бѣжать съ своими воинами въ городъ, по имени Вручій. Черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ велъ мостъ. Бѣгущіе столпились на немъ и толкали другъ друга въ ровъ. Такъ и Олега спихнули въ глубокій оврагъ; туда же падало множество воиновъ и лошади, падая, давили людей своею тяжестью. Ярополкъ вошелъ въ городъ Олеговъ, занялъ его земли и послалъ искать брата. Его нигдѣ не

могли найдти и одинъ Деревлянинъ сказалъ: «я видѣлъ, какъ вчера его спихнули съ моста».—Ярополкъ велѣлъ искать тамъ; трупы изъ рва таскали отъ ранняго утра и до полудня и Олега вытащили изъ-подъ груды мертвыхъ тѣлъ, вынесли и положили на коврѣ. Ярополкъ пришелъ, плакалъ надъ нимъ и сказалъ Свѣнельду: «полюбуйся тѣмъ, чего ты добивался»! Олега похоронили у города Овруча и могила его и до сихъ поръ существуетъ въ окрестностяхъ этого города.—Владѣнія Олега достались Ярополку. У него была жена Гречанка. Святославъ привелъ ее изъ Греціи, гдѣ она была монахинею, и такъ какъ она была очень хороша собою, то и отдалъ ее Ярополку. Владиміръ, услыхавъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, оробѣлъ и бѣжалъ за море; а Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ и одинъ владычествовалъ надъ Русью.

978. 979. 980 гг.

Владиміръ съ Варягами пришелъ къ Новгороду и сказалъ намѣстникамъ Ярополка: «идите къ брату моему и скажите ему: Владиміръ идетъ на тебя; готовься съ нимъ сразиться». Владиміръ остался въ Новгородѣ и послалъ въ Полоцкъ къ Рогволоду сказать: «хочу дочь твою взять за себя замужъ». Тотъ спросилъ дочь: «хочешь ли идти за Владиміра»? та отвѣтила: «не хочу разуть сына рабы, а желаю быть женою Ярополка». Рогволодъ пришелъ изъ-за моря и господствовалъ въ Полотскѣ, а въ Туровѣ владѣлъ Туръ, отъ котораго и пошло названіе Туровцевъ. Посланные Владиміра вернулись къ нему и передали слова Рогнѣды, дочери Рогволода, полоцкаго князя. Владиміръ собралъ множество воиновъ, Варяговъ, Славянъ, Чюди и Кривичей, и пошолъ на Рогволода. Въ это время собирались Рогнѣду весть къ Ярополку (въ замужество . Владиміръ пришелъ къ Полоцку, убилъ Рогволода и двухъ его сыновей, а дочь его взялъ къ себѣ женою и двинулся на Ярополка. Владиміръ пришелъ къ Кіеву съ большимъ числомъ воиновъ. Ярополкъ не былъ въ состояніи оказать ему сопротивленія и заперся въ Кіевѣ съ своими приверженцами и воеводою Блудомъ. Владиміръ стоялъ съ войскомъ въ урочищѣ Дорогожичи, между Дорогожичемъ и Капичемъ, и обвелъ свой лагерь ровомъ, который существуетъ и до сихъ поръ. Владиміръ послалъ къ Блуду, воеводѣ Ярополка, сказать съ коварнымъ умысломъ: «посодѣйствуй мнѣ: если я убью моего брата, то ты мнѣ будешь вмѣсто отца и получишь отъ меня самую большую почесть. Не я началъ уби-

вать братьевъ, а онъ; если я и началъ войну, то за спасеніе собственной жизни». Блудъ сказалъ посланнымъ Владиміра: «искренно буду тебѣ благопріятствовать».—О злое коварство человѣка! Такъ и Давидъ говоритъ: тотъ-кто раздѣлялъ со мною хлѣбъ, замышлялъ противъ меня обманъ. И этотъ (Блудъ) коварный обманъ задумалъ противъ своего князя.—Далѣе Давидъ говоритъ: обманъ у нихъ на языкѣ. Господи, произнеси свой праведный судъ надъ ними, пусть откажутся они отъ своихъ замысловъ; за множество ихъ нечестія ниспровергни ихъ, Господи, такъ какъ они справедливо заслужили Твой гнѣвъ.—Тотъ же Давидъ сказалъ: человѣкъ, который живетъ обманомъ и домогается крови, не проживетъ и половины своего вѣка. Недобрыя мысли тѣхъ людей, которые совѣтуютъ кровопролитіе. Безумны (неистовы, тѣ, которые, получивъ отъ князя или господина своего честь и дары, составляютъ замыслы на гибель своего же князя. Такіе люди хуже бѣсовъ; такъ и Блудъ предалъ своего князя, получивъ отъ него много почестей и на немъ-то (Блудѣ) лежитъ отвѣтственность за кровь Ярополка.—Блудъ заперся въ городѣ вмѣстѣ съ Ярополкомъ, обманывая его. Онъ часто посылалъ къ Владиміру, совѣтуя ему приступать къ городу враждебно, а самъ замышлялъ умертвить Ярополка; но преступленія этого совершить ему невозможно было при гражданахъ кіевскихъ. Видя невозможность умертвить Ярополка въ Кіевѣ, Блудъ задумалъ обманъ; онъ совѣтовалъ Ярополку не выходить изъ города на бой. Совершенно вымышленно говорилъ Блудъ Ярополку: «Кіевляне пересылаются съ Владиміромъ; они наказываютъ ему: приступай къ городу, мы тебѣ выдадимъ Ярополка. Бѣги лучше изъ Кіева»—такъ говорилъ Блудъ Ярополку. Тотъ послушалъ, бѣжалъ изъ Кіева и заперся въ городѣ Родни, при устьѣ Роси. Владиміръ вошелъ въ Кіевъ, а Ярополка осадилъ въ Родиѣ; сильный былъ тамъ голодъ, такъ что и до сихъ поръ есть поговорка: «вотъ бѣда, такъ бѣда, точно какъ въ Родиѣ». Блудъ сказалъ Ярополку: видишь сколько воиновъ у твоего брата, бороться намъ съ его силою невозможно, заключай съ нимъ миръ». Дѣлать нечего. Ярополкъ согласился, Блудъ послалъ къ Владиміру сказать ему: «желаніе твое сбывается; я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты придумай какъ его убить». Владиміръ, слыша это, вошелъ въ отцовъ дворъ теремный (загородный), о которомъ мы говорили выше, и расположился тамъ съ своею дружиною. Блудъ сказалъ Ярополку: «иди къ брату и скажи ему: что ты мнѣ ни дашь, то я возьму съ готовностью». Ярополкъ пошелъ, а Варяжко ему говорилъ: «не

ходи, князь, тебя убьютъ; бѣги лучше къ Печенѣгамъ и приведи оттуда воиновъ». Ярополкъ его не послушалъ, а пошелъ ко Владиміру, и когда онъ входилъ въ двери, то два Варяга подняли его на мечи подъ мышки. Блудъ затворилъ двери за Ярополкомъ и не допустилъ его воиновъ войдти за нимъ. Такимъ образомъ убитъ Ярополкъ. Варяжко, видя, что Ярополкъ лишился жизни, тутъ же съ княжескаго двора бѣжалъ къ Печенѣгамъ и много воевалъ съ ними противъ Владиміра; съ трудомъ тотъ призвалъ его къ себѣ, давъ ему клятвенное обѣщаніе. Владиміръ раздѣлилъ ложе жены брата, Гречанки—она была въ то время беременна и отъ нея родился Святополкъ. Отъ корня, полнаго грѣха, бываетъ и плодъ зловредный. Такъ и тутъ: во-первыхъ, мать Святополка была монахинею, а во-вторыхъ, Владиміръ соединился съ нею не бракомъ: онъ былъ плодомъ незаконнаго совокупленія и за то его не любилъ и отецъ, что онъ былъ отъ двухъ отцовъ—Ярополка и Владиміра.—Затѣмъ Варяги и сказали Владиміру: «это нашъ городъ и мы его взяли, а потому хотимъ взять съ него выкупъ—по двѣ гривны на человѣка».—Владиміръ имъ отвѣтилъ: «подождите съ мѣсяцъ, пока вамъ соберутъ деньги». Они подождали мѣсяцъ, но Владиміръ и тутъ имъ не далъ денегъ, и сказали ему Варяги: «обманулъ ты насъ, покажи же намъ дорогу въ Грецію».—Владиміръ имъ отвѣтилъ: «идите». Онъ выбралъ изъ нихъ людей по-надежнѣе, по-умнѣе и по-храбрѣе другихъ и раздалъ имъ города (въ управленіе или въ кормленіе); остальные отправились въ Грецію въ Царь Городъ, Владиміръ отправилъ пословъ упредить ихъ и сказать царю: «идутъ къ тебѣ Варяги, не держи ихъ въ городѣ, какъ бы они не сдѣлали какого вреда, какъ то было здѣсь, но разошли ихъ въ разныя стороны, а сюда не пускай ни одного».

Владиміръ началъ княжить въ Кіевѣ одинъ; онъ поставилъ идоловъ на холмѣ за загороднымъ дворцемъ: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усы золотые, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Именуя ихъ богами, приносили имъ жертвы, приводили сыновей своихъ и дочерей и служили бѣсамъ, оскверняли землю своими гнусными обрядами. Русская земля и тотъ холмъ осквернились пролитіемъ крови. Но Господь, Высшее Благо, не пожелалъ смерти грѣшниковъ, и нынѣ на этомъ холмѣ возвышается храмъ Св. Василія, какъ мы скажемъ впослѣдствіи, а теперь возвратимся къ прежнему разсказу: Владиміръ оставилъ дядю своего Добрыню (посадникомъ, намѣстникомъ въ Новгородѣ, и Добрыня, придя туда, поставилъ идола надъ рѣкою Волховомъ

и Новгородцы приносили ему жертвы какъ Богу. Владиміръ былъ весьма чувствителенъ къ прелестямъ женщинъ; у него были жены, взятыя по обряду: Рогнѣда—ее онъ поселилъ на Лыбеди, гдѣ теперь находится сельцо Передиславино; отъ нея имѣлъ онъ четырехъ сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава и Всеволода и двѣ дочери, отъ Гречанки, вдовы Ярополковой—Святополка; отъ Чехини (изъ Богеміи)—Вышеслава; отъ другой—Святослава и Мстислава, а отъ Болгарыни—Бориса и Глѣба. Наложницъ было у Владиміра 300 въ Вышегородѣ и 200 на Берестовомъ, въ сельцѣ, которое теперь называется Берестовымъ. Не могъ онъ насытиться естества женскаго; къ нему приводили женщинъ замужнихъ и дѣвицъ и онъ наслаждался ими. Онъ любилъ женщинъ столько же, сколько Соломонъ, о которомъ пишутъ, что онъ имѣлъ 700 женъ и 300 наложницъ. Мудръ былъ Соломонъ, а наконецъ погибъ, а этотъ Владиміръ—прежде былъ дурнымъ, а потомъ снискалъ себѣ спасеніе. Великъ Господь, велика Его сила, а разумѣнію Его нѣтъ конца. Красота женская—зло, какъ сказалъ о женщинахъ Соломонъ, покаявшись: «не слушай злой женщины; отъ устъ ея—женщины, готовой раздѣлить съ тобою наслажденіе,—истекаетъ медъ, который на время производитъ въ твоемъ пищепріемникѣ пріятное ощущеніе, но впослѣдствіи покажется горьче желчи; а кто къ ней сильно привяжется, того она увлечетъ на смерть въ адъ, не ходитъ она по пути жизни; во всѣхъ поступкахъ своихъ она непостоянна и благоразумію не слѣдуетъ». Такъ выразился Соломонъ о женщинахъ прелестницахъ, а о добрыхъ сказалъ: «выше цѣною самаго дорогаго камня; она постоянный предметъ радости для ея мужа, она самую жизнь дѣлаетъ ему пріятною. Берется за шерсть и ленъ и собственными руками изготовляетъ то, что нужно. Ея дѣятельность также обширна, какъ корабля, ведущаго торговлю, и постоянно собираетъ она богатство. Вставъ съ ранняго утра, раздаетъ она продовольствіе всѣмъ домашнимъ и дѣло служанкамъ; она покупаетъ и дома заводитъ все, что нужно. Крѣпко стянувъ станъ поясомъ, руки свои постоянно упражняетъ работою, по опыту знаетъ она, что работать хорошо, и огонь у ней не гаснтся во всю ночь. Руки свои обращаетъ она на полезное и веретено постоянно у ней движется. Есть у ней что подать и нищему. Мужъ ея, гдѣ бы ни находился, не заботится о домѣ своемъ, всѣ ея окружающіе одѣты, а мужу своему изготовляетъ она всякаго одѣянія по двое и не простаго, а окрашеннаго красною краскою и такую же одежду приготовляетъ и себѣ. Веселъ бываетъ

видъ ея мужа, когда онъ сядетъ у воротъ или на совѣщаніи съ старцами и людями своей земли. Дѣлаетъ она и покровы и отдаетъ ихъ продавать. Ротъ открываетъ со смысломъ и языкомъ своимъ управляетъ благоразумно. Красотою и силою дышетъ она. Ласковое ея обращеніе воспитало дѣтей и сдѣлало ихъ богатыми, и ея мужъ не нахвалится ею. На разумной женщинѣ почиваетъ благословеніе Господа и подъ страхомъ Его живетъ; она а потому и отдавайте ей честь по заслугамъ, и въ обществѣ осыпайте похвалами ея мужа.

981 г.

Владиміръ пошелъ на Ляховъ (Поляковъ) и занялъ ихъ города: Перемышль, Червенъ и другіе города, которые и понынѣ находятся подъ властью Русскихъ. Въ этомъ же году побѣдилъ онъ и Вятичей и положилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ бралъ отецъ его.

982 г.

Вятичи снова начали войну. Владиміръ пошелъ на нихъ и побѣдилъ ихъ во второй разъ.

983 г.

Владиміръ пошелъ на Ятвяговъ, побѣдилъ ихъ и занялъ всю ихъ землю. Онъ вернулся въ Кіевъ и съ людьми своими усердно служилъ идоламъ. --Сказали старики и вельможи: «бросимъ жеребій на молодаго человѣка и дѣвушку, и на кого падетъ жребій, того принесемъ въ жертву богамъ». Былъ одинъ Варягъ и жилище его находилось тамъ, гдѣ теперь церковь Св. Богородицы, построенная Владиміромъ. Этотъ Варягъ пришелъ изъ Греціи; онъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру и у него былъ сынъ, красивый лицемъ и прекрасный душею; на него то, по зависти злаго духа, палъ жребій. Злой духъ, въ то время господствуя надо всѣми, не могъ стерпѣть такого ослушника, который былъ ему какъ терн въ сердцѣ и старался, проклятый, погубить его и научилъ на это людей. Пришли посланные къ нему и сказали: «жребій палъ на твоего сына; полюбился онъ богамъ и имъ въ жертву мы его принесемъ». Варягъ отвѣтилъ: «то не боги, а дерево; сегодня существуетъ, а завтра сгніетъ; они не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ, но сдѣланы руками людей изъ дерева. А есть Единый Богъ, Которому служатъ Греки и ему покланяются. Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды, луну, солнце и человѣка и далъ ему жить на земли; а эти боги что сдѣлали? Они сами сдѣланы, не дамъ сына злымъ

духамъ». Посланные пошли и передали гражданамъ отвѣтъ Варяга. Тѣ, взявъ оружіе, пошли на него; разобрали дворъ около его, а онъ съ своимъ сыномъ стоялъ на сѣняхъ (на крыльцѣ). Ему кричали: «дай сына на жертву богамъ», а онъ отвѣтилъ: «если они дѣйствительно боги, то пусть пришлютъ одного изъ среды своей бога и возьмутъ моего сына, а вы зачѣмъ требуете ранѣе»? Криками негодованія встрѣтили эти слова граждане; они подрубили сѣни. Варягъ съ сыномъ были задавлены обломками и неизвѣстно гдѣ ихъ схоронили. Люди въ то время были невѣжественные и омраченные тьмою язычества; а злой духъ радовался не зная, что близка ему гибель. Онъ старался постоянно губить родъ христіанскій, но въ другихъ странахъ онъ былъ прогоняемъ крестомъ честнымъ; а здѣсь такъ думалось лукавому: тутъ мнѣ жилище: здѣсь ни апостолы не учили, ни пророки не пророчествовали. Незналъ онъ слова пророка: «и назову людей не моихъ людьми моими». А объ апостолахъ сказано: по всей землѣ разошлись ихъ слова и проповѣдь ихъ до крайнихъ предѣловъ обитаемой земли. Хотя тѣломъ и не были здѣсь апостолы, но ученіе ихъ, какъ трубы, звучитъ по всѣмъ краямъ земли въ церквахъ; ихъ ученіемъ побѣждаемъ нашего жестокаго врага и попираемъ его ногами, какъ попрали и эти два наши соотечественника, принявъ небесный вѣнецъ со святыми мучениками и праведниками.

896 г.

Владиміръ отправился на Радимичей; у него былъ воевода (начальникъ, предводитель воиновъ) Волчій Хвостъ, и Владиміръ послалъ его впередъ. На рѣкѣ Пищанѣ встрѣтилъ онъ Радимичей и побѣдилъ ихъ. Съ тѣхъ поръ Русскіе попрекаютъ Радимичей поговоркою: Пищанцы бѣгаютъ волчья хвоста». Радимичи происходятъ отъ рода Ляховъ (Поляковъ). Они пришли, поселились тутъ и платятъ дань Русскимъ, исправляютъ подводную повинность и до нынѣшняго дня.

897 г.

Владиміръ пошелъ на Болгаровъ съ дядею своимъ Добрынею въ лодкахъ, а Торковъ привелъ берегомъ на коняхъ и побѣдилъ Болгаровъ. Добрыня сказалъ Владиміру: «видѣлъ я плѣнныхъ, всѣ они въ сапогахъ; они намъ дани платить не будутъ, а пойдемъ искать тѣхъ, что ходятъ въ лаптяхъ. Владиміръ заключилъ съ Болгарами миръ; обѣ стороны дали другъ другу клятву и Болгаре выразились

при этомъ такъ: «въ такомъ только случаѣ небудетъ между нами мира, когда развѣ камень станетъ плавать на водѣ, а хмѣль тонуть».—Владиміръ вернулся въ Кіевъ.

898 годъ.

Пришли Болгаре магометовой вѣры къ Владиміру и сказали ему: «ты князь—человѣкъ умный и разсудительный, а не знаешь истиннаго закона, вѣруй въ нашъ законъ, поклонись Магомету». Имъ на это отвѣтилъ Владиміръ: «а вы прежде скажите—въ чемъ вашъ законъ». Болгаре сказали: «вѣруемъ въ Бога, а Магометъ насъ учитъ—обрѣзывать сокровенный членъ, не ѣсть свинины, вина не пить, а по смерти постоянное наслажденіе женскимъ естествомъ. Каждому дастъ магометъ по 70 женъ красавицъ, одну изъ нихъ самую красивую выберетъ и на нее возложитъ еще красоту всѣхъ остальныхъ, и ту дастъ женою. Да и здѣсь на земли можно наслаждаться тѣломъ сколько угодно. Кто бѣденъ на этомъ свѣтѣ, будетъ бѣденъ и тамъ». Много и другихъ соблазновъ передавали они, но стыдно и писать о нихъ. Владиміръ слушалъ ихъ со вниманіемъ и съ удовольствіемъ; правилось ему то, что они говорили о женщинахъ: любилъ онъ ихъ и частое наслажденіе съ ними; но не нравились ему: обрѣзаніе члена, не ѣсть свинаго мяса, въ особенности же относительно вина. Онъ сказалъ: «Русскимъ весело пить; мы безъ питья обойтись не можемъ».

Вслѣдъ за Болгарами пришли Нѣмцы; они говорили: «насъ прислалъ папа. Онъ велѣлъ тебѣ сказать: земля твоя такова же, какъ и наша, но вѣра ваша далека отъ нашей. Вѣра наша есть свѣтъ, мы кланяемся Богу, сотворившему небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и все, что дышетъ, а ваши боги это—дерево.—Владиміръ сказалъ: «а въ чемъ ваша заповѣдь?»—Они отвѣтили: «поститься сколько кто въ силахъ; а ѣсть и пить во славу Божію—такъ сказалъ учитель нашъ Павелъ». Владиміръ сказалъ Нѣмцамъ: «идите домой; наши отцы не приняли вашего ученія». Услыхавъ объ этомъ, пришли жиды (Евреи) козарскіе и сказали Владиміру: «мы слышали, что приходили къ тебѣ Болгаре и христіане и хотѣли тѣ и другіе обратить тебя въ свою вѣру, но христіане вѣруютъ въ того, кого мы распяли, а мы вѣруемъ въ единаго Бога-Авраамова, Исаакова и Іаковля». Владиміръ спросилъ ихъ: «а въ чемъ вашъ законъ»? Тѣ отвѣчали: «обрѣзаться, не ѣсть свинины, ни зайцевъ, и соблюдать субботу». За тѣмъ Владиміръ еще спросилъ ихъ: «гдѣ же земля ваша»?—Они отвѣтили: «въ Іерусалимѣ.» И сказалъ

Владимiръ: «и теперь она тамъ»?—«Нѣтъ—отвѣтили Евреи, —прогнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и разсѣялъ ихъ по разнымъ странамъ за наши грѣхи, а нашу землю отдалъ христіанамъ».— Владимiръ сказалъ имъ на это: «какъ вы, отверженные Богомъ и разсѣянные, беретесь учить другихъ? Еслибы пріятны были Богу и законъ вашъ и вы сами, то не разсѣялъ бы Онъ васъ по чужимъ землямъ. Не хотите ли вы, чтобы и насъ постигла та же участь»? За тѣмъ Греки прислали къ Владимiру человѣка мудраго и онъ ему сказалъ: «слышали мы, что приходили Болгаре и внушали тебѣ принять ихъ вѣру, но ихъ ученiе оскверняетъ небо и землю; они изъ всѣхъ людей самые проклятые, они подражаютъ Содому и Гоморѣ, на которыхъ Господь ниспослалъ раскаленные камни и потопилъ ихъ въ озерѣ, во глубинѣ котораго они и остались. Такъ и этихъ послѣдователей Магомета ожидаетъ день ихъ гибели, когда Богъ придетъ судить землю и наказать всѣхъ совершителей беззаконныхъ и позорныхъ дѣяній. Они омываютъ свои заднiя части, потомъ берутъ въ ротъ и по бородѣ мажутся, вспоминаютъ Магомета И женщины ихъ дѣлаютъ такiя же мерзости и еще хуже, а сами они соединяются безразлично и съ мущинами и съ женщинами».—Слышавъ это, Владимiръ плюнулъ на землю и сказалъ: «ну, дѣло это нечистое».—За тѣмъ мудрый Грекъ сказалъ: «слышали мы, что и изъ Рима приходили учить васъ своей вѣрѣ: въ сущности она представляетъ мало разницы съ нашею: служатъ они на прѣсныхъ хлѣбахъ, которые называютъ *оплатками*, а Богъ такъ не велѣлъ, а назначилъ для того употреблять хлѣбы и такъ завѣщалъ Апостоламъ. Взявъ хлѣбъ, Онъ сказалъ: это мое тѣло за васъ приносимое. Онъ же, взявъ чашу, сказалъ: а это кровь моя новаго завѣта. А они — послѣдователи папы — не дѣлаютъ такъ и тѣмъ не исполнили завѣта вѣры». Владимiръ сказалъ: «приходили ко мнѣ Евреи, говоря, что Нѣмцы и Греки вѣруютъ въ Того, Кого мы распяли». Мудрый Грекъ отвѣчалъ: «дѣйствительно, въ Него мы вѣруемъ. О немъ и пророки предсказали, что родится Богъ, а другiе, что будетъ Онъ распятъ и погребенъ, въ третiй день воскреснетъ и взойдетъ на небеса. А Евреи Пророковъ однихъ умерщвляли, другихъ мучили; но пророчество ихъ сбылось: Христосъ сошелъ на землю, принялъ распятiе, воскресъ и взошелъ на небеса. За тѣмъ ждалъ Онъ ихъ раскаянiя 46 лѣтъ, но они не опомнились и не покаялись. Тогда Онъ послалъ на нихъ Римлянъ: тѣ разрушили ихъ города и самихъ разогнали по разнымъ странамъ, гдѣ они и работаютъ на другихъ». Владимiръ спросилъ:

«зачѣмъ же Господь сошелъ на землю и принялъ такое добровольное мученіе»?—Мудрый Грекъ отвѣтилъ: «если ты хочешь послушать, то разскажу тебѣ сначала, зачѣмъ Господь сошелъ наземлю». Владиміръ ему сказалъ: «съ удовольствіемъ послушаю», и тогда мудрецъ сталъ говорить такъ:

«Прежде всего Богъ сотворилъ въ первый день небо и землю. Во второй день сотворилъ Онъ твердь по серединѣ воды; въ этотъ же день раздѣлились воды; половина ихъ поднялась надъ твердью, а другая пошла подъ твердь. Въ третій день Богъ сотворилъ море, рѣки, источники и сѣмена; въ четвертый день солнце, луну и звѣзды, и Богъ украсилъ Небо. Видя это, первый изъ ангеловъ, стоявшій во главѣ ангельскаго строя, замыслилъ самъ въ себѣ и сказалъ: сойду на землю, займу ее, буду подобенъ Всевышнему и воздвигну себѣ престолъ на облакахъ сѣверныхъ». За такіе помыслы Господь свергнулъ его съ неба и одной съ нимъ же участи подвергся весь, находившійся подъ его начальствомъ, десятый строй. Этому ослушнику Всевышняго имя было Сатаніилъ; на мѣсто его Господь поставилъ начальникомъ Михаила, а Сатана, которому не удались его гордые замыслы, утративъ прежнее высокое положеніе, получилъ наименованіе противника Божія. Потомъ въ пятый день Богъ сотворилъ китовъ, рыбъ, гадовъ и птицъ одѣтыхъ перомъ. Въ шестой день Богъ сотворилъ звѣрей, и скотовъ, и гадовъ земныхъ; тутъ же Богъ сотворилъ и человѣка. Въ седьмой день Господь Богъ успокоился отъ своихъ дѣлъ, и это суббота. И насадилъ Богъ рай на Востокѣ въ Эдемѣ, ввелъ туда человѣка, котораго создалъ, и приказалъ ему ѣсть плоды всякаго дерева, какое было въ раю, кромѣ одного дерева, и это дерево было разумѣнія добра и зла. Адамъ находился въ раю, лицезрѣлъ Господа и прославлялъ его вмѣстѣ съ ангелами. Богъ навелъ на Адама сонъ, онъ заснулъ и вынулъ Богъ одно ребро у Адама, сдѣлалъ изъ него ему жену и ввелъ ее къ нему въ рай. Адамъ сказалъ: «это кость отъ моей кости и тѣло отъ моего тѣла, и пусть она называется жена. Адамъ далъ названія скотамъ, и птицамъ, и звѣрямъ, и ползающимъ; а ему съ женою ангелъ повѣдалъ имена. Богъ подчинилъ Адаму звѣрей и скотовъ; онъ обладалъ ими и тѣ его слушали. Злой духъ, видя, что человѣкъ находится въ чести отъ Бога, позавидовалъ ему, принялъ на себя образъ змія, пришелъ къ Евѣ и сказалъ ей: «почему не ѣдите вы плодовъ дерева, которое находится посереди̇нѣ рая»? Жена отвѣчала ему: «недолжны вы ихъ ѣсть, иначе помрете». На это змій сказалъ женѣ: «нѣтъ, вы

не умрете; но Богъ знаетъ, что въ какой день вы попробуете плодовъ этого дерева, въ тотъ глаза ваши раскроются и будете какъ Богъ понимать и зло и добро». Жена видѣла, что красивы плоды дерева и заманчивы на пищу; она взяла и съѣла и мужу своему дала. Когда они поѣли, то раскрылись глаза у нихъ обоихъ; они поняли, что они голы, и сшили себѣ поясъ изъ смоковныхъ листьевъ. И Господь сказалъ Адаму: «проклята земля въ дѣлахъ твоихъ и во всѣ дни жизни твоей ты будешь питаться въ печали». А потомъ сказалъ Господь Богъ: «какъ бы не протянули бы они (люди) руки, и не вкусили бы отъ древа жизни, и стали бы жить во вѣки»—и выгналъ Господь Богъ Адама изъ рая. И сѣлъ онъ напротивъ рая, и плакалъ горько, обработывая землю: а Сатана радовался, что проклята земля: это-то наше первое паденіе, горестное наказаніе, потеря ангельской жизни. Адамъ родилъ Каина и Авеля. Каинъ былъ земледѣлецъ, а Авель пастухъ. Каинъ принесъ Богу въ жертву отъ плодовъ земли, и не приняты были Богомъ его дары. Авель же принесъ первыхъ ягняточекъ отъ своихъ овецъ, и угодно было это приношеніе Господу. Злой духъ вошелъ въ Каина и научилъ его убить Авеля. И Каинъ сказалъ Авелю «пойдемъ въ поле». Когда они пришли, то Каинъ всталъ, хотѣлъ убить брата и не умѣлъ какъ это сдѣлать. И сказалъ ему злой духъ: «возьми камень и ударь его». Тотъ взялъ камень и убилъ брата. Богъ сказалъ Каину: «а гдѣ твой братъ?»—Тотъ отвѣтилъ: «развѣ я караульщикъ моего брата?» И сказалъ Господь: «кровь твоего брата взываетъ ко мнѣ; ты будешь стонать и трястись пока живъ».— Адамъ и Ева плакали, а злой духъ радовался, говоря: «вотъ, кого Богъ почтилъ, а я сдѣлалъ такъ что онъ оставилъ Бога и теперь въ вѣчномъ горѣ.» Тридцать лѣтъ оплакивали Авеля Адамъ и Ева; тѣло его не подвергалось порчѣ, а похоронить его не умѣли. По повелѣнію Божію, прилетѣли двѣ птички: одна тутъ же умерла, а другая вырыла ямку, вложила туда умершаго и похоронила его. Видя это, Адамъ и Ева вырыли яму, положили Авеля и похоронили его съ плачемъ. Адаму было 230 лѣтъ, когда у него родился сынъ Сиѳъ и двѣ дочери; одну взялъ себѣ Каинъ, а другую Сиѳъ, и отъ нихъ то люди расплодились по земли и стало ихъ много. Не было въ нихъ стремленія къ познанію Создавшаго ихъ, занялись развратомъ и всѣмъ нечистымъ, исполнились зависти, стали убивать другъ друга и будучи людьми, жили какъ животныя.—Отъ этого рода былъ только одинъ праведникъ—Ной: у него родилось три сына: Симъ, Хамъ и Іафетъ. И сказалъ Богъ: «духъ

мой не будетъ болѣе оставаться въ этихъ людяхъ. Погублю я все, что сотворилъ отъ человѣка и до всего живаго». Господь сказалъ Ною: сдѣлай ковчегъ въ длину 300 локтей, въ ширину 50, а въ вышину 30 локтей, а локтемъ зовутъ сажень. Въ продолженіи ста лѣтъ Ной дѣлалъ ковчегъ; онъ говорилъ, что будетъ потопъ, но всѣ смѣялись надъ нимъ. Когда Ной окончилъ ковчегъ, то Господь ему сказалъ: «войди ты туда съ женою и сыновьями твоими и женами сыновей твоихъ, и возьми съ собою по парѣ отовсѣхъ животныхъ и ото всѣхъ птицъ и ото всѣхъ пресмыкающихся». Ной исполнилъ повелѣнное Господомъ. Тогда Богъ навелъ на землю потопъ, въ которомъ погибло все живое, а ковчегъ плавалъ по водѣ. А когда вода сошла съ земли, то вышли Ной и сыновья его и жены ихъ и отъ нихъ снова размножились люди. Они всѣ говорили однимъ языкомъ и сказали другъ другу: «построимъ башню до неба.» Они начали строить, начальникомъ у нихъ былъ Неѣродъ. И сказалъ Господь: «вотъ, много завелось людей на земли и пустое замыслили они».—Сошелъ Богъ, изъ одного языка сдѣлалъ 72. Языкъ Адамовъ остался у Авера, такъ какъ онъ одинъ не принялъ участія въ ихъ безразсудномъ замыслѣ и говорилъ такъ: «еслибы угодно было Господу, чтобы люди возвели башню къ небу, то онъ приказалъ бы Самъ строить словомъ, которымъ онъ создалъ небо, землю море, все видимое и невидимое.» Вслѣдствіе этого Аверовъ языкъ остался прежній и отъ него Евреи. Люди, раздѣлясь на 72 языка, разошлись по странамъ и каждый народъ усвоилъ себѣ свои обычаи. Злой духъ научилъ ихъ приносить жертвы рощамъ, колодцамъ и рѣкамъ и не было въ нихъ познанія истиннаго Бога. Отъ Адама и до потопа прошло 2.242 года и отъ потопа до раздѣленія языковъ 529 лѣтъ. Затѣмъ злой духъ ввелъ людей еще въ большее заблужденіе: начали они дѣлать идолы: одни—деревянные, другіе — мѣдные, третіи —мраморные, а нѣкоторые—изъ золота и серебра. Они поклонялись, приводили сыновей и дочерей, приносили ихъ въ жертву передъ идолами, и вся земля была осквернена. Первый изобрѣтатель искусства дѣлать идолы былъ Серухъ; онъ дѣлалъ идолы въ память умершихъ людей, иныхъ бывшихъ царей, другихъ отличившихся храбростью или необыкновенною мудростью и женщинамъ красоты особенной. У Серуха былъ сынъ Ѳара, а Ѳара родилъ трехъ сыновей: Авраама, Нахора и Аррана Ѳара дѣлалъ идоловъ по навыку отъ отца своего. Но Аврааму пришелъ въ сознаніе, посмотрѣлъ на небо, видѣлъ звѣзды и небо и сказалъ: «дѣйстви-

тельно это Богъ, а то-что дѣлаетъ отецъ мой, есть обманъ людей». И сказалъ Авраамъ: «я сдѣлаю испытаніе богамъ отца моего». Обратясь къ отцу,—онъ ему сказалъ: «отецъ, зачѣмъ обманываешь ты людей, дѣлая деревянныхъ идоловъ? Существуетъ Богъ, который сотворилъ небо и землю». Авраамъ взялъ огня и зажегъ идоловъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ они стояли. Аррапъ, братъ Авраамовъ, видѣлъ это и, жалѣя идоловъ, бросился за ними въ огонь и самъ сгорѣлъ и такимъ образомъ умеръ прежде отца; а до этого не умиралъ сынъ прежде отца, а постоянно отецъ предшествовалъ сыну въ могилу; съ того же времени начали и сыновья умирать ранѣе отцовъ.—Богъ полюбилъ Авраама и сказалъ ему: «оставь домъ твоего отца и иди въ землю, которую и тебѣ покажу, и сдѣлаю тебя родоначальникомъ великаго народа, тебя благословятъ всѣ народы земные». Авраамъ поступилъ согласно приказанію Господню. Авраамъ взялъ племянника своего Лота: тотъ вмѣстѣ былъ и братомъ его жены и племянникомъ, такъ какъ Авраамъ женился на Сарѣ, дочери брата своего Аррана, и пришелъ въ землю Ханаейскую къ высокому дубу. Тутъ богъ сказалъ Аврааму: «твоему потомству дамъ эту землю». И поклонился Господу Авраамъ.—Ему въ то время было 75 лѣтъ отъ роду, когда онъ вышелъ изъ Ханаана. Сара была безплодна и такова была ея болѣзнь. Сара сказала Аврааму: «войди къ моей служанкѣ». Сара взяла Агарь, отдала ее мужу. Авраамъ вошелъ къ ней; она понесла и родила сына, котораго Авраамъ назвалъ Измаиломъ. Аврааму было 86 лѣтъ, когда родился Измаилъ. Потомъ понесла и Сара, родила сына и назвала его Исаакъ. Богъ повелѣлъ Аврааму обрѣзать ребенка, что Авраамъ и исполнилъ на восьмой день. Полюбилъ Богъ Авраама и его потомство, назвалъ ихъ людьми своими по преимуществу и отдѣлилъ ихъ отъ другихъ народовъ, какъ свое особое достояніе. Исаакъ пришелъ въ лѣта мужества, когда Авраамъ, проживъ 175 лѣтъ, умеръ и похороненъ. Шестьдесятъ лѣтъ было Исааку, когда у него родились два сына: Исавъ и Іаковъ; первый былъ человѣкъ лукавый, а второй праведный. Этотъ Яковъ служилъ семь лѣтъ дядѣ своему Лавану за его меньшую дочь, и не далъ ее ему Лаванъ, сказавъ: «возьми старшую», и отдалъ ему Лію—такъ звали старшую, а за младшую велѣлъ служить еще 7 лѣтъ. Іаковъ служилъ семь лѣтъ изъ за Рахили и взялъ себѣ въ жены обѣихъ сестеръ; отъ нихъ онъ родилъ восемь сыновей: Рувима, Симеона Левію, Іуду, Исахара, Завулона, Іосифа и Веніамина; да отъ двухъ служанокъ: Дана, Нефталима, Гада и Асира. Отъ нихъ-то размно-

жились (Жиды) Евреи. Іакову было 130 лѣтъ, когда онъ съ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ 63 душъ обоего пола, пришелъ жить въ Египетъ; онъ прожилъ тутъ 17 лѣтъ и померъ. Быстро росло и умножалось его потомство; не понравилось это Египтянамъ и стали они тѣснить Евреевъ работами. Въ это время у Евреевъ родился Моисей, и прорицатели египетскіе сказали царю: «у Евреевъ родилось дитя, которое погубитъ народъ египетскій». Вслѣдствіе этого царь отдалъ приказаніе всѣхъ новорожденныхъ дѣтей еврейскихъ бросать въ рѣку Мать Моисея, опасаясь гибели и своему ребенку, взяла его, положила въ корзиночку, отнесла и поставила на лугу. Въ это время дочь Фараона Фермуѳи пошла купаться; она увидала плачущаго ребенка: жалко ей его стало, взяла она его къ себѣ, назвала Моисеемъ и велѣла кормить. Ребенокъ былъ очень красивъ, и когда ему исполнилось четыре года отъ роду, Фараонова дочь привела его къ отцу. Фараонъ началъ ласкать дитя, но Моисей, ухвативъ царя за шею, уронилъ вѣнецъ съ его головы и потоптал его. Видя это, прорицатель сказалъ царю: «царь, умертви это дитя, если ты его оставишь въ живыхъ, то оно погубитъ весь Египетъ». И непослушался его царь, но даже отдалъ приказаніе не истреблять болѣе еврейскихъ дѣтей. Моисей возмужалъ и игралъ большую роль въ домѣ Фараона; но когда смѣнился царь, то вельможи его возненавидѣли. Моисей убилъ Египтянина, который обижалъ Еврея, бѣжалъ изъ Египта и пришелъ въ землю Мадіамскую. Тутъ странствовалъ онъ по пустыни и ангелъ Гавріилъ научилъ его, какъ былъ созданъ міръ и о первомъ человѣкѣ и что было по немъ, о потопѣ, о смѣшеніи языковъ, о томъ сколько лѣтъ прошло, о движеніи и числѣ звѣздъ, о мѣрѣ земли и вообще преподалъ ему мудрость всякаго рода. Потомъ явился ему Богъ въ кустѣ, объятомъ пламенемъ, и сказалъ ему: «видѣлъ Я бѣдственное положеніе Моихъ людей въ Египтѣ и сошелъ освободить ихъ отъ рукъ Египтянъ. Иди къ Фараону, египетскому царю, и скажи ему: отпусти Израиля совершить трехдневное служеніе Господу Если же царь египетскій не послушаетъ тебя, то накажу его всѣми Моими чудесами». Моисей явился къ Фараону, но тотъ его не послушалъ. и Богъ напустилъ десять казней на Фараона: 1) обратилъ воду рѣкъ въ кровь, 2) жабами. 3) мышами. 4) песьими (собачьими) мухами, 5) скотскимъ падежемъ. 6) горящими прыщами. 7) градомъ. 8) саранчею, 9) трехдневнымъ мракомъ и 10) моровою на людей язвою.— Потому десять казней было послано на Египтянъ, что они въ те-

ченіи десяти мѣсяцевъ топили дѣтей еврейскихъ. А когда сдѣлалось въ Египтѣ моровое повѣтріе, то Фараонъ сказалъ Моисею и брату его Арону: «идите отсюда скорѣе».—Моисей, собравъ людей еврейскихъ, пошелъ изъ земли Египетской. Господь указывалъ имъ путь пустынею къ Чермному морю и шелъ ночью въ видѣ столпа огненнаго, а днемъ—облака. Фараонъ, слыша, что Евреи бѣгутъ, погнался за ними и прижалъ ихъ къ морю. Евреи, видя это, стали жаловаться громко на Моисея и говорить: «зачѣмъ повелъ ты насъ на смерть»?—Моисей обратился съ молитвою къ Господу Богу, и Онъ ему сказалъ: «зачѣмъ ты тревожишь Меня? Ударь твоимъ посохомъ по морю». Моисей такъ сдѣлалъ, и раступилась вода на двое и сыны Израилевы вошли въ море. Фараонъ видѣлъ это и бросился вслѣдъ за ними. Израильтяне перешли по сухому дну, а какъ только вышли они на берегъ, то море слилось надъ Фараономъ и его воинами. Полюбилъ Богъ Израиля; три дня шли они отъ моря и пришли въ Мерепъ. Тутъ вода оказалась горькою и стали люди роптать на Бога, и Господь показалъ имъ дерево, которое когда Моисей положилъ въ воду, то она сдѣлалась сладкою. Затѣмъ снова стали роптать люди на Моисея и Аарона, говоря: «лучше было намъ въ Египтѣ: тамъ было намъ въ пищу мяса; и луку и хлѣба до сытости». И сказалъ Господь Моисею: «слышалъ Я ропотъ сыновъ Израилевыхъ»—и послалъ имъ въ пищу манну. Потомъ онъ далъ имъ законъ на горѣ Синайской. Когда Моисей вошелъ на гору къ Богу, Израильтяне слили изображеніе телячьей головы и поклонялись ему какъ Богу; таковыхъ Моисей истребилъ три тысячи. Затѣмъ снова стали роптать Евреи на Моисея и Арона въ томъ, что не было воды. Господь сказалъ Моисею: «ударь твоимъ посохомъ въ камень». Моисей исполнилъ, но съ словами: «неужели этотъ (камень) испуститъ изъ себя намъ воду»? И разгнѣвался Господь на Моисея за то, что онъ не воздалъ Богу должнаго величія, и потому-то онъ не вошелъ въ обѣщанную землю за свой ропотъ, а Господь возвелъ его на Вамскую гору, показалъ ему оттуда землю обѣтованную, и тутъ на горѣ умеръ Моисей. Власть принялъ Іисусъ Навинъ; онъ пришелъ въ землю обѣтованную, истребилъ племя Халдейское и вмѣсто него поселилъ потомковъ Израиля. По смерти Іисуса судьею вмѣсто его былъ Іуда и еще судей было 14 человѣкъ, и при нихъ Евреи, забывъ Бога, выведшаго ихъ изъ Египта, стали служить злымъ духамъ. И разгнѣвался Богъ, предалъ ихъ чужеземцамъ, въ

расхищеніе, а когда они начинали каяться, то онъ ихъ миловалъ: но когда становилось имъ легче, они обращались снова къ идолослуженію. Послѣ этихъ судей властвовалъ жрецъ Илій, а за нимъ пророкъ Самуилъ. И сказали граждане Самуилу: «поставь надъ нами царя». И разгнѣвался Господь на Израиля и поставилъ надъ нимъ царемъ Саула. Но Саулъ не остался вѣренъ закону Господню, и Господь избралъ Давида и поставилъ царемъ надъ Израилемъ, и Давидъ угодилъ Богу. Этому-то Давиду клялся Господь, что отъ его потомства родится Искупитель. Первый Давидъ началъ пророчествовать о воплощеніи Божіемъ; онъ говорилъ: «тебя родилъ я изъ внутренностей прежде зари». Въ теченіи 40 лѣтъ пророчествовалъ Давидъ и потомъ умеръ. За нимъ пророчествовалъ сынъ его Соломонъ; онъ построилъ Богу храмъ и назвалъ его Святая Святыхъ. Очень уменъ онъ былъ, но подъ конецъ совратился съ истиннаго пути; онъ царствовалъ въ продолженіи сорока лѣтъ и умеръ. Послѣ Саломона сдѣлался царемъ сынъ его Роваомъ; при немъ царство раздѣлилось на двое: Іудейское въ Іерусалимѣ, а другое въ Самаріи. Въ Самаріи воцарился Іероваомъ, служитель Соломона; онъ сдѣлалъ изъ золота изображеніе двухъ коровъ, одну поставилъ на холмѣ въ Веонли, а другую въ Енданѣ и сказалъ: «Израиль! вотъ твои боги». Люди покланялись и забыли истиннаго Бога. И въ Іерусалимѣ начали забывать Бога и поклоняться Ваалу или богу войну, называемому также Орей (Марсъ) и бога своихъ отцовъ забыли. И началъ Богъ посылать къ нимъ пророковъ; а пророки стали обличать ихъ беззаконія и служенія идоламъ, а они умерщвляли пророковъ, не вынося ихъ обличеній. Господь разгнѣвался на Израиля и сказалъ: «отвергну тебя и призову другихъ людей, которые будутъ Меня слушать. Если и согрѣшатъ, то Я прощу имъ нарушенія закона». Богъ началъ посылать пророковъ и велѣлъ имъ: «предрекать оставленіе Евреевъ и призваніе другихъ народовъ». Первый началъ пророчествовать Іосія; онъ говорилъ: «положу конецъ царству дома Израилева, сокрушу луки Израилевы, не стану отнынѣ миловать домъ Израилевъ, но оставлю и отвергну ихъ—такъ говорилъ Господь—и будутъ они странствовать среди другихъ народовъ». Іеремія сказалъ: «если станутъ просить за Евреевъ Самуилъ и Моисей, и тогда не помилую ихъ». Еще тотъ же Іеремія сказалъ: «такъ говоритъ Господь: я далъ клятву именемъ Моимъ великимъ, что отнынѣ имя Мое не будетъ болѣе звучать въ устахъ іудейскихъ». Іезекіиль сказалъ: «такъ говоритъ Адонаи Господь: «васъ всѣхъ, сколько васъ ни ос-

талось, разсѣю по всѣмъ вѣтрамъ, за то, что вы Мое святое осквернили вашими мерзостями, отвергну васъ и не стану болѣе васъ миловать». Малахія сказалъ: «такъ говоритъ Господь: нѣтъ болѣе Моего благоволенія къ вамъ; уже отъ востока до запада имя Мое стало славно въ народахъ, на всѣхъ мѣстахъ чтится имя Мое и приносится мнѣ чистая жертва, потому что имя Мое велико у народовъ; а потому отдамъ васъ въ поруганіе и добычу другимъ народамъ». Великій Исаія сказалъ: «такъ говоритъ Господь: протяну руку Мою на тебя, ослаблю тебя и разсѣю тебя, а ужъ болѣе собирать не стану». Тотъ же Исаія сказалъ: «ненавистны мнѣ стали праздники ваши и первыя числа вашихъ мѣсяцевъ, вашихъ субботъ не принимаю». Пророкъ Амосъ сказалъ: «слышите слово Господне: отнынѣ будетъ на васъ плачъ, падетъ домъ Израилевъ и уже больше не встанетъ». Малахія сказалъ: «такъ говоритъ Господь: пошлю на васъ проклятіе и имъ смѣню прежнее благословеніе, уничтожу его и не будетъ его уже съ вами». Много было пророчествъ объ отверженіи Іудеевъ. Тѣмъ же пророкамъ велѣлъ Богъ предрекать о призваніи другихъ народовъ вмѣсто еврейскаго. Раздался зовъ Исаіи; онъ говорилъ: «отъ меня произойдетъ законъ мой и судъ, свѣтъ всѣмъ странамъ. Быстро приближается моя правда, явится, и на Мою помощь возложатъ надежду всѣ народы». Іеремія сказалъ: «такъ говоритъ Господь: предвижу дому Іудину завѣтъ новый, дамъ ему сознаніе Моего закона; напишу на ихъ сердцахъ, буду имъ Богомъ, а они будутъ Моими людьми». Исаія сказалъ: «старое миновало, возвѣщаю новое, но прежде моего возвѣщенія показано было вамъ. Пойте Богу новую пѣснь; служащимъ Мнѣ явлюсь подъ новымъ именемъ, и оно будетъ благословеніемъ всей землѣ. Домъ мой будетъ домомъ молитвы всѣхъ народовъ». Тотъ же Исаія говоритъ: «Господь откроетъ свою силу святую передъ всѣми народами, и всѣ предѣлы земли увидятъ свое спасеніе отъ Бога нашего».—Давидъ говоритъ: «славьте Господа всѣ народы и похвалу ему возносите всѣ люди». Богъ до того полюбилъ новыхъ людей, что обѣщалъ сойдти къ нимъ Самъ, облечься во образъ человѣка и пострадать за преступленіе Адамово. Начали предсказывать пророки о воплощеніи Господа. Первый Давидъ сказалъ: «Господь сказалъ моему Господу: садись по правую сторону меня, пока враговъ твоихъ положу въ подножіе ногамъ твоимъ». Въ другомъ мѣстѣ: «сказалъ Господь ко мнѣ: ты—сынъ мой, я нынѣ родилъ тебя». Исаія сказалъ: «не посланный и не вѣстникъ, но самъ Богъ пріидя спасетъ насъ». И онъ же: «родился

намъ отрокъ и начало его было на лонѣ Вышняго, а потому и имя ему будетъ: великаго свѣта ангелъ, власть его велика и милосердію его нѣтъ границъ». Онъ же говоритъ: «вотъ и дѣвица зачнетъ во чревѣ и родитъ сына и будетъ ему имя Еммануилъ». Михѣй сказалъ: «ты Виѳлеемъ, домъ Ефрантовъ, не могъ ли бы ты стоять во главѣ Іудова племени? Такъ какъ изъ тебя выйдетъ старѣйшина, который будетъ начальникъ въ Израилѣ, а начало его съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ: а потому будетъ дано до времени рождающей, родитъ, и остальные изъ братіи его обратятся въ сыновъ Израилевыхъ» *). Іеремія сказалъ: «Богъ нашъ и нѣтъ ему подобнаго. Онъ источникъ всякой мудрости, которую далъ Іакову слугѣ своему, а потомъ и на землѣ явился и съ людьми жилъ». Въ другомъ мѣстѣ: «онъ человѣкъ: кто узнаетъ, что онъ Богъ, когда онъ какъ человѣкъ умираетъ»? Захарія сказалъ: «не послушали Сына Моего и не послушаю ихъ, сказалъ Господь». Іосій сказалъ: «такъ говоритъ Господь: плоть моя отъ нихъ». Предсказали и страданія его. Такъ Исаія говоритъ: «горе ихъ душѣ, потому что они составили нечестивый замыселъ, говоря: свяжемъ праведнаго». Въ другомъ мѣстѣ онъ же сказалъ: «такъ говоритъ Господь: я не противлюсь и нечего не говорю противъ: хребетъ Мой отдалъ на раны, ланиты мои на побои, лица Моего не отвратилъ отъ стыда заплеванія». Іеремія сказалъ: «пріидите, вложимъ дерево въ Его хлѣбъ, изгладимъ жизнь Его съ лица земли».—Моисей сказалъ о его распятіи: «увидите жизнь вашу висящею передъ глазами вашими». Давидъ сказалъ: «зачѣмъ взволновались народы»? Исаія сказалъ: «какъ овца веденъ былъ на заключеніе». Ездра сказалъ: «благословенъ Господь простершій руки свои и спасшій Іерусалимъ». О воскресеніи сказалъ Давидъ: «возстани, Господи, суди земли, такъ какъ всѣ народы твое достояніе». Въ другомъ мѣстѣ: «и возсталъ Господь какъ бы отъ сна». Еще: «да воскреснетъ Богъ и разойдутся враги его». Еще: «воскресни, Господи, и пусть высоко поднимется рука твоя». Исаія сказалъ: «вы исходящіе въ страну мрака и тѣней, на васъ возсіяетъ свѣтъ». Захарія сказалъ: «и ты кровью твоего завѣта выпустилъ заключенныхъ изъ рва, гдѣ не было воды». Много пророчествовали о немъ, что сбылось все».

Владиміръ сказалъ: «когдаже это все сбылось, и сбылось ли, или еще предстоитъ сбыться»? Мудрецъ ему отвѣчалъ такъ:

«Все это сбылось и совершилось, когда воплотился Господь. Когда, какъ мы уже сказали выше.—Евреи избивали пророковъ, а цари

* Здѣсь очень неясно и въ подлинникѣ, а мы перевели буквально.

ихъ нарушали законъ, то Господь отдалъ ихъ на расхищеніе и они отведены въ плѣнъ въ Ассирію за грѣхи и находились тамъ въ работѣ 70 лѣтъ. Затѣмъ они возвратились въ свою землю, и у нихъ царя не было, но управляли ими архіереи до иноплеменника Ирода, который присвоилъ себѣ власть надъ ними. Въ его-то правленіе, въ 5800 году, посланъ Гавріилъ въ Назаретъ къ дѣвицѣ Маріи отъ племени Давида сказать ей: «радуйся, обрадованная, съ тобою Господь». И отъ того слова Божія зачала она въ утробѣ и родила сына, котораго назвала Іисусомъ. И пришли съ Востока волхвы (прорицатели) говоря: гдѣ народившійся царь Іудейскій? Мы видѣли звѣзду его на Востокѣ и пришли поклониться ему». Когда услыхалъ это царь Иродъ, то пришелъ въ смущеніе и съ нимъ весь Іерусалимъ; онъ призвалъ людей ученыхъ и стариковъ изъ гражданъ и спрашивалъ ихъ: гдѣ долженъ родиться Христосъ? Тѣ дали отвѣтъ: въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ. Иродъ, слыша это, послалъ и приказалъ избить всѣхъ младенцевъ двухъ лѣтъ. Посланные имъ люди пошли и избили младенцевъ. Марія же, испугавшись, скрыла свое дитя; Іосифъ съ нею взяли его, бѣжали во Египетъ и оставались тамъ до смерти Ирода. Въ Египтѣ явился Іосифу ангелъ и сказалъ: возстань, возьми ребенка и мать его и ступай въ землю Израилеву. Іосифъ пришелъ туда и поселился въ Назаретѣ. Когда Іисусъ выросъ и ему было 30 лѣтъ, то началъ онъ дѣлать чудеса и проповѣдывать царство небесное. Онъ избралъ двенадцать человѣкъ и наименовалъ ихъ своими учениками. Онъ началъ творить великія чудеса: воскрешать мертвыхъ, очищать прокаженныхъ, хромые стали ходить, слѣпымъ возвращалось зрѣніе; много великихъ чудесъ сотворилъ Онъ, какъ и предсказали о немъ пророки, говоря: «Онъ исцѣлилъ наши болѣзни и взялъ на себя наши недостатки». Въ водахъ Іордана принялъ онъ крещеніе отъ Іоанна и показалъ новымъ людямъ обновленіе. Когда онъ крестился, то разверзлись небеса и Духъ Святой, въ видѣ голубя, сошелъ на Него и при этомъ раздался голосъ: «это Сынъ мой самый любимый и на немъ почіетъ мое благоволеніе». Онъ посылалъ своихъ учениковъ проповѣдывать царство небесное и покаяніе, какъ средство избавиться отъ грѣховъ. Онъ хотѣлъ, чтобы исполнилось пророчество и началъ проповѣдывать, что предстоитъ пострадать сыну человѣческому, быть распятому и въ третій день воскреснуть. За то, что Онъ училъ въ церкви, архіереи и люди ученые исполнились зависти, домогались умертвить Христа и взявъ его повели къ римскому начальнику Пилату. Пилатъ, удостовѣрясь,

что нѣтъ никакого законнаго основанія къ осужденію Іисуса, хотѣлъ его освободить, но народъ кричалъ: «если ты Его выпустишь, то ты измѣнникъ Цезарю». Тогда Пилатъ отдалъ приказаніе распять Его, и Іудеи, взявъ Іисуса, повели его на Лобное мѣсто и Его тутъ распяли. По всей землѣ сдѣлалась тьма и была отъ 6-го до 9 го часу, а въ десятомъ часу Іисусъ испустилъ духъ; завѣса церковная разодралась на двое: возстало изъ гробовъ много мертвыхъ, которымъ Онъ приказалъ идти въ рай. Снявъ Іисуса со креста, положили Его во гробъ, и Евреи приложили печать ко гробу и приставили сторожей, говоря: «какъ бы его не украли его ученики». Но Онъ воскресъ въ третій день и по воскресеніи явился ученикамъ и сказалъ имъ: «идите ко всѣмъ народамъ и во всѣхъ странахъ учите крещенію во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Сорокъ дней оставался съ ними Христосъ, являясь имъ по воскресеніи. Но когда миновало 40 дней, Онъ приказалъ имъ идти на гору Елеонскую; тутъ явился имъ, благословилъ ихъ и сказалъ: «оставайтесь въ городѣ Іерусалимѣ, пока пошлю обѣщанное Отцемъ Моимъ». Сказавъ это, Онъ вознесся на небо, а ученики Его, поклонясь Ему, вернулись въ Іерусалимъ и оставались тамъ въ собраніи. А когда окончилось пятьдесятъ дней, то Святой Духъ сошелъ на апостоловъ, а они, получивъ обѣщаннаго имъ Святаго Духа, разошлись по вселенной, учили и крестили водою».

И спросилъ Владиміръ: «зачѣмъ Онъ родился отъ женщины, крестился водою и допустилъ Себя распять на деревѣ»?

«А потому, отвѣчалъ Грекъ мудрецъ,—что съ перваго начала родъ человѣческій впалъ въ грѣхъ черезъ женщину. Злой духъ прельстилъ Адама Евою и онъ лишился рая. За то Богъ сдѣлалъ возмездіе злому духу: женою же и на этотъ разъ побѣжденъ духъ тьмы. Богъ, воплотясь отъ жены, повелѣлъ вѣрнымъ входить въ рай. А что на деревѣ Онъ былъ распятъ, то потому, что человѣкъ, вкусивъ отъ дерева, лишился блаженства. Богъ на деревѣ принялъ страданіе, чтобы деревомъ былъ побѣжденъ злой духъ, а праведники вкусятъ отъ древа жизни. А если водою достигается обновленіе, то потому, что при Ноѣ, когда грѣхи людскіе невыносимы стали Богу, Онъ навелъ на землю потопъ и людей потопилъ водою. А потому Богъ и сказалъ: «такъ какъ я погубилъ людей за ихъ грѣхи водою, то теперь водою же стану очищать грѣхи ихъ и давать имъ ею обновленіе». И родъ еврейскій въ морѣ очистился отъ дурныхъ обычаевъ египетскихъ и вода существовала прежде всего, потому что и въ св. писаніи сказано: «Духъ Божій носился

сверхъ воды». И теперь крещеніе принимаютъ водою и духомъ. То былъ первый образъ воды, а Гедеонъ представилъ второй образъ: какъ пришелъ къ нему ангелъ съ приказаніемъ ему идти на Мадимьянъ, то онъ, чтобы лучше удостовѣриться въ соизволеніи Божіемъ, положивъ овечье руно на гумно, сказалъ: «если по всей землѣ будетъ роса, а руно оставаться сухо».... Такъ и было. Это былъ первообразъ того, что иные народы были прежде суша, а Евреи—руно, а потомъ на иныхъ странахъ роса, то-есть святое крещеніе, а на Евреяхъ суша. И пророки проповѣдали, что водою будетъ обновленіе. Апостолы учили по вселенной вѣровать Богу, и ихъ, то ученіе приняли мы, Греки; вселенная вѣруетъ ихъ ученію. И Господь назначилъ день, въ который, прійдя съ небесъ, будетъ судить живымъ и мертвымъ и каждому воздастъ по дѣламъ его: праведнымъ царство небесное и блаженство неописанное, веселіе безконечное и не умирать во вѣкъ, а грѣшникамъ—мученіе въ огнѣ и среди червей неутомимыхъ и терзаніямъ ихъ не будетъ конца. Таковыя мученія постигнутъ каждаго, кто не будетъ вѣровать Богу нашему Іисусу Христу; въ вѣчномъ огнѣ пылать будутъ тѣ, которые не крестятся.

И съ этими словами онъ показалъ Владиміру картину, на которой нарисовано было судилище Господне: направо видны были праведники, весело шедшіе въ рай, а налѣво грѣшники, шедшіе на мученіе. Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: «хорошо тѣмъ, кто направо, но горе тѣмъ кто налѣво»! Грекъ ему отвѣчалъ: «если хочешь стать направо съ праведниками, то крестись». Владиміръ порѣшилъ въ мысляхъ: «подожду еще немного», желая получше разузнать о всѣхъ вѣрахъ. Владиміръ, давъ Греку много даровъ, отпустилъ его съ большою почестью.

987 г.

Владиміръ позвалъ бояръ и стариковъ городскихъ и сказалъ имъ: «приходили ко мнѣ Болгаре и говорили: пріими нашъ законъ: потомъ приходили Нѣмцы и тѣ хвалили свой законъ: за ними приходили Евреи, а послѣ всѣхъ пришли Греки; всѣ другіе законы они порицали, а свой хвалили и много разсказывали о началѣ міра и о существѣ всѣхъ предметовъ. Хорошо они разсказываютъ, чудно ихъ слушать, любо каждому ихъ слушать. Они говорятъ, что существуетъ другая жизнь: «и если кто въ нашу вѣру вступитъ, то по смерти встанетъ и не умретъ во вѣки, а если въ другой законъ вступитъ, то въ будущей жизни постигнетъ его муче-

ніе въ огнѣ. Что вы посовѣтуете, какъ поступить»? И сказали бояре и старики: «ты знаешь, князь, что никто не порицаетъ своего, но хвалитъ. Если же ты хочешь узнать основательно, то имѣешь у себя людей: пошли, пусть посмотрятъ на дѣлѣ ихъ служеніе Богу, каково оно». Слова эти полюбились князю и всѣмъ людямъ: выбрали людей надежныхъ и умныхъ, числомъ 10, и сказали имъ: идите прежде всего въ землю Болгаръ и разузнайте хорошенько объ ихъ вѣрѣ. Тѣ пошли и, прійдя, видѣли скверныя дѣла и поклоненіе въ мечети; затѣмъ они вернулись въ свою землю. И сказалъ имъ Владиміръ: «идите снова къ Нѣмцамъ, посмотрите тамъ, а оттуда пройдите въ Грецію». Тѣ пришли къ Нѣмцамъ, смотрѣли на ихъ церковную службу, пришли въ Царь-Городъ и вошли къ царю. Царь сталъ спрашивать—за какимъ дѣломъ они пришли; тѣ ему разсказали все дѣло, какъ оно было. Услыхавъ это, царь обрадовался и оказалъ имъ великую почесть въ тотъ день. На другой день послалъ онъ къ патріарху сказать: «пришли Русскіе разузнать о нашей вѣрѣ, устрой хорошенько въ храмѣ и относительно клироса и самъ облекись въ святительскія ризы. Пусть видятъ они славу Бога нашего». Услыхавъ то, патріархъ повелѣлъ устроить клиросъ по обычаю, какой принятъ въ праздники, зажгли всѣ свѣчи, приготовили пѣніе и составили хоры.—Царь отправился съ русскими послами въ церковь, сталъ съ ними на мѣстѣ возвышенномъ, откуда можно было окинуть взоромъ всю красоту храма, видѣть службу архіерейскую и слышать пѣніе. Приставленные къ нимъ служители объясняли имъ служеніе Бога своего. Русскіе пришли въ изумленіе, удивились и похвалили служеніе Грековъ.—Цари Василій и Константинъ призвали ихъ и сказали: «идите въ вашу землю», и отпустили ихъ съ великими почестями и дарами. Они вернулись въ свою землю, и созвалъ князь бояръ своихъ и стариковъ. Владиміръ сказалъ: «вотъ пришли посланные нами люди,—услышимъ, что съ ними было». Обратясь къ нимъ, онъ сказалъ: «разскажите въ присутствіи дружины».—Послы говорили: «когда мы пришли въ землю Болгаръ, то мы смотрѣли, какъ они покланяются въ храмѣ (его они называютъ *ропатою*). Вотъ стоитъ Болгаринъ распоясанный, сдѣлавъ поклонъ, онъ садится и смотритъ туда и сюда какъ бѣшеный; нѣтъ у нихъ ничего веселящаго душу, но какъ-то печально и омерзительно; не хорошъ законъ ихъ. Пришли мы въ землю Нѣмцевъ и видѣли, что они много службъ отправляютъ въ своихъ храмахъ, но красоты не видѣли никакой. Пришли мы и къ Грекамъ, и повели они насъ туда,

гдѣ они служатъ своему Богу, и мы не знаемъ, на небѣ ли мы были или на землѣ; нѣтъ на землѣ такого вида и такой красоты и не умѣемъ мы и выразить. Знаемъ только то, что тамъ Богъ присутствуетъ среди людей и служеніе Грековъ превосходитъ всѣхъ другихъ странъ. Мы не можемъ забыть той прелести». Каждый человѣкъ, если вкуситъ сладкаго, послѣ не можетъ принять горькаго; такъ и мы не можемъ оставаться здѣсь. Бояре тутъ сказали князю: «еслибы законъ греческій былъ дуренъ, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрѣе всѣхъ людей». Тогда Владиміръ спросилъ ихъ: «гдѣ же мы примемъ крещеніе»?— «Гдѣ тебѣ угодно», отвѣтили они, и когда минуло лѣто,

въ 988 году,

Владиміръ съ войскомъ пошелъ на Корсунь, греческій городъ. Жители его заперлись въ стѣнахъ Владиміръ сталъ по ту сторону города, у морскаго залива, въ разстояніи отъ города на полетъ стрѣлы. Упорно защищались осажденные, а Владиміръ обложилъ городъ. Плохо пришлось осажденнымъ. Владиміръ велѣлъ имъ сказать: «если вы не покоритесь, то простою три года». Тѣ его не послушали. Владиміръ велѣлъ своимъ воинамъ приготовиться и весть насыпь къ городу. Воины Владиміровы насыпали землю, а жители Корсуна, сдѣлавъ подкопъ подъ стѣнами городскими, уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ и сыпали ее по серединѣ города. Воины все продолжали сыпать, а Владиміръ не оставлялъ осады. Тутъ одинъ житель Корсуна, по имени Анастасъ, пустилъ стрѣлу, а на ней было написано: «на востокъ за твоимъ лагеремъ есть родники, откуда подземными трубами проведена вода въ городъ, Перекопай и перехвати ее. Владиміръ, слыша это, поднялъ глаза къ небу и сказалъ: «если это сбудется, то я и самъ крещусь». Тутъ онъ повелѣлъ копать поперекъ трубъ, и перехватили воду. Жители не могли вынести жажды и сдались. Владиміръ и дружина его вошли въ городъ, и Владиміръ послалъ къ царямъ Василію и Константину сказать имъ: «вотъ я взялъ вашъ славный городъ. Слышу то, что сестру имѣете дѣвицею; если вы не отдадите ее за меня, то вашъ городъ ожидаетъ та же участь, что и этотъ». Услыхавъ это, цари опечалились, но дали Владиміру такой отвѣтъ: «не слѣдуетъ христіанокъ отдавать въ замужество за язычниковъ; но если ты крестишься, то и получишь и это, и наслѣдуешь царство небесное, а съ нами будешь единовѣрцемъ; но если ты не хочешь сдѣлать, то не можемъ сестры своей отдать за те-

бя». Владиміръ, услыхавъ это, объявилъ посланнымъ отъ царя: «скажите царямъ такъ: я хочу креститься. Еще прежде я разузналъ о вашемъ законѣ и нравится мнѣ вѣра ваша и служеніе, какъ мнѣ передали о томъ посланные нами люди». Слыша это, цари обрадовались и упросили сестру свою—звали ее Анною. Они послали къ Владиміру и велѣли ему сказать: «крестись, и тогда пошлемъ сестру нашу къ тебѣ». Владиміръ далъ отвѣтъ: «тѣ, которые придутъ съ вашею сестрою, пусть окрестятъ меня». Цари послушали и послали сестру свою, съ нею нѣсколько сановниковъ и священниковъ, она не хотѣла идти: «какъ въ плѣнъ—говорила она,—иду: лучше бы мнѣ здѣсь умереть». И сказали ей братья: «а можетъ быть Богъ тобою обратитъ Русскую землю къ покаянію и избавитъ Греческую землю отъ пагубной войны. Развѣ ты не видишь, сколько Русскіе сдѣлали вреда Грекамъ? Если ты не пойдешь, то же сдѣлаютъ намъ». Съ трудомъ ее вынудили. Она простилась съ родными, сѣла въ корабль и съ плачемъ отправилась въ море. Когда она прибыла къ Корсуну, то жители его вышли со слезами, ввели ее въ городъ и посадили во дворцѣ. По Божьему промышленію, у Владиміра въ это время заболѣли глаза: ничего онъ не видѣлъ и былъ въ большомъ отъ того горѣ. Царевна послала къ нему сказать: «если ты хочешь избавиться отъ своей болѣзни, то крестись немедленно; а если нѣтъ, то ты отъ нея не избавишься». Услыхавъ это, Владиміръ сказалъ: «если это будетъ правда, то по-истинѣ великъ христіанскій Богъ».—и повелѣлъ, чтобы его крестили. Епископъ корсунскій съ священниками царевны, сдѣлавъ предварительно наставленіе въ вѣрѣ Владиміру, крестилъ его, и какъ только возложилъ на него руки, Владиміру возвратилось зрѣніе. Владиміръ, видя такое скорое исцѣленіе, прославилъ Бога и сказалъ: «теперь только узналъ я истиннаго Бога».—Видѣла это и дружина его и многіе изъ нея крестились. Окрестился Владиміръ въ церкви св. Василія, и церковь та стоитъ въ городѣ Корсунѣ, по серединѣ города на площади, гдѣ Корсуняне занимаются торговлею. Дворецъ Владиміра подлѣ церкви стоитъ и по сіе время, а дворецъ царевны позади алтаря. Послѣ крещенія совершилось бракосочетаніе съ царевною. Не знающіе этого основательно утверждаютъ, будто Владиміръ крестился въ Кіевѣ, другіе говорятъ—въ Василевѣ, а иные передаютъ еще иначе. Когда Владиміръ крестился, то внушили ему ученіе о христіанской вѣрѣ, говоря такъ: «пусть тебя не введутъ въ соблазнъ нѣкоторые изъ еретиковъ, а вѣруй и высказывай такъ:

«Вѣрую въ Бога одного, Вседержителя, Творца Неба и земли и такъ до конца символъ вѣры. А еще: вѣрую въ Бога одного не рожденнаго и въ одного Сына рожденнаго и въ одного Святаго Духа исходящаго. Три существа совершенныхъ, разумныхъ; раздѣляются они числомъ по естеству, а не по божественному свойству. Дѣлятся они нераздѣльно и соединяются не сливаясь. Отецъ, Богъ Отецъ, отъ вѣка существующій, остается при своемъ отеческомъ свойствѣ, нерожденнымъ, безначальнымъ, началомъ и конечною причиною всего, однимъ нерожденіемъ старѣйшій Сына и Св. Духа. Отъ него рождается Сынъ прежде всѣхъ вѣковъ, исходитъ же Духъ Святый; не зная времени и не имѣя тѣла; вмѣстѣ Отецъ, вмѣстѣ Сынъ, вмѣстѣ и Духъ Святый. Сынъ по существу подобенъ Отцу и только рожденіемъ разнствуетъ отъ Отца и Духа Духъ Пресвятый Отцу и Сыну подобенъ существомъ и отъ вѣка имъ присущъ. Отца—его отечество, Сына—его сыновнее рожденіе, Святаго же Духа—исхожденіе. Ни Отецъ не переступаетъ въ Сына или въ Духа, ни Сынъ въ Отца или Духа, ни Духъ ни въ Сына, ни въ Отца; эти ихъ свойства неизмѣнны. Но не три Бога—одинъ Богъ и вмѣстѣ одинъ Богъ въ трехъ лицахъ. Вслѣдствіе желанія Отца и Духа спасти созданное ими, Сынъ сошелъ съ лона Отца, и вмѣстѣ Его не оставляя, и какъ божіе сѣмя вошелъ въ пречистое дѣвичемое ложе, принялъ на себя тѣло воодушевленное, обладающее словомъ и умомъ, дотолѣ не существовавшее, и вышелъ Богъ воплощенный; родился несказанно и дѣвство матери сохранилъ не нарушимымъ. *Ни смятенію, ни размышенію, ни измѣненію* *) не подвергся Онъ, но остался чѣмъ былъ, сдѣлался чѣмъ не былъ, принялъ видъ раба дѣйствительно, а не воображаемо и во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ грѣха, былъ подобенъ намъ. Добровольно родился Онъ, добровольно чувствовалъ голодъ, добровольно испытывалъ жажду, добровольно трудился, добровольно приходилъ въ ужасъ, добровольно умеръ и въ дѣйствительности, а не воображаемо; все естество человѣка принялъ, кромѣ страстей человѣческихъ. Будучи распятъ, вкусилъ смерть—безгрѣшный, воскресъ Своею плотію, не видѣвъ истлѣнія, взошелъ на Небеса и сѣлъ по правую сторону Отца, а возвратится со славою судить живыхъ и мертвыхъ. Какъ взошелъ со славою и тѣломъ, такъ и сойдетъ. Къ тому же исповѣдую одно Крещеніе водою и Духомъ, приступаю къ пречистымъ Тайнамъ, вѣрую въ истинное Тѣло и Кровь, принимаю церковныя

*) Неясно; мы оставили выраженія подлинника.

преданія, покланяюсь честнымъ иконамъ, покланяюсь честному древу и всякому Кресту, Святымъ Мощамъ и Святымъ Сосудамъ.

«Вѣруй и въ семь соборовъ Св. Отцовъ. Изъ нихъ первый въ Никеи, 318; они прокляли Арія, проповѣдали ученіе вѣры истинное и непогрѣшимое. Второй соборъ въ Константинополѣ, святыхъ Отецъ 150. Они прокляли Македонія, хулившаго божество Св. Духа, и проповѣдали одно естество Св. Троицы. Третій соборъ въ Ефесѣ, двухсотъ Святыхъ Отцовъ, противъ Несторія; они прокляли его и преподали истинное ученіе о Св. Богородицѣ. Четвертый соборъ въ Халкидонѣ, 630 святыхъ Отцовъ, на Евтихія и Діоскора; ихъ прокляли Св. Отцы, провозгласивши совершеннаго Бога и совершеннаго человѣка Господа нашего Іисуса Христа. Пятый соборъ въ Царѣ-Градѣ, 165 Св. Отцовъ, противъ ученія Оригена и Евагрія; и этихъ лже-учителей прокляли Св. Отцы. Шестой соборъ въ Царѣ-Градѣ, Святыхъ Отцовъ 170, противъ Сергія и Кира, и святые отцы ихъ предали проклятію. Седьмой соборъ въ Никеѣ, святыхъ Отцовъ 350; они предали проклятію тѣхъ, которые не чтутъ Св. иконъ.— Не принимай ученія отъ Латинянъ; оно неправильно: войдя въ церковь, не кланяются Св. иконамъ, но стоя дѣлаютъ поклонъ, и наклонившись, напишетъ крестъ на землѣ и поцалуетъ, потомъ встанетъ и наступитъ ногами на то же мѣсто, и что лежа цалуетъ, то вставъ топчетъ. Но Апостолы этого не преподали; они учили крестъ поставленный цаловать и иконы чтить. Евангелистъ Лука первый нарисовалъ образъ и послалъ въ Римъ, какъ говоритъ Василій: «почтеніе въ иконѣ отдается тому, что въ ней изображено». Они же, Латыняне, называютъ землю матерью. Если имя мать-земля, то слѣдовательно ихъ отецъ—небо, такъ какъ вначалѣ Богъ сотворилъ небо и землю. Такъ говорятъ: Отецъ нашъ, живущій на небесахъ. Но если, по разумѣнію Латинянъ, земля—мать, то зачѣмъ плюете на свою мать; то ее цалуете, то ее же оскверняете. Прежде Римляне этого не дѣлали, но принимали участіе во всѣхъ соборахъ, куда приходили изъ Рима и ото всѣхъ престоловъ. На первомъ соборѣ въ Никеѣ, бывшемъ на Арія, изъ Рима Сильвестръ прислалъ епископовъ и священниковъ, изъ Александріи Аѳанасій, изъ Царь-Города Митрофанъ послалъ отъ себя Епископовъ; такъ заботились они объ исправленіи вѣры. На второмъ соборѣ отъ Рима былъ Домасъ, отъ Александріи—Тимоѳей, отъ Антіохіи—Мелетій; тутъ же присутствовали: Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Богословъ. На третьемъ соборѣ: Целестинъ Римскій, Кириллъ Александрійскій, Ювеналій Іерусалимскій. На четвертомъ соборѣ: Леонтій

Римскій, Анастасій Царь-Города, Ювеналій Іерусалимскій. На пятомъ соборѣ: Римскій Вигилій, Евтихій Царь-Города, Аполинарій Александрійскій, Домнинъ Антіохійскій. На шестомъ соборѣ: отъ Рима Агаѳонъ, отъ Царь-Города Георгій, Антіохійскій Ѳеофанъ, отъ Александріи—Петръ монахъ. На седьмомъ: Адріанъ отъ Рима, отъ Царь-Города Тарасій, Политіанъ Александрійскій, Ѳеодоритъ Антіохійскій, Илія Іерусалимскій. Они-то всѣ съ своими епископами сходясь, исправляли ученіе церкви.—Послѣ этого собора Петръ Гугнивый (косноязычный съ другими пришелъ въ Римъ, захватилъ престолъ и измѣнилъ истинную вѣру, отдѣлясь отъ престоловъ Іерусалимскаго, Александрійскаго, Константинопольскаго и Антіохійскаго. Возмутили всю Италію, разсѣвая свое разнообразное лжеученіе: нѣкоторые попы, женясь на одной женѣ, служатъ, а другіе берутъ до семи женъ и служатъ; ихъ ученія должно остерегаться; за деньги прощаютъ грѣхи, что хуже всего. Да сохранитъ тебя Богъ отъ этого».

Затемъ Владиміръ взялъ съ собой жену свою царевну, Анастасія и корсунскихъ священниковъ, а также взялъ на благословеніе себѣ мощи Святаго Климента и Ѳирса, его ученика, много церковныхъ сосудовъ и иконъ. Опъ же Владиміръ воздвигъ въ Корсунѣ на холмѣ изъ земли, которую жители уносили изъ насыпи, возводимой осаждающими, и сыпали середи города, церковь, и она стоитъ и до сего времени. Оставляя Корсунь, взялъ двѣ большихъ мѣдныхъ купели и четыре мѣдныхъ же копя; они и теперь стоятъ за церковью Св. Богородицы, а люди не знающіе считаютъ ихъ за мраморныхъ. Для царины, въ видѣ вознагражденія за нея, возвратилъ Грекамъ Корсунь, а самъ пришелъ въ Кіевъ. Немедля по возвращеніи велѣлъ идоловъ сбросить, иныхъ разрубить и въ огонь побросать, а Перуна приказалъ привязать къ хвосту лошади и тащить съ горы по Боричеву на Ручай, а двенадцать человѣкъ приставилъ бить его палками. Это не для того, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который этимъ видомъ вводилъ людей въ соблазнъ; такъ пусть же и онъ приметъ наказаніе отъ людей. Великъ Господь и чудны Твои дѣла: вчера еще предметъ почести отъ людей, ими же теперь обруганъ. Когда тащили Перуна по Ручаю къ Днѣпру, то плакали о немъ люди еще не просвѣщенные крещеніемъ; но приволокли его и бросили въ Днѣпръ. Владиміръ послалъ людей и приказалъ имъ: если гдѣ волнами прибьетъ его къ берегу, то отталкивайте, пока пройдетъ пороги, а тамъ уже оставьте его. Тѣ исполнили какъ имъ было прика-

*

зано. Когда они пустили Перуна и прошелъ онъ пороги, то выбросило его на берегъ и это его мѣсто прослыло съ тѣхъ поръ Перуновымъ.

Затѣмъ Владиміръ послалъ объявить по всему городу: «если кто, богатый ли бѣдный ли, нищій или работникъ, не будетъ у рѣки, тотъ мой недругъ». Слыша это, люди шли къ рѣкѣ съ радостью; весело говорили они: «не будь это хорошо, князь и бояре не приняли бы сами». На другой день Владиміръ вышелъ съ священниками царевпиными и корсунскими на Днѣпръ и сошлось людей безчисленное множество; вошли они въ воду и стояли одни по шею, другіе по грудь; тѣ что помоложе—ближе къ берегу, нѣкоторые держали дѣтей, а люди совершенныхъ лѣтъ входили въ воду пока возможно было. Попы стояли и читали молитвы. И была видимая радость и на небѣ и на землѣ о спасеніи стольких душъ, а злой духъ степалъ и говорилъ: «бѣда моя! Ужь и отсюда меня прогоняютъ. Думалъ было имѣть я тутъ прочное себѣ пребываніе: сюда не доходило ученіе Апостоловъ, нѣтъ тутъ знанія Бога; радовало меня ихъ служеніе и честь, которую они мнѣ воздавали; но вотъ побѣдили меня люди простые, невѣжественные, а не Апостолы и не мученики. Съ этого времени окончилось уже мое царствованіе въ этихъ странахъ». Люди окрестились и пошли по домамъ, а Владиміръ радовался, что и самъ, и его подданные, узнали Бога истиннаго. Возведя взоры къ небу, сказалъ онъ: «Господи, Ты, Который сотворилъ небо и землю, сохрани этихъ новыхъ людей Твоихъ и дай имъ, Господи, узнать Тебя, истиннаго Бога, какъ увидали Тебя земли христіанскія, утверди въ нихъ вѣру истинную и правильную, а мнѣ, Господи, окажи Твою всесильную помощь на злаго врага, да надѣясь твердо на Тебя и Твою силу, одержу побѣду надъ его злоумышленіемъ». Сказавъ это, Владиміръ отдалъ приказаніе строить церкви и ставить ихъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ стояли идолы. На холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, поставилъ церковь Св. Василія, а другія на мѣстахъ, гдѣ совершали поклоненіе идоламъ князь и граждане. И по другимъ городамъ началъ строить церкви и назначать священниковъ, которымъ и приказалъ по всѣмъ городамъ и селамъ крестить людей. Онъ посылалъ и сталъ брать у людей познатнѣе дѣтей и отдавать ихъ учиться. Матери этихъ дѣтей плакали о нихъ, какъ объ умершихъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Съ раздачею этихъ дѣтей въ ученіе сбылось на Русской землѣ пророчество, которое говоритъ: «въ тѣ дни услышатъ и глухіе слова

книгъ и нѣмые заговорятъ внятно. Не пришлось бы имъ прежде слышать словъ книжныхъ, но, по божественному соизволенію, случилось это и по Его милости помиловалъ Богъ, какъ сказалъ Пророкъ: помилую кого, если захочу помиловать. И насъ помиловалъ онъ возрожденіемъ и обновленіемъ Духа по Своему соизволенію, а не по дѣламъ нашимъ». Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, полюбившій новыхъ людей Русскую землю и просвѣтившій ее Святымъ Крещеніемъ. А потому и мы падемъ къ Его ногамъ и скажемъ: «Господь Іисусъ Христосъ! Чѣмъ воздадимъ мы тебѣ за все что сдѣлалъ Ты для насъ грѣшниковъ? Недоумѣваемъ мы за Твои благодѣянія возблагодарить Тебя какъ слѣдуетъ. Великъ Ты, и чудны дѣла Твои и величію Твоему нѣтъ предѣловъ. Родъ и родъ восхвалятъ дѣла Твои.» Скажу съ Давидомъ: «пріидите, воспоемъ Господу, воскликнемъ Богу, твердынѣ спасенія нашего. Предстанемъ предъ лицо Его со славословіемъ, въ пѣсняхъ восхвалимъ Его. Славьте Господа, ибо Онъ благъ, милость Его видна, и избавилъ насъ отъ враговъ нашихъ, т. е. отъ суетныхъ идоловъ».—И ещесъ тѣмъ же Давидомъ скажемъ: «пойте Господу пѣснь новую, пой Господу вся земля. Пойте Господу, благословляйте имя Его, благовѣствуйте со дня на день спасеніе Его. Возвѣщайте въ народахъ славу Его, во всѣхъ племенахъ чудеса Его. Ибо великъ Іегова и достославенъ, страшенъ болѣе всѣхъ боговъ. Нѣтъ предѣловъ Его величія». Какая тебѣ радость! Не одинъ и не два спасаются; Господь сказалъ, что велика бываетъ на Небѣ радость и объ одномъ кающемся грѣшникѣ, а тутъ не одинъ и не два, но безчисленное множество приступили къ Богу, будучи просвѣщены Святымъ Крещеніемъ. Такъ сказалъ и Пророкъ: «покроплю на васъ чистою водою и очиститесь вы и отъ идолопоклонства и отъ вашихъ грѣховъ». А другой Пророкъ сказалъ: «кто же, кромѣ Господа, можетъ отнять грѣхи наши и очистить неправды? Его желаніе къ милосердію. Онъ обратится къ намъ, осыпетъ насъ своими щедротами, а грѣхи наши погрузитъ въ глубокой пропасти». Апостолъ Павелъ говоритъ: «братья, всѣ мы, сколько ни есть крестившихся въ Іисуса Христа, мы крестились въ его смерть и черезъ крещеніе мы схоронили себя съ Нимъ вмѣстѣ на смерть для того, чтобы какъ Христосъ возсталъ отъ мертвыхъ въ славѣ Своего Отца, такъ и мы пойдемъ въ обновленіи жизни». А еще: «прежнее минуло—и вотъ новое. Теперь приближилось намъ спасеніе; ночь отошла, а наступаетъ день. Христомъ приведены мы вѣрою въ эту благодать. Имъ и мы хвалимся и стоимъ, а теперь изба-

вившись отъ грѣха, сдѣлавшись слугами истиннаго Бога, приносимъ готовый плодъ нашъ въ освященіе. А потому должны мы служить Господу съ радостью, какъ и Давидъ сказалъ: «служите Господу со страхомъ и веселитесь передъ нимъ съ трепетомъ». А мы станемъ взывать къ Господу Богу Нашему и говорить Ему: благословенъ Господь, который не отдалъ насъ готовыми жертвами на съѣденіе злаго духа; сѣть разорвалась и мы избавились отъ коварства діавола. И самая память его погибла съ нимъ, а во вѣки остается Господь, хвалимый сынами русскими, воспѣваемый въ Троицѣ; злые духи—предметъ проклятія просвященныхъ вѣрою мущинъ и женщинъ, принявшихъ крещеніе и покаяніе въ отпущеніи грѣховъ; то новые люди хрістіанскіе, избранные Богомъ.

И Владиміръ, и сыновья его, и вся земля просвѣщены крещеніемъ, а сыновей у него было 12: Вышеславъ, Изяславъ, Ярославъ, Святополкъ, Всеволодъ, Святославъ, Мстиславъ, Борисъ, Глѣбъ, Станиславъ, Позвиздъ и Судиславъ. Вышеслава отецъ посадилъ въ Новѣгородѣ, Изяслава въ Полоцкѣ, Святополка въ Туровѣ, Ярослава въ Ростовѣ; а когда старшій Вышеславъ умеръ въ Новгородѣ, то посадили: Ярослава въ Новѣгородѣ, Бориса въ Ростовѣ, Глѣба въ Муромѣ, Святослава въ землѣ Древлянской, Всеволода во Владимірѣ, Мстислава въ Тьмутаракани. И сказалъ Владиміръ: «скверно, что около Кіева мало городовъ». И началъ онъ строить города по Деснѣ, Острѣ, Трубежи, Сулѣ и Стугнѣ, набиралъ лучшихъ, надежныхъ людей изъ Словенъ, Кривичей, Чюди и Вятичей и ими населилъ города. Была война съ Печенѣгами и Владиміръ боролся съ ними и имѣлъ верхъ.

989 г.

Владиміръ жилъ уже по закону христіанскому; замыслилъ онъ построить храмъ Пресвятыя Богородицы; онъ послалъ и привелъ мастеровъ изъ Греціи. Онъ началъ его строить, и окончивъ постройкою, украсилъ иконами и поручилъ его Анастасу Корсунянину и приставилъ священниковъ корсунскихъ служить, отдавъ все, что взялъ въ Корсуни, иконы и сосуды и кресты.

990 г.

Владиміръ заложилъ городъ Бѣлгородъ и набралъ въ него жителей изъ другихъ городовъ и много привелъ людей туда: онъ его очень любилъ.

991 г.

Ходилъ Владиміръ на Хорватовъ. Когда онъ вернулся съ войны Хорватской, вотъ Печенѣги пришли по той сторонѣ Днѣпра отъ Сулы. Владиміръ пошелъ къ нимъ навстрѣчу и встрѣтилъ ихъ на Трубежѣ, на броду, гдѣ нынѣ Переяславль. Владиміръ сталъ на этой сторонѣ, а Печенѣги патой, и не смѣли перейдти ни Печенѣги на эту сторону, ни наши на ту сторону. Выѣхалъ къ рѣкѣ печенѣжскій князь, позвалъ Владиміра и сказалъ ему: «пусти ты своего человѣка, а я своего,—пусть поборются. Если твой человѣкъ побьетъ моего, то мы не будемъ воевать три года; а если нашъ побѣдитъ, то мы будемъ воевать три года»,—и разошлись въ разныя стороны. Владиміръ пришелъ въ лагерь и велѣлъ глашатаямъ кричать вездѣ по лагерю и говорить: «нѣтъ ли такого человѣка, который взялся бы бороться съ Печенѣгомъ»? И не нашлось нигдѣ. На другой день пріѣхали Печенѣги и привели своего человѣка, а нашего еще не было. И началъ горевать Владиміръ, посылалъ ко всѣмъ воинамъ и пришелъ одинъ старикъ къ князю и сказалъ ему: «князь, у меня есть дома одинъ меньшой сынъ; съ четырьмя я вышелъ на войну, а онъ одинъ дома. Съ дѣтства никто не могъ его побороть. Разъ я его бранилъ, а онъ мялъ бычью кожу; разсердившись на меня, онъ такъ ее и изорвалъ пополамъ».—Князь слыша это обрадовался, послалъ за нимъ; привели его къ князю, и тотъ разсказалъ ему въ чемъ дѣло. Онъ отвѣтилъ: «право не знаю, въ состояніи ли бороться; пускай меня испытаютъ; нѣтъ ли быка большаго и сильнаго?»—Достали такого быка большаго и сильнаго; велѣлъ раздразнить быка; положили на него горячее желѣзо и пустили его и побѣжалъ быкъ мимо силача; схватилъ онъ быка рукою за бокъ и вынулъ кожу съ мясомъ сколько захватила рука. И сказалъ Владиміръ: «ты можешь съ нимъ бороться». На другой день утромъ пришли Печенѣги и начали звать: «нѣтъ ли у васъ человѣка, а нашъ готовъ». Владиміръ приказалъ своему человѣку еще съ ночи облечься въ оружіе; вышли оба соперника. Печенѣги пустили своего человѣка,—онъ былъ очень великъ и страшенъ; и выступилъ воинъ Владиміра. Увидавъ его, засмѣялся Печенѣгъ, потому что нашъ былъ росту средняго. Отмѣривъ мѣсто между двумя войсками, пустили ихъ другъ къ другу, и схватились они и начали крѣпко держать другъ друга, и задавилъ Русскій Печенѣга до смерти и бросилъ его на землю. Закричали наши, а Печенѣги побѣжали и Русскіе погнались за ними, избивая ихъ, и такъ ихъ

прогнали. Владиміръ былъ радъ, заложилъ городъ на томъ бродѣ и назвалъ его Переяславль, потому что этотъ молодецъ переялъ (перехватилъ) славу у Печенѣга. Владиміръ осыпалъ почестями и сына и этого и его отца; онъ возвратился въ Кіевъ съ побѣдою и славою великими.

993—996 г.

Владиміръ, видя церковь довершенною, вошелъ въ нее и помолился Богу, говоря: «Господи Боже! Призри съ неба и посмотри и посѣти виноградъ свой и доверши, что насадила правая рука Твоя относительно этихъ новыхъ людей, которыхъ сердца вразумилъ Ты познать Тебя, истиннаго Бога. Не оставь Твоею благодатію и эту церковь, которую создалъ я, недостойный рабъ Твой, во имя родившей Тебя Матери Пресвятой Богородицы. И если кто помолится въ этой церквѣ, то услышь его молитву ради молитвъ Пречистыя Богородицы».—Помолившись сказалъ онъ такъ: «даю этой церквѣ Святой Богородицы отъ моего имѣнія и городовъ десятую часть.» И написавъ положилъ заклятіе въ той церквѣ, сказавъ: «если кто это нарушитъ, то пусть будетъ проклятъ». Онъ отдалъ десятину Анастасу Корсуняшину и сдѣлалъ въ тотъ день боярамъ и старцамъ людскимъ и убогимъ раздавая много имущества.

Послѣ того пришли Печенѣги къ Василеву и Владиміръ съ небольшимъ войскомъ вышелъ противъ нихъ. Въ происшедшемъ сраженіи, онъ не могъ устоять, побѣжалъ и сталъ подъ мостомъ, гдѣ едва укрылся отъ враговъ. Тутъ обѣщалъ Владиміръ построить въ Василевѣ церковь Святаго Преображенія; въ тотъ день, когда случилось эта сѣча, было Преображеніе Господне. Владиміръ, избавившись отъ этой опасности, поставилъ церковь и сдѣлалъ большой праздникъ. Сварено 300 котловъ меду; созвалъ онъ бояръ, посадниковъ и старѣйшинъ со всѣхъ городовъ и множество гражданъ; бѣднымъ роздалъ триста гривенъ. Восемь дней праздновалъ князь и возвратился въ Кіевъ на Успеніе Святой Богородицы, и здѣсь снова сдѣлалъ великое празднество, созывая безчисленное множество народа. Видя, что его подданные уже христіане, онъ радовался душою и тѣломъ, и такъ поступалъ каждый годъ. Любилъ онъ слушать чтеніе св. книгъ, и слыша разъ какъ читали Евангеліе: «блаженны милостивые, такъ какъ они будутъ помилованы», и другое: «продайте ваши имѣнія и раздайте нищимъ», и еще: «не припрятывайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль точитъ

и воры подбираются, но собирайте себѣ сокровище на небѣ, гдѣ моль не точитъ и воры не крадутъ»; и слова Давида: «блаженъ человѣкъ милующій и дающій»; слышалъ и Соломона говорящаго такъ: «дающій бѣдному даетъ взаемъ Богу». Слышавъ это, Владиміръ приказалъ, чтобы всѣ нищіе и калѣки приходили на княжескій дворъ и брали все нужное—питье и пищу и изъ казны деньгами. Устроилъ и еще, сказавъ: «больные и слабые не могутъ дойдти до моего двора». Велѣлъ приготовить повозки, положить на нихъ хлѣбы, мяса, рыбы, различные овощи, медъ въ бочонкахъ, въ другихъ квасъ, и возить по городу, спрашивая: «гдѣ нищіе и больные, которые ходить не могутъ»? И тѣмъ раздавали все нужное. А съ своими слугами устроилъ каждую недѣлю: на дворѣ въ *гридницѣ* приготавливаемъ былъ пиръ и приходили бояре, и *гриди* *, и сотскіе, и десятскіе, и люди именитые при князѣ и безъ князя. Много тутъ было всякаго мяса и скота и дичины: великое обиліе было во всемъ. Когда подпили, то начали роптать на князя и говорить: «бѣда нашимъ головамъ: ѣдимъ мы ложками деревянными, а не серебряными». Слыша это, Владиміръ велѣлъ выковать серебряныя ложки—ѣсть дружинѣ, говоря, серебромъ и золотомъ не пріобрѣту дружины, а дружиною пріобрѣту золото и серебро, какъ дѣдъ и отецъ мой пріобрѣли дружиною золото и серебро». Владиміръ любилъ дружину, и съ нею обдумывалъ устройство земли своей, и войны, и земскіе порядки. Онъ жилъ въ мирѣ съ сосѣдними князьями, съ Болеславомъ Польскимъ, съ Стефаномъ Венгерскимъ и съ Генрихомъ Чешскимъ; между нимъ былъ миръ и дружественныя отношенія. Владиміръ жилъ въ страхѣ Божіемъ; умножились разбои, и епископы сказали Владиміру: «очень много развелось разбойниковъ; почему не казнишь ихъ»?—Онъ имъ отвѣтилъ: «боюсь грѣха».—Епископы ему сказали на это: «ты поставленъ отъ Бога наказывать злыхъ, а добрыхъ миловать; ты долженъ казнить разбойниковъ, но съ изслѣдованіемъ». Владиміръ пересталъ брать штрафы и началъ казнить разбойниковъ. Тогда епископы и старики сказали: «часто бываетъ военное время; штрафы нужны на оружіе и копей». Владиміръ сказалъ: «пусть такъ и будетъ»; и жилъ Владиміръ по образцу своего отца и дѣда.

997 г.

Когда Владиміръ отправился въ Новгородъ за воинами противъ

* *Прим.* Гриди, гридня—назывались телохранители князские, а гридницею—та комната во дворцѣ, гдѣ они собирались.

Печенѣговъ,—а отъ нихъ постоянно были сильныя непріязненныя дѣйствія,—то Печенѣги, узнавъ, что князь въ отлучкѣ, пришли и стали около Бѣлагорода; не давали они возможности выходить изъ города и тамъ сдѣлался сильный голодъ. Не было возможности Владиміру пособить осажденнымъ; у него не было воиновъ, а Печенѣговъ многое множество. Осада продолжалась; былъ сильный голодъ въ городѣ и граждане собрались на вѣче; они говорили: «намъ предстоитъ неминуемая смерть отъ голода, а отъ князя нѣтъ помощи. Неужели намъ лучше помереть? Отдадимся Печенѣгамъ; тѣ кого убьютъ, а кого и пощадятъ, а отъ голода всѣ умремъ». Такъ они совѣщались между собою. На томъ вѣчѣ не былъ одинъ старикъ и спросилъ онъ: «по какой причинѣ было вѣче»? И граждане ему сказали, что положили на другой день отдаться Печенѣгамъ. Слышавъ это, послалъ онъ за городскими старѣйшинами, и сказавъ имъ: «я слышалъ, что вы хотите передаться Печенѣгамъ». Тѣ сказали: «граждане не выносятъ болѣе голода». И сказалъ имъ: «послушайте меня, три дня погодите съ изъявленіемъ покорности, а сдѣлайте то, что я вамъ велю». Тѣ обѣщались съ радостію его послушать и онъ имъ сказалъ: «соберите хоть по горсти овса или пшеницы или отрубей». Тѣ пошли съ радостью и сыскали. И приказалъ старикъ женщинамъ сдѣлать родъ киселя; велѣлъ выкопать колодезь и поставить въ немъ кадку; кисель вылили въ кадку. Велѣлъ и другой колодезь выкопать и поставить и въ немъ кадку. По его приказанію отправились искать меду; они пошли и нашли зарытымъ въ княжескомъ подвалѣ бочепокъ меду. Онъ велѣлъ его развести жидко и влить въ кадушку въ другомъ колодцѣ. На утро приказалъ послать за Печенѣгами. Граждане, придя къ Печенѣгамъ, сказали имъ: «возьмите себѣ нашихъ заложниковъ, а вы человѣкъ десять пойдите въ городъ и посмотрите, что дѣлается въ нашемъ городѣ» Печенѣги обрадовались,—они полагали, что жители хотятъ сдаться: взяли у нихъ заложниковъ, а сами выбрали людей получше и послали въ городъ: разглядѣть хорошенько, что тамъ дѣлается. Посланные пришли въ городъ и граждане его имъ сказали: «зачѣмъ вы себя губите? Въ состояніи ли вы переспорить насъ? Десять лѣтъ будете стоять передъ городомъ и то ничего намъ не сдѣлаете. Сама земля даетъ намъ кормъ; если не вѣрите, то посмотрите своими глазами». Привели Печенѣговъ къ колодцу, гдѣ былъ кисель, зачерпнули ведромъ и вылили въ лотокъ. Они попробовали, убѣдились, что это кисель; тогда ихъ повели къ другому колодцу, зачерпнули разведеннаго ме-

ду-сыты и начали ѣсть сначала сами, а потомъ Печенѣги. Они удивились и сказали: «не повѣрятъ намъ князья, если не попробуютъ сами». Граждане налили имъ въ горшокъ киселя и изъ другаго колодца медоваго раствора (сыты) и дали Печенѣгамъ. Тѣ пришли и разсказали все какъ было. Сварившіи ѣли печенѣжскіе князья; они удивились, взяли своихъ заложниковъ, а Русскихъ пустили, и снявъ осаду, вернулись домой.

998 — 1000.

Умерла Мальфрида. Въ этомъ же году умерла Рогнѣда, мать Ярослава.

1001 г.

Умеръ Изяславъ, отецъ Брячислава, сынъ Владиміра.

1002—1003 гг.

Умеръ Всеславъ, сынъ Изяслава, внукъ Владиміра.

1004—1007 гг.

Перенесли святыя иконы въ храмъ Св. Богородицы (должно быть изъ Греціи или Херсона).

1008—1011 гг.

Померла царевна Анна, супруга Владиміра.

1012—1014 гг.

Ярославъ находился въ Новѣ-Городѣ. Назначено было Новгородцамъ платить въ Кіевъ двѣ тысячи гривенъ въ годъ, да тысячу гривенъ въ годъ раздавали княжескимъ воинамъ. Такъ давали посадники новгородскіе, а Ярославъ отказался платить эти сборы своему отцу. Владиміръ отдалъ приказаніе готовить дороги и устраивать мосты. Онъ хотѣлъ идти на своего сына Ярослава, но сдѣлался боленъ.

1015 г.

Владиміръ намѣревался идти на Ярослава, а Ярославъ послалъ за море и привелъ Варяговъ изъ опасенія своего отца; но не допустилъ Богъ радоваться духу зла. Владиміръ сдѣлался боленъ; въ это время находился при немъ сынъ его Борисъ. Печенѣги шли на Русь, и потому Владиміръ послалъ противъ нихъ Бориса, а самъ заболѣлъ сильно и отъ этой болѣзни скончался іюля 15-го.

Онъ умеръ въ загородномъ Берестовомъ дворцѣ, и скрыли это, потому что Святополкъ находился въ Кіевѣ. Ночью, между комнатъ вынувъ полъ, завёрнули тѣло Владиміра въ коверъ и на веревкахъ спустили на землю; положивъ на повозку отвезли и поставили его въ храмѣ Св. Богородицы, имъ самимъ построенномъ. Когда граждане о томъ узнали, то собрались они въ безчисленномъ множествѣ и оплакивали его: бояре—какъ заступника земли родной, бѣдные—какъ заступника и кормителя. Положили его тѣло въ мраморную раку и схоронили съ плачемъ. Это былъ новый Константинъ того великаго Рима, крестившій себя и подданныхъ своихъ. И Владиміръ поступилъ по его примѣру. Хотя прежде и предавался онъ дурной страсти женолюбія, но потомъ весь обратился къ покаянію, по словамъ Апостола, который говоритъ: «гдѣ умножится грѣхъ, тамъ будетъ въ избыткѣ и благодать». Ежели прежде, при его невѣдѣніи истины, и были какіе-нибудь грѣхи, то впослѣдствіи заглажены они покаяніемъ и милостынею, какъ сказано въ Св. Писаніи: «въ чемъ тебя застану, въ томъ буду судить». Такъ пророкъ говоритъ: «живъ Я, Адонаи Господь, и не желаю смерти грѣшника, но желая ему оставить путь неправды и быть живому. Обратитесь искренно отъ вашего неправаго пути. Много праведниковъ, жившихъ по закону и поступавшихъ справедливо, къ смерти совращаются съ истиннаго пути и погибаютъ; а другіе живутъ развращенно, но къ смерти приходятъ въ себя и искреннимъ покаяніемъ очищаютъ свои грѣхи». Такъ говоритъ и пророкъ: «и праведный не спасется въ день его грѣха. Если я скажу праведному: ты будешь живъ, а тотъ, понадѣявшись на свою праведность, сдѣлаетъ беззаконіе, то въ его неправдѣ, имъ совершенной, и помину не будетъ обо всей его прежней правдѣ, и онъ въ неправдѣ и умретъ. А если скажу нечестивому: тебя постигнетъ смерть, но онъ вернется съ пути неправды и исполнитъ судъ и правду, и взятое взаймы отдастъ, и отнятое возвратитъ, то и помину не будетъ обо всѣхъ грѣхахъ имъ сдѣланныхъ, такъ какъ онъ поступилъ справедливо и законно и наслѣдуетъ онъ жизнь. Сыны Израильскіе, каждаго изъ васъ сужу по его поступкамъ». А Владиміръ умеръ въ добромъ исповѣданіи и грѣхи свои загладилъ покаяніемъ и милостынями, которыя на пути добра дѣйствуютъ сильнѣе всего. И Господь сказалъ: «милости желаю, а не жертвы». Милостыня—лучше и выше всего; она возводитъ на самое небо въ присутствіе Бога. Такъ и Корнилію сказалъ ангелъ: «молитвы твои и милостыни воспомянутся Богомъ».

Удивительно, какое великое добро сдѣлалъ Владиміръ Русской землѣ, крестивъ ее, а мы, будучи христіанами, не отдадимъ-ли ему почести соотвѣтствующей его заслугѣ? Не крести онъ насъ, мы бы и нынѣ находились въ сѣтяхъ злаго духа, въ которыхъ погибли наши предки. Если бы мы имѣли стараніе и приносили бы Богу молитвы за нашего просвѣтителя въ день его представленія, то Богъ, видя наше усердіе, прославилъ бы его. А слѣдуетъ намъ молиться за него Богу, потому что черезъ него познали мы истиннаго Бога. Пусть дастъ тебѣ Господь по сердцу твоему и исполнитъ все, о чемъ ты Его просишь, удостоивъ Тебя царства небеснаго—предмета постоянныхъ твоихъ желаній. Пусть дастъ тебѣ Господь вѣнецъ съ праведными, въ пищѣ райской веселіе и ликованіе съ Авраамомъ и другими патріархами, такъ и Соломонъ сказалъ: «со смертью праведнаго человѣка не вся погибла надежда. А память Владиміра навсегда останится у людей Русскихъ, не забудутъ они того, что онъ крестилъ ихъ, и прославляютъ Бога въ молитвахъ, въ пѣсняхъ и псалмахъ; поютъ Господу новые Его слуги, будучи просвѣщены Святымъ Духомъ, возлагая упованіе свое на великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, а онъ каждому воздастъ по его дѣламъ, а насъ пусть удостоитъ неизреченной радости, которая пусть будетъ удѣломъ всѣхъ христіанъ.

Объ убіеніи Бориса. Святополкъ сѣлъ въ Кіевѣ послѣ своего отца; онъ созвалъ Кіевлянъ и началъ раздавать имъ имущество. Тѣ брали, но душа ихъ не лежала къ нему, такъ какъ ихъ братья были съ Борисомъ. Борисъ былъ съ воинами на обратномъ пути—не нашелъ онъ Печенѣговъ—какъ пришло къ нему извѣстіе: «твой отецъ померъ». Сильно плакалъ онъ по отцѣ, тѣмъ болѣе, что былъ имъ любимъ болѣе прочихъ дѣтей его. Онъ остановился у рѣки Альты. Тутъ ему отцовы слуги сказали: «у тебя приближенные отца и его войско; иди въ Кіевѣ сядь на отцовскій престолъ». Онъ отвѣтилъ: «никогда не подниму руки на моего старшаго брата; если отецъ у меня и умеръ, то онъ мнѣ вмѣсто отца». Слыша это, воины разошлись отъ него и Борисъ остался только съ нѣсколькими молодыми людьми.—Беззаконная злоба овладѣла Святополкомъ, Каиновы мысли пришли къ нему на умъ и онъ послалъ сказать Борису: «хочу съ тобою быть въ тѣсной дружбѣ и прибавлю еще къ тому, что далъ тебѣ отецъ». Такъ дѣйствовалъ онъ изъ хитрости и замыслилъ его погубить. Святополкъ пришелъ ночью въ Вышгородъ, призвалъ тайно Путшю и Вышегородскихъ старѣйшинъ и сказалъ: «расположены ли вы ко мнѣ истин-

но». Отвѣтилъ Путьша и Вышегородцы: «охотно жертвуемъ жизнь нашу за тебя». Тогда имъ сказалъ Святополкъ: «не говоря никому, идите умертвите моего брата Бориса». Тѣ обѣщались ему немедленно исполнить его волю. О такихъ-то и имъ подобныхъ сказалъ Соломонъ: «готовы они несправедливо проливать кровь; жаждутъ они ее и приготовляютъ себѣ злое. Таковъ путь ихъ слѣдующихъ беззаконій; нечестіемъ губятъ они свою душу». Посланные пришли на Альту ночью и подошли близко; они слышали какъ блаженный Борисъ пѣлъ заутреню; онъ уже имѣлъ извѣстіе, что его хотятъ умертвить. Вставъ, началъ онъ пѣть слова Давида: «Господи, что это какъ много стало людей меня ненавидящихъ? Велико число тѣхъ, которые стоятъ противъ меня». И еще: «стрѣлы твои проникли въ меня; я готовъ принять раны и болѣзнь моя мнѣ извѣстна». И еще: «Господь, услышь мою молитву, не вступай въ судъ съ Твоимъ рабомъ, потому что не можетъ оправдаться передъ Тобою ничто живущее; а врагъ преслѣдуетъ мою душу». Окончилъ онъ шестипсалміе, когда увидѣлъ присланныхъ умертвить его; онъ началъ пѣть псалтырь и говорить: «множество тельцовъ обступило меня; сильные волы Васанскіе окружили меня. Господь и Богъ мой! На тебя возлагалъ всю мою надежду, спаси меня и избави меня отъ всѣхъ меня преслѣдующихъ. Затѣмъ сталъ онъ пѣть канонъ. Окончивъ заутреню, помолился и смотря на образъ Спасителя говорилъ такъ: «Господь Іисусъ Христосъ! Ты, который явился въ человѣческомъ образѣ для нашего спасенія, добровольно далъ свои руки пригвоздить на крестѣ и принялъ страданія за наши грѣхи, такъ и меня удостой принять страданіе; его я принимаю не отъ враговъ моихъ, но отъ моего брата и этого Господи не поставь ему во грѣхъ». Онъ помолился и легъ на свою постель; а тѣ, какъ дикіе звѣри, напали кругомъ на шатеръ, направили копьи и пронзили Бориса и его слугу, который упалъ на него, пронзили съ нимъ вмѣстѣ, а его очень любилъ Борисъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ родомъ Венгерецъ и звали его Георгій. Его сильно любилъ Борисъ и надѣлъ на него большое золотое ожерелье, въ которомъ онъ и служилъ передъ нимъ; избили много и другихъ слугъ Бориса. Они не могли скоро снять ожерелье съ шеи Георгія, а потому отрубили ему голову и такъ сняли; а потому-то послѣ не могли найдти тѣла его въ числѣ труповъ. Эти злодѣи, умертвивъ Бориса, обернули тѣло его шатромъ, положили на телѣгу и повезли, а онъ еще дышалъ. Когда преступный Святополкъ узналъ, что онъ еще дышетъ, послалъ

двухъ Варяговъ прикончить его. Тѣ пришли и увидали, что онъ еще живъ, тогда одинъ изъ нихъ извлекъ мечь и прокололъ его въ сердце. Такъ скончался блаженный Борисъ, принявъ отъ Христа Бога вѣнецъ съ праведными, причисленъ къ пророкамъ и апостоламъ и участвуетъ въ хорахъ мучениковъ, почиваетъ на лонѣ Авраама, видитъ неизреченное веселіе, воспѣваетъ съ ангелами и веселится въ сообществѣ святыхъ. Тѣло Бориса принесли тайно въ Вышгородъ и положили въ церкви св. Василія. Проклятые убійцы пришли къ Святополку какъ бы хвалясь своимъ беззаконнымъ дѣломъ. Вотъ имена этихъ законопреступниковъ: Путьша, Талецъ, Еловитъ и Ляшко: ихъ отецъ—злой духъ. Такіе слуги это—бѣсы; они-тобываютъ посылаемы на злое, какъ ангелы на доброе. Ангелъ не дѣлаетъ человѣку зла, но постоянно расположенъ дѣлать ему добро; въ особенности они помогаютъ христіанамъ и защищаютъ ихъ отъ противника діавола. Бѣсы же постоянно смапываютъ человѣка на зло; они ему завидуютъ, потому что видятъ, что Богъ почтилъ человѣка, и завидуя ему, будучи посылаемы на зло, они усердны. Такъ и въ писаніи сказано: кто пойдетъ ввесть Ахава въ обманъ? И сказалъ злой духъ: вотъ я готовъ. Злой человѣкъ въ своихъ стремленіяхъ на зло хуже злаго духа. Злые духи хотя боятся Бога, а злой человѣкъ ни Бога не боится, ни человѣкъ не стыдится. Злые духи боятся креста Господня, а злой человѣкъ и креста не боится. Потому то и Давидъ сказалъ: «подлинно ли правду говорите вы сильные, и справедливо судите сыны человѣческіе? Напротивъ беззаконія составляете въ сердцѣ, кладете на вѣсы злодѣянія рукъ вашихъ на землѣ. Съ самаго рожденія отступили беззаконные, отъ матерней утробы блуждаютъ, говоря ложь. Въ нихъ ядъ какъ ядъ змія».

Преступный Святополкъ продолжалъ свои нечестивые замыслы; онъ говорилъ самъ себѣ: «вотъ я убилъ Бориса, какъ бы теперь убить Глѣба»? Заручившись такимъ замысломъ, достойнымъ Каина, онъ послалъ съ обманомъ къ Глѣбу сказать: «иди скорѣе, отецъ тебя зоветъ; онъ очень боленъ». Глѣбъ поспѣшно сѣлъ на коня и съ немногими провожатыми пошелъ въ путь; онъ отличался послушаніемъ отцу. Когда онъ пришелъ на Волгу, то на полѣ конь споткнулся во рву и Глѣбъ повредилъ себѣ немного ногу. Онъ пришелъ къ Смоленску и отойдя отъ Смоленска, такъ что онъ еще былъ въ виду, остановился на Смядинѣ въ лодкѣ. Въ это время пришло къ Ярославу извѣстіе отъ Передславы о томъ, что отецъ умеръ. Ярославъ послалъ сказать Глѣбу: «не ходи, твой отецъ умеръ, а братъ убитъ Святополкомъ». Услыхавъ это, Глѣбъ горько запла-

калъ: и отца жалко ему было, а больше брата, и началъ онъ молиться со слезами; онъ говорилъ: «горе мнѣ, Господь! Лучше было бы умереть мнѣ съ братомъ, нежели жить на этомъ свѣтѣ. Братъ мой, еслибы я видѣлъ твое ангельское лицо, то умеръ бы съ тобою, а теперь зачѣмъ я остался одинъ? Гдѣ слова твои, любимый братъ, которыя ты говорилъ ко мнѣ? Теперь уже не услышу твоего тихаго поучающаго голоса. Если ты получилъ отъ Бога милость, то попроси и за меня, чтобы и мнѣ принять такое же страданіе; лучше было бы жить съ тобою, чѣмъ на этомъ обманчивомъ свѣтѣ». И когда онъ такъ молился со слезами, вдругъ пришли присланные Святополкомъ — умертвить Глѣба и тутъ сейчасъ же они захватили корабль Глѣбовъ и обнажили оружіе. Упали духомъ приближенные Глѣба: а одинъ изъ присланныхъ Святополкомъ проклятый Горясѣръ, велѣлъ немедленно зарѣзать Глѣба и поваръ Глѣба, именемъ Торчинъ, вынулъ ножъ и зарѣзалъ Глѣба. Какъ агница непорочнаго принесъ онъ самъ себя въ жертву Богу, въ воню благоуханія—жертва словесная, и принялъ онъ вѣнецъ, вошелъ въ небесныя жилища и увидѣлъ своего желаннаго брата и радовался съ нимъ невыразимою радостью, которую и заслужили своею братскою любовью.—Что лучше и прекраснѣе того что братьямъ жить согласно! А проклятые злодѣи пошли назадъ, какъ сказалъ Давидъ: «пусть возвратятся грѣшники назадъ». Онъ же сказалъ: «нечестивые обнажаютъ мечъ и натягиваютъ свой лукъ, чтобы сразить бѣднаго и нищаго и чтобы пронзить идущихъ прямымъ путемъ. Мечъ ихъ пойдетъ въ ихъ сердце и луки ихъ сломятся.—Нечестивые погибнутъ и враги Господни, какъ краса луговъ, исчезнутъ и какъ дымъ обратятся ни во что». Они пришли и сказали Святополку: «исполнили мы то, что ты повелѣлъ». А онъ, услыхавъ, еще болѣе возгордился сердцемъ; не зналъ онъ словъ пророка Давида: «что хвалишься злодѣйствомъ сильный! Милость Божія всякій день со мною. Гибель вымышляетъ языкъ твой; онъ, какъ изощренная бритва, у тебя коварный. Ты любишь болѣе зло, нежели добро, болѣе лгать, нежели говорить правду. Ты любишь всякія рѣчи гибельныя и языкъ коварный. За то Богъ ниспровергнетъ тебя въ конецъ, изринетъ тебя и исторгнетъ тебя изъ жилища и корень твой изъ земли живыхъ». И Соломонъ сказалъ: «я посмѣюсь вашей погибели и порадуюсь, когда васъ постигнетъ пагуба, а потому вкусятъ плоды своихъ дѣйствій и насытятся своего нечестія».—Глѣбъ былъ убитъ и брошенъ на берегу между двухъ колодъ; потомъ его взяли, повезли и положили въ церквѣ

Св. Василія вмѣстѣ съ братомъ его Борисомъ. Соединились они тѣлесно, а всего болѣе душевно и остались у Властителя и Обладателя всего, въ безконечной радости, въ свѣтѣ непзрѣченномъ, подавая дары исцѣленія землѣ Русской и даже чужестраннымъ, которые съ вѣрою къ нимъ приходятъ, и тѣмъ подаютъ исцѣленіе, хромымъ возвращаютъ способность ходить, слѣпымъ зрѣніе, больнымъ здоровье, заключеннымъ свободу, отворяютъ темницы, утѣшаютъ находящихся въ печали, избавляютъ отъ грозящихъ опасностей. Они, заступники земли Русской, сіяютъ какъ свѣтильники и молятся ко Господу усердно о своихъ соотечественникахъ. А потому и мы должны восхвалить по достоинству страдальцевъ Христовыхъ и молиться усердно къ нимъ, говоря: радуйтесь страдальцы Христовы за Русскую землю, — вы, дарующіе исцѣленіе тѣмъ, которые приходятъ къ вамъ съ вѣрою и любовью. Радуйтесь небесные жители, и въ тѣлѣ вы были ангелами, единомысленные слуги Господу, сверстники единодушные, имѣющіе со святыми одинаковые помыслы; всѣмъ страждующимъ вы оказываете помощь и исцѣленіе. Радуйтесь Борисъ и Глѣбъ, мудрые въ Богѣ; какъ обильные потоки источника воды живоносной—чудеса ваши истекаютъ на исцѣленіе вѣрныхъ людей. Радуйтесь: поправши лукаваго змѣя, явились вы въ свѣтѣ зари, и какъ яркія свѣтила озарили всю землю Русскую, отгоняя постоянно тьму и являясь неуклонною вѣрою. Радуйтесь—глазъ, дремапію и сну не подверженный, спискавшіе себѣ душу на совершенство Божіе; заповѣди святыхъ вы, блаженные, приняли въ ваше сердце. Радуйтесь вы, братья неразлучные, въ мѣстахъ полныхъ нездѣшняго свѣта, въ селеніяхъ небесныхъ, въ неувѣдаемой славѣ, которой вы по заслугамъ вашимъ удостоились. Радуйтесь—явно окруженные божественнымъ сіяніемъ, цѣлый міръ вы обходите, злыхъ духовъ прогоняете, болѣзни исцѣляете, свѣтильники самые добрые, заступники теплые сердцемъ, съ Богомъ вы находитесь, божественными лучами проникаетесь во-истину, доблестные страдальцы, вы просвѣщаете истиннымъ свѣтомъ души вѣрныхъ людей. Возвеличила васъ свѣтоносная любовь небесная: потому-то наслѣдовали вы все лучшее въ небесной жизни—славу и райскую пищу и свѣтъ разумный и невыразимыя радости. Радуйтесь вы, которые всѣхъ сердца наполняете, отгоняете горести и болѣзни, исцѣляете зловредныя страсти, каплями вашей святой крови окрасили вы вашу одежду, полные славы; ею-то прекрасно облеченные, вы постоянно царствуете со Христомъ, молясь за новыхъ христіанъ и своихъ родственниковъ; земля напла себѣ благосло-

вепіе вашею кровью и вашими мощами, просвѣщенными божественнымъ духомъ. Съ мучениками вы сами, приявшіе мученичество, молитесь за своихъ людей. Радость церкви, пріобрѣтшей въ васъ свѣтозарное солнце, восходъ котораго всегда просвѣщаетъ въ страданіи, во славу вашу—мучениковъ. Радуйтесь, свѣтлая звѣзда, рано утромъ восходящая. Христолюбивые страдальцы и заступники наши, покорите язычниковъ подъ ноги князей нашихъ: молитесь ко Владыкѣ Богу нашему, чтобы они мирно оставались согласными и здоровыми, избавляйте отъ междуусобной войны и отъ пропырства злаго духа. Удостойте и насъ поющихъ и почитающихъ ваше честное торжество во всѣ вѣки и до скончанія ихъ.

Злой и преступный Святополкъ убилъ и Святослава,ославъ за нимъ, въ Венгерскихъ горахъ, когда тотъ уходилъ въ Венгрію, и началъ помышлять: «перебью всѣхъ своихъ братьевъ и захвачу всю землю Русскую». Такъ онъ задумалъ въ своемъ гордомъ помыслѣ, не зная, что Богъ даетъ власть кому хочетъ; Вышній поставляетъ царей и князей, и какихъ хочетъ, такихъ и даетъ. Если какая земля заслужитъ отъ Господа Бога, то даетъ онъ ей царя или князя праведнаго, любящаго судъ и правду, и устраиваетъ ей властителей и судей, любящихъ справедливость. Если въ какой землѣ бываютъ князья справедливые, то много грѣховъ прощается; а если злы и лукавы они, то Богъ наводитъ на землю большее зло, такъ какъ то глава земли. Такъ и Исаія сказалъ: согрѣшили отъ головы до ногъ,—это значитъ отъ царя и до простыхъ людей. Горе тому городу, въ которомъ князь молодъ, любитъ пить вино съ музыкою и съ молодыми совѣтниками. Таковыхъ Богъ даетъ за грѣхи, а старыхъ и мудрыхъ отнимаетъ, какъ и Исаія сказалъ: «отниметъ Господь отъ Іерусалима сильнаго, ростомъ большаго, человѣка храбраго и судью, и пророка, и смиреннаго старика, и удивительнаго совѣтника, и мудраго изобрѣтателя, разумнаго и послушнаго, а поставлю молодаго человѣка имъ княземъ, и тотъ, кто ими наругается, будетъ владѣть ими».

Проклятый Святополкъ началъ княжить въ Кіевѣ; онъ созвалъ гражданъ и началъ раздавать инымъ мѣха, а другимъ деньги и роздалъ множество всего. Ярославъ не зналъ о смерти отца, а у него было много Варяговъ; они дѣлали насиліе Новгородцамъ и ихъ женамъ. Новгородцы возмутились и избили Варяговъ на Парамоновомъ дворѣ. Разсердился Ярославъ, отправился на Рокомъ и остановился тамъ на дворѣ. Онъ послалъ сказать Новгородцамъ: «уже не воскресить убитыхъ». Онъ позвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ

людей изъ тѣхъ, которые истребили Варяговъ, и обманомъ зазвавъ ихъ, умертвилъ. Въ эту же ночь пришло къ нему извѣстіе изъ Кіева отъ сестры его Предславы: «отецъ твой умеръ, а Святополкъ находится въ Кіевѣ; онъ убилъ Бориса, да и за Глѣбомъ послалъ; имѣй и самъ величайшую осторожность». Когда Ярославъ услышалъ это, то жалко ему стало и отца и дружины (т. е. избитой имъ). На другой день собралъ онъ остальныхъ Новгородцевъ и сказалъ: «милая моя дружина, вчера избилъ я ее, а теперь какъ бы она была нужна»! Онъ утеръ слезы и сказалъ Новгородцамъ на вѣчѣ (т. е. въ народномъ собраніи : «отецъ мой умеръ, а Святополкъ властвуетъ въ Кіевѣ и избиваетъ своихъ братьевъ». Новгородцы сказали: «хоть ты, князь, и избилъ нашихъ братьевъ, но мы еще можемъ за тебя постоять».—Ярославъ собралъ тысячу Варяговъ, да другихъ воиновъ сорокъ тысячъ и пошелъ на Святополка, призвавъ Бога и сказавъ: «не я началъ избивать братьевъ, но онъ; пусть Богъ будетъ мстителемъ за кровь моихъ братьевъ, такъ какъ онъ безъ вины пролилъ праведную кровь Бориса и Глѣба. И мнѣ онъ хочетъ сдѣлать то же самое, но разсуди меня, Господь, по моей правдѣ и пусть возъимѣетъ конецъ злоба грѣшника». Ярославъ выступилъ на Святополка, а тотъ, услыхавъ о томъ что идетъ на него Ярославъ, приготовилъ безчисленное множество воиновъ Русскихъ и Печенѣговъ и вышелъ навстрѣчу его къ Любечу. Ярославъ стоялъ по сю сторону Днѣпра, а Святополкъ по ту.

Начало Ярославова княженія въ Кіевѣ

1016 годъ.

Пришелъ Ярославъ и оба войска стали на различныхъ сторонахъ Днѣпра; не смѣли первые сдѣлать нападеніе ни тѣ, ни другіе и стояли такъ другъ противъ друга въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Одинъ изъ начальниковъ Святополкова войска ѣздилъ по берегу и началъ поносить Новгородцевъ, говоря имъ: «зачѣмъ вы пришли съ этимъ хромымъ (Ярославомъ)? Ваше дѣло плотничать. Приставимъ васъ рубить наши хоромы». Услыхавъ это, Новгородцы сказали Ярославу: «завтра утромъ переправимся мы черезъ рѣку, а кто не пойдетъ съ нами, того убьемъ». А уже начались заморозки; Святополкъ стоялъ между двухъ озеръ; всю ночь провелъ онъ съ своею дружиною въ пиршествѣ и пьянствѣ. На другой день Ярославъ, устроивъ свое войско въ боевой порядокъ, къ

разсвѣту переправился на другой берегъ. Воины его, выйдя на берегъ, оттолкнули лодки отъ берега, пошли противъ непріятеля и сошлись вмѣстѣ. Бой произошелъ жестокій; Печенѣги, отдѣленные озеромъ, не могли оказать помощи; Святополкъ и его войско были притиснуты къ озеру войскомъ Ярослава. Они взошли было на ледъ, но онъ подломился и побѣда явно увѣнчала Ярослава; Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ въ Кіевѣ сѣлъ на престолѣ своего отца и дѣда; тогда Ярославу было (въ Новгородѣ) 28 лѣтъ.

1017 г.

Ярославъ пошелъ въ Кіевъ и погорѣли церкви.

1018 г.

Пришелъ на Ярослава Святославъ съ Болеславомъ и Поляками. Ярославъ, собравъ Русь, Варяговъ и Словенъ, пошелъ противъ Болеслава и Святополка, пришелъ въ Волынь и оба войска стали, раздѣленныя рѣкою Бугомъ. У Ярослава начальникомъ войска былъ его дядька, именемъ Будый. Онъ началъ поносить Болеслава и говорить: «вотъ ужь скоро проткнемъ мы палкою твое толстое брюхо». А Болеславъ былъ громаденъ и тяжелъ тѣломъ, такъ что и на конѣ не могъ сидѣть, но очень уменъ. И сказалъ Болеславъ своей дружинѣ: «если вамъ не жаль этой укоризны, то я одинъ погибну». Сѣвъ на коня, въѣхалъ онъ въ рѣку; за нимъ послѣдовали всѣ его воины, а Ярославъ не успѣлъ изготовить воиновъ къ отпору, и Болеславъ побѣдилъ Ярослава, который въ сопровожденіи только 4 человѣкъ ушелъ въ Новгородъ, а Болеславъ съ Святополкомъ вошли въ Кіевъ. Болеславъ сказалъ: «разведите воиновъ моихъ по городамъ на покормы (покормиться). — Такъ и сдѣлали. Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ и хотѣлъ бѣжать за море; но посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни, съ Новгородцами разрубили лодки Ярославовы, говоря: «хотимъ еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ». Начали они собирать деньги: отъ простаго гражданина по 4 куны, отъ старосты по десяти гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ. Привели Варяговъ и напяли ихъ на эти деньги; такимъ образомъ Ярославъ собралъ большое войско. Болеславъ оставался въ Кіевѣ; преступный Святополкъ отдалъ приказаніе: «избивать всѣхъ Поляковъ, сколько ихъ ни есть по городу». И избили Поляковъ. Болеславъ бѣжалъ изъ Кіева, взялъ съ собою и имущество и бояръ Ярославовыхъ и сестеръ его, а къ имуще-

ству приставилъ главнымъ надзирателемъ Апастаса Десятинаго, такъ какъ тотъ съумѣлъ хитро вкрасться къ нему въ милость. Множество гражданъ повелъ съ собою Болеславъ, захватилъ Червенскіе города и вернулся въ свою землю. А Святополкъ началъ княжить въ Кіевѣ. Ярославъ пошелъ на Святополка, а тотъ ушелъ къ Печенѣгамъ.

1019 г.

Пришелъ Святополкъ съ громадными полчищами Печенѣговъ. Ярославъ съ своей стороны собралъ множество воиновъ и вышелъ на встрѣчу ему на Альту. Ярославъ сталъ на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ, и поднявъ руки къ небу, говорилъ: «кровь моего брата взываетъ къ тебѣ, Владыка; отмсти за кровь этого праведника, какъ мстилъ ты за кровь Авелеву, положивъ на Каинѣ стенаніе и трясеніе; такъ положи и на этого». Помолился Ярославъ и сказалъ: «братья мои, хотя вы и оставили здѣшнія мѣста тѣломъ, но молитвами вашими помогите мнѣ на этого ненавистнаго и гордаго убійцу». Когда онъ это высказалъ, то оба войска сошлись и поля около Альты всѣ покрылись множествомъ воиновъ. Въ то время была пятница. Солнце восходило, когда сразились оба войска; жестокой произошелъ бой, какого еще не было на Руси; схватившись за руки, рубили другъ друга и три раза схватывались, такъ что по низменнымъ мѣстамъ текли потоки крови. Къ вечеру Ярославъ побѣдилъ, а Святополкъ бѣжалъ. Во время бѣгства вошелъ въ него злой духъ; ослабѣлъ всѣмъ тѣломъ и не могъ сидѣть; несли его на носилкахъ. Принесли къ Берестью, бѣгая съ нимъ, а онъ говорилъ: «бѣгите со мною, за нами гонятся». Люди его высылали посмотрѣть, гонится ли кто, — не было никого, но они бѣжали все съ нимъ далѣе. Святополкъ, лежа больной, вскакивалъ и говорилъ: «бѣгите скорѣе, за нами гонятся». Онъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ, пробѣжалъ Польскую землю и, гонимый гнѣвомъ Божіимъ, прибѣжалъ въ пустыню между земель Польской и Чешской и тутъ бѣдственно окончилъ жизнь свою. Его-то проклятаго по справедливости, какъ преступника, когда постигнулъ его судъ по оставленіи имъ этого свѣта, приняли мученія. Явнымъ доказательствомъ его осужденія служила посланная на него пагубная болѣзнь, которая его безъ милосердія вогнала въ смерть и по смерти онъ заключенъ въ мѣста вѣчнаго мученія. Могила его находится въ пустынѣ и по сіе время изъ нея выходитъ страшное зловоніе. Это Богъ показалъ въ наученіе князей русскихъ: если

они, слыша объ участи Святополка, будутъ послѣдовать его примѣру, то примутъ не только такую же казнь, но и большую, потому что зная о томъ, рѣшились на такое же убійство. Семь разъ месть принялъ Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70, потому что Каинъ не зналъ о томъ, что приметъ мщеніе отъ Бога, а Ламехъ, зная казнь, постигшую его прародителя, совершилъ убійство. Ламехъ сказалъ своимъ женамъ: «я убилъ человѣка во вредъ мнѣ и юношу на мою гибель», а потому, сказалъ онъ, 70 разъ месть на мнѣ, такъ какъ я, говорилъ онъ, сдѣлалъ это вѣдая (сознательно). Этотъ Ламехъ убилъ двухъ братьевъ Енохових и женъ ихъ себѣ взялъ; а этотъ Святополкъ, новый Авимелехъ, который родился отъ противузаконнаго соединенія и избилъ своихъ братьевъ, сыновей Гедеона; такъ поступилъ и Святополкъ. Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, отеръ потъ съ лица онъ и дружина его, получивъ побѣду, стоившую большихъ трудовъ.

1020 г.

У Ярослава родился сынъ и онъ далъ ему имя Владиміра.

1021 г.

Брячиславъ, сынъ Изяслава и внукъ Владиміра, пришелъ на Новгородъ, занялъ его, взялъ съ собою Новгородцевъ и ихъ имущество и пошелъ назадъ къ Полоцку. Когда онъ пришелъ къ рѣкѣ Судомѣрѣ, то тутъ настигъ его Ярославъ изъ Кіева на седьмой день. Онъ одержалъ побѣду надъ Брячиславомъ, взятыхъ было Брячиславомъ Новгородцевъ вернулъ въ Новгородъ, а Брячиславъ бѣжалъ въ Полоцкъ.

1022 г.

Ярославъ пришелъ къ Берестію. Въ это время Мьстиславъ, находившійся въ Тмутаракани, пошелъ на Косоговъ. Услыхавъ объ этомъ, Редедя, князь Касожьскій, вышелъ ему на встрѣчу. Когда оба войска сошлись одно съ другимъ, то Редедя сказалъ Мьстиславу: зачѣмъ станемъ губить мы оба воиновъ? Сойдемся сами бороться. Если ты одолѣешь, то возьмешь мое имѣніе и жену и дѣтей и мою землю; но если я тебя одолѣю, то возьму все твое. Отвѣтилъ Мьстиславъ: «пусть такъ и будетъ». И сказалъ Редедя Мьстиславу: «мы состязаться будемъ не оружіемъ, а борьбою». Схватились они бороться крѣпко. Долго они не уступали другъ другу; наконецъ Мьстиславъ началъ слабѣть. Редедя былъ великъ и силенъ, и Мьстиславъ сказалъ: «о Пречистая Богородица, помоги

мнѣ! Если я поборю своего противника, то воздвигну воинмя Твое церковь». Съ этими словами повалилъ онъ Редедю на землю и, вынувъ ножъ, зарѣзалъ Редедю, пошелъ въ его землю, взялъ все его имущество—жену его и дѣтей и наложилъ на Косоговъ дань. По возвращеніи въ Тмутаракань, онъ положилъ основаніе храму Св. Богородицы и построилъ его. И до нынѣ находится онъ въ Тмутаракани.

1023 г.

Мьстиславъ съ Козарами и Косогами пошелъ на Ярослава.

1024 г.

Ярославъ находился въ Новѣгородѣ, когда Мьстиславъ изъ Тмутаракани пришелъ къ Кіеву. Жители Кіева его не приняли, и онъ пошелъ и въ Черниговѣ сѣлъ княжить, а Ярославъ находился въ то время въ Новѣгородѣ.—Въ это же время поднялись въ Суздалѣ волшебники (волхвы, колдуны ; по наученію злаго духа бѣсновались они и избивали старыхъ людей, увѣряя, будто бы они держатъ хлѣбъ. По всей странѣ былъ большой мятежъ и голодъ. Жители отправились по Волгѣ въ землю Болгарскую, привезли себѣ оттуда хлѣба и тѣмъ остались живы. Ярославъ, услыхавъ о дѣйствіяхъ волшебниковъ, пришелъ въ Суздаль, половилъ ихъ; однихъ отправилъ въ ссылку, другихъ казнилъ, говоря такъ: «Богъ на каждую землю посылаетъ по ея грѣхамъ или голодъ, или моровое повѣтріе, или засуху, или другое наказаніе, а человѣкъ не знаетъ ничего». Ярославъ вернулся, пришелъ въ Новгородъ и послалъ за море къ Варягамъ, и пришелъ Якунъ съ ними; онъ былъ слѣпъ и повязка у него была выткана золотомъ. Онъ-то пришелъ къ Ярославу и Ярославъ пошелъ съ нимъ на Мьстислава, а тотъ, услыхавъ о его приближеніи, вышелъ имъ на встрѣчу къ Листвену. Еще съ вечера устроилъ Мьстиславъ свое войско въ боевой порядокъ: Сѣверянъ онъ поставилъ впередъ противъ Варяговъ, а самъ съ своею дружиною сталъ на флангахъ. Наступила ночь темная; были громъ, молнія и дождь. Мьстиславъ сказалъ своимъ воинамъ: «пойдемъ на нихъ» (на враговъ). И сошлись Мьстиславъ и Ярославъ другъ съ другомъ; сошлись передовые Сѣверяне съ Варягами, и когда Варяги утомились истребленіемъ Сѣверянъ, тутъ Мьстиславъ наступилъ съ своею дружиною и началъ избивать Варяговъ. Бой былъ жестокой: молнія сверкала и отражалась на блестящемъ оружіи; сильная была гроза, и сѣча была большая и страшная. Ярославъ, видя неминуемое пораженіе своихъ, бѣжалъ и съ нимъ вмѣстѣ Якунъ, варяжскій князь; тутъ онъ

потерялъ и свою золотую повязку. Ярославъ пришелъ въ Новгородъ, а Якунъ удалился за море. А Мстиславъ, когда наступилъ день, видя, что лежатъ убитые изъ его войска Сѣверянъ и изъ Варяговъ Ярослава сказалъ: «какъ этому не радоваться? Вотъ лежитъ Сѣверянинъ, а вотъ Варягъ, а моя дружина цѣла». Мстиславъ послалъ къ Ярославу сказать ему: «оставайся въ своемъ Кіевѣ; ты — старшій братъ, а моя будетъ эта (лѣвая) сторона Днѣпра». И не смѣлъ Ярославъ идти въ Кіевъ, пока не помирились. Мстиславъ оставался въ Черниговѣ, а Ярославъ въ Новѣгородѣ; въ Кіевѣ были намѣстники Ярославовы.—Въ этомъ же году родился у Ярослава другой сынъ и назвалъ онъ его Изяславомъ.

1025 г.

Ярославъ собралъ сильное войско, пришелъ къ Кіеву и заключилъ миръ съ братомъ своимъ Мстиславомъ у Городца. По Днѣпръ раздѣлили они Рускую землю: Кіевскую сторону взялъ себѣ Ярославъ, а Мстиславъ другую (т. е. тотъ берегъ Днѣпра). Начали они жить въ мирѣ и братолюбіи, междуусобіе и неурядица кончились и вездѣ по всей землѣ Руской водворилось совершенное спокойствіе.

1026 г.

У Ярослава родился третій сынъ и онъ далъ ему имя Святослава.

1027 г.

Было небесное явленіе, видимое по всей землѣ.

1028 г.

Было повсюду мирно.

1029 г.

Ярославъ взялъ Бельзъ и у него родился четвертый сынъ, которому онъ далъ имя Всеволода. Въ этомъ же году Ярославъ пошелъ на Чудь, побѣдилъ ее и основалъ городъ Юрьевъ. Въ это же время въ землѣ Польской умеръ Болеславъ великій и тамъ возникли большія смуты. Поселяне возмутились и убивали епископовъ, священниковъ и бояръ, и было сильное волненіе.

1030 г.

Ярославъ и Мстиславъ собрали сильное войско, пошли на Поляковъ, заняли снова Червенскіе города и опустошили Польскую землю. Привели много плѣнныхъ Поляковъ и раздѣлили ихъ.

Ярославъ поселилъ своихъ по Роси, гдѣ они живутъ и до этого времени.

1032 г.

Ярославъ началъ ставить города по Роси.

1033 г.

Евстафій Мстиславовичъ умеръ.

1034—36.

Мстиславъ отправился на охоту, сдѣлался болепъ и умеръ; его положили въ церкви Св. Спаса, которую онъ самъ заложилъ; а при немъ выведено ее выше, чѣмъ можно достать стоя на конѣ. Мстиславъ былъ силенъ тѣломъ, лицомъ смуглъ, имѣлъ глаза большіе, храбръ былъ на войнѣ, милостивъ, очень любилъ свою дружину, не щадилъ сокровищъ и не останавливалъ ее ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ. Послѣ его смерти его владѣнія достались Ярославу и онъ остался единственнымъ властителемъ всей Русской земли.— Ярославъ отправился въ Новгородъ и тамъ посадилъ сына своего Владиміра, а епископомъ поставилъ Жидяту.—Въ это же время у Ярослава родился сынъ, котораго назвалъ онъ Вячеславомъ. Ярославъ находился въ Новгородѣ, когда пришло къ нему извѣстіе, что Печенѣги обступили Кіевъ. Ярославъ собралъ множество воиновъ Варягъ и Славянъ, пришелъ къ Кіеву и вошелъ въ городъ. Печенѣговъ было безчисленное множество. Ярославъ выступилъ изъ города и устроилъ свою дружину въ боевой порядокъ. Варяговъ поставилъ посерединѣ, на правой сторонѣ Кіявлянъ, а на лѣвой Новгородцевъ. Стали они передъ городомъ; Печенѣги стали къ нимъ подходить и сошлись на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ храмъ Св. Софіи, русская метрополія; а тогда внѣ города было это пустое мѣсто (поле). Жестокій былъ бой и едва къ вечеру одержалъ побѣду Ярославъ. Печенѣги бѣжали въ разныя стороны и не знали гдѣ искать спасенія, тонули и въ Сѣтомлѣ, и въ другихъ рѣкахъ; да и остальные пропали безъ вѣсти и по сіе время.—Въ этомъ же году Ярославъ посадилъ въ темницѣ въ Псковѣ брата своего Судислава; его оклеветали передъ нимъ.

1036 г.

Ярославъ заложилъ въ большемъ размѣрѣ городъ Кіевъ, тотъ самый, у котораго теперь Золотыя ворота; заложилъ онъ и митрополичью церковь Св. Софіи и потомъ церковь Благовѣщенье Св. Богородицы на Золотыхъ воротахъ, и монастыри Св. Георгія

и Св. Ирины. При Ярославѣ начала распространяться Христіанская вѣра и приносить плоды, стало умножаться число монаховъ и устраиваться монастыри. Ярославъ любилъ церковные уставы и очень благоволилъ къ попамъ, въ особенности же къ монахамъ, имѣлъ усердіе къ книгамъ и читалъ ихъ днемъ и ночью. Онъ собралъ множество писцовъ и переводилъ съ греческаго языка на славянскій, тѣ написали много книгъ и ими теперь поучаются православные, наслаждаясь божественнымъ ученіемъ. Точно такъ какъ одинъ приготовитъ пашню, другой посѣетъ, а иные пожинаютъ и ѣдятъ достаточную пищу; такъ и тутъ: отецъ Ярослава Владиміръ вспахалъ и сдѣлалъ землю мягкою то-есть просвѣтилъ крещеніемъ, а Ярославъ насѣялъ въ сердца вѣрныхъ людей слова книжныя, а мы пожинаемъ, принимая ученіе изъ этихъ книгъ. Большая бываетъ польза отъ книжнаго ученія: ими исправляемые научаемся мы пути покаянія, изъ словъ книжныхъ пріобрѣтаемъ мудрость и воздержаніе: это рѣки, наполняющія вселенную; это источники мудрости. Въ книгахъ недостижимая глубина; ими утѣшаемся мы въ печали; это удобовоздержаніе. Мудрость велика и о ней въ похвалу ея Соломонъ говорилъ: «я премудрость—свѣтъ, разумъ и смыслъ, я призвала страхъ Господній; мои совѣты, мудрость, утвержденіе и сила; мною царствуютъ цари и сильные пишутъ справедливые законы; мною величаются вельможи и властители управляютъ землею. Я люблю любящихъ меня и ищущіе меня найдутъ благодать». Если поищешь прилѣжно въ книгахъ мудрости, то найдешь великую пользу для твоей души. Кто читаетъ часто книги, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ или святыми людьми. Читая бесѣды пророческія, ученіе Евангельское и Апостольское, житіе Св. Отцовъ получаемъ для души великую пользу.— Ярославъ, какъ мы уже сказали, очень любилъ книги и много ихъ написавъ положилъ въ храмѣ Св. Софіи, имъ построенномъ; онъ его украсилъ золотомъ, серебромъ и сосудами церковными и въ немъ въ извѣстное время приносятся обычныя мольбы Богу. И по другимъ городамъ и мѣстамъ строилъ Ярославъ церкви, ставилъ туда священниковъ и назначалъ имъ жалованье отъ своего имущества веля имъ, такъ какъ на нихъ и Богомъ возложена эта обязанность, учить людей и склонять ихъ чаще посѣщать Божій храмъ. Стало все увеличиваться и число священниковъ и число христіанъ. Ярославъ радовался видя множество церквей и то, что его подданные становились истинными христіанами, а врагъ рода человѣческаго, злой духъ, горевалъ, видя себя побѣждаемымъ новыми христіанами

1038 г.

Ярославъ ходилъ на Ятвяговъ.

1039 г.

Митрополитъ Ѳеопомтъ освятилъ храмъ Св. Богородицы, построенный Владиміромъ, отцомъ Ярослава.

1040 г.

Ходилъ Ярославъ на Литву.

1041 г.

Ходилъ Ярославъ на Мазовшанъ въ лодкахъ.

1042 г.

Владиміръ, сынъ Ярослава, пошелъ на Ямъ и побѣдилъ ихъ. У воиновъ Владиміра передохли лошади, и такой былъ сильный моръ, что не успѣвали съ нихъ снять вьюки, а они уже издыхали.

1043 г.

Ярославъ послалъ своего сына Владиміра на Грековъ, далъ ему множество воиновъ, а начальство надъ ними ввѣрилъ Вышатѣ, Япову отцу. Владиміръ и его войско отправились на судахъ, пришли они въ Дунай и оттуда двинулись къ Царю Городу. Сдѣлалась жестокая буря, разбила много судовъ русскихъ и въ томъ числѣ и княжескій корабль. Князя взялъ на свое судно Иванъ Творимиричь, Ярославовъ воевода. Остальные воины Владиміра, въ числѣ шести тысячь человѣкъ, были выброшены на берегъ; хотѣли они идти назадъ въ Русь, но съ ними никто не шелъ изъ княжеской дружины. Вышата сказалъ: «я пойду съ ними». Онъ вышелъ изъ корабля къ нимъ и сказалъ: «если живъ буду, то съ ними, а если погибну, то съ товарищами». Такъ они добровольно пошли въ Русь. И была Грекамъ вѣсть, что море разбило флотъ русскій. Царь, имя ему было Мономахъ, послалъ вслѣдъ Русскихъ 14 кораблей. Владиміръ и его дружина, видя, что ихъ преслѣдуютъ, вернулись, поразили греческія суда и вернулись въ Русь, посадясь въ свои корабли. А Вышату и тѣхъ, которые были выброшены на берегъ, Греки взяли въ плѣнъ, привели ихъ въ Царь-Городъ и многихъ ослѣпили. Когда три года спустя возобновленъ былъ миръ, то и Вышата былъ отпущенъ въ Русь къ Ярославу.— Въ это же время Ярославъ отдалъ сестру свою за Казиміра и тотъ далъ выкупу за невѣсту 800 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ Болеславомъ, когда тотъ побѣдилъ Ярослава.

1044 г.

Вырыли кости двухъ князей, Ярополка и Олега, сыновей Святослава, совершили надъ ними обрядъ Св. Крещенія и положили во храмъ Св. Богородицы. Въ этомъ же году умеръ Брячиславъ, сынъ Изяслава, внукъ Владиміра, а Всеслава отецъ. Сынъ Брячислава Всеславъ сѣлъ на отцовскомъ престолѣ; его мать родила отъ волшебства. Когда мать его родила, то у него была рана на головѣ, и волшебники сказали матери его: «перевяжи эту рану и пусть носитъ онъ перевязку пока живъ».—Всеславъ носитъ его на себѣ и по нынѣ и потому то онъ не знаетъ мѣры въ кровопролитіи.

1045 г.

Владиміръ заложилъ въ Новѣ городѣ храмъ Св. Софіи.

1046 1047 г.

Ярославъ пошелъ на Мазовшанъ и побѣдилъ ихъ, убилъ ихъ князя Моиславa и покорилъ ихъ Казиміру.

1048—1050 г.

Скончалась княгиня, жена Ярослава, февраля въ 10 день.

1051 г.

Ярославъ назначилъ митрополитомъ Русскимъ Иларіона, собравъ епископовъ въ храмѣ Св. Софіи. Теперь мы разскажемъ, откуда получилъ начало Печерскій монастырь: боголюбивый князь Ярославъ любилъ Берестовое и находившуюся тамъ церковь Св. Апостолъ, при которой и содержалъ нѣсколько священниковъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, именемъ Иларіонъ, человѣкъ добрый, ученый и воздержной жизни (постникъ). Изъ Берестоваго ходилъ онъ на холмъ Днѣпровскій, гдѣ теперь стоитъ старый монастырь Печерскій, и творилъ тутъ молитвы. Тогда былъ тамъ дремучій лѣсъ. Онъ выкопалъ маленькую, двухсаженную пещерку и, приходя изъ Берестоваго, пѣвалъ тутъ часы и молился Богу втайнѣ. Потомъ Богъ положилъ князю на сердце сдѣлать этого Иларіона митрополитомъ въ храмѣ Св. Софіи, а эта пещерка такъ и осталась. Немного дней спустя нашелся одинъ мірской человѣкъ изъ города Любеча, которому Богъ положилъ на сердце отправиться странствовать. Онъ отправился на Святую (Аѳонскую) гору, видѣлъ тутъ находящіеся монастыри и обходилъ ихъ. Понравилась ему жизнь монашеская и онъ, придя въ одинъ изъ монастырей, упросилъ настоятеля—возложить на него образъ монашескій. Тотъ послушалъ его, по-

стригъ и, давъ ему имя *Антоній*, сдѣлалъ ему наставленіе о томъ, какъ слѣдуетъ быть монаху и сказалъ ему: «иди назадъ въ Россію и пусть пребудетъ на тебѣ благословеніе Святой горы, такъ какъ отъ тебя будетъ тамъ много монаховъ». Благословивъ его, отпустилъ съ словами: «иди съ миромъ». Антоній, придя въ Кіевъ, обдумывалъ гдѣ бы ему жить; ходилъ онъ по монастырямъ, но нигдѣ ему не полюбилось,—видно не угодно было Богу, и началъ онъ ходить по горамъ и лѣсамъ дремучимъ, ища мѣста, которое указалъ бы ему Богъ для жительства. Пришелъ онъ на холмъ, гдѣ Иларіонъ ископалъ было пещерку, и полюбилось ему это мѣсто; онъ поселился тутъ и началъ молиться Богу со слезами, говоря: «Господи, утверди меня въ этомъ мѣстѣ и да почіетъ на этомъ мѣстѣ благословеніе Св. горы и того игумена, который меня постригъ». И началъ онъ тутъ жить, молясь Богу, ѣлъ сухой хлѣбъ и то черезъ день, воду пилъ и ту умѣренно, копалъ пещеру, не давая себѣ покою ни днемъ ни ночью; все время проводилъ въ трудахъ, бодрствованіи и въ молитвахъ. Добрые люди не замедлили узнать объ этомъ и приходили къ нему, принося все, въ чемъ онъ могъ имѣть нужду. Пошелъ о немъ слухъ какъ объ Антоніѣ Великомъ, и тѣ, которые приходили къ нему, испрашивали у него благословеніе. Когда умеръ великій князь Ярославъ, власть его досталась сыну его Изяславу, который имѣлъ пребываніе въ Кіевѣ. Слава Антонія пронеслась по всей Руской землѣ и Изяславъ, узнавъ о его жизни, пришелъ съ своею дружиною, прося у него благословенія и молитвы (т. е. чтобы онъ за него помолился). Всѣмъ сдѣлался извѣстенъ великій Антоній и всѣми почитаемъ; начали приходить къ нему люди и онъ сталъ ихъ принимать и постригать; всей братіи собралось къ нему 12 человѣкъ. Они выкопали большую пещеру и церковь и келіи, которыя находятся и по нынѣ въ пещерѣ подъ старымъ монастыремъ. Когда собралась братія, то Антоній сказалъ ей: «васъ, братья, Богъ свелъ вмѣстѣ и благословеніе Святой горы, съ которымъ постригъ меня игуменъ Святой горы, а я постригалъ васъ. Пусть будетъ съ вами благословеніе прежде всего отъ Бога, а потомъ отъ Святой горы». Потомъ онъ прибавилъ: «живите же себѣ, я поставлю вамъ настоятеля (игумена), а самъ хочу идти одинъ вонъ въ ту гору и жить въ уединеніи, какъ я уже привыкъ. Поставилъ надъ ними игуменомъ Варлаама, а самъ пошелъ въ гору и выкопалъ пещеру ту, что подъ новымъ монастыремъ; въ ней и окончилъ онъ жизнь, живя добродѣтельно и не выходя никуда изъ пещеры въ

теченіи 40 лѣтъ; мощи его почиваютъ тамъ и по нынѣ. Братья жили съ игуменомъ, и когда число ихъ стало уже велико въ пещерѣ, то задумали они построить монастырь внѣ пещеры. Игуменъ и монахи пришли къ Антонію и сказали ему: «отецъ, насъ братьевъ стало много и уже не можемъ мы помѣститься въ пещерѣ. Пусть повелитъ Богъ и твоя молитва—поставить намъ маленькую церковь внѣ пещеры. Антоній имъ это повелѣлъ. Они поклонились ему и поставили надъ пещерою небольшую церковь во имя Успенія Святой Богородицы. И началъ Богъ по молитвамъ Святой Богородицы увеличивать число монаховъ, и монахи съ игуменомъ задумали основать монастырь. Монахи пошли къ Антонію и сказали ему: «отецъ нашъ, братіи стало много, хотѣли бы мы поставить монастырь». Антоній обрадовался и сказалъ: «да будетъ за все благословенъ Господь Богъ, а съ вами да пребудетъ молитва Святой Богородицы и отцовъ, находящихся на Святой горѣ». Съ этими словами онъ послалъ одного изъ монаховъ къ князю Изяславу сказать ему: «князь мой, вотъ Богъ увеличиваетъ число братіи, а мѣста мало; дай намъ ту гору, что находится надъ пещерою». Изяславъ, услышавъ это, обрадовался, послалъ своего человѣка и отдалъ имъ ту гору. Настоятель съ братіею заложили большую церковь и монастырь обвели оградою, поставили много келій, довершили церкви и украсили иконами. Съ того-то времени возъимѣлъ начало монастырь Печерскій; онъ пошелъ съ благословенія Святой горы. Когда монастырь былъ довершенъ, и настоятелемъ былъ Варлаамъ, Изяславъ основалъ монастырь Св. Димитрія и вывелъ туда Варлаама настоятелемъ; онъ хотѣлъ устроить монастырь лучше Печерскаго, надѣясь на богатство. Много монастырей устроено царями и людьми знатными отъ ихъ богатствъ, но не таковы они какъ тѣ, что основаны слезами постомъ, молитвами и бодрствованіемъ. У Антонія не было ни золота, ни серебра, но все онъ пріобрѣлъ слезами и постомъ какъ, и уже сказалъ Варлаамъ перешелъ въ монастырь Св. Димитрія, а монахи, посовѣтовавшись между собою, пошли къ старцу Антонію и сказали ему: «поставь намъ настоятеля». Онъ ихъ спросилъ: «кого же вы хотите»? Они отвѣтили: «кого угодно Богу и тебѣ». Тогда Антоній сказалъ: «а кто же выше у васъ какъ не Ѳеодосій, послушный, кроткій, смиренный; пусть онъ будетъ у васъ настоятелемъ». Братія были рады, поклонились старцу Антонію и поставили Ѳеодосія игуменомъ (настоятелемъ) надъ братіею, а было ихъ всѣхъ 20 человѣкъ. Когда Ѳеодосій принялъ монастырь, то началъ онъ соблюдать воз-

держаніе и строгій постъ и молился со слезами. Сталъ онъ собирать много монаховъ и ихъ стало числомъ 100. Онъ началъ искать монастырскаго устава; нашелся тогда Михаилъ, монахъ Студійскаго монастыря, пришедшій изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ. Ѳеодосій сталъ у него разыскивать устава монаховъ студійскихъ и найдя у него снялъ съ него списокъ (копію) и уставилъ въ своемъ монастырѣ какъ пѣть монастырское служеніе, и какъ наблюдать поклоны, и читать мѣста изъ Св. Писанія, и стоять въ церквѣ, и весь порядокъ церковный; какъ сидѣть на трапезѣ, и что въ какіе дни ѣсть—все установилъ. Все это устроивъ, Ѳеодосій передалъ своему монастырю; а отъ него и во всѣ другіе монастыри перешелъ тотъ же уставъ. Оттого-то въ особомъ уваженіи Печерскій монастырь, какъ старшій (наставникъ) другихъ. Ѳеодосій жилъ въ монастырѣ, совершая свое добродѣтельное житіе и соблюдая уставы монашескіе, принималъ онъ каждаго, кто къ нему приходилъ; въ томъ числѣ пришелъ и я бѣдный и недостойный рабъ, и онъ принялъ меня, имѣвшаго всего 17 лѣтъ отъ рожденія. Вотъ что написалъ я и положилъ, въ какомъ году получилъ свое начало монастырь и почему называется Печерскій, а о житіи Ѳеодосьевомъ скажемъ въ послѣдствіи.

1052 г.

Умеръ въ Новѣгородѣ Владиміръ, старшій сынъ Ярославовъ и положенъ въ храмѣ Св. Софіи, имъ самимъ построенномъ.

1053 г.

У Всеволода отъ греческой царевны родился сынъ и дали ему имя Владиміра.

1054 г.

Умеръ Ярославъ великій князь русскій. Еще при жизни своей устроилъ онъ сыновей своихъ и сказалъ имъ: «вотъ я оставляю этотъ свѣтъ, сыновья мои. Имѣйте другъ къ другу любовь, такъ какъ вы братья и дѣти одного отца и матери. Если вы будете жить между собою дружно, то Богъ неоставитъ васъ и покоритъ вашихъ враговъ подъ власть вашу, и вы будете жить въ мирѣ и спокойствіи. А если вы будете завидовать другъ другу, враждовать и ссориться, то погибнете сами и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую пріобрѣсть стоило имъ великихъ трудовъ. Оставайтесь же въ мирѣ и слушайте братъ брата. Мое собственное мѣсто, престолъ Кіевскій, поручаю старшему сыну моему,

а вашему старшему брату, Изяславу. Его слушайте, какъ вы меня слушали; онъ пусть будетъ вамъ вмѣсто меня. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду—Переяславъ, Игорю—Владиміръ, а Вячеславу—Смоленскъ. Такъ Ярославъ распредѣлилъ города между сыновьями, внушивъ имъ не переходить за границы владѣній братьевъ, не выгонять ихъ. Онъ сказалъ Изяславу: «если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай тому, котораго обижать станутъ». Такъ Ярославъ внушалъ сыновьямъ своимъ, чтобы они жили дружно и согласно, а самъ былъ болѣнъ. Пріѣхалъ онъ въ Вышегородъ и болѣзнь его усилилась. Изяславъ находился въ то время въ Новгородѣ, а Святославъ во Владиміръ. Всеволодъ находился въ то время при отцѣ; его отецъ любилъ больше всѣхъ другихъ братьевъ и держалъ его постоянно при себѣ. Пришелъ конецъ жизни Ярослава и онъ испустилъ духъ въ первую субботу поста, въ день Св. Ѳеодора. Всеволодъ велѣлъ убрать какъ слѣдуетъ тѣло отца, и положивъ его на сани, отвезли въ Кіевъ. Духовенство пѣло обычныя пѣсни, а граждане всѣ плакали по князѣ. Принесли и положили его въ мраморной ракѣ въ церквѣ Св. Софіи и проливали о немъ горькія слезы Всеволодъ и граждане. Ярославъ прожилъ всего 76 лѣтъ.

Начало княженія Изяслава въ Кіевѣ. Изяславъ пришелъ въ Кіевъ и сѣлъ княжить тамъ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславѣ, Игорь во Владиміръ и Вячеславъ въ Смоленскѣ. Въ этомъ же году пошелъ Всеволодъ на Торковъ и побѣдилъ ихъ. Въ этомъ же году приходилъ Болушъ съ Половцами. Всеволодъ заключилъ съ ними миръ и вернулись они назадъ туда, откуда пришли.

1055. 1056 г.

Скончался въ Смоленскѣ Вячеславъ, сынъ Ярослава и посадили (братья) Игоря въ Смоленскѣ, выведя его изъ Владиміра.

1057 г.

Изяславъ побѣдилъ Голядовъ.

1058 г.

Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ освободили своего дядю изъ темницы, гдѣ онъ сидѣлъ 24 года; они его привели къ присягѣ и онъ сдѣлался монахомъ.

1059 г.

Умеръ Игорь, сынъ Ярослава. — Въ этомъ же году Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и Всеславъ, собравъ безчисленное множе-

ство воиновъ, отправились несмѣтнымъ ополченіемъ и на коняхъ и на судахъ противъ Торковъ. Когда услыхали Торки объ этомъ нашествіи на нихъ Русскихъ, то они бѣжали и по сей день; въ бѣгствѣ гонимые Божіимъ гнѣвомъ они погибли—одни отъ холода, другіе отъ голоду, а иные отъ мороваго повѣтрія судомъ Божіемъ; такъ Богъ избавилъ хрістіанъ отъ язычниковъ.

1060 г.

Въ первый разъ пришли Половцы непріязненно на Русскую землю. Всеволодъ вышелъ противъ нихъ февраля 2-го. Въ происшедшемъ сраженіи Всеволодъ побѣжденъ и Половцы, опустошивъ край, ушли. То было первое зло отъ нечестивыхъ и безбожныхъ враговъ. Княземъ у нихъ былъ Искалъ.

1062. 1063 г.

Скончался Судиславъ, братъ Ярослава, и похоронили его въ церкви Св. Георгія. — Въ этомъ же году въ Новгородѣ Волховъ шелъ назадъ пять дней. Не къ добру было это явленіе, такъ какъ на 4-й годъ Всеславъ сжегъ городъ.

1064 г.

Бѣжалъ въ Тмутаракань Ростиславъ, сынъ Владиміра, внукъ Ярослава; съ нимъ бѣжали Порей и Вышата, сынъ Остромира, воеводы Новгородскаго. Прійдя въ Тмутаракань, Ростиславъ выгналъ оттуда Глѣба, а самъ сѣлъ тамъ вмѣсто него. Святославъ пошелъ на Ростислава къ Тмутаракань: тотъ оставилъ городъ не оттого чтобы онъ испугался, но не желая употребить оружіе противъ дяди своего. Святославъ вошелъ въ Тмутаракань; посадилъ опять своего сына Глѣба и вернулся домой. Ростиславъ снова прогналъ Глѣба и тотъ пришелъ къ отцу своему; а Ростиславъ остался въ Тмутаракани. Въ этомъ году Всеславъ началъ войну. Въ это же время было явленіе на западѣ, огромная звѣзда окруженная какъ бы кровавыми лучами. Она всходила съ вечера по закатѣ солнца и оставалась 7 дней. Не доброе предвѣщало это явленіе: вслѣдъ за нимъ были: страшная усобица и нашествіе невѣрныхъ на землю Русскую. Потому-то оно и было кроваваго цвѣта, что предвѣщало кровопролитіе. Въ это же время было брошено дитя въ Сѣтомль; его рыбаки вытащили неводомъ и смотрѣли мы его до вечера, а потомъ опять бросили его въ воду. Вотъ оно каково было: на лицѣ у него срамные члены, а прочаго и высказать нельзя отъ стыда. Передъ этимъ временемъ сдѣлалось измѣненіе

и въ солнцѣ: оно утратило свѣтъ и сдѣлалось какъ мѣсяцъ. Невѣжды говорятъ, будто оно съѣдается (снѣдаемо сущу). Такія явленія небесныя бываютъ не къ добру и мы по этому узнаемъ. Встарину въ Іерусалимѣ при Антіохѣ случилось вдругъ, по всему городу въ теченіи 40 дней являлись на воздухѣ скачущіе на копяхъ въ оружіи въ золотыхъ одеждахъ цѣлыми полками и сверкало у нихъ оружіе. Все это предсказывало нашествіе Антіоха на Іерусалимъ. Потомъ при царѣ Иродѣ въ томъ же Іерусалимѣ стали свѣтить звѣзды въ видѣ копья надъ городомъ; это предвѣщало нашествіе войска римскаго. Еще также было при царѣ Юстиніанѣ—показалась звѣзда на западѣ, изъ которой выходили лучи; прозвали ее *блистающею*; свѣтила она 20 дней, потомъ было отъ вечера съ утра теченіе звѣздъ, такъ что всѣмъ казалось, будто падаютъ звѣзды и солнце свѣтило безъ лучей. Это явленіе предвѣщало смуты, болѣзни, смерть на людей. Еще при царѣ Маврикіѣ случилось слѣдующее: жена родила дитя безъ глазъ и безъ рукъ, а къ поясницѣ его приросъ рыбій хвостъ. Родилась собака о шести погахъ, а въ Африкѣ родилось двое дѣтей: одно о 4 погахъ, а другое о двухъ головахъ. Потомъ при Константинѣ иконоборцѣ, сынѣ Льва, случилось на небѣ теченіе звѣздъ; онѣ оторгались на землю, такъ что видѣвшіе думали: вотъ пришелъ конецъ міру. Тогда же замѣчено было сильное теченіе въ воздухѣ. Въ Сиріи сдѣлалось большое землетрясеніе и земля разсѣлась на три версты (въ подл. «поприща»). вышелъ чудеснымъ образомъ изъ земли мулъ, который началъ говорить языкомъ человѣчьимъ и предсказывать нашествіе иноземцевъ, что и случилось: вторглись Сарацины въ Палестину. Явленія на небѣ, а также въ звѣздахъ или въ солнцѣ, птицами или чѣмъ другимъ не къ хорошему бываютъ, но эти явленія бываютъ къ дурному, предвѣщая или войну, или голодъ или смерть.

1065 г.

Ростиславъ оставался въ Тмутаракани, бралъ дань съ Косоговъ и другихъ земель. Его стали опасаться Греки и прислали Котопана съ коварствомъ. Онъ пришелъ къ Ростиславу и тотъ ему довѣрился и держалъ его въ большомъ почетѣ. Разъ Ростиславъ пировалъ съ своею дружиною. Котопанъ сказалъ: «князь, хочу пить твое здоровье».—Ростиславъ отвѣтилъ: «пей», а Котопанъ, выпивъ половину, другую отдалъ князю, коснувшись пальцемъ въ чашу; подъ ногтемъ былъ у него смертельный ядъ и далъ его

князю, предсказавъ ему смерть на седьмой день Когда Ростиславъ выпилъ, Котопанъ пришелъ въ Корсунъ и сталъ разсказывать, что въ этотъ день умеръ Ростиславъ: такъ и случилось; но этого Котопана побили каменьями жители Корсуна. Ростиславъ былъ человѣкъ храбрый, опытный въ дѣлѣ военномъ, былъ красивъ и наружностью и лицемъ. Умеръ онъ февраля въ 3 день и положенъ въ Тмутаракани, въ храмѣ Св Богородицы.

1066 г.

Началъ войну Всеславъ, сынъ Брячислава, князь Полоцкій, и занялъ Новгородъ. Тогда Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи соединили свои войска и пошли на Всеслава среди самой зимы. Они пришли къ Минску; жители его затворились въ городѣ. Князья братья взяли Минскъ: мущинъ умертвили, а женщинъ и дѣтей подѣлили какъ военную добычу и пошли къ Немизѣ. Всеславъ вышелъ на встрѣчу. Оба войска марта 3-го встрѣтились на Немизѣ, былъ глубокій снѣгъ, но они пошли другъ на друга. Произошелъ жестокій бой, многіе пали, но побѣдили Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, а Всеславъ бѣжалъ.—Въ томъ же году, іюля 10, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ дали на честномъ крестѣ клятву Всеславу и сказали ему: «приходи къ намъ, не сдѣлаемъ тебѣ зла». Тотъ, надѣясь на ихъ скрѣпленное клятвою обѣщаніе, переѣхалъ въ лодкѣ черезъ Днѣпръ. Изяславъ шелъ впереди въ шатеръ и тутъ то съ нарушеніемъ клятвы взяли Всеслава на Роси у Смоленска. Изяславъ привелъ Всеслава въ Кіевъ и посадилъ его съ двумя сыновьями въ тюрьму.

1067 г

Пришли иноплеменники на землю Русскую—Половцы въ большемъ числѣ. Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ вышли имъ на встрѣчу на Альту. Наступила ночь, когда сошлись оба войска, и Богъ за наши грѣхи поддержалъ противъ насъ нечестивыхъ. Князья русскіе обратились въ бѣгство, а Половцы побѣдили. Богъ въ своемъ гнѣвѣ наводитъ иноплеменниковъ на землю, и тогда люди въ несчастіи обращаются къ нему съ покаяніемъ; а междуусобная война бываетъ отъ соблазна злаго духа. Богъ не хочетъ людямъ зла, но желаетъ имъ добра, а злой духъ радуется убійствамъ и кровопролитію, возбуждаетъ къ зависти, заводитъ ссоры, ненависть между братьями, клеветы. Если которая-нибудь страна согрѣшитъ, то Богъ наказываетъ или смертію, или голодомъ, или на-

нествіемъ язычниковъ, или засухами, или гусеницею, или другими казнями; но если мы покаемся, то Богъ приказываетъ намъ жить. Устами пророка говоритъ онъ намъ: «обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ и со слезами». И если мы такъ поступимъ, то всѣ грѣхи намъ будутъ прощены; но мы возвращаемся на злое, какъ свинья постоянно валяясь въ грязи грѣховъ нашихъ, и такъ остаемся. А потому устами того же пророка Богъ намъ говоритъ: «уразумѣлъ я, что ты упрямъ, твоя шея желѣзная, а потому удержалъ я отъ васъ дождь; на одну страну пустилъ дождь, а на другую нѣтъ, поразилъ васъ засухою, зноемъ и разными казнями. И тутъ вы все-таки не обратились ко мнѣ. За то уничтожилъ я ваши виноградники, и смоквенныя рощи, и ваши нивы и лѣса, говоритъ Господь, а злыхъ вашихъ дѣйствій уничтожить не могъ. Я послалъ на васъ различныя бѣды и тяжкія смертоносныя болѣзни и на стада ваши послалъ я казнь, но и тутъ вы не обратились, а сказали: «будемъ мужественны». Доколѣ не насытитесь вы вашихъ злыхъ дѣяній? Вы, говоритъ Господь, сошли съ моего пути правды и соблазнили многихъ, а потому буду я свидѣтелемъ скорымъ на моихъ противниковъ, и на нарушающихъ святость супружества, и на клянущихся моимъ именемъ ложно, и на тѣхъ, что лишаютъ платы напятаго ими человѣка, дѣлаютъ насиліе сиротамъ и вдовамъ и оказываютъ судъ несправедливый. Зачѣмъ не воздерживаете вы себя отъ грѣховъ, но уклонившись вы отъ моихъ законовъ и ихъ не сохранили? Обратитесь ко мнѣ, и я обращусь къ вамъ, говоритъ Господь, открою для васъ обильные источники небесные и отвращу отъ васъ гнѣвъ мой, а вамъ дамъ во всемъ избытокъ. И не оскудѣютъ тогда ни виноградники ваши, ни посѣвы. А вы оскорбили меня словами вашими, говоря: пустяки дѣлаетъ тотъ, кто служитъ Богу. Языкомъ своимъ они меня чтутъ, но сердце ихъ далеко находится отъ меня. Потому-то мы не получаемъ того, о чемъ просимъ. И сказалъ Богъ: случится, что вы меня призовете, но Я васъ не послушаю; будучи злыми, станете вы меня искать, но не найдете. Не захотѣли они ходить моими путями и вслѣдствіе того-то замыкается небо, а если и разверзается, то со вредомъ, или градъ испуская вмѣсто дождя, или морозомъ губя произведеніе земли, а ее томя зноемъ, и все это за наши грѣхи. Но если покаемся въ томъ, что мы дѣлаемъ дурнаго, то какъ бы для дѣтей своихъ исполнитъ Богъ все, о чемъ мы Его просимъ, пошлетъ намъ дождь и ранній и поздній, гумна ваши наполнятся пшеницы, а хранилища вина и масла, и пополню вамъ за тѣ года.

когда поѣла саранча, черви и гусеница, которыя я по моей великой силѣ послалъ на васъ, говоритъ Господь Вседержитель. Слыша это, постараемся дѣлать добро, ищите суда, избавьте того, кого обижаютъ; прійдемъ покаемся, не воздавая зломъ за зло, ни клеветою за клевету, но съ любовью обратимся къ Господу Богу нашему, постомъ и слезами заглаживая всѣ наши согрѣшенія, а не такъ, что мы, по названію будучи христіанами, живемъ какъ язычники. Развѣ это не язычески живемъ мы, когда мы вѣримъ во встрѣчи? Если кто встрѣтитъ монаха, то возвращается назадъ точно такъже, какъ если встрѣтитъ свинью. По ученію злаго духа держатся этого суевѣрія, а другіе вѣрятъ и въ чиханіе, что оно бываетъ на здоровье головѣ. По этимъ злой духъ вводитъ насъ въ заблужденіе, а также и другими обычаями, всякаго рода обманами отвлекая насъ отъ Бога, музыкою и пѣвцами, гуляніями и веселостями. Мы видимъ, что сильно утоптаны мѣста, гдѣ происходятъ игры, и людей тамъ такое множество, что они начинаютъ толкать другъ друга, стараясь посмотрѣть на дѣло замышленное діаволомъ, а церкви стоятъ пустыми и въ часъ молитвы немного находится тамъ народу. Потому-то и посылаетъ Богъ на насъ различныя казни и нашествіе враговъ, и по Божественному усмотрѣнію получаемъ мы наказаніе за грѣхи наши.—Но вернемся къ предшествовавшему изложенію: Изяславъ съ Всеволодомъ бѣжали въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Кіевляне прибѣжали въ Кіевъ и собрались на торговой площади. Отсюда они послали князю сказать: «вотъ Половцы разошлись по нашей землѣ; дай, князь, оружіе и коней, и мы еще будемъ драться съ ними». Изяславъ этого не послушалъ. И начали граждане говорить на воеводу Коснячка, съ площади пошли они на гору, пришли на дворъ Коснячковъ, но тамъ не нашли его и, остановясь у двора Брячиславова, сказали: «пойдемъ освободимъ изъ заключенія нашихъ товарищей». Они раздѣлились на двѣ части: одна половина пошла къ тюрьмѣ, а другая по мосту и пришла на княжескій дворъ. Изяславъ сидѣлъ въ сѣняхъ съ своею дружиною, и начали граждане спорить съ княземъ. Они стояли внизу, князь смотрѣлъ изъ окна и дружина окружала князя; сказалъ тутъ Изяславу Тукы, Чюдинъ братъ: «видишь, князь, какъ зашумѣли граждане, пошли построже стеречь Всеслава». Когда онъ говорилъ, а тутъ пришла первая половина гражданъ отъ тюрьмы, которую они отворили. Дружина сказала князю: «дѣло-то дрянь; пошли ко Всеславу, пусть подозвавъ его къ окну обманомъ проколютъ его мечемъ». Князь не послушалъ.

Граждане закричали и пошли къ мѣсту заключенія Всеслава, а Изяславъ съ Всеволодомъ, видя это, бѣжали со двора; а граждане 15 сентября разломали темницу Всеслава и поставили его середи княжескаго двора, а княжескій дворъ разграбили и несмѣтное множество золота и серебра, куньихъ и бѣлячьихъ мѣховъ: Изяславъ ушелъ въ Польшу. Половцы опустошали Русскую землю, Святославъ находился въ Черниговѣ. Половцы опустошали окрестности Чернигова. Святославъ, собравъ немного воиновъ, вышелъ противъ нихъ къ Сновьску. Половцы, видя что идетъ противъ нихъ полкъ, устроились къ бою, а Святославъ, видя ихъ многочисленность, сказалъ воинамъ: «пойдемъ на нихъ, ужь намъ дѣться больше нѣкуда». И ударили на копяхъ. Святославъ съ тремя тысячами воиновъ побѣдилъ двѣнадцать тысячь Половцевъ. Однихъ убили, а другіе бѣжали и потонули въ Сновѣ, а князя половецкаго взяли руками въ 1 день ноября. Святославъ возвратился въ свой городъ съ побѣдою. А Всеславъ остался въ Кіевѣ. Богъ тутъ показалъ силу креста, такъ какъ Изяславъ далъ Всеславу клятву на честномъ крестѣ, а потомъ его же Всеслава схватилъ. За то Господь Богъ навелъ Половцевъ, а Всеслава наглядно избавилъ святой крестъ. Въ день Вздвиженья Всеславъ вздохнулъ и сказалъ: «о, крестъ честной! Такъ какъ я всегда въ тебя вѣровалъ, то избавь меня отъ этого заключенія». А Богъ силу Креста показалъ ясно предо-всею Русскою землею, пусть цѣловавъ святой крестъ не нарушаютъ данной на немъ клятвы: а если кто нарушитъ, то и здѣсь получитъ наказаніе и вѣчное осужденіе въ будущей жизни, потому что велика сила креста: имъ побѣждаются всѣ замыслы злаго духа, крестъ пособляетъ князьямъ въ войнахъ и въ бою православные люди, ограждая себя крестомъ, побѣждаютъ враговъ. Крестъ немедленно спасаетъ всѣхъ призывающихъ его съ вѣрою. Злые духи ничего не боятся кромѣ креста. Если и бываютъ отъ злыхъ духовъ соблазны, то, осѣнивъ лицо крестомъ, мы ихъ прогоняемъ. Всеславъ оставался въ Кіевѣ семъ мѣсяцевъ.

1068 г.

Изяславъ съ Болеславомъ пришелъ на Всеслава; тотъ вышелъ къ нему на встрѣчу и пришелъ въ Бѣлгородъ. Когда наступила ночь, то онъ тайкомъ отъ Кіевлянъ бѣжалъ изъ Бѣлгорода въ Полоцкъ. На другой день граждане, видя, что князь бѣжалъ, вернулись въ Кіевъ, собрались они на совѣтъ и послали сказать Святославу и Всеволоду: «мы уже разъ поступили дурно, прогнали

своего князя, а теперь ведетъ онъ на насъ Поляковъ. Идите же въ городъ вашего отца, а если не хотите, то насъ вынудите зажечь нашъ городъ и удалиться въ землю Греческую». Святославъ отвѣтилъ Кіевлянамъ: «мы пошлемъ къ брату нашему. Если онъ пойдетъ на васъ съ Поляками губить васъ, то мы пойдемъ на него войною и не дадимъ ему губить городъ отца нашего; а если онъ хочетъ прійдти къ вамъ съ миромъ, то пусть возьметъ небольшую дружину». И тѣмъ успокоили Кіевлянъ. Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу: «Всеславъ бѣжалъ, не води Поляковъ въ Кіевъ, теперь нѣтъ тебѣ тамъ противника; но если ты хочешь излить свой гнѣвъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго престола». Слыша это, Изяславъ оставилъ Поляковъ и пошелъ съ Болеславомъ, взявъ только немного Поляковъ, а впередъ въ Кіевъ послалъ сына своего Мьстислава. Мстиславъ, прійдя туда, казнилъ тѣхъ, которые освободили Всеслава, всего 70 человѣкъ, а другихъ ослѣпилъ, а иныхъ погубилъ невинныхъ, не разслѣдовавъ хорошенько. Когда Изяславъ шелъ къ городу, то граждане не вышли къ нему на встрѣчу съ поклономъ и Кіевляне припяли своего князя. Изяславъ сѣлъ на своемъ престолѣ мая 2-го. Онъ распустилъ Поляковъ кормиться, но ихъ тайно избивали, и Болеславъ вернулся въ Польшу въ свою землю. Изяславъ перевелъ торговую (базарную) площадь на гору и выгналъ Всеслава изъ Полоцка, а тамъ посадилъ своего сына Мьстислава, который впрочемъ скоро тутъ померъ. Тогда Изяславъ посадилъ на его мѣсто брата его Святополка, а Всеславъ бѣжалъ.

1069 г.

Родился у Всеволода сынъ и назвали его Ростиславомъ. Въ это же время заложена церковь Св. Михаила во Всеволожьемъ монастырѣ.

1070 г.

Половцы опустошили около Ростовьца и Неятина. Въ этомъ же году Всеславъ выгналъ Святополка (Изяславовича) изъ Полоцка. Въ этомъ же году Ярополкъ одержалъ побѣду надъ Всеславомъ у Голотычьска. Въ это же время пришелъ волшебникъ, руководимый злымъ духомъ. Онъ пришелъ въ Кіевъ и разсказывалъ во всеуслышаніе гражданамъ, что на пятый годъ Днѣпръ потечетъ назадъ и страны будутъ переходить съ мѣста на мѣсто: Греческая земля станетъ тамъ, гдѣ Русская, а Русская, гдѣ Греческая, и прочія страны перемѣнятъ свои мѣста. Люди не знающіе вѣрили ему, а

православные насмѣхались, говоря ему: «злой духъ тѣшится тобою на твою гибель». Такъ и случилось: въ одну ночь пропалъ онъ безъ вѣсти. Злые духи подобравшись наводятъ на зло, а потомъ насмѣхаются, ввергнувъ въ пропасть смертельную, научивъ какъ говорить. Разскажемъ еще о діавольскомъ наученіи и дѣйствіи. Разъ былъ голодъ въ Ростовской области, появились изъ Ярославля два волшебника, они говорили: «мы знаемъ, кто припряталъ хлѣбъ и запасы». Они отправились по Волгѣ и гдѣ бывало придутъ въ село, указываютъ на самыхъ достаточныхъ женщинъ, говоря: вотъ эти держатъ хлѣбъ, а вотъ эти медъ, рыбу или шкуры (мѣха). Приводили къ нимъ жители сестеръ, матерей и женъ, а они, сдѣлая видъ, будто прорѣзывали за плечомъ, вынимали или хлѣбъ или рыбу и много женщинъ убили, и имущество ихъ брали себѣ. Пришли они наконецъ на Бѣлоозеро, а людей было съ ними 300. Случилось, что въ это же время пришелъ отъ Святослава Янъ, Вышатовъ сынъ, собирать дань. Бѣлозерцы ему разсказали, что два волшебника уже избили многихъ женщинъ по Волгѣ и Шексѣ и пришли сюда. Янъ спросилъ: чьи это рабы, и узнавъ, что его князя, послалъ къ тѣмъ, которые ихъ сопровождали, сказать имъ: «выдайте этихъ волшебниковъ сюда, такъ какъ они рабы моего князя». Но тѣ не послушали. Янъ пошелъ самъ безъ оружія, и сказали ему его сопровождавшіе: «не ходи безъ оружія, осрамятъ тебя». Тогда Янъ приказалъ тѣмъ, которые съ нимъ были, взять оружіе, а было съ нимъ 12 человѣкъ; съ ними-то онъ пошелъ къ лѣсу. Волшебникъ и его сопровождавшіе стали напротивъ, устроясь къ бою. Янъ шелъ съ топорикомъ; ему на встрѣчу выступили 3 человѣка и подойдя къ Яну сказали: «ты идешь на явную смерть, не ходи». Онъ приказалъ ихъ убить, а самъ пошелъ къ прочимъ. Тѣ бросились на Яна и одинъ замахнулся на него топоромъ. Янъ, оборотя топоръ, ударилъ его обухомъ и приказалъ своимъ людямъ рубить ихъ. Они убѣжали въ лѣсъ; тутъ убили сына священника Янова. Янъ вошелъ въ городъ къ Бѣлозерцамъ и сказалъ имъ: «если вы мнѣ не поймаете этихъ двухъ волшебниковъ, то я отъ васъ цѣлый годъ не пойду». Бѣлозерцы пошли, взяли ихъ и привели къ Яну. Тотъ имъ сказалъ: «зачѣмъ погубили вы столько человѣкъ»?—Тѣ отвѣчали: «они удерживали запасы, и если мы ихъ истребимъ, то будетъ избытокъ всего. Если хочешь, то мы передъ тобою (въ твоихъ глазахъ) выймемъ хлѣбъ, рыбу или что-либо другое».—Янъ имъ сказалъ на это: «по истинѣ это—чистая ложь. Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, состоитъ онъ изъ костей и

жилъ, крови и кромѣ этого нѣтъ въ немъ ничего, и ничего онъ не знаетъ, только одинъ Богъ знаетъ». Волхвы замѣтили: «мы знаемъ, какъ сотворенъ человѣкъ». И спросилъ ихъ Янъ: «а какъ»?—Они отвѣчали: «Богъ мылся въ банѣ и вспотѣвъ отерся полотенцемъ и бросилъ его съ неба на землю. Произошла у сатаны съ Богомъ распря: кому изъ нихъ сотворить человѣка? И сотворилъ человѣка діаволъ, а Богъ вложилъ въ него душу, а потому когда человѣкъ умираетъ, то тѣло идетъ въ землю, а душа къ Богу».—Янъ имъ сказалъ: «дѣйствительно обманулъ васъ бѣсъ, а какому Богу вы вѣруете?» Они отвѣтили: «антихристу».—Спросилъ ихъ Янъ: »гдѣ же онъ?»—Тѣ отвѣтили: «сидитъ въ безднѣ». Сказалъ имъ Янъ: «что то за богъ, который сидитъ въ безднѣ? То бѣсъ, а Богъ на небѣ сидитъ на престолѣ славимый ангелами, которые стоятъ передъ Нимъ со страхомъ, не дерзая поднять на Него глазъ. Изъ числа этихъ-то ангеловъ свергнутъ съ неба тотъ, кого вы называете антихристомъ. За гордость свою низверженъ онъ съ неба и находится въ безднѣ ожидая когда Богъ прійдетъ съ неба, возьметъ этого антихриста, свяжетъ его и посадитъ въ оковы, взявъ и его слугъ его и тѣхъ, которые ему вѣруютъ. А вы и здѣсь отъ меня примете мученіе и по смерти тамъ.» Волшебники замѣтили: «боги намъ даютъ знать, что ты не можешь намъ ничего сдѣлать».—Отвѣтилъ имъ Янъ: «лгутъ вамъ боги».—Волшебники сказали: «мы должны явиться передъ Святославомъ, а ты намъ не можешь ничего сдѣлать». Янъ приказалъ бить ихъ таскать за бороды. Когда ихъ побили и бороды у нихъ повыдергали, то спросилъ Янъ: «ну, что вамъ говорятъ боги»? Тѣ сказали: «явиться намъ передъ Святославомъ». Янъ приказалъ вложить имъ въ ротъ дерево, привязать ихъ къ лодкѣ и лодку эту пустить впередъ своей, а самъ шелъ сзади. Остановились на устьи Шексны и спросилъ ихъ Янъ: «что вамъ говорятъ боги»? Тѣ сказали: «боги намъ такъ говорятъ, что не быть намъ отъ тебя живымъ». Янъ имъ замѣтилъ на это: «вотъ теперь они вамъ правду сказали».—Волшебники сказали: «если ты насъ пустишь, то много хорошаго тебѣ будетъ. Но если ты насъ погубишь, то будутъ тебѣ за то большія горе и бѣда. На это имъ Янъ отвѣтилъ: «нѣтъ, а вотъ если я васъ пущу, то большая бѣда мнѣ будетъ отъ Бога». Тутъ Янъ сказалъ тѣмъ, которые везли его дружину: «убили ли они кого нибудь изъ вашихъ сродниковъ»? Тѣ отвѣтили: «у меня мать, у другаго сестру, а у иныхъ дѣтей». Тогда Янъ имъ сказалъ: «даю вамъ волю мстить за то». Они ихъ взяли, убили и

повѣсили на дубъ; такое праведное получили они возмездіе отъ Бога. Когда Янъ возвращался домой, то въ слѣдующую же ночь медвѣдь влѣзъ на дерево и съѣлъ тѣла. Такъ погибли они жертвою наученія бѣсовскаго: другимъ гибель предрекали, а своей предузнать не могли. Если бы они знали, то не пришли бы они на то мѣсто, гдѣ ихъ взяли, да и когда уже ихъ взяли, то за чѣмъ говорили они, что имъ не умереть, когда Янъ уже задумалъ ихъ убить. Но таково наученіе злаго духа; злые духи не знаютъ мысли человѣческой, но влагаютъ помыселъ въ человѣка, а сокровенныхъ его помысловъ все же не знаютъ. Одному Богу извѣстны помышленія человѣческія, а злые духи не знаютъ ничего; они безсильны и взоръ ихъ слабъ. Еще разскажемъ объ ихъ взорѣ и обманахъ. Около того же времени, въ какомъ то году, случилось одному Новгородцу пріѣхать въ Чюдь и пришелъ онъ къ волшебнику, желая чтобы онъ ему погадалъ: тотъ по своему обычаю началъ призывать бѣсовъ въ свою хижину. Новгородецъ сидѣлъ на порогѣ хижины, а волшебникъ лежалъ какъ бы въ оцѣпененіи. Ударилъ имъ злой духъ. Вставъ, волшебникъ сказалъ Новгородцу: «боги не смѣютъ прійдти, на тебѣ что-то есть, чего они боятся». Тотъ вспомнилъ, что на немъ есть крестъ, отошелъ всторону и поставилъ крестъ внѣ той избы. Волшебникъ сталъ снова призывать бѣсовъ, а тѣ, натѣшившись имъ, сказали—за чѣмъ пришелъ Новгородецъ. Потомъ Новгородецъ началъ спрашивать его: «почему бѣсы боятся креста, который мы носимъ на себѣ»?—Тотъ отвѣчалъ: «то знаменіе небеснаго Бога, и его боятся наши боги.»— Новгородецъ спросилъ: «а каковы боги ваши, гдѣ они живутъ?»— Тотъ отвѣчалъ: «въ бездпахъ, а видомъ они черные, съ крыльями и хвостами, восходятъ и къ небу послушать вашихъ боговъ. Ваши это ангелы на небѣ. Если кто умретъ изъ вашихъ людей, то его уносятъ на небо; а если кто умираетъ изъ нашихъ, то его относятъ къ нашимъ богамъ въ бездну». Такъ оно и есть: грѣшники находятся во адѣ и ждутъ вѣчной муки, а праведники водворяются въ небесномъ жилищѣ съ ангелами. Такова то бѣсовская сила, и красота и слабость: такимъ образомъ обманываютъ они людей, внушая имъ высказывать видѣнія, являются тѣмъ, которые не тверды вѣрою, инымъ во снѣ, другимъ въ мечтахъ, и тѣ предсказываютъ наученіемъ бѣсовскимъ. Въ особенности черезъ женщинъ бываютъ бѣсовскія волшебства. Сначала бѣсъ прельстилъ женщину, а та мужа, такъ и во всѣхъ поколѣніяхъ женщины занимаются чародѣйствомъ, и отравою, и другими бѣсовскими затѣ-

ями. Но и невѣрующіе мущины бываютъ соблазняемы бѣсомъ: такъ въ отдаленныхъ поколѣніяхъ еще при апостолахъ былъ волшебникъ Симонъ; онъ волшебствомъ дѣлалъ такъ, что собаки говорили по человѣчески, а самъ принималъ разные виды, то являлся старикомъ, то молодымъ человѣкомъ, и другихъ измѣнялъ въ разные образы и все это дѣлалъ онъ воображеніемъ. Анній и Мамврій волшебствомъ дѣлали чудеса противъ Моисея, но скоро оказались безсильными въ сравненіи съ нимъ. И Конобъ дѣлалъ бѣсовскіе призраки, какъ-то и по водамъ ходилъ и прельщаемый бѣсомъ дѣлалъ же и другіе призраки на гибель себѣ и другимъ.— Таковъ то былъ и волшебникъ, который явился въ Новгородѣ при Глѣбѣ. Онъ выставлялъ себя какъ бога и многихъ соблазнилъ— чуть не весь городъ. Онъ говорилъ: «я все знаю», порицалъ вѣру христіанскую и хвалился, что перейдетъ черезъ Волховъ передъ всѣми гражданами. Въ городѣ сдѣлался мятежъ; всѣ въ него увѣровали и хотѣли убить епископа. Тотъ взялъ крестъ, надѣлъ на себя церковное облаченіе и сталъ съ словами: «кто хочетъ вѣрить въ волшебника, пусть идетъ къ нему; а кто истинной вѣры, тѣ идите ко кресту». И раздѣлились на двое: князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали подлѣ епископа, а всѣ граждане пошли за волшебникомъ, и былъ между ними сильный раздоръ. Глѣбъ, взявъ топоръ подъ полу одежды, подошелъ къ волшебнику и сказалъ ему: «знаешь ли, что будетъ завтра или хоть что нынче вечеромъ»?— Тотъ отвѣтилъ: «знаю» И сказалъ ему Глѣбъ: «знаешь ли что будетъ сегодня».—«Большія чудеса надѣлаю»—отвѣтилъ тотъ. Глѣбъ вынулъ топоръ и разрубилъ ему голову; тотъ палъ мертвый и разошлись его послѣдователи, а волхвъ погибъ и тѣломъ и душею, отдавшись діаволу.

1072 г.

Перенесли мощи святыхъ страдальцевъ Бориса и Глѣба. Собрались Ярославовы сыновья: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ; митрополитъ тогдашній Георгій и епископы: Петръ Переяславскій, Михаилъ Юрьевскій, настоятели монастырей Феодосій — Печерскаго, Софроній—Святаго Михаила, Германъ Святаго— Спаса, Николай— Переяславскаго монастыря и всѣ другіе настоятели. Совершили торжественное празднество и перенесли мощи въ новую церковь, построенную Изяславомъ, которая стоитъ и по нынѣ. Сначала взяли Бориса въ деревянной ракѣ и возложивъ на плеча понесли Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ. Впереди шли монахи, держа въ

рукахъ свѣчи, за ними діаконы съ кадилами и потомъ священники, позади епископы съ митрополитомъ, а за ними шли съ святыми мощами. Принесли въ новую церковь и открыли раку. Вся церковь наполнилась благоуханія самаго лучшаго запаха. Видя это, прославили Бога; а митрополитомъ овладѣлъ ужасъ, потому что не твердъ онъ былъ вѣрою къ мученикамъ, и упавъ на землю у ихъ раки, онъ просилъ прощенія. Приложились всѣ къ святымъ мощамъ, которыя потомъ положены въ каменную раку. За тѣмъ и Глѣба въ каменной ракѣ, поставили на сани и взявшись за веревки повезли; въ самыхъ дверяхъ рака остановилась и не шла далѣе. Приказали народу возгласить: «Господи помилуй» и повезли раку и положили обои мощи мая 2-го. По окончаніи литургіи князья братья обѣдали вмѣстѣ каждый съ своими боярами. Тогда Вышегородомъ—Чюдинъ, а церковью завѣдывалъ Лазарь. Послѣ пира всѣ разошлись по домамъ.

1073 г.

Злой духъ возбудилъ ссору между братьями князьями, сыновьями Ярослава. Перессорились они, и Святославъ съ Всеволодомъ пошелъ противъ Изяслава. Тотъ вышелъ изъ Кіева, а Святославъ и Всеволодъ вошли 22 марта въ Кіевъ и сѣли на престолѣ въ Берестовомъ дворцѣ, нарушивъ волю и завѣщаніе отца. Зачинщикомъ изгнанія брата былъ Святославъ: онъ желалъ большихъ владѣній, обманулъ и Всеволода сказавъ: «Изяславъ вступаетъ въ соглашеніе со Всеславомъ противъ насъ. Если мы его не предупредимъ, то онъ насъ прогонитъ». Этимъ вооружилъ Святославъ и Всеволода, а Изяславъ отправился въ Польшу съ множествомъ имущества, говоря: «этимъ я найду себѣ воиновъ»: но Поляки обобрали его и указали ему дорогу отъ себя.—Святославъ сѣлъ въ Кіевѣ, прогнавъ своего брата, нарушивъ заповѣдь отцовскую, и въ сущности Божію. А великій грѣхъ нарушать волю отца; такъ и въ древности сыны Хама посягнули на землю Сѳову, а черезъ 400 лѣтъ получили за то возмездіе отъ Бога. Евреи, происходя отъ племени Сѳова, избили Хананейское племя и снова заняли свой участокъ и землю. Такъ и Исавъ нарушилъ волю своего отца и убитъ; не хорошо переходить черезъ чужой рубежъ. Въ этомъ же году основана Печерская церковь, настоятелемъ Ѳеодосіемъ и епископомъ Михаиломъ, митрополитъ Георгій находился въ то время въ Греціи, а Святополкъ княжилъ въ Кіевѣ.

1074 г.

Скончался настоятель Печерскаго монастыря Ѳеодосій: разскажемъ въ немногихъ словахъ обстоятельства его кончины. Ѳеодосій имѣлъ обыкновеніе: когда приближалось время Великаго поста, въ воскресеніе вечеромъ по уставу прощался со всею братіею, сдѣлавъ ей поученіе, какъ проводить время поста въ денныхъ и ночныхъ молитвахъ, беречься отъ дурныхъ мыслей, злымъ духомъ насѣваемыхъ. Онъ говорилъ: «злой духъ насылаетъ монахамъ разныя дурныя мысли и вредныя желанія, развращаетъ умъ и тѣмъ вредитъ молитвамъ. Но когда приходятъ такія мысли, то отгонять ихъ осѣняясь крестомъ и говорить такъ: «Господь Іисусъ Христосъ, помилуй насъ во истинну». Притомъ воздерживаться отъ принятія большаго количества пищи: въ большой ѣдѣ и неумѣренномъ питіи возрастаютъ злыя и вредныя мысли, а когда зародятся мысли, то и происходитъ грѣхъ. А потому говорилъ онъ: сопротивляйтесь дѣйствію злаго духа и коварству его, берегитесь праздности и не спите много, неусыпно занимайтесь церковнымъ пѣніемъ, преданіями отцовъ и чтеніемъ книгъ. А болѣе всего слѣдуетъ монахамъ имѣть въ устахъ псалтырь Давыдовъ. Имъ прогоняется насылаемое злымъ духомъ уныніе; въ особенности должны монахи имѣть любовь ко всѣмъ меньшимъ, а къ старикамъ покорность и послушаніе, а старшіе меньшимъ должны оказывать любовь, дѣлать имъ наставленіе и служить имъ примѣромъ воздержанія, бодрствованія и смиренія во всѣхъ дѣйствіяхъ; такъ должны они наставлять меньшихъ и утѣшать ихъ и въ этомъ проводить постъ». Онъ Ѳеодосій говоритъ такъ: Богъ намъ далъ эти сорокъ дней на очищеніе души: это десятая часть, приносимая въ жертву Богу отъ жизни тѣла. Дней всего въ году 365, то изъ этихъ дней десятый отдавать мы должны Богу какъ десятину, и это-то и есть сорокодневный постъ: душа, очистясь въ эти дни, весело празднуетъ Воскресеніе Христово и веселится въ Богѣ: время поста очищаетъ умъ человѣку. Съ самаго начала было предзнаменованіе поста: такъ запрещено было Адаму ѣсть плоды одного дерева, и Моисей послѣ сорокадневнаго поста удостоился принять законъ на горѣ Синайской и видѣть славу Божію. Постомъ мать родила Самуила; постомъ Ниневитяне отвратили гнѣвъ Божій. Постомъ удостоился Даніилъ великихъ видѣній. Послѣ поста Илія взятъ какъ бы на небо на пищу ему соотвѣтственную. Постомъ три отрока уничтожили силу огня. Постился и Господь со-

рокъ дней, показавъ намъ время поста. Постомъ апостолы искоренили языческое ученіе. Черезъ постъ Святые Отцы явились свѣтилами въ мірѣ, сіяютъ и по смерти, показавъ великіе труды и воздержаніе, какъ-то Антоній Великій, Евѳимій, Савва и другіе Отцы, примѣру которыхъ и мы послѣдуемъ, братья». Сдѣлавъ такимъ образомъ наставленіе братіи, онъ прощался со всѣми поименно и тогда уходилъ изъ монастыря, взявъ съ собою немного хлѣбцевъ. Войдя въ пещеру, затворялъ ея двери, засыпалъ землею и не говорилъ ни съ кѣмъ; въ случаѣ же особенно важнаго дѣла, онъ давалъ отвѣтъ въ небольшое окно по субботамъ или воскресеніямъ. А прочіе дни проводилъ въ постѣ, молитвѣ и самомъ строгомъ воздержаніи. Въ монастырь онъ приходилъ въ пятницу накапунѣ Лазарева воскресенія; въ этотъ день оканчивается сорокадневный постъ, а поститься страстную недѣлю установлено по причинѣ Страстей Христовыхъ. Ѳеодосій пришелъ по обычаю, привѣтствовать братію, праздновалъ съ нею цвѣтную недѣлю. Когда наступилъ великій день воскресенія, то онъ по обыкновенію весело праздновалъ и потомъ сдѣлался болепъ. Болѣзнь все усиливалась и продолжалась 3 дней; когда наступилъ вечеръ онъ приказалъ вынесть себя на дворъ; братія, принеся его на носилкахъ, поставили его противъ церкви. Онъ приказалъ созвать всю братію. Монахи ударили въ било и всѣ собрались: тутъ онъ имъ сказалъ: «братья мои, отцы и дѣти. Вотъ я ухожу отъ васъ, какъ Господь мнѣ показалъ вовремя поста, когда я находился въ пещерѣ, что я оставляю этотъ свѣтъ; а вы кого хотите имѣть себѣ настоятелемъ, скажите мнѣ и я ему дамъ мое благословеніе». Монахи отвѣтили: «ты намъ всѣмъ отецъ и кого ты соизволилъ самъ, тотъ будетъ намъ отецъ и наставникъ и мы его будемъ слушать какъ тебя». На это отецъ Ѳеодосій сказалъ: «отойдите отъ меня въ сторону и назовите кого хотите кромѣ Николая и Игната, изъ старшихъ такъ и изъ младшихъ». Монахи послушали Ѳеодосія, отошли немного къ церквѣ и посовѣтовавшись послали двухъ изъ среды себя сказать: «кого укажетъ тебѣ Богъ и твоя честная молитва и кого тебѣ угодно, того и назови». Ѳеодосій сказалъ имъ: если же вы хотите отъ меня принять игумена, то я назначу не по своей волѣ, а по указанію Божію». И назвалъ имъ священника Якова. Братіи это непонравилось; они говорили: «не здѣсь принялъ постриженіе». Іаковъ дѣйствительно съ братомъ своимъ Павломъ пришелъ изъ Летьца. И начали братія просить Стефана, начальника деместнаго пѣнія, въ то время ученика Ѳеодосіева; они говорили:

«Стефанъ выросъ въ твоихъ рукахъ и служилъ тебѣ; дай ты намъ его». Ѳеодосій сказалъ: «я по Божьему повелѣнію назвалъ было вамъ Іакова, а вы теперь хотите поступать по своей волѣ». Онъ ихъ послушалъ и далъ имъ Степана, чтобы онъ былъ имъ настоятелемъ. Онъ его благословилъ и сказалъ: «сынъ мой, поручаю тебѣ монастырь, смотри за нимъ старательно и все, что я установилъ относительно службы, то соблюдай. Не измѣняй монастырскихъ преданій и уставовъ, но исполняй все по закону и уставу монастырскому». Затѣмъ братія взяли Ѳеодосія, отнесли его въ келію и положили на постели. Когда наступилъ шестой день и Ѳеодосій былъ очень боленъ, пришелъ къ нему Святославъ съ сыномъ Глѣбомъ. Ѳеодосій сказалъ Святославу, когда тотъ сидѣлъ у него: «вотъ я ухожу съ этого свѣта и вручаю монастырь тебѣ на сбереженіе, въ случаѣ если произойдетъ въ немъ какое либо замѣшательство. Настоятельство надъ нимъ поручаю Стефану, не дай его въ обиду». Князь далъ обѣщаніе имѣть о монастырѣ попеченіе; простился съ Ѳеодосіемъ и ушелъ. Когда наступилъ седьмой день, то Ѳеодосій призвалъ Стефана и братію; онъ былъ уже очень слабъ и сталъ имъ говорить такъ: «если по удаленіи моемъ съ этого свѣта, я угодилъ Богу и Онъ меня приметъ, то по смерти моей монастырь будетъ процвѣтать, то знайте, что меня принялъ Богъ; но если по моей смерти монастырь начнетъ бѣдиѣть монахами и всѣмъ, что для него нужно, то знайте, что я не угодилъ Богу. «Когда онъ это говорилъ, то братья плакали и говорили: «отецъ нашъ, молись за насъ Богу; мы знаемъ, что Богъ не пренебрежетъ твоими трудами . Всю ночь провели братья у постели больнаго Ѳеодосія и когда наступилъ восьмой день, во вторую субботу по пасхѣ, во второмъ часу дня, Ѳеодосій испустилъ духъ въ руки Божіи, 3-го мая Плакали по немъ братія. Ѳеодосій приказалъ похоронить себя въ пещерѣ, гдѣ онъ такъ много потрудился, и сказалъ такъ. «почью схороните мое тѣло». Такъ и сдѣлали. Когда наступилъ вечеръ, то братія, взявъ тѣло Ѳеодосія, положили его въ пещерѣ, проводивъ съ большою почестью, съ пѣснями и свѣчами на хвалу Богу нашему Іисусу Христу. Стефанъ сталъ править монастыремъ и блаженнымъ стадомъ, которое собралъ Ѳеодосій, и теперь монахи его сіяютъ на Руси какъ свѣтила на тверди небесной. Одни были сильны постомъ, другіе въ бодрствованіи, иные на земные поклоны; нѣкоторые постились и ѣли черезъ день и черезъ два дни, питались хлѣбомъ съ водою или вареною зеленью, а нѣкоторые и сырою. Они жили согласно,

младшіе слушались старшихъ и не смѣли говорить передъ ними, но все съ покорностью и великимъ послушаніемъ. Также и старшіе оказывали любовь къ младшимъ, учили ихъ, утѣшали какъ самихъ любимыхъ дѣтей. Если который либо братъ впадалъ въ какой либо грѣхъ, то утѣшали и его наказаніе эпитемью) принимали на себя и дѣлили три или четыре брата вслѣдствіе великой любви. Такова то была любовь въ той братіи и великое воздержаніе. Если который либо братъ выходилъ изъ монастыря, то всѣ братіи имѣли о томъ великую печаль, посылали за нимъ и звали его въ монастырь, или всѣ, кланялись настоятелю, просили его и принимали брата въ монастырь съ радостью. Такъ они любили другъ друга, были воздержны и постники; паименую нѣкоторыхъ въ особенности удивительныхъ подвижниковъ. Первый—священникъ Демьянъ; онъ былъ до того воздерженъ и преданъ посту, что до смерти не ѣлъ ничего кромѣ хлѣба и воды. Если кто бывало приносилъ больное дитя или одержимое какимъ либо недугомъ или и совершенныхъ лѣтъ человѣкъ приходилъ, одержимый какимъ либо недугомъ, въ монастырь къ блаженному Ѳеодосію, то онъ приказывалъ Демьяну совершить молитву надъ недужнымъ. Тотъ творилъ молитву и масломъ мазалъ и приходившіе къ нему получали исцѣленіе. Когда онъ, Демьянъ, сдѣлался боленъ и готовъ былъ уже окончить жизнь, пришелъ къ нему ангелъ въ образѣ Ѳеодосія и даровалъ ему царство небесное за его подвиги. Потомъ пришли къ Демьяну Ѳеодосій съ братіею и сѣли около него, а онъ, уже слабѣя, обратилъ глаза на настоятеля и сказалъ: «смотри же, Ѳеодосій, не забудь, что ты мнѣ обѣщалъ». Понялъ великій Ѳеодосій, что Демьянъ видѣлъ видѣніе и сказалъ ему: «братъ Демьянъ, что я тебѣ обѣщалъ, то пусть тебѣ будетъ». А тотъ, закрывъ глаза, предалъ духъ въ руки Божіи, а настоятель и братіи похоронили его тѣло. Былъ и еще братъ именемъ Іеремій, который помнилъ крещеніе земли Руской. Этому былъ отъ Бога дованъ даръ: онъ предузнавалъ будущее и видя чьи нибудь замыслы, обличалъ его втайнѣ и научалъ беречься коварства злаго духа. Если который либо братъ задумывалъ уходить изъ монастыря, то, видя это, прозорливый Іеремій, приходя къ нему, обличалъ его мысли и утѣшалъ брата. Что ни говорилъ ему, худое ли хорошее ли, сбывалось слово старца. Былъ еще старецъ—по имени Матвѣй, также прозорливый. Разъ когда онъ стоялъ въ церквѣ на своемъ мѣстѣ, поднялъ къ верху глаза и посмотрѣлъ на братьевъ, которые стояли и пѣли на обоихъ сторонахъ (клиросахъ) Онъ увидалъ злаго духа въ об-

разѣ Полика въ повязкѣ. Онъ ходилъ по церквѣ и, приподнявъ полу, держалъ въ ней цвѣтки, называемые *липок*. Проходя подлѣ братьевъ, бралъ онъ изъ полы цвѣтокъ и бросалъ въ кого попало. Если цвѣтокъ прилипалъ къ которому либо изъ поющихъ братьевъ, тотъ, немного постоявъ и разслабѣвъ, мыслями, подъ какимъ нибудь предлогомъ выходилъ изъ церкви, шелъ въ келію, тамъ засыпалъ и не возвращался въ церковь, пока не окапчивалась служба. Но бросалъ и въ такого монаха, что цвѣтокъ не прилипалъ, и тотъ стоялъ твердо и шѣлъ до окончанія заутрени и тогда выходилъ въ свою келію. Видя это, старецъ разсказывалъ своей братьи. Еще видѣлъ старикъ слѣдующее: онъ обыкновенно стоялъ всю заутреню до зари, и когда монахи расходились по келіямъ, тогда и этотъ старецъ выходилъ изъ церкви. Разъ онъ пошелъ и сѣлъ отдохнуть подъ биломъ, такъ какъ келія его была подальше церкви, отсюда смотрѣлъ какъ толпа шла отъ воротъ. Поднявъ глаза увидалъ, что одинъ сидитъ на свиньѣ, а другіе идутъ около него. И спросилъ ихъ старецъ: «куда вы идете»? и отвѣчалъ злой духъ (бѣсъ), сидѣвшій на свиньѣ: за Михаиломъ за Тольбековичемъ; старецъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и пришелъ въ свою келію. Когда разсвѣло, то понялъ старецъ въ чемъ дѣло и сказалъ келейнику: «иди спроси, что Михайло въ келіи?» и сказали ему: «онъ ужь давно ушелъ, прямо съ клироса по окончаніи заутрени». Старецъ разсказалъ это видѣніе настоятелю и братіи. При этомъ старцѣ преставился Ѳеодосій и Стефанъ сдѣлался настоятелемъ, да и, когда мѣсто Стефана заступилъ Никонъ старецъ, этотъ все еще былъ живъ. Разъ онъ стоялъ на заутрени и, поднявъ глаза, хотѣлъ взглянуть на настоятеля Никона, но на мѣстѣ настоятелевомъ увидалъ осла и понялъ, что настоятель не всталъ (ото сна). И много другихъ видѣній провидѣлъ старецъ и скончался въ этомъ же (Печерскомъ) монастырѣ въ глубокой старости. Былъ еще монахъ, по имени Исаакій. Когда онъ находился въ мірѣ, то былъ богатымъ купцомъ изъ Торопца; задумалъ онъ быть монахомъ, роздалъ имущество свое нуждающимся и монастырямъ, и отправился въ пещеру къ Антонію великому. Онъ умолялъ его сдѣлать монахомъ. Антоній его принялъ, возложилъ на него монашескую одежду и далъ ему имя Исаакій, а прежнее имя ему было Чернь. Этотъ Исаакій сталъ вести жизнь самую строгую, одѣвался въ власяницу; онъ велѣлъ купить себѣ козла и, снявъ съ него кожу, надѣлъ на власяницу, и сырая кожа около него засохла. Затворился онъ въ пещерѣ въ одной улицѣ, въ небольшой келіи, всего

въ четыре сажени, и тутъ молился Богу со слезами. Пища его была одна просфора, да и то черезъ день, воду и ту пилъ умѣренно. Приносилъ ему великій Антоній и подавалъ въ маленькое окно, въ которое только что проходила рука; такъ онъ принималъ пищу. Этотъ образъ жизни велъ онъ въ продолженіи 7 лѣтъ: не выходилъ на свѣтъ Божій, на ребра не ложился, но сидя принималъ немного сна. Разъ, когда наступилъ вечеръ, Исаакій по обыкновенію началъ класть поклоны и пѣлъ псалмы до самой полуночи. Когда уставалъ, то садился на свое обычное мѣсто. Разъ, когда онъ сидѣлъ какъ обыкновенно и загасилъ свѣчку, вдругъ пещера озарилась яркимъ свѣтомъ какъ солнца, такъ что глазамъ человѣческимъ выдержать этотъ свѣтъ было невозможно. Къ Исаакію подошли два прекрасныхъ молодыхъ человѣка; лица ихъ блистали какъ солнце и они сказали Исаакію: «Исаакій, мы ангелы, а вотъ къ тебѣ идетъ Христосъ. Упади и поклонись Ему». Онъ и не понялъ, что все это злоумышленіе бѣсовское, да и не догадался перекреститься. Онъ вышелъ впередъ, и поклонился какъ Христу бѣсовскому дѣйствію. Бѣсы громко закричали: «ну, ты теперь уже нашъ, Исаакій». Ввели его въ келію, посадили его, начали садиться около него и наполнили они келію и всю улицу, бывшую передъ пещерами. Одинъ изъ бѣсовъ, тотъ, котораго они называли Христомъ, сказалъ имъ: «возьмите свирѣли, бубны и гусли и играйте; пускай намъ попляшетъ Исаакій». Заиграли они въ свирѣли, гусли и бубны и довели Исаакія до такого изнеможенія, что онъ остался чуть живъ. Наругавшись надъ нимъ такимъ образомъ, они ушли. На другой день, когда разсвѣло и наступило время принимать пищу, Антоній по обыкновенію подошелъ къ окошечку пещеры и сказалъ: «Господь благослови, отецъ Исаакій». Отвѣта не было. И сказалъ Антоній: «вѣрно онъ ужь померъ». Послалъ въ монастырь за Ѳеодосіемъ и братіями. Они откопали гдѣ былъ загороженъ выходъ, пришли и взяли Исаакія и, считая его мертвымъ, вынесли и положили передъ пещерою. Тутъ увидали, что онъ еще живъ, и сказалъ Ѳеодосій: «случилось это съ нимъ отъ дѣла бѣсовскаго». Положили Исаакія на постель и ухаживалъ за нимъ Антоній. Случилось, что въ это время вернулся Изяславъ изъ Польши; сталъ онъ сердиться на Антонія изъ-за Всеслава. Святославъ прислалъ за Антоніемъ ночью и взялъ его въ Черниговъ. Когда Антоній пришелъ въ Черниговъ, то полюбились ему Болдины горы и, вырывъ пещеру, онъ тутъ поселился. Существуетъ и теперь монастырь Богоматери на Болдиныхъ горахъ.

Ѳеодосій, узнавъ, что Антоній удалился въ Черниговъ, пошелъ съ братіею, взялъ Исаакія, принесъ его къ себѣ въ келію и ходилъ за нимъ. До того ослабѣлъ тѣломъ Исаакій, что не могъ поворотиться съ одной стороны на другую, ни встать, ни сидѣть, но лежалъ на одной сторонѣ, испускалъ подъ себя; не разъ и черви заводились у него въ боку отъ сырости и нечистоты. Ѳеодосій самъ своими руками омывалъ его и прибиралъ около него, и такъ дѣлалъ около него въ теченіи двухъ лѣтъ. Но вотъ что удивительно и непонятно: два года лежалъ Исаакій такъ, не принимая ни хлѣба, ни воды, никакой рѣшительно пищи, языкомъ ничего не говорилъ, но нѣмой и глухой лежалъ такъ два года. Ѳеодосій молилъ Бога за него, возсылая молитвы и днемъ и ночью. Наконецъ, на третій годъ сталъ говорить Исаакій, и слышать, и на ноги вставать учился, и ходить какъ младенецъ. Не хотѣлъ онъ ходить въ церковь,—насильно его туда приводили. Потомъ онъ выучился ходить въ трапезную, сажали его особенно отъ братьевъ, клали передъ нимъ хлѣбъ, но онъ его не бралъ, развѣ ему въ руки клали. Ѳеодосій сказалъ: «положите передъ нимъ хлѣбъ, а въ руки не вкладайте,—пускай самъ ѣстъ». Цѣлую недѣлю не принимался онъ за него, но потомъ, по-немногу, озираясь на всѣ стороны, откусывалъ хлѣба. Такъ выучился онъ ѣсть, и Ѳеодосій избавилъ его отъ злоумышленія діавольскаго. А Исаакій снова принялся за самое строгое воздержаніе. Когда скончался Ѳеодосій и мѣсто его заступилъ Стефанъ, то Исаакій сказалъ: «ты, злой духъ, ввелъ было меня въ соблазнъ, когда я сидѣлъ въ одномъ мѣстѣ. Теперь ужь я не стану затворяться въ пещерѣ, но одержу надъ тобою побѣду, живя въ монастырѣ». Надѣлъ онъ на себя власяницу, а на нее суконный кафтанъ (*свиту вотоляну*) и началъ притворяться юродивымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ помогалъ поварамъ и варилъ на братію. Къ заутренѣ ходилъ прежде всѣхъ и стоялъ крѣпко и неподвижно. Когда наступила зима и жестокіе морозы, то онъ стоялъ въ протоптанныхъ сапогахъ, такъ что ноги его примерзали къ камню и онъ ногъ не передвигалъ пока не оканчивалась заутреня. Послѣ заутрени Исаакій отправлялся въ поварскую, приносилъ воды и дровъ и разводилъ огонь. Приходили и прочіе повара изъ числа братіи. Былъ одинъ поваръ тоже по имени Исаакій. Онъ сказалъ въ насмѣшку Исаакію: «вонъ тамъ сидитъ черный воронъ, поди, возьми его». Тотъ поклонился ему до земли, пошелъ, взялъ ворона и принесъ ему передъ всѣми поварами. Тѣ пришли въ ужасъ, разсказали настоятелю и братіи, и начали братія оказывать ему

почтеніе. По Исаакій, не желая славы человѣческой, сталъ притворяться юродивымъ и дѣлать вредъ или игумену, или братіямъ, или мірскимъ людямъ. Принималъ онъ за то отъ нѣкоторыхъ и побои; и началъ онъ ходить и въ мірѣ (внѣ монастыря), также прикидываясь юродивымъ. Онъ поселился въ пещерѣ, въ которой и прежде былъ, а Антоній въ то время уже скончался. Собиралъ къ себѣ молодыхъ людей и надѣвалъ на нихъ монашескую одежду, за что принималъ побои и отъ настоятеля Никона и отъ родителей тѣхъ дѣтей. Все это онъ терпѣлъ и переносилъ побои, наготу и холодъ и днемъ и ночью. Въ одну ночь развелъ онъ огонь въ печкѣ пещерной. Печка была худа, огонь разгорѣлся шибко и сталъ выходить въ трещины. Нечѣмъ было заложить Исаакію; онъ самъ голыми ногами сталъ на печку, на мѣсто, откуда выходилъ пламень. Много и другаго разсказывали о немъ, а иного и самъ былъ свидѣтелемъ. Такимъ образомъ побѣдилъ онъ злыхъ духовъ и угрозы ихъ и соблазны отгонялъ какъ мухъ. Онъ имъ говорилъ: «если вы было обманули меня первый разъ въ пещерѣ, то потому, что не зналъ я всѣхъ вашихъ плутней и злоумышленій, а теперь за меня Господь Іисусъ Христосъ, Богъ мой, и молитва отца моего Ѳеодосія, и я одержу надъ вами побѣду». Много разъ бѣсы зло подшучивали надъ нимъ и говорили: «ты нашъ, ты поклонишся намъ и нашему старѣйшинѣ». А Исаакій отвѣчалъ имъ: «вашъ старѣйшина—антихристъ, а вы—бѣсы», потомъ осѣнялъ лицо крестнымъ знаменіемъ—и такъ исчезали они. Иногда ночью приходили они къ нему, пугая его воображеніе: будто пришла огромная толпа народа съ заступами, лопатами. Одни говорили: «раскопаемъ пещеру, а его—Исаакія—зароемъ здѣсь». Другіе кричали: «бѣги, Исаакій, тебя зарыть хотятъ». А Исаакій имъ отвѣчалъ: «будь вы люди, то вы пришли бы днемъ, а вы тьма и во тьмѣ ходите и тьма васъ возьметъ». Дѣлалъ онъ знаменіе креста и они исчезали. Другой разъ стращали они его въ образѣ медвѣдя, а иногда въ видѣ хищныхъ звѣрей; то подползали къ нему въ видѣ змѣй, жабъ, мышей и всякихъ пресмыкающихся. Не могли ему ничего сдѣлать и сказали ему: «Исаакій, ты насъ побѣдилъ». А онъ имъ отвѣтилъ: «вы меня побѣдили было въ образѣ Христовомъ и ангельскомъ, будучи недостойны и посмотрѣть-то на нихъ, а теперь являетесь въ образѣ звѣрей и скотовъ и змѣй и пресмыкающихся, какъ вы и есть въ дѣйствительности, скверные и дурные на видъ». Тутъ исчезли злые духи и съ тѣхъ уже поръ не было ему отъ нихъ никакого вреда. Онъ и самъ разсказывалъ, что пришлось ему съ

ними бороться три года. И онъ и послѣ того велъ жизнь самую строгую въ постѣ и бодрствованіи, и такъ ведя жизнь, онъ се и окончилъ. Сдѣлался онъ боленъ въ пещерѣ и отнесли его въ монастырь, гдѣ онъ на восьмой день и скончался; а настоятель Іоаннъ и братія прибрали его тѣло и похоронили. Таковы-то были монахи монастыря Ѳеодосьева; и по смерти сіяютъ они какъ свѣтила и молятъ Бога за оставшихся здѣсь братіевъ и за тѣхъ изъ свѣтскихъ людей, которые дѣлаютъ приношеніе въ монастырь, въ которомъ и понынѣ живутъ ведущіе добродѣтельную жизнь всѣ вмѣстѣ, проводя время въ пѣсняхъ, молитвахъ и послушаніи на славу Всемогущаго Бога, будучи сохраняемы молитвами Ѳеодосьевыми, которому слава вовѣки.

1075 г.

Начали строить съ основанія Печерскую церковь при настоятелѣ Стефанѣ, а основанія положилъ Ѳеодосій и на томъ основаніи строить сталъ Стефанъ. Она окончена на третій годъ іюля 11-го. Въ этомъ году пришли къ Святославу послы изъ Германіи, и тотъ, хвалясь передъ ними, показалъ все свое богатство. Видѣли они несмѣтное количество золота, серебра и дорогихъ тканей и сказали: «это все ничего не значитъ, лежитъ мертво; воины лучше,—они пріобрѣтутъ и болѣе этого». Такъ похвалился Іезекій, царь Іудейскій, передъ послами царя Ассирійскаго, но все это было взято въ Вавилонъ; такъ и по смерти Святослава все его имущество разошлось куда попало.

1076 г.

Владиміръ, сынъ Всеволода, и Олегъ, сынъ Святославовъ, ходили на помощь Полякамъ противъ Чеховъ. Въ этомъ же году скончался Святославъ, сынъ Ярослава, 27 года, отъ разрѣзанной у него опухоли и положенъ въ Черниговѣ у храма Св. Спаса. Послѣ него мѣсто занялъ Всеволодъ января 1-го. Въ это же время у Владиміра родился сынъ Мьстиславъ, а Всеволоду внукъ.

1077 г.

Изяславъ пошелъ съ Поляками; Всеволодъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Борисъ занялъ Черниговъ мая 4-го, но княжилъ всего восемь дней и ушелъ въ Тмуторакань къ Роману. Всеволодъ выступилъ противъ своего брата Изяслава на Волынь; заключили они міръ. Изяславъ пришелъ въ Кіевъ на княженіе іюня 15-го, а Олегъ, сынъ Святослава, находился у Всеволода въ Черниговѣ.

1078 г.

Олегъ, сынъ Святослава, бѣжалъ отъ Всеволода въ Тмуторакань апрѣля 10-го. Въ этомъ же году убитъ въ Заволочьѣ Глѣбъ, сынъ Святослава. Былъ онъ милостивъ къ бѣднымъ, любилъ принимать странниковъ, имѣлъ усердіе къ храмамъ Божіимъ, имѣлъ теплую вѣру и кротость и наружностью былъ красивъ. Его тѣло положено въ Черниговѣ за церковью Св. Спаса іюля 23-го. Святополкъ, сынъ Изяслава, запялъ въ Новгородѣ мѣсто Глѣба, Ярополкъ княжилъ въ Вышегородѣ, а Владиміръ въ Смоленскѣ. Олегъ и Борисъ привели дикарей (Половцевъ) на Рускую землю: съ Половцами пошли они на Всеволода. Тотъ вышелъ противъ нихъ на Сожицу. Половцы побѣдили Рускихъ и многихъ тутъ убили, между прочимъ въ числѣ убитыхъ находились Иванъ Жпрославичь и Тукій, Чудинъ братъ, Порей и много другихъ, августа 25-го. Олегъ и Борисъ пришли къ Чернигову; они думали, что уже побѣда ихъ и много зла сдѣлали Рускойземлѣ, много крови христіанской пролили и за ее-то Господь потребуетъ отъ нихъ отчета и будутъ они наказаны за гибель столькихъ душъ христіанскихъ. Всеволодъ пришелъ въ Кіевъ къ брату своему Изяславу, поздоровались они и сѣли. Всеволодъ разсказалъ, что случилось. Изяславъ ему отвѣчалъ: «братъ, не тужи! Развѣ не помнишь, что и со мною было? Во-первыхъ, развѣ меня не выгнали и не разграбили мое имущество? И во-вторыхъ, въ чемъ виновенъ былъ, когда вы, братья, меня выгнали? Не скитался ли я по чужимъ землямъ и не лишился всего что имѣлъ? А между тѣмъ дурнаго я ничего не сдѣлалъ. Да и теперь, братъ, не будемъ предаваться печали. Если намъ будетъ еще доля въ землѣ Руской, то обоимъ; а если будемъ ея лишены, то оба; я сложу за тебя свою голову». Сказавъ это, онъ утѣшилъ Всеволода и началъ набирать воиновъ отъ малыхъ до большихъ. Изяславъ пошелъ съ Ярополкомъ, сыномъ своимъ, а Всеволодъ пошелъ съ сыномъ своимъ Владиміромъ. Пришли они къ Чернигову; жители его заперлись въ городѣ, а Олега и Бориса тамъ не было. Такъ какъ жители Чернигова не хотѣли отворить воротъ, то и сдѣлали къ городу приступъ. Владиміръ сдѣлалъ нападеніе съ восточной стороны, отбилъ ворота и открылъ доступъ въ *окольный* городъ, который и сожгли, а жители ушли во внутренній городъ. Услыхали Изяславъ и Всеволодъ, что Олегъ и Борисъ идутъ противъ нихъ; тогда Изяславъ и Всеволодъ поспѣшили оставить городъ и идти на встрѣчу противъ Олега. Олегъ сказалъ

Борису: «не пойдемъ впередъ, не въ состояніи мы бороться съ четырьмя князьями, но пошлемъ съ просьбою къ нашимъ дядьямъ». Борисъ ему отвѣтилъ: «ну, ты смотри сложа руки, а я буду бороться съ ними со всѣми». Такъ онъ похвалился, не зная того, что Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать, и пусть не хвалится сильный своею силою. Пошли они навстрѣчу, и когда были на мѣстѣ у села на Пежатинѣ Нивѣ, сошлись оба войска и произошелъ упорный бой. Сначала былъ убитъ Борисъ, сынъ Вячеслава, тотъ, что похвалился такъ надменно. Изяславъ стоялъ въ рядахъ пѣхоты; вдругъ на него наскочилъ одинъ непріятель и ударилъ копьемъ въ плечо. Такъ убитъ Изяславъ, сынъ Ярослава. Сраженіе продолжалось, и Олегъ бѣжалъ съ немногими; съ трудомъ удалось ему уйдти въ Тмуторакань. Князь Изяславъ убитъ октября 3-го. Тѣло его взяли, повезли въ лодкѣ и остановились напротивъ Городца. Навстрѣчу вышли всѣ жители Кіева и, положивъ тѣло Изяслава на сани, повезли ихъ. Священники и монахи съ пѣснями понесли его въ городъ и нельзя было разслушать пѣнія середи плача. Великъ былъ вопль по князѣ—оплакивалъ его весь Кіевъ. Ярополкъ, сынъ его, шелъ за нимъ и оплакивалъ онъ и его дружина такъ: «отецъ, отецъ мой, долго ли ты прожилъ безъ горя на семъ свѣтѣ? Много вреда принялъ ты отъ людей и отъ своихъ братьевъ. А теперь ты погибъ не отъ брата, но за своего брата сложилъ ты свою голову». Когда принесли тѣло Изяслава, то положили его въ церквѣ Св. Богородицы, вложивъ его въ мраморную раку. Изяславъ былъ высокъ ростомъ и красивъ наружностью; отъ природы незлобивый, ненавидѣлъ онъ несправедливость и любилъ правду; не было въ немъ коварства, но онъ былъ простъ правомъ и не платилъ зломъ за зло. Что ему надѣлали Кіевляне! Самого выгнали, домъ его разграбили, а онъ за это имъ не отплатилъ зломъ. А если кто скажетъ: «онъ казнилъ тѣхъ, которые освободили Всеслава», то это сдѣлалъ не онъ, а его сынъ.—Братья прогнали его и онъ ходилъ скитаясь по чужимъ землямъ; но когда онъ сѣлъ снова на престолъ и пришелъ къ нему побѣжденный Всеволодъ, то онъ не сказалъ ему: «а сколько мнѣ отъ васъ терпѣть пришлось»? не заплатилъ зломъ за зло, но утѣшилъ и сказалъ: «такъ какъ ты, братъ мой, показалъ ко мнѣ расположеніе, возвелъ меня на престолъ мой и почтилъ мое старшинство, то и я не стану припоминать прежнихъ неудовольствій; ты мнѣ—братъ, а я тебѣ и сложу за тебя мою голову». Что и исполнилъ. Не сказалъ Всеволоду:

«сколько вы мнѣ зла сдѣлали, а теперь и съ тобою тоже случилось», и не прибавилъ: «иди отъ меня»; но на себя взялъ печаль братнину и показалъ ему великую любовь, исполняя слово апостольское: утѣшайте находящихся въ печали. По-истинѣ, если онъ, Изяславъ, и сдѣлалъ на этомъ свѣтѣ какой-либо грѣхъ, то онъ будетъ ему прощенъ, такъ онъ пожертвовалъ жизнью за своего брата, не желая ни пріумноженія владѣній, ни большаго имущества, но мести за оскорбленіе, сдѣланное брату. О такихъ Господь сказалъ: если кто положитъ душу свою за своихъ друзей. А Соломонъ сказалъ: братья въ бѣдахъ оказываютъ помощь, и любовь выше всего. Такъ и Іоаннъ говоритъ: Богъ есть любовь; кто вѣренъ любви, тотъ пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ пребываетъ; а въ томъ исполняется любовь, чтобы мы имѣли заслугу въ день суда и чтобы каковъ онъ есть, таковы были бы и мы въ семъ мірѣ. Въ любви нѣтъ страха, и любовь, достигшая совершенства, устраняетъ страхъ. Страхъ предполагаетъ въ себѣ страданіе и кто имѣетъ страхъ, любовь того далека отъ совершенства. Если кто скажетъ: люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ говоритъ ложь. Кто не любитъ своего брата, который у него на глазахъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ? А отъ Бога намъ приказано: любить Бога и любить брата своего. Любовью всего достигается: изъ-за любви и грѣхи исчезаютъ. По внушенію любви и Господь сошелъ на землю и принялъ распятіе за насъ грѣшныхъ, взялъ на себя грѣхи наши и пригвоздилъ ихъ на Крестѣ, знаменіе котораго онъ намъ далъ, чтобы прогонять злые умыслы бѣсовской ненависти. По внушенію любви и мученики пролили свою кровь и по внушенію любви этотъ князь пролилъ кровь свою за брата своего, исполняя повелѣнное Господомъ. Всеволодъ былъ въ Кіевѣ на престолѣ отца своего и брата и занялъ всю Рускую область. Онъ посадилъ сына своего Владиміра въ Черниговѣ, а Ярополка (Изяславича) во Владимірѣ, прибавивъ ему Туровъ.

1079 г.

Романъ съ Половцами пришелъ къ Вонну. Всеволодъ сталъ у Переяславля и заключилъ съ Половцами миръ. Романъ съ Половцами вернулся назадъ и Половцы его убили 2-го августа. И доселѣ тамъ лежатъ кости этого сына Святославова и внука Ярославова, а Олега Половцы взяли и отправили его въ ссылку за море въ Царь-Городъ, а Всеволодъ посадилъ въ Тмуторакани своего намѣстника (посадника) Ратибора.

1080 г.

Торки Переяславскіе начали было войну съ Русскими. Всеволодъ послалъ своего сына Владиміра; Владиміръ пошелъ и побѣдилъ Торковъ.

1081 г.

Давидъ Игоревичъ съ Володаремъ Ростиславичемъ бѣжали мая 18-го. Они пришли въ Тмуторакань, захватили Ратибора, а сами въ немъ остались.

1082 г.

Умеръ осенью князь Половецкій.

1083 г.

Олегъ пришелъ изъ Греціи въ Тмуторакань, захватилъ Давида и Володаря Ростиславичей и остался въ Тмуторакани. Онъ умертвилъ Козаровъ, которые подавали совѣтъ убить и его самого и его брата; а Давида и Володаря онъ пустилъ.

1084 г.

Приходилъ Ярополкъ ко Всеволоду въ день Св. Пасхи. Въ это же время ушли отъ Ярополка два Ростиславича; потомъ они пришли и прогнали его. Всеволодъ послалъ сына своего Владиміра; тотъ выгналъ Ростиславичей и городъ Владиміръ отдалъ опять Ярополку. Въ этомъ же году Давидъ захватилъ Грековъ въ Олемьи и отнялъ у нихъ имущество. Всеволодъ послалъ за нимъ, привелъ его и отдалъ ему Дорогобужъ.

1085 г.

Ярополкъ хотѣлъ идти войною на Всеволода, внявъ совѣтамъ злонамѣренныхъ своихъ приближенныхъ. Всеволодъ, узнавъ объ этомъ, послалъ противъ него своего сына Владиміра, а Ярополкъ оставивъ въ Луцкѣ и мать свою и дружину, ушелъ въ Польшу. Владиміръ пришелъ къ Луцку; жители этого города покорились. Владиміръ отдалъ городъ Владиміръ Давиду, вмѣсто Ярополка, а мать Ярополка и жену его и дружину привелъ въ Кіевъ и все имущество Ярополка захватилъ.

1086 г.

Всеволодъ заложилъ церковь Св. Андрея при митрополитѣ Іоаннѣ. У этого храма устроилъ онъ монастырь, гдѣ дочь его именемъ Янька (Анна?) постриглась дѣвицею. Эта Янка, собравъ много монахинь, жила съ ними по монастырскому уставу.

Пришелъ изъ Польши Ярополкъ; онъ заключилъ миръ съ Владиміромъ и тотъ вернулся въ Черниговъ, а Ярополкъ остался во Владимірѣ. Немного дней онъ такъ пробылъ, и отправился къ Звенигороду. Не дошелъ онъ еще города, какъ его пронзилъ проклятый Нерадко по наученію діавола и злыхъ людей. Князь лежалъ на повозкѣ, когда въ него Нерадко, сидя на конѣ, воткнулъ саблю; случилось это 22 ноября. Ярополкъ приподнялся, вынулъ изъ себя саблю и закричалъ громкимъ голосомъ: «охъ, это тотъ врагъ поймалъ меня». Проклятый втройнѣ Нерадко ушелъ въ Перемышль къ Рюрику, а Ярополка его приближенные, взявъ впередъ себя на копя,—то были: Радко, Вонкина и многіе другіе,—понесли сначала во Владиміръ, а потомъ въ Кіевъ. Навстрѣчу вышелъ Всеволодъ съ сыновьями Владиміромъ и Ростиславомъ, всѣ бояре, митрополитъ Іоаннъ съ монахами и священниками и всѣ Кіевляне. Они его оплакали горько и потомъ съ честью положили его 3 декабря въ мраморной ракѣ въ храмѣ Св. Петра Апостола, начатомъ постройкою этимъ княземъ. Много бѣдствій принялъ онъ, будучи безо всякой съ своей стороны вины изгнанъ братьями, подвергся оскорбленію, раззоренію, а наконецъ и горестную смерть принялъ; но удостоился вѣчной жизни и спокойствія. Этотъ князь былъ тихъ, кротокъ, смиренъ и братолюбивъ, ото всего своего имущества давалъ онъ десятую часть въ храмъ Св. Богородицы каждый годъ. Постоянно молился онъ Богу, говоря: пріими молитву мою и даруй мнѣ смерть такую же, какую далъ ты братьямъ моимъ Борису и Глѣбу отъ чужихъ рукъ, чтобы я омылъ своею кровью грѣхи и избавился бы этого суетнаго свѣта и его волненій, сѣтей вражескихъ. И всеблагой Господь не отказалъ ему въ этомъ прошеніи. Онъ удостоилъ Ярополка такого блаженства, какого глазъ не видѣлъ, ни ухо не слышало и человѣческій умъ себѣ представить не можетъ; а его-то Господь приготовилъ тѣмъ, которые Его любятъ. Въ этомъ же году Всеволодъ ходилъ къ Перемышлю.

1087 — 1088 г.

Во Всеволодовомъ монастырѣ освящена церковь Св. Михаила митрополитомъ Иваномъ; настоятелемъ монастыря былъ въ это время Лазарь. Въ этомъ же году Святополкъ перешелъ княжить изъ Новгорода въ Туровъ. — Въ этомъ же году умеръ настоятель Печерскаго монастыря Никонъ. Въ этомъ же году Болгаре взяли Муромъ.

1089 г.

Храмъ Печерскаго Ѳеодосьева монастыря во имя Пресв. Богородицы освященъ митрополитомъ Іоанномъ и епископами: Лукою Бѣлогородскимъ, Исаіемъ Ростовскимъ, Иваномъ Черниговскимъ и Антоніемъ Юрьевскимъ, при благородномъ князѣ Всеволодѣ, державномъ Руской земли, и при его сыновьяхъ Владимірѣ и Ростиславѣ. Воеводствомъ Кіевской тысячи завѣдывалъ Янъ, а настоятелемъ былъ Іоаннъ. Въ этомъ году скончался митрополитъ Іоаннъ. Онъ былъ человѣкъ очень ученый и хорошо знакомый съ книгами Св. Писанія, милостивъ къ бѣднымъ и вдовамъ, ласковъ къ каждому, богатому и бѣдному, смиренъ, кротокъ и молчаливъ, но краснорѣчивъ, когда изъ святыхъ книгъ поучалъ находившихся въ печали. Такого, какъ онъ, не было на Руси ни до него, ни послѣ него не будетъ. Въ этомъ году Янка (дочь Всеволодова), о которой сказано выше, отправилась въ Грецію. Она привела оттуда митрополита Іоанна, скопца. Видя его всѣ сказали: «вотъ мертвецъ пришолъ». Онъ только всего годъ и былъ,—померъ; это былъ человѣкъ неученый, простой и не краснорѣчивый. Въ этомъ же году освящена въ Переяславлѣ церковь Св. Михаила Ефремомъ, митрополитомъ той церкви. Онъ ее устроилъ въ большихъ размѣрахъ, потому что прежде въ Переяславлѣ была митрополія; онъ сдѣлалъ значительныя пристройки и украсилъ ее всѣмъ нужнымъ, а въ особенности церковными сосудами. Этотъ Ефремъ былъ скопецъ, высокъ ростомъ. Онъ построилъ много зданій: окончивъ церковь Св. Михаила, заложилъ церковь на городскихъ воротахъ во имя святаго мученика Ѳеодора, а потомъ Св. Андрея, у церкви отъ воротъ и бани построилъ, чего прежде не было на Руси. Онъ заложилъ около города стѣны каменныя отъ церкви Св. мученика Ѳеодора и украсилъ городъ Переяславль церковными и разными зданіями.

1090 г.

Настоятель и монахи составили между собою совѣтъ и сказали: «не хорошо лежать отцу нашему Ѳеодосію внѣ храма монастыря имъ же созданнаго, такъ какъ онъ и монастырь основалъ и монаховъ собралъ». Сдѣлавъ такое рѣшеніе, велѣли приготовить мѣсто гдѣ положить его мощи. Когда приближался праздникъ Успенія Богородицы, за три дни до него приказалъ настоятель тронуть мощи отца Ѳеодосія съ того мѣста, гдѣ онѣ лежали. Такому приказанію я грѣшный самъ былъ свидѣтелемъ, и что теперь разскажу, то я

не по слуху знаю, но во всемъ самъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Пришелъ ко мнѣ настоятель и сказалъ: «пойдемъ въ пещеру къ Ѳеодосію». Я пошелъ съ игуменомъ, такъ что никто не зналъ; разсмотрѣли мы гдѣ копать и означили мѣсто гдѣ копать въ сторонѣ отъ входа. Настоятель сказалъ мнѣ: «никому не говори изъ братіи и пусть никто не знаетъ, а возьми кого хочешь себѣ на помощь». Въ теченіи 7 дней приготовилъ я заступы, которыми копать; а во вторникъ вечеромъ взялъ съ собою товарища,—а кромѣ ихъ никто не зналъ, пришелъ въ пещеру и, окончивъ пѣніе псалмовъ, началъ копать. Когда я усталъ, то передалъ другому брату, и рыли мы до полночи, устали и не могли дорыться. И началъ я скорбѣть, не въ сторону ли мы копаемъ. Взялъ я опять заступъ и принялся рыть изо всей силы; товарищъ мой лежалъ и отдыхалъ передъ пещерою; сказалъ онъ мнѣ: «ударило въ било», а я ему: «дорылся наконецъ». Когда я дорылся, то мною овладѣлъ ужасъ и я началъ кричать: «Господи помилуй». Въ это время два монаха сидѣли въ монастырѣ, дожидаясь, чтобы съ ними настоятель перенесъ мощи Ѳеодосьевы тайно отъ другихъ; они смотрѣли по направленію къ пещерѣ. Когда ударили въ било, то увидали три столба въ видѣ свѣтлыхъ дугъ; они постояли и пришли наверхъ церкви, гдѣ былъ положенъ Ѳеодосій. Въ это же время Стефанъ, заступившій мѣсто Ѳеодосія въ настоятельствѣ,—а теперь онъ былъ епископомъ,—видѣлъ въ своемъ монастырѣ черезъ поле сильный свѣтъ надъ пещерою. Полагалъ, что несутъ Ѳеодосія,—ему за день передъ тѣмъ было о томъ сказано; сожалѣя, что безъ него несутъ, сѣлъ поскорѣе на коня и поѣхалъ, взявъ съ собою Климента, котораго онъ сдѣлалъ въ своемъ монастырѣ настоятелемъ. Во всю дорогу видѣли они сильный свѣтъ. Когда они приблизились, то увидали множество свѣчей надъ пещерою, но когда подошли къ пещерѣ, то все это исчезло; вошли они въ пещеру, а мы сидѣли у мощей Ѳеодосія. Когда я докопался, то послалъ сказать настоятелю: «приходи, вынемъ мощи». Настоятель пришелъ съ двумя братьями. Тутъ я разрылъ пошире и мы вошли. Ѳеодосій лежалъ мощами, но составы не распались, а волосы прилипли къ тѣлу. Положивъ мощи на мантію, внесли въ пещеру. На другой день собрались епископы: Ефремъ Переяславскій, Стефанъ Владимірскій, Іоаннъ Черниговскій, Маринъ Юрьевскій, пришли настоятели всѣхъ монастырей съ монахами и много усердныхъ къ вѣрѣ гражданъ. Взяли они мощи Ѳеодосьевы съ ѳиміамомъ и свѣчами и, принеся, положили въ его церквѣ въ притворѣ на правой сторонѣ. Было

это 14 августа въ четвергъ въ первомъ часу дня. Торжественно праздновали этотъ день. Разскажу вкратцѣ какъ сбылось пророчество Ѳеодосія. Когда онъ былъ настоятелемъ и при жизни правилъ стадомъ, которое ему поручилъ Богъ,—монахами, и не объ одинхъ только монахахъ, но и о мірскихъ заботился душахъ—какъ бы имъ спастись, въ особенности же и преимущественно о духовныхъ своихъ дѣтяхъ, утѣшая и поучая всѣхъ къ нему приходившихъ. Да и самъ посѣщалъ ихъ дома и подавалъ имъ благословеніе. Разъ пришелъ онъ въ домъ Яновъ, къ Яну и женѣ его Маріи. Ѳеодосій очень ихъ любилъ за то, что они жили по закону Господа, исполняя его заповѣди, любили другъ друга и жили мирно. Разъ, когда онъ пришелъ къ нимъ и училъ давать милостыню бѣднымъ, говорилъ о царствѣ небесномъ какъ удѣлѣ праведныхъ, о наказаніи ожидающемъ грѣшниковъ и о минутахъ смерти, и когда онъ говорилъ имъ о томъ, какъ кладутъ тѣла во гробъ, жена Яна ему сказала: «кто знаетъ, гдѣ меня положатъ»? На это ей отвѣтилъ Ѳеодосій: «по истинѣ тебѣ говорю—гдѣ я лягу, то и ты тамъ будешь положена». Такъ и случилось. Ѳеодосій скончался прежде, а черезъ 18 лѣтъ это сбылось; въ этомъ году скончалась Марія, жена Яна, 16-го августа. Пришли монахи и, послѣ обычнаго отпѣванія, принесли тѣло ея и положили въ храмѣ Св. Богородицы, напротивъ гроба Ѳеодосьева на лѣвой сторонѣ. Тѣло Ѳеодосія положено 14-го, а Яники 16-го. Такъ сбылось предсказаніе блаженнаго отца нашего Ѳеодосія, добраго пастыря, который пасъ разумныхъ овецъ нелицемѣрно, съ кротостью и разсудительно; заботясь о нихъ и берегучи ихъ, молился онъ за ввѣренное ему стадо и за христіанъ и за землю Русскую. Теперь и по удаленіи твоемъ отъ этой жизни молишься за вѣрныхъ людей и твоихъ учениковъ, а тѣ, взирая на твою раку, вспоминаютъ, какъ ты ихъ училъ и показывалъ примѣръ воздержанія, и прославляютъ Бога. Я грѣшный твой слуга и ученикъ прихожу въ недоумѣніе, чѣмъ похвалить твою благочестивую жизнь и воздержаніе; но выскажу что нибудь немногое: радуйся отецъ нашъ и наставникъ! Отбросивъ суету мірскую, полюбилъ ты молчаніе и послужилъ Богу въ тишинѣ, въ монашеской жизни. Ты усвоилъ себѣ всякое божественное приношеніе, ты возвысился постомъ, возненавидѣлъ тѣлесныя страсти и наслажденіе, отвергъ красоту и желанье этого свѣта; по. слѣдуя примѣру высокихъ мыслями отцовъ и соревнуя имъ въ молчаніи, возвысился смиреніемъ и украсился; находилъ ты наслажденіе въ книгахъ Св. Писанія. Радуйся ты, который

укрѣпился надеждою, припялъ вѣчныя блага, умертвилъ тѣлесныя желанія, источникъ беззакопія и тревогъ,—ты, примѣрный ревнитель, избилъ діавола злыхъ умышленій и сѣтей его. Ты, отецъ, почилъ съ праведными, принявъ за труды свои достойную награду, ты былъ достойнымъ Св. отцевъ преемникомъ, наслѣдовалъ ихъ ученіе и нравственность, воздержаніе ихъ и исполнялъ ихъ правила. А наиболѣе соревновалъ онъ и правомъ и жизнью великому Ѳеодосію; онъ старался во всемъ подражать его жизни и воздержанію, послѣдовалъ его обычаямъ и отъ дѣла переходилъ въ дѣло лучшее; возносилъ Богу обычныя молитвы, въ воню благоуханія принося молитвенное кадило, ѳиміамъ благовонный. Побѣдилъ онъ страсти міра и попралъ властителя этого вѣка, врага діавола, и его злоумышленія и явился побѣдителемъ: онъ противусталъ рѣшительно его гордымъ замысламъ и гибельнымъ стрѣламъ и укрѣпился оружіемъ креста и непобѣдимою вѣрою Божьею помощью. Молись за насъ, честной отецъ, чтобы мы спасены были отъ сѣти вражеской и отъ противника врага сохрани меня твоими молитвами. Въ этомъ же году было явленіе въ солнцѣ: исчезло было оно все и немного его осталось, сдѣлалось оно какъ мѣсяцъ, мая 21 числа. — Въ этомъ же году, когда Всеволодъ охотился за Вышегородомъ и были разставлены тенета, а люди стали кричать, упалъ съ неба преогромный змѣй, такъ что всѣ видѣвшіе пришли въ ужасъ. Въ этомъ же году были удары въ землѣ (подземные) и многіе ихъ слышали. — Въ этомъ же году явился волшебникъ въ Ростовѣ, но вскорѣ онъ исчезъ.

1092 г.

Удивительное явленіе было въ Полоцкѣ: казалось намъ, что ночью бывалъ громъ, по улицѣ раздавался шумъ отъ бѣсовъ, ходившихъ какъ люди. Если же кто выходилъ изъ дому, желая посмотрѣть, тотчасъ же невидимо былъ поражаемъ отъ бѣсовъ раною и съ нею умирали, и не смѣли болѣе выходить изъ покоевъ. Потомъ начали бѣсы являться днемъ на коняхъ; ихъ самихъ нельзя было видѣть, но только видны были лошадиныя копыта. И такъ они вредили жителямъ Полоцка и его области и люди говорили: «выходцы съ того свѣта бьютъ Полочанъ». Явленіе это получило начало отъ Дрюйтеска. Въ это же время было явленіе на небѣ: посерединѣ неба сдѣлался родъ огромнаго круга. — Въ этомъ же году была засуха, такъ что перегорѣла земля и сами собою загорались многіе лѣса и болота. Много явленій бывало въ разныхъ

мѣстахъ; сильная война была и отъ Половцевъ и со всѣхъ сторонъ; взяли три города: Песоченъ, Переволоку и много селеній раззорили по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Въ этомъ же году Половцы ходили войною на Польшу съ Василькомъ Ростиславичемъ. Въ этомъ же году умеръ Рюрикъ, сынъ Ростиславовъ. Въ это же время много людей умирало различными болѣзнями и говорили продавцы гробовъ, что отъ Филиппова дня (14 ноября) до мяснаго заговѣнья продали они семь тысячъ гробовъ. Все это случилось за грѣхи наши, такъ какъ очень усилились и грѣхи наши и несправедливости. Богъ навелъ эти бѣдствія на насъ веля намъ покаяться и воздержаться отъ грѣха, зависти и прочихъ злыхъ внушеній врага нашего діавола.

1093 г.

13-го апрѣля скончался великій князь Всеволодъ, сынъ Ярослава, а Владиміра внукъ, а 14-го того-же мѣсяца — это былъ четвергъ Страстной недѣли — положенъ въ гробъ въ большомъ храмѣ Святой Софіи. Этотъ князь Всеволодъ съ дѣтства любилъ Бога, соблюдалъ справедливость, одѣлялъ не имущихъ, оказывалъ уваженіе священникамъ и епископамъ; въ особенности любилъ онъ монаховъ и давалъ имъ все, въ чемъ они имѣли нужду; а самъ воздерживался отъ пьянства и пожеланій. За то любилъ его отецъ и говаривалъ ему: «сынъ мой, хорошо тебѣ, что я слышу о твоей кротости и радуюсь, что ты покоишь мою старость. Если тебѣ Господь Богъ дастъ принять власть моего престола послѣ твоихъ братьевъ, но справедливо, а не насиліемъ, то, когда Господь возьметъ тебя отъ здѣшней жизни, ляжь гдѣ я лягу, у моего гроба, потому что я люблю тебя болѣе твоихъ братьевъ». Эти слова отца его сбылись, и онъ послѣ всѣхъ братьевъ занялъ престолъ отца своего по смерти Изяслава. Но во время княженія въ Кіевѣ ему было огорченій больше, чѣмъ когда онъ княжилъ въ Переяславлѣ. Въ Кіевѣ ему было много непріятностей отъ его племянниковъ. Они начали ему надоѣдать своими притязаніями тотъ одной области, а тотъ другой, а третій еще иной; а онъ старался ихъ мирить и раздавалъ имъ владѣнія. Отъ такихъ непріятностей сталъ онъ и хворать, а къ тому же подходила и старость, началъ онъ любить разсужденіе молодыхъ людей и съ ними совѣтовался, а тѣ стали удалять его отъ прежнихъ его приближенныхъ и не могли граждане добиться справедливости отъ князя; его повѣренные стали грабить, обременять поборами гражданъ, а князь почти

всегда больной не могъ этого знать. Когда Всеволодъ сдѣлался очень боленъ, то послалъ въ Черниговъ за сыномъ своимъ Владиміромъ. Тотъ пришелъ, и видя, что отецъ сильно боленъ, плакалъ; сидѣли около больнаго и Владиміръ и младшій сынъ его Ростиславъ, который тоже пріѣхалъ. Насталъ часъ—и Всеволодъ скончался тихо и кротко и присоединился къ своимъ предкамъ. Всего княжилъ Всеволодъ въ Кіевѣ 15 лѣтъ, годъ въ Переяславлѣ и годъ въ Черниговѣ. Владиміръ и братъ его Ростиславъ оплакали отца и убрали его тѣло. Собрались епископы, настоятели монастырей, монахи, священники и бояре и простые граждане и, взявъ тѣло Всеволода, съ обычными пѣснями положили его въ храмѣ Св. Софіи, какъ мы выше сказали. А Владиміръ сталъ размышлять и говорилъ: «если мнѣ сѣсть на престолъ отца моего, то придется воевать съ Святополкомъ, потому что отецъ его прежде меня сидѣлъ на этомъ (Кіевскомъ) престолѣ. Обдумавъ такъ, послалъ въ Туровъ за Святополкомъ; самъ отправился въ Черниговъ, а Ростиславъ въ Переяславль. Когда прошли день Св. Пасхи и вся Свѣтлая недѣля, въ день Антипасхи (Ѳомино воскресеніе?) апрѣля 24-го пришелъ въ Кіевъ Святополкъ. Кіяване вышли къ нему навстрѣчу съ поклономъ и приняли его съ радостью; онъ сѣлъ на престолѣ своего отца и дѣда. Въ это время Половцы пошли на Русскую землю; слыша, что умеръ Всеволодъ, они послали къ Святополкуословъ о мирѣ; а Святополкъ, не посовѣтовавшись съ старѣйшими приближенными отца своего и дяди, послушался тѣхъ, которые пришли съ нимъ, взялъословъ и посадилъ ихъ въ заключеніе. Услыхавъ объ этомъ, Половцы начали войну. Придя въ большомъ числѣ обступили они городъ Торковъ; Святополкъ выпустилъ словъ Половецкихъ, желая мира, а Половцы не захотѣли мира и шли впередъ опустошая. Святополкъ началъ собирать воиновъ, для того чтобы имъ сопротивляться. Люди умные сказали ему: «и не пробуй вступать съ ними въ сраженіе; у тебя мало воиновъ». Святополкъ сказалъ: «со мною 800 моихъ приближенныхъ и они въ состояніи съ ними бороться». Одни люди неразсудительные говорили: «иди князь», а разсудительные говорили: «еслибы ты приготовилъ три тысячи воиновъ, то и тѣ лишними бы не были; наша земля обѣднѣла отъ войны и поборовъ, но пошли къ твоему брату Владиміру, пусть онъ тебѣ поможетъ». Святополкъ ихъ послушалъ и послалъ ко Владиміру прося помочь ему. Владиміръ собралъ воиновъ, послалъ за братомъ своимъ Ростиславомъ въ Переяславль, прося и его помочь Святополку. Влади-

міръ пришелъ въ Кіевъ; князья свидѣлись у Святаго Михаила (въ монастырѣ,; начались между ними распри и неудовольствія; уладились и цѣловали другъ другу крестъ. Половцы опустошали земли, и люди разумные говорили князьямъ: «зачѣмъ вы имѣете распри между собою, а нечестивые враги губятъ Русскую землю; послѣ уладитесь, а теперь пойдите противъ враговъ и покончите какъ нибудь съ ними, или миромъ или войною». Владиміръ хотѣлъ мира, а Святополкъ войны. Три князя: Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ пошли къ Треполю, пришли къ рѣкѣ Стучнѣ и созвали на совѣтъ дружину, намѣреваясь перейдти на тотъ берегъ рѣки,— о томъ-то и совѣтовались. Владиміръ говорилъ: «здѣсь стоя за рѣкою и угрожая Половцамъ заключимъ съ ними миръ». Этотъ совѣтъ одобрили всѣ умные люди, Янъ и другіе; а Кіевляне не хотѣли; они говорили: «хотимъ биться, перейдемъ на тотъ берегъ рѣки».— Этотъ планъ дѣйствія былъ предпочтенъ, и черезъ Стугну перешли не безъ труда, потому что воды было въ ней очень много. Князья, устроивъ войска въ боевой порядокъ, двинулись впередъ: на правой сторонѣ былъ Святополкъ, на лѣвой Владиміръ, а въ срединѣ Ростиславъ: миновавъ Треполь, прошли они валъ. Половцы шли навстрѣчу и впереди ихъ стрѣлки. Наши остановились между валомъ, поставили свои знамена, напали сначала на Святополка и сломили его полкъ. Святополкъ оборонялся храбро, но воины его не выдержали напора непріятельскаго и побѣжали, а за ними и Святополкъ. Потомъ напали на Владиміра и его войско и бой былъ упорный. Владиміръ и Ростиславъ бросились бѣжать; когда они достигли рѣки Стугны, Владиміръ и Ростиславъ бросились въ ея воды. Ростиславъ въ глазахъ Владиміра началъ утопать; Владиміръ хотѣлъ было схватить брата, но чуть было самъ не утонъ, а Ростиславъ, сынъ Всеволодовъ, утонулъ. Владиміръ перешелъ рѣку съ небольшою дружиною, много изъ его войска пало и въ томъ числѣ не мало лучшихъ людей бояръ). Владиміръ, переправившись на ту сторону Днѣпра, оплакалъ своего брата и приближенныхъ и пришелъ въ Черниговъ весьма печальный, а Святополкъ убѣжалъ въ Треполь и заперся въ немъ; онъ въ немъ пробылъ до вечера, а ночью отправился въ Кіевъ. Половцы, видя, что они побѣдили, пустились по всей странѣ опустошать, а нѣкоторые вернулись къ городу Торковъ. Эта бѣда случилась въ день Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа, 26 мая. Тѣло Ростислава искали и нашли его въ рѣкѣ, взяли и принесли въ Кіевъ. Тутъ оплакавала его мать и всѣ граждане жалѣли о немъ сильно вельдст-

віе его молодости. Собрались епископы, священники и монахи и послѣ обычнаго отпѣванія положили его въ храмѣ Св. Софіи рядомъ съ отцемъ. Половцы осаждали городъ Торковъ. Торки сопротивлялись и храбро оборонялись изъ города и много враговъ перебили они. Половцы стали тѣснить его, отняли воду и люди въ городѣ начали изнемогать отъ жажды и голода.—Торки прислали Святополку сказать: «если ты не пришлешь къ намъ хлѣба, то мы передадимся».—Святополкъ послалъ имъ; но невозможно было проникнуть въ городъ вслѣдствіе многочисленности непріятелей. Половцы стояли около города 9 недѣль и раздѣлились на двѣ части: одна стала около города, продолжая непріязненныя дѣйствія, а другіе пошли къ Кіеву и стали грабить между Вышгородомъ и Кіевомъ. Святополкъ вышелъ къ Желанію и сошлись оба войска; произошло упорное сраженіе и бѣжали наши передъ иноплеменниками; падали они отъ ранъ, ими наносимыхъ, и убитыхъ было больше, чѣмъ подъ Треполемъ: Святополкъ вернулся въ Кіевъ самъ третій, а Половцы возвратились къ городу Торковъ. Бѣдствіе это случилось іюля 23. На другой день 24 іюля на память мучениковъ Бориса и Глѣба былъ плачъ въ городѣ, а не радость за наши великіе грѣхи и несправедливости и вслѣдствіе множества нашихъ наказаній. Насылаетъ Богъ на насъ нечестивыхъ враговъ, не изъ милости къ нимъ, но намъ въ наказаніе, для того чтобы мы воздержались отъ злыхъ дѣйствій. Такъ наказываетъ насъ Богъ нашествіемъ иноплеменниковъ; это бичь его съ тѣмъ, чтобы имъ поражаемые опомнились бы мы отъ нашихъ дурныхъ поступковъ. Для того Богъ праздники наши обращаетъ въ дни печали: такъ и первое бѣдствіе бывшее у Треполя случилось на Вознесеніе Господне, а второе въ день Св. Бориса и Глѣба, новый праздникъ Руской земли. Вотъ къ тому-то и пророкъ сказалъ: «обращу праздники ваши въ плачъ и пѣсни ваши въ рыданіе». И сдѣлался великій плачъ по землѣ нашей, опустѣли села и города и мы стали бѣгать передъ нашими врагами. Такъ и пророкъ сказалъ: «падете передъ врагами вашими, погонятъ васъ тѣ, которые васъ ненавидятъ, и въ бѣгство обратитесь и тогда, когда за вами и никто гнаться не будетъ. Уничтожу вашу гордость; сила ваша обратится ни во что, падете вы жертвою перваго встрѣчнаго меча, земля ваша сдѣлается пуста и дворы ваши запустѣютъ за то, что вы полны зла и лукавства, и я пойду къ вамъ съ яростью лукавою, говоритъ Господь Богъ Израилевъ».—Полные лукавства сыны Измаила жгли села и гумна и много церквей обращено въ пепелъ. И пусть ни-

кого это не удивляетъ: «гдѣ много грѣховъ, тутъ-то и обнаруживается все ясно». Вслѣдствіе этого предастся вселенная, вслѣдствіе этого же распространился гнѣвъ, вслѣдствіе этого земля мучима: однихъ ведутъ въ плѣнъ, другихъ убиваютъ, иныхъ отдаютъ на месть; тѣ принимаютъ горькую смерть. Другіе трепещутъ, видя убиваемыхъ, а иные умираютъ отъ голода и жажды. Одно страданіе, одно наказаніе, а видны бѣдствія разныя, различны печали и страшны муки; вяжутъ и ногами толкаютъ и на холодѣ держатъ и побои напосятъ. И это тѣмъ поразительнѣе и страшнѣе, что на христіанскомъ родѣ страхъ, и сомнѣніе, и бѣдствіе приняло широкіе размѣры. Справедливо и вполнѣ заслуженно принимаемъ наказаніе, и потому что имѣемъ вѣру, потому и терпимъ; пришлось же намъ быть преданнымъ въ руки народа чуждаго и самаго беззаконнаго на всей землѣ. Скажемъ же громко: «Ты, Господь, справедливъ и суды твои праведны». Скажемъ вмѣстѣ съ тѣмъ разбойникомъ: мы приняли то, что заслужили. Повторимъ и съ Іовомъ: «какъ Господу было угодно, такъ и случилось; пусть будетъ навсегда благословенно имъ Господа». Пусть же мы вслѣдствіе нашествія иноплеменниковъ и бѣдствій отъ нихъ принятыхъ узнаемъ властителя, котораго мы прогнѣвали. Будучи прославлены Имъ, мы Его не прославляли; будучи сами въ почетѣ, Его не почтили; освятившись, мы не поняли, бывъ куплены, не повиновались, сдѣлавшись Его дѣтьми, не смирились мы передъ Нимъ какъ передъ отцомъ. Согрѣшили, и насъ наказываютъ; какъ мы сдѣлали, такъ и страдаемъ; города всѣ наши опустѣли, а также и села. Пойдемъ ли по полямъ,—гдѣ прежде ходили стада коней, овецъ и воловъ, теперь увидимъ ихъ пустыми; поля, гдѣ былъ хлѣбъ, заросли бурьяномъ и тамъ живутъ хищные звѣри; но во всякомъ случаѣ надѣямся на милость Божію. Наказываетъ насъ снисходительно добрый властитель и несоразмѣрно съ нашими беззаконіями нашими поступилъ онъ съ нами и не по грѣхамъ нашимъ отплатилъ намъ; такъ благому Владыкѣ слѣдуетъ казнить насъ вслѣдствіе множества нашихъ грѣховъ. Такъ Господь сдѣлалъ съ нами: создалъ и павшее востановилъ, Адамомо преступленіе простилъ, даровалъ омовеніе петлѣнія и свою кровь за насъ пролилъ. И теперь видя, что мы живемъ несправедливо, послалъ онъ на насъ бѣдствія войны, чтобы мы и противъ нашей воли въ будущей жизни нашли милость, потому что душа, наказываемая здѣсь, во всякомъ случаѣ въ будущей жизни получитъ милость и облегченіе страданій, потому что Господь не наказываетъ дважды за одно и то же. Словами невозможно

изобразить такую любовь къ человѣчеству! Онъ—Господь—видѣлъ, что нужно насъ неволею къ нему обращать. О, неизмѣримая любовь Его къ намъ! Такъ какъ мы по своей волѣ уклонились отъ Его заповѣдей, то теперь, уже не желая, терпимъ вынужденно и приневоленные сначала начинаемъ уже и добровольно. Гдѣ было искать у насъ умиленія, а теперь все полно слезъ. Гдѣ были въ насъ вздохи, а теперь раздается плачъ по всѣмъ улицамъ вслѣдствіе смерти тѣхъ, которыхъ избили наши нечестивые враги. Половцы, сдѣлавъ много опустошеній, возвратились къ городу Торковъ —Жители его, будучи не въ состояніи болѣе бороться съ голодомъ, сдались непріятелю. а Половцы взяли городъ и зажгли его; жителей раздѣлили и повели въ свои кочевья къ своимъ роднымъ. Много христіанъ теперь страдало: въ печали, въ мученіи, терзаемые холодомъ, голодомъ и жаждою; въ бѣдахъ исхудали лицомъ, почернѣли тѣломъ; въ странѣ неизвѣстной, среди языка, котораго не понимали, ходили нагіе и босые, а ноги ихъ были исколоны терномъ. Со слезами говорили другъ другу: «я вотъ изъ такого-то города», а другой: «а я изъ такого-то селенія». Такъ разспрашивали они другъ друга со слезами, сказывая о своемъ происхожденіи и вздыхая, поднимая глаза на небо къ Всевышнему, который знаетъ всѣ тайны. Пусть никто не смѣетъ сказать, что мы ненавидимы Богомъ. Пусть этого не будетъ. Кого Богъ такъ любитъ, какъ онъ насъ полюбилъ? Кого такъ почтилъ, какъ насъ прославилъ и вознесъ?— Никого. А тѣмъ сильнѣе прогнѣвался онъ на насъ, что онъ болѣе другихъ почтилъ насъ, а согрѣшили мы болѣе другихъ; болѣе другихъ будучи просвѣщены, мы, зная волю Владыки и презрѣвъ ее, болѣе другихъ примѣрное принимаемъ наказаніе. И я грѣшный много и часто ввожу Бога во гнѣвъ и безпрестанно согрѣшаю каждый день. — Въ этомъ же году преставился Ростиславъ, сынъ Мстиславовъ, внукъ Изяславовъ, октября 1, а погребенъ ноября 16, въ храмѣ Св. Богородицы Десятинномъ.

1094 г.

Святополкъ заключилъ миръ съ Половцами и женился на дочери Тугоркана, князя Половецкаго. Въ этомъ же году Олегъ съ Половцами пришелъ изъ Тмуторакани въ Черниговъ. Владиміръ заперся въ городѣ. Олегъ подошелъ къ городу и пожегъ его окрестности и всѣ монастыри предалъ огню Владиміръ заключилъ миръ съ Олегомъ и пошелъ изъ Чернигова на отцовскій престолъ въ Переяславль, а Олегъ вошелъ въ городъ отца своего. Половцы начали

опустошать окрестности Чернигова и Олегъ ихъ не останавливалъ, такъ какъ самъ призвалъ ихъ на войну. — Это уже третій разъ навелъ Богъ нечестивыхъ на Русскую землю, и пусть Господь проститъ грѣхъ этотъ Олегу, такъ какъ много христіанъ погибло, а другіе взяты въ плѣнъ и расточены по разнымъ землямъ. Въ этомъ же году, августа 26, пришла саранча на Русскую землю, поѣла всю траву и много хлѣба и объ этомъ и слуху не было съ начала Руской земли, и глаза наши видѣли и это бѣдствіе за грѣхи наши. Въ этомъ же году скончался епископъ Владимірскій Стефанъ апрѣля 27, въ шестомъ часу ночи; прежде онъ былъ настоятелемъ Печерскаго монастыря.

1095 г.

Половцы съ Девгеневичемъ пошли на Грековъ и опустошили Греческую землю. Царь греческій захватилъ Девгеневича и велѣлъ его ослѣпить.—Въ этомъ же году пришли Половцы Итларь и Кытанъ къ Владиміру насчетъ мира. Итларь пришелъ въ Переяславль, а Кытанъ сталъ съ воинами между валовъ. Владиміръ далъ Кытану въ заложники сына своего Святослава, а Итларь находился въ городѣ съ отборными воинами.—Въ это же время пришелъ изъ Кіева къ Владиміру отъ Святополка Славята за какимъ-то дѣломъ. Дружина Ратиборова начала совѣщаться съ княземъ Владиміромъ о томъ, какъ бы истребить Итларя и его людей. Владиміръ не хотѣлъ рѣшиться на это; онъ сказалъ: «какъ я могу это сдѣлать, давъ имъ клятву».—Дружина въ отвѣтъ на это говорила Владиміру: «князь, не будетъ тебѣ въ томъ грѣха. Половцы постоянно даютъ тебѣ клятвы, и не перестаютъ наносить вредъ Руской землѣ и проливать христіанскую кровь». Владиміръ ихъ послушалъ и въ ту же ночь послалъ Славяту съ нѣсколькими воинами и Торками между валовъ. Тѣ сначала украли Святослава, а потомъ убили Кытана и его воиновъ. Въ то время былъ вечеръ субботы; Итларь въ ту ночь находился съ своими воинами на дворѣ у Ратибора и не зналъ, что сдѣлалось съ Кытаномъ; а на другой день въ воскресеніе, во время самой заутрени, Ратиборъ изготовилъ воиновъ съ оружіемъ и велѣлъ имъ истопить горницу. Владиміръ прислалъ своего служителя Бяндюка за Итларемъ и его людьми и Бяндюкъ сказалъ Итларю: «зоветъ васъ князь Владиміръ и говоритъ вамъ такъ: «обувшись въ теплой избѣ, позавтракайте у Ратибора, а потомъ приходите ко мнѣ». Итларь отвѣчалъ: «пусть такъ и будетъ». Когда онъ и его люди вошли въ истоп-

ленную избу, то ихъ тамъ заперли, а разрыли верхъ. Тутъ Ольбегъ Ратиборичъ взялъ свой лукъ и, наложивъ стрѣлу, поразилъ ею Итларя въ сердце и людей его всѣхъ избили. Такъ Итларь бѣдственно окончилъ жизнь свою въ воскресеніе на масляную, въ первомъ часу дня 24-го февраля. — Святополкъ и Владиміръ послали къ Олегу и приказывали ему идти съ ними на Половцевъ. Олегъ далъ слово и выступилъ въ походъ, но шелъ не одною съ ними дорогою; а Святополкъ и Владиміръ пошли на Кичевья, захватили ихъ, загнали табуны скота, лошадей, верблюдовъ и невольниковъ, и привели въ свою землю. Князья Святополкъ и Владиміръ сердились на Олега за то, что онъ не шелъ съ ними на Половцевъ. Святополкъ и Владиміръ послали къ Олегу сказать ему: «ты не ходилъ съ нами на общихъ враговъ нашихъ, которые губятъ землю Рускую, и у тебя находится сынъ Итларя; или убей его, или выдай, потому что то врагъ земли Руской. Олегъ этого не послушалъ и потому была сильная вражда между имъ и князьями Святополкомъ и Владиміромъ.— Въ этомъ же году пришли Половцы къ Гюрчеву и стояли около него все лѣто; чуть-чуть его не взяли, но Святополкъ заключилъ съ ними миръ. Половцы не ушли за Рось; а жители Гюрчева выбѣжали изъ города и ушли въ Кіевъ. Святополкъ приказалъ строить городъ на Вытечевскомъ холмѣ, по своему имени назвалъ его Святополчимъ и приказалъ епископу Марину съ жителями Гюрчева поселиться тутъ, а также Засаковцамъ и жителямъ другихъ городовъ. А Половцы зажгли Гюрчевъ, оставленный жителями. Въ концѣ этого года Давидъ Святославичъ перешелъ изъ Новгорода въ Смоленскъ, а Новгородцы отправились въ Ростовъ за Мстиславомъ Владиміровичемъ, взяли его и повели въ Новгородъ, а Давиду сказали: «не ходи къ намъ». А Давидъ было ѣхалъ въ Новгородъ; онъ вернулся въ Смоленскъ и тутъ остался, а Мстиславъ сталъ княжить въ Новгородѣ. Въ это же время Изяславъ, сынъ Владиміра, пришелъ изъ Курска въ Муромъ; жители города его приняли и Изяславъ захватилъ намѣстника (посадника) Олегова.—Въ этомъ же году августа 28-го пришла саранча и покрыла землю; страшно было смотрѣть; направлялась она къ странамъ сѣвернымъ, поѣдала траву и просо.

1096 г.

Святополкъ и Владиміръ послали къ Олегу сказать: «прійди въ Кіевъ; надобно намъ потолковать передъ епископами, настоятелями монастырей, совѣтниками отцовъ нашихъ и жителями городовъ о

томъ, какъ бы намъ устроиться въ Руской землѣ такъ, чтобы мы могли защить землю Рускую отъ иноплеменниковъ». Но Олегъ обнаружилъ упрямство и высокомѣріе; онъ отвѣтилъ: «не прійдется судить меня ни епископу, ни монаху, ни мужику». Послушавъ злонамѣренныхъ совѣтниковъ, Олегъ не захотѣлъ идти къ братьямъ. Тогда Святополкъ и Владиміръ пришли ему сказать: «если ты не идешь на нашихъ общихъ враговъ, ни на совѣтъ съ нами, то ты замышляешь противъ насъ и хочешь помогать Половцамъ; пусть же насъ разсудитъ Богъ». Святополкъ и Владиміръ выступили противъ Олега къ Чернигову; Олегъ бѣжалъ оттуда мая 3-го въ субботу. Святополкъ и Владиміръ погнались за нимъ; но Олегъ ушелъ въ Стародубъ и заперся въ немъ. Святополкъ и Владиміръ окружили его въ городѣ. Осажденные храбро оборонялись изъ города, а эти нападали на городъ, и народу много было перерапено и съ той и съ другой стороны. Упорная борьба происходила между войсками; тридцать три дня продолжалась осада и осажденные начали во всемъ терпѣть нужду. Олегъ вышелъ изъ города, желая мира, и князья (Владиміръ и Святополкъ) помирились съ нимъ и сказали: «ступай къ брату твоему Давиду и приходите въ Кіевъ— столицу отцовъ нашихъ и дѣдовъ; Кіевъ старѣйшій городъ во всей землѣ Руской; тамъ-то слѣдуетъ намъ свидѣться и обо всемъ переговорить». Олегъ обѣщался такъ поступить и на этомъ князья цѣловали крестъ.—Въ это время же пришелъ съ Половцами Боякъ къ Кіеву въ воскресеніе вечеромъ, опустошилъ окрестности Кіева и сжегъ княжескій дворецъ, на Берестовомъ Въ это же время Куря съ Половцами воевалъ около Переяславля и сжегъ Устье мая 24-го. Олегъ вышелъ изъ Стародуба и пришелъ въ Смоленскъ. Жители этого города его не приняли и онъ отправился въ Рязань; а Святополкъ и Владиміръ вернулись домой. Мая 30 го пришелъ къ Переяславлю Тугоркапъ, тесть Святополка; онъ сталъ около города, а жители Переяславля заперлись въ городѣ. Святополкъ и Владиміръ выступили противъ Половцевъ по этой сторонѣ Днѣпра и пришли къ Зарубу; тамъ перешли бродъ и Половцы этого не замѣтили—Богъ сохранилъ нашихъ. Устроившись въ боевой порядокъ, они пошли къ городу. Жители, увидавъ ихъ, обрадовались и пошли къ нимъ навстрѣчу, а Половцы стояли на той сторонѣ Трубежа, также готовые къ бою. Святополкъ и Владиміръ бросились въ Трубежъ на Половцевъ. Владиміръ хотѣлъ было устроить къ бою полкъ, но его не послушали, но, пріударивъ коней, бросились на враговъ. Половцы, видя это, обратились въ бѣгство, а

наши погнались за ними вслѣдъ, истребляя бѣгущихъ враговъ. И послалъ Господь въ тотъ день великое спасенье: іюля 19-го побѣждены иноплеменники. Тутъ убили князя Половецкаго Тугоркана, его сына и другихъ князей и много непріятелей тутъ пало. На другой день утромъ нашли тѣло убитаго Тугоркана, и Святополкъ взялъ его, какъ тѣло своего тестя и врага, привезъ въ Кіевъ и похоронилъ на Берестовомъ между дорогою, идущею на Берестово и другою въ монастырь —20-го того же мѣсяца (іюля пришелъ вторично безбожный, пораженный проказою Боякъ, какъ разбойникъ, украдкою и нечаянно въ Кіеву. Чуть-чуть было въ городъ не проникли Половцы; зажгли они предмѣстіе около города, вернулись къ монастырю, зажгли Стефановъ монастырь и деревни и Германовъ. Пришли въ Печерскій монастырь, а мы находились по кельямъ и отдыхали послѣ заутрени. Раздались дикіе крики Половцевъ около монастыря; они поставили двое знаменъ передъ воротами монастырскими, а мы бѣжали за монастырскія строенія, а другіе влѣзли на крыши. А безбожные сыновья Измаила вырубили ворота въ монастырь и пошли по келіямъ, выламывая двери и унося все, что находили въ келіяхъ; потомъ зажгли домъ Владычицы нашей Святой Богородицы; подошли къ церквѣ и подожгли двери, устроенныя къ югу, а другія къ сѣверу. Проникли и въ притворъ у гроба Ѳеодосіева, брали иконы, зажигали двери и поносили Бога и законъ нашъ. А Богъ терпѣлъ, такъ какъ еще не исполнилась ихъ мѣра грѣховъ и беззаконій; а потому нечестивые Половцы говорили: «гдѣ ихъ Богъ? Пусть онъ имъ поможетъ и избавитъ ихъ». И другія укоризненныя слова произносили они на святыя иконы и насмѣхались, не зная, что Богъ наказываетъ своихъ слугъ бѣдствіями войны, чтобы они очистились тѣмъ, какъ золото въ огнѣ: христіане многими печалями и страданіями достигаютъ царства небеснаго, а эти язычники и ругатели, на этомъ свѣтѣ видѣвшіе веселіе и разгулъ своихъ пожеланій, на томъ свѣтѣ примутъ мученіе съ діаволомъ, какъ готовая пища вѣчному огню. Тогда же Половцы зажги красивый домъ, построенный княземъ Всеволодомъ на холмѣ, называемомъ Выдобичскимъ; все это проклятые Половцы предали пламени. А потому и мы за пророкомъ Давидомъ воскликнемъ: «Боже мой, повели, чтобы они были какъ пыль, какъ прахъ передъ вѣтромъ. Какъ огонь сожигаетъ горы, такъ прогони ихъ бурею Твоею и вихремъ Твоимъ приведи ихъ въ смиреніе». Они (Половцы, осквернили и сожгли храмъ Твой и монастырь Твоей матери, а слугъ Твоихъ

лишили жизни». Убили оружіемъ и нѣсколько человѣкъ изъ нашей братіи (монастырской) эти безбожные сыновья Измаила, которые посланы въ наказаніе христіанамъ. Они вышли изъ пустыни Нитривійской между востока и сѣвера (т. е. съ сѣверо-востока). Вышло ихъ оттуда 4 колѣна: Туркмены, Печенѣги, Торки и Половцы. Меѳодій говоритъ о нихъ, что ушло восемь колѣнъ отъ истребленія Гедеономъ: четыре онъ уничтожилъ, а восемь ушли. А другіе говорятъ, что это сыновья Амоновы. Но это не такъ: потомки Моава—Хвалисы, а потомки Амона—Болгаре, а Сарацины отъ Измаила называютъ себя Саринымн и дали себѣ имя: *Саракыне*, т. е. мы Сарины. А Хвалисы и Болгары, потомки дочерей Лота, которые зачали отъ отца своего и потому-то ихъ племя не чистое. У Измаила было 12 сыновей; отъ нихъ происходятъ Туркмены, Печенѣги, Торки и Кумане, иначе Половцы, которые и выходятъ изъ степей; а послѣ нихъ къ концу міра выйдутъ восемь племенъ, заточенныхъ въ горѣ Александромъ Македонскимъ, нечистыхъ людей.

Поученіе. Я, бѣдный, получившій отъ славнаго, благословеннаго дѣда моего Ярослава, въ святомъ крещеніи имя Василія, ношу руское имя Владиміра, а любимымъ отцомъ и матерью названный Мономахомъ. . . . . .
и для христіанскихъ людей, сколько по милости своей и отцовской молитвѣ, сохранилъ ото всякихъ бѣдствій. — Сидя въ саняхъ, я помыслилъ въ душѣ моей и похвалилъ Бога, который мнѣ грѣшному велѣлъ дожить до этого времени. Да, дѣти мои и кто другой, кому прійдется слышать это поученіе, то не обратите его въ смѣхъ; а можетъ кому изъ дѣтей моихъ оно и полюбится и приметъ онъ его въ сердце и начнетъ онъ не лѣнясь также трудиться. Первое, для Бога и души своей, имѣйте въ сердцѣ вашемъ страхъ Божій и давайте щедрую милостыню: она-то и есть начало всякаго добра. Но можетъ-быть кому это мое писаніе и не нравится и, не вникнувъ хорошенько въ его смыслъ, скажутъ: «въ дальней дорогѣ и сидя въ саняхъ нелѣпицу мололъ». — Меня на Волгѣ встрѣтили послы братьевъ моихъ и сказали: «присоединись къ намъ, прогонимъ Ростиславичей, а владѣнія ихъ себѣ возьмемъ, а если ты съ нами не пойдешь, то ты будь самъ по себѣ, а мы сами по себѣ будемъ». Я далъ такой отвѣтъ: «сердитесь сколько хотите, но я не могу идти, ни нарушить крестнаго цѣлованія». Отпустивъ пословъ, взялъ я, грустный, псалтырь, развернулъ его и выпулось мнѣ слѣдующее: «зачѣмъ ты, моя душа, печальна-

зачѣмъ приводишь меня въ смущеніе»? и т. д. Потомъ я собралъ эти дорогія слова, сложилъ по порядку и написалъ: «если вамъ послѣднія не нравятся, то выбирайте первыя. Что унываешь, душа моя, что смущаешься? Уповай на Бога и я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего. Не раздражайся, видя порочныхъ, не завидуй дѣлающимъ беззаконіе. Ибо дѣлающіе зло истребятся, а ожидающіе Господа наслѣдуютъ землю. Еще немного, и не будетъ нечестиваго; посмотришь на его мѣсто—и нѣтъ его. А смиренные наслѣдуютъ землю и насладятся множествомъ мира. Нечестивый злоумышляетъ противъ праведника и скрежещетъ на него зубами своими. Но Господь смѣется ему, ибо видитъ, что приближается день его. Нечестивые обнажаютъ мечъ и натягаютъ лукъ свой, чтобы сразить бѣднаго и нищаго, чтобы пронзить идущихъ прямымъ путемъ. Мечъ ихъ пойдетъ въ ихъ сердце и луки ихъ сломятся. Лучше немногое у праведника, нежели огромное богатство нечестивыхъ. И силы нечестивыхъ будутъ сокрушены, а праведниковъ подкрѣпитъ Господь. Не посрамятся они во времена бѣдствій и въ дни голода будутъ насыщены. Нечестивый беретъ взаймы и не платитъ, а праведникъ даритъ и даетъ. Благословенные Господомъ наслѣдуютъ землю, а проклинаемые Имъ будутъ истреблены. Господомъ тверды шаги сего мужа и путь его угоденъ Ему. Когда будетъ падать, не упадетъ, ибо Господь поддерживаетъ его за руку. Я былъ молодъ и состарѣлся, но не видалъ праведника оставленнаго и дѣтей его просящими хлѣба. Онъ всякій день даритъ и взаймы даетъ, и надъ потомствомъ его благословеніе. Уклоняйся отъ зла и дѣлай добро, и живи во вѣкъ. Помилуй меня, Боже, ибо человѣкъ хочетъ поглотить меня, врагъ всякій день тѣснятъ меня. Непріятели мои всякій день ищутъ поглотить меня, ибо многіе враждуютъ противъ меня надменно. — Возрадуется праведникъ, видя мщеніе, омоетъ ноги свои въ крови нечестиваго. И скажутъ люди: итакъ есть плодъ праведнику! Итакъ есть Богъ — судія земли! — Избави меня отъ враговъ моихъ, Боже мой, отъ возстающихъ на меня защити меня. Избави меня отъ дѣлающихъ беззаконіе, отъ кровожадныхъ спаси меня. Вотъ они злоумышляютъ противъ души моей, собираются на меня сильные не за преступленіе мое и не за грѣхъ мой, Господи. — Ибо Твоя благость лучше, нежели жизнь. Уста мои восхвалили бы Тебя. Такъ благословилъ бы я Тебя въ жизни моей, во имя Твое вознесъ бы руки мои. Укрой меня отъ толпы беззаконныхъ, отъ скопища злодѣевъ.— Благословлю Господа во всякое время, похвала его непрестанно

во устахъ моихъ». —и такъ далѣе. Такъ и Василій училъ: собравъ тутъ молодыхъ людей, душею чистыхъ, чуждыхъ всякаго тѣлеснаго развращенія, велъ къ нимъ бесѣду кротко и немногословно, а въ мѣру передавалъ имъ слово Господне, чтобы они не предавались неумѣренно пищи или питію, при старыхъ чтобы молчали, слушали тѣхъ, которые умнѣе, повиновались старшимъ, а съ равными и младшими имѣли любовь; чтобы говорили немного, но много понимали, не предавались пенстовству на словахъ, никого не осуждали; не смѣялись бы неумѣренно, а стыдились бы старшихъ; съ дурными женщинами не вступали бы въ разговоръ, глаза бы имѣли внизъ, а помыслы къ небесамъ, учить и другихъ добру; не стараться повелѣвать другими и пріобрѣтать ото всѣхъ честь. А если же кто изъ васъ можетъ другимъ принесть пользу, то пусть ждетъ отъ Бога награды и наслажденія вѣчными благами. О, Владычица Богородица! Уничтожь въ моемъ бѣдномъ сердцѣ гордость и буйство, пусть я въ этой ничтожной и суетной жизни не увлекусь прелестями міра. Вѣрный человѣкъ, научись быть благочестивымъ подвижникомъ (дѣятелемъ) по слову евангельскому — управь своимъ зрѣніемъ, удерживай свой языкъ; смиряй умъ, держи тѣло въ страхѣ (*собственно:* порабощеніи), уничтожь раздраженіе, имѣй мысли чистыя, будь старателенъ на дѣла добродѣтели, и все это для Господа. Если у тебя и отнимаютъ что-нибудь, не мсти, если тебя ненавидятъ или ты дѣлаешься предметомъ гоненія, терпи, если тебя бранятъ, ты молись, умертви грѣхъ, избавь того, кто въ обидѣ, оказывай правосудіе сиротѣ и оправдай вдовицу.—Приходите, говоритъ Господь, и примите очищеніе огнемъ; если грѣхи ваши будутъ какъ кровь, и то сдѣлаю ихъ бѣлыми какъ снѣгъ, и т. д. Засіяетъ весна—постъ и цвѣтъ покаянія. Очистимъ себя, братья, отъ всякой крови тѣлесной и душевной и, взывая къ Свѣтодавцу, скажемъ: «слава Тебѣ, который любишь родъ человѣческій». Да и дѣйствительно, дѣти мои, вникните, до какой степени Богъ любитъ людей, какъ Онъ милостивъ и снисходителенъ, а мы люди грѣшные и смертные. Если кто намъ сдѣлаетъ зло, то мы хотимъ его погубить и поскорѣе пролить его кровь, а Господь нашъ, распорядитель и жизни и смерти, снисходительно терпитъ грѣхи наши, въ которыхъ мы погрязли выше головы нашей и во все время жизни нашей любитъ онъ насъ какъ отецъ дѣтей, и накажетъ и опять привлечетъ къ себѣ. Такъ Господь указалъ намъ средство какъ побѣждать враговъ, тремя добрыми предметами отъ нихъ избавиться и торжествовать надъ ними: «покаяніемъ, сле-

зами и милостынею». И для васъ, дѣти мои, не тяжела заповѣдь Божія, такъ какъ тѣми тремя предметами очищаетесь вы отъ грѣховъ и пріобрѣтаете царство небесное. Ради Бога не лѣнитесь и не забывайте этихъ трехъ предметовъ; не тяжелы они; это не одиночество, и не монашество, и не голодъ, а переносятъ же все это другіе добрые люди: но не большимъ трудомъ можемъ мы снискать милость Божію.—Что такое человѣкъ, чтобы Тебѣ помнить его? — Великъ Ты, Господь, и чудесны дѣла Твои, а имя Твое достойно навсегда благоволеній и похвалы на всей землѣ. Да и кто не восхвалитъ и не прославитъ силу Твою и великія Твои чудеса и совершенства, какія Ты устроилъ на этомъ свѣтѣ. Какъ создалъ Ты солнце, какъ луну, какъ звѣзды, мракъ и ночи и свѣтъ дня и какъ Ты, Господь, Твоимъ промысломъ основалъ землю на водахъ и населилъ ее въ Твоей заботливости, Господь, разными животными, птицами и рыбами. И то чудесное явленіе для насъ постояннымъ предметомъ удивленія, какъ Ты изъ земли создалъ человѣка, и какъ разнообразныя лица человѣческія; и весь міръ собери, но совершенно одинаковаго не найдешь, а каждый, по мудрости Божіей, имѣетъ ему только свойственную физіономію. И то не надивуемся, какъ птицы небесныя летятъ изъ воздушнаго пространства прежде всего намъ въ руки, а потомъ не останавливаются на одной землѣ, но и сильныя и слабыя расходятся по всѣмъ землямъ повелѣніемъ Божіимъ, пусть наполнятся ими поля и лѣса! И все то Богъ далъ людямъ на удовольствіе, на пищу и на забаву. Велика Твоя, Господь, милость на насъ, и Онъ всѣ эти наслажденія создалъ для грѣшнаго человѣка. И тѣ же птицы небесныя снабжены отъ тебя, Господь, мудростію, и когда Ты, Господь, повелишь, они поютъ и доставляютъ для Тебя удовольствіе людямъ, а когда Ты имъ не приказываешь, то они и языкъ имѣя становятся нѣмыми. Благословенъ Ты, Господь, и заслуживаешь величайшихъ похвалъ. Ты создалъ всѣ эти чудесныя явленія и красоты, и кто Тебя, Господь, не хвалитъ и не вѣруетъ всѣмъ сердцемъ и всею душою во имя Отца и Сына и Святаго Духа, тотъ пусть будетъ проклятъ. Дѣти мои, читайте эти божественныя слова и похвалите Бога, давшаго намъ свою милость и это поученіе слабаго ума моего. Послушайте меня и пріймите хоть не все,—половину. Если Богъ смягчитъ сердце ваше, то прольете вы слезы о грѣхахъ вашихъ и скажете: какъ блудницу и разбойника и мытаря помиловалъ Ты, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй. И въ церковь то же дѣлайте и отходя ко сну. Не забудьте

ни въ одну ночь, если только въ состояніи, положить земной поклонъ, и развѣ только не будете имѣть для того силъ, три раза. Этого вы не забывайте и не лѣнитесь, потому что этимъ ночнымъ поклономъ и молитвою человѣкъ побѣждаетъ злаго духа и что въ теченіи дня сдѣлаетъ человѣкъ, то этимъ исправляетъ. Да если вы будете въ походѣ на конѣ или заняты какимъ-либо дѣломъ и другихъ молитвъ не съумѣете сказать, то повторяйте про себя безпрестанно: «Господи помилуй». Эту молитву твердить лучше всего, чѣмъ имѣть нелѣпыя мысли. А болѣе всего не забывайте бѣдныхъ, насколько можете кормите по вашимъ силамъ, старайтесь прибавить сиротѣ, вдовицу оправдайте сами и не допускайте, чтобы сильные губили человѣка. Не убивайте ни за вину, ни безъ вины и не отдавайте приказанія никого лишать жизни; хотя бы кто и заслуживалъ смерть, но не губите ни одной души христіанской. Въ разговорѣ о чемъ бы то ни было, о хорошемъ ли, или о дурномъ, не призывайте въ клятвѣ имя Божіе и не налагайте на себя знаменіе креста, потому что въ томъ нѣтъ никакой нужды. Если вы будете давать клятву цѣлованіемъ креста братьямъ ли своимъ, другому ли кому, то хорошенько обдумайте, можете ли вы исполнить обѣщанное: только въ томъ случаѣ и цѣлуйте крестъ и, поцѣловавъ его, берегитесь, какъ бы нарушеніемъ клятвы не вовлечь въ гибель свою душу. Съ любовью принимайте благословеніе епископовъ, священниковъ и игуменовъ, не чуждайтесь ихъ, сколько можете оказывайте къ нимъ вниманіе, и пусть они молятъ за васъ Бога. Болѣе всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ ни въ умѣ, но говорите: «мы люди смертные, сегодня живы, а завтра въ гробу; все то, что Ты далъ намъ, не наше, но Твое; Ты намъ поручилъ это на нѣкоторое время. Въ землю не зарывайте ничего, въ томъ намъ великій грѣхъ. Старшихъ почитай какъ отца, а младшихъ какъ братьевъ. Въ своемъ домѣ не лѣнитесь, но входите во всѣ подробности: не полагайтесь на прикащиковъ и старостъ, чтобы не насмѣялись тѣ, которые приходятъ къ вамъ, ни надъ вами, ни надъ домомъ, ни надъ обѣдомъ вашимъ —Когда отправитесь на войну, то не полагайтесь на начальниковъ войскъ, не занимайтесь слишкомъ ѣдою и не проводите времени во снѣ. Сами назначьте караульныхъ, и ночью поставивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, ложитесь также около воиновъ и вставайте рано. Оружія съ себя не снимайте, не увѣрившись прежде хорошенько въ безопасности; отъ лѣности человѣкъ погибаетъ вдругъ. Берегитесь лжи, пьянства и разврата; отъ нихъ

вмѣстѣ съ тѣломъ гибнетъ и душа. А если куда отправляетесь въ дорогу по вашимъ землямъ, не давайте вашимъ провожатымъ дѣлать вреда ни чужимъ, ни своимъ, ни въ селеніяхъ, ни въ поляхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, чтобы васъ не начали проклинать. Куда ни поѣдете, гдѣ ни остановитесь, напойте, накормите каждаго. Въ особенности же почитайте гостей, откуда бы они къ вамъ ни приходили, будетъ ли то простой человѣкъ или знатный или посолъ; если не можете одарить, то хоть удовлетворите его пищею и питьемъ; а они о васъ по всѣмъ землямъ хорошимъ ли дурнымъ ли пустятъ о васъ добрую славу. Навѣщайте больныхъ идите къ умершему, потому что всѣ мы будемъ добычею смерти. Не пропускайте ни одного человѣка безъ привѣта и привѣтствуйте его ласковымъ словомъ. Жену свою любите, но не давайте ей надъ собою власти. Но вотъ вамъ главное основаніе всему: болѣе всего имѣйте страхъ Божій. Если можетъ-быть что-нибудь забудете, то почаще читайте,—и мнѣ не будетъ стыдно и вамъ будетъ хорошо. Что знаете хорошаго, того не забывайте, а чего не знаете, тому научитесь, такъ яко отецъ мой, сидя дома, зналъ пять языковъ,— за это бываетъ честь и отъ другихъ земель. А лѣность всего дурнаго мать: что знаетъ и то забудетъ, а чего не знаетъ, тому не выучится. Будете поступать хорошо, если не будете лѣниться ни на что доброе. Прежде всего въ храмъ Божій. Пусть солнце не застанетъ васъ на постели; такъ поступалъ и отецъ мой блаженной памяти и всѣ люди совершенные въ добрѣ: воздавъ Богу утреннюю похвалу и потомъ, когда солнце станетъ всходить, смотря на него, съ радостью прославьте Бога и скажите: «Христосъ Богъ! Просвѣти мое зрѣніе, Ты, который далъ этотъ прекрасный свѣтъ Твой, и прибавь, Господь, еще годъ жизни, чтобы я, очистясь отъ остальныхъ грѣховъ, сталъ бы жить праведно и тѣмъ восхвалилъ бы Бога, и также дѣлайте сѣвъ на совѣщаніе съ дружиною или оказывать судъ и расправу между гражданами или отправляясь на охоту, въ дорогѣ ли, или ложась спать. Спать послѣ обѣда, въ полдень, положено отъ Бога; въ то время отдыхаютъ и звѣри, и птицы, и люди.

А вотъ, дѣти мои, разскажу я вамъ про свои труды, сколько я потрудился въ дорогахъ и на охотѣ въ теченіи тринадцати лѣтъ. Сначала я отправился къ Ростову сквозь землю Вятичей, послалъ меня отецъ, а самъ отправился въ Курскъ; потомъ вторично въ Смоленскъ, съ Ставкомъ Скордятичемъ; тотъ пошелъ къ Бресту съ Изяславомъ, а меня послалъ въ Смоленскъ, а изъ Смоленска во

Владиміръ. Въ ту же зиму послали меня братья къ Бресту на пожарище, гдѣ они пожгли; и тутъ я удержалъ городъ спокойнымъ. Затѣмъ отправился я къ отцу въ Переяславль, а послѣ Пасхи изъ Переяславля во Владиміръ—на Сутейскѣ заключить миръ съ Поляками, оттуда на лѣто опять назадъ во Владиміръ. Потомъ Святославъ послалъ меня въ Польшу; ходилъ я за Глагову Глогау) до Чешскаго лѣса и находился въ походѣ по землѣ Польской въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ. Въ этомъ году родился у меня старшій сынъ—тотъ что въ Новгородѣ. Изъ Польши въ Туровъ, а на весну въ Переяславль и Туровъ. Святославъ умеръ и я снова въ Смоленскъ, а изъ Смоленска въ ту же зиму въ Новгородъ на весну на помощь Глѣбу. На лѣто съ отцомъ подъ Полоцкъ, а на другую зиму съ Святополкомъ подъ Полоцкъ; городъ обожгли; Святополкъ пошелъ въ Новгородъ, а я съ Половцами на Одрескъ, опустошая, а потомъ къ Чернигову. Затѣмъ я пришелъ изъ Смоленска къ отцу въ Черниговъ и Олегъ пришелъ, будучи выведенъ изъ Владиміра; я съ отцомъ позвалъ его къ себѣ на обѣдъ въ Черниговѣ, на Красномъ дворѣ, и тутъ вручилъ отцу триста гривенъ золота. Другой разъ пришелъ я изъ Смоленска и прошелъ сквозь половецкое войско, сражаясь, до Переяславля и нашелъ тамъ отца, возвратившагося также съ войны. Въ этомъ же году ходили мы, я, отецъ мой и Изяславъ, сражаться къ Чернигову съ Борисомъ и побѣдили Бориса и Олега. Снова пошли къ Переяславлю и стали въ Обровѣ. Всеславъ предалъ огню окрестности Смоленска, а я сѣлъ съ Черниговцами на коней перемѣнныхъ, не засталъ уже его у Смоленска; но преслѣдуя Всеслава опустошилъ земли до Лукомля и Логожска, потомъ по направленію на Дрьютескъ вернулся къ Чернигову. На ту зиму Половцы разорили всю Стародубскую область; а я пошолъ съ Черниговцами и Половцами, и на Деснѣ захватили мы князей Асодука и Соука и ихъ товарищей перебили. На другой день за Новымъ городомъ разогнали мы сильный отрядъ воиновъ Белкатгина; отняли у нихъ мечи и всю добычу. Въ землю Вятичей ходили мы двѣ зимы кряду — на Ходоту и его сына и къ Кордну ходили первую зиму, а потомъ вслѣдъ за Изяславичами (сыновьями Изяслава) за Микулинъ, и не настигли ихъ. На ту же весну ходили къ Ярополку видѣться съ нимъ на Броды. Въ этомъ же году преслѣдовали мы Половцевъ, взявшихъ Горошинъ, за Хоролъ. На ту осень мы пошли съ Черниговцами и Половцами Читѣевичами къ Минску, бросились на городъ врасплохъ и не оставили тамъ ни раба, ни скота (то-есть

все обобрали). На ту зиму ходили мы къ Ярополку на Броды видѣться съ нимъ и заключили тѣсный дружественный союзъ. На весну отецъ посадилъ меня въ Переяславлѣ преимущественно передъ другими братьями, и ходили мы за Супой. Когда ѣхали къ городу Прилуку, то вдругъ встрѣтили насъ князья Половецкіе съ восемью тысячами человѣкъ, и рады были бы мы случаю биться съ ними, но оружіе услали впередъ на повозкахъ и мы вошли въ городъ; только одного Семцю взяли живаго да нѣсколько крестьянъ, а наши больше избили и поймали Половцевъ, и не смѣли они и коня взять въ руки и въ ту же ночь бѣжали на Сулу. На другой день, то былъ праздникъ Божіей Матери, двинулись мы къ Бѣлой Вежѣ и Богъ намъ помогъ и Святая Богородица, избили девять сотъ Половцевъ и взяли двухъ князей багубарсовыхъ братьевъ Асина и Сакея, и только два человѣка ушли. Потомъ мы преслѣдовали Половцевъ на Святославль, а потомъ на городъ Торковъ и на Гюргевъ. На той же сторонѣ у Красна побѣдили Половцевъ; потомъ мы съ Ростиславомъ у Варина захватили кочевья Половцевъ. Затѣмъ ходилъ я ко Владиміру, посадилъ тамъ снова Ярополка и онъ умеръ. Послѣ смерти отца и уже при Святополкѣ мы бились на Сулѣ съ Половцами до вечера, были у Халѣпа и потомъ заключили миръ съ Тугорканомъ и другими Половецкими князьями, а *у Глѣбовой семьи (чади, взяли всю свою дружину* *). Потомъ Олегъ пришелъ на меня къ Чернигову со всею Половецкою землею, и билась дружина моя съ нимъ восемь дней черезъ малую плотину и не пускала ихъ въ крѣпость; но жалѣя жизнь христіанъ, горящія села и монастыри, сказалъ я: «пусть не хвалятся нечестивые иноплеменники». и я передалъ брату бывшее владѣніе его отца; а самъ отправился на достояніе отца моего въ Переяславль. Мы вышли изъ Чернигова въ день Св. Бориса и ѣхали сквозь полки половецкіе, а было насъ пеполна сто человѣкъ и съ дѣтьми и съ женами, и Половцы стояли и отъ перевоза и съ горъ, смотрѣли какъ волки, облизывались на насъ; но Богъ и Святый Борисъ не дали имъ меня въ добычу и мы невредимо достигли Переяславля. Въ Переяславлѣ съ моей дружиною провелъ я три лѣта и три зимы, и много бѣдъ терпѣли мы тутъ отъ голода и отъ войны. Пошли мы на Половцевъ за Римовъ и Богъ намъ помогъ, избили ихъ, а другихъ поймали, затѣмъ избили итларевыхъ людей и, идя за Голтовъ, захватили ихъ кибитки (ко-

*) Непонятно — такъ въ подлинникѣ.

чевья). Пошли къ Стародубу на Олега за то, что онъ присоединился къ Половцамъ, и на Бугъ ходили мы, потомъ съ Святополкомъ на Боняка за Русь и къ Смоленску мы ходили, помирившись съ Давидомъ. Потомъ ходили вторично съ Вороницы. Тутъ Торки пришли ко мнѣ, а изъ Половцевъ Ичитѣевичи и мы ходили имъ навстрѣчу къ Сулѣ. И потомъ на зиму снова пошли къ Ростову и три зимы кряду ходили въ Смоленскъ; а теперь я ѣду въ Ростовъ. Еще съ Святополкомъ преслѣдовали мы Боняка, едва было его не убили, но Половцевъ не нагнали: потомъ его же гнались за тѣмъ же Боняком за Русь и его не настигли. На зиму отправился въ Смоленскъ: изъ Смоленска вышелъ послѣ праздника Св. Пасхи, и Юрьева мать умерла. Пріѣдя на лѣто въ Переяславль, собралъ братьевъ. Боняк пришелъ со всѣми Половцами къ Коснятину, и мы за ними ходили изъ Переяславля и за Сулу. Богъ намъ помогъ, мы побѣдили ихъ полки и поймали лучшихъ князей. Послѣ Рождества заключили миръ съ Асею и, взявъ у него дочь, отправились къ Смоленску, а потомъ я пошолъ къ Ростову. По возвращеніи изъ Ростова, снова отправился противъ Половцевъ на Урубу съ Святополкомъ, и Богъ намъ помогъ, а потомъ снова на Боняка къ Лубну, и Богъ намъ помогъ. Затѣмъ мы ходили на войну съ Святополкомъ и потомъ снова ходили на Донъ съ Святополкомъ и Давидомъ, и Богъ намъ помогъ. Къ Выру пришли было Ася и Боняк, хотѣли взять его; съ Олегомъ и сыновьями пошли мы на нихъ къ Ромну, и они, замѣтивъ наше приближеніе, бѣжали. Потомъ мы къ Минску ходили на Глѣба за то, что онъ было захватилъ нашихъ людей, и Богъ намъ помогъ и мы исполнили то, что задумали. Потомъ ходили къ Владиміру на Ярославца, не вынося больше отъ него оскорбленій. Изъ Чернигова до Кіева съѣздилъ я къ отцу не мѣшкая; въ одинъ день бывало поспѣвалъ я до вечерни; всѣхъ моихъ большихъ путешествій было 83, а малыхъ не припомню. Мирныхъ договоровъ съ Половцами заключилъ я 19 и при отцѣ и безъ него, и дали они много скота и даже одеждъ своихъ. Я выпустилъ изъ оковъ вотъ только самыхъ именитыхъ князей: Шарукановыхъ два брата, Багубарсовыхъ три, четыре брата Овчиновъ, а всѣхъ князей позначительнѣе сто человѣкъ. А вотъ этихъ князей мнѣ предалъ Богъ живыми въ руки: Кокуся съ сыномъ, Аклапа, Бурѣсевича, Таревскаго князя Азгулуя и другихъ молодыхъ малыхъ 15; ихъ я повелѣлъ живыми, потомъ изрубилъ и побросалъ въ рѣчку Славлію, да въ разное время перебито знатнѣйшихъ Половцевъ человѣкъ 200. А вотъ

мои труды на охотѣ: когда я находился въ Черниговѣ, то, выйдя изъ Чернигова и до.... (въ подлинникѣ пробѣлъ) звѣрей по сотнѣ лавливалъ кромѣ мелкихъ; не говорю о Туровѣ, гдѣ я съ отцомъ ловилъ всякихъ звѣрей. А вотъ что дѣлывалъ я въ Черниговѣ: дикихъ лошадей вязалъ своими руками, по десяти и по двадцати живыхъ лошадей опутывалъ разомъ, да кромѣ того по степи ѣздя своими руками ловилъ тѣхъ же дикихъ коней. Два буйвола поднимали на рога меня и съ конемъ, разъ олень меня бодалъ, а два лося — одинъ ногами топталъ, а другой рогами бодалъ, вепрь (дикій кабанъ) отхватилъ у меня съ боку мечъ, медвѣдь мнѣ у колѣна укусилъ *подкладъ* войлокъ, который подъ сѣдло подкладывается; лютый звѣрь вскочилъ мнѣ на бедра и коня со мною повалилъ; но Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Съ коня много разъ я падалъ, разбилъ себѣ два раза голову, повреждалъ и руки и ноги; въ молодости много себѣ вредилъ, не жалѣлъ жизни моей и не щадилъ головы моей. Что могъ бы сдѣлать и служитель мой, то дѣлывалъ я самъ, на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, и на зноѣ и на морозѣ, не давая себѣ отдохновенія. Не смотрѣлъ и на своихъ намѣстниковъ, ни на урядниковъ, но самъ дѣлалъ что было нужно, смотрѣлъ за всѣмъ порядкомъ въ моемъ домѣ, и дѣлалъ все самъ; также и на охотѣ распоряжался всѣмъ и относительно конюховъ и соколовъ и истребовъ. Самаго бѣднаго крестьянина и несчастной вдовы не давалъ сильнымъ въ обиду, смотрѣлъ и за порядкомъ и служеніемъ въ церквѣ. Не ставьте мнѣ этого въ вину, ни вы дѣти мои, ни иной, кто прочтетъ; хвалю я не свои способности, но хвалю Бога и прославляю его милость, который меня грѣшнаго и бѣднаго сохранилъ столько лѣтъ отъ разныхъ случаевъ смерти и сдѣлалъ меня нелѣнивымъ на всѣ дѣла для людей нужныя. И вы, прочитавъ это писаніе, устремитесь со рвеніемъ на всѣ добрыя дѣла, славя Бога съ его святыми. Не бойтесь, дѣти, ни войны, ни звѣрей дикихъ, но исполняйте обязанности человѣка насколько вамъ Богъ подастъ силы. Какъ и я остался живъ и уцѣлѣлъ отъ войны хищныхъ звѣрей и воды и падая съ лошади, такъ никто изъ васъ не можетъ ни получить поврежденія, ни убиться, если не будетъ то повелѣно отъ Бога, а если уже отъ него назначена смерть, то ни отецъ ни мать ни братья не могутъ сохранить. Хорошо бережетъ дѣтей и отецъ, но Божіе сбереженіе и того лутче. О, я грустный и многимъ страстямъ подверженный человѣкъ, много ты борешься сердцемъ и когда душа одолѣетъ сердце,—такъ какъ мы тлѣнны,—то

и размышляю какъ стать передъ страшнымъ Судіею тѣмъ, которые не могли принять въ отношеніяхъ другъ съ другомъ покаянія и смиренія. Кто скажетъ, что я Бога люблю, а брата своего не люблю, тотъ лжетъ. И еще говорится: если не простите брату того, въ чемъ онъ противъ васъ согрѣшилъ, то и васъ не проститъ Отецъ вашъ небесный. Пророкъ говоритъ: «не соревнуй поступающимъ лукаво и незавидуй тѣмъ которые поступаютъ противузаконно». И въ другомъ мѣстѣ: «что лучше и прекраснѣе того, когда братья вмѣстѣ». Но все то ученіе злаго духа; не таковы были войны при умныхъ дѣдахъ нашихъ и при добрыхъ блаженной памяти отцахъ нашихъ; а злой духъ не желаетъ добра роду человѣческому и ссоритъ насъ.—Пишу къ тебѣ это, потому что меня принудилъ твой сынъ, котораго ты крестилъ и который живетъ по сосѣдству съ тобою; онъ прислалъ ко мнѣ своего человѣка и письмо гдѣ говоритъ: «уладимся и помиримся, а брата моего видно такая уже судьба. Не будемъ мстить за него, но положимся на Бога,—всѣ вѣдь мы явимся передъ Его лицомъ,—а Русской земли губить не станемъ». Я видѣлъ смиреніе сына моего, жалость овладѣла мною, и страхъ передъ Богомъ, и сказалъ я, онъ при всей своей молодости и малоуміи такъ смиряется и на Бога полагается; а я человѣкъ грѣшный болѣе всѣхъ другихъ. Послушалъ я сына и написалъ это письмо: встрѣтишь ли ты его добрымъ словомъ или поругаешься надъ нимъ, во всякомъ случаѣ я это увижу изъ твоего отвѣта. И прежде такими же убѣжденіями я предостерегалъ тебя, ждалъ я отъ тебя смиренія и покаянія и того, что ты желаешь отъ Бога прощенія твоихъ старыхъ грѣховъ. Господь нашъ—не человѣкъ, но Богъ всей вселенной и что онъ захочетъ, можетъ сдѣлать въ мгновеніе глаза: но и онъ претерпѣлъ ругательства, и заплеваніе и на смерть отдался. Онъ—распорядитель жизни и смерти, а мы люди грѣшные что такое? Сегодня живы, а на другой день мертвы: сегодня въ славѣ и почести, а завтра въ гробѣ и уже нѣтъ о насъ помину и то, что мы собрали, раздѣлятъ другіе. Братъ, припомни отцовъ нашихъ: что они съ собою взяли, кромѣ развѣ что сдѣлали для души своей! Такими бы ты, братъ, словами прислалъ бы меня предупредить раньше; но когда сына моего и твоего убили въ твоемъ присутствіи, то ты, видя его кровь и тѣло поблекшее какъ сорванный только что распустившійся цвѣтокъ,—его, какъ зарѣзаннаго ягненка, долженъ былъ бы сказать, стоя надъ нимъ и вникая въ помышленія твоей души: горе мнѣ, что я надѣлалъ. Не имѣлъ я

снисхожденія къ его молодости и малоумію. а для выгодъ этого суетнаго свѣта я пріобрѣлъ себѣ грѣхъ. а отца и мать заставилъ проливать горькія слезы. Приходилось бы тебѣ сказать съ Давидомъ: «я знаю грѣхъ мой; онъ во-истину передо мною». И не кровь проливъ, но сдѣлавъ прелюбодѣяніе, помазанникъ Божій Давидъ посыпалъ пепломъ свою голову и горько плакалъ въ то время, и Богъ простилъ ему его согрѣшеніе. Тебѣ слѣдовало бы покаяться передъ Богомъ, а ко мнѣ написать письмо въ утѣшеніе. сноху же мою прислать ко мнѣ, потому что она ничего не сдѣлала ни добраго ни худаго, и я, принявъ ее въ свои объятія. оплакалъ бы ея мужа и ея недавнюю свадьбу, и плачъ этотъ былъ бы вмѣсто пѣсень; не видалъ я ни прежней ихъ радости, ни вѣнчанія за грѣхи мои. Ради Бога отпусти ее ко мнѣ скорѣе по первому моему слову и не съ тѣмъ, чтобы я, оставивъ плачъ, посадилъ бы ее на мѣстѣ, но сядетъ она тоскуя какъ горлица на сухомъ деревѣ. а я найду себѣ утѣшеніе въ Богѣ. Этимъ же путемъ шли дѣти отцовъ нашихъ. Ему—сыну моему—такая судьба назначена отъ Бога, но черезъ тебя. Еслибы ты тогда, достигнувъ цѣли своихъ желаній. взялъ бы Муромъ, а Ростова бы не домогался и прислалъ бы ко мнѣ, то мы и отсюда уладились бы Но пойми самъ, мнѣ ли слѣдовало послать прежде къ тебѣ или тебѣ ко мнѣ? Да еслибы ты велѣлъ моему сыну: «пошли къ отцу». то десять разъ бы послалъ. Да и что удивительнаго, если человѣкъ палъ въ сраженіи! Такая смерть постигла и лучшихъ изъ предковъ нашихъ. Не слѣдовало ему домогаться чужаго и меня не вводить ни въ стыдъ ни въ горе. Научили его окружавшіе для своей выгоды. а ему сыскали гибель. Но если ты обнаружишь раскаяніе передъ Богомъ и ко мнѣ свое доброе расположеніе, то пришли посла или священника и письмо напиши правдиво. тогда ты и область владѣнія получишь добромъ и сердце наше обратишь къ себѣ и мы будемъ въ лучшихъ отношеніяхъ, чѣмъ прежде; не стану я ни враждовать противъ тебя, ни мстить тебѣ. И подъ Стародубомъ не искалъ я твоей крови; но не дай мнѣ Богъ видѣть хотя бы отъ Его повелѣнія и отъ руки твоей крови котораго-либо изъ братьевъ. Богъ и крестъ честной видятъ—лгу ли я. Если я сдѣлалъ грѣхъ, когда пошелъ на тебя къ Чернигову, изъ-за Половцевъ, то я каюсь въ томъ, что словомъ пожалѣлъ братьевъ моихъ, и признаюсь въ томъ, потому что я же человѣкъ.—Если тебѣ нравится, то такъ поступи, а если нѣтъ, то тамъ подлѣ тебя живетъ твой крестникъ съ маленькимъ братомъ своимъ, ѣдятъ они хлѣбъ

дѣда своего. а ты находишься въ своемъ участкѣ.—то ты съ ними договаривайся; но если ты хочешь и ихъ убить, то это въ твоей волѣ, а я худаго не хочу, но желаю добра братьямъ и землѣ Руской; если же ты хочешь дѣйствовать насиліемъ, то такъ поступили мы у Стародубу, отнявъ у тебя наслѣдіе отцовское. Но Богъ свидѣтель тому, что мы уладились бы съ братомъ твоимъ, но что было толку ладиться безъ тебя. А все-таки никакой тебѣ бѣды мы не сдѣлали, но сказали: пошли къ брату пока мы уладимся; если же кто изъ васъ не хочетъ ни добра, ни мира христіанамъ, то пусть душа его на томъ свѣтѣ не увидитъ мира отъ Бога. Я говорю такъ не вынужденный и не опасаясь какой-либо бѣды— послѣ Бога ты и самъ услышишь, но мнѣ душа моя лутче всего этого свѣта; на страшномъ судѣ не побоюсь обличенія отъ противниковъ, и прочее. Наставникъ, премудрости и подаватель смысла, Ты, который учишь несмышлепыхъ и заступаешься за нищихъ, Владыко, утверди мое сердце въ разумѣ! Дай Ты мнѣ отчее слово, не помѣшай моимъ молитвамъ дойдти до Тебя. Милостивый, помилуй павшаго! Надежда моя Богъ, прибѣжище Христосъ, покровъ мой Святой Духъ. Надежда и покровъ мой, не презри меня, Благая. И имѣя тебя помощницею въ печали и въ болѣзняхъ и ото всякаго зла избавительницу, славлю тебя и воспѣваю. Поймите и видите, что я Богъ испытующій сердца и знающій мысли, обличающій поступки, сожигающій грѣхи, судящій сиротѣ, и убогому, и нищему. Душа моя, опомнись и размысли о своихъ поступкахъ, тобою совершенныхъ, окинь ихъ твоимъ зрѣніемъ, испусти капли слезъ твоихъ, повѣдай явно и открыто всѣ дѣйствія и мысли Христу и очистись. Андрей честной, отецъ преблаженный, пастырь Критскій! Не переставай молиться за насъ тебя почитающихъ, чтобы избавиться отъ гнѣва, печали, тлѣнія, грѣха и бѣдъ всѣмъ намъ, чтущимъ вѣрно твою память. Сохрани твой городъ, чистая Дѣвица Мать, который по Твоей милости благоденствуетъ; путь мы укрѣпимся тобою и, въ надеждѣ на Тебя выйдемъ побѣдителями изо всякой борьбы, ниспровергнемъ враговъ нашихъ, исполнимъ послушаніе. О, воспѣваемая Мать, родившая Слово, которое превышаетъ все святое своею святостью, прими теперешнее приношеніе, защити молящихся Тебѣ отъ всякаго бѣдствія и будущихъ мученій. Молимся Тебѣ мы, рабы Твои, и преклоняемъ колѣна сердца нашего, приклони ухо Твое, Чистая, и спаси насъ совершенно погрязающихъ въ бѣдахъ, сохрани отъ всякаго нашествія враговъ Твой городъ, Богородица. Пощади,

Боже, Твое наслѣдіе, пренебреги всѣми нашими согрѣшеніями. Теперь имѣешь Ты насъ молящихъ Тебя на земли, родившую Тебя безъ сѣмени, земную милость; соблаговолилъ Ты Христосъ облечься въ человѣчество: пощади меня Ты, Спаситель, родившійся и оставившій родившую Тебя недоступною тлѣнію по рождествѣ, и тогда, когда станешь судить дѣйствія мои какъ безгрѣшный и милостивый, какъ Богъ, любящій родъ человѣческій. Пречистая Дѣва, брака не испытавшая, Богомъ обрадованная, вѣрнымъ направленіе, спаси меня погибшаго, взывая за меня къ Сыну.—Помилуй меня, Господь, помилуй, когда будешь судить, не осуди меня въ огонь и не обличи въ своей ярости. Молитъ Тебя чистая Дѣва, родившая Тебя, Христосъ, и множество ангеловъ и мучениковъ соборъ. Призываемъ имя Господа нашего Іисуса Христа, которому слѣдуетъ честь и слава Отцу и Сыну и Святому Духу всегда и теперь и въ будущіе вѣка.

Хочу разсказать здѣсь, что я слышалъ назадъ тому четыре года отъ Гюряты Роговича Новгородца. Вотъ что онъ мнѣ говорилъ: послалъ я служителя моего въ Печеру, а тамошній народъ платитъ Новгороду дань. Служитель мой, побывавъ тутъ, пошелъ въ Югру. Югра—это народъ съ языкомъ непонятнымъ и живутъ они вмѣстѣ съ Самоядью въ сѣверной сторонѣ. Югры сказали моему служителю: нашли мы удивительное явленіе, о какомъ не слыхали до сего времени, а вотъ уже третій годъ какъ оно началось. Когда зайдешь за изгибъ берега въ море, то тамъ находятся горы. Верхи ихъ поднимаются повидимому до небесъ, и въ тѣхъ горахъ великой крикъ и говоръ и рубятъ гору, желая оттуда вырваться. И въ той горѣ прорублено маленькое окошечко и оттуда они говорятъ; языкъ ихъ непонятенъ, но показываютъ на желѣзо и даютъ знакъ рукою, прося желѣза, и если кто имъ дастъ или ножъ или топоръ, то даютъ за это мѣховъ. Путь до тѣхъ горъ непроходимый по пропастямъ, снѣгамъ и лѣсамъ, а потому рѣдко ходимъ мы туда: есть и далѣе на сѣверъ.—Я сказалъ Гурятѣ: «это люди заключенные царемъ Александромъ Македонскимъ. О нихъ говоритъ Меѳодій Патарійскій: и дошелъ Александръ до моря, называемаго Солнцево мѣсто, и увидѣлъ тутъ нечистыхъ людей изъ роду Іафета, которыхъ омерзительный образъ жизни я видѣлъ: ѣдятъ всякую гадость: комаровъ, мухъ, котиковъ, змѣй, мертвыхъ не хоронятъ, употребляютъ въ пищу и женское очищеніе и всякаго рода нечистыхъ животныхъ. Видя это, Александръ изъ опасенія какъ бы эти люди размножившись не осквернили землю,

загналъ ихъ на сѣверъ въ высокія горы, и по Божія повелѣнію сомкнулись за ними сѣверныя горы; остался промежутокъ только на 12 саженъ (локтей). Тутъ сдѣлались мѣдныя ворота и помазаны сиклитомъ, а еслибы они (запертые) захотѣли огнемъ разрушить, то невозможно ихъ зажечь. Сиклитово вещество такое, что ни огонь на него не дѣйствуетъ и желѣзо не можетъ его взять. А вотъ послѣ этого передъ концемъ міра выйдутъ изъ Етривійской пустыни 8 племенъ, а вслѣдъ за ними выйдутъ по повелѣнію Божію и эти скверные народы, которые находятся въ горахъ сѣверныхъ.—Но мы возвратимся назадъ и примемся за нашъ прежній разсказъ. Олегъ далъ слово идти въ Смоленскъ къ брату своему Давиду и съ нимъ вмѣстѣ прійдти въ Кіевъ для толковъ о соглашеніи; но онъ не захотѣлъ такъ сдѣлать, а прійдя въ Смоленскъ взялъ воиновъ и отправился къ Мурому; въ Муромѣ тогда находился Изяславъ Владиміровичъ. Когда къ нему пришло извѣстіе о движеніи Олега къ Мурому, то Изяславъ послалъ за воинами въ Суздаль, Ростовъ и за Бѣлозерцами, и собралъ много воиновъ. Олегъ прислалъ къ Изяславуословъ сказать ему: «ступай въ Ростовъ во владѣнія отца твоего, а Муромъ—это владѣніе моего отца. Находясь тутъ, хочу уладиться съ твоимъ отцомъ, который выгналъ меня изъ наслѣдственнаго отцовскаго города. Или ты уже и здѣсь откажешь мнѣ въ моемъ же кускѣ хлѣба». Изяславъ, полагаясь на множество воиновъ, не послушалъ словъ Олега. И тотъ, надѣясь на правду, — а въ этомъ случаѣ онъ Олегъ былъ правъ,—пошелъ съ войскомъ къ городу, а Изяславъ устроилъ свои полки на полѣ впереди города. Олегъ двинулся къ нему навстрѣчу съ своими полками, сошлись тѣ и другіе, произошла упорная битва и тутъ палъ убитымъ Изяславъ, сынъ Владиміра, внукъ Всеволода, сентября 6-го; воины его разбѣжались одни по лѣсамъ, а другіе въ городъ. Олегъ вошелъ туда и граждане его приняли; тѣло Изяслава взяли и положили въ монастырѣ Св Спаса, оттуда перенесли въ Новгородъ и положили его у храма Святой Софіи, на лѣвой сторонѣ Олегъ, взявъ городъ, захватилъ Ростовцевъ, Бѣлоозерцевъ и Суздальцевъ, заключилъ ихъ въ оковы, а самъ бросился на Суздаль; жители этого города ему покорились. Олегъ, занявъ городъ мирно, однихъ гражданъ захватилъ, другихъ сослалъ и отнялъ у нихъ имущество. Затѣмъ пошелъ онъ къ Ростову и Ростовцы ему покорились. Такимъ образомъ Олегъ занялъ всю область Муромскую и Ростовскую, по городамъ посажалъ намѣстни-

ковъ и началъ собирать всякаго рода доходы. Мстиславъ Владиміровичъ, братъ убитаго Изяслава, прислалъ къ Олегу изъ Новгорода своего посла сказать: «ступай изъ Суздаля въ Муромъ и не живи въ чужихъ владѣніяхъ. Я и мои приближенные—мы пошлемъ къ отцу моему и помирю тебя съ отцомъ моимъ. Хоть ты и брата моего убилъ, но въ этомъ нѣтъ еще ничего особеннаго; на войнахъ гибнутъ цари и полководцы». Олегъ не хотѣлъ и слушать, но замышлялъ какъ бы ему захватить и Новгородъ. Олегъ послалъ съ передовымъ отрядомъ Ярослава, брата своего, а самъ стоялъ на полѣ у Ростова. А Мстиславъ съ общаго съ Новгородцами совѣта послалъ съ передовымъ отрядомъ Добрыню Рагуйловича, и тотъ захватилъ людей, собиравшихъ дань. Ярославъ, узнавъ, что сборщики дани захвачены,—а стоялъ Ярославъ въ это время съ сторожевымъ отрядомъ у Медвѣдицы,—бѣжалъ въ эту же ночь и прійдя къ Ярославу извѣстилъ его, что идетъ Мстиславъ и передовой отрядъ захваченъ. — Олегъ пошелъ къ Ростову, а Мстиславъ пришелъ на Волгу, и ему сказали, что Олегъ отступилъ къ Ростову; Мстиславъ пошелъ вслѣдъ за нимъ. Олегъ пришелъ къ Суздалю и слыша, что Мстиславъ идетъ за нимъ, велѣлъ зажечь городъ Суздаль и уцѣлѣлъ только монастырскій дворъ Печерскаго монастыря и находящаяся тамъ церковь Св. Димитрія, пожертвованіе Ефрема и съ селами. Олегъ бѣжалъ къ Мурому, а Мстиславъ пришелъ въ Суздаль и, оставшись тутъ, посылалъ къ Олегу и просилъ у него мира и говорилъ: «я младше тебя, пошли къ моему отцу и захваченныхъ тобою людей возврати, а я тебя послушаю во всемъ». Олегъ послалъ къ нему съ обманомъ будто бы желая мира. Мстиславъ повѣрилъ обману и распустилъ своихъ воиновъ по селеніямъ. Настала Ѳедорова недѣля поста, пришла Ѳедорова суббота и когда Мстиславъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришло къ нему извѣстіе, что Олегъ уже на Клязьмѣ; онъ подошелъ близко, а вѣсти о немъ не было, а Мстиславъ, довѣряя словамъ Олега, не поставилъ карауловъ; но Богъ съумѣетъ избавить вѣрующихъ въ Него отъ коварства. Олегъ остановился на Клязьмѣ, полагая, что Мстиславъ будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ, но ко Мстиславу въ тотъ и послѣдующій день набрались воины: Новгородцы, Ростовцы и Бѣлозерцы, и Мстиславъ сталъ передъ городомъ устроивъ полки. Не двигались ни Олегъ на Мстислава, ни Мстиславъ на Олега и стояли другъ противъ друга 4 дни. Ко Мстиславу пришло извѣстіе, что отецъ послалъ къ нему брата Вячеслава съ Половцами. И дѣйствительно пришелъ Вячеславъ въ четвергъ послѣ Ѳеодорова воскре-

сенія; это было въ постъ. Въ пятницу Олегъ, устроивъ свои полки въ боевой порядокъ, пришелъ къ городу, а Мстиславъ выступилъ къ нему навстрѣчу съ Новгородцами и Ростовцами. Мстиславъ отдалъ знамя Владимірово Половцу по имени Куную и ему же ввѣривъ пѣхоту, поставилъ его на правомъ крылѣ, и Кунуй, выдвигая впередъ свою пѣхоту, развернулъ знамя Владимірово; когда Олегъ увидѣлъ знамя Владимірово, то испугался и ужасъ овладѣлъ имъ и воинами. Пошли они на бой другъ противъ друга: Олегъ навстрѣчу Мстислава, а Ярославъ Вячеслава. Мстиславъ перешелъ съ Новгородцами преданное огню мѣсто; встрѣтились обо войска на Кулачьцѣ, произошелъ упорный бой и началъ одолѣвать Мстиславъ. Олегъ, видя, что подвинулось впередъ знамя Владимірово и начало заходить ему въ тылъ, испугался и побѣжалъ, а Мстиславъ одержалъ побѣду. Олегъ прибѣжалъ къ Мурому, оставилъ въ немъ Ярослава, а самъ отправился въ Рязань. Мстиславъ пришелъ къ Мурому, заключилъ съ его жителями миръ и, взявъ своихъ людей Ростовцевъ и Суздальцевъ (находившихся тамъ въ плѣну), пошелъ въ Рязань вслѣдъ за Олегомъ. Олегъ бѣжалъ изъ Рязани, а Мстиславъ, придя въ Рязань, заключилъ съ Рязанцами миръ и взялъ людей своихъ, которыхъ было послалъ сюда Олегъ. Мстиславъ послалъ сказать Олегу: «не бѣгай никуда, но пошли къ братьямъ твоимъ съ мольбами, и не лишатъ они тебя участія въ землѣ Руской и я пошлю къ моему отцу просить за тебя». Олегъ обѣщался такъ поступить. Мстиславъ вернулся сначала въ Суздаль, а потомъ въ Новгородъ въ свое княженіе, по молитвѣ нашего почтеннаго епископа Никиты. Все это происходило въ концѣ 1096 г. по Р. Х.

1097 г.

Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ и Давидъ Святославичъ съ братомъ своимъ Олегомъ сошлись въ Любечи для заключенія прочнаго мира. Говорили: зачѣмъ губимъ мы Рускую землю, сами на себя возставая войною? А Половцы опустошаютъ нашу землю и радуются, что между нами война. Но отнынѣ возмемся дѣйствовать за одно и охранять Рускую землю. Пусть каждый владѣетъ тѣмъ, чѣмъ владѣлъ его отецъ: Святополкъ—Кіевомъ и тѣмъ, чѣмъ владѣлъ Изяславъ. Владиміръ—тѣмъ, что было во владѣніи Всеволода, его отца, Давидъ, Олегъ и Ярославъ тѣмъ, что было Святославово; а какіе города роздалъ Всеволодъ, то тѣми владѣть: Давиду—Владиміромъ, а Ростиславичамъ. Володарю — Перемышлью, а Василько — Теребовлемъ. И на томъ

цѣловали крестъ: «если отнынѣ кто на кого вооружится, то на того будемъ мы всѣ и крестъ честной»; и всѣ тутъ сказали: «на того будетъ крестъ честной и вся земля Русская». Послѣ взаимныхъ привѣтствій князья разошлись каждый въ свои владѣнія. — Святополкъ съ Давидомъ пришли въ Кіевъ и всѣ граждане были рады. Злому духу одному не правилось это взаимное расположеніе князей. Проникъ сатана въ сердце нѣкоторыхъ людей и начали они говорить Давиду Игоревичу такъ: «Владиміръ съ Василькомъ сговорились противъ тебя и Святополка». Давидъ повѣрилъ этимъ лживымъ паговорамъ и началъ Святополку говорить на Василька такъ: «Кто иной убилъ брата твоего Ярополка, а теперь онъ замышляетъ противъ меня и тебя, сговорившись съ Владиміромъ: позаботься же о собственной безопасности». Святополкъ сталъ безпокоиться и говорилъ: «можетъ-быть это правда, а можетъ и ложь». Это ему было неизвѣстно. Онъ сказалъ Давиду: «если ты говоришь правду, то Богъ будетъ по тебѣ поборникъ; но если ты говоришь отъ зависти, то Богъ будетъ за Василька». Святополкъ сталъ жалѣть о покойномъ братѣ, жертвѣ злаго умысла, и опасаться себѣ такой же участи, думая: а можетъ тутъ-есть какая либо доля правды. Повѣрилъ онъ Давиду—обольстилъ тотъ Святополка и оба вмѣстѣ стали замышлять противъ Василька. Тотъ ничего не зналъ, а также и Владиміръ. Давидъ твердилъ Святополку: «если мы не схватимъ Василька, то не придется княжить ни тебѣ въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владиміре». Святополкъ послушалъ Давида. Василько пріѣхалъ 4 ноября, переправился на Выдобичь, отправился помолиться въ монастырь Св. Михаила, ужиналъ тутъ, а обозъ свой оставилъ на Рудицѣ. Съ наступленіемъ вечера вернулся онъ къ своему обозу. На другой день утромъ Святополкъ прислалъ сказать ему: «не уѣзжай отъ моихъ именинъ». Василько отказывался; онъ говорилъ: «не могу ждать; у меня дома можетъ быть война». Давидъ прислалъ къ нему сказать: «не уѣзжай, братъ, послушайся старшаго брата». Василько не захотѣлъ послушаться. Тутъ Давидъ сказалъ Святополку: «замѣчаешь ли, что Василько знать тебя не хочетъ, находясь еще въ твоей области; увидишь, то ли еще будетъ, когда онъ придетъ въ свои владѣнія: отниметъ онъ у тебя Туровъ и Пинскъ и прочіе твои города, вспомнишь меня тогда. Но позови Кіевлянъ, возьми его и передай мнѣ». — Святополкъ послушалъ Давида и послалъ за Васильком; онъ велѣлъ ему сказать: «если не хочешь остаться до моихъ именинъ, то навести теперь и мы весело проведемъ время и съ

Давидомъ». Василько далъ слово пріѣхать и, не подозрѣвая коварнаго умысла Давидова, онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ; встрѣтилъ его молодой его служитель и сказалъ ему: «не ходи, князь, тебя хотятъ схватить». Но Василько не послушалъ его и думалъ: «Какъ это они хотятъ меня схватить; но развѣ они, князья, не цѣловали креста и не говорили: «если кто вооружится на кого-нибудь изъ насъ, то на того пусть будутъ и честной крестъ и мы всѣ»? Съ такими мыслями Василько перекрестился и сказалъ: «пусть будетъ воля Божія». Съ немногими провожатыми пріѣхалъ онъ на княжескій дворъ. Святополкъ вышелъ къ нему навстрѣчу и они вмѣстѣ вошли въ теплую комнату. И Давидъ пришелъ; всѣ они сѣли. Тутъ Святополкъ началъ говорить: «останься на праздникъ».—Василько ему сказалъ: «не могу оставаться, братъ, я уже и обозъ отправилъ впередъ» Давидъ сидѣлъ какъ нѣмой, а Святополкъ сказалъ: «позавтракай, братъ». Василько далъ слово остаться завтракать. Святополкъ сказалъ: «посидите вы здѣсь, а я пойду велю приготовить». — и вышелъ изъ комнаты. Василько остался съ Давидомъ и началъ съ нимъ говорить, но Давидъ и не слушалъ его и не говорилъ: какая-то робость овладѣла имъ, такъ такъ въ душѣ таилъ онъ коварство. Давидъ посидѣлъ немного и сказалъ: «гдѣ это братъ»? — Ему отвѣтили, что онъ въ сѣняхъ. Давидъ всталъ и сказалъ Василько: «я пойду за нимъ, а ты, братъ, посиди». Съ этими словами Давидъ всталъ и вышелъ вонъ. По удаленіи Давида Василька заперли--это случилось ноября 3.—заковали его въ двойные оковы и на ночь приставили къ нему караулъ. На другой день Святополкъ созвалъ бояръ и Кіевлянъ и сообщилъ имъ то, что ему сказалъ Давидъ, а именно, будто Василько убилъ его брата, а на тебя умышляетъ вмѣстѣ съ Владиміромъ: хотятъ они тебя лишить жизни и завладѣть твоими городами. На это бояре и граждане отвѣтили: «тебѣ, князь, нужно беречь твою жизнь. Если Давидъ правду сказалъ, то пусть Василько приметъ казнь, а если же неправду, то пусть онъ получитъ возмездіе отъ Бога и дастъ передъ нимъ отвѣтъ». Узнали о происшедшемъ настоятели монастырей и стали просить Святополка за Василька. Святополкъ имъ сказалъ: «это не я, а Давидъ».—Давидъ, узнавъ о томъ, началъ внушать, что Василька нужно ослѣпить; онъ говорилъ Святополку: «если ты этого не сдѣлаешь, а выпустишь его, то ни тебѣ не придется княжить, ни мнѣ». Святополкъ хотѣлъ выпустить Василько, но Давидъ не хотѣлъ, такъ какъ онъ его боялся. И на ту ночь повезли Василько къ Бѣлугороду.—это не-

большой городокъ верстъ 10 отъ Кіева; везли его на повозкѣ въ оковахъ; тутъ ссадили съ повозки и ввели въ небольшую топленую комнату. Сѣвъ тутъ, Василько увидалъ Торчина, который точилъ ножъ; онъ понялъ, что его хотятъ ослѣпить и онъ началъ громко молиться Богу съ великимъ плачемъ и стономъ. Тутъ вошли присланные Святополкомъ и Давидомъ—Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополка, и Дмитрій, конюхъ Давида. Они разостлали коверъ и разостлавъ взяли Василька и хотѣли его повалить, но онъ упорно съ ними боролся,—не могли они его повалить. Тутъ вошли другіе, повалили Василька, связали его и, снявъ съ печки доску, положили ему на грудь. По краямъ доски сѣли Сновидъ Изечевичъ и Дмитрій и не могли его удержать. Тутъ подошли еще двое, сняли другую доску съ печки и сѣли; они сдавили его такъ сильно, что затрещала грудь. Тогда подошелъ Торчинъ, по имени Берендѣй, пастухъ овецъ Святополковыхъ; онъ держалъ въ рукахъ ножъ, хотѣлъ ударить въ глазъ и не попалъ, а перерѣзалъ ему лицо, и та рана у Василько видна еще и теперь; потомъ ударилъ въ глазъ и вынулъ рѣсницу, потомъ въ другой глазъ и вынулъ другую рѣсницу. Въ это время Василько сдѣлался безъ памяти какъ бы мертвый. Его взяли съ ковромъ вмѣстѣ и положили замертво на повозку и повезли во Владиміръ. Проѣхавъ съ нимъ нѣкоторое разстояніе, переѣхали Звиженскій мостъ и остановились на базарѣ. Тутъ съ него сняли рубашку, — она была вся въ крови, и дали попадьѣ помыть, а сами сѣли обѣдать. Попадья начала оплакивать Василька какъ мертваго; но онъ услышалъ плачь и спросилъ: «гдѣ я»? Ему отвѣтили: въ «городѣ Звиждени». Спросилъ пить воды, ему дали; онъ выпилъ воды и жизнь къ нему возвратилась; онъ пришелъ въ память, пощупалъ на себѣ рубашку и сказалъ: «зачѣмъ вы ее съ меня сняли? Пусть бы я въ той окровавленной сорочкѣ принялъ смерть и сталъ бы передъ Богомъ». Провожавшіе Василько пообѣдавъ продолжали съ нимъ поспѣшно путь на повозкѣ по колоти, то-есть замерзшей грязи; въ то время былъ мѣсяцъ *грудень* иначе ноябрь. На шестой день привезли Василько во Владиміръ. Вслѣдъ за нимъ пришелъ и Давидъ, какъ бы поймавъ на охотѣ большаго звѣря. Василько посадили въ Ваксевъ дворъ и приставили карауллить его 30 человѣкъ и двухъ княжескихъ служителей, Улани и Колчко.—Когда Владиміръ услыхалъ, что Василько схваченъ и ослѣпленъ, пришелъ въ ужасъ, заплакалъ и сказалъ: «этого не бывало въ Руской землѣ ни при отцахъ, ни при дѣдахъ нашихъ—такого злодѣйства». Тотчасъ послалъ онъ къ Давиду и Олегу Свято-

славичамъ сказать: «приходите къ Городцу; необходимо исправить то зло, которое случилось въ землѣ Руской и между нами братьями, середи насъ брошенъ ножъ. Если мы не оставимъ этого зла, то оно приметъ середи насъ еще большіе размѣры: братъ зачнетъ убивать брата, земля Руская погибнетъ и враги наши Половцы придутъ и возьмутъ землю Рускую». Услыхавъ это, заплакали Давидъ и Олегъ и сказали: «въ нашемъ роду этого не было». Немедленно собрали они воиновъ и явились къ Владиміру; а Владиміръ съ воинами стояли въ бору (сосновомъ лѣсу). Владиміръ, Давидъ и Олегъ послали отъ себя людей своихъ сказать Святополку: «что за злодѣяніе совершилъ ты въ землѣ Руской и зачѣмъ бросилъ ты ножъ въ среду нашу? Зачѣмъ ты ослѣпилъ своего брата? Если онъ и виноватъ былъ въ чемъ-нибудь передъ тобою, то ты уличилъ бы его въ нашемъ присутствіи и, переспоривъ его, поступилъ бы съ нимъ, а теперь объясни, въ чемъ его вина и за что ты совершилъ надъ нимъ такое злодѣйство»? Святополкъ далъ такой отвѣтъ: «мнѣ Давидъ Игоревичъ сказалъ, что Василько убилъ твоего брата Ярополка и тебя хочетъ убить и занять твои города: Туровъ, Пинскъ, Брестъ и по рѣку Горину; и у него-де съ Владиміромъ клятвенное соглашеніе—Владиміру захватить Кіевъ, а Василько Владиміръ. Вынужденъ я былъ заботою о собственной безопасности, а ослѣпилъ Василька не я, но Давидъ и увезъ его къ себѣ». На это люди Владиміра, Давида и Олега сказали ему: «не оправдывайся тѣмъ, что Давидъ ослѣпилъ Василька, не въ Давидовомъ городѣ взятъ и ослѣпленъ, но въ твоемъ городѣ». Такъ поговоривъ, разошлись они въ разныя стороны. На другой день утромъ князья хотѣли перейдти Днѣпръ и идти на Святополка. Тогъ уже собирался было бѣжать изъ Кіева, но Кіевляне его не пустили, а послали вдову Всеволода и митрополита Николая къ Владиміру сказать: «просимъ, князь, тебя и твоихъ братьевъ, не губите земли Русской. Если вы станете воевать другъ съ другомъ, то нечестивые иноплеменники начнутъ радоваться и возьмутъ землю нашу, которую пріобрѣли отцы ваши и дѣды великими трудами и, храбро сражаясь за Рускую землю, присоединяли къ ней другія земли, а вы имѣете въ виду довесть землю Рускую до гибели». Вдова Всеволодова и митрополитъ пришли къ Владиміру, стали его умолять, передали ему и просьбы Кіевлянъ о томъ, чтобы хранить миръ, беречь землю Рускую и войну вести только съ иноплеменниками. Выслушавъ это Владиміръ заплакалъ и сказалъ: «дѣйствительно наши отцы и дѣды хранили

землю Русскую, а мы хотимъ ее погубить». Онъ уступилъ просьбамъ княгини (вдовы Всеволода); онъ чтилъ ее какъ мать изъ уваженія къ памяти отца своего—отецъ его любилъ сильно и при жизни и по смерти не ослушивался его ни въ чемъ, а потому онъ и послушалъ ее какъ мать, и митрополита. Уважая его святительскій санъ, не пренебрегъ его просьбою. Владиміръ былъ вообще очень ласковъ и обходителенъ: онъ любилъ митрополитовъ, епископовъ и пастоятелей, а въ особенности монаховъ и монахинь. Онъ кормилъ и поилъ приходившихъ къ нему какъ мать дѣтей своихъ; если кого видѣлъ пьянаго или заставалъ въ чемъ-либо дурномъ, то не осуждалъ, но все извинялъ любовью и снисхожденіемъ.—Возвратимся къ нашему разсказу: княгиня (вдова Всеволодова), побывавъ у Владиміра, пришла въ Кіевъ и передала слова Владиміра Святополку и Кіевлянамъ, обнадеживая ихъ, что будетъ миръ. Они начали пересылаться послами и помирились на томъ, что объявили Святополку: «это—выдумка Давида, то ты, Святополкъ, иди теперь на него и либо возьми, либо прогони». Святополкъ взялся за это и князья, давъ другъ другу клятву цѣлованіемъ креста, заключили миръ. А Василько находился во Владиміръ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы сказали. Подходилъ великій постъ и я въ то время находился во Владиміръ; какъ разъ ночью прислалъ за мною князь Давидъ. Я пришелъ къ нему: около него сидѣли его приближенные. Давидъ, посадивъ меня, сталъ говорить: «въ эту ночь Василько сказалъ Улану и Кольчѣ: слышу, что идутъ Владиміръ и Святополкъ на Давида. Еслибы меня послушалъ Давидъ, то я послалъ бы своего человѣка воротить Владиміра. Знаю я, что ему сказать и онъ не пойдетъ. Вотъ я, Василій, посылаю тебя, иди къ Васильку, своему тестю, съ этими моими служителями и скажи ему такъ: «если ты захочешь послать своего человѣка, то Владиміръ воротится, а я тебѣ дамъ любой изъ трехъ городовъ: Всеволожа, Шеполи или Перемишля». Я пошелъ къ Васильку и передалъ ему все, что говорилъ Давидъ. Василько отвѣтилъ: «этого я не говорилъ, но надѣюсь на Бога, пошлю, пусть не изъ-за меня кровопролитія; но мнѣ удивительно, что онъ меня даритъ своимъ городомъ, тогда какъ у меня есть мои владѣнія—Теребовль, который былъ моимъ и будетъ». Такъ и случилось; Василько скоро потомъ получилъ назадъ свою область, а мнѣ сказалъ: «иди къ Давиду и скажи ему: пришли мнѣ Кульмѣя; его я пошлю къ Владиміру». Давидъ не послушалъ Василька и послалъ меня къ нему вторично сказать: «Кульмѣя здѣсь нѣтъ». Василько сказалъ мнѣ:

«посиди немного», велѣлъ своему слугѣ выйдти вонъ и, сѣвъ со мною, сталъ мнѣ говорить: «слышу, что Давидъ хочетъ меня выдать Полякамъ; онъ еще мало насытился моею кровью, теперь хочетъ упиться больше, отдавъ меня Полякамъ, которымъ я много вреда сдѣлалъ, а замышлялъ еще больше, желая отмстить за Русскую землю. Пусть онъ отдастъ меня Полякамъ,—я смерти не боюсь, но скажу тебѣ: справедливо Богъ наказалъ меня за мою гордость. Пришло ко мнѣ извѣстіе, что идутъ ко мнѣ Берендѣи, Печенѣги и Торки, и сказалъ я самъ себѣ: когда будутъ у меня Берендѣи, Печенѣги и Торки, то скажу братьямъ моимъ Володарю и Давиду: дайте мнѣ младшую вашу дружину, а сами пейте и веселитесь. Задумалъ я: къ зимѣ отправлюсь я въ походъ на Польшу, на лѣто займу я Польскую землю и отмщу за землю Русскую. Затѣмъ хотѣлъ я захватить Дунайскихъ Болгаръ и поселить ихъ у себя. Послѣ этого хотѣлъ я проситься у Святополка и Владиміра идти на Половцевъ; хотѣлъ я или снискать себѣ славу или сложить мою голову за землю Русскую; иного помышленія не было въ сердцѣ моемъ ни на Святополка, ни на Давида,—въ томъ клянусь Богомъ и Его пришествіемъ, что я не замышлялъ никакого зла и ни въ чемъ братьямъ моимъ, но за мою гордость Богъ унизилъ меня и смирилъ».—Затѣмъ, когда сталъ приближаться Свѣтлый праздникъ, Давидъ выступилъ въ походъ, желая захватить владѣнія Василька.—Володарь, братъ Василька, встрѣтилъ Давида у Бужыска и Давидъ не осмѣлился противустать Володарю, брату Василька, а заперся въ Бужыскѣ. Володарь осадилъ его тутъ и послалъ ему сказать: «почему ты, поступивъ дурно, не раскаиваешься? Вспомни, сколько зла ты надѣлалъ»! Давидъ началъ винить во всемъ Святополка; онъ говорилъ: «развѣ я это сдѣлалъ или въ моемъ городѣ? Я самъ боялся какъ бы не схватили и меня и не поступили бы и со мною такъ же: находясь во власти Святополка, вынужденъ я былъ принять участіе въ его замыслѣ».—Володарь сказалъ: «Богу одному то извѣстно, а теперь выпусти моего брата и заключу съ тобою миръ». Давидъ обрадовался, послалъ за Васильком и отдалъ его Володарю. Миръ былъ заключенъ и всѣ разошлись. Василько сталъ княжить въ Теребовлѣ, а Давидъ вернулся во Владиміръ. Когда наступила весна, то Василько и Володарь пошли на Давида: они приступили ко Всеволожю, а Давидъ заперся во Владимірѣ. Князья Володарь и Василько осадили Всеволожь, взяли его приступомъ и сожгли; жители бѣжали изъ зажженнаго города и Василько велѣлъ ихъ избить; такъ онъ отом-

стилъ на людяхъ невинныхъ и пролилъ кровь праведную. Потомъ князья пришли къ Владиміру. Давидъ тамъ заперся, князья обступили городъ и послали сказать жителямъ города: «мы пришли войною не на городъ вашъ и не на васъ, но на враговъ нашихъ— Турака, Лазаря и Василья; они-то подговорили Давида; ихъ послушавъ Давидъ совершилъ такое злодѣяніе; если вы хотите за нихъ биться, то мы готовы, а то выдайте враговъ нашихъ». Горожане, слыша это, собрались на вѣче и стали говорить, «выдай этихъ людей, мы за нихъ сражаться не будемъ, а за тебя будемъ. А если не согласишься, то мы отворимъ городскія ворота и ты думай самъ о себѣ». Вынужденъ былъ Давидъ выдать ихъ; онъ сказалъ: «ихъ нѣтъ здѣсь», а онъ ихъ отправилъ въ Луцкъ и на дорогѣ туда Турякъ убѣжалъ въ Кіевъ, а Лазарь и Василь воротились къ Турійску. Услыхали граждане, что они въ Турійскѣ, прикрикнули на Давида и сказали: «выдай кого у тебя требуютъ, а то мы сдадимся». Давидъ послалъ за Василемъ и Лазаремъ и выдалъ ихъ. Въ воскресенье заключили миръ, а на другой день утромъ на зарѣ люди Васильковы повѣсили Василя и Лазаря, пускали въ нихъ стрѣлы и ушли отъ города. Это уже второе мщеніе совершилъ Василько, а его совершать не слѣдовало: пусть бы Богъ былъ мстителемъ и на Бога слѣдовало возложить свое мщеніе. Такъ и пророкъ сказалъ, воздашь месть врагамъ и отплачу тѣмъ, которые меня возненавидятъ, такъ какъ Онъ и мститъ и будетъ мстить за кровь сыновей своихъ и воздастъ месть врагамъ и ненавидящимъ Его. Когда удалились Василько и его люди, то жители сняли тѣла и похоронили ихъ. Святополкъ далъ слово прогнать Давида и пошелъ къ Бресту къ Полякамъ. Давидъ, слыша это, отправился въ Польшу къ Владиславу искать у него помощи. Поляки обѣщались ему помогать и, взявъ у него 50 гривенъ золота, сказали ему: «пойди съ нами къ Бресту; насъ Святополкъ зоветъ на свиданіе; тамъ мы помиримъ тебя съ Святополкомъ». Давидъ послушалъ ихъ и поѣхалъ къ Бресту съ Владиславомъ. Святополкъ остановился въ городѣ, а Поляки на рѣкѣ Бугѣ. Святополкъ сталъ сноситься съ Поляками и далъ имъ большіе подарки, вооружая ихъ противъ Давида. Владиславъ сказалъ этому послѣднему: «Святополкъ меня не слушаетъ, иди прочь». Давидъ вернулся во Владиміръ, и Святополкъ съ общаго съ Поляками совѣта отправился въ Минскъ и послалъ за воинами. Потомъ выступилъ къ Дорогобужу, дождался тутъ войска и выступилъ на Давида ко Владиміру. Давидъ заперся въ городѣ; онъ надѣялся помощи отъ

Поляковъ, такъ какъ они ему сказали: «если на тебя придутъ Русскіе князья, то мы тебѣ будемъ помогать». Они его обманули и брали деньги и съ него и съ Святополка. Святополкъ осадилъ Владиміръ и стоялъ около него семь недѣль. Давидъ началъ просить: «выпусти меня изъ города». Святополкъ обѣщался; они цѣловали другъ ко другу крестъ; Святополкъ вышелъ изъ Владиміра и пришелъ въ Червенъ; Святополкъ вошелъ во Владиміръ въ Великую субботу, а Давидъ ушелъ въ Польшу. Святополкъ, прогнавъ Давида, началъ замышлять на Володаря и Василька. Онъ имъ объявилъ, что ихъ владѣнія—наслѣдственное его достояніе, потому что они принадлежали его отцу и брату, и выступилъ противъ нихъ. Услухавъ это, Володарь и Василько вышли навстрѣчу, взявъ крестъ, который онъ цѣловалъ имъ на томъ, что «пришелъ онъ на Давида, а съ ними хочетъ имѣть миръ и любовь». Святополкъ нарушилъ клятву, надѣясь на многочисленность своихъ войскъ. Встрѣтились на полѣ Рожни и устроили полки въ боевой порядокъ. Василько поднялъ къ верху крестъ съ словами: «его ты цѣловалъ; прежде лишилъ ты меня зрѣнія, а теперь домогаешься моей жизни; пусть же между нами будетъ судія этотъ крестъ». Полки выступили на бой и сошлись; много православныхъ видѣли крестъ, высоко возвышавшійся надъ войскомъ Василька. Послѣ упорнаго сраженія и большихъ потерь съ той и другой стороны Святополкъ, видя ожесточенный отпоръ противниковъ, бѣжалъ и искалъ убѣжища во Владиміръ. А Володарь и Василько, одержавъ побѣду, остановились тутъ, сказали: «съ насъ достаточно остановиться на межѣ нашей» и далѣе никуда не пошли. Святополкъ прибѣжалъ во Владиміръ съ двумя сыновьями своими, съ двумя сыновьями Ярополка брата его, съ Святошею, сыномъ Давида Святославича и съ остаткомъ своей дружины. Святополкъ оставилъ во Владиміръ сына своего Мстислава, котораго имѣлъ отъ наложницы. Ярославъ послалъ въ Венгрію — звать Венгровъ противъ Володаря, а самъ отправился въ Кіевъ.—Ярославъ, сынъ Святополковъ, пришелъ съ Венграми, а у тѣхъ былъ и король и два епископа. Стали они около Перемышля по Вагру, а Володарь заперся въ городѣ. Давидъ въ то время вернулся изъ Польши и оставивъ жену свою у Володаря, отправился самъ къ Половцамъ. Его встрѣтилъ Боняк; Давидъ вернулся и оба они пошли противъ Венгровъ. На дорогѣ остановились они ночевать и когда наступила полночь, то Боняк всталъ и отъѣхавъ отъ войска началъ выть по волчьему. Волкъ ему отвѣтилъ и вслѣдъ затѣмъ много

волковъ начало выть. Бонякъ пріѣхалъ и сказалъ Давиду: «завтра мы одержимъ побѣду надъ Венграми». На другой день утромъ Бонякъ устроилъ своихъ воиновъ въ боевой порядокъ: у Давида было 100 человѣкъ, да у него Боняка 300. Онъ раздѣлилъ на три отряда и пошелъ къ Венграмъ: впередъ пустилъ онъ Алтунапу съ 50 человѣками, Давида поставилъ подъ знаменемъ, а своихъ сто человѣкъ раздѣлилъ на двое и по пятидесяти человѣкъ поставилъ на каждой сторонѣ. Угры также вывели свои полки одинъ за другимъ и было у нихъ сто тысячъ человѣкъ. Алтунапа ударилъ на передовую линію Венгровъ и, пустивъ стрѣлы, бросился съ своими людьми бѣжать назадъ. Венгры пустились его преслѣдовать и когда они въ стремительномъ движеніи опередили Боняка, то Бонякъ бросился за ними и сталъ ихъ рубить стылу, да и Алтунапа вернулся назадъ,—Венграмъ былъ прегражденъ путь назадъ; поражаемые со всѣхъ сторонъ сбились они въ кучу, а Бонякъ раздѣлилъ своихъ людей на три полка и сбили Венгровъ въ кучу какъ соколъ сбиваетъ галокъ. Венгры бѣжали, много ихъ потонуло частью въ Вагрѣ, частью въ Сану; они бѣжали въ горы по надъ Сапомъ и сталкивали туда другъ друга. Ихъ преслѣдовали и избивали въ теченіи двухъ дней: тутъ умертвили епископа Куманіи и много знатныхъ лицъ; говорили, что всѣхъ Венгровъ погибло сорокъ тысячъ. —Ярославъ бѣжалъ въ Польшу и пришелъ къ Бресту, а Давидъ занялъ Сутѣску, Червенъ; онъ пришелъ вдругъ и захватилъ жителей Владиміра, ничего не ожидавшихъ; Мстиславъ заперся въ городѣ съ гарнизономъ, состоявшимъ изъ находившихся у него жителей Бреста, Пинска и Выгошева. Давидъ сталъ около города, окружилъ его и дѣлалъ частые приступы. Разъ подступили они къ городу прикрывшись палатками; изъ города бились и стрѣляли другъ въ друга, такъ что стрѣлы сыпались какъ частый дождь. Когда Мстиславъ прицѣливался стрѣлять, вдругъ онъ, находясь на верху стѣны, гдѣ зубцы, раненъ пониже груди стрѣлою проникшею въ щель, находившуюся въ деревянной обшивкѣ стѣны. Его свели внизъ и онъ умеръ въ ту же ночь. Три дни это скрывали, а въ четвертый объявили на вѣчѣ. Граждане говорили: «вотъ князь нашъ убитъ, а если мы сдадимся, то насъ всѣхъ ожидаетъ гибель отъ Святополка». Они послали Святополку сказать: «сынъ твой убитъ, а мы изъ силъ выбились вслѣдствіе голода. Если ты не придешь, то жители хотятъ сдаться: они не въ состояніи болѣе переносить голода».—Святополкъ послалъ своего воеводу Путяту. Тотъ пришелъ съ воинами въ

Луцкъ къ Святошѣ, сыну Давида (Святославича); тамъ у Святоши находились послы Давида, такъ какъ Святоша заключилъ съ нимъ клятвенный договоръ на томъ: «если Святополкъ пойдетъ на тебя, то я тебѣ скажу». И не сдѣлалъ этого Святоша, но задержалъ пословъ Давидовыхъ; а самъ пошелъ на Давида. Святоша и Путята пришли августа 3-го, а Давидовы воины осаждали городъ,—самъ же предавался полудневному сну.—На нихъ напали и начали ихъ убивать. Святоша и Путята и жители города сдѣлали вылазку и начали съ своей стороны истреблять воиновъ Давидовыхъ. Давидъ и Мстиславъ, его племянникъ, бѣжали. Святоша и Путята заняли городъ и посадили тамъ Василя намѣстникомъ отъ Святополка. Святоша вернулся въ Луцкъ, а Путята въ Кіевъ. Давидъ бѣжалъ къ Половцамъ; его встрѣтилъ Бонякъ и они оба, Давидъ и Бонякъ, пошли къ Луцку на Святошу, осадили его тамъ и заключили миръ. Святоша вышелъ изъ города и удалился къ отцу въ Черниговъ, а Давидъ занялъ Луцкъ и оттуда пошелъ къ Владиміру. Намѣстникъ Святополковъ Василь убѣжалъ, а Давидъ занялъ Владиміръ и остался въ немъ. На другой затѣмъ годъ Святополкъ, Владиміръ, Давидъ и Олегъ призвали Давида Игоревича и не дали ему Владиміра, а дали Дорогобужъ, въ которомъ онъ и померъ, а Святополкъ занялъ Владиміръ и отдалъ его своему сыну Ярославу.

1098 г.

Владиміръ, Давидъ и Олегъ пришли на Святополка, остановились у Городца и заключили миръ, какъ я уже разсказалъ подъ прошлымъ годомъ. Въ этомъ же году Владиміръ заложилъ каменную церковь Св. Богородицы въ Переяславѣ на княжескомъ дворѣ. Въ томъ же году Владиміръ Мономахъ заложилъ городъ на Острѣ.

1099 г

Святополкъ выступилъ къ городу Владиміра противъ Давида и прогналъ его въ Польшу. Въ этомъ же году разбиты Венгры подъ Перемышлемъ. Въ этомъ же году іюня 12-го убитъ во Владимірѣ Мстиславъ, сынъ Святополка.

1100 г.

Іюня 10-го Мстиславъ вышелъ отъ Давида на море. Въ томъ же году августа 10-го въ Увѣтичахъ братья Святополкъ, Владиміръ Давидъ и Олегъ заключили между собою миръ. Въ томъ же

году, августа 30-го, собрались на свиданіе князья: Святополкъ, Владиміръ, Давидъ и Олегъ. Къ нимъ пришелъ Давидъ и сказалъ имъ: «зачѣмъ вы меня звали? Кто на меня жалуется»? Владиміръ ему отвѣчалъ: «ты самъ присылалъ къ намъ сказать: братья, хочу придти къ вамъ и пожаловаться въ моей обидѣ». Вотъ теперь ты пришелъ и сидишь съ братьями на одномъ коврѣ, то почему же не жалуешься, кто тебя въ чемъ обидѣлъ»? Давидъ на это не отвѣчалъ ничего. Всѣ братья стояли на копяхъ: Святополкъ стоялъ съ своею дружиною, а Давидъ и Олегъ съ своею, каждый особо, а Давидъ Игоревичъ сидѣлъ отдѣльно. Князья не допускали его къ себѣ, но совѣщались о немъ. Обдумавъ, послали къ нему людей своихъ: Святополкъ Путяту, Владиміръ Орогоста и Ратибора, Давидъ и Олегъ — Торчина. Посланные подошли къ Давиду и ему сказали: «вотъ что братья-князья велѣли тебѣ объявить: не хотимъ мы дать тебѣ Владимірскаго княженія за то, что ты бросилъ середи насъ пожъ, чего еще не было въ землѣ Руской. Впрочемъ мы тебя не лишимъ свободы и зла тебѣ никакого не сдѣлаемъ, но вотъ что мы тебѣ даемъ: иди и живи въ Бужскѣ и Острогѣ, а Дубень и Черторижскъ дастъ тебѣ Святополкъ. Да еще даютъ тебѣ Владиміръ 200 гривенъ, Давидъ и Олегъ также 200 гривенъ». Затѣмъ князья отправили пословъ къ Володарю и Василько сказать: «Володарь, возьми къ себѣ брата своего Василька и пусть будетъ вамъ одно владѣніе Перемышль. Если ты хочешь, то живите вмѣстѣ, а если нѣтъ, то пусти Василька сюда, мы его будемъ здѣсь кормить, а холоповъ нашихъ и крестьянъ бѣглыхъ выдайте». Не послушали этого ни Володарь, ни Василько. Давидъ поселился въ Бужскѣ, а потомъ Святополкъ далъ Давиду Дорогобужъ, въ которомъ онъ и померъ, а городъ Владиміръ отдалъ сыну своему Ярославу.

1101 г.

Скончался Всеславъ, Полоцкій князь, въ середу 14-го апрѣля въ 9 часу дня. Въ то же время Ярославъ, сынъ Ярополка, началъ войну изъ Бреста. Святополкъ пошелъ на него, захватилъ его въ городѣ, взялъ, наложилъ на него оковы и привелъ въ Кіевъ. За него ходатайствовали митрополитъ и настоятели монастырей, упросили Святополка, взяли съ него клятву у раки Св. Бориса и Глѣба; тогда сняты были съ него оковы и онъ выпущенъ. Въ этомъ же году всѣ князья-братья: Святополкъ, Владиміръ, Давидъ, Олегъ и Ярославъ Давида и Олега братъ) собрались на Золотчи. Послы

прислали пословъ отъ своихъ всѣхъ князей къ князьямъ братьямъ, прося мира. И сказали имъ Русскіе князья: «если хотите мира, то приходите свидѣться къ Сакову». Послали за Половцами, свидѣлись у Сакова и заключили миръ съ Половцами сентября 15-го, взяли другъ у друга заложниковъ и разошлись въ разныя стороны.—Въ этомъ же году Владиміръ заложилъ въ Смоленскѣ церковь Св. Богородицы каменную, епископскую.

1102 г.

Ярославъ, сынъ Ярополка, бѣжалъ изъ Кіева октября 1-го. Въ концѣ того же мѣсяца Ярославъ Святополковичъ, зазвавъ обманомъ Ярослава Ярополковича, задержалъ его на Турѣ, привелъ къ отцу Святополку и тамъ его заключили въ оковы. — Въ этомъ же году, декабря 20-го, Мстиславъ, сынъ Владиміра, пришелъ съ Новгородцами. Святополкъ уговорился было съ Владиміромъ, чтобы Новгородъ былъ Святополковымъ и ему посадить туда сына, а Владиміру сына своего посадить во Владимірѣ. Мстиславъ пришелъ въ Кіевъ и сѣли они въ избѣ. Люди Владиміровы сказали Святополку: «вотъ прислалъ Владиміръ своего сына, а вотъ сидятъ Новгородцы: пусть возьмутъ твоего сына и идутъ въ Новгородъ, а Мстиславъ пусть отправится во Владиміръ». Тутъ Новгородцы сказали: «князь, мы присланы къ тебѣ объявить отъ нашихъ согражданъ: не хотимъ мы ни Святополка, ни его сына; коли Святополкъ твой сынъ о двухъ головахъ, то посылай его. Мстислава намъ далъ Всеволодъ и мы воспитали его себѣ княземъ, а ты насъ оставилъ». Святополкъ имѣлъ съ ними большой споръ, но они не соглашались и, взявъ Мстислава, пошли въ Новгородъ. Въ этомъ году февраля 3-го было явленіе на лунѣ: того же мѣсяца, 7-го февраля, солнце оградилось въ три дуги, а другія дуги сходились съ тѣми спинами. Видя такія явленія, православные вздыхая молились Богу со слезами, чтобы Господь Богъ обратилъ эти явленія на добро: а такія явленія бываютъ одни къ добру, а другія къ худу. Въ слѣдующемъ году Богъ внушилъ Русскимъ князьямъ добрую мысль: задумали они напасть на Половцевъ и пойдти въ ихъ землю, что и исполнилось, какъ мы скажемъ подъ слѣдующимъ годомъ. Въ этомъ же году, августа 11-го, скончался Ярославъ Ярополковичъ. Въ этомъ же году, ноября 11-го, дочь Святополка, Сбыслава, отведена въ Польшу замужъ за Болеслава. — Въ этомъ же году у Владиміра родился сынъ Андрей.

1103 г.

Богъ вложилъ въ сердце Рускимъ князьямъ Святополку и Владиміру добрую мысль. Они съѣхались для совѣщанія въ Долобскѣ: Святополкъ сѣлъ съ своею дружиною, а Владиміръ съ своею въ одномъ шатрѣ. Начали совѣщаться: люди Святополковы сказали: «не годится теперь весною идти въ походъ, загубимъ только крестьянъ и ихъ пахоту». Владиміръ сказалъ на это: «удивляюсь я, товарищи, что вамъ жаль лошадей, что на нихъ пашутъ крестьяне; а что-жь вы тѣмъ не озаботитесь, что крестьянинъ начнетъ пахать, а тутъ Половчинъ пріѣдетъ, его поразитъ стрѣлою, лошадь его возьметъ, да и въ село въѣхавъ захватитъ и жену и дѣтей и все имѣніе того крестьянина? Лошади вамъ жаль, а самого не жаль»? И не могъ на это никто изъ Святополковой дружины возразить. Святополкъ сказалъ: «ну и готовъ», и всталъ. Владиміръ ему сказалъ: «то ты, братъ, сдѣлаешь великое добро землѣ Руской». Святополкъ и Владиміръ послали къ Олегу и Давиду сказать: «пойдемъ на Половцевъ—или будемъ живыми, или умремъ». Давидъ послушалъ, а Олегъ не захотѣлъ и, найдя благовидный предлогъ, сказалъ: «я нездоровъ». Владиміръ, простившись съ братомъ, отправился въ Переяславль, а за нимъ пошли: Святополкъ, Давидъ Святославичъ, Давидъ Всеславичъ, Мстиславъ, внукъ Игоря, Вячеславъ Ярополковичъ и Ярополкъ Владиміровичъ, на коняхъ и въ лодкахъ. Спустившись ниже пороговъ, остановились у Хортицкаго острова. Выйдя изъ лодокъ, сѣли на коней, а другіе остались пѣшіе; они шли степью четыре дня и пришли на Сутѣнь. Половцы, слыша, что идутъ на нихъ Рускіе, собрались въ безчисленномъ множествѣ и начали совѣщаться. Урусоба сказалъ: «попросимъ мира у Рускихъ; они будутъ храбро сражаться, такъ какъ мы много сдѣлали зла ихъ землѣ». На это молодые люди сказали Урусобѣ: «если ты боишься Рускихъ, то мы ихъ не боимся, а избивъ тѣхъ (которые сюда пришли), пойдемъ въ ихъ землю и возьмемъ ихъ города и кто ихъ защититъ отъ насъ»? Рускіе князья и воины всѣ молили Бога, давали обѣты Ему и Его Матери—одни *кутьею*, другіе раздачею бѣднымъ милостыни, а нѣкоторые давая монастырямъ то, въ чемъ они имѣли нужду. Такъ-то они молились, а Половцы выступили и послали впередъ Алтупану, а онъ у нихъ славился мужествомъ. Князья Рускіе выслали также передовой отрядъ; Рускій передовой отрядъ подкараулилъ Алтупану и окружилъ его; Алтупана со всѣмъ своимъ отрядомъ истребленъ и не

уцѣлѣло ни одного человѣка. Какъ лѣсъ дремучій двинулись полки Половецкіе; обозрѣть ихъ глазами невозможно было. Русскіе пошли къ Половцамъ навстрѣчу. Великій Богъ вдохнулъ сильный страхъ въ Половцевъ; ужасъ и трепетъ овладѣли ими при видѣ Русскихъ воиновъ. Они сами находились какъ бы въ состояніи дремоты и кони ихъ въ движеніяхъ не имѣли обычной быстроты; а наши на коняхъ и пѣшіе весело шли имъ навстрѣчу; а Половцы, видя наступленіе на нихъ Русскихъ, не допустивъ ихъ даже до себя, бѣжали передъ Русскими полками, а наши погнались за Половцами, истребляя ихъ. Это великое спасеніе Богъ послалъ намъ 4 апрѣля и даровалъ намъ великую побѣду на враговъ нашихъ. Тутъ на полѣ сраженія убили 20 князей и въ числѣ ихъ Друсобу, Кочія, Арисанапу, Китанапу, Кумана, Асуна, Куртка, Чепегрепу, Сурбара и другихъ, а Белдюза взяли. Затѣмъ, побѣдивъ враговъ своихъ, сѣли братья-князья и привели Белдюза къ Святополку. Белдюзъ сталъ давать за себя золото, серебро, коней и скота много. Святополкъ послалъ его къ Владиміру, а тотъ, когда привели Белдюза, сталъ его спрашивать: «какъ тебѣ кажется, считали вы для себя обязательною клятву? Столько разъ давая ее, вы не переставали опустошать землю Русскую. Зачѣмъ же ты не училъ сыновей своихъ и соплеменниковъ не нарушать клятвеннаго обѣщанія, но проливалъ кровь христіанъ? Эта-то кровь пусть теперь падетъ на твою голову». Затѣмъ Владиміръ велѣлъ убить Белдюза и его разрубили на куски. Когда свидѣлись братья, то Владиміръ сказалъ: «въ этотъ день, сотворенный Господомъ, возрадуемся и возвеселимся. Господь избавилъ насъ отъ враговъ нашихъ, покорилъ ихъ и сокрушилъ головы зміевъ и далъ пищу людямъ Русскимъ». А они тогда взяли и скота и овецъ и коней и верблюдовъ и кибитки съ имуществомъ и рабами; они захватили и самыя кочевья Печенѣговъ и Торковъ и вернулись на Русь съ большою добычею и съ великими побѣдою и славою. Въ этомъ же году августа 1-го пришла саранча. Августа 18-го пошелъ Святополкъ и возобновилъ городъ Гюрчевъ, сожженный было Половцами. Въ этомъ же году марта 4-го Ярославъ сражался съ Мордвою и побѣжденъ.

1104 г.

Іюля 20-го дочь Володаря отведена въ Константинополь въ замужество за Алексѣева сына. Августа 21-го отведена Переяслава дочь Святополка въ Венгрію въ замужество за королева сына. Въ

этомъ же году 6-го декабря пришелъ на Русь митрополитъ Никифоръ, а того же мѣсяца 18-го числа возведенъ на митрополичій престолъ. 13-го декабря того же года скончался Ярославъ Ярополковичъ. Разскажемъ слѣдующее: въ концѣ этого года послали на Минскъ: Святополкъ—Путяту, Владиміръ—Ярополка, а Олегъ пошелъ самъ на Глѣба, взявъ Давида Всеславича. Они не имѣли никакого успѣха и возвратились назадъ. У Святополка родился сынъ, которому дали имя Брячиславъ. Въ этомъ году было явленіе: солнце стояло въ кругѣ, а посерединѣ круга крестъ, посерединѣ креста солнце; внѣ круга по обѣ стороны два солнца, а надъ солнцемъ внѣ круга дуга рогами на сѣверъ. Такое же точно явленіе было и на лунѣ февраля 4, 5 и 6-го, съ солнцемъ кряду три дни, а съ луною кряду три ночи.

1105 г.

Обрушился верхъ храма Св. Андрея. 27-го августа митрополитъ поставилъ епископомъ во Владиміръ Амфилофія, а въ томъ же году ноября 12-го въ Переяславль Лазаря, а декабря 13-го въ Полоцкъ Мину. Въ этомъ же году явилась на западѣ звѣзда съ хвостомъ и стояла мѣсяцъ. Въ томъ же году зимою пришелъ Боякъ на Зарубъ и побѣдилъ Торковъ и Берендѣевъ.

1106 г.

Половцы опустошили окрестности Зарѣчска. Святополкъ послалъ за ними Яна Вышатича, брата его Путяту и Иванка Захарьича Козарина. Они нагнали Половцевъ и отняли у нихъ награбленное. Въ этомъ же году скончался добродѣтельный старикъ Янъ; онъ прожилъ до глубокой старости—ему было 90 лѣтъ; исполняя законъ божественный, не уступалъ онъ заслугою древнимъ праведникамъ, и я отъ него слышалъ много разсказовъ и слышанное отъ него внесъ въ этотъ лѣтописецъ. Человѣкъ онъ былъ добрый, кроткій и смирный, чуждый всего дурнаго. Гробъ его находится въ Печерскомъ монастырѣ въ притворѣ, куда положено его тѣло 24 іюня. Въ этомъ же году декабря 6-го постриглась Евпраксія Всеволодова дочь. Въ этомъ же году пришелъ къ Святополку Избыгнявъ, бѣжавъ изъ отечества. Въ этомъ же году февраля 17-го постригся въ монашество Святославъ Давидовичъ, Святославовъ внукъ. Въ этомъ же году Зимгала побѣдила Всеславичей всѣхъ братьевъ; они потеряли 9 тысячъ воиновъ.

1107 г.

Въ этомъ году мая 7-го скончалась жена Владиміра. Въ этомъ же мѣсяцѣ Боняк ъ сдѣлалъ набѣгъ и захватилъ у Переяславля табуны коней. Въ этомъ же году пришли Боняк ъ, Шарукань старшій и множество другихъ князей: они стали около Лубна. Святополкъ, Владиміръ, Олегъ, Святославъ, Мстиславъ, Вячеславъ. Ярополкъ пошли на Половцевъ къ Лубну; въ шестомъ часу дня перешли въ бродъ Сулу и воины наши закричали на Половцевъ. Половцы пришли въ ужасъ: отъ страха не могли даже поставить знамени, но побѣжали хватая коней, а другіе побѣжали пѣшіе. Наши начали ихъ убивать, гонясь за ними, а другихъ брали руками, преслѣдуя ихъ до Хорала. Умертвили Таза, Боняков а брата. Сугра и его брата взяли, а Шарукань съ трудомъ убѣжалъ; обозъ же свой они всѣ утратили — его захватили Русскіе воины августа 12-го и возвратились домой съ великою побѣдою. Святополкъ пришелъ въ Печерскій монастырь на заутреню въ день Успенія Пресвятой Богородицы. Братья привѣтствовали его съ большою радостью, такъ какъ враги наши были побѣждены молитвами Пресвятой Богородицы и Святаго отца нашего Ѳеодосія. Святополкъ имѣлъ такой обычай: если собирался на войну или куда-либо въ другое мѣсто, то не прежде отправлялся въ путь, какъ поклонясь гробу Ѳеодосія и отслуживъ молебенъ черезъ настоятеля, какой тогда былъ. Въ этомъ году января 4-го скончалась княгиня, мать Святополка. Въ этомъ же году въ томъ же январѣ мѣсяцѣ князья Владиміръ, Давидъ и Олегъ пошли къ Асиѣ и другому Асиѣ и заключили миръ. Владиміръ взялъ въ замужество за сына своего Юрія дочь Аспы и Осеня внуку, а Олегъ взялъ за сына дочь Аспину, внуку Гиргени; случилось это января 12-го числа. Февраля 3-го ночью передъ зарею потряслась земля.

1108 г.

Князь Святополкъ 11-го іюля заложилъ церковь Святаго Михаила съ золотымъ верхомъ. Тогда же окончили трапезницу Печерскаго монастыря, при настоятелѣ Ѳеоктистѣ, заложившемъ ее по приказанію Глѣба, который и совершилъ ее на свой счетъ. Въ этомъ же году Богъ сдѣлалъ внушеніе Ѳеоктисту, настоятелю Печерскаго монастыря, и тотъ сталъ просить князя Святополка, чтобы вписать Ѳеодосія въ синодикъ. Святополкъ обрадовался, обѣщался и исполнилъ: онъ приказалъ Ѳеодосія вписать въ синодикъ

и по всѣмъ епископіямъ распорядился то же сдѣлать. Всѣ епископы вписали съ радостью и начали его поминать на всѣхъ соборахъ. Въ этомъ же году 11-го іюля скончалась Екатерина, дочь Всеволода. Въ этомъ же году окончѣнъ верхъ храма Святой Богородицы на Кловѣ, заложеннаго Стефаномъ, настоятелемъ Печерскаго монастыря.

1109 г.

11-го іюля скончалась Евпраксія, дочь Всеволода; ея тѣло положено въ Печерскомъ монастырѣ у дверей, которыя къ югу; надъ нею сдѣлали часовеньку и тутъ лежитъ ея тѣло. Въ этомъ же году декабря 2-го Дмитръ Иворовичъ захватилъ у Дона кибитки половецкія.

1110 г.

Весною пошли на Половцевъ Святополкъ, Владиміръ и Давидъ. Они дошли до Воиня и вернулись. Въ этомъ же году въ Печерскомъ монастырѣ было 11-го февраля явленіе: показался отъ земли до неба огненный столбъ, а молнія освѣтила всю землю, а въ первомъ часу ночи слышенъ былъ на небѣ громъ. Всѣ это видѣли. Столпъ этотъ остановился сначала на каменной трапезницѣ, такъ что креста не было видно. Постоявъ немного, перешелъ на церковь и сталъ надъ гробомъ Ѳеодосія, потомъ поднялся къ верху лицомъ какъ бы къ востоку, а затѣмъ сдѣлался невидимымъ. То былъ не столпъ огненный, но видъ ангельскій. Ангелы такъ и являются: или въ видѣ огненнаго столба или пламени, какъ и Давидъ сказалъ: «Ты творишь Твоимъ духомъ ангеловъ и Твои слуги огнемъ палящимъ». Они бываютъ посылаемы Божіимъ повелѣніемъ, куда захочетъ Владыка и Творецъ всѣхъ. Ангелы приходятъ гдѣ мѣста благочестія и дома молитвы и здѣсь показываютъ немного своего вида, насколько доступно людямъ ихъ лицезрѣніе. Людямъ невозможно видѣть естество ангельское; такъ и Моисей не могъ видѣть естества ангельскаго, хотя ангелъ водилъ Іудеевъ днемъ въ видѣ столба облачнаго, а ночью столба огненнаго. И это не столбъ водилъ Іудеевъ, но ангелъ шелъ передъ ними и днемъ и ночью. Такъ и тутъ ангелъ показывалъ нѣкоторое явленіе того, что должно было случиться—и случилось. На другой затѣмъ годъ не ангелъ ли былъ путеводителемъ на иноплеменниковъ и враговъ, какъ и въ Св. Писаніи сказано: «ангелъ пойдетъ передъ тобою», и еще: «ангелъ твой пусть будетъ съ тобою». Такъ и пророкъ Давидъ сказалъ: «такъ Онъ повелѣлъ относительно Тебя ангеломъ

сохранить Тебя». Такъ и мудрый Епифаній пишетъ: «ко всему сотворенному приставленъ ангелъ: къ облакамъ и мглamъ, къ снѣгу, граду и морозамъ, къ небеснымъ звукамъ и громамъ, къ холоду и зною, къ осени, веснѣ и лѣту, ко всякому духу творенія Его на землѣ, и къ тайнымъ бездны, и есть скрытые подъ землею и преисподней тьмѣ и находящіеся въ безднахъ, а прежде были сверхъ земли и отъ того тьма и вечеръ, и ночь, и свѣтъ, и день— ко всему сотворенному приставлены ангелы. Такъ ангелъ приставленъ къ каждой землѣ—хранить ее, хотя бы тамъ жили и язычники. Если падетъ Божій гнѣвъ на которую-либо землю, и Богъ повелѣваетъ ангелу идти войною на ту, то ангелъ, къ той землѣ приставленный, не можетъ противиться Божіему повелѣнію». Такъ и на насъ Богъ наводилъ за грѣхи наши нечестивыхъ иноплеменниковъ и побѣждали насъ по повелѣнію Божію. А если кто скажетъ, что у народовъ не-христіанскихъ нѣтъ ангеловъ, то пусть услышитъ, что когда Александръ Македонскій пошелъ войною на Дарія, побѣдилъ его и завладѣлъ всею землею отъ Востока до Запада, поразилъ землю Египетскую, и поразилъ Арама и пришелъ къ островамъ моремъ,—тутъ онъ повернулъ лицо свое и хотѣлъ идти къ Іерусалиму—побѣдить Евреевъ за то, что они находились въ мирѣ съ Даріемъ. Онъ двинулся со всѣмъ войскомъ и остановился ночевать лагеремъ. Когда наступила ночь и Александръ лежалъ на своей постели посреди шатра, вдругъ, открывъ глаза, увидалъ онъ, что надъ нимъ стоитъ человѣкъ и обнаженный мечъ въ рукѣ его, а видъ меча его какъ молнія и онъ замахнулся мечемъ на голову царя. Царь пришелъ въ сильный ужасъ и сказалъ: «не бей меня». На это ему ангелъ сказалъ: «Богъ меня послалъ смирять передъ тобою великихъ царей и многочисленные народы и я хожу впереди тебя помогая тебѣ; а теперь знай, что ты умрешь за то, что ты задумалъ идти на Іерусалимъ сдѣлать зло священникамъ Божіимъ и людямъ его». Царь сказалъ: «умоляю тебя, Господь, прости на этотъ разъ грѣхъ твоего раба и если тебѣ такъ угодно, то я вернусь домой». Ангелъ сказалъ: «не бойся, иди твоимъ путемъ къ Іерусалиму и увидишь тамъ въ Іерусалимѣ человѣка въ моемъ видѣ на меня похожаго, то поскорѣе упади лицомъ въ землю и поклонись тому человѣку, и все, что онъ тебѣ скажетъ, постарайся исполнить, а если въ чемъ-либо нарушишь его слово, то умрешь». Царь всталъ и пошелъ на Іерусалимъ и придя спросилъ священниковъ, идти ли мнѣ на Дарія? Ему показали книгу пророка Даніила и сказали ему: «ты козелъ, а онъ

барапъ—и ты его одолѣешь и возьмешь его царство». Такимъ образомъ не ангелъ ли велъ Александра? Не одерживалъ ли побѣды язычникъ, такъ какъ всѣ Греки служатъ идоламъ. Такъ и эти язычники (Половцы) пущены на насъ за грѣхи наши. Да будетъ же извѣстно и то, что у христіанъ не одинъ ангелъ, но у каждаго, кто только принялъ святое крещеніе, есть свой, въ особенности же у ревностныхъ къ вѣрѣ князей нашихъ. Божьему повелѣнію же ангелы противиться не могутъ, но молятъ Бога за людей христіанъ. Такъ и случилось: вслѣдствіе молитвъ Св. Богородицы и Св. ангелъ, умилосердился Богъ и послалъ ангеловъ на помощь князьямъ Русскимъ на язычниковъ. Такъ Богъ сказалъ Моисею: «вотъ ангелъ мой пойдетъ впереди тебя»,—какъ-то я приводилъ выше. Вышеописанное явленіе случилось февраля 11-го, въ концѣ этого 18-го года.

Сильверстъ, настоятель монастыря Святаго Михаила, написалъ эту книгу лѣтописецъ, надѣясь отъ Бога получить милость при князѣ Владимірѣ, когда тотъ княжилъ въ Кіевѣ, а я въ то время былъ настоятелемъ монастыря Святаго Михаила, въ 6624 г. отъ сотворенія міра (отъ Рождества Христова 1110-мъ). Кто будетъ читать эту книгу, того прошу поминать меня въ молитвахъ.

1111 г.

Богъ внушилъ мысль Владиміру, и началъ онъ говорить своему брату Святополку, понуждая его къ веснѣ идти на нечестивыхъ иноплеменниковъ. Святополкъ передалъ своей дружинѣ слово Владиміра, а тѣ отвѣтили: «не время теперь отвлекать крестьянъ отъ пахоты». Святополкъ послалъ Владиміру сказать: «какъ бы намъ увидаться и посовѣтоваться съ дружиною». Посланные Святополка пришли къ Владиміру и передали ему слова своего князя. Владиміръ пришелъ; князья встрѣтились на Долобыкѣ и сѣли въ одномъ шатрѣ: Святополкъ съ своею дружиною, а Владиміръ съ своею. Сначала молчали, а потомъ Владиміръ сказалъ: «братъ, ты старше, начни говорить, какъ бы намъ позаботиться о землѣ Русской». — Святополкъ возразилъ: «нѣтъ, ты, братъ, начинай». — Владиміръ сказалъ: «а какъ я буду говорить, а на меня поднимутся и твоя дружина и моя, говоря: хочетъ онъ погубить крестьянъ и пашню ихъ. Но мнѣ удивительно, братъ, что вы жалѣете поселянъ и ихъ лошадей, а того не думаете, что на весну тотъ поселянинъ начнетъ пахать тою лошадью и Половецъ, пріѣхавъ, поразитъ его стрѣлою, возьметъ лошадь, жену и дѣтей поселянина и гумно его

зажжетъ, то отъ чего это вамъ не приходитъ на мысль»? Дружина на это отвѣтила: «дѣйствительно это такъ и есть», и Святополкъ промолвилъ Владиміру: «вотъ я, братъ, готовъ съ тобою». Святополкъ и Владиміръ послали къ Давиду Святославичу, веля и ему идти съ ними. Владиміръ и Святополкъ встали, простились другъ съ другомъ и выступили на Половцевъ. Святополкъ съ сыномъ своимъ Изяславомъ, Владиміръ съ сыновьями и Давидъ съ сыномъ, возложили упованіе на Бога, Пречистую Его Мать и святыхъ его ангеловъ—во второе воскресеніе Великаго поста. Въ пятницу они были на Сулѣ; въ субботу выступили и были на Хоролѣ; тутъ побросали сани и, выступивъ въ воскресеніе крестопоклонной недѣли, пришли на Пилъ и двинувшись оттуда стали на рѣкѣ Голтѣ. Тутъ они подождали воиновъ и отсюда дошли до Ворскла. На другой день въ середу прикладывались ко кресту и возложили всю свою надежду на крестъ, проливая обильныя слезы, и за тѣмъ перешли много рѣкъ въ шестое воскресеніе поста и пришли къ Дону во вторникъ. Облеклись въ брони и, устроясь въ боевой порядокъ, пошли къ городу Шарукапю. Владиміръ велѣлъ священникамъ ѣхать впереди полковъ, пѣть тропари и кондаки честнаго креста и канонъ Святой Богородицы. Къ городу подступили вечеромъ и жители вышли изъ города, поклонились Русскимъ князьямъ и принесли рыбы и вина. Наши тутъ и переночевали. На другой день, въ середу пошли къ Сугрову и прійдя къ нему зажгли его; въчетвергъ пошли съ Дона, а въ пятницу, марта 24, съ утра собрались Половцы, устроили свои полки и двинулись на сраженіе. Наши князья возложили надежду на Бога сказали: «придется намъ здѣсь погибнуть,—станемъ же храбро». Простясь другъ съ другомъ, возвели глаза на небо и призывали Бога Вышняго. Когда сошлись и произошло упорное сраженіе, то Всевышній Богъ поглядѣлъ со гнѣвомъ на иноплеменниковъ; падали они передъ христіанами, и такъ побѣждены были иноплеменники и пало множество нашихъ враговъ и противниковъ передъ Русскими князьями и воинами на потокъ Дегѣя и помогъ Богъ Русскимъ князьямъ. Они воздали хвалу Богу въ тотъ день и на другой день, когда наступила суббота, праздновали Лазарево воскресеніе и день Благовѣщенія и, похваливъ Бога, провели субботу, а въ воскресеніе выступили. Когда наступилъ понедѣльникъ Страстной недѣли, снова иноплеменники собрались въ безчисленномъ множествѣ полковъ и выступили какъ мрачный лѣсъ и десятками тысячъ обступили полки Русскіе. Господь Богъ послалъ ангела на помощь Русскимъ

князьямъ. Двинулись полки Половецкіе и полки Рускіе, сошлись и сразились съ трескомъ грома. Между ними было упорное сраженіе и падали съ той и другой стороны. Владиміръ выдвинулъ свои полки, за нимъ Давидъ и, видя это, Половцы обратили тылъ. Половцы падали передъ Владиміровыми полками, невидимо поражаемые ангеломъ, и многіе видѣли какъ головы невидимо сраженныя падали на землю. Половцевъ поразили Рускіе марта 27 въ понедѣльникъ Страстной недѣли: множество иноплеменниковъ истреблено было тутъ на рѣкѣ Сальницѣ, и Богъ послалъ спасеніе своимъ людямъ. Святополкъ, Владиміръ и Давидъ прославивши Бога, давшаго имъ такую побѣду на нечестивыхъ иноплеменниковъ, взяли множество добычи и скота, и коней и овецъ и много плѣнныхъ захватили въ руки. Они спросили плѣнныхъ: «отчего вы при такой силѣ и многочисленности не могли намъ противиться, но тотчасъ же обратились въ бѣгство»? Тѣ отвѣчали: «какъ же намъ было бороться съ вами, когда надъ вами ѣздили воины въ свѣтломъ и страшномъ вооруженіи и помогали вамъ»? А то были ангелы, посланные отъ Бога помогать христіанамъ, и ангелъ внушилъ Владиміру Мономаху мысль—поднять своихъ братьевъ Рускихъ князей на иноплеменниковъ. И оттого-то, какъ мы уже говорили, было видѣніе въ Печерскомъ монастырѣ, огненный столбъ стоялъ на трапезницѣ, оттуда перешелъ на церковь и за тѣмъ къ Городцу. А въ это время Владиміръ находился тамъ въ Радосыни, и тогда-то ангелъ вложилъ эту мысль Владиміру и онъ началъ понуждать князей на войну, какъ мы уже сказали..... Такимъ образомъ съ Божіею помощью, молитвами Святой Богородицы и Святыхъ ангеловъ, Рускіе князья возвратились въ свою землю съ великою славою; не только у себя дома, но и въ другихъ странахъ отдаленныхъ и слухъ о томъ прошелъ къ Грекамъ, Венграмъ, Полякамъ и Чехамъ и до самаго Рима.—Въ томъ же году октября 7 скончалась вдова князя Всеволода и положена въ монастырѣ Св. Андрея. Въ томъ же году ноября 23 скончался Іоаннъ, епископъ Черниговскій.

1112 годъ.

Ярославъ, сынъ Святополка, ходилъ на Ятвяговъ и побѣдилъ ихъ. Возвратившись съ похода, послалъ въ Новгородъ и взялъ себѣ женою дочь князя Мстислава, внуку Владиміра Мономаха. Послалъ онъ за нею мая 12, а привели ее іюня 29. — Въ этомъ же году дочь Владиміра Мономаха Евфимія была отведена въ Венгрію въ замужество за короля.—Въ этомъ же году мая 25 скончался Да-

видъ Игоревичъ и тѣло его положено 29 числа въ церкви Св. Богородицы Влахернѣ на Кловѣ. — Въ этомъ же году ноября 3 скончалась Янка, дочь Всеволода и сестра Владиміра; тѣло ея положили въ церквѣ Св. Андрея, которую построилъ ея отецъ; тутъ она, въ этой церквѣ и постриглась въ монахини будучи дѣвицею.—Въ концѣ этого года епископомъ въ Черниговъ былъ поставленъ 12 января Ѳеоктистъ, настоятель Печерскаго монастыря, а 19 числа посаженъ на престолъ. Рады были князь Давидъ и княгиня—такъ какъ онъ былъ ея отецъ духовный. Радовались и знатные люди и весь народъ, такъ какъ передъ тѣмъ епископъ былъ боленъ и не могъ служить, а лежалъ больнымъ 25 лѣтъ а потому и князь и граждане съ нетерпѣніемъ ожидали епископской службы и радовались славя Бога. — Когда это такъ случилось и монахи, братья Печерскаго монастыря, были безъ настоятеля, то они всѣ собрались и назначили себѣ настоятелемъ Прохора Попина (священникова сына?). Объ этомъ избраніи дали знать митрополиту и князю Святополку и князь съ радостью повелѣлъ митрополиту поставить настоятелемъ Печерскаго монастыря Прохора и онъ поставленъ имъ 9 февраля въ четвергъ масляной недѣли. Такимъ образомъ для монаховъ постъ начался и съ настоятелемъ.

1113 г.

Марта въ 19 день, а луннаго теченія въ 9 было явленіе въ солнцѣ въ первомъ часу дня и осталось его немного въ видѣ мѣсяца, къ низу рогами. Эти явленія бываютъ не къ добру: случаются они въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ не по всей землѣ, но въ какой странѣ случается явленіе, то та страна и видитъ, а другая земля не видитъ. Такъ и въ старину, во времена Антіоха, были явленія въ Іерусалимѣ: видѣли на воздухѣ вооруженныхъ скакавшихъ на коняхъ и махавшихъ оружіемъ. И это бывало только въ Іерусалимѣ, а по другимъ землямъ этого не было. И на этотъ разъ явленіе въ солнцѣ предвѣщало смерть Святополка. Наступилъ праздникъ Пасхи, отпраздновали его, а послѣ праздника заболѣлъ князь Михаилъ, прозываемый Святополкомъ, и скончался апрѣля 16-го за Вышегородомъ. Его привезли въ лодкѣ въ Кіевъ и, приготовивъ тѣло его, положили его на катафалкѣ; горькія слезы по немъ проливали бояре и дружина и, отпѣвъ тѣло по установленному обряду, положили его въ храмѣ Св. Михаила, имъ самимъ построенномъ. Жена его раздѣлила значительное богатство монастырямъ, священникамъ и бѣднымъ, на удивленіе всѣмъ, потому что

столь богатой милостыни никто никогда еще не раздавалъ. На другой день 17-го апрѣля Кіевляне собрались на совѣщаніе и послали Владиміру сказать: «пойди, князь, на престолъ твоихъ отца и дѣда». Слыша это, Владиміръ сильно плакалъ и не шелъ, жалѣя брата. Кіевляне разграбили дворъ тысяцкаго Путяты, пошли на кварталъ Жидовъ и разграбили его. Тогда вторично послали Кіевляне къ Владиміру сказать ему: «пойди князь въ Кіевъ; если же ты не пойдешь, то знай, что много зла сдѣлается, и уже не ограничась грабежемъ тысяцкаго, сотскихъ и Жидовъ, граждане пойдутъ на твою золовку, бояръ и монастыри—и на твоей, князь, душѣ ляжетъ грѣхъ, что монастыри разграбятъ». Слыша это Владиміръ пошелъ въ Кіевъ.

Начало княженія Владиміра, сына Всеволодова. Владиміръ Мономахъ вошелъ въ Кіевъ въ воскресенье; встрѣтили его съ великимъ почетомъ митрополитъ Никифоръ съ епископами и со всѣми Кіевлянами, и Владиміръ сѣлъ на престолъ отца своего и дѣдовъ своихъ. Всѣ граждане были ради и мятежъ утихъ. Половцы, узнавъ, что Святополкъ умеръ, собрались и пришли къ Выру. Владиміръ созвалъ своихъ сыновей и племянниковъ пошелъ къ Выру и соединился съ Олегомъ. Половцы бѣжали. Въ томъ же году Владиміръ посадилъ сыновей своихъ: Святослава—въ Переяславлѣ, а Вячеслава—въ Смоленскѣ. Въ этомъ же году скончалась 14-го сентября настоятельница Лазарева монастыря, святой жизни: монахинею была она шестьдесятъ лѣтъ, а всего жила отъ роду 92 года. Въ этомъ же году Владиміръ 11-го сентября взялъ въ замужество за своего сына Романа дочь Володаря. Въ этомъ же году Мстиславъ заложилъ каменную церковь Св. Николая на княжескомъ дворѣ, у торговища, въ Новгородѣ. Въ этомъ же году Владиміръ посадилъ своего сына Ярополка въ Переяславлѣ. Въ этомъ же году поставили епископовъ: въ Юрьевъ Даніилу, а въ Бѣлгородъ Никиту.

1114 г.

16 го марта умеръ Святославъ, сынъ Владиміра; тѣло его положено въ Переяславлѣ, въ церквѣ Св. Михаила, такъ какъ отецъ вывелъ его изъ Смоленска и далъ ему Переяславль. Въ этомъ же году Мстиславъ заложилъ Новгородъ въ размѣрахъ большихъ прежняго: въ этомъ же году, при князѣ Мстиславѣ, заложена каменная стѣна въ городѣ Ладогѣ посадникомъ Павло́мъ. Когда я пріѣхалъ въ Ладогу, то жители ея мнѣ разсказывали, что у нихъ иногда находитъ большая туча и послѣ нея дѣти наши находятъ стекляш-

ные глазки, и маленькіе и большіе. проверченые, а то такіе же находятъ подлѣ Волхова—ихъ выбрасываетъ вода, и такихъ я взялъ больше ста; они разнообразны видомъ. Когда я дивился этому, то мнѣ сказали: «это неудивительно, а вотъ старики наши ходили за жилища Югры и Самоѣдовъ и сами видѣли въ странахъ сѣверныхъ, что спустилась туча и изъ той тучи упала маленькая бѣлка, такая, какъ только что родившаяся, выросла и пошла разгуливать по землѣ. Находитъ и другая туча и изъ нея падаютъ маленькіе олени, вырастаютъ и расходятся по землѣ. Въ этомъ году—сослаться на свидѣтельство Павла Ладожскаго и всѣхъ Ладожанъ, а если кто этому не вѣритъ, то пусть почитаетъ хронографъ: въ царство Проба былъ дождь и большія тучи; падала пшеница, смѣшанная съ значительнымъ количествомъ воды, такъ что, собравъ эту пшеницу, насыпали большіе закрома. А при Авреліангѣ былъ дождь изъ серебряныхъ крошекъ, а въ Африкѣ упали три большихъ камня.— Случилось послѣ потопа и раздѣленія языковъ началъ царствовать сначала Местромъ, родомъ отъ Хамова, а послѣ него Еремія, за нимъ Феостъ, котораго Египтяне называли Сварогомъ. Во время царствованія въ Египтѣ этого Феоста, упали съ неба клещи, и начали ковать оружіе, а прежде сражались палками и камнями. Тотъ же Феостъ установилъ законъ — женамъ знать одного мужа и умѣть воздерживаться, а тѣхъ, которыя измѣняли мужьямъ, казнить; за это-то его и прозвали богъ Сварогъ. Прежде женщины совокуплялись съ кѣмъ хотѣли и жили въ этомъ отношеніи какъ животныя. Если родилось дитя, то она отдавала тому, котораго больше любила, говоря: это твое дитя, а тотъ дѣлалъ праздникъ и принималъ дитя къ себѣ. Такой законъ уничтожилъ Феостъ и установилъ, чтобы мущина имѣлъ одну жену и жена знала бы одного мужа; а если кто нарушалъ этотъ уставъ, того бросали въ раскаленную печь. За то-то прозвали его Сварогомъ и благословляли Египтяне. Послѣ него царствовалъ сынъ его именемъ Солнце— его же называютъ Дажьбогъ, семь тысячъ четыреста семьдесятъ дней, такъ что это по теченію луны составляло двадцать лѣтъ. Египтяне умѣли считать, и одни вели счетъ по лунѣ, а другіе.... днями лѣтъ вели счетъ. А число двѣнадцати мѣсяцевъ узнали впослѣдствіи, когда люди начали платить дань царямъ. Царь Солнце, сынъ Свароговъ,—онъ же и есть Дажьбогъ,—былъ человѣкъ сильный. Слыша отъ кого-то, что одна богатая и значительная Египтянка находится въ любовной связи съ однимъ человѣкомъ, Сварогъ старался застать ее на дѣлѣ, не желая, чтобы нарушаемъ былъ законъ

отца его Сварога. А потому, взявъ съ собою нѣсколько людей своихъ и разузнавъ время, когда она отдается любовнику, ночью захватилъ ее, не засталъ у ней мужа, а ее нашелъ лежащею съ другимъ, котораго она любила. Онъ ее взялъ, мучилъ и пустилъ водить по всей странѣ въ упрекъ ей, а любовнику ея отрубилъ голову, и сталъ чистый и цѣломудренный образъ жизни по всей странѣ Египетской и всѣ стали хватить Сварога. Мы не станемъ отъ себя ничего больше прибавлять, но скажемъ съ Давидомъ: все, что ни захотѣлъ Господь, то сотворилъ и на морѣ и на землѣ и во всѣхъ безднахъ, возводя облака отъ края земли. А то и есть край земли, о которомъ мы говорили вначалѣ.

1115 годъ.

Собрались русскіе князья: Владиміръ, по прозванію Мономахъ, сынъ Всеволода, Давидъ Святославичъ и Олегъ, его братъ, задумали перенесть мощи Бориса и Глѣба. Они воздвигли каменную церковь въ похвалу и честь ихъ тѣламъ и съ тѣмъ, чтобы положить ихъ тутъ. Прежде всего освятили каменную церковь; случилось это въ маѣ въ субботу; на другой день утромъ перенесли мощи. Множество народа собралось со всѣхъ сторонъ. Тутъ были: митрополитъ Никифоръ со всѣми епископами, а именно: съ Ѳеоктистомъ Черниговскимъ, Лазаремъ Переяславскимъ, Никитою Бѣлогородскимъ, Даніломъ Юрьевскимъ, и съ настоятелями монастырей. Прохоромъ—Печерскаго, Селиверстомъ—Святаго Михаила, Саввою—Спаса, Григоріемъ—Св. Андрея, Петромъ—Кловьскаго и прочими настоятелями. Они освятили каменную церковь и, отслуживъ обѣдню, обѣдали у Олега и пили. Большой пиръ былъ тамъ и въ теченіе трехъ дней кормили странниковъ и бѣдныхъ. Когда наступило утро, то митрополитъ, епископы и настоятели монастырей облеклись въ святительскія ризы и съ зажженными свѣчами и съ кадилами, гдѣ курился ѳиміамъ, пришли къ ракѣ святыхъ. Они взяли раку Бориса, поставили на повозку, и князья и бояре потащили ее веревками, а впереди шли монахи со свѣчами, за ними священники, потомъ настоятели, далѣе епископы впереди раки, а князья шли за ракою между заборомъ. И не было возможности везти вслѣдствіе множества народа, поломавшаго заборъ; многіе взобрались на стѣны и крыши, такъ что даже страшно было смотрѣть на такое множество народа. Владиміръ приказалъ рѣзать дорогія матеріи и мѣха и бросать народу, а также бросать ему деньги, потому что люди сильно напирали: безъ труда могли бы

внести въ церковь, а то едва осилили и, успѣвъ поставить раку посерединѣ церкви, пошли за Глѣбомъ. Привезя такимъ образомъ и его поставили рядомъ съ братомъ. Произошелъ споръ между Владиміромъ, Давидомъ и Олегомъ. Владиміръ хотѣлъ поставить мощи посреди церкви и надъ ними устроить серебряный шатеръ, а Давидъ и Олегъ хотѣли поставить ихъ въ притворъ, гдѣ, какъ они говорили, назначилъ ихъ отецъ, на правой сторонѣ, гдѣ для этого собственно былъ устроенъ притворъ. Митрополитъ и епископы сказали: «бросьте жеребій и куда будетъ изволеніе Св. мучениковъ, туда ихъ и поставимъ». Предложеніе это было одобрено. Владиміръ положилъ жеребій, а Давидъ и Олегъ свой на святой трапезѣ; вынулся жеребій Давидовъ и Олеговъ и поставили ихъ въ притворъ на лѣвой сторонѣ, гдѣ и понынѣ лежатъ. Перенесены были Святые мученики 2-го мая изъ деревянной церкви въ каменную въ Вышегородѣ. Вы—похвала князей нашихъ и заступники земли Русской, вы попрали славу сего свѣта, а Христа возлюбили, сонзволили шествовать по стопамъ его, добрыя овцы стада Христова; будучи введены на заколеніе, вы не противились и не хотѣли уйдти отъ мучительной смерти, а за то съ Христомъ воцарились въ вѣчную радость и даръ приняли исцѣленія отъ Спасителя нашего Іисуса Христа, который щедро расточается находящимся въ болѣзняхъ, съ вѣрою приходящимъ въ святый храмъ вашъ; вы—поборники отечества вашего. Князья, бояре и всѣ граждане праздновали три дни, похвалили Бога и Святыхъ мучениковъ и такъ разошлись по своимъ домамъ. Владиміръ оковалъ раки золотомъ и серебромъ и украсилъ гробы Св. мучениковъ, также и притворъ оковалъ золотомъ и серебромъ и теперь поклоняются люди Св. мученикамъ, прося прощенія въ грѣхахъ.

Въ этомъ же году было явленіе: исчезло солнце и сдѣлалось какъ мѣсяцъ, о чемъ невѣжды говорятъ, будто солнце на это время бываетъ съѣдаемо.

Въ этомъ же году августа 1-го умеръ Олегъ Святославичъ, а 2-го погребенъ въ храмѣ Св. Спаса у гроба его отца Святослава.

Въ этомъ же году Владиміръ устроилъ мостъ черезъ Днѣпръ.

1116 годъ.

Владиміръ ходилъ на Глѣба; Глѣбъ сдѣлалъ нападеніе на Дреговичей, сжегъ Случескъ и не раскаявался и не покорялся, но еще болѣе говорилъ противъ Владиміра и укорялъ его. А Владиміръ, надѣясь на Бога и на правду, пошолъ къ Смоленску съ своими сы-

новьями, Давидомъ Святославичемъ и сыновьями умершаго Олега Святославича. Вячеславъ взялъ Оршу и Копысь, а Давидъ съ Ярополкомъ взяли приступомъ Дрьютескъ. Владиміръ самъ пошелъ къ Минску. Глѣбъ заперся въ этомъ городѣ. Владиміръ началъ у своего лагеря строить подступъ къ городу. Глѣбъ пришелъ въ ужасъ и началъ просить Владиміра отправляя отъ себя пословъ. Владиміръ сталъ жалѣть о томъ, что проливается кровь во дни постные Великаго поста и далъ Глѣбу миръ, а Глѣбъ, выйдя изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился Владиміру. Начали они вести рѣчи о мирѣ, и Глѣбъ обѣщался во всемъ слушать Владиміра. Владиміръ, помирившись съ Глѣбомъ и сдѣлавъ ему наставленіе. отдалъ ему Минскъ, а самъ вернулся въ Кіевъ.—Ярополкъ построилъ городъ Желди Дрьючанамъ, которыхъ онъ забралъ въ плѣнъ.

Въ этомъ же году Мстиславъ Владиміровичъ ходилъ съ Новгородцами и Псковичами на Чудь, взялъ городъ, называемый Медвѣжья Голова. и множество деревень и возвратился съ большою добычею.

Въ этомъ же году Леонъ царевичь, зять Владиміра, ходилъ на царя Алексѣя; ему покорились было нѣсколько городовъ дунайскихъ, но въ городѣ Дельстрѣ 15 августа убили его обманомъ два Сирацина, посланные царемъ.—Въ этомъ же году великій князь Владиміръ послалъ Ивана Войтишича и посажалъ по Дунаю своихъ намѣстниковъ.—Въ этомъ же году Владиміръ послалъ своего сына Ярополка, а Давидъ своего сына Всеволода на Донъ, и взяли они три города: Сугровъ, Шарукапъ и Балинъ. Тогда же Ярополкъ привелъ себѣ женою красавицу дочь ясьскаго князя, взявъ ее въ плѣнъ.—Въ этомъ же году скончалась монахинею Предслава, Святославова дочь. —Въ томъ же году Вячеславъ ходилъ на Дунай съ Ѳомою Ратиборичемъ и, придя къ Днѣстру, воротились безо всякаго успѣха. Въ этомъ же году Половцы бились съ Торками и Печенѣгами у Дона, сѣча продолжалась два дня и двѣ ночи. Торки и Печенѣги пришли въ Русь къ Владиміру.—Въ этомъ же году умеръ Романъ Всеславовичъ. Въ этомъ же году умеръ Мстиславъ, Игоревъ внукъ. Въ этомъ же году Владиміръ отдалъ дочь свою Агаѳью за Всеволодка.

1117 годъ.

Владиміръ привелъ Мстислава изъ Новгорода и далъ ему Бѣлгородъ, а въ Новѣ-Городѣ сталъ княжить сынъ Мстислава, а Владиміра внукъ.—Въ этомъ же году Владиміръ пошелъ на Ярослава

(Святополкова сына) къ Владиміру. Съ Владиміромъ были князья: Давидъ Ольговичъ, Володарь и Василько. Они окружили Ярослава во Владимірѣ, стояли шестьдесятъ дней, и Владиміръ заключилъ миръ съ Ярославомъ; Ярославъ покорился и изъявилъ покорность своему дядѣ Владиміру. Владиміръ сдѣлалъ ему наставленіе во всемъ, велѣлъ ему приходить къ нему Владиміру, «когда тебя позову», и такъ помирясь всѣ возвратились по домамъ. Въ то время Половцы пришли къ Болгарамъ. Князь болгарскій выслалъ имъ питье съ отравою и, выпивъ Аспа и прочіе князья всѣ померли.— Въ этомъ году сентября 6 го скончался Лазарь, епископъ Переяславскій. — Въ этомъ году пришли Бѣловѣжцы на Русь — Владиміръ взялъ за Андрея Тугорткановну внуку; двадцать шестаго сентября было землетрясеніе. Владиміръ вывелъ Грѣба изъ Минска и заложилъ на Альтѣ церковь Св. мучениковъ Бориса и Глѣба. — Владиміръ послалъ во Владиміръ княжить сына своего Романа.— Въ этомъ году умеръ царь Алексѣй и царство досталось сыну его Ивану.

1118 годъ.

Ярославъ Святополковичъ бѣжалъ изъ Владиміра въ Венгрію и его бояре его оставили. — Въ этомъ же году скончался Романъ Володиміровичъ января 6-го и Владиміръ послалъ во Владиміръ княжить другаго сына своего Андрея.

1119 годъ.

Владиміръ взялъ Минскъ у Глѣба Всеславича, а самого привелъ въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался сентября 13-го.

1120 г.

Георгій Владиміровичъ ходилъ на Болгаровъ по Волгѣ, захватилъ много добычи, побѣдилъ полки болгарскіе и, окончивъ походъ, вернулся съ честію и славою. — Тогда же Владиміръ послалъ Андрея съ Половцами на Поляковъ и они имъ надѣлали вреда. — Въ этомъ же году скончался Ростиславъ, сынъ Давидовъ.

1121 г.

Владиміръ прогналъ Берендѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги сами бѣжали. Въ этомъ же году приходилъ Ярославъ съ Поляками къ Червину при посадникѣ Ѳомѣ Ратиборовичѣ, и воротились

назадъ безо всякаго успѣха. — Въ этомъ же году скончался въ Кіевѣ митрополитъ Никифоръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и было въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ явленіе и въ солнцѣ и въ лунѣ. Января 17-го умерла жена Мстислава. Въ этомъ же году заложена церковь Св. Ивана въ Копыревомъ концѣ (части города).

1122 годъ.

Дочь Мстислава отвели въ Грецію въ замужество за царя. Митрополитъ Никита пришелъ изъ Греціи. Умерли епископы: Даніилъ—Юрьевскій и Анфилофій—Владимірскій. Было небольшое землетрясеніе. Володаря, брата Василькова, Поляки захватили обманомъ. Въ этомъ году привели изъ Новгорода Мстиславу вторую жену, внуку Дмитра Завидовича.

1123 г.

Въ Черниговѣ умеръ Давидъ Святославичъ и его мѣсто занялъ Ярославъ, братъ его. Въ этомъ же году умерли епископы: Селивестръ Переяславскій и Ѳеоктистъ Черниговскій; во Владимірѣ поставили епископомъ Симеона. Въ этомъ же году пришелъ Ярославъ Святополковичъ съ Венграми, Поляками, Чехами, Володаремъ и Васильком ъ къ Владиміру. У него было множество воиновъ и осадили они городъ Володимеръ. Тогда въ немъ находился Андрей, а Владиміръ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ не подоспѣли еще изъ Кіева. Былъ день воскресный. Ярославъ подъѣхалъ рано въ воскресеніе близко къ городу только втроемъ; онъ ѣздилъ около города, грозя князю Андрею и гражданамъ. Онъ возгордился, надѣясь на множество воиновъ, и такъ говорилъ Андрею и гражданамъ: «то — мой городъ; ежели не отворите воротъ и не выйдете съ поклономъ, то, увидите, завтра приступлю къ городу и возьму его». — Андрей и всѣ его люди имѣли великую надежду на Бога, и въ особенности надѣялся онъ на молитву своего отца. Еще Ярославъ ѣздилъ подъ городомъ, вышли два Поляка и спрятались у дороги, и когда Ярославъ поѣхалъ по ней отъ города и поровнялся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ его подкарауливали Поляки, то они бросились на него, пронзили его копьемъ. Едва умчали князя чуть живаго и ночью онъ умеръ. Такъ одинъ Ярославъ погибъ изъ такого множества воиновъ за свою великую гордость, за то, что онъ надѣялся не на Бога, но на множество воиновъ. Венгры, Поляки, Володарь и Василько разошлись всѣ по своимъ домамъ, а къ Владиміру отправили пословъ съ просьбами и дарами. Владиміръ про-

славилъ Бога за такое Его чудо и явную отъ Него помощь. Вникни, что значитъ гордость и сколько можетъ смиреніе, какъ и Св. Писаніе говоритъ: «каждый, кто возносится сердцемъ, нечистъ передъ Богомъ». Вотъ, товарищи и братья, поймите, по комъ Богъ: по гордомъ ли, или смиренномъ. Владиміръ находился еще въ Кіевѣ, собиралъ множество воиновъ и молился Богу о насиліи и гордости Ярослава; Мстислава онъ пустилъ впередъ къ Владиміру съ небольшимъ числомъ воиновъ, а самъ хотѣлъ идти за нимъ со всѣмъ войскомъ. Обнаружилась великая Божія помощь благочестивому князю Владиміру и его дѣтямъ за его честную жизнь и за его смиреніе; а тотъ (Ярославъ Святополковичъ) былъ молодъ и обнаружилъ гордость противъ дяди своего Владиміра и противъ тестя своего Мстислава. Посмотрите же, братья, сколь благъ и милостивъ Богъ; Онъ не оставляетъ безъ призрѣнія смиренныхъ и праведныхъ и мститъ за нихъ; гордымъ Господь Богъ противится всею своею силою, а смиреннымъ даетъ благодать.

1124 г.

Было небольшое землетрясеніе, и 10-го мая обрушилась большая церковь Святаго Михаила въ Переяславлѣ; ее построилъ и украсилъ божественный Ефремъ. Въ этомъ же году отвели Польку Мирому въ замужество за Всеволода Давидовича. Скончалась жена Ярослава Святополковича. Въ этомъ же году была засуха. Тогда же сгорѣлъ весь Подолъ наканунѣ праздника Рождества Іоанна Предтечи и Крестителя. На другой день утромъ пожаръ охватилъ гору и всѣ монастыри сколько ихъ есть въ городѣ на горѣ и кварталъ Жидовъ. Въ этомъ же году 11-го августа было явленіе въ солнцѣ: къ вечеру оно сдѣлалось почти какъ только-что родившійся мѣсяцъ и чуть совсѣмъ не смерклось. Въ этомъ же году умеръ Василько Ростиславичъ, а вслѣдъ за нимъ и старшій братъ его Володарь.

1125 г.

Февраля 28-го скончалась вдова Святополка.

1126 г.

Умеръ усердный къ вѣрѣ князь, христолюбивый и великій князь всей Руси Владиміръ Мономахъ. Онъ просвѣтилъ землю Рускую, какъ солнце испуская лучи. Слухъ о немъ пошелъ по всѣмъ странамъ; болѣе же всего былъ онъ страшенъ нечестивымъ иноплеменникамъ; любилъ монаховъ и нищихъ и былъ добрымъ под-

вижникомъ за Рускую землю. Онъ скончался 19-го мая и тѣло его, убравъ какъ слѣдуетъ, положили въ храмѣ Св. Софіи у отца его Всеволода, и отпѣли его по обычаю. Лица духовныя жалѣли святаго и добраго князя и оплакивали его; весь народъ и всѣ граждане плакали по немъ, какъ дѣти по отцу или по матери; такъ плакали о немъ всѣ граждане и его собственные сыновья: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, Андрей и внуки его. Затѣмъ разошлись люди съ большимъ сожалѣніемъ, и сыновья его удалились, съ великимъ плачемъ, каждый въ свои владѣнія, какія онъ каждому изъ нихъ назначилъ.

Начало княженія Мстиславова въ Кіевѣ. Мстиславъ, старшій сынъ Владиміра, занялъ кіевскій престолъ, мѣсто своего отца, мая 20-го. Враги Руси, Половцы, услыхавъ о смерти Владиміра, пододвинулись къ Боручу; они говорили: «захватимъ ихъ Торковъ». Было о томъ извѣстіе Ярополку, и онъ приказалъ людей и Торковъ гнать въ Боручь и прочіе города. Видя неудачу своего нечаяннаго нападенія и узнавъ, что Ярополкъ находится въ Переяславлѣ, Половцы вернулись воевать по Сулѣ. Князь Ярополкъ, собравшись съ силами, пошелъ вслѣдъ за ними съ Божіею помощью, не дожидаясь пособія отъ братьевъ, какъ того, такъ и другаго, но съ одними Переяславцами бросился въ погоню за Половцами. Тѣ, видя, что Рускихъ мало, повернули назадъ и, устроившись къ бою, пошли навстрѣчу. Тутъ Ярополкъ призвалъ имя Божіе и своего отца, смѣло бросился впередъ съ своею дружиною, и когда сразились полки, то нечестивые иноплеменники потерпѣли пораженіе отъ силы честнаго креста и Св. Михаила. Часть Половцевъ истреблена, а остальные потонули въ рѣкѣ. Такъ Ярополку помогъ Богъ и молитва его отца; всѣ граждане прославили Бога за такую милость и помощь. — Въ этомъ же году ноября 15-го скончался настоятель Печерскаго монастыря Св. Богородицы.

1127 г.

Скончался митрополитъ Никита.—Въ этомъ же году іюля 11-го умерла вдова князя Владиміра. — Августа 2-го было землетрясеніе.

1128 г.

Всеволодъ Ольговичъ внезапнымъ нападеніемъ захватилъ въ Черниговѣ дядю своего Ярослава, людей его избилъ и ограбилъ. Мстиславъ и Ярополкъ съ войскомъ хотѣли идти на Всеволода

за Ярослава. Всеволодъ послалъ за Половцами, а Ярослава отправилъ въ Муромъ. Семь тысячъ Половцевъ пришли съ Селукомъ, стали за Выремъ у Ратьмяровой Дубравы и отправили пословъ ко Всеволоду. Намѣстники Ярополка по Локнѣ перехватали ихъ и привели къ Ярополку, а Половцы, не получая никакого извѣстія отъ Всеволода Ольговича, бѣжали домой. А Мстиславъ все больше и больше приставалъ ко Всеволоду; ему говорили: «вотъ ты привелъ было Половцевъ, а они ничего не сдѣлали».—Всеволодъ началъ просить Мстислава, старался подарками и внушеніями подѣйствовать на его бояръ, упрашивая ихъ, и въ томъ провелъ лѣто до зимы. Ярославъ пріѣхалъ изъ Мурома къ Мстиславу, кланялся ему и говорилъ: «ты мнѣ далъ клятву цѣлованіемъ креста идти на Всеволода». А Всеволодъ все больше и больше упрашивалъ Мстислава. Въ то время былъ настоятелемъ монастыря Св. Андрея—Григорій. Его очень любилъ покойный Владиміръ, почиталъ Мстиславъ и всѣ граждане. Онъ-то не допускалъ Мстислава начать войну за Ярослава и говорилъ: «меньше тебѣ будетъ грѣха, нарушивъ клятвенное обѣщаніе, не начинать войны, чѣмъ въ силу его пролить кровь христіанскую». Собрали на совѣтъ священниковъ, а митрополита въ то время не было. Всѣ сказали Мстиславу: «на насъ пусть будетъ тотъ грѣхъ». — Мстиславъ исполнилъ ихъ волю, нарушилъ клятву данную Ярославу и со слезами жалѣлъ о томъ во всю остальную жизнь. Ярославъ пошелъ назадъ въ Муромъ.

Въ этомъ же году князь Мстиславъ послалъ братьевъ своихъ съ большимъ войскомъ на Кривичей четырьмя дорогами: Вячеслава изъ Турова, Андрея изъ Владиміра, Всеволода изъ Городца, Вячеслава Ярославича изъ Клечьска; имъ онъ велѣлъ идти къ Изяславлю, а Всеволоду Ольговичу и его братьямъ на Стрѣжевъ къ Борисову. Ивана Войтишича послалъ съ Торками, а сына своего Ярослава съ смоленскою дружиною къ Дрьютеску, сказавъ имъ, чтобы они въ одинъ день, 11-го августа, ударили дружно на непріятеля. — Изяславъ днемъ опередилъ братьевъ, отрѣзалъ жителей отъ города, и тѣ испугавшись сдались, а жители Изяславля начали отбиваться отъ Вячеслава и Андрея. А Изяславъ, промедливъ два дня у Логожьска, пошелъ къ Изяславлю къ дядѣ своему. Дорогою напала на него робость,—не попалъ ни туда, ни сюда, а отдался своему шурину и привелъ Логожанъ, которыхъ вывелъ было изъ Логожьска. Жители Изяславля, видя, что ихъ князь и Логожане передались безъ всякаго для себя вреда, сда-

лись и сами, сказавъ Вячеславу: «призови намъ Бога въ свидѣтели, что ты не дашь насъ разграбить». Наступилъ вечеръ. Воротиславъ Андреевичъ, тысяцкій, и Иванко Вячеславичъ ввели людей своихъ въ городъ и ночью и на развѣтѣ разграбили городъ; съ трудомъ защитили отъ разграбленія имущество дочери Мстислава, и то силою, съ бою. Такимъ образомъ вернулись съ большою добычею. Потомъ и Новгородцы пришли съ Всеволодомъ Мстиславичемъ къ Нѣклочу. Тогда жители Полоцка съ общаго совѣта выгнали Давида и съ сыновьями, а Рогволода взяли и повели къ Мстиславу, прося его себѣ княземъ. Мстиславъ исполнилъ ихъ желаніе, и жители Полоцка, взявъ Рогволода, повели его въ Полоцкъ. Въ этомъ же году, декабря 13-го, скончался Изяславъ Святополковичъ, а похороненъ 24-го числа.

1129 г.

Умеръ князь полоцкій Борисъ. — Въ этомъ году былъ страшный разливъ водъ, потопило много людей и хлѣба и домовъ снесло. Въ этомъ же году Мстиславъ, сынъ Владиміровъ, заложилъ въ Кіевѣ каменную церковь Св. Ѳеодора.

1130 г.

Георгій, ростовскій тысяцкій, оковалъ гробъ Ѳеодосія, бывшаго настоятеля Печерскаго монастыря, при настоятелѣ Тимоѳеѣ.—Въ этомъ же году, іюля 15-го, умеръ Михайло Вячеславичъ, внукъ Владиміра. — Мстиславъ полоцкихъ князей и съ женами и дѣтьми сослалъ въ Грецію за то, что они нарушили клятву, данную цѣлованіемъ креста.—Въ Муромѣ скончался Ярославъ Святославовичъ.

1131 годъ.

Мстиславъ послалъ своихъ сыновей, Всеволода, Изяслава и Ростислава на Чудь. Они заняли Чудскую землю и наложили на нее дань.—Въ этомъ же году пришелъ митрополитъ Михаилъ, а 24-го іюля въ третьемъ часу дня было землетрясеніе.—Въ этомъ же году освящена церковь Св. Андрея въ Янычиномъ монастырѣ.

1132 годъ.

Мстиславъ съ своими сыновьями, съ Ольговичами и Всеволодомъ Городенскимъ ходилъ на Литву. Землю Литовскую опустошили огнемъ, а жители попрятались. Много Кіевлянъ побили Литовцы, такъ какъ они пошли не съ княземъ, но позади и от-

дѣльно отъ другихъ.—Въ этомъ году заложена каменная церковь Св. Богородицы, называемая Пирогоща. У Мстислава родился сынъ и его назвали Владиміромъ.

1133 годъ.

Начало княженія Ярополкова въ Кіевѣ. Умеръ благочестивый князь Мстиславъ, сынъ Владиміровъ. Онъ оставилъ княженіе своему брату Ярополку и ему же ввѣрилъ дѣтей своихъ. Умеръ Мстиславъ 15-го апрѣля въ пятницу *празной (?)* недѣли, а тѣло его положено въ храмѣ Св. Ѳеодора, имъ самимъ построеномъ. Ярополкъ вошелъ въ Кіевъ въ воскресеніе 17-го апрѣля. Въ этомъ же году Ярополкъ привелъ Всеволода Мстиславича изъ Новгорода и далъ ему Переяславль. Съ утра занялъ было его Всеволодъ, а еще до обѣда выгналъ его дядя Георгій и оставался въ немъ 8 дней. Ярополкъ вывелъ его изъ Переяславля и взялъ съ него клятвенное обѣщаніе, а послалъ въ Полоцкъ за другимъ сыномъ Мстислава Изяславомъ и съ него взялъ клятвенное обѣщаніе.

1134 г.

14-го мая умеръ Изяславъ Глѣбовичъ. — Въ этомъ году принесена доска оконечная (крайняя) съ гроба Господня Діонисіемъ, а посылалъ его Мирославъ.—Въ этомъ году умеръ епископъ переяславскій Марко. — Въ эту же зиму Вячеславъ отказался отъ Переяславля и пошелъ въ Туровъ, не послушавъ своего брата Ярополка.

1135 г.

Георгій выпросилъ у своего брата Ярополка Переяславль, а Ярополку далъ Суздаль, Ростовъ и прочія свои владѣнія, только не всѣ, и за то начали войну Ольговичи.— Ярославъ съ своими братьями, Юрій и Андрей пошли на Всеволода Ольговича и заняли села около Чернигова. Всеволодъ не вышелъ противъ нихъ сражаться, такъ какъ Половцы не пришли еще къ нему. Ярополкъ постоялъ нѣсколько дней у Чернигова, вернулся въ Кіевъ и распустилъ воиновъ, а со Всеволодомъ не сдѣлалъ никакого соглашенія и не заключилъ съ нимъ мира.—Половцы пришли ко Всеволоду и онъ съ своими братьями, а также съ Изяславомъ и Святославомъ Мстиславичами, выступили, опустошая села и города Переяславской области и людей убивали. Они пришли до Кіева и зажгли Городецъ въ день Св. Андрея. Они ѣздили по той

сторонѣ Днѣпра, захватывали людей, а другихъ убивали, но переправиться на другой берегъ не успѣли: нельзя было,—пошелъ ледъ: но захватили людей и скота безчисленное множество. И Ярополку нельзя было переправиться съ своимъ войскомъ вслѣдствіе мелкаго льда, шедшаго по рѣкѣ, а Всеволодъ съ князьями, простоявъ три дня за Городцомъ въ бору, пошли къ Чернигову и, пересылаясь оттуда между собою, заключили миръ.—Снова Ольговичи, сыновья Олега, стали просить у Ярополка: «чѣмъ нашъ отецъ владѣлъ при вашемъ отцѣ, тѣмъ владѣть и мы желаемъ; а если не дашь, то не жалѣй послѣ, если что-нибудь сдѣлается; виноваты будете вы и на васъ падетъ пролитая кровь». А все это случилось вслѣдствіе того, что Георгій выгналъ Всеволода Мстиславича изъ Переяславля, потомъ Изяслава выгналъ Вячеславъ, а Изяслава выгналъ тотъ же Вячеславъ изъ Турова; тогда сыновья Мстислава перешли къ Ольговичамъ, и вслѣдствіе этого обнаружились между ними великая злоба и ожесточеніе и Ольговичи выступили впередъ съ словами: «вы первые стали искать нашей гибели». Въ ту же зиму Ярополкъ собралъ кіевскую дружину, Георгій—переяславскую, и стояли 30 дней у Кіева. Ярополкъ помирился со Всеволодомъ; съ общаго согласія дали они Переяславь Андрею, брату Ярополка, а Владиміръ — Изяславу Мстиславичу.

1136 г.

Ярополкъ привелъ брата своего Андрея изъ Владиміра и далъ ему Переяславль, а Владиміръ отдалъ своему племяннику Изяславу. Въ этомъ же году Всеволодъ со всѣми братьями пришелъ къ Переяславлю, и стояли подъ городамъ три дни; бились у епископскихъ воротъ и у княжескихъ. Услыхавъ, что идетъ Ярополкъ, удалились къ верховьямъ Супая и, тутъ устроившись, дожидались враговъ.—Ярополкъ съ братьями и дружиною, не подождавъ остальнаго войска и не приготовившись какъ слѣдуетъ, устремились на бой, полагая, что не устоятъ Ольговичи противъ нашей силы. Когда сошлись оба войска, произошло упорное сраженіе: Олеговы Половцы не замедлили обратиться въ бѣгство и за ними погналась лучшая дружина сыновей Владиміра, а князья сражались съ Ольговичами. Тутъ убитъ Василько Леоповичъ царевичь; бой былъ жестокій и много падало и съ той и съ другой стороны. Братья Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій и Андрей, видя смятеніе своихъ полковъ, удалились по домамъ. А тысяцкій и ихъ болре, погнавшіеся прежде

за Половцами, избили ихъ и вернулись назадъ на мѣсто сраженія. Тутъ они уже не нашли своихъ князей и попали въ руки Ольговичей. Поднявъ знамя Ярополка, ихъ захватили и такимъ образомъ взяли много бояръ: Давида Яруповича тысяцкаго, Станислава Добраго Тудковича и другихъ знатныхъ людей. Внукъ Владиміровъ Василько Маричичъ тутъ убитъ. Много бояръ кіевскихъ попало въ плѣнъ, а Ярополкъ съ братьями пришелъ въ Кіевъ. Случилось это августа 8-го. Андрей вернулся въ Переяславль, а Всеволодъ, перейдя Десну, остановился съ войскомъ насупротивъ Вышегорода. Ярополкъ началъ собирать противъ него воиновъ. Всеволодъ стоялъ 7 дней и удалился въ Черниговъ. Онъ пересылался послами съ Ярополкомъ, но не могли они уладиться. Ольговичи съ Половцами перешли снова Дунай декабря 29-го и начали опустошать отъ Треполя около Красна и Васильева до Бѣлагорода, а въ другую сторону до Кіева и по Желани и до Вышегорода и до Деревъ и черезъ Лыбедь стрѣлялись.—Ярополкъ собралъ противъ Всеволода множество воиновъ изъ разныхъ земель; но, обдумавъ хорошенько, не вышелъ навстрѣчу Всеволода и не дѣлалъ кровопролитія. Убоясь суда Божія, онъ самъ смирился, сдѣлался какъ бы младшимъ изо всѣхъ князей, принялъ на себя поношеніе и укоризну отъ своихъ братьевъ и ото всѣхъ, по словамъ Св. Писанія: «любите враговъ вашихъ». 12-го генваря князья заключили миръ между собою и между собою цѣловали крестъ. Между ними ходилъ съ крестомъ почтенный митрополитъ Михайло. Ярополкъ отдалъ Ольговичамъ владѣніе своего отца, чего тѣ и добивались. Такимъ образомъ благоразумный князь Ярополкъ положилъ конецъ этой жестокой войнѣ.—Въ этомъ же году церковь Пирогоща была приведена къ концу.

1137 г.

Скопецъ Мануйло поставленъ въ Смоленскъ епископомъ; онъ хорошо пѣлъ, и пришелъ къ благочестивому князю Мстиславу самъ-третей. До него (Мануйла) не было епископа въ Смоленскѣ.—Въ этомъ же году іюня 9-го были явленія въ солнцѣ.—Новгородцы бились съ Суждальцами на Ждановой горѣ, и побѣдили Суждальцы Новгородцевъ. Въ это же время Георгій Владиміровичъ отправился въ Ростовъ, а Всеволодъ Мстиславичъ дочь свою Верхуславу отдалъ въ Польшу.

1138 г.

Новгородцы выгнали изъ Нова-Города князя своего Всеволода

Мстиславича, а привели къ себѣ Святослава Ольговича. Всеволодъ Мстиславичъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку, своему дядѣ, и тотъ далъ ему Вышегородъ.—Въ томъ же году пришли жители Пскова и взяли себѣ княземъ Всеволода, а отъ Нова-Города отложились. Въ этомъ же году, 11-го февраля, въ четвергъ на Масляной недѣлѣ, скончался Всеволодъ и положенъ въ храмѣ Св. Троицы, имъ самимъ построенномъ во Псковѣ.

1139 г.

4-го апрѣля, въ понедѣльникъ праздничной (Св. Пасхи?) недѣли, умерла Афимья Владиміровна.

Въ этомъ же году Новгородцы выгнали Святослава Ольговича; его приняли къ себѣ жители Смоленска, а Новгородцы посадили у себя княземъ Ростислава Юрьевича.

Въ этомъ же году Всеволодъ Ольговичъ привелъ Половцевъ къ Прилуку и захватилъ иные города и между прочимъ все, что по Сулѣ. А Ярополкъ, обославшись съ своими братьями и племянниками, собралъ Суждальцевъ, Ростовцевъ, Полочанъ, Смольянъ, Берендичей и Туровцевъ, и король венгерскій прислалъ на помощь тридцать тысячъ. Собравъ такое многочисленное войско, Ярополкъ пошелъ къ Чернигову. Всеволодъ, узнавъ, что у Ярополка много воиновъ, оробѣлъ и жители Чернигова стали ему говорить: «ты надѣешься бѣжать къ Половцамъ, а владѣнія свои потеряешь, то къ чему назадъ воротишься? Лучше оставь свое высокомѣріе и проси мира. Намъ извѣстно милосердіе Ярополка, что онъ не радуется кровопролитіемъ, но для Бога пожелаетъ мира, такъ какъ онъ дорожитъ сохраненіемъ земли Русской». Всеволодъ, слыша это, одумался и началъ посылать къ Ярополку съ просьбою и просить у него мира. А Ярополкъ былъ человѣкъ добрый, милостивый правомъ, имѣлъ въ душѣ страхъ Божій, точно такъ же какъ имѣлъ таковый и отецъ его. Разсудительно во все дѣло вникнувъ, не захотѣлъ онъ кровопролитія и заключилъ миръ. Въ это время находились у Моривѣйска, и уладившись, цѣловали честной крестъ и разошлись всѣ по домамъ.

Въ этомъ же году, февраля 18-го, скончался князь Ярополкъ и тѣло его положено въ Яньчиномъ монастырѣ Св. Андрея. Братъ Ярополка, Вячеславъ, вошелъ въ Кіевъ февраля 24-го въ середу Масляной недѣли. — Всеволодъ Ольговичъ, узнавъ, что Ярополкъ умеръ, а Вячеславъ находится въ Кіевѣ, собравъ немного войска, съ братомъ своимъ Святославомъ и племянникомъ Владиміромъ

Давидовичемъ пришли къ Вышегороду и остановились тутъ, войдя въ городъ.

1140 г.

Всеволодъ Ольговичъ, марта 4-го выступилъ изъ Вышегорода въ Кіевъ, устроивъ войска въ боевой порядокъ, и подойдя къ Кіеву, сталъ у города въ Копыревомъ концѣ и началъ зажигать дворы, находившіеся передъ городомъ въ Копыревомъ участкѣ. Вячеславъ не вышелъ навстрѣчу, не желая кровопролитія, но обнаружилъ смиреніе и послалъ ко Всеволоду митрополита сказать: «иди назадъ къ Вышегороду; сегодня я поѣду въ свой участокъ, а Кіевъ—твой».—Всеволодъ такъ и поступилъ; онъ удалился къ Вышегороду, а Вячеславъ въ тотъ же день отправился въ принадлежавшій ему городъ Туровъ. Всеволодъ вошелъ въ Кіевъ марта 5-го съ большою честью и славою. Къ нему пришелъ Игорь, а Игорю Всеволодъ обѣщалъ давно отдать послѣ себя Черниговъ. Но Всеволодъ далъ Черниговъ не ему, а Владиміру Давидовичу. Перессоривъ братьевъ, онъ затѣмъ отпустилъ ихъ.

Въ это время изъ Константинополя вышли два князя, сосланные туда Мстиславомъ, кіевскимъ великимъ княземъ, за то, что они были ему не покорны и не слушались его, когда онъ звалъ ихъ на помощь Руской землѣ, но скорѣе желали всего лучшаго паршивому Боняку. За это разгнѣвался на нихъ Мстиславъ и хотѣлъ на нихъ идти, но нельзя было, потому что тогда Половцы налегли на Русь и онъ съ трудомъ былъ въ состояніи только съ ними справиться. Великій Мстиславъ наслѣдовалъ отъ отца своего великаго Владиміра Мономаха любовь къ подвигамъ за землю Рускую. Владиміръ самъ много сражался на Дону и много пота утеръ за Рускую землю, а Мстиславъ послалъ людей своихъ и загналъ Половцевъ за Донъ, Волгу и Уралъ, и такимъ образомъ Богъ избавилъ Рускую землю отъ нечестивыхъ иноплеменниковъ. Мстиславъ, управившись съ войною, вспомнилъ о кривичскихъ князьяхъ и послалъ за Давидомъ, Ростиславомъ, Святославомъ и двумя сыновьями Рогволода. Онъ ихъ велѣлъ посадить на три корабля и отправить въ Константинополь за ихъ непослушаніе, а по ихъ городамъ посажалъ собственныхъ намѣстниковъ.—А мы возвратимся къ послѣдовательному изложенію событій.

Начало княженія Всеволода въ Кіевѣ. Всеволодъ, водворясь въ Кіевѣ, сталъ посылать къ сыновьямъ Владиміра и Мстислава, желая съ ними мира. Онъ звалъ изъ Владиміра князя Изя-

слава Мстиславича. Но тотъ не хотѣлъ и пересылаться съ дядьями и братьями, намѣреваясь идти войною къ Кіеву на Всеволода. Тотъ не сталъ ждать ихъ, но самъ съ братомъ своимъ Святославомъ пошелъ къ Переяславлю на Андрея Владиміровича, а Изяслава Давидовича съ Половцами, Ивана Васильковича и Володимерка Володаревича послалъ на Вячеслава Владиміровича и Изяслава Мстиславича. Надѣясь на свою силу, Всеволодъ хотѣлъ самъ владѣть всею Русскою землею и хотѣлъ отнять у Ростислава Смоленскъ, а у Изяслава—Владиміръ.—Онъ послалъ воиновъ на Изяслава ко Владиміру и говорилъ ему: «ступай изъ Владиміра»; но воины Всеволодовы, дойдя до Горыни, чего-то испугались и вернулись. Всеволодъ пришелъ къ Переяславлю, желая выгнать Андрея, а Переяславль отдать своему брату. Всеволодъ говорилъ Андрею: «изволь идти въ Курскъ». Андрей, послѣ совѣщанія съ своею дружиною, сказалъ: «лучше мнѣ и съ дружиною умереть въ городѣ моего отца и дѣда, чѣмъ идти княжить въ Курскъ. Отецъ мой не жилъ въ Курскѣ, но въ Переяславлѣ, и я въ отцовскомъ владѣніи хочу получить смерть. А если тебѣ, братъ, когда ты владѣешь всею Русскою землею, еще недостаточно владѣній, а домогаешься ты и Переяславля, то убей меня и возьми городъ, а живой я не пойду изъ моихъ владѣній. Впрочемъ, событіе это не будетъ удивительнымъ въ нашемъ родѣ. Было это и прежде: Святополкъ изъ-за владѣній не убилъ развѣ Бориса и Глѣба, а самъ развѣ долго жилъ послѣ того? И здѣсь лишился жизни преждевременно—и тамъ подвергся вѣчному мученію».—Всеволодъ остановился у Днѣпра и послалъ своего брата Святослава съ полками къ Переяславлю. Андреева дружина встрѣтила ихъ и сразилась съ ними, и помогъ Богу Андрею на Святослава; его дружина преслѣдовала бѣгущихъ воиновъ Святослава до Корани, а далѣе Андрей свою дружину не пустилъ. На другой день Всеволодъ заключилъ миръ съ Андреемъ, и Андрей уже цѣловалъ крестъ, а Всеволодъ еще нѣтъ, и въ ту ночь загорѣлся Переяславль. Всеволодъ исполнился страха Божія и не послалъ никого къ городу. На другой день Всеволодъ сталъ говорить Андрею: «видишь, я къ тебѣ еще креста не цѣловалъ, а то мнѣ Богъ послалъ, что у васъ по вашей же винѣ сдѣлался пожаръ. Еслибы я хотѣлъ тебѣ зла, то что бы захотѣлъ, то бы и сдѣлалъ. Теперь ты цѣловалъ крестъ ко мнѣ: если исполнишь, то хорошо, а не исполнишь, то Богъ свидѣтель всего». Всеволодъ цѣловалъ крестъ къ Андрею и, помирясь съ нимъ, пошелъ въ Кіевъ. Иванъ Васильковичъ

и Владимірко Володаревичъ, галицкій князь, призвали къ себѣ Изяслава Мстиславича, но не уладились съ нимъ и возвратились: а Изяславъ съ сыновьями пошелъ опустошать владѣнія Вячеслава и потомъ вернулся назадъ; а Поляки, помогая Всеволоду, опустошили область Владимірскую. Вячеславъ Владиміровичъ и Изяславъ Мстиславичъ отправили пословъ ко Всеволоду для договора о мирѣ: тотъ сначала не хотѣлъ поступить по ихъ желанію, а послѣ, обдумавъ, что ему безъ нихъ нельзя быть, исполнилъ ихъ просьбу и цѣловалъ къ нимъ крестъ.

Въ этомъ же году родился сынъ у Всеволода и назвали его Ярославомъ.—Въ этомъ же году Новгородцы выгнали Ростислава Юрьевича, выпросили у Всеволода его брата Святослава и посадили его княжить въ Новгородѣ. Немного времени спустя Новгородцы начали собираться на сходки противъ Святослава за его будто бы обиды.—Святославъ, видя, что противъ него возстаютъ, Новгородцы, послалъ къ брату своему Всеволоду сказать: «тяжело управляться съ этими людьми; не хочу я оставаться у нихъ, но кого хочешь, того и пошли къ нимъ». Всеволодъ послалъ къ Новгородцамъ Ивана Войтишича, прося у нихъ лучшихъ людей, и взявъ ихъ, Иванъ Войтишичъ привелъ ко Всеволоду. Тотъ хотѣлъ было послать сына своего Святослава, но услыхалъ, что Новгородцы возмутились на сходкѣ и за насиліе, сдѣланное Святославомъ, избиваютъ его пріятелей. Тысяцкій, Святославовъ кумъ, изъ расположенія къ нему, предупредилъ его: «князь, тебя хотятъ задержать». Святославъ и бѣжалъ съ женою и дружиною своею черезъ Полоцкъ въ Смоленскъ. Всеволодъ, услыхавъ объ этомъ, не пустилъ своего сына Святослава и тѣхъ Новгородцевъ, которыхъ привелъ къ нему Иванъ Войтишичъ. — Новгородцы послали епископа и нѣсколько человѣкъ гражданъ ко Всеволоду, говоря: «дай намъ твоего сына, а брата твоего Святослава мы не хотимъ». И Всеволодъ послалъ къ нимъ своего сына Святослава. Уже онъ находился въ Черниговѣ, когда Новгородцы съ общаго совѣта сказали Всеволоду: «не хотимъ ни твоего сына, ни твоего брата и никого изъ твоего рода, но хотимъ изъ рода Владимірова». Всеволодъ, услыхавъ это, послалъ за ними, воротилъ епископа съ ними и задержалъ и ихъ, и епископа. Тѣ говорили: «дай намъ одного изъ твоихъ шурьевъ Мстиславичей», а Всеволодъ не хотѣлъ, чтобы Новгородъ перешелъ въ родъ Владиміра; онъ призвалъ своихъ шурьевъ и далъ имъ Брестъ, сказавъ: «о Новгородѣ не хлопочите, пусть они живутъ тамъ сами собою. Гдѣ-то они отыщутъ себѣ князя». Всеволодъ про-

держалъ у себя Новгородцевъ и епископа всю зиму и лѣто. Въ томъ же году вся Половецкая земля и всѣ князья половецкіе пришли для заключенія мира, а Всеволодъ изъ Кіева и Андрей изъ Переяславля вышли къ Малотину и заключили съ Половцами мирный договоръ.

1141 г.

Дочь Всеволода отведена въ Польшу. — Въ томъ же году поставленъ въ Переяславль епископомъ Евѳимій.—Въ Галичѣ скончался Иванъ Васильковичъ и владѣнія его занялъ Владиміръ Володаревичъ и, владѣя обоими участками, и своимъ и братнинымъ, сталъ княжить въ Галичѣ. Новгородцы, слыша, что Всеволодъ захватилъ ихъ земляковъ, и не вынося жить безъ князя, притомъ и хлѣбъ имъ ни откуда не шелъ, послали къ Юрію Владиміровичу своихъ людей, взяли у него Ростислава Юрьевича и съ большою честью посадили его въ Новѣ-Городѣ на престолъ его отца. Разсердился за то Всеволодъ и занялъ Остерскій городокъ. Святославъ бѣжалъ изъ Нова-Города и шелъ въ Русь къ брату. Всеволодъ послалъ къ нему на встрѣчу сказать: «братъ, иди сюда». Святославъ поѣхалъ къ нему изъ Стародуба, не уладился съ нимъ о владѣніяхъ и отправился въ Курскъ; онъ владѣлъ кромѣ того Новгородъ-Сѣверскимъ. Всеволодъ, чтобы отвести его отъ брата (Игоря), далъ ему Бѣлгородъ.—Въ эту же зиму, января 22-го, умеръ князь Андрей Владиміровичъ въ Переяславлѣ, а 23-го того же мѣсяца похороненъ у Святаго Михаила. Когда несли его похоронить, то было удивительное явленіе на небѣ: показались три солнца, которыя свѣтились между собою, и три столба стояли отъ земли до неба; надо всѣми вверху стоялъ въ видѣ дуги мѣсяцъ совершенно отдѣльно. Явленіе это было, пока не схоронили князя Андрея.— Въ это же время Всеволодъ занялъ Юрьевы города, захватилъ лошадей, скотъ овецъ и гдѣ только прослышалъ про его собственность.—Въ этомъ же году Игорь ходилъ къ Чернигову на Давидовичей и заключили миръ.—Въ этомъ же году скончался Всеволодъ Городенскій. Изяславъ послалъ къ сестрѣ своей (женѣ Всеволода): «выспроси у нашего зятя Новгородъ твоему брату Святополку». Она это исполнила.

1142 г.

Скончался черниговскій епископъ, блаженный Пантелеймонъ. — Всеволодъ послалъ въ Новгородъ шурина своего Святополка, уговорясь съ Новгородцами, которыхъ онъ было задержалъ. Новгородцы взяли Святополка и посадили его у себя княземъ, а Юрье-

вича, сына дяди, Святополкъ выпроводилъ изъ Нова-Города къ отцу въ Суждаль. — Всеволодъ послалъ изъ Кіева сказать Вячеславу: «ты сидишь въ Кіевской области, а она мнѣ слѣдуетъ Ступай въ Переяславль, владѣніе твоего отца». Племяннику Вячеслава, Изяславу, Всеволодъ далъ Владиміръ, а сыну своему Святославу — Туровъ. Тяжело стало на сердцѣ Игорю и Святославу: «сыну даетъ владѣнія, а братьевъ не надѣлилъ ничѣмъ». Всеволодъ позвалъ братьевъ къ себѣ; Святославъ, Владиміръ и Изяславъ пришли и стали въ Ольжичахъ, а Игорь стоялъ у Городца. Святославъ пріѣхалъ къ Игорю и спросилъ его: «что тебѣ даетъ старшій братъ»? — Игорь отвѣтилъ: «даетъ намъ по городу: Брестъ, Дорогичинъ, Черторыйскъ и Клечьскъ, а отцовскаго владѣнія — Вятичей—не даетъ». — Святославъ съ братомъ своимъ Игоремъ цѣловали крестъ, а на другой день цѣловали его Владиміръ и Изяславъ съ Игоремъ и взялись дѣйствовать сообща, говоря: «кто нарушитъ эту клятву, данную на крестѣ, тому пусть отмститъ этотъ крестъ». Всеволодъ послалъ ихъ звать на обѣдъ, но они не поѣхали: а всѣ братья послали сказать Всеволоду: «вотъ ты сидишь въ Кіевѣ, а мы просимъ у тебя Черниговской и Новгородской области, а Кіевской не хотимъ». Всеволодъ не уступалъ имъ Вятичей, но давалъ четыре города, какъ мы и прежде говорили. Его братья сказали ему на это: «ты намъ старшій братъ, но если ты намъ не дашь (чего мы просимъ), то мы поищемъ сами по себѣ». Поссорились они со Всеволодомъ и поѣхали отъ Кіева къ Переяславлю на Вячеслава войною. Дрались уже они у Переяславля, когда Всеволодъ послалъ Лазаря Соковьскаго съ Печенѣгами и воинами Вячеславу на помощь. — Изяславъ Мстиславичъ, услыхавъ, что напали войною на дядю его (Вячеслава), поѣхалъ поспѣшно съ своими полкомъ къ Переяславлю, сразился тамъ съ Ольговичами и Богъ помогъ Изяславу: не выдержали они его нападенія и бѣжали въ свои города. — Въ это же время Ростиславъ шелъ съ Смоленскимъ посломъ въ Кіевъ къ своему зятю, и слыша, что Ольговичи бились у Переяславля съ его дядею Вячеславомъ и братомъ Изяславомъ, пошелъ на ихъ владѣнія и захватилъ все, что имъ принадлежало около Гомія. Изяславъ, слыша, что братъ его опустошаетъ земли Ольговичей, поѣхалъ изъ Переяславля наскоро въ землю Черниговскую и опустошилъ села Ольговичей по Деснѣ и въ окрестностяхъ Чернигова. Такимъ образомъ, опустошивъ ихъ владѣнія, онъ воротился въ свои съ великою честью. Игорь, съ общаго съ братьями совѣта и желая мстить за себя, отправился съ ними

вторично къ Переяславлю. Остановились они у Переяславля и бились три дня, но, не получивъ никакого успѣха, возвратились домой. Всеволодъ послалъ за ними брата своего Святошу сказать имъ: «братья мои, возьмите у меня съ любовью то, что я вамъ даю: Городецъ, Рогачевъ, Брестъ, Дорогичинъ, Клечьскъ, и не ведите болѣе войны съ Мьстиславичами». Они согласились исполнить его желаніе, и позвалъ Всеволодъ ихъ въ Кіевъ, и они пріѣхали всѣ въ одно время. Но Всеволоду не понравилось то, что братья хотятъ дѣйствовать единодушно; онъ послалъ къ Давидовичамъ сказать имъ: «отдѣлитесь отъ моихъ братьевъ, я васъ надѣлю». — Они нарушили клятву на крестѣ и, оставивъ Игоря и Святослава, перешли ко Всеволоду. Тотъ радъ былъ ихъ размолвкѣ и, уладившись о владѣніяхъ, далъ Брестъ, Дорогичинъ, Визижъ и Ормину, а къ братьямъ послалъ и далъ имъ: Игорю—Городецъ, Юрьевъ и Рогачевъ, а Святославу—Клечьскъ и Черторыйскъ. Такимъ образомъ разошлись. Въ томъ же году Вячеславъ, уговорясь съ Всеволодомъ, отдалъ Переяславль племяннику своему Изяславу Мстиславичу, и Вячеславъ отправился въ Туровъ. Владиміръ отдалъ Всеволодъ сыну своему Святославу. Не понравилось это Ольговичамъ, братьямъ Всеволода, и они роптали на брата за то, что онъ оказываетъ любовь и расположеніе братьямъ жены своей, Мстиславичамъ, «нашимъ—такъ говорили они—врагамъ», и осажался ими кругомъ,—«и памъ на безголовіе, и безмѣстіе и себѣ». Такъ говорили Всеволоду братья и приставали къ нему, чтобы онъ пошелъ войною на Мстиславичей, но Всеволодъ не захотѣлъ ихъ послушать.— Въ этомъ же году Всеволодъ отдалъ дочь свою Звениславу въ Польшу за Болеслава. — Въ ту же зиму Всеволодъ послалъ сына своего Святослава, Изяслава Давидовича и Володимірка Галицкаго на помощь зятю своему Болеславу противъ его младшихъ братьевъ, Володиславичей. Сошлись они всѣ у Чернечьска и, опустошивъ страну, вернулись, захвативъ болѣе мирныхъ гражданъ, чѣмъ воиновъ.

1143 годъ.

Въ Черниговъ поставленъ епископъ именемъ Онуфрій. Въ томъ же году Всеволодъ привелъ за сына своего Святослава дочь Василька, полоцкаго князя. Собрались всѣ братья *и безбожные Поляки* пили у Всеволода и потомъ разошлись. Въ ту же зиму Изяславъ пошелъ въ Суздаль къ дядѣ своему Юрію, и не уладившись съ нимъ, отправился къ брату своему Ростиславу, а оттуда къ другому брату Святополку и у него провелъ зиму, а затѣмъ вер-

нулся въ Переяславль, побывавъ у своихъ братьевъ. Въ томъ же году Изяславъ отдалъ свою дочь въ Полоцкъ за Рогволода Борисовича, и Всеволодъ, князь кіевскій, пріѣзжалъ съ женою и со всѣми боярами на свадьбу.—Въ этомъ же году въ Полоцкѣ поставили епископа Козьму.—Въ томъ же году была страшная буря, какой еще никогда не бывало, около Котельничь,—разнесла и дома, и пожитки, и клѣти, и хлѣбъ изъ гуменъ,—однимъ словомъ сказать, точно непріятель разорилъ, и даже въ анбарахъ (клѣтяхъ) не осталось ничего; нашли даже въ болотѣ броню, занесенную бурею.

1144 г.

Было явленіе за Днѣпромъ въ Кіевской области: по небу съ земли летѣлъ какъ бы огненный кругъ, и слѣдъ его оставался въ видѣ огромнаго змѣя; онъ оставался съ часъ дня и потомъ исчезъ. Въ томъ же году большой снѣгъ упалъ на кіевской сторонѣ въ день Свѣтлаго праздника, лошади по брюхо. Въ томъ же году въ Бѣлгородѣ освящена церковь Святыхъ Апостоловъ.—Въ Туровъ поставили епископа именемъ Іоакима.—Въ томъ же году разсорился Всеволодъ съ Владиміркомъ изъ-за сына: зачѣмъ онъ сына посадилъ во Владимірѣ, и начали искать вины другъ на друга. Владимірко возвратилъ Всеволоду союзную грамоту, а Всеволодъ, съ братьями Игоремъ и Святославомъ, Владиміръ Давидовичъ и Вячеславъ Владиміровичъ, оба Мстиславича, Изяславъ и Ростиславъ, Святославъ Всеволодовичъ, два Всеволодковича, Борисъ и Глѣбъ, Ростиславъ Глѣбовичъ и Володиславъ, польскій князь, пошли на *многоглаголиваго* Володимірка и силою заставляли его пріѣхать ко Всеволоду и поклониться ему; но онъ того не хотѣлъ ни слышать, ни видѣть, а тѣмъ менѣе поклониться ему. Онъ привелъ къ себѣ Венгровъ, но они не принесли ему никакой пользы.—Всеволодъ сталъ по этой сторонѣ города, а Владиміръ, спустясь съ горы, сталъ по ту сторону, а между ними рѣчка Бѣлка. Всеволодъ велѣлъ своимъ войскамъ исправить переправы; на другой день его воины перешли рѣку и заняли горы позади Владиміра. А тотъ, полагая, что къ нему идутъ, сталъ, устроивъ полки, передъ городомъ на выгонѣ. Но этимъ полкамъ не было возможности сразиться съ непріятелемъ вслѣдствіе тѣсноты мѣста, потому что тутъ подошли болота, простиравшіяся до подошвы горы. А русскіе полки заняли горы и отрѣзали Владимірка отъ Перемышля и Галича. Видя то, Галичане встревожились и сказали: «мы здѣсь стоимъ, а они тамъ возьмутъ нашихъ женъ».—И началъ Влади-

міръ сносится съ Игоремъ, говоря ему: «если ты меня помиришь съ братомъ, то я по смерти Всеволода помогу тебѣ относительно Кіева». Такимъ образомъ соблазнилъ онъ Игоря, и тотъ началъ просить Всеволода и ласкою и съ раздраженіемъ, говоря: «не желаешь ты мнѣ добра; зачѣмъ ты сулишь мнѣ Кіевъ, а не даешь возможности пріобрѣсть пріятелей»?—Всеволодъ послушалъ Игоря и въ тотъ же день къ вечеру заключилъ миръ. Владиміръ выѣхалъ и поклонился Всеволоду. Тотъ встрѣтилъ его съ своими братьями и далъ Владиміръ Всеволоду за трудъ 1400 гривенъ серебра; сначала много поговорилъ, а потомъ много заплатилъ и тѣмъ смягчилъ Всеволода.—Всеволодъ и его братья привѣтствовали Владимірка и помирились съ нимъ; ему сказали: «на этотъ разъ ты остался цѣлъ, смотри же не грѣши болѣе». Всеволодъ возвратилъ ему Ушицю, Микулинъ, и съ князьями вернулся назадъ. А полученныя деньги Всеволодъ взялъ не себѣ одному, но раздѣлилъ братьямъ по частямъ: Вячеславу, Ростиславу, Изяславу и всѣмъ князьямъ, которые съ нимъ были въ походѣ. Въ ту же зиму, когда Владиміръ отправился въ Тисмяницю на охоту, жители Галича послали за Иваномъ Ростиславичемъ въ Звенигородъ и ввели его къ себѣ въ Галичъ. Владиміръ, слыша объ этомъ, собралъ дружину и пришелъ къ Галичу, сталъ около города. Жители дѣлали вылазки изъ города и сражались храбро: многіе пали и съ той и съ другой стороны и борьба эта продолжалась недѣли три. Ночью въ воскресеніе Масляной недѣли Иванъ вышелъ изъ города съ Галичанами на Владимірка. Произошло упорное сраженіе, въ которомъ Иванъ потерялъ большую часть своихъ воиновъ: ему отрѣзана была дорога отъ Галича и невозможно было возвратиться въ этотъ городъ. Онъ проложилъ себѣ путь сквозь непріятельскіе полки къ Дунаю и оттуда степью пришелъ ко Всеволоду въ Кіевъ. Галичане и послѣ того цѣлую недѣлю сражались съ Владиміромъ и вынуждены были отворить ворота въ воскресеніе на заговѣнье. Владиміръ, войдя въ Галичъ, лишилъ жизни многихъ гражданъ и употреблялъ для этого мучительныя казни.—Въ ту же зиму Всеволодъ отдалъ двухъ дочерей Всеволодка, Владиміровыхъ внучекъ,—одну за Владиміра Давидовича, а другую за Юрія Ярославича; обѣихъ въ одну недѣлю.—Въ томъ же году іюня 9-го Всеволодъ князь заложилъ въ Коневѣ церковь Св. Георгія.

1145 г.

Всеволодъ послалъ за своими братьями Игоремъ и Святославомъ,

за Владиміромъ и Изяславомъ Давидовичами. Они пріѣхали въ Кіевъ, и въ то же время явилась на западѣ очень большая звѣзда, испускавшая лучи. . . . . .

«Владиміръ послѣ себя въ Кіевѣ оставилъ сына своего Мстислава, а Мстиславъ брата своего Ярополка, а теперь я объявляю: если Господь возьметъ меня къ себѣ, то я послѣ себя даю Кіевъ брату моему Игорю». Много замышлялъ противъ этого въ душѣ Изяславъ Мстиславичъ, но вынужденъ былъ цѣловать крестъ. Когда всѣ родственники-князья сидѣли у Всеволода въ его покояхъ, то Всеволодъ сказалъ: «Игорь, цѣлуй крестъ, что ты будешь имѣть любовь къ роднымъ, а Владиміръ, Святославъ и Изяславъ цѣлуйте крестъ къ Игорю, что возьмете то, что онъ дастъ вамъ добровольно, а принуждать его не станете». Всѣ они съ изъявленіями любви цѣловали крестъ. Всеволодъ сказалъ: «зоветъ меня Володиславъ, польскій князь, на своихъ братьевъ».—Игорь сказалъ: «не ходи ты, но пойдемъ мы». И пошелъ Игорь съ братомъ своимъ Святославомъ и съ Владиміромъ, а Изяславъ Мстиславичъ сдѣлался боленъ и не пошелъ изъ Владиміра, а Святославъ Всеволодовичъ вышелъ въ походъ. И вошли русскіе князья въ середину Польской земли и нашли, что два брата Владислава, Болеславъ и Межко, стоятъ за болотомъ. Они переѣхали на эту сторону и поклонились Игорю и другимъ съ нимъ бывшимъ князьямъ и, цѣловавъ крестъ другъ къ другу, сказали такъ: «кто нарушитъ цѣлованіе крестное, на того будутъ они всѣ».—Брату Владиславу дали четыре города, а Игорю и его роднымъ—Визну, и такъ вернулись русскіе князья домой, захвативъ большую добычу.

Въ томъ же году умеръ Святославъ, сынъ Ярослава, въ Муромѣ, а братъ его Ростиславъ занялъ его владѣніе, а въ Рязань послали младшаго Ростиславича—Глѣба.

Въ ту же зиму Владиславъ, польскій князь, схватилъ своего слугу Петрока, ослѣпилъ его, отрѣзалъ ему языкъ и разграбилъ весь домъ его, а самого только съ женою и дѣтьми выгналъ изъ своей земли, и онъ удалился въ Русь. Такъ и Евангельское слово говоритъ: «Какою кто мѣрою мѣритъ, то и ему отмѣрится такою же». А онъ Петрокъ захватилъ обманомъ рускаго князя Володаря и мучилъ его и имущество его у него все отнялъ, а самого Богъ нѣсколько дней спустя прибралъ, о чемъ писано подъ прежними годами.—Въ томъ же году княгиня Елена, ясскаго рода, перенесла тѣло своего мужа Ярополка изъ гробницы въ церковь Св. Андрея и положила его у Янки.

1146 г.

Всеволодъ призвалъ своихъ братьевъ: Святослава оставилъ въ Кіевѣ, а съ Игоремъ пошелъ къ Галичу. Онъ взялъ съ собою Давидовича Владиміра, Вячеслава Владиміровича, племянниковъ его Изяслава и Ростислава Мстиславичей, своего сына Святослава, зятя своего, польскаго князя, Болеслава и всѣхъ дикихъ Половцевъ. Составилось огромное войско, пошло оно къ Галичу на Владимірка. Сдѣлался дождь и, Божіимъ промысломъ, сошелъ снѣгъ; такимъ образомъ и на колесахъ и на саняхъ шли къ городу, и въ первый день сожгли около него острогъ, а на другой день жители Звенигорода собрались на сходку желая передаться. Воеводою находился у нихъ Владиміровъ слуга Иванъ Халдѣевичъ; онъ захватилъ трехъ гражданъ, умертвилъ и каждаго, разрубивъ пополамъ, выбросилъ изъ города и тѣмъ застращалъ жителей. Съ того времени Звенигородцы начали сражаться безхитростно. Видя это, Всеволодъ началъ готовиться взять городъ силою; въ третій день все его войско приступило къ городу: начиная съ утренней зари сражались до поздней вечерни и зажгли городъ въ трехъ мѣстахъ; но жители съ Божіею помощью погасили. Богъ и Святая Богородица избавили городъ отъ жестокой войны, и возгласили они: «Господи помилуй», съ великою радостью хваля Бога и Пречистую Его Матерь, и оттуда возвратились всѣ по домамъ. Всеволодъ, по возвращеніи въ Кіевъ, сдѣлался боленъ и послалъ за своими братьями Игоремъ и Святославомъ; болѣзнь его все усиливалась и онъ остановился подъ Вышегородомъ на островѣ. Онъ позвалъ къ себѣ Кіевлянъ и началъ говорить: «я оченъ боленъ, а вотъ вамъ братъ мой Игорь, возьмитесь служить ему какъ мнѣ служили». Кіевляне отвѣчали: «князь, съ радостью беремся». Они взяли съ собою Игоря; тотъ отправился съ ними подъ Угорьское и созвалъ всѣхъ Кіевлянъ. Тѣ всѣ цѣловали къ нему крестъ и говорили: «ты намъ князь», но такая готовность была обманомъ. На другой день Игорь отправился въ Вышегородъ, и жители Вышегорода дали ему присягу. Всеволодъ еще при жизни своей послалъ къ Изяславу Мстиславичу зятя своего Володислава, а къ Давидовичамъ Мирослава Андреевича сказать: «будете ли вы вѣрны клятвѣ, данной цѣлованіемъ креста брату моему Игорю»? — Тѣ отвѣчали: «будемъ». — На другой день, августа 1-го, скончался Всеволодъ и, убравъ его тѣло, положили его въ церквѣ Св. мучениковъ Бориса и Глѣба. — Игорь отправился въ Кіевъ и со-

звалъ всѣхъ Кіевлянъ на гору, на дворъ Ярославовъ. Всѣ Кіевляне дали ему присягу, но потомъ собрались у Туровой часовни и послали за Игоремъ сказать, говоря ему: «князь, пріѣзжай къ намъ». Игорь, взявъ съ собою брата своего Святослава, поѣхалъ къ нимъ, остановился съ своею дружиною, а брата своего Святослава послалъ къ гражданамъ. И начали Кіевляне взводить разныя обвиненія на Всеволодова управляющаго Ратьшу и на другаго управляющаго въ Вышегородѣ Тудора. Они говорили: «Ратьша разорилъ Кіевъ, а Тудоръ— Вышегородъ; теперь, князь Святославъ, цѣлуй намъ крестъ, ты, вмѣстѣ съ твоимъ братомъ: если кого изъ насъ обидятъ, то ты защищай». Святославъ сказалъ: «я цѣлую крестъ за своего брата, что вамъ не будетъ болѣе никакого насилія, а правителемъ (тіуномъ) назначитъ кого вы хотите». Святославъ сошелъ съ лошади и на томъ цѣловалъ крестъ передъ народнымъ собраніемъ. Кіевляне всѣ сошли съ лошадей и начали говорить Святославу: «братъ твой князь и ты». И на томъ цѣловали всѣ Кіевляне крестъ и съ дѣтьми, что не замышлятъ ничего противъ Игоря и Святослава.—Святославъ, взявъ съ собою лучшихъ людей изъ Кіевлянъ, поѣхалъ къ брату своему Игорю и сказалъ: «братъ, я цѣловалъ крестъ на томъ, что тебѣ наблюдать въ отношеніи къ нимъ строгую справедливость и любить ихъ». Игорь сошелъ съ коня и цѣловалъ къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ и братниной и поѣхалъ обѣдать. Кіевляне бросились грабить Ратьшинъ дворъ и *мечниковъ*. Игорь послалъ за ними своего брата Святослава съ дружиною и едва успокоилъ ихъ. Въ то же время Игорь послалъ къ Изяславу сказать: «вотъ Богъ взялъ брата нашего, а будешь ли ты вѣренъ данной тобою клятвѣ»?—Изяславъ ничего не отвѣчалъ на это и посла къ нему не пустилъ. Не понравился Кіевлянамъ Игорь и они послали въ Переяславль сказать Изяславу: «поди, князь, къ намъ, — хотимъ тебя». Изяславъ, слыша это, собралъ вопновъ и, помолясь въ храмѣ Св. Михаила съ епископомъ Евѳиміемъ, выступилъ изъ Переяславля и перешелъ Днѣпръ у Заруба. Тутъ прислали къ нему Черные Клобуки и все Поросье сказать ему: «ты—нашъ князь, а Ольговичей не хотимъ; поѣзжай скорѣе, а мы съ тобою за одно». Изяславъ выступилъ къ Дерновому и тутъ соединились съ нимъ всѣ Клобуки и Поршане. Въ это же мѣсто (сюда же) прислали къ нему жители Бѣлогорода и Василева сказать: «иди; ты нашъ князь, а Ольговичей не хотимъ». Сюда же пріѣхали отъ Кіевлянъ посланные; они говорили: «ты нашъ князь, ступай къ намъ, а

не хотимъ мы быть въ пренебреженіи у Ольговичей. Гдѣ только увидимъ твое знамя, то тамъ и мы съ тобою будемъ».—Изяславъ, собралъ всѣхъ на полѣ христіанъ и язычниковъ и сказалъ имъ: «Братья! Я по-истинѣ считалъ Всеволода за старшаго брата, а братъ и зять старше меня—мнѣ какъ отецъ, а вотъ съ этими т. е. Святославомъ и Игоремъ) какъ мнѣ Богъ дастъ и сила животворящаго креста, такъ и развѣдаюсь, и либо голову сложу въ вашихъ же глазахъ, или пріобрѣту себѣ престолъ дѣда и отца». Съ этими словами Изяславъ пошелъ далѣе (къ Кіеву). Игорь послалъ къ братьямъ своимъ (двоюроднымъ) Владиміру и Изяславу сказать: «будете ли вы, братья, вѣрны данной мнѣ клятвѣ»? Они стали просить у него много владѣній. Игорь имъ далъ и велѣлъ идти къ себѣ; они пошли. Игорь позвалъ Улѣба, Ивана Войтишича и Лазаря Саковскаго и сказалъ имъ: «какъ вы были у моего брата, такъ и у меня будьте»; а Улѣбу сказалъ: «будь тысяцкимъ у меня, какъ ты имъ былъ у моего брата».—Злой духъ, изобрѣтательный на всякаго рода коварные замыслы и не желая, чтобы князья были въ дружбѣ между собою, вселилъ гибельную мысль Улѣбу тысяцкому и Ивану Войтишичу—составить заговоръ съ Кіевлянами на своего князя. Они стали посылать къ Изяславу Мстиславичу и говорить ему: «иди, князь, скорѣе, а то Давидовичи идутъ на помощь Игорю». Такимъ образомъ тѣ же люди, которыхъ Всеволодъ и братъ его осыпалъ почестями, начали злоумышлять на своего князя. Изяславъ Давидовичъ поѣхалъ поспѣшно; онъ и братъ его Владиміръ въ храмѣ Св. Спаса цѣловали крестъ къ Игорю и его брату Святославу. Епископъ черниговскій Онуфрій объявилъ своимъ священникамъ: «кто эту клятву нарушитъ, тотъ будь проклятъ двѣнадцатью господскими праздниками». Немного дней прошло, а Давидовичи нарушили данную ими цѣлованіемъ креста клятву. Во главѣ того гибельнаго заговора, о которомъ мы говорили выше, стояли Улѣбъ тысяцкій, Иванъ Войтишичъ, Иванъ Саковскій, а въ войскѣ Святослава Васпль Полочанинъ и Мирославъ, Хиличевъ внукъ. Они собрали около себя Кіевлянъ и стали совѣтоваться какъ бы имъ обмануть своего князя. Они послали къ Изяславу сказать: «иди, князь, мы уговорились уже съ Кіевлянами: хотимъ бросить знамя и бѣжать въ Кіевъ». А къ Игорю и Святославу начали говорить коварно: «ступай на встрѣчу Изяславу». Игорь съ братомъ Святославомъ, взглянувъ на небо, сказали: «Изяславъ цѣловалъ намъ крестъ на томъ, что не домогаться ему Кіева». Изяславъ пришелъ къ валу, гдѣ Надово озеро,

у Шелковой рощицы, и тутъ стали съ полками подлѣ валу—онъ Изяславъ и сынъ его Мстиславъ. Кіевляне стояли отдѣльно у Ольговой могилы, и было ихъ очень много. Такъ оба войска стояли одно противъ другаго. Игорь и всѣ его воины видѣли, что Кіевляне посылали къ Изяславу и привели отъ него тысяцкаго со знаменемъ. Потомъ Берендичи переѣхали черезъ Лыбедь и взяли Игоревъ обозъ передъ Золотыми воротами и пониже огородовъ. — Видя это, Игорь сказалъ брату своему Святославу и племяннику Святославу Всеволодовичу: «братья, поѣдемъ въ свои полки, а какъ насъ Богъ съ тѣми разсудитъ». То же сказалъ онъ и своему тысяцкому Улѣбу и Ивану Войтишичу: «ступайте къ своимъ полкамъ». Иванъ и Улѣбъ пріѣхали къ своимъ полкамъ и, побросавъ знамена, побѣжали къ Жидовскимъ воротамъ. Видя это, Игорь, Святославъ и племянникъ его Всеволодовичъ не пришли въ смущеніе, но пошли противъ Изяслава, и нельзя имъ было переѣхать Надово озеро и начали обходить его къ верховью. Тутъ пришлось имъ идти между обрывовъ одного къ озеру, а другаго къ Сухой Лыбеди. Тутъ стѣснились полки, и вслѣдствіе этого произошло гибельное для нихъ замѣшательство. Берендичи врубились саблями въ тылъ полковъ и стали ихъ истреблять. Тутъ Игорь и Святославъ бѣжали въ Слудовы Дорогожичскія, а Изяславъ и Мстиславъ съ сыномъ и дружиною бросились на нихъ и на бывшихъ съ ними воиновъ съ боку и начали ихъ истреблять. Тутъ разлучились Святославъ съ Игоремъ и съ послѣднимъ никого не осталось. Игорь бѣжалъ въ Дорогожичьское болото, конь подъ нимъ увязъ, а бѣжать онъ, Игорь, не могъ, потому что былъ ногами боленъ, а братъ Игоря, Святославъ, бѣжалъ на устье Десны за Днѣпръ: Святославъ Всеволодовичъ ушелъ въ Кіевъ, въ монастырь Св. Ирины, и тутъ его взяли, а бѣгущихъ преслѣдовали, истребляя ихъ, до Вышегорода, и до Днѣпра, и до устья Десны, и до Кіевскаго перевозу, и много при этомъ народу погибло.

Начало княженія Изяслава, Мстиславова сына, въ Кіевѣ. Изяславъ возвелъ глаза къ небу и похвалилъ Бога и силу животворящаго креста за такую ему помощь. Съ великими славою и честью въѣхалъ онъ въ Кіевъ. На встрѣчу ему вышло множество народа, настоятели съ монахами и священники со всего города въ ризахъ.—Изяславъ пріѣхалъ къ храму Св. Софіи, поклонился Святой Богородицѣ и сѣлъ на престолѣ отца своего и дѣда. Онъ привелъ къ себѣ Святослава, сказалъ ему: «вѣдь ты моей сестры сынъ —и сталъ его повсюду брать съ собою. Много было захвачено

бояръ: Данила Великаго, Юрія Прокоповича, Ивора Юрьевича, Мирославова внука, и много другихъ задержали въ городѣ Кіевѣ и послѣ ихъ отпустили на выкупъ. Все это случилось Божіемъ пособіемъ, силою честнаго креста, заступничествомъ Святаго Михаила и молитвами Святой Богородицы. Сраженіе это происходило августа 13 дня, во вторникъ. Четыре дня спустя взяли Игоря въ болотѣ, привели къ Изяславу, отправили въ монастырь на Выдобичъ; тамъ наложили на него оковы и послали въ Переяславль, гдѣ посадили въ тюрьму въ монастырѣ Святаго Іоанна. Кіевляне съ Изяславомъ разграбили дома дружины Игоревой и Всеволодовой и села ихъ, захватили много скота и имущества въ домахъ и монастыряхъ. Святославъ Ольговичъ убѣжалъ въ Черниговъ съ малочисленнымъ остаткомъ своей дружины и послалъ къ братьямъ Владиміру и Изяславу: «будете ли вы вѣрны клятвѣ, которую дали пять дней тому назадъ»? Тѣ отвѣтили: «будемъ». Святославъ сказалъ имъ: «оставляю вамъ моего слугу Коснятка, и если вы вашему слову вѣрны, то дѣйствуйте съ нимъ за одно». А самъ Святославъ поѣхалъ въ Курскъ—установить порядокъ между тамошними гражданами; изъ Курска Святославъ пріѣхалъ въ Новгородъ.—Князья половецкіе, слыша о судьбѣ постигшей Игоря, прислали къ Изяславу—просить мира. И начали Давидовичи совѣщаться тайно отъ человѣка, оставленнаго Святославомъ; къ нему, Коснятку, слугѣ Святослава, пришло извѣстіе, что Давидовичи хотятъ захватить брата своего Святослава. Коснятко послалъ къ своему князю сказать ему: «Князь, на тебя умышляютъ зло, хотятъ тебя схватить; если за тобою и пришлютъ братья, то ты не ѣзди къ нимъ». Лукавый и пронырливый діаволъ, не желая добра между братьями-князьями, хотѣлъ еще приложить зло ко злу. Онъ внушилъ Давидовичамъ мысль—не мстить за брата Игоря, забыть о родствѣ, о данной на крестѣ клятвѣ, о любви божественной, которая говоритъ, какъ хорошо жить братьямъ вмѣстѣ и согласно, заботясь о благостояніи своего отечества.—Давидовичи нарушили утвержденное ими клятвою, забыли страхъ Божій и послали къ Изяславу: «Игорь какъ твой врагъ, такъ и нашъ: держи его крѣпко». А къ Святославу послали сказать: «ступай изъ Нова-Города, а брата Игоря оставь». Святославъ отвѣтилъ на это: «не хочу ни владѣній, ни чего иного, только пустите мнѣ брата». Давидовичи сказали: «дай намъ клятвенное обѣщаніе, что ты не будешь просить брата, ни домогаться его выручить, а владѣнія твои пусть при тебя остаются.—Святославъ заплакалъ и, пославъ къ Юрію Владимірови-

чу въ Суздаль, велѣлъ ему сказать: «Богъ взялъ у меня брата Всеволода, а Игоря захватилъ Изяславъ; иди въ Рускую землю въ Кіевъ и, будь такъ милостивъ, выручи мнѣ брата, а я здѣсь, надѣясь на Бога и силу животворящаго креста, буду тебѣ помощникомъ.—Въ то же время случилось такъ Божіимъ милосердіемъ, что съ поля сраженія прибѣжалъ въ Новгородъ къ Святославу Владиміръ Святославичъ, внукъ Ярослава, и тогда же прибѣжалъ къ нему съ поля битвы Иванъ Берладникъ. Въ то же время Святославъ послалъ въ землю Половцевъ къ роднымъ матери и скоро за тѣмъ пришло ихъ къ нему 300 человѣкъ. Изяславъ, взявъ клятву цѣлованіемъ креста съ Святослава Всеволодовича, далъ ему Бужьскій, Межибожье, всего пять городовъ, а изъ Владиміра вывелъ. Вячеславъ, услыхавъ объ этомъ и надѣясь на свое старшинство, не сталъ слушать своихъ бояръ и не уважилъ Изяслава, а отнялъ у него города, отнятые у него Всеволодомъ. И не только это сдѣлалъ, но и занялъ Владиміръ и посадилъ въ немъ Андреевича.—Изяславъ, услыхавъ объ этомъ, послалъ своего брата Ростислава и Святослава Всеволодовича на дядю своего Вячеслава и отнялъ у него Туровъ, захватилъ и епископа туровскаго и намѣстника Вячеслава—Ярослава Иванковича, а Туровъ отдалъ своему сыну Ярославу. Давидовичи сказали: «мы уже получили начало беззаконному дѣлу, довершимъ же до конца братоубійство,—пойдемъ, искоренимъ Святослава и возьмемъ его владѣнія». Сговорившись такъ, они стали просить Изяслава идти на Святослава къ Новгороду. Въ этомъ же году Изяславъ отправился къ Давидовичамъ на свиданіе и сказалъ имъ: «идите на Святослава Ольговича». Съ ними послалъ онъ сына своего Мстислава съ Переяславцами и Берендѣями съ такимъ наказомъ: «ступайте на Святослава. Если онъ не убѣжитъ передъ вами, то вы его осадите: если же вамъ трудно будетъ съ нимъ справиться, то я прійду съ свѣжими силами къ вамъ и стану его осаждать, а вы пойдете домой».—Князья пошли къ Новгороду; подойдя къ нему, стали у *пересыпи* (плотины? гати?); оттуда, ставъ лагеремъ, выслали стрѣльцовъ изъ города къ Черниговскимъ ворогамъ и тутъ произошло продолжительное сраженіе. На другой день, устроивъ полки въ боевой порядокъ, князья пошли къ Курскимъ воротамъ. Мстиславъ Изяславичъ послалъ къ Изяславу и Владиміру Давидовичамъ сказать: «вашъ братъ, а мой отецъ велѣлъ вамъ сказать: къ городу не приступайте, покамѣстъ я не прійду самъ, а тогда съ общаго совѣта какъ придумаемъ, такъ и поступимъ». Тѣ отвѣтили: «если

братъ велѣлъ, то такъ поступимъ и, не дойдя до самаго города, они остановились. Собравшись всѣ въ одно мѣсто, князья Владиміръ, Изяславъ Давидовичъ и Мстиславъ Изяславичъ пустили къ городу своихъ стрѣлковъ—Христіанъ и Берендѣевъ, а сами стали съ полками, и началась битва. Трудно пришлось жителямъ,—ихъ втѣснили въ острожныя ворота и много было у нихъ убитыхъ и раненныхъ. Въ этой схваткѣ убили Дмитра Жирославича и Андрея Лазаревича. Сраженіе продолжалось до самаго вечера, а князья-союзники, отойдя отъ города, остановились въ селѣ Мелтсковѣ, и пославъ оттуда, захватили стада Игоревы и Святославовы въ лѣсу по Рахни—кобылицъ 3,000 и коней 1,000. Послав по селамъ, предали огню и хлѣбъ, и дворы. Въ это же время Святославъ послалъ къ Юрію и тотъ далъ ему клятву, что будетъ добиваться освобожденія Игоря, и выступилъ на помощь Святославу. Когда услыхалъ Изяславъ, что Юрій идетъ на помощь Святославу, то послалъ прямо степью къ Ростиславу Ярославичу въ Рязань, а самъ, сѣвъ на коня, пошелъ на Святослава къ Новгороду, гдѣ уже находились Владиміръ и Изяславъ Давидовичи и сынъ его Мстиславъ. — Ростиславъ, послушавъ Изяслава Мстиславича, началъ тамъ заботиться о его владѣніяхъ.— Юрію пришло извѣстіе, что Ростиславъ опустошаетъ его земли, и онъ, отпустивъ сына своего Ванька къ Святославу, самъ воротился изъ Козельска. Когда Иванко Юрьевичъ пришелъ къ Святославу, тотъ далъ ему Курскъ съ Посемьемъ (мѣстами по берегу рѣки Сейма, старинной Семи), а посовѣтовавшись съ своими приближенными, послалъ своего поповича къ Давидовичамъ сказать: «братья, вы опустошили мою землю, отняли стада мои и братнины, пожгли хлѣбъ и разорили все наше достояніе».

. . . . . .

По наученію злаго духа и того не было еще достаточно, но пошли они въ Игорево сельцо, гдѣ онъ было хорошо устроилъ свое имѣніе. Тутъ было много *готовизны* въ *бретьяницахъ* и въ погребахъ вина и меду и такъ много всякаго тяжелаго товара—и желѣза, и мѣди, что всего этого не могли вывезти. Давидовичи приказали накладывать на воза себѣ и воинамъ и потомъ зажечь дворъ и церковь Св. Георгія и гумно его, въ которомъ было девятьсотъ скирдовъ. Изяславъ и Владиміръ Давидовичи съѣхались съ Мстиславомъ Изяславичемъ и, съ общаго совѣта, послали противъ Изяслава Мстиславича, а сами пошли къ Путивлю на Рождество Христово и тамъ приступили къ городу.—Жители Путивля имъ не покорились, пока не пришелъ Изяславъ съ кіевскимъ войскомъ.

Жители бились храбро, дѣлая вылазки изъ города. Давидовичи поѣхали и сказали имъ: «перестаньте драться; даемъ вамъ клятву Святою Богородицею, что мы васъ не отдадимъ на разграбленіе». Но жители имъ не покорились. А когда пришелъ Изяславъ Мстиславичъ къ городу съ своими полками, то жители выслали къ нему пословъ, поклонились ему и такъ сказали: «мы тебя, князь, ждали; дай намъ клятвенное обѣщаніе». Изяславъ цѣловалъ къ нимъ крестъ, вывелъ прежняго намѣстника, а своего посадилъ у нихъ. Тутъ все имущество Святослава раздѣлилъ на четыре части—и *скотницы*, *житьницы* и вещи, которыхъ нельзя было двинуть; въ погребахъ было 300 берковцевъ меду и 50 корчагъ вина. Ограбили все и въ церквѣ Св. Вознесенія: серебряные сосуды, *индитьбу*, служебныя *платы*,—все это было шито золотомъ, двѣ кадильницы, *кацыи* и кованое евангеліе, и книги, и колокола. Ничего княжескаго не оставили, но все раздѣлили, и семьсотъ дворовыхъ. Святославу пришло извѣстіе, что Изяславъ Мстиславовичъ пришелъ и, взявъ его городъ, захватилъ въ немъ все, что было собственностію Святослава. Бывшій слуга его отца, который теперь находился на службѣ у Владиміра, далъ ему знать, что Изяславъ идетъ на него и хочетъ его осадить въ Новѣ-Городѣ. Святославъ сказалъ Ивanку Юрьевичу, Ивану Ростиславичу Берладнику, своей дружинѣ и дикимъ Половцамъ, роднымъ его матери—Тюпраку Осулоковичу и брату его Колюсѣ: «вотъ идетъ на насъ Изяславъ Мстиславичъ,—нужно намъ позаботиться о себѣ». Они отвѣчали: «не медля убирайся отсюда; тутъ тебѣ не при чемъ быть—нѣтъ ни хлѣба и ничего; иди въ лѣсную землю; оттуда близко тебѣ сноситься съ отцомъ твоимъ Юріемъ». Вслѣдствіе этого Святославъ ушелъ изъ Нова-Города въ Карачевъ. Изъ его дружины нѣкоторые съ нимъ пошли, другіе его оставили; а жена и дѣти были съ нимъ, и невѣстку свою, жену Игореву, онъ взялъ съ собою. А Новгородъ-Сѣверская друж. . . . . .

Разсердившись, сказалъ онъ своимъ братьямъ: «пустите меня за нимъ; если онъ самъ и уйдетъ отъ меня, то я отниму у него жену и дѣтей и имущество его захвачу».—Выпросясь такимъ образомъ у Изяслава Мстиславича и у своего брата Владиміра, отправился въ походъ. Онъ взялъ у Изяслава Шварна и дружину своего брата и пошелъ изъ Путивля на Сѣвскъ и Болдыжъ; тутъ ему былъ самый прямой путь на Карачевъ. Туда прибѣжали посланные за хлѣбомъ; у нихъ Берендичи отняли трехъ человѣкъ. Святославъ, узнавъ, что на него пришли, послалъ вслѣдъ за Бе-

рендичами дикихъ Половцевъ и они захватили нѣсколько Берендичей. Святославъ получилъ извѣстіе, что на него пришелъ Изяславъ Давидовичъ съ похвальбою, что онъ взялъ дружину у братьевъ и шелъ на-легкѣ безъ обоза съ тремя тысячами всадниковъ. Святославу не оставалось ничего другаго, кромѣ или отдать жену и дѣтей и дружину въ плѣнъ, или свою голову сложить. —Святославъ, съ общаго совѣта съ братьями, Половцами и своими людьми, взирая на Бога и на Святую Богородицу, выступилъ на встрѣчу Изяславу Давидовичу генваря 16-го, въ четвергъ; въ этотъ день было положеніе веригамъ Святаго Апостола Петра. Тутъ Богъ и сила животворящаго креста обратили Изяслава и дружину его въ бѣгство.

Изяславъ Мстиславичъ и Владиміръ Давидовичъ послали впередъ брата своего Изяслава съ Шварномъ, а сами за нимъ пошли. Когда они прошли лѣсъ Болдыжъ и стали было обѣдать, прибѣжалъ человѣкъ къ Изяславу Мстиславичу и сказалъ ему: «Святославъ одержалъ побѣду надъ твоимъ братомъ Изяславомъ и надъ вашею дружиною». Когда услыхалъ объ этомъ Изяславъ Мстиславичъ, то закипѣло у него сердце еще болѣе на Изяслава,—онъ былъ храбръ и смѣлъ въ военномъ дѣлѣ.—Устроивъ полки, онъ выступилъ на Святослава къ Карачеву; съ нимъ былъ Владиміръ Давидовичъ и Святославъ Всеволодовичъ. Бѣжавшіе воины встрѣчались имъ и возвращались назадъ къ Карачеву, а Изяслава долго не было; только около полудня пріѣхалъ къ нимъ. — Изяславъ Мстиславичъ и Владиміръ Давидовичъ во весь тотъ день до самой ночи шли къ Карачеву и остановились, не доходя Карачева. Уже было время ложиться спать, какъ пришла вѣсть изъ Карачева, что Святославу стало извѣстно отъ его пріятелей о приближеніи Изяслава Мстиславича съ братьями къ Карачеву. Союзные князья опустошили сильно окрестности Карачева, и Святославъ Ольговичъ бѣжалъ за лѣсъ, въ землю Вятичей.—Изяславъ сказалъ братьямъ своимъ Владиміру и Изяславу Давидовичамъ: «какой области хотѣли вы, ту я вамъ пріобрѣлъ; вотъ Новгородъ и все, что было во владѣніи у Святослава,—теперь ваше», а самъ вернулся въ Кіевъ, прибавивъ: «что бы ни оказалось въ той области изъ дворовыхъ людей или имущества, принадлежащаго Игорю, то мое, а Святославовыхъ дворовыхъ имущество раздѣлимъ на части». Такъ и было сдѣлано.

Изяславъ Мстиславичъ возвратился въ Кіевъ, а между тѣмъ Игорь сдѣлался очень боленъ; прислалъ онъ къ Изяславу, молясь и кланяясь, и сказалъ: «братъ, я очень боленъ и прошу у тебя

дозволенія постричься въ монахи. Мысль о постриженіи была у меня еще тогда, когда я княжилъ, а теперь, въ такомъ стѣсненномъ положеніи, я сдѣлался очень боленъ и не думаю остаться въ живыхъ».—Жаль стало Изяславу Игоря, и онъ далъ такой отвѣтъ: «если у тебя была мысль на постриженіе, то въ томъ ты воленъ, но я и безъ того выпускаю тебя вслѣдствіе твоей болѣзни». Тотчасъ же послалъ Изяславъ приказаніе *розять надъ нимъ порубъ*, и такимъ образомъ его вынули изъ поруба очень больнаго и отнесли въ келью. Только въ восьмой день возвратилъ его Господь Богъ къ жизни, а прежде онъ не могъ ни ѣсть, ни пить. Онъ приказалъ епископу Евѳимію постричь его, потомъ Богъ помиловалъ его отъ болѣзни и его перевели въ Кіевъ, въ монастырь Святаго Ѳеодора. Онъ позвалъ настоятеля и братію и исполнилъ то, что обѣщался, а именно въ монастырѣ Св. Ѳеодора постригся въ схиму.

Давидовичи пошли къ Дебрянску (теперешнему Брянску), а Святославъ Всеволодовичъ въ Карачевъ; онъ послалъ въ Козельскъ къ дядѣ своему Святославу сказать: «Изяславъ Мстиславичъ пошелъ въ Кіевъ, а Давидовичи съ Ростиславомъ Смоленскимъ хотятъ идти за тобою». Дѣйствительно, Давидовичи пришли и стали въ Дебрянскѣ, а Святославъ изъ Козельска вышелъ къ Дѣдославлю, а потомъ отступилъ къ Осетру. Тутъ оставилъ его Иванко Берладникъ и перешелъ къ смоленскому князю Ростиславу, взявъ у Святослава 200 гривенъ серебра и 12 гривенъ золота. Когда Святославъ пришелъ въ городъ Колтескъ, то тутъ пришла тысяча человѣкъ Бѣлозерцевъ, присланныхъ ему на помощь Юріемъ, Святославъ, собравшись съ силами, думалъ было съ этими Бѣлозерцами ѣхать на Давидовичей къ Дѣдославлю. Въ то время Иванко Юрьевичъ захворалъ и сдѣлался очень боленъ. Святославъ не поѣхалъ отъ него и людей своихъ не послалъ. А Давидовичи, слыша, что Юрій прислалъ ему подкрѣпленіе, не смѣли за нимъ идти, но, призвавъ Вятичей, они сказали имъ: «то врагъ намъ и вамъ, старайтесь хитростью убить его, а его имущество вамъ въ добычу».—За тѣмъ Давидовичи вернулись изъ Дѣдославля.—Въ то же время два сына Юрьевы, Ростиславъ и Андрей, пошли къ Рязани на Ростислава Ярославича. Ростиславъ бѣжалъ изъ Рязани въ землю Половецкую къ Елтуку.—Въ то же время Святославъ отпустилъ своихъ воиновъ назадъ въ землю Половцевъ, давъ имъ много даровъ, о которыхъ мы прежде писали; съ ними пошло много Половцевъ.—Около этого же времени скончался Иванко Юрьевичъ 24-го февраля, въ понедѣльникъ, на ночь Масляной недѣли.

На другой день пріѣхали къ нему два его брата, Борисъ и Глѣбъ; они очень плакали надъ его тѣломъ и потомъ вернулись къ отцу въ Суздаль, сильно жалѣя брата.—Святославъ воротился и пришелъ къ верховьямъ Оки; онъ остановился на устьѣ Протвы въ городѣ Лобынскѣ и сюда прислалъ къ нему Юрій утѣшать и сказать: «не тужи о моемъ сынѣ, что его взялъ Богъ, я тебѣ пришлю другаго сына». При этомъ Юрій прислалъ много подарковъ дорогими матеріями и мѣхами Святославу и женѣ его, и дружину его одарилъ щедро.

1147 г.

Юрій пошелъ войною на новгородскія владѣнія; онъ занялъ Новый Торгъ и всѣ мѣста на Мстѣ, а къ Святославу прислалъ приказаніе разорять Смоленскую область. Святославъ выступилъ и захватилъ людей Голядь на верховьяхъ Поротвы; такимъ образомъ Святославова дружина пріобрѣла себѣ много добычи. Юрій прислалъ къ Святославу сказать ему: «прійди ко мнѣ, братъ, въ *Московъ*». Святославъ отправился туда съ сыномъ своимъ Олегомъ и небольшою дружиною; онъ взялъ съ собою Владиміра Святославича. Олегъ поѣхалъ впередъ къ Юрію и далъ ему пардуса. За нимъ пріѣхалъ отецъ его Святославъ, и тамъ они любезно привѣтствовали другъ друга въ пятницу на Похвалу Святой Богородицы и были веселы. На другой день Юрій велѣлъ устроить большой обѣдъ и оказалъ великую почесть гостямъ своимъ; онъ съ любовью далъ большіе подарки Святославу, сыну его Олегу и Владиміру Святославичу, угостилъ всѣхъ людей Святослава и такъ отпустилъ ихъ. Юрій обѣщался отпустить съ Святославомъ сына своего и сдѣлалъ это. Святославъ возвратился оттуда къ Лобынску, затѣмъ отправился къ Перинъску, перейдя Окусталъ. Время подходило къ Свѣтлому празднику, и на самое вербное воскресеніе скончался добрый старецъ Петръ Ильичъ, который былъ еще слугою отца Святославова. Отъ старости не могъ онъ и на коня влѣзть, и было ему 90 лѣтъ. Въ томъ же году поставилъ Изяславъ митрополита Клима Смолятича, выведя его изъ Заруба. Онъ былъ монахъ-схимникъ, человѣкъ ученый и знающій философію и такой, какого еще не бывало въ Руской землѣ. Черниговскій епископъ сказалъ: «мнѣ извѣстно, что по закону возможно епископамъ собраться и выбрать митрополита». Сошлись епископы: Онуфрій черниговскій, Ѳедоръ бѣлогородскій, Евонмій переяславскій, Демьянъ юрьевскій, Ѳедоръ владимірскій, Нифонтъ новгородскій,

Мануйло смоленскій. Они сказали: «нѣтъ того въ законѣ, чтобы епископамъ ставить митрополита безъ патріарха, но ставитъ митрополита патріархъ; а мы не будемъ ни клапяться тебѣ, ни служить съ тобою, потому что ты не бралъ благословенія въ храмѣ у Св. Софіи отъ Патріарха. Если ты поправишь дѣло, испросишь благословеніе у патріарха, то мы тебѣ поклонимся. Мы взяли записку отъ митрополита Михаила въ томъ, что намъ не слѣдуетъ въ храмѣ Св. Софіи служить безъ митрополита». Митрополитъ сердился за то на епископовъ. Черниговскій епископъ Онуфрій сказалъ: «а я знаю, что мы имѣемъ право поставить митрополита: у насъ есть голова Святаго Климента, а вѣдь Греки ставятъ рукою святаго Іоанна». Епископы согласились съ этимъ и главою Святаго Климента поставили митрополита.

Святославъ пришелъ и сталъ у Переяьска. Тутъ пришли къ нему послы изъ земли Половецкой отъ его дядьевъ съ материнской стороны съ Василемъ Половчанпномъ. Пришло ихъ всѣхъ 60 человѣкъ и говорили такъ: «пришли мы узпать о твоемъ здоровьи, а когда велишь намъ прійдти къ тебѣ съ военными силами»?— Въ то же время прибѣжали изъ Руси *дѣтскіе* и сказали ему, что Владиміръ—въ Черниговѣ, а Изяславъ—въ Стародубѣ. Святославъ пришелъ къ Дѣдославлю; туда пришли къ нему другіе Половцы—Токюбичи; онъ приставилъ къ нимъ Судиміра Кучебича и Горѣпа, послалъ ихъ на Смольянъ, и они опустошили земли по верховьямъ Угры. Въ то же время намѣстники Владиміра и Изяслава бѣжали изъ земли Вятичей, изъ Брянска, изъ Мценска и изъ Блова. Святославъ пошелъ къ Девягорьску, занялъ всю землю Вятичей до Брянска и до Воробьина, мѣста по Деснѣ, Домагощь и Мценскъ. Въ то же время пришли къ нему *Бродницы* и много Половцевъ пришло къ нему, родныхъ его матери; а Изяславъ Давидовичъ отправился изъ Нова-Города въ Черниговъ. Въ это время пришелъ Глѣбъ Юрьевичъ къ Святославу въ Девягорскъ и оттуда пошли ко Мценску—Олегъ Святославичъ, Глѣбъ Юрьевичъ и Половцы. Святославъ далъ имъ много подарковъ и пошелъ къ городу на Изяславича. Уже въ ту пору, когда спать ложиться, нагнали Святослава послы отъ Владиміра Давидовича и Святослава Всеволодовича; они говорили ему: «забудь то, что было; отнынѣ мы будемъ всѣ за одно; не помни зла, нами тебѣ сдѣланнаго; ты дай намъ клятвенное обѣщаніе, а то, что было твоего отца, возьми и что мы взяли твоего, то возвратимъ». Они дали клятву и не исполнили.

Владиміръ и Изяславъ Давидовичи прислали изъ Чернигова пословъ къ Изяславу, князю кіевскому, сказать: «братъ, Святославъ Ольговичъ, занялъ нашу область Вятичей; пойдемъ на него, и если его прогонимъ, то пойдемъ къ Суздалю на Юрія, и либо съ нимъ миръ заключимъ, либо будемъ съ нимъ драться». Изяславъ порѣшилъ съ общаго совѣта съ Давидовичами и Святославомъ Всеволодовичемъ пойдти на Юрія и Святослава. Въ то время Святославъ Всеволодовичъ управлялъ у Изяслава Бужевскимъ, Межибожьемъ, Котельницею и всего пятью городами. Онъ пріѣхалъ къ Изяславу и сталъ у него проситься; онъ говорилъ: «отецъ мой, пусти меня впередъ въ Черниговъ; тамъ все, что мнѣ дорого въ жизни; у братьевъ моихъ Владиміра и Изяслава хочу просить владѣній». Изяславъ сказалъ: «сынъ мой, хорошо ты это вздумалъ, готовься скорѣе въ путь и ступай впередъ». Святославъ отправился въ Черниговъ. Князья черниговскіе съ общаго совѣта послали сказать Изяславу: «земля наша гибнетъ, а ты не хочешь прійдти къ намъ на помощь». Изяславъ созвалъ своихъ бояръ и всю свою дружину Кіевлянъ и сказалъ имъ: «вотъ я съ общаго совѣта съ братьями моими, Владиміромъ и Изяславомъ Давидовичами и Святославомъ Всеволодовичемъ, хотимъ идти на Юрія, нашего дядю, къ Суздалю за то, что онъ принялъ подъ свое покровительство Святослава Ольговича, а братъ Ростиславъ тамъ соединится съ нами, такъ какъ онъ идетъ ко мнѣ съ Смольянами и Новгородцами».

Кіевляне, услыхавъ рѣчь Изяслава, сказали: «князь, не ходи съ Ростиславомъ на своего дядю; лучше помирись, а Ольговичамъ ты не довѣряй и съ ними въ путь не ходи».—Изяславъ сказалъ Кіевлянамъ: «Ольговичи дали мнѣ клятвенное цѣлованіемъ креста обѣщаніе и съ ними я имѣлъ совѣщаніе; во всякомъ случаѣ не хочу отказаться отъ этого похода, и вы собирайтесь».—Кіевляне дали такой отвѣтъ: «князь, ты на насъ не гнѣвайся; не можемъ мы поднять рукъ на Владимірово потомство, а на Ольговичей хоть и съ дѣтьми».—Изяславъ сказалъ: «кто изъ васъ человѣкъ добрый (хорошій), тотъ за мною пойдетъ». Съ этими словами собралъ онъ множество воиновъ и выступилъ въ походъ. Онъ пошелъ на Альту, оттуда къ Нѣжатину, а отъ Нѣжатина пошолъ и сталъ съ своими полками у Русотины; оттуда онъ послалъ Улѣба къ Чернигову, а своего брата Владиміра оставилъ въ Кіевѣ.—Улѣбъ пріѣхалъ въ Черниговъ и узналъ, что Владиміръ и Изяславъ Давидовичи и Святославъ Всеволодовичъ дали клятвенное

обѣщаніе Святославу Ольговичу — обманомъ убить Изяслава. Узнавъ объ этомъ, Улѣбъ поспѣшилъ къ Изяславу и сказалъ ему, что черниговскіе князья ему измѣнили и заключили противъ него клятвою скрѣпленный союзъ. Да еще и отъ людей, расположенныхъ къ Изяславу, пришло извѣстіе изъ Чернигова: «князь, не ходи изъ дому никуда. Тебя зовутъ обманомъ, хотятъ убить или захватить вмѣсто Игоря, а сами (черниговскіе князья) вступили въ клятвенный союзъ съ Святославомъ Ольговичемъ, послали такой же заключить и съ Юріемъ, и вмѣстѣ съ нимъ собираются на тебя».—Услыхавъ объ этомъ, Изяславъ возвратился назадъ и и отправилъословъ къ Владиміру и брату его Изяславу сказать имъ: «задумали мы походъ немаловажный, а согласно обычая отцовъ и дѣдовъ нашихъ мы цѣловали другъ къ другу крестъ, дадимъ же еще слова другъ къ другу, что на этомъ походѣ намъ не имѣть никакой ссоры и ничего злаго другъ на друга не умышлять, но совершить этотъ походъ во всей правдѣ и съ врагами нашими сражаться». Черниговскіе князья отвѣчали: «къ чему намъ такъ безо всякаго основанія еще цѣловать крестъ? Мы уже его цѣловали къ тебѣ, а теперь въ чемъ наша вина»?—И не стали они вновь цѣловать крестъ. Посолъ Изяслава Мстиславича сказалъ имъ: «какой же грѣхъ изъ расположенія другъ ко другу цѣловать крестъ? Это только намъ къ спасенію».—Тѣ не послушали его словъ. А Изяславъ приказалъ своему послу: «если они не станутъ по любви цѣловать крестъ, то скажи имъ, какъ мы слышали». Изяславовъ посолъ сказалъ черниговскимъ князьямъ: «если вы вѣрны данному вами цѣлованіемъ креста клятвенному обѣщанію, то объявляю вамъ: дошло до моего свѣдѣнія, что вы меня зазываете обманомъ, а Святославу Ольговичу вы дали клятвенное обѣщаніе—во время этого похода меня или схватить взамѣнъ Игоря, или убить: то, братья, правда ли это или нѣтъ»?—Князья на это сначала ничего не отвѣчали, только посмотрѣли другъ на друга. Послѣ долгаго молчанія Владиміръ сказалъ Изяславову послу: «выйди, посиди тамъ, а мы опять тебя позовемъ». — Долго совѣщались князья, видя, что ихъ умыселъ открылся; потомъ позвали посла и сказали: «братъ! Дѣйствительно, цѣловали мы крестъ къ Святославу Ольговичу; жаль намъ нашего брата Игоря, котораго ты держишь, а онъ уже монахъ и схимникъ. Пусти нашего брата, и мы станемъ подлѣ тебя ѣздить. Пріятно ли было бы тебѣ, братъ, если-бы мы задержали твоего брата»? — Посолъ Изяславовъ вернулся

къ Изяславу и объявилъ ему, что черниговскіе князья ему измѣнили. — Изяславъ снова отправилъ посла къ нимъ возвратить имъ грамоту о союзѣ и сказать: «вы мнѣ цѣловали крестъ оставаться со мною въ союзѣ, пока вы живы; я вамъ отдалъ владѣнія Святослава и Игоря; а я съ вами и Святослава прогналъ и владѣнія вамъ доставилъ,—отдалъ вамъ Новгородъ и Путивль; все имущество Святослава мы отняли и раздѣлили его на части, а Игорево я себѣ взялъ. А теперь, братья, вы нарушили крестное цѣлованіе и звали меня къ себѣ обманомъ, желая меня убить. Пусть будетъ со мной Богъ и сила животворящаго креста, и какъ мнѣ Богъ пошлетъ, такъ и будетъ». Съ этими словами посолъ бросилъ имъ грамоту о союзѣ.—Въ то же время Изяславъ отправилъ посла къ Ростиславу, своему брату, въ Смоленскъ сказать ему: «братъ, Владиміръ и Изяславъ Давидовичи цѣловали было къ намъ крестъ и замышляли съ нами идти на нашего дядю, но они хотѣли только обманомъ зазвать меня и убить; но Богъ и сила креста то вывели наружу. Теперь, братъ, какъ мы было думали идти на нашего дядю, то уже теперь не ходи, а пойди сюда ко мнѣ. Тамъ устрой Новгородцевъ и Смольянъ, чтобы они задержали Юрія и пошли къ старикамъ нашимъ въ Рязань и повсюду». Тогда же Изяславъ послалъ въ Кіевъ къ брату своему Владиміру,—его онъ оставилъ въ Кіевѣ,—къ митрополиту Климу, къ тысяцкому Лазарю сказать имъ: «созовите Кіевлянъ на дворъ храма Св. Софіи; пусть мой посолъ скажетъ имъ рѣчь мою и объявитъ обманъ черниговскихъ князей». Кіевляне всѣ отъ мала до велика собрались на дворъ къ храму Св. Софіи. Когда они столпились на вѣчѣ, то Изяславовъ посолъ сказалъ имъ: «князь вашъ прислалъ вамъ поклонъ и велѣлъ вамъ сказать: я было объявлялъ вамъ, что я сговорился съ родичами моими, съ братомъ Ростиславомъ, съ Владиміромъ и Изяславомъ Давидовичами, идти на дядю моего Юрія и звалъ васъ. Вы мнѣ сказали: не можемъ поднять руки на Юрія, какъ на сына Владимірова, но если на Ольговичей, то хоть и съ дѣтьми пойдемъ за тобою. Объявляю теперь вамъ, что Владиміръ и Изяславъ Давидовичи и Святославъ Всеволодовичъ, которому я много сдѣлалъ добра, цѣловавъ ко мнѣ крестъ, теперь цѣловали его къ Святославу Ольговичу и послали къ Юрію, а относительно меня задумали злой обманъ,—хотѣли меня либо схватить, либо убить за Игоря, но защитили меня Богъ и сила креста, который они ко мнѣ цѣловали. Теперь, братья Кіевляне, исполните то, чего вы хотѣли и что вы мнѣ

обѣщали; идите за мною къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика,—у кого есть лошадь, то на лошади, а у кого нѣтъ, то въ лодкѣ. Не меня одного хотѣли убить Ольговичи, но и васъ искоренить». Кіевляне отвѣчали: «рады мы, что Богъ избавилъ тебя отъ злаго обмана твоихъ родичей; идемъ за тобою и съ дѣтьми куда ты захочешь». Тутъ одинъ человѣкъ сказалъ: «съ радостью пойдемъ мы за нашимъ княземъ; но сначала подумаемъ о томъ: случилось же и прежде при князѣ Изяславѣ Ярославичѣ, что лихіе люди освободили Всеслава изъ заточенія и сдѣлали у себя княземъ, за что нашъ городъ постигло великое бѣдствіе. А теперь врагъ нашего князя и нашъ—Игорь—не въ заключеніи, но въ монастырѣ Св. Ѳеодора. Убьемъ его и потомъ пойдемъ къ Чернигову за нашимъ княземъ; тамъ покончимъ и съ тѣми». Услыхавъ это, граждане пошли на Игоря къ монастырю Св. Ѳеодора. Владиміръ говорилъ имъ: «братъ мой вамъ этого не приказывалъ. За Игоремъ тутъ будутъ смотрѣть сторожа, а мы пойдемъ всѣ къ брату, какъ онъ велѣлъ».—Кіевляне отвѣчали: «мы знаемъ, что намъ не кончить добромъ съ тѣмъ племенемъ,—ни намъ, ни вамъ какъ угодно». И митрополитъ, и тысяцкій Лазарь и Рагуйло, Владиміровъ тысяцкій, старались удержать народъ, чтобы онъ не убивалъ Игоря. Но граждане съ громкими криками бросились убить его. Владиміръ сѣлъ на коня и поскакалъ; народъ шелъ по мосту; онъ, видя невозможность его обогнать, поворотилъ коня направо, мимо Глѣбова двора. И Кіевляне опередили Владиміра. Игорь, услыхавъ, вошелъ въ церковь Св. Ѳеодора; онъ вздохнулъ изъ глубины сердца, сокрушенно смиряся духомъ, заплакалъ, вспомнивъ все, что было съ Іовомъ. Пришло ему на мысль и то, какія страданія и мученія смерти постигали праведниковъ, какъ Святые пророки и апостолы удостоились вѣнца мученическаго и за Господа кровь свою пролили, какъ Святые священномученики, преподобные отцы приняли различныя бѣдствія, горькія мученія и разнообразную смерть, бывъ искушаемы діаволомъ и выйдя чистыми отъ искушенія, какъ золото очищается въ горнѣ. «Ихъ молитвами, Господь, причти и меня къ твоему избранному стаду съ овцами, стоящими на правой сторонѣ, и какъ святые православные цари пролили свою кровь, пострадавъ за людей своихъ, и самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ искупилъ міръ отъ обмановъ (соблазновъ) лукаваго Своею честною кровію».—Разсуждая такъ самъ съ собою, Игорь утѣшалъ себя и говорилъ еще: «Ты, Господь, окажи призрѣніе

моей слабости, взгляни на мое смиреніе и злую печаль и скорбь, которыя мною теперь овладѣли: пусть я, въ надеждѣ на Тебя, вытерплю все это. Вѣдь Ты, Спасъ нашъ, сказалъ: «кто въ Меня вѣруетъ, то хоть и умретъ, живъ будетъ во вѣкъ». За все за это благодарю Тебя, Господь, что Ты смирилъ мою душу и удостоилъ меня прійдти на свѣтъ отъ мрачной, суетной и скоротечной жизни здѣшней и въ царствіи Твоемъ явилъ меня участникомъ Твоихъ нетлѣнныхъ и неисповѣдимыхъ благъ со всѣми праведниками, угодившими тебѣ, Господь. И теперь, если прольютъ мою кровь, буду мученикомъ моему Господу».—Народъ кинулся на него какъ лютый звѣрь; его схватили въ церкви Св. Ѳеодора во время обѣдни и сорвали съ него мантію. А онъ говорилъ имъ: «законопреступники, враги, поправшіе ногами весь законъ Христовъ, за что вы хотите убить меня какъ разбойника? Не вы ли цѣловали ко мнѣ крестъ и обѣщались имѣть меня своимъ княземъ? Теперь бы я и вспоминать того не сталъ бы, такъ какъ Богъ удостоилъ меня принять монашескій санъ». А лукавая и нечестивая толпа кричала все громче: «убьемъ его, убьемъ». Съ него стащили верхнюю одежду, и онъ громко воскликнулъ: «проклятые, вы сами не знаете, что дѣлаете и въ вашемъ ослѣпленіи дѣйствуете. Если вы оставите и все мое тѣло обнаженнымъ, то знайте то: обнаженный вышелъ я изъ внутренностей моей матери, обнаженный отойду въ лоно общей нашей матери-земли». Такъ онъ говорилъ, а его повели изъ монастыря. Въ самыхъ воротахъ монастырскихъ встрѣтилъ его Владиміръ, и Игорь, взглянувъ на него, сказалъ: «охъ, братъ мой, куда меня ведутъ»?—Владиміръ соскочилъ съ коня и плащемъ своимъ прикрылъ Игоря, а Кіевлянамъ говорилъ: «братья мои, не совершайте такого злодѣянія, не убивайте Игоря». Такимъ образомъ Владиміръ довелъ Игоря до воротъ своей матери. Тутъ начали убивать Игоря и, ударяя его, поражали и Владиміра. — Михаилъ, видя это, соскочилъ съ коня, желая помочь Владиміру. Владиміръ втащилъ Игоря на дворъ своей матери, намѣреваясь его тутъ спрятать, и затворилъ ворота.— Граждане били Михаила и оторвали на немъ крестъ съ цѣпями, а въ немъ была *гривна* золота. — Множество гражданъ бросилось убивать Игоря. Владиміръ Мстиславичъ прискакалъ, соскочилъ съ коня и упалъ на Игоря. Тогда Игорь имѣлъ возможность встать и удалился на дворъ Мстиславовъ. Тутъ граждане схватили Владиміра и хотѣли его убить вмѣсто Игоря. — Граждане видѣли, что Игорь ушелъ на Мстиславовъ дворъ; они бросились туда, выло-

мали ворота и тамъ убили Игоря. Когда его убивали, онъ сказалъ: «Владыко! Въ Твои руки предаю духъ мой; пріими въ миръ Твой душу мою». Беззаконные и немилосердные убійцы, лишивъ жизни Игоря, бросили его тѣло обнаженнымъ и, зацѣпивъ веревками за ноги, потащили. Онъ еще дышалъ, когда они ругались надъ его царскимъ и священнымъ тѣломъ. Его тащили съ Мстиславова двора черезъ Бабинъ Торжокъ на княжескій дворъ и тутъ прикончили его. Такова-то была кончина князя Игоря, Олегова сына. Доблестный былъ онъ поборникъ по своемъ отечествѣ, духъ свой предалъ въ руки Божіи; совлекши съ себя одежду тлѣннаго человѣка, онъ облекся въ нетлѣнную и многострадальную ризу Христа, отъ котораго и вѣнчанъ, принявъ нетлѣнный вѣнецъ мученическій. Такимъ образомъ Игорь отошелъ къ Богу 19 сентября въ пятницу. За тѣмъ тѣло Игоря положили на телѣгу и отвезли на Подолье, на Торговище, гдѣ и бросили на поруганіе эти люди беззаконные, безсмысленные, ослѣпленные зрѣніемъ; не знали они, что Богъ—мститель и взыщетъ за кровь невинную. Люди же вѣрующіе приходили и брали — себѣ во спасеніе и въ исцѣленіе—отъ его крови и отъ того, чѣмъ прикрыто было тѣло его, а наготу тѣла его прикрывали своими одеждами. Владиміру сказали, что Игоря тѣло брошено на Торговищѣ; онъ послалъ тысяцкаго. Тотъ пріѣхалъ и видѣлъ Игоря мертваго брошеннымъ. Онъ сказалъ гражданамъ: «вотъ вы убили Игоря, похоронимъ же его тѣло». Кіевляне отвѣтили: «убили его не мы, но Ольговичъ, Давидовичи и Всеволодовичъ тѣмъ, что они замыслили зло на нашего князя, намѣреваясь погубить его обманомъ; но за нашего князя Богъ и Святая Софія». Тысяцкій велѣлъ взять Игоря и, взявъ его, положили въ храмѣ Св. Михаила. Въ ту же ночь Богъ показалъ надъ нимъ великое чудо: въ томъ храмѣ зажглись надъ нимъ всѣ свѣчи. На другой день пришли Новгородцы и сказали о томъ митрополиту; но тотъ не велѣлъ никому говорить о томъ, но приказалъ скрыть такую благодать, какую Богъ явилъ надъ тѣломъ Игоря. На разсвѣтѣ въ субботу митрополитъ прислалъ Апанію, настоятелю монастыря Святаго Феодора. Настоятель пріѣхалъ. Видя Игоря обнаженнымъ, онъ его пріодѣлъ, и отпѣвъ надъ нимъ обычныя пѣсни, отвезъ тѣло Игоря на конецъ города, въ монастырь Святаго Симеона (этотъ монастырь былъ отца Игорева и дѣда его Святослава) и тамъ его положилъ. — Изяславъ въ то время находился у верховьевъ Супоя; сюда прислалъ къ нему Владиміръ, давая знать объ убіеніи Игоря. Изяславъ, услыхавъ объ

этомъ, заплакалъ и сказалъ: «еслибы я зналъ, что это такъ случится, то хотя бы и далеко отослалъ Игоря, но могъ бы его сохранить».— Изяславъ сказалъ своей дружинѣ: «не избѣжать мнѣ теперь во всякомъ случаѣ нареканія людскаго. Скажутъ: Изяславъ велѣлъ убить Игоря, а свидѣтель тому Богъ, что я не приказывалъ и не поучалъ, и то разсудитъ Богъ».—Окружавшіе Изяслава отвѣтили ему: «не кстати печалишься ты о томъ, что люди скажутъ: Изяславъ убилъ Игоря или приказалъ его убить. Князь! Извѣстно и Богу, и всѣмъ людямъ, что не ты убилъ Игоря, а убили его же братья тѣмъ, что, цѣловавъ къ тебѣ крестъ, нарушили клятву и задумали было надъ тобою то же сдѣлать, то-есть лишить тебя жизни».—Изяславъ сказалъ: «если такъ уже случилось, то дѣлать больше нечего, а тамъ мы всѣ будемъ, и Богъ разсудитъ насъ тамъ». Сильно жаловался онъ на Кіевлянъ. Изяславъ послалъ за Владиміромъ въ Городецъ, а за Ростиславамъ въ Смоленскъ. Пришло извѣстіе къ Владиміру Давидовичу, что Игоря убили. Владиміръ послалъ къ Святославу Ольговичу сказать: «твоего брата Игоря убили». Тотъ созвалъ старшую свою дружину и объявилъ ей; при этомъ онъ горько плакалъ о своемъ братѣ. Въ то время пришелъ къ нему изъ Суздаля Глѣбъ Юрьевичъ и Святославъ съ нимъ вмѣстѣ пришелъ къ Курску. Мстиславъ, слыша, что Святославъ Ольговичъ и Глѣбъ Юрьевичъ идутъ на него къ Курску, объявилъ жителямъ. Тѣ отвѣтили: «противъ Ольговичей мы ради сражаться и съ дѣтьми, а не можемъ поднять рукъ на Юрьевича, какъ потомка Владиміра». Мстиславъ, слыша это, отправился къ отцу своему. Жители Курска послали къ Юрьевичу и взяли у него себѣ намѣстника. Посадивъ своего намѣстника въ Курскѣ, Глѣбъ Юрьевичъ пошелъ далѣе съ Святославомъ Ольговичемъ; пришли они къ Вырю, и Глѣбъ Юрьевичъ посажалъ своихъ намѣстниковъ въ мѣстахъ по берегамъ Сейма за *полемъ* (за степью?) и у Выря.—Тутъ много Половцевъ вступили съ нимъ въ клятвенный союзъ. Сюда пришелъ Святославъ Всеволодовичъ. Князья-союзники послали къ Выревцамъ сказать: «если вы не сдадитесь, то мы отдадимъ васъ Половцамъ на разграбленіе». Жители Выря отвѣчали: «у насъ княземъ Изяславъ»—и не сдались. Оттуда князья-союзники пошли къ Вьяханю, и тутъ не имѣли никакого успѣха, за тѣмъ къ Попашю; тутъ пришелъ къ нимъ Изяславъ Давидовичъ и послѣ сраженія взяли Попашь. Въ это время пришло извѣстіе къ Изяславу Мстиславичу, что Вьяхань и другіе города отбились, а Попашь взяли. Онъ собралъ большое войско: отъ Вячеслава при-

шло къ нему вспоможеніе и изъ Владиміра пришелъ полкъ. Со всѣми этими силами двинулся Изяславъ къ Переяславлю. Тутъ получилъ онъ отъ брата своего Ростислава извѣстіе, что онъ уже въ походѣ. Посолъ Ростислава сказалъ Изяславу: «братъ тебѣ говоритъ—подожди меня; я здѣсь сжегъ Любечь, сдѣлалъ большое опустошеніе и много зла причинилъ Ольговичамъ; а тамъ, когда мы увидимся, то Богъ намъ покажетъ, какъ намъ лучше поступить».—Услыхавъ это, Изяславъ пошелъ потихоньку, поджидая своего брата Ростислава. Изяславъ остановился—гдѣ Черная могила, и тутъ пришелъ къ нему братъ Ростиславъ съ многочисленнымъ войскомъ изъ жителей Смоленской области. Такимъ образомъ, Изяславъ соединился съ братомъ своимъ Ростиславомъ и похвалилъ Бога, радуясь своему брату. Тутъ Изяславъ началъ совѣтоваться съ братомъ своимъ Ростиславомъ, съ дружиною и Черными Клобуками, куда бы пойдти поперекъ союзникамъ къ Сулѣ, гдѣ они стояли. Изяславъ сказалъ своему брату Ростиславу: «братъ, вотъ Богъ насъ свелъ вмѣстѣ и тебя Богъ избавилъ отъ великаго обмана, что тебя хотѣли или взять, или убить. А теперь, братъ, медлить не станемъ, а куда къ нимъ поперекъ—туда и поѣдемъ, а какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ». Сказалъ онъ такъ, и выступили на Сулу. Изяславъ Давидовичъ, Святославъ Ольговичъ и Половцы услыхали, что уже Изяславъ соединился съ братомъ своимъ Ростиславомъ и идетъ къ нимъ. Въ ту же ночь ушли Половцы въ свою землю.—немного Половцевъ осталось у нихъ; сами князья-союзники пошли къ Чернигову на Глѣбля. Изяславъ и Ростиславъ, услыхавъ, что Половцы уже разошлись, двинулись къ Чернигову и начали совѣтоваться съ людьми своими, дружиною и Черными Клобуками, куда бы пойдти наперерѣзъ непріятелю. Сказали Черные Клобуки: «наперерѣзъ имъ пойдемъ ко Всеволожню». Пошли наперерѣзъ, но не нагнали у Всеволожа, такъ какъ Изяславъ Давидовичъ, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ уже прошли Всеволожь.—Изяславъ Мстиславичъ и братъ его Ростиславъ не стали преслѣдовать непріятеля, но со всѣмъ войскомъ окружили Всеволожь, взяли его приступомъ, а тамъ нашли себѣ убѣжище жители еще двухъ городовъ. Жители другихъ городовъ: Уневѣжа, Бѣловѣжа, Бохмача, слыша, что Всеволожь взятъ, побѣжали къ Чернигову, и жители многихъ другихъ городовъ также бѣжали. Услыхавъ объ этомъ, Изяславъ и Ростиславъ послали за ними и нагнали на полѣ и захватили жителей тѣхъ (вышепоименованныхъ) трехъ городовъ, а другіе ушли. Изя-

славъ велѣлъ сжечь тѣ города. Жители Глѣбла, услыхавъ о судьбѣ, постигшей жителей Уневѣжа, Бохмача и Бѣловѣжа, и сами не успѣли убѣжать. Узнавъ о томъ, Изяславъ съ братомъ Ростиславомъ пошли къ Глѣблу и, прійдя къ городу, устроивъ полки въ боевой порядокъ, длинулись къ городу и стали сражаться. Жители города давали сильный отпоръ; бой продолжался отъ ранняго утра до вечера. Богъ и Святая Богородица и Святые мученики избавили городъ отъ угрожавшей ему опасности. Изяславъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ вернулись оттуда и пошли къ Кіеву, сказавъ своей дружинѣ, Кіевлянамъ и Смольянамъ: «готовьтесь всѣ къ тому времени, когда станутъ рѣки; тогда пойдемъ къ Чернигову, и какъ намъ дастъ Богъ». Возвратясь въ Кіевъ, Изяславъ и Ростиславъ похвалили Бога, поклонились святымъ церквамъ и весело проводили время. Съ общаго совѣта Изяславъ сказалъ Ростиславу: «братъ, тебѣ Богъ далъ верхнюю землю и ты тамъ пойди противъ Юрія; тамъ у тебя Смольяне, Новгородцы и всѣ сколько есть твоихъ союзниковъ: съ ними ты тамъ удержи Юрія; а я здѣсь останусь, и я, какъ мнѣ Богъ дастъ развѣдаться съ Ольговичами и Давидовичами, такъ я и развѣдаюсь». Ростиславъ отправился въ Смолепскъ. Въ то время, когда рѣки уже стали, Ольговичи и Давидовичи послали свою дружину съ Половцами разорить Брягинь. Въ этомъ же году Глѣбъ Юрьевичъ занялъ отцовъ Городокъ у Изяслава. Тотъ, услыхавъ объ этомъ, послалъ къ нему звать его въ Кіевъ къ себѣ. Глѣбъ обѣщался прійдти и не пришелъ. Онъ послушалъ Ярослава, который ему говорилъ: «иди въ Переяславль. —тебя желаютъ имѣть княземъ тамошніе жители». Послушавъ этихъ словъ, онъ поспѣшно отправился къ Переяславлю. На разсвѣтѣ, когда еще Мстиславъ и люди его дружины лежали, караульные прибѣжали и сказали ему: «князь, вставай скорѣе, къ тебѣ торопится Глѣбъ». Собравъ дружину, Мстиславъ выступилъ изъ города къ нему на встрѣчу. Глѣбъ постоялъ до утра и вернулся назадъ; а Мстиславъ, соединивъ и дружину и Переяславцевъ, преслѣдовалъ его и нагналъ у Посова на Рудѣ; тутъ захватили нѣсколько человѣкъ его, Глѣба, дружины. Глѣбъ удалился въ Городецъ, а Мстиславъ вернулся въ Переяславль. Изяславъ, услыхавъ о томъ, что произошло, собралъ дружину и Берендѣевъ и выступилъ на Глѣба къ Городку. Глѣбъ послалъ къ Владиміру Давидовичу и Святославу Ольговичу сказать: «на меня идетъ Изяславъ, пришлите мнѣ подкрѣпленіе». Они не были въ состояніи оказать ему какое-либо вспомоществованіе. Изяславъ пришелъ къ Городку на Глѣба и

стоялъ около него три дня. Юрьевичъ оробѣлъ, выѣхалъ изъ Городка, поклонился Изяславу и помирился съ нимъ. Изяславъ воротился въ Кіевъ, а Юрьевичъ прислалъ къ Владиміру сказать: «поневолѣ цѣловалъ я крестъ къ Изяславу, потому что онъ осадилъ было меня въ городѣ, а отъ васъ не было мнѣ помощи, а теперь во всякомъ случаѣ я желаю быть за одно съ вами и расположенъ къ вамъ».

1148 г.

Снова Изяславъ пошелъ къ Чернигову; онъ собралъ всѣ свои силы, послалъ взять полкъ у дяди своего Вячеслава, изъ Венгріи привелъ полки себѣ на помощь, а также и владимірскій полкъ, собралъ всѣ полки Берендѣевъ и двинулся къ Чернигову. Онъ пришелъ, постановился на Ольговомъ полѣ, гдѣ и стоялъ тутъ три дни. Святославъ Ольговичъ, Изяславъ и Владиміръ Давидовичи и Всеволодъ Святославичъ не смѣли выйдти къ нему навстрѣчу; Изяславъ, стоя тутъ, предалъ огню всѣ ихъ селенія до самаго Баловаса. Тутъ Изяславъ, сталъ говорить: «вотъ мы пожгли всѣ ихъ селенія и пожитки, а они къ намъ не вышли; пойдемъ же къ Любечу, гдѣ все ихъ имущество». Такъ вздумавъ, Изяславъ двинулся къ Любечу; шли они до Любеча пять дней и остановились у Любеча. Тутъ пришли Владиміръ и Изяславъ Давидовичи съ племянникомъ своимъ Святославомъ Всеволодовичемъ, и рязанскіе пришли князья и Половцы съ ними. У Любеча есть рѣка, и союзные князья, придя, остановились подъ ея прикрытіемъ. Въ воскресеніе Изяславъ, устроивъ войско въ боевой порядокъ, пошелъ противъ нихъ; рѣка препятствовала ему схватиться съ непріятелемъ, а стрѣлки съ обѣихъ сторонъ обмѣнивались стрѣлами. Въ ту ночь былъ страшный дождь. На другой день Изяславъ, видя, что ледъ на Днѣпрѣ портится, сказалъ находившимся у него Венграмъ: «вотъ намъ нельзя за рѣкою сразиться съ непріятелемъ, а на Днѣпрѣ ужь ледъ портится; пойдемъ за Днѣпръ». Сказавъ это, Изяславъ пошелъ за Днѣпръ въ попедѣльникъ, а на утро ледъ поломало. Изяславъ по той сторонѣ пошелъ къ Кіеву, а Венгры второпяхъ наѣхали на озеро; тутъ подъ ними подломился ледъ и потонуло нѣсколько человѣкъ. Изяславъ вернулся въ Кіевъ и возблагодарилъ Бога и силу животворящаго креста.—Изяславъ послалъ къ брату своему Ростиславу сказать: «братъ, объявляю тебѣ, что я ходилъ на Ольговичей къ Чернигову, стоялъ на Ольговомъ полѣ, много вреда надѣлалъ имъ, опу-

стошилъ ихъ землю и тутъ они не были въ силахъ выйдти со мною сражаться своими полками. Оттуда мы пошли къ Любечу; тутъ они пришли къ намъ, но насъ съ ними раздѣляла рѣка,—опа-то не дала намъ съ ними сразиться. Въ ночь сдѣлался сильный дождь, ледъ на Днѣпрѣ сдѣлался слабъ и потому мы перешли на ту сторону. Такимъ образомъ Богъ, Святая Богородица и сила животворящаго креста привели насъ въ Кіевъ въ добромъ здоровьи. Теперь я спрашиваю тебя, братъ, въ добромъ ли ты здоровьи и какъ тебѣ тамъ помогаетъ Богъ»? Въ то же время Владиміръ Давидовичъ послалъ къ Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу сказать: «братья, если мы и соединимся, то, смотря на собственныя силы, не можетъ вести войны». Святославъ пріѣхалъ. Князья отправили пословъ къ Юрію сказать ему: «ты далъ намъ клятвенное обѣщаніе, что пойдешь съ нами на Изяслава, но ты не пошелъ, а Изяславъ пришелъ, предалъ огню наши города за Десною и опустошилъ нашу землю. Потомъ вторично Изяславъ пришелъ къ Чернигову, сталъ на Ольговомъ полѣ. Тутъ опъ и его войско опустошили наши села до Любеча и разграбили все наше достояніе, а ты пи къ намъ не пошелъ, ни на Ростислава не сдѣлалъ нападенія. Теперь, если ты хочешь идти на Изяслава, то иди и мы съ тобою, а если не пойдешь, то мы свободны отъ данной нами клятвы; не можемъ мы одни погибать жертвами войны». Въ то время Глѣбъ Юрьевичъ, уговорясь съ Переяславцами, поѣхалъ къ нимъ изъ Городца. Мстиславъ Изяславичъ, провѣдавъ, что Глѣбъ идетъ на него, вышелъ противъ него съ полкомъ Переяславцевъ. Глѣбъ, видя что на него идетъ Мстиславъ, а у него самого, Глѣба, очень мало людей, сказалъ: «обманули меня Переяславцы», и не будучи въ состояніи противустать непріятелю, бѣжалъ. Изяславовы воины, нагоняя его людей, однихъ ловили, а другихъ избивали. Схватили Станиславича и казнили его мучительною смертью; поймали много и другихъ, а самъ Глѣбъ убѣжалъ въ Городокъ и, не смѣя въ немъ оставаться, бѣжалъ въ Черниговъ къ Владиміру Давидовичу.—Въ то же время пріѣхали послы Давидовичей, Ольговича и Всеволодовича отъ Юрія безъ успѣха; они не нашли въ немъ никакой помощи. — Владиміръ и Изяславъ Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ отправили пословъ къ Изяславу Мстиславичу, прося мира. Они говорили такъ: «такъ было и прежде при отцахъ нашихъ и дѣдахъ нашихъ: миръ стоитъ до войны, а война до мира. Теперь не сердись на насъ за то, что мы начали съ тобою войну; намъ жаль нашего брата Игоря.

Мы того добивались, чтобы ты отпустилъ его, а теперь онъ убитъ, пошелъ къ Богу, гдѣ мы и всѣ будемъ, и теперь-то судить—дѣло Божье. Доколѣ же мы станемъ губить Русскую землю? Давай помиримся». — Изяславъ сказалъ: «братья! Доброе дѣло пожалѣть православныхъ; вы другъ съ другомъ уже совѣтовались, и я пошлю къ брату Ростиславу и съ нимъ посовѣтуюсь и тогда пришлемъ мы пословъ нашихъ къ вамъ». Сказавъ это имъ въ отвѣтъ, Изяславъ отпустилъ ихъ пословъ, а къ брату своему Ростиславу послалъ своихъ людей сказать: «присылали ко мнѣ Владиміръ и Изяславъ Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ—просятъ мира, то я и совѣтуюсь съ тобою: какъ лучше для насъ обоихъ, мириться ли намъ съ ними? Хоть они намъ и надѣлали зло, но теперь они просятъ у насъ мира; но если лучше продолжать войну, то и въ томъ я располагаюсь на тебя». Ростиславъ отвѣчалъ брату своему Изяславу: «братъ, кланяюсь тебѣ; ты меня старше, и какъ ты рѣшишь, то на то я согласенъ; а если ты, братъ, дѣлаешь мнѣ такую честь, то я, братъ, сказалъ бы такъ для блага земли Русской и православныхъ, что миръ я предпочитаю. Вотъ они начали войну, а какой былъ ихъ успѣхъ? И теперь, братъ, для блага христіанъ и всей Русской земли помирись; пусть они отложатъ вражду за Игоря и снова не умышляютъ сдѣлать то, что было хотѣли. Если они отъ того откажутся, то мирись; а если они будутъ питать вражду за Игоря, то лучше продолжать войну, и какъ намъ съ ними Богъ дастъ». Изяславъ, услыхавъ такой отвѣтъ брата, послалъ въ Черниговъ къ Владиміру Давидовичу и брату его Изяславу, къ Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу бѣлогородскаго епископа Ѳеодора и настоятеля Печерскаго монастыря Ѳеодосія и съ ними людей своихъ сказать: «вы мнѣ дали клятвенное обѣщаніе не домогаться брата вашего Игоря; вы его нарушили и довольно непріятности мнѣ надѣлали. Теперь я не стану припоминать всего этого для блага Русской земли и православныхъ; такъ какъ вы прислали о мирѣ, раскаиваясь въ томъ, что было, то теперь дайте мнѣ клятвенное цѣлованіемъ креста обѣщаніе—за Игоря вражды не имѣть и не замышлять болѣе того, что вы хотѣли сдѣлать».— Такъ въ храмѣ Св. Спаса въ Черниговѣ цѣловали крестъ—за Игоря вражду отложить, а беречь Русскую землю и быть всѣмъ братски за одно.

Въ томъ же году осенью собрались на свиданіе у Городка князья: Изяславъ Мстиславовичъ, Владиміръ Давидовичъ и братъ его Изя-

славъ, и тутъ всѣ находились. Въ то время старшій сынъ Юрія Ростиславъ, рассорясь съ отцомъ за то, что тотъ не далъ ему владѣній въ Суздальской землѣ, пришелъ къ Изяславу въ Кіевъ, поклонился ему и сказалъ: «отецъ меня обидѣлъ и владѣній мнѣ не далъ; пришелъ я къ тебѣ, надѣясь на Бога и на тебя, такъ какъ ты старшій изъ внуковъ Владиміра; хочу страдать за Рускую землю и ѣздить подлѣ тебя». Изяславъ сказалъ ему: «всѣхъ насъ старше твой отецъ, но съ нами не умѣетъ жить, а мнѣ дай Богъ ко всѣмъ вамъ, братьямъ моимъ, и всему нашему роду наблюдать такую же справедливость, какъ и къ собственной душѣ; а теперь хотя отецъ твой тебѣ и не далъ владѣній, но я тебѣ дамъ». Изяславъ далъ Ростиславу Бужьскій, Межибожье, Котельницу и еще два города и взялъ его съ собою на съѣздъ, назначенный въ Остерскомъ городкѣ. Изяславъ сказалъ Владиміру Давидовичу и брату его Изяславу: «Святославъ Ольговичъ и другой Святославъ и сынъ сестры моей ко мнѣ не пришли, и вы мнѣ обѣщались съ клятвою, что если кто будетъ мнѣ недругъ, то и вы на того будете со мною. Теперь я съ вами совѣтуюсь: дядя мой Юрій изъ Ростова обижаетъ мой Новгородъ, поотнималъ у него сборы даней и на торговыхъ его путяхъ дѣлаетъ ему вредъ, то я хочу идти на него и положить тому конецъ или миромъ или войною; а вы обязались клятвою дѣйствовать со мною за одно». Владиміръ Давидовичъ отвѣчалъ: «это намъ въ виду, что Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ, сынъ сестры твоей, не явились, а мы всѣ цѣловали крестъ на томъ, что гдѣ будетъ твоя обида, то намъ дѣйствовать съ тобою за одно». Такъ они уговорились выступить въ походъ, когда станутъ рѣки, и идти на Юрія къ Ростову. Давидовичи и Святославъ Ольговичъ должны были идти черезъ землю Вятичей на Ростовъ, а Изяславъ—на Смоленскъ, къ брату своему Ростиславу, а сойдтись всѣ должны были на Волгѣ. Изяславъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ Владиміра Давидовича и брата его Изяслава. Весело они пообѣдали и разстались дружелюбно; Изяславъ отправился въ Кіевъ, а Владиміръ Давидовичъ съ братомъ въ Черниговъ. Изяславъ сказалъ Ростиславу Юрьевичу: «иди въ Бужьскъ и оставайся тамъ, пока я схожу на отца твоего: тамъ я съ нимъ или миръ заключу, или какъ-нибудь улажусь, а ты оттуда побереги землю Рускую».—Въ это время Ростиславъ Смоленскій просилъ дочери у Святослава Ольговича за своего сына Романа и она отведена изъ Нова-Города въ воскресеніе послѣ водосвятія, января 9-го.

Изяславъ выступилъ въ походъ на Юрія, своего дядю; въ Кіевѣ оставилъ онъ брата своего Владиміра, а въ Переяславлѣ сына своего Мстислава. Самъ онъ отправился впередъ къ брату своему Ростиславу, а полкамъ велѣлъ за собою слѣдовать и сойдтись всѣмъ въ Смоленскѣ у Ростислава. Изяславъ пришелъ къ брату своему Ростиславу и братья, свидѣвшись въ здоровьи, похвалили Бога, Святую Богородицу и силу животворящаго креста. Весело и съ изъявленіями взаимнаго расположенія проводили они время съ своими людьми и Смольянами. Они сдѣлали другъ другу большіе подарки: Изяславъ Ростиславу предметами, которые идутъ изъ Руской земли и изъ всѣхъ земель, которыя находятся подъ властью греческаго царя, а Ростиславъ даритъ Изяслава предметами, которые идутъ изъ верхнихъ земель и отъ Варяговъ. Тутъ они условились о походѣ. Изяславъ съ небольшимъ отрядомъ отправился въ Новгородъ и повѣстилъ Новгородцамъ, чтобы они шли съ ними, а брату Ростиславу приказалъ съ его полками идти туда же на Волгу и сойдтись всѣмъ на устьѣ Медвѣдицы. Новгородцы, слыша что Изяславъ идетъ къ нимъ, сильно обрадовались. Они вышли къ нему на встрѣчу на три дня пути, а самое большое число на день пути отъ Нова-Города. Такимъ образомъ Изяславъ вошелъ въ Новгородъ съ большимъ почетомъ; день былъ воскресный. Его встрѣтилъ сынъ его Изяславъ съ новгородскими боярами, и они отправились къ обѣднѣ въ храмъ Св. Софіи. Изяславъ и сынъ его Ярославъ послали по улицамъ города *подвойскихъ* и *биричей* звать къ князю на обѣдъ всѣхъ отъ мала до велика. Такъ всѣ обѣдали очень весело, съ великою радостью и честью разошлись по своимъ домамъ. На другой день Изяславъ послалъ на Ярославовъ дворъ и велѣлъ *звонить вѣче*. Новгородцы и Псковичи собрались на вѣче и князь Изяславъ сказалъ имъ: «братья, сынъ мой и вы прислали ко мнѣ сказать, что васъ обижаетъ мой дядя Юрій; на него-то я пришелъ сюда, оставя Рускую землю изъ-за васъ и изъ-за вашей обиды. Условьтесь же, братья, какъ на него идти, а тамъ мы съ нимъ или помиримся, или войною съ нимъ покончимъ». Новгородцы отвѣчали: «ты нашъ князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ; съ радостью хотимъ мы съ тобою мстить за наши оскорбленія». Съ этими словами разошлись. Еще Новгородцы сказали такъ: «мы пойдемъ всѣ поголовно, хоть будь то и дьякъ и *гуменцо* у него пострижено, но не будетъ поставленъ, то и тотъ пусть идетъ, а кто поставленъ—пусть молитъ Бога». Такимъ образомъ Новгородцы выступили въ походъ съ Изясла-

вомъ всѣми своими силами, и Псковичи, и Корѣла. Изяславъ пришелъ съ Новгородцами на Волгу, на устье Медвѣдицы, и тутъ четыре дня ждалъ брата своего Ростислава. Ростиславъ пришелъ къ Изяславу со всѣми русскими и смоленскими полками. Тутъ князья соединили свои силы и двинулись внизъ по Волгѣ. Еще прежде послали они изъ Смоленска пословъ къ дядѣ своему Юрію; но тотъ не отпустилъ ихъ посла и своего не отправилъ. Пришли князья къ Коснятину, и тутъ имъ не было вѣсти отъ Юрія; начали они жечь его города и села и опустошать всю его землю по обоимъ берегамъ Волги. Оттуда они пошли на Углече поле и затѣмъ на устье Мологи. Тутъ пришло извѣстіе, что Владимірь Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ стоятъ въ своей области Вятичей, выжидая и высматривая, что тамъ произойдетъ между Юріемъ и Изяславомъ, а къ Изяславу не шли, хотя и условились соединиться съ нимъ на устьѣ Медвѣдицы. Изяславъ сказалъ брату своему Ростиславу: «хоть тѣ (Давидовичъ и Ольговичъ) и не пришли къ намъ, какъ было обѣщали, но лишь бы насъ Богъ не оставилъ». Князья послали оттуда Новгородцевъ и Русь опустошать окрестности Ярославля; въ то время сдѣлалось уже тепло, наступила Вербная недѣля; по Волгѣ и Мологѣ воды было сверхъ льда копю по брюхо. Тутъ вернулись съ похода Новгородцы и Русь изъ окрестностей Ярославля; они принесли много добычи и много зла причинили тѣмъ мѣстамъ. Изяславъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ, сообразивъ, что уже рѣки расходятся, вернулись назадъ. Ростиславъ съ своими полками пошелъ къ Смоленску, а Изяславъ къ Нову-Городу Великому. Изъ руской дружины одни пошли съ Ростиславомъ, а другіе кому куда вздумалось. Такъ они разошлись всѣ по своимъ мѣстамъ.

1149 г.

Изяславъ пришелъ изъ Нова-Города въ Кіевъ, и начали ему наговаривать на Юрьева сына, на Ростислава: «много зла умышлялъ онъ было на тебя, старался вооружить противъ тебя Берендѣевъ и Кіевлянъ. Еслибы только Богъ помогъ его отцу, то онъ намѣревался броситься въ Кіевъ, захватить твой домъ, твоихъ брата, жену и сына; отпусти его къ отцу,—то твой врагъ, держишь его на свою голову». Слыша это, Изяславъ послалъ за Ростиславомъ Юрьевичемъ. Въ то время Изяславъ находился на островѣ противъ храма Св. Михаила у Выдобича. Ростиславъ туда пріѣхалъ. Изяславъ послалъ за нимъ лодку; онъ сѣлъ въ нее и

изъ его дружины сколько помѣстилось. Такъ перевезли Ростислава и поставили ему шатеръ отдѣльно. Изяславъ приказалъ Ростиславу выйдти изъ лодки и идти въ шатеръ. Онъ послалъ къ нему людей своихъ и велѣлъ ему сказать: «братъ, пришелъ ты ко мнѣ отъ отца твоего затѣмъ, что отецъ обидѣлъ тебя и не далъ тебѣ владѣній. Я принялъ тебя со всѣмъ радушіемъ какъ достойнаго своего брата, и далъ тебѣ владѣнія—и отецъ не далъ бы тебѣ того, что я далъ—и тебѣ же поручилъ оберегать землю Рускую. Я тебѣ сказалъ: «иду на твоего отца, а на своего дядю, а ты покарауль землю Рускую.—помирюсь ли я съ нимъ, иначе ли какъ Богъ меня съ нимъ разведетъ. А ты, братъ, задумалъ было такъ: еслибы Богъ помогъ твоему отцу на меня, то ты хотѣлъ войдти въ Кіевъ, захватить брата моего, сына и жену и весь домъ мой присвоить». Ростиславъ отвѣчалъ ему такъ: «братъ и отецъ! ничего подобнаго не было ни въ умѣ моемъ, ни въ сердцѣ: но если на меня кто-нибудь говоритъ, будетъ ли то князь, то сведи меня съ нимъ; если же кто изъ православныхъ или язычниковъ, то ты старше меня: ты меня съ нимъ суди». Изяславъ ему далъ такой отвѣтъ: «этого ты у меня не проси; хочешь ты меня перессорить и съ православными, и съ язычниками. Я тебѣ впрочемъ ничего дурнаго не сдѣлаю, а только воротись ты къ своему отцу». Повели Ростислава, посадили его въ лодку съ четырьми молодыми людьми его свиты (отроками), людей его дружины похватали и все имущество отняли. Ростиславъ, пріѣдя въ Суздаль къ отцу, ударилъ передъ нимъ челомъ и сказалъ: «я слышалъ, что тебя желаетъ вся Руская земля и Черные Клобуки: они говорятъ такъ: онъ и насъ позоритъ, иди на него». Юрію особенно жалко было посрамленія сына своего и онъ сказалъ: «такъ ужь нѣтъ ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ участія въ Руской землѣ»! Онъ собралъ всѣ свои силы, призвалъ Половцевъ и выступилъ, надѣясь на Бога, іюля 24-го. Онъ пошелъ на землю Вятичей. Владиміръ Давидовичъ послалъ къ Изяславу Мстиславовичу сказать: «Юрій, твой дядя, идетъ на тебя; онъ уже вошелъ въ нашу землю Вятичей, а мы дали клятвенное обѣщаніе быть съ тобою за одно: объявляю тебѣ, ты готовься». Изяславъ, слыша то, началъ собираться, а къ Владиміру послалъ своихъ людей сказать: «братъ, помогай тебѣ Богъ, какъ ты и самъ говоришь: мы цѣловали крестъ, что всѣмъ намъ быть за одинъ, а теперь, братъ, вотъ мой человѣкъ, а ты присоедини своего и пошлемъ къ Святославу Ольговичу». Владиміръ отвѣчалъ послу Изяслава: «мы съ братомъ готовы вѣрно соблю-

дать данное нами клятвенное обѣщаніе, и не дай намъ Богъ его парушить, но лишь бы устоялъ въ своемъ словѣ братъ нашъ Святославъ». Послы Изяславовъ и Давидовичей пришли къ Святославу, и Изяславовъ посолъ ему сказалъ: «такъ тебѣ говоритъ Изяславъ братъ твой: мы съ тобою, братъ, цѣловали крестъ на томъ, что вамъ всѣмъ быть со мною. Теперь, братъ, дядя мой идетъ на меня; то ты, братъ, готовься, какъ готовятся Владиміръ и Изяславъ Давидовичи». Люди ихъ сказали съ своей стороны Изяславу: «братья Владиміръ и Изяславъ говорятъ тебѣ: мы цѣловали крестъ, что намъ быть всѣмъ за одинъ: и мы, братъ, готовимся, и ты, братъ, съ своей стороны также готовься». Святославъ промолчалъ и не далъ никакого отвѣта; онъ только сказалъ: «идите къ своимъ подводамъ, а я васъ снова позову». Цѣлую недѣлю продержалъ онъ пословъ, а ихъ у повозокъ велѣлъ карауллть, чтобы къ нимъ никто не подошелъ». А между тѣмъ онъ послалъ къ Юрію сказать: «дѣйствительно ли ты выступаешь въ походъ? Ты мнѣ объяви, чтобы не губить моихъ владѣній и меня самого не ввесть въ непріятность». Святославъ, услыхавъ отвѣтъ Юрьевъ, позвалъ къ себѣ пословъ Изяслава Мстиславича и Давидовичей Изяслава и Владиміра и сказалъ Изяславу Мстиславичу: «возврати мнѣ, что тебѣ угодно изъ имущества брата моего, и я буду съ тобою». Изяславовъ посолъ пріѣхалъ къ Изяславу и брату его Владиміру. Тутъ Владиміръ сказалъ ему: «передай брату Изяславу: Святославъ Ольговичъ посылалъ къ Юрію спросить: «дѣйствительно ли ты идешь на Изяслава»? Юрій ему далъ такой отвѣтъ: «какъ же мнѣ не идти на него, въ самомъ дѣлѣ? Племянникъ мой Изяславъ приходилъ на меня войною, опустошилъ и предалъ пламени мои владѣнія, да еще и сына моего выгналъ изъ земли Русской, не далъ ему владѣній и тѣмъ мнѣ сдѣлалъ безчестіе, то я или отомщу за собственное безчестіе и опустошеніе моей земли, добьюсь себѣ чести, или голову сложу». Изяславовъ посолъ пріѣхалъ въ Кіевъ и передалъ своему князю отвѣтъ Святослава Ольговича и то, что ему сказалъ Владиміръ. Изяславъ, услыхавъ объ этомъ, немедленно отправилъ посла къ Святославу и велѣлъ ему сказать: «братъ, ты цѣловалъ ко мнѣ честной крестъ на томъ, что тебѣ быть со мною за одно, а вражду за Игоря и его имущество оставилъ; а теперь, братъ, не потому ли о томъ вспоминаешь, что дядя мой идетъ на меня войною. Теперь пусть насъ съ тобою разберетъ тотъ честной крестъ, который мы цѣловали. Дѣйствуй со мною за одно: если же ты не хочешь, то ты нарушилъ крестное

цѣлованіе. Я безъ тебя и на Волгу ходилъ, и все обошлось благополучно. Лишь бы со мною были Богъ и крестная сила».

Юрій, выступивъ въ походъ, остановился у Ярышева; сюда, на Спасовъ день, пріѣхалъ къ нему Святославъ Ольговичъ. Святославъ позвалъ къ себѣ Юрія на обѣдъ, и пообѣдавъ, они разъѣхались. На другой день, въ воскресеніе рано, когда взошло солнце, у Святослава Ольговича родилась дочь, которую при крещеніи назвали Маріею. Святославъ Ольговичъ говорилъ Юрію: «братъ, Изяславъ общій врагъ нашъ, онъ убилъ нашего брата».—Въ тотъ же день Юрій выступилъ впередъ съ своимъ войскомъ, а Святославъ вышелъ за нимъ на другой день въ понедѣльникъ и нагналъ его. Такъ они соединились.—Юрій и Святославъ отправили пословъ къ Давидовичамъ и говорили имъ: «братья, пойдемъ вмѣстѣ на Изяслава». Владиміръ Давидовичъ и братъ его Изяславъ такъ отвѣчали Юрію: «ты далъ было клятвенное обѣщаніе защищать насъ, а Изяславъ пришелъ, землю нашу опустошилъ и города наши за Десною пожогъ; а теперь мы дали клятву цѣлованіемъ креста Изяславу Мстиславичу и съ нимъ желаемъ быть, а душою играть не можемъ».—Отказавшись такимъ образомъ, они послали къ Изяславу Мстиславичу и объявили ему, что Юрій идетъ на него и съ нимъ Святославъ Ольговичъ. Юрій, услыхавъ о томъ, что Владиміръ и Изяславъ Давидовичи отреклись отъ союза съ нимъ, пошелъ на Старую Бѣловежу и стоялъ у Бѣлой Вежи мѣсяцъ, дожидаясь Половцевъ и отъ Изяслава покорности. Видя, что отъ Изяслава нѣтъ вѣсти, двинулся къ Сулою. Сюда пріѣхалъ къ нему Святославъ Всеволодовичъ (онъ не хотѣлъ было отступить отъ Изяслава, своего дяди по матери, но пріѣхалъ неволею для своего дяди Святослава Ольговича). И дикіе Половцы пришли тутъ къ Юрію на Сулой въ огромномъ числѣ. Изяславъ, услыхавъ о томъ, послалъ за своимъ братомъ Ростиславомъ и велѣлъ ему сказать: «мы условились, въ случаѣ, если Юрій минетъ Черниговъ, тебѣ идти ко мнѣ, а теперь, братъ, Юрій уже минулъ Черниговъ, прійди же ко мнѣ; здѣсь на мѣстѣ мы оба посмотримъ, что намъ Богъ дастъ». А къ Владиміру послалъ полки. Ростиславъ, собравъ всѣ свои силы, пошелъ къ брату своему Изяславу. Юрій сказалъ: «пойдемъ къ Переяславлю; туда онъ (Изяславъ, навѣрное прійдетъ и съ изъявленіемъ покорности». Подойдя къ Переяславлю, стали у Кудьнова сельца, перейдя Стряковъ. Въ Переяславлѣ находился Владиміръ, Изяславовъ братъ, и Ярополкъ Мстиславичъ съ Поршанами. Изяславъ, услыхавъ о приходѣ Юрія, сказалъ: «еслибы онъ пришелъ только

съ дѣтьми, то какая бы область ему полюбилась, ту бы и взялъ: но какъ онъ привелъ на меня Половцевъ и врага моего Ольговича, то я хочу съ нимъ сражаться».—Кіевляне не хотѣли и говорили: «мирись, князь, мы не пойдемъ». Изяславъ имъ сказалъ: «идите со мною; хорошо мнѣ будетъ и мириться, имѣя силу въ рукахъ».—Кіевляне послѣдовали за Изяславомъ. Къ нему на помощь пришелъ Изяславъ Давидовичъ. Изяславъ пришелъ и сталъ у Вятичева; тутъ пришелъ къ нему братъ его Ростиславъ съ большими силами. Съ общаго совѣта перешли они Днѣпръ и пошли къ Альтѣ. Тутъ въ полдень получили они извѣстіе, что стрѣлки уже перешли Стряковъ, а Половцы идутъ черезъ Стряковъ къ городу. Изяславъ и Ростиславъ устроили войска въ боевой порядокъ и пошли къ Переяславлю. Въ это время притащили къ нимъ дикаго Половчина, взявъ его у Переяславля, гдѣ перестрѣливались. Его начали спрашивать: «отъ котораго становища поѣхали»?—Онъ отвѣчалъ: «мы пріѣхали издалека; но Юрій потому спѣшилъ, что полагалъ захватить Переяславль до твоего прихода». Изяславъ, выслушавъ показаніе Половчина, велѣлъ его перерубить *такъ съ опоною* (?), Черныхъ Клобуковъ и дружину помоложе пустилъ напередъ къ Переяславлю, а самъ съ своими полками пошелъ вслѣдъ за ними. Стрѣлки Изяслава и Ростислава пришли, прогнали непріятелей отъ города и гнали ихъ до самаго ихъ лагеря. Изяславъ и Ростиславъ, подойдя къ Переяславлю, перешли Льтицу, пошли съ своими полками за городъ и стали по Трубежу; а Юрій стоялъ три дня у Стрякова; на четвертый день пошелъ отъ Стрякова мимо города, на зарѣ, съ полками, устроенными къ бою, и сталъ съ ними между окоповъ по ту сторону Трубежа, за Звѣрицемъ, у рощи. Войска стояли до вечера въ виду другъ друга, а стрѣлки сражались между ними. Съ наступленіемъ ночи Изяславъ и Ростиславъ тамъ и спѣшились повыше города, на Трубежѣ, а Юрій тамъ же, гдѣ стоялъ, у рощи, велѣлъ своимъ войскамъ спѣшиться. Въ эту ночь Юрій прислалъ сказать Изяславу: «братъ, ты приходилъ на меня войною, опустошилъ землю мою и старшинство мое съ меня снялъ. Теперь, братъ, щадя Русскую землю и христіанъ, не будемъ проливать христіанской крови, но дай мнѣ Переяславль, я тамъ посажу моего сына, а ты оставайся и царствуй въ Кіевѣ. Если же ты не хочешь этого сдѣлать, то во всемъ воля Божія». Не полюбилось Изяславу предложеніе Юрія, онъ и посла его не пустилъ, а вывелъ всѣ войска изъ города и сталъ на выгонѣ, а за огородами поставилъ обозы.

На другой день Изяславъ отслушалъ обѣдню въ храмѣ Св. Михаила и пошелъ изъ церкви. Евѳиміанъ епископъ проливалъ слезы и умолялъ его: «князь, помирись съ твоимъ дядею; великое спасеніе примешь ты отъ Бога и землю свою избавишь отъ большой бѣды»; но Изяславъ не захотѣлъ его послушать, надѣясь на многочисленность войска. Онъ говорилъ: «головою своею добылъ я Кіевъ и Переяславль», и выступилъ противъ Юрія. Юрій стоялъ за Япьцинымъ сельцомъ и оба войска стояли одно противъ другаго до вечерни. Изяславъ съ братьями своими, Ростиславомъ, Владиміромъ и Ярополкомъ, и съ сыномъ Мстиславомъ, созвалъ своихъ бояръ и всю свою дружину и началъ совѣтоваться съ ними. Его намѣреніе были перейдти Трубежъ и ударить на Юрія. Изъ людей его одни ему говорили: «князь, не трогай Юрія; онъ пришелъ было за владѣніями, потрудился и даже сюда пришелъ, но безо всякаго успѣха. Теперь ужъ онъ повернулся назадъ и въ ночь уйдетъ. Князь, не нападай на него»! А другіе подстрекали Изяслава и говорили: «иди на него, князь; его привелъ тебѣ Богъ; не дадимъ же ему, Юрію, уйдти». Изяславъ, слыша такіе противуположные отвѣты, согласился съ послѣднимъ и, устроя полки въ боевой порядокъ, перешелъ на другую сторону Трубежа, но не поднимаясь на гору, остановился на лугу противъ Кузнецовыхъ воротъ. Былъ полдень. Пустился бѣжать перебѣжчикъ изъ Юрьева войска; за нимъ погнались. Передовые разъѣзды Изяслава, увидавъ это, оробѣли и прибѣжали съ криками: «непріятель». Слыша это, Изяславъ устроилъ свои войска въ боевой порядокъ и выступилъ на поле, гдѣ Красный Дворъ. Юрій и оба Святослава — Ольговичъ и Всеволодовичъ, видя, что наступаютъ полки непріятельскіе, устроивъ и свои, выступили къ нимъ на встрѣчу и, пройдя валъ, остановились. Оба войска смотрѣли другъ на друга, а стрѣлки сражались между полковъ, и такъ полки простояли до самаго вечера. Юрій и Святославы—Ольговичъ и Всеволодовичъ—пошли къ своимъ обозамъ.—Изяславъ, услыхавъ объ этомъ и видя самъ, сталъ совѣтоваться съ братьями своими—Ростиславомъ, Владиміромъ и Ярополкомъ, съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, съ Изяславомъ Давидовичемъ и съ Владиміромъ Андреевичемъ; онъ хотѣлъ идти за Юріемъ. Тѣ совѣтовали ему: «не ходи вслѣдъ за Юріемъ и его войскомъ, но пусти ихъ къ ихъ обозамъ; это ужъ вѣрное дѣло для тебя». А другіе говорили: «князь, они уже бѣгутъ».— Изяславу полюбилось послѣднее мнѣніе и онъ пошелъ вслѣдъ за Юріемъ. Юрій и оба Святослава—Ольговичъ и Всеволодовичъ, видя,

что Изяславовы полки идутъ за ними, поворотили назадъ и свои и пошли на встрѣчу. Юрій поставилъ на правой сторонѣ своихъ сыновей, а на лѣвой Святослава Ольговича и его племянника Святослава Всеволодовича. Уже восходило солнце, когда сошлись оба войска и между ними началась страшная рѣзня. Первые обратились въ бѣгство Поршане, потомъ Изяславъ Давидовичъ, а за нимъ и Кіевляне.—Со стороны Переяславцевъ былъ коварный умыселъ; они говорили: «Юрій намъ свой князь; его слѣдовало намъ искать и издалеча». Съ этими словами они обратились въ бѣгство. Видя это, полки Изяславовъ и Ростиславовъ пришли въ замѣшательство. Изяславъ бросился съ своимъ полкомъ на Святослава Ольговича и половину полка Юрьева; онъ пробился сквозь нихъ, и уже находясь за ними, оглянулся и увидалъ, что всѣ полки бѣжали; много было убитыхъ, а другихъ переловили руками. Изяславъ, видя пораженіе и бѣгство своего войска, бѣжалъ и самъ и у Конева переѣхалъ Днѣпръ въ бродъ всего самъ-третій; онъ отправился въ Кіевъ. Случилось это августа 23-го. На другой день Юрій, хваля и славя Бога, вошелъ въ Переяславль, помолился въ храмѣ Св. Михаила и оставался въ Переяславлѣ три дня. Оттуда онъ пошелъ къ Кіеву съ своими войсками и подойдя остановился напротивъ храма Св. Михаила на лугахъ. Изяславъ, съ общаго совѣта съ братомъ своимъ Ростиславомъ, призвалъ Кіевлянъ и объявилъ имъ: «пришелъ нашъ дядя и мы вамъ объявляемъ объ этомъ; въ состояніи ли вы съ нимъ за насъ сражаться»? Кіевляне дали такой отвѣтъ: «властители наши, князья, не губите насъ до конца. Наши отцы, и братья, и сыновья въ сраженіи одни захвачены въ плѣнъ, другіе убиты и оружіе съ нихъ снято; а теперь, чтобы и намъ не сдѣлаться воинскою добычею непріятелей, ступайте въ ваши владѣнія. Вамъ извѣстно, что мы съ Юріемъ не уживемся, и если въ послѣдствіи увидимъ, гдѣ ваши знамена, то тамъ и мы вамъ служить готовы будемъ». Изяславъ и Ростиславъ съ общаго совѣта разъѣхались: Изяславъ съ женою и дѣтьми отправился во Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ. Изяславъ взялъ съ собою митрополита Клима.

Начало княженія въ Кіевѣ князя великаго Юрія, сына Владиміра Мономаха, внука Всеволодова, правнука Ярославова, пращура великаго Владиміра, крестившаго Рускую землю.

Юрій поѣхалъ въ Кіевъ; множество жителей вышло ему на встрѣчу съ великою радостью и онъ сѣлъ на престолѣ своего отца,—хваля и славя Бога. Онъ послалъ въ Черниговъ за Владиміромъ

Давидовичемъ. Владиміръ пріѣхалъ къ Юрію и поклонился ему. Святославъ Ольговичъ сталъ ему говорить: «присвоилъ ты себѣ собственность отца моего». Тутъ-то Святославъ Ольговичъ взялъ у Изяслава Давидовича Курскъ, побережье Сейма, Сновскую тысячу, Слуцкъ, Клецкъ и всѣхъ Дреговичей. Такъ уладились между собою князья и разъѣхались. Юрій посадилъ старшаго своего сына Ростислава въ Переяславлѣ, Андрея—въ Вышегородѣ, Бориса—въ Бѣлгородѣ, Глѣба—въ Коневѣ, а Василька въ—Суздалѣ.

Изяславъ, пріѣдя во Владиміръ, сталъ посылать въ Венгрію къ зятю своему королю и въ Польшу къ свату своему Болеславу, и къ Межку и къ Индриху (Генриху?), къ чешскому князю, своему свату, Володиславу, прося у нихъ помощи: «чтобы они или сами садились на коней и съ своими полками шли къ Кіеву, а буде это невозможно, то пустили бы свои полки или съ младшими братьями своими, или хоть съ воеводами».—Король венгерскій отказалъ; онъ говорилъ: «у меня теперь война съ греческимъ царемъ; а когда управлюсь, то или самъ пойду, или свои полки отпущу». Польскіе князья дали такой отвѣтъ: «мы твои близкіе сосѣди; одного изъ насъ мы оставимъ оберегать нашу землю, а двое къ тебѣ поѣдемъ». Чешскій князь сказалъ: «я готовъ идти самъ и съ моими полками».—Изяславъ снова отправилъ пословъ и въ Венгрію къ королю, и въ Польшу, и въ Чехію съ большими дарами и почетомъ, и велѣлъ имъ сказать: «Богъ вамъ помоги за то, что вы взялись мнѣ оказать помощь; а я васъ братья прошу: съ Рождества Христова садитесь на коней».—Тѣ въ назначенное имъ время сѣли на коней. Король, будучи занятъ, отправилъ Венгровъ и велѣлъ сказать Изяславу: «вотъ я пускаю тебѣ свои полки, а самъ намѣренъ подступить къ горамъ галицкаго князя и не дать ему возможности двинуться. Ты расправляйся съ тѣмъ, кто тебя обидѣлъ. Если эти полки утомятся, я пришлю тебя другіе, еще болѣе многочисленные, а то и самъ сяду на коня».—Болеславъ выступилъ съ братомъ своимъ Индрихомъ и полками своими, а Межка оставили оберегать ихъ землю отъ Прусовъ. — Вячеславъ, слыша объ этомъ, послалъ къ Юрію сказать: «Венгры уже выступили, польскіе князья сѣли на коней и Изяславъ готовится. Или дай Изяславу чего ему хочется, или съ твоими полками иди ко мнѣ и защити мои владѣнія. Изяславъ мнѣ говоритъ: будь мнѣ вмѣсто отца, иди княжить въ Кіевъ, а съ Юрьемъ я не могу жить; а если ты не хочешь меня принять въ твое расположеніе и не пойдешь княжить въ Кіевъ, то я намѣренъ предать

огню твои владѣнія. А теперь, братъ, поѣдемъ и увидимъ оба тамъ, на мѣстѣ, что намъ Богъ дастъ или хорошаго, или дурнаго. Но если ты, братъ, не поѣдешь, то на меня не жалуйся, если твои владѣнія сдѣлаются добычею огня». Слыша это, Юрій собралъ всѣ свои силы и выступилъ изъ Кіева; онъ привелъ себѣ на помощь дикихъ Половцевъ, и они пошли съ нимъ. Въ то же время къ Изяславу во Владиміръ пришли на помощь Венгры и Болеславъ, князь польскій, съ своимъ братомъ Индрихомъ, съ большими силами. Изяславъ позвалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Тутъ они обѣдали весело; Изяславъ осыпалъ ихъ большими почестями и сдѣлалъ имъ много подарковъ; за тѣмъ они разъѣхались каждый къ своему обозу. На другой день Изяславъ выступилъ изъ Владиміра къ Луцку и тутъ пробылъ три дня. Болеславъ опоясывалъ мечемъ многихъ сыновей боярскихъ. Въ то время пришли въ Пересопницу два Юрьевича—Ростиславъ и Андрей, вспомогательный отрядъ отъ Владиміра изъ Галича и самъ Владиміръ подвинулся ближе къ Шумьску. Оробѣли Поляки и Венгры.—Юрій пришелъ къ брату Вячеславу въ Пересопницу. Изяславъ получилъ извѣстіе, что Юрій у Вячеслава; онъ сказалъ объ этомъ Венграмъ, Болеславу и брату его Индриху. Вслѣдствіе этого они выступили своими полками изъ Луцка и, прійдя къ Чемерину на Ольскѣ, остановились. Тутъ Болеславъ и братъ его Индрихъ получили извѣстіе отъ брата своего Межки, что Прусы идутъ на ихъ землю. Болеславъ и Индрихъ сказали Изяславу; тому это было очень непріятно. Съ общаго совѣта съ Болеславомъ, Индрихомъ и Венграми, рѣшили послать людей своихъ къ Вячеславу и Юрію (а Венгры своихъ людей послали отъ имени короля) и сказать: «вы намъ вмѣсто отца, а теперь вы начали войну съ братомъ своимъ и сыномъ Изяславомъ, а мы всѣ—христіане, по Богѣ братья и намъ, всѣмъ слѣдуетъ быть за одно. Мы хотимъ того, чтобы вы, Богъ далъ, между собою уладились съ братомъ своимъ и сыномъ Изяславомъ. Вы оставайтесь въ Кіевѣ и сами знаете, кому изъ васъ слѣдуетъ; а Изяславъ—вотъ готовъ его Владиміръ и Луцкъ и сколько городовъ ему принадлежитъ—пусть ими и владѣетъ, а тамъ къ Новгороду—пусть Юрій возвратитъ его жителямъ всѣ сборы ихъ даней». Вячеславъ и Юрій дали такой отвѣтъ: «помоги Богъ зятю нашему королю, брату нашему Болеславу и сыну Индриху за то, что вы желаете между нами добра; но если вы намъ велите мириться, то не стойте на нашей землѣ и не дѣлайте вреда нашимъ селамъ и имуществу. Изяславъ пусть отправится въ свой Владиміръ, а вы

идите въ свою землю; мы сами развѣдаемся съ нашимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ». Услыхавъ это, Изяславъ и Болеславъ отправились во Владиміръ, Венгры въ Венгрію, а Поляки въ свою землю. И такъ начали ладиться Вячеславъ, Юрій и Изяславъ, пересылаясь между собою: Изяславъ домогался, чтобы Новгороду возвращены были всѣ его сборы даней, такъ какъ прежде было. Но не уладились; Юрій его не послушалъ, внявъ совѣтамъ Юрія Ярославича, и не далъ даней, а Изяславъ отъ нихъ не отказался. Юрій такъ поступилъ вслѣдствіе того, что Венгры и Поляки уже воротились; онъ сказалъ: «выгоню Изяслава и возьму всѣ его владѣнія». Князь Юрій съ братомъ своимъ Вячеславомъ и со всѣми сыновьями выступилъ къ Луцку. Впереди шелъ Ростиславъ Юрьевичъ съ братомъ Андреемъ, съ Половцами; они остановились у Муравицы. Тутъ ночью сдѣлалась страшная тревога, такъ что Половцы всѣ бѣжали назадъ и съ своимъ воеводою Жирославомъ. Андрей находился впереди, а братъ его Ростиславъ стоялъ за нимъ и звалъ его къ себѣ, но Андрей его не послушалъ и выдержалъ эту тревогу. Воины Андрея пріѣзжали къ нему съ жалобою: «что ты, князь, дѣлаешь; поѣдемъ, князь, прочь, а то какъ бы намъ не навлечь на себя посрамленія».—Андрей не послушалъ ихъ, но возложилъ надежду на Бога и переждалъ до свѣта. Андрей, увидавъ, что Половцы всѣ бѣжали еще до свѣта, похвалилъ Бога, давшаго ему твердость, и поѣхалъ къ своему брату. Пріѣхали и половецкіе князья, и съ общаго съ ними совѣта отступили назадъ и стали у Дубна, ожидая отъ отца помощи. Пришло имъ извѣстіе, что князь Юрій съ братомъ своимъ Вячеславомъ идетъ къ Луцку, и они туда же двинулись другою дорогою. Въ Луцкѣ находился Владиміръ, Изяславовъ братъ. Ростиславъ, Борисъ, Мстиславъ и Андрей подходили къ городу и увидали знамена своего отца; изъ города вышли пѣшіе воины и перестрѣливались съ наступавшими. Ростиславъ, Борисъ и Мстиславъ не знали мысли своего брата Андрея, что онъ хочетъ ударить на непріятельскую пѣхоту, тѣмъ болѣе, что у него и знамя развернуто не было. Въ военномъ дѣлѣ не любилъ онъ хвастаться, но искалъ похвалы отъ одного Бога. А потому пособіемъ Божіимъ, силою креста и молитвою своего дѣда, онъ прежде всѣхъ врѣзался въ середину непріятелей; за нимъ бросилась дружина. Андрей въ первой стычкѣ сломалъ копье. Пѣшіе воины непріятельскіе бросились бѣжать къ городу по плотинѣ; Андрей бросился вслѣдъ за ними, такъ что люди дружины его и не видали; только двое изъ младшихъ *дѣтскихъ* его видѣли, что

князь ихъ попалъ въ великую бѣду, такъ какъ его кругомъ обступили непріятели. Они бросились за нимъ; подъ нимъ конь раненъ былъ двумя ударами копья, а третій попалъ въ переднюю луку сѣдла, а съ города какъ дождь летѣли въ него камни. Одинъ Нѣмецъ, увидавъ его, хотѣлъ проколоть его рогатиною, но Богъ сохранилъ его. Много разъ Богъ подвергаетъ опасности любящихъ его, но своею милостью избавляетъ. Князю Андрею пришла уже мысль въ голову: «вотъ ожидаетъ меня смерть Ярополка Святополковича» Съ молитвою къ Богу вынулъ онъ мечъ свой, призвалъ себѣ на помощь Св. мученика Ѳеодора, и по вѣрѣ князя избавили его Богъ и Святой Ѳеодоръ отъ всякаго зла; въ тотъ день бываетъ память. Св. Ѳеодора. Одного изъ дѣтскихъ тутъ убили. Отецъ Андрея, Юрій, дядя Вячеславъ и всѣ братья его радовались, видя его живымъ, и отцовы слуги осыпали его похвалами, такъ какъ онъ тутъ мужествомъ превзошелъ всѣхъ. Конь его, весь сильно израненный, вынесъ своего господина и палъ; жаль былъ его Андрею и онъ велѣлъ похоронить его на берегу Стыря.—Стали около города и не давали въ теченіи трехъ недѣль даже воды почерпнуть, а всего стояли у Луцка шесть недѣль. Владиміръ, Изяславовъ братъ, выбился изъ силъ, а также и жители города, а Изяславъ готовилъ полки во Владимірѣ, намѣреваясь идти къ Луцку на Вячеслава и Юрія, для того чтобы съ ними сразиться. Въ это время Владиміръ пошелъ изъ Галича съ своими полками и, прійдя, остановился на Полопой, между Владиміра и Луцка, и такимъ образомъ раздѣлилъ обѣ враждующія стороны (т. е. сталъ между нихъ, не допуская къ бою). Добрый князь Владиміръ отличался братолюбіемъ, величіе свое поставлялъ въ миролюбіи и не желалъ никому зла, а потому и сталъ между враждующими сторонами, желая ихъ уладить другъ съ другомъ, а потому-то и невозможно было Изяславу идти сражаться съ Вячеславомъ и Юріемъ. Изяславъ послалъ къ Владиміру Галицкому, свату Юрьеву, сказать ему: «введи меня въ любовь къ твоему свату, а моему дядѣ Юрію; я сознаю, что во всемъ виноватъ передъ Богомъ и передъ нимъ. Владиміръ просилъ за Изяслава, а Ростиславъ, сынъ Юрьевъ, съ Юріемъ Ярославичемъ не давали мириться. Изяславъ тѣмъ усерднѣе просилъ мира. Богъ внушилъ Андрею—онъ былъ милосердъ къ своимъ роднымъ и вообще ко всѣмъ православнымъ —просить отца и говоритъ: «не слушай Юрія Ярославича, помирись съ племянникомъ, не губи своего отцовскаго достоянія, миръ стоитъ . . . . . .

. . . . . .

Онъ говорилъ ему: отецъ и господинъ, вспомни слова Св. Писанія: «какъ прекрасно братьямъ жить въ согласіи». Князь галицкій Владиміръ тѣмъ усерднѣе посылалъ къ Вячеславу, Юрію и Изяславу, стараясь ихъ помирить. Онъ говорилъ Вячеславу и Юрію: «Богъ поставилъ насъ властителями для кары дѣлающихъ злое и награды дѣлающимъ доброе. Какъ же можемъ мы молиться къ Создавшему насъ: «Отецъ нашъ, остави наши прегрѣшенія, какъ и мы оставляемъ то, что противъ насъ кто погрѣшитъ»? Племянникъ вашъ, Изяславъ, все равно что сынъ вашъ.—не оправдывается, но только клянется и хочетъ отъ васъ милости. И я не простой между вами ходатай: ангела Богъ не пошлетъ и въ наши дни нѣтъ ни пророка, ни апостола».—Слыша это, князь Вячеславъ смягчился сердцемъ. Такъ-то говорится: «блаженны тѣ, которые себя смиряютъ; они будутъ носить имя сыновей Божіихъ. . . . . «Руская земля можетъ распространиться и усилиться только братолюбіемъ князей». Князь Вячеславъ внялъ словамъ своего брата и свата Владиміра; они залегли въ его сердце, и онъ склонился на соглашеніе и любовь. Князь Вячеславъ былъ незлобивъ сердцемъ, хваля преславнаго Бога: въ памяти были у него слова Св. Писанія: «если вы имѣете вѣру какъ зерно горчичное и скажете этой горѣ: перейди, то она перейдетъ». Еще припомнилъ онъ слова Св. Писанія: «Бога любишь, а брата ненавидишь? это ложь! Если Бога любишь, то люби и брата». Вячеславъ началъ говорить Юрію: «братъ, мирись: а если ты намѣреваешься не помирясь уйдти, то ты уйдешь прочь, а Изяславъ опустошитъ огнемъ мои владѣнія». Юрій послушалъ словъ Вячеслава, и такъ помирились. Изяславъ уступилъ Юрію Кіевъ, а Юрій возвратилъ Изяславу всѣ дани новгородскія и остальное исполнилъ по желанію Изяслава. Такъ уладясь, князья разъѣхались, утвердивъ свое соглашеніе цѣлованіемъ креста. Наступила весна, и князья, заключивъ миръ, вернулись въ Переяславину. Изяславъ радъ былъ примиренію и пріѣхалъ къ дядьямъ въ Переяславину. Когда съѣхались князья, то еще потолковавъ между собою, они цѣловали крестъ на томъ, что во время похода къ Переяславлю было у кого-нибудь погрáблено, стада ли, или дворовые люди, то каждый, кто узнаетъ свою собственность, можетъ брать ее назадъ. Изяславъ послалъ своихъ людей и прикащиковъ за своими стадами, которыхъ онъ лишился. Его люди—одни сами поѣхали, а другіе послали своихъ прикащиковъ. Они пріѣхали къ Юрію и начали узнавать свое. Юрій же ничего этого не выполнилъ, и люди Изяславовы вернулись не вы-

правивъ ничего своего.—Изяславъ отправилъ людей своихъ къ Вячеславу и Юрію съ жалобою; онъ велѣлъ имъ сказать такъ: «вотъ, братъ, на томъ мы цѣловали крестъ, чтобы каждый, что узнаетъ свое, то бы бралъ; а теперь, братъ, если хочешь исполнить данное цѣлованіемъ креста обѣщаніе, то дай Богъ намъ пожить; а если нѣтъ, то посмотримъ».

1150 годъ.

Юрій отдалъ дочерей: одну за Олега Святославича, а другую за Ярослава Владиміровича въ Галичъ. Тутъ Юрій сталъ было звать старшаго брата Вячеслава въ Кіевъ, но бояре ему отсовѣтовали; они говорили: «брату твоему не удержать Кіева и не будетъ онъ ни твой, ни его». Юрій послушалъ бояръ, вывелъ изъ Вышегорода сына своего Андрея и отдалъ Вышегородъ Вячеславу.— Въ это время Изяславъ прислалъ къ Вячеславу и Юрію сказать: «братья мои, вы мнѣ цѣловали крестъ на томъ, что возвратите мнѣ все, что было мое. Теперь, братья, я уже разъ присылалъ къ вамъ, и если хотите исполнить то, на чемъ крестъ цѣловали, то исполняйте же, а не хотите того исполнить, то я не могу оставаться обиженнымъ». Вячеславъ въ то время находился въ Вышегородѣ, Юрій, въ Кіевѣ, а сынъ Юрія, Глѣбъ,—въ Пересопницѣ и Дорогобужѣ. Изяславъ, сказавъ прежде, что обиженнымъ быть не можетъ и оправдавшись въ данной имъ цѣлованіемъ креста клятвѣ. . . . . пріѣхалъ и остановился въ Луцкѣ; на другой день поѣхалъ изъ Луцка въ Пересопницу и тутъ захватилъ Глѣба врасплохъ. Въ это время онъ стоялъ повыше города Пересопницы, на Стублѣ, лагеремъ. Самъ Глѣбъ едва успѣлъ уйдти оттуда въ городъ; захватили весь его обозъ и дружину, загнали его коней и остальную его дружину отрѣзали отъ города, такъ что ему защищаться не съ кѣмъ было. Глѣбъ выслалъ сказать Изяславу: «Юрій—мнѣ отецъ и ты мнѣ будь отцомъ; я тебѣ кланяюсь. Ты тамъ вѣдайся съ моимъ отцемъ какъ хочешь, а меня пусти къ отцу и цѣлуй образъ Святой Богородицы на томъ, что ты меня не задержишь, а отпустишь къ отцу моему, а я самъ къ тебѣ пріѣду и поклонюсь тебѣ».— Изяславъ поцѣловалъ образъ Святой Богородицы и сказалъ: «вы мнѣ братья; съ вами у меня нѣтъ никакого неудовольствія, но обижаетъ меня твой отецъ и не умѣетъ онъ съ нами жить». Глѣбъ выѣхалъ и поклонился Изяславу. Тотъ позвалъ его къ себѣ на обѣдъ, и когда они пообѣдали, то онъ взялъ его съ собою до Дорогобужа, а тамъ

до Коречьска приставилъ своего сына Мстиславa. Мстиславъ, проводивъ Глѣба за Коречьскъ, сказалъ: «ступай, братъ, къ твоему отцу, а по Горыню (рѣку) владѣнія отца моего и мои». Такимъ образомъ Глѣбъ пошелъ оттуда къ отцу своему на Ушескъ, а Изяславъ на Гольско да Куниль отправился въ землю Черныхъ Клобуковъ. Тутъ пріѣхали къ нему всѣми своими полками Черные Клобуки съ большою радостью. Юрій того не зналъ, но полагалъ, что Изяславъ, занявъ земли по Горынъ, тамъ и остался; а то, что Изяславъ находится уже въ землѣ Черныхъ Клобуковъ, оставалось Юрію неизвѣстнымъ. Не смогъ Юрій оставаться въ Кіевѣ, но съ сыновьями своими ушелъ за Днѣпръ въ Остерскій городокъ. Изяславъ съ своими полками пришелъ къ Кіеву. Вячеславъ, какъ только Юрій удалился на ту сторону Днѣпра попередъ Изяслава, въѣхалъ въ Кіевъ и остановился на Ярославовомъ дворѣ. Кіевляне, слыша, что идетъ Изяславъ, вышли къ нему на встрѣчу въ огромномъ числѣ. Они сказали Изяславу: «Юрій вышелъ изъ Кіева, а Вячеславъ находится въ городѣ, но мы его не хотимъ». Слыша это, Изяславъ послалъ Вячеславу сказать: «я звалъ тебя княжить въ Кіевъ, но ты самъ не захотѣлъ; а теперь увидалъ ты, что братъ твой выѣхалъ, да и занялъ Кіевъ? Ступай въ свой Вышегородъ». Кіевляне говорили Изяславу: «ты—нашъ князь, ступай въ храмъ Св. Софіи, садись на престолъ твоего отца и дѣда». Вячеславъ прислалъ своихъ людей къ Изяславу сказать ему: «хоть бы ты, сынъ мой, и убилъ меня на этомъ мѣстѣ, но я не поѣду отсюда». Изяславъ, поклонясь храму Святой Софіи, въѣхалъ на Ярославовъ дворъ со всѣмъ своимъ полками и множество Кіевлянъ съ нимъ пришло. Въ то время Вячеславъ находился на *сѣнницѣ* (террасѣ, галлереѣ?). Многіе стали говорить Изяславу: «князь, возьми его, и дружину его забери». А нѣкоторые говорили: «подрубимъ подъ нимъ сѣни». Изяславъ сказалъ: «не дай мнѣ того Богъ.—я не убійца моихъ братьевъ, а этотъ дядя мнѣ какъ отецъ, и я самъ къ нему пойду». Взявъ съ собою немного дружины, Изяславъ вошелъ на сѣни къ Вячеславу, своему дядѣ, и поклонился ему. Вячеславъ всталъ на встрѣчу Изяславу, поцѣловались они и сѣли оба рядомъ. Изяславъ сказалъ Вячеславу: «отецъ, клянюсь тебѣ, но толковать мнѣ съ тобою теперь невозможно. Видишь стоящія здѣсь толпы народа,—много зла они противъ тебя замышляютъ. Поѣзжай въ свой Вышгородъ и оттуда я хочу съ тобою уговариваться».—Вячеславъ отвѣчалъ: «сынъ, ты самъ звалъ меня въ Кіевъ, а я было цѣловалъ крестъ къ брату твоему Юрію: но

если это теперь такъ, сынъ мой, то пусть тебѣ остается Кіевъ, а я поѣду въ свой Вышгородъ». Вячеславъ сошелъ съ *сѣней* и поѣхалъ въ Вышгородъ; а Изяславъ остался въ Кіевѣ и послалъ своего сына Мстислава въ Коневъ, веля ему оттуда добыть Переяславль. Мстиславъ послалъ на ту сторону къ Турпѣямъ и къ дружинѣ съ приказаніемъ ѣхать къ нему. Ростиславъ, слыша это, послалъ къ отцу въ Городокъ, прося у него помощи. Юрій послалъ къ нему на помощь брата Ростиславова Андрея. Ростиславъ, оставивъ его въ Переяславлѣ, самъ поспѣшилъ къ Сакову и захватилъ Турпѣевъ у Днѣпра. Поймавъ ихъ привелъ въ Переяславль.

Въ это время Юрій изъ Городка сталъ посылать къ Владиміру Давидовичу, къ его брату Изяславу, къ Святославу Ольговичу и къ племяннику его Святославу Всеволодовичу и говорить имъ: «Изяславъ выгналъ меня изъ Кіева и овладѣлъ имъ; пріѣдите, помогите мнѣ».—Изяславъ сталъ посылать къ Вячеславу въ Вышгородъ, а Вячеславъ къ Изяславу, и стали толковать о мирѣ и соглашеніи.

Въ это время Владиміръ выступилъ изъ Галича къ Кіеву на помощь своему свату Юрію противъ Изяслава. Изяславъ получилъ извѣстіе, что Владиміръ перешелъ Болохово и мимо Мупарева идетъ къ Володареву. Изяславъ послалъ къ своему сыну Мстиславу сказать: «идетъ на меня къ Кіеву Владиміръ Галицкій, а отсюда Юрій съ Ольговичами; ступай ко мнѣ скорѣе, взявъ Берендичей». Самъ Изяславъ съ своими боярами поѣхалъ въ Вышгородъ къ Вячеславу и сказалъ ему: «ты мнѣ отецъ; вотъ тебѣ Кіевъ и изъ областей, какую тебѣ угодно, ту и возьми, а что останется, то мнѣ отдай». Вячеславъ съ досадою отвѣчалъ Изяславу: «а почему ты мнѣ не далъ Кіева въ то время, но съ великимъ посрамленіемъ выпроводилъ меня изъ Кіева, а теперь ты мнѣ его даешь, когда одно войско идетъ изъ Галича и другое изъ Чернигова»?—Изяславъ сказалъ Вячеславу: «я къ тебѣ посылалъ, и Кіевъ тебѣ давалъ, и въ то время тебѣ объявлялъ, что съ тобою я жить могу, но съ братомъ твоимъ Юріемъ мнѣ не управиться. А тебя я люблю какъ отца и теперь тебѣ говорю: ты мнѣ отецъ, Кіевъ твой, ты ступай туда». Пріятно было Вячеславу слышать это; такимъ образомъ онъ и Изяславъ цѣловали другъ другу крестъ на гробѣ Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба на томъ: «Изяславу имѣть Вячеслава отцомъ, а Вячеславу—Изяслава сыномъ». Люди ихъ цѣловали крестъ на томъ, что между князьями добра хотѣть, оберегать ихъ честь и не ссорить. Изяславъ, поклонясь Святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу и отцу своему Вячеславу, сказалъ: «ты, отецъ

мой, не трудись; я поѣду къ Звенигороду противъ Владиміра; ты пусти со мною твой полкъ, а самъ, отецъ, поѣзжай въ Кіевъ, если тебѣ угодно». Вячеславъ отвѣчалъ: «сынъ мой, сколько у меня есть дружины—всѣхъ съ тобою пущу». Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ, звукомъ трубъ созвалъ Кіевлянъ и выступилъ изъ Кіева съ своими полками на встрѣчу Владиміру, говоря такъ: «онъ ко мнѣ ближе, къ нему пойду прежде». Взявъ съ собою брата Владиміра и сына Мстислава, онъ выступилъ къ Звенигороду и, прійдя туда, остановился съ своими полками. Ему пришло извѣстіе, что Владиміръ уже идетъ черезъ Перепетово. Изяславъ, слыша о томъ, выступилъ отъ Звенигорода къ Тумащю. Тутъ пришли къ нему Черные Клобуки; они заперли своихъ женъ и дѣтей въ городахъ на Поросьи, а сами со всѣми своими силами пріѣхали къ Изяславу. На другой день Изяславъ, рано утромъ, на зарѣ, устроивъ свои полки въ боевой порядокъ, выступилъ противъ Владиміра и перешелъ Стугну и Ольшаницу. Въ то время Владиміръ съ своими полками стоялъ у верховьевъ Ольшаницы. Изъ войска Изяславова еще до восхода солнца отрядъ конницы ударилъ на передовые посты Владиміра, захватилъ у нихъ нѣсколько человѣкъ и у Черныхъ Клобуковъ поймали одного человѣка и привели его къ Владиміру. Владиміръ, услыхавъ, что Изяславъ перешелъ уже Ольшаницу, устроивъ полки, выступилъ противъ него. Стрѣлки черезъ рѣку пускали стрѣлы, и началъ Владиміръ напирать всѣми силами. Черные Клобуки, видя значительность силъ Владиміра, оробѣли, а у Изяслава мало было людей,—полкъ Вячеслава не успѣлъ еще прійдти. Черные Клобуки стали говорить Изяславу: «князь, велика его (Владиміра) сила, а у тебя воиновъ мало. Какъ бы не перешелъ онъ на насъ черезъ рѣку! Не погуби насъ, да и самъ не погибни. Ты, нашъ князь, когда будешь въ силахъ, и мы тогда съ тобою, а теперь не твое время, ступай прочь». Изяславъ сказалъ имъ: «лучше, братья, умремъ здѣсь, нежели такой позоръ возьмемъ на себя». Кіевляне также стали приставать къ Изяславу и говорить: «поѣдемъ, князь, прочь». И съ такими словами Кіевляне побѣжали отъ Изяслава прочь, и Черные Клобуки оттуда же бѣжали къ своимъ кочевьямъ. Видя то, Изяславъ сказалъ своей дружинѣ: «неужели мнѣ ѣхать впередъ только съ моими гостями, Венграми и Поляками, когда моя дружина поражена ужасомъ»? И самъ бѣжалъ прочь.—Владиміръ, видя то, что Кіевляне бѣгутъ, а тамъ Черные Клобуки за ними ѣдутъ, сказалъ: «это обманъ; непремѣнно тутъ гдѣ-нибудь въ горахъ скрывается Изяславъ». Вслѣдствіе этого весь полкъ Изяславовъ остал-

ся цѣлъ, потому что непріятель не смѣлъ его преслѣдовать. Изяславъ прибѣжалъ въ Кіевъ. Войско Владиміра нагнало задніе ряды его дружины: нѣкоторыхъ поймали, а другихъ побили. А Вячеславъ еще прежде вошелъ было въ Кіевъ и остановился на Ярославовомъ дворѣ. Изяславъ пріѣхалъ къ отцу своему Вячеславу. Тутъ они совѣтовались о дѣлахъ и потомъ сѣли обѣдать. Въ это время пришли: Юрій съ своими сыновьями, Владиміръ и Изяславъ Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и племянникъ его Святославъ Всеволодовичъ на берегъ противъ Кіева. Много Кіевлянъ поѣхало въ лодкахъ на встрѣчу къ Юрію, а другіе начали на лодкахъ перевозить его воиновъ на эту сторону, на Подолъ. Вячеславъ съ Изяславомъ, видя это, сказали: «теперь не наше время».—Изяславъ сказалъ отцу своему Вячеславу: «поѣзжай, отецъ мой, въ твой Вышгородъ, а я поѣду въ свой Владиміръ, а потомъ, спустя нѣсколько дней, мы увидимъ, какъ намъ съ ними развѣдаться дастъ Богъ». Поговоривъ такимъ образомъ, поѣхали—Вячеславъ въ Вышгородъ, а Изяславъ во Владиміръ. Изяславъ велѣлъ своей дружинѣ собраться у Дорогожичь, а самъ, дождавшись ночи, поѣхалъ изъ Кіева. На другой день пришелъ Владиміръ Галицкій къ Ольговой могилѣ. Тутъ пріѣхалъ къ нему Юрій съ Владиміромъ Давидовичемъ, съ Изяславомъ, его братомъ, съ Святославомъ Ольговичемъ, съ Святославомъ Всеволодовичемъ. Тутъ они, не сходя съ коней, поздоровались у Сѣтомля на выгонѣ (*на болоньи*). Съ общаго совѣта послали они за Изяславомъ Святослава Всеволодовича и Бориса Юрьевича и преслѣдовали его до Чортова лѣса, но не нагнали и вернулись.

Владиміръ поѣхалъ въ Вышегородъ поклониться Святымъ мученикамъ. Помолясь имъ, отправился онъ въ Кіевъ, въ храмъ Святой Софіи, а оттуда въ храмъ Святой Богородицы Десятинной и затѣмъ въ Печерскій монастырь Святой Богородицы.—Изяславъ во время своего движенія изъ Кіева занялъ Погорину, сына своего Мстислава оставилъ въ Дорогобужѣ, а съ братомъ отправился во Владиміръ. Кіевляне, опасаясь Владиміра Галицкаго, ввели Юрія въ Кіевъ. Юрій, войдя въ Кіевъ, свидѣлся съ Владиміромъ въ Печерскомъ монастырѣ съ изъявленіемъ великой взаимной любви и расположенія. Затѣмъ Владиміръ, простясь съ Юріемъ, отправился въ Галичъ, взявъ у него его сына, Мстислава. Когда Владиміръ приблизился къ Дорогобужу, то оттуда бѣжалъ Мстиславъ Изяславичъ и удалился въ Луцкъ, къ дядѣ своему Святополку. Владиміръ занялъ всѣ города, какіе были по дорогѣ, и пришелъ къ Луцку.

Святополкъ и Мстиславъ заперлись въ городѣ. Владиміръ не могъ ничего тутъ сдѣлать и вернулся въ Галичъ, а Мстислава Юрьевича оставилъ княжить въ Пересопницѣ.

Въ это время пришли къ Юрію Половцы на помощь противъ Изяслава и остановились у Переяславля. Юрій еще не распустилъ воиновъ и Ольговичи еще не уѣхали отъ него; онъ послалъ Святослава Всеволодовича въ Переяславль къ своему сыну Ростиславу Юрьевичу, чтобы онъ унялъ Половцевъ и вернулъ бы ихъ назадъ.—Половцы дѣлали вредъ; сосѣдніе жители сбѣжались въ городъ и не смѣли даже скотъ выгонять изъ города. Юрій послалъ своего сына Андрея. Тотъ пріѣхалъ въ Переяславль и заключилъ миръ съ Половцами. Святославъ Всеволодовичъ поѣхалъ въ Кіевъ къ Юрію, а Андрей остался у брата въ Переяславлѣ по случаю праздника Воздвиженія честнаго креста. Въ церквѣ Св. Михаила отпраздновали князья честной праздникъ Креста Господня. На другой день Андрей отправился въ Кіевъ къ отцу. Осенью Юрій далъ Андрею, сыну своему, Туровъ, Пинскъ и Пересопницу. Андрей поблагодарилъ отца, отправился въ Пересопницу и сталъ тамъ княжить. Въ ту же зиму Изяславъ сталъ присылать къ Андрею въ Пересопницу и говорилъ ему: «братъ, помири меня съ твоимъ отцомъ». А посылалъ къ нему Изяславъ разсмотрѣть, какой въ городѣ порядокъ и какъ онъ стоитъ. Прежде онъ захватилъ тутъ врасплохъ брата его Глѣба, теперь же и Андрея хотѣлъ на томъ же поймать; но замыселъ Изяслава не удался на этотъ разъ, потому что у Андрея и городъ былъ укрѣпленъ, и дружина въ сборѣ.— Изяславъ говорилъ: «мнѣ нѣтъ отцовскаго наслѣдія ни въ Венгріи, ни въ Польшѣ, а есть только въ Руской землѣ; проси у отца мнѣ владѣній по Горину». Андрей просилъ отца за Изяслава, но тотъ не хотѣлъ дать Изяславу владѣній. А Изяславъ говорилъ: «дядя не даетъ мнѣ владѣній, не хочетъ меня въ Руской землѣ, а Владиміръ Галицкій, по его приказанію, захватилъ мои владѣнія, да и опять хочетъ прійдти на меня къ Владиміру». Изяславъ, обдумавъ это дѣло, послалъ брата своего Владиміра въ Венгрію къ королю, своему зятю, и велѣлъ ему сказать: «ты мнѣ самъ говорилъ, что Владиміръ не смѣетъ головы поднять. Я выгналъ было Юрія изъ Кіева и онъ передо мною бѣжалъ; но Владиміръ, съ общаго совѣта съ Ольговичами, пришелъ и прогналъ меня изъ Кіева; а теперь, братъ, какъ ты мнѣ самъ обѣщался, садись на коня». Король, выслушавъ это, послалъ по всей своей землѣ собирать воиновъ и всѣ свои полки. Собравъ всѣ свои силы, король сѣлъ

на копя, а къ Изяславу послалъ людей своихъ сказать: «я уже выступилъ отсюда въ походъ съ братомъ твоимъ Владиміромъ, а ты пойди оттуда, собравъ всѣ свои силы, и Владиміръ узнаетъ, кого онъ затронулъ». У Владиміра были пріятели въ Венгріи; они послали предупредить его, что король уже идетъ на него. Владиміръ въ то время стоялъ у Бельза; услыхавъ тутъ, что король уже вошелъ въ горы, онъ побросалъ свой обозъ и самъ съ дружиною поспѣшилъ въ Перемышль. Король, перейдя горы, взялъ городъ Сапокъ; тутъ захватили Владимірова намѣстника и заняли много селеній у Перемышля. Владиміръ, видя это, оробѣлъ; онъ послалъ къ архіепископу Кукишу и еще къ двумъ епископамъ и къ людямъ королевскимъ; онъ далъ много золота и подкупилъ ихъ, чтобы они воротили короля. Они убѣдили короля идти домой. Король послушалъ ихъ и сталъ говорить: «теперь уже не время вести войну,—замерзаютъ рѣки; пойдемъ домой, а вотъ какъ рѣки станутъ, тогда какъ намъ Богъ дастъ съ ними». А въ то время наступалъ уже Дмитріевъ день. Король, сказавъ такъ, пошелъ, сдѣлавъ много зла Владиміру и его землѣ, а Владиміра, своего шурина, взялъ съ собою въ Венгрію. Въ то время Изяславъ, съ общаго совѣта съ своимъ зятемъ, королемъ, и свою сестрою, королевою, взялъ у бана дочь за брата своего Владиміра. Ее послали впередъ къ Изяславу во Владиміръ,—такъ какъ его люди и ихъ кони утомились отъ похода, остался отдохнуть у короля. Король, и сестра его, и всѣ его люди обошлись съ нимъ съ великою почестью и, одаривъ его всякаго рода дарами, отпустили къ брату его Изяславу. Король, отпуская Владиміра, сказалъ: «кланяйся моему отцу и твоему брату Изяславу и передай ему: греческій царь начинаетъ со мною войну, и въ теченіи этой зимы и весны нельзя мнѣ идти на помощь. Но, во всякомъ случаѣ, отецъ, твой щитъ и мой не будутъ врозь. Если мнѣ самому и нельзя, а тебя нужна помощь, то десять ли тысячъ человѣкъ, больше ли, а я тебѣ пошлю. А какъ Богъ дастъ пріѣдетъ лѣто, то я буду въ твоемъ распоряженіи, и тогда мы за обиду нашу отмстимъ, какъ намъ Богъ дастъ».—Владиміръ пришелъ къ своему брату Изяславу. Тотъ, видя брата здоровымъ и слыша отъ него слова короля и выраженія его расположенія, очень былъ радъ. Изяславъ сказалъ брату своему Владиміру: «братъ, помоги тебѣ Богъ, что ты потрудился для моей чести и твоей, а здѣсь моей снохѣ, а твоей женѣ, время показалось очень долгимъ». — Тогда Изяславъ отправилъ Венгровъ въ Устилогъ на прокормъ. Изяславъ послалъ, и привели дочь бана и были великая радость и веселіе.

Въ это время Святославъ Ольговичъ перенесъ мощи своего брата Игоря изъ храма Св. Симеона, что въ Копыревомъ *концѣ*, въ Черниговъ и положилъ ихъ въ храмѣ Св. Спаса въ *теремѣ*.

Изяславъ сказалъ брату своему Владиміру: «братъ, ты былъ въ Венгріи у зятя нашего, короля; тебѣ извѣстны всѣ мысли и думы его и совѣтниковъ. Тебѣ бы, братъ, потрудиться теперь снова для моей чести и твоей». Такимъ образомъ Изяславъ отправилъ своего брата Владиміра въ Венгрію къ своему зятю, королю, за вспоможеніемъ. Владиміръ отвѣчалъ своему брату Изяславу: «я, братъ, того не ставлю себѣ въ трудъ и для чести твоей и брата Ростислава ѣду съ радостью». Тутъ Изяславъ отправилъ своего брата Владиміра къ своему зятю, королю, и велѣлъ сказать такъ: «если царь греческій началъ съ тобою войну, то какъ тебѣ съ нимъ Богъ дастъ, а въ случаѣ, если тебѣ самому невозможно, то пришли мнѣ вспоможеніе, какъ ты самъ говорилъ, а мнѣ Богъ помощникъ на Юрія, на Ольговичей и на галицкаго князя. Твоя, братъ, обида не твоя». Король, слыша это, отпустилъ къ Изяславу съ Владиміромъ десять тысячъ лучшихъ воиномъ. Отъ короля и Владиміра поѣхали впередъ послы къ Изяславу сказать: «король, зять твой, пустилъ тебѣ десять тысячъ человѣкъ и такъ тебѣ говоритъ: «гдѣ твоя обида,—а вотъ тебѣ полки, ты ступай съ ними туда мстить за свою обиду. Поспѣшай же, братъ, и садись на коня». Владиміръ пришелъ къ брату своему Изяславу съ венгерскими полками. Изяславъ, соединясь съ Владиміромъ и Венграми, выступилъ къ Кіеву. Звали его туда Вячеславовы люди, Берендѣи и Кіевляне. Изяславъ пришелъ къ Пересопницѣ; въ то время тамъ находился Андрей Юрьевичъ. Изяславъ, пріѣдя къ Пересопницѣ, сталъ повыше города и сжегъ Зарѣческъ. Тутъ онъ получилъ извѣстіе, что Владиміръ Галицкій идетъ за нимъ. Услыхавъ о томъ, Изяславъ сталъ совѣтоваться съ своею дружиною. Дружина говорила Изяславу: «князь, ты самъ знаешь, что со всѣхъ сторонъ тебѣ трудно (опасности). Вотъ ты стоишь идя на Юрія, и съ той стороны тебя ждетъ войско, а другое за тобою—Владиміра. Ты идешь на Юрія, а сзади тебя съ войскомъ Владиміръ, и онъ, собравъ всѣ силы, пойдетъ за тобою, а намъ очень трудно». Изяславъ сказалъ своей дружинѣ: «вы вышли за мною изъ Руской земли, лишась вашихъ селъ и пожитковъ, да и я самъ не могу препебречь тѣмъ, что было достояніемъ моего отца и дѣда, и либо голову сложу, или возвращу отцовскія владѣнія и все ваше имущество. Если меня настигнетъ Владиміръ съ своимъ войскомъ,

то съ нимъ увижу судъ Божій, и какъ меня съ нимъ Богъ разсудитъ; а если меня встрѣтитъ Юрій, то съ тѣмъ увижу судъ Божій и то, какъ Богъ меня съ нимъ разсудитъ». Оттуда Изяславъ отпустилъ своего брата Святополка во Владиміръ—оберегать этотъ городъ, а самъ съ братомъ своимъ Владиміромъ, съ сыномъ Мстиславомъ, съ Борисомъ Городенскимъ и съ Венграми выступилъ къ Дорогобужу. Жители этого города вышли съ крестами и поклонились Изяславу; онъ имъ сказалъ: «вы — люди отца моего и дѣда; помогай вамъ Богъ». Съ такимъ привѣтствіемъ онъ отпустилъ ихъ въ городъ. Дорогобужцы сказали Изяславу: «князь, съ тобою иноземцы—Венгры, какъ бы они не сдѣлали зла нашему городу». Изяславъ далъ имъ такой отвѣтъ: «веду съ собою Венгровъ и другихъ иноземцевъ, но не на своихъ людей, но кто мнѣ врагъ—на того веду, а вы нисколько не тревожьтесь». Сказавъ такъ, Изяславъ прошелъ мимо города и, перейдя Горину, остановился на Хотрін. Оттуда пошелъ къ Коречьску, и Корчане вышли изъ города и съ радостью ему поклонились. Изяславъ миновалъ городъ и въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи остановился на рѣкѣ, не доходя Случа.—Владиміръ Галицкій прислалъ къ Андрею Юрьевичу Василька Ярополковича сказать: «братъ, пріѣзжай ко мнѣ». Андрей пріѣхалъ къ Владиміру; они свидѣлись у Мильска, пустили впередъ сторожевой отрядъ, а сами пошли за Изяславомъ. Тотъ получилъ извѣстіе, что Владиміръ Галицкій, Андрей Юрьевичъ и Владиміръ Андреевичъ пришли къ Дорогобужу съ большими силами и переправляются черезъ Горину.—На другой день Изяславъ, вставъ, перешелъ Случь и оттуда черезъ Чортовъ лѣсъ двинулся къ Ушску и перешелъ рѣку Ушу подъ Ушскимъ. Когда всѣ полки Изяслава уже переправились черезъ Ушу, то къ берегу ея пришли стрѣлки Владиміра Галицкаго, Андрея Юрьевича и Владиміра Андреевича. Изяславъ, услыхавъ о томъ, пустилъ своихъ стрѣлковъ впередъ, и они начали сраженіе черезъ рѣку. Изяславъ отступилъ не доходя до Города; тутъ Изяславъ, вмѣстѣ своимъ братомъ Владиміромъ и сыномъ Мстиславомъ; тутъ онъ и остановился у этой рѣки и черезъ нее стрѣлялись. Изяславовы стрѣлки бросались черезъ рѣку на эту сторону, а Галичане—на ту. Здѣсь Изяславовы стрѣлки захватили у Галичанъ человѣка и привели его къ Изяславу. Тотъ спросилъ его: «гдѣ твой князь»?—Плѣнный отвѣчалъ: «а вонъ за городомъ первый лѣсъ; тутъ, получивъ о тебѣ извѣстіе, остановился, не дерзнулъ идти черезъ лѣсъ и говорилъ: если пойдемъ черезъ лѣсъ, то непріятель на насъ нападетъ, а главныя

силы за нами далеко; подождемъ тутъ». Изяславъ, услыхавъ это, сказалъ брату своему Владиміру, сыну Мстиславу и всей своей дружинѣ: «вернемся назадъ на враговъ». Люди дружины Изяслава говорили ему: «князь, тебѣ нельзя идти на непріятеля; впереди тебя рѣка и притомъ глубокая,—какъ же ты хочешь ударить на непріятеля? Притомъ же онъ стоитъ прикрывшись лѣсомъ. Теперь, князь, оставь эти мысли, но ступай въ Кіевъ къ своей дружинѣ. Если насъ гдѣ-нибудь настигнетъ Владиміръ, то мы тамъ съ нимъ и сразимся. Ты самъ сказалъ у Зарѣчска: «если насъ встрѣтитъ Юрій, то мы съ нимъ сразимся». Теперь, князь, не медли, но спѣши впередъ. Если будешь на Тетеревѣ, то тамъ къ тебѣ пріѣдетъ вся твоя дружина; а если тебѣ Богъ дастъ дойдти до Бѣлагорода прежде Владиміра, то тебѣ еще больше прибудетъ дружины и силы у тебя прибудетъ».

Изяславъ послушалъ совѣта близкихъ и выступилъ въ походъ. Отойдя оттуда, остановился у Святославовой Криницы, а Владиміръ перешелъ Ушю и тоже остановился. Такъ они стояли другъ противъ друга: люди передоваго отряда Изяславова видѣли огни Галичанъ, а галицкіе караулы видѣли огни Изяславовыхъ воиновъ. Изяславъ, съ общаго совѣта съ своею дружиною, положилъ идти во всю ночь къ Мичьску. Онъ приказалъ всѣмъ своимъ воинамъ развесть большіе огни и, приготовивъ ихъ, выступилъ со всѣмъ войскомъ къ Мичьску. Тутъ встрѣтило его множество людей, жившихъ по Тетереву. Они поклонились Изяславу. Жители Мичьска послѣдовали ихъ примѣру; они говорили Изяславу: «ты—нашъ князь».— Изяславъ, выступивъ оттуда, перешелъ на другую сторону Тетерева, и тутъ онъ и его воины сошли съ коней отдохнуть. Тутъ пообѣдавъ и давъ конямъ отдыхъ, выступили къ Звижденю. Когда пришли въ Звиждень, то оставались тамъ до вечера. Тутъ Изяславъ, сѣвъ на коня, позвалъ къ себѣ брата своего Владиміра, сына Мстислава, Бориса Городенскаго. На совѣтъ пришли и Венгерцы. Изяславъ сказалъ: «вотъ Владиміръ идетъ за нами, а мы здѣсь стоимъ. Я, братья, спрашиваю васъ: намѣрены ли мы здѣсь стоять или, несмотря на наши труды, эту же ночь выступить въ походъ далѣе? Если мы здѣсь будемъ стоять еще, то Владиміръ идетъ вслѣдъ за нами, и мало того, что онъ насъ нагонитъ, но вотъ и другое впереди насъ войско Юрія. Если мы дождемся и этого, то намъ будетъ трудно; но лучше, возложивъ надежду на Бога, несмотря на нашу усталость, поѣдемъ далѣе. Если мы только успѣемъ войдти въ Бѣлгородъ, то Юрій готовъ будетъ бѣгать

передъ нами. Поѣдемъ же въ нашъ Кіевъ, и если мы увидимъ сильный полкъ кіевскій, то я знаю, что онъ будетъ за меня сражаться. А если намъ нельзя будетъ ѣхать на Бѣлгородъ, то мы поѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ; а лишь бы до нихъ добраться и соединиться съ ними, то, надѣюсь на Бога, не страшны намъ тогда ни Владиміръ, ни Юрій».—Венгры отвѣтили: «мы—твои гости. Если ты вполнѣ надѣешься на Кіевлянъ, то тебѣ лучше знать твоихъ людей, а кони подъ нами. Хорошо, если другъ прибудетъ, то намъ силы прибудетъ, и въ эту ночь, какъ намъ Богъ дастъ, выступимъ въ походъ». Изяславъ сказалъ брату своему Владиміру: «ступай ты впередъ на Бѣлгородъ, а мы всѣ пустимъ съ тобою нашу младшую дружину; ступай къ Бѣлгороду впередъ, а мы послѣдуемъ за тобою. Если, когда ты пріѣдешь къ Бѣлугороду, начнутъ съ тобою сражаться, то ты пошли къ намъ о томъ вѣсть, а самъ сражайся отъ утра и до обѣда. А я или переѣду на Абрамль мостъ, или другою дорогою гдѣ-нибудь проѣду въ землю Черныхъ Клобуковъ и, соединясь съ ними, поѣду на Юрья къ Кіеву. Если же тебѣ удастся захватить Бѣлгородъ, то ты намъ дай о томъ знать, и мы за тобою поѣдемъ».—Изяславъ, сѣвъ на коня, перешелъ Звиждень, и тутъ устроивъ свои полки въ боевой порядокъ, пустилъ впередъ къ Бѣлгороду брата своего Владиміра, а самъ пошелъ за нимъ со всѣми своими полками. Владиміръ поспѣшно пришелъ къ Бѣлгороду къ мостику. Въ то время въ Бѣлгородѣ Борисъ пилъ вино *на сенницѣ* съ своею дружиною и бѣлогородскими попами. Еслибы сборщикъ пошлинъ не остерегся и не сбросилъ бы мостикъ, то такъ бы ихъ и захватили. Воины Владиміра, пріѣхавъ къ мостику, закричали, заиграли въ трубы; Борисъ, услыхавъ то, бѣжалъ изъ Бѣлгорода. Жители города вышли къ мостику, кланялись и говорили: «князь, войди въ городъ,—Борисъ бѣжалъ». Они поспѣшили тутъ же настлать мостъ. Владиміръ въѣхалъ въ Бѣлгородъ и послалъ сказать брату своему Изяславу: «я уже въ Бѣлгородѣ, а Борисъ бѣжалъ, да онъ ничего и не зналъ, и Юрій не знаетъ,—пріѣзжай скорѣе». Изяславъ пришелъ поспѣшно къ Бѣлгороду и переправилъ свои полки черезъ мостъ до свѣта, потомъ, устроивъ ихъ въ боевой порядокъ, двинулся къ Кіеву и съ Венграми, а брата своего Владиміра и его полкъ оставилъ въ Бѣлгородѣ противъ Владиміра Галицкаго. Борисъ прибѣжалъ къ своему отцу Юрію (а въ то время тотъ находился на Красномъ дворѣ) и сказалъ ему о приближеніи Изяслава и о томъ, что вотъ уже его войско. Юрій, слыша о томъ

и не будучи въ состояніи себѣ ничѣмъ помочь, сѣлъ въ лодку, переправился на другую сторону Днѣпра и ушелъ въ Городокъ. Кіевляне, узнавъ о приближеніи Изяслава, вышли къ нему на встрѣчу съ радостію. Изяславъ съ великою честью сѣлъ на столѣ своего дѣда и отца; по Кіеву много захватили людей Юрьевой дружины. Изяславъ, въ сопровожденіи родныхъ, поѣхалъ изъ храма Святой Софіи на Ярославовъ дворъ. Онъ позвалъ съ собою на обѣдъ Венгровъ и Кіевлянъ; тутъ на большомъ дворѣ Ярославовомъ они обѣдали и были очень веселы. Тогда на Ярославовомъ дворѣ Венгры—а было ихъ очень много—играли на *фарехъ и скокахъ*. Кіевляне дивились большому числу Венгровъ, ихъ свитѣ и конямъ.

Владиміръ съ Андреемъ не знали о случившемся: они стояли у Мичьска, послали разъѣзды и узнали, что Юрій уже въ Городкѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ. Владиміръ Галицкій, услыхавъ, что Изяславъ въѣхалъ въ Кіевъ, а Юрій выбѣжалъ изъ Кіева, сказалъ Андрею Юрьевичу и Владиміру Андреевичу: «ну, что за княженіе моего свата? На него идетъ войско изъ Владиміра, а онъ и не зналъ. Ты, сынъ его, сидишь въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ,—и какъ было вамъ о томъ не провѣдать»? Съ большою досадою сказалъ Владиміръ Андрею: «если вы такъ княжите съ вашимъ отцомъ, то расправляйтесь сами, а я не могу одинъ идти на Изяслава. Онъ вчера хотѣлъ со мною сражаться; идя на вашего отца, а на меня оборачиваясь, искалъ случая сразиться со мною; а теперь, когда въ его власти вся Руская земля, я не могу одинъ на него идти». И съ этими словами онъ вернулся въ Галичъ. Владиміръ сказалъ жителямъ Мичьска: «дайте мнѣ серебра, сколько я хочу, а иначе я отдамъ вашъ городъ на разграбленіе воинамъ». Жители Мичьска не имѣли чѣмъ заплатить; они вынимали серьги изъ ушей и снимали ожерелья съ шеи, сливали серебро и отдавали Владиміру. А тотъ, взявъ серебро, пошелъ далѣе и бралъ его такимъ же образомъ по всѣмъ городамъ до своей земли. Владиміру и Андрею сказалъ онъ: «а вы ступайте къ своему отцу». Тѣ и поѣхали туда, на устье Припети, на Давидову часовню, а оттуда въ Остерскій городокъ къ своему отцу, Юрію. Изяславъ послалъ въ Вышгородъ къ Вячеславу сказать ему: «отецъ мой, кланяюсь тебѣ; хоть Богъ и отнялъ у меня отца моего Мстислава, но ты мнѣ отецъ. Теперь кланяюсь тебѣ. Виноватъ ужь я былъ передъ тобою разъ и въ томъ раскаиваюсь, и въ другой разъ, когда Богъ далъ мнѣ побѣдить Игоря у Кіева и я тебѣ не оказалъ должной чести, а потомъ еще у Тумаща. Теперь, отецъ, я раскаиваюсь во всемъ

томъ передъ Богомъ и тобою. И если ты, отецъ, простишь меня, то и Богъ мнѣ проститъ. Теперь, отецъ мой, даю тебѣ Кіевъ,— пріѣзжай и садись на престолъ своихъ отца и дѣда». Вячеславъ отвѣчалъ такъ: «сынъ мой! Помогай тебѣ Богъ за то, что ты почтилъ меня. Еслибы ты и давно такъ поступилъ, то честь ты сдѣлалъ бы не мнѣ, но Богу. Ты говоришь, что я тебѣ отецъ, а ты мой сынъ; у тебя нѣтъ отца, а у меня сына; ты мнѣ сынъ и вмѣстѣ братъ». Вячеславъ и Изяславъ цѣловали другъ другу крестъ на томъ, что не разлучаться имъ ни въ добрѣ, ни во злѣ, но быть постоянно вмѣстѣ и за одно.—Въ этомъ же году скончался въ Переяславлѣ Ростиславъ Юрьевичъ на разсвѣтѣ въ Великую пятницу. Его братья, Андрей, Глѣбъ и Мстиславъ, положили въ храмѣ Святаго Михаила подлѣ его дядей, Андрея и Святослава.

1151 годъ.

Изяславъ ввелъ въ Кіевъ своего дядю, нареченнаго отца, Вячеслава. Онъ въѣхалъ въ Кіевъ, отправился въ храмъ Св. Софіи и сѣлъ на престолъ своихъ отца и дѣда. Онъ позвалъ на обѣдъ сына своего Изяслава, всѣхъ Кіевлянъ, людей короля и Венгровъ съ ихъ дружиною; они высказывали другъ другу сильное расположеніе. Вячеславъ и Изяславъ оказали Венграмъ великую честь: Вячеславъ отъ себя, а Изяславъ отъ себя одарилъ ихъ многими подарками: чашами, одеждами, лошадьми, дорогими тканями и вообще всякаго рода вещами. Въ это время къ Вячеславу и Изяславу пришло извѣстіе, что Владиміръ Галицкій воротился въ Галичъ, а Андрей Юрьевичъ и Владиміръ Андреевичъ поѣхали отъ него къ Юрію на устье Припети, на Давидову часовню. На другой день Вячеславъ прислалъ къ Изяславу сказать: «сынъ мой, помогай тебѣ Богъ, что ты почтилъ меня какъ отца роднаго. А я, сынъ мой, скажу тебѣ: я ужь старъ и не могу смотрѣть за всѣми порядками; будемъ же оба въ Кіевѣ. Если намъ прійдется сдѣлать какое-либо распоряженіе относительно ли христіанъ или иновѣрцевъ, то мы будемъ вмѣстѣ. Моя дружина и мой полкъ пусть будутъ у насъ обоихъ, а завѣдуй ты ею. Если намъ можно будетъ ѣхать куда-нибудь въ походъ обоимъ, то мы оба поѣдемъ, а то ты будешь ходить и съ твоимъ полкомъ и съ моимъ». Изяславъ очень обрадовался, и съ изъявленіями великой почести поклонясь Вячеславу, сказалъ ему: «отецъ, кланяюсь тебѣ; какъ мы сказали, такъ намъ Богъ дай быть вмѣстѣ, пока живы будемъ». На третій день Вячеславъ и Изяславъ позвали къ себѣ Венгровъ; они отпустили ихъ домой въ

Венгрію и сказали имъ: «ступайте къ своему королю, а нашему зятю, а мы вслѣдъ за вами пошлемъ сына нашего, Мстислава». Королю князь велѣлъ сказать: «братъ, Богъ тебѣ помоги такъ, какъ ты намъ помогъ. Только братъ родной или сынъ для отца можетъ сдѣлать то, что ты для насъ сдѣлалъ. А мы говоримъ тебѣ, братъ: посылаемъ къ тебѣ сына нашего, Мстислава, и онъ передастъ тебѣ наши слова».—Такъ сказавъ, Вячеславъ и Изяславъ отпустили Венгровъ къ королю съ великою почестью; потомъ послали они къ нему же сына своего, Мстислава, и велѣли ему сказать королю: «ты для насъ сдѣлалъ то, что только можетъ сдѣлать братъ родной брату или сынъ отцу,—такъ ты намъ помогъ. А мы тебѣ, братъ, снова повторяемъ: дай Богъ намъ съ тобою быть ни въ чемъ нераздѣльнымъ, но гдѣ будетъ твоя обида, то Богъ намъ дай тамъ самимъ быть, мстя за твою обиду, или съ своими братьями, сыновьями и полками. Намъ отплатить тебѣ за твою обиду нечѣмъ, кромѣ головы нашей. Теперь доверши начатое тобою доброе дѣло: тебя самого не зовемъ, потому что съ тобою царь греческій ведетъ войну, но пусти къ намъ вспоможеніе или такое же, или и болѣе сильное, пусти къ намъ съ своимъ братомъ, а нашимъ сыномъ, Мстиславомъ, потому что Юрій силенъ, и Давидовичи и Ольговичи съ нимъ, и Половцы дикіе съ нимъ же за одно; онъ ихъ наводитъ на насъ золотомъ. Теперь, братъ, на эту весну помогай намъ, а если мы въ эту весну управимся, то мы съ своими полками поспѣшимъ къ тебѣ на помощь. Если ты раньше насъ покончишь съ царемъ, то ты намъ будь помощникомъ. Твои люди и братъ твой, Мстиславъ, разскажутъ тебѣ—какъ намъ Богъ помогъ и какъ за насъ стали: и вся Руская земля, и Черные Клобуки».

Отправивъ Мстислава въ Венгрію, Вячеславъ и Изяславъ послали своихъ людей въ Смоленскъ къ Ростиславу. Вячеславъ велѣлъ сказать Ростиславу: «вотъ, братъ, Богъ насъ свелъ вмѣстѣ съ братомъ твоимъ, а моимъ сыномъ, Изяславомъ. Онъ, снова добившись владѣнія Русскою землею, почтилъ меня и посадилъ въ Кіевѣ. Я говорю тебѣ, сынъ мой: какъ мнѣ сынъ братъ твой, Изяславъ, такъ и ты мнѣ сынъ, и я тебя, сынъ мой, прошу: потрудись пріѣхать къ намъ сюда и мы здѣсь вмѣстѣ посмотримъ, что намъ покажетъ Господь Богъ». Изяславъ сказалъ своему брату Ростиславу: «ты меня, братъ, не разъ понуждалъ, чтобы я оказалъ честь дядѣ своему и отцу, а теперь Богъ привелъ меня въ Русскую землю и я посадилъ дядю моего и твоего въ Кіевѣ для тебя и всей Русской земли. И я говорю тебѣ, братъ: тамъ въ Новгородѣ

у тебя, по милости Божіей, сынъ твой и мой, Ярославъ, да еще тамъ у тебя Смоленскъ, то ты братъ, устроивъ всѣ дѣла, ступай къ намъ сюда и мы всѣ вмѣстѣ посмотримъ, что намъ дастъ Богъ». Между тѣмъ Юрій послалъ въ Черниговъ къ Владиміру Давидовичу и къ Святославу Ольговичу сказать: «Изяславъ уже въ Кіевѣ, пойдите мнѣ на помощь». Святославъ, не дождавшись даже Свѣтлаго праздника, выступилъ въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ, а во вторникъ родился у него сынъ, котораго въ святомъ крещеніи назвали Юріемъ, а мірское имя дали ему Игоря. Свѣтлый праздникъ встрѣтилъ Святославъ въ Блестовитѣ и оттуда пошелъ къ Чернигову. Тамъ соединился онъ съ братомъ своимъ Владиміромъ, и оба на лодкахъ отправились къ Юрію въ Остерскій городокъ. А Изяславъ Давидовичъ отправился въ Кіевъ къ Вячеславу и къ Изяславу Мстиславичу. Они остановились у Городка и тутъ праздновали Юрьевъ день. Въ это время пришелъ къ дядѣ своему Вячеславу и брату Изяславу Ростиславъ съ большимъ войскомъ изъ жителей Смоленской области. Увидавъ Вячеславъ своего племянника, а Изяславъ брата, сильно обрадовались, благодарили Бога, Его Пречистую Мать и силу животворящаго креста. Веселились они и осыпали другъ друга знаками взаимнаго расположенія.

Юрій двинулся къ Кіеву; онъ съ своими остановился въ Родуни. Много дикихъ Половцевъ пришло на помощь Юрію. Изяславъ старательно не давалъ имъ перейдти Днѣпръ. Вслѣдствіе этого стали сражаться по Днѣпру въ лодкахъ, отъ Кіева́ и до устья Десны. Одни выѣзжали изъ Кіева сражаться въ лодкахъ, а другіе (т. е. ихъ противники) изъ лагерей. Бой былъ упорный, но враги не могли ничего сдѣлать противъ Кіева. Изяславъ придумалъ очень замысловато снарядить лодки: гребцовъ въ нихъ видно не было, одни весла только показывались, а люди—пѣтъ, потому что лодки были покрыты досками; на нихъ стояли воины въ бронях и стрѣляли. Двое было рулевыхъ, одинъ на носу, а другой на кормѣ, и лодки двигались по какому угодно направленію не оборачиваясь. Юрій, по совѣту съ Владиміромъ Давидовичемъ, Святославомъ Ольговичемъ, Святославомъ Всеволодовичемъ и Половцами, вознамѣрился идти внизъ къ Витечевьскому броду. Не смѣли они провести свои суда мимо Кіева, но пустили ихъ въ озеро Дулѣбское и оттуда тащили берегомъ въ Золотчу, а по Золотчѣ ихъ суда снова вошли въ Днѣпръ; а Половцы, пришедшіе на помощь къ Юрію, шли по лугу. Вячеславъ и Изяславъ, съ братьями его Ростиславомъ и Владиміромъ, съ Изяславомъ Давидовичемъ, съ княземъ

Городенскимъ, съ своею дружиною, съ Кіевлянами и Черными Клобуками, съ общаго совѣта пошли по этой сторонѣ Днѣпра, по горѣ, а суда ихъ шли по Днѣпру. Они пришли и остановились на Витечевѣ у села Мирославскаго; тутъ оба войска находились одно противъ другаго. Изяславъ не допускалъ непріятеля войдти въ рѣку и невозможно было перейдти ни тѣмъ на эту сторону, ни здѣшнимъ на ту.—Юрій, съ общаго совѣта съ своими сыновьями, позвалъ къ себѣ Владиміра Давидовича, Святослава Ольговича, Святослава Всеволодовича и Половцевъ и сталъ имъ говорить: «вотъ, братья, стоимъ мы здѣсь, но чего же здѣсь дождемся? Постараемся захватить у нихъ Зарубскій бродъ и перейдти на ту сторону». Всѣ одобрили это намѣреніе Юрія. Тотъ отправилъ своихъ сыновей съ Половцами. Владиміръ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ отправили Святослава Всеволодовича, а сами стали тутъ, устроивъ свои войска въ боевой порядокъ. Тѣ—посланные къ Зарубу — стали переправлять свои лодки подлѣ песчанаго берега, находившагося на ихъ сторонѣ, и такъ переправили всѣ свои суда около песчанаго берега, а сами поѣхали подлѣ нихъ берегомъ. Такимъ образомъ Юрьевичъ, Святославъ Всеволодовичъ и дикіе Половцы пріѣхали къ Зарубскому броду. На этой, кіевской, сторонѣ находился Шварнъ съ караульными. Половцы нашли бродъ и, видя, что на той сторонѣ немного воиновъ Изяслава, бросились на нихъ въ рѣку на коняхъ, въ броняхъ, прикрывшись щитами и выставивъ впередъ копья, совсѣмъ готовые къ бою. Днѣпръ покрылся множествомъ воиновъ; а Рускіе переправились въ лодкахъ. Видя то, Шварнъ бѣжалъ и ушелъ къ Изяславу, а Изяславъ отправилъ въ то время сына своего Мстислава въ Венгрію, и отъ того-то бродъ не былъ хорошо защищенъ: князя тутъ не было, а боярина не всѣ слушаютъ. — Сыновья Юрьевы и оба Святослава, переправясь черезъ Днѣпръ съ Половцами, послали сказать Юрію: «ступай скорѣе; мы уже перешли Днѣпръ, какъ бы не ударилъ на насъ Изяславъ». Юрій съ Владиміромъ Давидовичемъ поспѣшили къ Зарубу и переправились въ бродъ черезъ Днѣпръ. Въ то время Вячеславъ, Изяславъ съ братьями, Ростиславомъ и Владиміромъ, Изяславъ Давидовичъ и городенскій князь стояли всѣ у Ивана. Тутъ пришло къ нимъ извѣстіе (о занятіи непріятелемъ Зарубскаго брода) и они воротились въ Кіевъ. Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ, созвавъ близкихъ, стали съ ними совѣтоваться. Изаславъ съ братомъ Ростиславомъ хотѣли идти немедленно противъ непріятеля; но дружина Вячеслава, Изя-

слава, Ростислава и всѣхъ князей того не совѣтовали, а также Кіевляне; въ особенности же Черные Клобуки уклонялись отъ того; они говорили: «князь, намъ нельзя идти на встрѣчу къ врагамъ,— они всѣ на коняхъ; ты пойдешь къ нимъ на встрѣчу, а они прежде тебя пойдутъ къ Роси и тебѣ прійдется бросить твою пѣхоту и съ одною конницею поспѣшить за ними. Но мы, князь, вотъ что скажемъ: на этотъ разъ откажитесь отъ вашего намѣренія, ступайте въ вашъ Кіевъ, а къ намъ приставьте брата вашего Владиміра; мы поѣдемъ къ нашимъ кочевьямъ, возьмемъ съ собою наши кибитки, женъ, дѣтей, стада наши и все наше добро и пойдемъ къ Кіеву. Вы оставайтесь въ Кіевѣ до вечера, и мы поспѣемъ, и хотимъ тогда за отца вашего Вячеслава, за тебя, за брата твоего Ростислава и за всѣхъ братьевъ головы наши сложить или постоять за честь вашу. Хоть намъ прійдется всѣмъ помереть, а Юрія не хотимъ». Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ послушали своей дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ, и послали своего брата Владиміра за кибитками—съ Торками, Коуями, Берендѣями и Печенѣгами, а сами пошли къ Треполю. Прійдя къ Треполю, остановились тутъ и провели ночь. На другой день, съ восходомъ солнца, Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ пошли отъ Треполя къ Кіеву черезъ Борокъ. Вячеславъ и Изяславъ, подойди къ Кіеву, не вошли въ него, но стали лагеремъ передъ Золотыми воротами, у Язины; Изяславъ Давидовичъ сталъ между Золотыхъ воротъ и Жидовскихъ, напротивъ Борисловова двора, а Ростиславъ съ сыномъ своимъ Романомъ передъ Жидовскими воротами; у нихъ было огромное количество воиновъ. Городенскій Борисъ сталъ у Ляшскихъ (Польскихъ) воротъ. Кіевляне со всѣми своими силами, пѣшими и конными, стали промежду князей отъ Вячеслава и Изяслава вправо, до Изяслава и Ростислава, а отъ Ростислава—до Ольговой могилы; по лѣвую сторону отъ Вячеслава и Изяслава до Польскихъ (Ляшскихъ) воротъ. Такимъ образомъ стали они около всего города въ огромномъ числѣ. Тутъ пришелъ и Владиміръ со всѣми Черными Клобуками, съ ихъ кибитками, и стадами; ихъ было очень много, и великій вредъ надѣлали частью непріятели, частью свои: и монастыри разорили, и села пожгли, и сады порубили. Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ приказали Владиміру съ Берендѣями, ихъ кибитками и стадами идти къ Ольговой могилѣ, и стали они между враговъ отъ Ольговой могилы,—въ одну сторону до сада Святаго Іоанна, а въ другую сторону до Щековицы, а Коуи, Торки и Печенѣги стали отъ Золотыхъ воротъ по огоро-

дамъ, до Польскихъ воротъ, а оттуда до Клова, Берестоваго, Венгерскихъ воротъ и Днѣпра. Устроившись такимъ образомъ, стали совѣтоваться князья, дружина, Черные Клобуки и Кіевляне и положили не идти непріятелю на встрѣчу, но, допустивъ ихъ къ себѣ, тутъ съ ними и сразиться. Изяславъ сказалъ: «если намъ Богъ поможетъ и мы ихъ отразимъ, то крыльевъ у нихъ нѣтъ и, перейдя за Днѣпръ, остановятся же гдѣ-нибудь; а когда Юрій отъ насъ повернетъ, тутъ-то какъ намъ съ нимъ Богъ дастъ». Вячеславъ сказалъ Изяславу и Ростиславу: «братья, теперь мы готовы; Юрій мнѣ братъ, и хоть онъ моложе меня, а я старше его, но хотѣлъ я послать къ нему и предъявить ему права своего старѣйшинства, и когда Богу прійдется насъ судить, то Богъ увидитъ правду». Изяславъ и Ростиславъ отвѣчали Вячеславу: «такъ, отецъ, и сдѣлай; это вполнѣ справедливо». Вячеславъ сказалъ одному изъ своихъ людей: «ступай къ брату Юрію, привѣтствуй отъ меня брата, а вы, братья и сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, прислушайте,—я въ вашемъ присутствіи отправляю его.—Скажи такъ моему брату: много разъ, братъ, говорилъ я и тебѣ и Изяславу, обоимъ вамъ: не проливайте крови христіанской, не губите Русскую землю; я васъ отъ того удерживалъ и хлопоталъ не о томъ, что вы меня обидѣли. Два раза вы положили на меня безчестіе, а у меня есть полки, имѣю силу и Богъ мнѣ ее далъ; но я, для Русской земли и христіанъ, ничего того не припоминалъ, но еще и то вамъ объявлялъ, что Изяславъ, отправляясь въ походъ противъ Игоря, говорилъ такъ: я Кіева домогаюсь не для себя, но вотъ отецъ мой и старшій братъ, Вячеславъ,—для него я его домогаюсь. Такъ онъ говорилъ, выступая въ походъ. Богъ ему помогъ, но онъ не только присвоилъ Кіевъ, но отнялъ у меня Туровъ и Пинскъ. Тѣмъ меня обидѣлъ Изяславъ. Да и ты, братъ Юрій, отправляясь на войну съ Изяславомъ къ Переяславлю, говорилъ также: я Кіева ищу не себѣ, но есть у меня старшій братъ Вячеславъ—онъ, какъ отецъ мнѣ, для него ищу я Кіева. Богъ тебѣ помогъ, а ты Кіевъ взялъ себѣ, да еще отнялъ у меня Дорогобужъ и Пересопницу. Тѣмъ ты меня обидѣлъ; а мнѣ далъ только одинъ Вышгородъ; но я, для Русской земли и христіанъ православныхъ, и такую обиду оставилъ безъ вниманія, а и васъ еще останавливалъ, но вы меня не слушали и должнаго не исполнили ни въ отношеніи ко мнѣ, ни въ отношеніи къ Богу. Ты говорилъ мнѣ: не могу поклониться младшему меня. Теперь Изяславъ, хотя и два раза нарушилъ данное мнѣ обѣщаніе, но те-

перь, пріобрѣтя Кіевъ, онъ мнѣ поклонился, отдалъ мнѣ слѣдующую почесть, посадилъ меня въ Кіевѣ и назвалъ меня отцомъ, а я его сыномъ. Ты сказалъ, что младшему тебя не поклонишься; но я тебя старше не мало, а много; у меня ужь борода была, когда ты родился. Если ты теперь хочешь попрать мое старшинство, то дѣйствуй какъ началъ, а Божья воля во всемъ». Съ такими-то рѣчами послалъ Вячеславъ своего человѣка къ Юрію. Юрій въ то время находился у Василева; въ отвѣтъ отправилъ онъ къ Вячеславу своего посла и велѣлъ ему сказать: «братъ, кланяюсь тебѣ; ты говоришь правду: ты мнѣ какъ отецъ; но если ты хочешь со мною договариваться, то пусть поѣдутъ Изяславъ во Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ, а мы съ тобою уладимся». Вячеславъ отвѣчалъ: «у тебя семь сыновей, и я ихъ отъ тебя не отгоняю, а у меня всего только два сына: Изяславъ и Ростиславъ; есть, правда, и моложе ихъ. Я тебя, братъ, для Руской земли и христіанъ православныхъ, прошу—отправляйся въ твои города Переславль и Курскъ, а тамъ у тебя еще Ростовъ Великій; Ольговичей отпусти домой, а мы съ тобою столкуемся и крови христіанской проливать не будемъ; но если ты хочешь довершить твой умыселъ, съ какимъ пріѣхалъ, то дѣлай». Тутъ Вячеславъ, оборотясь на образъ Пресвятой Богородицы, находившійся надъ Золотыми воротами, прибавилъ: «а разсудитъ насъ и въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ та Пречистая Богородица съ Сыномъ Своимъ, а нашимъ Богомъ». Такъ сказавъ, Вячеславъ отпустилъ посланнаго Юрьева.

На другой день Юрій, устроивъ свои полки въ боевой порядокъ, подошелъ къ Кіеву. Войска его остановились по той сторонѣ Лыбеди и стали сражаться черезъ Лыбедь. Андрей Юрьевичъ и Владиміръ Андреевичъ съ Половцами ударили всѣми силами и перешли черезъ Лыбедь, а перебрались они въ томъ мѣстѣ, что называется Сухая Лыбедь. Собственная дружина князя не знала о томъ. Андрей бросился впередъ съ одними Половцами, а Владиміра не пустилъ его дядька, потому что онъ былъ еще очень молодъ въ то время. Андрей преслѣдовалъ непріятельскихъ воиновъ чуть не до самыхъ ихъ полковъ. Одинъ Половчанинъ взялъ за узду коня подъ нимъ и повернулъ его назадъ, ругаясь на своихъ товарищей за то, что они покинули князя одного. Такимъ образомъ Андрей возвратился невредимымъ,—сохранили его Богъ и молитва его родителей. До вечера шла перестрѣлка черезъ Лыбедь, а нѣкоторые изъ непріятелей переѣхали и на выгонѣ сражались противъ воиновъ Вячеслава и

Изяслава, а другіе бились противъ Польскихъ воротъ, на пескахъ. Видя то, Изяславъ велѣлъ всѣмъ князьямъ набрать дружину изъ полковъ, а полковъ самыхъ не трогать, и условился всѣмъ разомъ ударить на непріятеля. Такъ и сдѣлали, и бросились на противниковъ всѣ и со всѣхъ сторонъ, въ томъ числѣ и Черные Клобуки. Вездѣ они опрокинули непріятеля въ Лыбедь, а нѣкоторые не попали въ бродъ. Такъ ихъ избили, а другихъ переловили въ плѣнъ, а нѣкоторые, побросавъ лошадей, бѣжали. Много народу тутъ погибло: убили и Севенча Боняковича, дикаго Половчанина, который было сказалъ: «хочу зарубить мечемъ Золотыя ворота, какъ отецъ мой». Съ тѣхъ поръ уже ни одинъ изъ непріятелей не перебѣжалъ болѣе на эту сторону, но Юрій, поворотивъ свои полки, пошелъ назадъ. Онъ получилъ извѣстіе, что идетъ ему на помощь сватъ Владиміръ изъ Галича, и онъ пошелъ къ нему на встрѣчу. Изяславъ и Ростиславъ пріѣхали къ Вячеславу и говорили: «теперь, когда они пошли назадъ, отправимся за ними». Вячеславъ сказалъ: «сынъ, это начало Божіей помощи; сюда пришли безо всякаго успѣха, только стыдъ себѣ пріобрѣли; а вы, сыновья, не спѣшите, но какъ Богъ дастъ, а мы, или вечеромъ, или завтра, съ общаго совѣта пойдемъ за ними». Изяславъ сказалъ Борису Городенскому: «они—непріятели—поѣдутъ непремѣнно къ Бѣлугороду; ступай, братъ, въ Бѣлгородъ лѣсомъ».—Борисъ отвѣтилъ: «вотъ я готовъ».—Юрій пришелъ къ Бѣлгороду и сказалъ Бѣлгородцамъ: «вы—мои люди, отворите мнѣ городскія ворота».—Жители Бѣлгорода отвѣчали: «а что, Кіевъ отворилъ тебѣ ворота? У насъ князья—Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ». Услыхавъ такой отвѣтъ Бѣлогородцевъ, Юрій выступилъ къ Везяневу черезъ сосновый лѣсъ (боръ); оттуда онъ пошелъ за валъ и остановился у Взяницы. Тутъ онъ надѣялся дождаться прихода галицкаго князя Владиміра. Отступивъ отъ Кіева, Юрій тотчасъ же отправилъ за нимъ племянника Владиміра Андреевича. Изяславъ, узнавъ о томъ, пошелъ вслѣдъ за Юріемъ, озабочиваясь болѣе всего тѣмъ, чтобы не дать ему соединиться съ Владиміромъ Галицкимъ. Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ, помолясь во вторникъ Святой Богородицѣ Десятинной и Святой Софіѣ, выступили изъ города. Кіевляне сказали Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: «пусть идутъ всѣ, кто только можетъ оружіе въ рукахъ держать, а кто не пойдетъ, того отдай намъ,—мы сами его побьемъ». Такимъ образомъ выступили Кіевляне вслѣдъ за своими князьями,—всѣ, не отставая другъ отъ друга, и пѣшіе и конные, съ радостью, въ огромномъ числѣ. Остановились ночевать у Звенигорода. На другой

день, въ середу, встали поздно и, не дойдя до Василева, остановились обѣдать. Въ это время прискакалъ изъ Венгріи къ Изяславу гонецъ отъ сына Мстислава и сказалъ: «сынъ твой тебѣ кланяется и говоритъ такъ: объявляю тебѣ,—король, твой зять, отпустилъ тебѣ вспоможеніе, какого еще никогда не бывало по его многочисленности. Я уже перешелъ гору съ Венграми. Если же нужны тебѣ поскорѣе, то пошли къ намъ на встрѣчу и мы пойдемъ скорѣе». Изяславъ съѣхался съ дядею Вячеславомъ и братомъ Ростиславомъ, и съ общаго совѣта послали къ Мстиславу сказать: «мы уже идемъ на судъ Божій, а вы-намъ, сынъ нашъ, всегда нужны; поспѣшите какъ только возможно». А сами поднялись и пошли къ Василеву; тутъ, устроивъ свои полки въ боевой порядокъ, пошли мимо Василева черезъ Стугну, пришли къ валу и, не переходя черезъ него, остановились почевать съ своими полками. Напали непріятели у Перепетовыхъ и хотѣли сразится съ нимъ; передовой отрядъ выѣхалъ къ самымъ полкамъ Юрія и гнался за ними.—Въ четвергъ до солнечнаго восхода Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ прошли валъ на чистое поле и выступили готовые къ бою туда, гдѣ стоялъ Юрій. Обѣ стороны пересылались о мирѣ; Ольговичи и Половцы, всегда готовые къ кровопролитію, не давали мириться. Такъ оба войска стояли до вечера, и Юрій, перейдя за Русь, остановился. На разсвѣтѣ въ пятницу Изяславъ, устроивъ свои полки къ бою, пошелъ къ нему на встрѣчу. Юрій не хотѣлъ и теперь еще принимать сраженія, поджидая Владиміра. Изяславъ наступалъ все упорнѣе; но Богъ послалъ такой туманъ, что не было никуда видно,—зрѣніе хватало не далѣе конца копья. Пошелъ дождь; оба войска сосредоточились около озера и оно ихъ развело: невозможно было сойдтись тѣмъ и другимъ. Къ полудню поднялся туманъ, небо сдѣлалось яснымъ, и открылись оба войска по обѣ стороны озера; по концамъ полковъ происходили схватки между воинами, но самимъ полкамъ сойдтись не было возможности. Къ вечеру Юрій поворотилъ свои полки для движенія назадъ; Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ пошли за ними на верхъ озера, желая съ ними сразиться. Юрій успѣлъ завести свои полки за рѣчку Малый Кутецъ и, перейдя находившуюся за нею топь, остановился тутъ почевать. Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ пришли и остановились ночевать тутъ же, напротивъ Юрія; оба войска стояли одно отъ другаго на такомъ разстояніи, что стрѣлы долетать не могли. На другой день, въ пятницу, когда начала заниматься заря, сначала въ войскѣ Юрія заиграли въ бубны и трубы

и его полки стали готовиться. И въ войскѣ Вячеслава, Изяслава и Ростислава начали бить въ бубны и въ трубы трубить, а воины готовиться. Юрій съ своими сыновьями, Владиміръ Давидовичъ, Святославъ Ольговичъ, Святославъ Всеволодовичъ, устроивъ свои полки, пошли къ верховьямъ Рутца. Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ выступили также съ своими полками противъ Юрія. У верховьевъ Рутца, Юрій, Владиміръ Давидовичъ, Святославъ, дикіе Половцы и Святославъ Всеволодовичъ, поворотя свои полки, пошли къ Большому Руту, не желая сражаться, но желая прикрыться рѣкою и тутъ дожидаться Владиміра Галицкаго. Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ, видя то, что полки Юрьевы идутъ отъ нихъ прочь, пустили вслѣдъ за ними своихъ стрѣлковъ изъ Черныхъ Клобуковъ и Рускихъ. Тѣ начали бросаться на тылъ полковъ, стрѣлять въ нихъ и отнимать у нихъ воза. Юрій и сыновья его. Владиміръ Давидовичъ, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ, видя, что имъ невозможно перейдти за Рутъ, что нападаютъ на задніе ряды ихъ полковъ и отнимаютъ воза (обозъ), оборотили свои полки и стали противъ нихъ. Когда они отправлялись на сраженіе, Андрей началъ устроивать полкъ своего отца, такъ какъ онъ въ то время былъ старшимъ изъ братьевъ. Видя Половцевъ стоящихъ назади, онъ подъѣхалъ къ нимъ и ободрялъ ихъ на бой; оттуда онъ отправился къ своему полку и старался укрѣпить къ бою свою дружину. Въ то время Изяславъ и Ростиславъ пріѣхали къ своему отцу Вячеславу и говорили ему: «ты искренно желалъ добра, но его не захотѣлъ твой братъ, а теперь, отецъ, хотимъ или сложить за тебя наши головы, или снискать тебѣ честь». Вячеславъ отвѣчалъ: «братъ и сынъ, отъ рожденія моего не любилъ я кровопролитія, но Богъ довелъ меня до того; но если мы уже на этомъ мѣстѣ, то пусть разсудитъ Богъ».—Изяславъ и Ростиславъ, поклонясь дядѣ, отправились къ своимъ полкамъ. Изяславъ, пріѣхавъ къ своимъ полкамъ, послалъ по всѣмъ объявить: «смотрите на мой полкъ, и какъ пойдетъ онъ, такъ и вы пойдите». Такимъ образомъ войска выступили одно противъ другаго. Они находились еще въ движеніи, а Андрей Юрьевичъ, взявъ копье, бросился впередъ, прежде всѣхъ встрѣтилъ непріятеля и изломалъ копье. Коня подъ нимъ ранили въ ноздри и онъ началъ метаться; съ Андрея слетѣлъ шлемъ, у него оторвали щитъ, но заступленіемъ Божіимъ и молитвою своихъ родителей онъ сохранился безъ вреда. — Также впереди всѣхъ полковъ, Изяславъ одинъ въѣхалъ въ полки непріятельскіе и сломилъ свое

копье Тутъ его ранили въ руку и въ бокъ и отъ сильнаго удара онъ полетѣлъ съ коня. Когда сошлись непріязненныя войска, то началась жестокая сѣча. Богъ, Святая Богородица и сила животворящаго креста помогли Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: они побѣдили Юрія, а Половцы Юрьевы, даже по одной стрѣлѣ не пустивъ, обратились въ бѣгство; за ними Ольговичи, а потомъ Юрій съ дѣтьми. Имъ пришлось бѣжать черезъ Рутъ, и много у нихъ дружины потонуло въ Рутѣ, потому что онъ былъ очень топокъ. Бѣгущихъ однихъ убили, а другихъ взяли въ плѣнъ. Тутъ убили князя Владиміра Давидовича Черниговскаго, добраго и кроткаго, и много другихъ избили; половецкихъ князей многихъ взяли въ плѣнъ, а другихъ умертвили. Когда сошлись полки конные и пѣшіе, Изяславъ лежалъ раненый. Услыхавъ его стоны, пѣхотинцы Кіевляне хотѣли его докончить: они не знали его и думали что непріятель. Изяславъ сказалъ: «я князь». Одинъ изъ воиновъ отвѣчалъ: «такого-то намъ и нужно», и вынувъ мечъ, началъ рубить по шлему. На шлемѣ надъ лбомъ было золотое изображеніе святаго мученика Пантелеймона. Отъ удара, сдѣланнаго воиномъ, шлемъ вогнулся до лба. Тутъ Изяславъ сказалъ: «я Изяславъ, вашъ князь», и снялъ съ себя шлемъ; тутъ онъ былъ узнанъ. Многіе, услыхавъ, что было съ Изяславомъ, схватили его на руки съ радостью, какъ царя своего и князя, восклицая: «Господи помилуй». Всѣ полки радовались, побѣдивъ непріятеля и видя своего князя живымъ. Изяславъ сильно ослабѣлъ отъ ранъ, вслѣдствіе истеченія крови. Услыхавъ, что Изяславъ Давидовичъ плачетъ надъ тѣломъ своего брата Владиміра, Изяславъ Мстиславичъ забылъ свою слабость, велѣлъ себя посадить на коня, поѣхалъ туда и тамъ плакалъ надъ умершимъ, какъ надъ братомъ своимъ. Долго онъ плакалъ, потомъ сказалъ Изяславу Давидовичу: «его намъ уже не воскресить; но вотъ, братъ, милостью Бога и Пречистой Его Матери, мы побѣдили нашихъ враговъ и тѣ бѣгаютъ около, а и Черниговъ близко. Ты, братъ, не медли, но собирайся; возьми своего брата и ступай въ Черниговъ, а я тебѣ дамъ вспоможеніе; сегодня же вечеромъ будь въ Вышегородѣ». Изяславъ, посовѣтовавшись съ братомъ своимъ Ростиславомъ, отпустилъ съ Изяславомъ Давидовичемъ сына Ростиславова, Романа, давъ ему дружину. Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичъ съ Романомъ Ростиславичемъ отправились въ Черниговъ, взявъ съ поля битвы тѣло убитаго брата Изяславова, Владиміра Давидовича. И какъ велѣли имъ Ростиславъ и Изяславъ до наступленія вечера быть въ

Вышегородѣ, такъ они и пріѣхали туда; ночью они переправились черезъ Днѣпръ и на другой день рано утромъ отправились къ Чернигову. Изяславъ съ Романомъ Ростиславичемъ въѣхалъ въ Черниговъ и, похоронивъ тѣло своего брата, занялъ престолъ своего брата въ Черниговѣ.

Юрій, бѣжавъ съ поля битвы, переправился черезъ Днѣпръ съ дѣтьми у Треполя и по той сторонѣ поѣхалъ къ Переславлю. Половцы ушли въ свою землю, а Святославы Ольговичъ и Всеволодовичъ, переправившись черезъ Днѣпръ повыше Заруба, бѣжали въ Городецъ. Святославъ Ольговичъ былъ тяжелъ тѣломъ и очень усталъ бѣжавши. Изъ Городца отправилъ онъ въ Черниговъ племянника своего Святослава Всеволодовича, а самъ не былъ въ состояніи ѣхать. Святославъ Всеволодовичъ прибылъ поспѣшно къ перевозу на Деснѣ и тутъ получилъ извѣстіе, что Изяславъ Давидовичъ и Романъ Ростиславичъ уже заняли Черниговъ. Услыхавъ о томъ, онъ бѣжалъ, а на встрѣчу дяди послалъ сказать ему: «не ѣзди сюда, но ступай въ Новгородъ, а въ Черниговѣ уже Изяславъ Давидовичъ и Романъ Ростиславичъ». Услыхавъ это, Святославъ Ольговичъ бѣжалъ вслѣдъ за племянникомъ къ Нову-Городу.

Владиміръ Галицкій выступилъ было на помощь свату своему Юрію и тотъ сильно на нее разсчитывалъ. У Бужьска Владиміръ получилъ извѣстіе, что Вячеславъ, Ростиславъ и Изяславъ побѣдили Юрія, его Половцевъ избили. Услыхавъ объ этомъ, Владиміръ поспѣшилъ вернуться въ Галичъ. А Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ, воздавъ благодареніе Богу, Пречистой Его Матери и силѣ животворящаго креста, пошли къ Кіеву съ великими честію и похвалою. На встрѣчу ихъ вышли святители съ крестами, митрополитъ Климъ и честные настоятели монастырей и священники церквей; было тамъ очень много святителей. Съ великою честью въѣхали князья въ Кіевъ и тамъ, поклонившись Святой Софьѣ и Святой Богородицѣ Десятинной, пребывали въ великомъ весельи и великой любви, и такъ начали жить.

Вячеславъ и Изяславъ начали собираться въ походъ противъ Юрія къ Переяславлю, а Ростиславъ отправился въ Смоленскъ.

Въ то время Мстиславъ Изяславичъ велъ Венгровъ на помощь своему отцу. Владиміръ Галицкій, услыхавъ, что Мстиславъ Изяславичъ идетъ отъ короля съ вспомогательнымъ войскомъ изъ Венгровъ, пошелъ въ слѣдъ за нимъ. Мстиславъ не зналъ объ этомъ и остановился у Сапогыни, и Венгры расположились около него лагеремъ. Тутъ Владиміръ Андреевичъ выслалъ изъ Дорогобужа

много вина Венграмъ, а потомъ сказалъ Мстиславу, что Владиміръ Галицкій идетъ по его слѣдамъ. Мстиславъ пилъ съ Венграми и сказалъ имъ: «Владиміръ Галицкій идетъ за нами». Пьяные Венгры величались; они говорили: «пускай придетъ,—мы съ нимъ сразимся». Мстиславъ на ту ночь разставилъ караульныхъ, и самъ легъ спать съ Венграми. Въ полночь прибѣжали къ нему караульные и говорили: «идетъ Владиміръ».—Мстиславъ и его дружина сѣли на коней и начали будить Венгровъ, а тѣ лежали пьяные, какъ мертвые. Къ разсвѣту дня Владиміръ Галицкій ударилъ на Венгровъ; немногіе взяты были въ плѣнъ, а остальные избиты; Мстиславъ ушелъ въ Луцкъ съ своею дружиною. Изяславу пришло въ Кіевъ извѣстіе, что сынъ его побѣжденъ и Венгры избиты. Онъ тутъ сказалъ поговорку, которую и прежде повторялъ не разъ: «не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту. Далъ бы Богъ здоровье мнѣ и королю, а возмездіе будетъ».

Сказавъ такъ, Изяславъ съ Вячеславомъ выступили противъ Юрія къ Переяславлю; съ Изяславомъ были его братъ Святополкъ и Берендѣи. Пріѣдя къ Переяславлю, бились въ теченіи двухъ дней; на третій выѣхали, какъ обыкновенно, на сраженіе; пѣшіе воины бросились на нихъ изъ города, но конница Изяслава устремилась на нихъ, многихъ избила и сожгла предмѣстіе. Вячеславъ и Изяславъ послали сказать Юрію: «кланяемся тебѣ; ступай въ Суздаль, а сына посади въ Переяславлѣ. Съ тобой мы тутъ ужиться не можемъ,—ты снова приведешь на насъ Половцевъ». Юрію не было помощи ни откуда; люди его дружины были частью побиты, частью въ плѣну. Вынужденный неволею, Юрій цѣловалъ крестъ къ Вячеславу и Изяславу и самъ и его дѣти. Наступалъ праздникъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба. Вячеславъ и Изяславъ говорили Юрію: «ступай въ твой Суздаль».—Юрій прислалъ сказать имъ: «я иду въ Городокъ, пробуду тамъ немного и отправлюсь въ Суздаль». Вячеславъ и Изяславъ отвѣчали Юрію: «ты намъ братъ, а отправляйся въ твой Суздаль; а что ты говоришь о Городкѣ, то пробудь тамъ этотъ мѣсяцъ для отдыха и потомъ ступай въ Суздаль; а если ты не пойдешь, то мы придемъ съ нашими полками и станемъ около Городка, такъ же какъ теперь здѣсь стоимъ. Цѣлуй же на томъ крестъ, что ты во всемъ сдержишь обѣщаніе и не будешь искать Кіева подъ Вячеславомъ и Изяславомъ».—Вынужденъ былъ Юрій на всемъ томъ цѣловать крестъ. Вячеславъ и Изяславъ сказали Юрію: «Святославъ Ольговичъ тебѣ не пуженъ», а потому Юрій о немъ не поминалъ.—Уладившись,

Вячеславъ и Изяславъ пошли въ Кіевъ. Юрій оставилъ въ Переяславлѣ сына своего Глѣба, а самъ отправился въ Городокъ. Андрей выпросилъ у отца позволеніе ѣхать въ Суздаль впередъ его и говорилъ: «вотъ намъ, отецъ, уже здѣсь, въ Русской землѣ,—ни военнаго дѣла и никакого другаго; уберемся же отсюда по добру-здорову».—Юрій отпустилъ Андрея и тотъ отправился домой, а самъ Юрій поѣхалъ въ Городокъ. Святославъ Ольговичъ, слышавъ, что Юрій уже выведенъ Вячеславомъ и Изяславомъ изъ Переяславля и удалился отсюда, соединясь съ своимъ племянникомъ, Святославомъ Всеволодовичемъ, послалъ къ Изяславу Давидовичу въ Черниговъ сказать ему: «братъ, миръ стоитъ до войны, а война стоитъ до мира. Теперь, братъ, мы тебѣ братья,—прими насъ къ себѣ. У насъ два наслѣдія отцовскихъ: одно, дошедшее отъ моего отца, Олега, а другое, дошедшее отъ твоего отца, Давида. Ты, братъ, Давидовичъ, а я Ольговичъ. Ты, братъ, возьми все, что было отца твоего Давида, а что было Олегово, то намъ дай, а мы тѣмъ подѣлимся». Изяславъ поступилъ по-христіански, принялъ своихъ братьевъ и возвратилъ имъ владѣнія ихъ отца, а своего у себя оставилъ.

Тогда Изяславъ Мстиславичъ отправилъословъ къ королю, своему зятю, и велѣлъ ему сказать: «Владиміръ Галицкій избилъ дружины твою и мою, а теперь, братъ, подумай о томъ: не допусти, чтобы этотъ укоръ на насъ остался, но дай Богъ намъ отомстить за него и свою дружину. Ты, братъ, готовься тамъ у себя, а я здѣсь буду готовиться, и какъ Богъ дастъ намъ съ нимъ развѣдаться». А самъ Изяславъ, собравъ свои полки, пошелъ къ Городку противъ Юрія, взялъ съ собою Берендѣевъ, Изяслава Давидовича, Святослава Всеволодовича, а Святославъ Ольговичъ прислалъ вспоможеніе. Юрій съ своими дѣтьми заперся въ Городкѣ. Много дней прошло, какъ они отбивались изъ города, но подъ конецъ сдѣлалось ему не подъ силу, потому что помощи ждать ему было не откуда. Тогда цѣловалъ онъ къ Изяславу крестъ на томъ: «уже отправляюсь въ Суздаль». Тогда Изяславъ и его союзники отступили отъ города.—Юрій оставилъ въ Городкѣ своего сына Глѣба, а самъ отправился изъ Городка въ Суздаль. Юрій поѣхалъ на Новгородъ Сѣверскій, гдѣ находился Святославъ Ольговичъ; тотъ принялъ Юрія съ великою почестью, далъ ему подводы, и Юрій отправился въ Суздаль. Изяславъ и Вячеславъ остались въ Кіевѣ: Вячеславъ жилъ на Великомъ дворѣ, а Изяславъ подъ Венгерскимъ урочищемъ а сына своего Мстислава посадилъ въ Переяславлѣ.

Въ этомъ же году жители Полоцка схватили своего князя Рогволода Борисовича, отправили его въ Минскъ и тамъ держали въ большой нуждѣ, а Глѣбовича сдѣлали у себя княземъ. Жители Полоцка прислали къ Святославу Ольговичуословъ выразить ему ихъ расположеніе,—то, что они хотятъ имѣть его себѣ отцемъ и быть ему послушными. На томъ цѣловали крестъ — Въ это время скончалась жена Изяслава.

1152 годъ.

Изяславъ Мстиславичъ свидѣлся съ Изяславомъ Давидовичемъ и Святославомъ Всеволодовичемъ. Тутъ съ общаго совѣта разрушили они Юрьевъ Городокъ и сожгли его. Сгорѣлъ и храмъ Св. Михаила, такъ какъ его верхъ былъ нарубленъ деревомъ.

Въ это время король венгерскій прислалъ сказать Изяславу: «отецъ мой, кланяюсь тебѣ. Присылалъ ты ко мнѣ относительно оскорбленія, сдѣланнаго галицкимъ княземъ. Я здѣсь готовлюсь, и ты готовься съ своей стороны. Пусть на насъ не останется это безчестіе, но развѣдаемся съ Владиміромъ какъ намъ Богъ дастъ».— Изяславъ отправилъ къ королю въ Венгрію своего сына Мстислава съ тѣмъ, чтобы онъ повелъ короля на галицкаго князя. Король, назначивъ время, когда выступать въ походъ, послалъ къ Изяславу сказать ему: «я уже сажусь на коня и сына твоего Мстислава беру съ собою, и ты садись на коня». Изяславъ, услыхавъ это, собралъ всю свою дружину и выступилъ въ походъ. Онъ взялъ съ собою весь полкъ Вячеслава, всѣхъ Черныхъ Клобуковъ, отборныхъ (лучшихъ) Кіевлянъ, всю рускую дружину и пошелъ. Когда онъ пришелъ къ Дорогобужу, тутъ пріѣхалъ къ нему братъ его Владиміръ. Оттуда они двинулись къ Пересопницѣ. Тутъ пришли къ нимъ Владиміръ Андреевичъ и Святополкъ, братъ Изяслава, пришелъ изъ Владиміра съ своимъ полкомъ. Соединясь, всѣ пошли на встрѣчу королю. Изяславъ не взялъ Святополка, но оставилъ его во Владимірѣ, а самъ выступилъ по той дорогѣ, какою король приходилъ на Андрея Владиміровича съ Ярославомъ Святополковичемъ, котораго и убили тутъ у Владиміра. Изяславъ пришелъ на рѣку Санъ, которая идетъ подъ Перемышль. Когда онъ перешелъ рѣку Санъ, прискакалъ посолъ отъ короля съ сотнею воиновъ. Онъ сказалъ Изяславу: «зять твой король тебѣ кланяется и говоритъ такъ: я стою здѣсь уже пятый день, дожидаюсь тебя; пріѣзжай скорѣе». Изяславъ, услыхавъ то, съ величайшимъ стараніемъ ускорилъ движеніе.—На другой день

Изяславъ пошелъ къ Ярославлю, миновалъ его и остановился обѣдать. Тутъ король прислалъ къ нему человѣка съ полкомъ болѣе чѣмъ изъ тысячи человѣкъ. Изяславъ, пообѣдавъ тутъ, устроилъ свои полки и выступилъ къ королю. Когда Изяславъ сталъ приближаться къ его лагерю, король сѣлъ на коня съ своими людьми и выѣхалъ ему на встрѣчу съ радостью. Тутъ свидѣлись они съ изъявленіями великой радости и почета; потомъ поѣхали и слѣзли съ коней у королева шатра. Тутъ они стали совѣтоваться о томъ, чтобы на другой день рано ѣхать къ рѣкѣ Сану сражаться. Такъ они и положили. На другой день утромъ рано въ станѣ короля заиграли въ бубны, и онъ, устроивъ свои полки, выступилъ, а Изяславу прислалъ сказать: «ты съ своими полками ступай рядомъ съ моими, и гдѣ я остановлюсь, то и ты тамъ остановись; хорошо для насъ будетъ дѣйствовать во всемъ съ общаго совѣта».—Изяславъ отвѣчалъ королю: «сынъ мой, пусть такъ и будетъ».

Изяславъ и король пришли къ рѣкѣ Сану пониже города Перемышля и тутъ остановились со всѣми своими полками, а Владиміръ съ своимъ войскомъ стоялъ на той сторонѣ рѣки. У короля было 73 полка, не считая Изяславовыхъ и не считая запасныхъ *поводныхъ* (потому что ихъ вели въ поводу) и обозныхъ. Король вошелъ въ землю Галицкую и тутъ же стоялъ Владиміръ. Былъ воскресный день, а король имѣлъ обычай—не начинать ничего въ воскресный день. Владиміръ не давалъ было войдти войску короля въ свою землю, встрѣтилъ его и захватилъ непріятельскихъ фуражировъ. На другой день король поднялся съ мѣста и выступилъ далѣе, а Владиміръ отступилъ и остановился за укрѣпленіемъ; король же началъ приготовлять свои полки къ переправѣ въ бродъ. Галичане ставили противъ него полки, но ихъ у него недоставало. Владиміръ съ своимъ полкомъ остановился напротивъ королевскаго. Изяславъ съ своими полками шелъ вверхъ по броды и такъ остановился повыше короля на другомъ бродѣ, а много полковъ венгерскихъ прошли мимо Изяслава на другіе броды, которые были еще выше. Изяславъ сказалъ своимъ воинамъ: «братья и дружина! Богъ постоянно не допускалъ до посрамленія Руской земли и русскихъ сыновъ; повсюду снискивали они себѣ честь. А теперь, братья, постараемся всѣ о томъ, чтобы Богъ намъ далъ пріобрѣсть себѣ честь во всѣхъ земляхъ и передъ чужими народами». Изяславъ, сказавъ такъ дружинѣ своей, бросился со всѣми своими полками въ бродъ.—Король и всѣ его

полки, видя полки Владиміра, не медля бросились всѣ къ нимъ, каждый на свой бродъ. Со всѣхъ сторонъ атаковали они полки Владиміра и смяли ихъ; многіе были убиты, а остальные или взяты въ плѣнъ, или потонули.—Владиміръ, видя такой перевѣсъ силы короля, обратился въ бѣгство, наткнулся было на Вепгровъ и Черныхъ Клобуковъ и едва успѣлъ уйдти въ Перемышль одинъ съ Избыгнѣвомъ Ивачевичемъ. Взяли бы тутъ же и Перемышль, потому что нѣкому было оборонять городъ, но оттого только его не взяли, что внѣ города на лугахъ надъ рѣкою Сапомъ стоялъ загородный домъ княжескій. Въ немъ было множество всякаго добра и на него-то накинулись всѣ воины.—Изяславъ и король, собравъ всѣхъ своихъ воиновъ и всю свою дружину, остановились лагеремъ передъ городомъ надъ рѣкою Вягромъ.—Владиміръ сталъ посылать къ королю, проси мира; въ эту же ночь Владиміръ прислалъ къ архіепископу и воеводамъ королевскимъ,—онъ добровольно прикинулся больнымъ,—сказать имъ: «просите за меня короля; я очень опасно раненъ и каюсь передъ нимъ въ томъ, что я его оскорбилъ и дерзнулъ ему противиться. А теперь, король, ты, имѣя въ памяти, что Богъ прощаетъ грѣхи, и меня на этотъ разъ прости и не выдавай Изяславу, потому что я сильно боленъ. Если меня возметъ Богъ, то ты моего сына пріими къ себѣ. Пусть тебѣ твои люди не помнятъ и то, что отецъ твой былъ слѣпъ, и я твоему отцу служилъ сколько силъ было своими полками, оружіемъ, и за его оскорбленіе и съ Поляками велъ войну. Попомни же мнѣ то, и на этотъ разъ меня прости».—Владиміръ послалъ много даровъ архіепископу и людямъ королевымъ—золота, серебра, чашъ золотыхъ и серебряныхъ и одеждъ, съ тѣмъ чтобы они упросили короля не сердиться за то, что онъ не исполнилъ прежде его воли. На другой день король съѣхался съ Изяславомъ, сообщилъ ему, что узналъ, и сказалъ: «отецъ, кланяюсь тебѣ: Владиміръ прислалъ ко мнѣ, съ просьбами и низкими поклонами, объяснить, что онъ раненъ и не будетъ живъ. Я тебѣ объявляю о томъ, а ты что на это скажешь»? Изяславъ отвѣчалъ королю: «если Владиміръ и умретъ, то судомъ Божіимъ—за то, что онъ нарушилъ данную намъ обоимъ цѣлованіемъ креста клятву. Что онъ тебѣ обѣщалъ—исполнилъ ли онъ хоть что-нибудь изъ обѣщаннаго? Еще къ тому же пресоединилъ безчестіе тому и другому. И теперь, за чѣмъ ты ему вѣришь? Вѣдь онъ уже два раза тебя обманулъ: а теперь Богъ намъ его далъ,—возьмемъ его и область его раздѣлимъ». Мстиславъ Изяславичъ еще больше отца своего Изяслава усиливался поста-

вить королю на видъ всѣ проступки Владиміра.—Но король того не послушалъ, а внялъ просьбамъ архіепископа и всѣхъ людей своихъ, которымъ Владиміръ роздалъ все свое имущество. Король сказалъ: «не могу лишить жизни Владиміра, такъ какъ онъ кланяется, умоляетъ меня и во всѣхъ своихъ проступкахъ раскаивается. Если теперь еще разъ Владиміръ, давъ клятву, ее нарушитъ, то, какъ мнѣ съ нимъ Богъ дастъ,—или меня не будетъ въ Венгерской землѣ или его въ Галицкой».—Владиміръ прислалъ къ Изяславу сказать: «братъ, кланяюсь тебѣ и въ своей винѣ раскаиваюсь, потому что я виноватъ. А теперь, братъ, пріими меня къ себѣ и прости меня, и склони короля, чтобы онъ меня принялъ, и дай мнѣ Богъ съ тобою быть».—Изяславъ не хотѣлъ и вниманія обращать на всѣ эти просьбы, но, вынужденный королемъ и его людьми, началъ съ ними уговариваться. Король сказалъ Владиміру: «цѣлуй крестъ на томъ, что сколько ни есть у тебя русскихъ городовъ, то всѣ возврати, будь съ Изяславомъ за одно, не покидай его ни въ добромъ, ни въ дурномъ, но постоянно дѣйствуй съ нимъ за одно». Владиміръ съ радостью согласился на все это. Къ королю въ шатеръ съѣхались всѣ: Изяславъ, братъ его Владиміръ и сынъ Мстиславъ; они стали посылать людей своихъ ко Владиміру къ крестомъ. Изяславъ не хотѣлъ приводить Владиміра къ присягѣ; но король сказалъ: «отецъ мой, истинно тебѣ говорю,—это крестъ тотъ самый, на которомъ Христосъ Богъ нашъ пожелалъ добровольно принять распятіе. Богу угодно было послать этотъ крестъ Святому Стефану. Кто поцѣлуетъ въ клятвѣ этотъ крестъ и нарушитъ, то въ ту же минуту, какъ нарушитъ, потеряетъ жизнь. Я тебѣ за то берусь, отецъ мой, что или голову мою сложу, или пріобрѣту тебѣ землю Галицкую, а теперь я не могу лишить жизни Владиміра». Такъ послали они своихъ людей съ честнымъ крестомъ къ Владиміру. Изяславъ отъ себя послалъ Петра Борисовича, а король своихъ людей, и оба велѣли имъ сказать: «ты прислалъ къ намъ, а Богъ отдалъ было намъ и тебя твои владѣнія по твоей винѣ. Теперь мы тебѣ прощаемъ то, что ты ввелъ насъ въ гнѣвъ, и не отнимаемъ у тебя владѣній; но ты цѣлуй крестъ на томъ: что у тебя есть руской области, то возврати все и Изяслава ни въ чемъ не покидай, но во всѣхъ мѣстахъ будь съ нимъ за одно». Мстиславъ Изяславичъ сказалъ отцу своему Изяславу и королю: «я вамъ говорю: вамъ такъ и слѣдуетъ, вы поступаете по-христіански, вѣря честному кресту и оставляя свое раздраженіе противъ Владиміра; но я утверждаю теперь этимъ честнымъ крестомъ и вами, что не успѣете вы взять съ Влади-

міра клятву, а онъ ее нарушитъ; но ты, король, не забудь своего слова, какъ ты сказалъ: если Владиміръ нарушитъ клятву, то ты снова будешь стоять у Галича». Король отвѣчалъ: «правду тебѣ говорю: если Владиміръ нарушитъ цѣлованіе креста, то до сихъ поръ Изяславъ звалъ меня на помощь, а теперь, если Владиміръ нарушитъ клятву, то уже буду звать его, отца моего, Изяслава, къ себѣ на помощь».—Такъ они поговорили и послали людей своихъ ко Владиміру. Люди Изяслава и короля сказали Владиміру: «братъ твой, Изяславъ, и король говорятъ тебѣ такъ: ты къ намъ присылалъ, раскаиваясь въ твоей винѣ; мы тебѣ все то прощаемъ и владѣній твоихъ не отнимаемъ, но цѣлуй крестъ на томъ: сколько ни есть въ твоей власти городовъ рускихъ, то все возврати и Изяслава не оставляй пока ты живъ, но будь съ нимъ постоянно вмѣстѣ». Владиміръ на всемъ томъ цѣловалъ крестъ; онъ притворялся, что лежалъ, изнемогая отъ ранъ, а ранъ на немъ вовсе не было. Изяславъ съ королемъ съѣхались вмѣстѣ и провели время очень весело, осыпая другъ друга знаками взаимнаго расположенія. Потомъ они разъѣхались: король отправился въ свою землю, въ Венгрію, а Изяславъ—въ Рускую землю.—Изяславъ, пріѣхавъ во Владиміръ, послалъ своихъ намѣстниковъ по городамъ, которые возвратитъ Владиміръ далъ клятвенное обѣщаніе: въ Бужикъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ и Гнойницу. Владиміръ ихъ не далъ, и Изяславъ отправился въ Кіевъ, а къ королю послалъ своего человѣка дать ему знать, что Владиміръ нарушилъ данную имъ клятву, и сказать: «ни мнѣ, ни тебѣ не возвращаться болѣе, но только объявляю тебѣ, что Владиміръ нарушилъ данную имъ цѣлованіемъ креста клятву; а только ты не забывай своего слова, которое ты сказалъ».—Изяславъ возвратился въ Кіевъ къ дяди своему Вячеславу съ великою радостью и честью; поблагодарили они Бога и Его Пречистую Мать и оставались они очень веселы, осыпая другъ друга знаками расположенія.—Изяславъ, прійдя въ Кіевъ, послалъ къ брату своему Ростиславу въ Смоленскъ и сообщилъ ему, что онъ видѣлъ короля въ добромъ здоровьи, что Богъ помогъ имъ побѣдить Владиміра Галицкаго и далъ ему благополучно возвратиться въ Рускую землю. Услыхавъ это, Ростиславъ очень обрадовался и благодарилъ Бога.

Юрій, услыхавъ, что его Городецъ весь разрушили и сожгли, вздохнулъ отъ глубины души и началъ собирать воиновъ. Онъ послалъ къ Ярославичамъ сказать, чтобы они шли ему на помощь. Изяславъ Мстиславичъ, услыхавъ о томъ,

послалъ къ брату своему Ростиславу въ Смоленскъ сказать ему. «тамъ, братъ, у тебя, по милости Божіей, Новгородъ *сильный* и Смоленскъ, и ты, братъ, пріими тамъ мѣры для безопасности твоихъ владѣній. Если Юрій двинется на тебя, то я къ тебѣ пойду: а если онъ на тебя не пойдетъ и минуетъ твои владѣнія, то ты пріѣзжай сюда ко мнѣ». Тогда же Ростиславъ Ярославичъ съ братьями, и съ Рязанцами, и Муромцами пошли къ Юрію и не отказались дѣйствовать съ нимъ за одно, а также и Половцы—Оперисоевы и Токеобичи—и вся Половецкая земля, сколько ни есть Половцевъ между Волгою и Днѣпромъ. Они пошли въ землю Вятичей и заняли ее. потомъ двинулись на Мценскъ, Спашь, Глуховъ, гдѣ и остановились. Владиміръ, слыша, что сватъ его Юрій идетъ на Русь, пошолъ изъ Галича къ Кіеву; Изяславъ выступилъ къ нему на встрѣчу. Владиміръ воротился въ Галичъ. Къ Юрію, когда онъ находился въ Ольговѣ, пришло множество Половцевъ. Юрій послалъ къ Святославу Ольговичу, свату своему, сказать: «поѣзжай за мною». Святославъ испугался и, сказавъ: «какъ бы онъ, Юрій, не пошелъ противъ меня», — пошелъ вслѣдъ за нимъ.— Юрій говорилъ такъ: «такъ какъ мой Городецъ сожгли, не пощадивъ и самаго храма, то и я отплачу пожаромъ». Отъ Ольгова Юрій двинулся къ Березому и остановился съ Половцами у Свини въ субботу, а на другой день, въ воскресенье, не захотѣлъ идти къ городу, но остановился у Гуричева. Когда Юрій миновалъ Смоленскую область, то Ростиславъ выступилъ изъ Смоленска и поспѣшилъ прійдти къ Любечу прежде Юрія. Онъ условился съ своимъ братомъ Изяславомъ идти къ Чернигову на помощь Изяславу Давидовичу. Ростиславъ съ Святославомъ Всеволодовичемъ вошли въ Черниговъ для того, чтобы помогать Изяславу Давидовичу, и заперлись съ нимъ въ Черниговѣ. Юрій остановился у Гуричева и отпустилъ Половцевъ къ Чернигову опустошать его окрестности. Половцы, подойдя къ городу, награбили много добычи и сожгли Семынь. Въ эту же ночь Изяславъ, Ростиславъ и Святославъ, видя какъ велика сила Половцевъ, приказали всѣмъ жителямъ уйдти изъ *острога* въ *дитинецъ*. На другой день Юрій и Святославъ, устроивъ войско въ боевой порядокъ, пошли къ городу и остановились не доходя Семыня. Половцы всею своею огромною массою двинулись къ городу на бой; разобравъ острогъ, обратили въ пепелъ все предмѣстіе и всѣми силами остановились около города. Жители отбивались изъ города. Князья съ общаго совѣта порѣшили: «не такъ храбро сражаются и Половцы, и дружина, если мы

сами не поѣдемъ съ ними».—Андрей сказалъ: «такъ и сдѣлаемъ, и вотъ я начну мой день». Онъ взялъ дружину и поѣхалъ подъ городъ. Пѣшіе воины вышли изъ города стрѣлять: Андрей бросился на нихъ съ дружиною и Половцами: однихъ избилъ, а другихъ вогналъ въ городъ. Тутъ и другіе князья послѣдовали его примѣру и вслѣдъ за нимъ ѣздили къ городу, такъ что пѣшіе воины уже не смѣли выйдти изъ города противъ ихъ полковъ,—до того они были напуганы.—Двѣнадцать дней стоялъ непріятель подъ городомъ, а Вячеславъ съ Изяславомъ стояли въ то время на этой сторонѣ Днѣпра у Ольжичъ. Услыхавъ о томъ, что Юрій стоитъ подъ Черниговымъ и что Половцы, окруживъ Черниговъ, сожгли городъ,—Вячеславъ и Изяславъ двинулись съ своими полками къ Чернигову. Когда они подошли къ Моровійску, то тутъ встрѣтились передовые отряды—Вячеславовъ, Изяславовъ и Юрьевъ. Половцы захватили тутъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и привели къ Юрію.—Юрій, Святославъ Ольговичъ и рязанскіе князья услыхали, что Вячеславъ и Изяславъ идутъ на помощь жителямъ Чернигова. Оробѣли Половцы и начали уходить. Князья, видя, что Половцы уходятъ, отступили отъ Чернигова сначала за Свинь, а потомъ за Сновъ. Вячеславъ и Изяславъ пришли и остановились на Болобесѣ. Туда пріѣхали къ нимъ Ростиславъ, Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Всеволодовичъ. Они совѣтовались другъ съ другомъ о томъ, преслѣдовать ли непріятеля, и положили оставить его въ покоѣ, потому что онъ удалялся не останавливаясь и время было уже къ заморозкамъ. Положили на томъ—всѣмъ ѣхать по домамъ и готовиться къ тому времени, когда рѣки установятся. Половцы, оставивъ Юрія, отправились въ свою землю на Путивль и надѣлали много вреда землямъ своихъ недавнихъ союзниковъ. Юрій удалился въ Новгородъ Сѣверскій, а оттуда къ Рыльску. Когда онъ собирался выѣхать изъ Рыльска въ Суздаль, пріѣхалъ къ нему на-скоро Святославъ Ольговичъ и сталъ его умолять остаться. Онъ ему говорилъ: «ты собираешься уходить, а меня оставляешь; а землямъ моимъ ты надѣлалъ вреда и хлѣбъ около города потравилъ, а Половцы удалились въ свою землю. Изяславъ, соединясь съ своими братьями, пойдетъ на меня за тебя и разоритъ остальныя мои владѣнія». Юрій обѣщался оставить ему вспоможеніе и не исполнилъ своего слова — оставилъ только Василька съ пятидесятью воинами.—Юрій удалился въ Суздаль черезъ землю Вятичей и разорилъ остальную землю Вятичей. Вячеславъ съ Изяславомъ условились выступить въ походъ, когда станутъ рѣки.

Изяславъ послалъ въ Смоленскъ къ брату Ростиславу сказать ему: «по милости Божіей, находишься ты въ Смоленскѣ и Великомъ Новгородѣ; ты тамъ удержи Юрія твоими силами, а ко мнѣ отпусти на помощь сына твоего Романа». Отправивъословъ и собравъ всѣ силы, Вячеславъ съ Изяславомъ пошли къ Новгороду противъ Святослава Ольговича и Василька Юрьевича. Остановились они на Альтѣ, и тутъ Изяславъ сказалъ Вячеславу: «отецъ мой, ты уже старъ; къ чему тебѣ себя утомлять? Ступай въ твой Кіевъ, а со мною отпусти твой полкъ». Когда остановились у Всеволожа, то Изяславъ отправилъ сына своего Мстислава противъ Половцевъ съ своими полками и со всѣми Черными Клобуками. Вячеславъ поѣхалъ назадъ въ Кіевъ, а Изяславъ выступилъ къ Нову-Городу. Тутъ пришли къ нему съ своими полками Святославъ Всеволодовичъ и Романъ Ростиславичъ, его племянникъ, изъ Смоленска.—Изяславъ пришелъ къ Нову-Городу; съ нимъ были Изяславъ Давидовичъ, Святославъ Всеволодовичъ и Романъ Ростиславичъ. Дѣло было въ февралѣ мѣсяцѣ; они выступили съ своими полками къ городу и начали сраженіе подъ городомъ у острожныхъ воротъ, вогнали жителей въ городъ и разобрали защищавшій его частоколъ; но потомъ вышли изъ города и, отступя отъ города, удалились къ своимъ обозамъ. — На третій день по взятіи острога, Святославъ Ольговичъ прислалъ къ Изяславу Мстиславичу, кланяясь и прося мира. Изяславъ не хотѣлъ съ нимъ мириться, но дѣло было уже къ веснѣ и по этой-то причинѣ онъ согласился на миръ. Скрѣпивъ его цѣлованіемъ креста, князья разъѣхались. Изяславъ Мстиславичъ съ Изяславомъ Давидовичемъ отправились въ Черниговъ, а Романъ—въ Смоленскъ, къ отцу. Святославъ Всеволодовичъ поѣхалъ въ свои владѣнія, а Василько Юрьевичъ къ отцу.—Изяславъ, пріѣдя въ Черниговъ, получилъ извѣстіе отъ сына своего Мстислава, что Богъ помогъ ему побѣдить Половцевъ на Углѣ и Самарѣ, что онъ захватилъ много добычи, самихъ прогналъ, поотнималъ кибитки, лошадей и стада скота, много христіанъ, бывшихъ въ плѣну, освободилъ и возвратился съ войскомъ въ Переяславль, возблагодаривъ Бога за такую его помощь, и освобожденныхъ плѣнныхъ отпустилъ на ихъ родину. Изяславъ, услыхавъ о томъ, что его сынъ здоровъ, благодарилъ Бога, и радовались они съ Изяславомъ Давидовичемъ.—На другой день Изяславъ отправился въ Кіевъ и въѣхалъ туда съ сыномъ своимъ Мстиславомъ; съ великою честью и похвалою пріѣхали они къ отцу своему Вячеславу. Тотъ, видя сына своего

Изяслава въ добромъ здоровьи, похвалилъ Бога и силу животворящаго креста, и пребыли въ великой любви и радости, и такъ стали жить.—Изяславъ отправилъ посла къ брату своему Ростиславу въ Смоленскъ и далъ ему знать, что самъ онъ ходилъ на Святослава Ольговича и помирился съ нимъ, а Мстиславъ ходилъ на Половцевъ, побѣдилъ ихъ и взялъ много добычи. Ростиславъ, услыхавъ обо всемъ этомъ, возблагодарилъ Бога и силу животворящаго креста и сильно обрадовался.

Въ это время Изяславъ послалъ къ Владиміру Галицкому Петра Бориславича съ крестными грамотами, такъ какъ этотъ самый Петръ Бориславичъ вмѣстѣ съ людьми королевскими приводилъ Владиміра къ присягѣ въ Перемышлѣ. Изяславъ велѣлъ послу сказать слѣдующее: «ты ко мнѣ и къ королю цѣловалъ крестъ,— что все, сколько есть у тебя Руской области, ты возвратишь, но этого ничего не исполнилъ; теперь я не стану уже припоминать всего того, но если ты хочешь исполнить то, въ чемъ клялся на крестѣ, и со мною быть въ дружбѣ, то возврати мои города, какъ ты обѣщался подъ присягою; если же ты не хочешь ихъ отдать, то ты нарушилъ клятвенное обѣщаніе. Вотъ тебѣ твои крестныя грамоты; а мы съ королемъ будемъ противъ тебя дѣйствовать какъ намъ Богъ дастъ». Владиміръ далъ такой отвѣтъ: «ты, братъ, меня засталъ врасплохъ и короля навелъ на меня: но если только буду живъ, то или голову сложу, или отмщу за себя». На это Петръ сказалъ ему: «князь, ты цѣловалъ крестъ къ Изяславу, брату твоему, и королю, что ты все исполнишь и съ нами будешь за одно; а теперь ты уже нарушилъ клятву, данную на крестѣ». Владиміръ замѣтилъ: «на этомъ ли маленькомъ крестикѣ»?—Петръ ему сказалъ: «князь, хоть крестъ и малъ, но сила его велика и на небѣ и на землѣ; тебѣ, князь, король объявлялъ о силѣ того честнаго креста, что на немъ Самъ Господь волею простеръ свои руки и что Богъ, по Своей милости, привелъ этотъ крестъ къ Святому Стефану. И то король тебѣ объявлялъ, что кто этотъ крестъ поцѣлуетъ въ клятвѣ и нарушитъ ее, то не будетъ живъ. Да и— прибавилъ Петръ—отъ королевскаго посла ты слышалъ ли о томъ честномъ крестѣ»?—Владиміръ отвѣчалъ: «наговорились вы тогда въ волю, а теперь ступай вонъ и отправляйся въ путь къ твоему князю». Петръ, положивъ передъ Владиміромъ крестныя грамоты, пошелъ изъ комнаты, и не дали Петру ни подводъ, ни корма,—пришлось ему ѣхать на своихъ лошадяхъ. Когда съѣхалъ Петръ съ княжескаго двора, Владиміръ пошелъ въ храмъ Святаго Спаса къ

вечерѣ; когда онъ былъ на переходахъ къ храму, увидалъ Петра ѣдущимъ и издѣвался надъ нимъ: «вонъ поѣхалъ русскій человѣкъ, отобравъ всѣ области».—Съ этими словами онъ пошелъ на верхъ. Когда кончилась вечерня и Владиміръ пошелъ изъ церкви, то, когда онъ былъ на томъ мѣстѣ и на той ступенькѣ, гдѣ онъ поругался надъ Петромъ, вдругъ сказалъ: «кто это ударилъ меня въ плечо»? Съ того мѣста онъ не могъ вовсе сойдти и собирался упасть. Тутъ его схватили подъ руки и отнесли въ комнату; здѣсь посадили его въ ванну; говорили, что съ нимъ сдѣлалась колика, а другіе говорили иначе, и всячески старались лѣчить Владиміра. Съ наступленіемъ вечера ему становилось все хуже и хуже, и о ту пору, когда ложатся спать, Владиміръ, князь галицкій, скончался. Петръ, посолъ Изяславовъ, выѣхавъ изъ Галича съ наступленіемъ вечера, остановился въ Болшевѣ, и уже подходило время первыхъ пѣтуховъ, какъ прискакалъ гонецъ изъ Галича къ Петру сказать: «князь тебѣ говоритъ, не ѣзди никуда, но подожди здѣсь, покамѣстъ я не пришлю за тобою». Петръ не зналъ о смерти князя, да и присланный къ нему гонецъ ничего о томъ не сказалъ. Петръ сильно горевалъ о томъ, что ему пріидется снова ѣхать въ городъ и принять тамъ мученіе пуще прежняго. Вотъ о чемъ горевалъ Петръ. Еще не наступило время обѣда, какъ изъ города пріѣхали за Петромъ сказать: «тебя зоветъ князь».—Петръ поѣхалъ въ городъ, пріѣхалъ на княжескій дворъ; на встрѣчу ему сошли съ крыльца княжескіе слуги, всѣ въ черныхъ одеждахъ. Видя это, Петръ удивился и не понималъ, что это значитъ. Взойдя на крыльцо, онъ увидалъ Ярослава сидящимъ на отцовскомъ мѣстѣ въ черной мантіи и въ клобукѣ; также одѣты были и его люди. Петру поставили небольшой столъ (табуретку) и онъ сѣлъ. Ярославъ взглянулъ на Петра и заплакалъ. Петръ сидѣлъ, ничего не зная, и потомъ сталъ спрашивать: «что это значитъ»?—Ему отвѣчали: «Богъ въ эту ночь взялъ къ себѣ нашего князя».—Петръ сказалъ: «да вѣдь я въ прошлую ночь поѣхалъ, а онъ находился въ добромъ здоровьи». — Ему отвѣчали: «онъ получилъ какъ бы ударъ въ плечо и отъ того сильно захворалъ и Богъ его принялъ».—Петръ сказалъ: «на то воля Божія, а тамъ мы всѣ будемъ». Ярославъ сказалъ Петру: «мы тебя позвали за тѣмъ: Богъ, какъ ему угодно, такъ и сотворилъ свою волю, а теперь ступай къ отцу моему Изяславу, отъ меня ему поклонись и объяви ему: у меня Богъ взялъ отца, а ты мнѣ будь вмѣсто отца. Ты самъ зналъ, что было у васъ съ моимъ отцемъ,

и о томъ уже совершился Божій судъ. Богъ взялъ моего отца, а меня оставилъ на его мѣстѣ; полкъ его и дружина находится у меня; лишь одно копье поставлено у его гроба, да и то въ моихъ рукахъ. Теперь, отецъ мой, кланяюсь тебѣ, пріими меня какъ твоего сына Мстислава, такъ и меня. Пусть онъ ѣздитъ подлѣ твоего стремяни съ одной стороны, а я со всѣми своими полками буду ѣздить съ другой стороны». Съ такимъ наказомъ отпущенъ Петръ.

1153 г.

Изяславъ послалъ своего сына Мстислава противъ Половцевъ къ Толу, такъ какъ они въ то время производили грабежи по берегамъ Сулы. Мстиславъ не догналъ ихъ и вернулся.

Въ ту же осень отецъ его послалъ съ Владиміромъ Андреевичемъ и Берендичами на встрѣчу мачихѣ; ходили они до Олешья, не нашли и воротились.

Святославъ Ольговичъ имѣлъ съ Изяславомъ Давидовичемъ свиданіе у Хоробря и тутъ они условились дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ, цѣловали другъ ко другу крестъ и разъѣхались.

Въ этомъ же году Изяславъ Мстиславичъ началъ собираться въ походъ къ Галичу противъ Ярослава. За три недѣли до масляной выступилъ къ Галичу Изяславъ со всѣми силами: онъ взялъ съ собою Вячеславовъ полкъ; Изяславъ Давидовичъ отпустилъ съ нимъ свой полкъ; сынъ Изяслава, Мстиславъ, пришелъ съ Переяславскимъ полкомъ и всѣ Черные Клобуки. Когда Изяславъ пришелъ къ Тихомлю, тутъ присоединился къ нему братъ его Владиміръ изъ Дорогобужа и другой братъ Святополкъ изъ Владиміра, а изъ Бреста Владиміръ Андреевичъ.—Соединились всѣ у Владиміра и пошли къ Станкову. Туда же выступилъ и галицкій князь съ своими полками. Изяславъ отрядилъ Владиміра Андреевича и сына своего Мстислава съ Черными Клобуками завязать съ галицкими войсками бой черезъ рѣку Серетъ, а самъ выступилъ къ Теребовлю. На другой день утромъ,—то былъ вторникъ Ѳедоровой недѣли.—Изяславъ перешелъ рѣку Серетъ. Въ этотъ день былъ такой густой туманъ, что не видно было конца копья. Изяславъ, перейдя рѣку, тутъ же остановился. Вечеромъ Ярославъ Галицкій получилъ извѣстіе, что Изяславъ идетъ къ Теребовлю. Слыша это, Ярославъ пошелъ къ Теребовлю черезъ Сновъ и не поспѣлъ къ бродамъ, такъ какъ Изяславъ еще до прихода Ярослава перешелъ рѣку Серетъ. Передовые разъѣзды Изяслава, увидавъ галицкіе

полки, поспѣшили дать знать о томъ Изяславу. Онъ, устроивъ свои полки въ боевой порядокъ, выступилъ на встрѣчу, и когда оба войска находились въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, по Божьей волѣ разошелся туманъ и сдѣлалось ясно. Войска остановились въ виду одно другаго. Люди галицкіе стали говорить своему князю Ярославу: «ты молодъ, отъѣзжай въ сторону и смотри на насъ. Какъ отецъ твой кормилъ насъ и любилъ, такъ и мы хотимъ за честь твоего отца и за твою сложить наши головы. Ты у насъ вѣдь одинъ, князь, если съ тобою что-либо сдѣлается, то какъ намъ быть? Ты, князь, ступай въ городъ, а мы одни сразимся съ Изяславомъ, и кто изъ насъ останется живъ, тотъ прибѣжитъ къ тебѣ, и тогда затворимся въ городѣ съ тобою». Такъ они отослали прочь своего князя, а сами поѣхали сражаться. Сошлись полки, произошелъ отчаянный бой и продолжался отъ полудня до вечера. Между ними произошло замѣшательство, и они не знали, на чьей сторонѣ побѣда. Изяславъ преслѣдовалъ Галичанъ, а его братья и сынъ бѣжали: сначала Святополкъ, князь владимірскій, потомъ Владиміръ Мстиславичъ и Мстиславъ Изяславичъ. Изяславъ остановился ночевать на мѣстѣ битвы, а Галичане бѣжали въ свой городъ Теребовль. Во время преслѣдованія, Изяславъ захватилъ въ плѣнъ много Галичанъ, а Галичане—воиновъ Изяслава, и остался Изяславъ на мѣстѣ битвы съ небольшою дружиною. Онъ велѣлъ развернуть галицкія знамена. Галичане пошли къ нимъ, и такимъ образомъ захвачено много плѣнныхъ Въ ту ночь Изяславомъ овладѣло опасеніе, какъ бы, при небольшой оставшейся у него дружинѣ, не сдѣлали бы на него нападенія изъ города, а плѣнныхъ было у него болѣе, чѣмъ своихъ воиновъ. Вслѣдствіе этого Изяславъ отдалъ приказаніе плѣнныхъ Галичанъ перевязать и побить, и только знатнѣйшихъ съ собою взялъ.—На другой день Изяславъ пошелъ домой въ Кіевъ, потому что его братья и войска разбѣжались. Горестный плачъ раздался по всей Галицкой землѣ.

1154 г.

Вторично послалъ Изяславъ своего сына Мстислава на встрѣчу мачихѣ, такъ какъ онъ бралъ изъ Абхазіи (*Обезъ*) себѣ въ жены дочь тамошняго царя. Мстиславъ встрѣтилъ ее у Днѣпровскихъ пороговъ, привелъ въ Кіевъ, а самъ отправился въ Переяславль. Изяславъ отпраздновалъ свадьбу.

Въ этомъ же году Новгородцы выгнали Ярослава Изяславича,

а посадили у себя княземъ Романа.—Въ этомъ же году скончался Святополкъ Мстиславичъ у Корецка; онъ было отправился на помощь своему брату Изяславу. Изяславъ, услыхавъ, что Богъ взялъ его брата, плакалъ по немъ, а потомъ послалъ сына своего Ярослава княжить во Владиміръ.

Въ этомъ же году Юрій пошелъ съ Ростовцами, Суздальцами и со всѣми дѣтьми въ *Русь*, и сдѣлался моръ на лошадей въ его войскѣ, и такой моръ, какого никогда не бывало. Онъ пришелъ въ землю Вятичей и остановился, не доходя Козельска. Тутъ пріѣхали къ нему Половцы. Юрій придумалъ отправить сына своего Глѣба къ Половцамъ, а самъ воротился въ Суздаль.—Въ этомъ году умерла жена князя Глѣба Юрьевича въ Суздалѣ.

Въ этомъ году сдѣлался боленъ великій князь кіевскій Изяславъ, честный, благовѣрный и христолюбивый славный Изяславъ Мстиславичъ, внукъ Владиміровъ, и оплакивали его вся Русская земля и всѣ Черные Клобуки, какъ царя и господина своего, а і сего болѣе какъ отца. Онъ скончался въ воскресеніе на ночь, въ день Св. апостола Филиппа Убравъ его тѣло, положили въ церквѣ Св. Ѳеодора въ монастырѣ его отца. Вячеславъ, дядя Изяслава, оплакивалъ горько племянника и говорилъ: «сынъ мой, мнѣ бы слѣдовало умереть вмѣсто тебя, но съ Богомъ ничего не подѣлаешь».—Сынъ Изяславовъ, Мстиславъ, схоронивъ тѣло своего отца, поклонился его гробу и поѣхалъ въ Переяславль. Пришло объ этомъ извѣстіе къ Изяславу Давидовичу, и онъ немедля поѣхалъ къ Кіеву. Вячеславу дали знать, что Изяславъ Давидовичъ пришелъ на Днѣпръ къ перевозу. Вячеславъ послалъ сказать ему, «зачѣмъ ты пріѣхалъ и кто тебя звалъ? Ступай въ твой Черниговъ». Изяславъ отвѣчалъ: «я пріѣхалъ оплакать своего брата: не былъ я тогда, когда его хоронили, но позволь мнѣ хоть теперь поплакать на его гробѣ».—Вячеславъ, съ общаго совѣта съ Мстиславомъ и своими людьми, не пустилъ Изяслава въ Кіевъ, потому что Ростиславъ еще не пришелъ въ Кіевъ изъ Смоленска. Изяславъ вернулся въ Черниговъ. Вячеславъ послалъ за Святославомъ Всеволодовичемъ и велѣлъ ему сказать: «ты для Ростислава какъ сынъ любимый, будь такимъ и для меня. Пріѣзжай сюда и останься у меня въ Кіевѣ, пока прійдетъ Ростиславъ, а тогда мы всѣ разберемся». – Святославъ Всеволодовичъ, не сказавъ ничего о томъ ни Изяславу Давидовичу, ни дядѣ своему Святославу Ольговичу, отправился въ Кіевъ къ Вячеславу и оставался съ нимъ тамъ, дожидаясь Ростислава изъ Смоленска. Изяславъ Давидовичъ и Свя-

тославъ Ольговичъ послали въ Суздаль за Юріемъ. Тутъ пришелъ изъ Смоленска въ Кіевъ Ростиславъ Мстиславичъ. Всѣ Кіевляне вышли съ великою радостью на встрѣчу своего князя. Ему рады были всѣ; вся Руская земля и всѣ Черные Клобуки обрадовались тому, что Ростиславъ пришелъ въ Кіевъ. Ростиславъ, свидѣвшись съ Святославомъ Всеволодовичемъ, поѣхалъ на поклонъ отцу своему Вячеславу. Тотъ, увидавъ Ростислава, своего нареченнаго сына, сильно обрадовался и сказалъ ему: «сынъ мой, я уже старъ и не въ состояніи присмотрѣть за всѣми порядками, а я тебѣ, сынъ мой, предоставляю, чтобы какъ твой братъ властвовалъ и распоряжался, такъ и ты властвуй и распоряжайся. Пусть я буду тебѣ вмѣсто отца, и какъ отца ты меня почитай, послѣдуя примѣру брата твоего Изяслава, какъ онъ имѣлъ меня за отца и чтилъ меня; а вотъ мой полкъ и моя дружина, а ты распоряжайся». — Выслушавъ это, Ростиславъ поклонился своему отцу Вячеславу и сказалъ ему: «очень радъ, отецъ и господинъ; имѣю тебя отцомъ и господиномъ, какъ и братъ мой Изяславъ имѣлъ тебя и въ твоей волѣ былъ».

Начало княженія Ростислава въ Кіевѣ. Кіевляне посадили въ Кіевѣ Ростислава и сказали ему: «какъ братъ твой Изяславъ чтилъ Вячеслава, такъ и ты его почитай, а пока ты живъ, Кіевъ твой». Ростиславъ сказалъ Святославу Всеволодовичу, своему племяннику сыну сестры: «даю тебѣ Туровъ и Пинскъ за то, что ты пріѣхалъ къ моему отцу Вячеславу и сохранилъ для меня владѣнія, за то и надѣляю тебя владѣніемъ». — Святославъ поклонился Ростиславу и принялъ съ радостью. Въ то время пришло къ Ростиславу извѣстіе, что Глѣбъ Юрьевичъ идетъ къ Переяславлю со множествомъ Половцевъ. Ростиславъ съ Святославомъ выступили изъ Кіева къ Пересѣчну и начали тутъ собирать дружину. Отъ Мстислава Изяславича изъ Переяславля прискакалъ гонецъ къ Ростиславу и Святославу и сказалъ имъ, что непріятельское войско пришло уже къ Переяславлю и началась перестрѣлка. Ростиславъ, услыхавъ о томъ, послалъ въ Переяславль сына своего Святослава. Мстиславъ выѣхалъ изъ Переяславля на встрѣчу Изяславу, и соединясь, они поѣхали въ Переяславль. На другой день Половцы подступили къ Переяславлю и начали бой; осажденные дѣлали вылазки и храбро отбивались отъ Половцевъ. Тѣ, видя, что пришло въ Переяславль подкрѣпленіе, пошли прочь отъ города и, не останавливаясь, удалились за Сулу: они опасались Ростислава и Святослава. Святославъ Ростиславичъ, прогнавъ

Половцевъ, пріѣхалъ къ отцу своему и далъ ему знать, что Половцы пошли прочь.—Ростиславъ, слыша о томъ, началъ совѣщаться съ своими близкими, какъ бы идти къ Чернигову на Изяслава Давидовича. Положили идти, а потому Ростиславъ, не входя въ Кіевъ, выступилъ съ своими полками. Онъ взялъ съ собою Святослава Всеволодовича, Мстислава Изяславича, Торковъ и Кіевлянъ. Перейдя Днѣпръ у Вышегорода, Ростиславъ остановился напротивъ Вышегорода и собиралъ свою дружину. Онъ говорилъ: «лишь бы намъ упередить Юрія, а либо его Изяслава Давидовича прогонимъ, или принудимъ къ миру». На другой день прискакалъ изъ Кіева къ Ростиславу гонецъ и сказалъ: «отца твоего Вячеслава взялъ Богъ».—Ростиславъ отвѣчалъ: «мы вчера уѣхали, а онъ былъ въ добромъ здоровьи».—На это ему сказали: «эту же ночь онъ весело пировалъ съ своею дружиною и ушелъ спать здоровый, но какъ легъ, больше не всталъ,—тутъ Богъ его и принялъ». Слыша это, Ростиславъ, оставивъ свои полки, поспѣшилъ въ Кіевъ; тамъ онъ оплакалъ Вячеслава какъ своего отца и проводилъ его до гроба съ великою честью; множество народа его провожало, и положили Вячеслава въ храмѣ Св. Софіи, гдѣ лежали Ярославъ, его прадѣдъ, и Владиміръ, его отецъ. Ростиславъ, схоронивъ тѣло Вячеслава, пріѣхалъ на Ярославовъ дворъ; позвавъ людей отца своего Вячеслава, тіуновъ (управляющихъ) и ключниковъ, велѣлъ принести имущество отца своего къ себѣ—одежды, золото и серебро. Когда спесли все, то началъ онъ раздавать по монастырямъ, по церквамъ, по *затворамъ*, гдѣ живутъ отшельники, *затворники*, и нищимъ, и такъ роздалъ все, а себѣ не оставилъ ничего,—только одинъ крестъ честной взялъ себѣ на благословеніе; остальное же имущество отдалъ совершать поминовеніе надъ Вячеславомъ во все будущее время, чтобы было на что купить ему свѣчу и просфору. Распорядясь всѣмъ и поручивъ исполненіе своей матери, вдовѣ Мстислава, Ростиславъ взялъ остатокъ дружины Вячеславовой и поѣхалъ на ту сторону Днѣпра къ своимъ полкамъ.—Когда онъ прибылъ къ своему войску, то началъ совѣтоваться съ Святославомъ Всеволодовичемъ и Мстиславомъ Изяславичемъ, своимъ племянникомъ, и съ людьми своими, намѣреваясь идти къ Чернигову.—Его люди не совѣтовали ему идти къ Чернигову, они говорили: «Богъ взялъ твоего дядю Вячеслава, а ты еще не сладился съ Кіевлянами и не упрочилъ свою власть тамъ; лучше ступай въ Кіевъ и упрочь свое положеніе, потолковавъ съ его жителями. Если твой дядя Юрій и прійдетъ на тебя, то тебѣ, ког-

да ты съ Кіевлянами уладишься, удобно будетъ—если захочешь мириться, то мириться, а если предпочтешь воевать, то—воевать съ нимъ».—Ростиславъ этого всего не послушалъ, но пошелъ къ Чернигову на Изяслава Давидовича. Услыхавъ о его приходѣ, Изяславъ послалъ за Глѣбомъ Юрьевичемъ—звать его, чтобы онъ пришелъ поскорѣе и съ Половцами.—Ростиславъ, Святославъ Всеволодовичъ и Мстиславъ Изяславичъ пришли и стали на Боловесѣ; они послали людей своихъ къ Изяславу Давидовичу сказать ему: «цѣлуй къ намъ крестъ. Ты оставайся въ твоемъ отцовскомъ наслѣдіи, Черниговѣ, а мы будемъ въ Кіевѣ, а во всемъ прочемъ станемъ дѣйствовать за одно».—Изяславъ отвѣчалъ: «а что я вамъ сдѣлалъ теперь, за что вы пришли на меня войною? А теперь, какъ мнѣ Богъ дастъ управиться съ вами». А уже онъ послалъ за Глѣбомъ Юрьевичемъ и Половцами, съ которыми тотъ находился у Переяславля. На другой день Изяславъ, соединясь съ Половцами и Глѣбомъ, вышелъ къ Боловесу на встрѣчу непріятелю. Стрѣлки начали перестрѣлку черезъ рѣку. Ростиславъ, видя огромное число Половцевъ, оробѣлъ,—съ нимъ было немного воиновъ, и сталъ посылать къ Изяславу Давидовичу, прося мира; онъ началъ давать подъ собою Кіевъ, а подъ Мстиславомъ Переяславль. Мстиславъ, услыхавъ, что Ростиславъ отдаетъ подъ нимъ Переяславль, сказалъ: «пусть же не будетъ ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева». Съ этими словами онъ поворотилъ коня и съ дружиною своею оставилъ дядю. Половцы окружили войска Ростислава, два дни сражались съ нимъ и привели его въ замѣшательство. Всѣ воины Ростислава пустились бѣжать: много изъ нихъ убито, а еще больше взято въ плѣнъ. Разбѣжались и князья Ростиславъ, Святославъ и Мстиславъ и ихъ дружина. Лишь только Ростиславъ пустился бѣжать, подъ нимъ упалъ конь. Сынъ его, Святославъ, видя это, соскочилъ съ коня и прикрылъ собою отца; тутъ началась схватка, такъ какъ нѣсколько человѣкъ дружины подоспѣло къ нимъ; тутъ отняли коня у Ростислава. Онъ, бѣжавъ, переправился черезъ Днѣпръ пониже Любеча и отправился въ Смоленскъ, а Мстиславъ Изяславичъ съ Святославомъ Ростиславичемъ ушли въ Переяславль; тутъ Мстиславъ, взявъ жену, отправился въ Луцкъ, а Святослава Всеволодовича бѣгущаго схватили Половцы. Изяславъ и его жена выкупили Святослава у Половцевъ, выручивъ много и другихъ Русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, и многимъ сдѣлали добро. Если кому удавалось уйти отъ Половцевъ, то и тѣхъ не выдавали.—Изяславъ послалъ сказать Кіевля-

намъ: «хочу къ вамъ поѣхать».—Кіевляне, изъ опасенія Половцевъ,—а плохо имъ Кіевлянамъ) приходилось, такъ какъ у нихъ въ Кіевѣ не оставалось вовсе князя,—послали Каневскаго епископа Демьяна сказать Изяславу: «ступай къ намъ въ Кіевъ; пускай не возьмутъ насъ Половцы; ты нашъ князь, пріѣзжай». Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ на престолъ, а Глѣба послалъ въ Переяславль княжить. Изяславъ послалъ къ Святославу Ольговичу и началъ съ нимъ договариваться, чтобъ Изяславу оставаться въ Кіевѣ, а Святославу въ Черниговѣ; но Святославу сдѣлалось извѣстнымъ, что идетъ Юрій и передъ Юріемъ имъ устоять было невозможно. Въ то время Половцы надѣлали много вреда около Переяславля: пожгли села и разрушили огнемъ стоявшій на Альтѣ храмъ Бориса и Глѣба.

Въ эту же зиму Юрій, услыхавъ о смерти Изяслава, выступилъ въ Русь. Онъ былъ противъ Смоленска, когда пришло къ нему извѣстіе, что братъ его Вячеславъ умеръ, Ростиславъ побѣжденъ, въ Кіевѣ Изяславъ Давидовичъ, а въ Переяславлѣ княжитъ сынъ его, Юрія, Глѣбъ. Тутъ Новгородцы пришли къ Юрію и взяли себѣ княземъ сына его Мстислава. Юрій двинулся къ владѣніямъ Ростислава. Онъ, услыхавъ о томъ, собралъ множество воиновъ, устроилъ полки и вышелъ на встрѣчу къ Зарою, гдѣ и остановился.—Ростиславъ, стоя тутъ, послалъ къ Юрію; онъ просилъ у него мира и говорилъ ему: «отецъ, кланяюсь тебѣ; ты ко мнѣ былъ прежде добръ, а я къ тебѣ, и теперь кланяюсь тебѣ; ты, мой дядя, мнѣ какъ отецъ».—Юрій отвѣчалъ: «и вправду, сынъ мой; съ Изяславомъ поладить я не могъ, а ты—мой братъ и сынъ».—Предавъ забвенію оскорбленія его брата, онъ оставилъ раздраженіе. Такъ они цѣловали между собою крестъ, чтобы быть въ любви и дружбѣ. Юрій отправился въ Кіевъ, а Ростиславъ въ Смоленскъ.

1155 годъ.

Святославъ Ольговичъ, встрѣтивъ своего свата Юрія у Синина моста, у Радощи, и тамъ они свидѣлись. А Святославъ Всеволодовичъ встрѣтилъ Юрія у Стародуба и, пріѣхалъ къ нему, низко поклонился съ словами: «виноватъ, совсѣмъ было обезумѣлъ».—Святославъ Ольговичъ сталъ просить своего свата Юрія принять въ родственное расположеніе его племянника его Святослава Всеволодовича.—Юрій помирился съ нимъ, и онъ цѣловалъ крестъ къ Юрію на всемъ, какъ онъ (Юрій) хотѣлъ, и къ дядѣ. Юрій ве-

лѣлъ Святославу Всеволодовичу идти съ нимъ къ Кіеву,—и пошли къ Стародубу, а оттуда къ Чернигову.—Въ это же время Святославъ Ольговичъ послалъ къ своему брату Изяславу въ Кіевъ сказать: «ступай, братъ, изъ Кіева,—идетъ Юрій, а звали мы его оба». Изяславъ не хотѣлъ идти изъ Кіева и не послушалъ своего брата Святослава. Тотъ, дойдя до Чернигова, тамъ остался, а къ брату Изяславу послалъ снова сказать: «иди изъ Кіева, туда идетъ Юрій; я тебѣ уступлю Черниговъ, для того чтобы не гибли христіанскія души понапрасну». А Святославъ вѣдь участвовалъ въ умыслѣ занятія Кіева Изяславомъ. Изяславу не хотѣлось оставить Кіевъ; ему онъ полюбился. Святославъ остался въ Черниговѣ, а Юрій остановился у Моровійска. Онъ послалъ сказать Изяславу: «Кіевъ—мое отцовское достояніе, а не твое». Изяславъ прислалъ къ Юрію съ поклономъ и просьбою; онъ говорилъ: «развѣ я самъ пріѣхалъ въ Кіевъ? Посадили меня Кіевляне; но не дѣлай мнѣ вреда, а Кіевъ—твой».—Юрій, всегда расположенный къ милости, не сталъ на него сердиться. Такимъ образомъ Изяславъ вышелъ изъ Кіева.

Начало княженія Юрія въ Кіевѣ. Тогда Юрій, поблагодаривъ Бога, вошелъ въ Кіевъ, а на встрѣчу ему вышло множество народа. Онъ сѣлъ на престолъ своего отца и дѣда, и съ радостью приняла его вся Руская земля. Утвердившись въ Кіевѣ, Юрій роздалъ области дѣтямъ: Андрея посадилъ въ Вышегородѣ, Бориса въ Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, а Василька отдалъ Поросье. На ту же осень пришли Половцы и опустошали Поросье. Василько съ Берендичами нагналъ ихъ, однихъ избилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ, и пріѣхалъ къ отцу со славою и честью. Въ это время пріѣхалъ къ Святославу Ольговичу племянникъ его. Святославъ Всеволодовичъ, и цѣловалъ къ нему крестъ, а Святославъ Ольговичъ прибавилъ ему три города, а Сновскъ, Воротынскъ и Карачевъ отнялъ за то, что онъ было его оставилъ. Святославъ Ольговичъ отправился въ Сновскъ. Изяславъ Давидовичъ приставалъ къ нему, чтобы начать войну съ Юріемъ, но Святославъ не согласился.—Въ этомъ же году Юрій послалъ Юрія Ярославича съ Жирославомъ и внуками Вячеслава на Мстислава Изяславича, и они выгнали его изъ Пересопницы въ Луцкъ. Тогда Юрій приказалъ своему зятю Ярославу Галицкому идти на Мстислава къ Луцку. Мстиславъ, оставивъ въ Луцкѣ своего брата Ярослава, отправился въ Польшу. Ярославъ Владиміровичъ Галицкій съ Владиміромъ, Мстислава сыномъ отъ второй жены, стали у Луцка,

но ничего не сдѣлали и вернулись назадъ. Юрій послалъ въ Смоленскъ за племянникомъ своимъ Ростиславомъ и велѣлъ ему сказать: «сынъ, кто мнѣ поможетъ удержать Рускую землю, какъ не ты? Ступай сюда». Въ то время Юрій отправился на встрѣчу Половцевъ на съѣздъ съ ними къ Каневу. Половцы, пріѣхавъ къ Юрію, стали просить своихъ земляковъ, которыхъ захватили Берендѣи. Тѣ не давали ихъ, а говорили Юрію: «мы съ твоимъ сыномъ умираемъ за Рускую землю и головы свои готовы сложить за твою честь».—Юрій не сталъ употреблять мѣръ насилія, но, одаривъ Половцевъ, отпустилъ ихъ, а самъ отправился въ Кіевъ.—Въ то время жена Юрія пріѣхала съ своими дѣтьми изъ Суздаля въ Смоленскъ къ Ростиславу.—Тотъ, взявъ съ собою тетку, отправился къ дядѣ со всѣмъ своимъ полкомъ, пришелъ въ Кіевъ къ дядѣ своему Юрію, и такъ свидѣлись съ великою любовью и честью и весело проводили время. Ростиславъ, пріѣдя въ Кіевъ, сталъ просить за племянниковъ (сыновей брата). Юрій его послушалъ. Ростиславъ послалъ за своимъ братомъ Владиміромъ во Владиміръ, а за Мстиславомъ и Ярославомъ въ Луцкъ. Владиміръ и Ярославъ оба пришли къ дядѣ своему Юрію съ своими полками, а Мстиславъ остался во Владимірѣ. Онъ не смѣлъ ѣхать и говорилъ: «схватитъ меня Юрій». Юрій принялъ въ свое расположеніе Владиміра и Ярослава, а къ Мстиславу послалъ съ крестнымъ цѣлованіемъ и того принялъ въ свое расположеніе.—Въ этомъ же году пришло къ Юрію вспоможеніе изъ Галича отъ его зятя Ярослава, такъ какъ началъ замышлять войну противъ Юрія Изяславъ Давидовичъ.—Въ этомъ же году снова пришли Половцы насчетъ мира и стали по Дубницѣ, даже до верховьевъ Супоя. Юрій, соединясь съ племянникомъ своимъ Ростиславомъ, съ Владиміромъ и Ярославомъ Изяславичами и взявъ съ собою галицкій вспомогательный отрядъ, отправился на съѣздъ къ Каневу. Онъ послалъ сказать Половцамъ: «пріидите ко мнѣ для заключенія мира». Половцевъ пріѣхало немного, какъ бы только для развѣдыванья; они сказали Юрію: «завтра мы всѣ къ тебѣ пріѣдемъ», и въ ту ночь убѣжали всѣ.—Юрій вернулся въ Кіевъ, и съ общаго совѣта съ своими племянниками послалъ къ Изяславу Давидовичу сказать: «хочешь ли къ намъ пріидти, чтобы утвердить миръ, или мы къ тебѣ пріидемъ»? Изяславъ, видя, что Юрій соединился съ племянниками, цѣловалъ къ нему крестъ. Тогда Юрій отпустилъ своихъ племянниковъ, а Ростиславъ, поклонившись своему дядѣ Юрію, пошелъ въ Смоленскъ, братъ его Владиміръ во Владиміръ,

а Ярославъ въ Луцкъ. А Юрій отправился на съѣздъ съ Изяславомъ Давидовичемъ и съ Святославомъ Ольговичемъ; они свидѣлись у Лутавы.—Юрій отдалъ Изяславу Корческъ, Святославу Ольговичу Мозырь, и такъ уладившись съ ними, воротился въ Кіевъ.

Въ этомъ же году Андрей уѣхалъ отъ своего отца Юрія изъ Вышегорода въ Суздаль, не испросивъ на то отцовскаго согласія. Онъ взялъ изъ Вышегорода икону Святой Богородицы, которую привезли съ Пирогощею изъ Царьгорода въ одномъ кораблѣ; онъ выковалъ на нее (на ея ризу) болѣе 30 *гривенъ* золота, кромѣ серебра, драгоцѣнныхъ каменьевъ и крупнаго жемчуга. Украсивъ ее такъ, поставилъ въ храмѣ Святой Богородицы во Владимірѣ. Въ эту же зиму Юрій велѣлъ сыну своему Мстиславу жениться на дочери Петра Михалковича, и тотъ женился.—Въ ту же зиму Юрій взялъ въ Кіевъ изъ Чернигова у Изяслава Давидовича дочь его въ замужство за своего сына Глѣба.—Въ это же время смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ заключилъ союзный договоръ съ родственниками своими рязанскими князьями—быть имъ въ любви и дружбѣ. Они всѣ смотрѣли на Ростислава какъ на отца своего и такъ его почитали.—Владиміръ, братъ Ростиславовъ, княжилъ во Владимірѣ, а племянники его Мстиславъ и Ярославъ..... Владиміръ Мстиславичъ отпустилъ свою мать, вдову Мстислава, въ Венгрію къ своему зятю королю, а король далъ тещѣ своей много имѣнія.

1156 годъ.

Изъ Новгорода пріѣхалъ въ Кіевъ новгородскій епископъ Нифонтъ съ тѣмъ, чтобы подождать митрополита Константина, о которомъ Нифонтъ получилъ извѣстіе, что ужь онъ выѣхалъ изъ Царьграда. Заболѣлъ Нифонтъ и, послѣ 13 дневной болѣзни, мирно скончался апрѣля 15-го въ субботу праздничной (Святой) недѣли. Тѣло Нифонта положено въ Печерскомъ монастырѣ, въ Ѳеодосіевой пещерѣ, такъ какъ Нифонтъ постоянно обнаруживалъ великое усердіе къ Святой Богородицѣ и отцу Ѳеодосію. Разсказалъ онъ удивительное видѣніе: передъ своею болѣзнью за три дни видѣлъ онъ сонъ. Пришелъ онъ отъ заутрени и заснулъ: «и вотъ (такъ разсказывалъ онъ) очутился я въ церкви Печерской на *Святошинѣ* мѣстѣ и много молился я со слезами Пресвятой Богородицѣ, чтобы увидать ему отца Ѳеодосія. Монахи въ большомъ числѣ начали собираться въ церковь, и одинъ, подойдя, сказалъ мнѣ: хочешь ли видѣть отца Ѳеодосія? Я отвѣчалъ: если возможно, то покажи

мнѣ.—Монахъ взялъ меня и повелъ въ алтарь, гдѣ и показалъ мнѣ отца Ѳеодосія. Я пошелъ и поклонился ему; онъ всталъ, началъ меня благословлять, обнялъ меня руками, началъ цѣловать меня и сказалъ: хорошо, что пришелъ, братъ и сынъ Нифонтъ; отнынѣ будешь съ нами неразлучно. Онъ держалъ свитокъ въ рукѣ; я у него попросилъ, онъ мнѣ далъ, и развернувъ, я его прочелъ; тамъ было написано въ началѣ: «это я и дѣти мои, которыхъ мнѣ далъ Богъ». Затѣмъ я проснулся.—Этотъ епископъ Нифонтъ былъ поборникомъ всей Руской земли. Тщательно слѣдилъ онъ за всѣмъ божественнымъ. Его понуждалъ Климъ служить съ собою, а Нифонтъ ему отвѣчалъ: «ты не принялъ благословенія отъ Святой Софіи и отъ святаго великаго собора и отъ патріарха, а потому не могу ни служить съ тобою, ни поминать тебя на святой службѣ, но поминаю патріарха». Много мучился съ Нифонтомъ Климъ и научалъ на него Изяслава и его поборниковъ, но ничего не успѣлъ сдѣлать. Патріархъ прислалъ къ Нифонту грамоту, въ которой хвалилъ его и причислялъ къ святымъ, а Нифонтъ еще больше крѣпился, слушая наставленій патріарха.—Нифонтъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Святославомъ Ольговичемъ, а тотъ сталъ княжить въ Новгородѣ въ отсутствіи Нифонта.

Въ этомъ же году сынъ Владиміра, племянникъ Изяслава, бѣжалъ изъ Березаго во Вщижь и занялъ всѣ города Изяславовы по Деснѣ и Всеволожь. Измѣнивъ скрѣпленному клятвою договору съ дядею Изяславомъ, онъ отдался подъ покровительство смоленскаго князя Ростислава; а сынъ Мстислава пришелъ изъ Стародуба ему на помощь.

Въ это же время Мстиславъ Изяславичъ пріѣхалъ нечаянно во Владиміръ на дядю своего Владиміра, захватилъ его жену и мать и, посадивъ ихъ на повозки, отправилъ въ Луцкъ, а дядя его Владиміръ бѣжалъ въ Перемышль; дружина его ограблена и все имущество было отнято, а также и то, что вдова Мстислава привезла изъ Венгріи. Владиміръ бѣжалъ въ Венгрію къ королю, своему зятю. Юрій, взявъ съ собою Изяслава Давидовича и Святослава Ольговича, выступилъ къ Зарубу на съѣздъ съ Половцами и съ ними заключилъ миръ. Половцевъ пришло очень много. Изяславъ Давидовичъ взялъ ихъ и поѣхалъ съ ними къ Березому на своего племянника Святослава *Всеволодовича* (Владиміровича? .—Юрій отправился въ Кіевъ и Святослава Ольговича взялъ съ собою. Въ это время пришелъ изъ Константинополя митрополитъ Константинъ. Князь Юрій принялъ его съ честью, а также епископы полоцкій

и Мануилъ смоленскій, который бѣгалъ отъ Клима. Они признали недѣйствительными службу и посвященія Климовы, а отслужили божественную службу и благословили князя Юрія Владиміровича, потомъ утверждены посвященія діаконовъ, которыхъ ставилъ митрополитъ Климъ, такъ какъ эти діаконы подали ему письменное обличеніе Клима.—Въ этомъ же году Святославъ поѣхалъ къ своему брату Изяславу; стоя у Мстислава, они заключили миръ съ своими племянниками и возвратились домой.

.....1157 годъ.

Юрій съ зятемъ своимъ Ярославомъ Галицкимъ и съ сыновьями своими, съ Владиміромъ Андреевичемъ и съ Берендичами, выступилъ ко Владиміру противъ Изяслава Мстиславича. Изяславъ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ хотѣли идти съ Юріемъ, но тотъ ихъ не взялъ, послушавъ зятя своего Ярослава Галицкаго; онъ повѣрилъ ему, будто бы они хотятъ черезъ него добыть себѣ Владиміръ. А Юрій домогался Владиміра не для себя, но онъ далъ клятву брату Андрею, когда тотъ былъ еще живъ, что и по его смерти Владиміръ будетъ собственностью его сына. Потомъ Юрій и Владиміру Андреевичу далъ клятву, что добудетъ ему Владиміръ. И затто была цѣль похода къ Владиміру. Юрій сошелся съ Ярославомъ Галицкимъ въ селѣ Свинусѣхъ; оттуда выступили они вмѣстѣ къ Владиміру и остановились въ Хвалимичахъ тутъ пришелъ къ нимъ изъ Венгріи Владиміръ Мстиславичъ). Отсюда они напали было на городъ въ субботу и послѣ перестрѣлки вернулись къ обозамъ. На другой день, въ воскресеніе, они пришли къ городу и съ обозами и окружили его; Юрій сталъ у Гридшныхъ воротъ, а Ярославъ у Кіевскихъ воротъ подлѣ луговъ. Владиміръ Андреевичъ сталъ проситься въ походъ; Юрій его отпустилъ, и Владиміръ поѣхалъ къ Червену. Жители заперлись въ городѣ. Владиміръ подъѣхалъ къ городу и началъ говорить: «я не врагомъ пришелъ къ вамъ; вы были милы моему отцу и я—наслѣдственный князь; отворите ворота». Тутъ кто-то изъ города пустилъ стрѣлу князю въ горло, но Богъ защитилъ его отъ смерти. Разсердясь, Владиміръ велѣлъ разорять все безъ пощады. Юрій стоялъ у Владиміра десять дней; городъ находился въ осадѣ и много крови пролилось съ обѣихъ сторонъ, а нѣкоторые и умирали отъ ранъ.—Юрій, видя упорство жителей Владиміра, что они не хотятъ ему покориться, сжалился на гибелью людей и сталъ говорить своимъ людямъ и *боярамъ* *):

*) Если не ошибаемся, то первый разъ встрѣчается здѣсь это слово.

«не можемъ мы долѣе стоять здѣсь потому, что онъ моложе меня и не хочетъ мнѣ покориться, а я не ищу ни его гибели, ни того, чтобы его прогнать, но сказалъ: заключу и съ нимъ такой же тѣсный союзный договоръ, какой и съ его братьями; но онъ этого не хотѣлъ, а находитъ удовольствіе въ пролитіи крови».—Юрій съ общаго совѣта съ людьми своими и дѣтьми вернулся въ Кіевъ, а зять его отправился въ Галичъ въ свои владѣнія и, не заключивъ мира, вернулся домой. Мстиславъ преслѣдовалъ его до Дорогобужа, опустошая и предавая пламени села, и много вреда онъ надѣлалъ. Юрій, прійдя къ Доробужу, сказалъ Владиміру Андреевичу: «я твоему отцу, а моему брату, Андрею далъ клятвенное обѣщаніе въ томъ, что кто изъ насъ останется, тотъ будетъ отецъ дѣтямъ другаго и сохранитъ для нихъ отцовскія владѣнія. Въ послѣдствіи я далъ и тебѣ клятву, что буду имѣть тебя сыномъ и искать для тебя Владиміра. А теперь, сынъ мой, хоть я не добылъ тебѣ Владиміра, а вотъ тебѣ владѣнія».—И далъ Юрій Владиміру Андреевичу Дорогобужъ, Пересопницу и всѣ города по Горыни, а сыну своему Борису далъ Туровъ. Въ то же время, по приказанію Юрія, привели изъ Суздаля Ивана Ростиславича, прозываемаго Берладника, въ оковахъ; Юрій хотѣлъ его выдать зятю своему Ярославу Галицкому. Тотъ прислалъ было уже за Берладникомъ князя Святополка и Коснятина Сѣрославича съ многочисленною дружиною. Тутъ митрополитъ и всѣ настоятели монастырей начали говорить Юрію: «грѣхъ тебѣ: давъ ему клятву цѣлованіемъ креста, ты его держишь въ такой нуждѣ и еще хочешь выдать на убійство». Юрій послушалъ ихъ и отправилъ Ивана назадъ въ Суздаль окованнаго. Изяславъ, узнавъ, что Юрій послалъ назадъ въ Суздаль Ивана Берладника, послалъ наперехватъ людей своихъ и, взявъ его, увелъ къ себѣ въ Черниговъ. Такимъ образомъ Богъ избавилъ Ивана отъ такой великой нужды.

1158 годъ.

Изяславъ Давидовичъ началъ замышлять войну противъ Юрія; онъ заключилъ союзъ съ Ростиславомъ Мстиславичемъ и Мстиславомъ Изяславичемъ и подговаривалъ Святослава Ольговича вмѣстѣ съ нимъ возстать на Юрія. Святославъ отвѣчалъ: «я цѣловалъ къ нему крестъ и не могу подняться на него безъ его вины». И отказался Святославъ дѣйствовать заодно съ Изяславомъ.—Изяславъ съ Ростиславомъ и Мстиславомъ условились выступить въ походъ на Юрія. Ростиславъ отпустилъ съ своимъ полкомъ сына Романа,

а Мстиславъ выступилъ изъ Владиміра.—Изяславъ хотѣлъ выступить къ Кіеву, и въ тотъ день пріѣхали къ нему Кіевляне и сказали: «князь, пріѣзжай въ Кіевъ, а Юрій уже умеръ».—Прослезился Изяславъ и, воздѣвъ руки къ Богу, сказалъ: «благословенъ ты Господь за то, что ты разсудилъ меня съ Юріемъ смертію, а не кровопролитіемъ». Юрій пировалъ у *осменика* ?, Петрила, въ тотъ день къ ночи сдѣлался боленъ и болѣзнь его продолжалась пять дней. Юрій Владиміровичъ, кіевскій князь, скончался мая 15, въ середу на ночь, а на другой день, въ четвергъ, его похоронили въ монастырѣ Святаго Спаса.—И много худаго совершилось въ тотъ день. Разграбили дворъ Юрія Красный и другой дворъ его за Днѣпромъ,—самъ Юрій звалъ его раемъ, и сына его Василька дворъ въ городѣ также разграбили. Суздальцевъ избивали по городамъ и селамъ и имущество ихъ отнимали.

Начало княженія Изяслава въ Кіевѣ. Изяславъ Давидовичъ вошелъ въ Кіевъ мая 19-го въ воскресенье Троицкой недѣли; племянника своего Святослава Владиміровича онъ оставилъ въ Черниговѣ со всѣмъ его полкомъ. Святославъ Ольговичъ съ Святославомъ Всеволодовичемъ пріѣхали къ Чернигову, но Святославъ Владиміровичъ не пустилъ ихъ въ городъ и сталъ съ ними сражаться. Видя то, Святославъ Ольговичъ и племянникъ его Святославъ Всеволодовичъ отошли отъ города. Изяславъ пришелъ изъ Кіева съ своими полками: съ нимъ Мстиславъ Изяславичъ и Святославъ Владиміровичъ. Рѣка раздѣляла оба войска. Князья начали ссылаться, помирились другъ съ другомъ и цѣловали между собою крестъ. Черниговъ отданъ Святославу Ольговичу, а Святославу Всеволодовичу—Новгородъ; Изяславъ отправился въ Кіевъ съ женою, дѣтьми и всею дружиною и всѣмъ имуществомъ. И такъ разъѣхались. Въ этомъ же году Изяславъ отправился къ Каневу на съѣздъ съ Половцами, заключилъ съ ними миръ и возвратился въ Кіевъ.—Въ этомъ же году всѣ Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы взяли старшаго сына Юрьева, Андрея, и посадили его на отцовскомъ престолѣ въ Ростовѣ, Суздалѣ и Владимірѣ: его, Андрея, очень любили за многія его добродѣтели, за любовь его къ Богу и ко всѣмъ ему подвластнымъ. А потому и по смерти своего отца онъ помянулъ его достойнымъ образомъ: украсилъ церкви, поставилъ монастыри и довершилъ каменный храмъ Святаго Спаса, заложенный прежде его отцомъ. Князь Андрей самъ во Владимірѣ заложилъ каменную церковь Св. Богородицы апрѣля 8-го, во вторникъ, на день Святаго апостола Родіона; онъ ей пожертвовалъ

много имѣнія, и *Слободы*, купленыхъ и съ данями, и лучшія села, и десятину изъ своихъ стадъ, и десятую часть со всего на торгу. Онъ совершилъ церковь въ пять верховъ и всѣ верхи украсилъ золотомъ и сдѣлалъ въ ней епископію Онъ разширилъ укрѣпленія города Владиміра Въ этомъ же году пришелъ въ Ростовъ Леонъ на епископство. Новгородцы прогнали Мстислава Юрьевича, а Святослава Ростиславича посадили въ Новгородѣ. Скончалась Софія Ярославна, жена Ростислава Глѣбовича.—Изяславъ отправился къ Турову противъ *Ярославича*; съ нимъ пошли Ярославъ изъ Луцка, Ярополкъ Андреевичъ, галицкій вспомогательный отрядъ, Рюрикъ Ростиславичъ съ Смольянами и Владиміръ Мстиславичъ. Для него хотѣли завоевать Туровъ. И Полочане (жители Полоцка и его области , прійдя къ Турову, предали огню села около его, а Берендичи опустошали окрестности Пинска и по ту сторону Припети. Осажденные также дѣлали вылазки и сражались храбро и много было раненыхъ. Юрій Ярославичъ присылалъ изъ города къ Изяславу и умолялъ его: «братъ, прійми меня къ себѣ въ любовь». Изяславъ же того не захотѣлъ, но во всякомъ случаѣ хотѣлъ отнять у Ярославича Туровъ и Пинскъ. Стояли около города десять недѣль; сдѣлался моръ на лошадей, и такъ безо всякаго успѣха воротились домой, не заключивъ съ Ярославичемъ мира, и многіе вернулись съ войны пѣшими.—Скончалась блаженая княгиня вдова Глѣба Всеславича и дочь Ярополка Изяславича; послѣ смерти своего мужа, она оставалась вдовою 40 лѣтъ, а всего прожила 84 года. Она положена въ Печерскомъ монастырѣ, въ гробѣ съ княземъ (съ мужемъ), въ головахъ у Св. Ѳеодосія. Умерла она февраля 3-го, во второмъ часу почи, и 4-го положена во гробъ. Эта блаженная княгиня и мужъ ея обнаруживали великую любовь къ Святой Богородицѣ и отцу Ѳеодосію, слѣдуя въ этомъ примѣру своего отца Ярополка. А Ярополкъ отдалъ въ монастырь все, чѣмъ владѣлъ: волости Невльскую, Деревьскую и Луцкую и около Кіева; а Глѣбъ, еще при жизни своей, пожертвовалъ въ монастырь съ своею женою 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота; а по смерти мужа княгиня пожертвовала 100 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота, а по смерти княгиня оставила монастырю пять селъ съ прислугою и все, даже до своихъ головныхъ уборовъ.

1159 годъ.

Втораго мая скончался князь Борисъ Юрьевичъ; братья его положили въ церквѣ Св. мученикъ Бориса и Гѣба, построенной от-

цомъ его Юріемъ на Нерли въ Кидекши, гдѣ находилось *становище* (лагерь?) Святыхъ мучениковъ.—Ростовцы и Суздальцы выгнали епископа Леона за то, что онъ грабилъ поповъ и тѣмъ увеличилъ число церквей.—Рогволодъ Борисовичъ пошелъ отъ Святослава Ольговича искать себѣ владѣнія, взявъ съ собою полкъ Святослава, такъ какъ его, Рогволода, братья поступили съ нимъ немилостиво, захватили его владѣнія и все его имущество. Рогволодъ пріѣхалъ къ Слуцку и началъ посылать къ Дрьючанамъ. Жители Дрьютеска ему обрадовались, пріѣзжали къ нему и звали его къ себѣ, говоря: «поѣдемъ, князь, не медли, мы рады тебѣ; хотя бы и съ дѣтьми пришлось за тебя сражаться, будемъ».—На встрѣчу ему выѣхало болѣе 300 человѣкъ Дрьючанъ и Полочанъ, и Рогволодъ въѣхалъ въ городъ съ великою честью, и жители были очень рады; а Глѣба Ростиславича выгнали и дворъ его разграбили и дружину ограбили. Глѣбъ воротился къ отцу. Сильный мятежъ произошелъ и въ самомъ Полоцкѣ; многіе хотѣли Рогволода. Съ трудомъ Ростиславъ уговорилъ гражданъ, и одаривъ ихъ множествомъ даровъ, привелъ ихъ къ присягѣ, а самъ съ Всеволодомъ, Володаремъ и со всѣми братьями выступилъ на Рогволода къ Дрьютеску. Рогволодъ заперся въ городѣ, произошелъ упорный бой и много пало и съ той и съ другой стороны. Дрьючане сильно ругали противниковъ. Наконецъ Ростиславъ заключилъ миръ съ Рогволодомъ, и дали они другъ другу клятву. Ростиславъ прибавилъ Рогволоду владѣній и воротился съ братіею домой.—Полочане замыслили злой умыселъ противъ своего князя Ростислава Глѣбовича и нарушили тѣмъ данную ему присягу, а присягали на томъ, что «ты намъ князь, и дай Богъ намъ съ тобою пожить, не умышлять на тебя ничего дурнаго». Такъ нарушивъ данное ими обѣщаніе, жители Полоцка послали тайно къ Рогволоду Борисовичу въ Дрьютескъ сказать ему: «князь нашъ, согрѣшили мы и передъ Богомъ и передъ тобою въ томъ, что мы безвинно на тебя возстали, разграбили все имущество твое и твоей дружины, да и самого, захвативъ, выдали Глѣбовичамъ на великое мученіе. Если ты не будешь вспоминать о всемъ прошломъ, что сдѣлали мы въ нашемъ безумствѣ, и дашь намъ присягу, то мы твои люди, а ты нашъ князь. Ростислава мы возьмемъ и отдадимъ въ твои руки, и ты поступи съ нимъ какъ хочешь».—Рогволодъ далъ клятву посланнымъ Полочанамъ, что онъ не будетъ вовсе помнить сдѣланнаго ему зла, и отпустилъ ихъ домой. Но и у Ростислава были пріятели изъ жителей Полоцка, и они передали ему, что его хотятъ

схватить. На Петровъ день стали звать Ростислава обманомъ въ *братьщину* къ храму Святой Богородицы къ старому, съ тѣмъ, чтобы его, князя, задержать. Онъ поѣхалъ, но подъ платье надѣлъ броню, и потому не осмѣлились его коснуться. На другой день стали звать его къ себѣ и говорить: «князь, пріѣзжай къ намъ; намъ нужно съ тобою поговорить. Пріѣзжай къ намъ въ городъ». А князь находился въ то время на Бѣльчици. Ростиславъ сказалъ посланнымъ: «вчера я былъ у васъ; почему же вы не говорили, какая вамъ до меня надобность»? Но, не подозрѣвая ничего дурнаго, онъ поѣхалъ къ нимъ въ городъ. На встрѣчу ему изъ города прискакалъ его *дѣтскій* и сказалъ ему: «не ѣзди князь; въ городѣ собралось на тебя вѣче, твою дружину избиваютъ, а тебя хотятъ схватить». Ростиславъ вернулся назадъ и, собравъ всю свою дружину на Бѣльчици, пошелъ съ полкомъ къ брату Володарю въ Минскъ и много вреда сдѣлалъ онъ землѣ Полоцкой, забравъ стада скота и челяди (дворовыхъ, работниковъ). Жители Полоцка послали въ Дрьютескъ за Рогволодомъ, и тотъ вошелъ въ Полоцкъ въ іюлѣ мѣсяцѣ и съ великою честью сѣлъ на престолѣ своего отца и дѣда, а Полочане были тому очень рады. Затѣмъ Рогволодъ собралъ многочисленное войско изъ жителей Полоцкой области; Ростиславъ Мстиславичъ отпустилъ ему на помощь двухъ сыновей—Романа и Рюрика, и съ ними Вишзда и воиновъ изъ Смоленской, Новгородской и Псковской области. Онъ и самъ было пошелъ, но его воротилъ Аркадъ, епископъ новгородскій, шедшій изъ Кіева. Всѣ эти силы двинулись на Ростислава къ Минску и сначала пришли къ Изяславлю на Всеволода. Тотъ заперся въ Изяславлѣ; городъ осажденъ. Всеволодъ очень любилъ Рогволода и, въ надеждѣ на его распоряженіе, пріѣхалъ къ Рогволоду поклониться. Рогволодъ отдалъ Изяславль Брячиславу, такъ какъ онъ былъ владѣніемъ его отца, а Всеволоду далъ Стрѣжевъ. Оттуда двинулся къ Минску, у Минска стоялъ 10 дней, заключилъ миръ съ Ростиславомъ, скрѣпленный клятвою, и потомъ вернулся домой, а Володарь въ этомъ договорѣ не участвовалъ, потому что онъ ходилъ подъ Литвою въ лѣсахъ.

Ярославъ Галицкій рѣшился добыть Ивана Ростиславича, сына дяди; онъ подговорилъ рускихъ князей, короля и польскихъ князей, чтобы они были ему помощниками на Ивана, и тѣ всѣ обѣщались. Они отправили пословъ въ Кіевъ къ Изяславу Давидовичу: Ярославъ Галицкій—Избыгнѣва, Святославъ Ольговичъ—Жирослава Иванковича, Ростиславъ Мстиславичъ и Мстиславъ Изяславичъ—

Ярослава Васильевича. Ярославъ Изяславичъ—Онуфрія, Владиміръ Андреевичъ—Гаврила Васильевича, Святославъ Всеволодовичъ—Кіевлянина, король—своего человѣка, и отъ Поляковъ былъ посланный. Изяславъ переспорилъ ихъ всѣхъ, и давъ имъ отвѣтъ, отпустилъ ихъ. Иванъ, испугавшись, отправился въ степь къ Половцамъ, пришелъ съ ними и остановился въ Подунайскихъ городахъ; тутъ онъ захватилъ два корабля, избилъ находившихся на нихъ людей, захватилъ много товаровъ и дѣлалъ вредъ рыбаловамъ галицкимъ. Къ нему пришло много Половцевъ и собралось 6000 *берладниковъ*; онъ пошелъ къ Кучелмину; тамъ его приняли съ радостью; оттуда пошелъ къ Ушицѣ. Но вооруженный отрядъ Ярослава вошелъ туда ранѣе; осажденные стали сильно обороняться изъ города, а простые люди (*смерды*) черезъ стѣны бросились къ Ивану, и перебѣжало ихъ триста человѣкъ. Половцы хотѣли взять городъ, но Иванъ имъ не дозволилъ этого, и Половцы разсердились на него и ушли. Изяславъ послалъ за Иваномъ и привелъ его въ Кіевъ.—Изяславъ, узнавъ, что на него собираются идти войною за Ивана: Ярославъ, Мстиславъ, Владиміръ Андреевичъ, послалъ къ брату Святославу въ Черниговъ Глѣба Ракомича; онъ давалъ ему Мозырь и Чичерескъ и извѣщалъ, что противъ него собираются идти войною. Святославъ сказалъ: «дѣйствительно, братъ, сердился я на тебя за то, что ты мнѣ Черниговскую область отдалъ не вполнѣ, но зла я тебѣ не желалъ. И если это такъ, что собираются на тебя войною, то сохрани Господи мнѣ съ тобою считаться владѣніями; ты мнѣ братъ,—дай мнѣ Богъ пожить съ тобою въ добромъ согласіи». Такъ они цѣловали между собою крестъ *на всей любви*. Тогда съѣхались въ Лутавѣ: Изяславъ, Святославъ Ольговичъ и сынъ его Олегъ, Игорь и Святославъ Всеволодовичъ и Владиміровичъ; въ теченіи трехъ дней осыпали они другъ друга знаками расположенія и значительными дарами. Тогда же отправили они пословъ въ Галичъ и Владиміръ, давая знать о томъ, что они въ тѣсномъ союзѣ, скрѣпленномъ клятвою на крестѣ. Узнавъ объ этомъ, тѣ не пошли въ походъ. — Въ этомъ году Изяславъ Давидовичъ началъ войну на Ярослава Галицкаго, ища владѣній Ивану Ростиславичу, называемому Берладнику Къ нему присылали Галичане, убѣждая садиться на коня, и тутъ же они звали его къ себѣ и говорили: «какъ только увидимъ твои знамена, то Ярослава оставимъ».—А къ Изяславу приходили вѣсти изъ Владиміра, что хотятъ, соединясь, идти на него къ Кіеву. Онъ послалъ къ братьямъ Святославу Ольговичу и Святославу Всеволодовичу и при-

казывалъ имъ идти съ нимъ на Галичъ, увѣдомляя и о томъ, что на него собираются идти къ Кіеву. Святославъ Ольговичъ не разъ посылалъ къ Изяславу сказать: «братъ, для кого ты домогаешься владѣній: для брата ли, или для сына? Лучше будетъ для тебя не начинать первому. А что ты говоришь, что они на тебя собираются идти, то пускай прійдутъ на тебя съ похвальбою, а съ тобою будутъ—Богъ, и я, и мои племянники». Изяславъ не послушалъ брата и пошелъ изъ Кіева. Святославъ послалъ вслѣдъ за нимъ Юрія Ивановича, Шакушанева брата. Тотъ нагналъ Изяслава въ Василевѣ и сталъ ему говорить: «не совѣтуетъ тебѣ братъ начинать войны и во всякомъ случаѣ велитъ тебѣ воротиться». Изяславъ съ досадою отвѣчалъ ему: «братъ, до будетъ тебѣ извѣстно, что я ни въ какомъ случаѣ не ворочусь,—разъ уже я пошелъ; но и то, Юрій, скажи брату Святославу: если ты самъ не пойдешь и сына не отпустишь, то если Богъ мнѣ дастъ успѣхъ въ Галичѣ, тогда ты не жалуйся на меня, если начнешь перебираться изъ Чернигова въ Новгородъ». Сильно огорчился Святославъ этими словами, когда ему ихъ передалъ Георгій, и сказалъ Святославъ: «Господь, посмотри на мое смиреніе, сколько я на себя уступалъ, не желая пролитія христіанской крови и губить отечество; я взялъ Черниговъ съ семью пустыми городами: Моровійскъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, а въ нихъ живутъ только псари и Половцы. Всю Черниговскую область держатъ подъ своею властью онъ и его племянникъ; но и того ему мало, а велитъ мнѣ уходить даже изъ Чернигова, а клялся мнѣ, что не будетъ имѣть никогда никакихъ притязаній на Черниговъ. Пусть же разсудятъ все это Богъ и крестъ честной, данную на которомъ клятву ты нарушаешь; а я, братъ, не зла желалъ тебѣ, удерживая тебя отъ похода, но добра и спокойствія для земли Русской». Изяславъ, дойдя до Мупарева, дожидался тутъ своего племянника, а онъ послалъ его на встрѣчу дикихъ Половцевъ, веля имъ ѣхать за собою поскорѣе. Пришла вѣсть къ Изяславу, что Мстиславъ, Владиміръ, Ярославъ и Галичане идутъ къ Кіеву. Онъ находился у Василева, и тутъ нагналъ его племянникъ Святославъ съ большимъ числомъ Половцевъ; оттуда пошелъ къ Бѣлугороду и остановился на кіевской дорогѣ. А Мстиславъ съ братьями вошелъ въ Бѣлгородъ; начали сражаться храбро, пріѣзжая къ городу, а тѣ, изъ города дѣлая вылазки, сражались храбро. Изяславу къ Бѣлгороду пришло еще большее подкрѣпленіе, такъ какъ къ нему пришелъ съ двадцатью тысячами Половцевъ Башкордъ, вотчимъ Святослава Владиміровича:

мать его ушла въ землю Половецкую и тамъ вышла за Башкорда. Изяславъ вывелъ свои полки и вызывалъ непріятеля изъ города; но онъ не вышелъ и 12 дней находился въ городѣ. Среди Берендѣевъ былъ обманъ; подъѣзжая къ городу, они дѣлали тотъ видъ, будто сражались, а въ самомъ дѣлѣ сносились съ осажденными. Во главѣ того умысла были Тудоръ Сатмазовичъ, Каракозъ Мнюзовичъ и Карась Кокѣй. Они, отправляясь за фуражемъ, захватили Кузьму Сновидовича съ малолѣтнимъ сыномъ; этого мальчика послали ночью, *написали ему свое знаменіе* и сказали: «ступай въ Бѣлгородъ къ Мстиславу и скажи ему такъ: въ насъ для тебя, князь, и добро и лихо. Если ты хочешь насъ любить, какъ любилъ насъ твой отецъ, и дать намъ по хорошему городу, то мы на такомъ условіи оставимъ Изяслава». Мстиславъ обрадовался такимъ словамъ и послалъ къ нимъ въ ту же ночь и съ тѣмъ же мальчикомъ Ольбыря Шерошевича и согласился на всѣ ихъ условія, что и подтвердилъ клятвою. Въ полночь Торки и Берендѣи съ громкими криками поѣхали къ Бѣлгороду. Изяславъ понялъ ихъ обманъ и, сѣвъ на коня, поскакалъ до ихъ лагеря, и увидавъ, что лагерь горитъ, воротился назадъ. Онъ взялъ съ собою своего племянника Святослава Владиміровича и Владиміра Мстиславича, и бѣжали на Вышгородъ къ Гомелю; въ Гомелѣ Изяславъ дожидался своей жены. Она ушла въ Переяславль къ зятю Глѣбу, а оттуда поѣхала на Городокъ, Глѣбль, Хороборъ и Ропескъ. Ярославъ Всеволодовичъ въ Ропескѣ утѣшилъ ее и, оказавъ ей должную почесть въ Ропескѣ, проводилъ ее въ Гомель къ Изяславу. Тотъ съ женою своею отправился изъ Гомеля въ землю Вятичей и дорогою разграбилъ городъ жены Святослава. Оттуда онъ пошелъ въ землю Вятичей и запялъ ее всю за то, что Святославъ не пошелъ за нимъ и сына не пустилъ. Святославъ, узнавъ, что *обловь* взята и земля Вятичей захвачена, началъ доискиваться имущества Изяславовыхъ бояръ, и женъ ихъ захватилъ и бралъ съ нихъ выкупъ. Половцы бѣжали отъ Бѣлгорода на Гюргевъ; многихъ ихъ захватили Берендѣи и Юрьевцы, а которые потонули въ Роси. Мстиславъ, Владиміръ и Ярославъ вошли въ Кіевъ декабря 22-го. Мстиславъ захватилъ множество имущества дружины Изяслава: золота, серебра, прислуги, лошадей и скота, и все отправилъ во Владиміръ. Мстиславъ, Владиміръ и Ярославъ послали за Ростиславомъ въ Смоленскъ; они звали его въ Кіевъ, потому что прежде дали ему клятвенное обѣщаніе, что «мы-де ищемъ его тебѣ». Ростиславъ послалъ къ нимъ Ивана Ручечника и Якуна, одного отъ Смольянъ,

а другаго отъ Новгородцевъ, сказать имъ: «если вы меня зовете въ правду съ любовію, то я пойду въ Кіевъ *на свою волю*, съ тѣмъ, чтобы вы имѣли меня отцомъ въ правду и слушались меня; да объявляю вамъ то: не хочу видѣть Клима митрополитомъ,—онъ не взялъ благословенія отъ Святой Софіи и патріарха». Мстиславъ стоялъ сильно за Клима и говорилъ такъ: «не будетъ и Константинъ на митрополіи, такъ какъ онъ проклиналъ моего отца». Тяжело приходилось спорить Ивану, и онъ пошелъ къ своему князю. По возвращеніи въ Смоленскъ, онъ передалъ ему все, что было говорено. Ростиславъ послалъ старшаго своего сына Романа въ Кіевъ. Мстиславъ встрѣтилъ его въ Вышгородѣ. Тутъ произошелъ между ними споръ: Ростиславъ не хотѣлъ митрополитомъ Клима, а Мстиславъ — Константина, хотя онъ получилъ посвященіе отъ патріарха и великаго собора Константинопольскаго. Долго они спорили и упорно стояли на своемъ; потомъ положили: ни тому, ни другому не быть митрополитомъ, а обязались клятвою другаго митрополита привесть изъ Константинополя.

1160 годъ.

Начало княженія въ Кіевѣ Ростислава Мстиславича. Ростиславъ, сынъ Мстислава, поѣхалъ изъ Смоленска въ Кіевъ. Онъ въѣхалъ въ Кіевъ апрѣля 12, въ воскресеніе (тогда случился праздникъ Святой Пасхи). Его встрѣтили всѣ граждане и множество народа и приняли его съ должною почестью. И сѣлъ на престолѣ дѣда своего и отца благовѣрный князь Ростиславъ, и людямъ была двойная радость: и воскресеніе Господне, и прибытіе князя. Въ этомъ же году Ростиславъ увидѣлся съ Святославомъ Ольговичемъ въ Моровійскѣ мая 1-го дня; при свиданіи они осыпали другъ друга знаками взаимнаго расположенія. Ростиславъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ Святослава, и тотъ поѣхалъ къ нему безъ всякой отговорки. Весело провели они этотъ день и помѣнялись дарами: Ростиславъ далъ Святославу мѣха соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, бѣлыхъ волковъ и рыбьи зубы. На другой день Святославъ позвалъ къ себѣ обѣдать Ростислава; веселились они еще болѣе, чѣмъ накануне. Святославъ подарилъ Ростиславу пардуса и два рѣзвыхъ коня съ коваными сѣдлами. Затѣмъ они разошлись по домамъ.—Въ этомъ же году Юрій Ярославичъ сдѣлалъ набѣгъ изъ Турова къ Путивлю... Жители Выря заперлись и не пустили его къ себѣ; а онъ, воротясь оттуда, отправился въ Зартыи, и пробывъ тутъ, вернулся назадъ въ Вырь.

Олегъ Святославичъ избилъ Половцевъ и умертвилъ Сантуза, половецкаго князя. Въ этомъ же году Ростиславъ послалъ изъ Кіева Юрія Нестеровича и Якуна на судахъ противъ Берладниковъ, такъ какъ они заняли Олешье; ихъ настигли у Дциня, избили ихъ и взяли много добычи.—Владиміръ Андреевичъ, Ярославъ Изяславичъ и Галичане избили Половцевъ между Мунаревымъ и Ярополчемъ и много отбили плѣнныхъ, захваченныхъ было Половцами; тогда же и Берендичей избили въ облазнѣ.

Рогволодъ съ жителями Полоцка ходилъ на Ростислава Глѣбовича къ Минску. Ростиславъ послалъ изъ Кіева на помощь Рогволоду съ Жирославомъ Нажировичемъ 600 Торковъ; тѣ, умирая отъ голоду, пѣшіе (потерявъ коней) вернулись, а мира не дождались. Рогволодъ стоялъ около города шесть недѣль и заключилъ миръ съ Ростиславомъ по своей волѣ; онъ выручилъ Володшю изъ темницы, а Брячислава изъ оковъ, и князья заключили между собою клятвенный договоръ.

Множество Половцевъ пришло къ Изяславу Давидовичу къ Вырю. Изяславъ двинулся къ Чернигову со всею силою половецкою на Святослава Ольговича; онъ остановился съ своими воинами подлѣ Десны по Крырову до самаго устья, а внизъ до Стояничъ. У Святослава Ольговича были тогда и Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ. Ростиславъ взялъ у Святослава сына его, Всеволода, для большей увѣренности Кіевлянъ и Берендѣевъ, которые, сознавая свою вину, все еще не довѣряли. Упорно сражались съ непріятелями черезъ рѣку Десну: одни ѣздили на коняхъ, а другіе на судахъ, но черезъ рѣку ихъ не пустили. Стоя тутъ, они надѣлали много вреда: пожгли села, ограбили жителей. Оба Святослава послали къ Ростиславу, прося еще у него помощи. Ростиславъ послалъ къ нимъ Ярослава Изяславича, Владиміра Андреевича и вспомогательный отрядъ Галичанъ. Изяславъ съ Половцами вернулись въ степь. Оба Святослава и Рюрикъ, пріѣдя и не найдя его, перешли, преслѣдуя его, за Десну и, сдѣлавъ день пути, не нашли его и вернулись домой. Изяславъ Давидовичъ дошелъ до Игорева броду и тутъ настигло его извѣстіе изъ Чернигова отъ его пріятелей; ему говорили: «князь, не ѣзди никуда; твой братъ Святославъ боленъ, племянникъ его поѣхалъ въ Новгородъ, а дружину свою распустилъ». Святославъ дѣйствительно былъ въ то время нездоровъ. Изяславъ, поскорѣе сговорившись съ дружиною, взялъ своихъ союзниковъ и поѣхалъ поспѣшно къ Чернигову. Святославъ не зналъ о набѣгѣ Изяслава и стоялъ передъ городомъ въ обозѣ

лагеремъ?) съ княгинею и дѣтьми. Въ то время было воскресеніе. Изяславъ пріѣхалъ къ Деснѣ напротивъ Свѣнковичей; къ зарѣ переправилъ онъ полки свои черезъ Десну и пустилъ ихъ опустошать; онъ и самъ перебрался черезъ Десну. Святославъ получилъ извѣстіе, что Изяславъ переходитъ Десну въ бродъ, а Половцы опустошаютъ и зажгли сельцо Святаго Спаса. Святославъ поскорѣе изготовилъ свои полки, а за Владиміромъ Андреевичемъ и Рюрикомъ послалъ поскорѣе. Владиміръ въ тотъ же день пришелъ съ своимъ полкомъ и съ кіевскимъ и Тудоръ Ельичъ съ галицкимъ вспомогательнымъ отрядомъ пришелъ также поспѣшно. Владиміръ всѣ полки привелъ къ Святославу. Святославъ остановился и, приготовивъ всѣ полки, ждалъ Изяслава; онъ былъ убѣжденъ, что тотъ пойдетъ на него, такъ какъ онъ ужь прежде положилъ. Отобравъ воиновъ помоложе, пустилъ на Половцевъ съ Берендичами и Коспичами, и тѣ съ Божіею помощью, достигнувъ ихъ, начали бить; многихъ избили, а другихъ руками побрали и отняли всѣхъ, кого было Половцы забрали въ плѣнъ. Изяславъ, увидавъ, что Половцы бѣгутъ пораженные, а иные тонутъ въ Деснѣ, сталъ ихъ спрашивать: что это значитъ? Тѣ сказали ему: «видѣли мы множество полковъ, стоящихъ у города». Изяславъ самъ испугался и уѣхалъ назадъ за Десну, а когда наступила ночь, то онъ, подъ ея покровомъ, удалился къ Вырю. Владиміръ просился у Изяслава ѣхать вслѣдъ за нимъ: Святославъ пустилъ его впередъ, а самъ пошелъ за нимъ со всѣми силами. Прійдя къ Вырю, онъ сжегъ *острогъ* (деревянную стѣну изъ кольевъ) около города, а въ немъ заперся съ женою Изяслава Иванъ Ростиславичъ, а самъ Изяславъ удалился въ степь. Постояли тутъ, потомъ пошли къ Зарытому, и тутъ опустошивъ огнемъ и надѣлавъ много вреда, вернулись домой. Къ Изяславу пришло много Половцевъ, и онъ пошелъ съ ними къ Воробеинѣ и Росусѣ, и тамъ опустошивъ, отправился къ своему племяннику во Вщижь.—Въ ту же зиму Изяславъ выступилъ въ Смоленскую область и опустошалъ ее. Много зла надѣлали тамъ Половцы: плѣнныхъ забрали болѣе десяти тысячъ, а многихъ умертвили. Оттуда Изяславъ послалъ къ Андрею Юрьевичу и выпросилъ у него дочь за своего племянника Святослава, а также и вспоможеніе. Андрей послалъ своего сына Изяслава со всѣмъ своимъ полкомъ, и съ нимъ вспомогательный муромскій отрядъ; а рускіе князья пришли было на Святослава Владиміровича и обступили его во Вщижи. Тотъ бился съ ними изъ города, ожидая дядю своего Изяслава съ помощью и вспоможенія отъ тестя своего

Андрея. Оба Святослава, Ольговичъ и Всеволодовичъ, и Рюрикъ, и другіе князя, слыша, что идетъ Изяславъ Андреевичъ съ великою силою ростовскою, испугались, помирились и пошли назадъ. Изяславъ Давидовичъ и Изяславъ Андреевичъ, услыхавъ, что тѣ вернулись, пошли: Изяславъ Давидовичъ въ землю Вятичей, а Изяславъ Андреевичъ вернулся къ отцу своему Андрею въ Ростовъ и оттуда отправился въ землю Вятичей. Въ это же время на Волокѣ имѣли они свиданіе съ Андреемъ Юрьевичемъ; тогда же Андрееву дочь привели замужъ за Святослава Владиміровича во Вщижь.—Въ этомъ-то году ходилъ Святославъ Ольговичъ ко Вщижу на Святослава Владиміровича; съ ними ходили оба Всеволодовича, Рюрикъ съ кіевскимъ полкомъ, Олегъ Святославичъ, Романъ изъ Смоленска, Всеславъ изъ Полоцка, Коснятинъ Сѣрославичъ съ Галичанами; стояли около города (Вщижа) пять недѣль и заключили миръ съ Святославомъ Владиміровичемъ. Онъ цѣловалъ крестъ къ Святославу на томъ, что будетъ имѣть его вмѣсто отца и ходить во всей его волѣ. Затѣмъ разошлись по домамъ.

Андрей свидѣлся съ Изяславомъ на Волокѣ и послалъ къ Новгородцамъ сказать: «да будетъ вамъ извѣстно, что я хочу, такъ ли, сякъ ли, дурно ли, хорошо ли, а добыть Новгородъ. Давайте дадимъ клятву другъ другу, что вы будете имѣть меня княземъ, а я буду вамъ добра желать». Съ тѣхъ поръ начали Новгородцы волноваться и часто собираться на вѣче.—Въ эту же зиму ходили Мстиславъ Изяславичъ и Ярославъ, братъ его Ярополкъ, Владиміръ Андреевичъ съ братомъ Ярополкомъ къ Турову на Юрія Ярославича, стояли двѣ недѣли съ половиною и безо всякаго успѣха вернулись назадъ.

1161 годъ.

Новгородцы собрали *вѣче* и послали къ своему князю Святославу Ростиславичу сказать ему: «не можемъ мы держать двухъ князей; пошли и выведи твоего брата Давида изъ Новаго Торжка». Святославъ, не желая раздражать Новгородцевъ, вывелъ брата и отпустилъ его въ Смоленскъ къ Роману. Но злоба Новгородцевъ тѣмъ не ограничилась, а задумали они еще большее зло. Переждавъ немного времени, они сдѣлали *вѣче* на Святослава, нарушивъ клятву, данную Ростиславу и его сыну Святославу. Князь находился на Городищѣ у Святаго Благовѣщенія. Прискакалъ къ нему гонецъ и сказалъ: «князь, великое зло совершается въ городѣ,—граждане хотятъ схватить тебя». Святославъ сказалъ: «какое

я имъ зло сдѣлалъ, что меня хотятъ схватить? Вѣдь они отцу моему дали клятву, чтобы меня имѣть себѣ княземъ пока я живъ, а вчера всѣ цѣловали ко мнѣ образъ Святой Богородицы». Такъ онъ говорилъ, и вотъ пришло множество народа (гражданъ) и, взявъ князя, заперли въ теплушку, а княгиню отправили въ монастырь; дружину его заключили въ оковы, имущество князя и дружины его разграбили и потомъ отправили князя въ Ладогу, приставивъ къ нему множество сторожей. Къ Ростиславу въ Кіевъ пришло извѣстіе, что сынъ его взятъ въ Новѣ-Городѣ. Онъ приказалъ схватить Новгородцевъ и побрасать ихъ въ Пересѣченскую тюрьму (*поруб*), и въ одну ночь умерло ихъ 14 человѣкъ. Ростиславу сказали, что они задохлись въ тюрьмѣ; онъ очень былъ огорченъ тѣмъ, велѣлъ Новгородцевъ освободить и развесть ихъ по городамъ. Новгородцы послали въ Суздаль къ Андрею Юрьевичу и просили у него сына княжить въ Новгородъ. Онъ не далъ имъ сына, но сталъ давать брата Мстислава. Новгородцы не захотѣли его,— онъ прежде княжилъ у нихъ, и Андрей отпустилъ къ нимъ своего племянника Мстислава Ростиславича. — Святослава (Ростиславича) избавили изъ неволи Богъ и сила честнаго креста, и онъ отправился на Полоцкъ. Рогволодъ изъ Полоцка проводилъ его до Смоленска. — Въ этомъ же году во Владимірѣ каменная церковь Святой Богородицы довершена боголюбивымъ княземъ Андреемъ. Чудно онъ ее украсилъ различными иконами, безъ счету драгоцѣнными каменьями, сосудами церковными и верхи позолотилъ; по его вѣрѣ и заслугѣ къ Святой Богородицѣ, привелъ къ нему Богъ мастеровъ изо всѣхъ земель, и украсилъ онъ ее болѣе всѣхъ другихъ церквей. — Въ этомъ же году сгорѣлъ Ростовъ и всѣ церкви и чудная соборная великая церковь Святой Богородицы, какой не было и никогда не будетъ. Въ томъ же году ходилъ Рогволодъ къ Минску на Ростислава Глѣбовича, заключилъ съ нимъ миръ и вернулся домой.—Въ этомъ же году, августа 20, было явленіе въ лунѣ, такъ что она почти вся было исчезла.

Ростиславъ послалъ Святославу сказать: «пусти ко мнѣ твоего юнаго сына Олега; пусть ознакомится съ лучшими Кіевлянами, и съ Берендѣями и Торками». Святославъ безо всякаго сомнѣнія отпустилъ своего сына. Олегъ пришелъ, остановился въ Ольжичѣ и послалъ къ Ростиславу сказать: «братъ, гдѣ велишь мнѣ остановиться»? — Ростиславъ велѣлъ ему стать у Ольговой (могилы), а самъ стоялъ у Шелвова сельца, подъ сосновою рощицею. Въ теченіи двухъ дней бывалъ онъ у него на обѣдѣ, а на третій день,

когда Олегъ ѣхалъ изъ лагеря на *попздьство*, встрѣтилъ его Ростиславовъ слуга и сказалъ: «князь, у меня къ тебѣ есть важное дѣло, и дай мнѣ слово, что ты никому не объявишь». Олегъ обѣщался, и тогда слуга Ростиславовъ сказалъ ему: «князь, правду тебѣ говорю, берегись, — тебя хотятъ схватить». Олегъ, взявъ себѣ предлогомъ болѣзнь матери, сталъ проситься у Ростислава къ отцу въ Черниговъ. Ростиславъ не хотѣлъ его отпустить по расположенію къ нему и ничего злаго не питалъ на него въ сердцѣ; но надѣлали это злые люди, не желая видѣть добра между князьями. Ростиславъ отпустилъ Олега къ отцу. Олегъ, пріѣдя къ Чернигову, не объявилъ ничего отцу, но сердясь на него въ душѣ, сталъ проситься въ Курскъ. Святославъ, ничего не зная, отпустилъ Олега въ Курскъ. Тутъ его настигли послы Изяслава *съ любовью и съ любовною рѣчью*. Олегъ объявилъ людямъ своимъ Изяславову рѣчь; а уже и Всеволодовичи сошлись по любви съ Изяславомъ. Олеговы люди сказали: «князь, а хорошо ли для тебя то, что тебя хотѣли въ Кіевѣ схватить, а Черниговымъ, собственностью твоего отца, хотятъ распорядиться по своему? Теперь и ты, и отецъ твой свободны отъ данной вами клятвы».— Олегъ, не посовѣтовавшись съ отцомъ, вступилъ въ дружбу Изяслава. Святославъ, получивъ извѣстіе, что Всеволодовичи и сынъ его Олегъ заключили союзъ любви и дружбы съ Изяславомъ, очень опечалился. Святославъ объявилъ своимъ людямъ, что Всеволодовичи и сынъ его Олегъ пристали къ Изяславу. Люди ему отвѣтили: «удивительно, князь, что ты на своего сына и племянника жалуешься, а своего достоянія не бережешь! Это не ложь, что Романъ Ростиславичъ изъ Смоленска посылаетъ къ Изяславу своего попа сказать: мой отецъ отдаетъ тебѣ Черниговъ, а со мною поживи въ любви. Да и не онъ ли хотѣлъ задержать твоего сына въ Кіевѣ? Ты, князь, держась Ростислава, подвергъ разоренію твою землю, а онъ тебѣ во всѣхъ отношеніяхъ лѣниво помогаетъ».—Такимъ образомъ вынужденно Святославъ измѣнилъ союзу съ Ростиславомъ и перешелъ къ Изяславу. Множество Половцевъ перешло къ Изяславу, а тотъ соединился со Всеволодовичами, съ братьями и съ Олегомъ, а Святославъ не выступилъ изъ Чернитова. Изяславъ выѣхалъ въ степь на встрѣчу Половцевъ, и соединясь съ ними, поѣхалъ къ Переяславлю на Глѣба своего зятя: онъ приказывалъ ему ѣхать съ собою за Днѣпръ на Ростислава; но Глѣбъ съ нимъ не поѣхалъ. Двѣ недѣли стояли у Переяславля, но безо всякаго успѣха. Ростиславъ получилъ извѣстіе, что Изяславъ пришелъ къ Пере-

яславлю со всѣми братьями; тогда Ростиславъ, собравъ множество воиновъ, пошелъ на Изяслава. Онъ былъ въ Треполи, когда Изяславъ, услыхавъ о его приближеніи, бѣжалъ, и Половцы удалились въ степь.—Въ этомъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, пришелъ изъ Константинополя митрополитъ Ѳеодоръ; за нимъ посылалъ князь Ростиславъ.—Изяславъ, помирясь съ своими родственниками, послалъ за Половцами и ихъ пришло къ нему множество. Изяславъ соединился со Всеволодовичами, съ Олегомъ и Половцами и пошелъ за Вышегородъ къ часовнѣ (божницѣ). Тутъ уже сталъ Днѣпръ, а въ другихъ мѣстахъ еще нигдѣ не сталъ. Перейдя Днѣпръ у часовни, онъ пошелъ съ полками къ Кіеву и подойдя остановился на выгонѣ (*болоньи*) въ тростникахъ (*лозахъ*), напротивъ Дорогожича. На другой день, 8-го февраля,—день былъ середа,—Изяславъ съ своими родственниками сталъ готовить полки и, устроивъ ихъ, выступилъ къ Подолу, а Ростиславъ съ Андреевичемъ (Владиміромъ) стоялъ подлѣ столбовъ; въ то время было загорожено столбами (тыномъ?) отъ горы до Днѣпра. Упорное произошло сраженіе и множество падало убиваемыхъ съ той и другой стороны, и такъ было страшно смотрѣть, какъ бы на второе пришествіе. Побѣда стала склоняться на сторону Изяслава; прорубая ограду, Половцы уже въѣзжали въ городъ и зажгли дворы священника Лихачева и Радиславовъ. Берендичи бѣжали къ Угорьскому (Венгерскому) урочищу, а другіе къ Золотымъ воротамъ. И стала говорить дружина Ростиславова: «вотъ не пришли къ тебѣ братья, ни Берендѣи, ни Торки, а сила враговъ велика. Ступай въ Бѣлгородъ, а тамъ подождешь и братьевъ твоихъ, и подкрѣпленій».—Ростиславъ послушалъ ихъ и отправился въ Бѣлгородъ съ женою и своими полками; въ тотъ же день пришелъ къ нему его племянникъ Ярославъ съ братомъ Ярополкомъ, а Владиміръ Андреевичъ поѣхалъ въ Торческъ къ Берендѣямъ и Торкамъ. Изяславъ вошелъ въ Кіевъ февраля 12-го, и войдя въ храмъ Св. Софіи, даровалъ прощеніе всѣмъ Кіевлянамъ, которыхъ было схватили, и потомъ выступилъ къ Бѣлугороду. Въ то время было страшное и чудное явленіе въ лунѣ: луна проходила черезъ все небо, измѣняя свой видъ; спачала она понемногу убавлялась, пока не исчезла вся, и тутъ она казалась плохою, черною; потомъ она сдѣлалась кровавою, затѣмъ она сдѣлалась двухъ цвѣтовъ — половина зеленая и половина желтая и посерединѣ ея были какъ бы два воина, сражающіеся мечемъ; у одного изъ нихъ какъ бы кровь текла изъ головы, а у другаго бѣлое, какъ будто молоко. Старые люди, смотря на это

явленіе, говорили: «не хорошее это явленіе: предвѣщаетъ оно смерть князя». Такъ и случилось. — Но мы вернемся къ послѣдовательному изложенію событій. Изяславъ, прійдя къ Бѣлгороду, стоялъ около крѣпости четыре недѣли; внѣшній городъ (острогъ) Ростиславъ самъ сжегъ еще до прибытія Изяслава. Святославъ посылалъ изъ Чернигова къ Изяславу, совѣтуя ему мириться: «если тебѣ и не дадутъ мира, то во всякомъ случаѣ удались за Днѣпръ. Какъ только будешь за Днѣпромъ, то вся твоя правда будетъ». Изяславъ не послушалъ своего брата Святослава. Онъ говорилъ ему: «родственники мои князья пойдутъ каждый въ свои владѣнія, а мнѣ куда идти? Не могу я ни воротиться въ землю Половцевъ, ни голодомъ помиратъ въ Выри: лучше мнѣ умереть здѣсь.

1162 годъ.

Мстиславъ выступилъ изъ Владиміра съ своимъ полкомъ и съ галицкимъ вспомогательнымъ войскомъ, а Рюрикъ выступилъ изъ Торческаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, съ Васильком Юрьевичемъ, съ Берендѣями, Коуями, Торками и Печенѣгами. У Котельницы сошлись они съ Мстиславомъ и оттуда пошли къ Бѣлугороду на Мутижиръ. Остановились они на Кучарѣ. Тутъ Черные Клобуки стали проситься у Мстислава впередъ: «мы посмотримъ, князь, велики ли непріятельскія силы». Мстиславъ отпустилъ ихъ. Дикіе Половцы подстерегли непріятеля, прискакали къ Изяславу и сказали ему, что идетъ огромное войско. Изяславъ, не видавъ вовсе непріятеля, бѣжалъ отъ Бѣлгорода. Ростиславъ съ Ярославомъ и Ярополкомъ вышли изъ города съ своими полками и тутъ подождали родственныхъ князей. Соединясь и поздоровавшись другъ съ другомъ, пустились они преслѣдовать Изяслава. Торки нагнали обозъ непріятельскій на Желяни, а полки ихъ нагнали недалеко отъ Буличь, и тутъ начали рубить ихъ, а другихъ брать руками. Тутъ взяли Шварна, двухъ Милятичей, Степана и Якуна, и Нажира Переяславича. Изяслава настигли, когда онъ около озеръ въѣзжалъ въ сосновую рощицу. Его настигъ Воиборъ Нетечевичъ и ударилъ его по головѣ саблею, а другой поразилъ его въ бокъ и сбросилъ его съ коня. Мстиславъ, взявъ его чуть живаго, послалъ въ монастырь къ Святому Симеону, который находится въ Копыревомъ концѣ. Изяславъ убитъ марта 6-го, и оттуда его отправили въ Черниговъ; Святославъ, со слезами убравъ его тѣло, положилъ въ отцовской (Изяслава отца) церкви

Свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, 13-го марта. Этотъ день былъ тогда понедѣльникъ.

Въ этомъ же году Новгородцы взяли къ себѣ снова княжить Святослава Ростиславича, а Мстислава, Юрьева внука, прогнали отъ себя.

Августа 17-го, въ четвергъ, было явленіе въ солнцѣ.

Въ Рязани скончался князь Владиміръ, сынъ Святослава и внукъ Ярослава.

Скончался въ Селуни (въ Греціи, въ Салоникахъ) князь Иванъ Ростиславичъ, прозванный Берладникомъ. Говорили нѣкоторые, будто бы ему смерть приключилась отъ отравленія.

Рогволодъ съ Полочанами приходилъ къ Городцу на Володаря; тотъ не сталъ съ нимъ сражаться днемъ, но ночью бросился на него изъ города съ Литвою. Большое бѣдствіе случилось въ ту ночь: однихъ избили, а другихъ руками побрали, и этихъ было гораздо болѣе, чѣмъ убитыхъ. Рогволодъ ушелъ въ Слуцкъ и, пробывъ тутъ три дня, отправился на Дрьютескъ, а идти въ Полоцкъ не осмѣлился, такъ какъ много погибло Полочанъ, а жители Полоцка посадили у себя въ Полоцкѣ княземъ Васильковича.

Мстиславъ Изяславичъ уѣхалъ изъ Кіева, разсердившись на дядю своего Ростислава, и между ними возникли важныя неудовольствія. Давидъ Ростиславичъ, безъ приказанія отца, отправился въ Торческій, а посадника Мстислава Вышка схватилъ и привелъ въ Кіевъ. Ростиславъ послалъ сына своего Мстислава въ Бѣлгородъ. Мстиславъ въ то время выступилъ изъ Владиміра къ Переспинцѣ на Владиміра Андреевича и, прійдя, остановился на Выдбучи. Отсюда онъ посылалъ ко Владиміру, требуя, чтобы онъ оставилъ Ростислава, но Владиміръ не нарушилъ клятвы, данной Ростиславу, и остался всѣмъ сердцемъ ему преданнымъ. Мстиславъ вернулся во Владиміръ. Святославъ Ольговичъ и оба Всеволодовича дали клятву Ростиславу.

Андрей выгналъ изъ Суздаля епископа Льва и братьевъ своихъ Мстислава и Василька и двухъ Ростиславичей, своихъ племянниковъ, и людей, у отца его занимавшихъ первыя мѣста. Такъ онъ сдѣлалъ, желая быть единовластителемъ въ Суздальской землѣ. Епископа Льва, раскаявшись въ своемъ грѣхѣ, онъ возвратилъ, но въ Ростовъ, а въ Суздалѣ не дозволилъ ему оставаться. Четыре мѣсяца держалъ Андрей Льва на епископіи. Онъ началъ просить у него отъ Воскресенія Христова и до воскресенія Всѣхъ Святыхъ ѣсть мясо по средамъ и пятницамъ, а епископъ дозволялъ ему ѣсть

мясо во всѣ дни одной Святой недѣли, а въ остальныя воздерживаться строго. За такую-то вину выгналъ его Андрей изъ своей земли. Онъ пришелъ въ Черниговъ къ Святославу Ольговичу; тотъ, хорошенько его утѣшивъ, отправилъ къ Ростиславу въ Кіевъ. Ростиславъ заключилъ миръ съ Юріемъ Ярославичемъ. Много Половцевъ пришло къ Юрьеву, взяли много кочевьевъ по Роту и убили Выбора—того самаго, который умертвилъ Изяслава. Черные Клобуки, собравшись всѣ, погнались за ними, настигли на Роси и много били ихъ, всю добычу у нихъ отняли и самихъ захватили болѣе 500 человѣкъ, двухъ княжескихъ сыновей Сатларовичей и много другихъ князей.

Рюрикъ, Святополкъ Юрьевичъ Туровскій, Святославъ Всеволодовичъ съ братомъ Ярославомъ, съ Ольгомъ Святославичемъ, съ Владиміровичемъ и съ кривскими (Кривичей) князьями пошли къ Слуцку на Владиміра Мстиславича. Тотъ, видя ихъ силу, помирился, уступилъ имъ Слуцкъ, а самъ отправился въ Кіевъ къ брату Ростиславу. Ростиславъ далъ Владиміру Треполь и къ Треполю присоединилъ еще четыре города.

Юрьевичи—Мстиславъ и Василько—отправились въ Константополь съ матерью и третьяго младшаго своего брата Всеволода взяли съ собою. Царь греческій далъ Василько города на Дунаѣ, а Мстиславу далъ владѣніе *Отсколана* (Аскалонъ?).

1163 годъ.

Ростиславъ помирился съ Мстиславомъ и возвратилъ ему всѣ его бывшія города—Торческій и Бѣлгородъ, а за Треполь далъ ему Каневъ.—Ростиславъ привелъ изъ Полоцкой земли Белуковну (дочь Белука, князя половецкаго) за своего сына Рюрика, и въ этомъ же году заключилъ миръ съ Половцами.—Тогда же умеръ митрополитъ Ѳеодоръ; онъ десять мѣсяцевъ оставался на митрополіи.—Въ этомъ же году Поляки опустошили окрестности Червена.

1164 годъ.

Въ Русь пришелъ митрополитъ Іоаннъ и не хотѣлъ его принять Ростиславъ, такъ какъ онъ уже послалъ къ царю Гуряту Семковича просить, чтобы Климъ былъ утвержденъ митрополитомъ. Гурята вернулся изъ Олелева назадъ съ митрополитомъ и царскимъ посломъ. Царь прислалъ къ Ростиславу множество подарковъ—парчей и разныхъ дорогихъ матерій и вещей. Царскій посолъ

сказалъ Ростиславу: «царь велѣлъ тебѣ сказать: если примешь съ любовью благословеніе отъ Святой Софіи. . . . . .

. . . . . .

Дружина отвѣчала Олегу: «князь, немедли, поѣзжай скорѣй; Всеволодовичъ не хорошо жилъ съ твоимъ отцемъ и съ тобою,— какъ бы онъ не задумалъ чего-нибудь дурнаго»?—Олегъ немедленно поѣхалъ къ Чернигову и не засталъ отца живымъ; три дни скрывали его смерть до прибытія Олегова. Такъ распорядилась вдовствующая княгиня по совѣту съ епископомъ и старшими совѣтниками мужа. Цѣловали образъ Святаго Спаса на томъ, что не будутъ посылать ко Всеволодовичу въ Новгородъ, и первый поцѣловалъ образъ Святаго Спаса епископъ Антонъ, а за нимъ и дружина. Юрій тысяцкій сказалъ: «не слѣдовало намъ приводить къ присягѣ епископа, потому что онъ святитель и намъ не слѣдуетъ тѣмъ соблазняться; такъ онъ поступилъ изъ любви къ князьямъ». Епископъ сказалъ: «въ томъ-то я вамъ и показалъ, призвавъ во свидѣтельство Бога и Его Родительницу, что не пошлю я ко Всеволодовичу никакимъ путемъ и не буду замышлять никакого обмана. Да и вамъ, дѣти мои, говорю это, чтобы вы не погибли душею и не сдѣлались предателями, какъ Іуда». Такъ онъ говорилъ, скрывая въ душѣ обманъ; онъ былъ родомъ Грекъ, и онъ же совершилъ злое преступленіе: написалъ грамоту и послалъ къ Всеволодовичу, а въ ней высказывалъ: «дядя твой умеръ, послали за Олегомъ; дружина далеко по городамъ, а княгиня-вдова находится съ дѣтьми въ неудомѣніи, а много у ней всякаго добра,— пріѣзжай скорѣе; Олега еще не бывало, и ты по своей волѣ уладишься съ нимъ». Святославъ, прочитавъ это письмо, отправилъ сына въ Гомель, по городамъ посадниковъ, а самъ хотѣлъ было ѣхать къ Чернигову. Узнавъ, что Олегъ уже въ Черниговѣ, сталъ онъ съ нимъ пересылаться, уговариваясь о владѣніяхъ. Олегъ, уступивъ свое доброе, уладился: Черниговъ отдалъ Святославу, а себѣ Новгородъ. Олегъ послалъ съ крестомъ Ивана Родиславича, и Святославъ далъ клятву, что исполнитъ,—и не исполнилъ. Всеволодовичъ, цѣлуя крестъ, говорилъ: «надѣлю твоихъ братьевъ Игоря и Всеволода, и того не исполнилъ. Святославъ скончался февраля 15-го, а 17-го, въ понедѣльникъ, положенъ въ гробъ.

Въ этомъ году въ Галичѣ было великое наводненіе: попущеніемъ Божіимъ пошелъ вдругъ проливной дождь и день и ночь; вода въ Днѣстрѣ прибыла страшно и разлилась по окрестностямъ; она дошла до Выковаго болота и потопила болѣе 300 человѣкъ, которые

или съ обозомъ соли изъ Удеча, и много людей снимали съ деревьевъ и повозокъ, которыя забросила вода, а много и потопуло; и хлѣбъ сдѣлался на ту зиму очень дорогъ.

Въ этомъ же году скончался благовѣрный и христолюбивый князь Изяславъ, сынъ великаго князя Андрея. Оплакивали его отецъ Андрей и братъ Мстиславъ, и октября 28-го съ сильнымъ плачемъ положили его во Владимірѣ, въ церквѣ Святой Богородицы.

1165 годъ.

Изъ Константинополя прибѣжалъ въ Галичъ къ Ярославу племянникъ царя Андроника. Ярославъ принялъ его съ великою любовью, и Ярославъ далъ ему на утѣшеніе нѣсколько городовъ. Потомъ царь прислалъ двухъ митрополитовъ звать его къ себѣ. Ярославъ отпустилъ его съ великою почестью и приставилъ приводить его епископа Козьму и знатнѣйшихъ людей своихъ. Въ томъ же году іюня 29-го Агафья Ростиславовна отведена замужъ за Олега Святославича. Давидъ Ростиславичъ занялъ Витебскъ, а Роману, внуку Вячеслава. Ростиславъ отдалъ Васильевъ и Краснъ. Василько Ярополковичъ избилъ Половцевъ на Руси; много ихъ забралъ въ плѣнъ, и дружина его обогатилась оружіемъ и лошадьми и много выкупа побралъ онъ на Половцахъ.

1166 годъ.

Князь..... поставилъ въ Великомъ Новгородѣ епископомъ Илью, а Илья былъ родомъ Новгородецъ.—Дочь Святослава Ольговича отвели въ замужество за Ярополка Изяславича.—Скончался князь Ярославъ, сынъ великаго князя Юрія; братъ его Андрей плакалъ по немъ и положилъ его въ храмѣ Святой Богородицы во Владимірѣ, 12-го апрѣля.—Скончалась вдова Святослава Ольговича.

1167 годъ.

Во Вщижѣ умеръ Святославъ Владиміровичъ, внукъ Давидовъ. Святославъ Всеволодовичъ началъ войну съ Олегомъ за сына Владимірова. Олегъ просилъ *въ правду* надѣленія (городами); Святославъ ему не далъ ничего, брату своему отдалъ лучшую область, а во Вщижѣ посадилъ сына. Ростиславъ, видя, что Святославъ обидитъ Олега, началъ помогать Олегу; много разъ посылалъ онъ къ Святославу и, желая добра и ему и Олегу, просилъ его вправду надѣлить Олега. Святославъ не послушалъ Ростислава Олегъ отправился къ Стародубу; жители этого города прислали къ Олегу:

вспоможеніе Ярослава поспѣшило занять городъ и жителямъ невозможно было исполнить ихъ умыселъ. Олегъ воротился назадъ въ большомъ раздраженіи и захватилъ много добычи. Святославъ послалъ своего брата Ярослава съ Половцами къ Новгороду. Тотъ дошолъ до Молочны и оттуда воротился, не дойдя 15 верстъ до города. Олегъ въ то время былъ очень нездоровъ, такъ что ему невозможно было даже сѣсть на коня. Ростиславъ, узнавъ, что Олегъ сильно нездоровъ, началъ посылать къ Олегу, веля ему мириться. Олегъ послушалъ его и заключилъ миръ съ братомъ. Святославъ далъ Олегу четыре города, и на томъ они цѣловали крестъ.— Половцы, узнавъ, что между князьями раздоры, отправились въ пороги и начали дѣлать вредъ купцамъ, торговавшимъ съ Греціею. Ростиславъ послалъ Володислава Поляка съ воинами, и тѣ проводили купцовъ, шедшихъ изъ Греціи.— Въ этомъ году у Олега родился сынъ, его назвали въ крещеніи Борисомъ, а помірскому Святославомъ. Въ этомъ же году Володарь Глѣбовичъ пошелъ къ Полоцку войною. Всеславъ Васильковичъ выступилъ противъ него съ Полочанами. Володарь, узнавъ, что идутъ ему на встрѣчу, не далъ имъ соединиться, ударилъ на нихъ нечаянно, много избилъ, а другихъ въ плѣнъ побралъ. Всеславъ бѣжалъ въ Витебскъ, а Володарь вошелъ въ Полоцкъ, заключилъ съ Полочанами клятвенный договоръ и пошелъ къ Витебску на Давида и Всеслава. Прійдя, онъ остановился у рѣки и черезъ рѣку завязалось сраженіе. Давидъ потому не вступалъ въ сраженіе, что поджидалъ своего брата Романа съ жителями Смоленской области. Удивительное случилось тутъ явленіе: въ полночь послышался сильный громъ—какъ бы воины переходили въ бродъ черезъ рѣку. Воинами Володаря овладѣлъ страхъ. Дружина Володаря стала ему говорить: «что стоишь, князь, а не ѣдешь прочь? Вотъ Романъ переходитъ въ бродъ, а отсюда Давидъ наступаетъ». И бѣжалъ Володарь отъ Витебска. На другой день Давидъ, видя, что Володарь бѣжалъ, пустился его преслѣдовать; нагнать не нагнали, но взяли въ плѣнъ много воиновъ, блуждавшихъ въ лѣсу. Давидъ Всеслава послалъ въ Полоцкъ.

Ярославъ, князь галицкій, взялъ въ замужество за своего сына Владиміра Болеславу, дочь Святослава Всеволодовича. А Ярославъ Изяславичъ взялъ въ замужество за своего сына Всеволода Мальфриду, дочь Юрія Ярославича изъ Турова.—Въ этомъ же году умерла дочь Андрея (Юрьевича?), которая была замужемъ за Олегомъ Святославичемъ. Олегъ Святославичъ сразился съ Боня-

комъ и побѣдилъ Половцевъ. Въ этомъ же году Половцы взяли въ плѣнъ за Переяславлемъ Шварна, его дружину избили и за Шварна взяли огромный выкупъ.

1168 годъ.

Ростиславъ послалъ къ своимъ родственникамъ и сыновьямъ; онъ имъ приказывалъ собраться у себя со всѣми своими полками. Пришли Мстиславъ изъ Владиміра, братъ его Ярославъ изъ Луцка, Ярополкъ изъ Бужьска, Владиміръ Андреевичъ, Владиміръ Мстиславичъ, Глѣбъ Юрьевичъ, Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ, Глѣбъ Городенскій, Иванъ Юрьевичъ и изъ Галича вспомогательное войско. Они стояли долго у Конева, пока не пришли *гречники* и *золотники* (купцы изъ Греціи), и затѣмъ вернулись назадъ.

Въ концѣ этого года Ростиславъ поѣхалъ въ Новгородъ вслѣдствіе того, что тамъ несогласно жили Новгородцы съ сыномъ его Святославомъ. Ростиславъ пріѣхалъ въ Чичерскъ къ зятю своему Олегу, а тотъ съ женою ждалъ его тутъ. Олегъ пригласилъ Ростилава на обѣдъ, и была въ тотъ день между ними великая радость. Олегъ далъ Ростиславу много подарковъ, и жена Олега, Ростиславова дочь, поднесла также отцу много подарковъ.— На другой день Ростиславъ позвалъ къ себѣ Олега и дочь и еще большими дарами осыпалъ всѣхъ. Потомъ отправился въ Смоленскъ. Знатнѣйшіе граждане смоленскіе стали его встрѣчать за 300 верстъ; потомъ выѣхали къ нему на встрѣчу внуки; затѣмъ сынъ Ростислава Романъ, епископъ Мануилъ и Внѣздъ и чуть не всѣ жители вышли ему на встрѣчу. Всѣ сильно обрадовались пріѣзду Ростислава и поднесли ему множество подарковъ.— Изъ Смоленска Ростиславъ отправился въ Торопецъ; оттуда онъ послалъ въ Новгородъ къ сыну своему Святославу, веля ему выѣхать къ себѣ на встрѣчу на Луки. А Ростиславъ уже сдѣлался сильно нездоровъ; на Лукахъ видѣлся онъ съ сыномъ и Новгородцами. Новгородцы дали передъ Ростиславомъ клятву, что сына его будутъ имѣть себѣ княземъ и другаго князя искать не будутъ; что лишь смерть разлучитъ ихъ съ нимъ (Святославомъ). Много подарковъ получилъ Ростиславъ отъ сына и Новгородцевъ. Оттуда возвратился Ростиславъ въ Смоленскъ. Сестра его Рогнѣда, видя, что братъ сильно боленъ, просила его и совѣтовала лечь въ Смоленскѣ въ воздвигнутомъ имъ храмѣ. Но Ростиславъ отвѣчалъ: «не могу здѣсь лечь; везите меня въ Кіевъ. Если Богъ призоветъ меня еще дорогою, то положите меня тамъ, гдѣ благословилъ

* *

отецъ,—въ монастырѣ Святаго Ѳеодора. Если Богъ облегчитъ эту мою болѣзнь молитвами Пречистой Его Матери и Святаго отца нашего Ѳеодосія, подвижника Печерскаго монастыря, то постригусь въ томъ монастырѣ». Ростиславъ, оставляя эту кратковременную и скоропреходящую жизнь, говорилъ священнику Симеону, своему отцу духовному: «и ты будешь отвѣчать Богу за то, что удержалъ меня отъ постриженія». Не разъ говаривалъ Ростиславъ Поликарпу, настоятелю Печерскаго монастыря: «игуменъ, мысль о постриженіи пришла мнѣ въ то время, когда я получилъ изъ Чернигова извѣстіе о смерти Святослава Ольговича». Постоянно говаривалъ онъ (Ростиславъ) настоятелю: «приготовь мнѣ, настоятель, хорошую келію; боюсь внезапной смерти, а впрочемъ какъ устроитъ Богъ вашими святыми молитвами». Имѣлъ онъ такой добродѣтельный обычай: великимъ постомъ, каждую субботу и воскресеніе, сажалъ онъ съ собою обѣдать двѣнадцать монаховъ, тринадцатый игуменъ Поликарпъ, и кормилъ ихъ въ волю, не голодныхъ отпускалъ. Самъ каждое воскресеніе принималъ святое причастіе, слезами орошалъ свое лицо и, часто вздыхая, смирялъ себя. Изъ глубины сердца испускалъ онъ стопы, и всѣ видя его, съ какимъ онъ стоялъ смиреніемъ, не могли удержаться отъ слезъ. При окончаніи поста угощалъ онъ всю братію; въ субботу Лазареву звалъ онъ всѣхъ печерскихъ монаховъ и изъ монастырей созывалъ, да и въ другіе дни, по средамъ и пятницамъ, угощалъ братію печерскую. Онъ имѣлъ особенную любовь къ Святой Богородицѣ и Святому Ѳеодосію. Онъ говаривалъ Поликарпу всякій день: «хотѣлъ бы я освободиться отъ этого скоропреходящаго и суетнаго свѣта и кратковременной и полной безпокойствъ жизни, какъ и прежде я упоминалъ тебѣ». А тотъ Поликарпъ ему отвѣчалъ: «вамъ Богъ велѣлъ такъ быть: справедливое дѣлать на этомъ свѣтѣ, оказывать справедливый судъ и строго соблюдать данную клятву». Ростиславъ сказалъ ему на это: «отецъ мой, княженіе и миръ не могутъ быть безъ грѣха, а уже не мало пожилъ я на этомъ свѣтѣ, и хотѣлъ бы потрудиться, какъ всѣ правовѣрные цари приняли страданіе и заслужили награду отъ своего Господа, и какъ святые мученики пролили свою кровь и приняли вѣнцы нетлѣнные, какъ святые отцы, изнуривъ свое тѣло постомъ и ходивъ тѣснымъ и узкимъ путемъ, получили царство небесное. Какъ я слышалъ, что и самъ правовѣрный царь Константинъ говорилъ: еслибы я зналъ, сколько почетенъ санъ монашескій, который съ ангелами восходитъ къ престолу

Господнему безъ провожатаго (безъ пристава), то снялъ бы вѣнецъ и порфиру». Такъ бесѣдовалъ Ростиславъ съ игуменомъ Поликарпомъ и игуменъ сказалъ: «если ты этого желаешь, князь, то пусть будетъ воля Божія». Ростиславъ, слыша это отъ игумена, такъ рѣшился въ мысляхъ, сказавъ: «подожду еще немного; есть у меня дѣлишки». Такъ они поговорили и игуменъ благословилъ его и отпустилъ.—Воротимся къ нашему разсказу. Пошли съ Ростиславомъ изъ Смоленска и онъ ужь очень ослабѣлъ; когда онъ находился въ селѣ Рогнѣдинѣ въ Зарубѣ, то сталъ говорить Иванку Фроловичу *покладнику* (постельничему) своему и Борису Захарьевичу: «позовите ко мнѣ священника Симеона, пусть молится о мнѣ», а самъ, поднявъ руки и глаза къ образу Святой Богородицы, сталъ молиться такъ: «Пречистая Богородица, Ты выше ангеловъ, архангеловъ и всего созданнаго, помощница находящимся въ обидѣ, надежда утратившимъ упованіе, заступница сиротъ, кормительница убогихъ, печальныхъ утѣшеніе, грѣшныхъ спасеніе, всѣхъ христіанъ помощь. Милостива Ты, Госпожа, милостью Твоею помилуй меня, грѣшнаго раба Твоего Михаила, честнымъ Твоимъ покровомъ меня защити и умоли воплотившагося отъ тебя Бога. Дай мнѣ силу свыше на видимыхъ и невидимыхъ враговъ моихъ. Всемилостивая Владычица Богородица, подними меня изъ пропасти грѣховной, просвѣти мои очи сердца и удостой меня, раба Твоего, спастись, такъ какъ держава Христа Бога нашего съ Отцомъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ». Взглянувъ на икону Самого Творца, началъ говорить тихимъ голосомъ, и слезы катились изъ глазъ: «нынѣ отпусти раба Твоего, Владыко, по слову Твоему съ миромъ». И можно было видѣть слезы его, какъ они лежали на лицѣ его подобно зернамъ жемчуга. Онъ ихъ отиралъ полотенцемъ, и умеръ 14-го марта, а 21-го положенъ въ гробъ въ отцовскомъ монастырѣ Святаго Ѳеодора, и такъ присоединился къ роду предковъ своихъ. Онъ княжилъ въ Кіевѣ 8 лѣтъ безъ одного мѣсяца —Въ ту же зиму Ольговичи ходили на Половцевъ, а зима была тогда очень жестокая. Олегъ захватилъ Козины кочевья, его жену и дѣтей, золото и серебро, а Ярославъ захватилъ Беглюковы юры. Князья, похваливъ Бога и Его Пречистую Мать, вернулись домой.

1169 годъ.

По смерти Ростислава, князья Владиміръ Мстиславичъ, Рюрикъ, Давидъ послали за Мстиславомъ, и Кіевляне отъ себя послали и Черные Клобуки отъ себя послали. Мстиславъ отправилъ впередъ

Володислава Воротиславича къ Василько Ярополковичу съ приказаніемъ ему—быть въ Кіевѣ вмѣсто Мстислава до его прихода, и послалъ своего управителя (тіуна). Люди, расположенные къ Мстиславу, стали говорить Василько и Володиславу, что Владиміръ Мстиславичъ, Андреевичъ, Ярославъ, братъ Мстислава, Рюрикъ и Давидъ цѣловали крестъ, что взять имъ у Мстислава владѣнія вполнѣ, какъ они хотятъ: Владиміръ къ своей области—Торческій со всѣмъ Поросьемъ, Андреевичъ—Брестъ, Ярославъ Владиміръ. Василько, узнавъ объ умыслѣ князей, послалъ къ Мстиславу во Владиміръ объявить ему то, что говорятъ князья. Мстиславъ послалъ къ своимъ союзникамъ, къ Ярославу въ Галичъ, къ Полякамъ и ко Всеволодковичамъ объявить объ уговорѣ князей. Мстиславъ, соединясь съ Поляками и съ Ярославомъ Галицкимъ, выступилъ къ Кіеву на княженіе. Ярославъ далъ ему 5 полковъ и Мстиславъ Всеволодковичъ былъ съ нимъ же. Когда Мстиславъ пришелъ къ Микулину, тутъ явились къ нему всѣ Берендѣи, Торки, Печенѣги и весь Черный Клобукъ; онъ ихъ привелъ къ присягѣ. Мстиславъ отправилъ впередъ брата своего съ Берендѣями, а самъ пошелъ вслѣдъ за нимъ. И тогда Владиміръ Мстиславичъ отправился изъ Треполя въ Вышегородъ съ женою и дѣтьми; въ тотъ же день туда же отправилась мать его, жена Мстислава. Ярополкъ съ Берендѣями нагнали Владиміра на Желяни у Добраго Дуба. Берендѣи не допустили стрѣлять въ него, потому что они замышляли коварство; они ѣхали за Владиміромъ и его людьми до Всеволожа монастыря, и оттуда Ярополкъ воротился въ городъ. Мстиславъ на другой день поѣхалъ къ Кіеву вслѣдъ за Ярополкомъ, устроивъ свои полки, Василевскою дорогою, потомъ къ Ольговѣ и вошелъ въ Кіевъ; на встрѣчу ему вышли всѣ Кіевляне. Уладившись съ князьями, дружиною и Кіевлянами, въ тотъ же день Мстиславъ отправился къ Вышегороду, а Берендѣевъ пустилъ впередъ, и на выгонѣ отъ Днѣпра зажгли дворъ тысяцкаго Давида, Родиловъ и другихъ дворовъ семь сгорѣло. Мстиславъ, прійдя, сталъ на горѣ отъ сосноваго лѣса, а пѣхоту поставилъ по валу. Берендѣи умертвили нѣсколькихъ человѣкъ у Владиміра, но при этомъ сами потеряли лучшихъ воиновъ. Это былов пятницу, а другой день, въ субботу, начали сраженіе: подъѣзжая къ городу и изъ города, выходили и бились храбро. Тутъ начали уговариваться о владѣніяхъ, пересылаясь между собою: Рюрикъ, Давидъ съ Мстиславомъ, уговорясь относительно владѣній, дали другъ другу клятву. Мстиславъ въ понедѣльникъ вошелъ въ Кіевъ.

Начало княженія Мстислава Изяславича въ Кіевѣ. Мстиславъ вошелъ въ городъ 15-го мая и сѣлъ на Ярославовомъ престолѣ своего отца и предковъ. Владиміръ Мстиславичъ сталъ замышлять противъ Мстислава; въ то время находился у него Давидовъ человѣкъ Василь Настасичъ; онъ пріѣхалъ и сказалъ своему князю, а тотъ объявилъ Мстиславу. Владиміръ, узнавъ, что замыселъ его сдѣлался извѣстенъ Мстиславу, пріѣхалъ оправдываться. Мстиславъ пріѣхалъ въ Печерскій монастырь, за нимъ пріѣхалъ и Владиміръ. Мстиславъ остановился самъ въ кельи игумена, а Владиміру приказалъ остановиться въ кельи эконома. Мстиславъ послалъ къ Владиміру и велѣлъ ему сказать: «братъ, зачѣмъ ты пріѣхалъ? Я за тобою не посылалъ». Владиміръ прислалъ дьячка Имормыжа сказать Мстиславу: «братъ, я слышалъ, что тебѣ наговорили на меня злые люди». Мстиславъ отвѣчалъ: «сказалъ на тебя братъ Давидъ». Послали за Давидомъ въ Вышегородъ. Давидъ прислалъ на это разбирательство Василя и приставилъ къ нему Родила тысяцкаго и Василья Волковича. Спустя три дня, Мстиславъ снова пріѣхалъ въ Печерскій монастырь, а Владиміръ прислалъ людей своихъ, Рагуля и Михаля. Начали они спорить съ Василемъ; тутъ явился за Василя свидѣтель Давидъ Борыничъ. Мстиславъ дѣло это представилъ Богу; онъ сказалъ Владиміру: «братъ, ты цѣловалъ крестъ; еще уста у тебя не обсохли; но такъ установлено еще отцами нашими и дѣдами; а кто нарушитъ данную имъ клятву, тому Богъ судья; а теперь поцѣлуй мнѣ крестъ въ томъ, что ты на меня не думалъ и что ты не желаешь мнѣ зла». Владиміръ сказалъ: «съ радостью, братъ, цѣлую,—и то все на меня ложь», и цѣловалъ крестъ. Мстиславъ отпустилъ его въ Котельницу. И въ томъ же году Мстиславъ нарушилъ данную имъ клятву; къ нему стали присылать Чагровичи, Чекманъ и братъ его Толеманъ и Мопачюкъ. Владиміръ радъ былъ ихъ умыслу и послалъ къ Рагуйлу Добрыничу, къ Михалю и Завиду, объявляя имъ свой замыселъ. Но дружина его сказала ему: «ты самъ по себѣ это придумалъ; мы за тобою не ѣдемъ,—мы того не знали». Владиміръ сказалъ, взглянувъ на *дѣтскихъ*: «они будутъ моими боярами»,—поѣхалъ къ Берендѣямъ и соединился съ ними ниже Ростовца. Тѣ, увидавъ, что онъ пріѣхалъ одинъ, сказали ему: «ты намъ говорилъ, что съ тобою заодно твои родственники князья. Гдѣ же Владиміръ Андреевичъ, и Ярославъ, и Давидъ? А ты пріѣхалъ одинъ, даже безъ людей твоихъ, и насъ обманулъ, а намъ лучше чужую голову сгубить, чѣмъ свою». Съ этими сло-

вами они начали пускать въ него стрѣлы, двѣ изъ нихъ попали въ князя; тотъ, съ словами: «не дай Богъ когда-либо вѣрить язычнику, и я уже погибъ и душою и тѣломъ».—бѣжалъ. Тутъ около него побили его *дѣтскихъ*, а самъ Владиміръ ушелъ въ Дорогобужъ; туда же бѣжала прежде его и жена. Андреевичъ разобралъ мостъ на Горынѣ и не пустилъ его къ себѣ; тогда Владиміръ повернулъ на землю Радимичей и отправился къ Андрею въ Суздаль. Андрей послалъ къ нему на встрѣчу сказать: «иди въ Рязань къ *отчичу* твоему Глѣбу, а я тебя надѣлю». Онъ отправился туда, а жену съ дѣтьми оставилъ въ Глуховѣ у вдовы Всеволода. Мстиславъ сказалъ матери Владиміра: «ступай въ Городокъ, а оттуда куда тебѣ угодно; не могу жить съ тобою въ одномъ мѣстѣ; твой сынъ постоянно добивается моей головы, нарушая клятву». Она отправилась въ Черниговъ къ сыну Всеволода.—Въ этомъ же году Новгородцы стали собираться на сходки тайкомъ по дворамъ на своего князя Святослава Ростиславича. Расположенные къ нему люди, пріѣхавъ на Городище, стали ему говорить: «князь, граждане собираются по ночамъ на сходки и хотятъ тебя схватить. Позаботься о себѣ». Князь, разузнавъ о томъ хорошенько, объявилъ своей дружинѣ. Та ему отвѣчала: «еще недавно они присягали тебѣ, когда умиралъ твой отецъ; но вѣдь они всегда невѣрны къ своимъ князьямъ: позаботимся же о себѣ, пока о насъ не позаботились другіе».

1170 годъ.

Богъ вложилъ въ сердце Мстислава Изяславича добрую мысль о Руской землѣ, которой онъ всею душою желалъ добра. Собралъ онъ родственныхъ князей и началъ совѣтоваться съ ними такъ: «братья, пожалѣйте о землѣ Руской, вашей отчинѣ и дѣдинѣ, что Половцы каждое лѣто уводятъ христіанъ въ свои кочевья; даютъ намъ клятвы и постоянно ихъ нарушаютъ; уже они отнимаютъ у насъ и греческій путь, и соляной и золотной. Хорошо было бы намъ, братья, взирая на Божію помощь и на молитву Святой Богородицы, снискать себѣ честь и славу путемъ отцовъ нашихъ и дѣдовъ.—Такія слова Мстислава угодны были прежде всего Богу, потомъ всѣмъ князьямъ и ихъ людямъ. Князья отвѣчали Мстиславу: «братъ, помоги Богъ тебѣ въ томъ, что Богъ вложилъ тебѣ въ сердце такую мысль; а намъ дай Богъ за христіанъ и за Рускую землю сложить наши головы и быть причтеннымъ къ лику святыхъ мучениковъ». Мстиславъ послалъ въ Черни-

говъ ко всѣмъ потомкамъ Олега и Всеволода, приказывая имъ явиться къ себѣ. Въ то время Ольговичи повиновались Мстиславу; замыселъ Мстислава одобренъ всѣми. Въ Кіевъ собрались князья: Рюрикъ и Давидъ—весь полкъ, а самъ онъ былъ нездоровъ, Святославъ и Ярославъ Всеволодовичи, Олегъ Святославичъ, братъ его Всеволодъ, Ярославъ изъ Луцка, Ярополкъ, Мстиславъ Всеволодовичъ, Святополкъ Юрьевичъ, Глѣбъ изъ Переяславля, братъ его Михалко и много другихъ. Положась на Божію помощь, на силу честнаго креста и молитву Святой Богородицы, выступили князья изъ Кіева 2-го марта, въ субботу середокрестной недѣли. Ярополкъ Изяславичъ, братъ Мстислава, дорогою заболѣлъ сильно, но не хотѣлъ отстать отъ своихъ родичей, и когда находился въ Тумащи, почувствовалъ себя очень дурно. За Коневомъ настигло Мстислава извѣстіе, что братъ его сильно нездоровъ. Мстиславъ послалъ къ игумену (печерскому) Поликарпу и къ своему священнику Даніилѣ, велѣлъ имъ ѣхать къ брату Ярополку и наказалъ имъ такъ: «если Богъ приметъ моего брата, то, убравъ тѣло его, везите въ монастырь Св. Ѳеодора».—Ярополкъ, сынъ Изяслава, скончался 7-го марта, въ четвергъ середокрестной недѣли; тѣло его положили въ храмѣ Св. Ѳеодора, гдѣ и отецъ его лежитъ.—Но мы возвратимся къ прежнему разсказу. Князья шли 9 дней отъ Кіева. Половцамъ пришло извѣстіе отъ *кощея* Гаврилкова Исславича, что идутъ на нихъ русскіе князья. Половцы бѣжали, покинувъ женъ и дѣтей. Князья, узнавъ, что Половцы бѣжали, побросавъ и жепъ и повозки свои, поѣхали поспѣшно за ними, а Ярослава Всеволодовича оставили назади у обозовъ. Захватили юрты (вежи) ихъ на рѣкѣ Углѣ, а другіе по Снопороду; самихъ Половцевъ нагнали у Чернаго лѣса и тутъ, прижавъ ихъ къ лѣсу, однихъ избили, а другихъ взяли руками. Бастій и многіе другіе преслѣдовали ихъ даже за Въсколъ (рѣка Осколъ), поражая ихъ. И до того много забрали добычи, что всѣ русскіе воины въ избыткѣ пріобрѣли и *колодниковъ*, и *чашь*, и дѣтей, и рабовъ (челядп), и скота, и коней; отбили и находившихся въ плѣну христіанъ и отпустили ихъ всѣхъ на волю. Всѣ князья жаловались на Мстислава, что онъ тайно почью отъ нихъ посылалъ за добычею *седѣльниковъ* своихъ и *кощеевъ*, и съ тѣхъ поръ сердце ихъ не лежало къ нему. Съѣхавшись, всѣ князья осмотрѣли свои полки видѣли, что при помощи Божіей всѣ здоровы и изо всѣхъ полковъ убиты только двое: Коснятинъ Васильевичъ, братъ Яруновъ, и седѣльникъ Ярослава Изяславича, а Коснятинъ Хотовичъ захва-

ченъ въ плѣнъ.—Князья, похваливъ всемилостиваго Бога и силу животворящаго креста, возвратились домой съ великою радостію, и пришли они въ свои дома на самое воскресеніе. И людямъ была двойная радость—и воскресеніе Господне, и возвращеніе ихъ князей съ побѣдою и радостью. Потомъ немного времени прошло, Мстиславъ послалъ за своими родичами, и собралось въ Кіевъ много князей: Ярославъ изъ Луцка, Владиміръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Вручего (Овручъ), Давидъ изъ Вышегорода и Иванъ Юрьевичъ изъ Турова. Мстиславъ сказалъ князьямъ: «братья, вотъ мы сдѣлали Половцамъ много зла, захватили ихъ юрты, побрали въ плѣнъ ихъ дѣтей, стада и скотъ, но все же они будутъ вредить нашему *гречнику* и *залознику*; выйдемъ же на встрѣчу *гречнику*».—Слова эти понравились князьямъ, и они отвѣчали: «пусть такъ и будетъ; тамъ и наша доля, и всей Русской земли». Пошли они и стали у Конева. Князь Глѣбъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ Мстислава и, давъ ему много даровъ, отпустилъ его съ любовью. Но изстари хитрый діаволъ не желаетъ добра каждому христіанину и согласія между братьями. Борисловичи, Петръ и Нестеръ, начали говорить Давиду дурныя рѣчи про Мстислава, вымышляя. А на Мстислава злились они за то, что онъ ихъ отпустилъ отъ себя за ту вину, что ихъ слуги украли лошадей изъ Мстиславова стада и положили на нихъ свои клейма, чтобы ихъ узнать нельзя было. Давидъ имъ повѣрилъ и сталъ говорить брату Рюрику: «братъ, пріятели мнѣ говорятъ, что Мстиславъ хочетъ насъ схватить». Рюрикъ отвѣчалъ: «братъ, а за что? Какая наша вина? Давно ли онъ цѣловалъ къ намъ крестъ».—Давиду сказали и то: «если Мстиславъ станетъ васъ звать на обѣдъ, то вы тамъ будете схвачены, и это наше слово къ вамъ справедливое». А Мстиславъ и не зналъ о томъ, и мысли такой въ головѣ у него не было, но онъ съ князьями-родичами обращался съ искреннею любовью. Мстиславъ сталъ звать на обѣдъ Рюрика и Давида; тѣ къ нему не поѣхали и велѣли ему сказать: «если ты къ намъ поцѣлуешь крестъ, что ты на насъ ничего дурнаго не замышляешь, то мы тогда только поѣдемъ къ тебѣ».—Мстиславъ ужаснулся въ душѣ и объявилъ своей дружинѣ: «братья, мнѣ велятъ крестъ цѣловать, а я не знаю въ чемъ моя вина». Дружина отвѣчала: «неприлично требованіе твоихъ братьевъ, чтобы ты цѣловалъ къ нимъ крестъ. Вѣроятно, дурные люди, завидуя той любви, которую ты питаешь къ родичамъ, вкинули какое-нибудь злонамѣренное слово. Злой человѣкъ вѣдь хуже бѣса—и бѣсъ

того не вздумаетъ, что злому человѣку прійдетъ на мысль; а ты, князь, во всякомъ случаѣ правъ передъ Богомъ и передъ людьми. Ты безъ насъ не могъ бы того ни задумать, ни исполнить, и мы вполнѣ знаемъ твою искреннюю любовь ко всѣмъ твоимъ родственникамъ. Ты пошли сказать Рюрику и Давиду: я крестъ поцѣлую къ вамъ, что я дурнаго ничего на васъ не замышлялъ, а вы мнѣ выдайте — кто насъ коритъ». Мстиславъ послалъ къ Давиду съ такою рѣчью. Давидъ сказалъ: «а если я этихъ выдамъ, то послѣ того кто мнѣ что-нибудь скажетъ»? Мстиславъ, полагаясь на правду Божію и силу честнаго креста, цѣловалъ къ Рюрику и Давиду крестъ, и они къ нему цѣловали, но сердце ихъ не лежало къ нему искренно.—Въ это же время Владиміръ Андреевичъ сталъ просить у Мстислава прибавки владѣній. Тотъ, понявъ, что съ дурнымъ (коварнымъ) умысломъ онъ проситъ, сказалъ ему: «братъ Владиміръ, давно ли ты цѣловалъ мнѣ крестъ и взялъ себѣ владѣній»? Тотъ разсердился и отправился въ Дорогобужъ. — Въ Суздалѣ княжилъ Андрей Юрьевичъ; не любилъ онъ Мстислава. Новгородцы прислали къ Мстиславу просить у него сына и онъ далъ имъ Романа. Вслѣдствіе этого между князьями началось еще большее неудовольствіе противъ Мстислава; стали они сноситься между собою и заключили противъ него скрѣпленный клятвами союзный договоръ. Андрей отправилъ изъ Суздаля своего сына Мстислава и Бориса Жидиславича, съ своими полками ростовскими, владимірскими и суздальскими, на кіевскаго князя Мстислава Изяславича. Всѣхъ князей при войскѣ было 11: Глѣбъ Юрьевичъ изъ Переяславля Романъ изъ Смоленска, Владиміръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ изъ Овруча, Давидъ изъ Вышегорода, его братъ Мстиславъ, Олегъ Святославичъ, Игорь, его братъ, Всеволодъ Юрьевичъ и Мстиславъ, внукъ Юрьевъ. Мстиславъ въ это время отправилъ князя Михалка Юрьевича въ Новгородъ къ сыну съ Коуями и Бастѣевою *чадью*. Рюрику и Давиду дали знать, что Андреевичъ и Романъ близко идутъ съ Смольянами; они послали и взяли Михалко за Межимостьемъ, когда онъ шелъ къ Мозырю; обманъ этотъ сдѣлалъ надъ Михалкомъ Бастій.

1171 годъ.

Собрались всѣ князья въ Вышегородѣ; на Ѳедоровой недѣлѣ они пришли и стали на Дорогожичи, подлѣ храма Св. Кирилла, а на второй недѣлѣ обступили весь Кіевъ. Мстиславъ тамъ затво-

рился; изъ города оборонялись крѣпко, но сильно было и нападеніе со всѣхъ сторонъ. Мстиславу трудно приходилось въ городѣ: Берендѣи и Торки дѣйствовали коварно въ отношеніи къ нему. Три дни стояли у города; дружина всѣхъ князей спустилась Серховицею и бросилась внизъ на непріятеля; Мстиславу стали стрѣлять въ тылъ. Дружина начала ему говорить: «что ты, князь, стоишь? Ступай изъ города,—намъ не совладать съ врагами».—И помогъ Богъ Мстиславу Андреевичу съ князьями и взяли они Кіевъ. Мстиславъ Изяславичъ бѣжалъ изъ Кіева на Василевъ; *Бастьева чадь* нагнала его, начала стрѣлять ему въ плечи и около него побрали много дружины. Взяты были Дмитръ Хоробрый и Олекса *дворьскій*, Сбыславъ Жирославичъ и Иванко Творимирычъ, Родъ, *тіунъ* Мстиславовъ, и много другихъ. За Уновью Мстиславъ свидѣлся съ братомъ своимъ Ярославомъ, и такъ они вмѣстѣ поѣхали во Владиміръ. Кіевъ взятъ 8-го марта, въ середу второй недѣли поста, и два дни грабили весь городъ, Подолье, Гору, монастыри, храмы Св. Софьи и Десятинной Богородицы. И никому и ни откуда не было спасенья; горѣли церкви, христіане были умерщвляемы, а другіе заключаемы въ оковы; женъ вели въ плѣнъ, разлучая вынужденно отъ ихъ мужей; младенцы плакали, глядя на матерей своихъ. Взято было тутъ множество имущества; у церквей обобрали иконы, книги и ризы; Смольяне, Суздальцы и Черниговцы и Олегова дружина вынесли всѣ колокола и всю святыню побрали. Язычники зажгли Печерскій монастырь Святыя Богородицы, но Богъ, молитвами Святой Богородицы, сохранилъ ихъ отъ такой бѣды. Въ Кіевѣ во всѣхъ его жителяхъ были стоны, и жалобы, и скорбь неутѣшная, и не переставали литься слезы. Все это случилось за грѣхи наши.

Начало княженія въ Кіевѣ Глѣба Юрьевича. Мстиславъ Андреевичъ, 8-го марта, посадилъ въ Кіевѣ на престолѣ Глѣба Юрьевича, дядю своего. Тотъ далъ сыну своему Владиміру Переяславль, а Мстиславъ Андреевичъ, съ великою честью и славою, отправился въ Суздаль, къ отцу своему Андрею. Мстиславъ Изяславичъ, съ братомъ Ярославомъ и Галичанами, пошелъ къ Дорогобужу на Владиміра Андреевича и остановился съ войсками около города, дѣйствуя непріязненно. Владиміръ былъ сильно нездоровъ и потому-то, вслѣдствіе болѣзни, не вышелъ на бой. Мстиславу отдавались города; онъ вывелъ жителей Щумска и послалъ ихъ въ Владиміръ; туда же отправилъ онъ посадника Паука, воспитателя Владимірова. Взявъ и предавъ огню много другихъ городовъ, онъ

воротился домой. Глѣбъ не послалъ вспомоществованія Владиміру: хотя и онъ обѣщался послать ему помощь, но не послалъ. Въ концѣ этого года умеръ князь Владиміръ Андреевичъ, января 28-го; его привезли въ Вышегородъ, въ пятницу Ѳедоровой недѣли; нѣсколько дней онъ лежалъ непогребеннымъ. Князь Глѣбъ послалъ въ Вышегородъ Поликарпа, игумена Печерскаго монастыря, и Симеона, игумена Святаго Андрея, съ приказаніемъ привезть тѣло Владиміра въ Кіевъ, а самъ поѣхалъ на другую сторону Днѣпра, въ Городокъ, а оттуда въ Переяславль.—Владиміръ Мстиславичъ находился въ Половомъ; услыхавъ, что Владиміръ Андреевичъ умеръ, онъ отправился къ Дорогобужу. Дружина Владиміра Андреевича не впустила его въ городъ. Владиміръ Мстиславичъ послалъ къ Славну и дружинѣ сказать: «цѣлую крестъ къ вамъ и княгинѣ вашей, что я на васъ и не посмотрю-то плохо (т. е. со злостью), ни на невѣстку, ни на села ея, ни на что иное». Онъ цѣловалъ крестъ къ нимъ и вошелъ въ городъ; на другой же день нарушилъ онъ данную клятву. Онъ сталъ присвоивать имущество умершаго Владиміра Андреевича, его села и стада, а вдову его погналъ изъ города. Она, взявъ тѣло князя, отправилась на Овручъ въ Вышегородъ.—Въ этомъ же году Мстиславъ Изяславичъ выступилъ было изъ Владиміра въ Кіевъ войною: съ нимъ были: братъ его Ярославъ, Галичане, Святополкъ Юрьевичъ и Всеволодовичи прислали ему отъ себя подкрѣпленіе.—Вернемся же къ прежнему разсказу: на другой день, въ субботу, пошли мы изъ Вышегорода съ тѣломъ Владиміра Андреевича. Князь Давидъ не пустилъ княгиню проводить тѣло мужа до Кіева, и сказалъ ей: «какъ я могу пустить тебя, невѣстка? Нынѣшнюю ночь пришло мнѣ извѣстіе, что Мстиславъ въ Василевѣ» Дружинѣ покойнаго Давидъ сказалъ: «кто изъ васъ хочетъ, пусть идетъ». Тѣ ему отвѣтили: «князь, самъ ты знаешь, что мы надѣлали Кіевлянамъ; намъ нельзя ѣхать,—они насъ перебьютъ». Игуменъ Поликарпъ сказалъ: «князь, дружина Владиміра Андреевича не хочетъ его проводить; отпусти нѣсколько человѣкъ изъ своей дружины, а то некому ни коня повесть ни понесть знамя».—Давидъ сказалъ: «его знамя и честь покончились съ его жизнью», но потомъ прибавилъ: «возьми священниковъ отъ церкви Св. мученикъ Бориса и Глѣба».—Игумены, монахи, священники, Кіевляне съ благодарностью (sic!), съ приличными пѣснями положили тѣло въ монастырѣ Св. Андрея, февраля 15-го, въ субботу первой недѣли поста.

1172 годъ.

Мстиславъ съ значительными силами отправился къ Берендѣямъ и Торкамъ. Соединясь съ ними, выступилъ сначала къ Треполю, а оттуда пошелъ къ Кіеву. Войдя въ Кіевъ, онъ заключилъ договоръ съ родственниками, съ Ярославомъ и Владиміромъ Мстиславичемъ, съ Галичанами, со Всеволодковичемъ и Святополкомъ Юрьевичемъ и съ Кіевлянами; а Торки и Берендѣи обманывали его. Онъ пошелъ къ Вышгороду; воины бросились къ городу, но оттуда встрѣтили крѣпкій отпоръ. Давидъ приказалъ своимъ сжечь наружныя укрѣпленія (острогъ) еще до прихода непріятеля. Мстиславъ сталъ подъ боромъ (сосновымъ лѣсомъ), и оттуда приходя, его воины сражались. У Давида въ городѣ находилось много его дружины, вспомогательныя войска его братьевъ. Князь Глѣбъ прислалъ своего тысяцкаго Григорія съ подкрѣпленіемъ; находились тутъ и дикіе Половцы, Копчакъ съ своимъ родомъ, и свои Берендѣи, Бастѣева *чадь*. У Галичанъ, присланныхъ Ярославомъ, воеводою былъ Коснятинъ. Онъ сказалъ Ярославу: «велѣлъ мнѣ мой князь Ярославъ пять дней стоять у Вышегорода и идти домой». И послалъ къ нему Мстиславъ сказать: «мнѣ братъ Ярославъ такъ говоритъ: доколѣ не уладишься съ твоими родными, до тѣхъ поръ не отпускай полковъ моихъ отъ себя». Но тѣ написали ложную грамоту и послали къ нему, и Галичане отъ него ушли. Мстиславъ съ другими князьями сталъ передъ Золотыми воротами въ огородахъ; изъ Вышегорода выѣзжали язычники, да и свои дикіе Половцы много зла дѣлали — однихъ избивали, а другихъ руками брали; взяли тысяцкаго Всеволодковича и много другихъ; а отъ Мстислава разошлись всѣ союзныя войска, такъ какъ они выбились изъ силъ. Пришла вѣсть Мстиславу, что Глѣбъ переходитъ на эту сторону съ Половцами и къ Давиду пришли значительныя подкрѣпленія. Мстиславъ объявилъ другимъ, союзнымъ съ нимъ, князьямъ.—Братья сказали ему: «вотъ воины отъ насъ разошлись, а врагамъ нашимъ приходятъ новыя силы. Черные Клобуки хитрятъ съ нами. Мы не въ состояніи противиться имъ; поѣдемъ въ наши владѣнія, а тамъ, немного отдохнувъ, возвратимся». Мстиславъ пошелъ отъ Кіева въ понедѣльникъ второй недѣли послѣ Свѣтлаго праздника. Давидъ, получивъ извѣстіе о движеніи Мстислава, послалъ Поляка Володислава съ Половцами вслѣдъ за нимъ; они нагнали его у Борохова, и тутъ, послѣ перестрѣлки съ непріятелями, возвратились; а Половцы возвратились назадъ, сдѣлавъ много зла и людей захвативъ. Глѣбъ пустилъ Половцевъ въ юрты, и они,

выступивъ, стали за Васильевымъ у *сѣдельниковъ*, дожидая своей дружины. Василько Ярополковичъ, узнавъ о нихъ изъ Михайлова, поѣхалъ на нихъ почью, а ночь была темная; не попали они на настоящую дорогу и проплутали всю ночь, а когда солнце всходило, они ударили на непріятеля. Половцы, соединясь съ сѣдельниками, сразились съ ними; Василько самъ съ трудомъ ушелъ въ городъ; дружину около него избили, а другихъ побрали руками.—Тогда Глѣбъ выступилъ на Василька къ Михайлову съ Рюрикомъ, Давидомъ и Мстиславомъ; помирясь съ нимъ, самого отпустили въ Черниговъ, а городъ сожгли и окопы разрыли.—Въ этомъ же году скончался князь Святославъ Ростиславичъ на Волокѣ; онъ въ то время опустошалъ владѣнія новгородскія. Убравъ какъ слѣдуетъ его тѣло, повезли въ Смоленскъ и положили тѣло его съ честью въ храмѣ у Святой Богородицы епископскомъ. Этотъ благовѣрный князь Святославъ Ростиславичъ былъ украшенъ всякаго рода добродѣтелями; храбрый на войнѣ, онъ оказывалъ любовь ко всѣмъ. Въ особенности расположенъ былъ онъ давать милостыню, снабжалъ монастыри и утѣшалъ монаховъ; и мірскія церкви не оставлялъ своимъ пособіемъ, но священникамъ и всему духовному званію оказывалъ достойную почесть.—Онъ имѣлъ дружину и имѣнія на нее не щадилъ: не собиралъ золота и серебра, но отдавалъ дружинѣ или заботился о своей душѣ. Присоединился онъ къ предкамъ, отдавъ общій долгъ, котораго избѣжать (уйдти) не можетъ ни одинъ рожденный.—Въ этомъ же году родился у Мстислава Андреевича сынъ, котораго назвали въ святомъ крещеніи Василій. Въ этомъ же году Богъ и Святая Богородица совершили новое чудо въ городѣ Владимірѣ: изгнали Богъ и Святая Богородица Владимірская злаго, пропырливаго и гордаго обманщика, лживаго владыку *Ѳедорька* изъ Владиміра отъ Златоверховой церкви Святой Богородицы и отъ всей земли Ростовской. Не захотѣлъ онъ благословенія и удалился отъ него. Этотъ нечестивецъ не хотѣлъ слушать христолюбиваго князя Андрея, который приказывалъ ему идти въ Кіевъ принять поставленіе, и онъ, Ѳедорецъ, не хотѣлъ того сдѣлать, но скорѣе-то не захотѣли его Богъ и Святая Богородица и извергли его изъ земли Ростовской. Богъ, когда хочетъ наказать человѣка, отнимаетъ у него умъ; такъ и надъ этимъ Ѳедорцемъ сдѣлалъ Богъ и отнялъ у него умъ. Князь о немъ мыслилъ доброе и добра желалъ ему, но тотъ не только не хотѣлъ принять поставленіе отъ митрополита, но и всѣ церкви во Владимірѣ затворилъ и взялъ ключи церковные, и не было ни звона, ни пѣнія по всему

городу и въ соборной церквѣ, гдѣ находится чудотворная икона Матери Божіей и всякаго рода святыня, къ которой всѣ христіане прибѣгаютъ со страхомъ, утѣшеніе и защиту находя въ ней и принимая отъ нея исцѣленіе и душою и тѣломъ. И ту церковь осмѣлился запереть, и такъ разгнѣвалъ Бога и Святую Богородицу. Онъ изгнанъ 8-го мая въ день празднованія Святаго Іоанна Богослова. Во время управленія епископіею этого Ѳеодорца, много людей пострадало отъ него; потеряли они села, оружіе и коней, а другіе попали въ тяжкія работы. Сосланы въ ссылку и ограблены не только простые люди, но и монахи, игумены, іереи. Не знавъ жалости, этотъ мучитель иным людямъ головы рѣзалъ и бороды, другимъ глаза выжигалъ и языки вырѣзывалъ; нѣкоторыхъ распиналъ по стѣнѣ и мучилъ немилосердо, домогаясь присвоить себѣ ото всѣхъ имущество; онъ былъ ненасытенъ какъ адъ. Князь Андрей послалъ Ѳедорца въ Кіевъ къ митрополиту. Митрополитъ Константинъ призналъ Ѳедорца виновнымъ во всемъ, что на него взводили; приказалъ отвесть его на Песій островъ; тутъ у него отрѣзали языкъ, какъ у злодѣя еретика, отсѣкли правую руку и глаза вынули за то, что онъ высказалъ хулу на Святую Богородицу. Да истребятся грѣшники отъ земли и не будетъ ихъ. Сбылось евангельское слово: какою вы мѣрою мѣрите, такою станутъ мѣрить и вамъ. Какимъ судомъ судите, такимъ и васъ будутъ судить, и не будетъ оказано милосердія на судѣ тому, кто самъ его не имѣлъ.—Другое изреченіе священнаго писанія говоритъ: если кто подвергается мученію за беззаконіе, то награды не получаетъ. Грѣшникъ и здѣсь за грѣхъ терпитъ мученіе и на судѣ будетъ осужденъ на казнь. Такъ и этотъ Ѳеодорецъ, оставался безъ покаянія до послѣдняго издыханія и уподобился злымъ еретикамъ, не знающимъ раскаянія, погубилъ душу свою и съ тѣломъ, и погибла его память съ шумомъ. Съ такимъ почетомъ обращаются бѣсы съ своими поклонниками; такъ и этого довели бѣсы: вознеся мысль его до облаковъ, приготовили въ немъ втораго Сатанаила и низвергли его во адъ. Болѣзнь обратилась на его голову и несправедливость его на него же упала (обрушилась),—изрылъ ровъ, выкопалъ яму и упалъ въ нее. Такъ бѣдственно окончилъ онъ свою жизнь, а христіане, будучи избавлены Богомъ и Святою Богородицею, радовались и съ веселіемъ говорили: благословенъ Ты, Христосъ Богъ нашъ, что Тобою прошли мы сквозь огонь и воду и пришли къ доброму наслажденію Тебя, спасшаго насъ твоимъ благоизволеніемъ. Ты страшенъ,—кто можетъ тебѣ

противиться? Кто можетъ сравниться величіемъ силы съ Тобою? Ты всесиленъ, Ты дѣлаешь и убогими и богатыми. Ты умерщвляешь и оживляешь, творишь все премудро, ночь смѣняешь днемъ и зиму весною, бурю тишиною, тучу возводишь послѣ засухи, кроткихъ возводишь на высоту, а грѣшниковъ смиряешь до земли. Видя обиду, какую кроткіе люди Ростовской земли терпятъ отъ звѣрскаго Ѳеодорца и погибаютъ отъ него, посѣтилъ Спасъ людей своихъ рукою крѣпкою, силою великою,—рукою благочестивою, царскою, правдиваго и благовѣрнаго князя Андрея. Это мы написали, чтобы не всѣ кидались на санъ святительскій, но кого позоветъ Богъ. Всякій даръ сходитъ отъ Тебя, Отецъ свѣтовъ, свыше. Кого люди благословятъ на землѣ, тотъ будетъ благословенъ, а кого проклянутъ, тотъ будетъ проклятъ. Такъ и этотъ Ѳедорецъ не захотѣлъ благословенія и удалился отъ него; злой злымъ образомъ и погибнетъ.—Въ это же лѣто чудо сотворили Богъ и Десятинная церковь Святой Богородицы въ Кіевѣ, созданная Владиміромъ, крестившимъ Русскую землю и давшимъ той церкви десятину (десятый сборъ) по всей Руской землѣ. Матерь Божія совершила то чудо сверхъ нашего ожиданія. Глѣбъ Юрьевичъ находился въ Кіевѣ на престолѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ. На первый же годъ пришло много Половцевъ, раздѣлившись на двое: одни пошли къ Переяславлю и стали у Песочна, а другіе пошли по той сторонѣ Днѣпра къ Кіеву и стали у Корсуня. Тѣ и другіе прислали къ Глѣбу сказать:«Богъ и князь Андрей возвратили тебѣ Кіевъ, собственность твоихъ отцовъ и дѣдовъ. Хотимъ мы заключить съ тобою договоръ и скрѣпимъ его, и мы, и ты, клятвою, чтобы ни вы насъ не боялись, ни мы васъ». Глѣбъ, услыхавъ рѣчи половецкихъ князей, хотѣлъ къ нимъ идти на свиданіе, и сказалъ половецкимъ посламъ: «иду къ вамъ». Совѣтовался онъ съ дружиною—къ которымъ идти прежде? Положили идти сначала къ Переяславлю, оберегая Переяславль, потому что переяславскій князь Владиміръ Глѣбовичъ былъ еще очень молодъ, всего 12 лѣтъ. Глѣбъ отправился на свиданіе къ переяславскимъ Половцамъ, а къ другимъ, тѣмъ, что на руской (кіевской) сторонѣ, послалъ сказать: «подождите меня здѣсь,—я ѣду въ Переяславль; заключу миръ съ тѣми Половцами, а потомъ прійду къ вамъ насчетъ мира». Помирясь съ Половцами и одаривъ ихъ, Глѣбъ отъ нихъ поѣхалъ, а Половцы возвратились въ свою землю.—Глѣбъ Юрьевичъ съ братомъ своимъ Михалкомъ и дружиною поѣхалъ къ Половцамъ, находившимся у Корсуня. Уже онъ былъ на Перепетовскомъ полѣ, какъ

Половцы, услыхавъ, что Глѣбъ поѣхалъ къ Переяславлю, придумали такъ: «Глѣбъ поѣхалъ теперь на ту сторону Днѣпра къ другимъ Половцамъ, а тамъ онъ промѣшкаетъ; къ намъ не поѣхалъ, пойдемъ за Кіевъ, возмемъ села и съ добычею удалимся въ нашу землю». Половцы поѣхали за Кіевъ грабить, и пріѣхали къ городу Полоному, собственности Десятиннаго храма Святой Богородицы, и къ Семачу, захватили селъ безъ счета съ ихъ жителями, мущинами и женщинами, лошадьми, скотомъ и овцами и погнали въ землю Половецкую. Глѣбъ князь поѣхалъ въ обратный путь изъ Переяславля и хотѣлъ переѣхать Днѣпръ къ Корсуню, чтобы видѣться съ Половцами. Онъ находился на Перепетовскомъ полѣ и тутъ получилъ извѣстіе, что Половцы, не дождавшись съ нимъ свиданія, поѣхали на грабежъ и грабятъ. Услыхавъ то, Глѣбъ хотѣлъ на нихъ самъ идти, но Берендѣи схватили коня за поводъ и сказали: «князь, не ѣзди; прилично тебѣ ѣздить съ большимъ войскомъ и когда ты соединишься съ другими князьями, а теперь пошли какого-либо брата и нѣсколько Берендѣевъ. Глѣбъ отрядилъ брата Михалка и сто Переяславцевъ и полторы тысячи Берендѣевъ. Михалко тотчасъ же послушалъ брата, хотя съ нимъ и не было его дружины, не знавшей о его поспѣшномъ отъѣздѣ. Простясь съ Глѣбомъ и его близкими, пошелъ съ Берендѣями къ той дорогѣ, по которой должны были идти Половцы. Нашли они сторожей половецкихъ, числомъ ихъ было 300, и окружили ихъ, и однихъ избили, а другихъ побрали въ плѣнъ, такъ что и вѣсти о томъ не было. Взятыхъ живьемъ въ плѣнъ стали спрашивать: «а много тамъ вашихъ назади»? Тѣ отвѣчали: «много, тысячъ семь». Услыхавъ это, наши стали совѣтоваться: «если мы этимъ даруемъ жизнь, то позади много Половцевъ, а насъ мало; съ тѣми начнемъ мы сражаться, а эти намъ будутъ первые враги». Избили всѣхъ плѣнныхъ Половцевъ, не пощадивъ никого, и пошли по ихъ дорогѣ. У Михалка начальникомъ воиновъ былъ Володиславъ, братъ Япа. Они встрѣтили Половцевъ, шедшихъ съ добычею, сразились съ ними и побѣдили; самихъ избили, а добычу отняли. Стали спрашивать Половцевъ: «много ли васъ еще назади»? Тѣ отвѣтили: «вотъ только теперь идетъ назадъ нашъ главный полкъ». Наши, Божіею помощью и Святой Богородицы, укрѣпились, дождались того главнаго полка и поѣхали ему на встрѣчу, возложивъ надежду на честной крестъ (было у язычниковъ 900 копей, а у Руси только 90). Надѣясь на силу, язычники пошли на встрѣчу нашихъ, а наши противъ нихъ. Переяславцы, очень смѣлые въ бою,

поѣхали впередъ съ Михалкомъ. Берендѣи взяли княжескаго копя за поводъ и не допустили ему и Переяславцамъ ѣхать, говоря: «не ѣздите вы напередъ: вы—нашъ оплотъ, (нашъ городъ), а мы пойдемъ впередъ». Сошлись стрѣлки, и съ той и другой стороны сдѣлалась злая сѣча; убили нашего знаменосца и знамя сорвали съ древка. Въ бою обѣ стороны пришли въ замѣшательство. Володиславу пришла мысль взять древко знамени Михалкова и надѣть на него шлемъ. Собрались наши и бросились на Половцевъ; убили половецкаго знаменосца. Непріятели напесли князю Михалку два удара въ бокъ и третій въ руку, но Богъ, по молитвѣ отца его, избавилъ отъ смерти, какъ и прежде на извилинѣ морскаго берега (на лукоморьи). Храбро сражались наши съ Половцами, и видя, что они побѣжали, погнались за ними, однихъ убивали, а другихъ схватывали; взяли руками полторы тысячи Половцевъ; остальныхъ избили, а князь ихъ, Тоглій, бѣжалъ. Такъ ясно обнаружилась помощь честнаго креста и Святой Матери Божіей великой Десятинной, въ томъ, что Половцы заняли было монастырскія владѣнія. Если Богъ не дастъ въ обиду простаго человѣка, если его начнутъ обижать, то тѣмъ болѣе не допуститъ обидѣть домъ Своей Матери. Михалко съ Переяславцами и Берендѣями пришелъ въ Кіевъ, побѣдивъ Половцевъ, а христіане, находившіеся въ плѣну, вернулись домой, избавленные отъ тяжкой работы. Всѣ христіане прославили Бога и Святую Богородицу, скорую помощницу роду христіанскому.

Въ концѣ этого года сдѣлался боленъ князь Мстиславъ Изяславичъ во Владимірѣ. Болѣзнь усиливалась, и онъ послалъ за Ярославомъ, братомъ своимъ, чтобы потолковать съ нимъ о своихъ дѣтяхъ. Онъ ему поручилъ ихъ, и Ярославъ далъ клятву, что не будетъ отнимать владѣній у племянниковъ. 19-го августа скончался Мстиславъ и тѣло его съ должною почестью и пѣснями положили въ епископской церкви Св. Богородицы, которую онъ самъ построилъ во Владимірѣ.

1173 годъ.

Романъ Ростиславичъ съ братомъ Мстиславомъ ходилъ войною на Романа Мстиславича къ Великому Новгороду. Андрей послалъ своего сына Мстислава и воеводу Бориса Жирославича со всею дружиною и съ полками ростовскими и суздальскими, и рязанскихъ и муромскихъ князей онъ послалъ съ ихъ полками. Такъ было много воиновъ, что и счесть ихъ невозможно было. Войдя

сначала въ землю Новгородцевъ, они сдѣлали много вреда: взяли села и пожгли, людей избили, женъ и дѣтей, и имущество взяли, а также и стада скота захватили; потомъ пришли къ городу. Новгородцы съ княземъ Романомъ заперлись въ городѣ и сражались храбро изъ города. Полки, прійдя, остановились далеко отъ города и, приходя къ городу, бились упорно. Мстиславъ проникъ было въ ворота, убилъ нѣсколько человѣкъ и вернулся назадъ къ своимъ. Открылось сильное моровое повѣтріе и на лошадей, и въ войскахъ. Никакого вреда не успѣли сдѣлать Новгороду и вернулись домой; чуть пѣшіе добрались туда, потерявъ копей, а многіе и съ голоду померли. Столь труднаго похода никогда еще не бывало; пришлось даже нѣкоторымъ питаться кониною въ великій постъ. Случилось это по грѣхамъ нашимъ. Мы слышали, что за три года передъ тѣмъ было явленіе въ Новгородѣ, и всѣ люди видѣли, что въ трехъ перквахъ новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ Святая Богородица. Матерь Божія, видя гибель, готовую обрушиться на Новгородъ съ его владѣніями, умоляла Сына Своего со слезами, чтобы Онъ ихъ отнюдь не искоренялъ, какъ прежде Содомъ и Гоморъ, но чтобы помиловалъ, какъ Ниневитянъ. Что и случилось. Богъ и Матерь Божія видимо избавили своею милостію Новгородцевъ, такъ какъ они христіане. И Давидъ говоритъ въ своемъ твореніи: «наказаніемъ накажи меня, Господь, но смерти меня не предавай». Такъ и жители Новогорода: Богъ ихъ наказалъ и очень смирилъ за нарушеніе клятвы и гордость,—послалъ на нихъ великія бѣдствія; но городъ ихъ избавилъ Своею милостью. Мы не говоримъ, что правы Новгородцы тѣмъ, что издавна они освобождены прадѣдами князей нашихъ, но въ нихъ вкоренилось злое невѣріе: нарушаютъ они клятвы, данныя князьямъ, внуковъ и правнуковъ ихъ безчестятъ и страмятъ, и играютъ данною имъ присягою. То доколь было Господу все это терпѣть имъ? За грѣхи навелъ и наказалъ, такъ какъ они заслужили, рукою благовѣрнаго князя Андрея.

Въ концѣ этого года къ Роману пришло извѣстіе о смерти отца. Романъ объявилъ о томъ своей дружинѣ и пріятелямъ изъ Новгородцевъ. Дружина подумала и сказала ему: «князь, долѣе здѣсь находиться не можешь; отправляйся во Владиміръ къ твоимъ братьямъ». Онъ послушалъ совѣта своей дружины и поѣхалъ къ братьямъ. Въ то время у него младшій братъ.... міръ померъ въ Брестѣ. Андрей послалъ къ Рюрику Ростиславичу и давалъ ему Великій Новгородъ. Рюрикъ пріѣхалъ, владѣнія свои отдалъ брату

Давиду и 8-го августа поѣхалъ въ Новгородъ. Октября 8-го у Игоря родился сынъ и назвали его Владиміромъ, а въ крещеніи Петромъ. Половцы пришли на кіевскую сторону и захватили за Кіевомъ множество селъ съ людьми, скотомъ и лошадьми, и отправились съ большою добычею въ свою землю. Глѣбъ, кіевскій князь, въ то время былъ боленъ: онъ послалъ за своими братьями, Михалкомъ и Всеволодомъ. Тѣ тотчасъ же пріѣхали къ нему, и онъ послалъ ихъ вслѣдъ за Половцами, ихъ нагнали они за рѣкою Бугомъ съ Берендѣями и Торками и своимъ воеводою Владиславомъ, напали они на ихъ дорогу и поѣхали по ней слѣдомъ за ними, встрѣтили ихъ съ добычею и сразились съ ними. Божіею помощью, однихъ избили, другихъ взяли въ плѣнъ и спросили плѣнныхъ: «много ли вашихъ назади»? Тѣ отвѣчали: «много». Володиславъ сказалъ: «этихъ плѣнныхъ держимъ мы себѣ на смерть, но прикажи, князь, ихъ порубить». И умертвили всѣхъ плѣнныхъ. Поѣхали по дорогѣ вслѣдъ за Половцами и встрѣтили другихъ свѣжихъ, сошлись съ ними и храбро сразились. Богъ и молитва отцовская помогли Михалку и Всеволоду. Случилось это въ воскресенье; язычниковъ избили, другихъ взяли въ плѣнъ и отняли своихъ плѣнныхъ четыреста человѣкъ и отпустили домой, а сами вернулись въ Кіевъ, славя Бога и Святую Богородицу, силу честнаго креста и Св. мучениковъ Бориса и Глѣба, помогающихъ на полѣ битвы противъ язычниковъ. Въ то время скончался благовѣрный князь Глѣбъ, сынъ Юрія, внукъ Владиміра, княживъ два года. Этотъ князь былъ братолюбивъ,—къ кому цѣловалъ крестъ, не нарушалъ клятвы и до смерти. Онъ былъ кротокъ, благонравенъ, любилъ монастыри, уважалъ монашескій санъ и щедро помогалъ неимущимъ. Убравъ тѣло Глѣба, его положили въ монастырѣ Святаго Спаса, гдѣ лежитъ и его отецъ. Скончался Глѣбъ января 20-го, въ день Св. Евѳиміи.

Въ этомъ же году, княгиня, жена Ярослава, бѣжала съ сыномъ своимъ Владиміромъ изъ Галича въ Польшу; съ нею были Коснятинъ Сѣрославичъ и много бояръ; восемь мѣсяцевъ находилась она тамъ. Къ ней стали посылать Святополкъ и прочая дружина; звали ее назадъ: «князя, твоего мужа, мы возьмемъ», говорили они. Владиміръ послалъ къ Святославу Мстиславичу, прося у него Червена. «Находясь тамъ, мнѣ удобно будетъ имѣть сношеніе съ Галичемъ, а когда я займу Галичъ, то верну твой Бужскъ и еще три города прибавлю»,— такъ онъ говорилъ Святославу. Тотъ далъ ему Червенъ и обязался клятвою помогать ему.

Владимiръ съ матерью отправился въ Червенъ; тутъ пришло къ нему извѣстiе изъ Галича, отъ Святополка: «скорѣе пріѣзжай; отца твоего мы схватили, Чаргову семью всю извели, а Настаска, твой врагъ, въ твоей власти». Жители Галича сдѣлали костеръ и сожгли ее, сына ея послали въ заточеніе, а князя обязали клятвою — держать жену какъ слѣдуетъ. Въ ту же зиму князь Андрей послалъ своего сына Мстислава въ Болгарскую землю; князь муромскій послалъ сына, и рязанскій князь послалъ сына. Походъ тотъ не любъ былъ всѣмъ людямъ, потому что зимою неудобно вести войну съ Болгарами,—идя не шли. Когда князь былъ на Городцѣ, тутъ, на устьѣ Оки, соединился онъ съ своими родственниками, князьями муромскими и рязанскими; двѣ недѣли они дожидались дружины и, не дождавшись, поѣхали съ передовою. Въ то время воеводою былъ Борисъ Жидиславичъ; онъ распоряжался всѣмъ порядкомъ. Напали на язычниковъ, ничего не знавшихъ, взяли шесть селъ и седьмой городъ; мущинъ изрубили, а женщинъ и дѣтей взяли въ плѣнъ. Болгары, услыхавъ, что Мстиславъ пришелъ съ небольшою дружиною и возвращается съ добычею, собрались поскорѣе и въ числѣ шести тысячъ погнались за нимъ. Немного, всего за 20 верстъ, не настигли они, въ устьѣ Оки, Мстислава, который, отпустивъ впередъ дружину, оставался съ самымъ небольшимъ числомъ воиновъ. Богъ воротилъ отъ него язычниковъ и христіанъ покрылъ своею рукою. Наши, слыша то, прославили Бога; видимо Святая Богородица и христіанская молитва защитили отъ язычниковъ. Язычники воротились назадъ, а христіане, хваля Бога и Пречистую Богородицу, пришли домой. Въ этомъ же году Давидъ и Мстиславъ послали за своимъ дядею Владиміромъ, приглашая его въ Кіевъ на престолъ. Тотъ, нарушивъ клятву, данную Ярославу и сыновьямъ Мстислава, отправился въ Кіевъ тайкомъ, а въ Дорогобужѣ оставилъ своего сына Мстислава.

Начало княженія Владимірова въ Кіевѣ. Февраля 15-го, на Масляной недѣлѣ, Владиміръ сѣлъ княжить въ Кіевѣ. Не нравилось Андрею Юрьевичу то, что Владиміръ княжилъ въ Кіевѣ; онъ посылалъ къ нему и приказывалъ убираться изъ Кіева, а туда приказывалъ ядти Роману Ростиславичу.

Въ этомъ же году скончался князь Мстиславъ Андреевичъ, марта 28-го, во вторникъ, и положенъ во Владимірѣ, въ церкви Святой Богородицы, построенной отцомъ его, Андреемъ. Мстислава оплакивали отецъ его и вся Суздальская земля. Въ ту же зиму

Рюрикъ вышелъ изъ Новгорода, а Новгородцы послали къ князю Андрею въ Суздаль. Тотъ имъ далъ сына своего Юрія, и Новгородцы приняли его съ честію. Когда Рюрикъ шелъ изъ Новгорода въ Смоленскъ и находился на Лучинѣ, то въ пятницу Вербной недѣли, при восходѣ солнца, у него родился сынъ, которому дали имя дѣда, во святомъ крещеніи Михайло, а княжое—Ростиславъ. Очень радовался отецъ его рожденію и далъ ему городъ Лучинъ, въ которомъ онъ и родился, а на мѣстѣ, гдѣ родился, воздвигли церковь Св. Михаила.

1174 годъ.

Владиміру приключилась сильная болѣзнь и отъ нея онъ померъ мая 30-го въ воскресеніе *Русальной* (Троицкой) недѣли. Тѣло его положили въ отцовскомъ монастырѣ Святаго Ѳеодора. Онъ княжилъ въ Кіевѣ всего 4 мѣсяца. Много бѣдствій перенесъ онъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичъ, то въ Венгрію; то въ Рязань, то къ Половцамъ за свою вину, потому что постоянно нарушалъ данную клятву, за то и терпѣлъ гоненіе. Андрей прислалъ къ Ростиславичамъ сказать имъ: «вы меня назвали отцомъ, а я желаю вамъ добра и даю брату вашему Роману Кіевъ». Послали за Романомъ въ Смоленскъ, и Романъ пришелъ въ Кіевъ. Встрѣтили его съ крестами митрополитъ, архимандритъ, настоятель Печерскаго монастыря, настоятели всѣхъ монастырей, всѣ Кіевляне и его, Романа, братья.

Начало княженія Романа Ростиславича въ Кіевѣ. Романъ вошелъ въ Кіевъ и сѣлъ на престолѣ своего отца и дѣда. Сыну своему Ярополку далъ Смоленскъ. Всѣ радовались о томъ, что сталъ княжить Романъ, а случилось это въ іюлѣ мѣсяцѣ. Въ то время въ Черниговѣ княжилъ Святославъ Всеволодовичъ, а Романъ находился въ Кіевѣ. Половцы начали опустошать берега Роси. Въ это время у Ярослава родился сынъ; его назвали Ростиславомъ, а въ крещеніи Іоанномъ; родился онъ въ день празднованія Рождества Іоанна Крестителя. Въ этомъ же году, на Петровъ день, Игорь Святославичъ, собравъ свои полки, поѣхалъ въ степь за Ворсклу, встрѣтилъ Половцевъ, которые были посланы на развѣдываніе, и захватилъ ихъ. Плѣнные ему сказали, что Кобякъ и Копчакъ пошли къ Переяславлю. Игорь услыхавъ о томъ, поѣхалъ на встрѣчу Половцевъ и переѣхалъ Ворсклу у Лтавы по направленію къ Переяславлю; увидали полки половецкіе, ихъ было немного числомъ, и потому не могли они противустать Игорю. Бросились они бѣ-

жать, покинувъ свою добычу; они опустошили окрестности Серебрянаго и Боруча. Игорева дружина, нагнавъ, однихъ избила, а другихъ побрала въ плѣнъ. Такъ Богъ помогъ христіанамъ въ день Св. пророка Иліи. Отъ Переяславля Игорь поѣхалъ на праздникъ Свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, и не успѣлъ наканунѣ, а послѣ вечерни пріѣхалъ. На другой день сталъ онъ раздавать военную добычу князьямъ и своимъ слугамъ. Романъ, Рюрикъ и Мстиславъ, одаривъ Игоря, отпустили его домой.—Андрей сталъ изыскивать поводы къ неудовольствію на Ростиславичей; онъ прислалъ къ нимъ Михна сказать: «выдайте мнѣ Григорія Хотовича, Степаныча, Олексу Святославца, такъ какъ они уморили моего брата Глѣба; они враги всѣмъ намъ». Ростиславичи того не послушали и пустили Григорія отъ себя. Тогда Андрей сказалъ Роману: «ты не ходишь въ моей волѣ съ твоими братьями, ступайте же—ты изъ Кіева, Давидъ изъ Вышегорода, а Мстиславъ изъ Бѣлгорода. У васъ есть Смолепскъ; имъ и подѣлитесь». Сильно огорчились Ростиславичи, что Андрей отнимаетъ у нихъ Рускую землю и отдаетъ брату своему Михалку Кіевъ. Романъ поѣхалъ въ Смолепскъ, а Михалко самъ не поѣхалъ въ Кіевъ изъ Торческаго, гдѣ находился, по отправилъ туда брата своего Всеволода и племянника Ярополка Ростиславича. Всеволодъ оставался въ Кіевѣ пять недѣль. Ростиславичи, Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ, послали къ Андрею и велѣли ему сказать: «братъ, мы назвали тебя въ правду отцомъ своимъ и крестъ цѣловали къ тебѣ и остаемся вѣрными клятвѣ, желая тебѣ добра. А ты теперь вывелъ брата нашего Романа изъ Кіева и намъ указываешь путь изъ Руской земли безо всякой нашей вины; то судьею пусть всему будетъ Богъ и сила крестная». Андрей не далъ отвѣта Ростиславичамъ. Тѣ, уговорясь между собою и надѣясь на Бога, силу честнаго креста и молитву Святой Богородицы, въѣхали ночью въ Кіевъ, въ день празднованія Похвалы Святой Богородицы, схватили Всеволода Юрьевича и Ярополка, Юрьева внука, Поляка Володислава, Михна и всѣхъ бояръ, а Кіевъ отдали Рюрику. Князь Рюрикъ, Ростиславовъ сынъ, вошелъ въ Кіевъ съ великою славою и честію и сѣлъ на престолѣ отцовъ своихъ и дѣдовъ.

Въ этомъ же году Святославъ Всеволодовичъ заложилъ Камскую церковь св. Михаила въ Черниговѣ на княжескомъ дворѣ.

Владиміръ, сынъ Ярослава, галицкаго князя, бѣжалъ къ Ярославу въ Луцкъ; тотъ взялся искать ему владѣній. Ярославъ Галицкій послалъ и привелъ на помощь себѣ Поляковъ, давъ имъ

3000 гривенъ серебра, сжегъ два города и послалъ сказать Ярославу: «отпусти ко мнѣ моего сына, а то я пойду на тебя войною». Тотъ, опасаясь разоренія своихъ владѣній, отпустилъ къ Михалку въ Торческій Владиміра и съ его матерью; она, княгиня Ольга, была Михалка сестра. Оттуда Святославъ, его тесть, позвалъ его въ Черниговъ, желая отпустить въ Суздаль къ Андрею,— и не пустилъ.

Въ томъ же году Ростиславичи пошли на Михалка къ Торческому и стояли около него шесть недѣль, а на седьмой, обославшись между собою, они условились такъ: Михалко получилъ къ Торческому Переяславль; оставивъ Андрея, своего брата, и Святослава Всеволодовича Черниговскаго, присталъ къ Ростиславичамъ; Рюрикъ находился въ то время въ Кіевѣ. Условясь еще и въ томъ, чтобы Владиміра Ярославича Галицкаго, племянника Михалкова, выдать Ростиславичамъ и отпустить къ отцу, а Ростиславичамъ отпустить Всеволода, Ярополка и всю дружину, Всеволода пустили, а Ярополка не отпустили, сказавъ: «ты того не требовалъ». Возвращаясь отъ Торческаго назадъ, Ростиславичи выгнали изъ Треполя Мстислава. Онъ пошелъ къ Чернигову, такъ какъ Михалко его не принялъ.

Въ томъ же году Андрей разсердился на Ростиславичей за Григорія Хотовича, относительно котораго они не исполнили его воли. Обрадовались Ольговичи, услыхавъ о томъ. Святославъ Всеволодовичъ и всѣ братья его послали къ Андрею людей своихъ, возбуждая его противъ Ростиславичей; они говорили Андрею: «кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ; мы съ тобою готовы дѣйствовать заодно».—Андрей ихъ послушалъ, исполнился надменности и гордости, надѣясь на свою силу и на множество воиновъ. Въ сильномъ гнѣвѣ послалъ онъ мечника Михна сказать: «ступай къ Ростиславичамъ и скажи имъ: такъ какъ вы не ходите въ моей волѣ, то ты, Рюрикъ, ступай въ Смоленскъ къ брату во владѣніе твоего отца. Давиду скажи: ты ступай въ твой Берладъ, а въ Руской землѣ не приказываю тебѣ быть. Мстиславу скажи: ты виновникъ всему; не приказываю тебѣ быть въ Руской землѣ». А Мстиславъ привыкъ отъ малыхъ лѣтъ не бояться никого, кромѣ одного Бога. Онъ приказалъ схватить посла Андреева и при себѣ остричь ему волосы на головѣ и бородѣ; потомъ сказалъ ему: «иди къ своему князю и скажи ему: «мы до сихъ поръ по чувству любви имѣли тебя какъ отца, но если ты прислалъ съ такими славами не какъ къ князю, но какъ бы къ *подручнику* и простому человѣку, то дѣлай

что ты замыслилъ, а Богъ надо всѣмъ». Андрей, услыхавъ то отъ Михна. помрачился лицомъ; задумалъ онъ войну и тотчасъ же былъ готовъ. Онъ послалъ и собралъ своихъ воиновъ: Ростовцевъ, Суздальцевъ, Владимірцевъ, Переяславцевъ, Бѣлозерцевъ, Муромцевъ, Новгородцевъ и Рязанцевъ. Онъ ихъ счелъ и оказалось 50,000. Съ ними послалъ онъ сына своего Юрія и воеводу Бориса Жидиславича съ наказомъ выгнать Рюрика и Давида изъ владѣній, а Мстислава взять и, не сдѣлавъ ему ничего, привесть къ нему, Андрею. Такъ онъ приказалъ Борису Жидиславичу, а также велѣлъ заѣхать къ Святославу Всеволодовичу и посовѣтоваться съ нимъ и съ его братьями обо всемъ. Все это случилось наученіемъ многолукаваго діавола, который ведетъ войну съ христіанами. Князь Андрей, имѣя такой умъ и будучи доблестнымъ во всѣхъ дѣлахъ, погубилъ свой смыслъ невоздержаніемъ, и въ пылу гнѣва сказалъ такія надменныя слова; а передъ Богомъ постыдны и мерзки хвала и гордость. Все это бываетъ въ насъ отъ діавола и онъ-то вселяетъ въ наше сердце похвальбу и гордость. Апостолъ Павелъ говоритъ: «гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать». Такъ и сбылись слова апостола Павла, о чемъ скажемъ въ послѣдствіи, а сами возвратимся къ продолженію нашего разсказа. Когда войско Андреево шло мимо Смоленска, то Роману было приказано отпустить сына и смоленское войско; по принужденію Романъ отпустилъ ихъ,—не хотѣлось ему идти противъ братьевъ, но былъ онъ весь въ рукахъ Андрея. Приказалъ онъ идти и всѣмъ полоцкимъ, туровскимъ, пинскимъ и городенскимъ князьямъ. Силы Андреевы пришли къ Ольговичамъ и соединились противъ Кіева. Туда же пришли къ нимъ Юрьевичи, Михалко и Всеволодъ, и Ростиславичи, Мстиславъ и Ярополкъ, Глѣбовичи и всѣ Переяславцы. Они перешли Днѣпръ и заняли Кіевъ. Ростиславичи не стали защищать Кіева, но отправились по своимъ городамъ: Рюрикъ затворился въ Бѣлѣгородѣ, Мстиславъ въ Вышегородѣ съ Давидовымъ полкомъ, а Давидъ отправился въ Галичъ къ Ярославу за помощью. Святославъ съ братьями, Михалко съ братомъ Всеволодомъ и съ племянниками, собравъ Кіевлянъ, Берендичей, Поросье и силы всей земли Руской, пошли полками отъ Кіева къ Вышегороду на праздникъ Рождества Богородицы. Всѣхъ князей было болѣе двадцати; старше всѣхъ у нихъ былъ Святославъ Всеволодовичъ. Онъ отрядилъ Всеволода Юрьевича и Игоря съ младшими князьями къ Вышегороду. Тѣ пріѣхали подъ Вышегородъ. Мстиславъ Ростиславичъ, видя пришедшее войско, устроивъ свои полки, выѣхалъ

имъ на встрѣчу на поле передъ городомъ; и съ той, и съ другой стороны желали боя; стрѣлки завязали перестрѣлку, гоняясь другъ за другомъ. Мстиславъ, видя, что его стрѣлки уже схватились съ непріятелемъ, устремился на него и самъ, сказавъ дружинѣ: «братья, положимся на Божію милость и на Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». Тотчасъ Мстиславъ поѣхалъ къ непріятелю, а онъ расположенъ былъ тремя полками: Новгородцы, Ростовцы, а между ними стоялъ Всеволодъ Юрьевичъ съ своимъ полкомъ. Немедленно сразился Мстиславъ съ этими полками. Средній онъ сломилъ, но съ боковъ его окружили другіе непріятели, такъ какъ Мстиславъ съ небольшими силами въѣхалъ въ средину ихъ. Оба войска смѣшались. Было великое смятеніе, слышались стоны, громкіе крики и звуки незнакомые. Видно было, какъ ломались копья и звенѣло оружіе; среди громадныхъ облаковъ пыли невозможно было распознать ни конныхъ, ни пѣшихъ воиновъ. Послѣ упорнаго сраженія разошлись; раненыхъ было много, но убитыхъ немного. Это былъ одинъ бой перваго дня на выгонѣ передъ городомъ у Мстислава съ Всеволодомъ, Игоремъ и другими младшими людьми. Потомъ пришли всѣ силы и окружили городъ, дѣлая къ нему приступы ежедневно. И изъ города дѣлали вылазки и сражались храбро. Въ дружинѣ Мстислава много лучшихъ людей было ранено и убито; непріятели стояли около города 9 недѣль. Потомъ пришелъ Ярославъ Луцкій на Ростиславичей же со всею силою Волынской земли, домогаясь себѣ старѣйшинства между Ольговичей. Тѣ не захотѣли уступить ему Кіева; тогда Ярославъ обослался съ Ольговичами и условился съ ними относительно Кіева, а Ольговичей оставилъ Устроивъ свои полки, онъ пошелъ къ Рюрику въ Бѣлгородъ. При этомъ видѣ страхъ овладѣлъ союзниками и они сказали: «теперь ужь они во всякомъ случаѣ соединятся противъ насъ съ Галичанами и Черными Клобуками». Смятеніе овладѣло ихъ полками, и они, не дождавшись свѣта, въ страшномъ замѣшательствѣ и не слушая никакихъ убѣжденій, бѣжали черезъ Днѣпръ, и при переправѣ множество воиновъ утонуло. Видя то, Мстиславъ похвалилъ Всемилостиваго Бога и помощь отъ Св. Бориса и Глѣба; невидимо погнали они непріятеля. Онъ выѣхалъ изъ города съ своею дружиною, и преслѣдуя непріятеля, она настигла его обозы и побрала много плѣнныхъ. Мстиславъ утеръ много пота съ своею дружиною и не мало мужества показалъ съ людьми своими. Тутъ сбылось слово апостола Павла, сказавшаго то, что мы уже прежде написали: «кто себя возноситъ, тотъ сми-

рится, а кто смиряетъ, тотъ возносется». Такъ возвратилась вся сила Андрея, князя суздальскаго; со всѣхъ земель собралъ онъ воиновъ, которымъ числа не было; пришли они съ надмѣнными мыслями, а пошли по домамъ смиренными. Ростиславичи предоставили Ярославу старѣйшинство и дали ему Кіевъ.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и сѣлъ на престолѣ своего отца и дѣда. Святославъ сталъ посылать къ Ярославу съ жалобою; онъ говорилъ ему: «Вспомни наше первоначальное условіе, на которомъ ты цѣловалъ крестъ. Ты говорилъ: если я сяду въ Кіевѣ, то надѣлю тебя; а теперь ты сидишь въ Кіевѣ, то и надѣли меня; теперь правдою ли, неправдою, а Кіевъ твой,—надѣли же меня». Ярославъ ему отвѣчалъ: «Зачѣмъ тебѣ то, что было собственностью нашихъ отцовъ? Тебѣ эта сторона не нужна». Святославъ на это ему сказалъ: «Не Венгерецъ я, и не Полякъ, но мы внуки одного дѣда, и на что ты имѣешь право, на то и я; но если ты не хочешь соблюдать нашего прежняго условія, то воля твоя».—Высказавъ ему это, Святославъ, соединясь со всѣми своими братьями, неожиданно напалъ на Кіевъ. Ярославъ не успѣлъ призвать къ себѣ братьевъ и не рѣшился запереться одинъ въ Кіевѣ, но бѣжалъ въ Луцкъ, а Святославъ вошелъ въ Кіевъ и сѣлъ на престолѣ своего дѣда и отца; въ несчетномъ количествѣ захватилъ онъ имущество Ярослава. Захватилъ и жену его, и сына, и дружину всю и отослалъ въ Черниговъ; Ярославъ и извѣстія не имѣлъ о нападеніи и не успѣлъ дать знать братьямъ о наѣздѣ Ольговичей на Кіевъ. Ярославъ, слыша, что Кіевъ, ограбленный Ольговичами, стоитъ безъ князя, пріѣхалъ назадъ въ Кіевъ и, раздраженный, задумалъ бѣду Кіевлянамъ, говоря: «подвели вы на меня Святослава; теперь озаботьтесь чѣмъ выкупить мою жену и ребенка». Тѣ не знали, что ему отвѣчать, и онъ обложилъ сборомъ весь Кіевъ и настоятелей монастырей, и священниковъ, и монахинь, и монаховъ, Латинянъ, купцовъ, затворниковъ и вообще всѣхъ Кіевлянъ. — Въ то время черниговскій князь велъ войну съ Олегомъ Святославичемъ, и Олегъ Святославичъ опустошалъ владѣнія черниговскія. Святославъ помирился съ Ярославомъ Изяславичемъ Кіевскимъ, пошелъ на Олега, опустошилъ огнемъ его владѣнія и, много вреда ему сдѣлавъ, возвратился въ Черниговъ. Въ этомъ же году января 11 скончался князь Святославъ Юрьевичъ. Этотъ князь былъ Божій избранникъ; отъ рожденія и до совершеннаго возраста, онъ былъ одержимъ злою болѣзнью, какой просили у Бога на себя святые отцы. Кто постра-

даетъ тою болѣзнью, — такъ говорится въ книгахъ, — тѣло его мучится, а душа спасается. Такъ и этотъ Святославъ во-истину былъ Божій угодникъ, избранный изъ всѣхъ князей; не далъ ему Богъ княжить на землѣ, но далъ ему царство небесное. Когда Святославъ умеръ, то братъ его Андрей положилъ его тѣло въ епископской церкви Святой Богородицы въ Суздалѣ.—Въ этомъ же году января 19-го скончался Юрій, князь муромскій; онъ положенъ въ Муромѣ, въ Христовой церквѣ, имъ самимъ построенной. Въ это время Ростиславичи и ихъ родственники прислали къ князю Андрею, прося Роману Ростиславичу кіевское княженіе. Князь Андрей сказалъ: «Подождите немного; я послалъ къ братьямъ на Русь; когда я получу отъ нихъ извѣстіе, тогда и дамъ вамъ отвѣтъ».

1175 годъ.

Убитъ великій князь Андрей Суздальскій, сынъ Юрьевъ, внукъ Владиміра Мономаха, іюня 28-го, наканунѣ праздника Св. апостолъ Петра и Павла; день былъ суббота. Онъ построилъ себѣ каменный городъ и назвалъ его Боголюбовымъ; городъ этотъ въ такомъ же разстояніи отъ Владиміра, въ какомъ Вышегородъ отъ Кіева. Этотъ благовѣрный и христолюбивый князь Андрей отъ юнаго возраста возлюбилъ Христа и Его Пречистую Мать, на нихъ основалъ свой смыслъ и умъ, и душу свою, какъ прекрасную комнату (палату), украсилъ всѣми добрыми нравами. Уподобился онъ Соломону, такъ какъ онъ построилъ въ Боголюбомъ домъ Господу Богу и преславную церковь Рождества Святыя Богородицы, каменную среди города, и обогатилъ ее болѣе всѣхъ церквей, подобно той Святой Святыхъ, которую создалъ премудрый царь Соломонъ. Такъ и этотъ благовѣрный князь Андрей выстроилъ эту церковь себѣ на память, украсилъ ее великой цѣны иконами, золотомъ и каменьями дорогими и крупнымъ, которому цѣны нѣтъ, жемчугомъ, и устроилъ ее различными *цятами*, украсилъ аспидными *цятами*, всякаго рода рѣдкими вещами обогатилъ ее, а свѣтла она была такъ, что и смотрѣть невозможно было, потому что она (церковь) была вся изъ золота. Украсивъ церковь, Андрей снабдилъ ее сосудами золотыми и дорого стоющими, такъ что всѣ посѣщающіе церковь и видѣвшіе ее не могутъ выразить всей неизрѣченной ея красоты. Золотомъ, финифтью, всѣми ухищреніями архитектурнаго устройства украшенная, богата она и сосудами церковными. Есть въ ней *Іерусалимъ* золотой, съ дорогими каменьями, и дорогія *рипиди*, кадилы различныя. Внутри церкви

отъ верху до низу по стѣнамъ и столбамъ ковано золотомъ; двери и *ободверье* церкви также ковано золотомъ. Была и *сѣнь* (шатеръ?), золотомъ украшенная отъ верха и до *деисуса* (?), удивительно изящной и тонкой работы. Князь Андрей тщательно устроилъ и городъ Владиміръ; сдѣлалъ онъ къ нему золотыя ворота, а другія отдѣлалъ серебромъ. Построилъ онъ каменную соборную церковь Святой Богородицы, удивительную; разнообразно украсилъ онъ ее золотомъ и серебромъ, пять верховъ ея позолотилъ, трое церковныхъ вратъ украсилъ золотомъ, дорогими каменьями и цѣннымъ жемчугомъ, разными дорогими вещами обогатилъ ее: многими паникадилами золотыми и серебряными освѣтилъ церковь; амвонъ онъ устроилъ изъ золота и серебра; очень много служебныхъ сосудовъ и репидій и всего церковнаго хозяйства, вещей украшенныхъ золотомъ, дорогими каменьями и крупнымъ жемчугомъ. Три *Іерусалима* очень большихъ; онъ (Андрей) ихъ устроилъ изъ чистаго золота и украсилъ драгоцѣнными каменьями. Всѣмъ видомъ и устройствомъ храмъ этотъ былъ удивительно похожъ на Соломоновъ храмъ Святая Святыхъ. Въ Боголюбомъ и Владимірѣ городѣ устроилъ крышу золотомъ и придѣлы (*комары*) позолотилъ, *поясъ* золотомъ устроилъ и каменьями испестрилъ; внутри церкви столбъ позолотилъ и по придѣламъ поставилъ изящной работы птицы, кубки и вѣтрила, украшенныя золотомъ, по всей церквѣ и вокругъ по придѣламъ (комарамъ). Кромѣ того, Андрей построилъ много другихъ каменныхъ церквей и не мало монастырей устроилъ. Богъ открылъ ему очи сердца на весь церковный чинъ и на церковниковъ; не помрачилъ онъ ума своего пьянствомъ, былъ кормителемъ монаховъ, монахинь и нищихъ и для всѣхъ сословій былъ онъ любящимъ отцомъ; въ особенности былъ онъ склоненъ къ милостынѣ, слыша слова Господа: «если сдѣлаете для меньшей Моей братіи, то для Меня сдѣлаете». — И Давидъ говоритъ: «блаженъ человѣкъ, который милуетъ и весь день даетъ; о Господѣ не споткнется». Мужество и умъ въ немъ жили, правда и истина съ нимъ ходили; много всякаго рода добродѣтелей онъ имѣлъ и обычай добронравный; ночью входилъ въ церковь, самъ зажигалъ свѣчи и, видя образъ Божій, написанный на иконахъ, взиралъ какъ на Самого Творца, и видя всѣхъ Святыхъ, написанныхъ на иконахъ, смирялъ образъ свой съ сокрушеннымъ сердцемъ, испускалъ вздохи отъ глубины души, слезы лились у него изъ глазъ, покаяніе Давидово онъ принималъ, оплакивалъ свои грѣхи, нетлѣнное предпочиталъ тлѣнному, небесное — временному и царство

со Святыми у Бога Вседержителя мимолетному этому царству земному. Украшенный всякаго рода добродѣтелями, онъ былъ вторымъ мудрымъ Соломономъ. Имѣлъ онъ и такую добродѣтель: приказывалъ всякій день возить по городу пищу и питье различное для раздачи больнымъ и нищимъ, и видя каждаго нищаго, приходившаго къ нему просить, подавалъ имъ просимое съ словами: «можетъ-быть, это Христосъ, пришедшій испытать меня». И такъ онъ принималъ каждаго приходившаго къ нему, какъ Христосъ заповѣдалъ словами: «если вы сдѣлаете для Моей младшей братіи, то для Меня сдѣлаете».—Эти слова Христа были постоянно въ памяти у благодушнаго князя Андрея. А потому-то заслуженно принялъ отъ Бога побѣдный вѣнокъ ты, князь Андрей, самое имя котораго значитъ мужество; послѣдовалъ ты разумнымъ святымъ страстотерпцамъ, страдальческою твоею кровію омывшись. Если нѣтъ опасности, то ни заслуги, если нѣтъ мученія, то ни награды. Каждый, кто держится добродѣтели, не можетъ быть безъ многихъ враговъ. Князь Андрей слышалъ ранѣе, что ему убійствомъ угрожаютъ враги, но разгорѣлся духомъ божественнымъ и нималѣйшаго не обратилъ вниманія, говоря: «Господа Бога моего Вседержителя и Творца возлюбленные Его люди пригвоздили на крестѣ съ словами: да будетъ кровь Его на насъ и дѣтяхъ нашихъ», и повторялъ оно слово святаго Евангелія: «если кто положитъ душу свою за друга своего, тотъ можетъ быть Моимъ ученикомъ»; а этотъ боголюбивый князь положилъ душу не за друга, но за Самого Творца, создавшаго все изъ небытія въ бытіе. А потому, въ память убіенія твоего, страдалецъ князь Андрей, удивились небесные воины, видя кровь, проливаемую за Христа; рыдаетъ множество правовѣрныхъ, видя отца сиротъ и кормителя, свѣтоносную звѣзду для всѣхъ, находящихся во мракѣ, помрачаемую; проклятые убійцы осуждены на вѣчный огонь, который пожигаетъ сущность всякаго грѣха. Ты, страдалецъ, молись ко Всемогущему Богу о племени своемъ и о сродникахъ, о землѣ Руской, о дарованіи мира для всего міра.—Возвратимся къ нашему разсказу. Въ пятницу на обѣдни составился этотъ умыселъ лукавый и гибельный. У князя Андрея любимый слуга былъ Іоакимъ; онъ, услыхавъ отъ кого-то, что князь велѣлъ брата его казнить, наученный діаволомъ, бросился къ такимъ же злоумышленникамъ какъ самъ и сталъ имъ говорить: «вчера онъ того казнилъ, а насъ завтра; пристроимъ-ка мы его самого къ мѣсту». Они положили убить его въ ту же ночь. Когда она наступила, то злоумышленники бросились, взявъ ору-

жіе, къ князю, какъ свирѣпые звѣри. Дорогою къ его спальнѣ овладѣлъ ими страхъ и трепетъ и бѣжали они съ сѣней, зашли въ подвалъ (*медушу*, и пили вино. Сатана веселилъ ихъ въ подвалѣ и служилъ имъ невидимо, ободряя ихъ и укрѣпляя въ томъ, на что обѣщались было. Напившись вина, убійцы отправились въ сѣни. Главными заговорщиками были: Петръ, Кучковъ зять, Анбалъ Ясинъ, ключникъ, Іоакимъ Кучковичъ, и всѣхъ участвовавшихъ въ зломъ умыслѣ убійства было 20 человѣкъ; уговорились они какъ дѣйствовать въ тотъ же день у Петра, Кучкова зятя Когда наступила ночь субботы, на память Святыхъ апостолъ Петра и Павла, убійцы пришли къ спальнѣ, гдѣ лежалъ князь Андрей, и одинъ, остановившись у дверей, закричалъ: «господинъ, господинъ». Князь оттуда отозвался и спросилъ: «кто тамъ?»—Ему одинъ отвѣчалъ: «Прокофій».—Князь сказалъ: «нѣтъ, братъ, ты не Прокофій».—Убійцы, слыша слова князя, подошли къ дверямъ, начали бить въ двери и выломали ихъ. Князь вскочилъ и хотѣлъ схватить мечь, но меча не было,—его въ тотъ же день унесъ Анбаль, ключникъ князевъ, а мечъ тотъ былъ Святаго Бориса. Двое убійцъ ворвались въ покой князевъ и схватились съ нимъ; князь повалилъ одного подъ себя; его товарищи, полагая, что это упалъ князь, стали бить своего же пріятеля. Потомъ, узнавъ князя, боролись съ нимъ крѣпко, потому что онъ былъ очень силенъ; наносили ему раны и мечами, и саблями, и ударами копій. Князь говорилъ имъ: «горе вамъ, нечестивцы! Зачѣмъ вы подражаете Горясѣру? Какое я вамъ сдѣлалъ зло? Если вы мою кровь проливаете на землю, то Богъ и мой хлѣбъ отмститъ за меня». Убійцы, полагая, что они совершенно покончили князя, взяли своего товарища, понесли вонъ и ушли, трепеща отъ ужаса. Князь второпяхъ вскочилъ за ними, началъ рыдать и кричать отъ боли и удалился подъ сѣни. Убійцы, услыхавъ его голосъ, вернулись назадъ; остановились они и одинъ изъ нихъ сказалъ: «я видѣлъ, какъ будто бы князь сошелъ съ сѣней внизъ». Тѣ сказали: «посмотрите гдѣ онъ». Пошли и увидали, что его нѣтъ тамъ, гдѣ совершилось убійство. Тутъ они сказали: «ну, теперь мы погибли; поскорѣе ищите его».—Тутъ зажли свѣчи и нашли князя по слѣду его крови. Князь, видя, что они идутъ къ нему, поднявъ руки къ небу, помолился Богу и сказалъ: «если, Господь, въ этомъ мірѣ принимаю осужденіе и конецъ, если я много согрѣшилъ, Твоихъ Господь, заповѣдей не сохранилъ, то зналъ я, что Ты милостивъ: видя плачущаго, идешь къ нему на встрѣчу и обращаешь на истин-

ный путь заблудившагося». Вздохнувъ изъ глубины сердца, онъ прослезился и вспомнилъ все, что постигло Іова, размыслилъ въ сердцѣ своемъ и сказалъ: «Господь, если время жизни моей непродолжительно и исполнено труда и злыхъ дѣлъ, то даруй мнѣ прощеніе, и, Господь, дай мнѣ недостойному принять этотъ конецъ, какъ и всѣ святые: разнообразныя страданія и смерти находили на праведниковъ; Святые пророки и апостолы съ мучениками получали вѣнцы, за Господа кровь свою пролили; Святые священномученики и преподобные отцы приняли много бѣдъ и горькихъ мученій и смерть въ разныхъ видахъ: потерпѣли они искушеніе отъ діавола, какъ золото въ огнѣ. Ихъ молитвами причти меня, Господь, къ избранному стаду съ Твоими овцами, стоящими направо. Святые правовѣрные цари также пролили свою кровь, страдая за людей своихъ, а въ особенности Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Который искупилъ нашъ міръ отъ соблазновъ діавола своею честною кровію». Такими словами онъ утѣшался и еще онъ говорилъ: «Господь, обрати вниманіе на мою слабость, посмотри на мое смиреніе, злую печаль и скорбь, одолѣвающую меня теперь; пусть я страдаю въ надеждѣ. За все, за все благодарю Тебя, Господь,— за то, что Ты смирилъ мою душу и сдѣлалъ меня причастникомъ Твоего царства. Теперь, Господь, если и прольютъ мою кровь, то причти меня къ лику Святыхъ твоихъ мучениковъ».—Такъ онъ говорилъ и молился о грѣхахъ своихъ къ Богу, а между тѣмъ сидѣлъ за столбомъ восточнымъ. Долго искали его убійцы и, наконецъ, нашли сидѣвшимъ, какъ непорочнаго агнца, и тутъ проклятые его прикончили, а Петръ отрубилъ ему правую руку. Князь, посмотрѣвъ на небо, сказалъ: «Господь, въ руки Твои предаю духъ мой», и такъ скончался. Онъ убитъ въ субботу ночью. На другой день въ воскресеніе, когда праздновалась память Свв. двѣнадцати апостоловъ, злодѣи пошли и убили Прокофія, любимца Андреева; оттуда отправились на сѣни, достали золото, дорогое каменье, жемчугъ и другія драгоцѣнности и все имущество, которымъ наиболѣе дорожилъ Андрей, и, положивъ на лошадей его любимца, до разсвѣта отправили прочь, а сами, захвативъ оружіе князя и его любимца, начали собирать къ себѣ дружину, говоря: «ну, если на насъ пріѣдетъ дружина владимірская»? Собрали полкъ и послали во Владиміръ спросить: «что вы на насъ думаете? Хотимъ съ вами кончать; не одни мы участвовали въ заговорѣ, но и изъ вашихъ тамъ же были». Владимірцы отвѣчали: «кто съ вами былъ за одно, то съ вами пусть и будетъ, а намъ не надобно». Разошлись и начали

грабить: страшно было смотрѣть. Пришелъ на мѣсто, гдѣ убили князя, Кіевлянинъ Кузьмище, но тамъ его не нашелъ. И началъ спрашивать Кузьмище: «гдѣ убитъ господинъ»? Они отвѣчали: «выбросили мы его на огородъ, но смотри, не бери его, такъ мы всѣ говоримъ тебѣ: хотимъ его выбросить собакамъ, а кто въ немъ приметъ участіе, тотъ намъ врагъ и мы его убьемъ». Сталъ плакать Кузьмище надъ княземъ: «господинъ мой, какъ ты не спохватился отъ этихъ скверныхъ и нечестивыхъ враговъ-губителей, шедшихъ къ тебѣ, или какъ не удосужился ихъ побѣдить ты, сразившій полки нечестивыхъ Болгаръ»? — Такъ оплакивалъ онъ князя; пришелъ ключникъ Анбалъ, родомъ Ясинъ.—у него находились ключи отъ всего въ царскомъ домѣ и ему князь предоставилъ распоряженіе надъ всѣмъ. Кузьмище, посмотрѣвъ на него, сказалъ: «Анбалъ, врагъ, сбрось коверъ или что-нибудь что послать и чѣмъ покрыть нашего господина». Анбалъ сказалъ: «иди прочь, мы хотимъ выбросить его собакамъ». — Кузьмище ему отвѣтилъ: «какъ, еретикъ, выбросить собакамъ? Помнишь ли, жидъ, въ какомъ ты платьѣ пришелъ сюда? Ты теперь стоишь въ бархатѣ, а князь лежитъ обнаженный; прошу тебя, сбрось мнѣ что-нибудь». И сбросилъ ему коверъ и плащъ; завернувъ тѣло, Кузьмище отнесъ его въ церковь; онъ сказалъ: «отоприте мнѣ церковь». Ему отвѣтили: «охота тебѣ съ нимъ возиться,—брось его тутъ въ притворѣ». Всѣ были пьяны. — Кузьмище сказалъ: «уже тебя, господинъ, и люди твои не узнаютъ; а прежде какіе ни приходили гости изъ Царя-Города и отъ другихъ земель и изъ Руской и отъ Латынянъ, какъ изъ христіанъ, такъ и изъ язычниковъ, ты говорилъ: приведите его въ церковь, чтобы видѣлъ истинное христіанство и крестился;— что и случалось. Болгаре, *жиды и всѣ язычники видѣли славу Божію* и украшеніе церковное; они теперь больше тебя оплакиваютъ, а эти и въ церковь тебя не велятъ положить». Такъ и положилъ онъ тѣло въ притворѣ храма, прикрывъ одеждою, и лежало тутъ два дня и двѣ ночи. На третій день пришелъ Арсеній, настоятель монастыря Свв. Козьмы и Демьяна, и сказалъ: «долго мы смотрѣли на старшихъ насъ игуменовъ, но не все же лежать князю здѣсь. Отоприте церковь, пусть отпою надъ нимъ и положу его въ гробъ, а когда окончится это бѣдствіе, то придутъ изъ Владиміра и понесутъ его туда». Пришли кляпшане боголюбскіе и, взявъ тѣло, внесли въ церковь и положили его въ каменный гробъ, отпѣвъ съ игуменомъ Арсеніемъ надъ нимъ погребальное. Граждане боголюбскіе ограбили

княжескій домъ и мастеровыхъ, которые пришли работать золото, серебро, одежды, дорогія матеріи, имущество, которому счету не было. Много бѣды сдѣлалось во владѣніяхъ Андрея: разграбили дома посадниковъ и тіуновъ, а самихъ, и дѣтскихъ, и мечниковъ избили, дома ихъ разграбили. Неизвѣстно было имъ то, что говорится: «гдѣ законъ, тамъ и обидъ много»; а грабители и изъ селъ приходя грабили. То же было и во Владимірѣ, и только когда сталъ Микулица ходить по городу въ ризахъ съ образомъ Святой Богородицы, тогда перестали грабить. Апостолъ Павелъ пишетъ: «всякая душа пусть повинуется властямъ; власти установлены отъ Бога». Природою царь такой же человѣкъ какъ и всѣ, но властью сана онъ выше всѣхъ, какъ Богъ. Великій Златоустъ сказалъ: «кто противится власти, противится закону Божію. Князь не даромъ носитъ мечъ, — онъ Божій слуга». — Но возвратимся къ прежнему (разсказу). Въ шестой день въ пятницу. Владимірцы сказали игумену Ѳеодулу и Лукѣ *домостьянину* Святой Богородицы: «приготовьте носилки, а мы поѣдемъ, возьмемъ нашего князя и господина Андрея». А Микулицѣ сказали: «собери всѣхъ поповъ, и облекшись въ ризы, выйдите передъ Серебряныя ворота съ образомъ Св Богородицы и тутъ подождешь князя».— Такъ и сдѣлалъ Ѳеодулъ игуменъ, а монастыря Св. Богородицы Владимірской клиросане и Владимірцы поѣхали за княземъ въ Боголюбье и, взявъ тѣло, привезли его во Владиміръ съ честью и великимъ плачемъ. Немного времени прошло и показалось знамя отъ Боголюбаго. Люди не могли удержаться, но всѣ громко плакали, отъ слезъ не могли смотрѣть, и вопли ихъ далеко слышались. Весь народъ сталъ со слезами говорить: «не пришлось тебѣ, господинъ, ѣхать въ Кіевъ въ ту церковь и тѣми золотыми воротами, которыя послалъ ты дѣлать той церкви на великомъ дворѣ Ярославовомъ, говоря: хочу сдѣлать церковь такую же, какъ ворота эти золотую, да будетъ память всему моему отечеству». — Такъ плакалъ по немъ весь городъ. Убравъ его тѣло съ честью и хвалебными пѣснями, положили его въ чудной похвалы достойномъ храмѣ Св. Богородицы Золотоверхой, имъ самимъ построеннымъ. Этотъ князь Андрей при жизни своей не давалъ своему тѣлу покоя и глазамъ дремоты, пока не устроилъ домъ истины, прибѣжища всѣхъ христіанъ. Царицѣ небесныхъ чиновъ и Госпожѣ всей вселенной, всякаго человѣка многими путями ко спасенію приводящей. Такъ и апостолъ учитъ: кого любитъ Господь, того и наказываетъ, и бьетъ каждаго сына, котораго принимаетъ. Если вы терпѣливо сносите наказа-

ніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ своими дѣтьми. Богъ и прекрасное солнце не поставилъ на одномъ мѣстѣ, чтобы оно оттуда освѣщало всю вселенную, но устроилъ ему востокъ, полдень и западъ: такъ и угодника своего князя Андрея не даромъ привелъ къ себѣ, но далъ ему такъ пожить, чтобы онъ могъ и жизнью своею душу спасти, и мученическою кровью искупить его грѣхи. Вмѣстѣ съ братьями своими Романомъ и Давидомъ единодушно притекъ онъ ко Христу Богу, и въ райскомъ довольствѣ водворяясь неизреченно съ ними, какихъ глазъ не видѣлъ, ни ухо слышало, ни на сердце человѣку не взошло, сподобился видѣть во вѣки блага, приготовленныя Богомъ его любящимъ. Радуйся, Андрей, князь великій, имѣя дерзновеніе ко Всемогущему, богатыхъ богатѣйшему, на высокихъ сѣдящему Богу.—молись помиловать братьевъ твоихъ, и подастъ имъ побѣду на враговъ, мирную державу, царство честное и многолѣтнее во вѣки вѣковъ, аминь.

Узнавъ о смерти князя, Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и вся дружина отъ мала до велика съѣхались во Владиміръ и сказали: «что сдѣлалось, того не воротишь; нашъ князь убитъ; дѣтей у него пять; сынокъ его маленькій въ Новгородѣ, а братья на Руси За кѣмъ же пошлемъ изъ нашихъ князей? Есть у насъ сосѣди, князья муромскіе и рязанскіе; мы боимся ихъ мщенія: какъ бы вдругъ не пошли войною на насъ, не имѣющихъ князя. Пошлемъ къ Глѣбу и скажемъ: нашего князя взялъ Богъ, хотимъ Ростиславичей, Мстислава и Ярополка, твоихъ шурьевъ». Забыли они клятву, данную цѣлованіемъ креста князю Юрію относительно сыновей его Михалка и брата его. Нарушивъ клятву, они посадили Андрея, а младшихъ братьевъ выгнали, да и послѣ Андрея не вспомнили, но слушали Дѣдилца и Бориса, рязанскихъ пословъ. Скрѣпивъ свое согласіе клятвою у образа Святой Богородицы, послали къ Глѣбу: «твои шурьи пусть будутъ наши князья; согласясь между собою, мы послали къ тебѣ пословъ своихъ; присоедини къ намъ своихъ, и пусть идутъ за нашими князьями». Услыхавъ это, Глѣбъ обрадовался, что ему дѣлаютъ честь и хотятъ его шурьевъ. Утвердивъ соглашеніе клятвою у образа Святой Богородицы, послали за ними, говоря: «отецъ вашъ былъ добръ, когда находился у насъ; ступайте къ намъ княжить, а иныхъ не хотимъ».—Послы, пріѣхавъ, передали рѣчь дружины Михалку и Всеволоду Юрьевичамъ, а они въ это время находились въ Черниговѣ, у князя Святослава.—Мстиславъ и Ярополкъ сказали: «помогай Богъ дружинѣ, что не забываетъ расположенія

моего отца». Съ общаго между собою совѣта, сказали: «пойдемъ всѣ четверо: два Юрьевича, и два Ростиславича». Впередъ отправились Михалко Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ; согласясь между собою, дали старѣйшинство Михалку и, поцѣловавъ крестъ изъ рукъ черниговскаго епископа, пріѣхали въ Москву. Услыхавъ о томъ, Ростовцы сдѣлались недовольны и сказали Ярополку: «пріѣзжай сюда», а Михалку сказали: «подожди немного въ Москвѣ».—Ярополкъ поѣхалъ тайно отъ (брата дяди) къ дружинѣ въ Переяславль, а Михалко, видя, что племянникъ поѣхалъ, отправился во Владиміръ и затворился въ городѣ. Тамъ не было дружины; они поѣхали на встрѣчу Ярополка. Свидѣвшись съ нимъ и утвердясь клятвою, поѣхали съ нимъ ко Владиміру на Михалка. Тотъ затворился въ городѣ; Владимірцевъ тамъ не было, они, по приказанію Ростовцевъ, въ числѣ полуторы тысячи, отправились на встрѣчу князей и участвовали въ данной присягѣ. Всею силою Ростовской земли напали на Владиміръ, гдѣ находился Михалко. Привели Муромцевъ и Ростовцевъ и сожгли окрестности города; а Владимірцы бились изъ города, и Святая Богородица имъ помогала; около города Ростовцы стояли 7 недѣль, и Святая Богородица избавила городъ. Владимірцы, не вынося голода, сказали Михалку: «мирись или заботься о себѣ». Михалко отвѣчалъ: «вы правы; развѣ вамъ изъ-за меня погибать»? Онъ отправился въ Русь, и Владимірцы проводили его съ великимъ плачемъ. — Затѣмъ Владимірцы, обязавъ Ростиславича клятвою не дѣлать никакого зла городу, вышли съ крестами изъ города, на встрѣчу Мстиславу и Ярополка. Тѣ, войдя въ городъ, старались успокоить Владимірцевъ, раздѣлили область Ростовскую и стали княжить, а Владимірцы посадили въ городѣ Владимірѣ съ радостью князя Ярополка, въ храмѣ Святой Богородицы, договорясь съ нимъ обо всемъ. Владимірцы сражались не противъ Ростиславичей, но не желая покориться Ростовцамъ, Суздальцамъ и Муромцамъ, такъ какъ тѣ говорили: «сожжемъ Владиміръ или оставимъ въ немъ посадника, то наши слуги-каменьщики. Ростовцы посадили у себя съ великою радостью въ Ростовѣ Мстислава, на престолѣ его отца и дѣда.—Въ ту же зиму Ярополкъ Ростиславичъ, князь владимірскій, женился; онъ послалъ въ Смоленскъ и взялъ за себя дочь Всеслава, князя витебскаго; онъ вѣнчался съ нею во Владимірѣ въ храмѣ Св. Богородицы февраля 3-го, во вторникъ на масляной недѣлѣ.

Жители Смоленска выгнали отъ себя Ярополка Романовича, а Мстислава Ростиславича привели въ Смоленскъ княжить.

Ростиславичи, начавъ княжить въ Ростовской землѣ, роздали посадничества рускимъ *дѣтскимъ* (т. е. изъ Кіевской Руси); а тѣ великое обремененіе жителямъ сдѣлали налогами и штрафами. Сами князья, будучи молоды, слушали бояръ, а тѣ научили большимъ поборамъ. Во храмѣ Св. Богородицы Владимірской въ первый же день взяли золото и серебро, отняли ключи церковныхъ хранилищъ и городъ и дани, которыя далъ было тому храму князь Андрей. Владимірцы начали говорить: «мы по своей волѣ приняли князей и крестъ цѣловали на всемъ; а они какъ бу то не считаютъ это своимъ владѣніемъ и не прочатъ здѣсь сидѣть,—грабятъ не только всю область, но и до церквей уже дѣло дошло. Давайте, братья, позаботимся о томъ». Владимірцы послали къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, объявляя свою обиду. Тѣ на словахъ были будто бы за нихъ, а на дѣлѣ далеко; бояре крѣпко держались за этихъ князей.

Въ этомъ году началъ войну Олегъ Святославичъ; послалъ онъ къ своимъ шурьямъ и повелъ ихъ на своего брата Святослава, къ Чернигову. Ростиславичи и Ярославъ, прійдя, сожгли Лутаву и Моровіескъ и, заключивъ клятвенный договоръ, вернулись домой. Олегъ съ братомъ пришли къ Стародубу, но города не взяли, а сколько скота нашли изо всѣхъ селъ около Стародуба, весь захватили и погнали къ Новгороду. Святославъ съ братомъ Ярославомъ отправился на Олега къ Повугороду, и сдѣлали они приступъ къ городу. Олегъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, устроилъ свой полкъ и обѣ стороны сошлись, но воины Олега, только по стрѣлѣ пустивъ, бѣжали; князь ушелъ въ городъ, а воиновъ его однихъ побрали, а другихъ порубили; внѣшній городъ (острогъ) сожгли. На другой день, Олегъ выслалъ просить мира, и помирившись, князья Святославъ и Ярославъ вернулись назадъ.

Въ томъ же году у Игоря родился сынъ и назвали его Олегомъ, а въ крещеніи Павломъ. Романъ пришелъ изъ Смоленска къ своимъ братьямъ на помощь Ярославъ сказалъ: «вы привели своего брата Романа, и даете ему Кіевъ», и съ этими словами отправился изъ Кіева въ Луцкъ. Они посылали за нимъ и звали его назадъ въ Кіевъ, но онъ ихъ не послушалъ и отправился въ Луцкъ. Романъ сѣлъ въ Кіевѣ на престолѣ своего отца и дѣда.

1176 годъ.

Михалко и Всеволодъ, его братъ, вышли изъ Чернигова 21-го мая, въ день празднованія Св. Константину и Еленѣ; Святославъ далъ имъ свой полкъ и сына Владиміра. Дорогою на Свинѣ приключилась Михалку жестокая болѣзнь, и положивъ его на носилки, понесли его чуть живаго до Кучкова или до Москвы. Тутъ встрѣтили его Владимірцы съ Юріемъ Андреевичемъ; только одни они и были къ нему расположены. Онъ сѣлъ обѣдать, когда пришло извѣстіе, что племянникъ его Ярополкъ идетъ на него. Выступили изъ Москвы и отправились къ Владиміру. Ярополкъ, услыхавъ это, повернулъ въ сторону. Жители Москвы, услыхавъ, что Ярополкъ идетъ на нихъ, воротились назадъ, чтобы оберегать свои дома. Михалко, переѣхалъ рѣку Кулакшу и находился на полѣ Белеховѣ. Владиміръ Святославичъ ѣхалъ впереди,—вдругъ изъ-за горы выступилъ полкъ: воины были въ свѣтлыхъ броняхъ; нечаянно напали они на отрядъ Владиміра Святославича и подняли знамя. Михалко и его братъ Всеволодъ поспѣшили устроить полки и устроивъ ихъ, двинулись впередъ — Михалко съ Суздальцами, а Всеволодъ съ Владимірцами и съ Владиміромъ. Воины Мстислава шли съ громкимъ крикомъ, какъ бы собираясь пожрать, стрѣлки перестрѣливались между обоими полками. Михалко былъ еще боленъ; его несли на носилкахъ; враговъ была огромная сила, а съ Михалкомъ были и правда, и Святой Спасъ. Воины Мстислава, еще не дойдя до непріятеля, бросили знамя и побѣжали, гнѣвомъ Божіимъ и Святой Богородицы. Богъ помогъ Михалку и его брату Всеволоду и оправдалъ ихъ передо всѣми людьми. Михалко одержалъ побѣду надъ своимъ племянникомъ іюля 15-го, въ воскресеніе, въ день Св. пророка Амоса, и прогналъ его. Тотъ бѣжалъ въ Новгородъ, а Ярополкъ къ зятю въ Рязань. Михалко и Всеволодъ, одаривъ Владиміра Святославича, отпустили его домой. Потомъ Михалко и Всеволодъ отправились во Владиміръ, съ великою славою и честью, ведя передъ собою плѣнныхъ. А и Богъ велѣлъ князьямъ не нарушать данной ими клятвы, чтить старшаго брата, а злыхъ людей, которые не желаютъ между ростевниками мира и согласія, не слушать. Владимірцы, увидавъ своихъ князей, вышли съ крестами; съ радостью и честью великою, Михалко вошелъ въ городъ и въ храмъ Святой Богородицы и сѣлъ на престолѣ своего дяди и отца въ тотъ же день, въ воскресеніе, и была великая радость въ городѣ Влади-

мірѣ.—Святославъ отправилъ къ нимъ женъ Михалко и Всеволода и приставилъ къ нимъ своего сына Олега проводить ихъ до Москвы. Олегъ проводилъ и вернулся въ свои владѣнія въ Лопасну. Оттуда,ославъ Олега, занялъ Свирилескъ; мѣстность эта принадлежала къ Черниговской области. Глѣбъ, узнавъ о томъ, послалъ противъ Олега своего племянника Юрьевича. Олегъ собралъ дружину, вышелъ къ нему; на Свирильскѣ произошло сраженіе и Олегъ побѣдилъ Святославича, своего шурина; много у него захватилъ дружины, а онъ самъ съ трудомъ убѣжалъ.

1177 годъ.

Пришли Половцы на Русскую землю на *русальной* недѣлѣ. Романъ находился въ Кіевѣ; онъ послалъ противъ Половцевъ брата Рюрика и сыновей. Половцы взяли шесть городовъ Берендѣевъ и пошли къ Ростовцу Давидъ не пришелъ,—между братьями была ссора. Рюрикъ съ племянниками Ярополкомъ и Борисомъ настигли Половцевъ у Ростовца. Половцы, оборотясь, побѣдили полки русскіе, много бояръ взяли въ плѣнъ, а князья убѣжали въ Ростовецъ. Богъ послалъ на насъ этихъ язычниковъ намъ въ наказаніе, не ихъ милуя, но насъ казня, чтобы мы обратились къ покаянію и воздержались отъ злыхъ дѣлъ. Такъ казнитъ Онъ насъ нашествіемъ язычниковъ: это Его бичъ, чтобы мы, имъ поражаемые, воздержались отъ злаго пути. Слыша о томъ, Ольговичи и Святославъ Всеволодовичъ обрадовались, какъ бы не пѣдая Божіей казни.—Въ этомъ же году, Святославъ поѣхалъ къ Кіеву; онъ такъ говорилъ Роману: «братъ, я надъ тобою ничего не ищу, но наше таково условіе: если провинится, то лишается владѣній, а если простой человѣкъ, то головы.—а Давидъ виноватъ». Романъ не послушалъ словъ Святослава, и тотъ послалъ брата своего Ярослава и Олега съ войскомъ. Тѣ, перейдя Днѣпръ, послали къ своему зятю Мстиславу Владиміровичу, веля ему отстать отъ Ростиславичей. Мстиславъ обѣщалъ имъ такъ сдѣлать. Они пошли къ городу Треполю. Мстиславъ пошелъ къ воротамъ *водьмъ* (отъ воды, рѣки), дѣлая видъ, будто хочетъ сражаться, а самъ ушелъ изъ города, отворивъ его и предавъ Трепольцевъ; а Ярополкъ отправился къ отцу. Святославъ, пріѣхавъ съ своими полками, остановился у Витичева. Тутъ пріѣхали къ нему Черные Клобуки и Кіевляне и сказали: «Романъ ужь выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлгородъ». Святославъ вошелъ въ Кіевъ, въ день Святаго пророка

Иліи, и оттуда послалъ родичей своихъ къ Бѣлугороду; они возвратились безъ всякаго успѣха.

У Игоря родился сынъ и названи его при крещеніи Адріанъ, а княжое имя дали ему Святославъ.

Мстиславъ пришелъ съ своимъ полкомъ, и Ростиславичи сказали: «если Богу угодно, то мы завтра сразимся съ Святославомъ». Тотъ, узнавъ, что Ростиславичи хотятъ съ нимъ сразиться, побѣжалъ черезъ Днѣпръ на устье Лыбеди; тутъ у него много людей потонуло; до этого посылалъ онъ къ Половцамъ. Тѣ, слыша, что Святославъ бѣжалъ изъ Кіева, пріѣхали къ Торческому и захватили много людей. Ростиславичи, не желая губить Руской земли и проливать христіанской крови, по общему соглашенію отдали Святославу Кіевъ, а Романъ отправился въ Смоленскъ.

. . . . . .

Жители Владиміра встрѣтили съ крестомъ своего князя, возвращавшагося съ побѣдою. Они обрадовались, видя христіанъ, отбитыхъ изъ плѣна у язычниковъ, а враговъ руками привели въ городъ Владиміръ—князя Глѣба, сына его Романа и шурина Мстислава, взятыхъ въ плѣнъ; поймапы вся ихъ дружина и всѣ ихъ вельможи. Была великая радость въ городѣ Владимірѣ. На третій день возникъ тамъ великій мятежъ; поднялись всѣ бояре и купцы, говоря: «князь, мы тебѣ добра желаемъ, за тебя кладемъ свои головы, а теперь враговъ своихъ ты держишь *просто*. Суздальцы и Ростовцы твои враги и наши, казни ихъ, или ослѣпи, или дай намъ».—Князь Всеволодъ, боясь Бога, не хотѣлъ того сдѣлать; онъ приказалъ, во уваженіе требованія гражданъ, посадить бывшихъ враговъ въ тюрьму, а за Ярополкомъ послалъ, говоря: «выдайте моего врага, иначе пойду къ вамъ».—Рязанцы съ общаго совѣта сказали: «нашъ князь и братья наши погибли за чужаго князя». Поѣхавъ въ Воронежъ, взяли они Ярополка и привели его во Владиміръ. Ярополкъ также былъ посаженъ въ тюрьму. Зять Глѣба, Мстиславъ Ярославичъ, послалъ къ Святославу сказать: «пошли ко Всеволоду насчетъ Мстислава и Ярополка».—Жена Глѣба присылала къ Всеволоду, прося за мужа и за сына Святославъ послалъ ко Всеволоду Порфирія, епископа черниговскаго, и Ефрема, настоятеля монастыря Святой Богородицы. Всеволодъ держалъ ихъ у себя два года. Святославъ говорилъ: «если пустить Глѣба, то онъ пойдетъ въ Русь»; но Глѣбъ отвѣчалъ: «лучше умру здѣсь, а не пойду». Тогда князь Глѣбъ умеръ іюня 30-го, а сына его, Глѣба, едва выручили, цѣловавъ крестъ. Мсти

славъ и Ярополкъ находились въ тюрьмѣ, а потомъ ихъ вывели, ослѣпили и пустили.

1178 годъ.

Новгородцы прислали людей своихъ къ Мстиславу Ростиславичу — звать его въ Новгородъ Великій, но тотъ не хотѣлъ оставить Руской земли и говорилъ имъ: «не могу я идти изъ монхъ отцовскихъ владѣній и разстаться съ братьями» Со всѣмъ усиліемъ онъ старался трудиться за отечество, постоянно стремился къ великимъ дѣламъ; онъ совѣтовался съ своими людьми, желая исполнить свои обязанности къ родинѣ. Имѣя такія мысли въ сердцѣ, онъ отказывался идти, но заставляли его и его родственники и люди, говоря ему: «братъ, тебя зовутъ, дѣлаютъ тебѣ тѣмъ честь,—ступай; развѣ и тамъ не наше ли отечество»? Онъ, послушавъ своихъ братьевъ и людей, пошелъ съ новгородскими боярами. Въ умѣ своемъ онъ рѣшилъ такъ: «если только Богъ пошлетъ мнѣ здоровье, никогда не забуду Руской земли». Когда Мстиславъ пришелъ къ Новгороду, то епископъ, Новгородцы и настоятели монастырей встрѣтили его съ крестами. Войдя въ храмъ Святой Софіи, поклонились Святому Спасу и Святой Богородицѣ. Мстиславъ сѣлъ на престолъ дѣда своего и отца съ великою славою и честью. Когда Мстиславъ находился въ Великомъ Новгородѣ, то Богъ вложилъ ему добрую мысль—идти на Чудь; онъ позвалъ Новгородцевъ и сказалъ имъ: «братья, насъ обижаютъ язычники; какъ бы намъ, полагаясь на помощь Божію и Святой Богородицы, отмстить за себя и освободить землю Новгородцевъ отъ невѣрныхъ». Полюбились слова его всѣмъ Новгородцамъ, и они сказали: «если только такъ угодно Богу и тебѣ, то мы готовы». Мстиславъ собралъ Новгородцевъ, воиновъ и началъ ихъ двадцать тысячъ. Такимъ образомъ Мстиславъ пошелъ на Чудскую землю и, войдя въ нее, остановился тамъ и внесъ опустошеніе во всю ихъ землю, огнемъ и мечемъ. Воины его много забрали и скота и рабовъ и вернулись назадъ съ великою славою и честью, получивъ отъ Бога побѣду на язычниковъ. На обратномъ пути изъ Чудской земли, онъ вошелъ во Псковъ и схватилъ сотскихъ за своего племянника Бориса, такъ какъ они не хотѣли имѣть княземъ его племянника Бориса. Уладивъ жителей Пскова, Мстиславъ пошелъ оттуда въ Новгородъ и тамъ провелъ всю зиму На весну, по совѣту съ своими людьми, отправился на Полоцкъ противъ своего зятя Всеволода. Дѣдъ его ходилъ войною на Новгородъ,

взялъ Іерусалимъ церковный и служебные сосуды и одинъ погостъ присоединилъ къ Полоцку. Мстиславъ хотѣлъ отмстить за такое оскорбленіе Новгорода и его владѣній; онъ пришелъ на Луки съ воинами новгородскими. Услыхавъ то, въ Смоленскѣ, братъ Мстиславовъ Романъ послалъ въ Полоцкъ, на помощь своему зятю, сына своего Мстислава, а къ Мстиславу послалъ человѣка сказать: «никакой тебѣ не было обиды отъ полоцкаго князя, а если ты на него идешь, то пойди прежде на меня». Мстиславъ, не желая сердить своего старшаго брата, вернулся въ Новгородъ. Тутъ онъ сдѣлался очень боленъ,— слабѣли силы и отнимался языкъ. Взглянулъ онъ на свою дружину и жену, вздохнулъ отъ глубины сердца и сталъ имъ говорить: «сына своего Владиміра приказываю Борису Захарьичу и съ нимъ и владѣніе мое поручаю Рюрику и Давиду, а относительно меня да исполнится воля Господня».— Поручивъ такимъ образомъ дѣтей братьямъ, онъ поднялъ руки къ небу, вздохнулъ тяжело, прослезился и испустилъ духъ. Князь Мстиславъ, сынъ Ростислава, внукъ великаго князя Мстислава, скончался іюня 13-го, въ день Св. Акулины, въ пятницу, а св. причастіе принялъ во время литургіи. Приготовили его тѣло съ честью, съ достойными пѣснями и благоухающими кадилами, епископъ Илія и всѣ настоятели. Оплакивала Мстислава вся земля Новгородская, а въ особенности лучшіе люди новгородскіе. Тѣло его положили въ той же гробницѣ, гдѣ лежитъ Владиміръ, сынъ великаго князя Ярослава Владиміровича. Такъ говорили со слезами: «господинъ нашъ, уже не можемъ поѣхать съ тобою на иную землю—невѣрныхъ покорять власти Новгородцевъ. Много ты говорилъ, господинъ нашъ, задумывая походъ на невѣрныхъ во всѣ стороны. Такъ и дѣдъ твой, Мстиславъ, освободилъ было насъ отъ всѣхъ обидъ, а ты, господинъ нашъ, тому поревновалъ и наслѣдовалъ путь твоего дѣда. А теперь, господинъ нашъ, не можемъ мы тебя видѣть больше; солнце наше отъ насъ скрылось и мы всѣ остались обиженными». Такъ оплакивали Мстислава всѣ жители Новгорода и сильные, и слабые, и нищіе, и убогіе, и монахи (милостивъ былъ Мстиславъ ко всѣмъ бѣднымъ), и затѣмъ разошлись по своимъ домамъ. Князь Мстиславъ, Ростиславовъ сынъ, былъ росту средняго, лицомъ красивъ, украшенъ всякаго рода добродѣтелью и нравственностью; оказывалъ расположеніе ко всѣмъ, въ особенности усердѣнъ былъ на милостыню, снабжалъ монастыри, утѣшалъ монаховъ, съ любовью принималъ настоятелей монастырей, бралъ у нихъ благословеніе, снабжалъ всѣмъ нужнымъ мірскія

церкви, священниковъ и вообще святительскій санъ чтилъ достойною почестью. Мужественъ онъ былъ на войнѣ и постояннымъ его желаніемъ было умереть за землю Рускую и за христіанъ, когда онъ видѣлъ христіанъ, захватаемыхъ въ плѣнъ невѣрными; онъ такъ говорилъ своей дружинѣ: «братья, не сомнѣвайтесь въ томъ нисколько, что если мы теперь умремъ за христіанъ, то очистимся отъ грѣховъ и кровь нашу Господь сравнитъ съ кровью мучениковъ. Если Богъ пошлетъ намъ свою милость, то слава Ему, а если теперь умремъ, то во всякомъ случаѣ не миновать намъ смерти». Говоря такъ, онъ придавалъ смѣлости своимъ воинамъ, и такъ отъ всего сердца сражался за свою родину. Онъ очень любилъ свою дружину, не щадилъ имѣнія, не собиралъ ни золота, ни серебра, но давалъ своей дружинѣ или заботился о душѣ своей. Онъ присоединился къ отцамъ своимъ и дѣдамъ, отдавъ общій долгъ, отъ котораго невозможно уйдти никому, получившему рожденіе. Не было на Руси той земли, которая бы его не хотѣла и не любила, постоянно стремился онъ на великія дѣла и рано постигла его кончина. Братья Мстислава, узнавъ о его кончинѣ, очень опечалились; оплакала его вся земля Руская, не могла забыть его доблести, и всѣ Черные Клобуки не могутъ забыть его ласки.

Въ этомъ же году на Филиппово заговѣнье Святославъ привелъ за Всеволода, своего средняго сына, жену изъ Польши, дочь Казиміра.

Всеволодъ Юрьевичъ призвалъ къ себѣ во Владиміръ Владиміра Святославича и отдалъ за него дочь. Владиміръ съ женою отправился къ отцу въ Черниговъ; тамъ жилъ Святославъ, пріѣдя изъ Кіева. . . . . .

Скончалась вдова Глѣба, рязанскаго князя. Скончалась вдова Всеволода, принявъ на себя санъ монашескій; положена она въ Кіевѣ, въ храмѣ Св. Кирилла, ею построенномъ. Въ томъ же году въ августѣ пришли на Рускую землю иноплеменники, безбожные Измаильтяне, проклятые Агаряне, своими нравами и поступками гнусныя порожденія нечистой силы. У нихъ виновникомъ зла для всѣхъ христіанъ былъ Кончакъ; въ особенности вредилъ онъ всѣмъ церквамъ, гдѣ славится Божіе имя, а этими нечестивыми безбожниками подвергается поруганію. Не скажу — враги они всѣхъ христіанъ, но и Самого Бога они враги. А если кто любитъ враговъ Божіихъ, то тѣ сами что примутъ отъ Бога? Этотъ позорный Кончакъ, пріѣхавъ съ своими единомышленниками къ Перея-

славлю. за грѣхи наши надѣлалъ христіанамъ много вреда — однихъ Половцы взяли въ плѣнъ, другихъ избили, а больше же всего побили младенцевъ. Святославъ вышелъ изъ Кіева и остановился пониже Треполя, ожидая къ себѣ Ростиславичей; онъ ждалъ къ себѣ Половцевъ для заключенія мира, а тутъ пришла вѣсть совсѣмъ другая. Гонецъ прискакалъ изъ Переяславля и сказалъ, что Половцы воюютъ около города. Слыша это, русскіе князья пошли за Сулу и остановились близъ *городища* Лукомля. Получивъ объ этомъ извѣстіе. Половцы бросились бѣжать другою дорогой, а князья вернулись домой.

Генваря 16-го скончался Олегъ Святославичъ; его положили въ храмѣ Св. Михаила. Братъ его Игорь занялъ Новгородъ-Сѣверскій, а Ярославъ Всеволодовичъ — Черниговъ. Ярославъ отдалъ свою дочь за Владиміра Глѣбовича въ Переяславль ноября 11-го. Въ томъ же году передъ Дмитріевымъ днемъ родилась у великаго князя Всеволода четвертая дочь; имя въ крещеніи получила она Пелагея, а княжеское Сбыслава, воспріемницею была ея тетка Ольга.

1180 годъ.

Святославъ поѣхалъ въ Любечь; сюда позвалъ онъ всѣхъ родныхъ Ярослава, Игоря и Всеволода Юка онъ съ ними тамъ улаживался, въ Кіевѣ случилось великое бѣдствіе: погорѣли дворы на Горѣ и загорѣлась великая церковь митрополичья Святой Софіи.

Святославъ послалъ сына своего Глѣба въ Коломну, въ Рязанскую область, на помощь рязанскимъ князьямъ и своему зятю Роману; они вели войну противъ Всеволода. Онъ, слыша, что Святославъ прислалъ своего сына, помогая зятю, позвалъ его къ себѣ. Глѣбъ Святославичъ не хотѣлъ ѣхать, но волею-неволею поѣхалъ, потому что онъ находился у него во власти. Онъ взялъ его, оковалъ и послалъ во Владиміръ въ свои владѣнія, приставивъ къ нимъ карауловъ; дружину его, находившуюся съ нимъ, также побрали. Святославъ, узнавъ о томъ, распалился гнѣвомъ и разгорѣлся яростью; онъ сообразилъ въ мысляхъ: «отмстилъ бы я Всеволоду, но нельзя отъ Ростиславичей; они мнѣ во всемъ вредятъ въ Русской землѣ, а мнѣ кто поближе изъ племени Владиміра (Мономаха), тотъ и хорошъ». Въ то время Давидъ Ростиславичъ плавалъ по Днѣпру на лодкахъ, занимаясь ловлею, и Святославъ на черниговской сторонѣ, напротивъ Давида, также занимался ловлею. Святославъ, по совѣту съ женою и Кочкаремъ,

своимъ любимцемъ.—лучшимъ своимъ людямъ онъ ничего не сказалъ объ этомъ умыслѣ,—рѣшился начать тотчасъ непріязненныя дѣйствія за сына своего Глѣба. Не съумѣвъ обуздать свое раздраженіе, онъ, нарушивъ клятву, переправился чередъ Днѣпръ; онъ замыслилъ такъ: «Давида схвачу, Рюрика выгоню изъ его земли, одинъ съ моими родственниками завладѣю Русскою землею и тогда отмщу Всеволоду за мою обиду». А Богъ не любитъ нашихъ гордыхъ замысловъ и смиряетъ тѣхъ, кто возносится.— Вдругъ Святославъ напалъ на лагерь Давида; тотъ ничего не зналъ и не мыслилъ на себѣ зла ни откуда, потому что Святославъ далъ клятву на крестѣ, которой Давидъ вѣрилъ. Крестъ честной избавилъ Давида отъ рукъ Святослава,— успѣлъ онъ уйдти съ женою въ лодку. Тѣ прискакали на берегъ и начали стрѣлять въ него, но Богъ сохранилъ его невредимымъ. Святославъ захватилъ дружину и обозъ Давыдовы и, вернувшись назадъ, отправился къ Вышгороду. Тутъ-то онъ, проведя ночь подъ Вышгородомъ, ошибся въ своихъ соображеніяхъ. На другой день искали Давида по всѣмъ дорогамъ, но нигдѣ его не нашли. Святославъ удалился за Днѣпръ, говоря: «умыселъ мой открылся Ростиславичамъ и мнѣ оставаться въ Кіевѣ невозможно». Онъ пріѣхалъ въ Черниговъ, созвалъ сыновей своихъ и младшихъ родственниковъ, собралъ всю черниговскую сторону и свою дружину, и сталъ совѣтоваться; онъ спрашивалъ: «Куда пойдемъ—къ Кіеву ли, или къ Смоленску»? Игорь ему сказалъ: «отецъ мой, тишина лучше всего, но если ужь это не годилось, то лишь бы тебѣ Богъ далъ быть здоровымъ». Давидъ прибѣжалъ въ Бѣлгородъ къ брату. Рюрикъ, услыхавъ, что Святославъ ушелъ за Днѣпръ, вошелъ въ Кіевъ въ воскресный день и сѣлъ на престолѣ своего отца и дѣда. Онъ послалъ за своими родственниками, за Всеволодомъ и Ингваромъ Ростиславичами, и привелъ ихъ къ себѣ. Пришелъ вспомогательный отрядъ Ярослава, князя галицкаго, съ Галичанином Тудором. Давида послалъ въ Смоленскъ къ своему брату Роману на помощь. На Сковышиномъ бору сосновый лѣсъ встрѣтило Давыда извѣстіе: «твой братъ Романъ умеръ». Давидъ, услыхавъ объ этомъ, очень опечалился и поспѣшно поѣхалъ къ Смоленску. Его встрѣтилъ епископъ Константинъ съ крестами, въ сопровожденіи настоятелей монастырей и священниковъ, а также и всѣхъ жителей Смоленска. Давидъ посѣтилъ храмъ Святой Богородицы и сѣлъ на престолѣ своего отца и дѣда. Тѣло скончавшагося князя Романа, сына Ростиславова, внука Мстиславова, положено съ прилич-

нымъ пѣніемъ и обрядами въ храмѣ Пресвятой Богородицы. Оплакивали князя всѣ жители Смоленска за его добросердечіе, а въ особенности сыновья его, а жена его, стоя у гроба, кричала такъ: «царь мой благой, кроткой, правдивый, смиренный. За дѣло дано тебѣ имя Романъ; всякою добродѣтелью ты на него походишь; много непріятностей терпѣлъ ты отъ жителей Смоленска, но никому не платилъ зломъ за зло и все возлагалъ на Бога». Этотъ князь Романъ былъ высокъ ростомъ, широкъ въ плечахъ, красивъ лицомъ, украшенъ добродѣтелями всякаго рода, смиренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имѣлъ ко всѣмъ и своимъ братьямъ истинную, нелицемѣрную; полный страха Божія, онъ былъ милостивъ и снабжалъ монастыри. Онъ построилъ каменную церковь Св. Іоанна, украсилъ ее всѣмъ, что нужно для церкви, и иконами, украшенными золотомъ и финифтью. Онъ сдѣлалъ память своему роду, въ особенности же прося душѣ своей оставленія грѣховъ.

Къ Рюрику пришло извѣстіе о смерти Романа; онъ опечалился и оплакивалъ его какъ отца, потому что онъ былъ братъ старшій.—Святославъ соединился съ своими родственниками и Половцами, и сказалъ своимъ родичамъ: «я старше Ярослава, а ты, Игорь,—Всеволода; теперь я вамъ остался вмѣсто отца. Приказываю тебѣ, Игорь, оставаться здѣсь съ Ярославомъ, беречь Черниговъ и всю мою область, а я пойду со Всеволодомъ къ Суздалю разыскать моего сына Глѣба, и какъ Богъ разсудитъ меня со Всеволодомъ». Такимъ образомъ Святославъ раздѣлилъ и князей, и силы на двое; самъ отправился къ Суздалю, взявъ съ собою Ярополка Ростиславича, и Половцевъ раздѣлилъ на двое: половину ихъ взялъ съ собою, а половину отдалъ братьямъ. Дорогою Святославъ присоединилъ къ себѣ сына Владиміра и весь полкъ новгородскій,—сынъ его Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ-Великомъ,—и вошелъ въ землю Суздальскую. На встрѣчу его вышелъ Всеволодъ со всѣми полками суздальскими, рязанскими и муромскими, и сошелся съ нимъ на рѣкѣ Вленѣ; остановились по обоимъ берегамъ рѣки Влены и двѣ недѣли сражались черезъ рѣку, а она текла глубоко въ обрывистыхъ берегахъ. Суздальцы стояли на горахъ, окруженные пропастями и оврагами, такъ что до нихъ невозможно было дойдти полкамъ Святослава. Всеволодова дружина тщательно хотѣла ударить на Ростислава, но Всеволодъ, по своему добросердечію, не хотѣлъ кровопролитія и не поѣхалъ на него. Всеволодъ послалъ рязанскихъ князей; тѣ бросились на лагерь Святослава и произвели общее замѣшательство: однихъ вои-

новь изрубили, другихъ взяли; но скоро собрались силы войска Святославова, а Всеволодъ Святославичъ поспѣшилъ съ своимъ полкомъ. Рязанскіе князья бросились паутекъ и много людей у нихъ захватили, а другихъ убили; тутъ взяли Ивора Мирославича. Святославъ послалъ къ Всеволоду своего духовника и велѣлъ ему сказать: «много я тебѣ дѣлалъ добра, и такой отплаты отъ тебя не ожидалъ; но теперь, если ты замыслилъ зло и захватилъ моего сына, то тебѣ недалеко меня искать; отступи далѣе отъ той рѣчки, дай мнѣ дорогу, чтобы я проѣхалъ и былъ къ тебѣ ближе. Если же ты мнѣ дороги не дашь, то я тебѣ дамъ, – переѣзжай на эту сторону и насъ здѣсь Богъ разсудитъ». Всеволодъ схватилъ пословъ и отправилъ ихъ во Владиміръ, а Святославу отвѣта не далъ. Тотъ, прождавъ много времени, въ опасеніи наступавшаго тепла, пошелъ поспѣшно. Всеволодъ послалъ въ его лагерь и тамъ захватили много, а за самимъ не велѣлъ гнаться. Святославъ на обратномъ пути изъ земли Суздальской сжегъ Дмитровъ. Выйдя изъ Суздальской земли, Святославъ отпустилъ въ Русь своего брата Всеволода, своего сына Олега и Ярополка, а самъ съ своимъ сыномъ Владиміромъ отправился въ Великій Новгородъ. Ярославъ, по совѣту съ Игоремъ, пошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ Дрьютеску и взялъ съ собою Половцевъ, а Всеволода, Игорева брата, и Олега Святославича оставили въ Черниговѣ. Полоцкіе князья вышли на встрѣчу помогая Святославу: Василковичи, Брячиславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ Полочанами, съ ними находились и Либъ, и Литва, Всеславъ Микуличъ изъ Логожска, Андрей Володьшичъ и племянникъ его Изяславъ, Василько Брячиславичъ; собравшись, они пошли всѣ мимо Дрьютеска на встрѣчу Святославу. Давидъ, смоленскій князь, вошелъ въ Дрьютескъ со всѣмъ своимъ полкомъ; онъ соединился съ Глѣбомъ Рогволодовичемъ и пошелъ за Ярослава. Онъ хотѣлъ дать сраженіе Ярославу и Игорю до прихода Святослава. Ярославъ и Игорь не смѣли сразиться съ Давидомъ безъ Святослава, но заняли укрѣпленное природою мѣсто и стояли другъ противъ друга цѣлую недѣлю по обѣ стороны Дрьюти; изъ войска Давидова пріѣзжали стрѣлки и сражались съ непріятелемъ храбро. Потомъ пришелъ Святославъ съ Новгородцами и рады были ему его родичи; на Дрьюти сдѣлали гать, собираясь перейдти на ту сторону противъ Давида: но Давидъ воспользовался наступленіемъ ночи и бѣжалъ въ Смоленскъ. Святославъ приступилъ къ Дрьютеску, сжегъ (острогъ) внѣшній городъ, оттуда отпустилъ Новгородцевъ,

а самъ пошелъ къ Рогачеву: изъ Рогачева поплылъ по Днѣпру къ Кіеву, а Игорь взялъ съ собою Половцевъ, Копчака и Кобяка, и дожидался Святослава напротивъ Бѣлгорода. Услыхавъ о томъ, Рюрикъ отправился къ Бѣлгороду.

Святославъ вошелъ въ Кіевъ со своими родственниками. Половцы выпросили у Святослава Игоря и, какъ его отпустилъ Святославъ къ нимъ, расположились по Долобыку. Рюрикъ, услыхавъ, что Святославъ привелъ себѣ на помощь Половцевъ и что они съ Игоремъ стоятъ на Долобыку, послалъ Мстислава Владиміровича съ Черными Клобуками, своего воеводу Лазаря съ младшею дружиною, Бориса Захарьича съ Сдиславомъ Ярославичемъ и съ полкомъ Мстислава изъ Треполя; Борисъ Захарьичъ отправился съ людьми Владиміра, сына своего князя. Взирая на Бога, выступили они въ походъ. Половцевъ было много, и они расположились безъ опасенія, надѣясь на свою силу и на полкъ Игоревъ; у нихъ даже карауловъ (сторожей) не было. Мстиславъ пріѣхалъ къ своимъ. Черные Клобуки уже развѣдали о положеніи непріятеля и сообщили о томъ Мстиславу, своимъ товарищамъ и воеводамъ рускимъ. Черные Клобуки, узнавъ отъ своихъ товарищей, бросились къ Половцамъ и устремили копей на ихъ обозы. Воеводы рускіе имъ того не приказывали и не могли ихъ удержать, такъ какъ была еще ночь. Они ошиблись и не попали на ихъ обозъ, а только небольшая часть, отдѣлясь отъ товарищей, ворвались въ обозы. Половцы, видя зашедшихъ къ нимъ Черныхъ Клобуковъ, взяли ихъ нѣсколько человѣкъ; но хорошихъ людей тутъ не было, а небольшое число тѣхъ, которые и ворвались было въ половецкіе обозы, побѣжали. Черные Клобуки въ смятеніи бросились на Мстиславовъ полкъ. Мстиславъ полагалъ, что они потерпѣли пораженіе; его дружина пришла въ замѣшательство. Мстиславъ не былъ въ состояніи удержать ни своихъ людей, ни Черныхъ Клобуковъ, и самъ бѣжалъ. Остались только лучшіе люди: воевода Лазарь съ полкомъ Рюрика, Борисъ Захарьичъ съ полкомъ своего княжича Владиміра, Сдиславъ Ярославичъ съ полкомъ Мстислава. Взирая на Бога, они поѣхали на встрѣчу къ Половцамъ. Тѣ, увидавъ ихъ, устремились на нихъ и сразились съ ними. Рускіе ихъ побѣдили. Половцы побѣжали; много ихъ потонуло въ Черторыи, другихъ въ плѣнъ побрали, а иныхъ изрубили. Игорь, видя, что Половцы побѣждены, съ Копчакомъ бросился въ лодку и черезъ Городокъ ушелъ въ Черниговъ. При этомъ случаѣ убили князя половецкаго, Козла Салтановича, Елту-

та, Кончакова брата; взяли въ плѣнъ двухъ Кончаковичей, Тотура, Бякобу, Купячюка богатаго, Чюгая, и отняли у невѣрныхъ своихъ, которые ими были взяты въ плѣнъ. Такъ Богъ помогъ Русскимъ; вернулись они домой и пріѣхали къ Рюрику съ побѣдою. Рюрикъ хотя и одержалъ побѣду, но не показалъ никакой гордости,—миръ предпочелъ войнѣ; онъ хотѣлъ жить въ братолюбіи, преимущественно по поводу христіанъ, которыхъ невѣрные забирали въ плѣнъ. Онъ посовѣтовался съ своими людьми, и такъ какъ Святославъ былъ старше его годами, то онъ, по договору съ нимъ, уступилъ ему старѣйшество и Кіевъ, а себѣ взялъ всю Русскую землю. Договоръ этотъ князья скрѣпили клятвою и сватовствомъ. Рюрикъ жаловался на Мстислава Владиміровича; онъ говорилъ ему: «ты сначала Треполь отдалъ Ольговичамъ; да и теперь, хотя ты, желая добра Ольговичамъ и Половцамъ, и бѣжалъ было, но Богъ и честной крестъ помогли моимъ боярамъ, которыхъ ты было отдалъ на гибель». Сильно жаловался на него Рюрикъ. Осенью въ этомъ году Новгородцы выгнали отъ себя Владиміра Святославича. Владиміръ Суздальскій выпустилъ изъ заключенія Глѣба сына Святослава, крѣпко съ нимъ подружился и сдѣлался сватомъ, отдавъ за его младшаго сына свою *свѣсть (?)*.

1181 годъ.

Скончалась іюля 4-го Ольга, сестра Всеволода великаго; въ монашествѣ она была названа Евфросиньею; положено тѣло ея въ храмѣ Богородицы Золотоверхомъ.

1182 годъ.

Кіевскій князь Святославъ Всеволодовичъ женилъ двухъ сыновей: за Глѣба взялъ дочь Рюрикову, а за Мстислава—Ясыню, изъ Владиміра Суздальскаго, *свѣсть (?)* Всеволода; большой пиръ былъ на свадьбѣ.

Всеволодъ Юрьевичъ, князь суздальскій, началъ войну съ Болгарами; онъ прислалъ къ Всеволоду, прося помощи. Тотъ отпустилъ ему своего сына Владиміра съ словами: «братъ и сынъ, дай Богъ намъ въ наши дни поразить нечестивыхъ». Отправились наши въ походъ по Волгѣ на Болгаровъ; пришли на мѣсто при устьѣ Цѣвцы (?), гдѣ островъ называемый Шады, вышли на берегъ, оставивъ всѣ суда и бѣлозерскій полкъ. Воеводами оставлены тутъ Ѳома Назаковичъ и Дорогожай,—этотъ былъ слуга его отца, — и другіе воеводы и князья, каждый у своихъ людей, а

сами выступили на конях въ армію болгарскую, къ большому городу Серебряныхъ Болгаръ. Тѣ, видя множество рускихъ полковъ, не могли противустать и затворились въ городѣ. Младшіе князья поохотились ѣхать сражаться къ воротамъ; тутъ застрѣлили сквозь броню подъ сердце Изяслава Глѣбовича, племянника Всеволодова; его едва живаго принесли въ обозъ. Великое было огорченіе Всеволоду и всѣмъ князьямъ, а дружинѣ уныніе. Жители близь лежащихъ городовъ болгарскихъ — Собѣкуляне и Челмата, соединились съ иными Болгарами, носившими названіе Телетюзи, и въ числѣ пяти тысячъ бросились къ рускимъ судамъ; изъ Торческаго на коняхъ туда же отправились. Они вышли на островъ и напали на Рускихъ. Тѣ устроились къ бою и, укрѣпляемые Божіею помощью, встрѣтили язычниковъ; тѣ бросились бѣжать, а наши за ними, истребляя ихъ. Проклятые поклонники Магомета прибѣжали къ Волгѣ и стали бросаться въ лодки; тутъ одна опрокинулась и ихъ потонуло больше тысячи. Помогъ Рускимъ Господь,— избили они Болгаровъ двѣ тысячи съ половиною. Наши пошли къ своимъ судамъ, не зная, что оставшіеся при нихъ поразили болгарское войско; похвалили они Бога за то, что случилось. На томъ островѣ Шадахъ скончался князь Изяславъ Глѣбовичъ отъ раны, полученной стрѣлою; убравъ, какъ слѣдуетъ, его тѣло, положили въ лодку, понесли съ собою и положили во Владимірѣ, въ храмѣ Богородицы Золотоверхомъ.

Скончался іюля 24-го, въ день Свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, архимандритъ, настоятель Печерскаго монастыря, Поликарпъ; его тѣло похоронили такъ, какъ онъ самъ приказалъ. По смерти его сдѣлался большой мятежъ въ монастырѣ: монахи не могли выбрать себѣ настоятеля; была большая скорбь, и бѣда, и печаль; такое значительное стадо не могло и одинъ день оставаться безъ пастыря. Во вторникъ монахи ударили въ било, сошлись въ церковь и стали молиться Святой Богородицѣ. И дивное сдѣлалось тутъ дѣло; вдругъ многіе заговорили разомъ: «пошлемъ къ священнику Василію на Щековицу, пусть онъ будетъ намъ настоятель и правитель стада монаховъ Ѳеодосьева монастыря Печерскаго». Прійдя, поклонились они священнику Василію и сказали ему: «мы всѣ, братья-монахи, кланяемся тебѣ и желаемъ тебя имѣть отцомъ настоятелемъ». Священникъ Василій очень удивился этому и далъ имъ такой отвѣтъ: «отцы и братья! О монашествѣ дѣйствительно у меня было въ мысли, но заслуживаю ли я быть у васъ настоятелемъ»? Долго онъ спорилъ съ ними, но наконецъ

согласился. Они взяли и повели его въ монастырь. а случилось это въ пятницу. Когда наступило воскресеніе. то на постриженіе Василія пріѣхали митрополитъ Никифоръ, туровскій епископъ Лаврентій, Николай епископъ полоцкій и всѣ настоятели монастырей. Никифоръ постригъ Василія своею рукою и сталъ онъ настоятелемъ и пастыремъ монаховъ Ѳеодосьева монастыря.

1183 годъ.

аля 23-го, въ первую недѣлю поста. пришли на Русь безбожные потомки Измаила—Половцы. Они съ проклятымъ Копчакомъ и Глѣбомъ Тиріевичемъ стали опустошать окрестности Дмитрова, но Божіимъ заступленіемъ вреда отъ нихъ не было. Князь Святославъ Всеволодовичъ, съ общаго совѣта съ сватомъ своимъ Рюрикомъ, пошли противъ Половцевъ и остановились у Ольжичь, дожидая Ярослава изъ Чернигова. Ихъ встрѣтилъ Ярославъ и сказалъ имъ: «братья, теперь не ходите; но. назначивъ время, Богъ дастъ, пойдемъ на будущій годъ». Святославъ и Рюрикъ послушали его и вернулись. Святославъ послалъ своихъ сыновей съ полками степью къ Игорю, веля ему ѣхать вмѣсто себя, а Рюрикъ послалъ съ своими полками Владиміра Глѣбовича. Владиміръ Глѣбовичъ послалъ къ Игорю, прося у него позволенія ѣхать впередъ съ своимъ полкомъ, такъ какъ князья русскіе обыкновенно въ Русской землѣ ѣздили впередъ. Игорь этого ему не позволилъ. Владиміръ разсердился и вернулся назадъ; дорогою оттуда онъ шелъ на Сѣверскіе города и захватилъ въ нихъ много добычи. Игорь вернулъ кіевскіе полки, приставилъ къ нимъ Олега и племянника своего Святослава, лишь бы какъ-нибудь весть полкъ въ цѣлости, а самъ поѣхалъ, взявъ съ собою брата своего Всеволода Святославича, Андрея съ Романомъ и нѣсколько Черныхъ Клобуковъ съ Кулдюремъ и Кунтувдѣемъ. Они пришли къ рѣкѣ Хиріи; въ ту ночь сдѣлалось тепло и проливной дождь, показалось вездѣ множество воды и некуда было ѣхать. Половцы, которые успѣли переправиться съ кибитками. спаслись, а которые не успѣли, взяты въ плѣнъ. Говорили, что въ ту ночь у Половцевъ, бѣжавшихъ отъ Русскихъ, много потонуло въ Хиріи кибитокъ. лошадей и всякаго скота.

Скончался епископъ полоцкій, по имени Діонисій.

По смерти ростовскаго епископа Леона, поставленъ епископомъ Николай Грекъ. Всеволодъ Юрьевичъ, князь суздальскій, не принялъ его. но послалъ въ Кіевъ къ князю Святославу Всеволодовичу

и митрополиту Никифору сказать: «люди нашей земли его не выбирали; но если вы его поставили, то гдѣ хотите, тамъ его и держите; мнѣ поставьте Луку, смиреннаго душою и кроткаго настоятеля монастыря Святаго Спаса на Берестовомъ». Митрополитъ Никифоръ не желалъ его поставить, по великимъ принужденіемъ со стороны Всеволода и Святослава поставилъ Луку епископомъ въ Суздальскую землю, а Николая послалъ епископомъ въ Полоцкъ.

Въ этомъ году, апрѣля 13-го, въ середу, случился большой пожаръ во Владимірѣ; сгорѣлъ чуть не весь городъ, огромный княжескій дворъ, 32 церкви и Золотоверхой церкви Святой Богородицы сгорѣли всѣ пять золотыхъ верховъ, которыми украсилъ ее князь Андрей. Она загорѣлась сверху, и жертвою огня погибли всѣ украшенія, какія находились внутри и снаружи,—серебряныя паникадилы, безчисленное множество сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, одеждъ шитыхъ золотомъ и жемчугомъ; ихъ вѣшали на праздникъ на двѣ веревки отъ Золотыхъ воротъ до храма Богородицы и отъ храма Богородицы до Владычныхъ сѣней въ двѣ веревки чудесныхъ.

Богъ послалъ мысль Святославу, князю кіевскому, и великому князю Рюрику Ростиславичу—пойдти на Половцевъ; они послали за сосѣдними князьями. Собрались къ нимъ: Святославичи—Мстиславъ и Глѣбъ, Владиміръ Глѣбовичъ изъ Переяславля, Всеволодъ Ярославичъ изъ Луцка съ братомъ Мстиславомъ, Мстиславъ Романовичъ, Изяславъ Давидовичъ и Мстиславъ Городеньскій, Ярославъ, князь пинскій, съ братомъ Глѣбомъ, изъ Галича отъ Ярослава вспоможеніе, а свои братья не пошли, а сказали: «далеко намъ идти внизъ Днѣпра, не можемъ оставить своихъ земель, но если пойдешь на Переяславль, то соединимся съ тобою на Сулѣ». Святославъ, недовольный своими братьями, отправился такъ поспѣшно въ путь, научаемый Божіимъ промысломъ, что и старшіе его сыновья не поспѣли съ черниговской стороны. Онъ шелъ внизъ по Днѣпру и остановился на мѣстѣ называемомъ Инжира бродъ. Тутъ наши переправились на непріятельскую сторону и пять дней искали Половцевъ. Святославъ послалъ впередъ младшихъ князей: Владиміра Переяславскаго, Глѣба, Мстислава, своего сына, Мстислава Романовича, Глѣба Юрьевича, князя дубровицкаго, Мстислава Владиміровича и Берендѣевъ съ нимъ было 2100.—Половцы, увидавъ Владиміровъ полкъ, смѣло идущій на нихъ, побѣжали, гонимые Божіимъ гнѣвомъ и Святой Богородицы. Наши погнались за ними, но не нагнали и воротились, они остановились на мѣстѣ, называемомъ Ерель, а по руски Уголъ.—Половецкій князь Кобякъ.

полагая, что Русскихъ только всего и есть, вернулся и бросился вслѣдъ за ними. Тутъ они увидали полки русскіе, начали перестрѣлку черезъ рѣку и переговоры между собою, и много въ этомъ прошло времени. Услыхавъ объ этомъ, Святославъ и Рюрикъ прислали много полковъ на помощь, да и сами пошли къ нимъ поспѣшно. Половцы, увидавъ пришедшее къ Русскимъ подкрѣпленіе, полагали, что это Святославъ и Рюрикъ, и тотчасъ пустились бѣжать, но Русскіе, съ Божіею помощью, ворвались въ середину ихъ и начали ихъ рубить и брать. Такимъ образомъ Господь сдѣлалъ милость христіанамъ; въ этотъ день Богъ возвеличилъ князей Святослава и Рюрика за ихъ вѣру. Тутъ взяли Кобяка Карлыевича съ двумя сыновьями, Билюковича Изая, Товлыя съ сыномъ, брата его Бокмыша, Осакула, Барака, Тарха, Данила, Содвака Кулобичкаго и Коряза Калатановича; убили Тарсука и другихъ несчетное множество. Богъ послалъ намъ эту побѣду іюля 3-го въ понедѣльникъ, въ память Св. Іоанна Воина. Великій князь Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ, принявъ отъ Бога побѣду на невѣрныхъ, возвратились домой съ великою славою и честью.

Игорь Святославичъ, услыхавъ, что Святославъ Всеволодовичъ пошелъ на Половцевъ, призвалъ къ себѣ своего брата Всеволода, племянника Святослава и сына Владиміра, и сказалъ князьямъ и дружинѣ: «теперь всѣ Половцы обратились противъ русскихъ князей, а мы попытаемся ударить на ихъ становища». Когда наши были за Моромъ, встрѣтили Половцевъ. Обоялы Костуковичъ съ четырьмя стами воиновъ отправлялся въ Росію грабить. Наши припустили коней, и Половцы бросились бѣжать. Русскіе погнались за ними, побѣдили ихъ и вернулись домой.

Въ это время у Игоря находился его шуринъ Владиміръ Ярославичъ Галицкій; его отецъ выгналъ изъ Галича. Владиміръ сначала пришелъ было во Владиміръ къ Роману, но тотъ, опасаясь его отца, не принялъ его. Оттуда онъ поѣхалъ въ Туровъ къ Святополку, но и тотъ отпустилъ его въ Смоленскъ къ Давиду, а Давидъ отпустилъ его въ Суздаль къ своему дядѣ (по матери) Всеволоду. Но Владиміръ Галицкій и тамъ не нашелъ себѣ покою; онъ пришелъ въ Путивль къ своему зятю Игорю Святославичу. Тотъ принялъ его съ любовью, оказалъ ему великую почесть, два года держалъ его у себя, на третій годъ помирилъ съ отцомъ и послалъ съ нимъ своего сына Святослава, зятя Рюрикова.

Городень весь сгорѣлъ, и каменная церковь, отъ удара молніи.

Освящена генваря 1-го церковь Св. Василія,—та, что стоитъ въ Кіевѣ на Великомъ дворѣ; а освѣщали ее митрополитъ Никифоръ, юрьевскій епископъ и настоятель Печерскаго монастыря Василій. Построилъ эту церковь Святославъ Всеволодовичъ; онъ позвалъ на тотъ духовный пиръ митрополита Никифора, другихъ епископовъ, настоятелей монастырей, всѣхъ лицъ святительскаго сана и Кіевлянъ; сдѣлались всѣ тутъ веселы; онъ ихъ отпустилъ, и разошлись по домамъ.

1184 годъ.

Безбожный и проклятый Кончакъ пришелъ со множествомъ Половцевъ на Русь: онъ хвалился побрать всѣ рускіе города и пожечь ихъ огнемъ; нашелся у него такой человѣкъ *бесермянинъ*, который стрѣлялъ *живымъ огнемъ* и находились у него упругіе луки-самострѣлы, такъ что едва могли пятьдесятъ человѣкъ натянуть одинъ. Но Господь, который противится гордымъ, разрушилъ этотъ умыселъ. Кончакъ пришелъ и сталъ на Хоролѣ. Онъ послалъ съ обманомъ къ Ярославу Всеволодовичу, прося мира. Ярославъ, не подозрѣвая тутъ никакого обмана, послалъ къ нимъ своего человѣка Ольстина Олексича. — Святославъ Всеволодовичъ прислалъ Ярославу сказать: «братъ, не вѣрь имъ, и своего человѣка не посылай; я на нихъ пойду». Святославъ Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ со всѣми своими полками не медля пошли имъ на встрѣчу; впередъ послали Владиміра Глѣбовича и Мстислава Романовича, а сами пошли за ними. Выступивъ, встрѣтили они купцовъ, шедшихъ изъ земли Половецкой. Тѣ имъ сказали, что Половцы стоятъ на Хоролѣ. Услыхавъ то, Святославъ и Рюрикъ обрадовались и пошли къ нимъ. Владиміръ и Мстиславъ пришли къ мѣсту, указанному купцами, но тамъ никого не нашли, такъ какъ Половцы удалились немного и стали недалеко отъ Хорола. Нашъ передовой отрядъ, перейдя Хоролъ, взошелъ на холмъ, чтобы оттуда посмотрѣть гдѣ Половцы; а Кончакъ стоялъ на лугу, и наши прошли мимо его, поднимаясь на холмъ. Увидавъ Половцевъ съ высоты, наши бросились на нихъ. Кончакъ, видя то, бѣжалъ черезъ дорогу; захватили его *мешищю* (?) и того бесурменина взяли, у котораго былъ живой огонь, и со всѣмъ нарядомъ привели его къ Святославу; остальныхъ Половцевъ побили и захватили множество добычи лошадьми и оружіемъ.

1185 годъ.

Господь даровалъ побѣду рускимъ князьямъ—Святославу Всеволодовичу и великому князю Рюрику Ростиславичу, марта 1-го. Узнавъ, что Кончакъ бѣжалъ, послали за нимъ Кунтугдѣя съ шестью тысячами человѣкъ; тотъ погнался, но не нашелъ, такъ какъ снѣгъ за Хороломъ уже растаялъ. Святославъ и Рюрикъ послѣ этой побѣды вернулись домой. — Князь Ярославъ Черниговскій не участвовалъ въ этомъ походѣ Святослава; онъ говорилъ: «я послалъ къ нимъ своего человѣка Ольстина Олексича и не могу ѣхать на своего человѣка»,—и такъ отказалъ своему брату Святославу. А Игорь говорилъ человѣку Святослава: «не допусти Богъ отказаться идти на язычниковъ,—то всѣмъ намъ общій врагъ».—Игорь совѣтовался съ дружиною гдѣ бы имъ сойдтись съ войскомъ Святослава. Дружина ему отвѣчала: «князь, какъ птица мы перелѣтѣть не можемъ. Посланный Святослава пріѣхалъ къ тебѣ въ четвергъ, а самъ выступаетъ въ воскресеніе изъ Кіева; какъ же мы, князь, можемъ его нагнать»? Игорю не понравился отвѣтъ дружины; онъ хотѣлъ было ѣхать поперекъ степью возлѣ Сулы, и была такая гололедица, что воинамъ во весь день до вечера невозможно было перейдти того пространства, которое они видѣли глазами. Вслѣдствіе этого Игорю невозможно было нигдѣ слѣдовать за Святославомъ.

Весною князь Святославъ послалъ Романа Нѣздиловича съ Берендѣями на Половцевъ; наши захватили Половецкія *вежи*, много плѣнныхъ и коней; апрѣля 21-го, на самый Свѣтлый праздникъ.—Святославъ ѣздилъ въ землю Вятичей по своимъ дѣламъ.—Игорь Святославичъ, внукъ Олеговъ, выступилъ изъ Нова-Города во вторникъ, апрѣля 23-го; онъ взялъ съ собою брата Всеволода изъ Трубецка, Святослава Ольговича, своего племянника, изъ Рыльска, Владиміра, сына своего, изъ Путивля; у Ярослава выпросилъ на помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ черниговскими Коуями.—Они шли тихо, собирая свою дружину; у нихъ лошади были очень тучны. Вечеромъ, когда подходили они къ рѣкѣ Донцу, Игорь взглянулъ на небо и видѣлъ, что солнце стояло какъ мѣсяцъ. Онъ сказалъ боярамъ и дружинѣ: «видите ли это явленіе»? Тѣ посмотрѣли, поникли головами и нѣкоторые сказали: «князь, не къ добру это явленіе». Игорь отвѣчалъ: «братья и дружина! Тайнъ Божіихъ никто не знаетъ; этому явленію, да и всему міру создатель — Богъ, а что Богъ сдѣлаетъ съ нами, на добро ли, или

на наше зло, то мы посмотримъ». Съ этими словами перешелъ Донецъ, и такъ пришелъ къ Осколу, гдѣ два дни дожидался брата Всеволода, а тотъ шелъ изъ Курска другою дорогою. Оттуда пошли къ Сальницѣ: тутъ къ нимъ вернулись передовые разъѣзды, которыхъ они выслали поймать плѣннаго (ловить языка) и сказали: «мы видѣли непріятелей; они изготовляются; или скорѣе ступайте, или вернитесь домой, потому что не наше время». — Игорь и его родичи сказали: «если мы вернемся не сражаясь, то намъ будетъ стыдъ хуже смерти; но какъ намъ дастъ Богъ». Рѣшивъ такъ, ѣхали во всю ночь. На другой день, когда наступила пятница, въ обѣденное время, встрѣтили полки Половцевъ, а ужь тѣ изготовились ранѣе, кибитки свои пустили за себя, а сами собрались отъ мала до велика; они стояли на той сторонѣ рѣки Сюурлія. Наши устроились въ шесть полковъ: Игоревъ полкъ посерединѣ, по правую сторону—брата его Всеволода, по лѣвую—его племянника Святослава, впереди сынъ Игоря Владиміръ, еще полкъ Ярослава,—это Коуи съ Ольстиномъ, послѣдній, шестой полкъ,—стрѣлки, выведенные изо всѣхъ княжескихъ полковъ. Въ такомъ порядкѣ наши устроили свои полки. — Игорь сказалъ родичамъ: «братья, мы этого искали; напряжемъ же всѣ силы». И такъ пошли къ нимъ, возложивъ всю надежду на Бога.—Когда наши подошли къ рѣкѣ Сюурлію, то изъ половецкихъ полковъ выѣхали стрѣлки, и пустивъ въ Рускихъ по стрѣлѣ, пустились бѣжать. Рускіе еще не перешли рѣку Сюурлій. И главное половецкое войско, находившееся въ нѣкоторомъ отъ рѣки разстояніи, также бросилось бѣжать. Святославъ Ольговичъ, Владиміръ Игоревичъ и Ольстинъ съ Коуями и стрѣлками пустились преслѣдовать Половцевъ, а Игорь и Всеволодъ шли потихоньку и не распускали полковъ своихъ. Находившіеся впереди полки рускіе били Половцевъ, брали ихъ въ плѣнъ. Половцы пробѣжали свои становища, а Рускіе, дойдя до нихъ, захватили много добычи; нѣкоторые уже ночью вернулись съ добычею.

Когда всѣ собрались, то Игорь сказалъ братьямъ и людямъ своимъ: «Богъ по Своей силѣ увѣнчалъ насъ побѣдою на враговъ, честью и славою; мы видѣли полки половецкіе, что ихъ тутъ много; но всѣ ли они тутъ собрались? Теперь поѣдемъ во всю ночь, отобравъ тѣхъ, у кого лучшія лошади, а остальные послѣдуютъ за нами завтра, и какъ намъ съ ними дастъ Богъ». Святославъ Ольговичъ сказалъ своимъ дядьямъ: «я далеко гнался за Половцами; мои лошади выбились изъ силъ; если мнѣ теперь же ѣхать,

то много прійдется бросить на дорогѣ». Всеволодъ поддержалъ его, и онъ остался почевать тутъ. — Игорь сказалъ: «неудивительно, братья, понимая дѣло, и умереть». Они тутъ остались почевать. На разсвѣтѣ въ субботу стали наступать полки половецкіе какъ темный лѣсъ. Изумились князья рускіе и не знали—которому изъ нихъ ѣхать на встрѣчу; было ихъ безчисленное множество. — Игорь сказалъ: «Мы знали, что собрали противъ себя всю Половецкую землю: Кончака, Козубурновича, Колобича Етебича и Теротробича». Съ общаго совѣта, наши спѣшились и хотѣли пробиться къ рѣкѣ Донцу; они говорили: «если побѣжимъ на лошадяхъ, то сами уйдемъ, но *черныхъ* (простыхъ) людей оставимъ. Въ такомъ случаѣ намъ будетъ грѣхъ отъ Бога, что мы, выдавъ ихъ, сами ушли; но или умремъ, или живы будемъ всѣ вмѣстѣ». Сказавъ такъ, наши всѣ сошли съ коней и пошли впередъ, сражаясь. Тутъ Игоря ранили въ руку; — и омертвѣла у него лѣвая рука; сильная печаль овладѣла его полкомъ. Воевода, находившійся впереди, также раненъ. Наши сражались храбро во весь день до вечера; въ рускихъ полкахъ много было раненыхъ и мертвыхъ. И ночью наши продолжали идти, сражаясь. На разсвѣтѣ въ воскресеніе смятеніе произошло въ полку у Коуевъ, и они побѣжали.— Игорь въ то время, вслѣдствіе раны, находился на копѣ; онъ поѣхалъ къ Коуямъ, желая ихъ воротить; но видя, что онъ далеко заѣхалъ отъ своихъ, снялъ шлемъ и поспѣшилъ назадъ къ полкамъ; а шлемъ снялъ онъ за тѣмъ, чтобы, узнавъ князя, Коуи воротились; но никто не вернулся; только, узнавъ князя, воротился Михалко Гюргевичъ. Смятеніе отъ Коуевъ сообщилось весьма немногимъ, и то простымъ людямъ или отрокамъ боярскимъ, но всѣ храбро сражались, идя пѣшіе.—Посереди ихъ Всеволодъ показалъ не мало мужества. Когда Игорь уже приближался къ полкамъ, тутъ его взяли Половцы всего въ разстояніи отъ его полка на полетъ стрѣлы. Игорь, находясь въ плѣну, видѣлъ, какъ храбро отбивался его братъ Всеволодъ, и проспялъ себѣ смерти, чтобы не видѣть паденія своего брата. Всеволодъ сражался до того, что уже оружія въ рукахъ его недостало; въ это время наши сражались, идя вокругъ озера. Такимъ образомъ въ день Свѣтлаго Воскресенія Господь навелъ на нашихъ свой гнѣвъ, вмѣсто радости навелъ на нихъ слезы и вмѣсто веселій страданіе, на рѣкѣ Коялы. Игорь сказалъ: «вспомнилъ я грѣхи мои передъ Богомъ моимъ; много убійства и кровопролитія совершилъ я въ землѣ христіанской; не пощадилъ я христіанъ, но *взялъ на щитъ* (разграбилъ, городъ

Глѣбовъ у Переяславля. Тогда не мало приняли бѣды безвинные христіане: отцовъ разлучали съ дѣтьми, братьевъ съ братьями, женъ отъ мужей, дочерей и матерей; всѣ были въ смятеніи и скорби; живые завидуютъ мертвымъ, а мертвые радовались, что какъ святые мученики очистились отъ бѣдственной жизни огнемъ; старики терпѣли оскорбленія, молодые люди принимали жестокія и неисцѣлимыя раны. Мущины были убиваемы и разсѣкаемы, а женщины осквернены. «Такъ-то я поступилъ, говорилъ Игорь,—и послѣ всего этого не заслуживалъ я жизни и теперь вижу себѣ возмездіе отъ Бога. Гдѣ теперь любимый мною братъ? Гдѣ его сынъ? Гдѣ мой собственный? Гдѣ бояре—мои совѣтники, гдѣ мои храбрые воины, гдѣ рядъ полковъ? Гдѣ кони и оружіе, дорого стоющіе? Все это я потерялъ, и теперь плѣнникомъ въ рукахъ нечестивыхъ. Господь отплатилъ мнѣ за мое беззаконіе и злобу, и теперь грѣхи мои обрушились на мою голову. Истиненъ Господь и вполнѣ праведенъ Его судъ; уже мнѣ пѣтъ доли съ живыми; вижу, какъ другіе принимаютъ вѣнцы мученическіе: почему я виновный одинъ не принялъ на себя всѣхъ этихъ страданій? Владыко, Господь и Богъ мой, не отвергни меня до конца, но какъ воля Твоя, Господь, такъ пусть будетъ и милость на Твоихъ слугахъ». По окончаніи сраженія, Половцы подѣлили между собою плѣнныхъ и пошли по своимъ становищамъ. Игоря взяли Тарголове,—изъ нихъ человѣкъ, по имени Чилбукъ, а Всеволода, его брата взялъ Романъ Кзичъ, Святослава Ольговича—Елдечюкъ изъ Вобурчевичей, а Владиміра—Конти изъ Улашевичей. Тутъ же на полѣ сраженія Кончакъ поручился за своего свата Игоря, такъ такъ онъ былъ раненъ. Отъ такого рускаго войска осталось немного, и бѣглецамъ уйдти было невозможно, потому что окружены были половецкими полками какъ крѣпкими стѣнами. Говорили, будто Рускихъ ушло человѣкъ 15, а Коуевъ меньше, а остальные потонули въ морѣ. Въ это время великій князь Святославъ Всеволодовичъ отправился было въ Карачевъ — собирать воиновъ отъ верхнихъ земель; онъ хотѣлъ идти на Половцевъ къ Дону на все лѣто. На обратномъ пути, когда Святославъ находился у Новгорода Сѣверскаго, то услыхалъ о своихъ родныхъ, что они тайкомъ отъ него пошли на Половцевъ: это ему было очень непріятно. Святославъ плылъ на судахъ, и когда пришелъ къ Чернигову, то въ то время прибѣжалъ Бѣловодъ Просовичъ и разсказалъ Святославу о томъ, что случилось въ землѣ Половецкой. — Святославъ, выслушавъ то, вздохнулъ отъ глубины души, утеръ слезы и сказалъ: «любезные мои братья, сыновья и

люди земли Руской! Далъ бы мнѣ Богъ притѣснить язычниковъ, но вы, по молодости вашей, отворили имъ ворота въ Рускую землю. Да будетъ во всемъ воля Божія! Какъ мнѣ досадно было на Игоря, такъ мнѣ теперь еще больше его жалко». Святославъ послалъ сына своего Олега и Владиміра въ Поселье. Когда въ городахъ, находившихся по Сейму, стало извѣстно, что князья взяты въ плѣнъ и со всею дружиною, то тамъ сдѣлалось страшное смятеніе, горе и бѣда, какихъ еще никогда не бывало во всемъ Посельи и въ Новгородѣ Сѣверскомъ и по всей области Черниговской. Люди пришли въ смущеніе, города волновались, не мило каждому было его ближнее; многіе тогда отрекались отъ своихъ душъ,—такъ имъ было жалко своихъ князей.—Потомъ Святославъ послалъ въ Смоленскъ къ Давиду сказать: «условились мы было идти на Половцевъ и лѣто провесть на Дону; но теперь Половцы побѣдили Игоря и его брата съ сыномъ; пріѣзжай, братъ, постереги землю Рускую».—Давидъ пришелъ по Днѣпру, пришли и другія подкрѣпленія и остановились у Треполя, а Ярославъ, собравъ войско, стоялъ въ Черниговѣ. — Нечестивые Половцы, побѣдивъ Игоря и его родственниковъ, исполнились и собрали весь свой народъ для похода на Рускую землю. Вышелъ у нихъ раздоръ. Копчакъ говорилъ: «пойдемъ на кіевскую сторону, гдѣ избиты наши братья и великій нашъ князь Бонякъ». А Кза говорилъ: «пойдемъ на Семь (Сеймъ), гдѣ остались одни жены и дѣти; готовая намъ добыча собрана; тамъ безопасно поберемъ мы города». Такимъ образомъ Половцы раздѣлились на двое: Копчакъ пошелъ къ Переяславлю, обступилъ городъ, и бой тутъ продолжался цѣлый день. Князь Владиміръ Глѣбовичъ находился въ Переяславлѣ; онъ былъ храбръ и смѣлъ на войнѣ; выѣхавъ изъ города, онъ бросился на Половцевъ въ сопровожденіи малаго числа дружины. Онъ сражался храбро; его обступило множество Половцевъ. Тутъ остальные воины, видя своего князя храбро сражающагося, бросились изъ города и отняли своего князя, раненнаго тремя копьями. Доблестный Владиміръ, опасно раненный, въѣхалъ въ свой городъ и утеръ мужественный потъ за свою родину. Владиміръ посылалъ къ Святославу, Рюрику и Давиду сказать имъ: «у меня Половцы,—помогите мнѣ». Святославъ посылалъ къ Давиду, а Давидъ стоялъ у Треполя съ Смольянами. Тѣ начали собираться на вѣче и говорить: «мы пошли до Кіева, и будь тутъ непріятель; мы бы съ нимъ сражались; а если намъ еще ходить искать его, то мы не можемъ,—мы выбились изъ силъ».—Святославъ съ Рюрикомъ и другими подкрѣпленіями отправились

къ Днѣпру напротивъ Половцевъ, а Давидъ съ своими Смольянами вернулся домой. Услыхавъ о томъ, Половцы вернулись отъ Переяславля и, идя мимо, приступили къ Римову. Жители затворились въ городѣ и влѣзли на стѣны; но тутъ Божіимъ судомъ обрушилась стѣна къ сторонѣ непріятеля и съ защитниками; остальными гражданами овладѣлъ страхъ, такъ что тѣ изъ нихъ, которые вышли изъ города и сражались, ходя по Римовскому болоту, избавились отъ плѣна, а всѣ, кто оставался въ городѣ, захвачены. Владиміръ посылалъ къ Святославу Всеволодовичу и Рюрику Ростиславичу и убѣдительно звалъ ихъ къ себѣ на помощь; но они промедлили, дожидаясь Давида съ Смольянами, и такъ рускіе князья опоздали и уже не застали Половцевъ. Они взяли городъ Римовъ, захватили множество плѣнныхъ и добычи и отправились домой. Князья также воротились по домамъ въ большой печали, вслѣдствіе смертельныхъ ранъ, полученныхъ Владиміромъ Глѣбовичемъ, и множества христіанъ, взятаго въ плѣнъ невѣрными. Богъ наказалъ насъ и за наши грѣхи навелъ на насъ язычниковъ, не милость къ нимъ оказывая, но насъ наказывая и обращая тѣмъ къ покаянію, чтобы мы воздержались отъ своихъ злыхъ дѣлъ. Потому наказываетъ Онъ насъ нашествіемъ язычниковъ, чтобы мы, смирившись, воздержались отъ злаго пути.

Другіе Половцы отправились въ иную сторону—къ Путивлю; то былъ Кза съ большими силами; онъ опустошилъ земли, селенія предалъ огню, сжегъ острогъ у Путивля и вернулся назадъ. — Игорь Святославичъ находился въ то время у Половцевъ; онъ говорилъ: «по заслугамъ моимъ побѣжденъ я вслѣдствіе Твоего повелѣнія, Господь, а не дерзость язычниковъ сокрушила силу рабовъ Твоихъ: недосадно мнѣ за мои дурные поступки терпѣть все то, что я принялъ». Половцы какъ бы стыдились его сана, не дѣлали ему никакого насилія, но приставили къ нему 15 человѣкъ изъ своихъ сыновей и пять знатныхъ молодыхъ людей (*господичичевъ*), а всего 20. Они давали волю Игорю: гдѣ хотѣлъ,—ѣздилъ, ловилъ ястребовъ, и его сопровождали 5 или 6 его слугъ. Сторожа его слушали, обращались съ почтеніемъ, и куда посылалъ, безпрекословно исполняли то, что онъ приказывалъ. Онъ привелъ къ себѣ изъ Руси и священника съ святою службою; не зналъ онъ Божьяго промысла, но готовился какъ бы и долго тамъ пробыть. Его Господь избавилъ за молитву христіанскую, такъ какъ многіе о немъ печалились и проливали слезы. — Когда онъ находился въ землѣ Половцевъ, то тамъ нашелся человѣкъ, родомъ Половчинъ,

по имени Лаворъ; тому пришла въ голову добрая мысль и онъ сказалъ князю: «я пойду съ тобою въ Русь».—Игорь сначала ему не повѣрилъ, но по своей молодости имѣлъ гордый замыселъ—захватить какого-нибудь знатнаго Половца и бѣжать въ Русь. Онъ говорилъ: «для славы не бѣжалъ я и тогда съ поля сраженія отъ дружины и теперь не славнымъ путемъ не пойду». Съ нимъ (Игоремъ, находились сынъ тысяцкаго и его конюшій. Тѣ принуждали князя и говорили: «князь, пойди въ землю Рускую; можетъ Богъ желаетъ тебя избавить». — Не могъ онъ впрочемъ найдти такой случай, какого искалъ. Половцы вернулись отъ Переяславля,— о походѣ ихъ туда мы писали выше,— совѣтники Игоря стали ему говорить: «ты имѣешь въ головѣ замыселъ гордый и Богу непріятный; ты дожидаешься случая захватить человѣка и бѣжать съ нимъ, а почему не подумаешь ты о томъ, что, какъ мы слышали, Половцы, воротясь изъ похода, хотятъ избить князей и всѣхъ Русскихъ; и тогда уже не только славы, но и жизни тебѣ не будетъ». Князь Игорь принялъ такой совѣтъ всею душою, испугался прибытія Половцевъ и задумалъ бѣжать; ему это сдѣлать невозможно было ни днемъ, ни ночью, такъ какъ его караулили сторожа; но время на то нашелъ онъ къ закату солнца. Игорь послалъ къ Лавру своего конюшаго сказать: а переѣзжай на ту сторона Тора, и чтобы у тебя былъ въ поводу конь». Игорь согласился съ Лавромъ за-одно бѣжать въ Русь. Въ то время,—а наступалъ уже вечеръ, — Половцы напились кумыса. Конюшій вернулся и сказалъ своему князю Игорю, что его Лаворъ ждетъ. Тотъ всталъ въ ужасѣ и трепетѣ, поклонился образу Божьему и кресту честному и говорилъ: «Господь Сердцевѣдецъ! спасешь ли Ты, Владыко, меня недостойнаго»? — Онъ взялъ на себя крестъ и икону и, поднявъ стѣнку (палатки), вышелъ. — Сторожа Игоревы играли и веселились; о князѣ же думали, что онъ спитъ.—Игорь, прійдя къ рѣкѣ, сѣлъ на коня, и такъ они проѣхали черезъ половецкія становища.—Это избавленіе Игоря Господь совершилъ въ пятницу вечеромъ. Не слазя съ коня, одиннадцать дней ѣхалъ Игорь до города Донца, а оттуда отправился въ свой Новгородъ. Ему тамъ всѣ обрадовались. Изъ Новгорода поѣхалъ онъ въ Черниговъ къ брату своему Ярославу, прося помощи на Поземье. — Ярославъ обрадовался ему и обѣщался дать помощь. Оттуда Игорь поѣхалъ въ Кіевъ къ великому князю Святославу; рады ему были Святославъ и сватъ его Рюрикъ.

1186 годъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Святославъ Всеволодовичъ освятилъ въ Черниговѣ церковь Святаго Благовѣщенія, имъ самимъ построенную.

1187 годъ.

Святославъ, съ общаго совѣта съ своимъ сватомъ Рюрикомъ, положилъ идти на Половцевъ на скорую руку, набѣгомъ. Говорили, что Половцы находятся близко на Татинцѣ, на Днѣпровскомъ бродѣ. Отправились князья наскоро безъ обозовъ. Владиміръ Глѣбовичъ пріѣхалъ къ нимъ изъ Переяславля съ своею дружиною. Онъ просилъ позволенія у Святослава и Рюрика — ѣхать впередъ съ Черными Клобуками. Святославу не хотѣлось пустить Владиміра впередъ своихъ сыновей, но Рюрикъ и всѣ другіе того желали, потому что Владиміръ былъ человѣкъ храбрый, смѣлый и упорный въ сраженіи. Во время похода русскихъ князей, нѣкоторые изъ Черныхъ Клобуковъ дали о немъ знать своимъ сватамъ между Половцами. Половцы, слыша, что на нихъ идутъ русскіе князья, бѣжали за Днѣпръ. Русскіе князья не могли ѣхать за ними, такъ какъ ледъ на Днѣпрѣ уже сошелъ вслѣдствіе наступленія весны, и вернулись назадъ. Во время этого похода Владиміръ Глѣбовичъ сдѣлался тяжко боленъ; его принесли въ его городъ Переяславль на носилкахъ, и онъ тутъ померъ апрѣля 18-го; его положили въ церквѣ Св. Михаила. Всѣ Переяславцы оплакивали Владиміра; онъ любилъ дружину и не собиралъ золота, не щадилъ имѣнія, но раздавалъ дружинѣ. Онъ былъ князь добрый, храбрый на войнѣ, отличался особеннымъ мужествомъ; исполненъ былъ добродѣтелей всякаго рода и *Украйна* о немъ много жалѣла.

Умеръ Борисъ, сынъ великаго Всеволода, и положенъ въ церквѣ Святой Богородицы подлѣ Изяслава Глѣбовича.

Кончакъ съ Половцами сдѣлалъ набѣгъ на берега Роси, и потомъ Половцы стали дѣлать частые грабительскіе набѣги на берега Роси и въ Черниговскую область.

Въ этомъ же году была такая жестокая зима, какой на нашей памяти не было.

Святославъ переслался съ сватомъ своимъ Рюрикомъ и сговорились они идти на Половцевъ. Рюрику понравилось предложеніе Святослава и онъ ему сказалъ: «ты, братъ, ступай въ Черниговъ и соединись съ твоими родичами, а я здѣсь съ своими». Соединившись такимъ образомъ, всѣ русскіе князья пошли по Днѣпру,—

другою дорогою идти невозможно было вслѣдствіе огромнаго количества снѣга. Они дошли до Снепорода; тутъ захватили половецкихъ сторожей, и тѣ имъ сказали, что кибитки и стада Половцевъ у Голубаго лѣса. Ярославу не хотѣлось идти далѣе и онъ сталъ говорить брату Святославу: «не могу идти далѣе отъ Днѣпра,—земля моя далеко и моя дружина выбилась изъ силъ». Рюрикъ сталъ посылать къ Святославу, понуждая его словами: «братъ и сватъ, намъ было нужно того просить у Бога; намъ есть извѣстіе, что Половцы всего отъ насъ на полдня пути. Если кто раздумалъ и идти не желаетъ, то мы двое развѣ попрежде того на него смотрѣли? На что намъ далъ Богъ, то мы узнали». Святославу это было пріятно, и онъ сказалъ: «я, братъ, готовъ всегда и теперь; но пошли къ брату Ярославу и попудь его; лучше поѣдемъ всѣ». Рюрикъ послалъ къ Ярославу и сказалъ ему: «братъ, нехорошо съ твоей стороны приводить насъ въ смущеніе. Мы имѣемъ вѣрное свѣдѣніе, что Половцы стоятъ своимъ таборомъ всего на полдня пути,—не великъ этотъ переѣздъ. Кланяюсь тебѣ, братъ, поѣдемъ всего полдня, а я для тебѣ поѣду на десять дней». Ярославъ не хотѣлъ ѣхать, и говорилъ: «не могу ѣхать одинъ, а полкъ мой пѣшъ; вы сказали бы мнѣ дома, до какого мѣста идти». И возникъ между ними споръ. Рюрикъ много понуждалъ ихъ, но не могъ ихъ повесть. Святославу хотѣлось идти съ Рюрикомъ, но не оставилъ онъ брата Ярослава,—и вернулись назадъ.

Въ томъ же году, въ маѣ мѣсяцѣ, скончался вышегородскій князь Мстиславъ Давидовичъ; тѣло его положено въ Кіевѣ, въ монастырской церкви Св. Ѳеодора.

Сентября 15-го было явленіе на небѣ: по всей землѣ сдѣлалась тьма, такъ что всѣ люди пришли въ удивленіе; солнце исчезло, а небо горѣло свѣтоносными облаками. Такія явленія бываютъ не къ добру; въ самый этотъ день безбожные Сарацины взяли Іерусалимъ. Явленія эти бываютъ не по всей землѣ, но въ той сторонѣ, на которую Владыка хочетъ что-нибудь навесть. Говорили, что въ то время въ Галичѣ былъ такой мракъ, что середи дня затмилось солнце и можно было видѣть звѣзды; въ кіевской сторонѣ ничего въ то время не было видно.—Поговоримъ же объ этомъ: если въ наше время Господь предалъ святой городъ Іерусалимъ беззаконнымъ потомкамъ Агари, то кто можетъ постичь промыселъ Божій, кто можетъ проникнуть въ его тайны? Такъ мы находимъ въ книгахъ Судей, что когда Илія-жрецъ былъ судьею у Израиля, то иноплеменники пришли на Іерусалимъ. Израильтяне,

взявъ доску—скрыжали Завѣта Господня, собрались полками и вышли на бой противъ язычниковъ. Но Богъ разгнѣвался на Израиля и допустилъ, что не только чужеземцы побѣдили его, но и взяли святыню Завѣта Господня. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, какъ читаемъ въ книгахъ Царствъ, Господь возвратилъ скрыжали Завѣта Господня въ Іерусалимъ и Богоотецъ Давидъ, исполнясь радости, передъ ними прыгалъ и игралъ. Мы теперь находимся въ униженіи и принимаемъ поношеніе отъ этихъ беззаконныхъ потомковъ Агари, но ждемъ благодати Божіей и славы.

Въ этомъ году, октября 1-го, умеръ галицкій князь Ярославъ; а 2-го тѣло его положено въ церквѣ Св. Богородицы. Онъ былъ князь мудрый, краснорѣчивый, богобоязненный, съ почетомъ извѣстный въ другихъ земляхъ и славный полками. Гдѣ ему была обида, онъ самъ не ходилъ съ своими полками, но посылалъ ихъ съ воеводами; расширилъ онъ свои владѣнія, раздавалъ большую милостыню, любилъ странныхъ и кормилъ нищихъ, уважалъ монаховъ и оказывалъ имъ честь насколько силъ было: во всемъ исполнялъ законъ Божій, усерденъ былъ къ церквамъ и заботился объ ихъ устройствѣ. Ко времени смерти сдѣлался тяжко боленъ и исхудалъ; созвалъ онъ своихъ приближенныхъ, всю Галицкую землю, духовенство соборовъ и монастырей, и нищихъ, и людей знатныхъ и простыхъ. Онъ такъ говорилъ имъ со слезами: «отцы, братья и сыновья, вотъ я оставлю этотъ суетный міръ и отправляюсь къ отцу моему, а согрѣшилъ болѣе другихъ, какъ никто другой не согрѣшилъ. Отцы и братья, простите меня»! — Такъ плакалъ онъ три дня передъ всѣми собравшимися людьми и повелѣлъ раздавать имѣніе свое монастырямъ и нищимъ. По всему Галичу раздавали въ теченіи трехъ дней и не могли раздать. Ярославъ сказалъ своимъ людямъ: «моею бѣдною головою одною я сохранилъ Галицкую землю; мѣсто свое приказываю Олегу, младшему сыну, а Владиміру даю Перемышль». Онъ заставилъ Владиміра и галицкихъ людей дать клятву на крестѣ въ томъ, что ему подъ братомъ не искать Галича. Олегъ былъ сынъ Ярослава отъ Настасьи и онъ его очень любилъ, а Владиміръ его не слушался,—за то онъ ему не далъ Галича. По смерти Ярослава, возникла большая смута въ землѣ Галицкой. Жители Галича за одно съ Владиміромъ нарушили данную ими клятву и выгнали Олега изъ Галича. Тотъ бѣжалъ въ Овручъ къ Рюрику, а Владиміръ въ Галичѣ сѣлъ на престолъ своего дѣда и отца.

Осенью у Рюрика родился сынъ; его назвали въ святомъ крещеніи Дмитріемъ, а мірское—Владиміръ

Въ этомъ же году, какъ прошелъ праздникъ Пасхи, князь Рюрикъ послалъ своего шурина князя Глѣба съ женою, тысяцкаго Славна съ женою, Чюрыну съ женою и много другихъ бояръ съ женами къ великому князю Всеволоду Юрьевичу въ Суздаль за его дочерью Верхуславою въ замужство за Ростислава. На Борисовъ день великій князь Всеволодъ отпустилъ свою дочь Верхуславу и далъ за ней безчисленное множество золота и серебра; сватовъ одарилъ большими дарами и отпустилъ съ великою честью: онъ провожалъ свою милую дочь до третьей станціи; прощаясь съ нею, плакали отецъ и мать, они ее очень любили и она была очень молода,—всего восемь лѣтъ. Много даровъ далъ Всеволодъ и съ великою любовью отпустилъ ее въ Русь за князя Ростислава; съ нею отправилъ онъ сына своей сестры Якова съ женою и другихъ бояръ съ женами. Привели ее въ Бѣлгородъ на день Св. Евфросиньи, а на другой день, когда празднуется памяти Св. Іоанна Богослова, она вѣнчана въ деревянной церквѣ Св. апостоловъ блаженнымъ епископомъ Максимомъ. Рюрикъ сдѣлалъ Ростиславу великолѣпную свадьбу, какой не бывало на Руси; тутъ было множество князей—болѣе 20; спохѣ своей онъ далъ много подарковъ и городъ Брягинъ, а свата Якова съ боярами съ великою почестью и значительными подарками отпустилъ ко Всеволоду въ Суздаль.

На той же недѣлѣ Рюрикъ отдалъ свою дочь Ярославу въ Новгородъ-Сѣверскій за Святослава Игоревича. — Тогда же пришелъ Владиміръ изъ земли Половецкой съ дочерью Кончака; Игорь сдѣлалъ свадьбу сыну своему, обвѣнчавъ его съ приведенною имъ дѣвочкою.—Въ ту осень въ Филипповъ постъ, ноября 26-го, въ Суздалѣ у великаго князя Всеволода родился сынъ въ день освященія церкви мученика Георгія. Отецъ Всеволодъ приказалъ епископу Лукѣ дать ему имя дѣда Юрія; великая радость была по всей Суздальской землѣ; огромный пиръ затѣялъ Всеволодъ. Въ то время вернулся изъ Руси Яковъ, проводивъ Верхославу, и была радость великому князю, княгинѣ, боярамъ и всѣмъ людямъ. — Въ ту же зиму Святославъ, съ общаго совѣта съ своимъ сватомъ Рюрикомъ, послали Черныхъ Клобуковъ за Днѣпръ на половецкія становища: начальникомъ въ этомъ походѣ былъ Романъ Нѣздиловичъ. Посланные захватили за Днѣпромъ становища и вернулись назадъ съ великою славою и честью. Половцевъ въ то время не было дома,—они ходили къ Дунаю

1188 годъ.

Владиміръ сталъ княжить въ Галицкой землѣ; онъ очень любилъ выпить, но не любилъ совѣтоваться съ своими людьми. Онъ отнялъ у священника жену, сдѣлалъ ее своею и у него родились два сына. Романъ Мстиславичъ, княжившій во Владимірѣ, породнился съ нимъ, отдавъ свою дочь за его старшаго сына. Романъ, узнавъ о томъ, что Галичане несогласно живутъ съ своимъ княземъ за его насилія, такъ какъ онъ отнималъ силою каждую женщину, какая ему полюбится,—будетъ ли то замужняя или дѣвица,—посылалъ смѣло къ Галичанамъ, возбуждая ихъ противъ ихъ князя, чтобы они выгнали его изъ владѣній, а приняли его, Романа, на княженіе. Галичане послушали наученій Романа; утвердились они клятвою возстать противъ князя, но не смѣли его ни схватить, ни убить, потому что не всѣ они участвовали въ этомъ умыслѣ и опасались пріятелей Владиміра. Съ общаго между собою совѣта они послали сказать князю: «князь, мы возстали не на тебя, но не хотимъ клаияться попадьѣ, а хотимъ ее убить: а гдѣ только тебѣ понравится, ту за тебя возьмемъ». Такъ говорили они, будучи увѣрены, что онъ попадьи не отпуститъ, а такъ они пригрозили ему, лишь бы его прогнать. Владиміръ пришелъ въ ужасъ, забралъ много золота и серебра, съ женою, двумя сыновьями и людьми приближенными (дружиною) отправился въ Венгрію къ королю. Галичане отняли у Владиміра Ѳедору Романовну и послали за ея отцомъ. Романъ отдалъ Владиміръ брату своему Всеволоду, совѣмъ и далъ ему клятву на крестѣ: «больше мнѣ уже не нуженъ Владиміръ». Романъ отправился въ Галичъ и остался тамъ княжить. Владиміръ пришелъ къ королю, и тотъ, забравъ всѣ полки и захвативъ и самого Владиміра, отправился въ Галичъ. Романъ, услыхавъ, что король уже перешелъ Гору, не могъ ему сопротивляться и, взявъ все имущество Владиміра, бѣжалъ съ Галичанами изъ Галича во Владиміръ; но во Владимірѣ заперся братъ его Всеволодъ. Романъ самъ поѣхалъ въ Польшу, а жену отправилъ съ Галичанками въ Овручъ черезъ Пинскъ. Романъ и въ Польшѣ не нашелъ себѣ помощи и отправился въ Бѣлгородъ къ своему тестю Рюрику; съ нимъ были тѣ люди, которые его ввели въ Галичъ. Король занялъ Галичъ, но не возстановилъ въ немъ Владиміра, а устроившись (договорясь) съ Галичанами, оставилъ въ Галичѣ своего сына Андрея, а Владиміра насильно отвелъ назадъ въ Венгрію, отнявъ у него все его имущество, а самого съ женою заключилъ въ баш-

ню. Великій грѣхъ сдѣлалъ король, потому что онъ далъ клятву Владиміру; но Богъ избавилъ его отъ такой нужды.

Романъ выпросился на Галичъ у своего тестя Рюрика; онъ говорилъ ему: «приглашаютъ меня Галичане къ себѣ княжить; отпусти со мною твоего сына Ростислава». Рюрикъ отпустилъ съ нимъ сына, а также и воеводу Славна Борисовича. Романъ послалъ передовой отрядъ къ Прѣснеску, чтобы захватить его; но жители затворились тамъ. Венгры и Галичане захватили ранѣе Прѣснескъ; однихъ взяли, а другіе бѣжали. Романъ, слыша это, отпустилъ шурина домой, а самъ отправился въ Польшу къ Казиміру; изъ Польши онъ вернулся во Владиміръ, но братъ его не пустилъ туда. Романъ пришелъ было на брата съ Поляками и княземъ ихъ Межко, своимъ дядею по матери, но не имѣлъ никакого успѣха и поѣхалъ къ своему тестю Рюрику. Рюрикъ далъ ему Торческій, а къ его брату Всеволоду послалъ съ угрозою. Всеволодъ побоялся Рюрика и уступилъ Владиміръ брату Роману. Романъ отправился туда, а Всеволодъ уѣхалъ въ Бельзъ.

1189 годъ.

Король прислалъ Святославу сказать: «братъ, пришли ко мнѣ твоего сына, а я какъ обѣщалъ и въ чемъ тебѣ далъ клятву — то исполню». Святославъ скрылъ это отъ Рюрика и обрадовался: онъ думалъ, что король хочетъ отдать ему Галичъ и послалъ къ королю своего сына Глѣба. Рюрикъ, узнавъ о томъ, послалъ за нимъ Святослава Владиміровича и приставилъ къ нему людей своихъ, а къ Святославу послалъ сказать: «ты отправилъ своего сына къ королю, не спросивъ меня, и тѣмъ нарушилъ договоръ». Большой вышелъ споръ между князьями, но Господь, по своей великой благости, не допустилъ радоваться діаволу. Князья помирились. Святославъ оправдывался такъ: «братъ и сватъ, я сына своего послалъ не на тебя вооружать короля, но по моему дѣлу. Если хочешь идти на Галичъ, то и я готовъ идти съ тобою». И митрополитъ говорилъ Святославу и Рюрику: «вотъ чужеземцы отняли достояніе вашихъ родителей; хорошо было бы вамъ потрудиться». Съ общаго совѣта пошли къ Галичу князья: Святославъ съ своими сыновьями, а Рюрикъ съ своими братьями. Когда они свидѣлись, то стали договариваться о Галицкой землѣ: Святославъ давалъ Галичъ Рюрику, а себѣ требовалъ всей Руской земли около Кіева. Рюрикъ не хотѣлъ лишиться своего отцовскаго наслѣдія, но предлагалъ подѣлиться Галичемъ: такъ князья не уладя-

лись между собою и вернулись домой. Въ томъ же году Галичане послали къ Ростиславу, сыну Берладника, и звали его въ Галичъ княжить. Услыхавъ это, Ростиславъ очень былъ радъ и выпросился у Давида; Давидъ его принялъ было къ себѣ; поспѣшно отправился онъ изъ Смоленска; пріѣхалъ онъ на Галицкую украйну и занялъ два галицкихъ города; оттуда пошелъ къ Галичу по совѣту Галичанъ; но между Галичанами единодушія не было: тѣ, которыхъ братья и сыновья находились у короля, держались крѣпко за его сына. Въ то время король, опасаясь рускихъ князей, прислалъ на помощь сыну множество полковъ. Сынъ короля и начальники венгерскихъ войскъ, слыша, что Ростиславъ идетъ къ Галичу, по совѣту Галичанъ, стали недовѣрять имъ и привели ихъ къ присягѣ: правые клялись не зная, а виноватые опасаясь Венгровъ. Ростиславъ съ небольшимъ отрядомъ пришелъ къ полкамъ галицкимъ, не зная ихъ обмана; онъ полагалъ,—и такъ ему обѣщали,—что какъ только онъ покажется, то они оставятъ королевскаго сына. Съ нимъ находилось нѣсколько человѣкъ Галичанъ, пріѣхавшихъ ранѣе; тѣ, увидавъ обманъ своихъ, подпустили ихъ близко и потомъ оставили Ростислава. Тутъ его приближенные сказали: «князь, ты уже видишь ихъ обманъ; поѣзжай прочь». Но Ростиславъ отвѣчалъ: «братья, вамъ извѣстно въ чемъ они клялись мнѣ, а теперь моей жизни ищутъ; то пусть судьею имъ будетъ Богъ и тотъ крестъ, который они мнѣ цѣловали, а я не хочу скитаться по чужимъ землямъ, но хочу свою голову сложить во владѣніяхъ моихъ предковъ». Такъ онъ сказалъ дружинѣ и бросился къ галицкимъ полкамъ; окружили его Галичане и Венгры, сбросили съ коня и, взявъ его сильно раненнаго и чуть живаго, отнесли въ Галичъ. Галичане пришли въ волненіе и хотѣли отнять Ростислава у Венгровъ и сдѣлать его своимъ княземъ; но Венгры, увидавъ то, приложили къ ранамъ Ростислава смертоносное вещество; онъ умеръ и его положили въ церквѣ Св. Іоанна. Венгры, видя недоброжелательство Галичанъ, что они ищутъ себѣ рускаго князя, стали дѣлать насиліе во всемъ: начали отнимать женъ и дочерей на постели себѣ, въ церквахъ и домахъ ставить коней и дѣлать много другихъ насильственныхъ проступковъ. Галичане горевали и сильно раскаивались, что прогнали своего князя.

1190 годъ.

Апрѣля 19-го скончался князь Святополкъ, сынъ Юрьевъ; тѣло

его положили въ храмѣ Св. Михаила Золотоверхаго, построенномъ прадѣдомъ его, великимъ княземъ Святополкомъ.

Въ этомъ же году скончался Максимъ, епископъ бѣлгородскій, а Рюрикъ вмѣсто него поставилъ епископомъ своего духовника Адріана, настоятеля монастыря Св. Михаила Выдубецкаго.

Въ этомъ же году Владиміръ Ярославичъ бѣжалъ изъ Венгріи, изъ каменной башни, гдѣ его содержалъ король съ женою и двумя дѣтьми. На башнѣ поставленъ былъ ему шатеръ; онъ его изрѣзалъ, свилъ себѣ веревку и спустился оттуда внизъ; изъ его сторожей два были къ нему расположены и привели его въ Нѣмецкую землю къ нѣмецкому царю. Царь, узнавъ, что онъ сынъ сестры Всеволода, князя суздальскаго, принялъ его ласково и съ великою почестью; онъ приставилъ къ нему своего человѣка и отправилъ въ Польшу къ Казиміру, приказывая ему завоевать Галичъ для Владиміра; онъ обязался платить царю ежегодно по двѣ тысячи гривенъ серебра. Казиміръ приставилъ къ нему своего человѣка Николая и отправилъ его въ Галичъ. Галичане встрѣтили на Спасовъ день Владиміра, какъ своего наслѣдственнаго князя, съ великою радостью. Владиміръ послалъ къ своему дядѣ, по матери, въ Суздаль просить его: «отецъ и господинъ, удержи за мною Галичъ, а я со всѣмъ Галичемъ—Божій и твой, и въ твоей волѣ буду находиться всегда. Всеволодъ суздальскій послалъ ко всѣмъ князьямъ, къ королю въ Польшу и обязалъ ихъ клятвою Галича не отнимать у его племянника (сына сестры). Съ этого времени упрочилась власть Владиміра въ Галичѣ и никто уже не враждовалъ противъ него.

Въ этомъ году царь нѣмецкій со всею своею землею отправился сражаться за гробъ Господень; Богъ объявилъ ему свою волю и велѣлъ идти въ походъ черезъ ангела. Нѣмцы пришли и храбро сражались съ богоненавистными потомками Агари; но Богъ прогнѣвался на весь міръ, потому что вся земля исполнилась злобъ нашихъ, и это все навелъ Богъ на насъ за грѣхи наши. Истинный судъ совершилъ Онъ и справедливы Его судьбы, и мѣсто Своей святыни Онъ предалъ другимъ чужеземцамъ; а эти Нѣмцы и ихъ цари, какъ Святые мученики, пролили свою кровь за Христа. Относительно ихъ Господь Богъ показалъ Свое чудо: ежели кто изъ Нѣмцевъ въ сраженіи былъ убиваемъ иноплеменниками, то черезъ три дня ангелъ невидимо уносилъ изъ гробовъ ихъ тѣла. Видя это, и другіе стремились пострадать за Христа. Относительно ихъ сбылась воля Господа, и Онъ причислилъ ихъ къ Своему

избранному стаду, въ ликъ мучениковъ. Господь сдѣлалъ это за грѣхи наши,—Онъ посылаетъ на міръ казни и снова обращаетъ. Мы согрѣшили, сдѣлали беззаконіе и не оправдались передъ Нимъ. Кто постигнетъ умъ Господа и тайны, Имъ сотворенныя, кто узнаетъ?

Въ этомъ же году Святославъ женилъ своего внука, Давида Всеволодовича, взявъ за него дочь Игоря.—Святославъ за одно съ сватомъ своимъ Рюрикомъ успокоили землю Русскую, помирились съ Половцами на всей своей волѣ и отправились, съ общаго совѣта, на охоту по Днѣпру на судахъ, къ устью Тесмени; тутъ они занимались охотою и наловили множество звѣрей. Такъ они забавлялись тутъ, проводя время дружно и въ веселіи, и вернулись назадъ.

Въ эту же осень Святославъ схватилъ Кондувдѣя, торческаго князя, по наговору. Сватъ Рюрикъ прислалъ къ нему съ жалобою, такъ какъ Кондувдѣй былъ человѣкъ храбрый и надобный въ Руси. Святославъ послушалъ Рюрика и, приведя Кондувдѣя къ присягѣ, выпустилъ его; но тотъ не снесъ терпѣливо своего посрамленія, а отправился въ землю Половцевъ и пришелъ къ Тоглыю, князю половецкому. Половцы ему обрадовались и стали совѣтоваться — куда бы имъ сдѣлать набѣгъ въ Русскую землю; онъ ихъ подстрекалъ идти войною, желая отмстить за свой позоръ Святославу. Половцы одобрили его намѣреніе, изъ-за него нарушили данную ими клятву и сѣли на коней. Неожиданнымъ набѣгомъ захватили они городъ Чюрнаевъ, взяли острогъ, зажгли дворъ, побрали все имущество, взяли двѣ его жены и много прислуги. Оттуда они отправились и остановились на высотахъ; давъ тутъ отдохнуть своимъ лошадямъ, они поѣхали къ Боровому. Слыша, что Ростиславъ Рюриковичъ въ Торческомъ, они вернулись къ своимъ обозамъ (ватагамъ?). Выѣзжая оттуда съ Контувдѣемъ, они стали дѣлать частые набѣги по Роси. Въ ту осень Святослава не было въ Кіевѣ,—онъ уѣхалъ на ту сторону Днѣпра, на свиданіе съ родными. Рюрикъ отправился въ Овручъ по своимъ дѣламъ, а сына своего Ростислава оставилъ въ Торческомъ; онъ зналъ, что Кунтовдѣй будетъ воевать съ Русью, мстя за себя Святославу. Въ такихъ мысляхъ послалъ онъ къ Святославу сказать: «вотъ мы занимаемся своими дѣлами, но Русской земли не оставимъ беззащитною; я оставилъ сына съ его полкомъ и ты оставь своего». Святославъ обѣщался послать сына своего Глѣба и не послалъ, такъ какъ у него вышелъ споръ съ Рюрикомъ. Да-

видомъ и Смоленскою землею; вотъ поэтому-то и нужно было видѣться съ своими родными, чтобы не уступить Рюрику. Тотъ, обославшись со Всеволодомъ и братомъ своимъ Давидомъ, послалъ къ Святославу людей сказать: «ты, братъ, далъ намъ клятву на условіяхъ Романова договора, когда братъ нашъ Романъ сидѣлъ въ Кіевѣ. Если ты хочешь соблюдать этотъ договоръ, то ты намъ братъ, а если же ты припоминаешь старинныя непріятности, которыя были при Ростиславѣ, то ты нарушилъ договоръ, и мы того не допустимъ; вотъ тебѣ договоръ союза». Святославъ взялъ договоръ и не хотѣлъ давать клятвы; много спорилъ онъ въ разговорѣ съ посланными и отпустилъ ихъ, но потомъ воротилъ и цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ.

Въ эту же зиму лучшіе (именитые) люди изъ Черныхъ Клобуковъ, съ общаго совѣта, пріѣхали въ Торческій къ Ростиславу Рюриковичу и сказали ему: «Половцы въ эту зиму дѣлаютъ на насъ частые набѣги, а не знаемъ—тѣ ли это, что живутъ по Дунаю; отецъ твой далеко, а къ Святославу и посылать нечего: не благоволитъ онъ къ намъ за Кунтувдѣя». Ростиславу Рюриковичу и его людямъ по сердцу пришлось предложеніе Черныхъ Клобуковъ; онъ послалъ къ Ростиславу Владиміровичу сказать: «братъ, хотѣлъ было я ѣхать на половецкія становища; отцы наши далеко, да и другихъ старшихъ нѣтъ; будемъ мы за старшихъ; пріѣзжай ко мнѣ поскорѣе». Такъ соединились они съ Черными Клобуками и поѣхали поспѣшно на-легкѣ до Протолчіи; тутъ захватили множество половецкихъ стадъ на Днѣпровскомъ лугу, а за Днѣпръ нельзя было ѣхать, потому что по Днѣпру шла якра (ледъ мелкій). Захватили много скота и кибитки, которыя оставались на лугу, и тѣ взяли и отправились назадъ. Половцы, видя, что захвачены ихъ стада, жены и дѣти, поспѣшили броситься въ бродъ черезъ Днѣпръ и настигли нашихъ на третій день пути отъ Днѣпра на Ивлѣ. У Половцевъ въ войскѣ находились: три князья Колдеча, Кобанъ, два Урусовича, Бѣгбарсъ, четверо Кочаевичей, со стороны пріѣхалъ съ своимъ полкомъ Ярополкъ Токмазовичъ. Ростиславъ, видя множество полковъ половецкихъ, не оробѣлъ, но, возложивъ на Бога надежду, поѣхалъ имъ на встрѣчу, а молодыхъ своихъ стрѣлковъ пустилъ впередъ. Тѣ встрѣтили Половцевъ и начали съ ними перестрѣлку. Половцы, видя знамена Ростиславовы, не дождались ихъ и бросились бѣжать. Русскіе стрѣлки и Черные Клобуки ворвались въ середину ихъ, взяли живьемъ 600, а остальныхъ избили. Черные Клобуки захватили половецка-

го князя Кобяка, но, остерегаясь князя Ростислава, не повели его въ полкъ, но уладившись съ нимъ о выкупѣ, отпустили его. Такъ наши, получивъ отъ Бога побѣду на язычниковъ, вернулись домой. Ростиславъ пріѣхалъ въ свой Торческъ съ великою славою и честью, побѣдивъ Половцевъ. Тотчасъ же онъ отправился въ отцу въ Овручъ; отецъ его ѣздилъ въ Литву, находился въ Пинскѣ у своей тещи и шурьевъ; въ то время была свадьба Ярополка. Сдѣлалось тепло, сошелъ снѣгъ и невозможно было пройдти въ ихъ землю, и вернулись назадъ. Въ эту же зиму Половцы сдѣлали набѣгъ дорогою Ростислава Итогды съ Акушемъ, захватили для разспросовъ плѣннаго и узнали, что Святославъ стоитъ у Кульдеюрова, собравъ свои силы. Они побѣжали, бросивъ знамена, и копья. Святославъ оттуда отправился въ Кіевъ, оставивъ въ Каневѣ сына своего Глѣба. Половцы, слыша, что Святославъ уѣхалъ въ Кіевъ, соединились съ Куптувдѣемъ и отправились къ Товарому. Глѣбъ узналъ и захватилъ ихъ у Товарова; они, бѣжавъ отъ города, обломились на льду рѣки Роси; тутъ однихъ взяли, другихъ избили, многіе потонули, а Куптувдѣй убѣжалъ.

1191 годъ.

Игорь, съ общаго совѣта съ родными, положилъ идти на Половцевъ. Они отправились въ городъ, захватили множество скота и лошадей и вернулись домой. На зиму ходили опять на Половцевъ Ольговичи: Игорь съ братомъ Всеволодомъ, а Святославъ отпустилъ трехъ сыновей: Всеволода, Владиміра и Мстислава, а Ярославъ отпустилъ своего сына Ярослава; Олегъ Святославичъ отпустилъ Давида, и ѣхали до Оскала. Половцы имѣли извѣстіе о ихъ движеніи; они отправили свои кибитки назадъ, а сами собрались, ихъ поджидая. Ольговичи не могли съ ними сражаться и подъ покровомъ ночи ушли назадъ. Половцы, когда разсвѣло, увидали, что ихъ нѣтъ, погнались было за ними, но не догнали.

1192 годъ.

Князь Святославъ съ своимъ сватомъ Рюрикомъ собралъ родственныхъ ему князей и они все лѣто простояли у Канева, стерегли Рускую землю отъ язычниковъ и, исполнивъ это назначеніе, вернулись домой.

На ту осень составили замыслъ лучшіе люди изъ Черныхъ Клобуковъ; они стали противу Рюрика, чтобы тотъ отпустилъ своего сына Ростислава съ ними, такъ какъ Половцы отправились на

Дунай. Ростиславъ послалъ къ отцу Рогволода, просясь съ Черными Клобуками на Половцевъ; отецъ его не пустилъ. Святославъ Владиміровичъ съ братомъ Ростиславомъ отправились къ Чернымъ Клобукамъ и доѣхали до Днѣпра. Черные Клобуки не хотѣли ѣхать за Днѣпръ, такъ какъ подлѣ Днѣпра кочевали ихъ сваты; поспорили и вернулись назадъ.

Въ ту же зиму Рюрикъ послалъ въ Половецкую землю за Куптувдѣемъ; Половцы взяли его и пріѣхали къ Рюрику. Тотъ щедро одарилъ Половцевъ и, приведя ихъ къ клятвѣ, отпустилъ домой; Куптувдѣя оставилъ у себя, и для безопасности Руской земли далъ на Роси городъ Дверенъ.

Великій князь Всеволодъ сдѣлалъ *постричи* сыну Ярославу и посадилъ его на копя въ день Симеона, сродника Христова; великая радость была во Владимірѣ. Всеволодъ заложилъ крѣпость во Владимірѣ, обновилъ извѣстью церковь Св. Богородицы тамъ же и въ Суздали, и обѣ церкви сдѣлались какъ новыя. У великаго князя Всеволода, до заутрени дня Св. Димитрія, родился сынъ, и въ тотъ же день его имянины были, такъ какъ Всеволодъ велѣлъ дать ему во святомъ крещеніи имя Дмитрія, а княжеское—Владиміръ, въ память его дѣда Владиміра Мономаха.

1193 годъ.

Святославъ послалъ къ Рюрику сказать ему: «ты заключилъ договоръ съ тѣми Половцами, что живутъ въ изгибѣ моря (у Лукуморья), а теперь пошлемъ за всѣми Половцами, за Бурчевичами». Рюрикъ послалъ за лукуморскими Половцами, за Акушемъ и Итоглыемъ, а Святославъ за Бурчевичами: за Осолукомъ и Изаемъ. Къ осени Святославъ и Рюрикъ свидѣлись въ Каневѣ: Рюрикъ послалъ своего сына Ростислава на встрѣчу лукуморскимъ Половцамъ и привелъ Итоглыя и Акуша къ себѣ въ Каневъ; а Бурчевичи пріѣхали по той сторонѣ Днѣпра, напротивъ Канева, и не ѣхали на ту сторону, но сказали Святославу и Рюрику: «коли хотите, то пріѣзжайте къ намъ на эту сторону». Князья, съ общаго совѣта, сказали имъ: «ни дѣды наши, ни отцы наши не ѣздили къ вамъ на встрѣчу; но если хотите, то вы пріѣзжайте къ намъ, а если не угодно, то ваша воля». Бурчевичи не хотѣли выдать Бименча, а у нихъ были плѣнные изъ Черныхъ Клобуковъ; вслѣдствіе этого уѣхали прочь, а лукуморскіе Половцы хотѣли мира, но Святославъ не соглашался. Рюрикъ склонялъ Святослава къ миру, но Святославъ отвѣчалъ: «не могу я мириться съ ихъ по-

ловиною». Такъ не помирились они и поѣхали домой. Рюрикъ, по совѣту съ своими людьми, послалъ къ Святославу сказать: «братъ, ты на миръ не согласился и намъ нельзя не приготовиться. Братъ! Подумаемъ о своей землѣ; если мы на зиму выступимъ въ походъ, то ты объяви,—я прикажу своимъ роднымъ и дружинѣ готовиться; а если мы хотимъ постеречь нашу землю, и о томъ намъ дай знать». Святославъ отвѣчалъ: «теперь, братъ, невозможно намъ выступить въ походъ, потому что у насъ хлѣбъ не родился; довольно будетъ съ насъ, если мы постережемъ нашу землю». Рюрикъ сказалъ: «братъ и сватъ, если мы не пойдемъ въ походъ, то я даю тебѣ знать, что я отправляюсь въ Литву и хочу эту зиму заняться своими дѣлами». Святославъ отвѣчалъ ему съ досадою: «если ты отправляешься по своимъ дѣламъ, то и я поѣду за Днѣпръ по своимъ же дѣламъ, а въ Руской землѣ кто останется»? Такими словами и остановилъ онъ поѣздку Рюрика. Въ ту зиму лучшіе люди изъ Черныхъ Клобуковъ придумали что-то и, пріѣхавъ къ Ростиславу Рюриковичу, стали ему говорить: «князь, поѣдемъ съ нами на половецкія кочевья; теперь самое время: мы попросили бы тебя у отца, но слышали, что отецъ твой собирается идти на Литву и, пожалуй, потому онъ тебя не пуститъ, а такого другаго удобнаго времени уже не будетъ». Ростиславу Рюриковичу понравилось это ихъ предложеніе, и онъ съ охоты отъ Чернобыля пріѣхалъ поспѣшно въ Торческъ, отцу не сказалъ, а послалъ за своею дружиною и сказалъ ей: «теперь намъ удобное время; поѣдемъ на Половцевъ. Хоть отецъ мой и собирается въ путь, а мы до тѣхъ поръ съѣздимъ». Въ три дня собрался онъ съ своею дружиною. Онъ послалъ въ Треполь за Мстиславомъ Мстиславичемъ, сыномъ своей сестры, и звалъ его съ собою. Онъ поѣхалъ поспѣшно съ Сбыславомъ Ярославичемъ, своимъ человѣкомъ, и нагналъ Ростислава за Росью. Такимъ образомъ соединились они съ Черными Клобуками, поѣхали поспѣшно и когда пришли къ рѣкѣ Ивлѣ въ землѣ Половецкой, тутъ они захватили половецкихъ сторожей и узнали отъ нихъ, что Половцы находятся дальше за день пути, а кибитки и стада ихъ на этой, руской, сторонѣ Днѣпра. Наши ѣхали всю ночь и на разсвѣтѣ ударили на нихъ. Ростиславъ и Черные Клобуки захватили много скота, лошадей и плѣнныхъ, и въ томъ числѣ много дѣтей княжескихъ и людей именитыхъ. Добыча была такъ велика, что невозможно было и счесть. Такимъ образомъ наши поблагодарили Всемилостиваго Бога, что онъ даровалъ имъ побѣду на язычни-

ковъ и отправились домой съ великими славою и честью. Половцы, видя, что ихъ обозъ взятъ, братья, жены и дѣти въ полону, собрались и настигли полки Ростислава, но видя ихъ силу, не смѣли напасть и только ѣхали за ними до Роси. Ростиславъ пріѣхалъ въ Торческій со славою, вторично побѣдивъ Половцевъ; онъ пріѣхалъ на самое Рождество, а оттуда тотчасъ же отправился къ отцу съ военною добычею. Отецъ его собирался ѣхать въ Литву. Святославъ послалъ Рюрику сказать: «сынъ твой теперь раздразнилъ Половцевъ, начавъ съ ними войну, а ты собираешься ѣхать въ другую сторону, оставивъ свою землю; теперь ступай въ Русь и оберегай свою землю». Рюрикъ оставилъ свою поѣздку и отправился въ Русь со всѣми своими полками, а Ростиславъ выпросился въ Смоленскъ къ дядѣ своему Давиду, и Ростиславъ пріѣхалъ къ нему съ великою славою вслѣдствіе побѣды надъ Половцами. Всеволодъ, его тесть, слыша это, позвалъ его къ себѣ; Ростиславъ поѣхалъ къ нему въ Суздаль и съ военною добычею. Тесть продержалъ его у себя всю зиму и, одаривъ множествомъ подарковъ, отпустилъ съ великими дарами и честью и своего зятя, и дочь.—Въ ту же зиму родился у Давида сынъ и его назвали въ крещеніи Ѳеодоромъ, а княжеское имя дали Мстиславъ. Половцы грабили по Убѣрежьи, захватили Торковъ. Святославъ и Рюрикъ долго стояли у Василева, оберегая свою землю, а потомъ Святославъ уѣхалъ за Днѣпръ въ Карачевъ, а Рюрикъ въ свои владѣнія, а Половцы, услыхавъ о томъ, сдѣлали набѣгъ по Убережью.

1194 годъ.

Святославъ созвалъ въ Роговъ своихъ родныхъ: Ярослава, Игоря и Всеволода, и сталъ съ ними совѣтоваться; ему хотѣлось идти на рязанскихъ князей: у нихъ вышелъ споръ изъ-за владѣній и они послали ко Всеволоду, прося у него позволенія идти на Рязань. Всеволодъ не сдѣлалъ по ихъ волѣ. Святославъ вернулся изъ Карачева около Юрьева дня и ѣхалъ лѣтомъ *на саняхъ*, потому что у него что-то прикинулось къ ногѣ, а потомъ онъ поѣхалъ по Деснѣ въ лодкѣ. Святославъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и въ пятницу отправился въ Вышгородъ поклониться Святымъ мученикамъ. Онъ вошелъ въ церковь и со слезами приложился къ святой ракѣ, и потомъ пришелъ къ отцовой гробницѣ и хотѣлъ войдти, по обыкновенію, но священникъ ушелъ куда-то съ ключемъ. Святославъ не дожидался и уѣхалъ; непріятно ему было, что неудалось по-

клониться отцовскому гробу, и пріѣхалъ онъ въ Кіевъ Въ субботу отправился онъ къ церкви Святыхъ мучениковъ, находящейся въ храмѣ Св. Кирилла, какъ будто бы принося свою послѣднюю службу. Въ воскресеніе былъ праздникъ, и онъ не могъ ѣхать съ Новаго Двора, но тутъ и праздновалъ, память Свв. мучениковъ. На другой день, въ понедѣльникъ, пришло ему отъ сватовъ извѣстіе, что идутъ брать его, Святослава, внуку, дочь Глѣба, за царевича. Святославъ послалъ имъ на встрѣчу нѣсколько Кіевлянъ. Сильно сталъ онъ слабѣть и тяжелъ сдѣлался у него языкъ; вдругъ, очнувшись, спросилъ онъ жену: «когда будетъ Святыхъ Маккавей»? Она отвѣчала: «въ понедѣльникъ». Князь сказалъ: «о, я этого не дождусь»! А отецъ его Всеволодъ скончался въ день Свв. Маккавей. Княгиня, понявъ, что ему вѣрно представилось какое-нибудь видѣніе, стала его спрашивать, но онъ ничего ей не сказалъ, но произнесъ: «вѣрую во единаго Бога». Онъ велѣлъ постричь себя въ монахи и послалъ за сватомъ Рюрикомъ. Скончался іюля « » и положили его тѣло въ отцовскомъ его монастырѣ Св. Кирилла. Князь Святославъ былъ мудръ, поступалъ по заповѣдямъ Божіимъ, наблюдалъ тѣлесную чистоту, любилъ санъ духовный и монашескій, и оказывалъ милосердіе къ нищимъ. Рюрикъ отправился въ Кіевъ; на встрѣчу ему вышли со крестами митрополитъ, всѣ пастоятели монастырей и всѣ Кіевляне отъ мала до велика съ великою радостью. Рюрикъ вошелъ въ храмъ Св. Софіи, поклонился Святому Спасу и Святой Богородицѣ, и сѣлъ на престолѣ своего дѣда и отца съ великою славою и честью. Вся Руская земля обрадовалась, что Рюрикъ сталъ княжить: одинаково радовались и Кіевляне, и христіане, и язычники, потому что онъ всѣхъ, и христіанъ, и язычниковъ, принималъ съ любовью и не прогонялъ никого.

1195 годъ.

Рюрикъ послалъ въ Смоленскъ за своимъ братомъ Давидомъ и велѣлъ ему сказать: «братъ, мы остались въ Руской землѣ старше всѣхъ; пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ; мы покончимъ тутъ устройство всего, что относится до Руской земли, нашихъ родныхъ и вообще потомковъ Владиміра; да кстати въ добромъ здоровьи и повидаемся». Давидъ съ Смольнянами отправился изъ Смоленска въ лодкахъ; онъ пришелъ въ Вышгородъ, въ середу Троицкой (русальной) недѣли. Рюрикъ позвалъ его на обѣдъ. Давидъ пріѣхалъ на обѣдъ къ Рюрику, тутъ они осыпали другъ друга знаками рас-

положенія и веселились. Рюрикъ далъ Давиду много подарковъ и отпустилъ его. Давидъ позвалъ своего брата, великаго князя Рюрика, и дѣтей его на обѣдъ; весело и дружно провели они время, и Давидъ, одаривъ щедро Рюрика, отпустилъ его. Потомъ Давидъ позвалъ на обѣдъ иноковъ всѣхъ монастырей, былъ съ ними веселъ, щедрую милостыню роздалъ имъ и бѣднымъ, и отпустилъ ихъ. Затѣмъ позвалъ Давидъ всѣхъ Черныхъ Клобуковъ; напились тутъ у него всѣ Черные Клобуки и онъ отпустилъ ихъ, давъ имъ много подарковъ. Давидъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ Кіевлянъ, весело и дружелюбно провелъ онъ съ ними время и отпустилъ ихъ. Давидъ съ братомъ своимъ, Рюрикомъ, уладился обо всемъ, что касалось Руской земли, родныхъ и вообще потомковъ Владиміра, а потомъ отправился въ Смоленскъ.

Скончался въ апрѣлѣ князь Всеволодъ, сынъ Мстислава, принявъ монашескій образъ. Его тѣло провожали епископъ владимірскій, всѣ настоятели монастырей и священники, и положили въ храмѣ Св. Богородицы.

Всеволодъ, князь суздальскій, прислалъ пословъ къ свату своему Рюрику сказать ему: «вы сами назвали меня старшимъ въ роду Владиміра, а теперь ты княжишь въ Кіевѣ, а мнѣ въ Руской землѣ не далъ никакого участка; то теперь тебѣ Кіевъ и Руская область, а кому ты въ ней роздалъ участки, то съ тѣми ее и оберегай; посмотрю я, какъ-то съ ними ты ее удержишь, а мнѣ ничего не нужно». Рюрикъ услыхалъ отъ пословъ Всеволода, что на него жалуется тотъ за владѣнія, а именно за то, что онъ лучшій участокъ отдалъ своему зятю Роману Мстиславичу. Романъ сталъ совѣтоваться съ своими людьми какъ бы ему дать участокъ Всеволоду, какой тотъ у него просилъ; а просилъ онъ Торческаго, Треполя, Корсуня, Богуслава и Канева, а ихъ Рюрикъ отдалъ зятю своему Роману и далъ ему клятвенное обѣщаніе у него не отнимать и никому другому не отдавать. Рюрикъ хотѣлъ сдержать клятву, данную Роману, и не отнимать у него данныхъ имъ владѣній, а предлагалъ Всеволоду другой участокъ, но тотъ не соглашался и требовалъ непремѣнно Романовъ. Великая возникла между ними ссора и хотѣли уже браться за оружіе. Рюрикъ призвалъ митрополита Никифора и разсказалъ ему о клятвѣ, данной Роману относительно владѣній, и о притязаніяхъ Всеволода. Митрополитъ на это сказалъ Рюрику: «мы поставлены отъ Бога въ Руской землѣ удерживать васъ отъ кровопролитія, и если оно предстоитъ по тому случаю, что ты въ обиду старшему далъ съ клятвою владѣніе млад-

шему, то я снимаю съ тебя эту клятву и беру ее на себя: ты послушай меня, возьми то владѣніе у твоего зятя и дай старшему, а Роману дай вмѣсто того другое». Рюрикъ послалъ Роману сказать: «Всеволодъ проситъ тѣхъ городовъ, что я тебѣ далъ, и жалуется на меня изъ-за тебя». Романъ послалъ сказать Рюрику: «отецъ, неужели тебѣ изъ-за меня разсориться съ твоимъ сватомъ? Или другую область дашь за ту, что возьмешь, или деньгами чего она будетъ стоить». Рюрикъ, съ общаго совѣта съ родными и людьми своими, послалъ Всеволоду сказать: «братъ, ты на меня жаловался за владѣніе; бери теперь какое проспилъ». И далъ Рюрикъ Всеволоду пять городовъ: Торческій, Корсунь, Богуславль, Треполь и Каневъ и заключили они между собою клятвенный союзный договоръ. Всеволодъ отдалъ Торческъ зятю своему Ростиславу Рюриковичу, а въ другіе города послалъ намѣстниковъ. Когда Романъ услыхалъ, что Всеволодъ, взявъ у него владѣніе отъ Рюрика, отдалъ Торческій его шурину, отнявъ у него, послалъ съ жалобою къ тестю за владѣнія. Онъ полагалъ, что Рюрикъ сговорился со Всеволодомъ для того, чтобы отнять въ пользу сына область. Оттого-то началъ онъ обвинять тестя и припоминать ему данную клятву. Рюрикъ отвѣчалъ ему: «я прежде всѣхъ далъ было тебѣ эту область. Потомъ Всеволодъ сталъ жаловаться, что ему не отдали, какъ старшему, должнаго почета, и я тебѣ все объявлялъ какія между нами шли рѣчи и ты уступилъ добровольно. И какъ намъ было отказать? Намъ невозможно обойдтись безъ Всеволода: мы всѣ родные, одного племени Владиміра, сдѣлали его у насъ старшимъ, и вотъ тебѣ, какъ сыну моему, область равная той».— Романъ отвергъ съ пренебреженіемъ эту область; онъ искалъ предлога къ ссорѣ съ тестемъ и не желалъ жить съ нимъ въ любви. Сталъ Романъ совѣтоваться съ своими людьми и посылалъ въ Черниговъ къ Ярославу Всеволодовичу; онъ заключилъ съ нимъ клятвенный союзный договоръ и подущалъ его на Кіевъ противъ тестя своего. Рюрикъ, слыша, что Романъ присталъ къ потомкамъ Олега и зоветъ Ярослава на старѣйшинство, сталъ совѣтоваться съ своими родными и близкими. Онъ послалъ и Всеволоду сказать, что Романъ присталъ къ Ольговичамъ и научаетъ ихъ на Кіевъ и все потомство Владиміра: «ты братъ изъ насъ потомковъ Владиміра старшій, позаботься же о Руской землѣ и о твоей чести и о нашей». А къ Роману, своему зятю, Рюрикъ послалъ людей своихъ,—уличить его и возвратить союзную грамоту. Романъ, опасаясь своего тестя, такъ какъ тотъ ему возвратилъ договорную

грамоту, что равносильно объявленію войны, отправился въ Польшу за вспоможеніемъ къ сыновьямъ Казиміра. Тѣ сказали ему: «мы помогли бы тебѣ съ радостью, но насъ обижаетъ дядя нашъ Межко,— хочетъ у насъ отнять владѣнія, а ты прежде помоги намъ, чтобы мы, Поляки, не были врозь, но за одно съ тобою отмстили бы за твою обиду». Роману полюбилось ихъ предложеніе; онъ ихъ послушалъ и пошелъ на Межко съ сыновьями Казиміра, а его, Межки, племянниками. На совѣтѣ съ своими людьми онъ выразился такъ: «если Богъ мнѣ поможетъ и буду имѣть тутъ успѣхъ, то, соединивъ всѣхъ вмѣстѣ, достигну того, чего желаю, и пріобрѣту себѣ честь и славу». Съ такими-то мыслями поѣхалъ онъ сражаться противъ Межки. Тотъ выслалъ къ нему на встрѣчу и не хотѣлъ съ нимъ сражаться, но приказывалъ Роману уладить (помирить) его съ племянниками.—Романъ не послушалъ ни Межка, ни людей своихъ, но вступилъ съ нимъ въ бой. Сразились Поляки съ Русью и поразили ее. Межко побѣдилъ Романа, и въ его войскѣ побили много Русскихъ и своихъ же соотечественниковъ—Поляковъ. Самъ Романъ ушелъ въ городъ къ сыновьямъ Казиміра, и дружина его, взявъ его оттуда, понесла во Владиміръ.—Оттуда Романъ отправилъ къ тестю своему Рюрику посла—поклониться ему и просить, при чемъ онъ всю вину складывалъ на себя. И къ митрополиту Никифору онъ послалъ и просилъ и его заступиться за него передъ Рюрикомъ, чтобы тотъ принялъ бы къ себѣ и пересталъ бы на него сердиться. Кіевскій митрополитъ Никифоръ сталъ просить Рюрика за Романа. Рюрикъ послушалъ митрополита, пересталъ на него сердиться, не желая видѣть кровопролитія, и посовѣтовался съ своими людьми; онъ говорилъ имъ: «если ужь онъ меня проситъ и въ своей винѣ раскаевается, то я къ себѣ приму и, взявъ съ него клятву, дамъ ему участокъ. А если онъ все это исполнитъ и въ правду будетъ имѣть меня отцомъ и желать мнѣ добра, то и я его буду считать за сына, какъ прежде считалъ и добра ему хотѣлъ».—Съ общаго совѣта съ своими людьми, Рюрикъ послалъ къ Роману своего человѣка сказать ему: «я тебѣ прощаю». Потомъ онъ взялъ съ него клятву на всей своей волѣ, далъ ему Полоцкій и половину Корсунскаго участка.

Въ этомъ году посѣтила Русь саранча.

Въ эту же осень Рюрикъ, обославшись со сватомъ своимъ Всеволодомъ и братомъ своимъ Давидомъ,— отправилиословъ своихъ къ Ярославу и всѣмъ потомкамъ Олега и говорили ему: «цѣлуй намъ крестъ ты и всѣ твои родные, что вы не будете до-

могаться нашего отцовскаго наслѣдія, Кіева и Смоленска, ни при насъ, ни при дѣтяхъ нашихъ, ни вообще у кого-либо изъ потомковъ Владиміра, и пусть владѣемъ мы такъ, какъ раздѣлилъ нашъ предокъ Ярославъ по рѣку Днѣпръ, а Кіева вамъ не нужно». Ольговичи стали совѣтоваться между собою, и жалко имъ стало самихъ себя. Они отвѣчали Всеволоду: «мы согласны оставить Кіевъ за тобою и сватомъ твоимъ Рюрикомъ; но если ты велишь намъ совсѣмъ и навсегда отъ него отказаться, то мы не Венгры и не Поляки, но одного дѣда внуки. Пока вы живы, мы домогаться его не будемъ, а послѣ смерти вашей, какъ Богъ дастъ». Большой споръ возникъ между ними, и послѣ продолжительныхъ словесныхъ объясненій, они не уладились между собою. Всеволодъ, въ защиту всего потомства Владимірова, хотѣлъ идти на Ольговичей въ ту же зиму. Устрашились Ольговичи и послали своихъ людей и съ ними игумена Діонисія ко Всеволоду, поклонились ему и изъявили готовность исполнить волю его въ точности. Онъ имъ повѣрилъ и оставилъ походъ.—Другихъ пословъ отправили Ольговичи къ Рюрику сказать ему: «братъ, у Насъ съ тобою никогда никакой непріятности не было, и хотя мы въ эту зиму не докончили договора съ тобою, съ Всеволодомъ и братомъ твоимъ Давидомъ, но ты отъ насъ близко; дадимъ другъ другу клятву — не воевать между собою до тѣхъ поръ, пока мы со Всеволодомъ и Давидомъ либо уладимся, либо не уладимся». Рюрикъ посовѣтовался съ своими людьми и отправилъ посла къ Ярославу, желая его помирить со Всеволодомъ и Давидомъ; онъ взялъ съ него клятву — не начинать войны до конца переговоровъ, и самъ въ томъ же далъ и ему клятву. Онъ отпустилъ свою дружину, родныхъ, сыновей и дикихъ Половцевъ отпустилъ въ ихъ кочевья, давъ имъ много подарковъ, а самъ отправился въ Овручъ по своимъ дѣламъ.

Въ эту зиму, во вторникъ Ѳедоровой недѣли, въ 9-мъ часу было землетрясеніе по всей Кіевской области и въ Кіевѣ: колебались церкви и каменныя и деревянныя, и всѣ люди, видя это, отъ страха не могли стоять, нѣкоторые падали въ растяжку, а другіе трепетали. И сказали игумены блаженные: «это явленіе послалъ Богъ, показывая свою силу за грѣхи наши, чтобы они отстали отъ нашего злаго пути». Нѣкоторые говорили другъ другу: «эти явленія не къ добру бываютъ, но на гибель многихъ и на кровопролитіе и на великое смятеніе въ Руской землѣ». Что и случилось.

Въ эту зиму въ февралѣ мѣсяцѣ скончался князь Изяславъ

Ярославичъ Меньшой; тѣло его положили въ храмѣ Св. Ѳеодора близь отцовскаго гроба.

Въ ту же зиму великимъ постомъ Ярославъ Всеволодовичъ, черниговскій князь, съ общаго совѣта съ родными своими нарушилъ клятву, данную Рюрику,—не начинать войны до переговоровъ, пока съѣздятъ послы Всеволода и Давида. Ярославъ, не дожидаясь окончанія переговоровъ, послалъ своихъ племянниковъ къ Витебску на зятя Давида. Рюрика не было въ Кіевѣ; онъ поѣхалъ въ Овручъ по своимъ дѣламъ, распустилъ своихъ родичей и дружину, повѣривъ клятвѣ, данной Ярославомъ. Ольговичи, не доѣхавъ до Витебска, опустошили Смоленскую область. Давидъ, слыша о дѣйствіяхъ Ольговичей, послалъ своего племянника Мстислава Романовича и Ростислава Владиміровича съ полкомъ своимъ и Глѣба, сына рязанскаго князя, а своего зятя, со Смольянами на встрѣчу непріятелю. Тутъ-то случилось, на второй недѣлѣ поста, во время обѣдни, что земля затряслась; въ этотъ день встрѣтились оба войска. Ольговичи взяли мѣры предосторожности и, изготовивъ свои полки, стали противъ непріятеля, сдѣлавъ валъ изъ снѣгу, котораго было очень много. Мстиславъ и дружина его увидали ихъ,—не далеко былъ лѣсъ; не устроивъ своихъ полковъ, они поспѣшно бросились на нихъ, сразились съ полкомъ Олега, поразили его и изрубили его сына Давида. Тысяцкій Михалко Давидовъ съ полкомъ смоленскимъ былъ отряженъ противъ полоцкаго полка; князья полоцкіе помогали Ольговичамъ; Смольяне, не доѣхавъ даже до непріятеля, бѣжали. Полочане, видя, что Мстиславъ побѣждаетъ Олега, не погнались за бѣгущими Смольянами, но обернулись и ударили взадъ полка Мстиславова и смяли его. Мстислава тутъ не было; онъ съ передними погнался за Олегомъ и возвращался къ своимъ, полагая, что побѣдилъ Олега,—онъ не зналъ, что его войны побѣждены Полочанами, и думая, что ѣдетъ къ своимъ, попалъ въ ряды непріятеля. Полочане узнали его и взяли въ плѣнъ. Ростиславъ Владиміровичъ, Давидова дружина и сынъ рязанскаго князя, Давидовъ зять, гнались за Ольговичами и вернулись къ своимъ; видя, что ихъ знамена скрыты Полочанами, они пришли въ замѣшательство и бѣжали въ Смоленскъ къ Давиду и остальные съ ними. Олегъ Святославичъ, видя, что Полочане разбили войско Мстислава, вернулся къ нимъ, и видя, что Мстиславъ взятъ въ плѣнъ, обрадовался и выпросилъ Мстислава Романовича у Бориса, друцкаго князя. Онъ послалъ къ Чернигову къ Ярославу и родными извѣстіе: «Мстислава я взялъ въ

плѣнъ и войско его побѣдилъ и смолепское войско Давида. Взятые въ плѣнъ Смольяне говорятъ, что ихъ земляки живутъ несогласно съ Давидомъ, а теперь, отецъ мой, спѣши; другаго такого удобнаго времени намъ не будетъ. Ступай не медля, собери всѣхъ твоихъ родственниковъ; теперь-то мы пріобрѣтемъ себѣ большую честь».—Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ и всѣ Ольговичи обрадовались и отправились къ Смоленску на-легкѣ. Услыхавъ объ этомъ, Рюрикъ послалъ изъ Овруча на встрѣчу имъ договорную грамоту и велѣлъ сказать Ярославу: «если ты поѣхалъ убить моего брата и обрадовался тому, то ты нарушилъ и союзный договоръ, и данную тобою клятву. Вотъ тебѣ назадъ твоя союзная грамота. Ты ступай къ Смоленску, а я пойду къ Чернигову, и какъ насъ съ тобою разсудитъ Богъ и крестъ честной».—Услыхавъ это, Ярославъ не поѣхалъ къ Смоленску, но возвратился въ Черниговъ и послалъ къ Рюрику посла, оправдываясь относительно клятвы, а вину слагалъ на Давида относительно Витебска, такъ какъ Давидъ помогалъ своему зятю. Рюрикъ отвѣчалъ ему: «Витебскъ я тебѣ уступилъ и отправилъ посла сказать брату Давиду, что я тебѣ уступилъ Витебскъ, а ты, не дождавшись, послалъ твоихъ племянниковъ къ Витебску, а тѣ дорогою стали опустошать Смоленскую область. Давидъ, узнавъ объ ихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ послалъ своего племянника Мстислава». Много было между ними споровъ и разныхъ объясненій, но къ соглашенію не пришли.

Въ эту зиму въ мартѣ мѣсяцѣ умеръ князь туровскій Глѣбъ, сынъ Юрія и шуринъ Рюрика; его тѣло привезли въ Кіевъ; встрѣтили митрополитъ кіевскій, всѣ настоятели монастырей и великій князь кіевскій Рюрикъ и такъ проводили его съ обычными пѣснями. Жалко было Рюрику своего шурина.—онъ его очень любилъ: тѣло его схоронено во храмѣ Св. Михаила Золотоверхаго.

1196 годъ.

Рюрикъ, по совѣту съ своими людьми, отправилъ посла къ своему свату, князю суздальскому Всеволоду сказать: «ты было условился со мною и моимъ братомъ Давидомъ — сѣсть на коня съ Рождества Христова и всѣмъ свидѣться въ Черниговѣ. Я призвалъ своихъ родныхъ, дружину и дикихъ Половцевъ и, изготовясь, дожидался отъ тебя извѣстія, но ты въ ту зиму не выступилъ въ походъ; я отпустилъ своихъ родныхъ и дикихъ Половцевъ, а съ Ярославомъ Черниговъ вступилъ въ клятвенный союзный договоръ на томъ условіи, что не вести войны пока мы всѣ либо

прійдемъ къ соглашенію, либо не прійдемъ; а теперь, братъ, съ нашимъ общимъ и моимъ и твоимъ сыномъ Мстиславомъ случилось то, что онъ находится въ плѣну у Ольговичей. Поскорѣе же садись на коня, и мы, соединясь гдѣ-нибудь, отмстимъ за нашу обиду и посрамленіе, освободимъ нашего племянника и отстоимъ нашу справедливость». Въ теченіи всего лѣта Всеволодъ и не отвѣчалъ на это.—Рюрикъ привелъ къ себѣ своихъ родственниковъ и дикихъ Половцевъ и началъ войну съ Ольговичами. Всеволодъ ему сказалъ: «ты начни, а я готовъ дѣйствовать за одно съ тобою». — Ярославъ черниговскій сталъ посылать пословъ къ Рюрику и говорить ему: «зачѣмъ ты, братъ, сталъ опустошать мою область и наполнять руки невѣрнымъ, а у меня съ тобою не было никакой непріятности, и хоть Давидъ и послалъ на племянниковъ моихъ своего Мстислава.—то Богъ разсудилъ это дѣло. Мстислава я возвращаю тебѣ по любви безъ выкупа, а ты дай мнѣ клятву и съ Давидомъ помири. Что же касается Всеволода, то захочетъ онъ съ нами помирится — пусть помирится, а пѣтъ — то тебѣ и брату твоему Давиду его оставить».—Рюрикъ сказалъ ему: «если ты искренно хочешь быть со мною въ пріязни, то дай мнѣ дорогу послать ко Всеволоду и Давиду, и мы съ общаго совѣта вступимъ съ тобою въ соглашеніе». Рюрикъ затѣмъ дѣйствительно хотѣлъ отправить посла, чтобы помирить ихъ; но Ярославъ не вѣрилъ словамъ Рюрика и полагалъ, что тотъ хочетъ только условиться относительно похода. Потому-то онъ и не пропускалъ Рюриковыхъ пословъ черезъ свою область, а Ольговичи заняли всѣ дороги. И такъ военныя дѣйствія продолжались съ обѣихъ сторонъ во все лѣто и до осени.

Въ этомъ же году, въ маѣ мѣсяцѣ, скончался князь Всеволодъ Святославичъ, братъ Игоревъ; всѣ его родственники Олегова племени оплакали его съ великимъ сожалѣніемъ. Удалѣе всѣхъ Ольговичей былъ онъ и наружностью, и воспитаніемъ, мужествомъ и другими добродѣтелями; со всѣми обходился онъ привѣтливо и ласково. Черниговскій епископъ, настоятели монастырей и священники съ обычнымъ отпѣваніемъ проводили его до гроба и схоронили въ Черниговѣ въ храмѣ Св. Богородицы.

Въ ту же осень Романъ Мстиславичъ, зять Рюриковъ, послалъ своихъ людей опустошать область Рюрика и Давида, помогая Ольговичамъ, въ чемъ онъ и далъ имъ клятву тайно отъ своего тестя. А тестю Романъ далъ клятву на томъ, что онъ оставитъ Ольговичей и будетъ ему вполнѣ послушенъ. Рюрикъ, при посредствѣ

кіевскаго митрополита Никифора, простилъ его и, повѣривъ данной Романомъ клятвѣ, подарилъ ему Полоный. Романъ послалъ въ Полоный своихъ людей и приказалъ имъ оттуда дѣлать нападеніе. Рюрикъ, услыхавъ, что изъ Полонаго дѣлаемо было нападеніе на область брата его Давида и сына Ростислава, хотѣлъ вслѣдствіе этого идти на своего зятя. Племянника своего Мстислава онъ послалъ въ Галичъ къ Владиміру сказать ему: «зять мой нарушилъ договоръ и опустошилъ мои владѣнія. Ты, братъ, оттуда съ моимъ племянникомъ опустошите его владѣнія; я хотѣлъ было самъ идти ко Владиміру, но получилъ извѣстіе, что Всеволодъ, сватъ мой, выступилъ въ походъ, какъ онъ мнѣ обѣщалъ,—помочь противъ Ольговичей и стать у Чернигова. Мнѣ говорятъ, что онъ уже соединился съ братомъ моимъ Давидомъ, опустошаетъ владѣнія Ольговичей, взялъ и сжегъ вятскіе города, а я изготовясь сижу, дожидаясь вѣрнаго извѣстія отъ Всеволода и Давида».—Владиміръ Галицкій отправился съ Мстиславомъ и опустошилъ владѣнія Романа около Перемиля, а отсюда (со стороны Кіева) Ростиславъ Рюриковичъ съ Владиміровичемъ *) и Черными Клобуками, выступивъ въ походъ, опустошили и пожгли владѣнія Романа около Каменца и тамъ, набравъ большую добычу людьми и скотомъ и отмстивъ за себя, вернулись домой.

Въ ту же осень Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій, слыша, что Всеволодъ и Давидъ вошли въ земли Ольговичей и опустошаютъ ихъ владѣнія, что они взяли вятскіе города и сожгли,—собралъ своихъ родныхъ и съ общаго совѣта пожалѣлъ своихъ земель; онъ оставилъ въ Черниговѣ двухъ Святославичей—Олега и Глѣба, и (затворилъ) укрѣпилъ другіе города, опасаясь Рюрика, а самъ выступилъ на встрѣчу Всеволода и Давида, взявъ съ собою братьевъ, племянниковъ и дикихъ Половцевъ. Онъ остановился у своихъ лѣсовъ и сдѣлалъ засѣки отъ Всеволода и Давида, а по рѣкамъ велѣлъ подрубить мосты. Къ Всеволоду и Давиду отправилъ онъ посла сказать: «братъ и сватъ, ты разорилъ наше отцовское достояніе и отнялъ у насъ хлѣбъ. Если ты хочешь заключить съ нами справедливый договоръ и быть съ нами въ пріязни, то мы отъ любви не бѣгаемъ и согласимся на все, чего ты желаешь. Но если ты замыслилъ вражду, то мы и этого не бѣгаемъ, и пусть насъ разсудятъ Богъ и Святой Спасъ».—Всеволодъ сталъ

*) Непремѣнно такъ, а не съ *Владиміровичами*, какъ въ текстѣ, потому что жители Владиміра и не думали измѣнять Роману.

совѣтоваться съ Давидомъ, съ рязанскими князьями и своими людьми — какъ бы помириться съ Ольговичами. Давидъ не хотѣлъ примиренія, но совѣтовалъ Всеволоду идти къ Чернигову, говоря: «какъ ты условился было съ братомъ моимъ Рюрикомъ и мною, что соединиться у Чернигова всѣмъ и тамъ помириться на всей твоей волѣ; а ты теперь и человѣка своего не послалъ къ брату Рюрику и не даешь ему знать о твоемъ походѣ и моемъ; объяснись съ нимъ черезъ твоего человѣка,—пусть онъ до наступленія весны остается готовымъ и воюетъ съ Ольговичами и ждетъ отъ тебя вѣрнаго извѣстія. А онъ и теперь ведетъ войну съ ними и предалъ свои владѣнія изъ-за тебя, а теперь мы собираемся мириться безъ его согласія. Братъ, говорю тебѣ прямо - такой миръ не понравится Рюрику». Всеволоду не понравился совѣтъ Давидовъ и рязанскихъ князей; онъ сталъ посылать къ Ольговичамъ и вести съ ними переговоры. Онъ просилъ у нихъ своего свата Мстислава Романовича, Ярополка приказывалъ имъ выгнать изъ ихъ земли и оставить Романа Мстиславича. Ярославъ не хотѣлъ оставить Романа, такъ какъ тотъ оказалъ ему помощь на своего тестя Рюрика, но соглашался и выдать ему Мстислава и Ярополка выгнать изъ своей земли.—Всеволодъ согласился на эти условія и послалъ къ Ярославу, уговорился съ нимъ относительно владѣній и дѣтей, потомъ, чтобы ему, Ярославу, оставить всѣ притязанія на Кіевъ и Смоленскъ. Ярославъ и всѣ Ольговичи дали въ томъ клятву. Ярославъ послалъ своихъ людей и также взялъ клятву въ соблюденіи этихъ условій съ Всеволода, Давида и рязанскихъ князей. Такъ они уладились и Богъ не далъ радости ни дьяволу, ни дикимъ Половцамъ, которые обрадовались ссорѣ русскихъ князей и приготовились къ кровопролитію. Давъ взаимную клятву, князья разошлись по домамъ. Всеволодъ, помирясь съ Ярославомъ, послалъ своего человѣка къ Рюрику сказать ему: «съ Ярославомъ я помирился, и онъ мнѣ далъ клятву, что оставляетъ всѣ притязанія на твой Кіевъ и Давидовъ Смоленскъ». Рюрику очень не полюбилось Всеволодово соглашеніе и онъ жаловался на него, что онъ не исполнилъ ему обѣщаннаго. Онъ отправилъ къ Всеволоду своего человѣка сказать ему: «сватъ, ты мнѣ далъ клятву, что мой врагъ и твой врагъ и въ Руской землѣ просилъ у меня участія; я далъ тебѣ лучшую область и не отъ избытка, но для тебя отнялъ у родныхъ своихъ и Романа. И онъ сдѣлался мнѣ врагомъ ни черезъ кого, какъ черезъ тебя. Ты мнѣ обѣщалъ сѣсть на коня и помочь мнѣ, но лѣто и зиму провелъ такъ, а теперь хоть ты и высту-

пилъ, но какъ же ты мнѣ помогъ? Ты заключилъ миръ самъ по себѣ, а за кого война была, за моего зятя, того и съ его владѣніями, мною ему данными, предоставилъ ты Ярославу. А за кого же я и войну началъ? Отъ Ольговичей я обиды никакой не видалъ; на Кіевъ они никакихъ притязаній и не изъявляли. Если между нами возникло неудовольствіе, то изъ-за тебя же я и войну началъ и владѣнія свои предалъ опустошенію. Теперь ты изо всего, что ты со мною условился и на чемъ мнѣ клялся,—ничего не исполнилъ».—Такъ жаловался Рюрикъ на Всеволода и отнялъ онъ у него всѣ города, которые было далъ ему въ Руской землѣ, и роздалъ ихъ снова своимъ роднымъ.

Въ эту зиму Новгородцы выгнали изъ Новгорода Ярослава Владиміровича; много разъ посылали они ко Всеволоду Суздальскому и просили дать имъ сына или кого-либо другаго. Всеволодъ не исполнилъ ихъ желанія; тогда они поѣхали къ Ярославу Черниговскому, и тотъ имъ далъ въ князья своего младшаго сына. Въ эту зиму Романъ Мстиславичъ ходилъ противъ Ятвяговъ, мстить имъ, потому что они опустошили его область. Романъ вошелъ въ ихъ землю, а тѣ, не будучи въ состояніи противустать ему, бѣжали въ свои укрѣпленныя мѣста. Романъ опустошилъ ихъ земли огнемъ и мечемъ и отмстя вернулся домой.

1197 годъ.

23-го апрѣля, въ день памяти Св. Георгія, скончался смоленскій князь Давидъ Ростиславичъ, внукъ великаго Мстислава, принявъ монашескій санъ, чего и желалъ, какъ мы скажемъ впослѣдствіи. Епископъ смоленскій Симеонъ, настоятели монастырей, священники, племянникъ его Мстиславъ Романовичъ и всѣ бояре проводили тѣло умершаго князя и положили въ храмѣ Свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, построенномъ отцомъ его Ростиславомъ. Князь Давидъ былъ росту средняго, наружностью красивъ, украшенъ всякою добродѣтелью, благоправенъ, христолюбивъ; ко всѣмъ питалъ любовь и заботился о душѣ своей; усерденъ былъ раздавать милостыню, снабжалъ всѣмъ нужнымъ монастыри, утѣшалъ монаховъ, настоятелей монастырей встрѣчалъ съ любовью и принималъ отъ нихъ благословеніе, заботился и о мірскихъ церквахъ и вообще духовнаго сана лицамъ оказывалъ помощь по достоинству. Храбръ онъ былъ на войнѣ; постоянно стремился къ великимъ дѣламъ, не собиралъ золота и серебра, но раздавалъ дружинѣ; онъ любилъ дружину и злыхъ наказывалъ

какъ и слѣдуетъ дѣлать царямъ. Онъ имѣлъ такое обыкновеніе: всякій день ходилъ въ церковь Святаго Архистратига Михаила, построенную имъ во время княженія. Такой нѣтъ во всей сѣверной сторонѣ; всѣ приходящіе удивлялись ея изящной красотѣ, иконамъ, украшеннымъ золотомъ, серебромъ, жемчугомъ и дорогими каменьями. Давидъ, входя въ храмъ, видя иконы, смирялъ лицо свое, и съ видомъ сокрушеннымъ и смиреннымъ вздыхалъ отъ глубины души, слезами обливалъ свое лицо. Взирая на образъ Творца, онъ каялся вмѣстѣ съ Давидомъ царемъ и, проливая слезы о грѣхахъ своихъ, говорилъ: «Господь, Ты, Который нѣкогда оправдалъ разбойника, откупщика и невѣрную жену—очисть и меня отъ моихъ грѣховъ». Помолясь такъ, онъ размышлялъ въ своемъ сердцѣ: «о, еслибы Господь сподобилъ меня монашескаго сана и освободился бы я отъ этой жизни кратковременной и полной тревогъ»! Господь исполнилъ его желаніе и причелъ его къ избранному своему стаду въ санъ монашескій. Удостоясь отъ своего Творца ангельскаго образа, онъ радовался душою и тѣломъ. Его жена, видя, что онъ постригся въ монахи, сама послѣдовала его примѣру.— Княженіе свое Давидъ отдалъ племяннику своему Мстиславу Романовичу, а сына своего Константина отослалъ въ Кіевъ къ своему брату Рюрику на его попеченіе. Больнаго Давида отнесли въ монастырь Свв. мучениковъ Бориса и Глѣба на Смядыни. Взойдя въ монастырь, онъ въ молитвѣ поднялъ руки къ небу и сказалъ: «Господь, не оставь мою слабость, посмотри на мое смиреніе и то какъ я терплю въ надеждѣ на тебя. За все благодарю Тебя, Господь,—за то, что Ты смирилъ мою душу и сдѣлалъ меня участникомъ Твоего царства».... Въ этотъ же день почувствовалъ онъ изнеможеніе силъ и умеръ, княживъ въ Смоленскѣ 18 лѣтъ, а всей его жизни было пятьдесятъ семь.

Декабря 6-го Рюрикъ окончилъ постройкою въ Бѣлгородѣ каменный храмъ Св. апостоловъ. На освѣщеніе этой епископской церкви Бѣлагорода пріѣхалъ изъ Кіева князь Рюрикъ, митрополитъ Никифоръ, епископъ Адріанъ, юрьевскій епископъ, который управлялъ бѣлогородскою эпархіею. Послѣ освященія было духовное пиршество, на которомъ присутствовали: Адріанъ, епископъ юрьевскій, Василій, настоятель Печерскаго монастыря, Моисей, настоятель монастыря Св. Михаила Выдубецкаго, другіе настоятели, монахи, священники. Рюрикъ одарилъ ихъ всѣхъ отъ старшихъ и до младшихъ и ни одинъ не ушелъ, кто не получилъ бы того, въ чемъ имѣлъ нужду.

Въ томъ же году воздвигъ Рюрикъ церковь Св. Василія въ свое имя въ Кіевѣ, на Новомъ Дворѣ; она освящена митрополитомъ Никифоромъ, бѣлогородскимъ и юрьевскимъ епископомъ Адріаномъ.

Августа 1-го родился у князя Всеволода Суздальскаго сынъ, которому имя дали Ивана; большая радость была въ городѣ Владимірѣ о его рожденіи.

1198 годъ.

Скончался черниговскій князь Ярославъ Всеволодовичъ. Епископъ, настоятели монастырей и племянники его схоронили его тѣло съ великою почестью въ храмѣ Св. Спаса.—На княженіе въ Черниговѣ сѣлъ князь Игорь Святославичъ.

Въ томъ же году къ зимѣ у Ростислава Рюриковича родилась дочь; ее назвали Евфросинья, а прозваніемъ Смарагдъ—что значитъ дорогой камень, и была великая радость въ городахъ Кіевѣ и Вышегородѣ. Пріѣхали Мстиславъ Мстиславичъ и тетка новорожденной Передслава, и взяли ее къ дѣдушкѣ и бабушкѣ, и такъ она была воспитана въ Кіевѣ на Горахъ.

1199 годъ...

Рюрикъ Ростиславичъ отдалъ дочь свою Всеславу въ Рязань замужъ за Ярослава Глѣбовича.... Въ этомъ же году, въ субботу, іюля 10-го, на память Святыхъ сорока пяти мучениковъ, страдавшихъ въ Никополѣ, заложена каменная церковь у Днѣпра, пониже храма Св. Михаила Выдубецкаго. Князю Рюрику содѣйствовала въ этомъ добромъ дѣлѣ и жена его Анна, а художникомъ былъ Милонѣгъ, а въ крещеніи Св. Петръ.

1200 годъ.

24-го сентября, въ день Св. Ѳеклы, окончена эта стѣна постройкою. Въ этотъ день пріѣхалъ въ монастырь Св. Михаила Выдубецкаго князь Рюрикъ-Василій съ женою, сыновьями Ростиславомъ и Владиміромъ, дочерью Передславою и женою Ростислава. Помолясь, князь задалъ большой пиръ, накормилъ настоятелей монастырей, монаховъ и всѣхъ духовныхъ лицъ и далъ имъ всѣмъ отъ перваго до послѣдняго щедрые подарки *).

*) Здѣсь мы сократили и совсѣмъ выбросили безсмысленную, нескладную похвалу Рюрика, до того не лѣпую, что противъ нея возмущается здравый смыслъ. Далѣе лѣтопись принимается исключительно за изложеніе событій Волыно-Галицкой Руси и мало говоритъ о Кіевѣ, а о Сѣверѣ вовсе не упоминаетъ.

1201 годъ.

По смерти великаго князя Романа, заслуживающаго вѣчную память самодержца всей Руси, побѣдителя всѣхъ невѣрныхъ (языческихъ) народовъ..Мудрый умомъ поступалъ онъ по заповѣдямъ Божіимъ. Стремился на язычниковъ какъ левъ, сердитъ былъ какъ рысь, губилъ какъ крокодилъ, земли ихъ проходилъ какъ орелъ, а храбръ былъ какъ туръ (дикій буйволъ). Слѣдовалъ онъ примѣру своего дѣда Мономаха, который погубилъ гнусныхъ Половцевъ, иначе Измаильтянъ, загналъ отрока въ землю Обезовъ за желѣзныя ворота. Серчанъ остался у Дона и ожилъ рыбою. Владиміръ Мономахъ пилъ золотымъ шлемомъ воду изъ Дона, взялъ всю землю Половецкую и прогналъ проклятыхъ потомковъ Агари. По смерти Мономаха у Серчана оставался одинъ гудочникъ, и Серчанъ послалъ его къ Ореву въ землю Обезовъ сказать: «Владиміръ померъ, воротись, братъ, пойди въ свою землю; скажи ему мои слова и спой ему половецкія пѣсни. Если онъ не захочетъ, то дай ему понюхать травы, называемой евшанъ».—Тотъ не хотѣлъ слушать, ни вернуться, и тогда гудочникъ далъ ему траву. Тотъ понюхалъ, загорѣлось въ немъ сердце и онъ сказалъ: «лучше на своей землѣ лечь костями, чѣмъ въ чужой быть славному». Онъ пришелъ назадъ въ свою землю, и отъ него родился Кончакъ, который разорилъ всѣ берега Сулы, ходя пѣшій и нося котелъ на плечахъ. Романъ усердствовалъ въ томъ же и хотѣлъ погубить иноплеменниковъ. Великій мятежъ начался въ землѣ Руской; у Романа осталось два сына: одинъ 4 лѣтъ, а другой двухъ лѣтъ.

1202 годъ.

Рюрикъ собралъ много Половцевъ и Руси и пошелъ къ Галичу, сбросивъ съ себя монашескій санъ, припятый имъ изъ боязни Романа. Онъ пришелъ къ Галичу; его встрѣтили галицкіе и владимірскіе бояре у Микулина на рѣкѣ Серетѣ. Цѣлый день сражались они черезъ рѣку Серетъ и много было раненыхъ; не вынесли они и вернулись въ Галичъ. Рюрикъ пришелъ въ Галичъ, но не имѣлъ никакого успѣха. По смерти Романа король венгерскій видѣлся съ его женою въ Сопокѣ; онъ принялъ Данила какъ своего милаго сына; онъ оставилъ для его защиты Мокѣя великаго слѣпаго, Корочюна, Вопелта, сына его Витоміра, Благиню, много еще Венгровъ; потому-то Галичане ничего не могли сдѣлать, что Венгровъ было много. — Тутъ два князя половецкихъ, Котянъ и Сомогуръ Сутоевичи, ударили на пѣшихъ воиновъ; подъ ними были

убиты лошади и чуть было ихъ не взяли въ плѣнъ. Рюрикъ вернулся въ Кіевъ.

Не много времени спустя привели *кормиличичей* (воспитателей, но чьихъ?) прогнанныхъ Романомъ за измѣну; они хвалили Игоревичей. Послушали ихъ бояре галицкіе, послали за ними и посадили Владиміра въ Галичѣ, а Романа въ Звенигородѣ. Вдова Романа, взявъ дѣтей, бѣжала во Владиміръ.—Владиміръ Игоревичъ хотѣлъ погубить потомство Романа; къ тому же подговаривали его и безбожные Галичане. Владиміръ, по совѣту галицкихъ бояръ, послалъ священника къ жителямъ города Владиміра сказать имъ: «и городъ вашъ существовать не будетъ, если вы не выдадите дѣтей Романовыхъ и не пріймете княжить во Владиміръ моего брата Святослава». — Жители Владиміра хотѣли убить священника, но Мстибогъ, Мончюкъ и Никифоръ сказали: «не годится предавать смерти посла». А въ душѣ таили они обманъ, хотѣли предать и князей своихъ и городъ. Такъ спасли они священника.—На другой день княгиня, узнавъ о томъ, посовѣтовалась съ дядькою Мирославомъ и ночью бѣжала въ Польшу. Данила взялъ дядька и вышелъ изъ города, а Василька съ кормилицею священникъ Юрій и вышелъ дырою, бывшею въ стѣнѣ города. Не знали куда и бѣжать. Романъ убитъ былъ въ Польшѣ, а Лестко мира не заключалъ. Но Богъ тутъ оказалъ свою помощь: Лестко не помнилъ вражды, но принялъ съ великимъ почетомъ вдову Романа и дѣтей, сжалился и сказалъ: «дьяволъ затѣялъ эту ссору между нами».—Владиславъ, завидя ихъ расположеніе, ввелъ ихъ въ обманъ.

1203 годъ.

Лестко послалъ Даніила въ Венгрію и съ нимъ своего посла Вячеслава Лысаго сказать королю: «я не сталъ помнить неудовольствія на Романа, а тебѣ онъ былъ другъ и мы клялись, что кто останется живъ, будетъ заботиться о его потомствѣ; а теперь вотъ дѣти его изгнанники; возьмемъ ихъ, пойдемъ и возвратимъ отцовское достояніе». — Король, выслушавъ эти слова, пожалѣлъ о случившемся; Даніила оставилъ у себя, а вдова Романа и младшій его сынъ Василько остались у Лестка.—Владиміръ Игоревичъ послалъ много даровъ. Много времени спустя возникло большое неудовольствіе между братьями Игоревичами, Владиміромъ и Романомъ. Романъ бѣжалъ въ Венгрію, привелъ оттуда Венгровъ, сразился съ братомъ, побѣдилъ его и занялъ Галичъ, а Владиміръ бѣжалъ въ Путивль.

1204 годъ.

Александръ привелъ Лестка и Кондрата. Поляки пришли ко Владиміру, и жители отворили Александру ворота, говоря: «это племянникъ Романа». Но Поляки поступили съ нимъ какъ со взятымъ силою и стали грабить. Александръ умолялъ Лестка пощадить остатокъ города и церковь Святой Богородицы. Въ ней были крѣпкія двери и разбить ихъ не могли Поляки, пока пріѣхали Лестко и Кондратъ и удержали своихъ отъ дальнѣйшаго насилія; такимъ образомъ сохранилась церковь и спаслись остальные жители, въ ней находившіеся. Владимірцы жаловались на Поляковъ, что повѣрили ихъ обѣщанію и клятвѣ. Не будь съ ними родственникъ покойнаго князя Романа, то не перешли бы они и Буга. Святослава Игоревича (княжившаго во Владимірѣ) Поляки взяли и отвели въ свою землю. Александръ занялъ Владиміръ; тогда же взяли Владиміра Пинскаго; съ Поляками были Пигваръ и Мстиславъ. Потомъ Пигваръ сталъ княжить во Владимірѣ; Лестко взялъ у него дочь *и пустилъ и пошелъ къ Орельску* *). — Жители Берестья пріѣхали къ Лестку и просили вдову Романа и ея дѣтей; они были еще очень молоды; Лестко далъ ихъ княжить въ Берестьи (Брестѣ). Жители этого города встрѣтили князей съ великою радостью, какъ бы видя живаго самого великаго Романа. Потомъ Александръ жилъ въ Бельзѣ, а Пигваръ во Владимірѣ. Бояре не любили Пигвара, и Александръ, по совѣту Лестка, занялъ Владиміръ. Вдова Романа прислала Мирослава къ Лестку сказать: «онъ завладѣлъ всею нашею землею и отцовскимъ достояніемъ дѣтей моихъ, а сыну моему принадлежитъ только одинъ Брестъ». Александръ занялъ Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Комовь, а Василька далъ Бельзъ.

1205 годъ.

Александръ княжилъ во Владимірѣ, а братъ его Всеволодъ въ Червенѣ. Литва и Ятвяги сдѣлали набѣгъ, сожгли Турійскъ и опустошили окрестности Комова до самаго Червена, сражались у воротъ червенскихъ, а *застава* (вооруженный отрядъ) находилась въ Уханяхъ. Тутъ убили выѣхавшихъ впередъ для развѣдыванія Матѣя, Любова зятя, и Доброгоста. Бѣда была въ области Владимірской отъ набѣга Литвы и Ятвяговъ.—Но мы въ нашемъ разсказѣ вернемся назадъ къ тому, что дѣлалось въ Галичѣ. Андрей, король венгерскій, узнавъ о безпорядкахъ и мятежѣ въ Галичѣ,

*) Очень неясно.

послалъ съ войскомъ Бенедикта; тотъ захватилъ Романа, когда онъ мылся въ банѣ, и отослалъ въ Венгрію. — Въ Галичѣ былъ *премудрый книжникъ* Тимоѳей, родомъ изъ города Кіева; онъ иносказательно выразился такъ объ этомъ мучителѣ Бенедиктѣ: «въ послѣднее время антихристъ будетъ называться тремя именами».— Тимоѳей самъ бѣгалъ отъ этого Бенедикта; онъ былъ мучителемъ бояръ и гражданъ, любилъ женщинъ; онъ и его воины не щадили своею похотью ни замужнихъ женщинъ, ни монахинь, ни попадей. И дѣйствительно, былъ онъ, по своимъ сквернымъ дѣламъ, антихристомъ.

1206 годъ.

Галичане привели Мстислава на Бенедикта, и пришелъ тотъ къ Галичу, но не имѣлъ никакого успѣха. Илья Щепановичъ возвелъ Мстислава на Галичину могилу и улыбнувшись сказалъ ему: «князь, ты уже посидѣлъ на Галичиной могилѣ, то значитъ и въ Галичѣ покняжилъ». — Такъ надъ нимъ насмѣялись, и онъ воротился въ Пересопницу. Въ послѣдствіи мы поговоримъ о Галичиной могилѣ и о началѣ Галича, откуда онъ начался. Романъ убѣжалъ изъ Венгріи; Галичане послали сказать брату его Владиміру: «виноваты мы передъ вами; избави насъ отъ этого мучителя Бенедикта».— Владиміръ и Романъ пошли съ войскомъ, а Бенедиктъ бѣжалъ въ Венгрію.—Владиміръ сталъ княжить въ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, Святославъ въ Перемышли; сыну своему Изяславу онъ-то далъ Теребовль, а другаго сына Всеволода отправилъ въ Венгрію къ королю съ дарами. Даніилъ Романовичъ находился въ то время въ Венгріи. Король Андрей, съ согласія вельможъ и всей земли, хотѣлъ отдать свою малолѣтную дочь за малолѣтнаго же Даніила, а у Андрея сыновей не было.

1207 годъ.

Убитъ великій князь римскій Филиппъ по умыслу брата жены короля. Онъ просилъ сестру найдти ему помощника. Она, не будучи въ состояніи никакъ помочь брату своему, отдала дочь свою за ландграфова сына Людовика, а тотъ былъ человѣкъ сильный и помощникъ его брату. А ее теперь святою называютъ; имя ея Елизавета, а прежнее Кинека. Послѣ смерти мужа она много потрудилась для Бога и отъ того-то ее называютъ святою.

1208 годъ.

Игоревичи составили умыселъ избить бояръ галицкихъ и случайно ихъ избили; лишились тутъ жизни Юрій Витановичъ, Илья

Щепановичъ и другіе знатные бояре, всего числомъ 500. Прочіе разбѣжались. Владиславъ *Кормиличичъ* бѣжалъ въ Венгрію и съ нимъ Судиславъ и Филиппъ. Они нашли въ Венгерской землѣ Даніила Романовича, еще ребенка, и стали просить короля венгерскаго: «дай намъ коренпаго наслѣдника Галичу—Даніила; съ нимъ мы отнимемъ Галичъ у Игоревичей». Король съ величайшею охотою отправилъ огромное войско; главнымъ начальникомъ сдѣлалъ *дворскаго* Пота, а другіе семь начальниковъ войскъ были: Петръ Туровичъ, Банко, Мика Бородатый, Лотохаретъ, Мокьянъ, Тибрецъ и Марцеллъ; много было и другихъ, но всѣхъ ихъ перечислить нѣтъ возможности. Собравшись вмѣстѣ, пришли они сначала къ городу Перемышлю. Владиславъ подъѣхалъ къ городу и сталъ говорить жителямъ: «братья, зачѣмъ вы безпокоитесь? Не они ли избили вашихъ отцовъ и братьевъ, разграбили ваше имѣніе и дочерей вашихъ отдали за рабовъ вашихъ? Отцовскимъ вашимъ достояніемъ завладѣли пришельцы. За нихъ ли вы хотите жертвовать жизнью»?—Жители Перемышля, съ жалостью вспомнивъ о томъ, что случилось, предали городъ и тутъ былъ захваченъ князь ихъ Святославъ. Оттуда пришли къ Звенигороду. Жители этого города стали храбро отбиваться и не допускали непріятеля ни къ городу, ни къ острожнымъ воротамъ, а Венгры стояли около города. Василько княжилъ въ Бельзѣ; отъ него пришли великій Вячеславъ Толстый, Мирославъ, Демьянъ и Вратиславъ, много другихъ бояръ и воиновъ изъ Бельза; отъ Лестка изъ Польши—Судиславъ Берпатовичъ съ множествомъ Полянъ. Изъ Пересопницы пришелъ Мстиславъ Нѣмой съ большимъ числомъ воиновъ; Александръ съ братомъ отъ Владиміра со множествомъ воиновъ; Игварь послалъ своего сына съ большимъ числомъ воиновъ изъ Луцка, Дорогобужа и Шумска.—Половцы пріѣхали къ Роману на помощь и съ ними Изяславъ Владиміровичъ. Они прогнали Венгровъ изъ ихъ стану. Мика тутъ убитъ,—Итбашъ ему отрубилъ голову. Половцы, увидавъ Венгровъ, храбро бросились на нихъ, а тѣ ѣхали впередъ къ Лютой рѣкѣ, чтобы не захватили Русскіе и Поляки, и съ трудомъ перебрались черезъ рѣку Лютую. Половцы и Русскіе стрѣляли въ Венгровъ. Тутъ Марцеллъ потерялъ свое знамя; его взяли Русскіе. Марцеллу былъ большой стыдъ и Венгры вернулись въ свой лагерь. Романъ вышелъ изъ города, ища помощи отъ русскихъ князей. Когда онъ былъ въ Шумскѣ на мосту, то схваченъ Зерникомъ и Чюхомою и приведенъ въ лагерь къ князю Даніилу и ко всѣмъ князьямъ и военоначальникамъ венгерскимъ. Они

послали къ жителямъ города сказать: «сдайтесь; вашего князя мы схватили». Тѣ не вѣрили пока не убѣдились въ томъ, и сдались. Оттуда Венгры пошли къ Галичу. Владиміръ съ сыномъ Изяславомъ бѣжали оттуда и гнались за нимъ до Нѣзды. Изяславъ тутъ сразился и у него отняли вьючныхъ лошадей. Затѣмъ вернулись въ Галичъ. Тогда пріѣхала вдова великаго князя Романа—видѣть своего сына Даніила. Всѣ бояре владимірскіе и галицкіе, Вячеславъ Владимірскій, Владиславъ Галицкій и военачальники венгерскіе посадили князя Даніила на престолъ его отца, великаго Романа, въ церквѣ Св. Маріи. Взятыхъ въ плѣнъ князей Романа, Святослава и Гостислава Венгры хотѣли отвесть къ королю; но Галичане просили ихъ, чтобы въ отмщеніе повѣсить; Венгры убѣждены большими дарами, и князья отданы для того, чтобы быть повѣшенными; случилось это въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Даніилъ княжилъ въ Галичѣ, онъ былъ такъ малъ, что и матери своей не узналъ. Спустя нѣкоторое время, Галичане выгнали изъ Галича Даніилову мать. Даніилъ не хотѣлъ оставить матери и плакалъ о ней; онъ былъ очень молодъ. Пріѣхалъ Александръ, тіунъ (правитель) шумавинскій, и взялъ лошадь Даніилову за поводъ; а тотъ, выхвативъ мечъ, хотѣлъ его ударить, но попалъ въ коня подъ нимъ. Мать взяла мечъ изъ рукъ Даніила, упросила его и оставила въ Галичѣ, а сама отправилась въ Бельзъ, оставивъ его у невѣрныхъ Галичанъ. Случилось это умысломъ Володислава; вдовѣ Романовой хотѣлось княжить самой. Король, узнавъ, что она изгнана, пожалѣлъ ее и

1209 годъ.

пришелъ въ Галичъ и ее съ собою привелъ. Пришли и бояре владимірскіе и Ингваръ изъ Луцка и прочіе князья. Король, призвавъ на совѣтъ вдову Романа и бояръ владимірскихъ, сталъ говорить: «Владиславъ хочетъ княжить и оттого-то выгналъ Даніилову мать». Схватили Володислава, Судислава и Филиппа, мучили ихъ; Судиславъ весь превратился въ золото, то-есть много далъ золота, избавился отъ муки; а Володислава заключили въ оковы и повели въ Венгрію. Братья его Яволодъ и Ярополкъ бѣжали въ Пересопницу къ Мстиславу и вызвали его оттуда. Мстиславъ пришелъ съ ними къ Бужску. Глѣбъ Потковичъ выбѣжалъ оттуда. Иванко Станиславичъ и братъ его Сбыславъ прибѣжали въ Галичъ, сказать о приближеніи непріятеля. Галичане не измѣнили. Вдова Романа съ сыномъ своимъ Даніиломъ и Вячеславомъ Толстымъ бѣ-

жала въ Венгрію, а Василько съ Мирославомъ поѣхали въ Бельзъ. Немного времени спустя, король сталъ готовить сильное войско.

1210 годъ.

Лестко пришелъ къ Бельзу по убѣжденію Александра, а тотъ не расположенъ былъ къ сыновьямъ Романа и желалъ имъ зла. Лестко взялъ Бельзъ и отдалъ Александру; но бояре остались вѣрными Васильку и удалились съ нимъ въ Каменецъ. Король отпустилъ Володислава и, собравъ множество воиновъ, пошелъ на Галичъ. Онъ остановился въ Лелесовѣ (?) монастырѣ; бояре-измѣнники хотѣли его убить и убили его жену; ея братъ едва ушелъ, но патріархъ аквилейскій и много Нѣмцевъ лишились жизни. Когда король собрался съ силами, то много (заговорщиковъ) избито, а другіе разбѣжались. Володиславъ отправился впередъ со всѣми Галичанами. Мстиславъ, узнавъ, что король идетъ съ сильнымъ войскомъ, выбѣжалъ изъ Галича. Володиславъ въѣхалъ въ Галичъ, сталъ тамъ княжить и сѣлъ на престолъ. Даніилъ удалился съ своею матерью въ Польшу, отпросившись у короля. Лестко принялъ Даніила съ великимъ почетомъ. Изъ Польши Даніилъ съ матерью уѣхалъ въ Каменецъ; братъ его Василько и всѣ бояре встрѣтили его съ великою радостью.

1211 годъ.

Въ Кіевѣ княжилъ Всеволодъ Святославичъ; онъ очень любилъ дѣтей покойнаго Романа.—Мстиславъ Пересопницкій позвалъ Лестко и пошелъ на Галичъ. Лестко взялъ Даніила изъ Каменца, Александра изъ Владиміра, Всеволода изъ Бельза, каждаго съ его воинами. У Даніила было больше воиновъ и храбрѣе, потому что всѣ великіе бояре отца его находились у него. Видя это, Лестко сталъ оказывать особенное расположеніе Даніилу и Васильку, брату его. — Ярополкъ и Яволодъ заперлись въ Галичѣ, а Володиславъ выѣхалъ съ своими Чехами и Венграми и, соединясь съ Галичанами, пришелъ на рѣку Боброку. Узнавъ объ этомъ, Лестко выслалъ противъ него Поляковъ; отъ Даніила были посланы Мирославъ и Демьянъ, а отъ Мстислава Глѣбъ Зеремѣевичъ и Юрій Прокофьевичъ. Произошелъ упорный бой; одолѣли Поляки и Русь. Даніилъ былъ тогда ребенкомъ, но уже могъ ѣздить на конѣ. Володиславъ бѣжалъ и много воиновъ у него убито. Лестко не могъ овладѣть Галичемъ, но пошелъ и опустошилъ окрестности Теребовля, Моклекова и Збырожа. Поляки и Русскіе взяли Быковецъ.

а Лестко, захвативъ огромную добычу, вернулся въ Польшу.— Даніилъ и Василько, съ помощію Лестка, взяли Тихомль и Перемиль у Александра и стали въ немъ княжить съ своею матерью: а на Владиміръ посматривали: «такъ ли иначе ли, а Владиміръ будетъ нашъ».—Король пошелъ на Лестка, а у Лестка находился Даніилъ. Лестко отправилъ къ королю посла Лестича и Пакослава воеводу сказать: «не прилично боярину княжить въ Галичѣ, но возьми дочь мою за своего сына Коломана и посади его въ Галичѣ». Андрею понравилось такое предложеніе; онъ свидѣлся съ Лесткомъ въ Зпишѣ и взялъ его дочь за своего сына. Онъ послалъ въ Галичъ за Володиславомъ и заключилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Тѣмъ, что онъ желалъ княжить и княжилъ, онъ сдѣлалъ зло своему роду и дѣтямъ; вслѣдствіе этого его дѣти не находили призрѣнія ни у кого изъ князей. Король оставилъ въ Галичѣ своего сына, Лестку далъ Перемышль, а Пакославу Любачевъ. Пакославъ былъ очень расположенъ ко вдовѣ Романа и ея дѣтямъ. По совѣту Пакослава Лестко послалъ къ Александру сказать: «дай Владиміръ, сыновьямъ Романа—Даніилу и Василью, а если не дашь, то я съ ними вмѣстѣ пойду на тебя войною». Онъ не далъ, но Лестко все-таки ввелъ Романовичей во Владиміръ.

1212 годъ.

Король отнялъ у Лестка Перемышль и Любачевъ. Лестку стало жаль такого своего посрамленія. Онъ послалъ въ Новгородъ ко Мстиславу сказать: «ты мой братъ, прійди и возьми себѣ Галичъ».—Мстиславъ, по совѣту Лестка, пошелъ на Галичъ, а всѣ Галичане и Судиславъ послали за Даніиломъ. Тотъ не поспѣлъ; Бенедиктъ Лысый и Судиславъ бѣжали въ Венгрію, а Галичъ занялъ Мстиславъ.

1213 годъ.

На дочери Мстислава женился Даніилъ и имѣлъ отъ нея сыновей и дочерей. Старшимъ былъ Ираклій; потомъ слѣдовали Левъ, Романъ, Мстиславъ, Шварно; а иные въ малыхъ лѣтахъ померли. Спустя нѣкоторое время, Даніилъ поѣхалъ ко Мстиславу въ Галичъ и говорилъ на Лестка, что онъ присвоилъ его отцовское достояніе. Мстиславъ отвѣчалъ: «за его прежнее расположеніе не могу на него подняться, но сыщи себѣ другихъ помощниковъ». Даніилъ вернулся домой и выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ братомъ; онъ взялъ Брестъ, Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Комовь и всю

украйну. Лестко ужасно разсердился на Даніила. Когда наступила весна, то Поляки пришли войною и опустошили берега Буга. Даніилъ послалъ вслѣдъ за ними Гаврила Душиловича, Семена Олуевича, Василька Гавриловича и Поляковъ. Гнали, поражая ихъ, до Сухой Дороговы, набрали плѣнныхъ и вернулись во Владимірь съ большою славою. Тогда убитъ одинъ изо всѣхъ воиновъ—Климъ Христиничъ, и крестъ его стоитъ и до нынѣ на Сухой Дороговѣ. Побили много Поляковъ и гнались за ними до рѣки Вепря. Лестко ставилъ въ вину Мстиславу будто бы по его совѣту Даніилъ взялъ Брестъ; онъ послалъ сказать королю венгерскому: «не хочу никакого участка въ Галичѣ, но отдай его моему зятю».—Король послалъ множество воиновъ; Лестко также; они пришли къ Перемышлю. Тамъ держалъ тысячу Японъ; онъ бѣжалъ оттуда, какъ только пришли непріятели. Мстиславъ былъ со всѣми князьями рускими и черниговскими; онъ послалъ на встрѣчу непріятелей къ Городку Дмитра, Мирослава и Михалка Глѣбовича. Городокъ отложился; въ немъ были люди Судиславовы. Дмитръ сражался подъ городомъ; на него пришли Поляки и Венгры, и побѣжалъ Дмитръ. Тогда дьякъ Василій, прозываемый Моиза, застрѣленъ подъ городомъ; Михалка Скулу убили, нагнавъ его на Щирцѣ, отрубили ему голову, сняли три золотыхъ цѣпи и принесли его голову къ Коломану. Мстиславъ стоялъ на Зубрьи; Дмитръ прибѣжалъ къ нему. Мстиславъ не могъ сражаться съ Венграми; онъ просилъ своего зятя Даніила и Александра запереться въ Галичѣ; тѣ ему обѣщались. Даніилъ пошелъ и заперся въ Галичѣ, а Александръ не рѣшился. Въ это время вдова Романа, мать Даніила, постриглась въ монахини. Потомъ къ городу Галичу подошли Коломанъ и Поляки. Большое произошло сраженіе на Кровавомъ броду; выпалъ снѣгъ; непріятели не могли тутъ стоять, но пошли за Рогожину на Мстислава и прогнали его изъ земли (Галицкой). Мстиславъ послалъ сказать Даніилу, чтобы онъ вышелъ изъ города. Даніилъ вышелъ съ тысяцкимъ Дмитромъ, Глѣбомъ Зеремѣевичемъ и Мирославомъ. Они вышли изъ города и находились насупротивъ Толмача, когда ихъ нагналъ измѣнникъ Володиславъ Витовичъ, но на него бросились, его прогнали и коня у него отняли. Даніилъ какъ ни былъ молодъ, но видя мужество Глѣба Зеремѣевича и Симеона Коднинскаго, пріѣхалъ къ нимъ и ободрялъ ихъ, такъ какъ прочіе бросились бѣжать. Въ тотъ день сраженіе происходило до ночи, а ночью ушли. Даніилъ и Глѣбъ Зеремѣевичъ взяли Янца; юный Даніилъ показалъ свое мужество,

и всю ночь они сражались. Набѣжалъ было Глѣбъ Василевичъ, но Даніилъ бросился на него и гнался за нимъ далеко; но тотъ ушелъ вслѣдствіе быстроты коня. Даніилъ вернулся и одинъ ѣхалъ среди непріятелей,—тѣ не смѣли на него напасть, пока не выѣхали къ нему Глѣбъ Судиловичъ, Гаврило Изороговичъ и Перенѣжко. Оттуда прошли въ Онутъ и отправились въ степь. Терпѣли они большой голодъ, но наканунѣ дня Св. Димитрія встрѣтили они обозъ, который шелъ къ Плаву; они его захватили и достали себѣ въ изобиліи пищи, за что поблагодарили Бога и Святаго Димитрія. Оттуда они пришли пониже Кучельмина, думая, какъ бы перейдти Днѣстръ. Но по милости Божіей шли лодки изъ Олешья и они переѣхали въ нихъ на Днѣстръ и досыта наѣлись рыбы и напились вина. Оттуда Даніилъ пріѣхалъ ко Мстиславу. Тотъ осыпалъ похвалами Даніила, далъ ему большіе дары, своего рѣзваго сиваго коня и сказалъ ему: «иди, князь, въ свой Владиміръ, а я отправлюсь въ землю Половцевъ и отомстимъ мы за нашъ позоръ». Даніилъ пріѣхалъ во Владиміръ.

1213 годъ.

Князья литовскіе прислали къ великой княгинѣ, вдовѣ Романа, и къ Даніилу и Василько, даруя миръ; а старшихъ изъ литовскихъ князей имена были слѣдующія: Живинбудъ, Дивьятъ, Довспрункъ: братъ его Мидогъ, братъ Довъяловъ Видикаилъ; самогитскіе князья, Ердивилъ, Выкинтъ; Рушковичи: Кинтибутъ, Вонибутъ, Бутовитъ, Вижѣикъ и сынъ его Василій, Китеній, Пликосова; Булевичи: Вишимутъ—Миндовгъ убилъ его и братьевъ его и взялъ его жену, Едивила, Спрудѣйка. Князья изъ Дяволтвы: Юдки, Пукѣикъ, Бикши, Ликѣикъ. Они всѣ дали миръ Даніилу и Василько, и землѣ ихъ стало покойно. Поляки не переставали дѣлать вредъ. Даніилъ призвалъ на нихъ Литву; тѣ напали на Поляковъ и много изъ нихъ убили.

1217 годъ.

Пришелъ съ огромнымъ числомъ Венгровъ Филя Гордый; онъ похвалялся захватить всю землю и истребить море. Онъ говорилъ: «одинъ камень много глиняныхъ горшковъ разбиваетъ». Другая была у него, полная надменности, поговорка: «острый мечъ, ретивый конь и много Руси (будетъ добычею)». Но Богъ не допустилъ такого высокомѣрія и послѣ, какъ мы увидимъ, гордый Филя былъ убитъ Даніиломъ Романовичемъ. Александръ измѣнилъ Даніилу и Василько и перешелъ къ Лестку. Даніилу и Василько не

*

было ни отъ кого помощи, кромѣ отъ Бога, пока пришелъ Мстиславъ съ Половцами. Филя съ большимъ числомъ Поляковъ и Венгровъ вышелъ изъ Галича, взялъ съ собою бояръ галицкихъ, Судислава, Лазаря и другихъ, а много разбѣжалось.

1219 годъ.

Пришелъ Лестко къ Даніилу, а тотъ находился въ Щекаревѣ: запрещалъ онъ ему идти на помощь тестю его Мстиславу. Кондратъ пріѣхалъ мирить Лестка и Даніила; онъ убѣдился въ коварствѣ Лестка и не приказалъ Даніилу къ нему ѣхать. Филя готовился къ бою; онъ былъ того убѣжденія, что никто ему сопротивляться не можетъ. Онъ оставилъ Коломана въ Галичѣ и обратилъ въ укрѣпленіе самый храмъ Богоматери, а Владычица не вынесла оскорбленія, сдѣланнаго ея храму, и предала городъ въ руки Мстислава. Съ Коломаномъ находились: Иванъ Лекинъ, Дмитръ и Ботъ. Половцы пріѣхали развѣдать непріятеля. Венгры и Поляки бросились за ними. Тутъ одинъ Половчанинъ, обернувшись, попалъ стрѣлою въ глазъ Уза: онъ упалъ съ копя; взяли его тѣло и плакали надъ нимъ. На другой день, наканунѣ праздника Святой Богородицы, рано пришелъ Мстиславъ на гордаго Филю и на Венгровъ и Поляковъ, произошло упорное сраженіе и Мстиславъ побѣдилъ. Венгры и Поляки бѣжали, ихъ побито множество, а величавый Филя взятъ въ плѣнъ молодымъ человѣкомъ, Добрынюномъ, котораго лживый Ярославъ укралъ и, уличенный въ томъ, за него потерялъ свое отцовское достояніе. Мстиславъ, одержавъ побѣду, пошелъ къ Галичу. Сначала произошло сраженіе у городскихъ воротъ, потомъ непріятели вбѣжали на крышу церковную, а иные были туда подняты веревками, а лошадей ихъ захватили. На церквѣ было сдѣлано укрѣпленіе; оттуда они стрѣляли и бросали каменья въ жителей города, но изнемогали они жаждою, такъ какъ у нихъ воды не было, и когда пріѣхалъ Мстиславъ, они ему отдались и сведены съ церкви. Даніилъ пріѣхалъ съ Демьяномъ тысяцкимъ и небольшимъ числомъ воиновъ, и была великая радость о томъ, что Богъ спасъ его отъ иноплеменниковъ. Всѣ Венгры и Поляки были убиты, а иные взяты; нѣкоторые въ бѣгствѣ потонули, другіе побиты поселянами, и никто изъ нихъ не ушелъ. Такова была милость отъ Бога Русской землѣ. Потомъ привели къ Мстиславу Судислава; Мстиславъ не сталъ ему мыслить зла, но показалъ ему милость; а тотъ, обнявъ его ноги,

обѣщался ему работать. Мстиславъ повѣрилъ ему, обошелся съ нимъ весьма почетно и далъ ему Звенигородъ.

1221 годъ.

Александръ, не переставая желать зла Романовичамъ, оставилъ ихъ и заключилъ миръ съ Лесткомъ, Коломаномъ и Филею Гордымъ. А когда Мстиславъ побѣдилъ и Литовцы опустошили Польшу, Лестко заключилъ миръ съ Даніиломъ и съ Василькомъ; со стороны Лестка были Держиславъ Абрамовичъ и Творьянъ Вотиховичъ, а со стороны Романовичей — тысяцкій Демьянъ. Лестко оставилъ Александра. Въ субботу въ ночь Даніилъ и Василько опустошили окрестности Бѣльза и Червена; много уведено плѣнныхъ: боярынь плѣнилъ боярина, поселянинъ — поселянина, воинъ — воина; ни одного селенія не осталось откуда не увели бы плѣнныхъ. Такъ и въ Священномъ писаніи говорится: «не осталось камня на камнѣ». Жители Бѣльза прозвали эту ночь — злою ночью, и злую шутку сшутила съ ними эта ночь: прежде наступленія свѣта обрушилось на нихъ разореніе. Мстиславъ сталъ говорить Даніилу: «пожалѣй брата Александра». Даніилъ отошелъ отъ Бѣльза и воротился во Владиміръ.

1222 годъ.

При Даніилѣ и Василькѣ Романовичахъ во Владимірѣ были епископами: Іоасафъ блаженный и преподобный святитель Святой Горы; потомъ Василій, тоже отъ Святой Горы; потомъ былъ Никифоръ, прозваніемъ Станило, прежде онъ былъ слугою Василька. Послѣ него Кузьма, почтенный, кроткій, смирный, епископъ владимірскій. По волѣ Божіей, Даніилъ построилъ городъ, именемъ Холмъ (о построеніи его мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ). Епископомъ поставилъ князь Даніилъ отъ клироса церкви Божіей Матери Владимірской. Прежде епископъ Іоасафъ былъ въ Угровескѣ; онъ было заявилъ притязаніе на митрополичій престолъ и за то свержепъ съ престола. Епископія переведена въ Холмъ.

1224 годъ.

Пришли непріятели, о которыхъ прежде и слышно не было: безбожные Моавитяне, прозываемые Татарами, пришли на землю Половецкую. Половцы противустали было, но оробѣлъ ихъ старшій, Юрій Кондаковичъ. Онъ побѣжалъ, и Половцевъ Татары преслѣдовали до Днѣпра, избивъ множество ихъ. Татары воротились и пошли въ свои кочевья. Половцы прибѣжали въ Русскую землю

и говорили рускимъ князьямъ: «если вы намъ не поможете, то мы теперь потерпѣли пораженіе, а назавтра будете вы истреблены». Всѣ князья собрались на совѣтъ въ городъ Кіевъ и положили такъ: «лучше намъ принять ихъ (Татаръ) на чужой землѣ, чѣмъ на своей». Въ то время княжили: въ Кіевѣ Мстиславъ Романовичъ, въ Козельскѣ и Черниговѣ — Мстиславъ, а въ Галичѣ Мстиславъ Мстиславичъ. То были старшіе князья въ Руской землѣ; Юрія Суздальскаго не было въ томъ совѣтѣ, а молодые князья были: Даніилъ Романовичъ, Михайло Всеволодовичъ, Всеволодъ Мстиславичъ Кіевскій и много другихъ. Въ это время окрестился великій князь половецкій Бастый. Василька на этомъ съѣздѣ князей не было; онъ, по молодости своей, оставался во Владимірѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выступили Рускіе князья и пришли къ рѣкѣ Днѣпру, къ Варяжскому острову. Тутъ къ нимъ пріѣхала вся земля Половецкая, Черниговцы, Кіевляне, Смольняне и другіе. Перешли они Днѣпръ; воды не было видно отъ множества людей, вошедшихъ въ рѣку. Галичане и Волыняне были, тѣ и другіе, съ своими князьями; жители Курска, Трубчевска и Путивля также съ своими князьями: они пришли на коняхъ; а охотники (*выонци*) галицкіе пришли по Днѣстру, вошли въ море и оттуда, въ числѣ тысячи судовъ, вошли въ Днѣпръ, прошли пороги и стали у рѣки Хортицы на броду *въ протолчи*; съ ними были Юрій Домамѣричъ и Держикрай Володиславичъ. Пришло извѣстіе въ рускій лагерь, что Половцы пришли посмотрѣть суда рускіе. Услыхавъ объ этомъ, Даніилъ Романовичъ сѣлъ на коня и поскакалъ посмотрѣть невиданнаго дотолѣ непріятеля. Когда тѣ удалились, Юрій сказалъ, что они хорошо стрѣляютъ; а другіе говорили, что они люди простые, поплоше Половцевъ. Юрій Домамиричъ сказалъ: «хорошіе они и опытные воины». Пріѣхавъ, разсказали Мстиславу; Юрій все разсказалъ. Младшіе князья сказали: «Мстиславъ одинъ, и другой Мстиславъ—не стойте, а пойдемъ имъ на встрѣчу». Всѣ князья, Мстиславъ одинъ и другой Мстиславъ черниговскій, перешли рѣку Днѣпръ и пошли въ степь половецкую. Днѣпръ перешли они во вторникъ. Татары встрѣтили полки рускіе; рускіе стрѣлки ихъ побѣдили и гнали въ поле далеко, убивая ихъ, захватили ихъ стада скота и удалились съ ними, такъ что всѣ воины пріобрѣли значительную добычу скотомъ. Оттуда шли они восемь дней до рѣки Калки. Ихъ встрѣтили передовые разъѣзды татарскіе и сразились съ ними. Убитъ Иванъ Дмитріевичъ и еще двое съ нимъ, а Татары удалились къ рѣкѣ Калкѣ.

Они встрѣтили полки половецкіе и рускіе. Мстиславъ Мстиславичъ велѣлъ Даніилу съ нѣсколькими полками впередъ перейдти Калку, а съ остальными перешелъ самъ и отправился впередъ для развѣдыванія. Онъ увидалъ полки татарскіе и, пріѣхавъ, сказалъ: «берите оружіе». А Мстиславъ и еще другой Мстиславъ находились въ лагерѣ и не знали; Мстиславъ имъ не говорилъ изъ зависти; между ними было большое несогласіе. Полки сразились. Даніилъ выѣхалъ впередъ; Семенъ Олюевичъ и Василько Гавриловичъ ударили на полки татарскіе. Василько сброшенъ съ лошади, а Даніилъ получилъ рану въ грудь, но отъ молодости и пылкости не чувствовалъ ранъ на тѣлѣ его; ему было 18 лѣтъ и былъ онъ очень силенъ. Даніилъ сражался храбро и избивалъ Татаръ. Увидавъ, Мстиславъ Нѣмой въ томъ убѣжденіи, что Даніилъ сбитъ съ лошади, бросился и самъ къ Татарамъ. Онъ былъ очень храбръ и родственникъ Романа,—такъ они оба были одного племени Владиміра, прозваннаго Мономахомъ; очень Мстиславъ любилъ Романа, Даніилова отца, и тотъ поручилъ ему, по смерти, свои владѣнія, чтобъ онъ ихъ сберегъ для Даніила. — Татары бросились бѣжать, а Даніилъ и Олегъ курскій храбро сражались и истребляли Татаръ, но явились ихъ новые и сильнѣйшіе полки и за наши грѣхи побѣждено руское войско. Даніилъ, видя, что непріятель явился съ новыми силами и что ихъ стрѣлки отлично стрѣляютъ, обратилъ коня бѣжать, вслѣдствіе напора невѣрныхъ. Во время бѣгства захотѣлъ онъ пить воды и тутъ только почувствовалъ рану на своемъ тѣлѣ, а во время сраженія онъ и не замѣчалъ отъ избытка силъ и мужества; смѣлъ онъ былъ и храбръ, и отъ головы до ногъ не было въ немъ недостатка. Побѣда надъ рускими князьями была такая, какой еще никогда не бывало. Татары, побѣдивъ рускихъ князей за грѣхи христіанъ, двинулись впередъ и дошли до Новгорода Святополкова. Рускіе, не зная ихъ злости, выходили къ нимъ на встрѣчу съ крестами, но ихъ всѣхъ избивали Татары. Богъ, ожидая покаянія христіанъ, вернулъ Татаръ въ Восточную землю, опустошили они землю Тангустьскую и другія земли. Тутъ ханъ татарскій, Чингисъ, убитъ Тангутами; Татары ихъ обманули и погубили коварно, и много другихъ народовъ погубили они оружіемъ, а еще болѣе коварствомъ.

1225 годъ.

Александръ питалъ сильную вражду къ своимъ родственникамъ Даніилу и Васильку Романовичамъ. Услыхавъ, что Мстиславъ не

любитъ своего зятя Даніила, онъ обрадовался и принуждалъ Мстислава къ войнѣ. Мстиславъ пришелъ войною и занялъ Лысую гору. Даніилъ отправился въ Польшу, привелъ оттуда князя Лестка и пошелъ на встрѣчу Мстислава. Тотъ послалъ Александру вспомогательный отрядъ; онъ встрѣтилъ непріятеля, былъ имъ вогнанъ въ городъ Бѣльзъ и чуть было не захваченъ былъ самый городъ. На другой день вышелъ Даніилъ съ войскомъ на встрѣчу Мстиславу, но тотъ не стерпѣлъ и вернулся въ Галичъ. Князь Даніилъ съ Поляками опустошилъ землю Галицкую, окрестности Любачева, всю землю Бѣльзскую и Червенскую; Василько захватилъ много плѣнныхъ и стада жеребцовъ и кобылъ. Завидно стало Полякамъ; они обослались послами и отпущены были Демьянъ и Андрей. Потомъ Мстиславъ привелъ Котяна и множество Половцевъ и Владиміра Кіевскаго, дѣлая тотъ видъ, будто бы онъ собирается въ походъ противъ Поляковъ по совѣту Александра, а тотъ желалъ всегда зла своему родственнику Даніилу и постоянно наговаривалъ Мстиславу, будто бы зять хочетъ его убить. Александръ поправлялъ свою башню (укрѣпленія) и не смѣлъ ѣхать самъ, но послалъ своего Яна. Мстиславъ ему сказалъ: «твои это слова Янъ, будто бы Даніилъ подущаетъ Поляковъ на меня». Всѣ князья убѣдились въ клеветѣ Александра и во лжи Яна и сказали Даніилу: «возьми его владѣнія за то, что онъ остраминлъ тебя.» Но Даніилъ изъ любви братской не взялъ его (Александра) владѣній, и всѣ его похвалили. Мстиславъ съ любовью принялъ своего зятя и осыпалъ его множествомъ подарковъ; онъ подарилъ ему своего рѣзваго коня *актаза*,—такого, какого другаго въ то время не было. И дочери своей Аннѣ Мстиславъ сдѣлалъ большіе подарки. Мстиславъ видѣлся съ родственными князьями въ Перемилѣ и заключили миръ.

1226 годъ.

Коварный Ярославъ сказалъ Галицкимъ боярамъ: «Мстиславъ отправляется въ степь, а васъ хочетъ отдать на избіеніе своему тестю Котяну». Мстиславъ подобнаго ничего не замышлялъ, даже ничего не зналъ о томъ; но бояре, повѣривъ Ярославу, ушли въ землю Перемышльскую, въ Кавказскія, иначе Венгерскія горы, на рѣку *Днѣпръ* (??)—Они отправили къ Мстиславу своихъословъ сказать ему, что имъ сообщилъ Ярославъ.—Мстиславъ отправилъ къ нимъ своего духовника Тимоѳея сказать, что его оклеветалъ Ярославъ понапрасну. Тимоѳей далъ клятву бо-

рамъ, что Мстиславъ даже ничего не зналъ о томъ, и привелъ всѣхъ бояръ къ нему. Мстиславъ обличилъ Ярослава и прогналъ его отъ себя. Такъ Богъ изгналъ Каина отъ своего лица и сказалъ: «будь ты проклятъ, стони и трясись на землѣ, такъ она разверзла свои уста принять кровь твоего брата.» Такъ и Ярославъ разверзъ уста на своего господина. Пусть же не будетъ ему пристанища во всѣхъ земляхъ Рускихъ и Венгерскихъ и ни въ какихъ странахъ. Пусть ходитъ шатаясь по всѣмъ странамъ; пусть будетъ онъ нуждаться въ пищѣ; пусть будетъ ему недостатокъ вина и масла. Пусть будетъ дворъ его пустымъ и въ жилищѣ его не будетъ живущаго.—Выгнанный отсюда Ярославъ отправился къ Изяславу. Справедливо называли Ярослава хитрымъ обманщикомъ; всѣхъ онъ былъ безпокойнѣе и усердствовалъ ложно; онъ получилъ извѣстность добрымъ отцомъ: бѣдность нѣкоторое время удерживала его злобу; языкъ его питался ложью; онъ былъ уменъ, но возложилъ свою надежду на ложь, украшался коварствомъ болѣе вѣнца; обманщикъ, онъ обманывалъ не только чужихъ, но и своихъ возлюбленныхъ, и все изъ-за того, чтобы имѣть больше. Съ этою же цѣлью онъ желалъ быть у Изяслава. Мстиславъ, по совѣту коварныхъ Галицкихъ бояръ, отдалъ свою младшую дочь за королевича Андрея и съ нею Перемышль. Андрей, послушавъ коварнаго Семьюнка Чернаго (Краснаго), бѣжалъ въ Венгрію и началъ готовиться къ войнѣ. Когда наступила зима, то онъ пришелъ къ Перемышлю. Юрій въ то время завѣдывалъ тысячею; онъ сдалъ Перемышль, а самъ бѣжалъ къ Мстиславу. Король остановился въ Звенигородѣ и послалъ своихъ воиновъ къ Галичу, а самъ туда не смѣлъ ѣхать. Ему венгерскіе предсказатели сказали, что если онъ увидитъ Галичъ, то не будетъ живъ. По этой-то причинѣ, вѣря предсказателямъ, не смѣлъ онъ идти въ Галичъ.—Днѣпръ разлился и не могли Венгры перейдти. Мстиславъ выѣхалъ на встрѣчу съ полками. Венгры, посмотрѣвъ на насъ, отправились въ свой лагерь. У короля находился и Яковславъ съ Поляками. Король пошелъ оттуда къ Теребовлю и взялъ Теребовль; оттуда къ Тихомлю и взялъ Тихомль, отъ Тихомля король пришелъ къ Кременцу; подъ Кременцомъ было сраженіе и много Венгровъ избили и ранили. Въ то время Мстиславъ послалъ Судислава къ своему зятю Даніилу и говорилъ: «не отступай отъ меня». Тотъ отвѣтилъ: «я чистосердечно расположенъ къ тебѣ». Оттуда король пришелъ къ Звенигороду. Мстиславъ выѣхалъ изъ Галича, а Венгры выѣхали къ нему на встрѣчу. Мстиславъ сра-

зился съ ними и побѣдилъ ихъ; истребляя ихъ, они погнали ихъ до королевскаго лагеря: тутъ убили королевскаго полководца Мартиниша. Король смутился умомъ и поспѣшно пошелъ изъ Галицкой земли. Данило пришелъ къ Мстиславу съ братомъ Васильком къ Городку и Глѣбъ съ ними, и говорили ему: «князь, пойдемъ на короля; онъ ходитъ по Лохти». Но Судиславъ его удерживалъ: онъ таилъ въ сердцѣ коварный умыселъ и не хотѣлъ гибели короля, но возлагалъ на него великую надежду; король въ то время очень ослабѣлъ силами.—Лестко въ то время шелъ ему на помощь: но Данiилъ удерживалъ его, чтобы онъ не помогалъ королю: но тому тѣмъ больше хотѣлось. Данiилъ и Василько послали своихъ людей къ Лестку и не давали ему идти. Лестко вернулся домой, такъ какъ онъ выбился изъ силъ, собираясь на войну. Король отправился въ Венгрiю, его нагналъ Изяславъ съ коварнымъ Ярославомъ и отправились съ нимъ въ Венгрiю Судиславъ коварствовалъ передъ Мстиславомъ; онъ ему говорилъ: «князь, дай твою обрученную дочь за королевича и съ нею дай ему Галичъ. Ты его не можешь удержать самъ, потому что бояре тебя не хотятъ».— Онъ не желалъ дать Галича королевичу, а хотѣлъ лучше отдать Данiилу; но Глѣбъ Зеремѣевичъ и Судиславъ не допускали отдать Данiилу; они говорили: «если дашь королевичу, то когда захочешь можешь у него взять обратно, а если отдашь Данiилу. то Галичъ никогда не будетъ твоимъ, такъ какъ Галичане хотѣли Данiила». Послѣ переговоровъ Мстиславъ отдалъ Галичъ королевичу Андрею, а самъ взялъ Понизье, а отсюда отправился къ Торческому. Мстиславъ Нѣмой отдалъ свое отцовское наслѣдiе князю Данiилу и поручилъ ему и сына своего Ивана. По смерти Ивана Ярославъ взялъ Луцкъ, Черторыйскъ и Пинскъ.

1127 годъ.

Начнемъ разсказъ о безчисленныхъ войнахъ, великихъ трудахъ, безпрерывныхъ войнахъ, многихъ договорахъ, частыхъ возстанiяхъ и великихъ мятежахъ; съ молоду не было имъ (Данiилу и Василько) покоя. Ярославъ занималъ Луцкъ. Данiилъ отправился въ Жидичинъ на богомолье къ святому Николаю. Ярославъ звалъ его въ Луцкъ. Бояре Данiиловы говорили ему: «возьми Луцкъ, а здѣсь захвати Луцкаго князя».—Данiилъ отвѣчалъ: «я сюда приходилъ молиться святому Николаю и не могу такъ поступить».— и отправился во Владимiръ. Данiилъ и Василько, собравъ войско, послали противъ Ярослава Андрея, Вячеслава, Гаврила и Iоанна.

Ярославъ уже пріѣхалъ въ Луцкъ,—онъ взятъ Олексою Орѣшкомъ, подъ нимъ былъ рѣзвый конь, но нагнавъ Ярослава, Олекса захватилъ его еще до города.—Жители Луцка затворились. На другой день пришли Даніилъ и Василько; жители Луцка сдались. Даніилъ отдалъ Василько Луцкъ и Пересопницу, а Брестъ онъ ему прежде далъ. Ятвяги опустошили окрестности Бреста. Изъ Владиміра за ними погнались. Двое Мондуничъ, Шутръ и Стегутъ Зебровичъ наѣхали на полкъ. Шутръ убитъ Даніиломъ и Вячеславомъ, а Стегутъ Шелвомъ. Ятвяги бѣжали; ихъ нагналъ Даніилъ: Небру, нанесъ четыре раны и копье вышибъ у него изъ рукъ. Василько заскакалъ впередъ, раздался громкій крикъ: «братъ твой сражается назади». Тогда Василько вернулся на помощь брату, и непріятели разбѣжались; но мы, оставивъ это, воротимся къ прежнему разсказу. Даніилъ послалъ Демьяна къ своему тестю сказать: «не слѣдуетъ жителямъ Пинска владѣть Черторыйскомъ; не могу я имъ дозволить этого». Когда Демьянъ говорилъ съ Мстиславомъ, то тотъ ему сказалъ: «передай Даніилу: сынъ, дурно я поступилъ, не давъ тебѣ Галича, но давъ иноземцу, по совѣту коварнаго Судислава; онъ меня обманулъ. Если Богъ захочетъ, пойдемъ на чужеземцевъ; я вызову Половцевъ, а ты своихъ воиновъ. Если Богъ намъ дастъ Галичъ, то ты его возьми себѣ, а я себѣ Понизье; а если Богъ тебѣ поможетъ, то относительно Черторыйска ты правъ».—Демьянъ воротился въ великую субботу; на другой день—это было въ Свѣтлое воскресенье — Даніилъ и Василько пріѣхали къ Черторыйску; а въ понедѣльникъ на ночь обложили городъ; тутъ изъ города застрѣленъ Даніиловъ конь. На другой день поѣхали къ городу. Мирославъ и Демьянъ сказали: «предалъ Богъ враговъ нашихъ въ ваши руки». Даніилъ приказалъ приступить къ городу, и взяли и городъ ихъ и князя. Потомъ Мстиславъ великій, храбрый, князь померъ; желалъ онъ видѣть своего сына Даніила; но Глѣбъ Зеремѣевичъ подъ вліяніемъ зависти, не допускалъ этого, а онъ хотѣлъ поручить Даніилу и домъ свой и дѣтей, такъ какъ очень его любилъ. Потомъ отпустили Ярослава и дали ему Перемиль и Межибожье.

1228 годъ.

Былъ митрополитомъ Кириллъ, человѣкъ жизни благочестивой и святой. Онъ пріѣхалъ быть посредникомъ къ заключенію мира, но возвратился безъ успѣха.—Ростиславъ Пинскій не переставалъ клеветать на Даніила, такъ какъ его дѣти находились въ плѣну.

Владиміръ Кіевскій собралъ воиновъ; Михаилъ Черниговскій также. Онъ говорилъ: «его отецъ постригъ моего отца въ монахи»,— и вслѣдствіе этого имѣлъ великій страхъ въ душѣ. Владиміръ привелъ съ собою Котяна и всѣхъ Половцевъ, и пришли къ Каменцу Владиміръ и Михаилъ со всѣми князьями, жители Курска, Пинска, Новгорода и Турова и осадили Каменецъ. Даніилъ притворился, будто хочетъ заключить съ ними миръ, но ихъ обманывалъ и отправился въ Польшу за помощью, а Павла своего человѣка послалъ сказать Котяну: «отецъ, разстрой этотъ походъ и пріими меня въ любовь къ себѣ». Онъ отправился, ограбилъ всю землю Галицкую, отправился въ землю Половецкую и назадъ не вернулся. Въ Галичѣ находился королевичъ и Судиславъ; онъ былъ въ мирѣ съ Владиміромъ и Михаиломъ, а тѣ, безо всякаго успѣха, воротились. Даніилъ и Василько, собравъ множество Поляковъ, отправились къ Кіеву съ воеводою Пакославомъ, и Александръ находился съ ними. Ихъ встрѣтили послы отъ Владиміра и Михаила—Воротиславъ Петровичъ и Юрій Толигпѣевичъ, предлагая миръ. Онъ былъ заключенъ и Поляки вернулись назадъ.

1229 годъ.

Убитъ великій князь польскій Лестко на сеймѣ Володиславомъ и Святополкомъ Оловичемъ по злоумышленію измѣнниковъ бояръ. По смерти своего брата, Кондратъ, его преемникъ, обнаруживалъ сильное расположеніе къ Даніилу и Василько и просилъ ихъ прійдти къ нему на помощь. Они отправились ему помогать на Володислава стараго сами, а въ Брестѣ оставили Владиміра Пинскаго съ Угровчанами (жителями Угровска) и жителями Бреста—стеречь ихъ землю отъ Ятвяговъ. Въ то время Литва воевала съ Поляками, и полагая, что они въ мирѣ съ Русскими, пришли Литовцы къ Бресту, но Владиміръ сказалъ: «если вы пришли и съ миромъ, то мнѣ непріятели»,— вышелъ на нихъ и всѣ жители Бреста и избили ихъ всѣхъ. Даніилъ и Василько пришли къ Кондрату и съ общаго совѣта двинулись къ Калишу и вечеромъ пришли къ Вепру. На другой день на разсвѣтѣ перешли рѣку Прѣспу и пошли къ городу. Въ ту ночь сдѣлался сильный дождь, и видя, что никто имъ не сопротивляется, пустились опустошать и грабить. Русскіе достигли Милича и Старогорода, захватили нѣсколько селеній Воротиславскихъ, набрали много добычи, вернулись и пришли въ лагерь. Тутъ они думали, какъ бы пойдти къ городу на бой, но Поляки отъ него уклонялись. На другой день Даніилъ и Василько, взявъ своихъ воиновъ,

отправились къ городу. Кондрату правилось какъ дерутся Русскіе; онъ и своихъ Поляковъ заставлялъ также, но тѣ не хотѣли. Приступили они оба къ воротамъ Калишскимъ, а Мирослава и другіе полки послали сзади города; его окружала вода, поросшая частыми вербами и лозникомъ; сами не знали, гдѣ кто сражался, когда тѣ отступали въ бою, то они налетали на этихъ, а когда эти отступали, то они налетали на тѣхъ; въ тотъ день городъ не былъ взятъ и именно потому, что не видали другъ друга. Каменья сыпались съ зубцовъ стѣны, какъ сильный дождь, и нападающіе стояли въ водѣ, потомъ на набросанныхъ камняхъ стали какъ на сухомъ и зажгли *возводный мостъ* и *жиравцы* (??). Поляки съ трудомъ погасили загорѣвшіеся ворота городскія. Даніилъ и Василько ходили подлѣ города и стрѣлки стрѣляли на городъ и перераниди людей, стоявшихъ на зубцахъ стѣны, 160 человѣкъ; съ наступленіемъ вечера, вернулись они въ свой лагерь. Станиславъ Микулинчъ сказалъ: «гдѣ мы стояли, тамъ нѣтъ ни воды, ни высокой плотины (гати)». Даніилъ, сѣвъ на коня, поѣхалъ самъ осмотрѣть городъ и видѣлъ, что дѣйствительно такъ и есть. Онъ пріѣхалъ къ Кондрату и сказалъ ему: «еслибы ранѣе знали это мѣсто, городъ былъ бы взятъ». Кондратъ сталъ умолять Даніила, чтобъ имъ завтра сдѣлать снова приступъ къ городу. На другой день Даніилъ и Василько послали своихъ людей; тѣ стояли и готовили лѣса около города; жители не смѣли уже бросать въ нихъ каменьевъ и просили, чтобы Кондратъ прислалъ къ нимъ Пакослава и Мстіуя. Пакославъ сказалъ Даніилу: «передѣнься въ другое платье и поѣдемъ вмѣстѣ». Даніилъ не хотѣлъ, но братъ ему сказалъ: «поѣзжай, чтобы намъ слышать о чемъ они будутъ толковать». Кондратъ не довѣрялъ Мстіу. Даніилъ надѣлъ на себя шлемъ Пакослава и сталъ за ними. Граждане стояли на гребнѣ стѣны и говорили: «скажите такъ великому князю Кондрату: городъ этотъ не твой ли? А мы, люди, выбившіеся изъ силъ въ этомъ городѣ,—развѣ для тебя чужіе (иноземцы)? Мы твои люди и ваши братья; почему о насъ не пожалѣете? Если Русскіе возьмутъ насъ въ плѣнъ, то какую славу получитъ Кондратъ? Если руское знамя водрузится на городскихъ забралахъ, то кому честь сдѣлаешь? Не сыновьямъ ли Романа? А свою честь унизишь? Сегодня служимъ твоему брату, а завтра твои будемъ. Не дай Русскимъ славы и не погуби этого города». Много и еще говорили они въ этомъ смыслѣ. Пакославъ отвѣчалъ: «Кондратъ радъ бы оказать вамъ милость, но Даніилъ ужь очень золъ на васъ, не

хочетъ уйдти, не взявъ города». — Засмѣявшись, онъ прибавилъ: «да вотъ онъ и самъ, толкуйте съ нимъ». Князь толкнулъ его древкомъ копья и снялъ съ себя шлемъ. Съ города ему закричали: «мы, твои слуги, умоляемъ тебя, заключи миръ». Много смѣялся Даніилъ и говорилъ съ ними; взявъ у нихъ двухъ человѣкъ, пріѣхалъ къ Кондрату. Тотъ заключилъ съ ними миръ и взялъ у нихъ заложниковъ; Рускіе захватили въ плѣнъ много и простыхъ людей, и боярынь. Рускіе и Поляки дали между собою взаимную клятву, чтобы на будущее время не брать въ плѣнъ простыхъ людей, ни Полякамъ Рускихъ, ни Рускимъ Поляковъ. Потомъ вернулись отъ Кондрата домой съ честью, такъ какъ имъ помогъ Богъ. Даніилъ и Василько оказали важную услугу Кондрату и вернулись въ свою землю съ большою славой. Ни одинъ рускій князь не проникалъ такъ далеко въ глубь земли Польской, кромѣ Владиміра Великаго, который крестилъ Рускую землю.

Немного времени спустя, Василько поѣхалъ въ Суздаль на свадьбу своего шурина къ великому князю Юрію; онъ взялъ съ собою Мирослава и другихъ. Князь Даніилъ находился въ Угровескѣ, когда Галичане прислали сказать: «Судиславъ выступилъ на Понизье, а королевичъ остался въ Галичѣ одинъ; пріѣзжай скорѣе». Поспѣшно Даніилъ собралъ воиновъ и послалъ Демьяна противъ Судислава, а самъ съ небольшою дружиною отправился къ Галичу изъ Угровеска. На третій день къ ночи Даніилъ былъ уже подъ Галичемъ, а Судиславъ не устоялъ противъ Демьяна и бѣжалъ въ Галичъ. Даніилъ подошелъ къ Галичу, но городъ былъ затворенъ. Даніилъ занялъ (подгородный) дворъ Судислава, захватилъ тамъ множество вина, овощей и корму, копій и стрѣлъ, такъ что смотрѣть даже удивительно было. Даніилъ, видя, что его люди захватили много добычи, не хотѣлъ остановиться у города, но перешелъ на другую сторону Днѣстра: Судиславъ въ ту же ночь вошелъ въ городъ; люди его, захваченные воинами, сказали, что Судиславъ уже въ Галичѣ. Даніилъ стоялъ въ Угленицахъ на берегу Днѣстра. Галичане и Венгры выѣхали къ нему на встрѣчу и стрѣлялись на льду; но вечеромъ ледъ взломало, рѣка разлилась, а мостъ на Днѣстрѣ зажегъ беззаконникъ злой Семьюпко, подобный лисицѣ смуглостью (чернотою души?). Демьянъ пришелъ со всѣми галицкими боярами, съ Мирославомъ, Володиславомъ и другими. Даніилъ этому радовался, но печалился о мостѣ, какъ перейдти рѣку Днѣстръ. Даніилъ поспѣшилъ къ мосту и увидалъ, что зажженный конецъ моста погасъ и очень обрадовался. На дру-

гой день пришелъ Владиміръ Ингваровичъ; съ ними вмѣстѣ перешли Днѣстръ по мосту и стали на другомъ его берегу. На другой день Даніилъ, вставъ, объѣхалъ городъ и, собравъ жителей земли Галицкой, сталъ около города четырьмя отдѣленіями. Тутъ были у него собраны воины отъ Боброки и до рѣкъ Ушицы и Прута, съ огромными силами осадилъ онъ городъ. Жители не были въ силахъ сопротивляться и сдали городъ. Даніилъ, взявъ Галичъ, вспомнилъ расположеніе короля Андрея, отпустилъ его сына и проводилъ до рѣки Днѣстра. Съ королевичемъ ушелъ только одинъ Судиславъ; въ него бросали каменьями и говорили: «ступай изъ города, возмутитель нашей земли». Андрей вернулся къ отцу и брату, а Судиславъ не переставалъ уговаривать ихъ: «идите въ Галичъ и займите Рускую землю; а если не пойдете, то они усилятся противъ васъ». Бела, король Венгерскій, выступилъ въ походъ съ огромными силами и говорилъ: «слѣда города Галича не останется и нѣкому избавить его отъ моей силы.» Когда онъ проникъ въ Венгерскія горы, то Господь послалъ архангела Михаила открыть небесные источники; тонули кони и сами воины искали спасенія на возвышенныхъ мѣстахъ; но Бела все стремился занять городъ и землю. Даніилъ молился Богу, и Онъ избавилъ его отъ руки сильныхъ. Король обступилъ городъ и прислалъ посла. Тотъ закричалъ громкимъ голосомъ: «слушайте слова великаго короля Венгерскаго. Пусть не обманываетъ васъ Демьянъ, говоря: избавитъ васъ отъ опасности Господь. И пусть не надѣется вашъ Даніилъ на Бога, говоря: не предастъ онъ этотъ городъ королю Венгерскому. Столько разъ ходилъ я съ побѣдою на другія страны; кто можетъ спасти отъ рукъ моихъ и отъ силы полковъ моихъ? Демьянъ оставался твердъ и безъ угрозы, и Богъ ему помогъ. Даніилъ привелъ къ себѣ Поляковъ и Половцевъ Котяновыхъ, а Бѣгобарсовы были у короля. Богъ послалъ на войска королевскія болѣзнь въ родѣ язвы Фараоновой. Жители города сопротивлялись храбро, а Бела, почувствовавъ свое безсиліе, пошелъ отъ города; много людей побросалъ онъ за собою—оружеосцевъ и копныхъ; на нихъ напали жители и много ихъ попадало въ рѣку, много было побито, остальные переранены и взяты въ плѣнъ. И какъ гдѣ-то говорится: «рѣка Скыртъ злую игру сыграла надъ гражданами», такъ и Днѣстръ злую игру сыгралъ надъ Венграми. Король пошелъ оттуда къ Василеву, перешелъ Днѣстръ и отправился къ Пруту. Богъ послалъ на его воиновъ бѣду: ангелъ поражалъ ихъ: такъ они умирали, а другіе изъ

подощвъ выступали, точно изъ башмаковъ; одни умирали на коняхъ, другіе, собравшись около огня и поднося мясо ко рту; небесныя воды одинаково ихъ топили. Даніилъ, хотя ушелъ изъ Галича, не довѣряя галицкимъ боярамъ, но волею Божіею, онъ удержалъ за собою городъ Галичъ.

1230 годъ.

Возникли смуты между безбожными галицкими боярами; они съ племянникомъ Даніила, Александромъ, составили заговоръ убить его и похоронить. Когда князья сидѣли въ думѣ, то ихъ хотѣли сжечь огнемъ, но милосердый Богъ вложилъ Василько мысль—выйдти вонъ и онъ, играя, обнажилъ мечь въ шутку на слугу королевскаго, а другой въ шутку схватилъ щитъ. Измѣнники Молибоговидичи увидали это; Господь нагналъ имъ страхъ; говорили они: «нашъ умыселъ разстроился». Они бѣжали, какъ проклятый Святополкъ; а князья Даніилъ и Василько не знали. Василько отправился во Владиміръ, а безбожный Филиппъ звалъ Даніила въ Вишню. Другой умыселъ составили бояре на его убійство съ сыномъ его брата Александромъ. Доѣхалъ Даніилъ до Бранневичева, тутъ нашелъ его посланный отъ его тысяцкаго Демьяна и говорилъ: «это пиршество есть злоумышленіе; безбожный твой бояринъ Филиппъ, сынъ брата—Александръ, сговорились убить тебя». Слыша это, Даніилъ вернулся назадъ и сѣлъ на престолъ своего отца. Коснятинъ сказалъ ему и онъ вернулся на рѣкѣ Днѣстрѣ, а безбожные бояре отправились въ другія мѣста, не желая видѣть лица его. Когда онъ, Даніилъ, пріѣхалъ въ Галичъ, то отправилъ посла къ брату своему, князю Василько, сказать: «ступай ты на Александра». Александръ бѣжалъ въ Перемышль къ своимъ совѣтникамъ, а Василько взялъ Бельзъ, сѣдельничаго своего Ивана онъ послалъ на измѣнниковъ Молибоговичей и Волдриса. Иванъ Михалковичъ поймалъ ихъ 28 человѣкъ и тѣ не подверглись смерти, но получили милость. Разъ, когда Даніилъ веселился на пиру, одинъ изъ безбожныхъ бояръ залилъ ему лицо виномъ, и то простилъ Даніилъ и возложилъ месть на Бога.

1231 годъ.

Даніилъ позвалъ на совѣтъ оставшихся ему вѣрными 18 молодыхъ людей и Демьяна, своего тысяцкаго, и сказалъ имъ: «хотите ли быть мнѣ вѣрными? Я выступаю на моихъ враговъ». Тѣ сказали: «вѣрны мы Богу и тебѣ, нашему господину. Выходи съ

Божіею помощью». Сотскій Микула сказалъ: «господинъ, не передавишь пчелъ и меду тебѣ не ѣсть». Даніилъ помолился Богу, Святой Богородицѣ и Михаилу Архангелу, и вышелъ съ небольшимъ числомъ воиновъ. Мирославъ привелъ ему на помощь немного воиновъ. Да и измѣнники всѣ шли къ нему на помощь, притворяясь, будто вѣрны и сердиты на тѣхъ, съ которыми за одно составили злой умыселъ. Даніилъ пріѣхалъ въ Перемышль и Александръ не стерпѣлъ и побѣжалъ Въ этой погонѣ убитъ Шелавъ, а онъ былъ храбръ и умеръ съ великою честію. Измѣнникъ Володиславъ Юрьевичъ, съ тѣми составившій умыселъ, гналъ его до самого Санока и воротъ венгерскихъ. Такимъ образомъ Александръ, бросивъ все свое имущество, пришелъ въ Венгрію къ Судиславу, а онъ въ то время находился въ Венгріи. Судиславъ, свидясь съ нимъ, пришелъ къ королю Андрею и вызвалъ его на походъ. Король Андрей пришелъ съ сыновьями своими, Белою и Андреемъ, къ городу Ярославу. Давидъ Вышатичъ, бояринъ, затворился тамъ отъ имени Даніила, и съ нимъ Василій Гавриловичъ. Венгры сражались до захожденія солнца, городъ отъ нихъ отбился; вечеромъ собрались на совѣтъ. Давидъ оробѣлъ; его теща, дочь *Кормиличича*, Нѣздила, была вѣрна Судиславу, — онъ ее называлъ матерью; она говорила зятю: «не въ состояніи ты удержать этотъ городъ». Но Василько говорилъ Давиду: «не посрамимъ чести нашего князя; этому войску не взять нашего города». Онъ былъ человѣкъ храбрый и мужественный. Давидъ его не слушалъ и хотѣлъ во всякомъ случаѣ сдать городъ. Изъ венгерскихъ полковъ пріѣхалъ Чако и сталъ говорить: «не въ состояніи они взять города; очень они сильно побиты». Василій упорно стоялъ на томъ, чтобы не сдавать города; а Давидъ оробѣлъ и сдалъ городъ, но самъ цѣлъ и со всѣми воинами вышелъ изъ него. Король, взявъ Ярославль, пошелъ къ Галичу. Съ Голыхъ Горъ бѣжалъ отъ князя Даніила Климята—къ королю, а вслѣдъ за нимъ передались королю и всѣ галицкіе бояре. Оттуда король пошелъ ко Владиміру. Когда онъ подошелъ къ Владиміру, то удивился и сказалъ: «такого города не находилъ я и въ нѣмецкихъ странахъ». По стѣнамъ стояли вооруженные воины и ихъ щиты и оружіе блистали какъ солнце. Въ городѣ находился Мирославъ; прежде былъ онъ храбръ, но тутъ неизвѣстно почему смутился умомъ и заключилъ съ королемъ миръ безъ вѣдома князя Даніила и брата его Василька, и по договору онъ отдалъ Александру Бельзъ и Червенъ. Король посадилъ своего сына Андрея въ Галичѣ, по совѣту из-

мѣшниковъ Галичанъ. Мирославъ заперся; «я,—говоритъ,—по договору не отдавалъ Червена». Оба брата, Даніилъ и Василько, ставили ему въ большой упрекъ, зачѣмъ онъ заключилъ миръ, имѣя сильное войско? Король стоялъ во Владимірѣ, а князь Даніилъ захватилъ множество плѣнныхъ, опустошая окрестности Бужска. Король вернулся въ Венгрію. Владиміръ кіевскій послалъ сказать Даніилу: «на меня идетъ Михаилъ черниговскій; помоги мнѣ братъ». Даніилъ прибылъ и постарался ихъ помирить. Даніилъ взялъ на свою часть въ Руской землѣ Торческій и отдалъ его дѣтямъ Мстислава (своего шурина), говоря имъ: «за благодѣяніе вашего отца возьмите Торческъ и владѣйте имъ».

Нѣсколько времени спустя, королевичъ Андрей началъ войну съ Даніиломъ и пошелъ къ Бѣлобережью. Владиславъ ѣхалъ въ передовомъ отрядѣ отъ Даніила изъ Кіева и встрѣтилъ непріятельское войско въ Бѣлобережьи. Они сразились у рѣки Случа, и непріятели гнали нашихъ до рѣки Деревни и Чертова лѣса. Въ Кіевъ пришло извѣстіе Владиміру и Даніилу отъ Владислава. Даніилъ сказалъ князю Владиміру: «братъ, зная, что мы оба здѣсь вмѣстѣ, идутъ на насъ; пусти меня, я пойду за ними вслѣдъ». Непріятели, узнавъ воротились въ Галичъ. Даніилъ свидѣлся съ братомъ и нагналъ непріятелей у Шумска; съ ними пересылались вѣстями черезъ рѣку Велію. Съ королевичемъ находились Александръ и Глѣбъ Зеремѣевичъ, князья Болховскіе и множество Венгровъ. Даніилъ видѣлся съ королевичемъ черезъ рѣку Велію и сказалъ при этомъ слово, полное похвальбы и гордости, какого Богъ не любитъ. На другой день перешелъ Даніилъ рѣку Велію на Шумскъ, поклонился Богу и святому Симеону и, изготовивъ полки свои, пошелъ къ Торчевску. Королевичъ Андрей, снарядивъ свои полки, пошелъ на встрѣчу ему на бой. Непріятель шелъ по ровному мѣсту; Даніилу и Василько приходилось спуститься съ высокихъ горъ. Иные совѣтовали—оставаться на горахъ и не спускаться внизъ. Даніилъ сказалъ слова св. Писанія: «кто медлитъ идти на бой, тотъ имѣетъ робкую душу». Онъ заставилъ своихъ воиновъ сойдти внизъ. Василько отправился на встрѣчу Венгровъ, а Демьянъ тысяцкій и съ нимъ много полковъ шли по лѣвую сторону; Даніилъ шелъ съ своимъ полкомъ посерединѣ. У него былъ сильный полкъ храбрыхъ воиновъ, съ блестящимъ оружіемъ; непріятель, видя это, не хотѣлъ сразиться съ нимъ, но опирался на Демьяна и на другіе полки. Стрѣлки пріѣхали соломъ; не вынесли ихъ нападенія непріятели, были поражены и разбѣжались въ разныя

сторопы. Демьянъ сразился съ Судиславомъ, князь Даніилъ заѣхалъ непріятелямъ въ тылъ и поражалъ ихъ; а Демьянъ полагалъ, что это все непріятели, и бѣжалъ передъ ними. Даніилъ вонзилъ свое копье въ непріятеля, но оно сломалось; тогда онъ обнажилъ мечъ. Оглядѣвшись туда и сюда, Даніилъ увидалъ, что знамя Василька развѣвается смѣло, что онъ сражается храбро и гонитъ Венгровъ; онъ поспѣшилъ на помощь брату, много непріятелей перераниль, а многіе и умерли отъ его меча. Соединился онъ съ Мирославомъ, и, видя, что Угры собираются, Даніилъ съ Васильком вмѣстѣ на нихъ бросились; не вынесли тѣ и побѣжали. Другіе подоспѣли и сразились, но и тѣ побѣждены; а въ преслѣдованіи ихъ разлучились оба брата. Видя, что князья сражаются храбро, что на нихъ кровь и даже древко копья изрублено мечами, Глѣбъ Зеремѣевичъ, собравъ Венгровъ, устремился туда, гдѣ развѣвалось знамя Василька. Даніилъ подъѣхалъ къ нимъ, понуждая ихъ, не видалъ онъ у нихъ никого воиновъ, но молодыхъ людей, державшихъ лошадей. Тѣ узнали его и хотѣли мечами изрубить его лошадь, но милосердый Богъ вынесъ Даніила невредимымъ изъ среды непріятелей, а между тѣмъ остріями меча даже срѣзана была шерсть на спинѣ его лошади. Подъѣхавъ къ своимъ воинамъ, Даніилъ ободрялъ ихъ ударить на Венгровъ. Василько съ своимъ полкомъ гналъ Венгровъ до ихъ лагеря, и тутъ его воины захватили знамя королевича. Много Венгровъ бѣжало, и они остановились уже подъ Галичемъ. Одни стояли на горѣ, а другіе внизу. Даніилъ и Василько понуждали своихъ воиновъ спуститься внизъ, и ударить на непріятеля. Тутъ, попущеніемъ Божіимъ за наши грѣхи, дружина Даніилова обратилась въ бѣгство. Непріятель не смѣлъ преслѣдовать и вреда Даніилову войску не было, кромѣ убитыхъ пяти человѣкъ. Даніилъ къ утру собралъ своихъ воиновъ и не зналъ, гдѣ братъ. Королевичъ вернулся въ Галичъ, потому что въ его полкахъ была большая потеря; а нѣкоторые Венгры бѣжали и остановились только въ Галичѣ. Большое сраженіе произошло въ тотъ день. Венгровъ пало много, а изъ Даніиловыхъ бояръ: Ратиславъ Юрьевичъ, Моисей, братъ его Степанъ и Юрій Яневичъ. Даніилъ, узнавъ, что его братъ Василько въ добромъ здоровьи, не переставалъ собирать противъ Венгровъ большое войско; въ великую субботу находился онъ въ Торческѣ.—Вслѣдъ затѣмъ Александръ прислалъ къ братьямъ Даніилу и Василькѣ: «не слѣдъ мнѣ быть врозь отъ васъ».—Тѣ приняли его съ любовью. Когда уже показалась трава, Даніилъ выступилъ въ походъ съ

*

братомъ и Александромъ къ Плѣсньску. Прійдя, онъ засталъ непріятелей подъ Арбузовичами и, захвативъ большую, добычу вернулся ко Владиміру.

1232 годъ.

Королевичъ и Судиславъ привели Дьянишa противъ Даніила Тотъ отправился къ Кіеву и привелъ противъ нихъ Половцевъ и Изяслава. Съ Владиміромъ и Изяславомъ ходили они въ церковь (для взаимной клятвы?) и пошли на встрѣчу Дьянишу. Изяславъ поступилъ коварно и велѣлъ опустошать Даніилову область; взяли Тихомль и вернулись. а Владиміръ остался одинъ съ Даніиломъ и Котяномъ. О гнусное коварство! Какъ Гомеръ говоритъ: оно пріятно прежде обличенія, но обличенное—зло, и кто его держится, тотъ прійметь злой конецъ. Это зло хуже всякаго зла. Оттуда пошли къ Перемилю королевичъ Андрей, Дьянишъ и Венгры; черезъ мостъ сражались они съ Владиміромъ и Давидомъ. Отбились тѣ, и Венгры вернулись въ Галичъ, побросавъ тяжелыя осадныя орудія. Владиміръ и Даніилъ пошли вслѣдъ за ними. Василько и Александръ пришли и соединились съ ними въ Бужескѣ, а Владиміръ, Котянъ и Изяславъ воротились.

1234 годъ.

Глѣбъ Зеремѣевичъ перешелъ отъ королевича къ Даніилу. Даніилъ и Василько пошли къ Галичу; ихъ встрѣтила большая половина Галича: Доброславъ, Глѣбъ и много другихъ бояръ. Прійдя, Даніилъ сталъ на берегу Днѣстра. занялъ землю Галицкую и роздалъ города боярямъ и воеводамъ, и много корма было у нихъ. Королевичъ, Дьянишъ и Судиславъ въ городѣ терпѣли отъ голода. Стояли 9 недѣль, дожидаясь, чтобы рѣка замерзла и чтобы перейдти ее по льду. Судиславъ обманомъ послалъ къ Александру сказать: «дамъ тебѣ Галичъ, пойди отъ брата». Тотъ пошелъ прочъ отъ Галича; они думали было его захватить, а Галичане выѣхали вслѣдъ за Даніиломъ. Не много времени спустя, королевичъ померъ. Галичане послали за Даніиломъ Семьюнка Чермного, а Судиславъ отправился въ Венгрію. Съ наступленіемъ весны Александръ испугался, что поступилъ дурно, и отправился къ своему тестю въ Кіевъ. Даніилъ, узнавъ, вышелъ на нихъ изъ Галича, напалъ ихъ въ Полономъ и захватилъ ихъ въ лугу Хоморскомъ. Даніилъ не спалъ три дня и три ночи и его воины. Когда Владиміръ находился въ Кіевѣ, онъ прислалъ своего сына Ростислава въ

Галичъ и вступилъ съ Даніиломъ въ братство и великую любовь. Михаилъ и Изяславъ не переставали противъ Владиміра враждовать, а потому Даніилъ оставилъ у него Глѣба Еремѣевича и много бояръ. Владиміръ послалъ сказать Даніилу: «помоги мнѣ, братъ!»— Даніилъ, будучи увѣренъ въ расположеніи Владиміра, собралъ поспѣшно полки и пошелъ.—Михаилу было не подъ силу съ нимъ бороться, и онъ отступилъ отъ Кіева. Даніилъ пошелъ ко Владиміру; они отправились къ Чернигову и съ ними Мстиславъ Глѣбовичъ. Оттуда они пошли, опустошая землю, захватили много городовъ по Деснѣ; при этомъ они взяли Хороборъ, Сосницу, Сновскъ, много другихъ городовъ, и пришли къ Чернигову Мстиславъ и Черниговцы заключили миръ съ Даніиломъ и Владиміромъ; а жестокій былъ бой у Чернигова; и машину было поставили и бросали на далекое разстояніе каменья, такіе большіе, что ихъ съ трудомъ поднимали четверо сильныхъ людей. Оттуда съ миромъ пришли въ Кіевъ, но Изяславъ все-таки не переставалъ воевать; онъ призвалъ Половцевъ на Кіевъ. Даніилъ и его воины утомились; они опустошили всю Черниговскую область и военныя дѣйствія продолжались отъ Крещенія до Вознесенія; заключивъ миръ, вернулся въ Кіевъ. Половцы пришли къ Кіеву и опустошали землю Рускую. Даніилъ выбился изъ силъ и хотѣлъ идти домой лѣсною стороною. Владиміръ просилъ Мирослава ему помогать и говорилъ: «пойдемъ на невѣрныхъ Половцевъ». Половцы встрѣтили ихъ у Звенигорода. Владиміръ хотѣлъ вернуться, и Мирославъ совѣтовалъ то же; но Даніилъ сказалъ: «воину, вышедшему на бой, слѣдуетъ или получить побѣду, или пасть отъ непріятеля. Я васъ удерживалъ и теперь вижу, что вы имѣете робкую душу. Не говорилъ ли я вамъ, что не слѣдуетъ изнуреннымъ выходить противъ невредимыхъ? А теперь чего робѣете? Выходите противъ нихъ». У Торческаго встрѣтили много воиновъ половецкихъ и было упорное сраженіе. Даніилъ бросился было въ погоню за Половцами, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ обратились было въ бѣгство; тутъ подъ нимъ застрѣленъ его гнѣдой конь.—Даніилъ, видя, что его воины бѣгутъ и конь его застрѣленъ, и самъ бросился бѣжать. По умыслу безбожнаго Григорія Васильевича и Межибоговичей, захвачены въ Торческѣ Владиміръ, Мирославъ и много другихъ бояръ. Даніилъ прибѣжалъ въ Галичъ; тамъ находился Василько съ войскомъ; онъ встрѣтилъ брата. Борисъ Межибожскій, по совѣту Доброслава и Сбыслава, послалъ къ Даніилу сказать: «Изяславъ и Половцы идутъ ко Владиміру». А это былъ об-

манъ. Даніилъ послалъ брату сказать: «побереги Владиміръ».— Бояре Галицкіе, видя, что Василько удалился и съ добычею, возбудили смуты. Судиславъ Ильичъ сказалъ: «князь, Галичане обманываютъ тебя; не погуби себя, иди прочь». Даніилъ, узнавъ о зломъ умыслѣ бояръ, удалился въ Венгрію. Когда наступила зима, то Василько пошелъ къ Галичу, взявъ съ собою Поляковъ. Даніилъ пришелъ въ то время къ брату изъ Венгріи, и начали они войну, но, не доходя Галича, вернулись домой.

1235 годъ.

Галичане пришли на Каменецъ и съ ними всѣ Болховскіе князья, опустошили земли по Хомору и пошли къ Каменцу, захвативъ большую добычу. Въ это время Владиміръ послалъ на помощь Даніилу Торковъ и Даніила Нажировича. Бояре Даніила выѣхали изъ Каменца, соединились съ Торками и нагнали непріятелей. Побѣждены измѣнники Галичане; всѣ князья Болховскіе взяты и приведены во Владиміръ къ князю Даніилу. Когда наступило лѣто, то стали присылать Михаилъ и Изяславъ угрожая: «выдай нашихъ братьевъ, или прійдемъ на тебѣ войною». Даніилъ молился Богу и св. Николаю, и тотъ показалъ свое чудо. Михаилъ и Изяславъ привели на Даніила множество Поляковъ, Русскихъ и Половцевъ. Кондратъ остановился тамъ, гдѣ теперь стоитъ городъ Холмъ, и послалъ опустошать къ Червену. Воины Василька встрѣтили Поляковъ, сразились съ ними, захватили польскихъ бояръ и привели къ Даніилу въ Городокъ. Михаилъ стоялъ на подворьи, хотѣлъ соединиться съ Кондратомъ и поджидалъ Изяслава съ Половцами, но тѣ прійдя въ землю Галицкую, не хотѣли идти на Даніила, а, опустошивъ всю Галицкую землю, вернулись. Услыхавъ объ этомъ, Михаилъ возвратился въ Галичъ, а Кондратъ бѣжалъ въ Польшу ночью, и много его воиновъ потонуло въ Вепрѣ. По наступленіи лѣта, собравшись, пошли къ Галичу на Михаила и Ростислава; они затворились въ городѣ и у нихъ было множество Венгровъ. Вернувшись, опустошили они окрестности Звенигорода; но городъ, при всемъ своемъ желаніи, взять не могли: въ немъ находилась чудотворная икона Богородицы. Съ наступленіемъ весны пошли на Ятвяговъ и пришли къ Бресту. Наводнились рѣки, и не могли они идти на Ятвяговъ. Даніилъ сказалъ: «не слѣдуетъ, чтобы нашимъ отцовскимъ наслѣдіемъ владѣли Крестоносцы, рыцари храма», и пошли на нихъ съ большими силами. Въ мартѣ взяли они городъ, захватили старѣйшину Бруна и много воиновъ и, верну-

лись во Владиміръ. Въ томъ же году Даніилъ послалъ на Михаила къ Галичу; тотъ просилъ мира и далъ ему Перемышль. Въ слѣдующемъ году Даніилъ привелъ на Кондрата Литву Миндога и Изяслава Новгородскаго. Даніилъ въ то время отправился съ братомъ своимъ въ Венгрію къ королю: тотъ звалъ его въ гости. Въ то время императоръ Фридрихъ шелъ на герцога (Австрійскаго) войною. Даніилъ съ братомъ Василькомъ хотѣли идти герцогу на помощь, но король имъ не велѣлъ, и они вернулись въ свою землю.

Пришелъ Ярославъ Суздальскій и отнялъ Кіевъ у Владиміра, но не могъ его удержать и удалился снова къ Суздалю. Кіевъ занялъ Михаилъ, а въ Галичѣ оставилъ своего сына Ростислава. Перемышль отняли у Даніила. Между ними былъ то миръ, то война. Ростиславъ поѣхалъ въ поле; содѣйствіемъ Божіимъ поспѣшно пришло извѣстіе къ Даніилу,—онъ въ то время находился въ Холмѣ,—что Ростиславъ со всѣми боярами (въ подлинникѣ: *и пузники*, по что это значитъ? откровенно признаемся, не понимаемъ). Даніилъ съ своими воинами поспѣшилъ изъ Холма; на третій день былъ онъ у Галича. Любили его жители, и когда онъ подъѣхалъ къ городу и сказалъ: «граждане, долго ли вы еще будете терпѣть власть иноплеменныхъ князей»?—тѣ громко закричали: «ты нашъ владѣтель, Богомъ данный.—и пустились они какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику. Удерживали было народъ епископъ Артемій и *дворьскій* Григорій, но видя безполезность своихъ усилій, они вышли съ слезящимися, глазами, смиренными лицами и облизываясь, утративъ власть ихъ княженія. Сквозь зубы и какъ бы не хотя сказали они: «прійди, князь Даніилъ, возьми городъ». Даніилъ вошелъ въ свой наслѣдственный городъ, пришелъ въ храмъ Богородицы, занялъ престолъ своего отца и въ доказательство побѣды поставилъ на Нѣмецкихъ воротахъ свое знамя. На другой день пришло къ нему извѣстіе, что Ростиславъ пошелъ было къ Галичу, но, услыхавъ, что городъ взятъ, бѣжалъ въ Венгрію дорогою, которая идетъ на Барсуковъ горный хребетъ, пришелъ къ теплымъ водамъ, называемымъ Родна, и оттуда отправился въ Венгрію.—Бояре пришли, упали къ ногамъ Даніила и просили милости: «мы виноваты; держали другаго князя». Даніилъ имъ отвѣчалъ: «даю вамъ мою милость, только вторично этого не дѣлайте, чтобы не попасть въ худшее».—Даніилъ, узнавъ объ удаленіи Ростислава, послалъ за нимъ воиновъ: они преслѣдовали его до горъ и вернулись.

1237 годъ.

Нашествіе Батыя. Пришли безбожные сыны Измаила, которые прежде сразились съ Русскими князьями при Калкѣ. Сначала они пришли на землю Рязанскую и взяли Рязань силою оружія; они обманомъ захватили князя Юрія и повели его къ Пронску, гдѣ въ то время находилась его жена; обманомъ вывели ее оттуда и умертвили ее и мужа, истребили всѣхъ жителей, не щадя даже грудныхъ младенцевъ. Киръ Михайловичъ бѣжалъ съ своими людьми въ Суждаль и сообщилъ великому князю Юрію извѣстіе о нашествіи безбожныхъ сыновей Агари. — Услыхавъ о томъ, великій князь Юрій послалъ своего сына Всеволода со всѣми людьми; съ ними былъ и Киръ Михайловичъ. Батый устремился на Суздальскую землю. Всеволодъ встрѣтилъ его на Колодиѣ. Тутъ произошло сраженіе и много пало съ обѣихъ сторонъ. Всеволодъ побѣжденъ, бѣжалъ къ отцу и сказалъ ему о движеніи непріятелей противъ его городовъ. Князь Юрій, оставивъ свою жену и сына во Владимірѣ, вышелъ изъ города и сталъ собирать воиновъ; у него не было карауловъ, на него нечаянно напалъ нечестивецъ Бурондай, захватилъ городъ и князя Юрія убили. Батый стоялъ у города—жители отбивались мужественно. Татары стали говорить гражданамъ коварно: «гдѣ князья Рязанскіе, вашъ городъ и великій вашъ князь Юрій? Развѣ мы его не взяли руками и не предали смерти»? Услыхавъ это, почтенный епископъ Митрофанъ началъ со слезами говорить всѣмъ: «дѣти мои, не будемъ страшиться соблазновъ со стороны этихъ нечестивыхъ, не будемъ заботиться объ этой пустой и скоро минующей жизни, но позаботимся о той вѣчной жизни, которую мы будемъ весть вмѣстѣ съ ангелами. Если они возьмутъ нашъ городъ силою оружія и насъ предадутъ смерти, то я, дѣти мои, ручаюсь, что вы получите вѣнцы безсмертія отъ Христа Бога».—Слыша такое увѣщаніе, всѣ сражались еще храбрѣе. Татары поражали городъ осадными орудіями; стрѣлы сыпались безъ числа. Князь Всеволодъ, увидавъ такой сильный напоръ непріятеля, оробѣлъ; онъ былъ очень молодъ и выступилъ изъ города съ небольшою дружиною, неся множество даровъ. Онъ надѣялся на нихъ купить свою жизнь, но Батый, какъ свирѣпый звѣрь, не пощадилъ его молодости, велѣлъ его передъ собою зарѣзать и всѣхъ жителей избилъ.—Почтенный епископъ убѣжалъ въ церковь съ княгинею и дѣтьми, и безбожный Батый велѣлъ церковь зажечь и епископъ со всѣми, ушедшими туда, жителями сгорѣлъ; такъ они

свои души отдали Богу. Истребивъ городъ Владиміръ, Батый побралъ Суздальскіе города и пришелъ къ городу Козельску. Тамъ находился молодой князь по имени Василій. Безбожники Татары убѣдились, что жители рѣшились дать мужественный отпоръ и что обманомъ и коварствомъ съ ними ничего не сдѣлаешь. Жители Козельска сдѣлали между собою уговоръ — не сдаваться Батыю; они говорили: «Хотя князь нашъ и малолѣтенъ еще, но пожертвуемъ за него жизнью; и здѣсь, въ этомъ мірѣ, пріобрѣтемъ славу и тамъ въ небѣ пріймемъ вѣнки отъ Христа Бога».—Татары сражались около города, усиливались взять его, сокрушили они стѣны и вошли на валъ. Жители Козельска пожами рѣзались съ ними; потомъ они сговорились сдѣлать вылазку на полки татарскіе. Они бросились изъ города, истребили осадныя орудія Татаръ, напали на нихъ и истребили ихъ четыре тысячи; но и сами всѣ пали. Батый, взявъ городъ, истребилъ всѣхъ жителей, не щадя даже грудныхъ младенцевъ. Что сдѣлалось съ княземъ Василіемъ—неизвѣстно: нѣкоторые говорятъ, что онъ, какъ еще маленькій, утонулъ въ крови. Съ тѣхъ поръ Татары и не называютъ Козельскъ иначе какъ злой городъ, такъ какъ они сражались подъ нимъ семь недѣль. У Татаръ убили трехъ сыновей *темниковъ* (начальниковъ полка въ 10 тыс. чел.) Татары ихъ искали и не могли найдти; такъ много было труповъ! Батый взялъ Козельскъ и пошелъ въ землю Половецкую. Оттуда онъ началъ разсылать войска на русскіе города; приступомъ взятъ Переяславль, жители его истреблены, церковь архангела Михаила разрушена, взято безчисленное множество церковныхъ сосудовъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, а епископъ Симеонъ убитъ. Около этого же времени Батый прислалъ своихъ воиновъ и на Черниговъ: съ огромными силами обступили Татары городъ. Мстиславъ Глѣбовичъ, слыша о нападеніи иноплеменниковъ, со всѣми воинами пришелъ на нихъ. Въ происшедшемъ сраженіи Мстиславъ побѣжденъ и много его воиновъ избито. Татары взяли и сожгли Черниговъ; епископа захватили живаго и повели его въ Глуховъ. Менгуканъ пришелъ посмотрѣть на городъ Кіевъ и остановился на противуположномъ берегу Днѣпра у города Песочнаго. Увидавъ Кіевъ, удивился Менгуканъ его красотѣ и величію. Онъ прислалъ пословъ къ Михаилу и гражданамъ, желая ихъ обмануть, но они его не послушали.

1238 годъ.

Михаилъ убѣжалъ отъ Татаръ вслѣдъ за сыномъ своимъ въ

Венгрію. Ростиславъ Мстиславичь Смоленскій занялъ Кіевъ. Давидъ пошелъ на него, схватилъ, а въ Кіевѣ оставилъ Дмитра, поручивъ ему защищать городъ отъ Татаръ. Когда Мстиславъ бѣжалъ изъ Кіева въ Венгрію, Ярославъ пріѣхалъ, захватилъ его жену и бояръ и взялъ городъ Каменецъ. Услыхавъ объ этомъ, Даніилъ послалъ къ немуословъ сказать: «отпусти ко мнѣ сестру, потому что Михаилъ намъ обоимъ замышляетъ зло». Ярославъ исполнилъ желаніе Даніила; сестра вернулась къ братьямъ Василько и Даніилу и тѣ держали ее въ большой чести.

Король Венгерскій не отдалъ своей дочери за Ростислава и выгналъ его отъ себя; тогда Михаилъ съ сыномъ удалились въ Польшу къ своему дядѣ по матери Кондрату. Михаилъ прислалъ словъ къ Даніилу и Василько сказать: «Много виноватъ я передъ вами и много зла вамъ надѣлалъ; что обѣщалъ, того не исполнилъ. Если когда и хотѣлъ жить съ тобою мирно и согласно, то не допускали измѣнники Галичане. А теперь я даю тебѣ клятву—никогда съ тобою не ссориться». Даніилъ и Василько перестали помнить зла, пригласили Михаила изъ Польши и отдали ему назадъ свою сестру.—Даніилъ, по совѣту съ братомъ, обѣщалъ Михаилу Кіеву, а сыну Михаила—Ростиславу отдалъ Луцкъ. Михаилъ, опасаясь Татаръ, не рѣшался идти въ Кіевъ. Даніилъ и Василько позволили ему ѣздить по своей землѣ и дали ему много пшеницы, меду, скота и овецъ. Михаилъ, узнавъ, что Кіевъ взятъ Татарами, бѣжалъ и съ сыномъ своимъ въ Польшу къ Кондрату. Когда Татары стали приближаться, онъ и тутъ не остался, а отправился въ землю Воротиславскую и пришелъ къ Нѣмецкому городу, называемому Середа. Нѣмцы, видя, что у Михаила много имущества, избили его людей --при этомъ и внука его лишились жизни. Михаилъ оставался назади и съ большою горестью узналъ о случившемся. Татары уже пришли и сражались съ Пидриховичемъ. Михаилъ вернулся назадъ къ Кондрату.

1239—1240 годы.

Батый пришелъ къ Кіеву съ громадными силами; Татары окружили городъ, обнесли его заборомъ изъ столбовъ и городъ подвергся тяжкой осадѣ. Невозможно было слышать голоса отъ скрипа Татарскихъ телѣгъ и отъ рева верблюдовъ и ржанія коней. Вся земля Руская наполнилась непріятелей. Схватили Татарина, именемъ Таврула и тотъ передалъ подробности о силахъ Татаръ. Главными начальниками были братья Батыя Урдюй, Бай-

даръ, Бирсой, Кайданъ, Бечакъ. Менгу и Кююкъ (онъ, услыхавъ о смерти Хана, вернулся, сдѣлался Ханомъ, хотя былъ не изъ его роду, а только главнымъ военачальникомъ) Бѣдяй Богатуръ и Бурундай Багатырь, тотъ самый что завоевалъ земли Болгарскую и Суздальскую; безчисленное множество было военачальниковъ, имена которыхъ мы здѣсь не приводимъ. Батый приставилъ къ городу стѣнобитныя орудія подлѣ Польскихъ воротъ; тутъ подходили овраги, покрытые кустарникомъ. Орудія дѣйствовали день и ночь и разбили стѣны. Тамъ-то можно было видѣть ломаніе копьевъ и стукъ щитовъ одинъ о другой. Стрѣлы, летѣвшія тучею, затмили побѣжденнымъ свѣтъ. Дмитръ былъ раненъ. Татары заняли стѣны и оставались на нихъ день и ночь. Жители возвели новое укрѣпленіе около храма св. Богородицы. На другой день Татары напали на него, произошло упорное сраженіе; люди и съ своимъ имуществомъ вбѣжали на верхи церквей; отъ тяжести подломились стѣны и укрѣпленіе взято непріятелями. Дмитра взяли Татары, но не умертвили за его мужество. Даніилъ отправился въ Венгрію къ королю; онъ еще не слыхалъ о приходѣ Татаръ къ Кіеву. Батый по взятіи Кіева услыхавъ, что Даніилъ въ Венгріи, пошелъ ко Владиміру; онъ пришелъ къ городу Колодяжну, поставилъ около него 12 осадныхъ орудій, но не могъ разбить стѣны и старался дѣйствовать на жителей убѣжденіями; они, послушавъ его коварныхъ совѣтовъ, сдались и избиты. За тѣмъ Батый пришелъ къ Каменцу, и Изяславлю и взялъ ихъ. Видя невозможность взять Каменецъ, городъ Даніиловъ, Батый отошелъ отъ него и пришелъ ко Владиміру, взялъ его приступомъ, никого не пощадивъ, истребилъ жителей. Таже участь постигла городъ Галичъ и много другихъ городовъ, которыхъ и счесть не возможно.—Дмитръ, Кіевскій тысяцкій Даніила, сказалъ Батыю: «довольно тебѣ трудиться въ этой землѣ, иди скорѣе на Венгрію; а если ты будешь медлить, то земля та сильная, соберутся на тебя и не пустятъ тебя въ свою землю». А онъ говорилъ такъ нарочно, видя, что земля Руская гибнетъ отъ нечестивыхъ Татаръ. Батый послушалъ совѣта Дмитрова и двинулся въ Венгрію. Король Бела и Коломанъ встрѣтили его на рѣкѣ Солоной. Въ произшедшемъ сраженіи Венгры побѣждены и Татары гнали ихъ до рѣки Дуная. Три года послѣ побѣды оставались Татары въ Венгріи. Еще прежде Даніилъ ѣздилъ къ королю Венгерскому, желая съ нимъ породниться сватовствомъ, но не поладили что-то они. Даніилъ вернулся отъ короля и пріѣхалъ въ Синоволодьско, въ монастырь св. Богородицы.

На другой день, когда онъ всталъ, увидалъ толпы бѣгущихъ отъ Татаръ и вернулся назадъ въ Венгрію; пройдти въ землю Рускую ему было невозможно, потому что онъ имѣлъ съ собою очень мало воиновъ. Сына онъ оставилъ въ Венгріи, не рѣшаясь его ввѣрить непостояннымъ Галичанамъ, а самъ черезъ Бардуевъ отправился въ Польшу и пришелъ въ Судомиръ. Услыхавъ, что его жена, братъ и дѣти бѣжали изъ земли Руской въ Польшу отъ Татаръ, онъ сталъ ихъ искать и нашелъ на рѣкѣ, называемой Полькою. Съ радостью видѣлись они и съ горемъ разсказывали другъ другу про разореніе земли Руской и взятіе ея городовъ иноплеменниками. Затѣмъ Даніилъ отправился въ Мазовскую землю къ Болеславу, сыну Кондрата. Болеславъ далъ ему Вышгородъ, гдѣ Даніилъ и оставался, пока не получено извѣстіе объ удаленіи Татаръ изъ земли Руской; тогда Даніилъ вернулся въ свою землю. Пришелъ Даніилъ къ городу Дорогичину и хотѣлъ войдти въ него, но его не пустили. Онъ сказалъ: «да вѣдь это городъ мой и отцовъ моихъ». «А ты всетаки не войдешь» былъ отвѣтъ—дѣлать нѣчего, пришлось удалиться, но впослѣдствіи Богъ отомстилъ владѣльцу этого города и отдалъ его во власть Даніила. Обновивъ его, онъ построилъ прекрасную церковь св. Богородицы и сказалъ: «это—мой городъ, я его взялъ прежде силою оружія. Даніилъ съ братомъ пришли къ Бресту, а въ поле идти не могли, вслѣдствіе сильнаго смрада отъ множества труповъ убитыхъ. Во всемъ Владимірѣ не оставалось ни одного живаго человѣка; церковь св. Богородицы была полна труповъ, а также и другія церкви. Потомъ Михаилъ ушелъ и съ сыномъ своимъ изъ Польши отъ своего дяди во Владиміръ, оттуда отправился въ Пинскъ—Ростиславъ Владиміровичъ пришелъ къ Даніилу въ Холмъ—его спасъ Богъ отъ нечестивыхъ Татаръ. Ростиславъ оправдался и доказалъ, что онъ не дѣйствовалъ за одно съ Михаиломъ; а тотъ дурно отплатилъ Даніилу и Василько за ихъ услуги, но проѣхалъ ихъ землю и посла даже не прислалъ. Онъ пришелъ къ Кіеву и жилъ подъ Кіевомъ на островѣ, а Ростиславъ отправился въ Черниговъ.

Левъ, сынъ Даніиловъ, вышелъ изъ Венгріи съ боярами галицкими и пріѣхалъ въ Водаву къ своему отцу; тотъ ему очень обрадовался. Галицкіе бояре называли Даніила своимъ княземъ, а сами завладѣли всею землею. Доброславъ, присвоивъ себѣ власть князя и Судьичъ, внукъ священника, грабили всю страну. Онъ вошелъ въ Бакоту и безъ приказанія князя, захватилъ все Попизье. Григорій Васильевичъ мыслилъ присвоить всю землю Перемышльскую.

Отъ нихъ, бояръ, были въ землѣ великая смута и грабежъ. Даніилъ, узнавъ о томъ, сильно пожалѣлъ и послалъ своего сотника Якова сказать Доброславу: «я вашъ князь, а вы моего повелѣнія неисполняете и грабите страну. Тебѣ, Доброславъ, не приказалъ я принимать черниговскихъ бояръ, но роздать владѣніе галицкимъ, а доходы съ Коломыйской соли собирать на меня». Доброславъ отвѣчалъ: «хорошо, я такъ сдѣлаю». Въ то время когда Яковъ, посланный князя Даніила, сидѣлъ у Доброслава, пришли Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, два человѣка рабскаго племени, нарушители закона и поклонились Доброславу въ землю. Яковъ удивился и спросилъ: «за что они ему поклонились»? Доброславъ отвѣчалъ: «я имъ далъ Коломыю». Яковъ ему сказалъ: «какъ ты можешь отдавать Коломыю безъ княжескаго повелѣнія, а князья держатъ Коломыю, чтобы доходами ея содержать вооруженныхъ людей, а эти не заслуживаютъ, чтобы имъ дать и Вотьпино». Доброславъ усмѣхнулся и сказалъ: «что мнѣ отвѣчать тебѣ на это»? Яковъ пріѣхалъ и разсказалъ все это князю Даніилу. Тотъ огорчался и молился Богу о своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, что эти безбожники, бояре, себѣ ихъ присвоили. Немного времени прошло—прислалъ Доброславъ—сказать Даніилу на Григорія: «онъ тебѣ измѣнникъ», такъ какъ Григорій ему, Доброславу, противился, а онъ хотѣлъ одинъ захватить всю землю. Пріѣхали они, перессорясь, судиться. Доброславъ ѣхалъ въ одной сорочкѣ, гордясь и на землю не смотря, у стремени его шли Галичане. Даніилъ и Василько, видя гордость Доброслава, стали питать къ нему еще больше нерасположенія. Доброславъ и Григорій взводили одинъ на другаго разныя обвиненія. Даніилъ, видя въ ихъ словахъ одинъ обманъ и то, что они не хотятъ быть въ его волѣ и замышляютъ отдать его владѣнія другому—по совѣту съ братомъ и вынужденный крайностью, видя ихъ беззаконіе, велѣлъ ихъ задержать.

1241 годъ.

Ростиславъ собралъ князей Болоховскихъ и остатокъ Галичанъ и пришелъ къ Бакотѣ Тамъ находился *печатникъ* Кириллъ, посланный княземъ Даніиломъ и Васильком переписать (привесть въ извѣстность) грабительства почестивыхъ бояръ; онъ успокоилъ землю. Послѣ сраженія у воротъ, Ростиславъ отступилъ и хотѣлъ убѣдить Кирилла словами; но тотъ отвѣчалъ: «такъ вы платите вашимъ родичамъ за ихъ благодѣянія? Не помните того, что когда

васъ, тебя съ отцомъ, король Венгерскій выгналъ изъ своей земли, то вамъ, мои повелители, а твои дядья дали пріютъ, съ какимъ почетомъ обошлись съ твоимъ отцомъ, обѣщали ему Кіевъ, тебѣ дали Луцкъ, мать и сестру твою освободили изъ власти Ярослава и возвратили ихъ отцу». И много другихъ умныхъ словъ говорено тутъ было: но видя, что Ростиславъ остается при своемъ, Кириллъ вышелъ на него съ пѣшими воинами, а тотъ, увидавъ это, пошелъ прочь. Такъ Кириллъ своимъ умомъ и твердостью удержалъ Бакоту, а Ростиславъ удалился за Днѣпръ. Даніилъ, услыхавъ, что князья Болоховскіе проходили съ Ростиславомъ на Бакоту, устремился на нихъ: города ихъ предалъ огню и укрѣпленія разорилъ, а князь Василько оставался оберегать землю отъ Литвы, а своихъ воиновъ послалъ съ братомъ. Даніилъ, захвативъ огромную добычу, вернулся; онъ взялъ города: Деревичъ, Губинъ, Кобудъ, Кудинъ, Городецъ, Бужескій, Дядьковъ. Пришелъ и Кириллъ, печатникъ князя Даніила, съ тремя тысячами пѣшихъ воиновъ и тремя стами конныхъ; они то и взяли городъ Дядьковъ. Они опустошили огнемъ и мечемъ землю Болоховьскую, а Татары пощадили было ее для того, чтобы жители сѣяли на нихъ пшеницу и просо. А Даніилъ именно за то больше и сердился на нихъ, что они возлагали надежды на Татаръ. Князей Болоховскихъ Даніилъ избавилъ изъ рукъ Болеслава, князя Мазовскаго. Тотъ говорилъ: «зачѣмъ вошли они въ мою землю, которой я имъ не давалъ»? Даніилъ защищалъ ихъ, говоря: «то не твои воины, но особенные князья». Поляки хотѣли ихъ ограбить, а тѣ обѣщались служить. По ихъ просьбѣ Даніилъ и Василько хотѣли изъ-за нихъ вести войну; но Василько ѣздилъ самъ, упросилъ Болеслава и далъ ему много даровъ за освобожденіе Болховскихъ князей. А тѣ во всякомъ случаѣ не помнили сдѣланнаго имъ благодѣянія и тутъ-то Богъ отмстилъ имъ, такъ какъ у нихъ все было ограблено. Даніилъ, по милости Божіей, вернулся домой къ брату съ побѣдою. Ростиславъ не отказался отъ своего умысла, но, собравъ воиновъ и взявъ съ собою измѣнника Володислава, пошелъ на Галичъ. Онъ пришелъ къ Домамировой Печерѣ; Володиславъ соблазнилъ жителей и они покорились Ростиславу. Оттуда пошли къ Галичу и Володиславъ хвалился Ростиславу: «Галичъ твой», а самъ сдѣланъ тысяцкимъ. Даніилъ и Василько, слыша объ этомъ, собрали воиновъ и поспѣшно пошли на нихъ. Не стерпѣлъ Ростиславъ и бѣжалъ отъ Галича до Щекотова, а съ нимъ Артемій, галицкій епископъ и много другихъ жителей Га-

лича. Даніилъ и Василько гнались за Ростиславомъ, когда получили извѣстіе, что Татары идутъ изъ Венгерской земли въ Галицкую. Этому обстоятельству Ростиславъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ, а нѣсколько человѣкъ изъ его бояръ захватили. Даніилъ, водворя порядокъ въ странѣ, поѣхалъ до Бакоты и Калiуса, а Василько отправился во Владиміръ. Даніилъ послалъ въ Перемышль дворецкаго на Константина Рязанскаго, посланнаго Ростиславомъ; тамъ заводилъ смуты епископъ перемышльскій. Константинъ, услыхавъ, что Андрей, дворецкій Даніила, идетъ на него, бѣжалъ ночью. Андрей его не нагналъ, но нагналъ епископа, ограбилъ его гордливыхъ слугъ, разсервалъ на нихъ бобровыя шапки, а его самого схватили и привели къ Даніилу связаннаго.

1243 годъ.

Татары нагнали Ростислава въ Борку, онъ бѣжалъ въ Венгрію и король Венгерскій отдалъ за него *вторично* (?) свою дочь. Даніилъ находился въ Холмѣ, когда къ нему прибѣжалъ Половецъ по имени Актай и сказалъ: «Батый идетъ изъ Венгріи назадъ и отрядилъ двухъ богатырей—Маймана и Балая сыскать тебя». Даніилъ велѣлъ запереться жителямъ Холма и поѣхалъ къ брату Василько, взявъ съ собою митрополита Кирилла. Татары опустошали до Влодавы и около озеръ и надѣлали много вреда.

1245 годъ.

Михаилъ, слыша, что король отдалъ дочь за его сына, бѣжалъ въ Венгрію. Король Венгерскій и сынъ Михаила Ростиславъ оказали ему мало почести. Онъ разсердился на сына, вернулся въ Черниговъ: оттуда поѣхалъ къ Батыю, прося у него владѣній. Батый сказалъ: «поклонись закону отцовъ нашихъ». Михаилъ отвѣчалъ: «хотя Богъ за наши грѣхи и отдалъ насъ и область нашу въ ваши руки, тебѣ кланяемся и оказываемъ должную почесть по закону отцовъ твоихъ не поклонимся, и нечестиваго и богопротивнаго твоего повелѣнія не исполнимъ». Батый разсвирѣпѣлъ какъ лютый звѣрь и велѣлъ зарѣзать великаго князя Михаила. Онъ зарѣзанъ нечестивымъ и проклятымъ Доманомъ; съ Михаиломъ вмѣстѣ лишенъ жизни и боярин его Феодоръ.

Даніилъ и братъ его Василько начали войну съ Болеславомъ, польскимъ княземъ; они вошли въ землю Польскую четырьмя путями: самъ Даніилъ опустошалъ окрестности Люблина, Василько по рѣкамъ Изьолы и Ладѣ, около Бѣлой, дворскій Андрей по рѣкѣ

Сану, а Вышата опустошалъ Подгорье. Набравъ добычи и плѣнныхъ, они возвратились. Потомъ снова выступили и опустошили землю Люблинскую до рѣкъ Вислы и Сана. Когда пріѣхали подъ Завихвостъ; то князь Василько пустилъ стрѣлу черезъ рѣку Вислу, а черезъ нее перейдти не было возможности, вслѣдствіе разлива и вернулись они, забравъ много добычи. Не много времени спустя пришли Поляки и опустошили окрестности Андреева. Услыхавъ объ ихъ приходѣ Даніилъ и Василько собрали свои силы, велѣли приготовить орудія и машины, нужныя для осады города и подступили къ Люблину. Въ одинъ день пришли они изъ Холма къ этому городу и привезли осадныя орудія. Стрѣлы и пращи падали какъ дождь на городъ и Поляки, видя такое сильное нападеніе со стороны Русскихъ, стали просить пощады. Даніилъ и Василько согласились на ихъ желаніе только съ тѣмъ, чтобы они не помогали своему князю. Тѣ обѣщались. Даніилъ и его братъ воротились, опустошивъ всю ту страну. Ростиславъ просился усильно у тестя на Перемышль: пришелъ туда и собралъ туда множество поселянъ. Даніилъ и Василько, услыхавъ объ этомъ, послали Даніилова сына Льва, столь юнаго, что ему и въ сраженіе еще вступать невозможно было, племянника Всеволода, Андрея, Якова и другихъ бояръ. Въ происшедшемъ на рѣкѣ Сѣчьницѣ сраженіи побѣдилъ Ростиславъ, такъ какъ у него много было пѣхоты. Андрей и Яковъ сражались храбро, но Всеволодъ имъ не помогъ и бросился бѣжать; а Андрей и Яковъ послѣ упорнаго сраженія удалились невредимыми. Даніилъ, получивъ о томъ извѣстіе, собралъ множество пѣшихъ воиновъ и прогналъ Ростислава въ Венгрію.

1246 годъ.

Пришелъ Апшьвпо Рушковичъ и опустошилъ окрестности Пересопницы. Даніилъ и Василько отправились въ Пинскъ и упредили его приходъ туда. Когда подошли Литовцы, то князья вышли противъ нихъ изъ города. Язычники сначала было вздумали сопротивляться, но потомъ побѣжали, не выдержавъ нападенія Русскихъ и въ бѣгствѣ падали съ коней. Василько первый привелъ къ брату плѣнныхъ. Большая часть воиновъ Рушковича избита и онъ съ весьма немногими бѣжалъ. Въ Пинскѣ сильно радовались побѣдѣ Даніила и Василька; при помощи Божіей они отняли у Литовцевъ всю ихъ добычу.

1247 годъ.

Литовцы опустошали окрестности Мельницы, Лековны и захва-

тили большую добычу. Даніилъ и Василько преслѣдовали до Пинска. Литовцамъ изъ Пинска далъ вѣсть о томъ Михаилъ. Литовцы сдѣлали около себя въ лѣсу засѣку. Даніилъ и Василько пришли къ нимъ и *дворскій* Яковъ съ своими воинами. Литовцы, не повѣривъ Михаилу, вышли изъ своего лагеря. По милости Божіей Литовцы обращены въ бѣгство, избиты и у нихъ отняли всю добычу, а самъ Лонкогвеній раненый бѣжалъ. Пришло извѣстіе Даніилу и Василько и сильная радость была въ городѣ Пинскѣ. Еще прежде похода Даніила въ Черниговъ, когда онъ находился въ Галичѣ, а Василько во Владимірѣ (въ 1248 году), Ятвяги пришли грабить около Охожа и Бусовна и опустошили всю ту страну. Въ то время городъ Холмъ не былъ еще построенъ Даніиломъ. Василько бросился изъ Владиміра преслѣдовать Ятвяговъ и на третій день по выходѣ изъ Владиміра, онъ нагналъ ихъ у Дорогычина; они сражались у воротъ этого города. Василько пришелъ на нихъ; они обернулись къ нему на встрѣчу, но не вытерпѣли и бѣжали; однихъ князей у нихъ убито сорокъ, а простыхъ воиновъ многое множество. Василько послалъ къ брату въ Галичъ плѣнныхъ и извѣстіе объ этой побѣдѣ распространило тамъ живѣйшую радость. Василько былъ средняго роста, но великъ умомъ и храбростью; не разъ самъ онъ побѣждалъ язычниковъ, а то Даніилъ и Василько посылали противъ нихъ часто: такъ посланными отъ нихъ убиты Скомондъ и Борутъ, злые непріятели. Скомондъ былъ гадатель и волшебникъ, а быстръ какъ хищный звѣрь; пѣшкомъ ходя, разорилъ онъ землю Пинскую и другія страны; этотъ нечестивый убитъ и голова его воткнута на колъ. И въ другія времена избиваемы были язычники; но мы о нихъ не упоминаемъ, именно вслѣдствіе самого множества.

1249 годъ.

Ростиславъ просилъ своего тестя короля дать ему воиновъ противъ Даніила. Взявъ воиновъ, Ростиславъ пошелъ въ Польшу и просилъ вдову Лестка послать съ нимъ воиновъ, что та и исполнила. Знатнѣйшіе бояре и другіе люди бѣжали изъ своей земли, желая идти къ Даніилу. Узнавъ о томъ, что Ростиславъ вышелъ изъ Венгріи и желая выслужиться у сына Лесткова и его матери, они отправились на помощь Ростиславу; не много времени спустя старшій изъ этихъ Поляковъ Тверьянъ захваченъ Даніиломъ. Ростиславъ пришелъ къ Ярославлю; тамъ находились люди Даніила и Василька и много бояръ. Видя крѣпость города, Ростиславъ

двинулся къ Перемышлю. Собравъ много тамошнихъ жителей и забравъ машины и осадныя орудія, Ростиславъ устроилъ войско и пошелъ къ Ярославлю, оставивъ за собою Перемышль и думая: «не возьму Ярославль, такъ этотъ мнѣ останется». Когда онъ подошелъ къ городу, то встрѣтилъ сильное сопротивленіе; онъ приказалъ своимъ воинамъ беречься, пока не будутъ изготовлены и употреблены въ дѣло осадныя орудія. Ростиславъ, хвалясь передъ своими воинами, говорилъ: «знай я—гдѣ Даніилъ и Василько, то хоть съ десятью воинами, а поѣхалъ бы противъ нихъ». Онъ устроилъ передъ городомъ, для забавы, турниръ и когда сразился съ Воршемъ, то подъ нимъ упалъ конь и онъ вывихнулъ себѣ плечо; это предзнаменованіе было ему не къ добру. Даніилъ и Василько, узнавъ о нападеніи Ростислава, помолились Богу, начали собирать воиновъ и послали Кондрату сказать: «за тебя напали на насъ Поляки, такъ какъ мы тебѣ помогали». Кондратъ прислалъ вспоможеніе. Даніилъ и Василько послали и въ Литву просить помощи, и Миндовгъ прислалъ имъ вспоможеніе. Но то и другое еще не пришло, а Богъ оказалъ помощь, чтобы показать, что побѣда отъ Него, а не отъ помощи людей. Даніилъ и Василько, собравъ поспѣшно воиновъ, выступили въ походъ; впередъ они послали Андрея—успокоить жителей надеждою на близкую выручку. Когда войско подходило къ рѣкѣ Сану и остановилось на полѣ вооружиться, вдругъ надъ нимъ показалось явленіе: явилось множество орловъ и вороновъ въ видѣ большаго облака. Птицы играли и орлы, распустивъ крылья—клокотали и носились по воздухѣ, такъ какъ этого еще никогда не бывало. Явленіе это было къ хорошему. Когда вооружилось войско, то Даніилъ пошелъ къ рѣкѣ Сану. Бродъ былъ очень глубокъ. Впереди пріѣхали Половцы; у рѣки видѣли они стадо и безъ караульныхъ, но разграбить не смѣли безъ княжескаго повелѣнія. Увидавъ непріятеля, жители поспѣшили загнать стада въ лагери. Даніилъ и Василько немедленно перешли рѣку и, устроивъ конныхъ и пѣшихъ воиновъ въ боевой порядокъ, пошли къ городу.—Левъ былъ еще очень молодъ и Даніилъ поручилъ его тщательной заботѣ храбраго боярина Василька. Ростиславъ, увидавъ приближеніе непріятеля, устроилъ своихъ воиновъ: Русскихъ, Венгровъ и Поляковъ въ боевой порядокъ и выступилъ впередъ. Пѣхоту онъ поставилъ напротивъ городскихъ воротъ, чтобы жители не вышли изъ города на помощь Даніилу и не разрушили бы осадныя орудія. Ростиславъ съ войскомъ перешелъ глубокій оврагъ и двинулся на Даніила. Андрей дворскій

усиливался не допустить непріятеля къ Даніилу и поспѣшилъ храбро сразиться съ войскомъ Ростислава. Даніилъ послалъ Ростиславу на помощь 20 человѣкъ отборныхъ людей. Василій Глѣбовичъ, Всеволодъ Александровичъ, Мстиславъ не стали помогать Андрею и бросились бѣжать назадъ къ рѣкѣ Сану. Андрей, хотя у него осталось немного воиновъ, мужественно сопротивлялся непріятелю. Даніилъ видѣлъ, что Поляки идутъ храбро на Василька и громкимъ голосомъ поютъ: «Господи помилуй» и что приближаются главныя силы Ростислава. Между тѣмъ въ заднемъ полку стоялъ съ знаменемъ Филя. Онъ говорилъ: «Рускіе стремительны въ нападеніи, но если выдержимъ ихъ напоръ, то у нихъ не хватитъ надолго ни мужества, ни силы въ бою».—Даніилъ бросился на Филю съ Яковомъ Марковичемъ и Шельвомъ. Шельвъ сброшенъ съ лошади и самого Даніила схватили было, но онъ вырвался изъ рукъ; видя, что одинъ Венгръ спѣшитъ на помощь Филѣ, Даніилъ ударилъ его копьемъ; остріе переломилось въ тѣлѣ. Венгръ упалъ съ лошади и испустилъ дыханіе. Юный Левъ о того же Филю изломалъ копье. Даніилъ скоро вернулся противъ Филѣ, истребилъ его полкъ и знамя разорвалъ пополамъ. Видя это, Ростиславъ бѣжалъ и Венгры послѣдовали его примѣру.—Василько сразился съ Поляками; тѣ бранились и говорили: «погонимъ этихъ длиннобородыхъ».—Василько сказалъ: «ваши слова ложь; Богъ нашъ помощникъ». Съ этими словами онъ ударилъ коня и бросился впередъ. Поляки не устояли и бросились бѣжать. Даніилъ преслѣдовалъ Венгровъ и Рускихъ черезъ глубокій оврагъ, поражая ихъ и безпокоился о братѣ, незная гдѣ онъ; но увидавъ, что его знамя преслѣдуетъ Поляковъ, очень обрадовался. Онъ остановился на курганѣ противъ города и тутъ пріѣхалъ къ нему Василько. Даніилъ хотѣлъ преслѣдовать непріятеля, но Василько не допустилъ его. Ростиславъ, узнавъ объ этомъ, бросился бѣжать. Много Венгровъ и Поляковъ избито, а много взято въ плѣнъ. Гордый Филя взятъ дворскимъ Андреемъ, приведенъ къ Даніилу и казненъ отъ него смертью. Жпрославъ привелъ Володислава, злого возмутителя земли, въ тотъ же день онъ убитъ и много Венгровъ перебито въ раздраженіи гнѣва. Даніилъ и Василько не пошли въ городъ; они со Львомъ остановились на полѣ сраженія среди труповъ въ доказательство своей побѣды. И ночью пріѣхали воины, таща съ собою большую добычу. Во всю ночь не переставали они перекликаться, отыскивая другъ друга. Богъ оказалъ свою милость и даровалъ Даніилу побѣду наканунѣ дня Св.

мучениковъ Флора и Лавра, Даніилъ предалъ огню укрѣпленія, возведенныя Ростиславомъ, а самъ отправился въ городъ Холмъ, имъ самимъ построенный со множествомъ плѣнныхъ. Тутъ пріѣхали Литовцы и Поляки Кондрата на помощь Даніилу, но такъ какъ сраженіе уже окончилось, то они и воротились домой, а Ростиславъ бѣжалъ въ Польшу и, взявъ жену свою, отправился въ Венгрію. А онъ изъ Венгріи пришелъ и въ Польшу ходилъ съ мыслью взять Галичь и владѣть имъ, но Богъ за его высокіе замыслы не исполнилъ его желанія.

1250 годъ.

Могучѣй прислалъ къ Даніилу и Василько—а они находились въ то время въ Дороговійскѣ—сказать имъ: «отдайте Галичь». Даніилъ былъ въ большомъ горѣ; не успѣлъ онъ еще обезопасить свою землю крѣпостями. Онъ посовѣтовался съ братомъ и отправился къ Батыю со словами: «не дамъ того, что въ половину наслѣдіе моего отца, а поѣду къ Батыю самъ. Выѣхалъ онъ на праздникъ св. Димитрія и пріѣхалъ въ Кіевъ, а Кіевомъ правилъ Ярославъ черезъ своего боярина Дмитра Ейковича. Онъ отправился въ Выдубецкій монастырь Архистратига Михаила, созвалъ монаховъ, просилъ ихъ и настоятеля молить за него Богу, чтобы онъ послалъ ему милость. Изъ монастыря Даніилъ выѣхалъ въ лодкѣ. Когда онъ пріѣхалъ къ Переяславлю, тутъ встрѣтили его Татары. Оттуда отправился онъ къ Куремсѣ и тутъ онъ убѣдился собственными глазами, что мало добраго въ Татарахъ. Сильно горевалъ онъ въ душѣ, видя до какой степени они во власти діавола. Они—приходившихъ къ нимъ царей, князей и вельможъ водили около куста и заставляли кланяться солнцу, лунѣ, землѣ, діаволу, умершимъ ихъ отцамъ, матерямъ и дѣдамъ. Пришелъ къ Даніилу, человѣкъ Ярослава, Сунгуръ и говорилъ ему: «братъ твой Ярославъ кланялся кусту и ты долженъ ему поклониться». Но Даніилъ велѣлъ ему замолчать. Позванный Батыемъ Даніилъ былъ освобожденъ отъ ихъ нечестивыхъ и волшебныхъ обрядовъ, поклонился по ихъ (Татаръ) обычаю и вошелъ въ ихъ палатку.—Батый сказалъ ему: Даніилъ, что ты не приходилъ давно, но хорошо хоть теперь пришелъ. Пьешь-ли черное молоко, наше питье, кобылій кумысъ»?—Даніилъ отвѣчалъ: «до сихъ поръ не пилъ, а велишь ты, буду пить».—Батый на это ему сказалъ: «ты уже нашъ Татаринъ, пей»! Даніилъ выпилъ, поклонился по татарскому обычаю и сказалъ: «иду поклониться великой княгинѣ

Баракчиновой».—Батый ему отвѣтилъ: «ступай».—Даніилъ отправился и поклонился по обычаю. Батый прислалъ ему *чюмъ* (?), вина и велѣлъ сказать: вы непривыкли пить молоко, такъ вотъ вамъ ваше питье. О величайшее зло эта честь Татарская! Тотъ, чей отецъ былъ царемъ Руской земли, покорилъ Половецкую землю и внесъ войну во всѣ окрестныя страны, того сынъ не получилъ почести; кто же другой можетъ ее получить?—Злобѣ и коварству Татаръ нѣтъ границъ. Ярослава, великаго князя Суздальскаго, они отравили ядомъ, Михаила, князя Черниговскаго, не поклонившагося кусту, съ его боярином Ѳеодоромъ зарѣзали ножемъ: много избито было князей и бояръ. Даніилъ пробылъ у Татаръ двадцать пять дней, отпущенъ ими и вся его земля поручена ему. Онъ вернулся въ свою землю, встрѣтили его братъ и сыновья; обиду его оплакивали, но всего болѣе радовались его возвращенію здоровымъ. Въ эту же зиму Кондратъ прислалъ посла за Василькомъ сказать: «пойдемъ вмѣстѣ на Ятвяговъ.» Выпалъ снѣгъ, сдѣлалось холодно, не могли идти и вернулись на Нурѣ. По всѣмъ странамъ разнеслось извѣстіе, что Даніилъ вернулся изъ земли Татаръ и что Богъ сохранилъ его. Въ этомъ же году король Венгерскій прислалъ сказать Даніилу: «возьми мою дочь за твоего сына Льва.» Онъ сталъ бояться Даніила, такъ какъ тотъ былъ у Татаръ и побѣдилъ Ростислава и бывшихъ съ нимъ Венгровъ. Даніилъ посовѣтовался съ братомъ и не повѣрилъ словамъ короля, такъ какъ онъ уже разъ обманулъ ихъ обѣщаніемъ отдать свою дочь. Кириллъ митрополитъ посланъ Даніиломъ и Василькомъ въ Грецію, чтобы получить тамъ поставленіе на митрополью Рускую. Когда онъ дорогою черезъ Венгрію находился у короля, то король сталъ его убѣждать, сулить много подарковъ и говорить ему: «я тебя проведу въ Грецію съ великою честью, если Даніилъ заключитъ со мною міръ.» — Кириллъ ему отвѣчалъ: «дай мнѣ клятву, что ты не измѣнишь своему слову, то я пойду и приведу его.»—Митрополитъ вернулся къ Даніилу и сказалъ ему: «желаніе твое исполняется, возьми дочь короля Венгерскаго женою твоему сыну.» — Василько сказалъ: «отправляйся къ нему; онъ такой же христіанинъ.» Даніилъ, взявъ своего сына Льва и митрополита, отправился къ королю въ Изволинъ и взялъ его дочь въ замужество за своего сына. Онъ отдалъ королю его бояръ, захваченныхъ имъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Ярославлемъ, заключилъ съ нимъ миръ и вернулся въ свою землю.

1251 годъ.

Умеръ великій князь Польскій Кондратъ; о немъ очень жалѣли Даніилъ и Василько. Потомъ умеръ, сынъ Кондратовъ, Болеславъ, князь Мазовскій; область Мазовскую отдалъ онъ брату своему Сомовиту, послушавъ князя Даніила; за нимъ (Болеславомъ) была дочь брата (двоюроднаго) Даніилова Александра—Настасья; впослѣдствіи она вышла за боярина Венгерскаго, именемъ Дмитрія. Въ этомъ же году Сомовитъ сталъ княжить въ Мазовской области. Даніилъ и Василько послали ему сказать: «мы тебѣ оказали услугу, пойди же съ нами на Ятвяговъ». У Болеслава взяли на помощь воеводу Суда и Сигнѣва, сошлись въ Дорогичинѣ и двинулись впередъ; они перешли болота и вторглись въ землю Ятвяговъ. Поляки не утерпѣли и зажгли первое селеніе; этимъ они много зла надѣлали по тому, что подали вѣсть непріятелю. Даніилъ и Василько разсердились за это на Поляковъ; до вечера грабили и захватили большую добычу. Когда наступилъ вечеръ, пріѣхали Злиньцы и собралась вся земля Ятвягская. Они прислали Даніилу Небяста сказать: «оставь намъ Поляковъ, а самъ съ миромъ удались изъ нашей земли». Но имъ въ томъ отказалъ Даніилъ. Поляки обнесли лагерь тыномъ или острогомъ: ночью напали на нихъ Ятвяги. Русскіе не окружились острогомъ. Поляки отбивались храбро; *сулицы* и *головни* сыпались какъ градъ и камни летѣли сверху такъ что плохо приходилось Полякамъ. Сомовитъ послалъ сказать Даніилу: «пришлите намъ стрѣлковъ», а Даніилъ, какъ мы уже сказали, сердился за то, что Поляки зажгли деревню и потому съ трудомъ (насилу) послалъ. Ятвяги усиливались разломать тынъ и боролись уже въ рукопашную. Пришли Русскіе стрѣлки и переранили и побили многихъ Ятвяговъ и отразили ихъ отъ острога, но во всю ночь не было отъ нихъ покою. На другой день собрались Ятвяги пѣшіе и конные въ огромномъ количествѣ, такъ что наполнились ихъ лѣса. Они поднялись, зажгли свои *колымаги*, иначе *станы*; случилось это въ воскресеніе. Князь Даніилъ пошелъ впередъ и уже находился далеко съ Поляками Болеслава. Василько остался съ Сомовитомъ, а Лазарь находился назади съ Половцами. Ятвяги напали на него со всею силою и отняли у него знамя. Онъ прибѣжалъ къ Васильку и Сомовиту; но и тѣ подверглись сильному нападенію. Жестокій произошелъ бой. *Дворскій* Андрей былъ нездоровъ, но, по свойственному ему мужеству, бросился въ схватку съ непріятелемъ; отъ

слабости выронилъ копье и чуть убитъ не былъ. — Василько послалъ сказать брату: «насъ сильно тѣснитъ непріятель, помоги намъ». Даніилъ вернулся и соединенными силами гнали они непріятеля въ лѣса. Но непріятель продолжалъ сильно налегать на нашихъ, много изъ нихъ пало. И Ѳедоръ Дмитровичь храбро сражаясь раненъ и отъ этой раны и смерть принялъ на рѣкѣ Паревѣ. Ящелтъ сказалъ: «намъ надобно слѣзть съ лошадей; если вы насъ жалѣете, то прежде пожалѣйте себя и вашего безчестія—нашими головами желаете сохранить вашу честь». Даніилъ такъ и сдѣлалъ и велѣлъ воинамъ слѣзть съ коней; они пошли и смягчили сердца Ятвягамъ; увидали тѣ храбрость Рускихъ и Поляковъ. Двинулись наши впередъ, опустошили землю Ятвяговъ и брали плѣнныхъ. Перешли они рѣку Олегъ и хотѣли было остановиться въ тѣсныхъ мѣстахъ, но Даніилъ имъ высказалъ, что этимъ они дадутъ перевѣсъ Ятвягамъ, а потому пошли дальше и прійдя на открытое мѣсто, остановились лагеремъ. Ятвяги напали было на нашихъ. Рускіе и Поляки ихъ преслѣдовали ихъ до рѣки Олега и избили много князей Ятвязскихъ. На другой день пришлось имъ поплутать, потому, что вожаки не знали дороги; тутъ убили двухъ воиновъ Ятвязскихъ, а третьяго привели къ Даніилу. Онъ сказалъ: «выведи насъ на настоящую дорогу и ты получишь жизнь».—Тотъ указалъ дорогу и наши перешли рѣку Лыскъ. На другой день пришли Прусы и Борты. Воины всѣ собрались и пѣшіе вооружась вышли изъ лагеря; щиты ихъ были какъ заря, а шлемы свѣтились какъ восходящее солнце; копья у нихъ въ рукахъ были во множествѣ какъ трости. Стрѣлки шли по обѣ стороны, держали въ рукахъ колчаны, наложивъ въ нихъ стрѣлъ по числу непріятелей. Даніилъ сидѣлъ на конѣ и устраивалъ воиновъ. Пруссы сказали Ятвягамъ: «можете-ли дерево поддержать палками и осмѣлиться бороться съ такимъ войскомъ. Они увидали и вернулись назадъ. Оттуда Даніилъ пришелъ къ Визнѣ, перешелъ рѣку Парову, избавилъ много христіанъ изъ плѣна и вернулся домой со славою, идя по слѣдамъ своего отца Романа, такого врага иноплеменниковъ, что матери у Половцевъ стращали его именемъ дѣтей.

1252 годъ.

Король Венгерскій прислалъ къ Даніилу, прося у него помощи, такъ какъ онъ велъ войну съ Нѣмцами. Даніилъ отправился ему помогать и пришли къ городу Пожгу. Явились и послы Нѣмец-

кіе. такъ какъ Императоръ занялъ землю Австрійскую и Штирскую, а герцогъ уже убитъ былъ. Имена пословъ были: Императорскій полководецъ и епископъ Жалошь Пурскій, иначе Сальскій, Гаррихъ Порунскій и Отто Гаретеньникъ Пѣтовскій.—Король выѣхалъ на встрѣчу князю Даніилу, а тотъ пришелъ къ нему съ своими воинами, устроенными въ боевой порядокъ. Нѣмцы дивились Татарскому оружію: лошади были покрыты кожаными чахлами... Даніилъ поѣхалъ подлѣ короля: конь былъ подъ нимъ удивительный, сѣдло кованное золотое: стрѣлы и сабля украшены золотомъ и самой изящной работы; кафтанъ изъ Греческаго бархата (оловира) и обшитъ золотыми плоскими кружевами; сапоги изъ зеленаго сафьяна вышиты золотомъ. Нѣмцы смотрѣли и много дивились, а Король сказалъ Даніилу: «невзялъ бы тысячи серебра за то, что то пришелъ по Рускому обычаю твоихъ отцовъ.— Даніилъ просился въ его палатку, такъ какъ великъ былъ зной. Король взялъ Даніила за руку, повелъ его въ свою палатку и самъ снималъ съ него одежды и одѣлъ въ свое платье. Съ такимъ почетомъ король обошелся съ Даніиломъ и потомъ вернулся онъ—Даніилъ—домой.

Въ этомъ же году Миндовгъ прогналъ своихъ племянниковъ Тевтевила и Едевида: онъ послалъ ихъ съ ихъ дядею Выконтомъ на Русь—опустошать—къ Смоленску и сказалъ: «что кто захватитъ, тѣмъ и будетъ владѣть». Онъ былъ съ ними въ ссорѣ и захватилъ себѣ одному всю Литовскую землю и несмѣтное ихъ имущество. Онъ даже послалъ противъ нихъ воиновъ и хотѣлъ ихъ убить. Тѣ узнали, бѣжали къ Даніилу и Василько и пришли во Владиміръ. Миндовгъ прислалъ пословъ сказать: «не оказывайте имъ милости». Даніилъ и Василько не послушали, потому что Даніилова жена была сестра Тевтевила. Потомъ Даніилъ, по совѣту съ братомъ, послалъ въ Польшу къ Польскимъ князьямъ сказать: «теперь намъ самое время идти войною на язычниковъ, такъ какъ они сами между собою ведутъ войну». Поляки обѣщали, но не сдержали слова. Даніилъ и Василько послали Выкинта въ землю Ятвяговъ и Самогитію и къ Нѣмцамъ въ Ригу. Выкинтъ— деньгами и множествомъ подарковъ склонилъ многихъ Ятвяговъ и половину Самогитіи. Нѣмцы отвѣчали Даніилу: «для тебя мы помиримся съ Выкинтомъ, а то онъ погубилъ много нашихъ братьевъ. Нѣмцы обѣщались идти на помощь Тевтевилу. Даніилъ и Василько пошли къ Новугороду. Даніилъ брата послалъ въ Волковыйскъ, сына въ Слонимъ, а самъ отправился къ Здито-

ву. Они побрали много городовъ и вернулись домой. Потомъ Выкинтъ прислалъ сказать: «Нѣмцы хотятъ подняться на помощь Тевтевилу». Даніилъ послалъ Тевтевила и съ нимъ вспомогательное войско изъ Половцевъ и Рускихъ; продолжительная между ними была война.—Оттуда Тевтевилъ отправился въ Ригу, принятъ тамъ съ большою честью и крещенъ. Миндовгъ, узнавъ, что Рижане хотятъ помогать Тевтевилу всѣми силами, оробѣлъ и тайно послалъ къ магистру Рижскому Андрею много золота и серебра, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ и отличныхъ лошадей и велѣлъ ему сказать: «если убьешь или выгонишь Тевтевила, то получишь еще больше».—Тотъ отвѣчалъ: «не избавишься ты никакъ, если не пошлешь къ папѣ и не примешь крещенія; торжество надъ врагомъ иначе для тебя невозможно; это я тебѣ объясняю по искренной дружбѣ. Миндовгъ послалъ къ папѣ и крестился; но это его крещеніе было только для виду. Онъ тайно приносилъ жертвы богамъ.—Ненадею, Телявелю, Дивериксу, Заячьему богу и Мѣндѣину. Когда выѣзжалъ въ поле и выбѣгалъ заяцъ, то онъ не входилъ въ рощу, не смѣлъ сломить ни прута; своимъ богамъ приносилъ жертвы, тѣла мертвыхъ сожигалъ и явно исполнялъ языческіе обряды. Тевтевилу сообщилъ это епископъ Рижскій съ сожалѣніемъ, зная, что не будь Тевтевилъ изгнанъ, Литовская земля была бы ихъ. Вынужденно приняли они крещеніе. Андрей, магистръ Рижскій, изгнанъ рыцарями. Тевтевилъ прибѣжалъ въ Самогитію къ своему дядѣ Выкинту, взялъ Ятвиговъ, Самогитовъ и вспоможеніе отъ Даніила, которое прежде было далъ ему Даніилъ, чтобы идти на Миндовга. Тотъ собрался съ силами, но положилъ себѣ не принимать сраженія въ полѣ, а вошелъ въ городъ, называемый Ворута и ночью выслалъ своихъ шуриньевъ. Они разогнали Рускихъ и Ятваговъ. На другой день выѣхали Нѣмцы съ самострѣлами; Русскіе съ Половцами устремились на нихъ съ стрѣлами и Ятвяги съ палками (сулицами) и гонялись по полю, какъ бы въ видѣ игры. Миндовгъ, собравъ большія силы, пришелъ на Выкинтовъ городъ, называемый Твиреметь. Тевтевилъ выѣхалъ изъ города; съ нимъ Русскіе и Даніиловы Половцы и Самогиты, много пѣшихъ. Когда они погнались, то одинъ Половчинъ ранилъ коня Миндовгова въ бокъ. Миндовгъ вернулся въ свою землю; сильно непріятель сопротивлялся и Висимотъ подъ тѣмъ городомъ убитъ.

1253 годъ.

Тевтевилъ прислалъ Ревбу сказать: «Пойди къ Новгороду». Даніилъ послалъ за братомъ Василькомъ и сыномъ Львомъ, за Половцами, съ сватомъ своимъ Тетюкомъ и пришелъ къ Пинску. Князья Пинскіе не расположены были къ нему, но онъ ихъ насильно взялъ на войну. Литовцы поставили караульщиковъ на озерѣ Зятѣ; тѣ побѣжали черезъ болота до рѣки Щарьи. Воины Даніиловы собрались всѣ и стали говорить: «про насъ уже есть Литовцамъ извѣстіе». Спорили они и не хотѣли идти на войну. Даніилъ сказалъ тутъ умное слово: «стыдно намъ будетъ отъ Литвы и всѣхъ земель, если мы не дойдемъ и воротимся. На другой день утромъ мы соберемъ совѣтъ». А ночью онъ послалъ по всему войску сказать: «пойдемъ и пусть поймутъ все это тѣ, которые не хотятъ идти на войну». Видя воиновъ пошедшихъ послѣдовали ихъ примѣру по неволѣ и всѣ прочіе. — На другой день опустошили они всю землю Новгородскую и оттуда воротились домой. Ятвяги поѣхали было на помощь Даніилу, но не дошли вслѣдствіе большихъ снѣговъ; а наши вернулись съ Божіею помощью взявъ большую добычу. Потомъ Даніилъ съ братомъ Василькомъ и сыномъ Романомъ послалъ своихъ людей и взяли они Городенъ, а сами вернулись отъ Бѣльска. Миндовгъ послалъ своихъ сыновей и тѣ опустошили окрестности Турійска. — Въ этомъ же году прислалъ Миндовгъ пословъ къ Даніилу, прося мира. Тевтевилъ прибѣжалъ къ Даніилу изъ Самогитіи и Ятвязской земли и сказалъ, что Миндовгъ множествомъ серебра склонилъ на свою сторону тамошнихъ жителей, а Даніилъ на нихъ сердился.

1254 годъ.

Герцогъ Фридрихъ велъ войну съ Королемъ Венгерскимъ, побѣдилъ его, но убитъ своими же вельможами. Произошли спльные смуты и споры между могущественными людьми о наслѣдствѣ Герцога-землѣ Штирской и Австрійской. Короли Венгерскій и Чешскій вели изъ за нея войну. Король Венгерскій послалъ звать Даніила на помощь; онъ велѣлъ ему сказать: «пришли сына твоего Романа; я отдамъ за него сестру умершаго Герцога и въ приданое всю землю Нѣмецкую. Король отправился въ землю Нѣмецкую съ Романомъ, отдалъ за него сестру Герцога и заключилъ съ нимъ договоръ; его мы здѣсь не пишемъ, потому что онъ очень длиненъ. Потомъ послалъ король сказать Даніилу: «ты мнѣ родня и сватъ, помоги мнѣ противъ Чеховъ». — Даніилъ послушался и

выступилъ въ Опаву своею дорогою, опустошилъ землю Моравскую, разорилъ много городовъ, пожогъ всѣ села и великое убійство совершилъ тамъ. Опъ свидѣлся съ Болеславомъ, имѣя въ мысляхъ, какъ бы пройдти землю Опавскую. Болеславъ не соглашался его пропустить, но жена его Кинека, дочь короля Венгерскаго, поддерживала Даніила своими убѣжденіями. Даніилъ настаивалъ частью для короля, а частью для славы, такъ какъ изъ Русскихъ Государей прежде никто, ни Святославъ храбрый, ни Владиміръ Святой не входили войною въ землю Чешскую. Богъ исполнилъ желаніе Даніила и опъ, стремясь на войну, взялъ своего сына Льва, вспоможеніе отъ брата Василька съ Тысяцкимъ Юріемъ и, повидавшись съ Болеславомъ, выступилъ изъ Кракова. Пришли на рѣку Одеръ къ городу Козлію; тутъ пріѣхалъ Володиславъ, сынъ Казиміра *Лесконогаго Межки?*). Взявъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ, пришли къ рѣкѣ Пеннѣ. Даніилъ и Левъ совѣтовались съ Володиславомъ — въ какую бы сторону направить походъ. Володиславъ не сказалъ правды и далъ обманщиковъ проводниковъ. Князь Даніилъ послалъ Льва, Тевтевила и Едивида, дворскаго, всѣхъ воиновъ, а самъ остался съ небольшимъ числомъ старыхъ бояръ и тысяцкимъ Юріемъ. Левъ выступилъ и опустошалъ, но замѣтивъ обманъ проводниковъ, отправился въ горы, покрытыя лѣсомъ и захватилъ большую добычу. — Даніилъ съ Болеславомъ шли къ Опавѣ, пославъ въ передовомъ отрядѣ Поляковъ. Изъ Опавы выѣхалъ Андрей съ Чехами, встрѣтилъ ихъ и побѣдилъ—Поляковъ было не много — однихъ избилъ, другихъ взялъ въ плѣнъ и сильная робость овладѣла Поляками. Даніилъ пріѣхалъ и сталъ имъ говорить: «чего вы оробѣли? Развѣ вы не знаете, что война не можетъ обойдтись безъ падающихъ и убитыхъ? Что вамъ прійдется дѣло имѣть не съ женщинами, а съ людьми вооруженными? Если человѣка и убьютъ на войнѣ, то что за диво? Вѣдь и дома на постели умираютъ безславно, а тутъ хоть со славою. Ободритесь и съ оружіемъ въ рукахъ бросьтесь на непріятеля». Эти слова подѣйствовали, и всѣ вмѣстѣ выступили къ Опавѣ. Даніилъ видѣлъ, какъ жители окрестныхъ селъ бѣжали въ городъ, и нѣкого было ему послать. Опъ сказалъ Володиславу: «ты со мною не честно поступилъ, да и себя погубилъ. Будь здѣсь сынъ мой Левъ и всѣ воины, то много вреда сдѣлали бы мы этой землѣ и городъ бы взяли». Жалко было Даніилу, что онъ отослалъ отъ себя сына своего Льва и воиновъ. Понуждалъ онъ Поляковъ ѣхать къ городу, но тѣ не хотѣли и Даніилъ не-

чалился, не зная ничего о своемъ сынѣ и войскѣ, гдѣ они находятся. Поляки отказывались ѣхать къ городу и хотѣли остановиться далеко отъ него Условлено было ранѣе всему войску собраться къ этому городу. Даніилъ сказалъ: «если вы Поляки хотите идти прочь, то я хочу самъ остаться съ небольшою дружиною и подождать моего войска». Болеславъ и Поляки послушали и стали пониже города на рѣкѣ Опавѣ; они не смѣли оставить Даніила. Въ этотъ же вечеръ пришелъ Левъ съ воинами; много добычи захватили они. — Въ этотъ же вечеръ собрался совѣтъ и на немъ положили, на другой день перейдти рѣку, обойдти городъ и предать огню все что снаружи его: храмы, ограды и гумна. Когда настало утро—все это приведено въ исполненіе. Болеславъ не ходилъ за рѣку, но сталъ съ своимъ войскомъ, устроеннымъ въ боевомъ порядкѣ на высотахъ, а Володиславъ пошелъ съ Даніиломъ. Прійдя къ первымъ воротамъ, они пожгли и пришли на другія ворота. Выѣхали Чехи, убили нѣсколько человѣкъ, а другихъ прогнали. Бенешъ стоялъ со знаменемъ передъ воротами. Около другихъ воротъ пожгли окрестности города и пришли къ третьимъ воротамъ. Даніилъ велѣлъ тутъ остановиться и жечь окрестности города. Воины вдругъ бросились къ городу; Нѣмцы, видя стремительное нашествіе Русскихъ, бѣжали, такъ что нѣсколько человѣкъ ихъ убито въ воротахъ и самые ворота затворены не были. У Даніила въ это время сильно болѣли глаза; онъ не видѣлъ того, что случилось въ воротахъ и велѣлъ воинамъ вернуться. А когда узналъ какъ было дѣло, то очень досадовалъ что не взялъ города. Страдая отъ болѣзни и утомленія, Даніилъ сказалъ сыну Льву: «пожги окрестности города, я пойду въ лагерь». — Сильно страдалъ онъ глазами во время похода; многіе уговаривали его возвратиться, но онъ не соглашался. На другой день собравъ войско, онъ пошелъ повыше Опавы, опустошая и сожигая и остановился у города Насилья, гдѣ, какъ онъ узналъ, находились плѣнные Русскіе и Поляки. На другой день Даніилъ приступилъ къ городу и жители его, видя силу нападающихъ, сдались. Даніилъ взявъ городъ, выпустилъ находившихся тамъ въ плѣну и въ доказательство побѣды водрузилъ свое знамя на укрѣпленіяхъ города, а жителей его помиловалъ. Отойдя отъ города, Даніилъ остановился въ одномъ Нѣмецкомъ селѣ. Услыхавъ, что Бенешъ отправился въ Глубичичи, Даніилъ на другой день соединясь съ Болеславомъ пошелъ и самъ туда, опустошая и предавая огню все по дорогѣ. Володиславъ послалъ воиновъ; они опустошили окре-

стности города и надѣлали много зла, отъ чего и не взяли города.—Даніилъ и Болеславъ пришли къ городу: воины хотѣли взять его *приметомъ*; вѣтеръ дулъ на городъ, но воины не нашли ни дерева, ни соломы прибросить къ городу, до того все выжжено было Володиславомъ; оттого то и уцѣлѣлъ городъ, который легко возможно было бы зажечь по вѣтру.

Вечеромъ собрались на совѣтъ: куда идти къ Особолозѣ или на Герьборта или вернуться домой?»—Герьбортъ въ знакъ своей покорности прислалъ Даніилу мечь. Даніилъ и Болеславъ порѣшили: «опустошили мы всю землю непріятельскую» и на другой день выступили въ обратный путь домой, перешли рѣку Одру и прошли землю Володислава. Въ то время въ Краковѣ находились послы папы; они хотѣли видѣть князя Даніила, которому принесли отъ папы вѣнецъ и санъ королевскій. Даніилъ имъ сказалъ: «не прилично мнѣ видѣться съ вами въ чужой землѣ; лучше въ другой-разъ».

Оттуда Даніилъ прошелъ землю Судомірскую и пришелъ въ свой городъ Холмъ, вошелъ тамъ въ храмъ Божіей Матери и благодарилъ ее за все случившееся; а еще ни одинъ Рускій князь не вносилъ оружія въ землю Чешскую. Даніилъ свидѣлся съ братомъ Василькомъ.

1255 года.

Папа прислалъ почетныхъ пословъ, они принесли скипетръ и корону, какъ знаки королевскаго достоинства и говорили Даніилу: «сынъ, пріими отъ насъ королевскій вѣнецъ». И прежде Папа присылалъ къ Даніилу епископа Беренскаго и Каменецкаго сказать: «пріими королевскій венецъ». Даніилъ въ то время не принялъ; онъ говорилъ: «наши враги Татары не даютъ намъ покоя; какъ я могу принять вѣнецъ, если ты мнѣ не поможешь»? — Пришелъ *Опизи* съ вѣнцомъ, обѣщая и помощь Папы. Даніилъ продолжалъ отказываться, но его убѣдили мать, Болеславъ, Семовитъ и Польскіе вельможи, говоря ему: «пріими только вѣнецъ, а мы тебѣ поможемъ противъ невѣрныхъ. Такимъ образомъ Даніилъ принялъ вѣнецъ отъ папы Иннокентія; а тотъ предавалъ проклятію тѣхъ, которые порицали Греческую вѣру и хотѣлъ созвать соборъ для соединенія церквей.—Даніилъ получилъ вѣнецъ въ городѣ Дорогичинѣ. Онъ отправился на войну съ сыномъ Львомъ и Польскимъ княземъ Семовитомъ; братъ Даніиловъ, Василько, вслѣдствіе раны на войнѣ, воротился съ похода, а всѣхъ своихъ воиновъ послалъ

съ братомъ. Король Даніилъ пришелъ въ землю Ятвяговъ и опустошилъ ее. Левъ узналъ, что Стенкинтъ стоитъ съ Ятвягами въ лѣсу, огородясь засѣкою. Собравъ людей, Даніилъ бросился туда, но когда Ятвяги сдѣлали вылазку, то почти всѣ окружавшіе Льва бросились бѣжать и Левъ одинъ остался; онъ убилъ и Стекинта и его брата и съ вернувшимся къ нему воинами преслѣдовалъ непріятеля. Король Даніилъ остановился въ Стекинтовомъ домѣ и туда Левъ принесъ оружіе Стекинта и его брата. Отецъ видѣлъ съ радостью доблесть и храбрость сына.

Отъ Ятвяговъ пріѣхалъ Комать съ изъявленіемъ ихъ готовности быть въ работѣ. Поляки стали завидовать, хитрить и склоняться на сторону Ятвяговъ. Узнавъ о томъ, Даніилъ велѣлъ разорять землю Ятвяговъ и домъ Стекинтовъ весь разоренъ такъ, что мѣсто это и донынѣ стоитъ пустымъ. Когда Даніилъ шелъ подлѣ озера, то увидалъ на берегу красивую горку и бывшій на ней прежде городъ, именемъ Рай. Оттуда Даніилъ вернулся домой.

Татары пріѣхали къ Бакотѣ; присталъ къ нимъ Милѣй. Даніилъ выступилъ походомъ въ Литву на Новгородокъ, а сына Льва послалъ въ Бакоту. Тотъ отрядилъ впередъ *дворскаго*; онъ захватилъ Милѣя и Баскака; Левъ привелъ ихъ къ отцу и Бакота сдѣлалась снова достояніемъ Даніила. По совѣту съ сыномъ,—тотъ поручился въ его вѣрности—Даніилъ выпустилъ Милѣя, но когда пріѣхали Татары, онъ поступилъ коварно и снова отдалъ Бакоту Татарамъ.—Потомъ Куремса пришелъ къ Кременцу и опустошилъ его окрестности.—Андрей велъ себя двусмысленно, то онъ говорилъ: «я Даніиловъ, короля», то а я Татарской.—«Такъ онъ питалъ въ душѣ обманъ и за то Богъ наказалъ его. Напрасно твердилъ онъ Татарамъ: у меня есть Батыева грамота. Они еще пуще разозлись на него, убили его и сердце у него вырѣзали, но подъ Кременцемъ ничего сдѣлать не могли и воротились въ свои кочевья. Изяславъ просилъ у Татаръ помощи идти на Галичь, но они ему отвѣчали: «тебѣ идти на Галичь, а Даніилъ—ты не знаешь развѣ—какой лихой? Станетъ онъ отнимать у тебя жизнь, кто тогда тебя избавитъ?—Непослушалъ ихъ совѣта Изяславъ и, собравъ воиновъ, выступилъ къ Галичу. Даніилъ, услыхавъ о томъ, очень огорчился; онъ послалъ противъ Изяслава своего сына Романа и всѣхъ вельможъ; Льва ранѣе послалъ онъ къ королю Венгерскому, да и самъ поѣхалъ вслѣдъ за войскомъ. По дорогѣ къ Грубешеву убили шесть кабановъ—трехъ Даніилъ, а трехъ его люди; мясо

отдалъ онъ имъ въ дорогу. Самъ, помолясь Святому Николаю, сказалъ воинамъ: «если бы пришлось намъ встрѣтить самихъ Татаръ, то вы въ ужасъ не приходите. Тѣ отвѣчали: «Богъ тебѣ помогай, а мы поступимъ, какъ ты намъ приказываешь».

Романъ съ воинами шелъ день и ночь; неожиданно напалъ онъ на Изяслава; тотъ не зналъ куда бѣжать и взобрался на церковную крышу; тамъ онъ и его воины умирали отъ жажды и на четвертый день Изяславъ сдался и Романъ привелъ его къ отцу. Левъ, услыхавъ, что Изяславъ послалъ Ѳедора къ Солямъ, съ своими людьми бросился за нимъ въ погоню; Ѳедоръ ушелъ въ Венгрію, — а люди его захвачены. Потомъ Воишелгъ заключилъ миръ съ Даніиломъ и выдалъ Миндовгову дочь, свою сестру, за Шварна. Воишелгъ пришелъ въ Хоммъ къ Даніилу, оставилъ свое княженіе и принялъ монашескій санъ. Онъ отдалъ Роману, сыну Даніила отъ Миндовга—Новгородокъ, а отъ себя Слоним, Волковыйскъ и другіе города, а самъ просился въ Святую Гору. Даніилъ выхлопоталъ ему дозволеніе на проѣздъ отъ короля Венгерскаго; но Воишелгъ не могъ проѣхать и воротился изъ земли Болгарской.

1256 годъ.

Даніилъ съ братомъ своимъ Василькомъ, съ сыновьями Львомъ и Шварномъ—послѣдній былъ еще очень молодъ—пошелъ на Ятвяговъ; за Романомъ послалъ онъ въ Новгородокъ. Романъ пришелъ со всѣми Новогородцами, съ зятемъ Глѣбомъ, съ Изяславомъ Волочискимъ.—Съ этой стороны пришелъ Сомовитъ съ Мазовшанами и Сендомирцы и Краковцы на помощь отъ Болеслава. Огромное войско было, такъ что Ятвяжскія болота наполнились вооруженныхъ. Князья Рускіе и Польскіе собрались на совѣтъ и воины сказали: «Ты король и глава всему войску; иди самъ впередъ; каждый тебя постыдится и побоится. Такой уже военный обычай; а не хорошо если, ты насъ кого пошлешь впередъ. Даніилъ, устроивъ полки и распорядясь кому какимъ начальствовать, самъ выступилъ впередъ, пославъ впередъ себя стрѣлковъ. Онъ велѣлъ за собою слѣдовать дворскому, а самъ поѣхалъ съ небольшимъ отрядомъ вооруженныхъ молодыхъ людей. Тутъ пріѣхалъ къ нему сынъ его Левъ и сказалъ ему: «съ тобою никого нѣтъ; я съ тобою поѣду».—Даніилъ ему отвѣчалъ: «пусть такъ и будетъ»!—и продолжалъ движеніе впередъ.—Дорогу показывалъ ему Аркадъ и Даніилъ далъ ему слово, что его село не будетъ сожжено.—

Затѣмъ къ Даніилу пріѣхалъ его сынъ Романъ одинъ. Подошли къ деревнѣ, называемой Болдикища. Даніилъ послалъ Льва съ братомъ. Левъ окружилъ село и изрубилъ всѣхъ; только одного привелъ къ Даніилу. На вопросы короля плѣнный отвѣчалъ, что Ятвяги собрались въ деревнѣ, называемой Привища.—Даніилъ, услыхавъ о томъ, послалъ молодаго своего слугу Андрея сказать дворскому: «если ты увидишь, что мы пустимся впередъ, то ты поспѣшай за нами». А князь Василько велѣлъ своему полку и другимъ полкамъ идти тихо; посланный Даніила по молодости своей не такъ передалъ его приказаніе дворскому, а велѣлъ не пускать впередъ его воиновъ и задержать полкъ. Одинъ Ятвягъ выбѣжалъ изъ деревушки Олыдикищь и далъ знать товарищамъ о приближеніи непріятеля; тѣ вооружились; а стрѣлки Даніиловы бросились на конецъ деревни Привища и погнали Ятвяговъ. Съ громкимъ крикомъ: «бѣгутъ, бѣгутъ»—бросились впередъ Даніилъ и Левъ. Ятвяги, видя ихъ быстрое приближеніе, оробѣли и бросились бѣжать, но, достигнувъ половины селенія, обернулись назадъ. Стрѣлки стрѣляли, но какъ небыло тяжело вооруженныхъ воиновъ для ихъ поддержки, то они бросились въ смятеніи бѣжать къ воротамъ; много ихъ попадало, потому что былъ ледъ и скользко.—Даніилъ и Василько устремились на непріятеля въ ворота и онъ снова обратился въ бѣгство и уже не вернулся назадъ. Такъ счастливъ былъ въ тотъ день Даніилъ; онъ побѣдилъ съ такимъ малымъ отрядомъ гордыхъ Ятвяговъ, Злиньцевъ. Крисменцевъ и Покинцевъ. Даніилъ хотѣлъ было преслѣдовать, но Левъ его остановилъ, сказавъ «пошли меня вслѣдъ за ними».—Отецъ не пустилъ его. Одинъ воинъ, вынувъ рогатину изъ за пояса, бросилъ далеко, свалилъ Ятвязскаго князя коня и убилъ его. Иныхъ непріятелей вязали, а другихъ водили изъ хвороста и Даніилъ и Левъ приказывали ихъ убивать. Подошелъ и дворскій съ полкомъ. Даніилъ ему сказалъ: «не хорошо ты поступилъ». а дворскій отвѣчалъ: «это не желаніе мое было, но твой посолъ надѣлалъ это зло, не такъ передавъ твои слова».—Король Даніилъ и сынъ его Левъ, побравъ плѣнныхъ, вернулись къ Василько и Семовиту и радовались всѣ вмѣстѣ гибели непріятеля; жгли они дома Ятвяговъ и грабили ихъ села. Ночь наши провели въ Привищахъ и обобравъ имущество Ятвяговъ, сожгли ихъ дома. На другой день пошли далѣе опустошая землю огнемъ и мечемъ; сожгли они Ташевиче, Буряля, Раймоче, Комата, Дора, захватили города, сожгли домъ Стекинтовъ и стали на селѣ Корковичахъ. На двухъ дворахъ найдено было

столько запасовъ, что такое множество воиновъ и ихъ лошадей напитались до сыта, остальное сожгли. На другой день пріѣхалъ отъ Ятвяговъ Юндилъ и сказалъ: «Даніилъ, хорошую ты дружину держишь и велики твои полки. Безпаказанно наши опустошали земли Ятвяговъ огнемъ и мечемъ, и эти прежде храбрые люди попущеніемъ Божіемъ не могли сдѣлать нашимъ никакого вреда. Ночь провели въ болотахъ на островахъ. На другой день пріѣхали Ятвяги, просили мира и давали заложниковъ; они умоляли—не избивать ихъ плѣнныхъ. Даніилъ побѣдилъ враговъ, вернулся въ свою землю съ честью и славою. Снова собирался онъ на войну и сталъ созывать воиновъ; Ятвяги, узнавъ о томъ, послали своихъ пословъ и дѣтей въ заложники, заплатили дань и обѣщались работать на Даніила и строить города въ своей землѣ.

1257 годъ.

Даніилъ послалъ Коснятина, прозваннаго Положишила, собрать съ Ятвяговъ дань. Тотъ поѣхалъ и собралъ съ нихъ дань—мѣха черныхъ куницъ и бѣлокъ, серебро. Даніилъ подарилъ часть дани Ятвягскому воеводѣ Сигнѣву съ цѣлью похвалиться, чтобы вся земля Польская узнала, что Ятвяги платили дань королю Даніилу, сыну великаго князя Романа. А послѣ него никто изъ русскихъ князей не воевалъ съ Ятвягами, кромѣ его сына Даніила.

Король далъ слово Роману (сыну Даніила), но его не исполнилъ; онъ оставилъ его въ городѣ Пепѣрьцѣ и ушелъ; не сталъ ему помогать, въ душѣ коварствуя и желая самъ захватить его города. А между тѣмъ король клялся Богомъ Роману и его женѣ, что взявъ землю Нѣмецкую, всю ее отдастъ Роману. Романова жена, зная характеръ короля, велѣла ему цѣловать крестъ, но и то не помогло; ни малѣйшей помощи не оказалъ онъ Роману. Герцогъ не разъ нападалъ на него; разъ наступилъ съ большою силою, сразился съ нимъ, сталъ подъ городомъ, но не могъ его взять. Тогда онъ сталъ съ ласкою говорить Роману: оставь короля Венгерскаго, ты мой родня и своякъ; я подѣлю съ тобою землю Нѣмецкую. Король много тебѣ обѣщаетъ, но ничего не исполнитъ, а я говорю тебѣ правду и въ поручители того, что отдамъ тебѣ половину земли Нѣмецкой, поставлю папу и 12 епископовъ.

Романъ отвѣчалъ: «я связанъ словомъ, даннымъ королю Венгерскому, и не могу его нарушить». А самъ послалъ передать королю все, что говоритъ герцогъ, и просилъ у него помощи. Король не послалъ ея, но обѣщалъ дать ему города въ землѣ Венгерской.

Жена Романа понимала обманъ короля и говорила: «возьми у меня сына къ дочери и держи его въ заложникахъ; вы хотите нашихъ городовъ, а мы за то страдаемъ и умираемъ голодомъ». Одна женщина ходила, покупала припасы и тайно приносила въ городъ *Вдону*; голодъ былъ такой, что хотѣли уже ѣсть лошадей. Княгиня говорила мужу: «князь, иди къ отцу». Но онъ, окруженный непріятелями, не могъ выѣхать. Тутъ Веренгѣрь, прозваніемъ Просвѣлъ, вспомнилъ доброту Романа—онъ вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ военныхъ походахъ,—сжалился надъ нимъ и, пріѣхавъ съ сильнымъ отрядомъ, вывелъ Романа изъ города.

Прежде мы сказали, что Войшелгъ далъ было Роману Новгородокъ. Послѣ нашествія Куремсы къ Кременцу, Даніилъ, по совѣту съ братомъ и сыномъ, началъ войну съ Татарами; онъ послалъ Діонисія Павловича, взялъ Межибожье. Потомъ воины Даніила и Василька опустошили Болоховъ, а Львовы берегъ Буга, гдѣ жили Татары. Съ наступленіемъ весны Даніилъ послалъ своего сына Шварна на Городокъ, на Сѣмощь и другіе города, захваченные Татарами; Шварно отнялъ Городескъ и другіе города по Тетереву до Жидичева Жители Возвягля обманули Шварна, взяли намѣстника, но править ему не дали. Шварно пришелъ, взявъ города; за нимъ явились къ Даніилу всѣ Бѣлобережцы, Чернятинцы и Болоховцы. Миндовгъ прислалъ къ Даніилу сказать, «пришлю къ тебѣ Романа и Новгородцевъ, ступай къ Возвяглю, а оттуда къ Кіеву.» Даніилъ назначилъ срокъ, когда быть у Возвягла.

1258 годъ.

Даніилъ съ братомъ, собравъ большія силы, двинулся къ Возвяглю; дожидаясь вѣсти отъ Романа и Литвы, простоялъ онъ цѣлой день на Корецкѣ и пошелъ далѣе къ Возвяглю. Впередъ послалъ онъ своего сына Шварна окружить городъ, чтобы никто не ушелъ изъ него; воиновъ съ нимъ было пятьсотъ человѣкъ. Жители города, видя, что съ княземъ мало воиновъ, смѣялись, стоя на стѣнахъ. На другой день Даніилъ пришелъ съ великимъ множествомъ полковъ, съ братомъ и сыномъ Львомъ. Жители города, видя, пришли въ ужасъ, не вытерпѣли и сдались. Городъ зажженъ, а жителей подѣлили: однихъ взялъ братъ Даніила Василько, а другихъ сыновья Даніила—Левъ и Шварно. Взявъ городъ, Даніилъ пошелъ домой. Романъ съ Литвою пришли къ городу; Литовцы бросились къ нему и нашли только одни дымящіяся развалины, тужили они и плевали, по своему крича «янда», и призывая своихъ

боговъ Андая и Дивирикса и другихъ. Романъ поѣхалъ вслѣдъ за отцемъ, взявъ съ собою немного воиновъ, а прочихъ отпустилъ. Литовцы на обратномъ пути опустошили окрестности Луцка. Даніилъ и Василько незнали того; но состоявшіе на службѣ у Даніила князя и люди Васильковы Юрій, Олекса дворскій и другіе бросились за Литовцами, нагнали ихъ напротивъ Кострузы. Литовцы сразились, но не устояли и бросились бѣжать; ихъ вогнали въ озеро; тутъ десять человѣкъ хватались за одного коня, полагая, что онъ ихъ вынесетъ. Такимъ образомъ они топули и все озеро наполнилось труповъ, щитовъ и шлемовъ и жители сосѣднихъ мѣстъ получили большую добычу, вытаскивая ихъ. Потери Литвы были огромныя. Военную добычу послали Даніилу и Василько и тѣ радовались побѣдѣ надъ невѣрными. Тутъ были люди Миндовга, его воевода Хвалъ, надѣлавшій прежде много убійствъ въ землѣ Черниговской и Сирвидъ Рошковичъ. Этотъ послѣдній бѣжалъ, а Хвалъ убитъ, а съ нимъ и множество другихъ.

1259 годъ.

Куремса совершенно неожиданно сдѣлалъ нашествіе на земли Даніила и Василька. Они собирали воиновъ—Василько во Владиміръ, а Даніилъ въ Холмъ и послали ко Льву, приказывая ему пріѣхать. Куремса, не переходя рѣки Стыра, послалъ людей ко Владиміру. Жители вышли къ нимъ навстрѣчу и произошло упорное сраженіе. Татары прибѣжали къ Куремсѣ и сказали, что жители города храбро сопротивляются. Случилось, по грѣхамъ, что городъ Холмъ загорѣлся отъ проклятой бабы. Пламя было такъ сильно, что зарево его видно было изо Львова и по полямъ Бельзскимъ. Полагали, что это Татары зажгли городъ и жители бросились въ лѣсныя мѣста и не хотѣли собираться. Даніилъ видѣлся съ братомъ и утѣшалъ его, что бѣда эта случилась отъ Бога. Отправились они во Владиміръ, но при нихъ было мало людей и они посылали ихъ собирать въ разныя стороны. Разъ Васильковы люди встрѣтили случайно Татаръ, разбили ихъ и взяли плѣнныхъ. Когда Куремса стоялъ у Луцка, то Богъ сдѣлалъ великое чудо: Луцкъ былъ неукрѣпленъ и не готовъ къ осадѣ; туда сбѣжалось много народу. Рѣка разлилась отъ сильныхъ дождей и переидти ее въ бродъ было невозможно. Куремса хотѣлъ захватить мостъ, но жители стали рубить его съ того конца. Чтобы ихъ отогнать Куремса велѣлъ поставить мстительное орудіе; но тутъ сдѣлалось чудо: вѣтеръ былъ такъ силенъ, что отбрасывалъ ка-

меньи назадъ: а когда Татары хотѣли усилить дѣйствіе машины, то она сломалась, и Татары вынуждены были безъ-успѣха возвратиться въ степь.

Городъ Холмъ построенъ такъ: Даніилъ княжилъ во Владимірѣ, построилъ городъ Угорескъ и поставилъ въ немъ епископа. Разъ ѣздилъ Даніилъ по полѣ и увидалъ красивое и покрытое лѣсомъ мѣсто на горѣ, кругомъ его было поле. Онъ спросилъ мѣстныхъ жителей: «какъ названіе этому мѣсту»? Они отвѣчали: «Холмъ». Очень понравилось это мѣсто Даніилу и онъ далъ обѣтъ Іоанну Златоусту—построить тутъ церковь въ его имя. Сначала сдѣлалъ Даніилъ тутъ небольшой городокъ, а потомъ и такой, что и Татары не могли его взять, когда захватили всю Рускую землю. Даніилъ призывалъ Нѣмцевъ и Рускихъ, иноземцевъ и Поляковъ. День и ночь приходили молодые люди и мастера всякіе бѣжали изъ земли Татарской. тѣ что дѣлаютъ сѣдла. луки. колчаны, кузнецы. кующіе желѣзо. мѣдь и серебро. Скоро поле, окружавшее городъ. покрылось домами и дворами. Даніилъ построилъ чрезвычайно красивую церковь Св. Іоанна. Она имѣла такой видъ: четыре предѣла, съ каждаго угла переводъ, и опирались они на четырехъ изваянныхъ головахъ человѣческихъ искусной работы одного художника; три окна украшены римскими стеклами. При входѣ въ олтарь стояли два столба изъ цѣльнаго камня и на нихъ карнизы; верхъ (потолокъ) украшенъ золотыми звѣздами по лазури: внутренній помостъ, литой изъ мѣди и олова, блисталъ какъ зеркало. Двое дверей украшены тесанымъ бѣлымъ галицкимъ камнемъ и зеленымъ холмскимъ. Мѣлкія разныя вещи сдѣланы художникомъ Авдѣемъ. Образа Спаса и Богородицы, привезенныя ему изъ Кіева изъ монастыря Св. Ѳеодора сестрою его Ѳеодорою, украсилъ Даніилъ дорогими каменьями и золотымъ бисеромъ, другіе, отцовское наслѣдіе, принесъ изъ Овруча. Всѣ онѣ сгорѣли въ церквѣ Св. Іоанна; изъ тѣхъ чудныхъ иконъ остался только одинъ Михаилъ. Колокола были частью привезены изъ Кіева, частью тутъ слиты; всѣ они попали въ огонь. Середи города была высокая башня; въ вышину 15 саженъ, выведена изъ камня, а додѣлана тесанымъ деревомъ и побѣленая, какъ сыръ свѣтилась во всѣ стороны. Подлѣ нея находился колодезь 35 саженей въ глубину: сзади прекрасный садъ. Даніилъ выстроилъ еще церковь въ честь Св. Безсребренниковъ Косьмы и Домьяна; верхъ ея поддерживали четыре столба изъ тесанаго камня. Въ разстояніи отъ города съ версту стоитъ каменный столбъ и на немъ орелъ прекрасной ра-

боты; въ вышину этотъ столбъ десять саженей, а съ верхомъ и подножіемъ двенадцать.

Очень жалѣлъ Даніилъ о пожарѣ своего любимаго города; помолясь Богу возобновилъ онъ церковь при епископѣ Іоаннѣ и мѣста для торговли; но башни такой уже не могъ построить, будучи занятъ возведеніемъ укрѣпленныхъ городовъ противъ нечестивыхъ татаръ.

1260 годъ.

Даніилъ построилъ въ Холмѣ огромную церковь Св. Маріи, величіемъ и красотою не хуже прежнихъ древнихъ. Онъ украсилъ ее множествомъ иконъ чудной работы; изъ Венгерской земли принесъ чашу краснаго мрамора удивительной работы; вокругъ ее были головы змѣй; онъ ее поставилъ передъ церковными дверями, называемыми царскими, какъ крестильницу для освященія воды на день Св. Богоявленія.

Нѣсколько времени спустя пришелъ нечестивый и злой Бурунда со множествомъ полковъ татарскихъ, громадною силою, и остановился на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ бывало стоялъ Куремса. Даніилъ постоянно велъ съ ними войну, не боялся его, и Куремса, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ ему сдѣлать никакого зла, пока не пришелъ Бурунда съ громадною силою. Отправилъ онъ пословъ къ Даніилу, сказать ему: «иду на Литву, а ты, если намъ не врагъ, ступай съ нами». Даніилъ сталъ совѣтоваться съ братомъ и сыномъ; они были печальны, зная, что если Даніилъ и поѣдетъ, то нехорошо ему будетъ. Но порѣшили такъ: Василько ѣхать вмѣсто брата. Даніилъ проводилъ его до Бреста и послалъ съ нимъ людей своихъ. Въ Мельникѣ помолился онъ иконѣ Спаса Избавителя въ церкви Богородицы и далъ обѣтъ украсить ее. Василько одинъ ѣхалъ по Литовской землѣ вслѣдъ за Бурундаемъ, встрѣтилъ Литовцевъ, поразилъ ихъ и привезъ военную добычу Бурундаю, и тотъ похвалилъ Василька, «хотя братъ твой не поѣхалъ», и воевалъ, вмѣстѣ съ нимъ ѣздя. Взялъ Василька съ собою и племянника Романа и опустошили они вмѣстѣ земли Литовскую и Налещанскую; Романъ жену и сына оставилъ у брата Владиміра (?). Король Даніилъ поѣхалъ и взялъ Волковыйскъ, а князя Глѣба послалъ и держалъ его въ почетѣ. Больше съ тѣмъ Даніилъ отправился къ Волковыйску, чтобы поймать враговъ своихъ. Вышелка и Тевтила, но не захватилъ ихъ въ городѣ: Онъ разослалъ въ разныя стороны людей искать ихъ и не нашелъ

ихъ, а они сдѣлали великій обманъ; Вышелгъ захватилъ его сына Романа. Еще разъ Даніилъ послалъ Михаила и тотъ опустошилъ берега Зелеви, искалъ тѣхъ, но не нашелъ ихъ. Потомъ думалъ онъ идти на Городенъ въ предположеніи, что они тамъ; онъ послалъ за сыномъ своимъ Львомъ и за своими людьми, и они пріѣхали въ городъ Мельникъ. Хотѣлъ Даніилъ идти къ Городну и всѣ усердно къ тому изготовились, какъ вдругъ король Даніилъ получилъ изъ Польши извѣстіе, что Татары уже въ землѣ Ятвяговъ. Левъ сказалъ: «воины твои и ихъ лошади терпятъ нужду и голодъ»; а онъ (Даніилъ?) сказалъ ему въ отвѣтъ: «пошлемъ передовой отрядъ къ Визнѣ». Король Даніилъ далъ съѣстныхъ припасовъ воинамъ и ихъ лошадямъ въ достаточномъ количествѣ. Еще прежде посланы были два посла въ землю Ятвяговъ узнать о братѣ (Даніилѣ). Когда Татары пріѣхали въ землю Ятвяговъ, то они схватили пословъ и спрашивали: «гдѣ Даніилъ»? Тѣ отвѣчали: «находится въ Мельникѣ». Татары сказали: «это нашъ союзникъ братъ его воевалъ вмѣстѣ съ нами; мы идемъ къ нему». Разъѣхались они съ передовыми отрядами Даніила и пришли къ Дорогичину. Даніилу было извѣстно объ этомъ; за нимъ послали изъ Владиміра Льва и Шварла, онъ имъ сказалъ: «если вы будете у меня, то вамъ ѣздить въ станы къ нимъ Татарамъ, а если я буду»....

Потомъ, по прошествіи года, въ слѣдующемъ (1261) году, было спокойствіе по всей землѣ. Въ это время у князя Василька въ городѣ Владимірѣ случилась свадьба: онъ отдавалъ дочь свою Ольгу за князя Андрея Всеволодовича въ Черниговъ. На свадьбѣ находились братъ Василька король Даніилъ съ обоими его сыновьями, Львомъ и Шварномъ, множество другихъ князей и бояръ. Большое веселье было въ городѣ Владимірѣ. Въ это время пришло извѣстіе къ королю Даніилу и Василько, что идетъ проклятый Бурандай, и братья о томъ очень печалились; онъ имъ прислалъ сказать: «если вы друзья со мною, то встрѣтьте меня, а кто не встрѣтитъ меня, тотъ мнѣ врагъ». Князь Василько выѣхалъ на встрѣчу Бурундаю съ племянникомъ своимъ Львомъ, а король Даніилъ не поѣхалъ съ братомъ, а послалъ вмѣсто себя епископа холмскаго Іоанна. Князь Василько поѣхалъ съ Львомъ и епископомъ на встрѣчу Бурундаю, взявъ съ собою множество даровъ и питій, встрѣтилъ его у Шумска. Василько и Левъ пришли вмѣстѣ съ епископомъ и дарами къ Бурундаю; тотъ встрѣтилъ Василька и Льва съ большимъ гнѣвомъ; епископъ стоялъ въ великомъ

страхѣ. Потомъ Бурундай сказалъ Василько: «если вы со мною въ дружбѣ хотите быть, то разрушьте всѣ городскія укрѣпленія». Левъ разрушилъ Даниловъ, Истожекъ, оттуда послалъ разорить укрѣпленія Львова, а Василька послалъ разорить укрѣпленія Кременца и Луцка. Онъ же послалъ впередъ къ брату своему Даніилу епископа Іоанна. Тотъ пріѣхалъ и сталъ разсказывать Даніилу о томъ, что случилось, и о раздраженіи Бурандая. Даніилъ пришелъ въ ужасъ и бѣжалъ сначала въ Польшу и потомъ въ Венгрію. Бурандай выступилъ ко Владиміру, съ нимъ былъ и князь Василько; не дойдя до города, остановились ночевать на Житани. Бурандай сталъ говорить Василько про Владиміръ: «Василько, разори городскія укрѣпленія». Василько подумалъ объ этомъ, и такъ какъ укрѣпленія по ихъ громадности нельзя было разрушить скоро, велѣлъ ихъ зажечь: въ продолженіи ночи всѣ они сдѣлались жертвою огня. На другой день Бурандай пріѣхалъ во Владиміръ; собственными глазами увидалъ онъ, что укрѣпленія всѣ сгорѣли; на дворѣ у Василька сталъ онъ обѣдать и пить; по окончаніи же обѣда и попойки, ночь провелъ у Пятидна. На другой день Бурандай прислалъ къ князю Василько Татарина, именемъ Баймура. Тотъ пріѣхалъ къ Василько и сказалъ: «Василько, меня прислалъ Бурандай и велѣлъ разрыть городскіе окопы». Василько ему отвѣчалъ: «исполни то, что тебѣ приказано». И тотъ сталъ раскапывать городъ въ знакъ побѣды. Потомъ Бурандай пошелъ къ Холму; при немъ находился и князь Василько съ своими боярами и слугами. Они подошли къ Холму; городъ былъ затворенъ, и они остановились поодаль отъ него; но ничего не могли сдѣлать; въ немъ находилось много бояръ и людей доблестныхъ; а городъ хорошо снабженъ разными орудіями и самострѣлами. Бурандай, увидавъ, что надежны укрѣпленія города и что взять его невозможно, сталъ говорить князю Василько: «Василько, это городъ твоего брата, ступай и скажи гражданамъ чтобы они сдались». Съ Василькомъ послалъ Бурандай трехъ Татаръ Купчія, Ашика, Болюя и еще переводчика, знавшаго русскій языкъ, чтобы знать что будетъ говорить Василько подъѣхавъ къ городу. Василько, подходя къ нему, взялъ себѣ въ руку каменьевъ. Прійдя къ городу сталъ говорить гражданамъ, а Татары, посланные съ нимъ слышали: «холопъ Константинъ и ты другой холопъ Лука Иванковичь, это городъ брата моего и мой, сдайтесь». Сказавъ это, бросилъ онъ камень на землю и мечемъ разрубилъ его на три части. Такъ поступилъ онъ съ хитростью, давая

понять гражданамъ, чтобы они не сдавались а сражались. Такимъ образомъ великій князь Василько какъ бы Богомъ былъ посланъ на помощь гражданамъ подать имъ хитро-разумный совѣтъ. Константинъ стоялъ на стѣнѣ города, понялъ то, чего хотѣлъ Василько и сказалъ ему въ отвѣтъ: убирайся-ка ты отсюда прочь, а то будетъ тебѣ камнемъ въ лобъ; ты не братъ теперь королю Даніилу, а врагъ ему». Татары, которые были посланы съ княземъ къ городу, слышали все это, поѣхали къ Бурандаю и передали ему, какъ Василько говорилъ гражданамъ и что они ему отвѣчали. Потомъ Бурандай пошелъ поспѣшно къ Люблину, а оттуда къ Завихвосту. Татары пришли къ рѣкѣ Вислѣ, нашли себѣ тамъ броды, перешли на другую сторону рѣки и начали опустошать Польскую землю. Потомъ подошли къ Судомиру, обступили его со всѣхъ сторонъ, обнесли его своими укрѣпленіями и поставили осадныя орудія. Ими дѣйствовали они постоянно день и ночь, такъ что стрѣлы недавали осажденнымъ возможности показаться изъ за стѣнъ. Четыре дня продолжался бой и сбили зубцы со стѣнъ. Татары начали приставлять лѣстницы къ городу и потомъ полѣзли на стѣны. Прежде всего влѣзли туда два Татарина со знаменемъ и пошли по стѣнѣ рубить и колоть; одинъ пошелъ по одной сторонѣ стѣны, а другой по другой. Одинъ Полякъ не изъ бояръ и не знатнаго рода, но человѣкъ простой— даже вооруженія настоящаго не имѣлъ онъ, а только палицу; но ограждась отчаяніемъ какъ твердымъ щитомъ, совершилъ дѣло, достойное памяти; онъ пошелъ противъ Татарина, сошелся съ нимъ и убилъ его, но другой Татаринъ подошелъ сзади къ Поляку и убилъ его. Жители, видя Татаръ уже на стѣнѣ, бросились бѣжать въ крѣпость, не могли помѣститься въ воротахъ, къ которымъ велъ узкій мостикъ и подавили другъ друга; множество падало съ мостка въ ровъ какъ снопы; а рвы были повидимому очень глубоки: они наполнились мертвыми и по трупамъ можно было ходить какъ бы по мосту. Въ городѣ были временныя жилья, сдѣланныя изъ соломы; они загорѣлись отъ огня и весь городъ сталъ горѣть. Въ томъ городѣ была огромная каменная церковь удивительной работы; сдѣланная изъ бѣлаго тесанаго камня, она сіяла красотою. Она была полна людей. Верхъ у ней, сдѣланный изъ дерева, загорѣлся; она сгорѣла и въ ней безчисленное множество людей; едва успѣли и непріятели убѣжать изъ города. На другой день игумены (настоятели монастыря) священники и діаконы устроивъ клиросъ, отпѣли обѣдню и начали причащаться сначала

сами, потомъ стали причащать бояръ съ женами и дѣтьми и всѣхъ вообще отъ маленькихъ до большихъ, а исповѣдались они одни игуменамъ, другіе священникамъ и діаконамъ; въ томъ городѣ находилось множество жителей. Затѣмъ пошли изъ города съ крестами, свѣчами и кадилами; тутъ были и бояре и боярыни, одѣтыя въ праздничныя (свадебныя) одежды; слуги боярскіе несли передъ ними ихъ дѣтей. Сильные были плачъ и рыданіе; мужья оплакивали своихъ подругъ, а матери дѣтей, братъ-брата; милостя было ждать имъ нѣоткуда; гнѣвъ Божій на нихъ обрушился. Выгнавъ ихъ изъ города. Татары посадили ихъ на полѣ подлѣ Вислы, гдѣ они и сидѣли два дни; потомъ стали они избивать всѣхъ безъ различія и мущинъ и женщинъ и не оставили въ живыхъ ни одного. Оттуда Татары пошли къ городу Лысцу и прійдя къ нему окружили его; городъ находился въ лѣсу на горѣ и въ немъ была каменная церковь св. Троицы; но городъ былъ слабо укрѣпленъ. Татары взяли его и изрубили всѣхъ жителей отъ малаго до большаго. За тѣмъ Бурундай вернулся на свое кочевье; таковъ былъ конецъ взятія Судомира.

1262 годъ.

Литовцы Миндовга пошли войною на Поляковъ; съ ними находился проклятый беззаконникъ Евстафій Константиновичъ; онъ забѣжалъ сюда изъ Рязани. Литовцы совершенно неожиданно напали на Ездовъ, накануѣ Иванова дня на самое *купаніе;* тутъ убили они князя Сомовита, взяли въ плѣнъ сына его Кондрата, захватили много добычи и такъ вернулись домой. Вспомнилъ Миндовгъ, что князь Василько, вмѣстѣ съ богатыремъ (татарскимъ полководцомъ) опустошалъ Литовскую землю, и послалъ противъ Василька войско, и оно опустошило окрестности Каменца. Князь Василько не пошелъ противъ непріятелей, потому что ждалъ войны съ другой стороны, а послалъ вслѣдъ за ними Жемилова и Степана Медушника; они преслѣдовали непріятелей до Ясольны и не нагнали ихъ, потому что войско было немногочисленное, захватило добычу и потому ушло поспѣшно, безъ оглядки. Другое войско Литовское на той же недѣлѣ опустошало окрестности Мѣльницы; при немъ находился воевода Тюдиминовичъ Ковдижадъ; тутъ Литовцы захватили много добычи. Князь Василько поѣхалъ за ними съ сыномъ своимъ Владиміромъ, боярами и слугами и нагналъ ихъ у города Небля. Литовцы остановились при озерѣ и изготовили полки свои къ бою, расположивъ, по своему обычаю, за

щитами каждые три ряда воиновъ. Василько, устроивъ свои полки къ бою, пошелъ противъ Литовцевъ, и оба войска сразились. Литовцы не выдержали и пустились бѣжать, но некуда было: со всѣхъ сторонъ преграждало путь озеро. Тутъ-то стали рубить Литовцевъ, а много ихъ потонуло въ озерѣ; всѣхъ избили, не осталось ни одного. Когда объ этомъ услыхали пинскіе князья, Ѳёдоръ, Демидъ и Юрій, то они пріѣхали къ Василько съ пятіями и стали веселиться, видя, что ихъ враги избиты, а свое войско все цѣло, только одинъ изъ воиновъ Василька и убитъ—Прекборъ, сынъ Степановъ Родивича; потомъ князья пинскіе вернулись домой, а Василько поѣхалъ ко Владиміру съ великими побѣдою и честью. Онъ отослалъ часть военной добычи брату своему королю Даніилу съ Борисомъ и Изеболкомъ. Даніилъ поѣхалъ было въ Венгрію и Борисъ нагналъ его у Телича. А король скорбѣлъ сильно о братѣ своемъ Васильке и племянникѣ Владимірѣ, такъ какъ тотъ былъ еще очень молодъ. Вдругъ одинъ изъ слугъ вошелъ и сталъ говорить ему: «господинъ, какіе-то люди ѣдутъ прикрывшись щитами и съ *сулицами* (литовское оружіе; ведутъ они въ поводу запасныхъ копей». Король вскочилъ отъ радости и, поднявъ руки къ верху, поблагодарилъ Бога, сказавъ: «слава тебѣ Господи! То вѣрно Василько побѣдилъ Литовцевъ». Пріѣхалъ Борисъ и передалъ королю военную добычу — лошадей съ сѣдлами, щиты, *сулицы* и шлемы. Король сталъ спрашивать о здоровьи своего брата и племянника. Борисъ сообщилъ ему свѣдѣніе о томъ и о другомъ и разсказалъ все какъ было. Король очень радовался тому, что его братъ и племянникъ въ добромъ здоровьи, а враги поражены, а Бориса, осыпавъ подарками, отпустилъ назадъ къ брату. Потомъ у русскихъ князей было свиданіе съ польскимъ княземъ Болеславомъ: въ Тернавѣ съѣхались князь (король) Даніилъ съ обоими своими сыновьями Львомъ и Шварномъ, князь Василько съ сыномъ своимъ Владиміромъ и уладились относительно земель Русской и Польской: договоръ скрѣпили они цѣлованіемъ креста; за тѣмъ они разъѣхались по домамъ. Прошелъ одинъ годъ послѣ этого съѣзда (сейма), какъ осенью убитъ Миндовгъ, великій князь Литовскій; онъ былъ самодержцемъ надо всею Литовскою землею. Разскажемъ обстоятельства его убійства: когда онъ сталъ княжить въ землѣ Литовской, то началъ избивать братьевъ и племянниковъ; другихъ выгналъ изъ земли и началъ княжить одинъ во всей Литовской землѣ. Сдѣлался онъ очень гордъ и тщеславенъ,—никого не считалъ себѣ равнымъ. У него былъ сынъ Воишелгъ и дочь:

послѣднюю отдалъ онъ въ Холмъ замужъ за Шварна Даниловича, а Воишелгъ княжилъ въ Новгородкѣ; онъ былъ язычникомъ и проливалъ много крови; каждый день убивалъ онъ по три, по четыре человѣка; а въ какой день если никого не приходилось ему убить, то онъ былъ очень печаленъ; а когда убивалъ кого, то бывалъ очень веселъ. Потомъ страхъ Божій проникъ въ его сердце, и онъ сталъ думать, какъ бы принять Св. крещеніе. Крестился онъ въ Новгородкѣ и сталъ христіаниномъ. Потомъ Воишелгъ отправился въ Галичъ къ князьямъ Даніилу и Василько и хотѣлъ принять монашескій санъ. Тогда-то Воишелгъ былъ воспріемникомъ во Св. крещеніи сына Льва Даніиловича—Юрія; потомъ отправился онъ въ Полонину въ монастырь къ Григорію, постригся въ монахи, оставался тамъ три года; принявъ благословеніе отъ Григорія, пошелъ оттуда, въ Св. гору; а Григорій былъ святой человѣкъ какого не было прежде него и по немъ не будетъ. Воишелгъ не могъ дойдти до Святой горы, потому что въ тѣхъ земляхъ были большія смуты, и вернулся въ Новгородокъ. Онъ построилъ себѣ монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ между Литвою и Новгородкомъ, и тамъ жилъ. Отецъ Воишелга Миндовгъ бранилъ его за такую жизнь; а Воишелгъ съ своей стороны сердился на отца. Въ то время умерла княгиня, жена Миндовга, и началъ онъ по ней совершать языческіе обряды поминовенія. Сестра умершей была замужемъ за Довмонтомъ, княземъ Налещанскимъ. Миндовгъ послалъ въ землю Налещанъ за своею свояченицею сказать: «сестра твоя умерла; пріѣзжай дѣлать поминки по сестрѣ».—Та пріѣхала на поминки, а Миндовгъ хотѣлъ взять ее за себя замужъ и сталъ ей говорить: «умирая, сестра приказывала, чтобы ты шла за меня замужъ; она говорила: другая не будетъ такъ любить дѣтей».—И женился на ней Миндовгъ. Довмонтъ, узнавъ о томъ, очень опечалился; онъ думалъ какъ бы убить Миндовга, но не могъ, потому что сила его была мала, а Миндовга велика. Довмонтъ искалъ себѣ съ кѣмъ быть въ состояніи убить Миндовга и нашелъ себѣ помощникомъ Треняту, племянника Миндовга, и съ нимъ совѣтовался, какъ бы убить Миндовга. Трепята въ то время находился въ Самогитіи.

1263 годъ.

Миндовгъ отправилъ было всѣ свои силы за Днѣпръ противъ Романа, брянскаго князя.—Довмонтъ отправился было также на войну, но, найдя для себя удобнымъ, вернулся назадъ, говоря: «гаданіе не велитъ мнѣ идти съ вами»; воротясь назадъ, онъ бросился

неожиданно на Миндовга и убилъ его и съ нимъ его двухъ сыновей Рукля и Репекья. Таковъ былъ конецъ жизни Миндовга. Когда Миндовгъ былъ убитъ, то Воишелгъ, опасаясь такой же участи, бѣжалъ въ Пинскъ и жилъ тамъ, а Трепята началъ княжить по всей Литовской землѣ и Самогитіи. Онъ послалъ въ Полоцкъ за братомъ своимъ Товтивиломъ и велѣлъ ему сказать: «братъ, пріѣзжай сюда, раздѣлимъ земли и имущество Миндовга». Когда Товтивилъ пріѣхалъ къ Тренятѣ, то началъ онъ задумывать какъ бы убить Треняту, а Тренята съ своей стороны замышлялъ то же самое противъ Товтивила. Замыселъ Товтивила обнаружилъ его боярин Прокофій Полочанинъ; Тренята упредилъ Товтивила, убилъ его и сталъ княжить одинъ. Потомъ четыре конюха Миндовга стали замышлять какъ бы имъ убить Треняту; разъ, когда онъ шелъ въ баню, они подстерегли удобный случай и убили Треняту. Услыхавъ объ этомъ, Воишелгъ пошелъ съ жителями Пинска къ Новгородку; оттуда взялъ съ собою жителей Новгородка и пошелъ княжить въ Литву. Литовцы приняли Воишелга, потомка своихъ древнихъ властителей, съ радостью.

1264 годъ.

Воишелгъ сталъ княжить во всей Литовской землѣ, началъ избивать своихъ враговъ; истребилъ онъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались куда пришлось. Тутъ погибъ и тотъ проклятый, беззаконный Евстафій, о которомъ мы упомянули выше. Въ томъ году, въ которомъ, какъ мы уже сказали, совершилось убійство Миндовга, Романъ, князь брянскій, отдалъ дочь свою Ольгу замужъ за князя Владиміра, Василькова сына, внука великаго князя галицкаго Романа. Въ то время литовское войско пришло на Романа; онъ сразился съ нимъ и побѣдилъ его самъ получилъ раны и, обнаруживъ свое мужество, пріѣхалъ въ Брянскъ съ великою честью и побѣдою; радость заставила его забыть и полученныя имъ раны. Тутъ онъ и отдалъ дочь свою замужъ; ихъ у него было еще три, а эта была четвертая и всѣхъ ему милѣе; съ нею послалъ онъ своего старшаго сына Михаила и множество бояръ.—Вернемся теперь назадъ. Воишелгъ княжилъ въ Литвѣ, и стали ему помогать князь Шварно и Василько; послѣдняго назвалъ онъ (Воишелгъ) своимъ отцомъ и господиномъ). Король Даніилъ сдѣлался сильно боленъ и померъ; тѣло его положили во храмъ Св. Богородицы, имъ построенномъ. Король Даніилъ былъ государь добрый, храбрый и мудрый; онъ

основалъ много городовъ. построилъ церкви и снабдилъ ихъ разными украшеніями. Онъ жилъ очень дружно съ братомъ свóимъ Василькомъ. Этотъ Даніилъ былъ второй по Соломонѣ.—Затѣмъ Шварно пошелъ на помощь Воишелгу, и князь Василько послалъ ему отъ себя на помощь все свое войско,—вѣдь Воишелгъ назвалъ Василька себѣ отцомъ и господиномъ. Шварно со вспомогательнымъ войскомъ пришелъ въ Литву на помощь Воишелгу. Тотъ обрадовался, видя вспоможеніе Шварна и нареченнаго отца своего Василька, съ своей стороны собрался и пошелъ съ большими силами, началъ брать города по Двелитвѣ и въ землѣ Налещанъ. Такъ онъ побралъ города и избилъ своихъ враговъ; за тѣмъ всѣ вернулись по домамъ.

1265 годъ.

На востокѣ явилась звѣзда съ хвостомъ; страшенъ былъ видъ ея,—она испускала отъ себя огромные лучи; звѣзда эта называется *волосатая*. При видѣ этой звѣзды, страхъ и ужасъ овладѣли всѣми людьми; люди умные говорили: «большія смуты будутъ на землѣ»; но Богъ спасъ своего волею и ничего не случилось. Въ этомъ году скончалась великая княгиня жена Василька; имя ей было Елена; тѣло ея положили въ епископской церквѣ Богородицы въ городѣ Владимірѣ.

1266 годъ.

Великія смуты возникли у самихъ Татаръ; они избили другъ у друга безчисленное, какъ песокъ морской, множество людей.

1268 годъ.

Воишелгъ княжилъ въ Литвѣ и съ нимъ Шварнъ. Литовцы пошли войною на польскаго князя Болеслава и шли они мимо Дорогичина. Съ ними отправились и Шварновы слуги; они опустошили окрестности Скаришева, Визлежа и Торжка и захватили много добычи. Въ то время князь Болеславъ былъ очень боленъ; а когда выздоровѣлъ, то послалъ къ Шварну посла—а Шварно находился въ то время въ Новгородкѣ—сказать ему: «за что ты со мною воевалъ и безъ моей вины опустошилъ мою землю»? Шварно возразилъ на это: «не я воевалъ съ тобою, но Литва». — Посолъ отвѣтилъ Шварну: «такъ тебѣ говоритъ князь Болеславъ: на Литву я не жалуюсь, что воевалъ со мною недругъ мой; ему не слѣдъ былъ воевать со мною, но на тебя жалуюсь, и пусть Богъ разсудитъ между нами». Съ того времени началась война и По

ляки стали опустошать окрестности Холма; начальниками войска были у нихъ Сигнѣвъ, Воржь, Сулко. Невступъ; но неуспѣли взять никого.—жители удалились въ городъ; ихъ извѣстили Поляки, пограничные жители. Потомъ Шварно пріѣхалъ поспѣшно изъ Новгородка и началъ собирать свои силы. Соединясь съ княземъ Васильком и сыномъ его Владиміромъ, Шварно пошелъ войною на земли Поляковъ. Онъ сталъ опустошать окрестности Люблина, а Владиміръ—Бѣлой и захватили множество добычи. За тѣмъ пошли домой: Шварно въ Холмъ, а Владиміръ въ Червенъ,—тамъ находился отецъ его Василько.—а оттуда во Владиміръ. Когда они вернулись домой, Поляки начали на той же недѣлѣ опустошать окрестности Червена, не взяли ничего и пошли назадъ. — Потомъ князь Болеславъ прислалъ къ Васильку своего посла Григорія, старшаго священника люблинскаго, сказать: «своякъ, давай свидимся». Василько отвѣчалъ: «я очень радъ», и назначили себѣ свиданіе въ Тернавѣ. Василько отправился туда на съѣздъ, но когда онъ былъ у Грабовца, то получилъ извѣстіе, что Поляки обманули, на съѣздъ не пошли, а обойдя около Наворота, двинулись къ Бельзу, начали опустошать и жечь села. Василько пошелъ поспѣшно отъ Грабовца съ Шварномъ и сыномъ Владиміромъ, пришли къ Червену и увидали, что села горятъ и Поляки опустошаютъ. Василько пустилъ на нихъ воиновъ въ мѣстахъ, гдѣ Поляки разсѣялись, грабя селенія; многихъ изъ Поляковъ убили, а другихъ взяли въ плѣнъ; Поляки испугались и удалились домой. Василько послалъ вслѣдъ за ними Шварна, своего племянника и Владиміра своего сына; онъ далъ имъ такое приказаніе: «не сражайтесь съ Поляками близко, но пустите ихъ въ ихъ землю; а если они пойдутъ раздѣлясь, тогда вступайте съ ними въ бой». Такъ Шварно и Владиміръ двинулись за Поляками съ огромными силами; полки ихъ казались густымъ лѣсомъ. Шварно шелъ впередъ съ своимъ полкомъ, а Владиміръ съ своимъ позади.—Поляки еще не вошли въ свою землю, но только прошли ворота: то было укрѣпленное мѣсто, которое невозможно было обойдти ни откуда и по тѣснотѣ его называлось *Ворота*; туть-то Русскіе нагнали Поляковъ. Шварно шелъ впереди съ полкомъ и, не помня приказанія своего дяди, не дождавшись силъ своего брата Владиміра, устремился на бой. Когда сразились полки, то Поляки сломили полкъ Шварновъ, а по тѣснотѣ мѣста другимъ полкамъ невозможно было подать имъ помощь. Такимъ образомъ Поляки побѣдили Русскихъ и убили у нихъ много бояръ и простыхъ людей; туть убп-

ли двухъ сыновей тысяцкаго Лаврентія и Андрея; они показали отличное мужество, не хотѣли бѣжать братъ отъ брата и тутъ приняли славный конецъ. Затѣмъ Поляки помирились съ Русскими; Болеславъ заключилъ миръ съ Васильком и Шварномъ и стали жить въ большой дружбѣ. Воишелгъ отдалъ княженіе своему зятю Шварну, а самъ захотѣлъ принять монашескій санъ. Шварно очень просилъ Воишелга, чтобы онъ еще покняжилъ съ нимъ въ Литвѣ, но Воишелгъ не хотѣлъ и говорилъ: «много согрѣшилъ я передъ Богомъ и людьми; княжи ты, а владѣніе тебѣ обезпечено» Шварно не могъ упросить его и такъ сталъ княжить одинъ въ Литвѣ. Воишелгъ отправился въ Угровскъ въ монастырь къ Св. Даніилу, облекся въ монашескія одежды и началъ жить въ монастырѣ, говоря: «здѣсь подлѣ меня близко сынъ мой Шварнъ, а другой господинъ мой отецъ князь Василько; они-то мнѣ будутъ служить утѣшеніемъ. Наставникъ Воишелга, Григорій Полониньскій былъ еще живъ. Воишелгъ, узнавъ о томъ, очень обрадовался, послалъ за нимъ и велѣлъ ему сказать: «господинъ отецъ, пріѣзжай сюда». Тотъ пріѣхалъ къ нему и далъ ему наставленіе какъ жить въ монашествѣ. Въ то время Левъ прислалъ сказать Василько: «хочется мнѣ повидаться съ тобою, но такъ, чтобы тутъ былъ и Воишелгъ» Василько на страстной недѣлѣ послалъ за Воишелгомъ сказать ему: «прислалъ ко мнѣ Левъ и зоветъ меня и тебя на свиданіе; не бойся ничего». Воишелгъ боялся Льва и не хотѣлъ ѣхать; но за ручательствомъ Василька поѣхалъ, пріѣхалъ на Святой недѣлѣ во Владиміръ и остановился въ монастырѣ Св. Михаила Великаго. Нѣмецъ Маркольтъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ князей: Василька, Льва и Воишелга. Тутъ они обѣдали, пили и веселились; Василько напился и отправился домой спать, а Воишелгъ въ монастырь гдѣ стоялъ. Левъ пріѣхалъ къ нему туда и сталъ ему говорить: «кумъ, давай пить еще», и начали пить. Діаволъ, который отъ начала не желаетъ добра человѣческому роду, внушилъ злой умыселъ Льву и тотъ убилъ Воишелга отъ зависти—зачѣмъ онъ отдалъ Литовскую землю брату его Шварну. Такъ убитъ Воишелгъ; тѣло его положили въ церкви Михаила Великаго. Немного лѣтъ княжилъ Шварно въ Литвѣ послѣ смерти Воишелга; онъ умеръ и тѣло положили въ храмѣ Св. Богородицы близъ отцовскаго гроба.

1270 годъ.

Въ Литвѣ сталъ княжить проклятый, беззаконный, не знавшій

никакой жалости Тройденъ; его беззаконныя дѣла мы не могли описать отъ стыда. Беззаконіями своими сталъ наравнѣ съ Антіохомъ Сирійскимъ, Иродомъ Іерусалимскимъ и Неропомъ Римскимъ, а многими преступленіями и превзошелъ ихъ. Правилъ онъ 12 лѣтъ и тамъ умеръ беззаконникомъ. У него были братья хорошіе люди: Сурпутій, Лѣсій, Свелкеній; они были крещены и жили въ любви, кротости и смиреніи, соблюдали строго уставы вѣры православной, любили сильно вѣру и ницихъ; скончались они еще при жизни Тройдена.

1271 годъ.

Скончался благовѣрный и христолюбивый великій князь владимірскій Василько, сынъ великаго князя Романа; тѣло его положили въ епископской церкви Св. Богородицы во Владимірѣ.

1272 годъ.

На мѣстѣ Василько сталъ княжить сынъ его Владиміръ; онъ отличался справедливостью ко всѣмъ родпымъ, боярамъ и простымъ людямъ. Левъ княжилъ въ Галичѣ и Холмѣ по смерти брата его Шварна.

1273 годъ.

Помирились съ польскимъ княземъ Болеславомъ. Онъ тогда началъ войну съ княземъ воротиславскимъ; на помощь ему пошли Левъ и Мстиславъ, а Владиміръ самъ не пошелъ, а послалъ свое войско съ Жидиславомъ, а самъ не пошелъ потому, что у него была война съ Ятвягами. Затѣмъ князья задумали идти противъ Ятвяговъ, но когда наступила зима, сами князья не пошли, а послали своихъ полководцевъ съ войскомъ. Левъ послалъ съ своимъ полкомъ—Андрея Путивлича, а Владиміръ съ своимъ—Желислава, а Мстиславъ—Володислава Ломоносаго. Они пошли и взяли Злину. Ятвяги собрались, но не смѣли съ ними сразиться, и такъ Рускіе полководцы вернулись къ своимъ князьямъ съ великою побѣдою и честью. Потомъ пріѣхали къ Льву, Владиміру и Мстиславу—Ятвягскіе князья Минтель, Шюрнъ, Мюдѣйко и Шестило просять мира. Тѣ съ трудомъ дали имъ миръ. Ятвяги ради были миру и такъ возвратились въ свою землю.

1274 годъ.

Когда Тройденъ еще княжилъ въ Литовской землѣ, то жилъ съ Львомъ въ великой любви и они посылали другъ другу много подарковъ; а съ Владиміромъ жилъ недружно за то, что отецъ

Владиміра, князь Василько убилъ на войнѣ трехъ братьевъ Тройденовыхъ. Тройденъ велъ и войну съ Владиміромъ, но значительнаго ничего не было. Тройденъ послалъ пѣхоту противъ Владиміра и тотъ выслалъ также свое войско, и такъ вели войну цѣлое лѣто. Потомъ Тройденъ, забывъ расположеніе Льва, послалъ Городнянъ и велѣлъ взять Дорогичинъ; съ нимъ находился и Тридъ. Онъ зналъ о городѣ какъ его можно взять, и ночью провелъ непріятеля; взяли его ночью на самый первый день Св. Пасхи и избили всѣхъ отъ мала до велика. Услыхавъ объ этомъ, Левъ очень печалился и началъ думать какъ бы отомстить. Онъ послалъ въ землю Татаръ къ великому царю Менгутемиру, прося у него помощи противъ Литвы. Менгутемиръ далъ ему войско, отпустилъ съ нимъ полководца Ягурчина, послалъ ему на помощь всѣхъ заднѣпровскихъ князей, Романа Брянскаго съ сыномъ его Олегомъ, Глѣба Смоленскаго и много другихъ князей; въ то время всѣ князья находились въ распоряженіи Татаръ. Съ наступленіемъ зимы начали готовиться въ походъ рускіе князья: Левъ, Мстиславъ и Владиміръ; съ ними пошли князья Пинскіе и Туровскіе. Они шли мимо Турова къ Слуцку; тутъ, у Слуцка, соединились съ Татарами и всѣ вмѣстѣ двинулись поспѣшно къ Новгородку. Не дойдя рѣки Сырьвачи, остановились почевать; на другой день, вставъ рано, выступили и, перейдя рѣку до свѣта, дождались солнечнаго восхода и начали готовить полки, а устроивъ ихъ, пошли къ городу. Татары шли съ своими полками по правой сторонѣ; подлѣ нихъ шелъ Левъ съ своимъ полкомъ, а за нимъ по лѣвой сторонѣ (на лѣвомъ флангѣ) двигался Владиміръ съ своимъ полкомъ. Татары прислали ко Льву и Владиміру сказать: «передовые наши видѣли, что войско стоитъ за горою, паръ поднимается отъ коней; пошлите и вы надежныхъ людей съ нашими Татарами, пусть они разсмотрятъ, что тамъ есть». Князья послали съ Татарами надежныхъ людей и тѣ, доѣхавъ, убѣдились, что войска никакого нѣтъ, а то паръ поднимался отъ потоковъ, текущихъ съ горъ, потому что были сильные морозы. Такъ пришли къ городу и стали около него. Не пришли ни Мстиславъ, — онъ шелъ отъ Копыля по Полѣсью, опустошая, — ни Романъ, ни Глѣбъ, ни заднѣпровскіе князья. Изъ нихъ только одинъ Олегъ пришелъ впередъ съ Татарами. Тѣ очень желали, чтобы пришелъ Романъ. Левъ обманулъ своихъ родныхъ и тайкомъ отъ Мстислава и Владиміра взялъ вмѣстѣ съ Татарами внѣшній городъ, а крѣпость осталась. На другой день по взятіи города пришли Романъ и Глѣбъ

съ большими силами. Сердились на Льва Мстиславъ, Владиміръ, тесть его Романъ брянскій, Глѣбъ Смоленскій и много другихъ князей за то, что онъ, Левъ, не счелъ ихъ себѣ равными, а одинъ съ Татарами взялъ городъ. А прежде рѣшено было на совѣтѣ такъ: князьямъ, взявъ Новгородокъ, идти дальше въ землю Литовскую; разсердясь на Льва, князья не пошли и вернулись домой. Олегъ пріѣхалъ отъ Новгородка во Владиміръ къ сестрѣ. Владиміръ звалъ тогда усильно и тестя своего; онъ ему говорилъ: «господинъ и отецъ, пріѣзжай, побудешь въ своемъ домѣ и увидишь здоровье твоей дочери». Романъ отказался, говоря: «сынъ мой, Владиміръ, не могу я уѣхать отъ войска; оно находится въ землѣ непріятельской; кто же проводитъ мое войско домой? Посылаю вмѣсто себя сына моего Олега; пусть ѣдетъ съ тобою». Поцѣловались они и разъѣхались по домамъ.

1276 годъ.

Прусы пришли къ Тройдену, вынужденно уступая Нѣмцамъ. Тотъ принялъ ихъ и поселилъ часть ихъ въ Гродиѣ, а часть въ Слонимѣ. Владиміръ, по совѣту съ братомъ своимъ Львомъ, послали войско къ Слониму и захватили Прусовъ для того, чтобъ они не захватывали близко земли. Вслѣдъ за тѣмъ Тройденъ послалъ брата своего Сирпутія и опустошилъ окрестности Каменца. Владиміръ выслалъ противъ него войско и взялъ у него Турійскъ на рѣкѣ Нѣманѣ и около него побралъ села. Потомъ они помирились и жили очень дружно. Богъ внушилъ Владиміру добрую мысль; онъ сталъ думать, гдѣ бы за Брестомъ построить городъ. Онъ взялъ книги пророковъ и, задумавъ свою мысль, сказалъ: «Господь Богъ всесильный и всемогущій, словомъ Своимъ все создающій и управляющій, что проявишь мнѣ, грѣшному рабу своему?» Тутъ онъ развернулъ книгу и ему открылось мѣсто: «Духъ Господа на мнѣ, а потому-то и помазалъ онъ меня — возвѣщать немущимъ хорошую вѣсть послалъ меня, исцѣлить сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдать плѣнникамъ отпущеніе, слѣпымъ—возможность видѣть, призвать лѣто Господа благопріятное и день воздаянія Богу нашему, утѣшить всѣхъ плачущихъ, дать проливающимъ въ Сіонѣ слезы славу, за пепелъ—помазаніе и веселіе, за духъ уныція—украшеніе, и назовутся роды правды, насажденіе Господа въ славу; застроятъ вѣчную пустыню, запустѣвшія прежде мѣста, возобновятъ пустые города, отъ памяти людей безъ жителей». Изъ этого пророчества князь Владиміръ уразумѣлъ милость къ себѣ Божію и началъ искать удобнаго мѣ-

ста, гдѣ бы поставить городъ. Та земля запустѣла уже 80 лѣтъ послѣ Романа, а теперь Богъ по своей милости ее обновилъ. Владиміръ послалъ умнаго человѣка, по имени Алексу, который и при отцѣ его построилъ много городовъ; онъ отправилъ его съ туземцами въ лодкахъ къ верховьямъ рѣки Лосны найти удобное мѣсто, гдѣ поставить городъ. Онъ нашелъ такое, пріѣхалъ къ князю и сталъ ему сказывать. Князь поѣхалъ самъ съ боярами и слугами, понравилось ему то мѣсто надъ берегомъ рѣки Лысны; онъ его велѣлъ очистить и потомъ срубить тамъ городъ, который назвалъ Каменцомъ, потому что почва была каменистая.

1277 годъ.

Проклятый и беззаконный Ногай прислалъ съ грамотою пословъ своихъ Тегичага, Кутлубугу и Ешимута къ Льву, Мстиславу и Владиміру сказать: «постоянно вы мнѣ жалуетесь на Литву; вотъ теперь даю вамъ войско и съ нимъ полководца Мамшѣя; пойдите съ нимъ на вашихъ враговъ». Когда наступила зима, пошли на Литву рускіе князья Мстиславъ и Владиміръ, а Левъ не пошелъ, но послалъ своего сына Юрія; всѣ двинулись къ Новугородку. Когда они пришли къ Бресту, то получили извѣстіе, что Татары уже опередили ихъ по дорогѣ къ Новугородку. Князья Мстиславъ, Владиміръ и Юрій стали совѣтоваться; они говорили: «если пойдемъ къ Новугородку, то тамъ Татары уже все опустошили; пойдемъ же лучше по мѣстамъ еще нетропутымъ». Съ общаго совѣта пошли они къ Городну (Гродну?). Миновавъ далеко Волковыйскъ, остановились они почевать. Тутъ Мстиславъ и Юрій тайно отъ Владиміра послали лучшихъ своихъ бояръ и слугъ воевать съ Тюймою; они тамъ воевали и легли отдыхать на ночь, не дойдя до главнаго войска, снявъ съ себя вооруженіе и не поставивъ сторожей. Отъ нихъ ушелъ одинъ бѣглецъ въ городъ и сказалъ жителямъ: «тамъ на селѣ люди лежатъ безо всякихъ предосторожностей». Прусы и Борты, выѣхавъ изъ города, ударили на Рускихъ ночью, избили ихъ всѣхъ, другихъ взяли въ плѣнъ и повели въ городъ; Тюйма везли на санѣхъ, потому что онъ былъ сильно раненъ. На другой день пришли полки къ городу и прибѣжалъ Ростиславко, воинъ Мстислава, раздѣтый и босой; онъ сталъ разсказывать, что побиты всѣ бояре Мстислава и Льва и слуги—которые избиты, а которые взяты въ плѣнъ. Мстиславъ и Юрій очень жалѣли о своемъ неблагоразумномъ проступкѣ; а Владиміру было очень непріятно, что они рѣшились на него безъ его вѣдома. Князья начали соображать,

*

какъ бы имъ взять городъ. Передъ воротами города стоялъ высокій каменный столбъ; въ немъ заперлись Прусы и мимо него нельзя было пройдти къ городу, такъ какъ они наносили смерть изъ того столба. Князья сдѣлали приступъ къ столбу (башнѣ) и взяли его; тогда великіе страхъ и ужасъ напали на городъ; какъ мертвые стояли граждане на зубцахъ стѣны, пораженные взятіемъ башни, на которую возлагали всю свою надежду. Князья стали совѣтоваться какъ бы добыть назадъ своихъ бояръ, но не были никакъ въ состояніи. Мстиславъ, Владиміръ и Юрій помирились съ гражданами на такомъ условіи: города имъ не брать, а своихъ бояръ получить назадъ. Бояръ своихъ взяли, а городу ничего не сдѣлали и вернулись домой.

1278 годъ.

Тройденъ еще княжилъ въ Литовской землѣ и послалъ большое войско на Поляковъ; съ нимъ отправилъ опъ своего брата Сирпутія. Въ то время Ятвяги опустошали окрестности Люблина въ теченіи трехъ дней, взяли несмѣтное множество добычи и такъ съ великою честью вернулись домой.

1279 годъ.

Былъ голодъ по всей землѣ и на Руси, и въ Польшѣ, и въ землѣ Ятвяговъ. Послѣдніе прислали пословъ къ Владиміру сказать ему: «господинъ князь Владиміръ. Въ надеждѣ на Бога и на твое здоровье пріѣхали мы къ тебѣ ото всѣхъ Ятвяговъ; не дай намъ умереть съ голоду. но прокорми для себя: пошли къ намъ хлѣба продать, а мы съ радостью купимъ. Чего ты захочешь: воску ли, бѣличьихъ ли мѣховъ, бобровъ ли, черныхъ ли куньихъ мѣховъ, серебра ли—съ радостью дадимъ». Владиміръ изъ Бреста послалъ къ нимъ хлѣба въ лодкахъ съ надежными людьми, заслужившими его довѣріе. Шли они по Бугу, потомъ вошли въ Наровь, пошли по этой рѣкѣ и пришли подъ городъ Полтовескъ (Пултускъ) и тутъ стали на ночлегъ отдохнуть; ночью ихъ подъ городомъ всѣхъ избили, хлѣбъ взяли, а лодки потопили. Владиміръ усильно домогался разъискать виновниковъ этого злодѣянія и послалъ сказать князю Кондрату: «подъ твоимъ городомъ избиты мои люди по твоему ли приказанію, по другому ли чьему—тебѣ знать, что въ твоей землѣ дѣлается; такъ скажи же мнѣ».—Кондратъ уперся: «я самъ не избивалъ и не знаю другаго, кто избилъ».—Владиміру сообщилъ дядя его князь Болеславъ на племянника своего Кондрата: «напрасно

онъ и отпирается,—онъ избилъ твоихъ людей».—Тогда Болеславъ жилъ въ недружбѣ съ племянникомъ своимъ Кондратомъ и говорилъ онъ Владиміру: «развѣдайся съ нимъ самъ, великій срамъ положилъ онъ на тебя; тебѣ слѣдуетъ отмстить ему». Владиміръ послалъ противъ Кондрата свое войско; они опустошили ту сторону Вислы и взяли много добычи. Потомъ Кондратъ прислалъ къ Владиміру, желая съ нимъ помириться Владиміръ согласился и оба князя стали жить очень дружно; Владиміръ вернулъ Кондрату плѣнныхъ, которыхъ захватило его войско. Въ этомъ же году скончался великій князь краковскій Болеславъ; былъ онъ человѣкъ добрый, кроткій, тихій, смиренный, незлобивый; пожилъ онъ много лѣтъ и такъ въ преклонныхъ лѣтахъ отошелъ ко Господу; тѣло его положили въ часовнѣ Святаго Франциска, въ городѣ Краковѣ.

1280 годъ.

По смерти великаго князя Болеслава не было кому княжить въ землѣ Польской, потому что дѣтей у него не было; Левъ хотѣлъ было присвоить себѣ Польшу, но могущественные бояре не допустили его завладѣть ею. У Болеслава было пять племянниковъ: два сына его брата Сомовита, Кондратъ и Болеславъ, и три сына Казиміра: Лестко, Земомыслъ и Володиславъ. Польскіе бояре избрали себѣ одного изъ нихъ, Лестка, и посадили его въ Краковѣ на престолъ Болеслава. Такъ Лестко сталъ княжить въ Польшѣ.—Левъ захотѣлъ себѣ части Польской земли, пограничные города (на Украинѣ) и отправился къ проклятому Ногаю просить у него вспоможенія противъ Поляковъ; тотъ послалъ съ нимъ Копчака, Козѣя и Кубатана. Наступила зима, и они отправились въ походъ: съ радостью пошелъ Левъ съ Татарами и съ сыномъ своимъ Юріемъ; а Владиміръ, Мстиславъ и сынъ его Даніилъ пошли вынужденно, слушаясь Татаръ. Всѣ двинулись къ Судомиру, перешли рѣку Вислу по льду подъ самимъ городомъ; сначала Левъ съ сыномъ Юріемъ и своимъ полкомъ, за нимъ Мстиславъ съ сыномъ Даніиломъ и потомъ Татары. Перейдя Вислу, стали они около города; недолго они стояли тамъ и не сражались; потомъ Левъ съ большимъ войскомъ двинулся къ Кропивницѣ, гордо хвалясь, что хочетъ идти къ Кракову. Владиміръ находился сзади и стоялъ у города съ своимъ полкомъ; ему сказали, что въ лѣсу есть засѣка, наполненная людьми и имуществомъ всякаго рода; ни одно войско непріятельское не проникало въ эту засѣку, потому что она была очень укрѣплена. Владиміръ послалъ къ этой засѣкѣ людей на-

дежныхъ и съ ними Кафлата Селезенца; когда они пришли къ засѣкѣ, то Поляки сдѣлали имъ храбрый отпоръ; съ трудомъ могли овладѣть засѣкою, а тамъ захватили много плѣнныхъ и имущества. А Левъ, какъ мы уже прежде написали, шелъ впередъ съ войскомъ и воины разошлись грабить. Тутъ Богъ сдѣлалъ свою волю надо Львомъ: Поляки убили изъ его войска много бояръ и лучшихъ слугъ и часть Татаръ избили. Такимъ образомъ Левъ воротился назадъ съ великимъ безчестіемъ.

1281 годъ.

Лестко пошелъ противъ Льва и взялъ у него городъ Перевоpескъ, изрубилъ въ немъ всѣхъ людей отъ малыхъ до большихъ, зажегъ городъ и потомъ удалился въ свою землю. Злой духъ поселилъ вражду между двумя сыновьями Семовита—Кондратомъ и Болеславомъ, начали они враждовать между собою и воевать. Кондратъ жилъ душа въ душу съ княземъ Владиміромъ, а Болеславъ находился въ большой дружбѣ съ Лесткомъ и братомъ его Володиславомъ. Болеславъ собралъ войско, взялъ себѣ вспоможеніе у Володислава и пошелъ на своего брата Кондрата къ городу Ездову. Кондрата въ то время не было въ городѣ, сдѣлали приступъ и взяли городъ. У Поляковъ былъ обычай таковъ: жителей не брать въ плѣнъ и не бить, но ограбить. Взяли городъ и захватили въ немъ много имущества, жителей ограбили, даже невѣстку князя, жену Кондрата и племянницу князя ограбили. Такимъ образомъ Володиславъ нанесъ великій позоръ брату своему Кондрату. Затѣмъ Кондратъ отправилъ посла къ князю Владиміру, жалуясь на причиненное ему оскорбленіе. Владиміру стало жалко Кондрата; онъ заплакалъ и сказалъ: «скажи моему брату, князю Кондрату, что Богъ отомститъ за его обиду, а что я готовъ ему помогать; онъ началъ собирать войско на Болеслава и послалъ къ своему племяннику Юрію, прося вспоможенія. Племянникъ ему велѣлъ сказать: «дядя, съ радостью пошелъ бы я самъ съ тобою, но некогда мнѣ; ѣду я въ Суздаль жениться и съ собою беру немного людей, а всѣхъ моихъ людей и бояръ отдаю на руки Богу и тебѣ, и какъ тебѣ вздумается, то ты пойди съ ними». Владиміръ, собравъ войско, пошелъ къ Бресту, гдѣ назначилъ сборное мѣсто своимъ силамъ; къ нему пришли жители Холма и съ ними былъ военачальникъ Тюима. Со множествомъ воиновъ Владиміръ двинулся къ Мельнику, а изъ Мельника послалъ ко Владиміру начальниками войска Василька, князя Слонимскаго, Желислава и Дуная; при войскѣ Юрія

находился воеводою Тюима, и такъ они пошли въ Польшу. Владиміръ, отправивъ войско, поѣхалъ къ Бресту и послалъ впередъ войска посла къ князю Кондрату; а у того бояре были измѣнники и нужно было остеречься, чтобы они не дали извѣстія Болеславу. Посолъ Владиміра, пріѣхавъ къ Кондрату, началъ ему говорить при всѣхъ его боярахъ: «такъ тебѣ говоритъ братъ твой Владиміръ; съ радостью помогъ бы я тебѣ за понесенное тобою безчестіе, но нельзя мнѣ, мѣшаютъ Татары». За тѣмъ посолъ взялъ князя за руку и сжалъ ему руку. Князь понялъ и вышелъ съ нимъ вонъ; тогда посолъ ему сказалъ: «братъ говоритъ тебѣ такъ: «соберись самъ и приготовь на Вислѣ лодки; завтра будетъ у тебя войско». Кондратъ очень обрадовался, приказалъ поскорѣе изготовить лодки и самъ собрался. Войско пришло, переправилось черезъ Вислу; тутъ устроили полки и потомъ двинулись впередъ: Василько съ своимъ полкомъ, Желиславъ и Дунай отдѣльно съ своими полками, князь Кондратъ съ Поляками своимъ полкомъ и Тюйма также своимъ полкомъ. Такъ они двигались впередъ съ великимъ мужествомъ и готовностью. Не доходя до города Сохачева стали совѣщаться какъ бы взять его, а въ глубь непріятельской земли не ходить; но воспрепятствовалъ князь Кондратъ: онъ повелъ ихъ къ Гостиному; то было мѣсто, любимое Болеславомъ. Пришли полки къ городу и обступили его какъ густой и частой лѣсъ; они начали готовиться къ тому, чтобы взять городъ. Князь Кондратъ ѣздилъ по войску и говорилъ: «милые мои братья Русскіе, потрудимся единодушно». Одни бросились къ стѣнамъ, а другіе полки стояли неподвижно, сторожа на случай внезапнаго нападенія со стороны Поляковъ. Когда воины подошли къ стѣнамъ, Поляки пускали въ нихъ камепья какъ сильный градъ, но стрѣлы нападающихъ не позволяли имъ и показаться изъ-за зубцовъ. При томъ они начали поражать копьями и много раненыхъ было на стѣнахъ частью копьями, частью стрѣлами; съ зубцовъ стали падать мертвыя тѣла какъ снопы. Такъ взяли городъ, захватили въ немъ множество имущества и огромное количество плѣнныхъ; остальныхъ изрубили и городъ зажгли, и такъ вернулись домой съ великою побѣдою и честью. Князь Кондратъ отправился въ свой городъ, увѣнчанный побѣдою и сложивъ при помощи князя Владиміра съ себя позоръ; а князь Василько пошелъ къ Бресту, ведя множество плѣнныхъ; онъ послалъ впередъ себя извѣстіе своему господину, князю Владиміру. А тотъ очень тужилъ, не получая извѣстія о своемъ войскѣ, но потомъ получилъ вѣсть, что всѣ идутъ въ добромъ здоровьи и съ великою честью. Владиміръ очень

обрадовался, что его войско вернулось невредимо, отомстивъ за оскорбленіе Кондрата, и только два воина убиты, и то не подъ городомъ, а во время похода: одинъ былъ родомъ Прусинъ, а другой придворный служитель его, любимый сынъ боярскій, именемъ Рахъ Михайловичъ. Разскажемъ какъ онъ былъ убитъ: полки шли мимо города Сохачева; въ то время князь Болеславъ выѣхалъ изъ города, ища случая напасть на непріятеля врасплохъ; князь Владиміръ приказалъ начальникамъ своихъ войскъ Васильку, Желиславу и Дунаю, чтобы они не пускали воиновъ грабить, но шли бы всѣ къ городу. Но человѣкъ тридцать тайкомъ отдѣлились отъ главнаго войска и отправились на село; въ числѣ ихъ находился и Блусъ Юрьевъ; на селѣ узнали они, что жители бѣжали въ лѣсъ, и погнались за ними. Въ это то время ударилъ на нихъ Болеславъ съ Поляками; весь отрядъ пустился бѣжать и съ Блусомъ. Только они двое не побѣжали—Рахъ съ Прусиномъ, но совершили дѣло, достойное памяти; они сдѣлали непріятелю мужественный отпоръ: Прусинъ съѣхался съ Болеславомъ и тутъ палъ, уступая многочисленности непріятелей, а Рахъ убилъ одного изъ лучшихъ бояръ Болеслава и самъ принялъ такой же конецъ. Такъ мужественно умерли эти двое, оставивъ по себѣ славу до конца вѣковъ. Затѣмъ Владиміръ уѣхалъ изъ Бреста во Владиміръ.

1282 годъ.

Пришли проклятые и беззаконные Ногай и Телебуга съ огромными силами, чтобы идти въ Венгрію; они приказывали всѣмъ Русскимъ князьямъ: Льву, Мстиславу, Владиміру и Юрію Львовичу идти съ ними. У Владиміра въ то время болѣла нога, онъ хромалъ и потому не шелъ, чувствуя себя сильно нездоровымъ, а войско свое послалъ онъ съ племянникомъ Юріемъ. Въ то время князья русскіе находились въ полномъ распоряженіи Татаръ. Такъ и пошли всѣ кромѣ одного Владиміра, у котораго болѣла нога. Болеславъ не унимался отъ своего безразсудства, но, видя время для себя удобнымъ, пришелъ съ двумя стами воиновъ, опустошилъ окрестности Щекарева, взялъ десять селъ и потомъ отправился назадъ съ большою гордостью; онъ чванился такъ, какъ будто захватилъ всю непріятельскую землю. Льва, когда онъ вошелъ въ Венгерскую землю, отпустили домой: когда онъ вернулся, то очень огорчился тѣмъ, что Болеславъ опустошилъ его землю. Онъ послалъ къ своему родственнику князю Владиміру сказать: «братъ, отмстимъ за такое оскорбленіе; пошли и приведи Литву

на Болеслава». Владиміръ послалъ Дуная привесть Литовцевъ. Тѣ обѣщались идти и сказали: «Владиміръ, добрый князь, справедливый, можемъ за тебя сложить наши головы; если тебѣ угодно, то мы готовы». Левъ и Владиміръ изготовили войско и пошли къ Бресту; тамъ они дожидались Литовцевъ, но тѣ не пришли въ срокъ. Левъ и Владиміръ сами не пошли, но послали воеводъ: Левъ съ своимъ войскомъ Тюима, Василька Бѣлжанина (изъ Бѣльза), а Владиміръ съ своимъ войскомъ князя Василька, Желислава, Оловянца и Вишту. Такъ пошли они на Болеслава и начали опустошать окрестности Вышегорода; захватили безчисленное множество плѣнныхъ, скота и лошадей. Потомъ Литовцы пришли къ Бресту и стали говорить князю Владиміру: «ты насъ призвалъ, такъ веди насъ куда-нибудь; а вотъ мы готовы и на то пришли». Князь сталъ придумывать, куда бы ихъ повесть; его войско ушло уже далеко противъ Болеслава, а ледъ на рѣкахъ становился уже не крѣпокъ. И вспомнилъ Владиміръ, что прежде Лестко,ославъ жителей Люблина, взялъ у него село на Украинѣ, называемое Воинъ. Не разъ напоминалъ ему Владиміръ, чтобы онъ воротилъ плѣнныхъ, но тотъ не исполнилъ его требованія; за то Владиміръ послалъ противъ него Литовцевъ. Они опустошили окрестности Люблина, взяли множество плѣнныхъ и, обогатясь добычею, пошли назадъ съ честью. Потомъ пришло войско Льва и Владиміра также съ большою честью: оно захватило огромную добычу. Тутъ всѣ разошлись по домамъ.—За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда Лестко взялъ Преворскъ, городъ Льва (во владѣніяхъ), то Поляки произвели опустошенія у Бреста по Кроснѣ, взяли десять селъ и пошли назадъ. Жители Бреста собрались и пустились за ними въ погоню. Поляковъ было 200 чел., а гражданъ Бреста всего 70; начальникомъ ихъ былъ Титъ, прославившійся мужествомъ и въ войскахъ и на охотѣ. Жители Бреста нагнали Поляковъ и сразились съ ними: по милости Божіей, Поляки были побѣждены, потеряли убитыми 80 чел., а остальные попали въ плѣнъ; отбили Брестяне захваченную было у нихъ добычу и вернулись въ Брестъ съ честью, славя Бога и Пречистую Богородицу. Но вернемся къ нашему разсказу. Ногай и Телебуга отправились опустошать землю Венгерскую: Ногай пошелъ на Брашевъ, а Телебуга прямо черезъ горы; можно было перейдти ихъ въ три дни, а онъ тридцать дней скитался въ горахъ, гдѣ заблудился вслѣдствіе гнѣва Божьяго.

Сдѣлался сильный голодъ и люди стали людей ѣсть; потомъ открылся моръ и стали умирать Татары; погибло ихъ безчислен-

ное множество: свидѣтели этого событія разсказывали, что Татаръ умерло сто тысячъ. Такимъ образомъ проклятый беззаконникъ Телебуга, будучи посрамленъ Богомъ, ушелъ пѣшимъ съ женою своею да одною кобылою. Князь Болеславъ не оставилъ своего безразсудства и продолжалъ дѣлать вредъ князьямъ Владиміру и Юрію. Тѣ начали собирать войско противъ Болеслава; Владиміръ послалъ и привелъ Литву; такъ всѣ, и князь Юрій съ ними, пошли противъ Болеслава. Когда они находились въ Мельникѣ, то отецъ Юрія Левъ прислалъ сказать ему: «сынъ мой, Юрій, самъ ты не ходи съ Литовцами; я убилъ у нихъ князя Воишелга; какъ бы они не вздумали отомстить». Юрій не пошелъ, послушавшись отца, а послалъ свое войско. Рускіе князья выступили въ походъ и и взяли городъ Сохачевъ, захватили въ немъ много плѣнныхъ и имущества, остальныхъ изрубили и такимъ образомъ, захвативъ большую добычу, отправились домой.

1283 годъ.

Проклятый и беззаконный Телебуга хотѣлъ идти на Поляковъ и собралъ огромныя силы, забылъ онъ про казнь Божію, которая постигла его въ Венгріи, о чемъ мы сказали прежде, и пришелъ къ Ногаю; а между ними было большое неудовольствіе. Телебуга послалъ къ князьямъ Задпѣпровскимъ и къ Волынскимъ—къ Льву, Мстиславу и Владиміру, приказывая имъ идти съ собою на войну: всѣ князья тогда находились въ зависимости отъ Татаръ. Такимъ образомъ Телебуга, собравъ большія силы, пошелъ на Польшу. Когда онъ пришелъ къ Горинѣ, встрѣтилъ его Мстиславъ съ питіями и подарками; оттуда Телебуга пошелъ мимо Кременца къ Перемилю; тутъ на Липѣ встрѣтилъ его князь Владиміръ съ напитками и подарками. У Бужковичей нагналъ его князь Левъ съ напитками и подарками. Когда пришли на Бужьковское поле, тамъ былъ смотръ всѣмъ полкамъ. Князья страшились, что ихъ побьютъ Татары и города ихъ возьмутъ. Оттуда пошли къ Владиміру и стали на Житани. Телебуга поѣхалъ осмотрѣть городъ Владиміръ; другіе говорили, что и въ самомъ городѣ былъ, но то не достовѣрно. Въ воскресеніе на другой день, послѣ дня св. Николая, Татары ушли отъ города, и Богъ по своей милости избавилъ его, не взяли города, но большое насиліе дѣлали въ городѣ и отняли грабительски огромное количество имущества и лошадей. Тогда беззаконный Телебуга пошелъ въ Польшу; у Владиміра остались нѣкоторые Татары кормить любимыхъ коней. Они опустошали

землю Владимірскую, не давали даже выходить изъ города за съѣстными припасами, а если кто выѣзжалъ, то однихъ убивали, другихъ ловили и грабили и лошадей у нихъ отнимали. Отъ такого татарскаго стѣсненія множество жителей померло въ городѣ. Когда Телебуга пошелъ въ Польшу, то за нимъ послѣдовали всѣ князья по принужденію Татаръ: князь Левъ и сынъ его Юрій, князь Мстиславъ и Владиміръ—каждый съ своимъ войскомъ. Такъ они пошли къ Завихвосту и пришли къ Вислѣ; она еще не замерзла и потому перейдти ее нельзя было; пошли вверхъ по ея теченію къ Судомиру и перешли по льду рѣку Санъ. Тутъ отъ рѣки Сана Владиміръ воротился назадъ; Вислу перешли по льду выше Судомира и приступили къ городу со всѣхъ сторонъ, но не имѣли никакого успѣха: стали опустошать Польскую землю и стояли въ ней десять дней. Телебуга хотѣлъ идти къ Кракову, но, не дойдя, воротился отъ Торжка. Онъ получилъ извѣстіе, что Ногай опередилъ его къ Кракову и за то между ними было еще большее несогласіе. Телебуга не захотѣлъ соединиться съ Ногаемъ, но пошелъ назадъ во владѣніе Льва, на городъ Львовъ. Двѣ недѣли провели Татары во владѣніяхъ Льва; они кормились, не воевали, но не пускали изъ города жителей за съѣстными припасами; а кто выѣзжалъ изъ города, то однихъ убивали, другихъ ловили и, ограбивъ, пускали нагими, и тѣ гибли отъ мороза, потому что зима была жестока; такъ Татары безъ войны опустошили всю землю: осажденные въ городахъ жители умирали въ огромномъ числѣ, а другіе померли въ селахъ, выйдя изъ городовъ по удаленіи беззаконныхъ Татаръ. Но вернемся къ нашему разсказу. Проклятый Ногай не пошелъ съ Телебугою въ Польшу одною дорогою, потому что они были въ большой ссорѣ, но двинулся другою дорогою на Перемышль. Онъ пришелъ къ Кракову, но ничего не могъ сдѣлать городу, такъ же какъ и Телебуга—Судомиру, опустошилъ землю Польскую, къ Телебугѣ на соединеніе не шелъ, потому что они опасались другъ друга. Такъ пошли они назадъ въ свои кочевья: Телебуга своею дорогою, а Ногай своею. Въ эту зиму большая смертность отъ болѣзней была и въ Польшѣ: безчисленное множество народу померло. По удаленіи Телебуги и Ногая, князь Левъ счелъ, сколько людей погибло въ его землѣ, сколько взято въ плѣнъ, побито и умерло по волѣ Божіей; оказалось таковыхъ двадцать пять тысячъ человѣкъ.

1284 годъ.

У князя Юрія Львовича умеръ сынъ, по имени Михайло, въ младенчествѣ; оплакивали его горько всѣ граждане; убравъ его тѣло, положили въ церквѣ св. Богородицы въ Хѣлмѣ, построенной прадѣдомъ его, великимъ княземъ и королемъ Данішломъ, сыномъ Романа. Въ ту же зиму не только въ одной Руси выразился Божій гнѣвъ смертоносною язвою, но и въ Польшѣ и землѣ Татаръ вымерло все—лошади, скотъ, овцы,—все погибло, ничего не осталось.

1285 годъ.

Разсказывали, что въ землѣ Нѣмецкой море вышло изъ береговъ и потопило землю, при чемъ потонуло болѣе шестидесяти тысячъ душъ и церквей каменныхъ сто одиннадцать кромѣ деревянныхъ. Въ этомъ же году Лестко Казиміровичъ,ославъ войско, велъ войну съ Кондратомъ Сомовитовичемъ. Князь Кондратъ, собравъ свое войско, погнался за непріятелемъ, побѣдилъ его при помощи Божіей и многихъ изъ Лесткова войска убилъ, какъ изъ бояръ, такъ и изъ простыхъ воиновъ; тутъ погибъ серажскій воевода Матвѣй; взятая было добыча отнята назадъ. Такимъ образомъ Лестко вернулся домой съ великою честью, хваля и славя Бога, въ Святой Тройцѣ чтимаго.

1286 годъ.

Всѣ Литовцы и Самогиты ходили противъ Нѣмцевъ къ Ригѣ; тѣ получили извѣстіе о приближеніи непріятеля и удалились всѣ въ города. Онъ подошелъ было къ одному городу, но ничего ему сдѣлать не могъ. Оттуда пошли на Лотыголу (землю Латышей), доходили до города Медвѣжьей Головы, но и съ нимъ не могли ничего сдѣлать, и вернулись домой, взявъ немного добычи. Когда Торунскіе Нѣмцы узнали, что Самогиты пошли всѣ на Ригу, то вступили въ Самогитскую землю, помогая своимъ соотечественникамъ; они захватили множество плѣнными, а другихъ побили, и такъ вернулись домой съ множествомъ плѣнныхъ.—Въ этомъ же году скончался великій князь Лестко Казиміровичъ Краковскій. Епископъ, настоятели монастырей, священники и діаконы, убравъ его тѣло и совершивъ надъ нимъ обычный обрядъ отпѣванія, положили его въ Краковѣ въ церквѣ св. Тройцы; его горько оплакивали всѣ граждане какъ знатные, такъ и простые.

1287 годъ.

Богъ послалъ на насъ за умноженіе грѣховъ нашихъ свой мечъ, орудіе его гнѣва. Пришли съ огромными силами Телебуга и Алгуй, и съ ними рускіе князья: Левъ, Мстиславъ, Юрій Львовичъ и много другихъ князей; тогда по гнѣву Божію всѣ рускіе князья находились въ покорности и волѣ Татаръ; такъ пошли они вмѣстѣ. Князь Владиміръ былъ въ то время боленъ; Господь послалъ на него неисцѣлимую болѣзнь. Пошли они въ Польшу и дошли до рѣки Сана. Князь Владиміръ чувствовалъ отъ болѣзни слабость своего тѣла: онъ послалъ къ брату Мстиславу сказать: «братъ, видишь мою слабость, что я не имѣю силъ, а дѣтей у меня пѣтъ; отдаю тебѣ, брату моему, всѣ мои владѣнія и города послѣ моей смерти; отдаю тебѣ при царяхъ и ихъ уполномоченныхъ». Мстиславъ поблагодарилъ Владиміра. Тотъ послалъ то же самое сказать брату Льву и племяннику Юрію: «даю вамъ знать, что я отдалъ брату Мстиславу свою землю и города». Левъ отвѣчалъ Владиміру: «и хорошо сдѣлалъ, что отдалъ; развѣ я стану домогаться и отнимать послѣ твоей кончины то, что ты ему далъ? Мы всѣ во власти Божіей; далъ бы Богъ мнѣ сохранить въ теперешнее время и то, чѣмъ владѣю». Потомъ Мстиславъ послалъ къ брату Льву и къ племяннику сказать: «братъ мой, Владиміръ, отдаетъ всю свою землю и города, а если ты захочешь чего-нибудь искать по смерти моего и твоего брата, то вотъ теперь на-лицо здѣсь и цари и я; говори же со мною, что захочешь». Левъ на это не отвѣчалъ ничего. Потомъ Телебуга пошелъ въ Польшу и съ нимъ Алгуй и всѣ князья, а Владиміра воротили назадъ, потому что жалко было на него смотрѣть,—до того онъ былъ боленъ. Владиміръ пріѣхалъ, и всѣ люди радовались, что ихъ господинъ воротился благополучно. Немного дней провелъ князь во Владимірѣ и сталъ говорить своей женѣ и боярамъ: «хотѣлось бы мнѣ доѣхать до Любомля; надоѣли мнѣ эти поганые Татары; человѣкъ я больной, не могу я съ ними толковать, проѣли ужь они мнѣ печонки; вотъ вмѣсто меня епископъ Маркъ». Поѣхалъ онъ въ Любомль съ женою и своими придворными слугами, а изъ Любомля въ Брестъ и, побывъ тамъ два дня, поѣхалъ къ Каменцу. Тутъ, въ Каменцѣ, лежалъ онъ больной и сказалъ женѣ своей и слугамъ: «какъ только уйдутъ изъ нашей земли эти нечестивые Татары, то поѣдемъ въ Любомль». По прошествіи нѣсколькихъ дней, пріѣхали въ Каменецъ ко Владиміру его слуги, которые вмѣстѣ съ Та-

тарами находились на войнѣ въ Польшѣ. Владиміръ сталъ спрашивать о Телебугѣ, пошелъ ли онъ уже изъ Польши»? Ему отвѣчали, что пошелъ.—«А здоровы ли братья мои, Левъ, Мстиславъ и племянникъ»? Тѣ отвѣчали: «всѣ они и ихъ бояре и слуги въ добромъ здоровьи». Владиміръ поблагодарилъ Бога, а про Мстислава сказали, что онъ съ Телебугою пошелъ на Львовъ. Тутъ ему сказали: «твой братъ отдаетъ боярамъ городъ Всеволожь, боярамъ и села раздаетъ». Владиміръ разсердился сильно на брата и говорилъ: «лежу я больной, а братъ усилилъ мнѣ еще болѣзнь; я живъ, а онъ уже раздаетъ мои села и города: онъ могъ бы раздавать только послѣ моей смерти». Владиміръ отправилъ посла съ жалобою къ брату своему Мстиславу и велѣлъ сказать: «братъ, ты меня вѣдь не въ плѣнъ взялъ и не силою оружія захватилъ и изъ городовъ меня не выгналъ, прійдя на меня войною, — чтобы ты могъ со мною такъ поступать. Ты—мой братъ, по у меня есть еще братъ Левъ и племянникъ Юрій; изъ васъ трехъ избралъ я тебя одного и далъ тебѣ всю свою землю и города послѣ своей смерти, а при жизни моей тебѣ не слѣдовало ни во что вступаться. Такъ поступилъ я за гордость брата моего и племянника, отдалъ тебѣ всю землю». Мстиславъ отвѣчалъ Владиміру: «господинъ мой и братъ, земля Божія и твоя и города твои; я надъ ними не воленъ, но я самъ въ твоей волѣ. Дай мнѣ Богъ имѣть тебя какъ отца себѣ, и служить тебѣ всею правдою, пока я живъ. Желаю тебѣ, чтобы ты былъ здоровъ и вся моя надежда на тебя; такъ и скажите моему брату». Пріѣхалъ къ Владиміру въ Каменецъ и передалъ ему слова Мстислава. Отвѣтъ этотъ очень понравился Владиміру. Потомъ онъ поѣхалъ изъ Каменца въ Рай и, находясь тамъ, сказалъ княгинѣ: «хочу послать за своимъ братомъ Мстиславомъ и съ нимъ уладиться о землѣ моей, городахъ, о тебѣ, моя милая княгиня Ольга и объ этомъ ребенкѣ Изяславѣ, которую я любилъ какъ родную дочь. Богъ, по моимъ грѣхамъ, не далъ мнѣ собственныхъ дѣтей; по эта дѣвочка была для меня какъ бы тобою, княгинею, моею женою, рожденная; я взялъ ее отъ матери въ пеленкахъ и выкормилъ». Онъ послалъ къ брату епископа владимірскаго Евсигнѣя, а съ нимъ Борка и Оловянца, сказать ему: «братъ, пріѣзжай ко мнѣ, хочу условиться съ тобою обо всемъ». Мстиславъ пріѣхалъ къ нему въ Рай съ своими боярами и слугами и съ нимъ вернулись владимірскій епископъ, Борко и Оловянецъ. Мстиславъ остановился на подворьи и Владиміру слуги его дали знать: «братъ твой пріѣхалъ». Тотъ ле-

жалъ больнымъ, но услыхавъ, что братъ пріѣхалъ, всталъ, сѣлъ и послалъ за братомъ; онъ пришелъ къ нему и поклонился. Владиміръ сталъ спрашивать его о Телебугѣ, что дѣлалось въ Польшѣ и когда онъ пошелъ оттуда. Онъ разсказалъ по порядку все, что было, и о многомъ другомъ поговорили они. Мстиславъ вернулся на подворье; Владиміръ прислалъ къ нему епископа съ Боркомъ и Оловянцемъ сказать ему: «братъ мой, за тѣмъ я и прислалъ за тобою, хочу съ тобою договориться о землѣ и городахъ, о женѣ моей я пріемышѣ; хочу съ тобою заключить письменный договоръ». Мстиславъ отвѣчалъ епископу своего брата: «скажи моему брату: господинъ мой братъ, я вовсе не хотѣлъ доноскиваться твоей земли и послѣ твоей кончины. И въ мысляхъ у меня того не было; но ты мнѣ сказалъ, когда я находился въ Польшѣ съ Телебугою и Алгуемъ, а съ ними братъ мой Левъ и племянникъ Юрій; а ты господинъ, братъ мой, прислалъ ко мнѣ сказать: Мстиславъ, даю тебѣ всю землю и города послѣ моей смерти». Мстиславъ сказалъ епископу брата своего: «господинъ, скажи брату: какъ Богу угодно и тебѣ; а если ты хочешь письменнаго договора, то пусть будетъ Божья воля и твоя». Епископъ пришелъ отъ Мстислава и сказалъ Владиміру слова его брата, а тотъ велѣлъ писарю Ѳедорцу писать договоръ.

Князя Владиміра завѣщаніе. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвами св. Богородицы и Присподѣвы Маріи и святыхъ ангеловъ. Я князь Владиміръ, сынъ Василька, внукъ Романа, пишу эту грамоту: даю женѣ моей княгинѣ послѣ моей смерти городъ мой Кобрынъ съ жителями и платежами, какіе они при мнѣ давали; пусть то же самое даютъ они теперь женѣ моей. Ей же даю село мое Сородѣлъ съ таможеннымъ сборомъ, и жители какъ на меня работали, такъ пусть работаютъ и на мою жену послѣ моей смерти; если понадобится князю строить городскія укрѣпленія, то они въ томъ не участвуютъ (отъ того освобождены), а сборы и дань Татарамъ отдаютъ князю. Еще я отдалъ женѣ моей Садовое и Сомино и монастырь Свв. Апостоловъ, который я построилъ собственными средствами, купилъ я село Березовичи у Ѳедорка Давидовича Юрьевича и далъ за него 30 гривенъ деньгами, 3 аршина бархату и досчатую броню; село это отдалъ я монастырю свв. Апостоловъ. А жена моя послѣ моей кончины захочетъ идти въ монахини, пусть идетъ, а не захочетъ, то какъ ей угодно; не стану же я вставать изъ гроба смотрѣть, что кто станетъ дѣлать послѣ моей смерти.

1287 годъ.

Потомъ Владиміръ послалъ сказать брату: «братъ мой Мстиславъ, дай мнѣ клятву цѣлованіемъ креста, что ты ничего не отнимешь у моей жены послѣ моей смерти изъ того, что я ей далъ, а также и у этого ребенка Изяславы, не будешь ее отдавать насильно ни за кого, но отдашь ее туда, куда захочетъ моя жена».— Мстиславъ отвѣчалъ на это: «скажите моему брату: «господинъ братъ, не допусти Богъ, чтобы я послѣ твоей кончины отнялъ что нибудь у твоей жены и этого дитяти, но дай Богъ мою невѣстку имѣть и чтить какъ достойную уваженія мать; а про этого ребенка что ты такъ говоришь: если только Богу угодно, чтобы она достигла совершенныхъ лѣтъ,—то я ее выдамъ замужъ какъ мою родную дочь». - Обѣщаніе свое Мстиславъ скрѣпилъ клятвою. Дѣлалось все это на Ѳедоровой недѣлѣ. Договорясь съ братомъ поѣхалъ во Владиміръ и, пріѣхавъ туда, отправился въ соборную (епископскую) церковь Св. Богородицы, созвалъ владимірскихъ бояръ своего брата и жителей города, Рускихъ и Нѣмцевъ, велѣлъ передъ всѣми читать грамоту брата о даренін ему владѣній, городовъ и главнаго (престольнаго) города Владиміра. Всѣ, и большіе и малые, слушали. Владимірскій епископъ Евсигнѣй благословилъ на Владимірское княженіе Мстислава воздвизальнымъ крестомъ; тотъ хотѣлъ уже княжить во Владимірѣ, но братъ его не допустилъ и сказалъ: «когда умру, тогда будешь княжить». Мстиславъ, пробывъ нѣсколько дней во Владимірѣ, поѣхалъ въ свои города Луцкъ, Дубно и другіе, которыхъ тутъ не исчислено. А Владиміръ пріѣхалъ изъ Раю въ Любомль и тамъ всю зиму пролежалъ больной, разсылая своихъ слугъ на охоту. Добрый, храбрый охотникъ былъ онъ и самъ; никогда въ нападеніи на медвѣдя или дикаго кабана не дожидался онъ слугъ своихъ, чтобы они ему помогли; самъ скоро и рѣшительно убивалъ каждаго звѣря; тѣмъ пріобрѣлъ онъ славу по всей землѣ и Богъ за его добро и правду давалъ ему удачу не только на охотѣ, но и во всемъ.

Когда наступило лѣто, князь Кондратъ Сомовитовичъ, узнавъ, что Владиміръ отдалъ всѣ свои владѣнія и города Мстиславу, прислалъ къ нему посла и велѣлъ сказать: «Господинъ братъ мой! Ты былъ мнѣ вмѣсто отца и по твоей милости ты держалъ меня подъ твоею рукою. Владѣлъ я, господинъ, тобою, и города свои сохранялъ, защитился отъ братьевъ и былъ для нихъ грозою—тобою же.—Те-

перь, господинъ мой, слышалъ я, что ты отдалъ всю землю свою и города брату твоему Мстиславу; надѣюсь на Бога и тебя, господинъ мой, пошли посла съ моимъ посломъ къ твоему брату Мстиславу; пусть по твоей милости братъ твой приметъ меня подъ свою руку и стоитъ за меня въ случаѣ моей обиды, какъ ты, господинъ мой, не давалъ меня никому въ обиду». Владиміръ послалъ къ брату Мстиславу сказать: «братъ мой, ты самъ знаешь, какъ я обращался съ братомъ моимъ Кондратомъ, чествлъ его и дарилъ, за его обиду стоялъ какъ за свою. Теперь ты для меня пріими его также къ себѣ, люби его и защищай отъ всего дурнаго». Мстиславъ обѣщался и далъ такой отвѣтъ Владиміру: «братъ мой, съ радостью для тебя принимаю его съ любовью подъ мою руку и въ случаѣ его обиды готовъ за него сложить мою голову». Потомъ прислалъ Мстиславъ къ Владиміру сказать ему: «хотѣлъ бы я видѣться съ братомъ Кондратомъ и даю знать тебѣ—позволишь ли ты»?—Владиміръ отвѣчалъ: «повидайся съ нимъ». Мстиславъ отправилъ посла къ Кондрату сказать: «хочу съ тобою видѣться, пріѣзжай ко мнѣ». Посолъ Мстислава пріѣхалъ и передалъ, что говорили Мстиславъ и Владиміръ. Тотъ былъ очень радъ. Потомъ Кондратъ поѣхалъ къ Мстиславу сначала въ Брестъ, потомъ въ Любомль. Владиміру дали знать его служители: они сказали: «господинъ, твой братъ Кондратъ пріѣхалъ». Владиміръ велѣлъ ему пріидти къ себѣ. Кондратъ пришелъ къ Владиміру, а тотъ лежалъ больной и страдалъ сильно. Увидавъ Владиміра, Кондратъ поклонился и плакалъ горько, смотря на больнаго Владиміра и увяданіе его краснваго тѣла. Поговоривъ между собою о многомъ, о чемъ мы прежде писали, отправился на подворье. Владиміръ прислалъ ему своего лучшаго копя. Кондратъ пообѣдалъ тутъ и поѣхалъ во Владиміръ, а оттуда въ Луцкъ. Когда онъ тутъ находился, Мстислава тамъ не было; онъ находился близъ города въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Гаи; оно очень красиво и настроено тамъ много хорошихъ зданій. Чудная церковь была тамъ, сіяла она красотою, и князь очень любилъ жить тутъ. Кондратъ поѣхалъ изъ Луцка въ Гай. Мстиславъ встрѣтилъ его съ своими боярами и слугами, принялъ его съ честью и любовью подъ свое покровительство, какъ обѣщалъ брату Владиміру, и сказалъ Кондрату: «какъ чтилъ и дарилъ тебя братъ мой Владиміръ, такъ имѣть тебя дай Богъ и мнѣ и чтить тебя и дарить и за твою обиду стоять». Потомъ они начали веселиться; Мстиславъ подарилъ Кондрату красивыхъ лошадей съ отлично убранными сѣдлами, дорогія

одежды и много другихъ подарковъ далъ ему и потомъ отпустилъ съ честью. Когда Кондратъ уѣхалъ изъ Любомля, то прискакалъ изъ Люблина Полякъ Яртакъ. Владиміру сказали: «Яртакъ пріѣхалъ». Онъ не велѣлъ его до себя допустить, но послалъ жену свою княгиню и сказалъ ей: «пойди, спроси его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ». Княгиня послала за нимъ; онъ сейчасъ пришелъ, и княгиня стала его спрашивать: «князь тебѣ говоритъ, разскажи, зачѣмъ ты пріѣхалъ». Яртакъ отвѣчалъ: «князь Лестко умеръ». Владиміру стало жаль и онъ заплакалъ о немъ. Яртакъ продолжалъ: «прислали меня жители Люблина, желаютъ чтобы князь Кондратъ княжилъ въ Краковѣ; поскорѣе хочу найдти Кондрата, гдѣ онъ. Княгиня пошла къ мужу и передала слова Яртака. Владиміръ велѣлъ дать ему коня, такъ какъ Яртаковы лошади утомились. Яртакъ поскакалъ, засталъ Кондрата во Владимірѣ и сталъ ему говорить: «умеръ князь Лестко; прислали меня Люблинцы, пріѣзжай княжить къ намъ въ Краковъ». Кондратъ очень обрадовался надеждѣ княжить въ Краковѣ, поѣхалъ поспѣшно и прибылъ въ Любомль; онъ хотѣлъ посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ съ Владиміромъ, но тотъ его къ себѣ не допустилъ, а сказалъ женѣ: «иди, поговори съ нимъ и отпусти его пусть ѣдетъ прочь; ему у меня дѣлать нечего». Княгиня вернулась и передала мужу слова Кондрата: «господинъ, братъ тебѣ говоритъ: «пошли со мною твоего Дуная, чтобы мнѣ почетнѣе».—Поѣхалъ Кондратъ поспѣшно къ Люблину; но когда былъ у города, то Поляки заперли передъ нимъ городъ и Кондрата къ себѣ не пустили. Онъ остановился на горѣ у монаховъ и послалъ къ гражданамъ сказать: «зачѣмъ же вы посылали за мною, а теперь заперли городъ отъ меня»?—Жители отвѣчали: «мы за тобою не посылали и тебя не приводили, но у насъ глава - Краковъ; тамъ наши главные военачальники и полководцы: если ты станешь княжить въ Краковѣ, то мы тогда безпрекословно—твои подданные». — Немного спустя Кондрату сказали: «идетъ къ городу войско». Думали, что то Литва; испугались всѣ и Кондратъ съ своими боярами и слугами бѣжалъ въ башню къ монахамъ; съ нимъ и Дунай, слуга Владиміра. Когда войско пришло къ городу, то узнали, что оно русское. Кондратъ спросилъ воиновъ: «кто начальникъ войска»?—Ему сказали: «князь Юрій Львовичъ». А онъ домогался для себя Люблина и области Люблинской. - Юрій подъѣхалъ къ городу: граждане не сдавали ему города и готовились дать храбрый отпоръ. Юрій увидалъ ихъ обманъ. Граждане ему говорили: «князь, не хорошо ты

ѣздишь, не велико съ тобою войско. Пріѣдетъ если много Поляковъ, то большой позоръ ты получишь».—Юрій, слыша такія рѣчи гражданъ, послалъ своихъ воиновъ грабить; они взяли много плѣнныхъ, пожгли хлѣба и селепія, и не осталось ничего даже въ лѣсахъ—все предано огню воинами. Такимъ образомъ Юрій воротился домой со множествомъ плѣнныхъ, добычи, скота и лошадей; а Кондратъ поѣхалъ домой съ большимъ позоромъ,—лучше бы и живъ не былъ. Вслѣдъ за тѣмъ великія смуты возникли въ землѣ Польской.

1288 годъ.

Князь Юрій Львовичъ прислалъ посла къ своему дядѣ, князю Владиміру, сказать: «господинъ, мой дядя. Извѣстно Богу и тебѣ, какъ я искренно служилъ тебѣ; я считалъ тебя за отца, и ты былъ доволенъ моею службою. Теперь отецъ мой прислалъ ко мнѣ и отнимаетъ у меня города, которые ты далъ было мнѣ: Бельзъ, Червенъ и Холмъ, приказываетъ оставаться въ Дорогичинѣ и Мельникѣ. Прошу какъ Бога тебя, дай мнѣ Брестъ, то мнѣ было бы кстати». Владиміръ отвѣчалъ послу: «племянникъ, не дамъ: ты самъ знаешь, что я не говорю на двое; обманщикомъ не былъ, Богу и всѣмъ людямъ извѣстно; не могу нарушить договора, заключеннаго съ братомъ Мстиславомъ; я отдалъ ему свою землю и города и написалъ это въ грамотѣ»; съ такими словами отпустилъ опъ посла своего племянника. Потомъ Владиміръ послалъ своего надежнаго и вѣрнаго слугу именемъ Ратшу къ брату Мстиславу сказать: «скажи брату: присылалъ ко мнѣ племянникъ Юрій, проситъ у меня Бреста; не далъ я ему ни города, ни селепія, да и ты не давай ничего». Взявъ изъ своей постели (тюфяка) соломы, сказалъ: «скажи ему: вотъ, братъ, если тебѣ и пучокъ соломы далъ, и того не отдавай никому послѣ его смерти».—Ратша нашелъ Мстислава въ Стожкѣ и передалъ ему слова брата. Мстиславъ поблагодарилъ брата и сказалъ: «ты мнѣ братъ, ты для меня мой отецъ король Данінлъ, принявъ меня подъ свое высокое покровительство. Что ты мнѣ ни скажешь, я, господинъ мой, съ радостью послушаюсь». Далъ онъ подарки Ратшѣ и отпустилъ, а тотъ вернулся и все по порядку разсказалъ Владиміру. Потомъ Левъ прислалъ къ Владиміру епископа перемышльскаго по имени Мемнона. Служители сказали Владиміру: «господинъ, владыка пріѣхалъ». Владиміръ спросилъ: «который владыка»?—Ему отвѣчали: «Перемышльскій; пріѣхалъ опъ отъ твоего брата Льва». Владиміръ зналъ очень хорошо

все прежде бывшее, чтобы сомнѣваться о причинѣ пріѣзда, и послалъ за епископомъ. Тотъ вошелъ къ нему, поклонился до земли и сказалъ: «братъ твой тебѣ кланяется». Владиміръ велѣлъ ему сѣсть. Онъ началъ исполненіе возложеннаго на него порученія: «господинъ, братъ тебѣ говоритъ: «дядя твой король Даніилъ, мой отецъ, почиваетъ въ городѣ Холмѣ, въ храмѣ Св. Богородицы: кости сыновей его, моихъ и твоихъ братьевъ—Романа и Шварна и другихъ тутъ же лежатъ. Теперь, какъ я слышалъ, братъ мой, ты очень боленъ; то не погаси же свѣчу надъ гробомъ дяди твоего и братьевъ, дай городъ Брестъ, то будетъ отъ тебя свѣчка». Владиміръ понималъ всякое иносказательное и темное слово; много говорилъ онъ съ епископомъ изъ книгъ,—онъ былъ большой любитель книгъ и философіи, какого во всей земли ни при немъ не было, ни послѣ него не будетъ, и потомъ сказалъ: «передай моему брату такъ: князь Левъ, неужели ты полагаешь меня на столько не разумнымъ, что я этой твоей хитрости понять не могу. Мало ли тебѣ твоей земли, что ты захотѣлъ Бреста. Ты владѣешь тремя княжествами: Галицкимъ, Перемышльскимъ, Бельзскимъ, и тѣмъ ты не сытъ? Скажи и то: вотъ мой отецъ и твой дядя почиваетъ въ соборной церквѣ Св. Богородицы во Владиміръ, а много ли ты надъ нимъ свѣчей поставилъ? Далъ ли ты хоть одинъ городъ, чтобы то ему свѣчка была? Прежде просилъ ты живымъ, а теперь ужь на мертвыхъ просишь. Не дамъ не только ни одного города, но ни одного селенія не возьмешь у меня; понимаю твою хитрость и не дамъ ничего». Владиміръ далъ подарки епископу,—онъ у него еще ни разу не былъ,—и отпустилъ его домой.

Великій князь Владиміръ Васильковичъ лежалъ больнымъ четыре года; опишемъ его болѣзнь: Начала у него гнить нижняя челюсть, въ первый годъ немного, а во второй и третій годъ все больше. Еще когда онъ былъ не очень боленъ, но ходилъ и ѣздилъ на конѣ, онъ роздалъ все свое имѣніе неимущимъ: золото, серебро, камни драгоцѣнные, золотые и серебряные пояса отца своего, кубки золотые и серебряные—все это онъ велѣлъ при своихъ глазахъ изломать и перелить въ деньги; большія золотыя ожерелья матери своей и бабки все это перелилъ въ деньги же и разослалъ милостыню по всей землѣ. Роздалъ и стада скота бѣднымъ людямъ, у кого не было лошадей и тѣмъ, которые потеряли ихъ во время Телебугина похода. Кто въ состояніи разсказать о князя неистощимо щедрой милостыни, о безконечной добротѣ, съ какою обращался онъ съ бѣдняками, сиротами и больными вдови-

цами, всѣми нуждающимися, и всѣмъ, требовавшимъ милости, оказывалъ милость. Слышалъ онъ, что Господь Богъ сказалъ царю Навуходоносору: совѣтъ мой да будетъ тебѣ угоденъ, и загладь твои несправедливости щедростью къ неимущимъ. А ты, почтенный князь, на дѣлѣ выполнилъ слышанное, просящимъ подавалъ, нагихъ одѣвалъ, жаждущихъ и алчущихъ насыщалъ, больнымъ посылалъ всякое утѣшеніе, выкупалъ должниковъ, освобождалъ отъ работы. Твою щедрость и милостыню и теперь помнятъ люди, а Богъ и ангелы особенно. Вслѣдствіе такого милосердія, любимаго Богомъ, какъ вѣрный слуга Христа, можешь ты возлагать на него великую надежду. Правду сказаннаго мною подтверждаютъ слова писанія: «милость заслуживаетъ на судѣ первой похвалы, милостыня человѣку какъ печать (особенный знакъ, съ нимъ. Вѣрнѣе слова самого Господа: и блажени милостивые, такъ какъ они будутъ помилованы». Другія еще яснѣе и вѣрнѣе свидѣтельства о тебѣ приведемъ изъ Св. писаній; такъ апостолъ Іаковъ сказалъ: «обратившій грѣшника отъ его злаго пути спасетъ душу и загладитъ множество грѣховъ». А ты и много церквей Христовыхъ построилъ и служителей Христа гостепріимно вводилъ въ домъ. Ты подражатель великаго Константина, равный ему умомъ, одинаково чтилъ его служителей. Тотъ (Константинъ) съ святыми отцами Никейскаго собора установлялъ законъ для людей; а ты (Владиміръ), часто видаясь съ епископами и настоятелями монастырей, съ великимъ смиреніемъ много бесѣдовалъ изъ книгъ Св. писанія о жизни этого суетнаго міра.—Но возвратимся къ нашему разсказу: въ концѣ четвертаго года болѣзни, съ наступленіемъ зимы, усилилась болѣзнь Владиміра; отпало у него все мясо съ подбородка, выгнили всѣ нижніе зубы и перегнила нижняя челюсть. То былъ второй Іовъ. Вошелъ онъ въ храмъ Св. великомученика Христова Георгія, желая принять Св. причастіе отъ своего духовника. Вошелъ онъ въ малый алтарь, гдѣ разоблачались священники,—онъ имѣлъ обыкновеніе всегда тамъ стоять во время служенія,—сѣлъ на стулѣ, потому что отъ слабости не могъ стоять, и, поднявъ руки къ небу, молился со слезами, говоря: «Владыка и Господь Богъ мой! Обрати вниманіе на мою слабость и посмотри на мое смиреніе, въ какомъ я теперь нахожусь. Страдаю въ надеждѣ на тебя. За все за это благодарю тебя Господь и Богъ мой; въ жизни моей получилъ я отъ тебя много хорошаго, то наказанія твоего не снесу ли? Какъ твоей власти угодно, такъ пусть и будетъ. Ты смирилъ мою душу; теперь сдѣлай меня участникомъ твоего царства, мо-

литвами Пречистой Матери, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и всѣхъ преподобныхъ святыхъ отцовъ. И они также страдали и своимъ страданіемъ угодили тебѣ; они вынесли испытаніе отъ злаго духа, какъ золото въ горнѣ; Господи, ихъ молитвами причисли и меня къ избранному твоему стаду, къ овцамъ на правой сторонѣ». Когда онъ пришелъ изъ церкви и легъ, то уже больше не выходилъ, и болѣзнь его все усиливалась. Все мясо съ бороды отпало кость нижняя перегнила, такъ что можно было видѣть горло; въ теченіи семи недѣль не принималъ онъ никакой пищи, пилъ только одну воду, и то понемногу. Въ четвергъ къ ночи началъ онъ слабѣть и къ тому времени, какъ запѣть пѣтухамъ, почувствовалъ близкую кончину; посмотрѣлъ онъ на небо и сталъ благодарить Бога, говоря: «безсмертный Богъ, хвалю Тебя за все; Ты одинъ царь всего во истину, Ты щедрою рукою удѣляешь наслажденіе всему тобою сотворенному. Ты сотворилъ этотъ міръ и сохраняешь его, ожидая душъ, тобою посланныхъ, и тѣмъ, которыя вели добродѣтельную жизнь, Ты окажешь почесть какъ Богъ, а тѣхъ которыя не слушались твоихъ заповѣдей, предашь суду. Отъ тебя весь справедливый судъ и безконечная жизнь отъ тебя же и по твоей благодати милуешь ты всѣхъ, къ Тебѣ прибѣгающихъ». Окончивъ молитву поднялъ руки къ небу и предалъ душу свою въ руки Божіи, присоединился къ своимъ отцу и дѣду и отдалъ общій долгъ, неизбѣжный для всякаго родившагося. На разсвѣтѣ въ пятницу скончался благовѣрный, христолюбивый, великій князь Владиміръ, сынъ Василька, внукъ Романа; княжилъ онъ послѣ отца двадцать лѣтъ. Умеръ онъ въ городѣ Любомлѣ въ 1288 году, 10 декабря, когда празднуется память Св. отца Мины. Княгиня и придворные служители омыли тѣло князя, покрыли его бархатомъ съ кружевами, какъ прилично царямъ и, положивъ его на сани, повезли во Владиміръ Всѣ жители отъ маленькихъ до большихъ, мужчины, женщины и дѣти, съ сильнымъ плачемъ проводили своего господина. Привезли тѣло въ соборную церковь Святой Богородицы и такъ на саняхъ поставили его въ церкви, потому что было уже поздно. Въ тотъ же вечеръ по всему городу узнали что князь померъ; на другой день по окончаніи заутрени, пришли вдова князя, сестра его Ольга и княгиня Елена—онѣ были монахинями, проливая горькія слезы, собралось все населеніе города, всѣ бояре, старые и молодые, и всѣ оплакивали князя. Владимірскій епископъ Евстигнѣй, всѣ настоятели монастырей, Агапитъ, печерскій игуменъ, и священники всего города совершили надъ тѣломъ князя

обычный обрядъ отпѣванія, проводили его съ приличнымъ случаю пѣніемъ и благоуханными кадилами и положили тѣло Владиміра въ отцовскомъ гробѣ. Оплакивали князя жители Владиміра, вспоминая его къ себѣ ласку; въ особенности плакали по немъ его служители и слезами обливали свои лица. Они оказали ему послѣднюю службу и, убравъ его тѣло, положили въ гробъ въ субботу, декабря 11-го, въ день празднованія памяти Св. Даніила Столпника. Вдова Владиміра плакала не переставая; не отходила она отъ гроба; слезы лились у ней какъ вода; среди рыданій она говорила: «царь мой благой, кроткой, смиренный и справедливый. По достоинству получилъ ты во св. крещеніи имя Іоанна и всѣми добродѣтелями ты сдѣлался ему подобенъ: много досадъ принялъ ты отъ своихъ родныхъ, но не видала я никогда, чтобы ты, господинъ мой, платилъ имъ зломъ за зло, но ты оставлялъ все, возлагая надежду на Бога». Въ особенности же оплакивали князя лучшіе люди (граждане) города Владиміра; они говорили: «хорошо было бы намъ умереть съ тобою, господинъ: ты намъ предоставилъ такую же свободу, какъ и дѣдъ твой Романъ освободилъ насъ отъ всѣхъ обидъ; ты, господинъ, подражалъ его примѣру и шелъ по слѣдамъ своего дѣда. Теперь уже не можемъ видѣть тебя, господинъ; наше красное солнце зашло отъ насъ и мы всѣ остались въ обидѣ». Такъ оплакивали князя всѣ Владимірцы, мущины, женщины и дѣти, нѣмцы, сурожцы (?), новгородцы и жиды самые сдѣлали по немъ такой плачъ, какъ по взятіи Іерусалима, когда ихъ вели Вавилоняне въ плѣнъ; плакали и нищіе и калѣки, и монахи и монахини; покойный князь былъ милостивъ ко всѣмъ неимущимъ. Покойный князь Владиміръ былъ росту высокаго имѣлъ большія (широкія плеча, лицомъ былъ красивъ, волосы имѣлъ русые (желтые), курчавые, стригъ бороду; руки и ноги у него были красивы. Голосъ имѣлъ густой и губы толстыя; онъ ясно и отчетливо читалъ книги (Св. писанія), былъ великій философъ, ловкій охотникъ, храбрый, кроткій, смирный, незлопамятный, справедливый, не любостяжателенъ, не любилъ лжи, воровство ненавидѣлъ и упиваться не зналъ отъ рожденія. Онъ любилъ всѣхъ, въ особенности родныхъ; данную клятву соблюдалъ всегда строго, справедливо и безъ лицемѣрія. Полный страха Божія, усердно раздавалъ милостыню, снабжалъ монастыри, утѣшалъ монаховъ и всѣхъ настоятелей монастырей принималъ съ любовью, построилъ много монастырей. Богъ открылъ ему сердце и глаза на весь церковный строй и церковнослужительское сословіе; ума своего не

помрачалъ онъ пьянствомъ; онъ кормилъ монаховъ, монахинь и нищихъ: для лицъ всѣхъ сословій былъ какъ любящій отецъ; въ особенности же высказывалъ свою доброту милостынею. Онъ слышалъ, какъ Господь говорилъ: «если сдѣлаете для моей младшей братьи, то и для меня сдѣлаете». Еще Давидъ говоритъ: «блаженъ человѣкъ, который милуетъ и даетъ во весь день; надѣясь на Бога, не спотыкнется». Мужество и умъ мой въ немъ жили: правда и истина съ нимъ ходили и много всякихъ добродѣтелей въ немъ было; а гордости не имѣлъ онъ вовсе, такъ какъ гордость всего противнѣе и Богу и людямъ. Постоянно лицо его выражало смиреніе, сокрушался онъ сердцемъ, вздыхалъ изъ глубины сердца и слезы испускалъ изъ глазъ, подражая Давиду въ покаяніи, плакалъ о своихъ грѣхахъ; нетлѣнное полюбилъ онъ больше тлѣннаго и небесное больше временнаго, царство со святыми у Бога Вседержителя предпочиталъ скоропреходящему земному странствованію. И Господь удостоилъ тебя на небесахъ быть участникомъ почести за твою добрую вѣру, какую ты имѣлъ при жизни. Вѣрная свидѣтельница твоего благочестія святая церковь Богородицы Маріи, которую построилъ прадѣдъ твой на православномъ фундаментѣ, гдѣ почиваетъ и твое мужественное тѣло, дожидаясь трубы архангела. Вѣрный вполнѣ свидѣтель и братъ твой Мстиславъ, котораго Господь сдѣлалъ по тебѣ наслѣдникомъ твоего величія; онъ не нарушаетъ установленнаго тобою, но болѣе упрочиваетъ; не уменьшаетъ того, что дало твое благочестіе, но еще увеличиваетъ; не казнитъ, но устрояетъ. Доводитъ до конца недовершенное тобою, какъ Соломонъ—дѣло Давида, построивъ своею мудростью святой и великій домъ Божій, на святыню и очищеніе твоемугороду и украсилъ ты его всякаго рода красотою, золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными каменьями и хорошими сосудами; церковь эта слыветъ за чудо во всѣхъ окрестныхъ странахъ и такой нѣтъ по всему сѣверному краю отъ востока и до запада. Ты и твой славный городъ Владиміръ, величіемъ, какъ вѣнцомъ, обложенный, отдалъ со всѣми жителями святой, преславной и скорой на помощь христіанамъ Святой Богородицѣ.—Встань отъ твоего гроба, заслуживающая чести голова, встань, отряси сонъ. Ты не умеръ, но спишь до общаго воскресенія. Встань, ты не умеръ, умереть тебѣ не слѣдуетъ,—тебѣ, вѣровавшему въ Христа, подающаго жизнь всему міру. Отряси сонъ, открой глаза, чтобы видѣть, какой чести удостоилъ тебя тамъ Господь и на землѣ оставилъ тебя не безъ памяти въ твоемъ братѣ Мстиславѣ. Встань, посмотри на брата

твоего, украшающаго престолъ твоей земли. При томъ взгляни и на благовѣрную твою княгиню, какъ твердо сохраняетъ она вѣру по твоему преданію, какъ чтитъ твое имя. Увѣренъ я, что если не тѣломъ, но духомъ показываетъ тебѣ Господь все это и то, что твой вѣрный посѣвъ не изсушенъ зноемъ невѣрія, но дождемъ Божіяго благоволенія принесъ обильный плодъ. Радуйся насъ учитель и наставникъ доброй вѣры; ты облеченъ былъ правдою, опоясанъ крѣпостью, украшенъ милостынею какъ золотымъ, драгоцѣннымъ ожерельемъ, истиною обвитъ, смысломъ увѣнчанъ. Ты, достойная уваженія, голова, былъ для обнаженныхъ—одеждою, голодпымъ пищею и жаждущимъ—прохладное питье, вдовицамъ—помощникъ, странникамъ успокоеніе, неимѣющимъ защиты—покровъ, находящимся въ обидѣ—заступникъ, бѣдпымъ—обогащеніе, путешественникамъ—пріютъ. По своимъ добрымъ дѣламъ принимаешь ты на небесахъ все хорошее, что Богъ приготовилъ любящимъ Отца, Сына и Святаго Духа.

Когда этотъ правовѣрный князь Владиміръ, названный въ св. крещеніи Іоанномъ, сынъ Васильковъ, положенъ въ гробѣ, тѣло его лежало не замазаннымъ отъ 11 декабря до 6-го апрѣля. Княгиня, вдова Владиміра, не могла удержаться, но пришла съ епископомъ Евстигнѣемъ и со всѣмъ клиросомъ и, открывъ гробъ, увидали, что тѣло князя невредимо и бѣло и изъ гроба выходилъ прекрасный запахъ, какъ бы отъ драгоцѣнныхъ ароматовъ. Видя такое чудо, прославили они Бога, а гробъ князя замазали апрѣля 6-го въ середу на страстной недѣлѣ.

Князь Владиміръ во время своего княженія послѣ отца своего построилъ много городовъ, а именно Брестъ и за Брестомъ выстроилъ на пустомъ мѣстѣ, называемомъ Лестня, и назвалъ его Каменцомъ, потому что земля была каменистая. Построилъ онъ тамъ каменную башню вышиною 17 саженей, и всѣ дивились смотря на нее. Построилъ церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и украсилъ ее золотыми иконами и сосуды велѣлъ слить для службы серебряные и евангеліе *апракосъ* окованное серебромъ, апостолъ *апракосъ*, паремін, и тутъ же положилъ сборникъ своего отца и крестъ воздвизальный. Также въ Бѣльскѣ снабдилъ церковь иконами и книгами. Въ городѣ Владимірѣ, по его приказанію, росписана живописью вся церковь св. Дмитрія, слиты туда серебряные сосуды служебные, на образъ Пречистой Богородицы сдѣлана серебряная риза съ драгоцѣнными каменьями, занавѣсы золотомъ шитые, а другіе бархатные, вышитые и вообще эта ико-

на украшена самимъ лучшимъ образомъ. Въ соборной церквѣ св. Богородицы сдѣлалъ на образъ Спасителя серебряную ризу, велѣлъ списать евангеліе, списокъ подарилъ храму св. Богородицы а также пожертвовалъ туда списокъ апостола апракосъ, служебные сосуды литые золотые съ драгоцѣнными каменьями, на образъ Спасителя сдѣлалъ золотую ризу съ драгоцѣнными каменьями и поставилъ въ храмѣ Богородицы на вѣчную о себѣ память. Въ свой монастырь свв. апостоловъ подарилъ евангеліе апракосъ, самъ списалъ апостолъ, тамъ же положилъ большой сборникъ своего отца, пожертвовалъ воздвизальный крестъ и молитвенникъ. Въ соборную Перемышльскую церковь подарилъ евангеліе апракосъ, окованное въ серебро съ жемчугомъ и списалъ его самъ. Въ Черниговъ въ соборную церковь послалъ евангеліе апракосъ, писанное золотомъ, окованное серебромъ и жемчугомъ, а посерединѣ образъ Спаса финифтью; въ соборную Луцкую церковь подарилъ большой позолоченый серебряный, крестъ съ кускомъ животворящаго дерева. Построилъ много церквей; такъ въ Любомли поставилъ каменную церковь святаго великомученика Христова Георгія, украсилъ ее иконами въ кованныхъ ризахъ, велѣлъ слить, серебряные служебные сосуды, подарилъ бархатные покровы шитые золотомъ съ жемчугомъ, *херувима* и *серафима*, *индитію* всю шитую золотомъ, а другую изъ хорошей парчи; въ малый алтарь также хорошіе парчевыя *индитіи*. Сдѣлалъ списокъ евангелія *апракосъ*, оковалъ его все золотомъ съ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ и *деисусъ* на немъ кованный золотой, большія украшенія изъ финифти, чудные на видъ; другое евангеліе *апракосъ* позолочено *оловиромъ* (?), положилъ на него украшеніе изъ финифти, изображающее свв. Бориса и Глѣба, апостолъ апракосъ, списалъ прологи двѣнадцати мѣсяцевъ, въ которыхъ изложены житія свв. отцовъ и дѣянія свв. мучениковъ, какъ они вѣнчались своею кровью за Христа, списалъ 12 миней, тріодь, октоихъ, іермолой, переписалъ служебникъ св. Георгію, вечерпія и утреннія молитвы, кромѣ молитвенника, а молитвенникъ купилъ у вдовы протопопа, заплатилъ за него восемь гривенъ деньгами и подарилъ въ церковь св. Георгія: туда же пожертвовалъ двѣ кадильницы — одну серебряную, а другую мѣдную, и воздвизальный крестъ. Велѣлъ нарисовать на золотѣ мѣстную икону св. Георгія, надѣлъ на нее золотое ожерелье съ жемчугомъ; другой образъ мѣстный велѣлъ написать св. Богородицы также на золотѣ и надѣлъ на него золотое ожерелье съ драгоцѣнными ка-

меньями, слилъ мѣдныя двери. Началъ было онъ ее—церковь—расписывать и расписалъ всѣ три алтаря и куполъ весь былъ разрисованъ, но не окончено дѣло потому, что помѣшала болѣзнь. Велѣлъ слить и колокола удивительные для слышанія, какихъ не бывало до тѣхъ поръ во всей землѣ. Въ Брестѣ выстроилъ каменную башню, вышиною съ Каменецкую, построилъ церковь св. Петра, подарилъ туда евангеліе апракосъ окованное серебромъ велѣлъ сдѣлать кованые серебряные сосуды, пожертвовалъ серебряную кадильницу и воздвизальный крестъ. Много и другихъ добрыхъ дѣлъ совершилъ при жизни и слухъ о нихъ прошелъ по всѣмъ землямъ. Тѣмъ и окончимъ разсказъ о княженіи Владиміра.

1289 годъ.

Начало княженія великаго князя Мстислава во Владимірѣ. Князь Мстиславъ не поспѣлъ на погребеніе тѣла своего брата Владиміра, но пріѣхалъ послѣ съ своими боярами и слугами отправился въ соборную церковъ св. Богородицы, гдѣ положенъ былъ братъ его Владиміръ, и горько плакалъ надъ его гробомъ, какъ по отцѣ своемъ королѣ. Покончивъ плакать, сталъ посылать гарнизоны по всѣмъ городамъ. Хотѣлъ онъ послать въ Брестъ, Каменецъ и Бѣльскъ и получилъ извѣстіе, что вооруженный отрядъ Юрія уже занялъ Брестъ, Каменецъ и Бѣльскъ. Жители Бреста составили злой умыселъ. Когда князь Владиміръ былъ еще боленъ, они поѣхали къ князю Юрію и дали клятву цалованіемъ креста, говоря: «какъ только умретъ твой дядя, то мы твои и городъ твой, а ты намъ князь». Когда Владиміръ скончался и Юрій услыхалъ извѣстіе о своемъ дядѣ, что онъ умеръ, то поѣхалъ въ Брестъ и началъ княжить въ немъ по совѣту своихъ безразсудныхъ молодыхъ бояръ и злоумышлявшихъ жителей Бреста. Мстиславу сказали его бояре и покойнаго брата: «господинъ племянникъ твой сдѣлалъ тебѣ большое оскорбленіе; тебѣ тѣ города отдали Богъ, твой братъ и молитва твоихъ дѣда и отца, а мы, господинъ нашъ, и дѣти наши можемъ за тебя сложить наши головы; пойди займи сначала его (Юрія) города Бельзъ и Червенъ, а потомъ пойдешь къ Бресту» Князь Мстиславъ былъ добросердеченъ и сказалъ своимъ боярамъ: «не дай мнѣ Богъ сдѣлать то, чтобы проливать кровь невинныхъ; но я все исполню милостью Бога и благословеніемъ брата моего Владиміра». Онъ отправилъ къ племянникуословъ сказать: «племянникъ, еслибы ты не былъ на томъ походѣ и не слыхалъ бы, но ты самъ все хорошо слышалъ

и слышали также отецъ твой и все войско, что братъ мой Владиміръ отдалъ мнѣ всю свою землю и города по своей смерти, при царяхъ и ихъ намѣстникахъ, и вамъ сказалъ и я вамъ давалъ о томъ знать. Если ты хотѣлъ имѣть притязанія на эти города, то почему же не объяснился ты со мною тогда при царяхъ? А скажи мнѣ, самовольно ли ты занялъ Брестъ, или по приказанію отца твоего чтобы мнѣ извѣстно было, и не на мнѣ будетъ та кровь, но на виновномъ.—За дѣло правое будутъ помощниками Богъ и честной крестъ. Я хочу прибѣгнуть къ Татарамъ, а ты пожалуй оставайся въ моихъ городахъ: если добровольно не уйдешь, то неволею все же поѣдешь—оттуда».—Потомъ Мстиславъ послалъ къ своему брату Льву своего епископа Владимірскаго сказать: «жалуюсь Богу и тебѣ, потому что ты послѣ Бога мнѣ старшій братъ. Скажи мнѣ, братъ, искренно—самовольно ли сынъ твой занялъ Брестъ или по твоему повелѣнію. Если онъ это сдѣлалъ съ твоего вѣдома, то, не скрывая, сообщаю тебѣ, братъ, послалъ я привесть Татаръ, да и самъ готовлюсь, и пусть Богъ разсудитъ меня съ тобою и твоимъ сыномъ, и та кровь будетъ не на мнѣ, но на виноватомъ и на томъ, кто не справедливо поступилъ». Левъ сильно испугался того; помнилъ онъ еще хорошо послѣдствія Телебугина похода; онъ далъ такой отвѣтъ епископу своего брата: «скажи Мстиславу: сынъ мой поступилъ такъ безъ моего вѣдома,— то извѣстно Богу,—но сдѣлалъ то по молодости, незрѣлости своего ума: объ этомъ не безпокойся, братъ мой, я посылаю къ нему чтобы онъ уѣхалъ вонъ изъ города». Епископъ пріѣхалъ къ Мстиславу и передалъ ему слова Льва; Мстиславу они были очень пріятны. Мстиславъ поспѣшно послалъ гонца вслѣдъ за Юріемъ княземъ Пороскимъ, съ приказаніемъ воротить его назадъ, а онъ послалъ было его за Татарами привесть ихъ противъ племянника. Въ то время князь Юрій Пороссвій находился на службѣ Мстислава какъ прежде брата его Владиміра. Услыхавъ объ этомъ, князь Левъ послалъ Семена Дядьковича къ сыну своему Юрію сказать: «ступай вонъ изъ города, не губи земли. Мстиславъ послалъ за Татарами; а если ты не очистишь городовъ, то я буду помогать моему брату Мстиславу противъ тебя, да и когда умру, то всѣ свои владѣнія, если ты меня ослушаешься, отдамъ брату Мстиславу». Когда Семенъ поѣхалъ къ Юрію, то Мстиславъ послалъ съ нимъ Павла Деонисовича; тотъ ѣздилъ ко Льву и зналъ все, что тотъ говорилъ; съ нимъ послалъ и своего духовника и приказалъ Павлу: «если мой племянникъ уѣдетъ, то приготовь для меня и

тамъ и въ Каменцѣ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ». Семенъ пріѣхалъ къ Юрію и передалъ ему слова отца, и на другой день Юрій поѣхалъ вонъ изъ города съ великимъ стыдомъ, ограбивъ всѣ дома своего дяди, и изъ нихъ не осталось камня на камнѣ въ Брестѣ, Каменцѣ и Бѣльскѣ. Павелъ сказалъ Мстиславу: «племянникъ уже выѣхалъ, а ты, господинъ, пріѣзжай въ свой городъ».—Мстиславъ поѣхалъ въ Брестъ, и когда приближался къ городу, то встрѣтили его всѣ жители города и малые и большіе съ крестами и съ великою радостью приняли его, своего господина. Тѣ изъ жителей Бреста, которые были во главѣ злаго умысла передать городъ Юрію Львовичу, бѣжали за Юріемъ до Дорогичина, потому что онъ далъ клятвенное обѣщаніе не выдавать ихъ дядѣ Мстиславу. Мстиславъ, пробывъ немного дней въ Брестѣ, поѣхалъ въ Каменецъ и Бѣльскъ, и всѣ жители были очень ему рады. Увѣрясь въ ихъ преданности, Мстиславъ оставилъ вооруженные отряды въ Бѣльскѣ и Каменцѣ, пріѣхалъ въ Брестъ и сказалъ своимъ боярамъ: «существуетъ ли здѣсь сборъ на охотниковъ»?—Тѣ отвѣчали: «нѣтъ и никогда не было».—Тогда Мстиславъ сказалъ: «а теперь я устанавливаю съ жителей Бреста за ихъ измѣну сборъ на охотниковъ, а не хочу видѣть пролитія ихъ крови».—Онъ велѣлъ своему писарю писать грамоту такого содержанія: «Я, Мстиславъ сынъ короля Даніила, внукъ Романа, устанавливаю съ жителей Бреста за ихъ измѣну сборъ на охотниковъ на вѣчное время: съ сотни по два *лукна* меду, по двѣ овцы, по пятнадцати десятковъ льну, по сту хлѣбовъ, по пяти *цебровъ* овса, по пяти *цебровъ* ржи и по 20 куръ, по стольку съ каждой сотни, а съ гражданъ четыре гривны деньгами: а кто нарушитъ мое слово, тотъ будетъ отвѣчать мнѣ передъ Богомъ. Измѣну жителей Бреста велѣлъ записать въ лѣтописецъ». Князь Мстиславъ сѣлъ на престолъ брата своего Владиміра на самый первый день Свѣтлаго праздника апрѣля 10-го, и началъ княжить послѣ своего брата, отличаясь справедливостью въ отношеніяхъ къ роднымъ, боярамъ и простымъ гражданамъ. Большая радость была тогда всѣмъ: и праздникъ свѣтлый Воскресенія Господня, и воцареніе князя. Мстиславъ жилъ въ мирѣ съ сосѣдними странами, съ Полякаки, Нѣмцами и Литвою, и владѣлъ обширными землями въ одну сторону до Татарскихъ, а во другія до Польши и Литвы. Въ это время Литовскій князь Будикидъ и братъ его Будивидъ отдалъ князю Мстиславу свой городъ Волковыйскъ, для того чтобы онъ (Мстиславъ) находился съ нимъ въ мирѣ; оставилъ онъ

(Мстиславъ, вооруженный отрядъ (гарнизонъ, въ Брестѣ и поѣхалъ во Владиміръ, а когда онъ туда пріѣхалъ, то съѣхались къ нему въ большомъ числѣ его бояре и старшіе и младшіе. Въ то время пріѣхалъ къ Мстиславу и князь Кондратъ Сомовитовичъ просить помощи противъ Поляковъ, чтобы добыть себя княженіе Судимірское. Мстиславъ обѣщалъ ему, далъ подарки Кондрату и всѣмъ его боярамъ и отпустилъ, сказавъ: «ступай домой, а я вслѣдъ за тобою пошлю мое войско». Кондратъ поѣхалъ; Мстиславъ собралъ войско и послалъ его, назначивъ предводителемъ Чюдина. Такимъ образомъ князь Кондратъ завладѣлъ Судомиромъ при помощи князя Мстислава, сына короля Данінла.

1290 годъ.

Послѣ смерти Лестка въ Краковѣ сталъ княжить Болеславъ Сомовитовичъ, братъ Кондрата; но пришелъ Индрихъ (Генрихъ) князь Вратиславскій, и, желая самъ княжить, выгналъ Болеслава; а тотъ, собравъ войско и пригласивъ братьевъ, Кондрата и Локотка, пошли на Индриха къ Кракову. Индрихъ не сталъ и дожидаться ихъ прихода, но уѣхалъ въ Вратиславль, а въ Краковѣ оставилъ гарнизонъ Нѣмцевъ, лучшихъ людей своихъ: обѣщалъ онъ имъ большіе подарки и много земли, и самихъ обязалъ клятвою городъ не сдавать Болеславу. Они цѣловали крестъ, говоря: «головы наши положимъ за тебя, а города Болеславу не отдадимъ». Индрихъ оставилъ имъ большой запасъ съѣстнаго. Болеславъ пришелъ съ братьями и занялъ городъ, но крѣпостью нельзя было завладѣть отъ непріятеля, который отбивался крѣпко разными орудіями и метательными снарядами, такъ что къ крѣпости и приступить было невозможно. Остановились около крѣпости, грабя села; разъ даже поѣхали за припасами далеко отъ города. Жители не хотѣли сражаться за Болеслава съ сидѣвшими въ крѣпости; они говорили: «кто займетъ Краковъ, тотъ и будетъ нашимъ княземъ». Простояли около крѣпости цѣлое лѣто, сражались, но ничего сдѣлать не могли.

1291 годъ.

Князь Левъ, братъ Мстислава, сынъ короля, внукъ Романа, пошелъ самъ на помощь Болеславу. Когда онъ пришелъ къ Кракову, то Болеславъ очень ему обрадовался, а также и Кондратъ, и Локотко обрадовались какъ отцу своему, потому что Левъ былъ князь умный, храбрый и смѣлый на войнѣ и во многихъ похо-

дахъ доказалъ онъ свое мужество. Левъ сталъ ѣздить около города, разсматривая, откуда бы лучше и удобнѣе его взять, и стараясь запугать гражданъ; но ни съ какой стороны не представлялось возможности, потому что весь городъ былъ изъ камня и сильно укрѣпленъ разными метательными орудіями, кругомъ поворачивающимися, и большими и малыми. Левъ удалился въ свой лагерь; на другой день всталъ и съ восходомъ солнца пошелъ къ Тынцу; тамъ произошло упорное сраженіе, чуть было городъ не взяли; много изъ защитниковъ города были побиты, другіе ранены, а осаждающіе всѣ были цѣлы и невредимы. Левъ подошелъ снова къ Кракову и велѣлъ воинамъ своимъ готовиться, намѣреваясь идти сражаться къ городу; то же приказалъ онъ Полякамъ; всѣ пошли, приступили къ стѣнамъ и сражались тѣ и другіе очень храбро. Въ то время князь Левъ получилъ извѣстіе, что на него идетъ большое войско; онъ велѣлъ прекратить бой и началъ готовить свои полки, а Болеславъ и Кондратъ свои полки: послали передовой отрядъ разсмотрѣть непріятеля и ничего не было, а полководцы польскіе только стращали ихъ, чтобы не брали города. Левъ видѣлъ ихъ обманъ и, послѣ продолжительнаго совѣта съ своими боярами, послалъ свое войско къ Воротиславу опустошать земли Индриха; захватили тамъ множество рабовъ, скота, лошадей и имущества, такъ какъ ни одно еще непріятельское войско не проникало столь далеко въ глубь земель Индриха. Вернулись къ князю Льву съ великою честью и множествомъ добычи; тотъ очень радъ былъ, что добычи много, а воины его пришли всѣ цѣлы и невредимы. Въ это же время Левъ поѣхалъ въ Чехію (Богемію) на свиданіе къ королю, такъ какъ онъ съ нимъ находился въ самыхъ лучшихъ дружественныхъ отношеніяхъ: онъ съ нимъ заключилъ миръ по конецъ своей жизни. Король осыпалъ Льва цѣнными подарками и такъ отпустилъ его съ большою честію. Онъ пріѣхалъ къ своимъ полкамъ, и его бояре и служители обрадовались, увидавъ своего господина. У города Кракова не имѣли никакого успѣха, а Левъ пошелъ домой съ большою честью, захвативъ несмѣтное множество добычи, рабовъ, скота, лошадей и имущества всякаго рода. Въ этомъ же году внушилъ Богъ Мстиславу добрую мысль: онъ построилъ каменный памятникъ надъ гробомъ своей бабушки, жены Романа, въ монастырѣ.... освятилъ его во имя Іоакима и Анны и устроилъ тамъ божественное служеніе. Въ этомъ же году, въ городѣ Чарторыйскѣ заложилъ каменную башню.

1292 годъ.

Скончался пинскій князь Юрій, сынъ Владиміра; онъ былъ человѣкъ кроткій, смирный и справедливый. Оплакали его жена, сыновья, братъ его князь Демидъ и всѣ граждане проливали по немъ горькія слезы. Въ эту же зиму скончался князь степаньскій Иванъ, сынъ Глѣба, и его оплакивали всѣ жители, и большіе и малые. На его мѣстѣ сталъ княжить сынъ его Владиміръ. *)

Въ этомъ же году Кумане, они же Половцы, убили венгерскаго короля Володислава.

1299 годъ.

Князь литовскій Витенъ сжегъ городъ Ленчицу въ Польшѣ.

1300 годъ.

Рускіе князья, Левъ и Мстиславъ Даниловичи, вмѣстѣ съ другими князьями, услыхавъ о междуусобной въ Польшѣ войнѣ между Вацлавомъ, чешскимъ королемъ, и Владиславомъ Локоткомъ, вошли въ Сендомирскую область, надѣлали тамъ много вреда, захватили значительную добычу и возвратились всѣ невредимы.

1301 годъ.

Поляки отняли у Рускихъ городъ Люблинъ, а находился онъ подъ властью Руси 57 лѣтъ.

Крестоносцы прускіе взяли и разорили Данцигъ.

1305 годъ.

Въ Литвѣ, въ Новгородкѣ и Корновѣ, сталъ княжить Гедеминъ Витуновичъ; тѣснилъ онъ сильно Рускихъ войною. Еще ранѣе этого Поляки сами убили Премысла, короля польскаго, пьянаго, въ городѣ Рогозномъ. Убійцы были польскіе бояре Палецъ и Заремба. Богъ отмстилъ ему за то, что онъ прежде удавилъ жену свою Лукерью для другой, которая просила его, чтобъ онъ хоть въ одной рубашкѣ пустилъ ее въ домъ; она была изъ рода князей сербскихъ, изъ земли Кашубовъ, съ Варезскаго морскаго берега, изъ Старгорода за Данцигомъ. По смерти Премысла, Поляки выбрали чешскаго короля Вацлава себѣ королемъ, потому что у Премысла сына не было. Владислава Локетка взять себѣ королемъ не захотѣли, такъ какъ Локетко много зла имъ сдѣлалъ, то

*) *Прим.* Тутъ оканчиваются списки Волынской лѣтописи, Ипатьевскій и Хлѣбниковскій.

они выгнали его изъ своей земли, и онъ отправился въ Римъ жаловаться на Поляковъ папѣ, и тотъ ихъ проклялъ. По смерти Вацлава, избрали его государемъ. У него былъ сынъ Казиміръ, котораго онъ женилъ на дочери Гедемина, литовскаго князя, язычницѣ, но крещеной. Литовцы, въ видѣ свадебнаго подарка, много отпустили плѣнныхъ Поляковъ, такъ какъ до того Литва и Самогиты много вреда надѣлали Полякамъ, цѣлыми полками брали въ плѣнъ Поляковъ и Мазуровъ, такъ что Поляки продавались въ Литвѣ и Бѣлой Руси за гривну или десять литовскихъ грошей, а Литовцы сами между собою мѣняли ихъ на лошадей и воловъ. При крещеніи Гедеминовой дочери дано имя Анна. При этомъ Локеткѣ былъ въ Польшѣ сильный голодъ по всѣмъ областямъ — такой, что матери ѣли своихъ дѣтей и маленькихъ невольницъ. Прусы и Мазовшане съ своимъ княземъ Ванкомъ опустошили Польшу до Куявы.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	стран.
Отъ Издателя	III
О значеніи Русской лѣтописи	IX
О феодализмѣ на Руси	XCII
Лаврентьевская лѣтопись — лѣтопись Нестора	1
Ипатьевская лѣтопись	172
Волынская лѣтопись	394

2007110041